

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

—
1859.

ПЕЧАТАТЬ ВОЗВОДИТСЯ

с тем, чтобы по окончании представления было на Центральной Комиссии
указано число экземпляров. Москва, 17-го сентября 1950 года.

Доктор М. Галарин-Матвеев.

АРИСТОКРАТІЯ И ИНТЕРЕСЫ ДВОРЯНСТВА

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ ПО ПОВОДУ КРЕСТЬЯНСКАГО ВОПРОСА

Статья третья (1).

Мы рассматривали до сихъ поръ вопросъ о равенствѣ и неравенствѣ въ человѣческихъ обществахъ и различныя явленія жизни, съ нимъ связанныя, совершенно независимо отъ тѣхъ вліяній, какія могутъ имѣть на развитіе общества государственная власть и законодательство. Исключительно сосредоточивъ наше вниманіе на изученіи нѣкоторыхъ естественныхъ законовъ общественной жизни, мы старались забыть о *законахъ*, которые воля людей *предписываетъ* обществу. Но тотъ процессъ естественнаго развитія неравенства въ человѣческихъ обществахъ и естественнаго противодѣйствія ему, на который мы старались указать въ предыдущей статьѣ, нигдѣ не совершается во всей своей естественной простотѣ и свободѣ; онъ постоянно, какъ мы вездѣ видимъ вокругъ насъ, въ той или другой степени, нарушается положительнымъ законодательствомъ государствъ и только по непреложности своей силы пробивается наружу сквозь препятствія, поставленныя исторіей свободному развитію народнаго благосостоянія.

(1) См. *Русскій Вѣстникъ*, № 11.

Окончательный результатъ всѣхъ нашихъ изслѣдованій и разсужденій заключаея, если не ошибаемся, во первыхъ, въ томъ, что свободное развитіе общества, успѣхи народа на поприщѣ умственной и промышленной дѣятельности образуютъ сами собою ту общественную группу, которую мы назвали естественною аристократіей, то-есть собственно ту группу людей, которую, на общеупотребительномъ языкѣ, всѣ привыкли (правильно или неправильно) называть *высшими классами общества*. И во вторыхъ, мы нашли, что тѣ же самые успѣхи народнаго благосостоянія сами собою противодействуютъ исключительному преобладанію этой общественной группы и постепенно приобщаютъ къ ней большую массу народонаселенія, такъ-называемые *низшіе классы*. Затѣмъ мы отмѣтили многія естественныя преимущества общественнаго положенія, которыми въ средѣ этой группы пользуется землевладельческій классъ народа. Но мы знаемъ, что законодательства нѣкоторыхъ государствъ и умы различныхъ политическихъ мыслителей не довольствуются ни этими естественными различіями людей, по ихъ воспитанію, богатству, общественному положенію и т. д., ни постепеннымъ естественнымъ ослабленіемъ этихъ различій, а напротивъ того стремятся поставить людей въ тѣ или другія, искусственно придуманныя отношенія, какъ напримѣръ сословныя, или ускорить насильственными мѣрами уравненіе общественныхъ преимуществъ, дать то или другое искусственное направленіе распредѣленію между людьми богатства, образованности и авторитета, насильственно осуществить въ государствѣ известный политическій и общественный идеалъ. Любопытно взглянуть, какія имѣютъ дѣйствительныя послѣдствія въ общественной жизни эти различныя попытки человѣческаго ума и государственной мудрости.

Въ этомъ отношеніи мы видимъ два другъ другу противоположныя направленія, которыми раздѣляются между собою всѣ политическія системы. Одно желаетъ закрѣпить общественное неравенство, сосредоточить всѣ общественныя преимущества въ известныхъ поставленныхъ закономъ границахъ, въ известныхъ классахъ общества, и стѣснить развитіе причинъ, противодействующихъ преобладанію этихъ преимуществъ. Другое направленіе желаетъ водворить общественное равенство, сгладить всѣ существующія между людьми преимущества и стѣснить причины, ихъ образующія. Одно направленіе создаетъ

или охраняетъ привилегіи и монополіи въ пользу извѣстныхъ классовъ, сословіи, корпорацій; другое создаетъ государственныя учрежденія для опеки народныхъ массъ, бюрократическую и полицейскую централизацію, вызываетъ нерѣдко самыя насильственные государственныя мѣры уравниенія (такъ-называемаго нивелированія) имуществъ и воспитанія людей. Въ дѣйствительности эти два противоположныя направленія не всегда проявляются во всей своей крайности и простотѣ, и имѣютъ безконечное множество оттѣнковъ, видоизмѣненій и взаимныхъ сплетеній.

Мы спѣшимъ теперь же оговориться: то или другое политическое направленіе никакъ не влечетъ за собою *безусловно* тѣ или другія внѣшнія формы государственнаго устройства; каждое изъ нихъ совмѣстимо съ весьма-различными формами государственной власти и высказывается гораздо болѣе въ *характеръ* власти и управленія, нежели въ формахъ, хотя безъ сомнѣнія не можетъ не оставить нѣкоторыхъ слѣдовъ и на формахъ.

I.

Какія же послѣдствія имѣетъ искусственное завладѣваніе преимуществами *рожденія, воспитанія, знанія, рода занятій, общественной среды*, закрѣпленіе этихъ преимуществъ путемъ государственной привилегіи за однимъ классомъ народа? Каковъ долженъ быть результатъ насильственнаго противодѣйствія постепенному и естественному распространенію всѣхъ этихъ благъ и преимуществъ въ массахъ народа? Повидимому, результатъ долженъ быть выгодный по крайней мѣрѣ для самихъ представителей аристократическаго начала въ обществѣ или для людей, получившихъ какія-либо преимущества воспитанія, богатства, общественнаго положенія, въ силу исторической жизни народа. Но посмотримъ, дѣйствительно ли это такъ. Возьмемъ на примѣръ *искусственное охраненіе чистоты крови или породы*, и мы увидимъ изъ опыта, что превосходство крови не поддерживается, а утрачивается вслѣдствіе стѣсненій, полагаемыхъ обстоятельствами или законами смѣшенію и обновленію крови. Именно помѣсь и счастливое сліяніе разныхъ человѣческихъ породъ и типовъ производитъ самыя благопріятныя, самыя аристократическія въ естественномъ смыслѣ человѣческія рожденія. Обособленіе родовъ постоянно истощало ихъ. А въ

этомъ непрерывномъ обмѣнѣ соковъ между всѣми классами общества нѣтъ никакой возможности для законодателя услѣдить самыя благопріятныя смѣшенія крови, какъ нѣтъ возможности услѣдить и самыя счастливыя для человѣка нравственныя случайности его рожденія. Искусственныя аристократическія прикрасы семейныхъ преданій тоже не въ силахъ охранить знатные роды, когда роды сами утратили свѣжесть и живительность аристократическаго преданія. Никакіе запыленные пергамены и никакіе наружные атрибуты благородства не въ силахъ поселить въ окружающемъ народонаселеніи уваженіе къ лицамъ, обладающимъ ими, если въ этихъ лицахъ уже давно застылъ духъ, когда-то воодушевлявшій ихъ предковъ; исхудалые представители такихъ тысячелѣтнихъ геральдическихъ соковокъ, обезцвѣненныхъ на вѣсахъ общественнаго мнѣнія новыхъ поколѣній, блѣднѣютъ подлѣ родовъ, сумѣвшихъ въ теченіи двухъ-трехъ поколѣній выставить людей честныхъ и уважаемыхъ въ обществѣ. Если же законодательство искусственными мѣрами отдастъ въ руки такихъ людей судьбы страны, то неспособные члены привилегированной аристократіи бросаютъ тѣнь на все сословіе, и вселяютъ къ нему сначала презрѣніе, а вскорѣ народную ненависть. Народная молва не знаетъ исторіи архивовъ, она знаетъ и помнитъ только исторію жизни, исторію дѣлъ; изъ памяти народной трудно изгладить воспоминаніе о любимыхъ именахъ, но точно также трудно навязать ей имена благодѣтелей, ей невѣдомыхъ; всѣ подобныя попытки насилія противъ народныхъ сочувствій и общественнаго мнѣнія только поселяютъ въ немъ нерасположеніе къ именамъ, которыя безъ того были бы предметомъ по крайней мѣрѣ равнодушія.

Не трудно было бы прослѣдить разрушительныя для аристократіи дѣйствія всякихъ *привилегій воспитанія, рода занятій и общественныхъ круговъ или союзовъ*. Всѣ эти виды сословной замкнутости и исключительности парализируютъ свободное развитіе высшихъ классовъ общества, ибо всѣ эти преимущества только тогда дѣлаются силою и превосходствомъ въ рукахъ своихъ обладателей, когда они именно не заперты въ неподвижныхъ группахъ: воспитаніе, когда оно открыто соприкосновенію всѣхъ классовъ; родъ занятій, когда онъ является слѣдствіемъ свободнаго избранія и личныхъ способностей; общественная среда, когда она представляется естественнымъ средоточіемъ представителей лучшихъ идей, движеній и влеченій общества. Такъ напримѣръ воспитаніе замкнутое и обеспечен-

ное привилегіями, въ частныхъ ли домахъ или въ публичныхъ заведеніяхъ, давало бы дѣтямъ и всему новому поколѣнію не превосходство, не силу, а напротивъ того преждевременно ослабляло бы ихъ, ставило бы въ подчиненное отношеніе къ поколѣнію, воспитанному въ атмосферѣ, открытой соприкосновенію и взаимодѣйствію элементовъ всѣхъ классовъ общества. Современное хорошее воспитаніе, дающее дѣйствительное аристократическое превосходство въ обществѣ, самымъ кореннымъ образомъ непріязненно всякому разобщенію сословій. Сыновья английской королевы безбоязненно отпускаются на линейный корабль, безбоязненно вдыхаютъ въ себя запахъ грубыхъ матросовъ, который будетъ для нихъ живительнѣе, придастъ ихъ воспитанію гораздо болѣе аристократичности, нежели приторный *parfum de la cour* какихъ-нибудь прародительскихъ замковъ. Лучшіе ароматы преданій этихъ замковъ должны соединяться съ лучшими ароматами свободной общественной жизни. Истинный аристократъ долженъ быть чуждъ грубымъ чувствамъ и выходкамъ грубаго быта, но никакъ не чуждъ дѣйствительнымъ, будничнымъ отношеніямъ народной жизни. Можно уважать матроса, не сочувствуя грубости его нравовъ; въ запертыхъ стѣнахъ замковъ молодые люди нерѣдко научались сочувствовать не меньшей грубости придворной лести и не уважать челоуѣка. Различіе воспитанія въ современномъ обществѣ обуславливается только спеціальностію занятій. Есть дѣйствительно и въ наше время одна спеціальность воспитанія, которая даетъ рѣшительное превосходство въ практической жизни, это—политическое воспитаніе; но эта спеціальность уже рѣшительно не можетъ быть приобрѣтена въ замкнутыхъ кругахъ, она составляетъ естественную принадлежность болѣе обезпеченныхъ и досужныхъ классовъ и семействъ, и единственный путь къ ней—широкое развитіе публичной и политической жизни въ странѣ, чему сословные предразсудки и сословное обособленіе ставятъ неодолимыя преграды.

Искусственныя аристократическія привилегіи относительно *богатствъ* или *имуществъ* заслуживаютъ особеннаго нашего вниманія; къ нимъ чувствуютъ какую-то особенную притягательную силу, какую-то особенную симпатію. нѣкоторыя высшія сословія даже нашего времени; необходимо уяснить для себя несостоятельность и этого воззрѣнія передъ понятіемъ истинной аристократіи, разсѣять и этотъ оптической обманъ ложнаго аристократическаго воззрѣнія.

Сословныя привилегіи или изъятія изъ общей системы гражданскаго и административнаго права въ пользу такъ-называемой рыцарской (въ Германіи) или дворянской поземельной собственности могутъ быть и бывають вообще двухъ родовъ: *экономическія*, и разныя *гражданскія* и *административныя* (полицейскія, судебныя и прочія такъ-называемыя *отчмнныя* права владѣльцевъ дворянской поземельной собственности).

Экономическія привилегіи, привязанныя къ поземельной собственности, могутъ заключаться въ освобожденіи дворянскихъ имѣній отъ податей, въ исключеніи прочихъ классовъ общества отъ права приобрѣтенія нѣкоторыхъ имѣній или вообще поземельной собственности, въ исключительныхъ правахъ владѣльцевъ привилегированныхъ имѣній на обложеніе жителей ихъ какими-либо сборами или повинностями (т.-е. сборами не въ силу свободно съ обѣихъ сторонъ заключеннаго на общемъ правѣ контракта, а въ силу *отчмннаго* права), какова на примѣръ барщина, разныя повинности въ пользу землевладѣльца со стороны жителей другихъ мѣстностей, на примѣръ за проѣздъ черезъ его имѣніе, за торговлю въ немъ и проч., наконецъ всѣ другія печальныя принадлежности или остатки отношеній крѣпостнаго состоянія. Несомнѣнно всѣ подобныя хозяйственныя и фискальныя привилегіи служатъ чрезвычайнымъ препятствіемъ для развитія промышленности и торговли въ странѣ: это доказалъ опытъ всѣхъ государствъ Европы, и это очевидно при самыхъ поверхностныхъ понятіяхъ объ условіяхъ, необходимыхъ для развитія народнаго хозяйства и благосостоянія. Между тѣмъ именно успѣхи торговли и промышленности, возрастаніе народонаселенія и народнаго богатства вокругъ крупныхъ поземельныхъ владѣній и въ нихъ самихъ сильно содѣйствуютъ увеличенію доходовъ отъ имѣній, и можно даже утверждать, что безъ этихъ необходимыхъ экономическихъ условій невозможно правильное и постоянное возрастаніе поземельнаго дохода собственника, или ренты, которая есть самое естественное послѣдствіе свободнаго и безпрепятственнаго развитія народнаго благосостоянія. Мы укажемъ опять на Англію; эта страна раньше и рѣшительнѣе всѣхъ европейскихъ государствъ упразднила всякія экономическія привилегіи поземельной собственности: открыла еще въ XIV столѣтіи право приобрѣтенія рыцарскихъ имѣній всѣмъ безъ изъятія подданнымъ, сравняла въ хозяйственномъ и фискальномъ отношеніи всѣ роды поземельной собственности, въ новѣйшее

время уничтожила последнюю привилегію поземельныхъ собственниковъ—таможенные пошлины на ввозъ иностраннаго хлѣба,—и нигдѣ, ни въ одной странѣ Европы, доходы отъ поземельной собственности не возрастаютъ какъ въ Англіи, и нигдѣ собственники не пользуются такими естественными экономическими преимуществами.

Но благородные представители сословныхъ притязаній, сословной крови и ложно понимаемыхъ историческихъ воспоминаній готовы отказаться отъ всякихъ хозяйственныхъ привилегій, пожертвовать изытіемъ изъ общей системы налоговъ, правомъ натуральныхъ повинностей крестьянъ, ненавистною для всѣхъ барщиной и т. д., они готовы принести на алтарь отечества нѣкоторыя матеріальныя жертвы, и ихъ смущаетъ лишь потеря административныхъ, полицейскихъ и судебныхъ привилегій, имъ улыбается болѣе всего такъ-называемая *отчинная власть помѣщика!*

Но всѣ виды *отчинной* власти помѣщика въ отношеніи къ людямъ, живущимъ на его землѣ: вотчинная полиція, вотчинный судъ (патримоніальный) и расправа и т. д., заключаются въ противоестественномъ смѣшеніи частнаго права собственности съ публичнымъ правомъ, смѣшеніи принадлежностей права на землю, на вещи, съ принадлежностями права на людей. Понятія о возможности и правомѣрности такого смѣшенія возникли у насъ въ Россіи какъ плодъ страшныхъ усилій страны къ объединенію государства и сохраненію его независимости; въ западно-европейскихъ обществахъ они составляютъ остатокъ феодальной системы, осуществившей, вслѣдствіе особенности западно-европейской исторіи, полное сліяніе частнаго и публичнаго права, и сдѣлавшей принадлежностями и разныя юридическія отношенія, возникающія изъ началъ публичнаго права, принадлежностями частнаго права собственности. Съ разложеніемъ феодальной системы область публичнаго права постепенно выдѣлялась изъ области частнаго права, и по понятіямъ государственнаго права новѣйшаго времени смѣшеніе въ одномъ фактѣ правъ частной собственности съ какими-либо правами публичной власти есть самое не правомѣрное, самое противоестественное смѣшеніе. Въ точномъ и послѣдовательномъ разграниченіи частнаго и общественнаго права заключается первое необходимое условіе развитія гражданственности и политической жизни.

Не вдаваясь здѣсь въ изложеніе коренныхъ началъ этихъ

двухъ сферъ права, мы скажемъ только, что государство можетъ съ величайшею для себя выгодною, и должно въ видахъ общественной пользы, воспользоваться авторитетомъ лица, выросшимъ на почвѣ частныхъ общественныхъ отношеній, нравственныхъ и экономическихъ, авторитетомъ и силою человѣка богатаго, образованнаго, благовоспитаннаго, для облеченія его въ авторитетъ государственный или правительственный, во власть полицейскую, судебную или административную, но пріобрѣтеніе этой власти не можетъ идти путемъ пріобрѣтенія частнаго права покупкою, дареніемъ, наслѣдствомъ и т. д., какъ совершается переходъ всякаго права частной собственности на вещи, и какъ именно совершается переходъ вотчинной власти. Способъ пріобрѣтенія публичной власти долженъ соответствовать общей установленной системѣ пріобрѣтенія публичныхъ должностей, по непосредственному ли назначенію отъ правительства или по общественному выбору, или по системѣ, смѣшанной изъ обоихъ началъ. Во всякомъ случаѣ источникомъ власти долженъ быть не частный произволъ и не частный контрактъ, а то или другое начало власти, положенное въ основаніе всей государственной системы. За тѣмъ пользованіе правами власти и исполненіе обязанностей ея должны подчиниться общему контролю и суду, оберегающимъ общество отъ насилія всякой поставленной власти, должны подчиниться наблюденію правительства, отдѣльныхъ лицъ или корпорацій, отъ которыхъ зависѣло самое назначеніе, всѣмъ существующимъ органамъ общественнаго мнѣнія и наконецъ болѣе всего гражданскому и уголовному суду. Никакая публичная власть не можетъ быть исключительно подчинена только нравственнымъ побужденіямъ собственной совѣсти лица, держащаго власть, Наконецъ пространство дѣйствія всякой публичной власти не можетъ обусловливаться пространствомъ дѣйствія частнаго права: фабрикою, вотчиною и т. д., то-есть границами какой бы то ни было частной собственности, границами, зависящими отъ вкуса, расположенія и произвола частнаго лица. Предметъ, на который дѣйствуетъ публичная власть, не есть вещь или неодушевленная природа, а общество людей, общественные интересы, сосредоточеніе которыхъ къ тому или другому центру не можетъ зависѣть отъ частнаго произвола одного человѣка, а должно зависѣть отъ всей совокупности движенія государственной и общественной жизни. Всякій органъ публичной власти есть одно звѣно въ общей системѣ управленія; онъ мо-

жесть имѣть силу и значеніе, только дѣйствуя въ связи со всѣми другими звеньями. Само собой разумѣется, что эта связь вовсе не нуждается въ какой-либо искусственной централизаціи и симметріи, которыя могутъ своею наружною правильностью заслонять самое крайнее внутреннее противорѣчіе и распаденіе отдѣльныхъ властей. Но эта связь необходимо требуетъ одного всепроникающаго начала, *общаго закона*, одного всеобщаго отношенія подданныхъ къ государственной власти, соединяющаго одинъ или нѣсколько народовъ въ одно цѣлое, въ государство.

Все, что мы сказали, нисколько не противорѣчитъ началу *самоуправленія*, такъ назойливо просящему себѣ мѣста въ государственной системѣ всѣхъ государствъ и съ такою силой вступившему въ сознаніе современныхъ образованныхъ обществъ. Упраздненіе *вотчинной власти* въ разныхъ ея видахъ не только не препятствуетъ системѣ *самоуправленія*, но оно даже совершенно необходимо для того, чтобъ эта система могла быть примѣнена съ успѣхомъ и безъ крайней опасности для государства. *Самоуправленіе* не есть *самоуправство*. Самоуправленіе подчиняется общему для всѣхъ подданныхъ закону и суду; оно основывается на взаимномъ соприкосновеніи всѣхъ мѣстныхъ интересовъ страны; оно не зависитъ неограниченно отъ личнаго произвола каждаго сильнаго человѣка, оно не основано исключительно на личныхъ его интересахъ, какъ *самоуправство*. Вотчинная же власть есть самоуправство и потому сама требуетъ бюрократическаго надзора за собою; она не только не способна быть органомъ самоуправления страны, но дѣлаетъ невозможнымъ самоуправленіе и вызываетъ преобладаніе бюрократіи. Съ другой стороны и вотчинникъ и бюрократъ могутъ быть одинаково самовластны и самоуправны, а всего труднѣе быть самовластнымъ и самоуправнымъ публичному органу самоуправления, то-есть авторитету, свободно выросшему на почвѣ частной жизни народа, возникшему изъ игры всѣхъ мѣстныхъ и дѣйствительныхъ интересовъ общества, и подчиненному этимъ интересамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ общей системѣ и отвѣтственности публичной власти. Если мы взглянемъ на Англію, гдѣ самоуправленіе достигло высшаго и самаго правильнаго развитія, то увидимъ, что именно тамъ, прежде всѣхъ другихъ странъ, были упразднены всѣ права вотчинной власти землевладѣльцевъ надъ населеніемъ ихъ помѣстьевъ; напротивъ того въ Пруссіи, какъ и во многихъ

земляхъ Германіи, притязанія законныхъ въ своихъ понятіяхъ дворянъ—юнкеровъ — на судъ и полицію въ своихъ имѣніяхъ чрезвычайно затруднили образованіе самоуправленія, несмотря на то, что къ нему весьма склоненъ духъ личной независимости германскаго народа. Привилегіи вотчинной власти, домашней полиціи и домашняго суда несовмѣстимы съ первыми непремѣнными условіями всякой системы самоуправленія; эта система именно имѣетъ своимъ основаніемъ не единицы частнаго владѣнія, а цѣлыя естественныя группы народонаселенія и земельныхъ владѣній, она возникаетъ именно не изъ личныхъ, случайныхъ, преходящихъ отношеній одного человѣка къ другому, а изъ взаимныхъ постоянныхъ отношеній всего мѣстнаго народонаселенія. Авторитетъ вотчинника основанъ на насильственной, искусственно навязанной зависимости отъ него нѣсколькихъ единицъ, десятковъ, или сотенъ семействъ, случайно живущихъ въ его имѣніи или подлѣ его имѣнія; авторитетъ землевладѣльца, облеченнаго въ публичную должность, основанъ на естественной обоудно-выгодной связи интересовъ всего мѣстнаго народонаселенія съ интересами всѣхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

Именно въ томъ коренномъ разладѣ, въ которомъ находятся всѣ права вотчинной власти, административныя, полицейскія и судебныя, съ необходимыми условіями самоуправленія, заключается первый и главный вредъ этихъ правъ для истинныхъ интересовъ самихъ высшихъ классовъ. Въ системѣ самоуправленія, которое рѣшительно не возможно при существованіи вотчинной полиціи, вотчинной расправы и вотчиннаго суда, въ исполненіи различныхъ должностей, связанныхъ съ этою системою, начиная съ мѣстныхъ административныхъ, полицейскихъ и судебныхъ, и восходя до высшихъ ступеней центральнаго государственнаго самоуправленія, находятъ образованные землевладѣльцы такое удовлетвореніе своимъ естественнымъ наклонностямъ и потребностямъ власти, вліянія и честолюбія, какого они никогда не могутъ найти въ тѣсныхъ предѣлахъ своихъ вотчинъ. Ограничиваясь пока мѣстнымъ или провинціальнымъ самоуправленіемъ, сравнимъ общественное положеніе и власть англійскаго мирового судьи съ положеніемъ и властію вотчинника, приводящаго въ трепетъ населеніе своего имѣнія или призывающаго на помощь своего гаснущаго авторитета скудныя силы мѣстныхъ чиновниковъ и полицейскихъ служителей. Первый творитъ судъ и правду, наблюдаетъ за

хозяйствомъ, владеть основаніе благотворительныхъ учрежденій цѣлой области, онъ опирается въ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ на силу землевладѣльческаго класса всей области, онъ почерпаетъ свои силы изъ той необходимой нравственной и экономической зависимости, въ которой находятся всѣ низшіе классы страны отъ высшихъ, то-есть образованныхъ и достаточныхъ ея классовъ; онъ найдетъ въ случаѣ надобности содѣйствіе и помощь въ общественномъ мнѣніи страны, въ лучшихъ представителяхъ ея умственныхъ и нравственныхъ потребностей, въ союзѣ всего земледѣльческаго населенія. Соблазнительна ли подлѣ такого землевладѣльца, облеченнаго въ публичную должность, вотчинная власть помѣщика? Можно безъ преувеличенія сказать, что она исключительно опирается на матеріальную силу или на болѣе или менѣе ловкія сдѣлки съ мѣстной бюрократіей. Она можетъ быть безпредѣльна лишь въ удовлетвореніи грубыхъ инстинктовъ самовластиа и жестокосердія, личныхъ порывовъ мести, досады и барской спѣси, но она совершенно немощна для доставленія своему обладателю уваженія сосѣдей и подвластныхъ ему людей и серьезнаго вліянія на вопросы и интересы мѣстности. Далѣе вотчинныя права разобщаютъ между собою землевладѣльцевъ, дробятъ ихъ по единицамъ владѣнія, и лишаютъ ихъ того единства, которое для нихъ совершенно необходимо, какъ для охраненія своихъ интересовъ, такъ и для успѣха всякихъ предпріятій совокупною силой. Этотъ недостатокъ единства чувствуется всегда въ сословіи вотчинниковъ; сами сознавая свою слабость, они тщетно ищутъ ея причинъ то въ тѣхъ, то въ другихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ; не обстоятельства, не случайности, не недостатокъ въ характерахъ и личностяхъ и не политическія условія быта всей страны лишаютъ ихъ силы и возможности дѣйствовать, въ случаѣ надобности, сообща и съ нужнымъ согласіемъ, а условія собственно ихъ быта, обветшалыя формы вотчинной власти, въ которыхъ заржавѣла вся ихъ энергія, и въ которыхъ спутаны всѣ ихъ начинанія. Вооруженные своими вотчинными правами, они сидятъ каждый въ предѣлахъ своего помѣстья и наслаждаются полнотою своей власти, питая совершенное равнодушіе къ общимъ дѣламъ своего собственного сословія; отталкивая отъ себя безсмысленною спѣсью лица другихъ сословій, а между собой соперничая хвастовствомъ и тщеславіемъ, они не могутъ найти никакой живой силы, которая бы соединила ихъ между собою и съ интересами остальнаго

нароdonаселенія. Между тѣмъ люди благовоспитанные и образованные изъ ихъ числа, безъ всякой подкладки вотчинной власти, нашли бы если не преданія прошедшаго, то идеи съ предчувствіями лучшаго будущаго, на которыя бы дружно отозвались лучшіе люди и въ ихъ собственной средѣ, и вокругъ нея. Наконецъ заботы вотчинной власти и суровыя обязанности, съ нею соединенныя, отвлекаютъ помѣщичій классъ отъ болѣе существенныхъ занятій по улучшенію ихъ хозяйства, сообразно современнымъ успѣхамъ земледѣлія, и нравственно развращаютъ и растлѣваютъ воспитаніе новыхъ поколѣній.

Такъ всѣ искусственныя привилегіи обращаются противъ самой аристократіи, противъ ея собственныхъ интересовъ.

Но независимо отъ частныхъ неудобствъ каждой отдѣльной искусственной привилегіи для интересовъ аристократіи, вся совокупность ихъ, весь характеръ искусственной правительственной привилегіи противоположенъ истинному аристократическому началу. Всякая искусственная привилегія, идущая наперекоръ условіямъ свободнаго развитія общества, не усиливаетъ аристократію, а ослабляетъ ее, ибо ставитъ ее въ положеніе зависимости, подчиненности, въ отношеніи къ рукѣ, давшей и поддерживающей привилегію. А сущность всѣхъ преимуществъ аристократіи заключается въ ея независимости. Въ независимости положенія вся выгода челоуѣка, пользующагося какимъ-нибудь преимуществомъ въ обществѣ. Независимость, сообщенная искусственною привилегіей, только кажущаяся; она дѣлаетъ независимымъ отъ окружающей общественной среды, но ставитъ въ зависимость отъ произвола администраціи, ея соображеній и надобностей. Эти соображенія и надобности чрезвычайно измѣнчивы, онѣ зависятъ отъ временныхъ и преходящихъ нуждъ государства и политики, отъ личныхъ болѣе или менѣе расположенныхъ къ аристократіи сочувствій государственныхъ людей. Зависимость отъ общественной среды, отъ преобладающихъ въ ней стремленій и сочувствій гораздо легче, ибо въ основаніи всѣхъ этихъ стремленій и сочувствій лежатъ общественные, нравственные и экономическіе интересы, которые постоянны, упорны, и посреди которыхъ образованная и богатая группа людей есть всегда сила.

Нѣтъ страны и народа, нѣтъ такого общественнаго слоя, какъ бы первоначально ни были мало развиты ихъ потребности и вкусъ, въ которыхъ было бы совершенное отсутствіе инстинктовъ къ усовершенствованію своего нравственнаго и матеріаль-

наго благосостоянія, а при малѣйшемъ ихъ пробужденіи, при малѣйшемъ обнаруженіи притягательной силы къ промышленнымъ предпріятіямъ, къ образованности и наукѣ, къ гражданской и политической самостоятельности, люди непремѣнно группируются около капитала, одушевленнаго нѣкоторою промышленною смѣлостію, около науки, стремящейся къ распространенію свѣдѣній полезныхъ въ жизни, около народной школы и около усовершенствованнаго хозяйства, около проповѣди, отводящей душу страждущихъ и обращающейся къ идеальнымъ порывамъ, не находящимъ себѣ удовлетворенія въ черствой дѣйствительности, наконецъ около искусства оградить слабого отъ насилія сильнаго, примирить распрю, устроить общественное дѣло, соединить въ правильное разумное движеніе волнующіяся страсти, безотчетные взрывы негодованія, разныя наклонности общественнаго мнѣнія, *около суда и расправы, около опытныхъ публичныхъ и политическихъ дѣятелей.* Но и фабрика, и школа, и образцовое хозяйство, и проповѣдь, и судъ, и публичный дѣятель, только тогда пріобрѣтаютъ силу и авторитетъ, когда всѣ они дѣйствуютъ единственно подъ вліяніемъ собственныхъ внутреннихъ побужденій, промышленной прибылї, вкуса къ агрономіи, любви къ знанію и образованности, религіознаго вѣрованія, голоса совѣсти и правды, политическаго убѣжденія, когда они сильны только силой капитала, земли, науки, религіи, справедливости, нравственной самостоятельности. Привилегированныя: фабрика, школа, хозяйство, проповѣдь, судебный приговоръ, политическая дѣятельность, не могутъ имѣть такой силы; ибо людей, имъ служащихъ, руководятъ не тѣ самыя побужденія, которыя общи всей окружающей средѣ; въ основаніи ихъ расчетовъ лежатъ не тѣ же самыя шансы успѣховъ, которые одинаково можетъ имѣть каждый изъ непривилегированныхъ; они *заподозрѣны* въ своей чистотѣ даже въ то время, когда, по счастливому стеченію обстоятельствъ, они совершенно чисты и передъ своею привилегіей и передъ своею совѣстію. Толпа всегда слишкомъ расположена перенести свое уваженіе съ лучшаго въ околоткѣ суконнаго товара на его производителя, самого фабриканта; толпа всегда слишкомъ расположена перенести свое уваженіе съ полей, не знающихъ неурожаевъ, съ пастбищъ, на которыхъ гуляетъ скоть необычайныхъ размѣровъ, на ихъ владѣльца; толпа всегда расположена, услыхавъ живую проповѣдь о любви къ ближнимъ и кротости, вѣрить въ присутствіе этой любви

и кротости въ самомъ проповѣдникѣ и чтить его; толпа всегда расположена слѣпо подчиниться человѣку, смѣло и сочувственно отозвавшемуся на ея порывы, бодро захватившему въ свои руки распоряженіе дѣломъ, для котораго нуженъ распорядитель; толпа даже расположена видѣть и въ ихъ дѣтяхъ, и въ ихъ близкихъ что-то особенное, что-то имѣющее право на власть и авторитетъ, и свято хранить въ своей памяти преданіе, соединяющее нѣсколько поколѣній около одного дѣла, около одной мысли. Но толпа также сильно расположена переносить свое неуваженіе къ привилегированному товару на самого фабриканта; злобно смотрѣть на обладателей полей, приобрѣтеніе которыхъ отмѣчено привилегіей, не довѣрять проповѣднику, когда онъ только одинъ можетъ проповѣдывать; быть равнодушною и насмѣшливою къ вишнимъ украшениямъ преданія, ей совершенно невѣдомаго, почерпнутаго изъ источниковъ, для нея не существующихъ. И это глумленіе, и это подозрѣніе, и это равнодушіе одинаково властвуютъ надъ соображеніемъ толпы, хотя бы привилегированному хозяину удалось произвести дѣйствительныя чудеса хозяйства; привилегированному публичному дѣятелю сотворить дѣйствительно доброе дѣло. Всѣ эти люди не независимы; они принадлежатъ не обществу, а своей привилегіи. Потому и своего авторитета, своего вліянія, своей власти они должны искать не у общества, а у своей привилегіи, у власти, поддерживающей привилегію, и раздѣлять скоротечную участь всѣхъ искусственныхъ привилегій.

II.

Отъ искусственныхъ попытокъ замкнуть аристократію мы переходимъ къ различнымъ политическимъ системамъ, стремящимся, путемъ различныхъ государственныхъ мѣръ и учрежденій, преградить неравномѣрное распредѣленіе благъ въ человѣческихъ обществахъ, такъ или иначе *устроить*, съ помощію закона, *равенство*. Мы взглянемъ на это направленіе только въ самыхъ общихъ чертахъ его характера, не вдаваясь въ частныя его проявленія и доктрины; для насъ достаточно выставить только *сущность* начала, которое принимало и принимаетъ самыя разнообразныя формы и переражается въ такія отрасли, которыя нерѣдко встрѣчаются между собою въ жизни, повидимому, какъ совершенно враждебныя направленія.

Искусственно-демократическое направленіе, взятое во всей

своей общности, стремится съ одной стороны стѣснить *орудіемъ государственной власти* пользованіе разными духовными и матеріальными преимуществами, выпавшими, въ историческомъ развитіи общества, на долю нѣкоторыхъ его группъ или членовъ, и, съ другой стороны, доставить *силою той же государственной власти* пользованіе этими преимуществами людямъ, еще не приобрѣтшимъ ихъ въ силу историческаго развитія, такъ-называемой массѣ народа, создать для нея государственннй фондъ матеріальнаго и духовнаго богатства, который бы не зависѣлъ отъ частнаго произвола, и изъ котораго она могла бы постоянно получать даровыя средства для своего благосостоянія. Таковы всѣ государственныя мѣры, запрещающія титулы или историческія семейныя воспоминанія и преданія; таковы таксы на разные предметы потребленія, устраняющія выгоды капитала и богатства и облегчающія приобрѣтеніе этихъ предметовъ для массы людей недостаточныхъ; таковы всякаго рода государственныя запасы на случай народныхъ нуждъ, государственныя мастерскія и работы, предпринимаемыя для того, чтобы занять людей, не имѣющихъ дѣла; таковъ прогрессивный налогъ, въ томъ случаѣ, когда онъ установленъ съ цѣлю противодѣйствовать возрастанію частныхъ богатствъ; таковы разныя государственныя учрежденія для публичнаго воспитанія, съ запрещеніемъ всякихъ частныхъ заведеній и способовъ преподаванія, съ цѣлю поставить даровое воспитаніе въ распоряженіе всего народа и противодѣйствовать преимуществамъ воспитанія, возникающимъ изъ неравенства богатства, семейныхъ обстоятельствъ, преданій и общественнаго положенія; таковы, въ видахъ устраненія сельскаго пролетаріата или батрачества, запрещенія раздроблять крестьянскую поземельную собственность ниже извѣстныхъ размѣровъ, *тіпѣтит* крестьянской собственности, обязательное надѣленіе всѣхъ членовъ сельскаго населенія землею и съ этою цѣлю, какъ необходимое послѣдствіе, сохраненіе извѣстнаго количества земли въ вѣчной собственности государства или казны, и проч. Мы не можемъ и не имѣемъ надобности исчислять всѣ государственныя учрежденія и мѣры съ искусственно-уравнивающимъ характеромъ, или всѣ формы, въ которыхъ онъ проявляется и пытается проявиться; мы указали только на самыя обыкновенныя. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ дѣйствительности бывали, и зараждались въ умахъ государственныхъ людей и мыслителей такіе смѣлыя, такіе рѣшительныя планы искусственнаго уравниенія,

которыхъ невѣжеству или чудовищности могутъ позавидовать и самыя смѣлыя попытки искусственной аристократіи. Общая цѣль всѣхъ такихъ государственныхъ мѣръ и учреждений — собрать около государственнаго центра запасъ богатства, кредита, образованности, и оттуда раздавать всѣ эти нравственные и матеріальныя блага большинству людей нуждающихся, такъ-называемымъ массамъ народнымъ, поставленнымъ въ печальную зависимость отъ частныхъ людей, богатыхъ, значительныхъ, предприимчивыхъ. Средствами къ этой цѣли представляются: возможно-большее подчиненіе частной дѣятельности правительственному надзору, частной промышленности государственному хозяйству, централизація и государственная опека частныхъ лицъ. Такимъ характеромъ запечатлѣны всѣ столь знаменитыя идеи революціонной демократіи, а равно и всѣ *idées napoléoniennes*. Проявленія искусственно-уравнивающей политики весьма разнообразны, но сущность и результатъ ея одни и тѣ же въ дѣйствіяхъ людей и правительствъ, повидимому совершенно между собою не сходныхъ.

Всего лучше выставляется это направленіе политики въ народномъ образованіи и воспитаніи. Въ воспитаніи лежитъ самый первоначальный корень разнообразія и различія людей; всѣ сколько-нибудь послѣдовательные въ своихъ воззрѣніяхъ уравниатели древнихъ и новѣйшихъ временъ очень хорошо это понимали, и потому всѣ ихъ усилія сосредоточивались преимущественно на воспитаніи. Такъ дѣйствовали они въ Спартѣ, такъ дѣйствовали и объ имперіи во Франціи, гдѣ частное воспитаніе подавлено, а офиціальное отдано въ распоряженіе католическаго духовенства и военнаго духа, двухъ главныхъ опоръ власти Лудовика-Наполеона. Частное воспитаніе, домашнее и публичное, питается преданіями, нравами и обычаями народа, которые упорно держатся въ извѣстныхъ семействахъ, родахъ, мѣстностяхъ, общественныхъ кругахъ, не быстро переходятъ отъ одного класса общества въ другой и не быстро въ нихъ обобщаются; успѣхи частнаго воспитанія хотя самымъ прочнымъ образомъ поднимаютъ общій уровень народной образованности и цивилизаціи, или, лучше, хотя только они и способны его поднять, но эти успѣхи медленны, они не подвластны ни волѣ правителей, ни сангвиническимъ требованіямъ нетерпѣливыхъ просвѣтителей народа. Свободное публичное воспитаніе со всѣми своими органами: университетами, публичными курсами, журналами и литературой, и т. д., такъ же могущественно

распространяетъ образованность и нравственныя понятія въ массахъ, но такъ же весьма прихотливо въ своихъ проявленіяхъ и результатахъ, такъ же не терпитъ официальной и однообразной формы и никакъ не поддается регламентамъ, никакъ не можетъ обезпечить постоянное и періодическое заготовленіе образованныхъ и благовоспитанныхъ людей въ такомъ-то количествѣ, заранѣе опредѣленномъ волею законодателей; кромѣ того оно также, въ извѣстной мѣрѣ, держится преданій мѣстности и классовъ народа, не быстро ихъ обобщаетъ, и творитъ личные характеры, выходящіе изъ того уровня понятій, на которомъ желательно было бы держать всю массу общества. Потому нѣкоторымъ умамъ и правителямъ казалось проще—узаконить самый уровень народнаго воспитанія, собрать около государственнаго центра умственныя силы страны и придать имъ официальный характеръ, запереть свѣтъ науки въ казенныхъ резервуарахъ знанія, отпустить оттуда стихію воспитанія въ узаконенной нормѣ и пропорціи всѣмъ и каждому, сдѣлать это продовольствіе знанія даже обязательнымъ и наконецъ *уединообразить* всѣ разнообразныя плоды частнаго воспитанія. Эту искусственно-демократическую идею уравниванія народнаго воспитанія воспользовались, какъ всегда бываетъ, государственные люди, собственно преслѣдующіе не идею, а то, что есть въ ней выгоднаго для личныхъ интересовъ власти и инстинктовъ самовласти. Такимъ образомъ мы видимъ цѣлыя группы казенныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ официальный характеръ и система *уединообразиванья* дѣйствительно достигли своего апогея, но къ сожалѣнію эти заведенія нисколько не служатъ ни успѣхамъ народнаго просвѣщенія, ни прочности порядка, къ которому они внушаютъ отвращеніе.

Уже въ самомъ корнѣ своемъ это начало искусственнаго уравниванія общества совершенно ложно; сколько-нибудь послѣдовательное осуществленіе его совершенно не мыслимо. Богатства или блага жизни, нравственныя и матеріальныя, создаются не предписаніемъ закона, а трудомъ, усиліемъ частныхъ лицъ. Потому, чтобы воздвигнуть этотъ государственный, даррвой фондъ для массы народа, необходимо заставить трудиться надъ нимъ тѣхъ же самыхъ частныхъ людей; но единственный двигатель труда есть личная воля; свобода распоряженія направлениемъ и результатомъ личнаго усилія есть необходимое условіе производства благъ, и матеріальныхъ, и

духовныхъ. Для матеріальнаго богатства это очевидно: но и для духовнаго то же самое, и еще въ высшей степени. Неужели возможно предполагать, что труды гениальныхъ ученыхъ, публицистовъ, поэтовъ могутъ дать тѣ же самые результаты, когда они работаютъ по своему личному произволу и вдохновенію, совершенно свободно располагая и своими мыслями, и плодами своихъ мыслей, и когда ихъ дѣятельность подчинена известному, неизвѣстному или чуждому, когда они обязаны служить своему мыслямъ известной, неизвѣстной или определенной цѣли и въ известныхъ, неизвѣстныхъ или определенныхъ границахъ, отказываясь отъ своей личности въ томъ самомъ, что должно исходить изъ глубины ея? Надъ дѣйствіемъ еще можно установить контроль и цензуру, но какой контроль возможенъ надъ тѣмъ, что таится въ глубинѣ челоуѣческой души, надъ совершенными дѣяніями мысли, надъ сокровенною тайной вдохновеннаго творчества? Какъ такою же душой можно въ производствѣ умственнаго богатства, какъ и матеріальнаго: и здѣсь, какъ и тамъ, неизбежна такая же безуспѣшная трата силъ, капиталовъ и труда: никакъ нельзя придумать устройства такой извѣстной фабрики, которая бы изготовляла образованность и воспитаніе въ размѣрахъ, поступкахъ воспитанности всего народонаселенія, и которая такимъ образомъ отвѣдѣлывала бы всенародному извѣстную и распределенно въ равныхъ мѣрахъ образованность. Затѣмъ, когда въ видѣхъ уравненія нравственнаго состоянія народа и обезпеченія массы дѣятель нравственныхъ преимуществъ образованнаго класса, источникъ духовнаго богатства изливается въ одні руки и сосредоточивается въ одномъ вѣнцѣ, у котораго всѣ равнообразныя плоды свободнаго воспитанія свертываются надъ одну книгу, когда слѣдуетъ сказать, какъ для государственнаго вѣнца, тѣмъ же онъ не можетъ изъ дѣнети кобуку, какъ бы для народа. Дѣлается исключительныи производителемъ мысли, воспитанія, образованности, распространителемъ мысли, слова, убѣжденія тѣмъ или инымъ притвореннымъ традиционнмъ авторитетомъ, представляющимъ книгу-вѣнцу одну достоящую форму вытекающую изъ убѣжденія и разныиъ видовъ, стоящихъ надъ прѣтѣмъ. Между тѣмъ существо, начало жизни челоуѣческой мысли и съ ней и воспитанія, и науки, и образованности, и искусства, исключается въ значеніи, исключается отъ дѣнети и исключается: только тогда челоуѣческая душа можетъ дать книгу-вѣнцу плоды, съ тѣмъ вѣнцемъ, искус-

ства, человѣческой культуры или цивилизаціи, когда онъ не связанъ никакимъ заданнымъ извнѣ урокомъ, когда онъ можетъ свободно устремляться по всѣмъ направленіямъ; дать патентованную норму проявленія челоуѣческаго духа, хотя бы эта норма соотвѣтствовала самымъ передовымъ, самымъ свѣтлымъ возрѣніямъ данной эпохи, значить остановить духъ челоуѣческой въ его развитіи.

Въ кругу собственно народнаго хозяйства или промышленной, матеріально-производительной жизни народа, всякая попытка искусственнаго государственнаго уравниенія состояній есть совершенный оптический обманъ, который можно раскрыть при самой блестящей и соблазнительной ея обстановкѣ. Поземельная собственность есть, какъ извѣстно, самое аристократическое имущество; она творитъ самыя завидныя преимущества и самое выпуклое общественное неравенство; скопляясь въ рукахъ не многихъ лицъ, она дѣлаетъ большинство гражданъ людьми бѣзземельными. Видя, что полная коммерческая свобода поземельной собственности и затѣмъ возможно большее раздробленіе ея оказываются весьма недостаточною гарантіей противъ золь сельскаго батрачества, которое, къ сокрушенію, явилось (напримѣръ во Франціи) въ средѣ самихъ крестьянъ-собственникововъ, нѣкоторые нетерпѣливые люди пришли къ мысли, что надобно дѣйствовать искусственными средствами противъ размноженія класса людей бѣзземельныхъ и малоземельныхъ. Свободная ассоціація земельныхъ участковъ и возникновеніе естественнымъ путемъ свободнаго соглашенія или товарищества мелкихъ землевладѣльцевъ или общинной поземельной собственности—единственной прочной экономической гарантіи противъ монополіи поземельной собственности—кажутся этой кучкѣ людей, просящихся въ непрошенные благодѣтели челоуѣческаго рода, путемъ слишкомъ отдаленнымъ, лѣченіемъ слишкомъ медленнымъ, зависящимъ отъ слишкомъ большаго количества экономическихъ и нравственныхъ условій. Проще, казалось бы, объявить огромное пространство земель собственностию государства и отдавать участки земли во временное, пожизненное, даже хотя бы наследственное владѣніе всѣмъ нуждающимся въ землѣ, всѣмъ членамъ этой массы *смирныхъ, посредственныхъ* людей, не имѣющихъ на столько промышленнаго таланта, чтобы накопить собственное, частное имущество. При большихъ запасахъ государственной поземельной собственности казалось бы, что, съ одной стороны, невозможно бу-

детъ сельское батрачество, ибо каждый земледѣлецъ можетъ получить свой пай земли, и отдача земли въ пользованіе уже не будетъ зависѣть отъ произвола частнаго собственника, и съ другой стороны, развязывается гордіевъ узелъ народнаго хозяйства, *поземельная рента* или плата за наемъ земли въ пользу собственника, ибо государство будетъ богато, оно будетъ именно богато обезпеченностію быта большинства своихъ подданныхъ, оно можетъ облагать свою землю самымъ ничтожнымъ налогомъ, никогда не утѣсняя земледѣльца возвышеніемъ налога, наконецъ благодѣтельное государство можетъ даже вовсе ничего не брать за пользованіе своею землей, предоставляя всѣ выгоды отъ нея крестьянамъ, на ней поселеннымъ. Вникнемъ ближе въ экономическія отношенія, возникающія изъ такой системы землевладѣнія. Коль скоро право собственности на землю принадлежитъ государству или казнѣ, то это право собственности не можетъ быть только номинальное и безусловно отвлеченное, оно должно же въ чемъ-нибудь обнаруживаться, оно должно же сопровождаться какими-либо видимыми экономическими признаками и послѣдствіями, признаками, которые бы отличали такое *государственное право собственности* отъ экономическихъ признаковъ и послѣдствій, сопровождающихъ *частное право собственности* на земли, то-есть собственности на землю самихъ земледѣльцевъ, цѣлой земледѣльческой общины, или наконецъ посторонняго лица, землевладѣльца, помѣщика. Эти спеціальныя признаки и послѣдствія государственной *поземельной собственности*, составляющіе зерно, *причину, raison d'être*, всей системы, заключаются во первыхъ въ томъ, что каждый нуждающійся въ землѣ земледѣлецъ получаетъ свой земельный пай, что на полученіе пая или на земельный надѣлъ имѣютъ право всѣ, кто только дѣйствительно, своимъ собственнымъ лицомъ, занимается земледѣліемъ, и что отъ надѣла устраняются всѣ члены сельскаго населенія, сами не занимающіеся хлѣбопашествомъ. И во вторыхъ, вмѣстѣ съ возрастаніемъ потребности въ землѣ, не возвышается плата за пользованіе ею; арендная плата или вовсе не допускается казною или установлена ею разъ навсегда, или наконецъ по крайней мѣрѣ на весьма продолжительные періоды; государство именно должно наблюдать за тѣмъ, чтобы даже малоспособный земледѣлецъ не былъ лишенъ земли невозможностію платить за нее высокую наемную плату или оброкъ. Государство, какъ собственникъ земли, не можетъ допустить, чтобы подъ вліяніемъ чьихъ бы то ни было частныхъ

промышленныхъ интересовъ, отдѣльныхъ лицъ или общины, покровительствуемый имъ земледѣлецъ былъ обремененъ высокою платой или рентой за пользованіе землей. Относительно перваго пункта мы скажемъ, что въ данной странѣ или въ данной мѣстности количество земли или можетъ вполне удовлетворять потребности въ ней земледѣльческаго народонаселенія, или нѣтъ; ничего третьяго не можетъ быть. Если земля находится въ такомъ количествѣ, какое необходимо для количества людей, занимающихся земледѣліемъ, то каждый земледѣлецъ получить для себя нужный участокъ земли покупкою или наймомъ и безъ помощи со стороны государства. Если земли недостаточно, то почему же натура государственной поземельной собственности, въ отличіе отъ частной, такъ эластична, что въ ней всегда будетъ такое количество паевъ, какое нужно для всѣхъ нуждающихся въ землѣ? Но, говорятъ, государственная земля можетъ дробиться на пай до безконечности, пропорціонально возрастанію народонаселенія и людей, нуждающихся въ землѣ; можетъ, нѣтъ спора; все дѣло будетъ въ томъ, что земля не будетъ скопляться въ рукахъ немногихъ лицъ, а будетъ напротивъ дробиться до безконечности; но въ такомъ случаѣ гдѣ же обезпеченность постояннаго, пожизненнаго, даже наследственнаго владѣнія землей, которое признается необходимымъ условіемъ всякаго земледѣлія и даже выставляется какъ таковое самими защитниками системы государственной поземельной собственности? Являются непремѣнною принадлежностію этой системы *передѣлы* земельныхъ участковъ, передѣлы краткосрочные, или черезъ продолжительные періоды времени, но во всякомъ случаѣ передѣлы земли, сообразующіеся съ количествомъ наличнаго земледѣльческаго народонаселенія. Не говоря уже о томъ, что передѣлы, въ какой бы отдаленный срокъ они ни производились, должны въ эпоху своего совершенія кореннымъ образомъ подрывать все безъ изыятія отдѣльнаго хозяйства, установившіяся къ этой эпохѣ, но рано или поздно передѣлы достигаютъ своего минимума, за которымъ или пай земли, по своимъ малымъ размѣрамъ, уже не обезпечиваютъ насущныхъ нуждъ ни одного крестьянскаго семейства, или же дальнѣйшіе передѣлы должны навсегда остановиться, и тогда земли по необходимости не достанетъ для всѣхъ въ ней нуждающихся. Система, именно разчитанная на *вѣчное* застрахованіе сельскаго народонаселенія отъ язвъ

пролетаріата, именно разчитанная на примиреніе вѣковой борьбы капитала съ трудомъ, не можетъ упускать изъ виду этого существеннаго для нея обстоятельства. Но, говорятъ, при системѣ государственной поземельной собственности ея пользуются лишь люди, дѣйствительно занимающіеся земледѣліемъ, а при развитіи частной собственности, земля захватывается людьми, не занимающимися хлѣбопашествомъ, а только пользующимися поземельною рентой, которою они утѣсняють дѣйствительныхъ земледѣльцевъ, и потому хотя въ обоихъ случаяхъ будетъ равное количество земли, но въ первомъ будетъ ея болѣе для нуждающихся, ибо они получаютъ ее даромъ, а во второмъ, если и получаютъ, то за высокую плату ренты. Итакъ мы переходимъ къ борьбѣ съ непомѣрнымъ возрастаніемъ поземельной ренты, т. е. ко второму преимуществу государственной поземельной собственности, выставяемому ея приверженцами. Поземельная рента есть необходимая, неотъемлемая естественно-экономическая принадлежность всякой поземельной собственности, въ чьихъ бы рукахъ ни были право собственности и право владѣнія; она возникаетъ изъ различія въ цѣнности земли, или, что то же, изъ различія въ цѣнности произведеній земли въ *пространствѣ* и во *времени*. Въ нынѣшнемъ году доходъ отъ земли покрывалъ расходы на ея воздѣлываніе и не оставлялъ никакого излишка въ пользу землевладѣльца—ренты не было. Черезъ десять лѣтъ цѣны на хлѣбъ и другія произведенія поднялись, расходы на воздѣлываніе той же самой земли съ избыткомъ покрываются доходомъ—рента существуетъ. Таково возникновеніе ренты отъ различія цѣнности произведеній земли *во времени*. Подлѣ рѣки лугъ даетъ въ десять разъ болѣе сѣна чѣмъ на болотѣ, при равныхъ расходахъ на снятіе травы, и поемный лугъ даетъ ренту сравнительно съ болотнымъ, на которомъ доходъ только покрываетъ расходы. Таково возникновеніе ренты отъ различія цѣнности земли въ *пространствѣ*. Земля можетъ находиться въ пользованіи самого собственника или быть отдана имъ въ наемъ другому лицу; въ обоихъ случаяхъ она приноситъ ренту: въ первомъ—въ видѣ излишка дохода противъ дохода сосѣда, излишка, поступающаго въ руки собственника въ видѣ или большаго количества денегъ (при продажѣ произведеній земли) противъ количества денегъ, получаемаго сосѣдомъ, или въ видѣ большаго количества произведеній земли (при непосредственномъ ихъ потребленіи)—это все равно. Во второмъ случаѣ рента является въ видѣ наемной платы,

которую оброчникъ или наемщикъ земли платитъ ей собственнику. Собственникъ или хозяинъ земли можетъ не брать наемной платы за свою землю, можетъ отдавать ее въ пользованіе даромъ, но тѣмъ не менѣе рента будетъ существовать и вмѣсто собственника будетъ поступать въ руки дароваго съемщика. При успѣхахъ народнаго хозяйства и возрастаніи народонаселенія доходы отъ всѣхъ вообще земель возрастаютъ, и причины этому очевидны. При государственной поземельной собственности и даровомъ пользованіи ею, если народонаселеніе въ государствѣ возрастаетъ, и народное хозяйство сколько-нибудь преуспѣваетъ, тогда рента существуетъ на казенныхъ земляхъ точно такъ же какъ и на частныхъ, только, вмѣсто того чтобы поступать въ руки собственника, она остается въ распоряженіи людей, пользующихся землею. Теперь, если такое пользованіе сколько-нибудь продолжительно, и если въ качествахъ личныхъ пользователей и качествахъ ихъ земельныхъ паевъ есть какое-нибудь неравенство,—а это неизбежно,—то въ доходахъ, получаемыхъ пользователями съ своихъ участковъ, будетъ также *неравенство*. Но явится не одно только неравенство въ выгодахъ и доходахъ. Этого недостаточно. Земледѣльцы, получившіе паи, худшіе по достоинству (мѣстоположенію и плодородію), становятся совершенно въ такія же отношенія подчиненности и зависимости къ получившимъ лучшіе участки, какъ безземельные крестьяне, батраки, къ крестьянамъ-собственникамъ, къ хозяевамъ. Не одинаковыя декорации—полуразвалившаяся хата и бесплодное поле у обиженнаго пайщика—нисколько не перемѣняютъ сущности положенія. Последній будетъ дома и на рынкѣ въ такой же точно зависимости отъ счастливаго пайщика, какъ батраки отъ зажиточнаго хозяина, купившаго болѣшую часть земли въ своей деревнѣ; превосходство послѣдняго, очевидно, не въ томъ, что онъ номинально имѣетъ поземельную собственность, а въ томъ, что онъ обезпеченъ поземельнымъ доходомъ, можетъ имѣть вліяніе на цѣны земледѣльческихъ произведеній, можетъ наносить невыгодную конкуренцію другимъ крестьянамъ, находится наконецъ въ болѣе-независимомъ положеніи, чѣмъ батракъ. Всѣми этими выгодами и этимъ превосходствомъ положенія пользуется и счастливый пайщикъ, въ сравненіи съ обиженнымъ.

Итакъ эта система не достигаетъ ни того, чтобы всѣ члены общества были застрахованы противъ недостатка въ землѣ, ни того, чтобы рента исчезла съ лица земли, и можетъ повести только

къ тому, что недостатокъ въ землѣ окажется ранѣе, потому что земля, обрабатываемая малоспособными людьми, будетъ давать меньше продуктовъ, и если рента, при этой системѣ, будетъ стоять на низкой степени, то выгоду изъ того будутъ извлекать не бѣдные люди въ странѣ, а другія страны, которыя не введутъ у себя такой противоестественной системы.

Таковы экономическія отношенія земледѣльцевъ къ государственной поземельной собственности; таковы результаты идеальной уравнительности и мнимой справедливости этихъ отношеній. При развитіи частной поземельной собственности, отношенія представляются въ иномъ видѣ. *Неравенство покупателей и наемныхъ цѣнъ на землю, всегда пропорціональное неравенству чистаго дохода отъ нихъ или ихъ качеству и мѣстоположенію, уравниваетъ положеніе всѣхъ покупателей и наемщиковъ земли; обязанность платить за пользованіе землею превосходнаго качества и превосходной мѣстности болшую цифру покупной или наемной суммы (оброка, ренты), чѣмъ съ худшей земли, ставитъ покупателя или наемщика первой точно въ такое же экономическое положеніе, какое имѣтъ покупатель или наемщикъ второй.* Дѣйствіе этой уравнивающей силы не можетъ быть распространено на владѣльцевъ государственной земли, которая не можетъ быть оплачиваема въ пользу казны пропорціонально своей цѣнности, потому что тѣмъ самымъ возлагались бы на казну совершенно недоступныя для нея хозяйственныя обязанности: казна должна была бы оцѣнивать и переоцѣнивать каждый единичный пай земли, распредѣлять оброки на всемъ пространствѣ государства и измѣнять ихъ, сообразно ежедневнымъ, ежечаснымъ движеніямъ и колебаніямъ цѣнъ на земли. Спрашивается, мыслима ли такая дѣятельность казны и казеннаго управленія? и если мыслима, то не отниметъ ли она у земледѣльцевъ именно ту самую ренту, о которой такъ хлопчуть, и которая при этомъ порядкѣ вещей поступала бы въ казну? Не будетъ ли государство тяготѣть надъ земледѣльческимъ сословіемъ еще болѣе, нежели богатые землевладѣльцы? Между землевладѣльцами все-таки будетъ конкуренція, а при этомъ предположеніи вся рента была бы монополизирована въ рукахъ государства. Наконецъ, что государство будетъ дѣлать съ тѣми, кто не станетъ платить оброка, справедливо назначеннаго? Сгонять ихъ съ земли? но тогда земля достанется въ руки немногихъ способныхъ людей, чего разбираемая нами система старается избѣжать. Оставлять ихъ

на землѣ даромъ? но это значитъ награждать неспособность и недобросовѣстность, и побуждать всѣхъ къ подражанію неспособнымъ и недобросовѣстнымъ людямъ. Не лучше ли поискать другаго устройства, которое, не предавая земледѣльческаго промысла въ руки неспособныхъ людей, обезпечило бы земледѣльческому населенію пользованіе рентой? Оцѣнкой и раздачей участковъ можетъ заниматься міръ, община, и въ ея же распоряженіе можетъ поступать плата за пользованіе землей, или рента. Дѣйствительно, послѣднее возможно. Но въ такомъ случаѣ скрывается отъ насъ право государственной собственности на землю? Собственникомъ дѣлается міръ, община, ибо опредѣленіе ренты и полученіе ея есть неотъемлемая принадлежность собственника, самый непреложный признакъ права собственности на землю. Собственность коллективная, собственность юридическаго лица возможна. Община, міръ, уже не такое отвлеченное понятіе, какъ государство; для того, чтобы міръ сдѣлался собственникомъ земли, нужно, чтобы онъ ее приобрѣлъ или по крайней мѣрѣ согласился, пожелалъ быть собственникомъ. По этому неизбежному пути мы приходимъ къ *общинной собственности*, которая въ сущности основана на началѣ товарищества или ассоціаціи. Противъ *общинной собственности*, которая есть одинъ изъ видовъ частной собственности, экономическая наука не можетъ выдвинуть ни одного довода.

Есть, конечно, еще другой исходъ, возможный, изъ того положенія, къ которому привела насъ система государственной собственности и дароваго пользованія. Противоположности богатства и нищеты, достатка и крайняго разоренія могутъ возникнуть въ странѣ только при нѣкоторыхъ успѣхахъ народнаго хозяйства, возрастаніи народонаселенія и цѣнности земли, но они могутъ и не возникнуть, по крайней мѣрѣ въ такой степени, при совершенномъ промышленномъ и умственномъ застоѣ земледѣльческаго населенія, когда люди, владѣющіе лучшими участками, также мало сумѣютъ извлечь изъ нихъ выгоду, какъ изъ самыхъ худшихъ участковъ; поземельная рента дѣйствительно можетъ почти не существовать на огромныхъ пространствахъ земель, самыхъ разнообразныхъ качествъ, когда умственные силы всего народонаселенія находятся въ такомъ усыпленіи, что каждый земледѣлецъ, какой бы у него ни былъ клочокъ земли, заботится единственно только о томъ, чтобы извлечь изъ него достаточно хлѣба для своего годоваго прокормленія, единственно ради обезпеченія себя отъ голода, и никогда не

помышляетъ о томъ, что можетъ дать его земля, и что можетъ извлечь изъ него его трудъ. Можетъ, наконецъ, возникнуть вопросъ лишь о необходимости обезпеченія или застрахованія, на вѣчныя времена, насущнаго хлѣба для сельскаго народонаселенія, объ открытіи лишь способовъ къ его содержанію, какъ содержатся войска, казарменный людъ, воспитательные дома, исправительныя арестантскія колоніи и т. д. Въ этихъ учрежденіяхъ дѣйствительно процвѣтаетъ уравнительность, нѣтъ и помину о преобладаніи богатаго надъ бѣднымъ, о промышленныхъ прибыляхъ, о рентѣ. Дѣйствительно, такое состояніе или просто *прозябаніе* народонаселенія возможно; ему есть примѣры, для него дѣйствительно пригодна государственная поземельная собственность, и нельзя сказать, чтобы она ему не содѣйствовала. Но неужели въ виду опасности, возникающей при успѣхахъ общественнаго развитія для запоздалыхъ и отсталыхъ членовъ общества, можно обречь все общество на умственный и промышленный застой, на *прозябаніе*? Неужели это прозябаніе на сколько-нибудь разрѣшаетъ задачу человеческой жизни, задачу освобожденія изъ-подъ власти природы и людей, когда въ этомъ прозябаніи вмѣсто равенства независимости водворяется болѣе или менѣе полное равенство неволи и зависимости? Мы понимаемъ, что въ каждомъ обществѣ есть члены, почему-либо злополучные, и мы вполне признаемъ обязанность общества призрѣвать этихъ больныхъ или разслабленныхъ членовъ. Мы не отвергаемъ палліативныхъ мѣръ филантропіи. Мы вполне сочувствуемъ съ мыслию о государственной поземельной собственности и даровомъ пользованіи ею въ исправительныхъ, пенитенціарныхъ колоніяхъ, въ благотворительныхъ учрежденіяхъ и т. д., но кому же когда-нибудь могла улыбаться мысль о распространеніи на массы народа системы содержанія исправительныхъ колоній, страннопріимныхъ домовъ и больницъ, о подчиненіи цѣлаго здороваго народонаселенія образу жизни, придуманному для воспитательныхъ домовъ и богадѣленъ? Впрочемъ мы здѣсь только мимоходомъ коснулись системы государственной поземельной собственности, на сколько это было нужно намъ для настоящаго предмета; мы предоставляемъ себѣ когда-нибудь ближе въ нее вникнуть, при разсмотрѣніи во всей совокупности вопроса о разныхъ началахъ и системахъ поземельной собственности.

Кажущаяся обезпеченность народнаго быта, сопровождающая разные виды искусственной государственной организаціи

народнаго хозяйства и народной жизни, выставляется смѣльнымъ государственными организаторами и хирургами какъ превосходство такихъ мѣръ государственной опеки передъ свободнымъ развитіемъ, поражающимъ будто бы самую крайнюю нищету, подлѣ самыхъ крайнихъ проявленій богатства и роскоши; эта кажущаяся уравнительность общественнаго строя соблазняетъ и нѣкоторыхъ мирныхъ друзей человечества, оплакивающихъ печальную зависимость массы смиренныхъ и посредственныхъ людей отъ могущества матеріальныхъ и духовныхъ превосходствъ, возникающихъ въ атмосферѣ свободнаго и естественнаго развитія народовъ. Дѣйствительно то довольство въ удовлетвореніи потребностей, вслѣдствіе самой крайней ихъ неразвитости, то животное прозябаніе, на возможность котораго мы указали какъ на самый благоприятный исходъ для системы государственной поземельной собственности и дароваго пользованія, есть, при самыхъ благоприятныхъ для организаторовъ обстоятельствахъ, необходимое послѣдствіе всякой искусственной мѣры уравнианія путемъ государственной власти или искусственно-демократической политики. Постояннымъ механическимъ удаленіемъ отъ человѣка, съ первоначальной эпохи его воспитанія, всѣхъ явленій жизни, способствующихъ его развитію—слова, свободно произнесеннаго въ разладъ съ понятіями, царствующими въ домашнемъ кругу, кушанья, не входящаго въ составъ однообразнаго домашняго обѣда, знакомствъ, не гармонирующихъ со строгою дисциплиной домашней челяди и т. д.,—однимъ словомъ, подчиненіе человѣка строгой нравственной и тѣлесной діэтѣ можетъ усыпить всѣ его умственныя способности, и онъ можетъ не чувствовать иныхъ потребностей, кромѣ тѣхъ, которыя внушены и навязаны ему его воспитателями. Сперва, въ эпоху дѣтства, человѣкъ по необходимости подчиняется такой діэтѣ, вслѣдствіе власти надъ нимъ взрослого, но потомъ діететическій образъ жизни можетъ мало-по-малу всосаться въ его плоть и кровь, и онъ, уже по отсутствію всякаго человѣческаго сознанія, по рутинѣ, останется ребенкомъ до своей смерти. Необычныя обстоятельства и потрясенія жизни могутъ вывести человѣка, выросшаго подъ присмотромъ такого крайняго попечительства, изъ его умственнаго усыпленія; необычныя природныя дарованія и энергія могутъ пробиться наружу и заставить человѣка освободиться отъ ига опеки, на него наложеннаго; но можно безъ преувеличенія сказать, что большая часть людей,

состоящая безъ сомнѣнія изъ людей смиренныхъ и посредственныхъ, воспитанная по такой системѣ, подчинится и не проснется, а если проснется, то только для того, чтобы накуралесить разной безтолковщины. Что мы сказали объ отдѣльномъ человѣкѣ, то же самое можно отнести и къ цѣлымъ обществамъ людей. Цѣлыя общества людей могутъ быть воспитаны на известной діетѣ и могутъ надолго подчиниться такому довольству прозябанія; человѣкъ, кромѣ дѣховной природы, стремящейся къ развитію и движенію, имѣетъ и животную, по существу своему предрасположенную къ коснѣнію и прозябанію. Можно съ помощію известной, приспособленной къ тому системы, дать развитіе однимъ только инстинктамъ животной природы. Что можно имѣть такое вліяніе на человѣческія общества, доказываетъ намъ состояніе невольниковъ, у которыхъ наклонности дѣйствительно бываютъ иныя, нежели у людей свободныхъ. И въ обществахъ, содержимыхъ на подобномъ нравственномъ и физическомъ продовольствіи, дѣйствительно могутъ наконецъ рождаться люди, которые не будутъ чувствовать потребности ни въ возвышенныхъ успѣхахъ человѣческаго ума, ни даже въ сколько-нибудь улучшенной пищѣ; будутъ съ тупымъ смиреніемъ жевать свой отрубинный хлѣбъ и наслаждаться до самозабвенія порченнымъ питьемъ, нисколько не завидуя роскоши искусства, науки и промышленности въ другихъ обществахъ, ниже куску ростбифа въ чужихъ желудкахъ, и даже будутъ смотрѣть на всю эту роскошь жизни съ тупымъ равнодушіемъ и презрѣніемъ, предпочитая свое оцѣпенѣніе малѣйшему усилію выйти изъ него. Конечно, мы никакъ не увѣрены, чтобы цѣлыя человѣческія общества, какъ отдѣльный человѣкъ, могли навсегда остаться въ такомъ довольствѣ прозябанія; но они могутъ остаться въ немъ на нѣкоторое время, и даже, при попеченіяхъ сочувствующихъ подобному прозябанію друзей человѣчества, могутъ остаться на весьма продолжительное время. Нужны бываютъ тогда особенно счастливыя или особенно печальныя обстоятельства въ жизни народа, столкновенія съ другими народностями, глубокія потрясенія его духа, чтобы дать толчокъ дремлющему его генію и пробудить народное самосознаніе. Но такія судорожныя движенія не легко обходятся живущимъ поколѣніямъ.

Въ самой неразвитой и непробужденной къ самосознанію толпѣ всегда найдется нѣсколько человѣкъ смысленнѣе, смѣлѣе, зажиточнѣе, крикливѣе другихъ, и тогда подчиненіе имъ толпы бываетъ самое полное, самое неограниченное. Дѣйстви-

тельно, ни въ одномъ образованномъ обществѣ, мы не найдемъ такой печальной зависимости умовъ и дѣятельности тысячъ людей отъ удачнаго повышенія голоса, необычнаго звона монеты, воодушевленной рѣчи, какъ въ толпѣ, въ такъ-называемыхъ народныхъ массахъ, и въ этомъ никакъ нельзя обвинять толпу, изъ этого никакъ нельзя выводить заключенія о ея нравственномъ растлѣніи; ежедневный гнетъ насущныхъ потребностей воспитываютъ человѣка въ духѣ покорности и подчиненія. Итакъ вотъ къ чему ведетъ это кажущееся механическое равенство. На мѣстѣ его мы находимъ полнѣйшее неравенство свободы человѣческой личности, а равенство свободы, какъ мы уже говорили прежде, есть единственное для всѣхъ желанное, для всѣхъ людей пригодное благо жизни.

Второй практическій результатъ, постоянно сопровождающій искусственную демократію—это крайнее развитіе *централизаціи* и *бюрократіи*. Эти два начала также весьма обманчивымъ образомъ вносятъ равенство въ человѣческія общества. Противодѣйствуя образованію естественныхъ центровъ промышленной и умственной жизни страны, самоуправленію, въ которомъ могутъ получить преобладающее вліяніе естественныя преимущества людей—таланты, воспитаніе, общественное положеніе и семейныя преданія, богатство,—напрягая всѣ свои усилія, чтобы стереть и сломить всякое превосходство и авторитетъ, возникшіе въ игрѣ частныхъ общественныхъ интересовъ, централизація и бюрократія никогда не могутъ вполнѣ достигнуть этихъ цѣлей, уничтожить всякое преимущество географическихъ выгодъ мѣстности, рожденія, воспитанія, личнаго превосходства, богатства, общественной среды, счастья, и только къ естественному неравенству прибавляютъ еще свое собственное, искусственное неравенство и искусственную іерархію правительственной силы. Это послѣднее неравенство, хотя бы оно могло сколько-нибудь успѣшно противодѣйствовать естественнымъ отличіямъ людей, само по себѣ производитъ гораздо болѣе тяжкій гнетъ на общество, чѣмъ эти отличія, ибо оно могущественнѣе и упорнѣе ихъ; оно механически, насильственно закрѣпляетъ людскія отношенія и не заключаетъ въ себѣ тѣхъ естественныхъ, уравнивающихъ силъ, которыя (какъ мы говорили въ предыдущей нашей статьѣ) ежедневно противодѣйствуютъ преобладанію естественной аристократіи. Іерархія бюрократіи и централизаціи, распредѣляя по своимъ собственнымъ соображеніямъ степень власти

и вліянія однихъ членовъ общества на другіе, если и успѣваетъ сколько-нибудь парализовать власть и вліяніе, связанныя съ естественными общественными преимуществами, то въ то же самое время централизація и бюрократія парализируютъ и то естественное движеніе общественныхъ элементовъ къ разумному уравненію общества, къ уравненію независимости его членовъ, которое непремѣнно сопровождаетъ всѣ успѣхи общества, на пути свободнаго промышленнаго, гражданскаго и умственнаго развитія.

Мы непростительно погрѣшили бы передъ истиной, если бы въ этомъ *искусственно или ложно-демократическомъ* направленіи не сумѣли строго различить тѣхъ, которые добросовѣстно и совершенно благонамѣренно заблуждаются въ пользу практическихъ способовъ искусственной демократіи, и тѣхъ, которые пользуются тою же самою механикой, но для своихъ личныхъ видовъ и цѣлей. Первые видятъ передъ собою только цѣль, сочувственную ихъ убѣжденіямъ; вторые видятъ передъ собою только средства, соблазнительныя для ихъ инстинктовъ, и не помышляютъ ни о какой цѣли, не имѣя никакихъ убѣжденій. Первые—жрецы ложно-понимаемой идеи, иногда совершенно непричастныя обольщеніямъ властолюбія, которое, къ несчастію, всюду сопутствуетъ этой печальной идеѣ; вторые—жрецы только матеріальныхъ пружинъ идеи, жрецы механики власти. Къ несчастію, въ практической жизни жрецы идеи, нисколько не подвигая самой идеи, безсознательно обращаются въ слугителей механики.

Итакъ все нами сказанное объ искусственной демократіи клонилось къ тому заключенію, что *вмѣсто уравненія она достигаетъ совершенно противоположныхъ результатовъ, что въ интересахъ истинной, разумной, естественной демократіи, должно точно такъ же отказаться отъ искусственныхъ мѣръ уравненія, какъ въ интересахъ разумной, естественной аристократіи, должно отказаться отъ всякихъ искусственныхъ преимуществъ или отличій.* Въ сущности, оба направленія, устремляясь къ совершенно противоположнымъ цѣлямъ, сходятся въ одномъ пунктѣ: *въ невѣдѣніи и непризнаніи естественныхъ законовъ общественной жизни.* Въ естественномъ процессѣ общественнаго развитія, какъ мы уже видѣли, дѣйствительно возникаетъ неравенство, и въ нѣкоторые моменты развитія и въ нѣкоторыхъ сферахъ народной дѣятельности естественныя преимущества,

нравственныя и матеріальныя, получаютъ чрезвычайное преобладаніе, сокрушительное для истинныхъ друзей челоѣчества; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ естественномъ процессѣ сами собою рождаются и съ каждымъ днемъ растутъ другія силы, уравнивающія общественныя преимущества и могущественно противодѣйствующія ихъ исключительному преобладанію, — публичная жизнь и публичное, но *частное* воспитаніе, независимое общественное мнѣніе и гласность, книгопечатаніе и всѣ способы распространенія и обобщенія знаній, раздробленіе и соединеніе капиталовъ, личный кредитъ и духъ товарищества между членами общества, слабыми въ своей разрозненности и сильными въ своемъ соединеніи, и проч. Всѣ эти силы съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе распространяются въ обществѣ и дѣлаются принадлежностью все большаго и большаго числа людей, стремясь сдѣлаться принадлежностью всѣхъ. Въ предыдущей статьѣ мы въ нѣсколькихъ словахъ останавливались на каждой категоріи. Всѣ эти силы, какъ мы видѣли, пробуждаются сами собою и обнаруживаютъ свое дѣйствіе медленно, *но неуклонно*, не быстрыми скачками, *но безъ всякихъ внезапныхъ и бурныхъ потрясеній*. Эти потрясенія вносятся въ жизнь только двумя крайними направленіями — искусственною аристократіей и искусственною демократіей, и больше всего, и прежде всего, тою мрачною и бездушною силой, которая, бывъ сама по себѣ непричастна никакому направленію, пользуется для своихъ цѣлей то тѣми, то другими средствами, такъ щедро ей вручаемыми со стороны двухъ крайнихъ направленій.

Мы видѣли въ самыхъ осязаемыхъ признакахъ современной жизни, какъ естественныя преимущества людей, безъ всякихъ искусственныхъ привилегій, сохраняютъ свою силу и значеніе и уступаютъ времени, не упраздняясь, а постепенно *облагораживаясь*, и дѣлаясь болѣе и болѣе доступными для всѣхъ членовъ общества. Чтобы воспользоваться этими естественными условіями, примиряющими между собою два, какъ-будто совершенно противоположныя, начала, каждое изъ нихъ должно рѣшительно отказаться отъ печальныхъ попытокъ пріобрѣсти для себя торжество насиліемъ надъ естественнымъ ходомъ вещей, и каждое должно ожидать несомнѣннаго примиренія отъ постепенныхъ, но неуклонныхъ успѣховъ времени. Между тѣмъ, путемъ искусственной политики, и аристократическое и демократическое начало, въ своей борьбѣ, только укрѣпляютъ насиліе и наступъ противной стороны. Подлѣ аристократіи,

защищающей свои искусственныя правительственныя привилегіи, свою замкнутость, притязанія и предрасудки касты, сословныя предубѣжденія и разграниченія, свои *вотчинныя* права, мы непремѣнно найдемъ искусственную централизацію и бюрократію, снѣгающаяся поставить искусственныя ограды для защиты массы не привилегированныхъ людей отъ самовластиа и корысти привилегированныхъ, распространить свою искусственную опеку надъ интересами слабѣйшихъ членовъ общества, вознаградить своими дарами за ущербъ отъ привилегій, однимъ словомъ, протянуть свою желѣзную руку помощи угнетаемому народу. Подлѣ притязаній и натиска искусственной демократіи, стремящейся провести свой насильственный уровень надъ всѣмъ разнообразіемъ и неравенствомъ народной жизни, мы найдемъ опять искусственную касту бюрократовъ и блюстителей общественнаго порядка, которая по своей исключительности, нетерпимости и самовластию не хуже всякой сословной касты средневѣковыхъ вотчинниковъ, мы найдемъ наконецъ и особую, праздную, для всѣхъ чуждую, для никого не сочувственную знать, искусственно созданную въ центрахъ бюрократіи, для утѣхъ и украшенія досуговъ власти. Такова картина Франціи, создавшей своихъ образцовыхъ жантильионовъ, и образцовыхъ бюрократовъ. Такова нѣкоторая сторона политической жизни Пруссіи, съ ея крауть-юнкерами и канцеляріями. Объ Австріи мы не считаемъ нужнымъ упоминать, когда идетъ рѣчь объ успѣхахъ и будущности чего бы то ни было живаго и человѣческаго. Но Пруссія уже выходитъ на иной, болѣе вѣрный путь политической жизни. Смѣемъ надѣяться, что на него выйдетъ и Франція. Этотъ путь, указываемый самыми здравыми воззрѣніями современной науки и дучшими умами современныхъ политическихъ дѣятелей, представляетъ единственныя, сколько-нибудь прочныя обезпеченія противъ кровавыхъ переворотовъ, политическихъ волненій и насилія съ чьей бы то ни было стороны.

III.

Уже по самому здравому смыслу казалось бы, что наиболее прочна и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболее способна имѣть вліяніе на человѣческія дѣла та *политика*, которая наиболее сообра-

зуются съ непреложными , естественными законами развитія чловѣка и общества, а не насилуетъ ихъ природы и не за-даетъ ей собственныхъ, искусственно-придуманыхъ цѣлей. Чѣмъ болѣе мы будемъ вникать въ практическія послѣдствія такого законодательства и такихъ отношеній власти къ подданнымъ, у образованныхъ народовъ современнаго міра, тѣмъ болѣе мы убѣдимся, что такое направленіе государственной жизни, внутренней и внѣшней, не только есть самое разумное, но и самое практически полезное, самое благопріятное для народнаго благосостоянія и самое умѣренное. Это направленіе политики заключается вообще въ возможно-большемъ *обезпеченіи свободы взаимныхъ между собою отношеній всѣхъ жителей юсударства отъ насилія и обмана*, въ обезпеченіи свободы всѣхъ проявленій чловѣческой дѣятельности, духовной и физической, свободы религиозныхъ убѣжденій или совѣсти, свободы воспитанія , свободы умственнаго и техническаго образованія, свободы промышленности, торговли и кредита, свободы всякаго соединенія силъ или образованія товариществъ и частныхъ союзовъ и возможно большей свободы всѣхъ общественныхъ группъ и союзовъ по завѣдыванію и управленію своими дѣлами и интересами,—словомъ, *въ обезпеченіи свободы чловѣческой личности*.

Полную нравственную и экономическую независимость не въ силахъ дать своимъ подданнымъ никакая государственная власть; такая независимость, какъ мы видѣли, возникаетъ и распространяется въ обществѣ сама собою. Эта независимость, а съ нею и разумное, естественное равенство между членами общества, постепенно возрастаютъ при свободныхъ отношеніяхъ ихъ между собою. Но полную свободу взаимныхъ отношеній можетъ дать законъ. Въ чемъ же заключается свобода этихъ отношеній, прямо зависящая отъ государственной власти и закона? Она заключается въ освобожденіи отъ всякихъ искусственныхъ привилегій, отъ всякаго насилія и обмана и отъ всякаго ненужнаго вмѣшательства власти въ частныя отношенія людей. Такое обезпеченіе, собственно только *отрицательное*, могутъ дать власть и законъ; если они не могутъ никого сдѣлать богатымъ или нравственно независимымъ, то они совершенно могутъ предоставить каждому употреб-лять по своему произволу всѣ существующія въ обществѣ нравственныя и матеріальныя средства къ воспитанію, образованію , обогащенію , къ пріобрѣтенію вліянія и автори-

ваетъ вѣрное поступательное движеніе народовъ, безъ насильственныхъ переворотовъ. Она видимо присоединяетъ къ себѣ все большее и большее число двигателей двухъ противоположныхъ лагерей; и чѣмъ болѣе эта партія будетъ разрастаться въ обѣ стороны, тѣмъ вѣрнѣе будетъ ея дѣятельность. Дѣйствительно, на либеральной почвѣ и аристократическіе и демократическіе элементы общества, то-есть естественныя силы, создающія неравенство, и естественныя силы уравнивающія, или *общественныя группы, стремящіяся къ сохраненію приобретенныхъ благъ, и общественныя группы, стремящіяся къ приобретенію ихъ*, находятъ для себя мѣсто и примиреніе.

Что совершенно отличаетъ Англію отъ всѣхъ государствъ Европы, это именно то, что въ ней всѣ партіи вышли на эту спасительную нейтральную почву, на которой всѣ онѣ могутъ другъ съ другомъ бороться безъ всякой опасности и для государственной власти и для народа. Такія опасности—революція, реакція и диктатура—не мыслимы въ Англии. Поле дѣйствующихъ партій Англии только слегка, на своихъ крайнихъ оконечностяхъ, окрашено тенденціями феодальными и ультра-демократическими; но увлеченія представителей этихъ тенденцій, возбуждаемая событіями материка, а не прямо выросшія на классической почвѣ свободы, сами по себѣ не составляютъ никакой тяжести на вѣсахъ общественнаго мнѣнія, а только развѣ дополняютъ собою образцовую коллекцію этой всемірной лабораторіи политическихъ убѣжденій. Повторяемъ, это именно существенная черта политической жизни Великобританіи, въ которой всѣ общественные интересы и политическія стремленія всѣхъ классовъ и группъ народонаселенія безусловно вышли на либеральную почву, и крайніе торіи, представители крупныхъ землевладѣльческихъ интересовъ и собственности, и крайніе демократы, представители неимущаго рабочаго народонаселенія и труда. Всѣ они не иначе принимаютъ споръ и борьбу съ враждующими интересами, какъ на либеральной почвѣ терпимости, миролюбія и законной реформы. До этой великой политической фазы не доросъ ни одинъ континентальный народъ, какіе бы ни были впрочемъ нравственные и общественные недостатки въ бытѣ авглосаксонскаго племени, и какіе бы великіе общественные идеалы и золотые сны ни носились надъ головами континентальныхъ народовъ. Въ Великобританіи всѣ политическія брани совершаются подъ открытымъ небомъ

общественнаго мнѣнія и опираются единственно на нравственныя понятія и различныя комбинаціи общественныхъ интересовъ; неограниченная свобода этой, по преимуществу нравственной борьбы открыта для всѣхъ безъ изыятія типовъ общественной жизни, начиная отъ горделиваго потомка феодальныхъ бароновъ до не менѣе горделиваго чартиста или британскаго вырожденка современной демократіи, подавляющей и подавляемой на континентѣ, либеральной, и потому безопасной и здоровой въ Великобританіи; неограниченная свобода мысли и борьбы доведена до той заповѣдной черты, за которую политическій агитаторъ хватается уже не за оружіе законной и мирной борьбы, а за насиліе, и на которой безоружный констабль останавливаетъ его во имя законнаго порядка. Въ Великобританіи возможны всякія проявленія человѣческаго разума и силы, кромѣ реакціи и революціи, которыя рѣшительно невозможны. Неужели же всего этого мало для истинныхъ друзейъ человечества, неужели всего этого мало, когда черезъ арену даже самыхъ передовыхъ политическихъ обществъ континентальной Европы безпрестанно съ грохотомъ переключиваются опасныя приверженцы всякаго тяжелаго и легкаго вооруженія, французскіе жандармы, чиновники, и искатели диктаторскихъ карьеръ, германскіе юнкера и ученые централизаторы?

Мы обозначили общій характеръ *либеральной* политики, но это еще не значитъ, чтобы въ этомъ направленіи не было чрезвычайнаго разнообразія какъ въ самыхъ воззрѣніяхъ на государство, такъ и въ убѣжденіяхъ относительно практическихъ способовъ къ разрѣшенію политическихъ задачъ, поставленныхъ потребностями современнаго общества. Для насъ достаточно было выставить главныя черты этой политики, такъ существенно важныя, по общему своему направленію, для интересовъ современной аристократіи, которая, подъ угровою или окончательной смертію, или весьма опаснаго недуга, не можетъ не вѣдать условій той почвы, на которой разрѣшаются нынѣ всѣ близкіе для ея существованія вопросы. Мы не обязаны входить здѣсь въ болѣе подробное разсмотрѣніе разныхъ оттѣнковъ либеральной политики; по тѣмъ или другимъ личнымъ сочувствіямъ, личнымъ интересамъ и темпераментамъ, она можетъ вести къ весьма-различнымъ практическимъ способамъ разрѣшенія вопросовъ дѣйствительности; но въ случаѣ опасности съ двухъ враждебныхъ сторонъ либеральная политика должна соединить своихъ приверженцевъ, подѣ одно знамя.

Мы бы хотѣли только въ этой средѣ либеральныхъ политическихъ тенденцій указать, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, на направленіе мыслей, особенно для насъ сочувственное; оно пробивается наружу въ сознаніе лучшихъ мыслителей нашего времени и особенно отличается своею умѣренностію и миролюбіемъ, при всѣхъ задаткахъ движенія и прогресса. Этому направленію постоянно старались слѣдовать и мы, въ обсужденіи нашихъ общественныхъ и государственныхъ вопросовъ, и этому направленію, по глубокому нашему убѣжденію, предвидимъ мы въ Европѣ блестящую будущность, хотя до сихъ поръ оно дѣйствовало лишь инстинктивно, и только въ настоящее время скромно отыскиваетъ путь къ самосознанію въ наукѣ и литературѣ.

Гражданская свобода, сказали мы, не есть еще экономическая и нравственная независимость. Гражданское равенство, или равенство права всѣхъ на гражданскую свободу, есть не что иное какъ равное право всѣхъ стремиться къ независимому положенію въ обществѣ. Законодательство обязано не препятствовать этимъ стремленіямъ, но оно не въ силахъ по произволу увеличивать число людей, поставленныхъ въ независимое положеніе. Экономическая и нравственная независимость бываетъ плодомъ личныхъ усилій, и путь для этихъ усилій не можетъ и не долженъ быть предписываемъ. Онъ зависитъ отъ множества индивидуальныхъ, мѣстныхъ и временныхъ условій, которыя непрерывно измѣняются. Но въ числѣ этихъ условій на первомъ мѣстѣ обыкновенно является опять таки законодательство, которое, возникши въ отдаленныя времена исторіи народа, когда взаимныя отношенія людей были еще очень неопредѣленны, значительно содѣйствуетъ ихъ опредѣленію и само направляетъ отчасти исторію народа. Законодательство каждаго народа не есть отвлеченное общечеловѣческое право; всякое живое законодательство всегда бываетъ національно и отражаетъ на себѣ особенности народной жизни; оно развивается вмѣстѣ съ ними и само отчасти развиваетъ ихъ. Дѣло было бы очень просто, и либеральное направленіе не могло бы даже имѣть отбѣнокъ, еслибы законодательство могло ограничиться установленіемъ гражданской свободы и полноправности, выразиться въ какомъ-нибудь *Code Napoléon*, и затѣмъ почить отъ трудовъ своихъ. Въ дѣйствительности такъ не бываетъ. Законодательство не ограничивается однимъ лишь гражданскимъ правомъ, но даже и въ самомъ граждан-

скомъ правѣ каждаго народа есть элементъ, происходящій не изъ чистаго общечеловѣческаго понятія гражданской свободы, а изъ народныхъ и мѣстныхъ понятій о средствахъ достиженія независимости. Особенно при устраненіи законодательныхъ стѣсненій, препятствующихъ достиженію независимости членами общества, самое воздержное законодательство не можетъ обойтись безъ нѣкотораго вліянія на тотъ путь, которымъ будутъ въ послѣдствіи идти стремленія отдѣльныхъ гражданъ къ пріобрѣтенію независимаго положенія. При законодательныхъ задачахъ такого рода недостаточно руководствоваться одною теоріей о началахъ права, а необходимо сообразоваться съ исторіей и жизнію.

Понятія объ условіяхъ независимаго положенія вырастаютъ исторически въ сознаніи каждаго народа, и хотя имѣютъ свою общечеловѣческую сущность, но имѣютъ также свои особенности мѣста и времени, которыя законодателю непозволительно не вѣдать и не признавать. Англичанинъ считаетъ себя независимѣе, живя какъ фермеръ на землѣ своего ландлорда, чѣмъ на своей собственной полоскѣ земли, ибо эта полоска, вслѣдствіе тяжкихъ условій поземельной собственности въ Англіи, была бы для его независимости меньшимъ обезпеченіемъ, нежели ферма; лучше сказать, зависимость отъ ландлорда, вслѣдствіе характера англійскаго ландлорда и самаго фермера, менѣе тяжка для послѣдняго, нежели экономическая зависимость, въ которую онъ былъ бы поставленъ пріобрѣтеніемъ своего собственнаго клочка земли. Вслѣдствіе дороговизны земли и условій выгодной ея обработки и вслѣдствіе дешевизны гражданской и политической свободы въ Англіи, пріобрѣтеніе политическихъ правъ обошлось и обходится англійскому крестьянину дешевле, чѣмъ пріобрѣтеніе поземельной собственности, и потому, съ свойственнымъ англо-саксонскому племени здравымъ смысломъ, англійскій крестьянинъ покинулъ заботы о поземельной собственности, и издавна сосредоточилъ свои стремленія къ независимости на пріобрѣтеніи политическихъ льготъ. Онъ сдѣлался на землѣ ландлорда хозяиномъ и гражданиномъ болѣе независимымъ и свободнымъ, нежели бы онъ былъ на своей собственной землѣ безъ тѣхъ великихъ обезпеченій, которыя выработалъ для него ландлордъ; такому результату способствовали всѣ вѣковыя, историческія отношенія, въ которыя поставили себя ландлорды къ людямъ, жившимъ около нихъ, и отношенія ландлордовъ къ

правительству и администраціи; этому результату способствовали также наклонности всего народонаселенія. *Но все это никакъ не значитъ, чтобы такая форма обезпеченія личной независимости крестьянина была единая и всесовершенная.* Форма, въ которой нашло обезпеченіе для своей независимости земледѣльческое народонаселеніе Англіи, подлѣ землевладѣльческаго, не значитъ даже, чтобы тѣ же самые земледѣльцы не почли себя еще болѣе счастливыми, еслибъ они могли, сохранивъ всѣ гражданскія и политическія обезпеченія, добытыя нынѣ существующими отношеніями, вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсти и обезпеченія полной поземельной собственности. Но вопервыхъ англійскіе земледѣльцы пока еще не достигли и всей той суммы политическихъ льготъ, какая возможна для нихъ на этомъ самомъ пути, и какую они постепенно пріобрѣтаютъ съ такимъ несомнѣннымъ успѣхомъ. Въ вторыхъ, контрактъ найма земли въ томъ видѣ, какъ онъ развился въ Великобританіи, едвали уже получилъ свою окончательную форму. Устремиться къ новымъ формамъ общественныхъ отношеній, прежде нежели исчерпаны донельзя всѣ выгоды существующихъ, не въ духѣ и не въ понятіяхъ англо-саксонскаго племени; при томъ же ничего особенно соблазнительнаго и не представляется ему у другихъ народовъ.

Посмотримъ теперь на французскаго крестьянина. Онъ постоянно стремился къ поземельной собственности, и только въ ней одной могъ онъ получить нѣкоторое обезпеченіе своей независимости; такого обезпеченія не представляли для него ни исторически выработавшіяся отношенія къ нему дворянства, ни исторически выработавшіяся отношенія дворянства къ остальному народу, къ государственной власти и администраціи. Форма аренды не представлялась прочною гарантіей для обезпеченія не только самостоятельности земледѣльческаго класса Франціи, но и для обезпеченія интересовъ самаго землевладѣльческаго класса. Французское дворянство, по своему общественному и политическому положенію, не могло дать народонаселенію своихъ помѣстьевъ, подлѣ контракта аренды, все то, что дало англійское. Нельзя сказать, чтобы экономическія формы быта французскаго земледѣльческаго народонаселенія, чтобы типъ *собственника-пролетарія*, точно также какъ и *типъ французскаго жантильйома*, чуждаго всему у себя дома, были окончательными формами общественныхъ отношеній для самой Франціи. Это впрочемъ никакъ не значитъ, чтобы французскому крестьянину и французскому дворянину было бы

лучше, еслибы, при тѣхъ же условіяхъ своей исторіи, первый изъ нихъ не сдѣлался собственникомъ своего клочка земли, а второй захватилъ бы себѣ всю землю, и это также не значить, чтобы дальнѣйшее развитіе обезпеченій ихъ гражданской и политической самостоятельности заключалось въ заимствованіи формъ англійскихъ отношеній. Въ природѣ формы экономическихъ, гражданскихъ и политическихъ отношеній не такъ бѣдны и не такъ легко повторяются.

Переноса высказанныя здѣсь понятія на нашу русскую почву, мы точно также должны придти къ заключенію, что узелъ отношеній земледѣльческаго класса къ помѣщичьему долженъ развязаться сообразно съ исторіей и современнымъ характеромъ этихъ отношеній. Еслибы мы вздумали примѣнять здѣсь какія-нибудь абсолютныя формы независимости, еслибы мы вздумали фантазировать надъ русскимъ обществомъ и русскою жизнію, то мы бы горько ошиблись: вмѣсто того, чтобы къ существующимъ обстоятельствамъ примѣнить наши понятія и дать только возможность отношеніямъ, уже существующимъ, но еще не вполне опредѣлившимся юридически, преобразоваться въ отношенія, болѣе опредѣленныя, мы оторвали бы нашу исторію отъ корней ея; мы не создали бы новыхъ формъ крестьянскаго быта, что невозможно, но перепутали бы существующія, что всегда возможно. Русскій крестьянинъ всѣми своими нравственными и экономическими инстинктами стремится къ положенію *крестьянина-собственника земли*; таковъ доселѣ лучшій типъ русскаго крестьянина, и нельзя сказать, чтобы такое воззрѣніе, инстинктивно таящееся въ душѣ русскаго крестьянина, не было правильнымъ воззрѣніемъ его на свое прошедшее и будущее: оно вполне соотвѣтствуетъ характеру всѣхъ взаимныхъ отношеній земли, крестьянина, помѣщика и государственной власти. Исторія связала крестьянина съ землею; безумно было бы насильственно развязать его съ нею. Государственная задача заключается въ томъ, чтобы *облегчить, вмѣстѣ съ безусловнымъ освобожденіемъ гражданской личности крестьянина, и не нарушая гражданскихъ правъ помѣщика, окончательное опредѣленіе правъ крестьянина на землю, помочь развязкѣ исторически-неопредѣленныхъ правъ помѣщика и крестьянина на землю, находящуюся въ неотъемлемомъ пользованіи послѣдняго*. Благопріятное разрѣшеніе этой задачи сопряжено съ интересами не только самого крестьянскаго, но и помѣщичьяго сословія.

Взять за образецъ только одну сторону отношеній английской аристократіи къ сельскому народонаселенію, только одну сторону обезпеченій самостоятельности этого народонаселенія, когда нѣтъ и тѣни другой стороны обезпеченій, было бы безумно, было бы даже совершенно противоположно самымъ кореннымъ понятіямъ и самому духу английской аристократіи. *Англійская аристократія именно всегда стремилась взять на себя какъ можно больше обязанностей и тягостей передъ обществомъ и передъ государственною властью, чтобы пріобрѣсти какъ можно больше выгоды и льготы, а не стремилась набрать какъ можно больше для себя выгоды и льготы, чтобы увеличались потомъ тѣ обязанности и тягости, которыхъ будутъ отъ нея требовать и общество и государственная власть, и которыя бы только затруднили ея положеніе.* Въ это послѣднее трудное положеніе именно было бы поставлено русское помѣщичье сословіе, еслибы крестьянскому сословію былъ затрудненъ путь къ превращенію неопредѣленнаго права на землю въ опредѣленное и юридически совершенное право поземельной собственности; оно собрало бы вокругъ самого себя столько затрудненій, что для разрѣшенія ихъ не смогло бы отыскать довольно силъ ни въ своемъ настоящемъ, ни въ своемъ прошедшемъ. Мы никакъ не убѣждены, чтобы землевладѣльчeskій классъ въ Россіи былъ вовсе не способенъ въ будущемъ пріобрѣсти для себя многія выгоды и льготы того положенія и быта, которыя имѣетъ великобританскій землевладѣлецъ, хотя эти выгоды и льготы должны проявиться въ нѣсколькихъ формахъ, нежели великобританскія: такое пріобрѣтеніе было бы одинаково благотѣльно для интересовъ и крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, и всего общества. Но передѣлать мгновенно свою вѣковую исторію не властно никакое общество и никакое сословіе; при томъ же, вслѣдствіе общественнаго и государственнаго характера русскаго помѣщика, улучшение быта будетъ значительно облегчено для него самого, подлѣ крестьянина, обезпеченнаго поземельною собственностью, нежели подлѣ крестьянина, лишеннаго правъ, прежде принадлежавшихъ ему, хотя и не опредѣленныхъ и не совершенныхъ ни въ экономическомъ, ни въ юридическомъ смыслѣ. Наконецъ пріобрѣтеніе крестьянами земли обѣщаетъ матеріальное вознагражденіе для дворянъ, которые опять, по своимъ хозяйственнымъ обстоятельствамъ, сложившимся издавна, нуждаются въ денежныхъ средствахъ. Итакъ русское общество и государство дол-

жны всѣми силами облегчить крестьянамъ переходъ отъ те-перешнихъ поземельныхъ отношеній къ праву поземельной собственности; но при этомъ никакъ не можетъ быть нарушено общее начало свободы личности и ея продукта—собственности, иначе средства противорѣчили бы самой цѣли, ибо пріобрѣтеніе поземельной собственности для крестьянина необходимо какъ обезпеченіе его экономической независимости, а не номинально, для того только, чтобы въ официальныхъ статистическихъ таблицахъ показывалось въ собственности крестьянъ столько-то десятинъ земли, ради утѣхи административныхъ соображеній. Необходимо, чтобы крестьянину позволено было знать самому, нужна ли ему земля въ собственность, или нѣтъ, и сколько; чтобы крестьянинъ какъ можно скорѣе вышелъ на этотъ путь, съ того пути, на которомъ не онъ самъ, а другой за него знаетъ (кто бы и каковъ бы ни былъ этотъ другой), что ему нужно и что онъ долженъ дѣлать. Такимъ путемъ представляется гражданская полноправность крестьянина, и на ея основѣ — добровольныя сдѣлки при пособіи *кредита*. Выкупъ крестьянами земли обезпечиваетъ интересы и крестьянъ и помѣщиковъ; инициатива, дѣятельность и вліяніе въ этомъ дѣлѣ помѣщичьяго класса, съ обезпеченіями, необходимыми со стороны государства, будутъ первымъ задаткомъ, первымъ шагомъ дворянства на поприщѣ новой гражданской жизни. Взявшись бодро и энергически за это дѣло, призвавъ себя на помощь всѣ лучшія свои силы, растрчиваемыя нерѣдко на иныя, менѣе патріотическія дѣла, русскій образованный классъ можетъ надѣяться на успѣхъ и многихъ другихъ своихъ начинаній.

Способъ возрѣнія, какимъ мы руководствовались, при сужденіи объ этомъ трудномъ вопросѣ, называемъ мы *историко-физиологическимъ*; онъ пользуется историческимъ положеніемъ, какъ точкою отправленія для разрѣшенія вопроса, но не довольствуясь никакимъ завершеніемъ историческаго факта, онъ старается открыть въ немъ всѣ тѣ элементы общественной физиологіи, которые, вслѣдствіе однихъ историческихъ обстоятельствъ, *не пришли* къ извѣстному сочетанію, а вслѣдствіе другихъ обстоятельствъ *могутъ къ нему придти*. Въ этомъ *возможномъ* сочетаніи дѣйствительныхъ, данныхъ условій общественной жизни здравая политика должна отыскивать осуществленія своихъ идей. Такая политика также далека отъ грубой теоріи законченныхъ фактовъ (*des faits accomplis*), какъ и отъ непримѣнныхъ формулъ отвлеченной политической теоріи.

Различія историческихъ условій жизни народовъ и государствъ вынуждаютъ здравую политику сообразовать съ ними требованія разума и искать въ данныхъ, а не воображаемыхъ обстоятельствахъ разрѣшенія своей задачи. Мы уже сказали, что сущность этой задачи для единственно-разумной либеральной политики нашего времени, заключается въ *обезпеченіи свободы личности*. До сихъ поръ мы говорили о необходимости установить въ обществѣ гражданское равенство и о необходимости окружить этотъ законодательный актъ законами, соображенными съ историко-физиологическимъ изученіемъ данныхъ условій и особенностей народной жизни. Но установленіе гражданского равенства не есть еще обезпеченіе его, и здѣсь, при вопросѣ объ обезпеченіи гражданского равенства, или равнаго права всѣхъ на гражданскую свободу, опять находимъ мы, что либеральное направленіе раздѣляется на многіе оттѣнки. Свобода—одна; это—отвлеченная формула, общая для всякаго человѣческаго общества. Но какъ различны бываютъ способы пользоваться ею для приобрѣтенія независимости, такъ бываютъ различны и пути приобрѣтенія и огражденія свободы. И если законодательство, при всей своей воздержности, болѣе или менѣе вліяетъ на способы пользоваться свободой, то обезпеченіе свободы есть вполнѣ дѣло законодательства. Поэтому-то, говоря вообще о предметѣ либеральной политики, мы употребляли выше выраженіе: *обезпеченіе свободы*.

Переходя теперь къ спеціальному вопросу объ обезпеченіи свободы или о ея гарантіяхъ, мы совершенно вступаемъ на почву государственнаго или правильнѣе публичнаго права, *jus publicum*. Право частное, *jus privatum*, въ обширномъ смыслѣ этого слова, имѣетъ своимъ предметомъ установленіе юридическихъ нормъ, необходимыхъ для того, чтобы свобода одного человѣка не мѣшала свободѣ другаго человѣка, и мы видѣли, что для блага всѣхъ членовъ общества очень важно, чтобы эти нормы были одинаковы для всѣхъ гражданъ. Но нормы эти могутъ быть нарушаемы; за тѣмъ, чтобы онѣ не были нарушаемы безнаказанно, блюдетъ государственная власть, вооруженная на этотъ конецъ физическою силой и дѣйствующая посредствомъ многочисленныхъ органовъ. Самое существенное назначеніе государственной власти заключается въ охраненіи права и въ возстановленіи его, въ случаѣ, если оно будетъ нарушено. Но государственная власть дѣйствуетъ противъ нарушителей права посредствомъ людей, которые, какъ

люди, могутъ сами нарушать право. Нужны слѣдовательно мѣры, чтобъ этого не было, чтобы блюстители и возстановители закона сами не выходили изъ предѣловъ закона, и эти-то мѣры, устанавлиющія гарантіи противъ незаконныхъ дѣйствій со стороны людей, имѣющихъ обязанности блюсти законъ, составляютъ содержаніе публичнаго права.

Обезпеченія законности и свободы, устанавливаемые публичнымъ правомъ, имѣютъ въ разныхъ странахъ и у разныхъ народовъ самыя разнообразныя формы, но само собой разумѣется, что и въ нихъ не можетъ не быть чего-либо общаго, чего-либо всюду безусловно-необходимаго, какой-либо сущности, которую всѣ народы могли бы имѣть передъ своими глазами и къ которой бы всѣ могли стремиться, нисколько не нарушая особенностей своего историческаго развитія. Дѣйствительно, мы найдемъ такія общечеловѣческія обезпеченія, и они не многочисленны и весьма просты. Чтобъ указать на нихъ, воспользуемся прекрасною статьей г. Ремюза (1), недавно нами прочтенною и весьма близко подходящею къ изложеннымъ нами мыслямъ о гражданской и политической свободѣ.

Авторъ дѣлаетъ очеркъ *прочныхъ обезпеченій свободы* (*garanties stables*). «Мы предполагаемъ, говоритъ онъ, гражданскій законъ, охраняющій свободу и охраняемый справедливымъ судомъ. Первое обезпеченіе справедливости суда есть его *независимость*. Независимость судовъ заключается въ высотѣ и прочности положенія лицъ, ихъ составляющихъ. Если судьи не должны искать возобновленія своего состава ни у публики, ни у власти, то они независимы, и ихъ собственный интересъ — быть справедливыми. Поставить судебную власть внѣ всякой прямой зависимости отъ какой бы то ни было власти есть первая гарантія свободы. Замѣчу, что даже деспотическія правительства рѣдко присвоивали себѣ право судить и говорить какъ божество: «мнѣ одному принадлежитъ право возмездія». Нѣкоторая естественная стыдливость какъ-будто вырываетъ у нихъ изъ рукъ право судьи на независимость. Преступленіе, отъ котораго было бы всего труднѣе имъ защищаться — это нарушеніе независимости суда; примѣръ такой тиранніи, превзошедшей всякія иныя тиранніи, пятно, котораго не въ силахъ смыть всѣ воды Стикса и Леты, представляетъ лишь *революціонный трибуналъ*. Въ эпохи, болѣе спокойныя, учрежденіе комиссій, временныхъ и произвольныхъ,

(1) *De la liberté civile et politique* (*Revue des deux Mondes*, 1859, 15 juillet).

распоряжающихся судьбою гражданъ, есть ничѣмъ неизгладимое преступленіе со стороны какого бы то ни было правительства. Но на этотъ счетъ намъ трудно встрѣтить противниковъ, и потому мы продолжаемъ далѣе. Задача наша въ обезпеченіи гражданской свободы. Какимъ же образомъ оградить ее отъ нарушеній тайныхъ? Законы не существуютъ, если исполненіе ихъ не *гласно*. Въ этомъ выраженіи не можетъ быть никакой неясности: все то, что интересуется *публику*, должно дѣлаться *публичнымъ образомъ*; общественныя дѣла должны быть для всѣхъ гласны. Какой смыслъ можетъ имѣть законъ не обнародованный? Это ни болѣе, ни менѣ какъ лишняя бумага въ архивахъ. Но если даже онъ обнародованъ, и если неизвѣстны его послѣдствія, если неизвѣстно, каково было его исполненіе, тогда все законодательство обращается въ западню для общества. Мы теряемъ всякую гарантію въ томъ, что то, что дѣлается, согласно съ тѣмъ, что пишется. Итакъ гласность есть первая гарантія—гарантія гарантій. Три тысячи лѣтъ тому назадъ, Гезіодъ говорилъ, что устами народовъ изрекается божественная правда. Наши предки, болѣе скромные, предоставили общественному мнѣнію царство сего міра. Но въ новѣйшихъ обществахъ, въ этихъ великихъ собраніяхъ людей, покрывающихъ собою огромныя территоріи, нѣтъ такой обширной площади, которая была бы достаточнымъ мѣстомъ для всеобщей гласности. Чтобы дѣла были гласны, мало того, чтобъ ихъ видѣли люди, могущіе быть очевидцами ихъ, нужно, чтобъ ихъ знали всѣ, кто хочетъ знать ихъ, а для этого необходимо, чтобъ они были разказаны публикѣ. Поэтому гласность новаго времени, это—книгопечатаніе! Смѣшно было бы разъяснять все, что заключается въ этомъ словѣ. Часто прославляли исторію: къ исторіи обращались съ апелляціей противъ всѣхъ злоупотребленій власти и партій. Вызывали страхъ исторіи противъ могущества дѣлать зло. Но что такое исторія? Опять таки печать, прошедшее, отданное въ распоряженіе печати. Даже тѣ, которые еще не знали печати, Фукидиды и Тациты, посредствомъ нея продолжаютъ до сихъ поръ давать уроки правительствамъ и народамъ. То, что исторія для прошедшаго, то книгопечатаніе для настоящаго: это исторія нашего времени. Станете ли вы обвинять печать въ невѣжествѣ или обманѣ, въ хулѣ или лести? Но она то же, что исторія. Развѣ исторія не глала, не ругалась, не льстила? Если вы надѣетесь водворить истину молчаніемъ, то заставьте же молчать и исторію, и

печатать; но этимъ вы только замѣните ложь утаеніемъ истины: что я говорю?—вы ничего не выиграете, ибо вы никогда не въ силахъ воспретить ложь сильному. Вы только дадите побѣдителямъ право на поруганіе побѣжденныхъ и подлецамъ полную свободу лести; вы задушите и для настоящаго и для прошедшаго то, что Тацитъ называлъ *совѣстью* человѣческаго рода.

«Судъ независимъ; все гласно въ исполненіи законовъ. Все извѣстно и все можетъ быть напечатано. Но достаточно ли этого? Конечно, нѣтъ. Судья, хранитель публичной власти, самъ подчиненъ законамъ, надобно, чтобъ онъ отвѣчалъ за ихъ нарушеніе. Гласность можетъ угрозою остановить его въ минуту дѣйствія, возбудить въ немъ муки совѣсти, если онъ уже совершилъ зло. Часто этого достаточно, чтобы предотвратить зло и даже чтобы за него наказать; но иногда нужно болѣе этого. Каково бы ни было могущество чести, приговоры общественнаго мнѣнія даже въ самыхъ просвѣщенныхъ обществахъ не достаточны для огрубѣлой нравственности. Приговоры суда необходимы, чтобъ уяснить, исправить, освятить приговоры общественнаго мнѣнія. *Отвѣтственность* должна быть всеобщая на этомъ свѣтѣ; отвѣтственность по суду и закону только ея форма и примѣненіе въ случаяхъ важныхъ и рѣдкихъ. Этому условію дѣятельности, общему для всѣхъ людей и гражданъ, должны быть подчинены и должностныя лица государства, которыя конечно также люди и граждане.»

Этотъ судебный элементъ ответственности долженъ простирается далѣе предѣловъ суда; онъ долженъ проникать собою все государственное устройство. Преобладаніемъ его отличается государство, основанное на законѣ (*Rechts-Staat*), отъ такъ-называемаго *полицейскаго* государства (*Polizey-Staat*). Мы не можемъ подробно говорить здѣсь о всѣхъ проявленіяхъ этого элемента въ государственной жизни; но, имѣя въ виду пояснить политическое значеніе естественной аристократіи, какъ одну изъ гарантій, обеспечивающихъ свободу, укажемъ только на то несомнѣнное явленіе, что полицейское государство старается искать служителей своихъ преимущественно между людьми зависимыми, между тѣмъ какъ государство, основанное на законѣ, ищетъ независимыхъ людей и имъ даетъ свои порученія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ общемъ государственномъ устройствѣ сила, умѣряющая и уравнивающая отношенія государства къ обществу, можетъ опираться преимущественно на содѣйствіе тѣхъ лицъ, которыя, уже по

своему естественному общественному положенію, пользуются независимостію. Политическая мудрость состоитъ именно въ искусствѣ отыскать въ обществѣ эти независимые элементы и воспользоваться ими для обезпеченія законности. Законодательство не можетъ создать эти элементы; опытъ показалъ, что государственныя формы совершенно бессильны въ этомъ отношеніи, и что страны, въ которыхъ мало людей независимыхъ, при любой формѣ правленія управляются дурно. Поэтому-то благоразумная либеральная политика такъ дорожитъ существованіемъ въ народѣ группъ, которыя возвышены надъ массою общества не искусственными мѣрами законодательства, а естественнымъ физиологическимъ процессомъ общественной жизни, и, благодаря неопѣненному благу своего независимаго положенія, могутъ оказать великія услуги государству и обществу своимъ участіемъ въ государственномъ управленіи.

На группу этихъ людей, которые, по положенію своему, могутъ говорить и дѣйствовать во имя закона свободно и независимо, должно опираться *самоуправленіе*. Безъ существованія этой группы оно было бы невозможно, потому что самоуправленіе, не проникнутое судебнымъ характеромъ, превратилось бы въ самоуправство. Но гдѣ эта группа существуетъ въ достаточныхъ размѣрахъ, и гдѣ законодательству удастся воспользоваться ею для государственнаго благоустройства, тамъ возможно удовлетворительное обезпеченіе личной и общественной свободы и спокойное, законное развитіе общества; правильная система самоуправленія оберегаетъ интересы правительства и общества отъ злоупотребленій своеволія, и она же даетъ самый естественный исходъ дѣятельности естественной аристократіи и позволяетъ ей употреблять свои силы самымъ выгоднымъ образомъ для всего общества. Дѣятельнымъ участіемъ въ самоуправленіи, эта группа людей, которая, въ историческомъ движеніи, всплыла на поверхность общества, можетъ вполне вознаградить массы за всѣ невыгоды той естественной зависимости, нравственной и экономической, въ которой находятся люди необразованные и бѣдные отъ людей образованныхъ и богатыхъ. Тѣмъ же самымъ участіемъ послѣдніе могутъ вознаградить себя за утрату гражданскихъ привилегій, не совмѣстныхъ съ самыми первоначальными понятіями справедливости, и безвозвратно гибнущихъ съ успѣхами общества.

В. Безобразовъ.

ОБЩЕСТВО

ЛЮБИТЕЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ

И

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ КАЗАНИ,

съ 1805 по 1834 годъ.

Въ двѣнадцатой книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за прошлый годъ, г. Лонгиновъ, говоря объ Обществѣ любителей россійской словесности въ Москвѣ, выразилъ совершенно справедливое желаніе «узнать исторію, *хотя краткую*, литературныхъ обществъ въ Россіи и получить извѣстія о томъ, какимъ образомъ исчезали они съ своего поприща (стр. 610)». Къ числу этихъ обществъ принадлежало и казанское, впрочемъ, до сихъ поръ существующее: о немъ все еще упоминаютъ на ежегодныхъ актахъ Казанскаго университета, съ обычнымъ извѣщеніемъ, что собраній его членовъ не было и на сей разъ. Безспорно, дѣятельность казанскаго Общества была менѣе плодотворна, нежели дѣятельность московскаго; отъ нея почти не осталось слѣдовъ. Несмотря на то, исторія его также исполнена живаго интереса для всякаго, кто захочетъ ближе и внимательнѣе познакомиться съ нею. Для этой цѣли мало впрочемъ прочесть единственную книжку *Трудовъ Общества*; необходимо также собрать свѣдѣнія о характерѣ общественной жизни и литературнаго движенія въ Казани съ основанія въ ней университета. Значительную услугу могутъ оказать въ этомъ отношеніи тѣ періодическія изданія, которыя выходили

въ Казани съ 1810 по 1834 годъ. Равнымъ образомъ исторія Общества нуждается въ поясненіяхъ, какія можно почерпнуть изъ исторіи самага университета. Но лишь въ *Семейной Хроникѣ* С. Т. Аксакова можно встрѣтить нѣсколько интересныхъ страницъ, касающихся первыхъ дней Казанскаго университета. Затѣмъ, кромѣ официальныхъ извѣстій, литература не предлагаетъ ничего для занимающаго насъ вопроса: люди, получившіе образованіе въ Казанскомъ университетѣ въ первыхъ десятилѣтія его существованія, младшіе современники тѣхъ лицъ, о которыхъ напомнить читателямъ предлагаемая статья, еще не познакомили литературу съ своими воспоминаніями (1). Вотъ почему мы должны были ограничиться здѣсь только тѣми свѣдѣніями, какія нашли въ указанныхъ выше источникахъ.

I.

Казанскій университетъ, основанный въ городѣ, уже имѣвшемъ народное училище и гимназію, но среди жизни, все еще мирившейся съ употребленіемъ въ юридической практикѣ пытки, чѣмъ прославилась Казань въ началѣ царствованія Александра I (2), праздновалъ свое открытіе въ февралѣ 1805 года. «Его превосходительство г. попечитель казанскаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Степанъ Яковлевичъ Румовскій, возвѣщало печатное объявленіе объ этомъ событіи, 13 февраля прибылъ въ Казань, дабы положить основаніе назначенному здѣсь университету. На другой день, предварительно созвавъ опредѣленныхъ въ оный профессоровъ и адъюнктовъ, прибылъ въ собраніе, гдѣ привѣтствованъ былъ поздравительною рѣчью отъ секретаря совѣта казанской гимназіи, адъюнкта Левицкаго. Послѣ чего, прочетши утвердительную его императорскаго величества грамоту и уставъ Казан-

(1) Въ давнообщанномъ, но къ сожалѣнію до сихъ поръ не появившемся сборникѣ *Братчина*, который задуманъ былъ два года тому назадъ литераторами, получившими свое образованіе въ Казанскомъ университетѣ, издатели, если не ошибаемся, предполагали помѣстить нѣсколько разказовъ о литературномъ движеніи и университетской жизни въ Казани въ старыя годы.

(2) П. С. З. т. XXVI, № 20.022.

скаго университета, вручилъ оныя собранію для храненія, какъ священный залогъ монаршей милости къ университету и безпримѣрнаго попеченія о благѣ Россіи. При семъ же случаѣ г. попечитель, въ сходство отношенія къ нему его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, объявилъ о назначеніи правящаго должность директора казанской гимназіи, инспектора Яковкина, ординарнымъ профессоромъ исторіи, географіи и статистики Россійской имперіи, а четырехъ учителей гимназіи адъюнктами университета: Карташевскаго — высшей математики, Эриха — древностей, латинскаго и греческаго языка, Левицкаго — умозрительной и практической философіи, Запольскаго — прикладной математики и опытной физики, какъ наукъ предуготовительныхъ. Все собраніе тронуту было безпримѣрными щедротами монарха и особеннымъ благорасположеніемъ начальства къ награжденію знаній и заслугъ; почему профессоръ Яковкинъ изъявилъ благодарныя къ толь-великимъ монаршимъ благотвореніямъ чувствованія, какъ присутствовавшихъ сочленовъ, такъ и отъ имени всего училища. Послѣ того его превосходительство, г. попечитель, препоручивъ совѣту избрать достойнѣйшихъ учениковъ ко вступленію въ студенты и расположить учебное время университетскихъ лекцій, окончилъ собраніе обзорніемъ классовъ и другихъ учебныхъ заведеній гимназіи и, усмотрѣвъ во всемъ устройство и порядокъ, изъявилъ особенное свое удовольствіе.» Въ студенты были выбраны 32 ученика гимназіи (1), и 22 февраля, «въ присутствіи г. попечителя, говорить то же объявленіе, въ большой гимназической залѣ правящій должность директора гимназіи, профессоръ Яковкинъ, отдѣливъ студентовъ новооткрывающагося университета отъ учениковъ гимназіи, прочелъ имъ изъ высочайше-конфирмованныхъ—устава Казанскому университету статьи объ обязанностяхъ студентовъ вообще и особенно составляющихъ педагогическій институтъ, и изъ утвердительной грамоты о всемилостивѣйше-предоставленныхъ воспитанникамъ университета привилегіяхъ, присовокупивъ къ

(1) Въ *Семейной Хроникѣ* 2-го изданія, ч. II, стр. 165—166, при томъ же самомъ числѣ студентовъ, какъ и въ объявленіи, пропущены имена: Андрея Шубина, Николая Манасеина, Помпея Смирнова и Александра Лобачевского, въ замѣнъ которыхъ поставлены имена: Василья Перевощикова, Николая Кинтера, Петра Зыкова и Александра Дмитріева. Есть еще незначительныя отступленія въ именахъ личныхъ.

тому отъ себя краткое пристойное наставленіе какъ избраннымъ студентамъ, такъ и оставшимся въ гимназіи ученикамъ. Послѣ сего его превосходительство, г. попечитель привѣтствованъ былъ отъ студентовъ Кондырева и Панаева своего сочиненія стихотвореніями, студенты же Перевощиковъ и Поповъ имѣли честь поднести его превосходительству одинъ въ стихахъ свои упражненія, а другой нѣкоторые опыты искусства его рѣзбы на кости. Г. попечитель, принявъ отъ нихъ съ начальническою благосклонностію и вниманіемъ сіи приношенія, окончилъ собраніе особеннымъ наставленіемъ къ студентамъ и ученикамъ, объяснивъ имъ цѣль ихъ воспитанія и обязанности ихъ къ монарху и отечеству.» На третій день послѣ того, начались и лекціи. По крайней мѣрѣ, въ приводимомъ нами объявленіи сказано: «Профессорскія и адъюнктскія лекціи, принявъ свое начало сего февраля 24 дня въ зданіи гимназическомъ, будутъ продолжаться до окончанія лѣтняго курса 11 юля слѣдующимъ порядкомъ: 1) Профессоръ Яковкинъ читать будетъ російскую исторію, по *Краткой Російской Исторіи*, имъ изданной, слѣдуя за историческимъ порядкомъ въ географіи и статистикѣ, по изданному отъ него же лѣтосчислительному изображенію російской исторіи, статистическимъ г. Шторха таблицамъ и географическимъ описаніямъ Россіи по разнымъ ея періодамъ. Лекціи его будутъ по средамъ и пятницамъ отъ 4 до 6 часовъ по полудни. 2) Профессоръ Цеплинъ, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ до полудни отъ 7 до 9 часовъ читать будетъ первую часть всеобщей исторіи государствъ, приѣмля основаніемъ сокращеніе г. Шпитлера. 3) Адъюнктъ Карташевскій, по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, до полудни отъ 9 до 11 часовъ, ариметику, геометрію и тригонометрію по начертанію Шульца. 4) Адъюнктъ Запольскій, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ до полудни отъ 9 до 11 часовъ, опытную физику, руководствуясь *Физикою* Гилеровскаго и прибавляя къ сему дополненія изъ новѣйшихъ физиковъ. 5) Адъюнктъ Левицкій, по вторникамъ и четвергамъ, по полудни отъ 4 до 6 часовъ и въ субботу, по полудни отъ 2 до 4 часовъ, логику по начертанію г. Рижскаго, присовокупляя къ оной примѣчанія изъ новѣйшихъ иностранныхъ сочинителей по сей части. 6) Адъюнктъ Эрихъ, по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, до полудни отъ 7 до 9 часовъ, прочтетъ первую книгу Цицерона *О должностяхъ* съ нужными примѣчаніями. Сверхъ сего 7) *выписываемый* про-

• профессоръ патологіи, терапіи и клиники, Протасовъ, по прибытіи въ Казань, будетъ преподавать натуральную исторію по понедѣльникамъ, средамаъ и пятницамаъ, по полудни отъ 2 до 4 часовъ.» Безъ сомнѣнія, эти предполагаемая лекціи не отличались нисколько отъ простыхъ уроковъ, и г. Аксаковъ имѣлъ полное право сказать, что «воспитанникамъ, назначеннымъ въ студенты, не произвели обыкновенныхъ экзаменовъ, ни гимназическихъ, ни университетскихъ, а напротивъ все это время употребили на продолженіе ученя, пригготовительнаго для слушанья университетскихъ лекцій» (стр. 167). Только въ исходѣ августа открыто было чтеніе лекцій профессорами, названными въ объявленіи, за исключеніемъ Протасова, но съ прибавленіемъ: Фукса—натуральной исторіи, Германа—латинской литературы и древностей, Бюнемана—права естественнаго, политическаго и народнаго (на французскомъ языкѣ), и адъюкта Эвеста—химіи и анатоміи. «Вотъ въ какомъ смѣшеніи факультетовъ и младенческомъ составѣ открылся нашъ университетъ», замѣчаетъ одинъ изъ первыхъ студентовъ, сообщившій въ своихъ воспоминаніяхъ извѣстія объ этихъ лекціяхъ (стр. 173—174).

Несмотря на такую бѣдность ученыхъ средствъ только что основаннаго университета, жажда умственныхъ наслажденій, пробужденная въ новыхъ членахъ его съ большею силою противу прежняго, скоро перешла черту обычныхъ занятій: составилось маленькое литературное общество, на первый разъ изъ пяти членовъ. Собирались одинъ разъ въ каждую недѣлю и читали свои сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ: «хотя Общество до законнаго утвержденія своего положенія и не должноствовало бы имѣть собраній; но какъ всѣ члены его были одного учебнаго вѣдомства и даже мѣста, а собранія имѣли видъ болѣе домашнихъ собраній, то и не было препятствій къ подобнымъ засѣданіямъ», такъ говоритъ о первыхъ собраніяхъ этого общества *Историческое Обзорніе Казанскаго Общества Любителей Отечественной Словесности и о пользѣ онаго* (1). Первое

(1) *Труды Казан. Общ. Люб. Отеч. Слов.*, стр. 26—27. Г. Аксаковъ говоритъ въ *Семейной Хроникѣ*, стр. 205: «основателями и первыми членами были: Ибрагимовъ, студенты: В. Перевошиковъ, Д. Перевошиковъ, П. Кондыревъ (онъ же секретарь), И. Панаевъ, А. Панаевъ, я и гимназическій учитель Богдановъ.» Въ списокѣ членовъ по времени ихъ вступленія въ Общество, помѣщенномъ въ *Трудахъ*, стр. 51 и

собрание было 23 апрѣля 1806 года. Всѣхъ собраній въ этомъ году было тридцать одно; столько же сочиненій представили члены на общее разсмотрѣнiе. Къ концу года вступили въ Общество еще семь человекъ, въ томъ числѣ Яковкинъ, который и сдѣланъ былъ первымъ членомъ вмѣсто Ибрагимова. Составили положенiе изъ одиннадцати правилъ, которыми опредѣлялись порядокъ и занятія собраній Общества: положенiе это было одобрено министромъ народнаго просвѣщенiя, графомъ П. В. Завадовскимъ. Румовскому представленъ былъ годовой отчетъ о занятiяхъ Общества. Словомъ, первый годъ Общество трудилось едва ли не болѣе, чѣмъ во всѣ остальные. Члены его усердно посѣщали собранія, успѣли сдѣлать разборы многихъ сочиненій, задали нѣсколько темъ для литературныхъ сочиненій: «ревность членовъ, говорить *Историческое Обзорнiе*, очевидна». Таково было начало Общества.

Но въ слѣдующемъ году, съ мая уже стали собираться только по два раза въ мѣсяцъ, а съ декабря по одному разу. Всѣхъ собраній было однакожь 29, разсмотрѣно 56 сочиненій, задано одно. Нѣкоторые изъ членовъ, оставившіе Казань, приняли званiе иногородныхъ; новыхъ вступило трое. Въ 1808 году число засѣданій уменьшилось до десяти, хотя не разъ возобновляемо было предложенiе сходиться непременно разъ въ мѣсяцъ; сочиненій прозаическихъ и стихотворныхъ разсмотрѣно до 25. Въ 1809 году Румовскій подалъ мысль объ изданiи періодическаго сочиненiя при университетѣ; Общество желало издавать собственные труды и стало думать о сочиненiи своего устава. Но число его членовъ уменьшилось.

Между многими причинами безуспѣшности занятій Общества современники считали и то обстоятельство, что къ нему принадлежали одни лица, служившія при университетѣ, гимназiи и вообще по учебному только вѣдомству. Въ 1810 году сдѣлано было исключенiе и для другихъ: инспекторъ казанской семинарiи, обыкновенно называвшейся тогда духовною академіей, архимандритъ Израиль, и архимандритъ Епифаній, потомъ воронежскій епископъ, были приняты въ Общество. Уставъ написанъ и отправленъ для просмотра и утвержденiя въ Петер-

слѣд., названы только: Н. Ибрагимовъ, В. Перевощиковъ, П. Кондыревъ, А. Васильевъ, Д. Богдановъ. По словамъ *Хроники*, Общество собиралось по субботамъ; *Историческое Обзорнiе* говоритъ о понедѣльникахъ.

бургъ. Рѣшено было приступить къ изданію *Трудовъ*, не опредѣляя заранѣе сроковъ для выхода отдѣльныхъ книжекъ. Ибрагимовъ и В. Перевощиковъ назначены редакторами ихъ. Румовскій выпросилъ для этой цѣли чрезъ министра народнаго просвѣщенія, графа А. К. Разумовскаго, 400 рублей изъ хозяйственныхъ суммъ университета. Все изданіе предполагалось раздѣлить на три отдѣла: словесность, науки и искусства, ученые извѣстія. Занимались въ этомъ году преимущественно собираніемъ біографическихъ извѣстій объ умершихъ членахъ Общества. Постановили между прочимъ: помѣщать въ *Трудахъ* некрологи ихъ, въ комнатѣ собранія выставлять ихъ портреты и вообще читать похвальные рѣчи въ честь выбывшихъ членовъ. Дѣятельность Общества нѣсколько развилась. Въ 1811 году представлена была Румовскому въ рукописи первая книжка *Трудовъ*. Число членовъ значительно увеличилось (32). Къ нимъ принадлежали: въ Кіевѣ—Ф. Рындовскій; въ Петербургѣ—Н. Фодоровъ, В. Анастасевичъ, Д. Соколовъ и П. Политковскій; въ Цывилъскѣ—Н. Арцыбашевъ; въ Оренбургѣ—А. Лубкинъ, А. Пятницкій и А. Карсунскій. Даже лица, не принадлежавшія къ Обществу, стали присылать свои рукописныя и печатныя сочиненія на судъ его членовъ. Но изданіе *Трудовъ* замедлилось; ждали изъ Петербурга устава, объ утвержденіи котораго не было никакихъ извѣстій. Наконецъ борьба съ Наполеономъ, заслонившая собою всѣ другіе интересы общественной жизни, смерть Румовскаго и перемены въ университетскомъ устройствѣ сдѣлали то, что занятія Общества въ 1812 году почти прекратились.

А между тѣмъ въ 1811 году основано было періодическое изданіе: *Казанскія Извѣстія*. Программа первыхъ осьмнадцати номеровъ, печатавшихся въ губернской типографіи, была очень проста; въ нее входили: казенныя и частныя объявленія, отрывочныя статистическія данныя о Казанской и смежныхъ губерніяхъ, статьи подъ названіемъ «Полезное» и анекдоты «для пріятнаго препровожденія времени». Въ программѣ издатель обѣщалъ, что *Извѣстія* будутъ выходить каждую среду въ 12 часовъ утра по одному листу въ большую четвертку, цѣною въ 5 рублей, съ пересылкою 7 р. Первый номеръ явился 19 апрѣля и начинался двустушіемъ отъ лица издателя:

Я дѣлю самое въ листахъ сихъ возвѣщаю,
Читателей моихъ не ложью обольщаю.

Въ №№ 12 и 13 издатель объявилъ всѣмъ бѣднымъ людямъ, что извѣстія о ихъ нуждахъ и продажахъ будетъ печатать даромъ, и они могутъ требовать отъ него «яко отъ своего ближняго» совѣта, какъ имъ въ томъ лучше поступить. Самое содержаніе *Казанскихъ Извѣстій* того времени не представляетъ впрочемъ ничего любопытнаго. Съ 19 нумера (августа 23), изданіе перешло къ университету «по силѣ высочайшаго повелѣнія и предписанія высшаго начальства». Содержаніе *Извѣстій* стало разнообразнѣе; явились статьи литературныя, въ родѣ слѣдующей (№ 33, ноября 29):

РАЗГОВОРЪ НА БАЛѢ

«Я былъ на балѣ. Видѣлъ напудренные сѣдины и раздувающіеся хохлы; подшукатуренную дряхлость и размалеванныя цвѣтушія прелести; видѣлъ, какъ за словами *мизеръ, гранъ-мизеръ-увертъ*, руки начинали бросать карты, а подъ шумъ разныхъ музыкальныхъ инструментовъ прыгать ноги; слышалъ поучительные разговоры о недостаткахъ ближняго, о развращеніи вѣка сего, о погодѣ, о кометѣ и проч. и проч.; глоталъ сахарныя варенья и пыль, поднятую танцующими. Но на что говорить объ этомъ: все сіе кому изъ читателей листковъ нашихъ покажется новымъ и занимательнымъ? Все сіе они видятъ, слышатъ ежедневно... Итакъ скорѣе къ дѣлу.

«Пусть же читатели вообразятъ себя въ залѣ — не почитаю за нужное прибавить: гдѣ танцуютъ; развѣ только уѣздныхъ городовъ и деревенскіе жители не знаютъ, что танцы бываютъ всегда въ залахъ. Впрочемъ это примѣчаніе и, сочинитель клянется Аполлономъ (клятва, важная для бумагомарателей!), самое это сочиненіе будетъ любопытно для потомства. Пусть же, говорю, вообразятъ себѣ въ залѣ, въ углу у печки, сидящихъ двухъ богатѣйшихъ дворянъ нашихъ. Одинъ изъ нихъ съ обстриженнымъ гладко затылкомъ и съ поднятыми, съ великимъ искусствомъ, съ висковъ и на лбу всключенными волосами, сквозь которые проглядываетъ отъ лба до самой маковки простирающаяся лысина, съ желтымъ лицомъ и впалыми глазами, въ черномъ фракѣ, бѣлыхъ чулкахъ и въ башмакахъ безъ пряжекъ. Другой съ длинною старинною прусскою косою, съ торчащими, какъ щетины, напередѣ сѣдыми волосами, съ широ-

кимъ краснымъ лицомъ, съ опухлыми глазами, въ синемъ мундирѣ, въ красномъ длинномъ камзолѣ, въ красныхъ штанахъ и въ преогромныхъ ботфортахъ. Это Аполлонъ Богдановичъ и Самсонъ Гурычъ. Сочинитель просить читателей не скучать сими портретами. Бюффонъ и Лафатеръ весьма много уважали наружность; праотцы наши, не будучи философами, почти такъ же думали: по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ, они говаривали. Пусть же и читатели по платью примутъ, а по уму проводятъ моихъ героевъ. Я подхожу къ нимъ, облакачиваюсь на карнизѣ печки, пускаю глаза бродить по вертящимъ передо мною дѣвушкамъ и молодымъ людямъ и съ великимъ вниманіемъ прикладываю уши къ жаркому разговору Аполлона Богдановича съ Самсономъ Гурычемъ. Не угодно ли и вамъ, милостивые государи, послушать? Весьма рѣдко говорить, а слушать всегда бываетъ полезно.

«Аполлонъ Богдановичъ. Здоровы ли дѣтки ваши, Самсонъ Гурычъ? Чему они учатся? Хорошъ ли вашъ учитель? Чѣмъ вы ему платите?»

«Самсонъ Гурычъ. Благодарить Бога, Аполлонъ Богдановичъ, всѣ здоровы. Петруша списываетъ прописи хоть-куда; Алексаша протверживаетъ часовникъ, а Анята плететъ кружева (*жалостливое презрѣніе изображается на лицѣ Аполлона Богдановича*). Учителемъ своимъ я не могу довольно нахвалиться: читаетъ такъ проворно, что не успѣваемъ слушать (*Аполлонъ Богдановичъ кусаетъ у себя пальцы*), а пишетъ, похвалю однимъ словомъ, пишетъ такъ хорошо, что я всегда заставляю его перебѣливать просьбы, объявленія, контракты, короче, всѣ мои бумаги (*Аполлонъ Богдановичъ вертитъ на стулѣ*). Платить ему я ничего не плачу: онъ мой слуга.

«Корнелево выраженіе: «пусть умретъ», не производитъ столь сильнаго дѣйствія на вѣтренныхъ Французовъ, какое слова: «онъ мой слуга», произвели надъ Аполлономъ Богдановичемъ. «Слуга, вскричалъ онъ, слуга учить дѣтей вашихъ!» Самсонъ Гурычъ выпучилъ глаза на бѣснующагося Аполлона Богдановича и сказалъ ему съ грубо-надутымъ видомъ: «Чему же вы такъ удивились?»

«Аполлонъ Богдановичъ. У васъ двѣ тысячи душъ, и не Французъ учить вашихъ дѣтей! Скажу вамъ про себя. Мнѣ знакомъ одинъ русскій профессоръ: правда, еслибъ онъ зналъ получше обращеніе, то достойный былъ бы человекъ; но онъ сущій медвѣдь: настоящій Езоповъ алмазъ въ навозѣ. (Бѣдные

пѣтухи! восклицаетъ здѣсь сочинитель.) Итакъ этотъ г. профессоръ взялся безъ всякой платы учить дѣтей моихъ; говорилъ мнѣ, что будетъ учить по Руссовой системѣ, училъ мѣсяца два... Однажды я вздумалъ приказать, чтобы привели ко мнѣ дѣтей моихъ; говорю съ ними по-французски: чтѣ же? Они уставили на меня глазенки; казалось, что они слышатъ нечеловѣческой голось! Тутъ увидѣлъ я свою ошибку; ясно, что г. профессоръ нимало не разумѣетъ по-французски. Руссо писалъ на французскомъ языкѣ, а дѣти мои не знали въ немъ ни слова! Немедленно я раскланялся съ г. профессоромъ и нанялъ мамзель. Мамзель скоро поправила мое дурачество. Какимъ легкимъ, прекраснымъ способомъ учила она дѣтей моихъ! Русскими буквами писала она слова французскія, такимъ образомъ заставляла заучивать ихъ на память, и, подивитесь, Самсонъ Гурычъ, черезъ недѣлю дѣти уже разумѣли нѣсколько французскихъ выраженій: не пріятно ли видѣть такіе успѣхи?

«Въ продолженіи сего повѣствованія, Самсонъ Гурычъ морщился, выпучивалъ глаза, и когда Аполлонъ Богдановичъ кончилъ, то онъ отвѣчалъ:

«Самсонъ Гурычъ. Вольному воля, Аполлонъ Богдановичъ; а я все-таки не понимаю, на что учить наукамъ и французскому языку дѣтей нашихъ. Какъ живали наши дѣды? Они учились читать, писать, и потомъ записывались въ военную службу. Когда же выходили въ отставку, то бывали воеводами, товарищами ихъ, и умѣли наживать копѣйку. Такъ, вѣчная ему память, жилъ отецъ мой, такъ жилъ я, и хочу, чтобъ и дѣти мои такъ же жили. Нынче все перехитрили: будь хоть столбовой дворянинъ, а, не учась, высокоблагороднымъ не будешь. Да пусть ученые поднимаютъ носы-то: кто имъ позавидуетъ? Стбить только посмотрѣть на нашихъ секретарей и профессоръ...

«Аполлонъ Богдановичъ. *(Въ сторону.)* О Фонъ-Визинъ! *(Самсоку Гурычу съ ласковымъ видомъ)* Вы, безъ сомнѣнія, шутите, Самсонъ Гурычъ...

«Самсонъ Гурычъ. *(Поворотивъ нѣсколько разъ быстро лаза.)* Прошу извинить меня, Аполлонъ Богдановичъ, я никогда не любилъ шутить.

«Аполлонъ Богдановичъ. Не могу повѣрить, чтобы вы говорили вправду. *(Съ важнымъ видомъ.)* Кто не чувствуетъ пользы ученія? Прежде морили дѣтей за азбукой, часовникомъ, псалтырью: нынѣ, оставляя, и весьма благоразумно, рус-

скій языкъ (развѣ дѣти не узнаютъ его отъ своихъ кормилицъ и слугъ?), тотчасъ даютъ имъ въ руки французскіе алфаветы; прежде мальчики бѣгали по гумнамъ, а дѣвушки сидѣли за кружевомъ (тутъ Самсонъ Гурычъ покраснѣлъ: читатели догадуются, что не румянцемъ стыдливости), нынѣ онѣ учатся танцовать. Какія же слѣдствія? Бывало мужчины, вышедши въ отставку, ѣздили только съ собаками, старѣясь въ деревняхъ своихъ, ржавѣли и прятались по овинамъ, когда случалось имъ услышать колокольчикъ у околицы: нынѣ, пробывъ года три въ службѣ, бросаютъ ее и проводятъ молодость въ свое удовольствіе, а въ старости для общества. Бывало дѣвушки сидятъ въ четырехъ стѣнахъ, за гребнемъ, или бѣгаютъ, гремя въ карманахъ ключами, въ погребъ за пивомъ и медомъ: нынѣ читаютъ онѣ романы Дюкре-дю-Мениля, Радклифъ, или вертятся на балѣ. Бывало женщины нянчались съ своими дѣтьми: нынѣ сидятъ онѣ до полночи въ гостяхъ за бостономъ. (Въ продолженіи сего краснорѣчиваго доказательства успѣховъ нашего просвѣщенія, должны читатели вообразить, какъ морщится, какъ треплетъ длинную свою косу, какъ поправляетъ широкіе свои ботфорты Самсонъ Гурычъ: къ сожалѣнію и досадѣ писателей, нельзя выразить на бумагѣ всѣхъ ужимокъ и движеній, которыя въ самомъ дѣйствиіи бываютъ весьма значительны. Правда, многіе изъ авторовъ, особливо нѣмецкихъ, предпринимаютъ сей исполинскій подвигъ; но увы! герои ихъ, катаясь со смѣху и проливая жаркія слезы, всегда смѣшатъ читателей.) Но кто не видитъ выгодъ ученія? Кто не смѣется надъ стариною? И я все не могу повѣрить, чтобы вы непритворно играли роль Тараса Скотинина.

«Тутъ вскочилъ Самсонъ Гурычъ и, сверкая глазами, закричалъ страшнымъ голосомъ: «Государь мой! что вы хотите сказать?»

«Я отошелъ прочь и засмѣялся; но одумавшись, вздохнулъ. О чемъ? не отгадаете ли вы сами, любезные читатели?»

Рядомъ съ такими статьями чисто литературнаго содержанія помѣщались извѣстія о новыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ въ области общежитія, большею частію переводныя или заимствованныя изъ другихъ русскихъ журналовъ. Этимъ университетъ исполнялъ данное имъ читателямъ обѣщаніе, что «пріятнымъ себѣ поставить долгомъ сдѣлать газету занимательнѣйшею, и на сей конецъ, кромѣ различныхъ извѣстій о происшествіяхъ въ

своей странѣ и о взаимныхъ нуждахъ согражданъ, будетъ помѣщать въ оную всѣ статьи, имѣющія предметомъ общественную пользу и удовольствіе, все, касающееся до учености, до усовершенія земледѣлія, фабрикъ, мануфактуръ и вообще до хозяйства, увѣдомленія о новыхъ, или не столь извѣстныхъ, или такихъ, коихъ употребленіе полезно, изобрѣтеніяхъ, также любопытные анекдоты, эпиграммы, извѣстія о вновь-выходящихъ примѣчательныхъ книгахъ.»

Съ побѣдами надъ Наполеономъ стали появляться и на страницахъ *Казанскихъ Извѣстій*, по обычаю времени, оды, кантаты и прочія пѣснопѣнія, Городчанинова, Ибрагимова, Полиновскаго и другихъ. Въ прибавленіяхъ къ 23 номеру за 1813 годъ было перепечатано «письмо графа Ѳ. В. Ростопчина къ издателю *Русскаго Вѣстника*, по желанію нѣкоторыхъ читателей *Казанскихъ Извѣстій*. За тѣмъ весь интересъ изданія, какъ и слѣдовало ожидать, сосредоточивается на хроникѣ казанскаго учебнаго округа. Какъ черту эпохи замѣтимъ горячую готовность къ пожертвованіямъ, какую оказывало тогда общество, въ лицѣ всѣхъ сословій, при открытіи гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ рѣдкомъ номерѣ не извѣщали *Казанскія Извѣстія* объ этихъ пожертвованіяхъ, сумма которыхъ достигала иногда значительной цифры. Не напрасно Московскій университетъ, сильно потерпѣвшій въ 1812 году отъ непріятельскаго нашествія, обратился къ обществу съ разказомъ о своихъ бѣдствіяхъ, говоря, что «жертва ученому мѣсту есть также жертва отечеству: ибо отечество и государь признали просвѣщеніе главнѣйшею основою общаго блага (1).» Любопытны также ежегодныя обзорѣнія преподаваній въ Казанскомъ университетѣ, печатавшіяся въ *Извѣстіяхъ*. Въ 1813 году университетъ считалъ въ числѣ своихъ преподавателей: 13 ординарныхъ, 4 экстра-ординарныхъ профессоровъ, 6 адъюнктовъ, 5 магистровъ, 4 лекторовъ и учителей пріятныхъ искусствъ. Между ними встрѣчаются имена: Бартельса, Литрова, Френа, Эрдмана. 18 курсовъ читалось на русскомъ языкѣ, 6 на латинскомъ, 3 на французскомъ, 2 на нѣмецкомъ. При такомъ составѣ, университетъ могъ уже быть раздѣленъ на четыре факультета, что и было исполнено 5 іюля 1814 года (2).

(1) См. *Казанскія Извѣстія* 1813 г., № 33.

(2) Тамъ же 1814 г., №№ 28, 44 и 45. Приводимъ здѣсь, изъ № 20 *Каз. Изв.* 1814 г., одно свѣдѣніе для біографіи Френа: 10 мая того

Около того же времени утвержденъ былъ и уставъ Общества любителей отечественной словесности, въ число членовъ котораго, между прочими, въ 1814 году были выбраны: С. Руссовъ, А. Воейковъ, В. Л. Панаевъ. 12 декабря Общество праздновало свое утверждѣніе. Въ его публичномъ собраніи присутствовало до 300 посѣтителей. Секретарь Общества, Кондыревъ, прочиталъ историческій очеркъ дѣйствій Общества и сказалъ нѣсколько словъ о пользѣ, которую можетъ оно принести казанскому краю: «Во всѣхъ образованныхъ государствахъ, говорилось въ отчетѣ, находятся разныя ученые общества; во всѣхъ столицахъ таковыхъ державъ и въ знатнѣйшихъ городахъ по учености, или по искусствамъ, или торговлѣ оныя устроены... Наше любезное отечество, Россія, также давно имѣетъ многія ученые общества, какъ въ обѣихъ столицахъ, такъ въ Харьковѣ, Або, Ригѣ, Вильнѣ и другихъ нѣкоторыхъ городахъ... Ученое Общество, при здѣшнемъ университетѣ учрежденное, имѣетъ съ прочими обществами общую цѣль и пользу. Но сверхъ того оно учреждено еще на пользу ученаго высшаго мѣста, при коемъ находится, учебнаго его округа, на пользу многихъ любителей словесности, отечества и наукъ. Общество, имѣя членами своими особъ разныхъ званій и классовъ, сближаетъ оныхъ и съ университетомъ, при коемъ находится; выгода отъ сего взаимная, но тѣснѣйшая связь университета чрезъ членовъ оныхъ съ публикою распространяетъ болѣе кругъ его дѣйствій, содѣлываетъ его для просвѣщенія плодотворнѣе и поселяетъ въ согражданахъ любовь къ учености, каковая господствуетъ уже издавна во всѣхъ образованныхъ государствахъ. Собственное занятіе Общества словесностью многообразно: изслѣдованіе російскаго языка и касательно російской грамматики, истолкованія сослововъ или синонимовъ, значеній разныхъ словъ, изобрѣтеніе техническихъ терминовъ, переводы и разборъ твореній классическихъ древнихъ и новыхъ писателей, критическій разборъ примѣчательнѣйшихъ сочиненій, извѣстія о таковыхъ твореніяхъ, о знаменитыхъ писателяхъ, свѣдѣнія по части исторіи словесности нашей и иностранной, въ разсужденіи обществъ словесности, отечественная и часто чужеземная исторія, изслѣдо-

года, во время празднованія взятія Парижа войсками союзниковъ, Френъ говорилъ въ нѣмецкой церкви «приличную сему случаю рѣчь, исполненную изящнаго, высокаго и великаго».

ванія касательно древностей и изящныхъ искусствъ, славенскій языкъ и славенская словесность вообще, суть предметы такого занятія. Кромѣ общихъ предметовъ занятій, мы имѣемъ еще нѣкоторые такіе, кои ближе къ намъ по обстоятельствамъ и на кои можемъ иногда съ пользою обращать вниманіе. Мы живемъ между многими иноплеменными народами, въ древнемъ татарскомъ царствѣ, въ виду бывшей болгарской столицы. Татары, Чуваши, Черемисы, Мордва, Вотяки, Зыряне окружаютъ насъ. Армяне, Персіяне, Башкирцы, Калмыки, Бухарцы и Китайцы ближе къ намъ, нежели къ другимъ обществамъ. Мы удобнѣе можемъ имѣть касательно языка или словесности ихъ сношенія и изъ онаго дѣлать употребленіе. Какъ полезно собирать различныя пѣсни сихъ народовъ, сказанія, записки, повѣсти, книги, надписи и т. п., и все сіе еще весьма ново. Въ Астрахани можно познакомиться болѣе съ древностями Кавказскихъ горъ, съ грузинскою, армянскою и персидскою словесностью; въ Оренбургѣ съ Бухарією и Хивою; въ Иркутскѣ и Троицкосавской крѣпости съ китайскою словесностью; въ первомъ городѣ съ бурятскими и другихъ народовъ памятниками. Составленіе словарей сихъ языковъ, филологическое ихъ изслѣдованіе также не бесполезно.» (1) Но исполненіе этой мысли объ этнографическомъ изученіи края, принадлежавшаго къ казанскому учебному округу, было еще не по силамъ тому времени. Даже самая постановка вопроса требовала большей зрѣлости филологическихъ наукъ и уже нѣкотораго знакомства съ предметомъ, подлежащимъ изученію. Къ тому же Общество никогда не имѣло мысли дать столь широкое развитіе ученой сторонѣ своей дѣятельности: если оно и желало «въ *Трудахъ* своихъ помѣщать и предметы учености, то не прилагая особеннаго старанія о непремѣнномъ наполненіи оными таковыхъ трудовъ» (2). Вотъ почему гораздо вѣрнѣе опредѣляется характеръ занятій Общества другою мыслию, которая развита далѣе въ отчетѣ, именно мыслию, что отечественная словесность есть весьма важный предметъ не для одной народной образованности, но и для нравственности; откуда, какъ непосредственное слѣдствіе, вытекало правило, что «если занятіе своею словесностію способно возбуждать

(1) *Историческое обозрѣніе Казан. Общ. Люб. отеч. слов. и пользы онаго въ Трудахъ*, стр. 39—4).

(2) Тамъ же, стр. 34.

болѣ любовь къ отечеству, то упражненіе въ оной Россіянокъ принесетъ также немаловажную пользу (1). Еще подробнѣе объяснено это преобладавшее въ занятіяхъ Общества направленіе въ *Разсужденіи о вліяніи словесности въ нравственное образованіе чловѣка*, читанномъ послѣ отчета другимъ членомъ Общества, адъюнктомъ философіи Срезневскимъ: «Пріятности, отъ упражненія въ словесности произтекающія, говоритъ онъ, подобны только неизъяснимому блаженству, которое одна добродѣтель въ сердца чловѣческія вливать можетъ. Такъ! ибо добродѣтель есть *единственная цѣль* всѣхъ произведеній истинно изящной словесности. Ее проповѣдуютъ Златоусты въ священнѣхъ храмахъ, ей научаютъ Гомеры и Лукіаны въ своихъ вымыслахъ, ее внушаютъ Плініи и Томасы въ торжественнѣхъ собраніяхъ и вдыхаютъ Дмитревскіе и Шущерины въ великолѣпнѣхъ домахъ общественнѣхъ зрѣлищъ. Можно ли не воспламеняться духомъ отъ восторговъ Ломоносова, не плѣняться изображеніями Хераскова и Державина, не млѣть сердцемъ отъ нѣжностей Карамзина, не трогаться меланхолическими чувствованіями Капниста и простосердечіемъ Хемницера и Богдановича, не содрагаться отъ сценъ Сумарокова, Княжнина и Озерова, не смѣяться острымъ шуткамъ Фонъ-Визина и Крылова, не очистить и не возвысить вкуса своего красотами Дмитріева?... Итакъ образованіе ума, вкуса и сердца—вотъ польза, отъ упражненія въ изящнѣхъ наукахъ произтекающая!... Таково вліяніе изящнаго слова; таково на *нравственное образованіе чловѣка дѣйствіе наукъ словеснѣхъ*, особливо если онѣ будутъ обрабатываемы на языкѣ отечественномъ.» (2) Казанское Общество, подобно другимъ ему современнымъ, стояло на почвѣ чисто-эстетическаго воззрѣнія на предметъ своихъ занятій. Изящная словесность, какъ и пріятныя искусства, представлялась въ ту эпоху моремъ добродѣтельныхъ наслажденій, очистительныя волны котораго въ силахъ были омыть не только всѣ язвы общественной жизни, но и всякое уродливое явленіе въ мірѣ жизни личной, въ сферѣ нравственной природы. Не даромъ же въ области наукъ юридическихъ первое мѣсто занимало тогда такъ-называемое право естественное, въ основаніи котораго лежала та же самая мысль, какъ и въ указанномъ выше опредѣленіи изящной словесно-

(1) Тамъ же, стр. 41—49.

(2) Тамъ же, стр. 66—68.

сти. Такой взглядъ на науку, такія чаянія будущихъ благъ шли къ лицу эпохѣ, которая видѣла столько великихъ событій, взволновавшихъ до дна европейскія общества и вызвавшихъ борьбу за свободу, во главѣ которой стояли сами вожди народовъ. Безумная, крутая реакція, смѣнившая въ послѣдствіи это благотворное движеніе, не могла еще существовать даже и въ предчувствіи. Потому и казанское Общество не избѣжало общественной участи. Но до тѣхъ поръ члены его читали въ торжественныхъ засѣданіяхъ: «стихи на всерадостный день рожденія Киргизъ-Кайсацкаго царевича Хлора», пародируя «богоподобную Фелицу» Державина, своего мѣстнаго патрона по предмету занятій; оды на всерадостный день рожденія Александра Перваго; похвальныя слова Александру Первому. Уничтоженіе пытки, «да изгладится навсегда изъ памяти народной самое названія ея, стыдъ и укоризну человечеству наносящее», утверженіе городского положенія, правъ и преимуществъ купечества и дворянства, учреженіе вольныхъ хлѣбопашцевъ, открытіе университетовъ, образованіе министерствъ, государственнаго совѣта и комиссіи о составленіи законовъ, реформы въ Остзейскихъ провинціяхъ, терпимость къ евреямъ, «жестоко наказаннымъ за преступленія предковъ, повсюду гонимымъ, которымъ самыя образованныя націи отказали даже въ достоинствѣ человѣка,»—вотъ тѣ черты времени, на которыя обращалъ вниманіе своихъ слушателей ораторъ, говорившій въ торжественномъ собраніи Общества (1).

8 июля 1815 года, въ годину утвержденія своего устава, Общество опять имѣло торжественное засѣданіе, въ которомъ снова читаны были оды, похвальныя слова и разсужденія о разныхъ предметахъ изящной словесности. Но первая книжка *Трудовъ* не была еще окончена печатаніемъ «по новости университетской типографіи». Къ 1818 году (по уставу Общество должно было имѣть торжественныя собранія черезъ три года) заданы были для разрѣшенія два вопроса: «1) Извѣстно, что предки наши по торговлѣ и вѣрѣ имѣли связь съ греческою имперіей; послѣ того терпѣли отъ Татаръ; за симъ находились въ политическомъ сношеніи съ Польшею; а въ новѣйшія времена, особенно со времени Петра Великаго, мы находимся въ связи по многимъ отношеніямъ, торговымъ, военнымъ, поли-

(1) Тамъ же, стр. 80—87.

тическимъ и ученымъ, съ Французами, Нѣмцами, Англичанами, Турками и другими народами. Отъ такового обращенія и отъ сообщенія учености, естественно, нашъ языкъ хотя не подвергся совершенной перемѣнѣ, однакоже не менѣе того заимствовалъ не рѣдко отъ языковъ сихъ народовъ многое; иногда входили въ него иноземныя слова, выраженія и обороты. Не менѣе того и латинскій языкъ, употребляющійся какъ въ духовныхъ, такъ и другихъ училищахъ, имѣлъ въ языкъ нашъ вліяніе. Да и въ самой Россійской имперіи живутъ многіе народы, говорящіе разными языками. Почему любопытно и полезно знать, съ котораго времени, когда, гдѣ и сколь большое языки сія имѣли вліяніе въ нашъ отечественный, или короче сказать: *какіе языки, когда, гдѣ и сколь большое вліяніе имѣли въ языкъ нашъ отечественный?* 2) Въ предисловіи къ Острожской Библии сказано, что она переведена при Владимірѣ; но сравнивая языкъ оный съ языкомъ оставшихся намъ отъ тѣхъ временъ сочиненій, на примѣръ съ уставомъ Владиміра о десятинахъ, съ Русскою Правдой, находимъ, что языкъ въ переведенной Библии силенъ и чрезвычайно богатъ; а въ сихъ сочиненіяхъ слабъ и крайне бѣденъ, имѣетъ токмо нѣкоторыя одинаковыя съ первымъ слова, но ни малѣйшаго сходства ни въ составленіи періодовъ, ни въ духѣ вообще. Изъ новѣйшихъ писателей одни полагаютъ, что библейскій и простой русскій языкъ суть одинъ и тотъ же, другіе раздѣляютъ ихъ. Итакъ спрашивается: *откуда взялся нашъ богатый и сильный библейскій языкъ? или: языкъ библейскій и простой русскій одинъ ли и тотъ же языкъ или совершенно различные?»* (1) Для насъ вовсе не важно знать тѣ причины, по которымъ выбраны были для конкуренціи именно эти вопросы: довольно сказать, что они были въ ходу въ то время, предлагались и другими обществами. Гораздо характеристичнѣе то обстоятельство, что вопросы брались во всей широтѣ ихъ, въ надеждѣ достигнуть ихъ рѣшенія на самыхъ общихъ основаніяхъ; не вдаваясь въ подробныя филологическія изысканія. Легкое построеніе цѣлыхъ научныхъ системъ при помощи общихъ философскихъ взглядовъ было отличительною чертой ученыхъ трудовъ того времени. Такъ въ томъ же номерѣ *Казанскихъ Извѣстій*, рядомъ съ описаніемъ торжества Общества, помѣщены были «историче-

(1) *Каз. Изв.* 1845 г., № 58.

скія ученыя достопримѣчательности университета въ 1814—15 академическомъ году», изъ которыхъ можно видѣть, что одинъ и тотъ же профессоръ успѣвалъ, руководясь указанными приемами, приготовить въ какой-нибудь годъ: начертаніе римскаго права и общее уголовное право Германцевъ. Лишь труды Френа представляли исключеніе изъ этого правила, служа единственнымъ примѣромъ строго ученыхъ изслѣдованій между трудами профессоровъ словеснаго и нравственно-политическаго отдѣленій. То же различіе было и въ чтеніи университетскихъ лекцій, судя по публикаціямъ о нихъ въ *Казанскихъ Извѣстіяхъ*.

Между тѣмъ, кромѣ обычныхъ засѣданій, Общество собралось однажды по случаю смерти Державина, 24 сентября 1816 года. Передъ украшеннымъ различными эмблемами изображеніемъ поэта прочтены были членами Общества четыре произведенія самого Державина: *Лебедь*, *Памятникъ*, *Богъ и Безсмертіе*, краткая біографія, нѣсколько стихотвореній въ честь его, разсужденіе о заслугахъ, оказанныхъ покойнымъ россійской словесности. Было также сдѣлано предложеніе поставить ему памятникъ. Литературныя заслуги Державина опредѣлены такимъ образомъ: «онъ былъ величайшій лирикъ и твореніями своими совмѣстилъ въ себѣ Пиндара, Горація и Анакреона, словесность отечественную украсилъ, прославилъ и возвеличилъ и усердно русское слово покровительствовалъ; но сими же самыми твореніями исправлялъ онъ и нравы» (1).

Наконецъ въ сентябрѣ 1817 года вышла въ свѣтъ первая книжка *Трудовъ* Общества, пробывъ въ печати около трехъ лѣтъ, по различнымъ обстоятельствамъ, большею частію отъ Общества независѣвшимъ, какъ сказано въ объявленіи, приложенномъ къ ней. Первое мѣсто между статьями занимаетъ: *Опытъ о средствахъ пльнять воображеніе*, В. Перевощикова. Это кратко изложенная эстетика по сочиненіямъ Баттѣ, Мармонталя, Лагарпа, Блера, Зульцера, Эшенбурга, Канта, Бутервека и пр. Въ числѣ другихъ прозаическихъ статей были: *О многозначительности и общемъ измѣненіи словъ*, Н. Пбрагимова; *Замѣчанія о разборѣ сослововъ*, П. Кондырева; *Опытъ разбора россійскихъ сослововъ*, Лубкина; *Разсужденіе о самолюбіи*, Н. Запольскаго; *О словесности*, В. Анастасевича. Всѣ они сходятся въ общемъ взглядѣ на предметъ изящной словесности,

(1) *Каз. Изв.* 1816 г., № 79.

какъ на средство сдѣлать человѣка нравственнымъ и добродѣтельнымъ; занятія изящною словесностью должны доставлять высокое наслажденіе трудящемуся. Всѣ прочія піесы, помѣщенные въ первой книжкѣ *Трудовъ*, представляютъ образцы такихъ занятій: въ нихъ только что высказанная теорія какъ бы получаетъ подтвержденіе и оправданіе себѣ. Тутъ можно встрѣтить стихотворенія оригинальныя и переводныя изъ Горация, Делия, Овидія, Виргилія; графъ Хвостовъ, В. Капнистъ, А. Воейковъ, Н. Ибрагимовъ, В. Панаевъ, Ст. Руссовъ, С. Аксаковъ, Г. Каменевъ, А. Наумова и другіе помѣстили здѣсь свои оды, баллады, идилліи, романсы, пѣсни, притчи, басни, сатиры, посланія и отрывки изъ поэмъ. Если не ошибаемся, изъ всѣхъ этихъ стихотвореній долѣе другихъ пользовалась извѣстностію пѣсня Ибрагимова: «Вечеркомъ красна дѣвица на прудокъ за стадомъ шла». Впрочемъ въ наше время, труды эти едва ли могутъ имѣть какое-либо значеніе, кромѣ библиографическаго.

Въ 1818 году снова было трехгодичное торжественное собраніе Общества, согласно его уставу: оды, похвальные слова, стихи въ честь Державина и Ибрагимова, не задолго передъ тѣмъ умершаго, были предметомъ чтеній въ этомъ засѣданіи. *Казанскія Извѣстія* обѣщали напечатать обзоръ дѣятельности общества съ 1815 по 1818 годъ, сообщить результаты литературнаго конкурса, объявленнаго на первомъ торжественномъ собраніи, и задачи для вторичнаго состязанія; но обѣщаніе это не было исполнено. Знаемъ только, что Общество имѣло уже до ста членовъ: 75 дѣйствительныхъ и 25 почетныхъ, что «сношенія его простирались почти на всю Россію, а сверхъ того начинались въ Варшавѣ, Богеміи и Вѣнѣ, и были въ Персіи» (1). Но второй книжкѣ *Трудовъ* Общества не суждено было появиться въ свѣтъ. Движеніе жизни принимало совершенно иное направленіе. Эта перемѣна неизбежно должна была отразиться какъ на дѣятельности самого Общества, такъ и на единственномъ тогда въ Казани періодическомъ изданіи. До той поры, о которой идетъ рѣчь, *Казанскія Извѣстія*, расширивъ мало-по-малу свою программу, принимали живое участіе во всѣхъ интересахъ окружавшей ихъ жизни, пытались даже утвердить на своихъ страницахъ знамя общественной гласности; но потомъ они теряютъ такой характеръ и превращаются

(1) Тамъ же, 1818 г., № 59.

въ *Казанскій Вѣстникъ*, въ которомъ офиціальный отдѣлъ преобладаетъ надъ отдѣломъ литературнымъ, все болѣе и болѣе суживающимъ свои предѣлы, особенно въ первыя шесть лѣтъ существованія *Вѣстника*.

Вотъ въ главныхъ чертахъ содержаніе *Казанскихъ Извѣстій* въ 1816—20 годахъ.

Въ мартѣ 1816 года профессоръ Кондыревъ, редакторъ ихъ, объявилъ, что оканчиваетъ свои занятія по изданію газеты и передаетъ ее, по назначенію университетскаго совѣта, адъюнктамъ: Тимьянскому, Дунаеву и Юнакову (1). Новая редакція не измѣнила прежней программы. Она принимала на страницы своей газеты статьи, касавшіяся исторіи, этнографіи и статистики тѣхъ мѣстностей, которыя входили въ составъ казанскаго учебнаго округа. Такимъ образомъ желаніе Общества любителей словесности, о которомъ говорено было въ день торжественнаго открытія, было исполняемо *Казанскими Извѣстіями*. Трудились съ этою цѣлю большею частію лица, служившія при университетѣ и гимназіяхъ: Словцовъ, Поповъ, Фуксъ, Баженовъ и другіе, имена которыхъ упоминаемы были ежегодно въ университетскихъ отчетахъ, распространенныхъ на дѣла цѣлаго округа. Многія изъ этихъ статей вошли потомъ въ отдѣльныя сочиненія о разныхъ мѣстностяхъ при-волжскаго и при-уральскаго края (2). Не менѣе интересна хроника тогдашней жизни. Самыми видными событіями въ то время были: открытіе училищъ по округу, учрежденіе благотворительныхъ обществъ, отдѣленій и товариществъ Общества библейскаго. Профессоръ Кондыревъ ѣздилъ по округу въ продолженіи трехъ лѣтъ для открытія уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, вездѣ приглашалъ къ пожертвованіямъ, всюду встрѣчалъ готовность помочь дѣлу общаго образованія; открытіе каждаго новаго заведенія обыкновенно сопровождалось религіозною процессіей, крестнымъ ходомъ съ колокольнымъ звономъ, палъбою

(1) Тамъ же, 1816 г., № 19. Между прочимъ въ объявленіи сказано: «такое изданіе сей редакторъ въ три года старался усовершенить по возможности». Кто былъ до него редакторомъ *Казанскихъ Извѣстій*, указаній на то мы не нашли никакихъ. Замѣтимъ только, что съ 1815 года *Казанскія Извѣстія* стали выходить два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ.

(2) Словцовъ издалъ историческое обозрѣніе Сибири въ 2 ч., Поповъ статистическое описаніе Пермской губерніи въ 3 ч. *Краткая исторія города Казани* Фукса въ *Каз. Изв.* 1817 г., №№ 67, 68 и сл.

изъ пушекъ и мелкаго огнестрѣльнаго оружія съ торговыхъ судовъ самими горожанами или крестьянами; каждый разъ одинъ изъ наставниковъ открываемаго училища произносилъ рѣчь о пользѣ наукъ вообще или какой-либо въ отдѣльности, каждый разъ книга для записыванія пожертвованій пополнялась именами нерѣдко очень щедрыхъ жертвователей. Такъ въ 1815—16 году пожертвовано 27.681 руб. 28 коп., въ 1816—1817 г. 66.106 р. 30 коп., въ 1818 г. 59.958 руб. (1). Университетъ постоянно публиковалъ имена благотворителей, и наконецъ 1-го августа 1817 года объявилъ, что устройство училищъ Казанской губерніи окончится года черезъ два: «Устроеніе ихъ могло бы и скорѣе кончиться, еслибы сіе не происходило на основаніи прочтѣншемъ для процвѣтанія и благосостоянія оныхъ. Для чего прилагается попеченіе, чтобы, кромѣ штатной на уѣздныя училища суммы, снабдить оныя ежегодными отъ обществъ,—пожертвованною суммою единовременно и домомъ; изыскать на предбудущее время новыя источники доходовъ; сберечь расходы въ суммѣ ежегодной, получить пространныя мѣста для училищныхъ огородовъ и садовъ, и заводить ихъ; пріобрѣсть весьма благорасположенныхъ къ училищной выгодѣ почетныхъ смотрителей; завести вездѣ училищныя библіотеки, основать прочно и навсегда выгодно и удобно запасъ книгъ учебныхъ для продажи по дешевой цѣнѣ ученикамъ, при самомъ училищѣ; доставить хорошимъ учителямъ особенныя выгоды; снабдить всѣми нужными учебными пособиями, даже нѣкоторыми математическими и физическими; по желанію гражданъ открыть и другіе классы кромѣ положенныхъ, и вообще содѣлывая ихъ полезнѣйшими для гражданъ, обратить тѣмъ выгодное расположеніе оныхъ къ училищамъ. На такомъ основаніи г. профессоръ Кондыревъ началъ свои занятія годъ тому назадъ, и Богъ благословилъ успѣхами сіе полезное для согражданъ дѣло. Всѣ состоянія приняли въ ономъ дѣятельное участіе; начальства, предвидя пользу отъ сего, оказали готовность содѣйствовать; многія высшаго класса особы, и малыя, и бѣдныхъ городовъ мѣщане явили похвальное свое усердіе» (2). Такъ же скоро отозвалось общество и въ дѣлѣ благотворенія, по поводу учрежденія попечительнаго комитета о бѣдныхъ и отдѣленія Библейскаго Об-

(1) *Каз. Изв.* 1816 г., № 64, 1817, № 59, 1819, № 63.

(2) Тамъ же, 1817, № 61.

щества въ Казани. 208 человекъ записались въ число членовъ перваго, ежегодныя пожертвованія ихъ простирались: деньгами до 9.640 р., муки 1.100 пудовъ, сукна 1000 арш., холста 1.580 арш. (1). А въ январѣ 1818 года открыто было въ Казани и отдѣленіе Библейскаго Общества: въ числѣ директоровъ его были ректоръ университета и одинъ изъ профессоровъ. Рѣчь, которую произнесъ при этомъ архіепископъ Амвросій, вся почти составлена изъ однихъ словъ Евангелія о любви, дружбѣ и милосердіи къ ближнимъ (2). Вслѣдъ за тѣмъ *Казанскія Извѣстія* напечатали посланіе пермскаго и екатеринбургскаго епископа Іустина «Верхотурскаго, Ирбитскаго, Камышловскаго, Шадринскаго и Екатеринбургскаго уѣздовъ пастыремъ и ихъ пасомымъ», по поводу неурожая и голода, открывшагося въ этихъ мѣстностяхъ (3). Потомъ получены были извѣстія объ открытіи отдѣленій Библейскаго Общества въ Перми, Вяткѣ, Нижнемъ-Новгородѣ (4). Къ концу года казанское отдѣленіе уже имѣло шесть товариществъ: въ Чистополѣ, Козмодемьянскѣ, Цивильскѣ, Царевококшайскѣ, Ядринѣ и селѣ Пшакахъ (Козмодемьянскаго уѣзда). Последнее оказалось наиболѣе дѣятельнымъ: члены его перевели пять словъ соборнаго посланія Апостола Іакова на чувашскій языкъ; Евангеліе отъ Матѳея перевели священникъ и дьяконъ села Пандикова Курмышскаго уѣзда, Яблонскій и Яковъ Ѳедоровъ; отъ Луки и Іоанна—священникъ села Шатьмы Василій Ѳедоровъ; переводомъ Евангелія отъ Марка занимался священникъ села Чемѣева, Ядринскаго уѣзда, Алексій Алмазовъ. Отдѣленіе насчитывало до 115 членовъ, а благотворителей до 600 человекъ. Ежегодныхъ приношеній отъ членовъ было 4.992 р. 92 коп., одновременныхъ отъ благотворителей 10.054 р. 93 коп., отъ продажи книгъ получено было 1.783 р. 70 коп. Изъ всей суммы: 16.861 р. 56 коп., отослано было въ петербургскій комитетъ 15.000 р., израсходовано только 359 р. 30 коп. Продано и роздано было 250 экземпляровъ Библии и 105 экземпляровъ Новаго Завета (5). Въ слѣдующемъ году отдѣленіе сознавалось, что готов-

(1) Тамъ же, 1816, №№ 80, 90. Основателемъ комитета былъ извѣстный мартинистъ, Вас. Вас. Романовскій.

(2) Тамъ же, 1818, №№ 9, 10.

(3) Тамъ же, № 13.

(4) Тамъ же, №№ 15, 17, 22.

(5) Тамъ же, 1819 г., № 15.

ность помочь его трудамъ матеріальными пособіями со стороны общества превзошла его ожиданія. Многіе крестьяне, не бывъ еще приглашены къ тому, приносили не малыя суммы. Переводы Св. Писанія на чувашскій, черемисскій и мордовскій языки продолжались съ успѣхомъ. Оконченъ былъ переводъ Евангелій и Посланій, Дѣяній Св. Апостоловъ и Апокалипсиса на чувашскій языкъ. Кромѣ названныхъ выше переводчиковъ участвовали въ этомъ дѣлѣ священники: села Красныхъ Четей, Курмышскаго уѣзда, Николай Базилевскій и Михаилъ Вознесенскій, Ядринскаго уѣзда, села Шумшевишъ Левъ Муратовскій и села Турунова Тихомировъ. На черемисскій языкъ переведенъ былъ весь Новый Заветъ кромѣ Апокалипсиса, священниками Козмодемьянскаго уѣзда, села Малаго Сундыря, Дмитріемъ Пернягашевскимъ, Иваномъ Померанцовымъ, села Шапкилей Андреемъ и Игнатіемъ Альбинскими, села Арды Иваномъ Ардатскимъ. На мордовскій языкъ переведены были только Евангелія священниками Алатырскаго уѣзда, села Никольскаго, Андреемъ Охотинымъ, села Сабанчеева Флегонтомъ Веселицкимъ, села Чукаль Семеномъ Васильевымъ и села Дубинокъ Александромъ Ивановымъ. Печатать стали сперва Евангеліе отъ Матѳея на чувашскомъ языкѣ. А между тѣмъ, требованія на книги Св. Писанія такъ были многочисленны, что комитетъ едва успѣвалъ надѣлать ими всѣхъ требующихъ глаголовъ живота вѣчнаго. Однихъ Новыхъ Заветовъ на татарскомъ языкѣ разошлось около 200 экземпляровъ; Чуваши и Черемисы также съ охотою покупали Новые Заветы на славянскомъ языкѣ. Членъ Ишаковскаго сотоварищества, священникъ Алексѣй Бальбуциновскій, извѣщалъ комитетъ, что когда онъ, объѣзжая по деревнямъ своего прихода, разказывалъ Чувашамъ о цѣли Библейскаго Общества и понятнымъ для нихъ образомъ изъяснялъ необходимость слова Божія, то всѣ отцы семействъ единогласно требовали отъ него для каждой деревни по одному экземпляру Новаго Завета на славянскомъ языкѣ. Но особенно желаютъ они видѣть и слышать Священное Писаніе на природномъ языкѣ своемъ. Въ этомъ году продано и роздано безденежно 1.295 экземпляровъ Библий и Новыхъ Заветовъ; число членовъ отдѣленія увеличилось до 180, а благотворителей считалось около 800 человекъ. Открылось новое товарищество въ Чебоксарахъ, а 12 марта 1820 г. особое въ университетѣ, между членами (61 человекъ) и благотворителями (38) котораго были студенты. Сложилъ съ себя званіе директора отдѣленія

евангелическій пасторъ Иванъ Григорьевичъ Томасъ, ибо, «по разнымъ обстоятельствамъ, не можетъ содѣйствовать цѣли Общества съ тѣмъ усердіемъ, которымъ одушевленъ и котораго заслуживаетъ важность предмета» (1): Любопытно, что учрежденію отдѣленія Библейскаго Общества въ Казани предшествовалъ обычай «публичныхъ изъясненій Священнаго Писанія и катехизиса» въ соборной церкви; желающіе присутствовать при томъ приглашались особыми публикаціями (2). Кромѣ того *Казанскія Извѣстія* печатали не только рѣчи и отчеты Библейскаго Общества, его отдѣленій и товариществъ въ Россіи, но и сообщали свѣдѣнія о дѣятельности обществъ европейскихъ.

Наконецъ къ послѣднему номеру *Казанскихъ Извѣстій* за 1820 г. приложено было объявленіе, что эта газета замѣняется журналомъ *Казанскій Вѣстникъ*, въ программу котораго между прочимъ должны войти: статьи о духѣ народнаго воспитанія вообще, о необходимости благочестиваго воспитанія, о благочестивомъ духѣ воспитанія въ древней Россіи; о жизни первыхъ христіанъ, переводы изъ церковныхъ писателей; критическія замѣчанія о философизмѣ XVIII столѣтія; извѣстія о *христіанскихъ нововведеніяхъ въ домашнемъ быту Казанскаго университета*. На этотъ разъ, чтобъ объяснить причины такой перемѣны, мало одного знакомства съ характеромъ времени; здѣсь мы встрѣчаемся еще съ странною, загадочною для многихъ личностію третьяго попечителя казанскаго округа, М. Л. Магницкаго.

II.

Первый попечитель Казанскаго университета, Степанъ Яковлевичъ Румовскій, ученикъ Леонарда Эйлера, членъ Академіи Наукъ и Академіи Россійской, былъ извѣстенъ двумя поѣздками: въ Сибирь въ 1761 году и въ Колу въ 1769 году, для наблюдений прохожденія Венеры, переводами физическихъ писемъ своего наставника, *Естественной Исторіи* Бюффона (вмѣстѣ съ другими академиками) и *Льтописей* Тацита, изданныхъ уже во время попечительства его, оставившаго по себѣ слѣды са-

(1) Тамъ же, 1820 г., № № 21, 25.

(2) Тамъ же, 1816, № 81.

мой живой дѣятельности на пользу университета. Выше мы говорили о томъ, какъ Румовскій помогаль Обществу любителей отечественной словесности въ его намѣреніяхъ. При немъ и бібліотека университета, въ основаніе которой поступила часть книгъ изъ бібліотекъ Потемкина-Таврическаго и В. П. Полянскаго, сдѣлала много другихъ, не менѣ важныхъ, пріобрѣтеній. Скончавшись отъ апоплексическаго удара на 81 году своей жизни (въ С.-Петербургѣ, 7 іюля 1812 года), Румовскій не имѣлъ счастья видѣть преобразование Казанскаго университета, въ полномъ составѣ, съ раздѣленіемъ на четыре факультета, подготовленное его управленіемъ. Вторымъ попечителемъ былъ М. А. Салтыковъ, получившій французское, энциклопедическое образованіе (1). Не болѣе пяти лѣтъ пробылъ онъ въ университетѣ; но при немъ, въ 1814 году, совершилось упомянутое преобразование. О характерѣ и отношеніяхъ Салтыкова къ университету можно судить по одному анекдоту, и до сихъ поръ еще разказываемому людьми, запомнившими

(1) *Михаилъ Александровичъ Салтыковъ* родился 1769, умеръ 6 апрѣля 1851 г. въ Москвѣ, гдѣ былъ сенаторомъ и попечителемъ Коммерческаго училища. Его мать, Марья Сергѣевна, рожденная Волчкова, овдовѣвъ послѣ перваго мужа Александра Михайловича Салтыкова, вышла замужъ за извѣстнаго генерала Петра Богдановича Пассека (род. 1736, ум. 1804), который своею неосторожностію въ 1762 году едва не воспрепятствовалъ вступленію на престолъ Екатерины II, которую арестъ Пассека въ Преображенскомъ полку побудилъ не откладывать болѣе исполненія ея намѣреній. М. А. Салтыковъ былъ воспитанникомъ перваго выпуска изъ кадетскаго корпуса временъ Ангальта и старшимъ товарищемъ трагика Озерова. Онъ началъ службу адъютантомъ Потемкина. Потомъ служилъ по дипломатической части до назначенія своего попечителемъ казанскаго учебнаго округа. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно любезный и всѣми любимый и считался почетнымъ членомъ дружескаго литературнаго общества «Арзамазъ», къ которому принадлежали: Жуковскій, Батюшковъ и другіе лучшіе писатели. М. А. Салтыковъ принадлежалъ къ семейству, связанному и прежде съ литературнымъ міромъ. Отецъ его, Александръ Михайловичъ, перевелъ съ французскаго комедію *Обычай книжкинлю свѣта* (Спб., 1764) и романы: *Все или ничего* и *Жизнь Маріаны*, соч. Мериво (3 части, М., 1762), а родной дядя, Борисъ Михайловичъ, извѣстенъ какъ заграничный корреспондентъ Ивана Ивановича Шувалова, долго жившій въ Женевѣ и Фернеѣ, и доставлявшій Вольтеру матеріалы для исторіи Петра Великаго. У М. А. Салтыкова былъ одинъ сынъ, Михаилъ Михайловичъ, и одна дочь, Софья Михайловна, бывшая замужемъ за извѣстнымъ поэтомъ барономъ А. А. Дельвигомъ и по смерти его вышедшая за С. А. Барятинскаго, брата поэта. *М. Лониновъ.*

то время: говорить, что Салтыковъ, зная крайне невѣжественное и плохое преподаваніе (1) Яковкина, перваго ординарнаго профессора исторіи въ Казанскомъ университетѣ, очень часто и горячо упрекалъ его въ томъ, даже вызывалъ на поединокъ. Но разумѣется, что подобными рыцарскими мѣрами трудно было достигнуть желаемаго. Привычкамъ добраго времени французскихъ нравовъ приходилъ конецъ. Вѣнскій конгрессъ и священный союзъ заложили прочное основаніе иному порядку вещей. Надѣлавшая въ свое время много шума, печальная исторія Занда съ Коцебу дала поводъ къ крутой реакціи въ жизни нѣмецкихъ университетовъ. Примѣръ германской администраціи скоро перенесенъ былъ, по подражанію, и на русскую почву. По оставленіи Салтыковымъ мѣста попечителя, въ началѣ 1819 года пріѣхалъ въ Казанскій университетъ ревизоромъ Магницкій, когда-то служившій на дипломатическомъ поприщѣ (2). Не задолго до

(1) О чемъ см. Аксакова, *Семейную Хронику*, ч. II, стр. 165.

(2) *Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій* былъ, если не ошибаюсь, родной внукъ Л. Ф. Магницкаго, издавшаго первую русскую *Арифметику* (М. 1703). Л. М. Магницкій блистательно кончилъ курсъ наукъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II. Онъ писалъ въ молодости стихи, которыхъ не мало помѣщено въ изданіяхъ сочиненій пансіонскихъ воспитанниковъ и въ тогдашнихъ журналахъ, гдѣ находятся также стихотворенія сестеръ его. Когда въ началѣ 1812 года впалъ въ немилость Сперанскій, участь его раздѣлили ближайшіе къ нему люди: флигель-адъютантъ Воейковъ, управлявшій канцеляріей военнаго министра Барклая-де-Толли и Магницкій, служившій при Сперанскомъ, проектовъ котораго онъ былъ повѣреннымъ и исполнителемъ. Карьера Магницкаго была бы прервана навсегда, еслибы не сильное покровительство князя Александра Николаевича Голицына, который въ ноябрѣ 1817 года былъ назначенъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и отличалъ службу Магницкаго по этому вѣдомству. Магницкій заплатилъ своему благодѣтелю самую черную неблагодарностію. Онъ передался врагу князя, графу Аракчееву, считая, что покровительство этого всемогущаго вельможи вѣрнѣе чѣмъ протекція князя Голицына, возбудившаго противъ себя вражду многихъ, особенно изъ высокихъ духовныхъ особъ. Начались самыя темныя махинаціи, которыя мало-по-малу приготовили паденіе князя Голицына, окончательно рѣшенное по слѣдующему случаю: князь Голицынъ, поощрявшій изданіе мистическихъ книгъ на русскомъ языкѣ, поручилъ инженеръ-генералъ-майору Александру Максимовичу Брискорну, казанскому профессору Яковкину и 5-го класса Троскинскому, перевести съ нѣмецкаго книгу *Толкованіе Святыхъ Евангелій*, сочиненную священникомъ Госнеромъ, который перешелъ изъ римско-католической вѣры въ лютеранскую. Книга эта началась

пріѣзда своего въ Казань, онъ былъ симбирскимъ губернаторомъ и пользовался славою ловкаго, распорядительнаго и энергическаго администратора. При немъ открыты были въ Симбирскѣ: Женское общество христіанскаго милосердія и отдѣленіе Библейскаго Общества. Главною обязанностію перваго было: «не ограничиваться попеченіемъ о тѣхъ только бѣдныхъ, кои называются нищими; оно будетъ предпочтительно стараться открывать: 1) вдовъ и сиротъ, стыдящихся общественной помощи, 2) ремесленниковъ, отъ болѣзней въ нищету пришедшихъ, и 3) людей разоренныхъ, отъ какихъ-либо несчастныхъ случаевъ. Въ тайныя (?) жилища скрытой бѣдности будетъ оно стараться проникнуть тайнымъ образомъ, во имя Іисуса Христа, внести въ нихъ утѣшенія христіанскаго милосердія. За симъ тюрьмы, госпитали, больницы, воспитательные дома будутъ предметами его постояннаго попеченія.» Знакомъ принадлежности къ этому Обществу служили серебряныя кольца съ надписью о томъ. Магницкій былъ секретаремъ Общества и, какъ губернаторъ, извѣстилъ членовъ, благотворителей и комиссаровъ Общества объ утвержденіи его и о принятіи государыней Елисаветой Алексѣевной званія его покровительницы (1). Объ участіи Магницкаго въ дѣятельности симбирскаго отдѣленія Библейскаго Общества мы знаемъ только изъ письма Карамзина, отъ 8 апрѣля 1818 года его брату: «На сихъ дняхъ читалъ я библейскую рѣчь вашего губернатора: молодецъ! Я слышалъ, что она полюбилась императору и князю Голицыну (А. Н., министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ). Это главное.» (2) Но странное, не повторившееся въ

печататься въ Петербургѣ, въ типографіи Греча, въ концѣ 1823 года. Магницкій сдѣлалъ тайный доносъ Аракчееву о скоромъ, подъ покровительствомъ князя, выходѣ въ свѣтъ сочиненія, которое называлъ зловреднымъ; немедленно были приняты самыя энергическія мѣры для низверженія князя Голицына съ министерскаго мѣста, и оно воспослѣдовало особенно по настоянію с.-петербургскаго митрополита Серафима, въ апрѣлѣ 1824 года. Рѣдчайшій экземпляръ перевода книги Госнера (не допечатанной) находится въ библіотекѣ С. Д. Полторацкаго.

М. Лонгиновъ.

(1) См. *Учрежденіе и открытіе Симбирскаго женскаго общества христіанскаго Милосердія*. Казань, 1818, стр. 1—28. Общество это и до сихъ поръ существуетъ въ Симбирскѣ.

(2) См. *Атеней* 1858, т. III, стр. 656. Другіе современники, болѣе строгіе въ своихъ отзывахъ, иначе думали о рѣчи Магницкаго: «Магницкій, при открытіи симбирскаго отдѣленія, говорятъ они, сказалъ

другихъ отдѣленіяхъ Библейскаго Общества, явленіе, произошло въ томъ же году въ Симбирскѣ. Оно удивило современниковъ, и это удивленіе было высказано княземъ А. Н. Голицынымъ, который съ званіемъ министра соединялъ еще и титулъ президента Россійскаго Библейскаго Общества. Вотъ какъ извѣщаль о томъ самъ Голицынъ въ тогдашнихъ газетахъ:

«Комитету Россійскаго Библейскаго Общества доставлено слѣдующее письмо, отъ неизвѣстнаго члена Общества къ комитету симбирскаго отдѣленія писанное:

«Будучи давнишнимъ и усерднѣйшимъ читателемъ библейскихъ обществъ, а вмѣстѣ и членомъ симбирскаго отдѣленія, я возымѣлъ мысль быть неизвѣстнымъ корреспондентомъ вашимъ, дабы изъ уединенія небольшой деревеньки одного изъ отдаленнѣйшихъ уѣздовъ здѣшней губерніи разговаривать съ вами свободно о всемъ, что пошлетъ мнѣ Богъ на мысль къ пользѣ Библейскаго Общества, не опасаясь ни похвалъ, ни осужденія, равно для меня вредныхъ. Итакъ прошу побесѣдовать. Главная цѣль Библейскаго Общества въ Россіи есть: *сѣянiе слова Божiя на всемъ пространствѣ сей обширной имперіи*. Но на что сѣять его? На то, чтобы принялось и принесло вожделѣнный плодъ. Теперь житницы наши наполнены зрѣлыхъ и надежныхъ сѣменъ. Сѣятелей много; всѣ вышли на работу, и золотыя струи сыплются обильно на ниву господню, подъ вліяніемъ благотворнаго неба. И я въ числѣ сѣятелей, выйдя съ прочими на свой участокъ работы, преткнулся на камни и увидѣлъ волчець. Неужели должно бросать на нихъ сѣмена, Господу принадлежащія? Не обязанъ ли добрый работникъ, не бросая сѣмень на камни и волчець, прежде сѣять первыя и вырвать послѣднія? ибо иначе навѣрное пропадетъ сѣмя. Слово Божіе разумѣю я сѣменемъ, благословенное отечество наше нивою, членовъ Библейскаго Общества сѣятелями; всѣ книги, прямо или косвенно порицающія Слово Божіе и отрицающія воплощеніе Бога-Слова, разумѣю камнями и волчець на нивѣ Господней. И по сему разумѣнію заключаю, что доколѣ благочестивое правительство наше приметъ общія мѣры къ истребленію всѣхъ безбожныхъ книгъ, которыми наводнены лавки нашихъ книгопродавцевъ, бѣльшая часть библіотекъ пу-

соблазнительную рѣчь, и она была напечатана во всѣхъ публичныхъ листахъ какъ образцовая, хотя имѣла болѣе видъ тонкой сатиры, нежели истинной набожности.»

бличныхъ и частныхъ, и даже самыя отдаленныя провинціи; дотолъ обязанность каждаго истиннаго члена Библейскаго Общества есть, исторгая всѣми способами изъ обращенія сія ядовитыя стрѣлы діавола, истреблять ихъ. Идя отъ сего понятія, купилъ я нѣсколько подобныхъ книгъ и рукописей и, препровождая у сего при спискѣ въ симбирскій комитетъ, прошу истребить ихъ. Изъ газетъ увижу я, будетъ ли мысль моя одобрена Библейскимъ Обществомъ; а между тѣмъ стану въ тѣсномъ кругѣ своемъ продолжать покупать всѣ подобныя произведенія, и отъ всей души желаю, чтобы каждый членъ Библейскаго Общества хотя одну подобную книгу представилъ для истребленія.»

«При семь писемъ препровожденъ былъ реестръ книгамъ, которыя *неизвѣстный* тотъ членъ купилъ для истребленія ихъ, а именно: *Черный Иванъ или Пелюдимъ; Принцесса Вавилонская; Разсужденіе о неравенствѣ между людьми; Повѣсть о двухъ Туркахъ; Кандидъ или Оптимизмъ; Задигъ или судьба, восточная повѣсть; Человѣкъ въ сорокъ талеровъ; Философическія рѣчи о человѣкѣ; Тактика Вольтера; Здравое разсужденіе Гельвеція; Критическія письма; Исповѣдованіе вѣры; Общественная система; Система природы.* Въ рукописяхъ: *Сокращенное ученіе нравственныхъ философовъ; Бѣлый быкъ; Естественный законъ, поэма въ 4 частяхъ; Поэма на разрушеніе Лиссабона; Энки или мудрецъ и атеистъ; Посланіе къ слугамъ моимъ* (извѣстное сочиненіе Фонъ-Визина); *Библіотека здраваго разсудка, два тома* (1).

«Комитетъ симбирскаго отдѣленія, по апостолу: *«не бывайте (удобъ) преложни ко иному ярму, яко же невѣрніи; кое бо причастіе правды къ беззаконію, или кое общеніе свѣту ко тьмѣ; кое же согласіе Христова съ Велиаромъ»*, почитая мысль сего неизвѣстнаго члена благонамѣренною (?), положилъ испросить, на

(1) Года за полтора до письма неизвѣстнаго члена симбирскаго библейскаго отдѣленія, подавалъ Александру I списокъ богохульныхъ книгъ Императорской московской медико-хирургической академіи переводчикъ, Степанъ Смирновъ, относя къ нимъ слѣдующія: *Любидная Поэсть; Аизоклесь или письма изъ Рима и Греціи*, соч. г-жи Пикльеръ; *Наука числъ*, соч. Эккартсгаузена; *Приключенія по смерти*, соч. Штилинга; *Угрозы Сѣтовостоковъ; О истиннѣи и сожженіи всѣхъ вещей; Мученики*, соч. Шатобріана. См. *Чтенія Общ. Ист.*, 1858, № 4, Слѣсъ, стр. 139—142. Отвѣтъ князя Голицына неизвѣстному долженъ быть примѣненъ и къ г. Смирнову.

на приведеніе ея въ дѣйство, разрѣшенія комитета Россійскаго Библейскаго Общества.

«На сіе, въ качествѣ моемъ президента Россійскаго Библейскаго Общества, долгомъ почитаю изложить здѣсь слѣдующее:

«Извѣстно изъ самыхъ правилъ Библейскаго Общества, что оно ограничиваетъ дѣйствія свои единственно только облегченіемъ каждому желающему способъ получать книги Слова Божія, то-есть, все дѣло его состоитъ токмо въ заготовленіи и приведеніи въ употребленіе книгъ Священнаго Писанія; но и тѣхъ безъ всякихъ примѣчаній и поясненій. По сей причинѣ Общество сіе не можетъ никакъ принимать на себя другаго дѣла, каково есть истребленіе противохристіанскихъ сочиненій. Можно надѣяться, что утверждаемое посредствомъ чтенія Священнаго Писанія благочестіе само собою возродитъ отвращеніе отъ чтенія всѣхъ вредныхъ книгъ. Итакъ сіи послѣднія мало-по-малу будутъ изъ употребленія вытѣсняемы первыми. Всемилостивѣйшій государь нашъ, съ своей стороны, помышляя объ истинномъ и существенномъ благѣ подданныхъ своихъ, не упускаетъ ничего изъ виду, чтобы христіанское благочестіе преуспѣвало въ отечествѣ нашемъ, и августѣйшимъ примѣромъ своимъ и щедротами подкрѣпляетъ все оному споспѣшествующее. О принятіи же непремѣннымъ правиломъ отъ Общества или отъ правительства истреблять всѣ вредныя книги, кажется, можно сказать вмѣстѣ со Спасителемъ отрицательно: *«Ни; да не когда восторжаше плевелы, восторгнете купно съ ними и пшеницу. Оставьте расти обою купно до жатвы. Тогда пошлетъ Сынъ человеческій ангелы своя, и соберутъ отъ царствія его вся соблазны и творщияхъ беззаконіе»* и проч. Впрочемъ, еслибы кто изъ частныхъ людей, ревнуя по христіанству, почувствовалъ въ себѣ желаніе истреблять противныя оному книги, то сіе всегда отъ него зависитъ, равно какъ и нынѣ, неизвѣстный членъ Общества, препроводя купленные имъ сего ради книги въ комитетъ симбирскій на истребленіе, имѣлъ все право поступить съ ними такъ, какъ съ *собственностію своею*. А потому комитетъ и исполнилъ его желаніе. Но для сего не было и нужно присылать ихъ въ комитетъ Библейскаго Общества, который, какъ выше сказано, не можетъ имѣть сіе правиломъ собственныхъ своихъ дѣйствій. Поелику же сей ревнитель слова Божія желалъ быть увѣдомленъ чрезъ газеты, одобрена ли мысль его Обществомъ, то я приказалъ напечатать въ публичныхъ вѣдо-

мостяхъ, какъ письмо его со спискомъ предположенныхъ къ истребленію книгъ, такъ мнѣніе комитета симбирскаго по сему случаю и изъясненное здѣсь правило Библейскаго Общества вообще. Многіе отцы семействъ, воспитатели и другіе, искренно расположенные къ добру соотечественники наши, узнавъ имя всякой книги, возстающей противу истинъ христіанскаго ученія, вѣроятно остерегутся и сами, и станутъ остерегать юношество отъ употребленія оной, какъ отъ заразной и вредной пищи, какъ отъ язвы, растлѣвающей душу и убивающей духъ. Я же съ моей стороны, не только какъ президентъ Россійскаго Библейскаго Общества и министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, но и лично, какъ частный человѣкъ, любящій отечество свое, желаю искренно, дабы сей случай произвелъ впечатлѣніе и привелъ къ размышленію о томъ, гдѣ и въ какихъ книгахъ искать истины» (1).

Такимъ образомъ несчастная мысль неизвѣстнаго члена симбирскаго отдѣленія образовать изъ Библейскаго Общества нѣчто въ родѣ центрального инквизиціоннаго судилища для литературы—не облылась; самая ошибка отдѣленія, первымъ членомъ и руководителемъ котораго былъ Магницкій, устранена благоуміемъ князя Голицына. Вскорѣ послѣ этого происшествія, Магницкій оставилъ мѣсто губернатора симбирскаго и получилъ назначеніе быть членомъ главнаго правленія училищъ (2). На пути изъ Симбирска въ Петербургъ, ему поручили осмотрѣть Казанскій университетъ. Когда онъ явился съ донесеніемъ о результатахъ своей ревизіи, его сдѣлали попечителемъ университета, съ которымъ онъ только что познакомился. Честолюбивый дипломатъ, когда-то дружившій съ мартинистами, черезчуръ усердный администраторъ и бюрократъ, вчера мистикъ, сегодня крайній реалистъ, Магницкій выступилъ на ученое и педагогическое поприще съ тѣмъ рѣзко сложившимся характеромъ, который такъ искусно обрисованъ немногими словами въ знаменитой сатирѣ Воейкова. Казанскій универси-

(1) *Казанскія Извѣстія*, 1818 № 39, гдѣ были перепечатаны изъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* «сиі столь безпристрастныя, столь полезныя и истинно христіанскія разсужденія», какъ выразилась редакція.

(2) «Спѣшу васъ извѣстить, что бывший вашъ губернаторъ опредѣленъ здѣсь въ члены главнаго училищъ управленія, подъ начальствомъ министра просвѣщенія», писалъ Карамзинъ своему брату 27 янв. 1819 года. *Атеней*, № 26, стр. 661—662.

теть, благодаря недавнему существованію своему, представлялъ еще много недостатковъ: самый составъ его профессоровъ былъ чрезвычайно разнообразенъ, что вело къ различнымъ недоразумѣніямъ; представители многихъ національностей, профессора не умѣли сойтись подъ одно общее знамя науки; лучшие изъ нихъ устранялись отъ всего, что не носило въ себѣ научнаго характера; коллегіальное устройство университетской администраціи, несмотря на историческое изреченіе Петра Великаго, что «коллегіумъ свободнѣйшій духъ имѣетъ въ себѣ къ правосудію», вовсе не отличалось этимъ качествомъ. Всякій посторонній зритель, который бы поверхностно взглянулъ на такое жалкое состояніе университета, могъ легко спутать истинныя причины зла съ самымъ принципомъ, положеннымъ въ основаніе университетскаго устройства. Этой ошибки не избѣжалъ и Магницкій, соединявшій въ себѣ много другихъ, личныхъ условій, которыя заставляли его смотрѣть на все дѣло съ особенной, только ему свойственной точки зрѣнія. И этотъ взглядъ неизбѣжно долженъ былъ отразиться на осмыслѣніемъ управленія его казанскимъ округомъ. Первые шесть лѣтъ этого срока онъ прожилъ въ Петербургѣ, въ расположеніи къ себѣ князя А. Н. Голицына, военнаго министра графа А. А. Аракчеева, переписываясь съ М. М. Сперанскимъ и другими (1); но потомъ долженъ былъ оставить Петербургъ и явиться къ своему посту, а въ началѣ 1827 года удаленъ вовсе отъ службы.

Въ іюнь 1819 года, получено было въ Казани извѣстіе о назначеніи Магницкаго попечителемъ (2); а въ началѣ слѣдующаго года университетъ былъ преобразованъ еще разъ. Во главѣ хозяйственнаго и полицейскаго управленія поставленъ директоръ университета, лицо высшее ректора; ему же порученъ былъ и надзоръ за нравственнымъ образованіемъ студентовъ. Ему дана особая инструкція, которая своимъ происхожденіемъ, разумѣется, обязана была Магницкому. Директору предоставлены были безграничныя права; онъ исполнѣ

(1) Такъ, мы читали рукописное, льстивое до наглости, описаніе одного сва, будто бы видѣннаго Магницкимъ въ Грузинахъ, имѣнія графа Аракчеева. Переписка между Магницкимъ и членами университета того времени до сихъ поръ еще хранится у нѣкоторыхъ лицъ, ожидая со-временемъ изданія своего въ свѣтъ.

(2) *Каз. Изв.* 1819, № 52.

замѣнялъ собою попечителя, который оставался въ Петербургѣ, но дѣятельно сносился съ своимъ посредникомъ. Съ наибольшою подробностію изложена была третья глава инструкціи, данной директору; въ ней опредѣлялись обязанности его по нравственному образованію воспитанниковъ. Впрочемъ правила ея не представляютъ собою ничего новаго въ этомъ родѣ: директоръ обязанъ былъ преслѣдовать въ студентахъ духъ вольнодумства, присутствовать на лекціяхъ, разсматривать тетради студентовъ, приучать ихъ къ дѣламъ милосердія, посѣщенію церкви. «Чтобы студенты, отличающіеся христіанскими добродѣтелями, были предпочитаемы всѣмъ прочимъ», сказано въ инструкціи: «начальство университета приѣмлетъ ихъ подъ особенное покровительство по службѣ и доставить имъ всѣ возможныя по оной преимущества». Подобная же инструкція дана была и ректору университета; въ ней преимущественно говорилось о преподаваніи университетскомъ. Весь отдѣлъ, разбирающій этотъ вопросъ, написанъ былъ съ обычною риторикой, которою отличалась всегда напыщенная рѣчь Магницкаго. Особенно много возраженій вызвали противъ себя логика и философія со стороны составителя инструкціи. Всѣ три кафедры юридическихъ наукъ, существовавшія передъ тѣмъ въ Казанскомъ университетѣ, соединены были въ одну; естественное право поставлено на одну доску съ ученіями Макиавелли и Гоббеса; наукамъ физико-математическимъ и медицинскимъ, указано на полу-идеальную полу-мистическую сторону ихъ ученія; преподавателямъ классической и восточной филологіи предложено знакомить своихъ слушателей съ языкомъ изучаемыхъ ими произведеній, не щадя нисколько самаго содержанія ихъ; исторія обращена въ похвальное слово, съ особеннымъ заранѣе приказаннымъ направленіемъ (1). Совѣтъ университета опредѣлилъ праздновать ежегодно публичнымъ собраніемъ 17-е января, въ память своего, «переложенія на другіе нравы»; а «достопамятныя происшествія сіи, для блага Казанскаго университета, внести въ исторію онаго». Магницкій, получивъ извѣстіе объ опредѣленіи университетскаго совѣта, отвѣчалъ директору, Ст. Владимірскому, слѣдующею бумагой:

«Съ искреннѣйшею радостію получилъ я актъ университета о достопамятномъ торжественномъ собраніи, по случаю его обновленія.

(1) *Казанск. Вѣстн.* 1824, №№ 2 и 3.

«Слава показавшему намъ свѣтъ.

«Да просіяетъ онъ, отъ хижины Камчадала до береговъ Аракса.

«Да обратятся въ живыя церкви Христовы священные разсадники юношества, кои прежде лжемудріе вѣка сего храмами богинь именовало.

«Сими искренними желаніями привѣтствую почтенное сословіе обновленнаго университета, и за честь себѣ поставляю принять наименованіе почетнаго его члена.

«Благодарю васъ за неусыпные труды, коими, въ краткое время вашего управленія въ университетѣ, истребили вы бывшія неустройства, ввели порядокъ, сохранили выгоды казны, водворили новый духъ, приблизивъ публичное воспитаніе къ отеческому, и положили тѣмъ прочное основаніе совершенному преобразованію университета», и т. д. (1).

Самъ университетъ, въ отчетѣ своемъ за 1819—20 годъ, выражался такъ: «Сей нашъ академическій годъ достопамятенъ для казанскаго учебнаго округа важнѣйшими происшествіями. Онъ составляетъ блистательную эпоху преобразованія, совершеннаго обновленія Казанскаго университета. Кому неизвѣстны причины сего преобразованія? Онъ скрывались въ нетвердомъ, неблагонадежномъ составѣ прежняго университета... Неустройство внутренней полиціи, слабость и пристрастіе въ экзаменахъ, беспорядокъ въ содержаніи студентовъ, непрерывныя между членами совѣта крамолы и другъ на друга извѣты, обратили грозный взоръ правительства на университетъ. Въ началѣ 1819 года, посланъ былъ ревизоръ для его осмотра. Найденное обозрителемъ разстройство его во всѣхъ частяхъ было столь велико, и такъ мало оставалось надежды возстановить его въ должномъ видѣ, что сдѣланы уже были всѣ предположенія къ его уничтоженію. Но... милосердіе покрыло всѣхъ виновныхъ: не только ни одинъ изъ нихъ не подвергся заслуженному взысканію, но, въ числѣ удаленныхъ изъ университета, люди престарѣлые получили пенсіоны и путевыя на проѣздъ въ чужіе края издержки, а прочимъ открыты способы вступить въ другой родъ службы» (2). Въ началѣ 1822 года, Магницкій долженъ былъ явиться въ Казань, но не при-

(1) *Каз. Изв.* 1820, №№ 18 и 54.

(2) *Каз. Изв.* 1821, № 1.

вхаль, и прислалъ вмѣсто себя бесѣду къ ученому сословію университета. Въ ней онъ говорилъ, новымъ, вызваннымъ имъ профессорамъ, чтобъ они не смущались своей малочисленности. «Меня съ недоувѣрчивостію спрашивали, говорить онъ: какимъ образомъ можетъ идти университетъ съ столь-малымъ числомъ преподавателей? Онъ шелъ однакоже дѣйствительно и ни на минуту не останавливался... Каждый изъ васъ замѣнилъ съ избыткомъ выбывшихъ преподавателей, комитеты и даже цѣлые факультеты. Разсматривая дѣла ваши, преподаванія и экзамены, я забывалъ число ваше... Взоры имперіи, а можетъ-быть и вниманіе Европы, устремлены на васъ.» Затѣмъ, отдѣлавши по своему произвольную потѣху пытливости и гордости ума человѣческаго, основаніе философізма, Магницкій фразисто разсуждаетъ: о профессорскихъ конспектахъ, объ экзаменахъ студентовъ при приѣмѣ ихъ, о выпускныхъ и переходныхъ экзаменахъ, объ изданіи учебныхъ книгъ, о сочиненіи инструкцій для каждой каѳедры, объ устройствѣ въ Тобольскѣ большой гимназіи (въ этой главѣ встрѣчается нѣсколько справедливыхъ замѣчаній), о путешествіяхъ за границу и по Россіи, объ ученыхъ запискахъ и работахъ въ округѣ, объ историческомъ обзорѣнн каждой науки отъ преподавателей ея, о разныхъ системахъ народнаго воспитанія въ различныхъ странахъ округа. Въ послѣдней главѣ Магницкій предлагаетъ: подумать объ устройствѣ института восточныхъ языковъ въ Астрахани; завести сношенія съ Индіей и ея ученымъ сословіемъ, браминами, въ надеждѣ, что они не что иное «какъ общество, соединенное преданіями патріарховъ и освященное преданіемъ же апостольской проповѣди въ Индіи;» склонить оренбургскаго муфтія и его единовѣрцевъ къ учрежденію татарскихъ училищъ; послать чиновника въ Самаркандскій университетъ, съ которымъ поддерживать постоянныя сношенія; открыть ланкастерскія школы для Мордвы, Черемисъ, Чувашей и дикихъ народовъ Кавказа и Сибири (1). Магницкій любилъ иногда, на покой и свободѣ, въ кругу преданныхъ кліентовъ, помечтать и удивить ихъ своими смѣлыми, но никогда не приводившимися въ исполненіе планами. Его посылали изъ Петербурга въ Казань для непосредственнаго управленія округомъ, попечителемъ котораго онъ считался; а онъ отдѣлывался

(1) *Каз. Изв.* 1833, №№ 1 и 2

подобными бесѣдами, разными инструкціями и громкими фразами. «Я думаю, полагаю», «мнѣ кажется, что для отвращенія сихъ неудобствъ», «эти безпорядки подали мнѣ мысль», «я приглашаю», «я почитаю нужнымъ», и т. п. выраженія попадаютъ въ каждой фразѣ, въ каждой страницѣ, славившихся въ свое время рѣчей Магницкаго. Но зная, лучше многихъ другихъ, пословицу: «соловья баснями не кормятъ», онъ выхлопоталъ своимъ подчиненнымъ денежное награжденіе, простиравшееся до 25.000 рублей (1). Наконецъ онъ долженъ былъ оставить Петербургъ и явиться въ Казань, въ августъ 1825 года. Въ университетѣ не было уже ни Бартельса, ни Френа, ни Литрова. Болѣе всѣхъ выдвигались впередъ между профессорами новаго направленія: Городчаниновъ, Баженовъ, Пальминъ. Первый, авторъ разныхъ сочиненій, въ стихахъ и прозѣ (Казань, 1816 г.), преподавалъ естественное право въ смыслѣ обличительномъ, по собственному своему сочиненію: *Мнѣніе христіянина о правѣ естественномъ*, російскую поэзію и російской словесности исторію. Для послѣднихъ двухъ предметовъ у него была подъ руками его же книга: *Опытъ краткоу руководства къ эстетическому разбору по части російской словесности*, гдѣ на стр. 48—49 сказано: «Совѣтую чаще читать *Разсужденіе о старомъ и новомъ словѣ російскаго языка* г. Шпшкова. Превосходная классическая книга! Особливо совѣтую гг. студентамъ трудиться въ предложеніи нѣкоторыхъ псалмовъ, какъ то дѣлали знаменитые наши стихотворцы: Ломоносовъ, Сумароковъ, Державинъ, Дмитріевъ, Николевъ и пр.» Пальминъ, присланный Магницкимъ изъ Петербурга, читалъ исторію философскихъ системъ съ надлежащимъ разборомъ оныхъ. Баженовъ читалъ всеобщую исторію, руководствуясь извѣстнымъ сочиненіемъ Боссюэта, съ дополненіями изъ Роллена, Флери, Ферранда, Лангле-дю-Френуа и другихъ скромныхъ, но благоразумныхъ историковъ. Въ *Казанскомъ Вѣстникѣ* 1823 года, онъ помѣстилъ свой «Опытъ историческаго разсужденія о дѣйствіяхъ Промысла въ устроеніи царствъ земныхъ и народовъ», гдѣ между прочимъ сказано о Россіи: «Пространная Россія вмѣщаетъ одна въ себѣ все то, что въ другихъ краяхъ свѣта по частямъ разсѣяно. Великія моря предѣлы ея омываютъ, обширныя рѣки съ морями сливаются и соеди-

(1) *Каз. Изв.* 1824, № 7, стр. 93—99, № 4, стр. 230.

няють отдаленныя страны между собою; въ нѣдрахъ горъ ея изобилуютъ металлы всякаго рода; поля и долины ея украшаются всюду плодоносными жатвами и тучными паствами; вѣковые лѣса занимаютъ неизмѣримыя пространства. Издревле славилась Россія торговлею, издревле притекали въ нее отдаленныхъ странъ народы и за естественные ея избытки приносили серебро и золото; издревле российский народъ любилъ подчиненность, зналъ земли своей достоинство... издревле Россія славилась наипаче и просвѣщеніемъ... Россія занимаетъ собою $\frac{1}{3}$ всего земнаго шара, $\frac{1}{4}$ матерой земли и половинну всей Европы.» *Казанскій Вѣстникъ* по преимуществу наполнялся сочиненіями профессоровъ и ихъ студентовъ. Между послѣдними и тѣ, которые принадлежали къ медицинскому факультету, писали свои диссертациі по предметамъ богословія, краснорѣчія и реторики (1). Вотъ какъ самъ Магницкій обрисовалъ состояніе Казанскаго университета въ рѣчи, сказанной имъ вскорѣ по своемъ пріѣздѣ, 15 сентября 1825 года:

«Господа члены университета!

«Законоучители, блюстители христіанской нравственности и благочинія, преподаватели высшихъ познаній во всѣхъ родахъ наукъ и словесности!

«Проведя слишкомъ три недѣли въ ежедневныхъ, самыхъ строгихъ испытаніяхъ студентовъ и воепитанниковъ гимназій, почти по 10 часовъ каждый день продолжавшихся, вникая, по жительству моему въ самый университетъ, во всѣ подробности онаго, я могу сказать, безъ преувеличенія, что осмотрѣлъ университетъ внимательно, изучилъ самый внутренній ходъ его учебнаго, нравственнаго и полицейскаго управленія; знаю не только лица, въ разныхъ частяхъ сего управленія дѣйствующія, но и каждаго студента; въ чемъ и ссылаюсь на васъ самихъ. Могу сказать, что видѣлъ университетъ, и университетъ единственный по достоинству, по отличнымъ способностямъ, по высокимъ познаніямъ лицъ, почтенное сословіе его составляющихъ; единственный по доброму духу преподавателей, по личной и всему городу, предъ которымъ смѣло говорю сіе, извѣстной ихъ нравственности и благоповеденію; единственный по доброму духу, благонравію, скромности, обра-

(1) *Казанскій Вѣстникъ* за первыя шесть лѣтъ.

зованности и отличнымъ успѣхамъ во всѣхъ полезныхъ знаніяхъ студентовъ. Здѣсь родители и родственники ихъ, я на нихъ ссылаюсь; здѣсь начальство губерніи, я имъ свидѣтельствуюсь.

«Изъ числа 94 студента (1), по самомъ строгомъ изслѣдованіи, найдено семь почти равно достойныхъ золотой медали, положенной за отличные во всѣхъ классахъ успѣхи, украшающіеся основательнымъ познаніемъ закона Божія и христіанскою нравственностію. Сегодня прочтены публично имена ихъ. Найдено сверхъ того во всѣхъ отношеніяхъ хорошихъ и весьма хорошихъ студентовъ 22, итого 29. Какой похвалы краснорѣчивѣйшей вамъ всѣмъ, милостивые государи, желать и ожидать отъ меня можно? Вы сами себѣ ее сдѣлали.

«Въ то самое время, какъ повсемѣстно видимъ мы благотворныя заботы государя благочестивѣйшаго и вѣрныхъ исполнителей священной его воли объ искорененіи гѣхъ пагубныхъ лжеученій, которыя, какъ протокъ подземный, устремлялись подрыть святыя алтари Бога отцевъ нашихъ: въ то самое время, говорю, университетъ Казанскій, за златою оградой высочайше данныхъ ему инструкцій, чуждъ повсемѣстной заразы, вѣренъ общей матери нашей церкви православной, питаетъ юность, пылающую живою вѣрой, чистымъ медомъ ея небеснаго ученія.

«Два дни тому, на семь самомъ мѣстѣ, свѣтильникъ право-

(1) Въ годъ назначенія Магницкаго попечителемъ, студентовъ было 133, кромѣ вольныхъ слушателей. Въ отдѣленіи нравственно-политическомъ кончило курсъ 15, физико-математическомъ 14, словесномъ 9. Студенты перваго представили сочиненія: о правѣ выкупа, о правѣ закладномъ по русскому праву, о судебныхъ доказательствахъ въ дѣлахъ уголовныхъ и гражданскихъ по русскому праву, о наказаніяхъ уголовныхъ, о родительской власти, о дворянствѣ; втораго: о радугѣ, о механическихъ свойствахъ воздуха и особенно о его давленіи, о движеніяхъ брошеннаго тѣла въ безвоздушномъ пространствѣ, описаніе турмалина изъ Сибири, о причинахъ изобрѣтенія системъ естественной исторіи и о недостаткахъ брачной Линнеевой системы и т. п.; третьяго: разсужденіе о томъ, какое вліяніе на Европу имѣло открытіе Америки, сравненіе теоретическихъ доказательствъ о свободѣ человѣческой воли, безсмертіи души и бытіи Бога, съ практическими, разборы произведеній русскихъ поэтовъ и собственныя стихотворенія. Но по распоряженію Магницкаго, всѣмъ выпущеннымъ въ тотъ годъ изъ университета не выдали аттестатовъ, и они должны были снова подвергнуться испытанію предъ комиссіей новыхъ профессоровъ, иные были исключены. *Каз. Изв.* 1819, № 58, 104.

славія, которымъ благословилъ Господь градъ вашъ, какъ новый Златоустъ, окруженный толпящимися къ нему воспитанниками университета и гимназій, вопрошалъ ихъ о догматахъ вѣры, строго испытывалъ въ убѣжденіи о святости церкви правовѣрной, благоволилъ къ ихъ отвѣтамъ, утѣшался ихъ успѣхами, благословлялъ сихъ юношей и дѣтей благочестивыхъ.

«Въ то самое время, какъ лжеимянная философія, , отравляя всѣ науки и даже словесность и самыя искусства тлетворнымъ своимъ ядомъ, обѣснуетъ умы на Бога и царей, въ университетѣ нашемъ самый ядъ сей претворяется въ цѣлительное средство противъ буйной гордости разума. Воспитанники ваши, путеводимые благочестивымъ Несторомъ вашего сословія, твердо изучили всѣ возраженія на нелѣпыя положенія естественнаго права и съ улыбкою презрѣнія къ возмутительнымъ его бреднямъ изощряютъ природное свое остроуміе на счетъ славнѣйшихъ его апостоловъ.

«Вмѣсто тѣхъ буйныхъ мечтаній нѣкоторыхъ Германцевъ, кои возникли съ своевољствомъ Лютеровой реформы, и такъ лживо называются нынѣ философіею, мечтаній, въ углу сѣверной Германіи распространенныхъ такими людьми, коихъ и именъ на другомъ краю Европы никто не знаетъ; вмѣсто сихъ мечтаній принята у васъ та здоровая, истинная, беззатѣйная философія, которая прямитъ и изощряетъ умы, съ которою жили счастливо отцы наши, вѣрные Богу и царямъ, въ которой воспитаны и образовались отличнѣйшіе мужи нашего отечества, свѣтила нашей церкви.

«Въ преподаваніи исторіи всеобщей былъ я обрадованъ тѣмъ, чего всегда желалъ, не предвидя возможности исполненія, чего даже не смѣлъ и надѣяться. Извѣстная рѣчь Боссюэта, безсмертный памятникъ сего христіанскаго генія, удивленіе потомства, представляя общій взглядъ ума необыкновеннаго, взирающаго съ неба на судьбы, движеніе и паденіе царствъ земныхъ, была дана въ руководство преподавателю всеобщей исторіи; но чтó онъ сдѣлалъ съ нею? Онъ изъ простаго очерченія Боссюэтова сдѣлалъ картину всемірныхъ происшествій, освѣтивъ ее тѣмъ незаходимымъ свѣтомъ, внѣ котораго всякое просвѣщеніе человѣческое тьма густая. Онъ исполнилъ въ преподаваніи своемъ то, чтó въ высочайше утвержденной инструкціи ректору нашего университета предписано; онъ смѣлою рукой свергнулъ тѣ идолы языческаго величія, предъ коими весь ученый міръ, преклоня колѣна, стоитъ уже двѣ тысячи

лѣтъ. Въ житіяхъ святыхъ церкви православной показали онѣ тѣ высокіе примѣры всѣхъ добродѣтелей, предъ коими меркнетъ и исчезаетъ, какъ тѣнь, слава Брутовъ и Лукрецій. Онѣ сорвали вѣнды съ гордаго чела героевъ языческой древности и почтительно положили ихъ на окровавленномъ прахѣ Колизея, къ стопамъ святыхъ мученическихъ ликовъ.

«Въ примѣрахъ словесности греческой отраднo было слышать святыя имена Златоуста, Григорія, Кирилла, Аванасія и Макарія на ряду съ Демосееномъ. Отличныя и быстрыя въ семь предметъ успѣхи были какъ бы послѣдствіе благословенія сихъ святителей, чужеземными учителями греческой словесности оставленныхъ и презрѣнныхъ.

«Родная съ еллинскою словесность отечественная преподаваема совершенно согласно съ нашими инструкціями. Студенты, кои ихъ свѣжая и счастливая память обогащена отборнѣйшими сокровищами священнаго и гражданскаго краснорѣчія, сочиняли и произносили, безъ приготовленія, на самомъ экзаментѣ, рѣчи на разные предметы, имъ заданныя, и слогъ рѣчей сихъ, всегда правильный и чистый, былъ часто прилично украшаемъ и силенъ.

«Классъ поэзіи, обыкновенно такъ суетный и бесполезный, приноситъ здѣсь не только большую учебную, но и нравственную пользу. Изящный вкусъ студентовъ, доказанный строгою и тонкою критикою образцовыхъ стихотвореній древнихъ и новыхъ, образованъ на поэзіи священной, коей всѣ роды находятъ и показываютъ они, съ удивительною точностію, въ Библии.

«Исторію російскую знаютъ они основательно и въ направленіи, согласному съ духомъ церкви и чувствами вѣрноподданныхъ къ царямъ отечественнымъ.

«Въ словесности латинской, французской и нѣмецкой успѣхи равно блистательны и быстры. Но удивительные оказали кандидаты словесности восточной, въ самое краткое время. Неожиданно прибывшіе на испытаніе природныя знатоки языковъ арабскаго и персидскаго задавали письменно и диктовали имъ мѣста изъ разныхъ авторовъ, и остались совершенно довольными, какъ переводомъ, такъ и произношеніемъ ихъ, столь труднымъ для Европейца. Они удивлены были знаніемъ одного изъ студентовъ, разказавшаго имъ труднѣйшія эпохи изъ исторіи восточной литературы, біографію ихъ примѣ-

чательнѣйшихъ авторовъ и весь ходъ магометанскаго законоученія.

«Въ наукахъ математическихъ, физикѣ, химіи и минералогіи преподаны всѣ новѣйшія сихъ наукъ открытія и усовершенія, такъ что тѣ изъ студентовъ сихъ кафедръ, кои были внимательны, ничего новаго въ университетѣ Парижскомъ не могли бы услышать.

«Одинъ изъ преподавателей сихъ кафедръ, во всѣхъ частяхъ управленія отлично и долговременно университету служившій, несмотря на разнородныя заботы его начальствомъ, слишкомъ увѣреннымъ въ его неутомимости, преподалъ обширнѣйшія части прикладной математики, съ обычною ему ясностію и основательностію; другой объясъ всю чистую математику, отъ геометріи до астрономіи, предметъ обширнѣйшій, и только его дарованію, только обширности познаній его соразмѣрный.

«Отдѣленіе медицинское дѣлаетъ отличную честь университету, какъ образованіемъ многихъ хорошихъ врачей, такъ особенно добрымъ духомъ тѣхъ частей сей науки, коими завладѣла уже вредная философія нашего вѣка.

«Но гдѣ я возьму словъ и особливо времени, чтобы разказать подробно все, что видѣлъ я въ здѣшнемъ университетѣ хорошаго, отличнаго и поистинѣ великихъ похвалъ достойнаго?

«Пройду мимо великолѣпныя зданія, трудами вашими воздвигнутыя, съ благороднымъ сбереженіемъ важныхъ суммъ, вамъ ввѣренныхъ, и съ изящнымъ вкусомъ отдѣланныя. Мпную великолѣпный храмъ вашъ, особливимъ тщаніемъ и пожертвованіями вашими украшенный, гдѣ въ священномъ мракѣ, церкви первыхъ вѣковъ напоминающемъ, и единымъ Всевидящимъ Окомъ освѣщенномъ, воспитанники ваши возносятъ усердную молитву, поютъ священныя пѣсни, прислуживаютъ священнослужителямъ, слышатъ слово жизни, всею прелестію духовнаго краснорѣчія вашихъ пастырей облеченное. Прейду въ молчаніи внутреннюю чистоту, опрятность и благоустройство вашихъ зданій; не брошу взора на богатое и трудами вашими приведенное въ порядокъ обширнѣйшее книгохранилище (1).

(1) Въ годъ назначенія Магницкаго попечителемъ, въ бібліотекѣ университетской было 17.446 томовъ книгъ, 75 рукописей, 184 переплета эстамповъ, атласовъ, ландкартъ; а въ 1825 г. было въ ней 10.418 названій въ 18.772 переплетахъ, то-есть увеличилась она въ шесть лѣтъ только на 1063 тома: «да и то между ними большая часть диссертаций, рѣчей,

богатыя собранія ископаемыхъ, изъ разныхъ странъ присланныя и свезенныя, кабинеты естественныя, физическихъ орудій, медалей восточныхъ и римскихъ, собраній рѣдкостей; но какъ умолчу, что одинъ изъ васъ (И. М. Симоновъ, профессоръ астрономіи) обвезъ славу заведенія, его воспитавшаго, кругомъ свѣта, сдѣлалъ ему честь благороднымъ поведеніемъ своимъ, образованностію, обширными познаніями, умножилъ число членовъ вашихъ отличнѣйшими учеными, установилъ сношенія университета вашего съ славнѣйшими академіями Европы? Какъ умолчу, что вся честь столь слабо описаннаго мною благоустройства Казанскаго университета принадлежитъ вообще каждому изъ васъ, и въ особенности двумъ лицамъ, въ самомъ университетѣ начальствующимъ, и я съ радостию сердечной вамъ и имъ отдаю оную торжественно?

«Насилуя такъ продолжительно вниманіе ваше и не разъ уже, вѣроятно, оскорбивъ скромность вашу, одно только извиненіе имѣю принести вамъ — день, въ который съ вами бесѣдую (1).»

Эта громкая, напыщенная рѣчь удивила не только посѣтителей университетскаго акта, но и людей, которымъ расточались въ ней такія неумѣренныя похвалы, и которые ожидали, по разказамъ очевидцевъ, совершенно иныхъ отзывовъ. Ловкій попечитель не забылъ однакожь, что университетъ считался уже слишкомъ шесть лѣтъ его креатурой: было бы болѣе чѣмъ странно со стороны Магницкаго повтореніе того опыта, который онъ сдѣлалъ пробѣдомъ изъ Симбирска въ Петербургъ. Скорѣе однакожь, нежели ожидалъ самъ ораторъ, наступило время, когда должна была навсегда умолкнуть его пышная, въ своемъ родѣ не глупая, но крайне жалкая рѣчь. Въ началѣ 1826 года онъ сказалъ еще нѣсколько словъ по поводу кончины Александра I (2); а въ февралѣ слѣдующаго года уже встрѣчается имя четвертаго попечителя Казанскаго университета. Должность директора университета тотчасъ же была уничтожена. Но объ увольненіи Магницкаго отъ службы мы нигдѣ не нашли никакого офиціального извѣстія. Новая жизнь скоро забыла

описаній торжественныхъ актовъ, и т. п. книгъ, которыя поступали въ бібліотеку дарственно», говоритъ г. Артемьевъ въ своей статьѣ: «Библіотека Казанскаго университета». *Ж. М. Н. Пр.* 1851 г., стр. 102.

(1) *Каз. Вѣстн.* 1825, №№ 9 и 10.

(2) Тамъ же, 1826, № 1.

о немъ, хотя Магницкій, оставаясь вѣренъ однажды принятому направленію, не разъ напоминалъ о своемъ существованіи. Жилъ онъ то въ Остзейскомъ краю, то въ Одессѣ, и въ 1835 году напечаталъ: *Краткое руководство къ дѣловой и государственной словесности*, посвященное графу М. С. Воронцову (Москва, 120 стр.). Въ этой книгѣ прежній попечитель пытался придумать правила для того, чтобы «сгладить педантство школьнаго слога приличіемъ служебнаго, войти въ простоту и добрый вкусъ языка дѣловаго, имѣющаго свои особенныя правила и красоты.» «Я видѣлъ докторовъ философіи, говоритъ онъ, кои, не умѣя сдѣлать порядочной выписки изъ дѣла, не могли отправлять должности столоначальника въ министерствѣ (стр. 10, 11).» По его мнѣнію, «директоръ министерскаго департамента на кафедрѣ профессора словесности былъ бы менѣе страненъ и особливо не такъ вреденъ, какъ профессоръ словесности директоромъ департамента (стр. 13);» и «нигдѣ такъ нечувствительна незрѣлость дѣловаго слога, какъ въ вѣдомствѣ ученомъ, гдѣ сливаются, такъ сказать, два языка: гражданскій и ученый, не соединяясь между собою и даже часто другъ друга портя (стр. 2);» а «желаніе выказать ученость несовмѣстно съ достоинствомъ особы начальственной (стр. 84).» Эти оригинальныя замѣчанія проливаютъ яркій свѣтъ и на практическую дѣятельность автора.

Что касается литературной жизни въ Казани во времена Магницкаго, то вѣло издававшійся *Казанскій Вѣстникъ*, съ самаго начала усвоивъ себѣ одностороннее направленіе, не вдругъ покинулъ его и въ остальное время своего изданія. Изъ статей историческаго содержанія назовемъ: *Замѣчанія Н. Арцыбышева на Исторію Государства Россійскаго, сочиненную г. Карамзинымъ* (1); *Речь Булыгина о старинномъ образѣ воспитанія въ Россіи со времени утвержденія въ ней христіанскоѣ вѣры и о благодѣтельныхъ дѣйствіяхъ онаго на наше отечество* (2); *Повѣсть о Казанскомъ царствѣ, откуда начася* (3); *Вятскую исторію* (4). Съ 1827 г. помѣщаемы были описанія этнографическихъ путешествій профессоровъ университета по нѣкоторымъ

(1) *Каз. Изв.* 1822, №№ 5, 9, 11; 1823, №№ 1, 2.

(2) Тамъ же, 1822, №№ 6, 7.

(3) Тамъ же, 1823, №№ 10, 11; 1824, №№ 1, 4.

(4) Тамъ же, 1824, № 12; 1825, №№ 1—8; 1826, №№ 1—8; 1827, №№ 1—6.

губерніямъ казанскаго округа. Изъ статей литературныхъ очень поучителенъ: *Разговоръ между учителемъ и ученикомъ о новомодномъ словѣ нѣкоторыхъ російскихъ стихотворцевъ*. Наставникъ разсуждаетъ съ своимъ воспитанникомъ о современныхъ русскихъ поэтахъ и разбираетъ ихъ произведенія съ точки зрѣнія приличія. Ученику напримѣръ нравятся въ піесѣ *Счастливецъ* стихи:

Слышишь, мчится колесница
Тамъ по звонкой мостовой!
Править сильная десница
Коней серебряной брадой.

Учитель говоритъ: «здѣсь въ матеріи *низкой*, стихотворецъ весьма неприлично называетъ кучерову руку *десницею*, а возжи *брадой*». Ученикъ, выслушавъ наставленія учителя, замѣчаетъ: «изъ разсужденія нашего о пристойности выраженій я вижу, что выраженіе: *даръ благодатный благословеннаго Аи, и по сердцу Вакха челоуькъ*, въ нѣкоторой піесѣ (Къ Партизану-пажу) находящаяся, противу благоприличія.» Учитель отвѣчаетъ: «Прилично ли на похвалу вина употреблять такія выраженія, кои употребленіемъ присвоены предметамъ высокимъ, даже божественнымъ, напримѣръ: *Радуясь, Благодатная! Благословенна ты въ женахъ?* Поэтому и простонародныя *низкія* піесни можно писать слогомъ аканѣистовъ?» Сильно достается поэту даже за ту небрежность, съ какою онъ говоритъ о языческихъ богахъ въ стихотвореніи: *Мои Пенаты*. За тѣмъ и наставникъ, и ученикъ отыскиваютъ красоты въ разобранныхъ ими стихотвореніяхъ: сюда отнесены всѣ мѣста, гдѣ поэтъ обнаруживаетъ чувствительное сердце (1). *Казанскій Вѣстникъ* окончилъ свое существованіе въ 1832; *Прибавленія* къ нему, печатавшіяся отдѣльно въ 1821—23 и 1828—32 годахъ, продолжались еще два года. Въ нихъ встрѣчается между прочимъ нѣсколько грамотъ XVII вѣка, относящихся къ Казанскому краю. Но главное содержаніе ихъ состояло изъ мѣстной хроники, политическихъ извѣстій и объявленій. Съ прекращеніемъ этого изданія Казань уже не имѣла своей политической газеты. Съ 1832 же года появился: *Заволжскій Муравей*, издателями котораго были адъюнкты университета Рыбушкинъ и

(1) *Каз. Изв.* 1826, № 1.

Полиновскій. Это былъ журналъ, въ которомъ статьи, имѣющія мѣстный интересъ, преобладали надъ другими. Въ немъ печатали свои произведенія все туземные литераторы; помѣщаемы были отрывки изъ исторіи края, путешествія по немъ, хроника казанской жизни. Едвали не самую интересною должно назвать статейку подъ заглавіемъ: *Нѣчто о старинной рукописи*, гдѣ сообщены были свѣдѣнія о «Книгѣ, нарицаемой жарты, вонъже положены повѣсти смѣхотворныя, прежде переведены быша съ польскаго языка, но не таковымъ расположеніемъ, якоже нынѣ; нынѣ же въ навѣрнороссійстѣмъ языкѣ собраны удивительныя повѣсти, въ оныхъ же суть и смѣхотворныя, инія же приличны ко обличенію злого разума». Въ этой рукописи, купленной у казанскихъ старообрядцевъ учителемъ гимназіи Митянинымъ, было 79 такихъ повѣстей, оканчивавшихся непременно какими-нибудь стихами. Для примѣра приведена была тутъ же повѣсть: «какъ двѣ жены мужей своихъ изъ разума вывели и обманули» (1).

Въ 1834 году прекратились въ Казани періодическія изданія чисто литературнаго характера. Но съ этого же года университетъ издастъ свои *Ученныя Записки*.

Общество любителей отечественной словесности, дѣятельность котораго во времена Магницкаго не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ, возобновило свои занятія въ 1828 году, и прежде всего подняло мысль о сооруженіи въ Казани памятника одному изъ наиболее-прославленныхъ членовъ своихъ, Державину. Въ концѣ 1831 года получило оно извѣстіе, что планъ памятника, составленный профессоромъ академіи художествъ Мельниковымъ, вмѣстѣ со смѣтою издержекъ на предполагаемую постройку, утвержденъ и разрѣшена подписка для этой цѣли (2). Въ слѣдующемъ году Общество извѣщало, что «отъ имени его предполагается издать первые два тома или четыре книги *Повѣствованія о Россіи*, сочин. извѣстнаго историческими разысканіями и критикою, члена сего Общества и другихъ Н. С. Арцыбышева, содержація въ себѣ не менѣе 100 печатныхъ листовъ и оканчивающіяся царствованіемъ Іоанна Васильевича IV. Все же сочиненіе, если тому обстоя-

(1) *Зас. Мур.* 1834, ч. I, № 8, стр. 468—482.

(2) *Прибавленія къ Каз. Вѣст.* 1832, № 4.

тельства не воспрепятствуютъ, состоятъ будетъ изъ четырехъ томовъ или восьми книгъ, и заключается кончиною императрицы Елисаветы Петровны. Первые два тома уже рассмотрѣны и одобрены ценсурой. V книга третьяго тома приводится къ окончанію. Но Общество, не приступая къ печатанію, желаетъ напередъ обезпечить себя въ издержкахъ, потребныхъ на оное; почему проситъ желающихъ приобрѣсть сіе сочиненіе увѣдомить о томъ Общество (1).» Изъ этого объявленія узнаемъ также, что секретаремъ Общества былъ тогда г. Суровцовъ, до сихъ поръ еще носящій это званіе. Извѣстно также, что предпріятіе Общества не удалось. Книга Арцыбышева издана была позднѣе Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Но для насъ важна самая мысль такого предпріятія. Она указываетъ, что возобновившееся Общество любителей отечественной словесности уже не было похоже на то, какимъ оно было въ первыя десять лѣтъ его существованія. Девизъ «искусство для искусства» потерялъ свою цѣну. Иное направленіе отразилось въ цѣлой русской литературѣ. Оно перешло и въ казанское Общество; оно сказалось въ тѣхъ ученыхъ статьяхъ нѣкоторыхъ членовъ, профессоровъ университета, которыя печатались въ *Ученыхъ Запискахъ* (2). По крайней мѣрѣ онѣ составляли большинство статей, которыя были читаны въ засѣданіяхъ Общества, собиравшагося изрѣдка въ концѣ сороковыхъ и даже въ пятидесятыхъ годахъ, о чемъ можно найти извѣстія въ *Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* тѣхъ лѣтъ (3). Остается пожелать, чтобы такое направ-

(1) *Каз. Вѣстн. приб.*, № 30.

(2) Объ ученыхъ трудахъ и путешествіяхъ профессоровъ Казанскаго университета съ 1827 по 1844 годъ, см. Отчетъ И. Казан. унив. и учебн. округа за 17 лѣтъ, по управленію т. с. Мусина Пушкина. Казань, 1844. Отд. I, стр. 266 — 376. Но объ Обществѣ любителей отечественной словесности не сказано въ отчетѣ ни слова.

(3) *Казанское Общество любителей російской словесности* съ 1830 года не имѣло постоянныхъ засѣданій, какъ сказано въ *Казанск. Губерн. Вѣдом.* 1847 г., «по причинамъ, болышею частию отъ него не зависѣвшимъ» 17 декабря 1846 г. оно возобновило свои собранія. Предсѣдателемъ былъ избранъ ректоръ университета И. М. Симоновъ, вторымъ членомъ О. М. Ковалевскій, канцеляремъ и секретаремъ С. Суровцовъ. Общество постановило допустить въ *Трудахъ* своихъ статьи по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній и предполагало издавать эти *Труды*. До іюня мѣсяца было нѣсколько засѣданій, гдѣ были читаны статьи

леніе дало возможность Обществу возобновить свои *Труды* и начать дѣятельность въ болѣе-удовлетворительныхъ размѣрахъ въ наше новое, опять болѣе благоприятное для литературы время.

Н. БѢЛОВЪ.

Казань.
Мая 27.

В. Я. Горлова, Н. М. Симонова, А. Е. Лентовскаго, А. О. Попова и Г. Н. Солнцева. Въ Обществѣ считалось тогда 55 дѣйствительныхъ членовъ. (*Московский Городской Листокъ*, 1847, іюля 4, № 143, стр. 576.) Не знаю ничего болѣе о дальнѣйшей исторіи Общества. Кстати должно замѣтить, что памятникъ Державина привезенъ водою въ Казань 10 мая того же 1847 года. (*Московский Городской Листокъ* 1847, іюня 10, № 125, стр. 499.) *М. Ломтшиловъ.*

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АМЕРИКѢ¹

IV.

Отъ Люизвилля до Филадельфіи.

Пароходъ стоялъ еще у пристани города Люизвилля. Джентльмены, размѣстившись на платформѣ въ разныхъ удобныхъ положеніяхъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ смотрѣли на вытянутые вдоль берега высокіе складочные магазины, на движеніе народа у пристани, на подъѣзжавшія и отъѣзжавшія товарныя телеги. Многіе, не обращая вниманія на шумную обстановку, углубились въ чтеніе только-что купленныхъ книгъ. Глядя на завидное, ничѣмъ ненарушимое спокойствіе пассажировъ, можно подумать, что всѣ они люди малозанятые, не имѣющіе ничего общаго съ суетящеюся толпой на берегу. Мальчишки съ кипами разныхъ газетъ подъ мышкой шныряли между джентльменами, предлагая имъ за три сента самыя свѣжія новости. Въ общей залѣ всѣ столы завалены были книгами, содержащими въ себѣ новѣйшія произведенія здѣшней и иностранной литературы. Американцу нѣтъ надобности запасаться книгами въ дорогу: онъ увѣренъ, у какого бы города пароходъ ни остановился, вездѣ явится букинисть съ полною

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 2, 3 и 12-й.

корзиной журналовъ, романовъ и проч., которые разложатся по столамъ, такъ что всякій можетъ выбрать себѣ чтеніе по своему вкусу, за весьма-дешевую цѣну. Промышленность и всегдашняя забота о расширеніи спекулятивной дѣятельности поглащаютъ столько времени у Американцевъ, что имъ почти некогда заняться изящною литературой, такъ что многіе читаютъ только во время переѣзда на пароходѣ. И надо сказать, что выборъ чтенія часто бываетъ весьма неудаченъ. Въ американской литературѣ еще очень мало хорошихъ оригинальныхъ произведеній: лучшіе романы и повѣсти большею частію состоятъ изъ перепечатанныхъ твореній англійскихъ писателей. Но произведенія новѣйшей англійской школы не въ американскомъ вкусѣ. Здѣшніе охотники до легкаго чтенія требуютъ, чтобы романъ исполненъ былъ ужасныхъ приключеній и сценъ, раздрающихъ душу: нужно скопленіе сильныхъ эффектовъ, чтобы расшевелить воображеніе Американца. У букиниста всегда находится запасъ подобныхъ произведеній, въ которыхъ играютъ роль кроваважидные Индійцы, джентльменъ съ револьверомъ, спаситель погибающей леди и т. д. Но большая часть читающей публики не удовлетворяется романами, и букинистъ непременно долженъ запастись книгами болѣе серьезнаго содержанія. Предметомъ ихъ бываютъ путешествія, описанія разныхъ мѣстностей и все относящееся къ области естественныхъ наукъ. Такія сочиненія, конечно, должны быть изложены популярнымъ образомъ. Но ихъ достоинство заключается не столько въ блескѣ остроумія или въ игривости мыслей писателя, сколько въ простотѣ изложенія; Американца не прельщаютъ украшенія, не относящіяся къ сущности предмета. Желая съ нимъ ознакомиться, онъ требуетъ простаго, яснаго, отчетливаго изложенія. Вообще здѣсь въ публикѣ встрѣчается гораздо болѣе интереса къ положительнымъ знаніямъ, и въ особенности къ естественнымъ наукамъ, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ. Доказательствомъ тому служитъ книжная торговля: путешествіе къ полярнымъ морямъ доктора Кена расходится въ огромномъ числѣ экземпляровъ; а геологическія сочиненія Ліеля, здѣсь перепечатанныя, едвали гдѣ въ Европѣ требовались въ такомъ большомъ количествѣ, какъ въ Сѣверной Америкѣ. Наклонность къ естественнымъ знаніямъ можно конечно объяснить пользою ихъ въ примѣненіи къ матеріальнымъ потребностямъ. Но такой взглядъ былъ бы слишкомъ одностороненъ въ отношеніи къ Американцамъ: многое интересуется ихъ, чего они не мо-

гутъ примѣнить ни къ какому дѣлу. У нихъ скорѣе высказывается стремленіе постичь міръ явленій въ настоящемъ его существѣ. Это-то самое стремленіе къ дѣйствительности, къ которому въ послѣднее время направлены были всѣ интеллектуальныя усилія образованной Европы, и въ какой бы формѣ—въ литературѣ, наукѣ или практической дѣятельности—ни обнаруживалось оно здѣсь, въ Новомъ Свѣтѣ, во всякомъ случаѣ американскій народъ въ этомъ отношеніи является представителемъ новаго духа времени...

На палубѣ раздался сигнальный звонъ колокола, и букинистъ поспѣшилъ собрать оставшіяся книги въ свою корзину, чтобъ отправиться съ ними въ гостиницу или на другой пароходъ. Вскорѣ мы поплыли по направленію къ востоку. Съ правой стороны возвышался берегъ штата Кентекки, а съ лѣвой берегъ штата Индіаны. На обрывахъ, размытыхъ водою, обнажалась желтобурая известковая почва материка, а наверху росъ лѣсъ, состоящій большею частію изъ дуба, вяза и хвойныхъ породъ. Мѣстами рѣка, подмывъ во время половодья берегъ, обрушила съ него огромныя деревья и несла ихъ внизъ по теченію. Они плыли, пока не встрѣчали препятствія. Во многихъ мѣстахъ по руслу торчали большіе пни, завязнувшіе въ тинистомъ днѣ. Ихъ не всегда можно было видѣть подъ водою, и тѣмъ болѣе они грозили опасностію легко-построенному пароходу, который каждый разъ ловко миновалъ ихъ, благодаря зоркому, привычному глазу рулевого. Иногда пароходъ объѣзжалъ лѣсистые острова, вытанутые обыкновенно вдоль по теченію рѣки и оканчивающіеся заостреннымъ мыскомъ. Какъ на островахъ, такъ и на низкихъ мѣстахъ, по берегамъ росъ большею частію прирѣчный тополь. Въ одномъ мѣстѣ мы проѣхали мимо стараго парохода, погруженнаго среди рѣки всею переднею разломанною частію въ воду. Онъ расшибся о подводный пенъ и былъ брошенъ хозяиномъ за ветхостію и негодностію. Часто повторяющіяся несчастія на рѣчныхъ пароходахъ, происходящія отчасти отъ безпечности и излишней отваги капитановъ, понудили правительство издать строгіе законы, которыми инженеры обязываются ограничивать давленіе пара на котелъ до известной степени. Сверхъ того предписано капитанамъ брать всевозможныя мѣры предосторожности на случай несчастія. На палубахъ пароходовъ всегда находятся ведра съ водою, а для спасенія утопающихъ въ каждой пассажирской комнатѣ хранятся *лойфъ-презервы*. Впрочемъ здѣшняя публика вообще

дѣльческихъ снарядовъ. Объ обширности здѣшнихъ заводовъ можно судить по одной изъ башмачныхъ фабрикъ, на которой работаютъ до тысячи человѣкъ. Все это отсылается по Огайо въ города и поселенія на Миссиссипи. Пароходы развозятъ хозяйственные предметы въ самые отдаленные края Запада, только что начинающіе заселяться, и снабжаютъ прибывшихъ туда переселенцевъ всѣмъ необходимымъ для начального обустройства ихъ еще неустроеннаго хозяйства.

Замѣчательно въ Синсиннети производство деревянныхъ домовъ: разобранные перевозятся они къ мѣсту своего назначенія, и тамъ въ день, въ два, среди необитаемой пустыни, слагаются въ стройныя жилища. Цѣны такимъ складнымъ домамъ, смотря по ихъ величинѣ, различны: отъ 200 и до 2000 долларовъ. Компаніи желѣзныхъ дорогъ значительно понижаютъ плату за ихъ перевозку, способствуя такимъ образомъ заселенію края по обѣ стороны рельсовъ.

Синсиннети составляетъ не только средоточіе торговли Запада, но стоитъ и во главѣ его умственного развитія. Въ немъ три медицинскихъ коллегіи и университетъ, не считая другихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній. На одномъ изъ холмовъ близъ города возвышается публичная обсерваторія, построенная астрономомъ Митчелемъ на капиталъ, собранный съ богатыхъ жителей. Американцы вообще съ большою охотой занимаются астрономіей. Богатые купцы не рѣдко содержатъ свои маленькія обсерваторіи и занимаются наблюденіями. Если степень общественнаго интереса къ естественнымъ наукамъ вообще измѣрять количествомъ добровольныхъ пожертвованій и числомъ слушателей, наполняющихъ аудиторіи публичныхъ лекцій, то едвали образованныя страны Европы въ этомъ отношеніи могутъ сравниться съ страной занятыхъ торговлей Американцевъ. Въ здѣшнихъ аудиторіяхъ число слушателей обоего пола не рѣдко доходитъ до тысячи человѣкъ. Публичные лекціи читаются здѣсь переѣзжающими съ мѣста на мѣсто учеными, даже въ маленькихъ городахъ, и фермеры издадека нарочно пріѣзжаютъ послушать дѣльныя объясненія о чудесахъ природы. Такого общаго участія къ научному образованію не возбудишь въ массѣ европейскаго народонаселенія, низшіе слои котораго даже мало подготовлены къ подобнаго рода лекціямъ... Синсиннети сверхъ того влияетъ на Западъ посредствомъ своихъ газетъ, журналовъ и разныхъ періодиче-

дѣвственные лѣса штата Кентекки. Противъ Синсиннети въ Огайо вливается рѣчка, по обѣ стороны которой, у самаго устья ея, расположились два городка. Кентекская сторона вообще не такъ высока и до сихъ поръ покрыта первобытными лѣсами, подъ темною сѣнью которыхъ еще на нашей памяти краснокожіе совершали свои кровавые подвиги. Эти дебри представляютъ разительный контрастъ съ холмами по сю сторону рѣки: здѣсь только мѣстами зеленѣютъ остатки лѣсовъ, между которыми разсыпаны дачи богачей и фермы съ фруктовыми садами и виноградниками. Вообще окрестности Синсиннети богаты разнообразіемъ и красотой мѣстоположенія. Самый же городъ представляетъ знакомую уже намъ картину американскаго промышленнаго города, съ шахматнымъ расположеніемъ улицъ и съ однообразною постройкой домовъ, которые, наполнивъ собою полукругъ долины, амфитеатромъ поднимались все выше по скатамъ холмовъ и по лощинамъ между ними. Въ городѣ, заложенномъ въ 1789 году, при насъ находилось уже до 200.000 жителей, и онъ все еще растетъ и расширяется. Въ основаніи его участвовали и трудолюбивые жители Пенсильвеніи, и отважные Кентеккцы, и работающіе Нѣмцы, и богатые спекулятивные янки Новой Англіи. Здѣсь противоположные элементы Востока и Запада соединяются съ наплывомъ европейскихъ переселенцевъ, слагаясь въ новую американскую жизнь. Янки, по вліанію своему на торговлю и политическія дѣла, здѣсь главные двигатели городскихъ интересовъ.

Американцы не удовольствовались для Синсиннети однимъ названіемъ «царицы Запада», но придали ему еще и другое прозвище, не менѣе ему свойственное: *Porcopolis*, то-есть свиноградъ. И не даромъ: свинина составляетъ главную мясную пищу и въ городахъ и въ отдаленныхъ поселеніяхъ; но нигдѣ въ Штатахъ не бьютъ столько свиней, какъ въ Синсиннети. Въ здѣшнихъ обширныхъ *porc-house*'ахъ ихъ убиваютъ до полумилліона въ годъ. Все это соленое и копченое—въ видѣ сала, ветчины,—препровождается отсюда далѣе на западъ. Въ одинъ годъ такимъ образомъ одной свинины изъ Синсиннети вывозится на 5.500.000 долларовъ. Впрочемъ Синсиннети и въ другихъ отношеніяхъ такъ много заботится о доставленіи всѣхъ возможныхъ предметовъ, необходимыхъ для переселенцевъ, что вполне заслуживаетъ названіе свое «царицы Запада». Здѣсь самыя обширныя производства мебели, чугунныхъ печей, деревянной и жестяной посуды, земле-

и до Нью-Орлеана. Кромѣ того посредствомъ канала Миами Синсиннети сообщается съ озеромъ Эри, а желѣзныя дороги идутъ отсюда по штату Огайо на сѣверъ, востокъ и западъ. Потому здѣшняя пристань во всякое время полна пароходовъ и, несмотря на обширность свою, кажется тѣсною при большомъ стеченіи торговыхъ дѣлъ. Быстротѣ, съ которою нагружаются и выгружаются здѣсь товары, много споспѣшествуетъ особое устройство здѣшнихъ набережныхъ, не похожихъ на европейскія. Тутъ нѣтъ ни отвѣсныхъ боковъ, выложенныхъ камнемъ, ни чугунныхъ и каменныхъ перилъ вдоль берега, ни спусковъ, ни лѣстницъ, какъ на набережныхъ нашихъ городовъ. Здѣсь все гораздо проще и удобнѣе: отъ домовъ, вытянутыхъ вдоль по теченію рѣки, отлогимъ скатомъ къ водѣ спускается мостовая, нигдѣ и ничѣмъ не перегороженная. Пароходы пристають прямо къ низенькому берегу, перекинувъ на него съ палубы подмости. Товарныя телеги безпрепятственно подвозятъ и отвозятъ клади, развѣзая по просторной набережной, которая отъ края воды и до домовъ бываетъ около тридцати сажень въ ширину. Во время разлива вода, разумѣется, подступаетъ ближе, а слѣдовательно и пароходы подходятъ ближе къ строеніямъ, и тогда мостовая нѣсколько суживается; но разчитано такъ, чтобы всегда оставалось довольно простора для развѣзда телегъ.

До ста пароходовъ тѣснилось у пристани. Мы стали выглядывать на нихъ палубахъ вывѣски съ надписью: *Pittsburg*. Такихъ оказалось три. На одномъ изъ нихъ мы взяли три билета, заплативъ за каждый по шести долларовъ. Это было такъ дешево, что собственно переездъ пришелся намъ даромъ: до Питтсбурга четыре дня ѣзды, а въ дешевой гостинницѣ каждый день стоить полтора доллара, такъ что мы въ то же время издержали бы на мѣстѣ ровно столько, что съ насъ взяли на пароходѣ. Такая невозможная дешевизна на пароходахъ, на которыхъ вообще цѣны не установлены таксой, объясняется обширною конкуренціей ихъ между собою. Хотя не всегда переезды по рѣкамъ бываютъ такъ дешевы, во всякомъ случаѣ они гораздо дешевле, чѣмъ по желѣзнымъ дорогамъ.

На другое утро, плывя вверхъ на пароходѣ *Альма*, простился мы съ «царицею Запада». . . Крымская кампанія оставила здѣсь по себѣ память на долгое время: многіе пароходы и гостиницы носятъ названія—*Альма*, *Крымъ*, *Малаховъ*, *Севастопо-*

поль, или, какъ выговариваютъ Американцы, Себа̀стополь. На холмахъ, тянувшихся вдоль береговъ, показывались виноградники. Синсиннети настоящее средоточіе американскаго винодѣлія, и въ окрестностяхъ его были дѣланы первыя попытки акклиматизаціи европейскихъ лозъ. Эти попытки оказались совершенно неудачными по причинѣ чрезвычайной переѣмчивости здѣшняго климата. Не только зимніе холода, но даже лѣтніе жары оказывали здѣсь вредное вліяніе на ростъ европейскаго винограда. Послѣ долгихъ напрасныхъ опытовъ рѣшились наконецъ приступить къ облагораживанію туземныхъ американскихъ лозъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, на рѣкѣ Катавба, въ сѣверной Каролинѣ, найдена была лоза, которая оказалась не столь чувствительною, какъ европейская, къ рѣзкимъ переѣмнамъ здѣшней температуры. Ее пересадили на берега Огайо, и вскорѣ лоза Катавбы дала вино отличнаго качества, до сихъ поръ превосходящее всѣ другіе сорта, здѣсь въ послѣдствіи разведенныя. Американцы цѣнятъ вино Катавбы даже наравнѣ съ гохгеймеромъ, съ которымъ оно имѣетъ ближайшее сходство. Въ настоящее время виноградники разводятся большею частію Нѣмцами по берегамъ Огайо до самаго устья его, почему здѣсь называютъ даже эту рѣку Рейномъ Сѣверной Америки. Въ штатѣ Огайо производится ежегодно до 50.000 галлоновъ вина, во всей же Сѣверной Америкѣ добывается его почти три милліона галлоновъ, цѣнностію на три милліона долларовъ. Молодой штатъ Калифорнія въ этомъ отношеніи превзошелъ даже Огайо. Тамъ, благодаря свойствамъ климата, который къ западу отъ Скалистыхъ горъ менѣе переѣмчивъ, удалось развести лозу, привезенную изъ Европы.

Чѣмъ далѣе подвигались мы къ востоку по рѣкѣ Огайо, тѣмъ выше и круче становились ея берега. Холмы съ крутыми обрывами, отчасти голые, отчасти покрытые наверху не густымъ лѣсомъ, разнообразили береговыя картины, придавая много прелести рѣчному ландшафту. Такія попереѣмныя повышенія и пониженія береговой поверхности, измѣнчивостію своихъ, то волнистыхъ, то куполообразныхъ очерковъ, болѣе всего способствуютъ живописности пейзажа, и отъ того эти холмы по берегамъ Огайо дѣлаютъ ее одною изъ красивѣйшихъ рѣкъ въ Сѣверной Америкѣ. По скатамъ горъ, въ долинахъ между ними, и тамъ, гдѣ, отступивъ отъ края, они оста-

вляли передъ собою береговыя площадки, бѣлыя домики фермеровъ, окруженные пашнями. Не только берега, но и самыя воды рѣки оживлялись болѣе и болѣе признаками населенности и промышленной дѣятельности. Разовъ по шести, по семи въ день встрѣчались пароходы, перекликавшіеся съ нашимъ сигнальными свистками, чтобы заранѣе условиться, какою стороною идти каждому изъ нихъ. Внизъ по теченію неслись плоты съ досками, выпиленными въ одномъ изъ прибрежныхъ городовъ. Вотъ мы обгоняемъ маленькій пароходъ, влачащій съ собою нѣсколько прикрѣпленныхъ къ нему со всѣхъ сторонъ плоскодонныхъ барокъ съ каменнымъ углемъ. Другой пароходъ нагоняетъ нашъ. Поравнявшись съ нами, онъ плыветъ торжественно мимо, а пассажиры его побѣднымъ крикомъ оглашаютъ воздухъ... Вдругъ съ берега послышался гудящій свистокъ, и вслѣдъ за этимъ изъ-за поворота у подножія холма статіо выкатилъ маленькій локомотивъ, унося за собою три вагона. Пассажиры съ суши привѣтствуютъ насъ маханіемъ платковъ, на что пассажиры съ палубы отвѣчаютъ веселыми криками... Такія явленія истинная утѣха для Американца!

Чѣмъ ближе къ Питсбургу, тѣмъ больше желѣзныхъ заводовъ, тѣмъ больше дыму и копоти въ городахъ и мѣстечкахъ. На пароходѣ дрова давно уже замѣнены каменнымъ углемъ, которымъ изобилуютъ берега рѣки. Въмѣсто чистенькихъ домиковъ чаще стали попадаться почернѣвшія строенія съ торчащими закоптѣлыми трубами доменныхъ печей. Въ городѣ Гвидингъ проѣхали мы подъ мостомъ, висящимъ на проволокахъ высоко надъ водою. Это единственный мостъ на Огайо на всемъ протяженіи его въ двѣ слишкомъ тысячи верстъ, считая изгибы рѣки. По причинѣ высоты береговъ, на которые опирается этотъ мостъ, онъ даже въ полоую воду не препятствуетъ пароходству. Проѣхавъ отсюда еще слишкомъ двѣсти верстъ, мы пристали къ остроконечному мысу, образуемому рѣками Аллегени и Мононгахелой, которыя, стекая съ Аллегенскаго хребта, составили здѣсь широкій Огайо. Воды Аллегени, вытекающія съ сѣверовостока, чисты и прозрачны, тогда какъ въ Мононгахелѣ, пришедшей съ юговостока, вода такъ же мутна, какъ въ самомъ Огайо.

Питсбургъ, штатъ Пенсильвенія. 25 мая.

На земномъ шарѣ едвали найдется другой край, въ которомъ всѣ условія для развитія обширной промышленности соединились бы вмѣстѣ въ такой мѣрѣ, какъ здѣсь въ странѣ Великаго Запада. Удобства плаванія по Огайо и его притокамъ, легкость проведенія желѣзныхъ дорогъ и каналовъ по мѣстности, не перерѣзанной высокими хребтами, плодородіе почвы, и что важнѣе всего, неистощимые слои каменнаго угля рядомъ съ богатыми желѣзными рудниками, все, какъ нарочно, собрано здѣсь природой, чтобы возбудить въ человѣкѣ неодолимое стремленіе къ широкой промышленной дѣятельности. Каменноугольныя копи Пенсильвеніи на западѣ отъ Аллегеновъ занимаютъ пространство около 15.000 квадратныхъ миль. Толщина этого обширнаго пласта среднимъ числомъ, какъ полагаютъ, десять футовъ. Среди такого-то богатства лучшаго топлива, притомъ по сосѣдству съ желѣзными рудниками, расположенъ Питсбургъ. Легкость добыванія каменнаго угля и желѣза, этихъ главныхъ матеріаловъ промышленности, чрезвычайная: на иные заводы вдоль берега уголь препровождается прямо изъ копей. На фабрикахъ Питсбурга сжигается его слишкомъ десять милліоновъ бушелей, цѣнностью на полмилліона долларовъ. Кромѣ желѣзныхъ и чугунныхъ заводовъ въ городѣ находятся лучшія въ Сѣверной Америкѣ стеклянныя фабрики, снабжающія весь Западъ своими издѣліями. Изъ здѣшнихъ пильныхъ мельницъ препровождается по Огайо большое количество досокъ, приготовляемыхъ изъ сосноваго и дубоваго лѣса, которымъ изобилуютъ Аллегены. Вообще нѣтъ такой отрасли промышленности, которая не была бы въ ходу въ Питсбургѣ. Весь городъ съ высокими торчащими въ дыму трубами представляется намъ однимъ заводомъ въ обширныхъ размѣрахъ. Онъ расположился треугольникомъ на низкомъ мысѣ, образованномъ слияніемъ двухъ рѣкъ, охвативъ двумя рядами фабричныхъ зданій, растянувшихся вдоль береговъ, высокій холмъ позади города. На противоположныхъ берегахъ возвышаются такіе же холмы, такъ что городъ окруженъ ими со всѣхъ сторонъ. Онъ по положенію своему представилъ бы живописную картину, еслибы была возможность ясно рассмотретьъ ее сквозь дымъ и копоть. Воздухъ, спертый между высотами, не очищался дуновѣніемъ вѣтра, и густой туманъ скрывалъ отъ стоявшаго внизу

наблюдателя строенія, расположенныя на верху холмовъ. Дома съ черными надписями по бѣлому полю, мостовая, шпицы церквей, которыхъ здѣсь довольно много, все покрыто копотью. Мрачными зданіями смотрятъ шести-этажныя гостиницы, магазины, готическіе храмы; и даже самая ратуша, въ другихъ городахъ обыкновенно бѣлая и чистая, здѣсь сѣро-пепельнаго цвѣта.

По своему положенію при самомъ началѣ судоходнаго Огайо, Питсбургъ служить звеномъ, соединяющимъ посредствомъ желѣзныхъ дорогъ и каналовъ западные штаты съ штатами, лежащими на востокъ отъ Аллегеновъ. Эта горная система, отдѣляющая при-атлантическую береговую полосу отъ внутренности материка, не взгромоздилась крутыми сомкнутыми хребтами, которые въ горныхъ странахъ Европы представляютъ столько преградъ къ сообщенію между народами. Аллегены на протяженіи своемъ съ сѣверовостока къ югозападу образовали легко переступаемый порогъ, разграничившій при-атлантическій край отъ огромнаго бассейна рѣки Миссиссипи. Высшая точка водораздѣла въ горной системѣ, откуда вытекаютъ рѣки Аллегени и Мононгахела, не превышаетъ даже 260 сажень. У самаго этого порога, на западной его сторонѣ и расположился Питсбургъ, представляя такимъ образомъ самое удобное сборное мѣсто для всѣхъ переселенцевъ, отправляющихся на западъ по главному водному пути его. До сихъ поръ еще на одной изъ улицъ, ведущихъ къ мосту, осталась надпись: «дорога въ штатъ Огайо». Для возстановленія связи съ востокомъ, въ горахъ стоило только прорыть одинъ тоннель, и желѣзная дорога, извиваясь по скатамъ, привела городъ въ непосредственное сообщеніе со всѣми при-атлантическими портами. Сверхъ того, по глубокимъ долинамъ поперекъ горнаго хребта, прорыть даже каналъ, посредствомъ котораго притоки океана соединены съ Огайо непрерывнымъ воднымъ путемъ. Другой каналъ ведетъ на сѣверъ къ озеру Эри. Такимъ образомъ Питсбургъ сталъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ отправляемыхъ на западъ и привозимыхъ оттуда товаровъ. Пароходы, нагруженные фабричными издѣліями, отсюда развозятъ ихъ въ западныя и южныя страны. Возвращаясь назадъ, они привозятъ съ собою табакъ, хлѣбчатую бумагу, патоку, сахаръ и другіе колоніальныя товары. Питсбургъ во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть названъ западною метрополіей Пенсильвеніи. Такимъ образомъ этотъ штатъ квакеровъ, связывая между собою сѣверъ и югъ,

востокъ и западъ, вполне заслуживаетъ данное ему прозвище *Keystone-state*. Такъ выгодно сложились всѣ естественныя условія здѣшняго края. Изъ европейскихъ государствъ, по поверхностному расположенію мѣстности, наша Россія болѣе всего сходствуетъ съ Сѣвѣрною Америкой; то же отсутствіе громадныхъ возвышенностей; такое же удобство для проведенія желѣзныхъ дорогъ и отчасти каналовъ; то же плодородіе почвы и не вездѣ еще изслѣдованныя богатства въ нѣдрахъ земли. Если промышленность въ Сѣвѣрной Америкѣ въ короткое время сдѣлала такіе громадныя успѣхи, то этому много споспѣшествовали самыя постановленія Союза, изгоняющія всякую монополію, предоставляющія полную свободу частнымъ предпріятіямъ и препятствующія непродуманному употребленію денегъ, собираемыхъ съ народа въ видѣ податей. Американецъ свободенъ отъ всякихъ стѣсненій, и все, что онъ платитъ казнѣ, обращается въ его же пользу.

Мы выѣхали изъ копотной атмосферы при стукѣ тысячи молотовъ, приводимыхъ въ движеніе паромъ, и направились по желѣзной дорогѣ къ Блерсъ-виллю, лежащему верстахъ въ ста къ востоку на скатѣ горъ.

Лоретто, въ Аллегенахъ.

Природа въ Сѣвѣрной Америкѣ, обильная лѣсами, поражающими росlostью и разнообразіемъ древесныхъ породъ, бѣдна горными картинами. Огромное пространство материка между Аллегенами на востокъ и дальними Скалистыми горами на западѣ занято равнинами, въ которыхъ обширныя лѣсныя пуши смѣняются необозримыми степями. Только холмы—и то не высокіе—по берегамъ рѣкъ мѣстами разнообразятъ повторяющіеся виды ровной мѣстности. Самые Аллегены не поражаютъ ни громадностью поднятыхъ кражей, ни смѣлостью очерковъ своихъ слегка извилистыхъ гребней. Хребетъ вообще возвышается не болѣе какъ на 2.000 футовъ, и не многія только вершины на немъ достигаютъ 6.400. Но эти горы представляютъ не мало пейзажей, отличающихся живописностью долинъ и ущелий, со дна которыхъ кудреватые лѣса поднимаются до самыхъ вершинъ.

Доѣхавъ до Блерсъ-вилля, мы пошли пѣшкомъ по бывшей почтовой дорогѣ. Она слегка поднималась по отлогимъ скатамъ Чеснуть-риджъ, протянувшася, подобно передовому валу,

параллельно съ главнымъ хребтомъ. Къ полудню мы достигли наибольшаго возвышенія, тамъ, гдѣ дорога, перейдя на восточную отлогость, спускалась внизъ. Остановившись на открытой мѣстности, мы, съ одного изъ валявшихся здѣсь сѣрыхъ валуновъ, прощальнымъ взглядомъ окинули открывшуюся передъ нами далекую картину. Она представляла собою небольшой отрывокъ изъ Великаго Запада. Всякаго, привыкшаго къ нашимъ длиннымъ, въ два ряда выстроеннымъ деревнямъ, поразить этотъ видъ разбросанныхъ по обширному пространству домиковъ. Одни находились на равнинѣ, разстилавшейся передъ нами до самаго горизонта; другіе лѣпились по скатамъ; иные пріютились на самомъ днѣ оврага. Тутъ нигдѣ не было видно сомкнутой колоніи поселянъ: это были отдѣльные другъ отъ друга владѣльцы разрозненныхъ земель. Каждый селится гдѣ и какъ хотѣлъ. Казалось, ничего общаго не могло быть между этими жителями; но каждый изъ нихъ составляетъ звено свободнаго, богатаго населенія Великаго Запада... Между жилищами темнѣли густые лѣса, въ которыхъ между разнообразными породами дубовъ, между сикоморами, кленами, буками, каштанами, орѣховыми и тюльпанными деревьями росли акаціи и цвѣтущій рододендронъ; а лозы дикаго виноградника вились и переплетались по пнямъ и сучьямъ. Солнечные лучи, освѣтивъ лѣса съ одной стороны, чуднымъ блескомъ озарили разнообразную листву, погрузивъ между тѣмъ деревья, возвышавшіяся со dna глубокаго оврага, въ густую тѣнь, которая отъ контраста казалась еще чернѣе. Внизу по лощинѣ подъ сѣнью ежевика и дикаго лавра протекалъ ручей, сверкая мѣстами въ лучахъ своею темнобурою водой. Въ этихъ отгнкахъ и переходахъ всѣхъ степеней освѣщенія, отъ глубокой темной зелени и до яркаго блеска ея, состоитъ, при большомъ разнообразіи растительности, главная прелесть горнаго ландшафта въ Аллегенахъ.

Наверху, гдѣ мы стояли, лѣсъ былъ не такъ густъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь деревья только что опушались молодою листвою. Эта прозрачность лѣса на вершинахъ давала возможность проникать взоромъ во всѣ извилины овраговъ и лощинъ, вдавшихся въ самыя горы. Въ иныхъ мѣстахъ, лѣса сквозили еще болѣе отъ порубокъ, произведенныхъ дровосѣками гдѣ и какъ попало. Вырубленные деревья частью пошли на постройки, частью ихъ сплывили внизъ по притокамъ Огайо въ мѣста, мѣнѣе богатая строевымъ матеріаломъ.

Перешедъ на противоположную отлогость, мы увидѣли передъ собою на востокъ гряду Лорелль-Гилль, а за нею вдали вытянулся ровный, безъ выдающагося рѣзко возвышенностей, главный хребетъ. Легко было намъ теперь спускаться по отлогой дорогѣ, извивавшейся между холмами и оврагами. Мѣстами, по лѣвую сторону отъ насъ, возвышались горы, доверху покрытыя лѣсами, а по правую крутые скаты спускались въ глубокія поросшія лощины. На ночь прибыли мы въ Армагъ, мѣстечко, расположенное въ довольно обширной, живописной долиинѣ.

Отсюда на другое утро опять пришлось подниматься по покатымъ отлогостямъ Лорелль-Гилля. Мѣнявшіеся виды горнаго ландшафта прерывались зеленѣвшими пашнями и огородами, вблизи которыхъ по скатамъ паслись небольшія стада овецъ-мериносовъ, разводимыхъ здѣшними фермерами. Аллегены заселены почти только по перерѣзывающимъ ихъ дорогамъ. Все остальное пространство покрыто еще нетронутыми лѣсами, въ которыхъ кое-гдѣ только дровосѣки сколачиваютъ для себя одинокія бревенчатыя лачужки и живутъ въ нихъ, занимаясь вырубкой лѣсовъ. Изрѣдка сюда заходитъ охотникъ, преслѣдуя оленя, лисицу или дикую кошку. Часто встрѣчаются здѣсь маленькія полосатыя бѣлки, которыя выбѣгали даже на дорогу и проворно скрывались въ травѣ при нашемъ приближеніи. Хищныя птицы изъ породы соколовъ подстерегали на опушкѣ мелкихъ пернатыхъ. Рыжіе дрозды перелетывали по оврагамъ, а пестрый дятель неутомимо долбилъ въ дуплистые стволы деревъ. Американскій воронъ нарушалъ иногда безмолвіе лѣсовъ страннымъ карканьемъ, походившимъ издали на тихій лай маленькаго щенка.

Эта пустынность горной природы отразилась даже на поселившихся здѣсь фермерахъ и на ихъ жилищахъ, болѣе грубаго устройства и съ меньшими удобствами, чѣмъ у жителей равнинъ. Самая наружность и характеръ здѣшнихъ поселенцевъ видимо огрубѣли и очерствѣли подъ вліяніемъ дикой обстановки. Несмотря однако на жесткіе приемы горныхъ жителей, они здѣсь также всегда готовы приютить пришельца, какъ вездѣ въ Америкѣ, и особенно въ ея малонаселенныхъ краяхъ. Когда мы послѣ полудня зашли по дорогѣ въ доѣ фермера, старуха-хозяйка попросила насъ подождать, обѣщая поторопиться обѣдомъ. Двѣ взрослыя дочери ея, засучивъ рукава, мыли у колодца шерсть, назначенную въ продажу. Вскорѣ прибылъ самъ

хозяинъ съ пашни, и мы были приглашены къ столу. Удивительно, съ какимъ постоянствомъ здѣсь повторяются одинакія формы общегитія, одни и тѣ же обычаи по всѣмъ слоямъ американскаго населенія. Наружный видъ комнаты съ ея неотесанными стѣнами, съ большимъ кирпичнымъ очагомъ, обветшалой мебелью, представлялъ разительный контрастъ съ роскошною обстановкой гостиницы въ большомъ городѣ. А между тѣмъ присутствующіе здѣсь за столомъ, такъ же какъ тамъ, сохраняли строгое благочиніе. Несмотря на огрубѣлый голосъ, они, говоря между собой, учтиво прибавляли къ рѣчамъ слово «сэръ!» Даже дѣти въ болтовнѣ своей примѣшивали то же слово, и довольно странно было слышать, какъ шестилѣтній мальчикъ, отвѣчая на вопросъ своего товарища, серьезно повторялъ: «yes, sir!» или «no, sir!» Одежда здѣшнихъ обитателей, конечно, соответствовала суровой обстановкѣ, но покрой ея опять-таки тотъ же, какой встрѣчали мы въ городахъ вообще: матерія здѣсь только попроще, платье болѣе поношено, мѣстами даже съ прорѣхами и заплатами. Въ такихъ отношеніяхъ состоитъ и весь бытъ здѣшнихъ поселенцевъ, въ сравненіи съ бытомъ богатыхъ жителей городовъ. Въ рѣчахъ уединенныхъ обитателей проскакиваютъ иногда неправильности языка; но этотъ языкъ не составляетъ особаго какого-нибудь нарѣчія, отличнаго отъ языка образованнаго и ученаго человѣка: это тотъ же языкъ, которымъ Джефферсонъ написалъ знаменитый актъ освобожденія; это тотъ же языкъ, которымъ говорятъ свои рѣчи лучшіе ораторы на конгрессѣ... Въ этой-то одинаковости формъ, привычекъ, общаго склада жизни, и заключается главная основа равенства, проходящаго сквозь всѣ слои здѣшняго общества.

Послѣ обѣда хозяинъ опять отіправился на работу, а мы пошли далѣе по отлогой дорогѣ, и не замѣтили даже, какъ очутились на восточномъ скатѣ Лорелль-Гилля. Въ долинахъ, между разными породами деревъ, росъ благодѣтельный для сѣверныхъ краевъ сахарный кленъ. Статное дерево, вышиной около десяти сажень, возноситъ къ верху свои толстыя сучья съ вѣтвями, усаженными большими пятилопастными листьями. Весной жители пробуравливаютъ отверстіе въ нижней части ствола и собираютъ въ ведра молодой сокъ, изъ котораго вываривается темнубурый сахаръ, ничѣмъ не отличающійся впрочемъ отъ колоніальнаго. Хотя кленовый сахаръ большею частію потребляется самими поселенцами и не идетъ въ продажу, но фермеры добываютъ его въ большомъ количествѣ, осо-

бенно въ удаленныхъ поселеніяхъ, начиная отъ Канады и на югъ до Георгіи и Луизианы. Въ одинъ годъ его добывается въ Сѣверной Америкѣ до 35.000.000 фунтовъ, цѣнностью на три милліона долларовъ. Каждое дерево весной можетъ дать сахару до пяти фунтовъ.

Къ вечеру мы попали изъ лиственныхъ лѣсовъ въ рослый ельникъ, рѣзко отдѣлявшійся густою темною зеленью отъ покрытыхъ молодою листвою деревъ. Между елями кое-гдѣ свѣтлѣла береза съ берестой серебристо-пепельнаго цвѣта; листъ на ней былъ еще мелокъ и рѣдокъ. Этотъ лѣсъ, напомнившій намъ наши еловые рощи, продолжался до мѣстечка Эбенсбурга, въ которомъ мы остановились на ночь. Здѣсь въ гостиницѣ разговорился съ нами Нѣмецъ, перевозившій въ своемъ омнибусѣ пассажировъ изъ одного мѣстечка въ другое. Узнавъ, что мы изъ Россіи, онъ спросилъ насъ: «знаете ли вы про князя Голицына, который здѣсь жилъ?» Такой вопросъ привелъ насъ въ недоумѣніе. Мы стали вывѣдывать у Нѣмца подробности, но онъ отвѣтилъ: «приходите завтра въ Лоретто, гдѣ похороненъ Голицынъ; тамъ я вамъ все разкажу, что знаю.» Мѣстечко Лоретто было всего верстъ десять въ сторону, и мы на другой же день отправились туда.

Въ горахъ вѣяло еще утреннею свѣжестью, но солнце съ безоблачнаго неба уже нагрѣвало воздухъ. Спустившись до самаго дна глубокой долины, мы стали взбираться на верхъ по скату главнаго Аллегенскаго хребта. Вскорѣ передъ нами показался высокій холмъ, поднимавшійся изъ долины, по которой струился ручеекъ. На самой вершинѣ холма стояла новая церковь изъ кирпича, а впереди нея надъ самымъ спускомъ бѣлѣлъ пирамидный столбъ: это былъ памятникъ Голицына. Влѣво отъ церкви, на возвышеніи вытянулось мѣстечко Лоретто. На верху горы, у памятника насъ встрѣтилъ знакомый Нѣмецъ. Отсюда передъ нами открылся чудесный видъ на окружающую живописную мѣстность. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ поставленъ памятникъ, гора выдалась немного впередъ, спустившись внизъ не очень крутою покатостью, по которой тамъ и сямъ виднѣлись домики, окруженные огородами и камнями, доходившими до дна долины. По другую сторону этой глубокой долины поднимались выше всѣхъ двѣ горы; на одной изъ нихъ стояло каменное строеніе. «Это школа для дѣвушекъ», объяснилъ намъ Нѣмецъ, «она выстроена по завѣщанію Голицына. Тамъ, за кладбищемъ, другая школа для мальчиковъ.»

Послѣ нѣкотораго молчанія онъ прибавилъ: «Это мѣсто, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, было покрыто глухимъ лѣсомъ. Все, что вы здѣсь видите, принадлежало Голицыну. Изъ здѣшнихъ жителей нѣтъ ни одного, кто бы не былъ ему одолженъ всѣмъ въ жизни.»

На памятникъ изъ бѣлаго мрамора съ двухъ сторонъ вырѣзаны были надписи, одна на латинскомъ, другая на англійскомъ языкѣ. Предлагаемъ ихъ здѣсь въ переводѣ: «Дмитрій А. Голицынъ изъ знатнаго русскаго рода, рожденъ въ Гагѣ, въ 1770 году, декабря 22-го; умеръ въ 1840 году, мая 6-го. Въ продолженіи сорока одного года, онъ былъ пастыремъ общины. Облагодѣтельствоваанные имъ жители воздвигли этотъ памятникъ въ знакъ благоговѣнія къ его добродѣтелямъ.»

Въ дополненіе къ этой надписи, Нѣмецъ разказалъ намъ нѣкоторыя подробности, которыя вмѣстѣ съ свѣдѣніями, собранными нами у старожиловъ, составляютъ все, что мы на мѣстѣ могли узнать изъ біографіи Голицына. Отецъ его, князь Дмитрій Голицынъ, бывшій при Екатеринѣ II посланникомъ въ Гагѣ, женился на дочери прусскаго генерала, графа фонъ-Шметтау. Молодой Голицынъ, воспитанный въ домѣ своей матери подъ вліяніемъ католицизма, отправился, по ея желанію, въ Америку. Въ первое время онъ жилъ въ Бальтиморѣ, гдѣ, подъ руководствомъ тамошняго епископа, изучилъ догматы католической церкви и присоединился къ мериландской миссіи. Отецъ Голицына настаивалъ, чтобъ онъ воротился, и нарочнымъ посланнымъ было поручено, во что бы то ни стало привезти его въ Европу. Скрываясь отъ нихъ, молодой Голицынъ ушелъ въ Аллегены, считавшіеся тогда недоступными по дикости и ужасамъ, которыми воображеніе жителей наполняло горы. Въ этомъ, тогда еще не населенномъ, краѣ скрывался онъ подъ именемъ своей матери, отъ которой получалъ деньги. Преданная пѣтизму, она вообще всѣми средствами поддерживала намѣренія сына посвятить себя миссіи. Голицынъ приобрѣлъ въ Аллегенахъ участокъ земли, на которомъ теперь стоитъ Лоретто. Онъ сталъ принимать на свой участокъ поселенцевъ: бѣднымъ давалъ землю даромъ, помогая имъ обстраиваться; а достаточнымъ продавалъ за незначительную плату. Какъ проповѣдникъ, рѣчами любви и кротости онъ привлекалъ къ себѣ сердца и католиковъ, и не-католиковъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ судьбѣ cadaго, закинутаго случаемъ въ его край, и многихъ успѣлъ обратить въ католическую вѣру.

Не ограничиваясь дѣлами своей паствы, Голицынъ разбѣзжалъ по краю въ качествѣ проповѣдника. Когда мѣстечко Лоретто стало населяться, Голицынъ построилъ деревянную церковь возлѣ кладбища. Потомъ, уже передъ смертью, назначилъ мѣсто для постройки новой каменной.

— Мы похоронили его сперва на самомъ кладбищѣ возлѣ часовни, добавилъ Нѣмецъ : — когда же, лѣтъ двадцать тому назадъ, выстроилась церковь, мы перенесли его останки на это мѣсто, которое видное со всѣхъ сторонъ... Теперь пойдите въ старую часовню; я сказалъ уже его питомицѣ, что вы будете, и она просила привести васъ непременно.

Мы прошли садикъ, окружавшій часовню, и только что вступили въ сѣни ея, какъ навстрѣчу намъ торопливыми шагами вышла пожилая женщина. Радуюсь, что видитъ Русскихъ, она съ жаромъ схватила насъ за руки, изливая въ словахъ скорбь свою по умершемъ, и благодарность за все добро, которое она знала въ жизни. Успокоившись, она отвѣчала на наши разспросы, разказывая, какъ Голицынъ взялъ ее къ себѣ сиротой, двѣнадцатилѣтнею дѣвушкой, самъ воспиталъ и обучилъ. Послѣ, она подъ его руководствомъ учила и воспитывала дѣтей окружныхъ поселенъ. Голицынъ до конца своихъ дней прожилъ въ часовнѣ, состоявшей изъ четырехъ небольшихъ комнатокъ. Построена она, какъ разказывала его питомица, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ росла липа, подъ которою любилъ отдыхать Голицынъ во время своихъ странствій по здѣшнимъ горамъ.

Воротившись изъ часовни въ городокъ, въ которомъ считалось до четырехъ тысячъ жителей, мы зашли къ одному изъ старожиловъ, который также зналъ лично Голицына. Въ домѣ его насъ приняли съ тѣмъ же искреннимъ желаніемъ угодить памяти человека, вызвавшаго своихъ прихожанъ къ лучшей жизни. Хозяинъ показалъ намъ сбереженный имъ медальонъ изъ слоновой кости, на которомъ барельефомъ изображена кудреватая головка аристократическаго мальчика. Но никто не зналъ навѣрное, былъ ли это точно портретъ Голицына, или можетъ-быть одного изъ братьевъ его. Онъ, разказывали намъ, не любилъ, чтобы при немъ упоминали о родственникахъ и ни съ кѣмъ не говорилъ объ нихъ.

Въ гостиницу, гдѣ мы остановились, пришелъ старикъ, самый старый изъ всѣхъ жителей Лоретто. — Я услышалъ, сказалъ онъ слабымъ голосомъ, съ трудомъ выговаривая каждое

слово: — что вы изъ Россіи, пришелъ пожать вамъ руку. Голицынъ принялъ меня къ себѣ еще ребенкомъ, воспиталъ самъ... Не я одинъ! Онъ обо всѣхъ насъ заботился до послѣднихъ дней своихъ.

Жители Лоретто изъясляли при встрѣчѣ съ нами самое дружеское расположеніе, какъ будто самъ Голицынъ завѣщалъ имъ почитать своимъ привѣтомъ всѣхъ Русскихъ, которые судьбой занесены будутъ въ этотъ отдаленный уголокъ земли.

Распростившись съ ними, мы съ знакомымъ намъ Нѣмцемъ проѣхали версты десять до станціи желѣзной дороги. Разставаясь, онъ подарилъ намъ книгу, изданную Голицынымъ въ 1816 году, подъ заглавіемъ: *Защита католическаго ученія*. Эта брошюра была написана по случаю проповѣдей протестантскаго пастора, возбуждавшаго своими рѣчами окрестныхъ жителей противъ католицизма. Авторъ опровергаетъ взводимыя на католическую церковь обвиненія доводами, въ которыхъ отражается кротость души и высказывается непоколебимость его убѣжденій.

Слава Голицына не ограничивается мѣстечкомъ Лоретто, имъ самимъ основаннымъ: по его имени названъ другой новый городокъ, куда мы доѣхали въ тотъ же день съ прибывшимъ вскорѣ поѣздомъ. Городъ Голицынъ частью выстроенъ на возвышеніи горы, лежащей поперекъ желѣзной дороги; почему въ этомъ мѣстѣ сквозь гору проложенъ тоннель, надъ которымъ стоятъ нѣкоторые изъ домовъ. Теперь жители обстраиваются уже внизу, по сторонамъ желѣзной дороги, и городокъ такимъ образомъ расширяется. Сложивъ въ неотстроенной еще гостиницѣ свои вещи, мы прошли вытянувшимся слишкомъ на версту тоннелемъ на другую сторону горы. Тамъ, вблизи отъ желѣзной дороги, находились каменноугольные копи, въ которыхъ производилась работа. Одинъ изъ работниковъ въ это самое время ѣхалъ въ копи за углемъ. Мы сѣли въ порожнюю тележку. Лошакъ легко везъ по рельсамъ три такія тележки, соединенныя цѣпами. Почти у самаго отверстія темной пещеры, прорытой въ горѣ, начинался каменный уголь. Въѣхавъ внутрь, мы принуждены были скрыться въ угольной низенькой тележкѣ; иначе рисковали удариться головой о чернѣвшій надъ нами сводъ. Къ тому же и дневной свѣтъ вскорѣ совсѣмъ пропалъ, а работникъ, управлявшій лошакомъ, криками погонялъ его, такъ что, не взирая на темноту и тѣноту, лошакъ

нагнувъ голову, бѣжалъ скорою рысью. Вскорѣ однако показался свѣтъ отъ лампочки, воткнутой въ стѣну; работникъ, не останавливаясь, снялъ ее со стѣны и тутъ же прицѣпилъ къ своей черной шляпѣ, надъ самымъ лѣвымъ глазомъ. Къ намъ на встрѣчу подвигалось нѣсколько лошаковъ съ лампочками у лѣваго уха: они вывозили тельжки съ углемъ. Мы проѣхали съ полверсты до того мѣста, гдѣ кончались рельсы. Потомъ боковыми ходами, развѣтвленными въ разныя стороны, дошли до конца копи. Здѣсь работники, выламывая уголь, прорывались еще далѣе. Неизвѣстно, на сколько еще тянется этотъ пластъ лучшаго каменнаго угля. Его доставляютъ отсюда по желѣзной дорогѣ въ Питсбургъ и въ другія мѣста, гдѣ находятся желѣзные заводы. Работники въ копяхъ получаютъ отъ одного до полутора долларовъ въ день. Бушель, то-есть 76 фунтовъ угля, стобитъ отъ трехъ до четырехъ сентовъ (отъ 2 до 2½ коп. пудъ).

Возвращаясь назадъ, мы взошли на гору надъ самымъ тоннелемъ, и съ высоты ея однимъ взглядомъ окинули вытянувшіяся на западъ дальнія гряды горъ, черезъ которыя переходили на кануѣ. Съ другой восточной стороны видъ былъ прегражденъ высокими холмами, обросшими кудреватымъ лѣсомъ.

Къ вечеру насъ захватилъ поѣздъ изъ Питсбурга и мчалъ всю ночь по восточному склону горъ. Проѣхавъ на разсвѣтѣ мимо полей и садовъ богато-населенной Пенсильваніи, мы прибыли въ Филадельфію, куда такимъ образомъ попали во второй разъ послѣ двухмѣсячнаго странствованія по южнымъ и западнымъ штатамъ.

Э. Циммерманъ.

ВОЛЯ ВЪ ГОРАХЪ

(Посвящается П. В. Павлову.)

«Не боимъ се никого до Бога(1).»

Слова хайдука Новака.

«—Косово поле!

Шта си тужно до нас дочекало,
После нашег славног кнеза Лазе
Да по теби сад Арапи суде(2).»

Народная пѣсня.

I.

Изъ всѣхъ странъ Балканскаго полуострова, самая гористая— Сербія. Особенно предѣлы древней Рашки (Рассіи), начиная отъ Черногоріи къ сѣверо-западу: Шара, Голечь, Везета и другія. Вся Боснія покрыта горами. Надъ боснійскими горами царитъ Ромалія, наводящая какой-то невыразимый страхъ на проѣзжающихъ своею высотой и мрачностью. Вся она виднѣется какъ черная масса въ облакахъ. На возвышенности ея жилъ Новакъ-Старина съ своими дѣтьми, братомъ Радивоємъ и дружиной.

(1) «Не боюсь никого, кромѣ Бога».

(2)

«Поле Косово!

Чего дождалось несчастное,
Послѣ нашего славнаго короля Лазаря,
Чтобы по тебѣ судили Турки!»

Пьеть вино Новакъ-Старина въ высокой горѣ Ромалии съ своимъ братомъ Радивоемъ, дѣтьми Груицомъ и Татомиремъ да съ тридцатью хайдуками.

— Братъ мой, Новакъ-Старина! сказалъ Радивой,—у насъ уже не стаеть вина, табаку и денегъ.

— Не безпокойся, родной, отвѣчалъ Новакъ,—все будетъ.

На высокой горѣ Куновицѣ пьеть вино Міятъ «хѣрамбаша» съ Лазаремъ знаменосцемъ, Видомъ Даничичемъ, вмѣстѣ съ тридцатью товарищами.

— Побратимъ мой, Лазарь знаменосецъ и вы братія тридцать товарищей! сказалъ имъ Міятъ-хѣрамбаша:—кого изъ васъ мать родила юнакомъ, воспитала не въ колыбели, а на рукахъ, и послала его въ мою *чету* (1); тотъ теперь отправься въ городъ Ливны купить тридцать *токъ*, всякому изъ моихъ товарищей по одной. Чтобы всѣ были вызолочены, а мои изъ чистаго золота. Я дорого за то заплачу.

Видъ Даничичъ схватилъ свое ружье и побѣжалъ, какъ молодой олень, прямо въ Ливны.

— Побратимъ мой, Видъ, крикнулъ ему Міятъ,—постой, развѣ ты не видишь, что на твоей груди *токи* муль-аги, изъ Ливенъ, недавно нами убитаго?

Видъ Даничичъ возвратился, переодѣлся и ускакалъ прямо къ Ливнамъ.

На высокой горѣ Кунарѣ охотился Мустай-бегъ Лычки. Томимый жаждой и измученный, остановился онъ возлѣ журчащаго ручья испить воды и отдохнуть. Посмотрѣлъ, случилось, на высокую, зеленую ель: ея вѣтви золотилъ свѣтъ.... Подошелъ онъ къ ней и увидѣлъ спящаго юнака, всего въ золотѣ, отъ ногъ до головы: на головѣ колпакъ съ златнымъ перомъ, перо стѣбитъ тысячу червонцевъ! На плечахъ у него *долама* съ тридцатью пуговицами: всякая пуговица вѣситъ литру золота, а подъ горломъ три литры золота. На груди у него (сверхъ *доламы*) золотыя *токи*, а на ногахъ *чакширы* до колѣнъ въ золотѣ: ноги желты словно у сокола. Опоясанъ шелковымъ поясомъ, а за поясамъ девять пистолетовъ, все облитыя массивнымъ золотомъ; перепоясанъ золотою саблей, а на ней три алмаза: она стѣбитъ величайшихъ трехъ городовъ! Въ ногахъ у

(1) Хайдуцкая дружина.

него лежитъ ружье—больше въ немъ золота, нежели желѣза! Когда дохнетъ, вѣтви гнутся. Спалъ онъ крѣпкимъ сномъ. Турки напали на него, связали и разбудили.

— Кто ты? Откуда? Гдѣ твоя дружина? спросилъ его Мустай-бегъ.

— Я хайдукъ, отвѣчалъ юнакъ:—изъ Котара; имя мое Стоянъ Янковичъ; нѣтъ у меня теперь больше товарищей, кромѣ Бога и себя самого.

Между Савой и рѣкой Дунаемъ, въ Сремскихъ горахъ, охотился Куприлли-вичиръ. Охота какъ-то не удавалась.

— Мы обошли меньшія горы, сказалъ ему Гасанъ-ага:—отправимся въ высокія горы; тамъ навѣрное мы что-нибудь словимъ.

Куприлли послушался Гасана. Тамъ они нашли спящаго юнака. На немъ было прекрасное одѣяніе: *токи* его блестятъ издалека, какъ пятнадцатидневный мѣсяцъ, когда блеститъ сквозь еловые вѣтви; въ ногахъ ружье; за поясомъ два пистолета, между ними острые ножи! Турки его связали, разбудили и спросили, кто онъ.

— Я хайдукъ Матей! было имъ отвѣтомъ.

При восходѣ утренняго солнца турецкіе «ходжи» (1), «хаджіи» (1), боснійскіе помѣщики и чиновники города Яйца, вышли и сѣли около воротъ. Всѣ они разговаривали, какъ вдругъ приближалъ пастухъ Язапъ-аги.

— Чтò мой сынъ, сказалъ ему Язапъ-ага:—отчего ты такъ усталъ? Здоровы ли наши овцы и пастухи? или, можетъ-быть, ты видѣлъ хайдуковъ? Говори скорѣе, чтобы не терять времени.

— Здоровы наши овцы и пастухи, но видѣлъ я хайдуковъ, и было это вотъ какъ: еще до зари и звѣзды утренней, проѣхали четыре хайдука мимо города Яйца на гнѣдыхъ лошадяхъ, у cadaго было по тридцати стрѣлъ и по стольку же ружей; у cadaго было по двѣ сабли, да по одному щиту на спинѣ. Отправились они въ высокую гору Вѣзетту.

— Ты узнаешь ихъ? спросилъ Язапъ-ага.

— Узналъ бы даже ихъ мертвыя головы, отвѣчалъ пастухъ:

(1) «Ходжа», турецкій духовный.

(2) «Хаджіи», магометанскій пилигримъ ко гробу пророка.

—одинъ изъ нихъ прекрасенъ какъ дѣвица; нѣтъ ни бороды, ни усовъ; длинные волосы вьются по плечамъ. Другой съ малыми усами; у третьяго огромные усы, а четвертый носитъ сѣдую бороду.

— Всѣхъ ихъ четверыхъ я знаю, сказала Таль:—первый Димитрій изъ Удбара, второй Карапайджитъ Марко, третій Мандушичъ Вукъ, а четвертый Иоаннъ Шандичъ.

— Пойдемъ ихъ преслѣдовать, сказалъ Язапъ-ага.

— Хотите ихъ преслѣдовать? Знаете, что за человекъ этотъ Шандичъ? Отъ него будете бѣжать, и не убѣжите, будете его умолять и не умолите; будете защищаться и не защититесь.

Еще до зари и звѣзды утренней въ городъ Сѣнъ отворились ворота. Изъ нихъ вышла *чета* — тридцать четыре дружинника. Ихъ предводителемъ Тадія изъ Сѣня, а знаменосцемъ Комненъ. Они взошли на вершину горы возлѣ Красной стѣны.

— Братья мои! сказалъ имъ Тадія:—кто приведетъ намъ барана, а не то козла къ ужину?

Вызвался Иоаннъ Котарацъ и привелъ барана и козла. Тадія содралъ съ нихъ живыхъ кожи и пустилъ въ лѣсъ: «лишь дотронется до нихъ вѣтвь, они испускаютъ жалобное бляенье», говоритъ народная пѣснь.

— Тадія, сказалъ Котарацъ,—зачѣмъ ты причиняешь этимъ несчастнымъ животнымъ такія страшныя мученья?

— Смотрите, отвѣчалъ Тадія,—какія мученія терпятъ эти животныя! Горше придется намъ отъ Турокъ, когда попадемъ имъ въ руки.

Изъ всей *четы*, говоритъ пѣснь, остались они только втроемъ; остальные всѣ воротились назадъ.

— Зачѣмъ Тадія испугалъ нашу дружину? сказалъ Котарацъ.

— Пусть идутъ, отвѣчалъ Тадія.—Коли ихъ испугали мученія двухъ животныхъ, какъ же имъ завтра встрѣтитъ Османъ-агу съ Турками? Не бойтесь! Тридцать трусовъ не сдѣлаютъ того, что удобно свершатъ трое храбрыхъ!

Среди лѣса высокой Кунары, подъ зеленою елью, пьютъ вино три побратима: Раде, Савва и Павелъ изъ Срема, а съ ними вмѣстѣ девяносто товарищей.

— Посмотрите, побратимы, сказалъ Радъ:—лѣто прошло, зима наступила, листь съ горъ опалъ, деревья наги, по горѣ

ходить ужь не въ мочь. Куда кто поидеть на зиму? у какого пріятеля проведеть ее?

— Я проживу зиму въ Иригѣ у моего брата Дражка, кацетана; я тамъ прожилъ ужь съ десять зимъ, и эту тамъ проживу съ шестью товарищами, сказалъ Павелъ.

— А я, молвилъ Савва,—проживу зиму въ домѣ моего отца, въ погребѣ, вмѣстѣ съ тридцатью товарищами. Ты же, побратимъ Радъ, гдѣ проведешь зиму? У тебя, кажется, нѣтъ родныхъ?

— У меня есть побратимъ: у него прозимую; но послушайте: по минованіи зимы и наступленіи святаго Юрьева дня, когда горные лѣса одѣнутся въ листья, а земля въ траву и цвѣты, и когда запоютъ птицы въ густыхъ лѣсахъ, опять, братія, сойдемся здѣсь на семь мѣстъ. Не явившагося къ сроку по прошествіи двухъ недѣль искать на его зимовьѣ.

Всѣ подтвердили предложеніе Рада, встали, поцѣловались, простились, подхватили свои ружья и отправились каждый къ своему мѣсту, гласить народная пѣснь.

Между хайдуками позднѣйшаго времени были Черный Георгій, Главамъ, Катичъ Тюрчія, Велько и другіе. Последній имѣлъ обыкновеніе отпраляться на зиму къ одному поселянину, у котораго пасъ овецъ, словно какой-нибудь бѣднякъ, припрятавъ свое оружіе. Полюбилась ему дочь хозяина, и онъ женился на ней. О Святомъ Юрьѣ, является онъ одѣтый въ хайдуцкое платье.

— Горе мнѣ! завопила жена, увидѣвъ мужа въ такомъ нарядѣ:—мой мужъ хайдукъ!

— Ничего, отвѣчалъ ей Велько,—скоро всѣ подѣлаются хайдуками.

— Дай мнѣ Богъ здоровья, сказалъ Вишничичъ Іоаннъ,—дождатся Святаго Юрья, я соберу шестьдесятъ хайдуковъ и поведу ихъ въ гору Кіту.

«Дюрдьевъ данак
Хайдучкій состанак (1)»,

гласить народная поговорка (2).

(1) «Юрьевъ день — хайдуцкое свиданье». Зимой Турки по причинѣ холода не ѣздили, и хайдуки не могли жить въ лѣсахъ.

(2) Мы бы утѣмили читателей, пересчитывая всѣ горы и всѣ лѣса, въ которыхъ находились хайдуки, а лучше скажемъ, что весь покоренный

II. (1)

Естественно спросить: что же дѣлали хайдуки въ лѣсахъ? Неужели же просто занимались разбоемъ безъ всякой цѣли? Что влекло ихъ такъ сильно въ высокія горы? Неужели однѣ корыстныя цѣли? Намъ слѣдовало бы высказать или обвиненіе или оправданіе; но мы удерживаемся отъ произвольныхъ объясненій. Пусть они намъ сами разкажутъ, какъ жилось имъ въ горахъ, чѣмъ они тамъ занимались, какъ понимали свое положеніе, и есть ли между всѣми сербскими хайдуками связь, и слѣдовательно сознательная цѣль дѣйствій.

Вотъ письмо, которое пишетъ Гавранъ хѳрамбаша къ Лимѣ хѳрамбашѣ. Они жили въ разныхъ высокихъ горахъ, отстоящихъ одна отъ другой далеко.

— Побратимъ Лима-хѳрамбаша, не теряй ни одной минуты, собери тридцать хайдуковъ, позови Роснича Степана, быстрога на бѣгу и лихаго стрѣлка. Приходи скорѣе въ высокую Биштнскую гору, туда, гдѣ суховеркая ель, а подъ нею бѣлый камень, а близь него источникъ холодной воды. Тамъ найдешь ты меня и мою дружину; намъ уже дали знать приятели, что пройдетъ черезъ гору Фазли-харачлиа (1) съ казною на семи лошакахъ, которые Турокъ собралъ съ нашихъ. Будемъ дѣлить золото колпаками! Слушай, побратимъ! спѣши, иди безъ усталы днемъ и ночью, чтобы Турокъ не проѣхалъ.

Лима собралъ хайдуковъ, прибылъ къ Гаврану, засталъ его подъ суховерхою елью. Всѣ сидятъ за столомъ и пьютъ; увидѣвъ

народъ въ отношеніи къ Туркамъ былъ хайдуками. Черногорцевъ Турки и до сихъ поръ называютъ «хайдуками». Рудникъ, Медвѣдникъ, Черный верхъ, Рталъ Мироча, Балканы—всѣ эти горы были лѣтомъ убѣжищемъ хайдуковъ.

(1) Мы должны сдѣлать оговорку: насъ могутъ упрекнуть въ томъ, что мы не предлагаемъ хронологіи и подробнаго описанія выставленныхъ нами лицъ; но нужно замѣтить, что весь этотъ періодъ, отъ паденія Сербскаго царства на полѣ Косовѣ до возстанія Сербовъ, носитъ характеръ хайдучества: всѣ и вездѣ стараются истребить Турокъ. Здѣсь важно не количество времени, а значеніе эпохи. Хайдуки постоянно въ продолженіи этого періода играютъ главную роль.

(2) Харачъ—подать за право жизни; Фазли—имя Турка. Харачли—сборщикъ харача.

Лиму съ дружиной, всё встали, обнялись и поцѣловались, потомъ сѣли за столъ, ѣдятъ и пьютъ, да смотрять подь гору, когда появится Фазли-харачлія.

Вотъ наконецъ туманъ поднялся вдали: «ѣдетъ, сказали всё, Фазли-харачлія.»

— Ну, пойдите же, сказалъ Лима,—на узкую дорогу, сдѣлайте себѣ твердыя обороны: поставьте передъ собой плиты въ защиту груди отъ выстрѣловъ. Никто не стрѣляй ранѣе меня; я буду цѣлить въ вождя, а ты, Георгій, цѣль въ знаменосца, а ты соколъ, Росничъ Степанъ, смотри Фазли-харачлію. Вслѣдъ за выстрѣломъ Степана, дайте всё разомъ залпъ, потомъ, бросивъ ружья, возьмитесь за ятаганы и бросьтесь въ середину Турокъ.

Наконецъ они встрѣтили Турокъ. Ружье Лимы уложило предводителя; пуля ударила между очей, гдѣ брови сходятся; онъ упалъ въ зеленую траву, и не извѣстно, говоритъ пѣснь, куда дѣвалась его душа; Георгій убилъ знаменосца, земля не приняла его живаго! Выстрѣлилъ и Росничъ Степанъ, не попалъ въ казначея, а въ тонкую ель, и она упала посреди дороги. Выстрѣлила и остальная дружина.

«Дымъ поднялся, говоритъ пѣснь, отъ земли до неба. Всё выхватали ятаганы и бросились въ середину Турокъ.»

Не успѣли еще хайдуки оглянуться, а уже никого изъ Турокъ не было въ живыхъ.

«По Божію велѣнью поднялся съ горъ тихій вѣтеръ; пороховой дымъ разсѣялся, и поле битвы сдѣлалось видимымъ.»

Лима началъ искать своихъ друзей на дорогѣ въ кровавой лужѣ, и не нашелъ Роснича Степана.

— Бѣда, крикнулъ Лима,—не нахожу тебя и мертвымъ. Гдѣ же ты, Росничъ Степанъ?

Степанъ отозвался въ лѣсу; вотъ что съ нимъ случилось. Во время рѣзни, Степанъ, не попавши въ казначея, пустился за нимъ въ погоню, ибо тотъ стремглавъ кинулся къ городу Бигитью, погоняя лошаковъ, навьюченныхъ казной; Степанъ догналъ его; отнялъ казну, а казначея убилъ.

«Раздѣлили между собою деньги; досталось ихъ довольно на каждого, на живаго и на мертваго.

«И живые свое добро взяли,
А усопшимъ осталось по кучкѣ,
Да близъ кучъ Гавранъ хѣрамбаша,—
Клевать будутъ его враны и вороны!...»

Зуль, начальникъ города Удбина, получилъ слѣдующій приказъ отъ султана:

«Слушай, Зуль, слушай хорошенько, что я тебѣ повелѣваю: мнѣ надобли жалобы нашихъ ходжей, хаджій и боснійскихъ помѣщиковъ, на хайдука Костреша-харабашу, который живетъ на высокой горѣ Тіанѣ. Помѣщики не могутъ проѣзжать въ свои имѣнія, а ходжи и хаджии не смѣютъ ѣхать въ Кабу. Ты собери войско и схвати его.»

Зуль собралъ войско и отправился къ высокой Тіанѣ, несмотря на предостереженія вожатаго Чулька, разъ уже бывшаго въ рукахъ Костреша и ушедшаго отъ Костреша живымъ съ отрѣзанными ушами.

Турки были уже на горѣ Тіанѣ. «На дорогѣ сидитъ Кострешъ-харабаша; ружье у него на колѣняхъ; онъ смотритъ, куда двигается испуганное войско Зулово.»

— Развѣ ты, Чулько, забылъ обѣщаніе? крикнулъ Кострешъ вожатому Чульку, и спустилъ курокъ своего ружья (1). Чулько упалъ вмѣстѣ съ знаменемъ. Турки перепугались и бросились бѣжать по лѣсу, не зная дорогъ и проходовъ.

Дружина Костреша, услышавъ выстрѣлъ своего харабаша, бросилась изъ лѣсу на Турокъ, окружила ихъ, начала въ нихъ стрѣлять и сбила съ лошадей. Нѣкоторые были убиты, другіе живыми приведены къ Кострешу.

— Кто вашъ начальникъ? спросилъ онъ ихъ грозно.

Ему указали на Зула.

— Откуда ты, потурченный? Изъ какой земли и предѣла? Какъ тебя зовутъ? Кто тебѣ приказалъ идти насъ ловить и мучить? Развѣ тебѣ мало предѣла, гдѣ ты управляешь бѣдными раями? Къ чему тебя нечистый принесъ въ лѣсъ?

«Не ждалъ Кострешъ, говорить пѣснь, отвѣтовъ. Отрѣзалъ ему голову, дружинѣ же приказалъ повѣсить всѣхъ Турокъ на деревьяхъ, и

«Съли пить они вино красное
За здоровье Кострешъ-харабаша.»

(1) Это показываетъ позднѣйшее время. Чулька онъ прежде отпустилъ съ обѣщаніемъ никогда больше не идти его гнать.

Довольно, кажется, этихъ двухъ примѣровъ для объясненія дѣйствій хайдуковъ въ лѣсахъ, гдѣ мы ихъ видѣли проводящими удалую жизнь и оберегающими дороги. По крайней мѣрѣ мы свободно дышемъ въ лѣсу, говорили они. Подобными происшествіями наполнена сербская жизнь XV, XVI, XVII и XVIII вѣковъ. Они характеризуютъ исторію Сербіи въ періодъ хайдучества. Короче сказать: Турки не могли спокойно жить въ завоеванной землѣ. Не смѣли выходить безоружными. Дома свои обвели высокими стѣнами, принужденные находиться въ оборонительномъ положеніи! Турецкіе помѣщики и турецкіе правители, принудивъ Сербовъ удалиться въ горы и тамъ защищать свою независимость, не молчали. Они постоянно дѣлали набѣги, отгоняли скоть или же ловили Сербовъ и отводили въ рабство; не иначе ходили по своимъ помѣстьямъ, какъ окруженные *четами*. Турки сильно чувствовали свои потери. Въ турецкихъ мѣстныхъ пѣсняхъ, еще несобранныхъ, разсказывается, что магометане не смѣли щеголять въ золотѣ: а то неравно услышать хайдуки и прикажутъ отдать; да еще, пожалуй, и домъ зажгутъ! Булы (1) не смѣли носить украшенія. Наконецъ Турки пугали хайдуками своихъ дѣтей. Содержаніемъ пѣсней обоихъ народовъ служить непрерывная борьба на жизнь и на смерть: то тѣ, то другіе уводятъ, не то отнимаютъ дѣвицу; другъ друга подстерегаютъ; ни Сербы, ни Турки не могутъ жить спокойно въ своихъ домахъ, обведенныхъ валами!...

Бетьиръ-ага, послѣ страшныхъ мученій, совершенныхъ имъ надъ хайдукомъ Радойцей Малымъ, котораго онъ бросилъ въ море, говоритъ женѣ своей: «Любезная моя супруга, вотъ уже девять лѣтъ, какъ Радойца пошелъ въ хайдуки; я ни разу, въ это время не могъ свободно поужинать, все отъ страху Радойцы Малаго. Слава Аллаху, что мы уже избавились отъ него!»

«А Радойца, говоритъ народная пѣснь, слушаетъ да смотритъ».

Радойца выплылъ изъ моря, ворвался въ домъ Бетьиръ-аги, убилъ Турка и его жену, похитилъ дочь ихъ и женился на ней.

Міать (2) пришелъ съ дружиной къ дому бега Любовича; ворота были заперты; бегъ отправился на охоту за гяурскими

(1) Жены Турокъ.

(2) «Я бѣжалъ въ хайдуки, говоритъ Міать, отъ тиранства бега Лю-

рабами и рабынями для своей жены. Мiать приказываетъ бить себя; самъ же кричитъ голосомъ рабыни. Авось, жена бега подумаетъ: «Вотъ мужъ воротился и ведетъ много добычи». Хитрость удалась. Жена аги отперла ворота. Мiать влетѣлъ; Турчанка обомлѣла отъ страха. Хайдуки забрали все золото, вытребовали дорогую одежду, оружiе и саблю. Мiать, при уходѣ, поцѣловалъ ее и зубами сорвалъ съ ея шеи ожерелье.

— Прощай, госпожа, сказалъ ей Мiать,—дай Богъ, чтобы мы скоро свидѣлись опять.

— Ступай съ Богомъ, хѣрамбаша Мiать, отвѣчала она,— пусть мои очи тебя болѣе не увидятъ, а коли ко мнѣ придешь, дай Богъ, чтобы меня уже не нашелъ въ живыхъ.

Новаку хотѣлось уничтожить *свадьбарыню*. Вотъ онъ затѣваетъ фальшивую свадьбу. Одѣвши Груйцу невѣстой, ѣдетъ мимо дома сборщика *свадьбарыни*. Сборщикъ, завидѣвъ сватовъ, бросается къ невѣстѣ и кладетъ ей руку за пазуху.

— Ты такъ еще молода, сказалъ онъ,— зачѣмъ тебя мать такъ рано отдаетъ замужъ?

— У меня нѣтъ матери, сказалъ хайдукъ, вынулъ сокрытую саблю и разсѣкъ его пополамъ.

А Новакъ запѣлъ:

«О, юнаки, молодежь холостая,
Тамъ женитесь, гдѣ вамъ угодно,
Не страшитесь чернаго Арапа;
Вѣдь погибъ тотъ Арапъ сегодня,
Погубилъ его Новаковичъ Груйца.»

Загорскiй паша написалъ письмо Милутину кнезу:

«Слушай, Милутинъ, кнезь Граховскiй! приготовь мнѣ ночлегъ въ твоемъ домѣ, тридцать комнатъ для моихъ спутниковъ, и въ каждой по одной дѣвицѣ, а мнѣ приготовь постель на башнѣ, да чтобы тамъ была твоя дочь Иконiя; загорскiй паша хочетъ цѣловать ее!»

Получивъ письмо, кнезь Милутинъ заплакалъ.

— Отецъ мой! молвила ему Иконiя:— за чѣмъ слезы проливаетъ? Откуда нерадостное письмо? чтобы ему огнемъ выгорѣть! что же въ немъ печальнаго?

бовича; отъ голода, я ѣлъ черную землю, а отъ жажды пилъ воду съ листьевъ, пока собралъ дружину.»

Отецъ сообщалъ ей горестную вѣсть.

— Милый мой родитель, сдѣлай все по указу паши, а о дѣвицахъ не безпокойся.

Иконія написала хайдуку Груйцѣ.

— Побратимъ мой, Груйца! выбери изъ твоей дружины тридцать товарищей, молодыхъ и красивыхъ, какъ дѣвицы, и приходи къ нашему дому въ Грахово поле.

Груйца явился съ дружиной. Иконія повела ихъ въ ризницу, одѣла въ дѣвичье платье и размѣстила по комнатамъ, а Груйцу одѣла въ собственное платье. Онъ былъ въ немъ такъ хорошъ, что она сказала ему: — Какъ ты красивъ, побратимъ мой! ты прелестнѣе меня дѣвицы.

Протекло немного времени, послышался шумъ передъ бѣлымъ домомъ. Пріѣхалъ паша изъ Загорья. Иконія спряталась въ ризницу. Идетъ паша на башню, несетъ передъ нимъ кнезь Милутинъ фонарь да бѣлую свѣчу. За пашою тридцать спутниковъ. Груйца встрѣтилъ пашу; цѣлуетъ полу его платья и руку, а паша хайдука въ чело между черныхъ очей.

— Ступай, кнезь Милутинъ, сказалъ паша, — съ моими спутниками и дай имъ поужинать; а мнѣ ужина не надобно.

Кнезь Милутинъ размѣстилъ спутниковъ паши по комнатамъ и подаль имъ роскошный ужинъ; Турки сѣли за столъ, а хайдуки, переряженные дѣвицами, приняли ихъ оружіе. Паша раздѣлся, легъ въ мягкую постель и звалъ къ себѣ мнимую красавицу.

Вотъ началъ онъ игры съ Груйцей; но хайдукъ не привыченъ къ такимъ любезничаньямъ, всталъ на ноги, схватилъ пашу за сѣдую бороду и началъ ему нашептывать: «Постой, ты, негодный, паша изъ Загорья! Передъ тобой не Иконія, а Груйца, сынъ Новаковъ!» Хайдукъ вынулъ ножъ изъ-за пояса и закололъ пашу; потомъ одѣлалъ два выстрѣла изъ пистолетовъ. Тридцать хайдуковъ изрубил саблями тридцать Турокъ. Сняли съ себя женскія одежды и поспѣшили къ Груйцѣ.

Груйца уже ужиналъ; засѣли за столъ и другіе. Кнезь Милутинъ угостилъ ихъ на славу. Отъ Иконіи получили они подарки. Вслѣдъ за тѣмъ они разстались съ хозяевами и удалились въ горы.

Въ этой отчаянной, кровавой драмѣ, доселѣ продолжающейся на Балканскомъ полуостровѣ, Турки ослабли; они стали чув-

ствовать свое ничтожество. Но пусть лучше они намъ сами разкажутъ о своемъ состояніи.

Бойчичъ-Алыль пилъ вино съ агою Глумцомъ, и вотъ, какъ они напились вдоволь и наговорились обо всемъ, о лошадяхъ и объ удалцахъ, Алыль спросилъ агу:

— Почему наши предки лучше насъ были? почему паши и визири лучше награждали ихъ?

На эти важные вопросы ага отвѣчалъ (замѣтимъ, что ага былъ дядя Алыла и старикъ преклонныхъ лѣтъ):

— Наши старики собирали войско и ходили на гяуровъ за лошадьми, они не прятались, а бросались съ саблей въ рукъ въ средину гяуровъ, приводили плѣнныхъ и приносили множество головъ; пашамъ дарили плѣнныхъ а визирямъ отдавали головы. Вотъ почему они лучше насъ были.

Алыль клянется, что будетъ подражать предкамъ, что соберетъ войско, поведетъ его противъ гяуровъ, добудетъ плѣнныхъ и принесетъ много головъ.

Сказано — сдѣлано.

На дорогѣ Турки захватили воровскимъ образомъ сестру Стоянову. Стоянь собираетъ дружину, догоняетъ Турокъ и бьетъ невѣрныхъ на голову. Алыль и Глумаць бѣжали въ лѣсъ, да и разсуждаютъ дорогой о томъ, почему такъ много пропало Турокъ.

— Намъ некуда, ни впередъ, ни назадъ, сказала Алыль.

«Вдругъ загремѣлъ ружейный голосъ съ зеленаго луга, гласить народная пѣснь; пуля попала Алылу въ грудь и пробила навзлетъ сердце. Глумаць побѣжалъ горою.»

«Еслибъ ты еще вчера ударился въ бѣгство, слышался *голосъ съ луга*, то и тогда бы я настигъ тебя. Впрочемъ не погонюсь за тобой: было бы кому разказать о той добычѣ, о которой вы мечтали.»

Здѣсь кстати бы разказать объ уваженіи хайдуковъ къ женщинамъ, объ ихъ обыкновеніи исполнять общанное, объ ихъ братской любви другъ къ другу и къ народонаселенію; но это завлекло бы насъ слишкомъ далеко, и мы ограничимся однимъ разказомъ, хорошо очерчивающимъ возвышенную натуру хайдука.

— Видите ли, мои дѣти, башню въ Ливнахъ, говорилъ старый хайдукъ Вуядинъ своимъ дѣтямъ, которыхъ Турки полонили и вели на смерть:— видите ли эту башню? Тамъ насъ будутъ

мучить, стануть намъ ломать ноги и руки, выкалывать наши глаза. Мужайтесь, дѣти, будьте героями. Не выдайте ни одного товарища, не выдайте нашихъ *ятаковъ*, у которыхъ мы проводили зимы и хранили деньги; не выдавайте *карчмарицъ*, у которыхъ мы вино пили.

Вотъ привели хайдуковъ и принялись пытаться.

— Назови намъ *ятаковъ* и *карчмарицъ*, говорили Турки старому Вуядину.

— Нѣтъ, не назову, отвѣчалъ Вуядинъ.

Замучили ихъ Турки, и ни одинъ изъ храбрыхъ не сказалъ ни слова (1).

Намъ бы слѣдовало упомянуть и о другихъ хайдукахъ, какъ-то: о знаменитомъ Смилянничѣ Илиі, жившемъ въ XVII вѣкѣ, о Петрѣ Мерколичѣ, о Сеноничѣ Иванѣ и Стоянѣ Янковичѣ, о Баѣ, Новакѣ-Старинѣ и многихъ другихъ, но уже и приведенные нами разказы достаточно показываютъ, что хайдуки были мучениками времени покоренія Сербіи. Скажемъ только, что періодъ хайдуковъ слѣдуетъ за періодомъ юнаковъ. Юнаки были

(1) Подобнымъ же образомъ съ геройскою твердостью выносили неслыханныя мученія малороссійскіе козаки и гайдамаки, когда попадались въ плѣнъ заклятымъ врагамъ своей свободы и вѣры, «ляхамъ, католикамъ». Кстати принять къ свѣдѣнію, что исторія одной изъ областей бывшаго сербскаго государства, именно Босніи, живо напоминаетъ намъ многія черты изъ исторіи старой Малороссіи, этой южной части бывшаго Литовско-русскаго княжества. Какъ въ Босніи происходила борьба между православіемъ и магометанствомъ, такъ въ южной Руси шла распря между тѣмъ же православіемъ и католицизмомъ. Какъ въ Босніи отурчившееся и омагометанившееся старинное сербское дворянство явилось народоотступникомъ и народоугнетателемъ, такъ въ Малороссіи *ополчившееся* и *окатоличившееся* древне-русское дворянство выступало лютымъ общественнымъ врагомъ русскаго православнаго народонаселенія. Несмотря на то, что Турки и туркофилы считаютъ Боснію страной турецкою и магометанскою, Боснія въ сущности остается сербскою и православною. То же самое видимъ и въ южной Россіи: губерніи Кіевская, Волинская и Каменецподольская остаются Россіей православною и враждебною польской аристократіи, ибо надменный, властительный аристократизмъ, устроенный на феодальный ладъ, какъ извѣстно, всегда противорѣчилъ и противорѣчитъ духу русскаго народа. Соображая обстоятельства прошедшаго и наступающаго въ Босніи и Малороссіи, нельзя не предвидѣть, что совершенно одинакимъ образомъ рѣшится ихъ общественная судьба въ будущемъ. При этомъ, безъ сомнѣнія, выиграетъ народъ, а объ отщепенцахъ, отступникахъ народныхъ интересовъ, останется только пожалѣть.

отдѣльные владѣльцы, защищавшіеся отъ Турокъ; они еще не употребляли огнестрѣльнаго оружія. Хайдуками же назывались мирные поселяне и горожане, не могшіе сносить турецкій произволъ и угнетеніе, и удалявшіеся въ лѣса, чтобъ оттуда нещадно вредить заклятымъ врагамъ, своей независимости. Съ половины XV вѣка до 1804 года не было куста, горы и луга, гдѣ бы не скрывались хайдуки. Часто цѣлое селеніе удалялось въ лѣсъ и изъ его чащи било Турокъ. Живой примѣръ тому теперешніе Дробляки. Одни хайдуцкія поколѣнія смѣняются другими. Жизнь всѣхъ этихъ поколѣній представляется въ общихъ чертахъ сходною. Всѣ они живутъ въ зеленыхъ горахъ. Иногда при нихъ встрѣчаемъ ихъ женъ. «Въ горахъ мы свободно дышемъ; въ горахъ намъ лучше чѣмъ дома,» говорили они. Вся цѣль ихъ—бить Турокъ и истреблять проклятое племя. . . Многія пѣсни такъ начинаются: «Среди лѣса, подъ зеленою елью, сидятъ хайдуки, пьютъ вино и ведутъ разговоръ о томъ, гдѣ проѣдутъ Турки, сколько провезутъ золота, гдѣ сподручнѣ ихъ подстеречь»... Коли не въ моготу однимъ справиться съ Турками, призываютъ на помощь другихъ. То народная армія, разсѣянная въ горахъ и неспособная къ сосредоточенію; то народный заговоръ, вытекшій изъ положенія тогдашнихъ сербскихъ дѣлъ!.. Хайдуки постоянно тревожили народную совѣсть, напоминали Сербамъ, что имъ слѣдуетъ быть не рабами, а свободными; что въ скоромъ времени перерѣжутъ всѣхъ Турокъ, что мусульмане несправедливо завоевали Сербію и не въ правѣ ею владѣть. Здѣсь кстати припомнить слова, слышанныя мною въ дѣтствѣ отъ одного сербскаго слѣпаго гусляра Здравка, изъ села Лужницъ. Пѣснь гусляра оканчивалась такимъ образомъ: «Отъ Будима до Македоніи, отъ Дуная до Адриатики жило племя, покоренное Турками, которые его угнетали и притѣсняли. Не слышно было въ томъ племени пѣсней ни отъ молодцовъ, ни отъ дѣвъ. За то раздаются звуки гуслей слѣпцовъ, слагающихъ пѣсни про хайдуковъ. Живутъ тѣ хайдуки въ горахъ; витаютъ тамъ словно сизые соколы; они свободны и никого не боятся; Турокъ рѣжутъ, отнимаютъ у нихъ деньги, потъ и кровь своихъ соотчичей!.. Хайдуки мстятъ за своихъ дѣдовъ; за нашъ плачь, за стоны и мученія по дорогамъ, хорошо они платятъ Туркамъ! Самъ султанъ не смѣетъ ѣздить сербскими лѣсами!.. Наши дѣвы, матери и жены, не поютъ намъ праздничныхъ пѣсней, но хайдуки за то пьютъ вино и слагаютъ пѣсни; рѣжутъ Турокъ и вольно бродятъ по

лѣсамъ... Итакъ, братцы, честные Сербы, на всѣхъ мѣстахъ, за всѣми кустами, за скалами и за камнями, заряжайте длинныя ружья, вездѣ бейте враговъ, прочищайте пути: тѣмъ истребимъ мы душманское проклятое племя и освободимъ святую родину. Мы бьемся за нашу свободу, за святую вѣру православную.»

Таковъ смыслъ хайдучества!

III.

«Ополчились святые на небѣ, подали Сербамъ знакъ къ возстанію. Но Сербы не поняли этого знака.» Тогда закричала съ Авалы (1) вила, словно мученица, бьющаяся въ цѣпяхъ: она зоветъ Сербовъ изъ Сербіи. «Братья мои Сербы, чего вы ждете? зачѣмъ вы спите? Встаньте! Вотъ уже настааетъ пятый вѣкъ, съ тѣхъ поръ какъ вы потеряли царство на Косовѣ. Турки губятъ вашихъ кнезовъ, а наконецъ изведутъ всѣхъ васъ. Возстаньте!»

Услышали всѣ голосъ вилы, поняли небесное знаменіе...

Но гдѣ силачи, которые бы встали и низвергли оттоманское иго? кто изъ витязей воспламенить огонь войны?

Съ Космая виднѣется село, окруженное высокими дубами. Тамъ въ пчельникѣ жилъ старикъ, у котораго былъ сынъ, по имени Дюрдьѣ (2). Онъ пошелъ въ хайдуки и бился по дорогамъ съ Турками. Но чтобы невѣрные не заподозрили его, онъ занимается пасти чужихъ свиней. Разъ какъ-то Дюрдьѣ погналъ скотъ на рѣку. Вотъ пасутся себѣ свиньи, а ихъ пастырь заснулъ крѣпкимъ сномъ на пригоркѣ, подъ высокимъ дубомъ. И видитъ Дюрдьѣ сонъ. Чудится ему, что дѣсь озарился небеснымъ свѣтомъ, явились ему въ сіяніи два святителя, Петръ и Николай. «Дюрдьѣ», сказалъ ему одинъ изъ святыхъ, «не бойся, Богъ будетъ съ собою (3)». Встревоженный видѣніемъ, онъ пробудился. Слышитъ, чьи-то собаки го-

(1) Гора.

(2) Юрій, Георгій.

(3) Объ этомъ происшествіи разказываетъ Дьюричъ въ своихъ запискахъ, напечатанныхъ въ *Гласникъ Ученого Дружества Сербской словесности*.

няются за его свиньями. Пастухъ всталъ, беретъ хайдуцкое ружье, подходитъ ближе. Смотритъ: Турокъ, сидя на конѣ, травитъ своими собаками свиней.

— Зачѣмъ пускаешь собакъ на моихъ свиней? сказалъ ему Дюрдье.

Мусульманинъ въ отвѣтъ выстрѣлилъ изъ пистолета, но далъ промахъ. Дюрдье въ свою очередь прицѣлился и спустилъ курокъ своего ружья. Когда разсѣялся дымъ, Турокъ уже валялся подъ лошадыю. Сербъ стащилъ трущъ поганаго въ воду и накрылъ его колодой: «тутъ тебѣ и мѣсто, проклятый дулижанъ», проговорилъ онъ.

Событіе это осталось для всѣхъ тайной.

Вотъ чтò разказываютъ: Праздновали крестины у одного селянина. Дюрдье былъ кумомъ. Сидѣлъ онъ у очага за трапезой, въ кругу веселой семьи. Вдругъ входитъ какой-то Турокъ. Всѣ встали, поцѣловали его въ руку и въ полу платья. Женщины выбѣжали; остались одни мущины. Дюрдье угрюмый нахмуренно стоялъ съ наморщеннымъ челомъ, не прикасаясь ни турецкой руки, ни полы турецкой одежды.

— Что ты стоишь, хайдукъ, и не цѣлуешь агу? спросилъ Турокъ.

— За что тебя цѣловать проклятый душманъ (мучитель)? отвѣчалъ Дюрдье.

Турокъ какъ звѣрь бросился на Дюрдья. Долго боролись они; наконецъ Сербъ повалилъ его и «зарѣзалъ какъ барана». Всѣ переполошились и пришли въ отчаяніе. Волосы становились у нихъ дыбомъ отъ страха за женъ и дѣтей. Дюрдье взялъ заступъ, вырылъ яму подъ очагомъ и зарылъ въ ней Турка. Разложили опять огомъ, и словно ничего не бывало. Но Турки узнали о случившемся и разъ окружили домъ Дюрдья. Хайдукъ нагрянулъ на нихъ изъ лѣсу; часть Турокъ легла на мѣстѣ; другая бѣжала въ Бѣградъ. Они собрали значительное войско и пошли на Шумадію, мѣсто жительства Дюрдья. По голосу послѣдняго, всѣ Сербы вооружились, а съ горъ спустились хайдуки (1), чтобы защитить правое дѣло. Въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ они направили путь свой къ Бѣлграду.

(1) Съ однимъ Тьюрчией явилось болѣе двухъ сотъ хайдуковъ. Въ одномъ сраженіи съ боснійскими Турками находилось до 5000 хайдуковъ.

Около Космая встрѣтили Сербы бѣлградскихъ Турокъ, шедшихъ усмирить возстаніе. Турки, видя значительную силу со стороны противниковъ, предложили перемиріе. Хайдуки не желаютъ перемирій, а потому и дали ружейный залпъ по переговорщикамъ.

— Вы отказываетесь отъ переговоровъ? спросили Турки.

— Да, отказываемся! Наши матери намъ говорили, когда мы были еще грудными младенцами: «проклять будь тотъ, кто вѣритъ въ Турка,» отвѣчали Сербы. Послѣдовала жестокая сѣча, въ которой Турки были разбиты на голову.

Съ той поры исчезли хайдуки: ихъ дѣло стало народнымъ, государственнымъ (1).

П. СРЕТЬКОВИЧЪ.

Студентъ унив. Св. Владиміра.

Кіевъ.

1859 г. 20 іюня.

(1) Просимъ исправить слѣдующія опечатки въ нашей статьѣ *Гора Космай* (*Русскій Вѣстникъ* № 9):

На стр. 114 вм. Косема, чит. Косама.

— — 99 посвящается вм. Разичу, чит. Ивану Ивановичу Ризичу.

Т Р І О

П О В Ъ С Т Ъ

I.

Андрей Линовскій къ Аннѣ Гальцевой.

Берлинъ, 24 марта 1855.

Вчера вечеромъ, Анна Александровна, я узналъ случайно, что вы овдовѣли, и что вы въ Дрезденѣ. Ради того чувства, которое когда-то связывало насъ, ради тѣхъ страданій, которыя я вынесъ со времени нашей разлуки, не сердитесь на меня за это письмо, прочтите его спокойно и отвѣчайте мнѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ вами, многое измѣнилось въ моей жизни, но мое чувство къ вамъ не измѣнилось. Вотъ уже три года я работаю, работаю усиленно, безъ отдыха, чтобы заглушить глубокое, тупое горе, овладѣвшее мною при извѣстїи о вашей свадьбѣ, чтобы моя жизнь по крайней мѣрѣ пригодилась другимъ, если для меня она не можетъ болѣе сдѣлаться выносивою. Напрасно. Вездѣ и всегда, за работою и въ часы отдыха, когда я засыпаю, утомленный дневными трудами, когда я просыпаюсь, не подкрѣпленный ночнымъ сномъ, меня преслѣдуетъ вашъ образъ, образъ прошлаго, образъ невозвратно потеряннаго счастья. Мои труды идутъ успѣшно, то-

есть они приносятъ мнѣ уваженіе и деньги. Меня считаютъ добросовѣстнымъ труженникомъ, страстно преданнымъ наукѣ. Смѣшно сказать: я имѣю все, чего желалъ такъ страстно четыре года тому назадъ, почетное имя, занятія по вкусу, матеріальное обезпеченіе. Но все это суета. Я не наслаждаюсь внѣшнимъ спокойствіемъ моей жизни, я не вѣрю въ пользу, въ достоинство моихъ трудовъ, вымученныхъ изъ моей бѣдной головы безпрестаннымъ, тяжкимъ усиленіемъ воли. Эти деньги, эти жизненные удобства, этотъ внѣшній почетъ, не ихъ ли недостатокъ когда-то помѣшалъ нашему счастью? Не горькая ли это иронія судьбы, что все это посыпалось ко мнѣ тогда, когда я васъ потерялъ навсегда?

Но нѣтъ, еще не навсегда. Вы теперь свободны. Кто знаетъ, можетъ-быть въ васъ еще не совсѣмъ угасло то чувство, которымъ я нѣкогда жилъ. Кто знаетъ, оно можетъ снова проснуться. Но я брежу. Это невозможно. Это было бы слишкомъ много счастья. Я оскорбляю васъ, ваше недавнее горе, этими намеками, этою наглою навязчивостію. Я не хочу васъ тревожить, говоря вамъ о вашихъ прежнихъ чувствахъ. Скажу вамъ только одно: я васъ люблю всѣми силами моего измученнаго сердца, и эта любовь никогда не можетъ пройти, потому что моя жизнь и эта любовь одно и то же. Я не прошу, я не надѣюсь, чтобы вы какимъ-нибудь чувствомъ отвѣчали на мое чувство. Но я хочу, чтобы вы располагали мною; чтобы вы позволили мнѣ васъ видѣть или запретили мнѣ васъ искать; чтобы вы знали, что всегда и вездѣ, вы имѣете въ своей власти чело-вѣка, который живетъ лишь вами, который съ благоговѣніемъ будетъ повиноваться каждому вашему велѣнію, каждой вашей прихоти, хотя бы вамъ вздумалось лишить его навсегда счастья васъ видѣть.

Вашъ на вѣки

Андрей Линовскій.

Анна Гальцева къ Андрею Линовскому.

Дрезденъ, 25 марта.

Я только что получила ваше письмо, Андрей Петровичъ. Я не могу собраться съ мыслями, я не знаю, что со мною дѣлается. Боже мой! Неужели это не сонъ? Неужели вы еще любите меня? Неужели прошлое можетъ вернуться? О, это

прошлое! Какъ я любила васъ тогда, Андрей! Чего бы я тогда не сдѣлала для васъ! Когда, запуганный рѣшительнымъ противодѣйствіемъ моей матери, вы удалились отъ меня, когда вы покорились гнету обстоятельствъ, разлучившихъ насъ, знаете ли вы, что я тогда выстрадала? Знаете ли вы, что я ждала только одного слова отъ васъ, чтобы бросить и мать, и всѣхъ, и бѣжать съ вами, чтобы работать денно и ночью, чтобы бороться съ бѣдностію и страдать вмѣстѣ съ вами. Но это слово, вы его не сказали. Вы не имѣли довольно уваженія ко мнѣ, чтобы возложить на меня жертву. Вы меня оставили одну, одну съ моею любовью, съ моимъ безумнымъ страданіемъ. Вы не протянули мнѣ руки, и я погибла, я пала, я вышла замужъ за человѣка, котораго я не любила, я отравила его послѣдніе годы своимъ холоднымъ, тупымъ отчаяніемъ.

Но довольно объ этомъ. Вѣдь все это прошло. Вы любите меня. Если вы такъ поступили, это потому, Андрей, что вы безконечно добры и безконечно деликатны. Это потому, что вы хотѣли меня оградить отъ всякаго горя, отъ всякаго несчастья. И не поняли вы, что не счастье мнѣ было нужно, а вы, ваша любовь, сознаніе, что всякое мое дыханіе принадлежитъ вамъ, что я существую только для васъ.

Какъ ревниво берегла я эту любовь въ своемъ ожесточенномъ сердцѣ, сколько безумныхъ ночей провела я, бесплодно мечтая о васъ, сколько роптала и сколько раскаивалась!

Но нѣтъ, грѣшно теперь вспоминать объ этомъ темномъ времени. Мы будемъ счастливы, Андрей, мы будемъ вмѣстѣ, и никто болѣе не разлучитъ насъ. Давайте дѣлать планы, давайте придумывать, какъ это будетъ.

Теперь намъ еще нельзя видѣться. Вы это понимаете. Этого требуетъ еще свѣжая могила моего мужа; этого требуетъ моя слишкомъ измученная душа, наконецъ, мое доброе имя. Но мы будемъ писать другъ другу. Черезъ шесть мѣсяцевъ мы увидимся, и уже не разстанемся никогда. Обнимаю тебя, мой Андрей, мой возлюбленный, мой мужъ!

Твоя Анна.

Андрей неподвижно сидѣлъ передъ своимъ рабочимъ столомъ и держалъ въ рукахъ только-что прочитанное письмо. Лицо его было судорожно напряжено, онъ не видѣлъ и не слышалъ, что происходило вокругъ него; онъ не замѣчалъ, что утренній вѣтерокъ ворвался въ открытое окно, овладѣлъ его

бумагами и разнесъ ихъ по всей комнатѣ. Его сердце, давно отвыкшее отъ радости, мучительно сжималось и неровно билось, его умъ отказывался постичь, что уже нѣтъ темнаго призрака, такъ долго тяготѣвшаго надъ нимъ, что передъ нимъ лежитъ широкая, свободная, свѣтлая жизнь.

Онъ даже не замѣтилъ, что въ комнату вошелъ его другъ, Валентинъ Завадскій, и молча глядѣлъ на него.

— Чтò съ тобой? сказалъ наконецъ Валентинъ.—Отчего ты такъ блѣденъ? Чтò же ты не отвѣчаешь? прибавилъ онъ встревоженнымъ голосомъ, и въ его глазахъ выразилось ласковое участіе.

Андрей молча протянулъ ему письмо. Валентинъ быстро сталъ пробѣгать его, и на его подвижномъ лицѣ заигралъ румянецъ, и онъ поднялъ на своего друга взоръ, блестящій отъ радости.

Андрей между тѣмъ опустилъ лицо въ руки, и все его тѣло конвульсивно задрожало. Онъ плакалъ, какъ ребенокъ.

— Помилуй, воскликнулъ Валентинъ, быстро опускаясь на табуретъ у ногъ Андрея и почти насильно отнимая его руки отъ лица и сжимая ихъ въ своихъ:—помилуй, не стыдно ли тебѣ, счастливецъ, плакать надъ такимъ письмомъ? Успокойся, ради Бога, и не рыдай такъ судорожно.

Андрей смотрѣлъ на него, съ трудомъ переводя духъ, не въ силахъ выговорить слово.

— Можно ли принимать такъ болѣзненно, продолжалъ Валентинъ, — такой рѣдкій, такой счастливый даръ судьбы? Перестань смотрѣть такъ печально, улыбнись поскорѣй!

— Ахъ, Валентинъ! наконецъ выговорилъ Андрей:—ты не знаешь, чтò такое счастье, потому что ты имъ живешь и дышешь, съ тѣхъ поръ, какъ себя помнишь. Но я сегодня счастливъ въ первый разъ въ своей жизни, и мое слабое сердце изнемогаетъ подъ этимъ блаженствомъ. Но ты правъ. Надо переломить себя. Это слабость, это малодушіе!

И онъ всталъ и быстрыми шагами сталъ ходить по комнатѣ.

— Вотъ это дѣло! подхватилъ Валентинъ.—Ободришь, мой милый, взгляни въ лицо своему счастью и радуйся ему. Брось эту пыльную комнату, брось свои книги и бумаги. Посмотри, какое великолѣпіе на дворѣ, какое небо, какое солнце! Пройдемся-ка вмѣстѣ. Возьми шляпу, пальто не нужно, и пойдемъ.

Андрей машинально повиновался. И дѣйствительно, когда онъ по узкому переулку вышелъ въ близкій Тиргартенъ, его

такъ охватило свѣтомъ и теплотою, жизнію и радостію, что онъ не узнавалъ себя, не узнавалъ скучныхъ аллей парка. Безоблачное, лучезарное небо сверкало надъ Берлиномъ, и никогда, казалось, оно не было прозрачнѣе и выше. Какъ-то особенно живо и смѣло рисовались на немъ дома и церкви и черныя вѣтви обнаженныхъ деревьевъ. И чиликанье воробьевъ, и неясный гулъ экипажей, и дальній говоръ шумныхъ улицъ, сливались въ какой-то чудный строй, исполненный смутной, но торжественной радости. Онъ взглянулъ на Валентина, и въ первый разъ замѣтилъ, до какой степени онъ хорошъ. Завадскій шелъ рядомъ съ нимъ, веселый и румяный, какъ всегда закинувъ слегка назадъ свою граціозную головку, и беззаботно глядѣлъ то вдалѣ, то на молодую травку, пробивавшуюся по сторонамъ дорожки. Андрей взглянулъ на прохожихъ, и ихъ лица показались ему какъ-то особенно привѣтливыми и веселыми. Молча прошли они Бранденбургскія ворота, молча прошли длинный тротуаръ «Подъ Липами». Андрей не рѣшался промолвить слова; ему казалось, что это дивный сонъ, что вотъ онъ проснется, и снова настанетъ тяжкая дѣйствительность съ ея тоскою и безнадежностію. Но прошедши дворецъ принца Прусскаго, онъ словно очнулся. Передъ нимъ стояла Публичная Библіотека, въ которой онъ привыкъ проводить большую часть утра въ усиленныхъ трудахъ. Онъ вспомнилъ, что у него осталась тамъ недоконченная работа.

— До свиданія, сказалъ онъ Завадскому, — мнѣ пора въ Библіотеку.

— Полно, сказалъ Валентинъ, — неужто даже сегодня ты не можешь разстаться съ своими работами? Успѣешь еще.

— Нельзя, машинально сказалъ Андрей, пожимая ему руку, и пошелъ въ Библіотеку.

Машинально отворилъ онъ дверь въ залу для чтенія, машинально сѣлъ передъ кипой книгъ, которыя принесъ ему служитель. Все казалось ему такъ ново, такъ свѣтло и весело въ этой мрачной комнатѣ, гдѣ онъ бывалъ каждый день. Онъ хотѣлъ приняться за работу. Онъ раскрылъ свои книги и рукописи. Онъ принялся было писать. Но праздничное чувство, овладѣвшее всѣмъ существомъ его, не давало его мысли остановиться ни на чемъ. Его рука отказывалась повиноваться ему. Ликующія біенія его сердца захватывали ему дыханіе. Наконецъ онъ бросилъ свои книги и снова вышелъ на воздухъ. Еще теплѣе, еще ярче свѣтило весеннее солнце. На клумбахъ.

передъ Библіотекой сквозь сухія листья пробивались поденжники и крокусы; мраморы дворцоваго моста сверкали на темной синевѣ неба; сквозь колоннаду Стараго Музея привѣтливо выглядывали шинкелевскіе боги и нимфы.

Долго ходилъ Андрей, словно въ какомъ-то похмѣльи. Онъ не останавливалъ своей мысли на опредѣленныхъ планахъ для будущаго, онъ весь предавался сладостному чувству, что передъ нимъ много, много свѣтлаго и прекраснаго, что отъ него зависитъ только пожелать, и все сбудется. Наконецъ, въ четвертомъ часу, онъ у входа въ Музей снова встрѣтился съ Валентиномъ, который почти насильно потащилъ его съ собою обѣдать въ *Café Royal*.

За обѣдомъ Андрей былъ молчаливъ и разсѣянъ. Но радостное выраженіе его лица, обыкновенно болѣзненно-грустнаго, ясно свидѣтельствовало, что это происходило отъ избытка счастья. Безсознательно глоталъ онъ вино, которое безпрестанно подливалъ ему Валентинъ, и разсѣянно улыбался въ отвѣтъ на его веселую болтовню. Солнце, уже склонявшееся къ западу, заглянуло въ комнату и засверкало на хрусталяхъ и серебрѣ стола.

— Нѣтъ, вдругъ сказалъ Андрей, какъ-бы продолжая вслухъ давно занимавшую его мысль, — не въ силахъ я оставаться долѣе въ Берлинѣ. У меня кружится голова, я не могу ни работать, ни усидѣть на мѣстѣ. Завтра же уѣду.

— Отчего не сегодня? Анна Александровна, чай, тебя ждетъ не дождется.

— Чтò ты говоришь, Валентинъ? Вѣдь нельзя же мнѣ теперь ѣхать къ ней. Она этого не хочетъ.

— И ты этому вѣришь? Это только такъ говорится. Бьюсь объ закладъ, что она разчитываетъ на твой пріѣздъ.

— Помилуй, Валентинъ, развѣ ты не читалъ ея письма? Развѣ ты не знаешь, что нѣтъ еще двухъ недѣль, какъ она потеряла мужа?

— Мужа, котораго не любила. Разумѣется, она не могла тебѣ написать, чтобы ты пріѣхалъ, даже должна была запретить тебѣ это. Но твое дѣло не послушаться и все-таки пріѣхать.

— Ты это говоришь, Валентинъ, потому что ты ея не знаешь. Это бы оскорбило, это бы разстроило ее. Бѣдная Анна, какъ она измучилась!

— Полно! Развѣ ты не видишь изъ ея письма, что она хо-

четь видѣть тебя сейчасъ же? Это желаніе выражено очень ясно, съ очень милымъ кокетствомъ.

— Перестань, Валентинъ. Ты ее оскорбляешь, и меня также. Нѣтъ, она не способна на мелочное кокетство. Она для этого слишкомъ пряма, слишкомъ сильна умомъ и сердцемъ...

— Вѣрю, другъ мой. Не сердись за мое неосторожное предположеніе, и успокойся. Но куда же ты это собираешься ѣхать такъ скоро?

— Не знаю самъ; только вонъ изъ Берлина, вонъ изъ этой мрачной комнаты, гдѣ все дышитъ моею давнишнею тоской. Я чувствую, что въ эти шесть мѣсяцевъ я не буду способенъ ни на что, кромѣ бродяжничества!

— Чтò жь, и прекрасно! Ты до сихъ поръ не путешествовалъ, а только сидѣлъ по разнымъ пыльнымъ угламъ Германіи, да рылся въ бібліотекахъ. Пора же тебѣ подышать свѣжимъ воздухомъ.

Валентинъ всталъ и подошелъ къ окну. Солнце заходило. По улицамъ толпились гуляющіе. Вечеръ былъ еще лучше утра.

— Знаешь ли чтò? прибавилъ онъ. — Поѣду и я съ тобой. Надоѣлъ мнѣ этотъ пошлый Берлинъ съ своими безличными улицами и грязными каналами, съ своими вычурными строениями и тощими деревьями. Будемъ скитаться вмѣстѣ, пока твоя Дульцинея не соизволитъ сжалиться надъ тобою и допустить тебя передъ свои ясныя очи. Взгляни, вѣдь на дворѣ уже весна. Сумку за плечи, альбомъ подъ мышку, и въ дорогу!

— Ты не шутишь, Валентинъ? Вѣдь это было бы отлично!

— Еще бы не отлично! Я давно желалъ попутешествовать съ тобою, о ученѣйшій и добрѣйшій изъ смертныхъ! Я буду веселить тебя дорогой, ты же, мой мудрый Менторъ, будешь наставлять и поучать меня. Впрочемъ, тебѣ теперь не до меня и не до того, куда мы поѣдемъ. Хорошо же! Я беру на себя планъ нашего путешествія: ты увидишь, какъ онъ будетъ хорошъ!

И Валентинъ, не замѣчая, что Андрей опять впалъ въ глубокую, но свѣтлую думу, продолжалъ, быстро ходя взадъ и впередъ по комнатѣ:

— Мы сперва отправимся въ Силезскія горы. Тамъ еще снѣгъ, непроходимыя дороги, ручьи въ разливѣ. Но тѣмъ лучше. Весна въ горахъ великолѣпна. Оттуда въ Эрцгебирге: тамъ есть интересныя памятники. Потомъ въ Саксонскую

Швейцарію: къ тому времени все позеленѣтъ. Оттуда въ Тюрингеръ-Вальдъ, гдѣ мы проведемъ часть мая; потомъ... но ты не слушаешь меня, Андрей?

— Отлично, превосходно, отвѣчалъ Андрей, кивая головой,— въ Тюрингеръ-Вальдъ, а оттуда въ Саксонскую Швейцарію... Знаешь ли ты, Валентинъ, что ты немного похожъ на ея покойнаго брата? Онъ еще былъ живъ, когда мы разстались.

— Не знаю, отвѣчалъ Валентинъ, — но вижу, что съ тобою сегодня невозможно говорить. Впрочемъ, оно такъ и слѣдуетъ. Пойдемъ-ка лучше въ оперу. Сегодня даютъ Глукова *Орфей*.

И они пошли въ оперу. Іоганна Вагнеръ была великолѣпна въ бѣлой туникѣ и съ лирой въ рукахъ. Она рыдала на гробъ Эвридики, и смягчала своимъ пѣніемъ сердца адскихъ жителей и берлинскихъ офицеровъ; она находила Эвридику, и губила ее своею любовью, и Боги воскрешали ее, и все кончалось, какъ слѣдуетъ, балетомъ. Но Андрей не видалъ ни Іоганны Вагнеръ, ни Фурій, ни элизіума. Подъ могучую музыку Глука ему чудился тотъ ненастный вечеръ, когда онъ простился съ нею, грезился тотъ ясный день, который ихъ соединить...

II.

Друзья исполнили свое намѣреніе. На другой день по полученіи письма отъ Анны Александровны, они уже были въ дорогѣ, и принялись блуждать, по прихоти Валентина, по малоизвѣстнымъ и живописнымъ закоулкамъ Германіи, пользуясь теплыми днями ранней весны и не рѣдко страдая отъ апрѣльской непогоды.

При этомъ Андрей постоянно переписывался съ Анной. Она, съ своей стороны, также почувствовала неодолимую потребность оставить Дрезденъ и сократить путешествіемъ скуку этихъ шести мѣсяцевъ, которые приходилось бы ей провести безъ Андрея. Вслѣдствіе этого она, чтобы не встрѣтиться съ нимъ, отправилась въ южную Германію, и между Шварцвальдомъ и Эрцгебирге безпрестанно перелетали длинныя и нѣжныя посланія, въ которыхъ съ необычайною аккуратностію означался будущій маршрутъ пишущаго.

Надобно признаться, что Андрей любовался лишь поверхност-

но и разсѣянно красотами весенней природы, дикими и граціозными ландшафтами горныхъ мѣстностей, черезъ которыя вель его Валентинъ. Его душа, такъ долго сосредоточенная на собственныхъ страданіяхъ, на тщетныхъ усиліяхъ, чтобы ихъ превозмочь, потеряла ту счастливую, воспримчивую, ту чуткость и подвижность, которыя необходимы, чтобы вполнѣ насладиться путешествіемъ. Къ тому же онъ невольнымъ образомъ думалъ только о послѣднемъ письмѣ Анны, желалъ только одного, поскорѣе дойти до города, гдѣ ожидало его слѣдующее. Когда на пути встрѣчалась какая-нибудь поразительно-хорошая мѣстность, какой-нибудь важный памятникъ, ему нужно было усиліе надъ собою, чтобы сосредоточить на нихъ свое вниманіе.

Валентинъ, напротивъ того, вполнѣ наслаждался и природой, и весной, и всѣми безчисленными мелкими случайностями путешествія пѣшкомъ. Бодро шелъ онъ впередъ по скалистымъ дорогамъ, то взбираясь, какъ кошка, по крутымъ склонамъ, то спускаясь въ глубокіе тѣнистые овраги и ущелья, куда манила его роскошь весенней растительности и говоръ невидимыхъ водъ. Ничто не ускользало отъ его вниманія, ни воздушная игра свѣта на горахъ далекаго горизонта, ни травка, невиданная имъ въ Россіи. Встрѣчалъ ли онъ на дорогѣ поселенъ или дѣвушекъ изъ ближайшей деревни, онъ весело заговаривалъ съ ними: и старики охотно толковали съ нимъ о своемъ житьѣ-бытьѣ, о хозяйственныхъ преимуществахъ и невыгодахъ мѣстности; и молодыя дѣвушки весело болтали и смѣялись съ нимъ, не краснѣя отъ его ласковаго взгляда, и долго послѣ того имъ помнилась эта встрѣча. И Валентинъ утѣшался и добродушными разказами стариковъ, и наивною фамилярностью дѣвушекъ, и своеобразными формами мѣстнаго нарѣчія. Онъ обращалъ на все это вниманіе Андрея; Андрей припоминалъ, что онъ гдѣ-то читалъ о такихъ формахъ, и снова впадалъ въ задумчивость. Попадались ли на дорогѣ какая-нибудь часовня или другое старинное зданіе, Валентинъ, по его физиономіи, тотчасъ угадывалъ и время его построенія, и назначеніе, а Андрей, тщательно осматрѣвъ всѣ сохранившіеся признаки, только дивился мѣткости его взгляда.

Такъ прошли они Силезскія горы, Эрцгебирге и часть Саксонской Швейцаріи. Между тѣмъ наступилъ май, и великолѣпная зелень одѣла скалы и лужайки, и плодовые деревья покрылись цвѣтомъ. Но возрастающая прелесть окружающей его при-

роды не могла разгнѣть и успокоить Андрея. Томительное желаніе, нетерпѣливое ожиданіе все болѣе и болѣе овладѣвали имъ, и онъ становился все задумчивѣе; по временамъ онъ бывалъ даже мраченъ и раздражителенъ. Наконецъ, обстоятельство, не случившееся до тѣхъ поръ, положило верхъ его безпокойству. Пришедши въ Шандау, утомленный весеннимъ воздухомъ и усиленнымъ переходомъ, онъ, по обыкновенію, прежде всего отправился на почту, и не нашелъ тамъ письма отъ Анны Александровны. Разстроенный донельзя, онъ провелъ почти бессонную ночь и на другое утро отправился на пристань, чтобы поджидать парохода изъ Дрездена. Но одинъ пароходъ приплывалъ за другимъ, а письма все не было. Напрасно Валентинъ старался успокоить Андрея, напоминая ему, что онъ получилъ письмо третьяго дня, и что они послѣзавтра должны быть въ Дрезденѣ, гдѣ навѣрное найдутъ слѣдующее. На Андрея нашло какое-то нервное раздраженіе, какое-то дурное предчувствіе. Насилу дождавшись условеннаго времени, онъ отправился въ Дрезденъ. Ни въ первый, ни во второй день не было писемъ. По совѣту Валентина, Андрей отправилъ телеграфическую депешу во Франкфуртъ, откуда онъ получилъ послѣднее письмо Анны Александровны, а другую въ Висбаденъ, куда, какъ она говорила въ этомъ письмѣ, она ѣхала говѣть. Черезъ нѣсколько часовъ, изъ Франкфурта отвѣчали, что Frau von Galtzeff дѣйствительно выѣхала 5 мая, а изъ Висбадена— что она нынче, 10 мая, еще не пріѣзжала.

Андрей пришелъ въ такое состояніе, что Валентинъ рѣшигелно не зналъ, что съ нимъ дѣлать. Благоразумнѣе всего было оставаться въ Дрезденѣ и ждать объясненія этого недоразумѣнія. Но Андрею не сидѣлось на мѣстѣ, а между тѣмъ онъ не зналъ, куда ему ѣхать. Наконецъ онъ рѣшился ѣхать въ Веймаръ, куда велъ ихъ маршрутъ, а Валентинъ, хотя и былъ убѣжденъ, что тамъ писемъ не можетъ быть, потому что, по условію, они туда должны были пріѣхать въ концѣ мая, охотно отправился съ нимъ, надѣясь, что эта повѣзка хоть сколько-нибудь его разсвѣтъ.

Они пріѣхали въ Веймаръ къ обѣду. Всегда тихій, городокъ былъ какъ-то особенно тихъ въ этотъ день. Дворъ уже переѣхалъ въ Бельведере, и за нимъ разѣхалось все веймарское общество. По чистой мостовой опустѣлыхъ улицъ не слышалось стука экипажей, и лишь изрѣдка проходили по нимъ скромные пѣшеходы. Воздухъ былъ пропитанъ запахомъ цвѣ-

тущей сирени, день был сѣренькій и теплый. За общимъ столомъ въ гостиницѣ *Эрбиринцъ* сидѣло не больше десяти человекъ — нѣсколько длинноволосыхъ артистовъ, нѣсколько помѣщиковъ изъ окрестностей, какой-то профессоръ изъ Іены. Но почти-деревенская тишина идиллическаго Веймара не успокаивала нервнаго раздраженія, въ которомъ находился Андрей. Онъ уже забѣжалъ на почту, и не нашелъ писемъ на свое имя.

Обѣдъ прошелъ скучно, почти безмолвно. Валентинъ, стараясь развлечь Андрея, напрасно заводилъ разговоръ о достопримѣчательностяхъ Веймара, о Листѣ, о паркѣ, о библиотекѣ, о тысячѣ уголковъ окрестности, освященныхъ воспоминаніями о Гете и Шиллерѣ. Андрей отвѣчалъ односложно и рассеянно, и судорожно вертѣлъ въ рукахъ свою салфетку, неподвижно глядя передъ собою.

Когда обѣдъ кончился, Валентинъ взялъ Андрея подъ руку и не зная что дѣлать, чтобы сколько-нибудь разсѣять его, предложилъ ему прогулку. Андрей машинально повиновался.

У выхода, они столкнулись съ какою-то горничною съ букетомъ въ рукахъ, которая разговаривала съ главнымъ *кельнеромъ* (1).

— Die Frau Probst (2), говорила она,—велѣла поздравить Frau von Galtzeff съ приобщеніемъ Святыхъ Таинъ, и передать ей этотъ букетъ.

Андрей поблѣднѣлъ, какъ полотно, зашатался и прислонился къ стѣнѣ.

— Брависсимо! воскликнулъ Валентинъ.—Слышишь, Андрей? Эй, другъ мой, прибавилъ онъ, вслѣдъ за кельнеромъ, взбѣравшимся по лѣстницѣ:—Frau von Galtzeff у васъ?

— Ja wohl!

— Въ какомъ номерѣ?

— Въ четырнадцатомъ.

— Хорошо же, я ей передамъ поздравленіе отъ Frau Probst.

И Валентинъ уже взбѣгалъ на лѣстницу съ букетомъ, вываченнымъ изъ рукъ у изумленной дѣвушки.

— Валентинъ, куда ты? Помилуй, такъ невозможно... едва могъ выговорить Андрей. Но Валентинъ уже исчезъ. Андрей

(1) Кельнерами называются прислужники въ нѣмецкихъ гостиницахъ.

(2) Такъ въ Веймарѣ величаютъ жену русскаго священника.

едва былъ въ силахъ вернуться въ общую залу, и въ изнеможеніи упалъ на диванъ. Голова его кружилась, къ сердцу его подступало что-то похожее на радость, но что-то до того сильное и болѣзненное, что онъ едва могъ дышать.

Между тѣмъ Валентинъ, съ бьющимся сердцемъ, стоялъ передъ дверью подъ номеромъ четырнадцатымъ, и осторожно стучался въ нее.

— Herein! отвѣчалъ тихій, но звучный голосъ.

Валентинъ вошелъ. Около открытаго окна, обвитаго виноградомъ, въ большихъ креслахъ, сидѣла молодая женщина въ бѣломъ кашемировомъ платьѣ, небольшая ростомъ, но стройная, съ тонкими чертами и блѣднымъ цвѣтомъ лица.

Валентинъ стоялъ передъ нею, смущенный своею странною выходкой и ея спокойнымъ взглядомъ, и не находилъ словъ, чтобы начать разговоръ.

— Was ist Ihnen gefällig? сказала она.

— Анна Александровна, проговорилъ Валентинъ, запинаясь и краснѣя,—простите мою нескромность. Я другъ Андрея Петровича, который здѣсь, внизу, который измучился, не получая отъ васъ писемъ, и отправился вмѣстѣ со мною отыскивать васъ. Вы знаете, прибавилъ онъ, ободряясь, и довѣрчиво поднимая на нее свои большіе, свѣтлые глаза,—вы знаете, какъ онъ любитъ васъ, какъ онъ страдаетъ. Вы позволите ему явиться передъ вами, увидите васъ, хоть на нѣсколько минутъ?

При имени Андрея, смертная блѣдность покрыла лицо Анны Александровны, она встала, и лишь послѣ нѣкоторыхъ секундъ проговорила:

— Андрей Петровичъ... здѣсь? Я хочу его видѣть, быстро прибавила она, снова опускаясь въ кресла, а румянецъ, какъ молнія, вспыхнулъ и снова погасъ на ея щекахъ, и на ея лицѣ блеснула улыбка, еще нѣжнѣе, еще лучезарнѣе прежней.

Валентинъ взглянулъ на нее: «она удивительно хороша», подумалъ онъ, положилъ букетъ на столъ и съ легкимъ поклономъ поспѣшилъ изъ комнаты. Молча подошелъ онъ къ Андрею, взявъ его за руку и проведъ его къ двери Анны Александровны. Дверь отворилась, онъ видѣлъ, какъ Анна Александровна бросилась навстрѣчу Андрею, какъ Андрей съ глухимъ стономъ упалъ къ ея ногамъ.

Валентинъ поспѣшно сбѣжалъ съ лѣстницы и вышелъ изъ гостиницы. Онъ самъ былъ взволнованъ, и ему нужно было подышать свѣжимъ воздухомъ.

Та же тишина царствовала на улицахъ, то же спокойствіе и благоуханіе въ воздухѣ. Валентинъ направился въ ту сторону, гдѣ за строеніями выглядывали роскошныя массы зелени, и скоро поцалъ въ паркъ. И въ паркѣ все было пусто и тихо. Лишь величавые павлины гуляли по душистымъ лужайкамъ, да мелкія птички, чирикаая, перепархивали съ вѣтки на вѣтку въ царственныхъ вершинахъ столѣтнихъ ильмъ и буковъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ этотъ зеленый лабиринтъ, какъ роскошнѣе и шире раскидывалась передъ нимъ долина съ выщепенною рѣчкой, съ великолѣпными группами деревьевъ, то соединявшихся въ лѣски, то разступавшихся, оставляя просвѣты въ голубую даль, по мѣрѣ того, какъ исчезали всѣ признаки близости города, тише становилось у него на душѣ, и ею овладѣвало то сладостное чувство нѣги и лѣни, которое навѣваетъ душистая теплота весенняго дня, то чувство, которое уже нѣсколько дней было заглушено въ немъ заботою объ Андрей. Онъ бросился на траву и сталъ впивать въ себя ея свѣжій, возбуждающій запахъ, сталъ всматриваться въ широколиственныя купы деревьевъ, въ спокойно-волнующіяся линіи горизонта, вслушиваться въ журчаніе Ильмы, въ щебетаніе птицъ, среди котораго съ однообразною томностію повторялся крикъ кукушки.

«Счастливецъ этотъ Андрей! подумалъ онъ: не всякому дается любить среди такой тихой, роскошной обстановки, вдали отъ суеты, вдали отъ людей! Но умѣетъ ли онъ цѣнить все это? Не убита ли въ немъ долгимъ страданіемъ способность наслаждаться?»

И Валентинъ задумался, но не объ Андрей, а о себѣ, и о какихъ-то неясныхъ, но предестныхъ призракахъ, въ которыхъ мелькали черты многихъ женщинъ, которыя ему нравились. И эги призраки бродили съ нимъ подъ высокими зелеными сводами парка, вдоль журчащаго ручейка, спѣшащаго въ Ильму.

Черезъ два часа, Валентинъ вернулся въ гостиницу, и узнавши, что Андрей все еще у Анны Александровны, и что она его спрашивала, пошелъ къ ней.

Онъ засталъ ее на томъ же креслѣ у окна. Противъ нея сидѣлъ Андрей. Его лицо все еще было блѣдно, онъ, казалось, изнемогалъ отъ избытка счастья. Анна Александровна, напротивъ того, была еще лучше, чѣмъ два часа тому назадъ. Ея глаза сіяли, на ея щекахъ игралъ тонкій, подвижный румянецъ.

Она въ двухъ словахъ объяснила Валентину недоразумѣніе, такъ неожиданно разрѣшившееся ихъ встрѣчею. На дорогѣ въ Висбаденъ, гдѣ она хотѣла говѣть, она узнала, что тамошній священникъ отлучился, и рѣшилась ѣхать въ Веймаръ, поручивъ письмо, съ извѣщеніемъ объ этомъ, содержателю гостиницы въ Майнцѣ. Это-то письмо, очевидно, затерялось. Другое, отправленное ею наканунѣ вечеромъ на почту, было бы получено Андреемъ въ Дрезденѣ, еслибъ онъ тамъ пробылъ еще нѣсколько часовъ.

Потомъ Валентинъ принялся составлять букетъ изъ дикихъ цвѣтовъ, нарванныхъ имъ въ паркѣ, а между Андреемъ и Анною снова завязался въ полголоса тотъ отрывочный, несвязный разговоръ, полный полусловъ и намековъ, который длился уже два часа, разговоръ, скучный и бессмысленный для посторонняго слушателя, но въ сущности исполненный глубокаго смысла и затаенной страсти. Они напоминали другъ другу то время, когда они еще не разставались, тѣ разговоры, тѣ встрѣчи, которыя яркими чертами были записаны въ ихъ сердцахъ. Къ чему тутъ были опредѣленные выраженія, къ чему связанная рѣчь? Каждый изъ нихъ зналъ, что достаточно легкаго намека, чтобы пробудить въ душѣ другаго цѣлую вереницу воспоминаній, цѣлый строй чувствъ, которыми нѣтъ названія на языкахъ человѣческихъ.

Наконецъ Анна Александровна вспомнила о присутствіи Валентина и, обращаясь къ нему, сказала своимъ тихимъ, нѣжнымъ голосомъ:

— Вы найдете меня можетъ-быть очень неучтивою, Валентинъ Львовичъ. Но я разчитываю на вашу дружбу къ Андрею и привыкла васъ заочно считать также своимъ другомъ. Вотъ почему я, прежде чѣмъ благодарить васъ за все, что вы сдѣлали для него, говорю съ нимъ, не стѣсняясь вашимъ присутствіемъ. Вѣдь я его не видала три года. Но теперь позвольте мнѣ пожать вашу руку и присоединиться къ намъ. Надо и честь знать, прибавила она, бросая ласковый взглядъ на Андрея.

Валентинъ съ чувствомъ пожалъ руку Анны Александровны, и облокотился на спинку кресла, на которомъ сидѣлъ Андрей.

— Вы не можете себя представить, сказалъ онъ, — какъ я радъ нашей встрѣчѣ. Вы не знаете, до какой степени Андрей былъ измученъ: еще день, и онъ или заболѣлъ бы, или сошелъ бы съ ума.

— Бѣдный* Андрей! проговорила Анна: — какое счастье, что

вы были съ нимъ, Валентинъ Львовичъ. Я все знаю: вы были его добрымъ ангеломъ, и надѣюсь, что вы будете продолжать, какъ начали, что вы не оставите его.

— Мнѣ кажется, отвѣчалъ Валентинъ,—что онъ только сегодня нашелъ своего добраго ангела, и что онъ во мнѣ болѣе не нуждается.

— Но вѣдь завтра намъ надо разстаться, а я знаю, что онъ опять будетъ тосковать безъ меня.

На лицѣ Андрея выразился мучительный страхъ.

— Разстаться! зачѣмъ? спросилъ Валентинъ.

— Да, разстаться, Валентинъ Львовичъ. Не гляди на меня такъ печально, Андрей. Оставаться намъ теперь вмѣстѣ невозможно. Я не хочу, чтобы первые дни нашего счастья были отравлены упреками, можетъ-быть справедливыми. Я хочу исполнить всякій долгъ, всякую тѣнь обязанности, связывающей меня съ покойнымъ мужемъ. Я хочу соединиться съ тобою при всѣхъ, гордо и смѣло, съ полнымъ правомъ на себя и на свои дѣйствія.

— Анна, проговорилъ Андрей, и его голосъ звучалъ такъ печально, что она поблѣднѣла,—ты знаешь, Анна, что твое слово для меня законъ, что я скорѣе умру, чѣмъ сдѣлаю шагъ противъ твоей воли... но ты жестока, Анна!

— Чтò жь дѣлать, другъ мой? Развѣ мнѣ легко съ тобою разставаться? Не требуй невозможнаго.

— Ты знаешь, Анна, что я отъ тебя ничего не требую грустно проговорилъ Андрей.—Я недостойнъ и того, чтò ты даешь мнѣ.

Валентина взорвало.

— Ну, такъ если ты этого не требуешь, то я, Анна Александровна, требую этого за него. Боже мой! Неужто вы не видите, что онъ изнемогъ отъ волненій и страданій, что ему нужно немножко счастья, чтобъ ожить, чтобъ окрѣпнуть, чтобы вздохнуть свободнѣе? Неужели вы откажете ему въ этомъ счастьи, изъ какой-то ложной деликатности къ памяти человѣка, котораго вы никогда не любили, изъ уваженія къ толкамъ постороннихъ? Да и кто скажетъ что-нибудь? Кто узнаетъ, путешествуете ли вы одни, или съ нимъ, по глухимъ закоулкамъ Германіи?

Анна Александровна съ изумленіемъ взглянула на него. Его лицо пылало, его глаза блистали.

— Простите, ради Бога, эту странную выходку, прибавилъ

онъ, опуская глаза. — Я такъ люблю Андрея, что невольно говорю за него. Но не за васъ ли говорю я въ то же время? Взгляните въ окно. На дворѣ весна. Вы любите другъ друга; само. Провидѣніе соединило васъ послѣ долгой разлуки. Все вамъ улыбается, и небо и земля. Не отталкивайте отъ себя эту чашу, полную блаженства. Кто знаетъ, вы можетъ-быть испортили бы другъ-другу лучшее время вашей жизни?

Взоръ Анны Александровны переходилъ отъ оживленнаго лица Валентина къ блѣдному, умоляющему лицу Андрея. Она не знала, что отвѣчать. «Зачѣмъ, думала она, все это говорить Завдскій, а не Андрей?»

— У тебя горячій адвокатъ, наконецъ сказала она Андрею. — Въ томъ, что вы говорите, есть доля правды, прибавила она, обращаясь къ Валентину. — Но оставимъ покуда этотъ разговоръ. Утро вечера мудренѣе.

Она встала, и прибавила:

— А теперь, пойдемъ погулять вмѣстѣ. Это тебѣ нужно, Андрей. Ты страшно блѣденъ, мой другъ.

Она надѣла легкую шляпку изъ черныхъ кружевъ, нагнула бѣлую альжерженку и подала руку Андрею.

Всѣ трое медленными шагами направились къ парку. Валентинъ взялъ на себя роль чичероне и сталъ имъ показывать всѣ прелестные уголки, которые онъ открылъ часъ тому назадъ. Андрей и Анна шли молча. Валентинъ лишь изрѣдка заговаривалъ съ ними. Но все то, что онъ говорилъ, было такъ просто и ласково, такъ исполнено участія, что онъ не былъ лишнимъ между ними, что они въ немъ, какъ и въ тихомъ великолѣпнѣй весенняго вечера, видѣли только отраженіе своего безоблачнаго счастья.

Наконецъ они усѣлись на лавочкѣ, тамъ, гдѣ между громадныхъ липъ и дубовъ открывается далекая перспектива на долину Ильмы, на Эттерсбергъ и Бельведере. Солнце, весь день скрытое за прозрачною пеленой тучъ, выбиралось изъ нихъ и обливало красноватымъ золотомъ лужайки, и массы деревъ и рѣдѣющую съ тѣявшихъ облаковъ. Глубже стала тѣнь между столѣтними ильмами, яснѣе выказалось спокойное разнообразіе древесныхъ группъ и ихъ едва распутившейся зелени. Голубая, туманная даль ушла еще далѣе, распадаясь на тысячу плановъ. Надъ ихъ головами съ длинными криками пронеслась стая стрижей, и, вдругъ поворачивая на лету, устремилась прямо къ солнцу и утонула въ его лучахъ. Изъ города

пронесся меланхолическій, неровный звонъ колоколовъ. Анна взглянула на Андрея, потомъ на Валентина. Ея глаза блеснули.

— Андрей, сказала она, — мы не расстанемся. Поѣдемъ вмѣстѣ въ какой-нибудь тихій уголокъ Германіи, или будемъ вмѣстѣ путешествовать подалеже отъ желѣзныхъ дорогъ и русскихъ туристовъ.

Андрей тихо наклонился надъ рукою Анны и прижалъ ее къ своимъ губамъ.

— А что будетъ со мною? грустно проговорилъ Валентинъ.

— Вы, разумеется, ѣдете съ нами, живо проговорила Анна.

— Вдвоемъ намъ путешествовать нельзя. Вы будете нашимъ шарегомъ, прибавила она, улыбаясь.

III.

На другой день послѣ обѣда, наши путешественники сидѣли втроемъ въ вагонѣ и быстро мчались къ Эйзенбаху, чтобы предпринять, по совѣту Валентина, экскурсію по долинамъ и ущельямъ Тюрингервальда. Вотъ пронеслись мимо ихъ огороды и башни Эрфурта, и выше и выше, налѣво отъ дороги, стали подыматься голубыя волны горизонта, и воздушный профиль Инзельберга сталъ ясно рисоваться надъ другими холмами и выше и выше врѣзываться въ безоблачное небо.

Но никто изъ нихъ не смотрѣлъ вдаль. Анна и Андрей гляделись другъ въ друга. Оба они измѣнились въ эти три года разлуки. Андрей похудѣлъ и поблѣднѣлъ, и какая-то горькая черта, казалось, навсегда запечатлѣлась около его тонкихъ губъ. Анна также утратила тотъ постоянный румянецъ, который горѣлъ на ея щекахъ, когда она не была еще замужемъ. Но цвѣтъ лица ея сталъ отъ этого еще нѣжнѣе и тоньше, и та прелестная улыбка, которая и прежде мелькала иногда на ея лицѣ, та улыбка, въ которой участвовалъ и взоръ, и движеніе ея пурпурныхъ, тонко округленныхъ губъ, стала еще живѣе, еще упительнѣе, и чаще озаряла ея черты. Валентинъ также всматривался въ нее. Онъ былъ тонкій цѣнитель женской красоты, и измѣчивая, недостижимая прелесть этого лица все болѣе приковывала его вниманіе. Анна не смущалась его взорами. Ей съ перваго взгляда внушила довѣріе и симпатію изящная наружность и почти дѣтская ласковость Валентина.

И вотъ направо и налѣво отъ дороги стали подыматься скалы, углубляться долины; поѣздъ, замедля ходъ, повер-

нульhalb, и въ гнѣздѣ изумрудной зелени блеснулъ, облитый лучами вечерняго солнца, уютный Эйвенахъ, а надъ нимъ, на горѣ, покрытой вѣковыми дубами, царственный Вартбургъ съ своими шпилями и башнями.

Они еще въ тотъ же вечеръ взобрались на гору, чтобъ-осмотрѣть замокъ. Анна опиралась на руку Андрея, Валентинъ уходилъ впередъ, чтобы не мѣшать ихъ разговорамъ. Этотъ тихій вечеръ, эта величавая обстановка, смягченная роскошью весны, почти переходящей въ лѣто, эти два дня, проведенные съ людьми, такъ страстно любящими другъ друга, все наполнило его душу какимъ-то особеннымъ настроеніемъ, вмѣстѣ сладкимъ и грустнымъ. Когда же онъ дошелъ до верху, когда съ площадки замка передъ нимъ открылась эта дивная перспектива лѣсистыхъ холмовъ и горъ, убѣгающихъ вдаль, этотъ океанъ зелени, въ которомъ переливались всѣ ея оттѣнки, отъ огнистаго изумруда буковъ, поднимающихъ къ его ногамъ свои громадныя вершины, до голубоватаго тумана далекихъ плановъ, убѣгающихъ за горизонтъ, имъ овладѣло такое страстное желаніе чего-то безпредѣльнаго и вѣчнаго, такая тоска о безконечномъ счастьи, что онъ самъ не зналъ, чтѣ съ нимъ дѣлается. Онъ нѣсколько времени неподвижно смотрѣлъ въ даль, потомъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и послѣдовалъ за привратникомъ, который предложилъ ему взглянуть на комнату Лютера. И когда онъ вошелъ въ эту тихую, старую, уютную комнату, когда въ узкое окно передъ нимъ опять блеснула та безбрежная даль, которую онъ только что любовался съ площадки, онъ невольно опустился въ старинныя рѣзные кресла и снова заглядѣлся на синѣющія горы, и снова задумался.

Онъ очнулся только тогда, когда въ комнату вошли Анна и Андрей.

— Вы, кажется, замечтались, Мг. Завадскій, сказала Анна и опустилась въ кресла насупротивъ него.

— Да, замечтался, отвѣчалъ Валентинъ. — Да и есть о чемъ замечтаться въ этотъ чудный вечеръ, и въ этой комнатѣ. Взгляните, какъ здѣсь все замкнуто и тихо, какой полусвѣтъ, какая простота и строгость, а тамъ—какой просторъ, какое сіяніе, какая роскошь! Какое блаженство запереться здѣсь, приковать всѣ свои силы къ великому, къ трудному дѣлу, и смирять безумныя стремленія своего сердца, и смотрѣть въ эту волшебную даль, не отрываясь отъ упорнаго труда, и въ трезвомъ восторгѣ засиживаться за нимъ до поздней ночи, и радостно пробуж-

даться утромъ, чтобы продолжать его. Блаженъ, кому дано это счастье, эта сила. Счастливъ ты, Андрей, что у тебя есть определенное дѣло, что у тебя есть способность дѣйствовать и трудиться!

— Кажется, сказалъ Андрей, — тебѣ нечего завидовать мнѣ. Ты болѣе наслаждаешься своимъ изящнымъ бездѣйствіемъ, чѣмъ я моею дѣятельностію.

— Ты не правъ, Андрей, вмѣшалась Анна, — я убѣждена, Мг. Завадскій, что и вы приметесь за дѣло, что и вы узнаете строгое наслажденіе труда. Въ этомъ ручается мнѣ ваша молодость и то, что вы сказали сейчасъ.

— Какъ бы не такъ! насмѣшливо молвилъ Андрей. — Знаемъ мы эти поэтическіе капризы, эти рѣшенія, принятые въ прекрасный майскій вечеръ, или между двумя бутылками шампанскаго!

— Какъ тебѣ не стыдно такъ говорить, Андрей! воскликнула Анна. — Нѣтъ! Валентинъ Львовичъ, не вѣрьте ему, а вѣрьте себѣ. Не шутите хорошими движеніями, навѣянными на васъ этою дивною природою, этою почтенною комнатою. Это была хорошая минута, и вотъ вамъ память объ ней.

Она встала и взяла со стола одну изъ лютеровскихъ Библій, всегда продающихся въ этой комнатѣ.

— Вотъ вамъ память о Вартбургѣ, повторила она, — и о томъ, что едва знающая васъ женщина имѣла больше довѣрія къ вашимъ благимъ намѣреніямъ, чѣмъ лучшей вашъ другъ.

Валентинъ взялъ Библію и взглянулъ на Анну Александровну. Какъ была она хороша, облитая лучами заходящаго солнца, какъ привѣтно, какъ симпатично сіялъ ея взоръ!

Весело всталъ онъ съ своихъ креселъ и пошелъ вслѣдъ за своими друзьями осматривать остальные зданія замка. Глаза его блестяли. Онъ вдругъ сталъ какъ-то особенно разговорчивъ, и принялся разказывать Аннѣ Александровнѣ всѣ поэтическія легенды о Вартбургѣ, которыя сохранились въ его неистощимой памяти.

— Какъ милъ твой другъ! сказала Анна Андрѣю, когда, на возвратномъ пути, Валентинъ опять ушелъ на нѣсколько шаговъ впередъ. — Я теперь понимаю, почему ты такъ привязался къ нему.

— Да, у него счастливая, богато одаренная натура, отвѣчалъ Андрей, и невольно вздохнулъ.

— Чтò съ тобою, другъ мой? заботливо спросила Анна.

— Ничего.... разсѣянно отвѣчалъ Андрей.

Слѣдующій день былъ употребленъ на посѣщеніе ближайшихъ окрестностей Эйзенаха. Потомъ, наши путешественники углубились въ тихія долины Тюрингенскаго лѣса, медленно переходя отъ одного интереснаго мѣста къ другому, то пѣшкомъ, то на ослахъ, то въ экипажѣ. Погода продолжала стоять великолѣпная. Рѣчки и ручьи были еще полны весенними водами. Изъ каждаго оврага, изъ каждаго ущелья съ веселымъ говоромъ и блескомъ выбѣгали пѣнившіеся потоки, съ обрывовъ слетали серебристою пылью воздушные водопады, пересыхающіе въ юньскіе жары; растительность, развившаяся уже въ равнинахъ до полной роскоши ранняго лѣта, въ горахъ еще сохраняла прелесть ранней весны. Въ тихихъ долинахъ, по склонамъ ихъ, природа, казалось, съ сладостною медлительностію останавливалась на томъ упоительномъ мгновеніи, гдѣ все уже душисто и зелено, но гдѣ все общаетъ еще болѣе роскоши, еще болѣе великолѣпія. Въ уютныхъ ущельяхъ, пригрѣтыя солнцемъ, первыя розы уже начинали распускать свои нѣжные лепестки, выше цвѣли сирени и яблони, еще выше една одѣлись золотистою зеленью дубы и буки.

Андрей не отходилъ отъ Анны: ему надобно было видѣть ея ласковое лицо, слышать ея нѣжный голосъ, чтобы не подумать, что все это дивный сонъ, чтобы вполне вѣрить своему счастью. Между ними происходили долгіе, тихіе разговоры о томъ, какъ прошли для нихъ эти три года, о томъ, какъ они устроятъ свою будущую жизнь въ Москвѣ. Анна разспрашивала Андрея о его намѣреніяхъ, о его планахъ. Но Андрей самъ не хотѣлъ опредѣлить ничего, онъ только хотѣлъ, чтобы все было по ея желанію, чтобы она приказывала ему, распоряжалась его жизнію, какъ ей покажется лучше. И Анна строила воздушные замки, одинъ изящнѣе, поэтичнѣе другаго, и когда ей казалось, что она слишкомъ замечталась, и она обращала вопрошающій взглядъ на Андрея, онъ только отвѣчалъ ей нѣжнымъ взглядомъ, полнымъ глубокой преданности. Могъ ли онъ возразить что-нибудь? Имѣлъ ли онъ право съ чѣмъ-нибудь не согласиться? Развѣ она не отдала себя ему, ему, бѣдному, скучному труженику, она, идеаль красоты и прелести, она, которой онъ былъ недостойнъ? О чемъ могъ онъ мечтать, кромѣ того, какъ бы удалить съ ея пути всякое препятствіе, какъ бы согнать съ ея неба всякую тучу, какъ бы возна-

градить ее. хоть чѣмъ-нибудь за всѣ ея страданія, за всю ея любовь?

Валентинъ между тѣмъ продолжалъ находиться въ сладостномъ чадѣ, навѣянномъ на него весной и присутствіемъ этой женщины, которая съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе приковывала къ себѣ всѣ его мысли. Мало-по-малу онъ пересталъ отдѣляться отъ своихъ друзей, когда они разговаривали между собою. И для него стало необходимостію постоянно видѣть передъ собою Анну Александровну, слышать ея голосъ, встрѣчать ея взоръ. Онъ вполне, безъ оглядки, предавался этому наслажденію. Онъ чувствовалъ, что она его не находитъ лишнимъ, онъ замѣчалъ, что нерѣдко она обращается къ нему, когда заходитъ рѣчь о будущей жизни въ Москвѣ, и втягиваетъ его въ свой интимный разговоръ съ Андреемъ. И дѣйствительно, Аннѣ Александровнѣ было пріятно присутствіе Валентина. Она не могла, хотя бы бессознательно, не почувствовать, что есть стороны въ ея натурѣ, которыя, несмотря на всю любовь къ ней Андрея, не находятъ въ немъ отголоска. Отъ долгихъ ли страданій, отъ усиленной ли сосредоточенности на изученіи чужихъ спеціальныхъ изслѣдованій, его умъ, всегда нѣсколько робкій и скромный, всегда пассивный и лишенный бодрой инициативы, утратилъ даже подвижность и счастливую чуткость юности. Когда живая фантазія Анны увлекала ее за предѣлы той обыденной жизни, того круга понятій, съ которымъ срослась натура Андрея, она невольно, почти бессознательно, обращалась къ Валентину, и его чуткій умъ тотчасъ отзывался на все, и онъ въ свою очередь удивлялъ и увлекалъ ее удалю своей фантазіи, и приковывалъ ее къ себѣ своею веселою самоувѣренностію, своимъ избыткомъ счастья и силы.

Въ такія минуты, Андрей съ какимъ-то грустнымъ восхищеніемъ смотрѣлъ на Анну: «Нѣтъ, думалъ онъ, не мнѣ наполнить ея существованіе, не мнѣ найти отвѣтъ и разрѣшеніе на все то, что кипитъ въ этой душѣ, что сверкаетъ въ этой дивной головкѣ. Мой бѣдный, ограниченный, скучный умъ,—на что онъ тутъ? Я могу только ее любить. Но, Боже мой, дай мнѣ силъ, никогда ни въ чемъ не стѣснять ее, не показать ей, какъ грустно мнѣ подъ часъ, что у меня нѣтъ крыльевъ, дабы подняться за нею. Вѣдь она меня любитъ. Вѣдь она ввѣрила мнѣ всю свою жизнь. О, еслибъ я только могъ сдѣлать, чтобы эта жизнь была свѣтла и спокойна, какъ эта свѣтлая весна, чтобы она никогда не пожалѣла, что отдала ее мнѣ.

И онъ самъ старался втягивать Валентина въ свои разговоры съ Анной, самъ съ намѣреніемъ сталъ отступать на второй планъ, когда между ними завязывалась веселая болтовня.

Анна, съ своей стороны, мало-по-малу, до того привыкла къ этому дополненію въ своихъ отношеніяхъ къ Андрею, что ей чего-то не доставало, когда Валентина не было съ ними. Но Валентинъ скоро опять присоединялся къ ихъ разговору, и все шло такъ хорошо, такъ просто между ними, что Анна долго не замѣчала перемѣны, которая произошла въ Андрѣ. Дѣйствительно, грустное чувство, которое лежало на днѣ его души, неволью иногда отражалось въ его взорѣ, и отъ Анны не ускользнуло, что раза два, когда, среди разговора съ нимъ, она вдругъ обращалась къ его другу, легкая тѣнь пробѣгала по его лицу, и на губахъ становилась еще рѣзче та горькая черта, которая никогда ихъ не покидала.

Но сознательно эта перемѣна въ первый разъ поразила Анну Александровну однажды утромъ, на другой день послѣ долгой и утомительной прогулки по живописной долинкѣ, подымающійся отъ Тамбаха. Вотъ какъ это случилось:

Они вернулись оттуда часу въ одиннадцатомъ. Было уже совершенно темно. Въ то время, какъ они подходили къ гостиницѣ, полная луна поднялась изъ-за лѣса, и покрыла серебристою дымкой странныя угловатыя скалы, стоящія у входа въ долину.

Валентинъ, во все время прогулки безъ умолку говорившій съ Анной, отсталъ на сотню шаговъ, любуясь нѣжною игрой свѣта и тѣни на шероховатой поверхности сѣраго трахмта.

— Наконецъ-то мы добрались до дому, сказалъ Андрей съ видимымъ удовольствіемъ.

— Посмотри-ка, сказала Анна, — какъ хороши эти скалы при лунномъ свѣтѣ, и какъ темно сдѣлалось тамъ внизу, подъ лѣсомъ.

— Да, сказалъ разсѣянно, но весело, Андрей, — это великолепно.

Онъ вовсе не видѣлъ того, на что смотрѣла Анна. Онъ былъ радъ тому, что онъ остался съ нею наединѣ. Ему хотѣлось въ этотъ вечеръ поговорить съ нею о многомъ, онъ хотѣлъ попросить ее войти поскорѣе въ гостиницу, пока не догналъ ихъ Валентинъ, и позволить ему посидѣть съ нею въ ея комнатѣ.

Но Анна не дала ему времени сказать того, что вертѣлось у него на языкѣ.

— Я вижу, что ты усталъ, мой другъ, сказала она,—и что тебѣ не до красоты природы. Валентинъ Львовичъ! кликнула она:—подите-ка сюда, посмотрите, какъ хорошо отсюда, изъ тѣни, смотрѣть на горы, освѣщенные луною.

Валентинъ поспѣшилъ къ дому. Андрея словно кольнуло въ сердце. Онъ смолчалъ, и Анна не замѣтила легкой судороги, пробѣжавшей по его лицу. Она смотрѣла въ даль.

— Вотъ что, Валентинъ Львовичъ, продолжала Анна, — пройдемъ-ка вотъ до этого пригорка. Это всего два шага, отсюда мы, должно-быть, увидимъ Инзельбергъ.

— И прекрасно, отвѣчалъ Валентинъ.—Въ такой чудный вечеръ грѣшно запирается въ душную комнату. Ты пойдешь съ нами, Андрей?

— Нѣтъ, я усталъ, сказалъ Андрей слабымъ голосомъ и сѣлъ на ступеньки крыльца.

«На что я имъ? продолжалъ онъ мысленно, съ горькою улыбкою: я съ ними лишній. Не наговорились, видно, еще сегодня.»

Онъ задумался, вглядываясь въ удалявшіяся фигуры Валентина и Анны, и вдругъ ему показалось, что онъ очень глупъ, что его воображеніе создаетъ призраки, что напрасно онъ не пошелъ съ ними.

«Что мудренаго, думалъ онъ, что ей весело съ Валентиномъ? Онъ такъ милъ и безпеченъ, такъ свѣжъ и молодъ. Вѣдь она любитъ меня, несмотря на мою хандру и угловатость. Да сохранить меня Богъ воздать ей за ея любовь тираннической ревностію и мелочною требовательностію. Пусть она дѣлаетъ все, все, что ей по сердцу, даже пусть иногда забываетъ меня, только бы она была счастлива.»

Валентинъ и Анна уже исчезли изъ виду, но отъ времени до времени звонкій воздухъ ночи доносилъ до Андрея звуки ихъ голосовъ или дружный смѣхъ.

Онъ всталъ и пошелъ за ними. До пригорка, на который пошли они, было всего шаговъ триста. Дорожка медленно подымалась, извиваясь между одинокими деревьями и мелкимъ кустарникомъ. Онъ уже былъ близокъ отъ мѣста, откуда открывался видъ въ даль, какъ вдругъ онъ остановился. До его слуха явственно долетѣли слѣдующія слова:

— Андрей хорошо сдѣлалъ, что остался, говорилъ Валентинъ: — онъ бы сталъ торопить насъ домой, а здѣсь такъ хорошо!

— Да, здѣсь хорошо, задумчиво проговорила Анна, — я очень рада, что мы съ вами догадались пройти досюда...

Больше Андрей не могъ ничего слышать. Голова его закружилась, сердце его упало. Онъ потерялъ всякую бодрость и тихо пошелъ назадъ. На полудорогѣ стояла каменная скамейка, и онъ въ изнеможениі опустился на нее. Въ его умѣ снова, мучительно-безсвязно, запевелось все тѣ, что уже не разъ безсознательно терзало его воображеніе. И все, что до тѣхъ поръ бродило въ немъ неясно, вдругъ стало облекаться въ живые, осязательные образы. Уже онъ видѣлъ себя снова оставленнымъ, покинутымъ, забытымъ. Снова смертельный холодъ безнадежности оладѣлъ его душою, снова другой, грезилось ему, занималъ то мѣсто, на которое онъ, безумный, воображалъ, что одинъ имѣеть право.

Съ площадки снова раздался звонкій смѣхъ.

Андрей схватилъ себя за голову, побѣжалъ въ гостиницу и заперся въ свою комнату.

Долго сидѣлъ онъ, не раздѣтый, неподвижный, на своей кровати. Долго твердилъ онъ себѣ все то, что могло разувѣрить его въ страшномъ предположеніи, которое мелькнуло въ его умѣ. И дѣйствительно, размысливъ хорошенько, онъ убѣдился, что еще не имѣеть никакихъ причинъ сомнѣваться въ любви Анны. Развѣ въ словахъ, слышанныхъ имъ, заключалось хоть что-нибудь подозрительное? Развѣ измѣнилась сколько-нибудь ея всегдашняя нѣжность? Развѣ она въ разговорѣ съ Валентиномъ избѣгала когда-нибудь участія Андрея? Развѣ самая ея дружба къ Валентину не была основана на ея благодарности за его попеченія объ Андрѣ, на участіи, которое Валентинъ принималъ въ ихъ любви? Все это, и многое другое говорилъ себѣ Андрей, и наконецъ уснулъ, вполонину успокоенный. Но сонъ его безпрестанно былъ прерываемъ страшными видѣніями, воплощавшими все то, что представляло ему въ теченіи вечера его разстроенное воображеніе, и онъ проснулся на другое утро измученный и печальный.

Когда Анна Александровна встрѣтила его въ общей комнатѣ, ее поразила напряженность его физиономіи.

— Долго ты вчера гуляла съ Валентиномъ? сказалъ онъ, напрасно стараясь казаться равнодушнымъ.

Передъ умомъ Анны внезапно, какъ молнія, блеснула причина всего того, что иногда удивляло ее въ Андрѣ.

— Мы вернулись тотчасъ послѣ тебя, тихо проговорила она,

и подумала: «онъ ревнуетъ меня къ Валентину, въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя.»

Это открытiе огорчило, почти испугало Анну. Она рѣшилась быть осторожнѣе съ Валентиномъ, мало-по-малу удалиться отъ него. Она стала избѣгать съ нимъ тѣхъ разговоровъ, въ которыхъ, она знала, Андрей не любилъ принимать участiя. Она удвоила свою нѣжность къ Андрею, стала заботливо искать его взоровъ, когда онъ молчалъ, стала чаще говорить съ нимъ въ полголоса, такъ, чтобы Валентинъ не могъ вмѣшиваться въ ихъ разговоръ. Но все это мало помогало. Валентинъ такъ привыкъ быть третьимъ между ними, онъ съ такою непринужденностию и естественностию сохранялъ свои прежнiя отношенiя къ ней, что трудно было измѣнить въ нихъ что-нибудь. Иногда Аннѣ казалось, что все это ей только почудилось, что она напрасно вноситъ напряженность и искусственность въ отношенiя, которыя такъ хороши, такъ безукоризненны. Минутами, ей становилось досадно на Андрея, который оскорблялъ ея любовь своими странными подозрѣнiями. Но иногда, среди веселаго разговора съ Валентиномъ, она съ испугомъ замѣчала, что его голосъ, его безпечная живость имѣють надъ нею какую-то странную власть, что она должна сдѣлать усилiе, чтобы освободиться отъ обаянiя его свѣтлаго, нѣжнаго взгляда. Тогда она старалась казаться холодною къ нему, но онъ какъ-то однимъ поворотомъ рѣчи, однимъ намекомъ снова повертывалъ разговоръ на прежнюю колею, и Анна неловко прерывала его, чтобы заговорить съ Андреемъ, который, молчаливый и грустный, шелъ возлѣ нея.

Наконецъ это положенiе стало нестерпимымъ, и Анна рѣшилась покончить его объясненiемъ съ Валентиномъ. Случай къ такому объясненiю вскорѣ представился.

IV.

Это было въ Бухенроде, гдѣ наши путешественники остановились около полудня. Пообѣдавши подъ навѣсомъ скромной гостиницы, они рѣшились провести остатокъ дня и переночевать въ этомъ очаровательномъ уголкѣ, чтобы хорошенько отдохнуть. Тотчасъ послѣ обѣда, Валентинъ, несмотря на палящiй жаръ, пошелъ бродить по роскошнымъ лугамъ, разсти-

лающимъ на днѣ долины. Андрей, не привыкшій къ путешествіямъ такого рода, былъ утомленъ десятидневнымъ странствованіемъ по горамъ. Анна упросила его лечь спать въ тѣнистой свѣжей комнатѣ, которую предложила ему радушная хозяйка, а сама расположилась подъ группою столѣтнихъ буковъ, у самаго ручья, разостлавъ подъ собою пледы молодыхъ людей, въ видѣ ковра. Это мѣсто было особенно тихо и уютно. Передъ нею, на другой сторонѣ ручья, поднималась почти отвѣсно великолѣпная стѣна зелени: крутой обрывъ былъ покрытъ разнообразнымъ листовеннымъ лѣсомъ, и лучи солнца, скользя по его вершинамъ, обрисовывали каймами зеленого золота каждое дерево, каждый кустарникъ. Направо виднѣлась узкая трещина, ведущая въ глубокое ущелье, изъ котораго вытекалъ ручей; изъ его таинственной полумглы вѣяло прохладой и влагой. Налѣво долина все болѣе и болѣе расширялась, лишь изрѣдка пересѣкаемая выдавшеюся скалой, и по ней, прихотливо извинаясь и все шире разливаясь, убѣгалъ ручей, увлекая за собою взоръ въ синѣющую даль, гдѣ виднѣлись волнистыя горы.

Анна Александровна развернула книгу, потомъ лѣниво опустила ее и задумалась. Ей было жаль Андрея, досадно на себя. Она сознавала, что недоразумѣніе, вкравшееся между ними, должно прекратиться, что для этого имъ надобно разстаться съ Валентиномъ, остаться наединѣ, что только тогда ей удастся успокоить робкое, болѣзненно-любящее сердце своего друга. А между тѣмъ, ей становилось жаль своего веселаго, безпечнаго спутника, ей казалось, что вмѣстѣ съ нимъ изъ ихъ отношеній исчезнетъ что-то хорошее и свѣтлое. Она такъ свылась съ мыслию, что они еще долго будутъ путешествовать втроемъ, имъ было такъ хорошо эти двѣ недѣли!

Взоръ Анны скользнулъ вдоль зеленой долины. Все было тихо и свѣтло, все дремало полуденнымъ сладкимъ сномъ. Лишь ручей говорливо дробился о камни своего логовища, да въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ нея, между кустарниками берега, мелькала стройная фигура Валентина. Онъ разсыянно бродилъ вдоль воды, отъ времени до времени нагибаясь, чтобы поднять камышекъ, или сорвать цвѣтокъ.

«И къ чему намъ разставаться? подумала Анна. Къ чему огорчать челоуѣка, который такъ привязанъ въ Андрею, къ чему дѣлать первый шагъ къ разрыву, который можетъ сдѣлаться вѣчнымъ? Онъ такъ добръ и такъ любитъ Андрея, онъ такъ тонокъ при всей своей искренности, что самъ пойметъ ложность

моего положенія, самъ поможетъ мнѣ изъ него выйти. Да онъ уже понялъ все. Онъ съ умысломъ оставляетъ меня одну, и удаляется во время отсутствія Андрея. Я напрасно мучилась всѣми этими грезами. Андрей еще не привыкъ къ нашему счастью, къ тому же онъ утомленъ, вотъ и все. Съ сегодняшняго дня все опять пойдетъ на ладъ.»

Дѣйствительно, Валентинъ исчезъ въ одномъ изъ лѣсковъ, подступавшихъ къ рѣчкѣ, и Анна еще спокойнѣе взглянула на роскошную картину, раскинутую передъ нею. Она облокотилась на мшистый камень, выдавшійся изъ высокой травы, и подперши голову рукой, предалась тѣмъ неопредѣленнымъ сладкимъ грезамъ, въ которыя, казалось, была погружена вся окружающая ее природа.

Но вдругъ легкій шорохъ заставилъ ее вздрогнуть. Изъ-подъ высокого берега ручья передъ ней выросъ Валентинъ, и положилъ къ ея ногамъ цѣлый снопокъ шиповника, бѣлыхъ анемоновъ и душистой жимолости.

Потомъ онъ самъ тихо опустился на траву возлѣ Анны Александровны и взглянулъ ей въ глаза своими свѣтлыми, ласковыми глазами. Его щеки горѣли. Онъ бросилъ свою сѣрую шляпу и откинулъ назадъ свои густыя кудри. Лучъ солнца, скользнувъ по нимъ, оживилъ золотистымъ отблескомъ ихъ темныя волны. На его полуоткрытыхъ губахъ блуждала полунѣжная, полугрустная улыбка. Анна смутилась. Она снова почувствовала, что этотъ взоръ имѣетъ надъ нею какую-то магическую силу. Она хотѣла что-то сказать, она хотѣла взглянуть на него холодно, и не могла.

— Анна Александровна, сказалъ онъ наконецъ тихо,—позвольте мнѣ посидѣть и поговорить съ вами, если вы не расположены читать.

Анна кивнула головой.

— И я хотѣла поговорить съ вами, Мг. Завадскій, сказала она не твердымъ голосомъ, выпрямляясь и опираясь на камень, на которомъ покоилась передъ тѣмъ ея голова.

Валентинъ вопросительно взглянулъ на нее.

— Я хотѣла поговорить съ вами объ Андрѣ. Онъ все это время какъ-то грустенъ.

— Да, разсѣянно отвѣчалъ Валентинъ,—онъ утомленъ, и его нервы разстроены всѣми волненіями этихъ послѣднихъ недѣль.

Анна покачала головой.

— Это пройдетъ, прибавилъ Валентинъ.

— Его грусть беспокоитъ меня, продолжала Анна. — Тутъ есть нѣчто другое, чѣмъ нервное разстройство, чѣмъ усталость....

— Чтѣ вы хотите сказать? съ безпокойствомъ спросилъ Валентинъ.

— Я хочу сказать, что если эта грусть имѣетъ другую причину, и мы имѣемъ средство устранить ее, то мы должны, мы обязаны это сдѣлать.

Валентинъ поблѣднѣлъ.

— Я угадываю, чтѣ вы хотите сказать, проговорилъ онъ, и взглянулъ на нее такимъ умоляющимъ взоромъ, что она опять смутилась.—Но ради Бога, не говорите этого, подождите....

— Нечего ждать болѣе, строго сказала Анна.—У меня до васъ есть просьба, которую вы должны исполнить.

— Не требуйте отъ меня невозможнаго! тихо проговорилъ Валентинъ.

— Невозможнаго! Вы бредите, Валентинъ Львовичъ, или не понимаете меня, сказала Анна, испуганная выраженіемъ его лица.

— О, я слишкомъ хорошо понимаю васъ! возразилъ Валентинъ съ горькою улыбкой.—Вы хотите, чтобъ я оставилъ васъ; вамъ жаль тѣхъ немногихъ минутъ вашего счастья, которыя вы дѣлили со мною. Вы хотите пожертвовать капризу вашего Андрея всѣми моими радостями, всѣмъ, чѣмъ я живу!

— Чтѣ вы говорите? Опомнитесь! Вы забываете, что Андрей мой мужъ!

— Нѣтъ, онъ вамъ не мужъ, и еслибъ онъ и былъ имъ, я все-таки не замолкъ бы. И вы думаете, что этотъ человекъ васъ любитъ? О, вы не знаете, чтѣ такое любовь! Онъ только покоряется вамъ. Развѣ можно вамъ не покориться? Но я, я васъ люблю, и не уступлю васъ никому на свѣтѣ!

Холодъ пробѣжалъ по всѣмъ жиламъ Анны. Она хотѣла встать, и не могла. Но минутное выраженіе гнѣва уже исчезло съ лица Валентина. Онъ снова почти съ дѣтскою довѣрчивостію смотрѣлъ ей въ глаза.

— Вѣдь вы не сердитесь на меня за то, что я сказалъ вамъ это? говорилъ онъ тихимъ голосомъ.—О, я знаю, что вы не сердитесь; я знаю, что въ вашемъ сердцѣ есть мѣсто для меня.

Вѣдь вы его не любите, вы не можете его любить, а васъ не любить невозможно!

Анна Александровна встала, блѣдная и дрожащая.

— Подите прочь! сказала она:—вы меня оскорбляете! И вдругъ слезы хлынули изъ ея глазъ.

Валентинъ взглянулъ на нее. Въ его взорѣ вдругъ блеснула такая страсть, такая безконечная нѣжность, что снова дрожь пробѣжала по ея жиламъ. Онъ охватилъ ея колѣни, онъ заговорилъ скоро, безсвязно, самъ обливаясь слезами.

— Я, я оскорбилъ васъ, Анна! Боже мой, какъ могло это случиться! Вѣдь я люблю тебя, Анна, люблю тебя всѣми силами моей души! Развѣ я могу говорить съ тобой иначе? Развѣ я могу не молить тебя о любви? Развѣ я могу не обнимать твои колѣна? На свѣтѣ только и есть, что ты, да твоя любовь! И ты полюбишь меня, я этому вѣрю, потому что безъ этой вѣры я бы умеръ!

Анна наконецъ очнулась. Гордость, страхъ, какое-то смутное раскаяніе заговорили въ ней. Она сильною рукой оттолкнула Валентина.

— Я васъ не люблю, сказала онъ твердымъ голосомъ, — я люблю Андрея. Оставьте меня!

Валентинъ въ какомъ-то тупомъ онѣмѣніи упалъ на траву. Когда онъ пришелъ въ себя, Анны уже не было. Онъ вскочилъ, и самъ не зная, чтò дѣлаетъ, чтобы чѣмъ-нибудь успокоить свое безумное волненіе, побѣжалъ вдоль ручья, туда, гдѣ гдѣсь былъ особенно густъ и темень.

Машинально спѣшилъ онъ по узкой тропинкѣ, и скоро очутился между двумя отвѣсными скалами, у входа въ узкое ущелье, изъ котораго, пѣнясь и сверкая, выбѣгалъ ручей. Безъ оглядки вошелъ онъ въ ущелье: ему хотѣлось куда-нибудь скрыться отъ этого яркаго солнца, отъ этого яснаго неба, насмѣшливо сіявшаго ему въ глаза, ему хотѣлось мрака и тишины. И онъ торопливо пробирался впередъ по узкой стезѣ, то подымавшейся въ гору, то опускавшейся на дно ущелья, къ самой водѣ. Онъ не видѣлъ и не слышалъ, чтò происходило вокругъ него. Сквозь громкія бѣнія его сердца ему только грезился гнѣвный голосъ Анны, ея блѣдное, испуганное лицо. Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, чтò случилось, онъ не упрекалъ себя; онъ только чувствовалъ какую-то нестерпимую боль въ сердцѣ, какую-то давящую тяжесть на груди.

Но мало-по-малу, глубокая тишина и влажная прохлада

охватившія его при входѣ въ ущелье, успокоили его бунтовавшую кровь, освѣжили его горѣвшую голову. Онъ остановился, онъ оглянулся. Направо и налѣво скалистыя стѣны высоко-высоко подымались зубчатыми уступами, вознося подь самое небо воздушныя группы деревъ: на ихъ вершинахъ играло яркое солнце, а внизъ проникалъ лишь лазурный отблескъ узкой полосы неба, бѣжавшей надъ его головой. У его ногъ глухо грохоталъ ручей и надъ пѣнившеею водою неподвижно висѣли широкія листья сочныхъ травъ и вѣтки кустарниковъ; увлажненные его брызгами, камни берега зеленѣли изумруднымъ мхомъ. И сзади и спереди, ущелье, поворачивая въ сторону, словно отдѣляло его отъ всего міра непроходимую стѣной.

«Боже мой! подумалъ Валентинъ, что я сдѣлалъ! Теперь все кончено. Она меня не любитъ, и намъ нужно разстаться навѣки. Я оскорбилъ, я испугалъ ее, я поступилъ какъ безумецъ!»

И онъ опять безъ оглядки побѣжалъ впередъ, вдоль ручья, смутно вслушиваясь въ шумъ его говорливыхъ пороговъ, то усиливавшійся, то ослабѣвавшій по мѣрѣ того, какъ онъ ихъ оставлялъ за собой. И впереди уже слышался шумъ новаго водопада, а Валентинъ все спѣшилъ впередъ, самъ не зная, что дѣлаетъ. Тропинка становилась все уже и уже, и почти исчезала, сливаясь съ каменными плитами, по которымъ бѣжалъ ручей, едва оставляя проходъ между своимъ русломъ и отвѣсною стѣной долины. И все тѣснѣе и тѣснѣе становилось вокругъ, и видъ страшныхъ скалъ, нависшихъ съ обѣихъ сторонъ, сжималъ сердце и захватывалъ дыханіе. Но вдругъ ущелье круто повернуло вправо, и неожиданный блескъ ослѣпилъ Валентина. Передъ нимъ открылась небольшая котловина, со всѣхъ сторонъ окруженная отвѣсными скалами. Противъ него, съ вышины падалъ серебристымъ отблескомъ ручей. Онъ весь разсыпался въ воздухъ, и лишь въ нѣкоторомъ разстояніи снова сливался въ безчисленныя жилки, которыя съ легкимъ говоромъ стекались въ одно общее русло. Кругомъ, въ дикомъ великолѣпнѣи зеленѣли кусты и деревья, гигантскіе папоротники и высокія цвѣтуція травы. Все вокругъ было такъ тихо, такъ роскошно, такъ душисто и свѣтло, что на Валентина снова нашелъ какой-то припадокъ безумной нѣжности, какая-то жажда счастья, какая-то увѣренность въ его возможности. Онъ бросился на высокую траву, въ тѣни развѣсистаго клена, онъ прижалъ въ нѣжному мху у его корней свою горячую грудь, онъ, какъ въ бреду, заговорилъ самъ съ собою:

«Она не любить его, она не может его любить, она будет моя. Я заставлю ее любить меня. Я не отстану от нея. Она всегда, вездѣ будетъ видѣть меня, будетъ видѣть, какая страсть жжетъ и оцѣпляетъ меня. Она меня полюбитъ.»

И цѣлый рядъ грезъ, одна радужнѣе, одна упоительнѣе другой, пронеслись въ его возбужденномъ воображеніи. И тихо сверкая и радужно переливаясь, лился передъ нимъ серебристый занавѣсъ водопада, и неподвижные цвѣтки, смотрѣвшіе ему въ глаза, лишь изрѣдка наклонялись, чтобъ уронить долетѣвшія до нихъ капли, и снова подымали свои душистыя головки, и говоръ ручья долеталъ изъ ущелья, такой тихій и нѣжный, все такъ ласкало его слухъ, такъ улыбалось его взору, что, казалось, не было причинъ, чтобъ эти мечты не сбылись.

«Я безумецъ, говорилъ онъ самъ себѣ, о чемъ я мечтаю?... Андрей....»

Но неугомонный потокъ невольныхъ мечтаній перерывалъ въ немъ сознательную мысль, и онъ опускалъ голову на мягкій мохъ и предавался этому волшебному потоку....

Между тѣмъ Анна, оставивъ Валентина, инстинктивно, сама не зная чтò дѣлаетъ, быстро пошла въ домъ къ Андрею. Она остановилась въ общей залѣ, едва переводя дыханіе. Дверь въ его комнату была заперта: онъ еще спалъ. Анна вдругъ опомнилась, и на нее напалъ страхъ. Чтò, еслибъ Андрей вдругъ увидѣлъ ее въ такомъ волненіи, чтò она сказала бъ ему? И она еще поспѣшнѣе, чѣмъ пришла, снова вышла изъ гостиницы и направилась къ ручью.

— Нѣтъ, онъ не долженъ узнать этого, говорила она сама себѣ.—Надобно всему этому положить конецъ, и сейчасъ же. Надобно сказать Валентину, что его долгъ, мое спокойствіе, счастье друга, все требуетъ, чтобъ онъ оставилъ насъ, подъ какимъ онъ хочетъ предлогомъ, пока Андрей еще ничего не знаетъ. Онъ очнется, это пройдетъ, это безумная вспышка слишкомъ горячаго воображенія.

И она стала искать глазами Валентина. Но его не было видно. Она побродила между высокими деревьями, вдоль ручья. Она тревожно вернулась въ гостиницу. Андрей все еще спалъ. Она снова пошла къ ручью, съ твердымъ намѣреніемъ отыскать Валентина. У дороги сидѣла дѣвочка и плела корзинку.

— Не видала ли ты молодого господина, который пріѣхалъ вмѣстѣ съ нами? спросила ее Анна.

— Онъ пошелъ вонъ туда, отвѣчала дѣвочка, указывая на ущелье, — къ водопаду.

Анна задумалась на мгновение.

— А куда еще ведетъ эта тропинка? сказала она.

— Больше никуда. Дальше водопада не пройдешь. Онъ навѣрное тамъ: я все тутъ сидѣла, и онъ не возвращался.

Анна взглянула на гостиницу. Холодная дрожь пробѣжала по ея тѣлу при мысли объ Андреѣ. Она быстро рѣшилась и пошла по тропинкѣ.

Безъ оглядки спѣшила она впередъ. Уже солнце склонялось къ западу. Въ ущельѣ становилось темно. Безконечно длиною показалась ей извилистая тропинка. Сердце ея болѣзненно билось. Но она чувствовала, что она не можетъ вернуться, что она будетъ не въ силахъ взглянуть на Андрея, если не объяснится сперва съ Валентиномъ.

Наконецъ тропинка вывела ее на неизбежную лужайку. Уже солнца въ ней не было, но на высотѣ еще пурпурно сіяли скалы и стволы старыхъ сосенъ, изумрудно горѣла зелень, и нѣжный полусвѣтъ, окружавшій Анну, показался ей яркимъ послѣ мрачнаго ущелья. Ея взоръ разсѣянно скользнулъ по водопаду, и остановился на спящемъ Валентинѣ. Какой-то неясный страхъ мгновенно мелькнулъ въ ея воображеніи и захватилъ ей дыханіе. Она быстро подошла къ нему, и вздохнула свободнѣе. Валентинъ спалъ на мягкой травѣ, съ движеніемъ почти дѣтскимъ откинувъ руку за голову. Подъ его длинными опущенными рѣсницами игралъ яркій румянецъ. Его полуоткрытыя губы неопредѣленно улыбались.

Анна посмотрѣла на него: онъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Его поразила лазурная полутьма, замѣнившая золотистое освѣщеніе лужайки. Издали долетало механхолическое звяканье колокольчиковъ отъ проходившаго на вершинѣ стада. Онъ поднялъ глаза. Передъ нимъ, блѣдная и неподвижная, стояла Анна.

Въ глазахъ Валентина вдругъ блеснула безумная радость.

— Вы здѣсь! воскликнулъ онъ. — Это не сонъ... вы меня любите...

Но Анна остановила его холоднымъ взглядомъ и повелительнымъ движеніемъ руки.

— Вы бредите, Мг. Завадскій, сказала она. — Прошу васъ со-

браться съ мыслями и выслушать меня со вниманіемъ. Вы понимаете, что послѣ того, что произошло сегодня, намъ надобно разстаться. Вы понимаете, что Андрей не долженъ ничего знать. Я пришла сюда, чтобы вамъ напомнить это. Итакъ, въ первомъ городѣ, до котораго мы доѣдемъ, вы придумаете предлогъ, вы скажете, что получили важное письмо, вы сдѣлаете, что хотите, но вы оставите насъ.

Валентинъ стоялъ неподвижно, съ потупленною головой. Сладкій хмѣль, въ которомъ онъ находился цѣлый день, словно вдругъ спалъ съ него и уступилъ мѣсто твердой, непреклонной рѣшимости. Онъ взглянулъ на Анну долгимъ, смѣлымъ, страстнымъ взоромъ.

— Вы правы, проговорилъ онъ тихо. — Я виноватъ передъ Андреемъ. Я повинуюсь. Я завтра же оставляю васъ. Но не думайте, чтобы я уступилъ васъ ему. Поѣзжайте съ нимъ, старайтесь разогрѣвать въ вашемъ сердцѣ эту воображаемую любовь, силитесь обманывать себя и его. Это не можетъ продолжаться. Вы сами скоро увидите, что это невозможно, что вы созданы не для такой любви. И тогда вы меня опять увидите. И я буду васъ преслѣдовать вездѣ, и я не отстану отъ васъ, потому что люблю васъ всѣми силами моей души, и чувствую и знаю, что вы моя, что никто васъ у меня не отниметъ.

Его глаза сверкали, его голосъ дрожалъ отъ сдержанной страсти. Аннѣ стало страшно. Она взглянула на него почти умоляющимъ взоромъ.

— Я васъ прошу только объ одномъ, сказала она нетвердымъ голосомъ: — уѣзжайте завтра же.

При звукѣ ея измѣненнаго голоса, у Валентина затрепетали всѣ фибры сердца, кровь кинулась ему въ голову, ужъ онъ былъ готовъ въ новомъ припадкѣ безумной страсти броситься къ ея ногамъ, обнять ея колѣна. Но онъ сдѣлалъ усиліе надъ собою и отрывисто проговорилъ:

— Я уже сказалъ вамъ, что повинуюсь, что завтра же я расстаюсь съ вами... Но уже поздно. Темнѣетъ. Пойдемте.

Онъ подалъ ей руку, на которую она оперлась дрожащею рукой. Дѣйствительно становилось поздно. Въ глубинѣ, у ручья, было почти совершенно темно, и Анна чувствовала, что ея ноги подкашиваются, что лишь сильная и ловкая рука Валентина мѣшаетъ ей упасть, поскользнувшись на влажныхъ камняхъ узкой тропинки. Они шли молча, и ихъ взоры не

встрѣчались. Смутно было на душѣ у Анны, и ущелье, казалось не имѣло конца.

Въ это время Андрей, проснувшись послѣ тяжелаго, утомительнаго сна, вышелъ изъ гостиницы и сталъ искать своихъ спутниковъ.

Сердце его чуяло что-то недоброе, и въ головѣ его тѣснились тревожныя мысли.

« Боже мой, думалъ онъ, неужто это правда? Неужто все это счастье было сонъ, и онъ ужъ проходить? Неужто опять прежняя жизнь, безъ радости, безъ надежды? Нѣтъ у меня силъ на это! Сжался надо мной, Боже милостивый!»

Онъ пошелъ по дорогѣ, онъ походилъ вдоль ручья. Никого не было видно. Имъ овладѣла тоскливая тревога. Та же дѣвочка еще сидѣла у дороги, доплетая свою корзинку. Андрей обратился къ ней съ вопросомъ объ Аннѣ.

— Барыня пошла къ молодому барину, что прїѣхалъ съ вами, спокойно отвѣчала дѣвочка. — Они тамъ, у водопада.

У Андрея потемнѣло въ глазахъ и кровь застучала въ вискахъ. Онъ самъ не помнилъ, какъ дошелъ до ручья, и упалъ на траву.

Долго сидѣлъ онъ тамъ, закрывъ лицо руками.

« Безумецъ, говорилъ онъ самъ себѣ, и я могъ вѣрить своему счастью! Развѣ я созданъ для счастья? Куда мнѣ, измученному, состарившемуся, сломанному, еще жить, еще быть любимымъ? Это была мечта... но Боже мой, гдѣ мнѣ взять силъ, чтобы съ нею разстаться!»

Легкій шорохъ заставилъ его оглянуться. Изъ ущелья выходили Валентинъ и Анна. Онъ всталъ и пошелъ имъ навстрѣчу. Уже солнце сѣло, но онъ и въ сумеркахъ могъ замѣтить, что оба они взволнованы и блѣдны. Всѣ трое молча, избѣгая взглянуть другъ на друга, пошли къ дому. Вдругъ, проходя мимо большаго бука, Анна вздрогнула. На примятой травѣ еще лежали пледы, и тамъ, гдѣ были протянуты ея ноги, остались шиповники и анемоны. Она отвернулась и быстро пошла впередъ. Андрея обдало холодомъ.

V.

На другой день, по просьбѣ Анны, наняли коляску, чтобы къ вечеру добхать въ Ильменау. День съ утра былъ жарокъ и душень; безоблачное, но мутное небо казалось раскаленнымъ. Коляска катилась по пыльной каменистой дорогѣ, то хвойнымъ лѣсомъ, неподвижнымъ и удушливо пахучимъ, то подымалась на полугорку, и тогда виднѣлись долины, подернутыя мглою, и призрачныя очертанія горъ. Душно и смутно, какъ въ воздухѣ, было на душѣ путешественниковъ. Андрей сидѣлъ неподвижно, въ безмолвномъ оцѣпенѣніи. Его лицо снова приняло свое обычное, напряженное и грустное выраженіе. Анна не смѣла поднять на него глазъ, не смѣла сказать ему ласковое слово. Она нѣсколько разъ хотѣла завести съ нимъ разговоръ, сказать ему что-нибудь нѣжное. Но противъ нея сидѣлъ Валентинъ, и его поблѣднѣвшее лицо, его слишкомъ выразительный взглядъ, иногда неволью останавливавшійся на ней, смущали ея совѣсть и заставляли ея языкъ цѣпенѣть. Валентину также было тяжело. Его душа, не привыкшая къ мучительнымъ ощущеніямъ, инстинктивно силилась страхнуть съ себя сознаніе о винѣ противъ Андрея, его воображеніе представляло ему невозможные случаи, которые могли бы вдругъ развязать, освободить отъ всякаго нравственнаго обязательства и его, и Анну, его умъ старался доказать его совѣсти, что этихъ обязательствъ вовсе нѣтъ; но неугомонная совѣсть все снова указывала ему на разстроенное лицо Анны, на растерянный, убитый взоръ Андрея. Докучная дѣйствительность вступала въ свои права и разрушала все то, что строила его встревоженная мысль, и въ ней оставалось только одно сознаніе о его любви къ Аннѣ, о любви, которая сильнѣе и дружбы, и долга, и собственной его воли. А коляска медленно катилась по гористой дорогѣ, и все выше подымалось палящее солнце, и все удушливѣе становилось въ воздухѣ.

Путники остановились только для короткаго, молчаливаго обѣда, на которомъ никто почти не ѣлъ, и поспѣшили ѣхать далѣе.

Уже день склонялся къ вечеру. Жара становилась невыно-

симою. Сизая мгла, весь день лежавшая на горизонтѣ, разросталась и темнѣла, и наконецъ черною, грозною тучей надвинулась на небо. Валентинъ и Анна жадно слѣдили взоромъ за ея страшно быстрымъ движеніемъ. Обои мнѣ невольно думалось, что вотъ-вотъ грянетъ громъ, хлынетъ дождь, и освѣжить воздухъ и землю, и на душѣ имъ станетъ легче. Андрей, казалось, ничего не видѣлъ. Скоро послышались грозные перебаты; все небо одѣлось въ однообразную свинцовую пелену, и по коляскѣ, быстро вѣзжавшей въ опустѣлыя улицы Ильменау, застучали первыя, широкія капли. Окрестныя горы исчезли въ туманѣ, величавый гулъ вѣтра въ столѣтнихъ соснахъ раздавался въ воздухѣ, молнія слѣдовала за молніей, и ударъ за ударомъ. Когда коляска остановилась передъ почтовою гостиницей, дождь хлынулъ, какъ изъ ведра.

Буря была страшная. Окна дрожали, блескъ молній каждую минуту ослаблялъ оторопѣлую прислугу, суетившуюся около пріѣзжихъ. Раскаты грома не прекращались.

Каждый изъ путешественниковъ спросилъ себѣ отдѣльную комнату.

Наставала рѣшительная минута. Валентинъ, къ испугу кельнеровъ, велѣлъ тотчасъ заложить себѣ лошадей, и пошелъ въ комнату Анны.

Она сидѣла у окна и смотрѣла въ бурное небо. Въ комнатѣ было почти совершенно темно. Валентинъ остановился передъ нею.

— Прощайте, Анна Александровна, сказалъ онъ тихо.—Я сейчасъ ѣду.

Яркая молнія вдругъ озарила комнату, и тотчасъ за нею съ страшнымъ трескомъ разразился громъ.

— Какъ! въ эту страшную грозу? невольно проговорила Анна.— Дождитесь разсвѣта.

— Благодарю васъ, сказалъ Валентинъ, и быстро схвативъ ея руку, прижалъ ее къ губамъ.

Въ эту минуту къ дверямъ, послѣ долгой, мучительной нерѣшительности, подходилъ Андрей.

«Все кончено!» подумалъ онъ, махнулъ рукой и ушелъ въ свою комнату, гдѣ заперся на ключъ.

— Итакъ, прощайте, сказала Анна дрожащимъ голосомъ, отдергивая свою руку.— Дай Богъ вамъ счастья.

Валентинъ ушелъ. Анна долго сидѣла у окна, и глядѣла на молніи. Буря все продолжалась.

Ночью она почти не спала. Нѣсколько разъ она слышала голоса и шумъ шаговъ, и стукъ подъѣзжавшихъ и уѣзжавшихъ экипажей. Нѣсколько разъ дождь снова начиналъ барабанить въ окна, снова сверкали молніи и раскатывалъ громъ.

Къ утру Анна уснула тревожнымъ сномъ и проснулась съ сильнымъ біеніемъ сердца. Уже было совершенно свѣтло. Съ неба, покрытаго прозрачною бѣлою пеленой падалъ тихій, мелкій дождь.

Анна наскоро одѣлась и позвонила. Вошла служанка и подала ей письмо.

— Это отъ господина, который уѣхалъ нынче ночью, прибавила она.

Холодъ пробѣжалъ по жиламъ Анны. Это былъ почеркъ Андрея.

«Прощайте, Анна Александровна, писалъ онъ, мы никогда болѣе не увидимся. Я все понялъ, вы меня не любите. Вамъ было жаль меня, моей любви, моихъ страданій. Вы захотѣли возвратить мнѣ жизнь, воскресить мое погибшее счастье: вы безконечно добры, Анна Александровна. Но это было невозможно. Рушилась послѣдняя безумная мечта моего сердца. Простите мнѣ, забудьте меня, и будьте счастливы. У меня нѣтъ силъ видѣть васъ еще разъ, нѣтъ силъ писать болѣе. Прощайте.»

Анна сидѣла, какъ окаменѣлая, съ этимъ письмомъ въ рукахъ, вперивъ мутный взглядъ въ узоры ковра.

— Нѣтъ, это не любовь... проговорила она медленно;—онъ никогда не зналъ, что такое любить!

И къ ея сердцу прихлынула такая тоска, такое отчаяніе, такое смутное раскаяніе, что дыханіе ея остановилось, что въ глазахъ у нея потемнѣло.

Но въ эту минуту за дверью послышались голоса. Служанка отворила ее и скрылась, и въ комнату вошелъ Валентинъ. Онъ, взволнованный и блѣдный, остановился передъ Анною.

— Онъ уѣхалъ, тихо проговорилъ онъ.

— Уѣхалъ, повторила Анна, и слезы вдругъ хлынули изъ ея глазъ.

Валентинъ тихо опустился къ ея ногамъ, и прижалъ свои горячія губы къ ея холоднымъ рукамъ.

Между тѣмъ, легкая туманная дымка, застилавшая небо, разодралась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и солнце, проглянувши въ одинъ изъ этихъ просвѣтовъ, вдругъ облило яркими лучами

всю комнату, и заставило Анну невольно открыть глаза. Валентинъ все еще былъ у ея ногъ, блѣдный и грустный, и смотрѣлъ ей въ лицо съ безконечною нѣжностію. Въ ея душѣ словно что-то перевернулось, словно пелена спала у нея съ глазъ. Она наклонилась къ нему. Она сильнымъ движеніемъ притянула его къ себѣ, и прижала его къ своему сердцу.

— Но вы, вы меня любите, молвила она, — и вы меня не оставите!

Нѣсколько недѣль послѣ того, Анна Александровна обвинчалась съ Валентиномъ Львовичемъ въ висбаденской церкви. Они до сихъ поръ очень молоды и счастливы.

Андрей снова принялся за прежнюю жизнь. Онъ работаетъ много, даже слишкомъ много. Онъ очень состарѣлся и похудѣлъ въ эти послѣдніе года. Доктора говорятъ, что если онъ не побережется, то можетъ нажить себѣ чахотку.

С. Рачинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

В Е Ч Е Р О М Ъ .

Умолкъ шумъ улицъ. Поздно.
Чернѣетъ неба сводъ,
И тучи идутъ грозно,
Какъ витязи въ походъ.

На темныя ихъ рати
Смотрю я изъ окна,
И вспомнились — не кстати —
Другія времена.

Тѣ дни, — ихъ было мало, —
Тотъ мимолетный срокъ,
Когда я ожидала,
И слышался звонокъ,

Та повѣсть безъ развязки...
Ужель и нынѣ мнѣ
Всей этой старой сказки
Забуть нельзя вполне?

Я стихла, я довольна;
Безуміе прошло.
Но все мнѣ что-то больно,—
И что-то тяжело...

К. П А В Л О В А .

* * *

Среди событій ежечасныхъ
Какой мнѣ сонъ волнуетъ умъ?
Откуда взрывъ давно безгласныхъ
И малодушныхъ, и напрасныхъ,
И неумѣстныхъ нынѣ думъ?

Изъ-подъ холоднаго покрыва
Ужель встанетъ нѣмая тѣнь?
Ужели я, теперь, готова,
Черезъ двадцать лѣтъ, заплакать снова,
Какъ въ тотъ весенній грустный день?

Внимая гулу жизни шумной,
Твердя толпы пустой языкъ,
Боялась, словно вещи чумной,
Я этой горести безумной
Коснуться сердцемъ хоть на мигъ.

Ужель бывшее, какъ отрада,
Мнѣ нынѣ помнится въ тиши?
Ужели утомлять я рада,
Хоть этимъ кубкомъ, полнымъ льда,
Всѣ жажды тщетныя души?

К. ПЛѢВОВА.

СОВРЕМЕННАЯ

ЛѢТОПИСЬ

РУССКАГО ВѢСТНИКА

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ-ТРЕТІЙ.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
указанное число экземпляровъ. Москва, 17-го сентября 1859 года.

Ценсоръ *А. Драгуновъ.*

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Брюссель, 12 сентября 1839.

М. Г.

Прежде всего я долженъ извиниться передъ вами въ томъ, что вотъ уже слишкомъ шесть мѣсяцевъ, какъ я перервалъ мою экономическую корреспонденцію, которую вы принимали такъ благосклонно. Нѣсколько дней спустя по отправленіи моего послѣдняго письма, дѣла приняли такой оборотъ, что привели меня—признаюсь вамъ—въ совершенное отчаяніе. Нѣсколько лѣтъ сряду, вмѣстѣ съ друзьями своими, я старался снова дать ходъ политикѣ экономическихъ реформъ и общественныхъ улучшеній, которую совершенно устранила безразсудная и слѣпая реакція консерватизма, послѣдовавшая за революціонными безпорядками и заблужденіями социалистовъ. Мы употребляли всѣ усилія, чтобы доказать высшимъ классамъ, находившимся еще подъ влияніемъ потрясеній 1848 года, что можно быть реформаторомъ, не будучи ни революционеромъ, ни социалистомъ; мы даже старались убѣдить ихъ, что единственное средство уничтожить всѣ попытки революционеровъ и лишить социалистовъ всякаго значенія, состоитъ въ постепенномъ развитіи разумныхъ экономическихъ реформъ, посредствомъ которыхъ можно совершить то матеріальное и нравственное улучшение участи массъ, за которое взялись—было революція и социализмъ, но котораго совершить они были не въ состояніи; другими словами, мы хотѣли противопоставить несбыточнымъ химерамъ глашатаевъ социальной революціи благотворную дѣйствительность. Конечно, подобное предпріятіе сопряжено было съ безчисленными затрудненіями. Съ одной стороны, массы, только что взволнованныя проповѣдниками социализма, смотрѣли на насъ, экономистовъ, противо-дѣйствовавшихъ утопіямъ 1848 года, какъ на враговъ народа, какъ на писателей, подкупленныхъ буржуазіей; съ другой стороны, высшіе классы, рукоплескавшіе намъ, когда мы защищали принципъ собственности противъ социалистовъ и демагоговъ, значительно поохладѣли къ намъ теперь, когда мы дерзнули выступить противъ монополій, которыя, подобно сорнымъ травамъ, выросли на собственности, и когда мы противопоставили этимъ

монополіямъ, подавляющимъ массы, принципъ свободнаго труда и свободной торговли; были готовы обвинять насъ, что мы перешли въ непріятельскій лагерь, и объявить торжественно, что та самая политическая экономія, которую почитали наукой, по преимуществу консервативною и даже реакціонною, пока она отстаивала собственность, обратилась въ науку социалистическую и революціонную, когда она дерзнула возобновить свою пропаганду въ пользу свободы. Несмотря на то, мы не отчаивались побѣдить предразсудки и недовѣрчивость, которые возстали противъ насъ въ одно время и сверху и снизу. Мы не отчаивались доказать массамъ, что если мы, послѣ 1848 года, отстаивали собственность, то дѣйствовали столько же въ ихъ интересахъ, сколько въ интересахъ класса собственниковъ; мы не отчаивались доказать классу собственниковъ, что, выставляя въ настоящее время превосходство принципа свободы надъ монополіями, мы служимъ ихъ твердымъ и прочнымъ интересамъ столько же, сколько интересамъ массъ. Такимъ образомъ, полные мужества и надежды, мы начали реформистическую пропаганду, прерванную революціей 1848 г. и послѣдовавшею за нею реакціей; первымъ дѣломъ нашимъ было направить противъ старинной крѣпости запретительной системы наръзанную пушку *ассоціаціи въ пользу таможенной реформы*, и намъ удалось возбудить общее вниманіе къ нашимъ трудамъ; уже готова была совершиться таможенная реформа, которая бы повела къ другимъ болѣе важнымъ реформамъ, къ совершенному преобразованію нашей системы налоговъ, нашего законодательства, относящагося къ рабочимъ классамъ, и пр. и пр., какъ вдругъ событія дали совершенно иное направленіе общественнымъ мыслямъ, и, говоря мифологическимъ языкомъ, который такъ любили наши отцы, Марсъ однимъ ударомъ божественной стопы разсѣялъ нашъ экономическій муравейникъ. Движеніе, возрожденіе котораго стоило намъ такихъ усилій, еще разъ остановилось: нѣтъ и рѣчи о таможенной реформѣ; еще менѣе объ уменьшеніи налоговъ; попытайтесь въ самомъ дѣлѣ уменьшить налоги, когда вездѣ увеличиваются расходы, когда обыкновенныя средства недостаточны и должно пополнять ихъ займами! Не знаю, довольны ли политики настоящимъ положеніемъ Европы, но ужь конечно для экономистовъ въ немъ нѣтъ ничего утѣшительнаго.

Въ послѣдней моей корреспонденціи я разсматривалъ, можетъ ли еще въ наше время война, какъ бы законны ни были ея побужденія, служить дѣлу цивилизаціи и свободы, и не прочтѣ ли, не выгоды ли будетъ прогрессъ, если водворять его не силой, а мирными средствами. Вы помните, что, во имя прогресса, я говорилъ противъ войны. Противорѣчатъ ли моему мнѣнію событія, которыхъ театромъ была Италия въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ? Не думаю.

Въ настоящую минуту невозможно составить балансъ итальянской войны. Это дѣло не конченное, и потому нѣтъ средствъ еще заключить счеты, выставляя *дебетъ* и *кредитъ* и показывая приращеніе или дефицитъ въ счетъ прибыли и убытка цивилизаціи.

До сихъ поръ результаты военныхъ дѣйствій, какъ мнѣ кажется, не могутъ еще покрыть издержекъ. Чего же въ самомъ дѣлѣ достигли побѣдители? Они достигли того, что 2.800.000 жителей Ломбардіи избавятся отъ австрійскаго владычества и присоединятся къ Сардинскому королевству. Что же касается до герцогствъ и легатствъ, то участь ихъ еще не рѣшена, хотя и можно надѣяться, что ихъ не подчинятъ насильно правленію, отъ котораго они освободились, и что имъ позволятъ распорядиться своею участію.

Вотъ каковы до сихъ поръ результаты итальянской войны. Какъ велика цѣнность этихъ результатовъ, цѣной какихъ пожертвованій пріобрѣтены они?—вотъ, что надлежитъ теперь рассмотреть и взвѣсить.

Безспорно, уничтоженіе владычества Австріи надъ частью Италіи и ослабленіе ея вліянія на всемъ полуостровѣ имѣетъ свое значеніе. Но какъ знать, прочны ли эти результаты? Что сила совершила сегодня, не можетъ ли того и разрушить завтра та же самая сила? Австрія, владѣя Венеціанскою областью и знаменитымъ четырехсторонникомъ, не воспользуется ли первымъ благоприятнымъ случаемъ, чтобы возвратить себѣ войной то, что у нея отняла война? Безъ сомнѣнія, французское правительство постарается поддержать дѣло рукъ своихъ, но французскія правительства могутъ ли сами полагаться на прочность своего существованія? Въ состояніи ли Франція доставить Италіи надежную гарантію противъ Австріи? Наконецъ, не раздѣлена ли сама Италія на пылкія и непримиримыя партіи? Кто можетъ поручиться, чтобы Австрія не сохранила съ нею тайныхъ сношеній, и чтобы не наступила минута, когда призовутъ въ Италію Австрійцевъ, чтобы избавиться отъ Сардинцевъ и Французовъ, какъ призвали послѣднихъ, чтобы избавиться отъ Австрійцевъ?

Во всякомъ случаѣ, государства, освобожденные войной, должны будутъ устраивать и поддерживать грозныя и разорительныя средства защиты. Имъ необходимо будетъ воздвигать новыя крѣпости; имъ необходимо будетъ имѣть наготовѣ сильное постоянное войско. Отсюда является необходимость удерживать большіе налоги, которые, какъ и всегда, падутъ тяжкимъ бременемъ на массу народа. Будутъ ли, по крайней мѣрѣ, жители вознаграждены за эти жертвы какимъ-нибудь приращеніемъ благосостоянія и свободы? Очень можетъ быть, что высшіе классы, которые

займутъ общественныя должности, прежде занятыя иностранцами, выиграютъ отъ такой перемены, но низшіе классы, самыя многочисленныя (не должно забывать этого), найдутъ ли въ этомъ замѣтное улучшение своей участи? Не опасно ли будетъ для нихъ самовластіе новыхъ правительственныхъ классовъ, которое, будучи сдѣлено такъ долго, можетъ обнаружиться вдругъ и во всей силѣ?

Если предположить, что они начнутъ въ Италіи, какъ то было въ другихъ мѣстахъ, умножать общественныя должности и создавать въ свою пользу финансовыя, промышленныя и торговыя монополіи, то не почувствуетъ ли масса народонаселенія, которой придется за все расплачиваться, что благосостояніе ея не увеличивается, а уменьшается? Намъ возразить можетъ—быть, что она будетъ обезпечена конституціонными учрежденіями. Положимъ, такъ, но конституціонныя учрежденія не составляютъ всеобщаго лѣкарства, и опытомъ дознано, что они не всегда ведутъ къ хорошимъ результатамъ. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ разрѣшаются они на практикѣ? Устройствомъ *законодательнаго сословія*, составленнаго изъ высшихъ классовъ, и наложеніемъ политической опеки на низшіе классы. Но если классы, составляющіе законодательное сословіе, не имѣютъ ни познаній, ни нравственныхъ качествъ, необходимыхъ для выполненія всѣхъ должностей и обязанностей своего опекунства, если въ государствѣ, гдѣ общественныя повинности очень велики, гдѣ необходимость національной защиты требуетъ содержанія многочисленнаго и разорительнаго постоянного войска, правительственные классы преимущественно отягощаютъ ими массу народа, если они будутъ считать бюджетъ, уплачиваемый всѣми, лакомымъ кускомъ, который слѣдуетъ подѣлить между вліятельными членами законодательнаго сословія и ихъ созданіями, неужели же подобный порядокъ вещей будетъ настоящимъ прогрессомъ для массъ?

Я нисколько не намѣренъ безусловно порицать конституціонное правленіе. Если это правленіе можетъ приносить роскошныя и вкусныя плоды, когда оно посажено на доброй почвѣ, когда правительственный классъ отличается разумною дѣятельностію и нравственными качествами, то, совершенно наоборотъ, плоды его горьки и гнилы, когда почва дурна, когда правительственный классъ находитъ въ немъ только средство жить въ изобиліи насчетъ бюджета, имъ же составленнаго и безпрерывно увеличиваемаго. Какъ бы ни была хороша конституція, если классы, которымъ она ввѣряетъ государственное управленіе и политическую опеку надъ массами, никуда не годятся, то она сдѣлается въ ихъ рукахъ орудіемъ собственнаго обогащенія и гнетомъ для народа. Въ иныхъ случаяхъ, во главѣ правленія лучше даже поставить

олигархію, которая не такъ многочисленна, и отъ того насытится скорѣе и обойдется дешевле. Конечно, въ правленіи конституціонномъ есть преимущества, которыя могутъ обезпечивать права и интересы классовъ, находящихся подъ опекою, такъ напримѣръ свобода ассоціацій, свобода печати и слова. Но въ государствахъ, гдѣ процвѣтаетъ наполеоновскій кодексъ,—кодексъ, замѣчу мимоходомъ, слишкомъ уже прославляемый,—свободы ассоціацій не существуетъ для низшихъ классовъ; ассоціаціи работниковъ почти всегда оканчиваются преслѣдованіемъ и уничтоженіемъ ихъ въ силу статей, запрещающихъ коалицію. Что же касается до свободы печати и слова, то она, сама по себѣ, какъ доказываетъ опытъ, составляетъ ненадежное обезпеченіе противъ произвола господствующихъ классовъ, всегда готовыхъ воспользоваться своимъ политическимъ положеніемъ, чтобы стѣснить ее. Ораторамъ и журналистамъ, которые вздумаютъ въ Италіи защищать общіе интересы противъ частныхъ интересовъ того класса, которому ввѣрено право составленія законовъ, тотчасъ же зажмутъ ротъ. Не имѣли ли мы, при самомъ началѣ войны, яснаго доказательства, какъ мало обращаютъ вниманія такъ-называемые италіянскіе либералы на свободу печати и трибуны? Не успѣли ли они устранить ее въ угодность своему великодушному союзнику? Спѣшатъ ли они возстановить ее? Не видимъ ли мы теперь, какъ одинъ изъ самыхъ крайнихъ либераловъ бывшаго піемонтскаго парламента, г. Ратацци, произвольно задерживаетъ журналы съ предувѣдомленіемъ и безъ предувѣдомленія, совершенно такъ, какъ поступилъ бы абсолютистъ стараго закала? Не видимъ ли мы наконецъ, что эти самые либералы, которые такъ произвольно обращаются съ свободой печати и съ другими конституціонными гарантіями, стараются даже не признавать самаго принципа, которому они хотѣли доставить торжество, какъ утверждали они, возжигая пламя войны въ Италіи и во всемъ мірѣ: я разумю право народовъ пользоваться самоуправленіемъ и избирать себѣ правительство? Въ ту самую минуту, когда они съ наибольшимъ жаромъ поддерживали этотъ принципъ, чтобы побудить герцогства и легатства присоединиться къ Піемонту, не сопротивлялись ли они манифестаціямъ, обнаружившимся въ Савоіи въ пользу присоединенія ея къ Франціи? Повторю еще разъ, конституціонныя постановленія могутъ сдѣлаться неоцѣненнымъ приобрѣтеніемъ для народа, но при непремѣнномъ условіи, чтобъ охраненіе ихъ было ввѣрено такому классу, который бы обладалъ достаточными для того познаніями и нравственными качествами; въ противномъ случаѣ они поведутъ только къ безпорядкамъ и разврату. Нѣтъ сомнѣнія, что деспотическія правительства Италіи были ненавистны для всѣхъ; но достаточно ли будетъ для возрожденія

Италіи замѣнить ихъ насильственно-навязанными и убыточными правительствами, которыя будутъ величать себя названіемъ конституціонныхъ? Сомнѣваюсь.

II.

Если я не вижу еще существенныхъ благъ, которыя можетъ извлечь изъ войны италіанскій народъ, то я слишкомъ хорошо вижу бѣдства, причиненныя ею, не говоря уже о тѣхъ, которыя еще грозятъ намъ. *Кредитъ* войны еще гадательный, *дебетъ* на противъ того слишкомъ вѣренъ и положительнъ.

Трудно исчислить съ точностію, какую потерю людей повлекла за собою краткая кампанія, начавшаяся 29 апрѣля переходомъ черезъ Тессино и окончившаяся 11 іюля миромъ въ Виллафранкѣ. По офиціальнымъ извѣстіямъ, потеря на поляхъ сраженій не превышаетъ 60 тысячъ человекъ; но если прибавить къ этому людей, умершихъ отъ ранъ въ госпиталяхъ и другихъ мѣстахъ, то цифра эта, конечно, дойдетъ до 100 тысячъ человекъ. Я очень хорошо знаю, что потери такого рода ни во что не ставятся. При окончаніи кампаній, очень тщательно вычисляють все, чего стоила война, сколько истрачено провіанта, боевыхъ снарядовъ, оружія, лошадей и пр.; но ни мало не заботятся о людяхъ, выбывшихъ изъ строя. А почему? потому что конскрипція, иначе военное рабство, позволяетъ замѣщать ихъ почти безъ издержекъ. Стоитъ только призвать конскриптовъ, и солдаты, павшіе на полѣ битвы или умершіе въ госпиталяхъ, будутъ замѣщены новыми. Неужели же эта потеря менѣе значительна, нежели потеря лошадей или муловъ, и неужели она не подлежитъ оцѣнкѣ? Припомнимъ хоть то, что человекъ представляетъ собою капиталъ. Исчислите, чего стоило воспитать, выкормить, обучить 100 тысячъ человекъ, достигшихъ двадцатилѣтняго возраста, другими словами, исчислите *расходы по производству* ста тысячъ человекъ, и вы получите одинъ изъ элементовъ этой оцѣнки. Исчислите потомъ ихъ производительную силу, и вы получите другой ея элементъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ высшее духовное значеніе человека; оно выше всякой цѣны. Но человекъ имѣетъ несомнѣнно и экономическую цѣну. Въ Соединенныхъ Штатахъ цѣнность негра-невольника, въ цвѣтъ лѣтъ, полагается среднею цѣною въ 6.000 фр., а часто и больше. Въ Европѣ, гдѣ много рабочихъ рукъ, человекъ, въ экономическомъ отношеніи, стоитъ дешевле, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Со всѣмъ тѣмъ, едва ли кто-нибудь найдетъ, что мы преувеличиваемъ, полагая въ 5.000 фр. среднюю цѣнность здороваго

конскрипта, принадлежащаго къ поколѣнію, изъ котораго устранены всѣ личности слабыя или изувѣченныя. По этой цѣнѣ потеря ста тысячъ человекъ, унесенныхъ войною, равнялась бы потерѣ капитала въ 500 милліоновъ франковъ. На кого же падаетъ эта потеря? Безъ сомнѣнія на все общество; но не поражаетъ ли она болѣе всего семействъ, которыя выставили конскриптовъ, и которыя, издержавши извѣстную сумму на ихъ воспитаніе (сумму, представляющую извѣстное количество труда и лишеній для цѣлаго семейства), остаются безъ ихъ помощи? Этотъ кровавый налогъ, какъ справедливо называютъ его, не говоря о томъ, что онъ лишаетъ жизни существа, созданныя по образу и подобию Божію, не поражаетъ ли онъ всею тягостію своею самыя многочисленныя и бѣдныя классы не только въ ихъ сердечныхъ привязанностяхъ, но и въ доходахъ?

Налѣгать подобныя экономическія жертвы на народъ для осуществленія какихъ-нибудь политическихъ комбинацій, для замѣны въ какомъ-нибудь государствѣ одного правительства другимъ, не значитъ ли принимать на себя страшную отвѣтственность? А еслибъ еще возможно было исчислить всѣ страданія насильственной смерти и жестокихъ увѣчевъ, перенесенныя такимъ множествомъ людей, отданныхъ въ добычу дикому генію войны? Еслибы возможно было взвѣсить, оцѣнить всѣ семейныя печали, всѣ разбитыя привязанности, всѣ погибшія надежды? Кто бы дерзнулъ начать войну, составилъ себѣ ясное понятіе о громадныхъ бѣдствіяхъ, сопряженныхъ съ этимъ страшнымъ бичомъ?

Но возвратимся въ область политической экономіи. Война потребляетъ не однихъ только людей; она потребляетъ продовольствіе и боевые снаряды всякаго рода. Это самая убыточная изъ всѣхъ отраслей промышленности. Она поглащаетъ громадные капиталы, и никогда ихъ не воспроизводитъ. Капиталы эти пріобрѣтаются воюющими державами или посредствомъ чрезвычайныхъ налоговъ и займовъ, или посредствомъ военныхъ контрибуцій, собираемыхъ съ непріятеля.

Австрія, совершенно истощенная, должна была прибѣгать разомъ ко всѣмъ этимъ средствамъ. Она пыталась заключить въ Лондонѣ заемъ въ 6 милл. фунт. стерл.; она открыла также внутрѣнный заемъ въ 200 милліоновъ флориновъ, предписавъ насильственный заемъ въ 75 милл. флориновъ звонкою монетою; придала еще разъ принудительный курсъ билетамъ вѣнскаго банка, для того, чтобы имѣть возможность дѣлать во всякое время займы въ этомъ кредитномъ установленіи; наконецъ она увеличила налоги, и при самомъ началѣ кампаніи вознамѣрилась продовольствовать свою армію посредствомъ военныхъ контрибуцій, взимаемыхъ натурою съ непріятельской земли. Франція съ своей стороны

заклучила заемъ въ 500 милліоновъ франковъ, и истратила ихъ въ нѣсколько мѣсяцевъ; Сардинія также заклучала займы въ 50 милліоновъ франковъ, при началѣ кампаніи, по общественной подпискѣ, потомъ въ 33 милліона въ банкахъ туринскомъ и савойскомъ, въ замѣнъ принудительнаго курса, упроченнаго за билетами этихъ банковъ; теперь она намѣревается заклучить новый заемъ во 100 милліоновъ; наконецъ сардинское правительство ко всѣмъ этимъ налогамъ прибавило еще *военную десятину (décime de guerre)*. При этомъ случаѣ я припомню, что во Франціи, во время первой имперіи, къ военнымъ налогамъ также прибавили военную десятину, и что эта десятина, которая, какъ само собою разумѣется, должна была прекратиться при окончаніи войны, постоянно собирается до нашего времени. Дай Богъ, чтобы въ Сардиніи было иначе! Но это еще не все. Итальянская война побудила нейтральныя государства, большія и малыя, увеличить свои вооруженія на случай европейской войны. Преимущественно передъ другими на военную ногу стала Германія, и кромѣ огромныхъ убытковъ, причиненныхъ ея производительности мобилизаціей ландвера, заставившею цвѣтъ ея работниковъ покинуть свои мастерскія или конторы и на нѣсколько недѣль стать подъ знамена въ ожиданіи похода, она должна была дѣлать большія издержки и прибѣгать къ чрезвычайнымъ средствамъ. Пруссія увеличила свои налоги и заняла 50 милл. талеровъ; Баварія заняла 4 милліона, Виртембергъ 2.300.000 флориновъ. Всѣ прочія государства, начиная съ Англіи и оканчивая Бельгіей, также увеличили свои военные расходы, и на эти расходы надо было прискивать источники, или въ увеличеніи податей или въ займахъ. (Англія уже возстановила свой *income-tax*, а Бельгія готовится къ совершенію займа.) Вотъ положительные расходы, вызванные во всей Европѣ итальянскою войной! Если же мы прибавимъ къ этому потери, которыя постигли финансовый міръ при пониженіи и неожиданныхъ колебаніяхъ общественныхъ фондовъ и промышленныхъ цѣнностей, и потери, еще болѣе значительныя, происшедшія отъ общаго застоя въ дѣлахъ со времени открытія итальянскаго кризиса; если мы прибавимъ наконецъ ко всему этому потери, понесенныя цивилизаціей вслѣдствіе остановки во всѣхъ реформахъ экономическихъ, административныхъ и другихъ, то не придется ли мы къ страшному *дебету*? И этотъ дебетъ не разрѣшается ли окончательно уменьшеніемъ матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія, уменьшеніемъ самыхъ элементовъ цивилизаціи для всѣхъ вообще европейскихъ народовъ? Повторяю еще разъ, что теперь невозможно представить полный балансъ войны, потому что кризисъ, вызванный военною политикой въ началѣ года, до сихъ поръ еще не конченъ. Мы присутство-

вали только при его первомъ актѣ: но уже не трудно предвидѣть, что *кредитъ* прогресса, который можетъ эта война доставить Италіи, останется гораздо ниже *дебета* расходовъ и потерь, которыхъ она стоила Европѣ и самой Италіи.

Я держусь своего мнѣнія, — и дай Богъ, чтобы событія не слишкомъ оправдали его, — что военная политика породитъ въ Италіи однѣ кровавыя и безплодныя конвульсіи, посреди суетнаго шума звучныхъ словъ. Я держусь того мнѣнія, что Италіи, для своего возрожденія, гораздо бы лучше было прибѣгнуть къ мирной политикѣ, отвергнуть вооруженное вмѣшательство въ дѣла свод Франціи или какой бы то ни было державы и довольствоваться симпатіями иностранцевъ и содѣйствіемъ ихъ капиталовъ. Железныя дороги, предпринятія съ помощію англійскихъ и французскихъ капиталовъ, начинали уже перерѣзывать почву Италіи. Всѣ отрасли производства не замедлили бы двинуться впередъ, а по мѣрѣ того, какъ развивается промышленность въ какой-нибудь странѣ, утверждается въ ней безопасность и неразлучная спутница ея, свобода. Иностранные капиталы совершили бы возрожденіе Италіи гораздо вѣрнѣе и выгоднѣе, чѣмъ зуавы и туркосу, и опытъ доказалъ бы еще разъ, что локомотивы суть орудія прогресса болѣе дѣйствительныя и дешевыя, чѣмъ пушки, будь онѣ хоть наръзныя.

III.

Итакъ, я не могу восхищаться войной, которая, по моему мнѣнію, будетъ гибельна для Италіи, каковы бы ни были ея окончательные результаты. Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ предметамъ менѣе печальнымъ, позвольте мнѣ остановиться на минуту еще на двухъ вопросахъ, которые она возбудила, и которыхъ разрѣшеніе должно интересоватъ всѣ образованные народы. Эти вопросы касаются займовъ и военныхъ контрибуцій.

Имѣетъ ли право правительство совершать по своему произволу займы для военныхъ издержекъ? Имѣетъ ли оно право обременять будущія поколѣнія большею частію тягостей войны, принятой для настоящаго поколѣнія? Таковъ первый вопросъ, подлежащій разсмотрѣнію. Вопросъ этотъ не новъ. Еще въ началѣ нашего вѣка онъ сильно занималъ знаменитаго Джефферсона въ его уединеніи въ Монтичелло. И вотъ какою теоріей онъ разрѣшалъ его:

«Всякое правительство, говоритъ онъ, которое желаетъ сохранить свой кредитъ, не употребляя его во зло, должно при-

нять за основаніе своихъ дѣйствій мудрое правило *никогда не занимать ни одного доллара, не назначивши въ то же время налога, достаточнаго для уплаты процентовъ и возвращенія капитала въ опредѣленный срокъ, и считать подобный налогъ какъ бы въ залогъ у кредиторовъ подъ гарантіей общественнаго довѣрія*. При подобномъ залогѣ, который всѣ привыкнувъ почитать священнымъ, правительство всегда будетъ увѣрено, что получить за *уверенные проценты* всѣ свободные капиталы гражданъ; въ то же время, необходимость соразмѣрять налоги съ цифрой долга предохранитъ его отъ излишнихъ расходовъ, отъ банкротства и отъ неминуемыхъ слѣдствій его, революцій. Впрочемъ срокъ выкупа долженъ быть ограниченный; онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ переходить за предѣлы законной власти того, кто совершаетъ заемъ. Но спросить меня, какіе предѣлы возможно начертать для этой власти? Кто можетъ запретить правительству совершить заемъ непрерывный? На это я отвѣчаю: законы природы.

• Земля принадлежитъ живымъ, а не мертвымъ. По закону природы, воля и власть челоуѣка оканчиваются вмѣстѣ съ его жизнью. Нѣкоторыя общества продолжаютъ искусственное владѣтельство той и другой для поощренія промышленности; другія не допускаютъ ничего подобнаго; таковы сосѣди наши туземцы, которыхъ мы называемъ дикарями. Поколѣнія челоуѣческія можно разсматривать, какъ нравственные лица или корпораціи. Каждое поколѣніе пользуется землей въ продолженіи всего своего существованія; когда это существованіе прекратилось, пользованіе землей переходитъ совершенно свободно и безъ всякихъ повинностей къ послѣдующему поколѣнію, и такимъ образомъ отъ одного поколѣнія къ другому до безконечности. Мы можемъ почитать каждое поколѣніе какъ бы особою націей, которая имѣетъ полное право принимать на себя обязательства съ согласія большинства членовъ, ее составляющихъ, но которая не имѣетъ никакого права связывать чѣмъ-либо послѣдующее поколѣніе, точно такъ же, какъ не имѣетъ права налагать какія-нибудь обязанности на чужую страну. Положеніе его можно еще сравнить съ положеніемъ челоуѣка, пользующагося пожизненно какимъ-нибудь имѣніемъ: онъ можетъ заложить его для уплаты долговъ на все время, пока онъ имъ пользуется; но по смерти его, его преемникъ (самъ пользующійся имѣніемъ пожизненно) получаетъ имѣніе, свободное отъ всѣхъ повинностей.

• Періодъ поколѣнія или срокъ его существованія опредѣляется закономъ смертности, который, слабо измѣняясь подѣ влияніемъ климата, даетъ возможность установить средній выводъ, извлеченный изъ наблюденій. Беру напримѣръ таблицы, составлен-

ные Бюффономъ на 23.994 смертные случая, съ указаніемъ возраста, въ который они послѣдовали, и нахожу въ нихъ, что изъ даннаго числа индивидуумовъ всякаго возраста, существующихъ въ данную минуту, половина перестанетъ жить по истеченіи 24-хъ лѣтъ и 8-ми мѣсяцевъ. Но оставляя въ сторонѣ малолѣтнихъ, (которые не участвуютъ въ правительствѣ), половина общаго числа взрослыхъ, существующихъ въ данную эпоху, большинство которыхъ заключаетъ договоры отъ имени всего общества, исчезнетъ по прошествіи 18-ти лѣтъ и 8-ми мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, спустя 19 лѣтъ по заключеніи договора, большинство договаривающихся умираетъ, и условія договора должны окончиться вмѣстѣ съ ихъ смертію.

• Приложимъ эту общую теорію къ частному случаю. Положимъ, что число рождающихся ежегодно въ штатѣ Нью-Йоркѣ простирается до 23.994; общее число жителей, по Бюффону, должно въ такомъ случаѣ состоять изъ 617.703 человекъ всякаго возраста. Изъ этого числа было бы постоянно 269.286 малолѣтнихъ и 348.117 взрослыхъ; изъ числа послѣднихъ 174.109 составили бы большинство. Положимъ, что это большинство заняло бы въ первый день 1794 года сумму денегъ, равную цѣнности всѣхъ поземельныхъ владѣній штата и истратило бы ихъ на пиршества, праздники и забавы всякаго рода, или, если вамъ больше нравится, на ссоры и войну съ мирными сосѣдями. По прошествіи 18-ти лѣтъ и 8-ми мѣсяцевъ, половина этихъ совершеннолѣтнихъ гражданъ исчезнетъ. До тѣхъ поръ, составляя большинство, они были въ правѣ налагать на себя и на товарищей своихъ пиршества и войны налоги, необходимые на уплату ежегодныхъ процентовъ за сдѣланный ими долгъ; но съ этой самой минуты и въ послѣдующій періодъ новое большинство заступаетъ мѣсто прежняго, совершившаго заемъ, и большинство это имѣетъ права, собственно ему принадлежащія, ни сколько не зависящія отъ правъ предшествовавшаго поколѣнія, ни отъ законовъ и договоровъ, которымъ оно себя связало. Обязаны ли люди этого новаго поколѣнія принять на себя долги прежняго и признать за своими предшественниками право растрачивать, въ продолженіи своего существованія, цѣнность отечественной почвы, отчуждая ее въ ущербъ своимъ преемникамъ (конечно это было бы отчужденіемъ земли, въ пользу кредиторовъ), и сочтутъ ли они своею обязанностію по закону или по нравственному убѣжденію оставить свое отечество и искать внѣ его средствъ существованія? Въ отвѣтъ на это, каждый скажетъ: нѣтъ,—почва дается отъ Бога въ даръ тѣмъ, кто живетъ теперь, такъ же, какъ она давалась въ даръ тѣмъ, кто жилъ прежде; и законы природы нисколько не повелѣваютъ новому поколѣнію

уплачивать долги прежняго. Хотя это естественное право и не было, подобно многимъ другимъ, высказано ни въ одномъ кодексѣ, тѣмъ не менѣе оно составляетъ законъ, съ которымъ должно сообразоваться всякое добросовѣстное правительство. Вѣсть съ тѣмъ оно спасительно противодѣйствуетъ наклонности къ войнѣ и къ займамъ, которые, со введенія новѣйшей теоріи непрерывныхъ долговъ, обагрили землю кровью и подавили живущихъ на ней бременемъ, непрерывно возрастающимъ. Еслибы этотъ принципъ былъ провозглашенъ въ англійскомъ *билль правъ*, то Англія находилась бы въ счастливой невозможности поддерживать всякую войну и увеличивать миллиардами свой общественный долгъ (1).

Мнѣ показалось не лишнимъ припомнить эту цитату въ настоящее время. Можетъ-быть, теорія Джефферсона слишкомъ односторонняя, можетъ-быть этотъ знаменитый государственный человекъ, вооружаясь противъ крайности злоупотребленія общественного кредита, впалъ въ противоположную крайность. Можетъ-быть настоящее поколѣніе и имѣетъ право переносить на будущія поколѣнія часть расходовъ по предпріятіямъ, плодами которыхъ они будутъ пользоваться наравнѣ съ нимъ. Однако, если принять въ соображеніе вредъ или бесплодность большей части войнъ, не придется ли къ одному съ нимъ заключенію, что настоящее поколѣніе не имѣетъ и не должно имѣть права отягощать поколѣнія будущія? Не придется ли къ заключенію, что каждое поколѣніе должно было само уплачивать всѣ расходы, сопряженные съ войнами, имъ предпринятыми? Еслибы такое правило было признано и соблюдаемо, то не сдѣлались ли бы войны гораздо рѣже? Теорія Джефферсона, какъ вамъ извѣстно, нашла въ Англіи многочисленныхъ и знаменитыхъ адептовъ, и въ силу этой теоріи дѣйствовалъ г. Гладстонъ, когда при началѣ восточной войны онъ возвысилъ налоги, и именно налогъ на доходы, которые онъ обложилъ высокою податью въ 1 шилл. 4 пенса на фунтъ стерл., или круглымъ числомъ по 7% на различныя отрасли доходовъ. Но военные расходы принимали все большіе и большіе размѣры, и Англіи снова необходимо было прибѣгнуть къ займу; тѣмъ не менѣе должно отдать справедливость г. Гладстону, что онъ вспомнилъ о теоріи Джефферсона и попытался приложить ее къ дѣлу.

Въ настоящую войну, повидимому, никто изъ воюющихъ не подумалъ объ этой теоріи, и какъ кажется, правительства не скоро еще рѣшатся дѣйствовать сообразно съ строгимъ зако-

(1) *Переписка Джефферсона*, письма къ I. В. Эппесу. Монтчелло 24 іюня 1810 г.

номъ, который постановилъ знаменитый Американецъ. Напротивъ того—замѣтимъ это съ удовольствіемъ,—если государственные люди не думаютъ отказываться отъ военныхъ займовъ, то капиталисты гораздо менѣе прежняго обнаруживаютъ желаніе участвовать въ нихъ. «Мы почитаемъ явленіемъ характеристическимъ и предвѣщающимъ много добраго», замѣчаетъ по этому случаю даровитый публицистъ, г. I. Э. Горнъ (*Journal des Débats* № 6-го августа), «систематическую умѣренность, обнаруженную лондонскимъ рынкомъ съ самаго начала этого года относительно всѣхъ военныхъ займовъ. На этомъ рынкѣ, великомъ заимодавцѣ цѣлаго міра, правительства турецкое, бразильское, чилийское и всевозможныя правительства, еще въ прошедшемъ году чрезвычайно легко совершали займы для мирныхъ предпріятій; напротивъ того, этотъ же рынокъ, въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ не отзывался на всѣ запросы о займахъ для военныхъ цѣлей. Австрійскій заемъ, относительно слабый (шесть милл. фун. стерл.), покровительствуемый первою финансовою властью въ Европѣ, домогъ Ротшильда, и открытый за долго до начала военныхъ дѣйствій (въ январѣ 1859), потерпѣлъ рѣшительную неудачу на лондонской биржѣ. Ни прусское правительство, финансовое положеніе котораго одно изъ самыхъ прочныхъ въ Европѣ, ни иное континентальное правительство не могло побудить капиталистовъ Лондонскаго Города открыть кошельки свои въ пользу военныхъ предпріятій.»

Только французскій заемъ шелъ быстро и успѣшно, и подписки въ пять разъ превзошли требуемую сумму. Но это зависѣло отъ особенныхъ преимуществъ, предоставленныхъ этимъ займомъ, который былъ составленъ такимъ образомъ, что подписчики получали премію, почти не раскрывая кошелька.

За однимъ этимъ исключеніемъ, капиталисты не обнаружили ни малѣйшаго желанія содѣйствовать войнѣ. Надобно поздравить ихъ съ этимъ. И дѣйствительно, еслибы капиталисты пожелали, то правительства вынуждены были бы для веденія войны прибѣгать къ увеличенію налоговъ и къ насильственнымъ займамъ, а еслибы правительства доведены были до такой крайности, то война сдѣлалась бы почти невозможною. Впрочемъ не трудно доказать, что капиталистамъ всего выгоднѣе сдѣлать войны невозможными.

Безъ сомнѣнія, участвуя въ военныхъ займахъ, заключаемыхъ обыкновенно на условіяхъ вообще высокихъ, а иногда и чрезвычайныхъ, капиталисты могутъ пріобрѣсти значительныя выгоды. Но не имѣетъ ли эта медаль оборотной стороны? Не у всѣхъ ли почти капиталистовъ большая часть фондовъ помѣщена въ предпріятіяхъ, для преуспѣянія которыхъ необходимо сохраненіе

мира,—въ акціяхъ желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, рудниковъ, морскихъ страховыхъ обществъ и проч.? Не будетъ ли неизбежнымъ результатомъ войны упадокъ иногда въ огромныхъ размѣрахъ, той цѣнности, которую имѣетъ эта часть ихъ состоянія? Что же дѣлаютъ они, участвуя въ займахъ, содѣйствующихъ войнѣ? Они создаютъ *возможность упадка* для части своихъ капиталовъ, помѣщенной въ мирныхъ предпріятіяхъ, — и по этой причинѣ подвергаютъ себя убыткамъ, вообще далеко превышающимъ выгоды, впрочемъ довольно случайныя, которыя могутъ имъ доставить военные займы. Изъ этого видно, что съ ихъ стороны было бы *хорошимъ расчетомъ*, еслибъ они рѣшительно отказались отъ участія въ такихъ займахъ.

Когда эта истина будетъ признана всѣми въ мѣрѣ капиталистовъ, когда, одни повинуваясь нравственнымъ соображеніямъ, другіе повинуваясь соображеніямъ экономическимъ, откажутся отъ участія въ военныхъ займахъ; когда *содѣйствіе войны* и ея ужасамъ будетъ признано столь же безчестнымъ, столь же преступнымъ, какъ напримѣръ содѣйствіе торговлѣ неграми, тогда дѣло мира сдѣлаетъ рѣшительный шагъ впередъ. Тогда правительства, принужденныя слѣдовать теоріи Джефферсона, не въ состояніи будутъ безъ неимовѣрныхъ усилій убѣдить народы въ выгодахъ и достоинствахъ войнъ, тягость которыхъ должна вполнѣ обрушиться на нихъ безъ всякой возможности свалить большую часть ея на будущія поколѣнія. Будемъ же надѣяться, что нравственное и экономическое образованіе капиталистовъ сдѣлаетъ быстрые успѣхи и дастъ намъ возможность увидѣть зарю этого блаженнаго дня!

IV.

Въ ожиданіи этого переходимъ къ второму вопросу, который мы намѣрены были рассмотреть по поводу войны. Желательно было бы, чтобы война *цивилизовалась* все болѣе и болѣе, чтобы она наносила какъ можно менѣе бѣдствій странѣ, которая имѣетъ несчастіе быть ея поприщемъ. Въ этомъ отношеніи мы также можемъ засвидѣтельствовать о прогрессѣ. Вообще, воюющія арміи соблюдали въ послѣднюю войну приличную дисциплину.

Французско-сардинская армія, сражаясь на италянскои территоріи, поставила себѣ за правило платить за все то, что она потребляла, и правило это было нарушено только небольшимъ числомъ мародеровъ. Только одна австрійская армія прибѣгала къ старой системѣ поборовъ и военныхъ контрибуцій. На піемонтской территоріи Австрійцы кормились на счетъ жи-

телей, которыхъ они облагали реквизиціями натурой. Эта система, какъ извѣстно, самая обременительная для жителей. Главною жертвой ея становятся поселане, обязанные отдавать свой хлѣбъ и скоть. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ Ломеллины и даже Миланскаго округа, у нихъ, въ буквальномъ смыслѣ, остались только глаза, чтобы плакать.

«Новарскій округъ», говоритъ одинъ изъ корреспондентовъ *Times*, заключающій въ себѣ не болѣе 500 квадратныхъ англійскихъ миль, долженъ былъ въ теченіи одного мѣсяца выставить 2.500 быковъ. Еслибъ это продолжилось нѣсколько мѣсяцевъ, то Новарцы, небогатые скотомъ, должны были бы сами запрягаться въ плугъ. То же самое надо сказать о винѣ, хлѣбѣ, фуражѣ и обо всемъ прочемъ. Для каждаго отряда дѣлались поборы, какъ будто дѣло шло о прокормленіи цѣлаго войска.»

«Здѣсь и купить нечего», говоритъ въ свою очередь корреспондентъ *Observateur Belge*, сообщая извѣстія съ береговъ Минчіо. «Напримѣръ въ Кавріанѣ, въ которой 500 домовъ, нельзя уже ничего достать. У жителей ничего не осталось. Реквизиціями своими, Австрійцы лишили ихъ всего, а такъ какъ первыя войска, вступившія къ нимъ по отбытіи *Тедесковъ*, состояли изъ зуавовъ и туркочовъ, то они не знаютъ, кого имъ больше бояться: Австрійцевъ или Французовъ. Мы остановились вчетверомъ у бѣдныхъ людей, которые приняли насъ со страхомъ. Мы скоро успокоили ихъ. Они вовсе не были бѣдны, но имъ нечего было ѣсть, буквально нечего, даже не было грубой *polenta*. Въ Санъ-Кассіано жители доведены были до послѣдней крайности. Австрійцы и вытѣснившіе ихъ изъ этой позиціи туркосы отняли все, что у нихъ было. Нынѣшнимъ утромъ женщины и дѣти этой деревни бѣгали по лагерю, вымаливая себѣ пици у солдатъ. Офицеры, завѣдывающіе провіантомъ, велѣли раздать имъ сухарей.»

Дѣйствительно ли эта система реквизицій, столь гибельная для жителей, выгодна и удобна для арміи, къ ней прибѣгающей? Опытъ свидѣтельствуетъ противное. Впервыхъ, главнымъ результатомъ ея бываетъ обращеніе жителей въ отъявленныхъ враговъ, а враждебное расположеніе и озлобленіе жителей очень опасны для дѣйствующей арміи. Потомъ, очень рѣдко случается, чтобы армія, существующая реквизиціями, была хорошо накормлена. Для снабженія ничтожнаго отряда, страну истощаютъ, какъ будто для цѣлаго корпуса, и что же изъ этого выходитъ? То, что если прибывшіе сначала имѣютъ сѣстные припасы въ изобиліи, послѣдніе терпятъ въ нихъ недостатокъ. Корреспондентъ газеты *Times* замѣчаетъ, что, несмотря на огромное число реквизицій, ни одинъ австрійскій солдатъ не казался достаточно сытымъ. Извѣстно также, что при Маджентѣ и Сольферино цѣлые

полки должны были сражаться натошакъ, и что эта неважная причина много содѣйствовала потерѣ этихъ двухъ сраженій.

«Голодъ и побой», продолжаетъ корреспондентъ *Times*, смѣшивая правду съ юморомъ, «способны лишить мужества самыхъ храбрыхъ солдатъ. Я съ удивленіемъ видѣлъ людей, которые, безъ всякой раны, удалялись съ поля сраженія при Сольферино и, совершенно истощенные, бросались на землю, когда уже находились внѣ непріятельскихъ выстрѣловъ. Меня увѣрили, что многіе изъ этихъ людей, упавшихъ такимъ образомъ на землю, не вставали болѣе!...» «Большая часть труповъ, найденныхъ на полѣ битвы», прибавляетъ корреспондентъ *Observateur Belge*, «имѣла у себя въ ранцахъ зерна кукурузы, которыя замѣняли несчастнымъ покойникамъ всякую пищу.»

По всемъ вѣроятностямъ, австрійская армія была бы въ выигрышѣ, еслибъ Австрія сдѣлала необходимые запасы для продовольствія своей арміи, не прибѣгая къ системѣ реквизицій. Голодные солдаты потеряли битвы при Маджентѣ и Сольферино, сытые могли-быть бы и выиграли ихъ.

Эта система реквизицій, которая сдѣлала Австрійцевъ окончательно ненавистными въ Италіи, предавая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ жертву голоду въ то время, когда имъ необходимо было развитіе всѣхъ ихъ нравственныхъ и физическихъ силъ, должна бы быть оставлена не только въ интересѣ жителей, но даже въ совершенно-понятномъ интересѣ самихъ воюющихъ армій. Конечно, она даетъ возможность вести войну съ меньшими издержками; но это экономія обманчивая и ложная. Съ нею худо во время войны, и могу прибавить къ этому, что съ нею худо и послѣ войны.

Нужны ли доказательства? Они найдутся въ чрезвычайномъ и неожиданномъ чувствѣ вражды, обнаружившемся въ Германіи противъ Франціи, при началѣ этой самой италіанской войны. Система Наполеона I состояла въ томъ, что «война питаетъ войну», и на этомъ основаніи онъ облагалъ непріятельскія земли реквизиціями и военными контрибуціями. По увѣренію женеваго экономиста, г. д'Ивернуа (D'Ivernois), Германія на свою долю должна была доставить завоевателю и его войскамъ болѣе 1500 милліоновъ франковъ контрибуціями всякаго рода мѣнѣ чѣмъ въ пять лѣтъ (1805—1810). Не вѣроподобно ли, что эти громадныя поборы много содѣйствовали великому движенію 1813 года, и что воспоминаніе, сохранившееся о нихъ въ семействахъ, было одною изъ причинъ общей ненависти, возбужденной въ Германіи воинственною политикою второй имперіи? Вообще, народная вражда и ненависть много зависятъ отъ лишений, которымъ народы подвергаютъ другъ друга во время борьбы своей, и такимъ образомъ дѣло Австріи, сильно компромети-

рованное настоящими поборами ея войскъ въ Италиі, выиграло, въ ущербъ Франціи, отъ воспоминаній о прежнихъ поборахъ, совершенныхъ Французами въ Германіи. Очевидно, что хорошо понимаемый интересъ самихъ воюющихъ державъ побуждаетъ ихъ *использовать* по возможности войну, въ ожиданіи чего-нибудь лучшаго.

Г. ДЕ-МОЛИНАРИ.

ЗАМѢТКА ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ПРАВЛЕНІЯ ГЛАВНАГО ОБЩЕСТВА РОССІЙСКИХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ КЪ АКЦІОНЕРАМЪ.

Акціонерная дѣятельность нигдѣ не имѣетъ такого значенія, какъ у насъ въ Россіи. При теперешнемъ состояніи администраціи, множество стремленій, возникающихъ въ обществѣ, возлагаютъ свои надежды исключительно на акціонерную дѣятельность. Вспомните различные проекты выкупа крестьянскихъ земель, снабженія войска вещами, взиманія налоговъ съ вина, табѣку и проч. Трудно было бы исчислить всѣ условія, благопріятствующія акціонерной дѣятельности. Широкое поле во всѣ стороны открываютъ ей промышленный и торговый застой со всѣми неисчислимыми послѣдствіями ихъ. Произведенія нашей промышленности, основанной почти исключительно на крѣпостномъ правѣ и на тѣхъ отпрыскахъ, которые оно пускаетъ повсюду, не могутъ выдержать никакого соперничества съ произведеніями акціонерной предпріимчивости, которая, по существу своему, должна опираться на свободный трудъ. Небрежность, неразлучная съ трудомъ несвободнымъ, одинаково поражаетъ и государственныя работы и самыя ничтожныя производства. При этомъ, какъ извѣстно, не бываетъ и рѣчи о введеніи усовершенствованій и изобрѣтеній. Наша торговля, опутанная безконечными формальностями, руководимая невѣжествомъ и коснѣніемъ, основана, за немногими незначительными исключеніями, на непробудной рутинѣ, непремѣнномъ обманѣ и ужающей безнечности. Всякое торгующее лицо, съ одной стороны, оказывается совершенно несостоятельнымъ передъ могуществомъ чиновничества, вооруженнаго неисчислимыми формальностями, а съ другой, опирается на это могущество въ тѣхъ, тоже безчисленныхъ, ежедневныхъ продѣлкахъ, которыя не пускаютъ разумнаго кредита на русскую землю. Множество препятствій сокрушаютъ всякую энергію. Все, отъ плаванія по рѣкамъ до выбора даже временнаго мѣсто-

пребыванія, все составляетъ труднѣйшую скачку съ препятствіями. Само купеческое сословіе является временною станціей для перехода въ богатые дворяне и въ богатые чиновники, и купечество, снѣдаемое праздностью, въ ожиданіи удобнаго случая «подвести механику», распиваетъ на этой временной станціи безконечные чай, приговаривая: «что такъ-то сидѣть, скука возьметъ». Всѣ глутни какъ съ казною, такъ и съ частными лицами скрываются въ ревниво-охраняемой тайнѣ, и даже образованнѣйшія лица общества ничего не дѣлаютъ, чтобы вывести на свѣтъ подвиги этого темнаго міра.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что акціонерному обществу было бы несравненно легче, чѣмъ частному лицу, уйти отъ общихъ недостатковъ торговли и промышленности. Оно почти не можетъ основать свои дѣйствія на несвободномъ трудѣ. Не захватывая монополій, которыя при томъ не всѣмъ и раздаются, акціонерное общество должно слѣдить за всѣми усовершенствованіями и жить не вапширомъ, а на счетъ своихъ собственныхъ силъ. При строгой законности и правильности своихъ дѣйствій, оно легко можетъ получить большой кредитъ. Ему такъ удобно соединять капиталы съ познаніями, у насъ большею частью раздѣленные. Всѣмъ и каждому открываетъ оно участіе въ торговлѣ и промышленности. Словомъ, акціонерной дѣятельности, сравнительно, было довольно легко наверстать невыгодныя условія торговли и промышленности и приступить къ предпріятіямъ, доступнымъ образованному обществу. Такъ и надѣялись, когда послѣ окончанія восточной войны стали появляться разрѣшенія акціонерныхъ обществъ, одного за другимъ.

Эти надежды далеко не сбылись. Рамка перемѣнилась, а содержаніе осталось прежнее. Какъ это было во многихъ странахъ при началѣ развитія въ нихъ акціонерной предпримчивости, она оказалась вольноотпущенникомъ, сохранившимъ всѣ привычки неволи. Грустную картину представляетъ теперешняя акціонерная дѣятельность въ Россіи.

Возникающія компаніи начинаютъ стараніемъ захватить монополію. Монополіи проводятся подъ всевозможными видами; если нельзя захватить ихъ прямо, то вотъ мы видимъ помилую плату на самомъ оживленномъ изъ нашихъ морей, — на Балтійскомъ; мы видимъ предоставленіе перевозки значительнаго количества провіанта на другомъ тоже оживленномъ морѣ, предоставленіе, изъятаго отъ соперничества; мы видимъ запрещеніе ставить новыя пристани на берегахъ Невы въ Петербургѣ и не надѣмся на осуществленіе новаго общества внутренняго пароконства въ столицѣ и проч. Эти монополіи, эти преимущества удаляютъ для компаній отъ живыхъ, наиболѣе производительныхъ силъ страны,

и покровительствуя безопасности, нерѣдко отнимаютъ жизнь у самыхъ предпріятій, пользующихся разнаго рода привилегіями.

Относительно акціонеровъ, монополіи, предоставляемые компаніямъ, также весьма вредны. Они дѣлаютъ то, что вкладчики капиталовъ не обращаютъ никакого вниманія на значеніе и жизненность предпріятія, нисколько не интересуются дѣлами компаніи и смотрятъ на участіе въ акціонерномъ обществѣ, какъ на вкладъ денегъ въ банкъ, дающій большіе проценты, только не такъ вѣрный.

Правленія компаній, обезпеченныя въ извѣстномъ доходѣ монополіями и преимуществами, предаются полной безопасности. Совершенное устраненіе акціонеровъ отъ дѣлъ общества дѣлаетъ правленія полновластными хозяевами акціонернаго имущества. При этомъ тотчасъ же является полнѣйшій произволъ правленій. Вѣрнѣйшіе покровители всякой безопасности и произвола,—бюрократическій порядокъ и отсутствіе гласности тотчасъ же призываются на помощь и поддерживаются всѣми силами. Обратившись въ бюрократическія мѣста, различныя части правленій обществъ ничего существеннаго не дѣлаютъ и обращаютъ вниманіе на однѣ формальности. Извѣстно, что на всевозможныхъ фабрикахъ бумагописанія, чиновники занимаютъ всего болѣе разговорами, и это лучше всего показываетъ великую пользу бумагописанія. Бюрократическій порядокъ даетъ возможность исполнять, относительно акціонеровъ, всѣ требованія закона и здраваго смысла, обращая ихъ въ пустую формальность, и правленія, распоряжаясь совершенно по произволу, удовлетворяютъ акціонеровъ исполненіемъ наружныхъ формъ. Созываются общія собранія, которыя утверждаютъ всѣ предложенія правленій безъ всякаго размышленія. Общимъ собраніямъ представляются отчеты о дѣйствіяхъ правленій, отчеты, изъ которыхъ нельзя усмотрѣть ни одного дѣйствія правленія. Бюрократизмъ нивелируетъ всѣхъ участниковъ въ распоряженіи предпріятіями. До сихъ поръ ни одно имя, ни одинъ талантъ, не всплылъ изъ этого бюрократическаго омута. Все нѣмо и безцвѣтно, точно настало полное отсутствіе жизни.

Журналъ Акціонеровъ печатаетъ извѣщенія о дняхъ общихъ собраній, объ оплатѣ акцій, сообщаетъ адреса правленій компаній, уставы новыхъ обществъ, сухіе, безжизненные отчеты, и тщетно третій годъ вопіетъ: «гласности, гласности!» Рѣдко появляются въ этомъ журналѣ обсужденія дѣйствій компаній, и почти не ведется серьезной полемики. Духъ формализма захватилъ и *Журналъ Акціонеровъ*. Онъ только вопіетъ о гласности, но ничего не дѣлаетъ для введенія ея, нигдѣ не имѣетъ корреспондентовъ и наконецъ самъ производитъ маневры, о которыхъ читатель узнаетъ ниже.

Между всѣми нашими акціонерными обществами, Главное Общество Русскихъ Желѣзныхъ Дорогъ занимаетъ важнѣйшее мѣсто, какъ по капиталу и значенію, такъ и по преимуществамъ, ему предоставленнымъ. Первое мѣсто принадлежитъ ему и въ томъ отношеніи, что общіе недостатки нашей акціонерной дѣятельности какъ-то особенно сильно заразили Главное Общество и черезъ посредство его, могуществомъ примѣра, тяготѣютъ надъ остальными компаніями. Въ правленіи Главнаго Общества завелся порядокъ дѣлъ, совершенно несогласный не только съ духомъ акціонерныхъ предпріятій, но даже и съ чьею бы то ни было разумно-понимаемою пользою. Въ настоящей статьѣ мы прослѣдимъ отношенія правленія Главнаго Общества къ акціонерамъ, предоставляя себѣ разобратъ въ особой статьѣ распоряженія правленія въ другихъ отношеніяхъ.

Почти всѣ сношенія между акціонерами Главнаго Общества и правленіемъ его ограничиваются общими собраніями акціонеровъ Общества въ 1858 и въ 1859 годахъ. Мы подробно прослѣдимъ ходъ этихъ собраній, не лишенный весьма прискорбнаго интереса.

Но прежде мы должны разсмотрѣть нѣсколько пущенныхъ въ оборотъ, весьма ловкихъ толкованій насчетъ настоящей организаціи правленія Главнаго Общества.

Управленіе дѣлами Общества производится совѣтомъ управленія, состоящимъ по уставу изъ 20 членовъ, большею частію находящихся въ Петербургѣ, а меньшею — за границей. Члены совѣта управленія, находящіеся въ Петербургѣ, а также довѣренныя отъ находящихся за границей, составляютъ собственно совѣтъ управленія, распоряжающійся дѣлами общества; члены, находящіеся за границей, составляютъ парижскій комитетъ, заботящійся объ интересахъ общества внѣ Россіи. По важнымъ предметамъ, въ точности поименованнымъ въ первыхъ 14 пунктахъ § 26 устава Общества, совѣтъ управленія требуетъ мнѣнія парижскаго комитета, и члены послѣдняго, не позже 21 дня послѣ отправки требованія, подаютъ свое мнѣніе, и тогда участвуютъ въ рѣшеніи совѣта личнымъ обсужденіемъ. Въ остальныхъ же случаяхъ ихъ замѣняютъ въ совѣтъ управленія ихъ довѣренныя. Члены совѣта управленія избираются общимъ собраніемъ акціонеровъ на пять лѣтъ, но при основаніи Общества, въ изытіе этого постановленія, въ уставѣ были назначены впередъ 19 членовъ совѣта, и этимъ девятнадцати членамъ предоставлялось избрать двадцатаго. На этомъ основаніи говорятъ теперь, что такое назначеніе членовъ совѣта управленія не самими акціонерами, а уставомъ, полагаетъ между акціонерами и управленіемъ Общества совершенно другія отношенія, чѣмъ во всѣхъ другихъ акціонерныхъ обществахъ: акціонерамъ

не было предоставлено права избрать хотя бы одного члена правленія, и уже отсюда-де ясно видно, что предполагалось сдѣлать совѣтъ управленія настоящимъ неограниченнымъ распорядителемъ дѣлами Общества, и чуть-чуть не собственникомъ всего имущества Общества. Это выдумка, надобно правду сказать, не совсѣмъ глупая, но къ сожалѣнію она опирается на совершенное незнаніе акціонернаго права, отъ общихъ основаній котораго не можетъ быть взято никакое общество.

По самому существу дѣла и по закону (ст. 2181 ч. I. т. X Св. Зак. изд. 1857), директоры компаній и члены правленій дѣйствуютъ въ качествѣ уполномоченныхъ общества, и конечно за предѣлы довѣренности выходить не могутъ. Эта довѣренность опредѣляется въ общихъ чертахъ уставомъ общества и за тѣмъ инструкціями общаго собранія акціонеровъ, *лишь бы они не противорѣчили уставу, гарантированному правительствомъ*. Конечно, и самый уставъ можетъ быть измѣненъ общимъ собраніемъ акціонеровъ, но для этого нужно утвержденіе этихъ измѣненій правительствомъ. Что же касается до имущества общества, то право полного владѣльческаго распоряженія имъ принадлежитъ акціонерамъ, а правленію только предоставляется распоряженіе этимъ имуществомъ по довѣренности акціонеровъ. Какая бы организація ни была дана правленію, она все-таки не можетъ измѣнить смыслъ отношеній его къ акціонерамъ, не можетъ передать въ руки правленія собственность ихъ. Что касается до Главнаго Общества, то § 28 устава его прямо называетъ членовъ совѣта управленія уполномоченными по довѣренности. Съ другой стороны, назначеніе членовъ совѣта управленія уставомъ, то-есть учредителями по согласію съ правительствомъ, имѣетъ совершенно другой смыслъ. Уставъ многихъ компаній даетъ учредителямъ непремѣнное участіе въ правленіи дѣлами общества, и это участіе имѣетъ разумное основаніе, какъ въ той отвѣтственности, которую учредители несутъ, морально и вещественно, за успѣхъ предпріятія учрежденнаго ими общества, такъ и въ нѣкоторомъ недоувѣрїи къ способности акціонеровъ избрать хорошее правленіе, хотя, собственно говоря, интересы учредителей совершенно совпадаютъ съ интересами акціонеровъ. Непремѣнное участіе учредителей въ правленіи дѣлами учрежденнаго ими общества въ особенности понятно тогда, когда имъ принадлежитъ жизненная идея предпріятія, то-есть, когда они всего болѣе удовлетворяютъ условіямъ хорошаго управленія. Отъ того учредители весьма часто избираются въ число директоровъ компаній, и, собственно говоря, это должно бы быть такъ въ большей части случаевъ. Кромѣ того, правительство иногда считаетъ нужнымъ сдѣлаться участникомъ предпріятія, если не черезъ прямой вкладъ капитала, то черезъ громадныя преимуще-

ства, предоставленныя имъ предпріятію, и тогда оправдывается участіе его и въ распоряженіи дѣлами общества, участіе, конечно, наблюдательное. Правительство, предоставляя важныя преимущества Главному Обществу, приняло участіе вмѣстѣ съ учредителями въ назначеніи правленія общества на первое, самое рѣшительное время его существованія. Акціонеры самою подпиской на акціи согласились на всѣ требованія устава, и съ тѣмъ вмѣстѣ на извѣстное назначеніе членовъ совѣта управленія. Тѣмъ не менѣе совершенно понятно, что это нисколько не отнимаетъ у нихъ права измѣнить такую организацію правленія, если въ томъ окажется надобность, и правительство утвердить измѣненіе.

Кромѣ того, говорятъ, совѣту управленія уставъ предоставилъ такія права, что на самомъ дѣлѣ онъ дѣлается настоящимъ хозяиномъ предпріятія. На это опять можно замѣтить, что акціонеры могутъ измѣнить такія обширныя права, еслибъ они дѣйствительно угрожали ихъ интересамъ, и всякое благонамѣренное правительство всегда поддержало бы ихъ и исправило бы ошибку устава. Впрочемъ, главное дѣло въ томъ, что какъ ни обширны права совѣта управленія, но все-таки они не нарушаютъ существеннымъ образомъ отношеній акціонеровъ къ совѣту, какъ довѣрителя къ повѣренному, а напротивъ, предоставляя совѣту возможно большую свободу распоряженій, безспорно необходимую для успѣшности обширнаго и сложнаго предпріятія, уставъ самымъ тщательнымъ образомъ ограждаетъ интересы акціонеровъ, въ чертахъ, какъ и слѣдовало, нѣсколько широкихъ. Обширныя права совѣта управленія опредѣлены въ большой точности, такъ что не можетъ возникнуть сомнѣній относительно того, слѣдуетъ ли исіросить рѣшеніе общаго собранія на такое-то постановленіе, или совѣтъ можетъ взять его на свою отвѣтственность. Но чѣмъ обширнѣе права, предоставляемые повѣренному, тѣмъ тщательнѣе долженъ быть надзоръ за исполненіемъ довѣренности. Уставъ Главнаго Общества не упустилъ и этого изъ виду: по § 40, «*все отчеты вносятся на разсмотрѣніе общаго собранія, которое утверждаетъ ихъ, если къ тому не окажется препятствій*», и по § 43, «*годовой отчетъ по приходу и расходу представляется общему собранію со счетами и документами, къ нему относящимися*». Нѣтъ спора, что уставъ не опредѣляетъ подробностей разсмотрѣнія отчета, и что форма разсмотрѣнія, то-есть назначеніе общимъ собраніемъ комиссіи для разсмотрѣнія отчетовъ, или назначеніе наблюдательнаго комитета, или приданіе гласности дѣйствіямъ правленія и проч.,—какія бы ни были формы разсмотрѣнія,—предоставляются самимъ акціонерамъ. Это широкое начертаніе правъ акціонеровъ, это опредѣленіе ихъ въ общихъ чертахъ, отдающія въ ихъ волю подробности, которыя никогда невозможно предусмотрѣть,—это

составляетъ достоинство устава. Для правительства, гарантировавшаго уставъ, конечно, былъ важенъ не способъ разсмотрѣнія отчетовъ, а то было важно, чтобы всѣ отчеты полномочнаго правленія, полномочнаго потому, что обширно и сложно предпріятіе Общества, были непременно разсматриваемы, чтобы акціонеры зорко слѣдили за законностью дѣйствій правленія. Широкія черты устава, не заставляя бѣгать къ правительству со всякими мелочами, даютъ Главному Обществу независимую жизнь. Законъ долженъ указывать не то, что можно дѣлать, а то чего нельзя; довѣренность, конечно, напротивъ.

Совершенно основательно полагая, что акціонеры Главнаго Общества не могутъ на первый разъ избрать хорошее правленіе своему обществу, и потому назначивъ имъ правленіе, уставъ, кажется, совершенно ошибся въ своей надеждѣ, что они будутъ въ состояніи хотя только наблюдать за дѣйствіями правленія. Сейчасъ мы увидимъ, что акціонерамъ Главнаго Общества нужна была посто янная указка.

I.

Обратимся къ первому общему собранію акціонеровъ Главнаго Общества 18 іюня 1858 г.

По уставу, ежегодныя собранія акціонеровъ Главнаго Общества созываются въ теченіи іюня, но кромѣ того общія собранія могутъ быть созваны экстренно во всякое другое время, по усмотрѣнію совѣта. Назначеніе непременно въ іюнѣ ежегодныхъ общихъ собраній, которымъ представляются всѣ отчеты, имѣло цѣлю дать возможность собираться большому числу акціонеровъ, чтобы наблюденіе общаго собранія за правленіемъ было успѣшнѣе.

Объявленія, которыми созываются общія собранія, должны быть опубликованы не менѣе какъ за 40 дней до дня собранія, и притомъ, если собраніе созывается для рѣшенія важныхъ вопросовъ, означенныхъ въ § 32 устава, то объ этомъ «должно быть именно сказано въ объявленіи» (§ 35). Такого же заблаговременнаго извѣщенія о вопросахъ, подлежащихъ разрѣшенію на общемъ собраніи, требуетъ и ст. 2182 ч. 1 т. X. Св. Зак. изд. 1857 г. Необходимость этого заблаговременнаго извѣщенія совершенно понятна. На иные вопросы не возможно отвѣчать прежде тщательнаго изученія ихъ. Само собою разумѣется, что извѣщеніе должно быть не пустою формальностью, но должно давать или открывать всѣ данныя, безъ которыхъ невозможно разрѣшеніе предлагаемыхъ вопросовъ.

Советъ управленія открылъ свои отношенія къ акціонерамъ нарушеніемъ какъ устава, такъ и общаго закона. Созывая первое обыкновенное и *чрезвычайное* общее собраніе и давая понять словомъ «чрезвычайное», что общему собранію придется разрѣшать важные вопросы, советъ даже не исполнилъ какой-нибудь формальности, чтобъ отдѣлаться отъ требованія устава и закона, онъ даже не упомянулъ, какіе это вопросы будутъ подлежать рѣшенію. Называя созываемое общее собраніе чрезвычайнымъ, советъ управленія какъ бы говорилъ: «Мы должны бы извѣстить васъ о вопросахъ, которые вамъ придется разрѣшать, мы должны бы сдѣлать это и по здравому смыслу и по закону, но мы не дѣлаемъ этого. Вотъ извольте, смотрите и думайте, что вамъ угодно.»

Это явное нарушеніе устава и закона можно объяснить себѣ только намѣреніемъ совета устранить акціонеровъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ Общества. Для этой цѣли, внезапное ошеломленіе собравшихся акціонеровъ важными вопросами и *требованіемъ* немедленнаго разрѣшенія ихъ было весьма полезно, конечно, въ случаѣ еслибъ акціонеры не замѣтили поставленной имъ ловушки.

Это стараніе устранить акціонеровъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ Общества видно также изъ того, что въ объявленіи, созывающемъ первое обыкновенное и чрезвычайное общее собраніе акціонеровъ, совершенно не упоминается, какимъ образомъ советъ управленія принимаетъ отъ акціонеровъ предложенія и замѣчанія, которыя они думаютъ представить общему собранію. Между тѣмъ, объ этомъ необходимо было упомянуть. Ст. 2183 ч. I. т. X. Св. Зак. изд. 1857, постановляетъ, что «вся дѣла въ общее собраніе восходятъ не иначе, какъ черезъ посредство правленія компаніи». О представленіи замѣчаній и предложеній черезъ правленіе было необходимо не только упомянуть, но и напомнить акціонерамъ, что для обсужденія предложеній, или даже и изученія важнѣйшихъ, необходимо время, и потому эти предложенія и замѣчанія нужно представить заблаговременно, что, конечно, само собою разумѣется и потому не упоминается въ законѣ, который не предполагаетъ враждебныхъ отношеній правленія къ обществу. Советъ управленія по своему положенію, по своимъ свѣдѣніямъ долженъ былъ обсудить предложеніе и съ своимъ мнѣніемъ представить его общему собранію. Его мнѣніе должно имѣть большое значеніе для акціонеровъ. Но, видно, советъ управленія не ждалъ никакого участія акціонеровъ, никакихъ замѣчаній или предложеній, а можетъ-быть, кто знаетъ? и боялся ихъ вызвать упоминаніемъ о нихъ. Вѣдь не считалъ же онъ себя сфинксомъ, умѣющимъ разрѣшать всякія загадки, и не считалъ же всякое предложеніе или замѣчаніе, которое можетъ быть сдѣлано акці-

онерами, — положимъ, хоть и не петербургскими, а парижскими, — игрушкой, загадкой, которую можно разгадать, будь только навыкъ и опытность.

Не полагаемъ также, чтобы совѣтъ считалъ акціонеровъ способными на разрѣшеніе всякаго вопроса безъ обсуждения, почти безъ размышленія, и потому считаемъ объявленіе о первомъ общемъ собраніи первымъ шагомъ къ устраненію акціонеровъ отъ дѣлъ общества.

Этотъ шагъ удался, и даже *Журналъ Акціонеровъ* замѣтилъ его только потомъ. Никто не протестовалъ противу незаконности и нелѣпости такимъ образомъ созваннаго общаго собранія.

18 іюня собрались акціонеры въ первое общее собраніе, совершенно не вѣдая, что такое чрезвычайное хотятъ предложить имъ.

Общія собранія акціонеровъ, какъ и всѣ публичныя собранія, представляютъ богатый матеріалъ для изученія общественнаго развитія въ экономическомъ, юридическомъ и прочихъ отношеніяхъ. Интересно посмотрѣть, что дѣлаютъ представители значительныхъ капиталовъ, собирающіеся для занятій своими общими дѣлами. Тутъ можно бы видѣть степень общественнаго развитія и постараться угадать, чего можно ждать отъ этихъ господъ во многихъ другихъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, у насъ все остается втайнѣ. Отчеты о засѣданіи этихъ общихъ собраній акціонеровъ либо вовсе не печатаются, либо печатаются въ такомъ безжизненно-офиціальномъ тонѣ, что изъ этихъ напечатанныхъ отчетовъ нельзя составить себѣ никакого понятія о томъ, что было. Ходъ обсужденія рѣшенныхъ собраніемъ вопросовъ, рѣчи акціонеровъ и директоровъ почти никогда не печатаются. *Журналъ Акціонеровъ* не имѣетъ своихъ корреспондентовъ въ общихъ собраніяхъ, можетъ-быть не можетъ имѣть ихъ, — мы не знаемъ, но по нѣкоторымъ причинамъ, на которыя укажемъ ниже, имѣемъ основаніе предполагать, что это небрежность съ его стороны. Намъ могутъ сказать, что у насъ общія собранія превращаются, благодаря правленіямъ обществъ, и самимъ акціонерамъ въ такую пустую формальность, что остается только изложить предварительныя распоряженія правленія, ловко проведенныя подъ видомъ рѣшеній общаго собранія. Но развѣ не интересенъ этотъ проводъ, это знаменитое «подведеніе механики подъ другаго»? И наконецъ не всегда же бываетъ одинъ вздоръ, иные акціонеры дѣлаютъ попытки, которыя не должны пропадать для публики.

Что жъ такое было на первомъ общемъ собраніи акціонеровъ Главнаго Общества? Что это у насъ за люди, обладающіе капиталомъ не меньше какъ въ 40 акцій общества? Мы вѣдь сказали,

что общія собранія акціонеровъ Главнаго Общества не лишены скорбнаго интереса, и теперь должны доказать это.

Наши доказательства мы начнемъ съ сожалѣнія о томъ, что отчетъ о первомъ общемъ собраніи, напечатанный въ № 77 *Журнала Акціонеровъ*, представляетъ только сухую перечень случившагося, и что потому мы не имѣемъ никакихъ объясненій того, какъ могло произойти случившееся, столь невѣроятное во всѣхъ отношеніяхъ. Этотъ недостатокъ подробностей придаетъ случившемуся какой-то фантастическій колоритъ, точно присутствуешь на пляскѣ дикихъ великановъ, видишь, что все громадно и неѣпо, но оживлено невидимою намъ связью, дышетъ чуждою намъ жизнью.

Занятія общаго собранія начались съ рѣчи предсѣдателя къ акціонерамъ. Удивительная рѣчь! Могла ли она имѣть единственною цѣлю отвлечь вниманіе акціонеровъ отъ предстоявшаго имъ дѣла, о которомъ ничего не сказано въ рѣчи? Натянутыя фразы, которыми набита эта рѣчь, должны ли были произвести затмѣніе мыслительной способности слушателей? Но последуемъ за предсѣдателемъ, прибрасывая къ его словамъ маленькія замѣтки. Эта первая рѣчь на одномъ изъ начальныхъ публичныхъ собраній нашихъ не должна дойти до потомства, неопытная современниками.

«Мы считаемъ приличнымъ», началъ предсѣдатель, «упомянуть о цѣли нашего предпріятія и обстоятельствахъ, при которыхъ оно возникло.» Такъ какъ всякій грамотный и безъ предсѣдателя зналъ, что цѣль Главнаго Общества — постройка извѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ, то предсѣдатель, вѣроятно, хотѣлъ между безграмотными популяризировать полезныя свѣдѣнія. Отчего бы и не сочувствовать такой любви къ своему дѣлу? Если же намъ скажутъ, что какъ-то странно толковать объ этомъ передъ участниками Общества, и при томъ имѣющими право голоса, то мы принуждены будемъ отвѣтить, что предсѣдатель говорилъ по предчувствію.

Потомъ предсѣдатель занималъ акціонеровъ общими мѣстами о пользѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

«Чѣмъ обширнѣе пространство, тѣмъ труднѣе устройство на немъ хорошихъ путей сообщенія (хотя они тѣмъ необходимѣе), тѣмъ болѣе требуютъ они значительнаго капитала, времени и разнообразій опытности. Взвѣсивъ всѣ сія (?) обстоятельства, Государь Императоръ повелѣлъ обратиться, по примѣру другихъ странъ, предпочтительно къ промышленности частной.»

Здѣсь мы должны уже позволить себѣ маленькое противорѣчіе и замѣтить, что предсѣдатель не слишкомъ удачно объяснилъ слова манифеста; обращеніе къ частной промышлен-

ности, какъ говорится въ самомъ манифестѣ, сдѣлано ради существеннаго достоинства ея, «удобства и скорости». Всякому образованному человѣку извѣстно значеніе частной промышленности, и онъ пойметъ разницу между общими словами манифеста и посторонними обстоятельствомъ «дороговизны времени и опытности». Изъ словъ предсѣдателя, пожалуй, люди, лишенные разнообразій опытности, могли бы вывести заключеніе, что будь предпріятіе дешево, не требуя оно ни времени, ни значительной опытности, напримѣръ, будь это маленькая петергофская дорога, такъ ее за это и вовсе не слѣдуетъ предоставлять частной промышленности.

«Вслѣдствіе вызова правительства явились лица, не утрашившія ни огромности предложеннаго имъ предпріятія, ни безызвѣстности будущихъ его послѣдствій, не побоялись и общаго коммерческаго кризиса, тогда уже начинавшагося въ большей части Европы, и приняли на себя устройство главной сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ».

По мѣрѣ того какъ предсѣдатель приближается къ дѣлу, положеніе критика становится все труднѣе и труднѣе. Эти лица, которыхъ подвиги воспѣлъ предсѣдатель, — вѣдь это, конечно, учредители Главнаго Общества, а въ такомъ случаѣ, не взяли ли намъ слова предсѣдателя прямо наоборотъ? Послѣ такого переложенія, пѣснопѣнія эти будутъ походить на истину.

Учредители не утрашили огромности предпріятія! Но кто же не знаетъ, что они не только не чувствовали страха передъ этою огромностію, а напротивъ питали къ ней сердечное стремленіе и потому увеличивали размѣры предпріятія, сколько могли, и выговорили себѣ всякія облегченія для большаго еще увеличенія ихъ. Стремленіемъ къ расширенію предпріятія проникнуто все «Положеніе объ основныхъ условіяхъ для устройства первой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи», которое составляетъ контрактъ учредителей съ правительствомъ. (См. §§ 21 и 25.)

Невѣрность предпріятія, фигурирующая вмѣстѣ со страхомъ коммерческаго кризиса! Но кто же не знаетъ, что желѣзныя дороги представляютъ одно изъ самыхъ выгодныхъ и самыхъ вѣрныхъ предпріятій, а тѣмъ болѣе въ Россіи, при ея обширности, при отдаленности ея морей и при ея полугодовой зимѣ, закрывающей единственные пути сообщенія ея—водяные? О вѣрности предпріятія главной сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ не стоить и говорить, а если взять еще во вниманіе множество преимуществъ, предоставленныхъ Главному Обществу, съ пяти-процентнаго гарантіей на дорого исчисленную стоимость дорогъ, то надобно еще больше подивиться поэзіи словъ предсѣдателя. Учредители, выго ворившіе себѣ $\frac{1}{3}$ выпущенныхъ и впредь выпускаемыхъ

акцій Главнаго Общества, были вовсе не аглицы, на закланіе ведомые: они очень хорошо понимали вѣрность своего предпріятія. Трудъ учрежденія Главнаго Общества не могъ стоить учредителямъ значительной суммы, и ни по какимъ причинамъ не могли они бояться коммерческаго кризиса, не имѣвшаго вліянія на Россію. Къ тому же раздача акцій происходила, когда кризисъ еще не начинался.

Далѣе предсѣдатель совѣмъ запутался въ своемъ ораторскомъ усердіи. Онъ сталъ объяснять собравшемуся Обществу его собственныя ожиданія, сказавъ, что «предложеніе капиталовъ ихъ предпріятію превзошло приглашенія и ожиданія Общества». Затѣмъ, выразивъ надежду, что желѣзныя дороги Главнаго Общества обойдутся дешевле той суммы, 5% съ которой гарантируется правительствомъ, и объяснивъ, что, «благодаря *удовлетворительному* положенію государственнаго казначейства и кредитныхъ учреждений, само правительство дозволяетъ разнымъ общественнымъ учрежденіямъ ввѣрять намъ свои капиталы», предсѣдатель объявилъ, что «на покупку облигацій общества (о которыхъ акціонеры еще ничего не слыхали) приказано употребить 17 милл. р. изъ суммъ приказовъ общественнаго призрѣнія и 3 милл. р. изъ другихъ суммъ, находящихся въ распоряженіи правительства.»

Предсѣдатель увѣнчалъ рѣчь свою такимъ разсужденіемъ:

«Совокупность всѣхъ вышеуказанныхъ обстоятельствъ *объясняетъ*, почему въ ту самую минуту, когда всѣ значительныя работы въ Европѣ остановились, вслѣдствіе всеобщаго коммерческаго застоя, Главное Общество имѣло возможность дать своимъ работамъ усугубленную дѣятельность.»

Вышеуказанныя предсѣдателемъ обстоятельства, то-есть выпускъ облигацій и надежда на меньшую стоимость желѣзныхъ дорогъ, къ сожалѣнію нисколько не объясняютъ возможности уйти отъ коммерческаго застоя, а просто-на-просто не имѣютъ съ нимъ никакой связи.

Такова была рѣчь предсѣдателя. Для чего же была она нужна? Не совершенно ли ясно, что эта рѣчь не могла имѣть никакого значенія, а была произнесена такъ, для формы, потому что вообще собранія начинаются рѣчью предсѣдателя?

Какое же впечатлѣніе произвела эта рѣчь на акціонеровъ? Объ этомъ отчетъ ничего не говоритъ. По окончаніи столь необходимой рѣчи, «главный секретарь прочелъ годовой отчетъ о дѣйствіяхъ Общества», то-есть вѣроятно правленія.

Безъ всякаго сомнѣнія отчетъ о самыхъ дѣйствіяхъ совѣта управленія важнѣе всѣхъ остальныхъ отчетовъ: о дѣйствіяхъ низшихъ инстанцій, финансоваго баланса, и пр. Особенно отчетъ о первыхъ дѣйствіяхъ, которыя опредѣляютъ характеръ всего

распоряженія предпріятіемъ, слѣдовало разсмотрѣть съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ. Каковъ же былъ ходъ разсмотрѣнія отчета? какія соображенія, какія возраженія были высказаны? утвержденъ ли отчетъ вполнѣ, или съ нѣкоторыми замѣчаніями?

На все это можно отвѣтить очень просто. Отчетъ былъ выслушанъ, но никакого разсмотрѣнія не происходило. Прослушавъ отчетъ, его тотчасъ же оставили, такъ что объ утвержденіи его не было и рѣчи. Это, конечно, выходитъ за всякіе предѣлы вѣроятія и случилось это какъ-то фантастически, такъ что акціонеры даже не замѣтили того, что случилось. Видно не даромъ въ отчетѣ о засѣданіи этого перваго общаго собранія сказано, что оно собралось «для *слушанія* отчета». Но скажите пожалуйста, какая польза кому-нибудь въ томъ, что барабанная перепонка нѣсколькихъ сотенъ ушей будетъ поражаться такими-то сотрясеніями воздуха, и скажите пожалуйста, для чего тутъ нужно акустическое страданіе человѣческаго уха, да еще непременно принадлежащаго акціонерамъ, владѣющимъ не менѣе какъ 40 акціями Главнаго Общества? Нелѣпость принимаетъ какой-то сверхъ естественный, не человѣческій характеръ.

Намъ могутъ возразить, что выслушавъ отчетъ и при томъ громадный и сухой, акціонеры не могли обсуждать дѣйствія правленія, не могли разсмотрѣть отчетъ. Но отчего же ни одинъ акціонеръ не возразилъ на представленіе отчета акціонерамъ посредствомъ прочтенія въ самый день собранія? Конечно, для разсмотрѣнія отчета нужно время, но отчего же акціонеры не потребовали себѣ времени, не объявили, что не могутъ утвердить отчетъ, котораго не могли разсмотрѣть? Отчего они не потребовали, чтобы впередъ не повторилось такое безмысленное представленіе отчета? Отчего же нелѣпость случилась въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, что о разсмотрѣніи и утвержденіи отчета не было и помину? Здѣсь опять мы встречаемся съ владычествомъ формы и отсутствіемъ содержанія. Опять старая пѣсня,—французскій кафтанъ и пудренный парикъ на екатерининскомъ бояринѣ; модный фракъ и изящныя манеры нѣкоторыхъ нашихъ современниковъ помѣщиковъ; чиновничій отвѣтъ на бумагу, не имѣющую смысла, отвѣтъ еще менѣе имѣющій его, но удовлетворительный для спрашивавшаго; бумажный судъ, состоявшій въ бумагомараніи и рѣшаемый бумажками и пр. и пр. Но о владычествѣ формализма намъ еще придется говорить очень много.

Начать хоть съ самого отчета о дѣйствіяхъ правленія Главнаго Общества за первый годъ его существованія. Въ немъ нѣтъ почти ничего кромѣ сухой формалистики, безмысленной переклички и счета инстанцій управленія, вагоновъ, платформъ, локомотивовъ и пр. Эта перекличка, этотъ счетъ, ничѣмъ не освѣщены

и могутъ заключать въ себѣ какой угодно смыслъ. Впрочемъ такъ какъ отчетъ, представленный первому общему собранію акціонеровъ, одинаковъ по достоинствамъ съ отчетомъ; представленнымъ второму общему собранію, то мы скажемъ о нихъ вкратчѣ, а теперъ перейдемъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ перваго общаго собранія акціонеровъ.

«Въ *заключеніе* отчета, г. президентъ представилъ на разрѣшеніе общаго собранія слѣдующія предложенія:

«1) Назначить комиссію для повѣрки отчетовъ за 1857 г., съ предоставленіемъ оной полномочія на утвержденіе ихъ.»

По уставу, концомъ года заключаются «годовой отчетъ по приходу и расходу, представляемые общему собранію со всеми счетами и документами, къ нему относящимися» (§ 43). Конечно, чтеніе цифръ слишкомъ утомительно, а слушаніе тѣмъ болѣе, и потому потребовалась какая-нибудь мѣра для разсмотрѣнія финансоваго отчета. Къ тому же, въ глазахъ нѣкоторыхъ, финансовый балансъ важнѣе отчета о самыхъ дѣйствіяхъ управленія. Изъ финансоваго баланса по крайности можно узнать, что столько-то складочнаго капитала цѣло, а изъ отчета о дѣйствіяхъ часто ровно ничего узнать нельзя, и потому предпочтеніе финансоваго отчета нѣсколько понятно.

Какія же соображенія высказало правленіе относительно способа разсмотрѣнія финансоваго отчета уполномоченною комиссіей? Отчего оно предложило именно этотъ способъ?

Это опять неизвѣстно; правленіе не высказало никакихъ соображеній, оно только затемнило дѣло, сказавъ, что комиссію нужно назначить для разсмотрѣнія отчетовъ за 1857 г., тогда какъ подъ словомъ «отчетовъ» нужно было разумѣть одинъ финансовый отчетъ. Акціонеры съ своей стороны тоже ничего не высказали, и назначили комиссію изъ пяти лицъ. Выборъ лицъ былъ произведенъ тоже безъ всякихъ разсужденій, и какимъ образомъ, неизвѣстно. Выбранныя лица были: сенаторъ Капгеръ, дѣйств. стат. сов. Мюссаръ, дѣйств. стат. сов. Майеръ, инж.-полк. Марченко, и г. Жадиміровскій.

«2) Предоставить совѣту ходатайство на измѣненіе слѣдующихъ §§ устава:

«а) Въ 8 § ⁷ устава исключить слова: *и облигаціи*, и

«б) Измѣнить § 10 такъ, чтобы по внесеніи 30% выдавать акціи по желанію вкладчиковъ не только на предъявителя, но и именныя, а выданныя на предъявителя замѣнять именными.»

По словамъ отчета объ общемъ собраніи, перепечатаннымъ *Журналомъ Акціонеровъ* изъ *Коммерческой Газеты*, это предложеніе совѣта утверждено, но одинъ изъ акціонеровъ, г. Кроуъ, въ *Сѣверной Пчелѣ* объявилъ, что это предложеніе осталось

нерѣшеннымъ по случаю возникшаго важнаго побочнаго вопроса. Какъ же было на самомъ дѣлѣ? Совѣтъ не публиковалъ объ этомъ ничего прямо отъ своего имени, что вмѣстѣ съ помѣщеніемъ рѣчи предсѣдателя заставляетъ насъ считать напечатанный *Коммерческою Газетою* отчетъ сдѣланнымъ отъ совѣта управленія. Въ этомъ не остается сомнѣнія, если сличить этотъ отчетъ съ объявленіемъ о рѣшеніи правительства на просьбу объ измѣненіи вышеупомянутыхъ §§ устава, объявленіи, сдѣланномъ отъ совѣта управленія. Въ этомъ объявленіи говорится прямо, что общее собраніе рѣшило просить объ изыятіи облигацій изъ номинальной цѣны ихъ и объ именныхъ акціяхъ.

Впрочемъ противорѣчіе между словами г. Крона и отчетомъ совѣта о засѣданіи общаго собранія только кажущееся. Вѣроятно, по обыкновенію, предложеніе совѣта не подвергалось никакому обсужденію, изъ чего совѣтъ заключилъ, что предложеніе принято, а г. Кронъ заключилъ, что дѣло осталось нерѣшеннымъ.

Важный побочный вопросъ, возбужденный при обсужденіи этого предложенія совѣта, состоялъ въ томъ, чтобы предоставить акціонерамъ право на двѣ трети облигацій, назначаемыхъ въ публичную подписку.

По уставу п. 8, § 26, совѣтъ управленія распоряжается выпускомъ облигацій въ размѣрахъ и въ формѣ, какія ему покажутся выгоднѣйшими, и при томъ безъ предварительнаго разрѣшенія акціонеровъ, но конечно совѣтъ управленія при этомъ не можетъ не соблюдать выгодъ акціонеровъ и долженъ исполнять желаніе своихъ довѣрителей, если оно высказано. Широкое право на выпускъ облигацій могло быть предоставлено совѣту только въ видахъ облегченія распоряженія предпріятіемъ и ни въ какомъ случаѣ не въ ущербъ акціонерамъ.

По случаю обсужденія этого важнаго побочнаго вопроса, въ общемъ собраніи произошла сумятица, изъ которой совѣтъ увидѣлъ, что предложеніе принято въ вышесказанной формѣ, а г. Кронъ заключилъ, что оно принято съ тѣмъ, что если акціонерамъ предоставляется $\frac{2}{3}$ облигацій, то остальная треть должна идти учредителямъ. Г. Кронъ ошибся, но это показываетъ, какъ произошло единственное обсужденіе и разрѣшеніе общаго собранія, сдѣланное не безмолвно! Говорятъ, что предложеніе о предоставленіи акціонерамъ $\frac{2}{3}$ облигацій сдѣлано г. Крономъ. Скажите, что бы вы сказали о какомъ-либо собраніи, о какой-либо палатѣ, въ которой самому дѣлающему предложеніе нельзя узнать, какое рѣшеніе постигло сдѣланное имъ предложеніе? Видно сумятица не уступила прочимъ достоинствамъ перваго общаго собранія.

Но что всѣ эти разсматриванія отчета, эти обсужденія двухъ

первыхъ предложеній совѣта сравнительно съ недосыгаемымъ совершенствомъ разрѣшенія остальныхъ предложеній его!

• 3) Предоставить совѣту полномочіе на разрѣшеніе всѣхъ затрудненій при выборѣ направленія еодосійской линіи желѣзной дороги между Москвой и Тулой и на заключеніе сдѣлокъ и условій какъ съ компаніей, которая можетъ составиться для устройства желѣзной дороги до Саратова, такъ и съ правительствомъ, въ случаѣ ежели выгоды Общества потребуютъ принятія на себя устройства вышеозначенной саратовской дороги.

• 4) Предоставить совѣту уполномоченіе на ходатайство передъ правительствомъ о дозволеніи Главному Обществу соединить еодосійскую желѣзную дорогу съ портомъ Акманай на Азовскомъ морѣ, посредствомъ боковой линіи въ 16 верстъ.

Эти два предложенія далеко превосходятъ самую бойкую чиновничью бумагу, совершенно лишенную смысла именно для того, чтобы нельзя было постановить по ней никакого опредѣленія. Посудите, какой смыслъ заключается въ приглашеніи принять на себя предпріятіе, для обсужденія котораго вы не даете никакихъ данныхъ и даже не высказываете вашихъ соображеній о немъ. Выгодна ли саратовская дорога? Какое направленіе хотятъ ей дать? Если она и выгодна, то ей можно дать такое направленіе что всѣ выгоды исчезнутъ, и кто ручается, что не будетъ сдѣлана ошибка въ направленіи? Можетъ-быть за эту дорогу, несмотря на всѣ ея выгоды, если онѣ существуютъ, не слѣдуетъ браться Обществу, и безъ того захватившему слишкомъ большое количество желѣзныхъ дорогъ, и притомъ браться тогда, когда ничего не сдѣлано для исполненія принятыхъ обязательствъ по обширной уже уступленной обществу сѣти. Словомъ, предложенія были сдѣланы въ такой формѣ, что не допускали никакого размышленія, никакого обсужденія ихъ, а между тѣмъ для того, чтобы дать по нимъ рѣшеніе, требовалось не только изученіе, но даже предварительныя изысканія. Неужели совѣтъ управленія рѣшился взяться за саратовскую дорогу и акманайскую вѣтвь безъ всякихъ изысканій? Неужели онъ, не зная ни приблизительной стоимости этихъ дорогъ, ни мѣстныхъ препятствій для постройки ихъ, ни надеждъ на могущее быть по нимъ движеніе, словомъ, зная объ этихъ предпріятіяхъ столько же, сколько мы съ вами, читатель, знаемъ, за какую сумму денегъ можно скупить карманы всѣхъ гг. Ивановыхъ въ Москвѣ,—рѣшился взяться за постройку этихъ дорогъ? Но ежели совѣтъ управленія хотя что-нибудь зналъ о выгудности ихъ, о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ можно взяться за нихъ, отчего онъ ничего не сообщилъ акціонерамъ? Уставъ не давалъ ему права рѣшать эти вопросы; уставъ требуетъ, чтобы высказались акціонеры. Какого же довѣрія заслуживаютъ уполномоченные Обще-

ства, когда они такъ не церемонно вынуждаютъ довѣріе къ себѣ, говоря своимъ довѣрителямъ: «Мы требуемъ отъ васъ расширения нашей довѣренности, а если не захотите намъ вѣриться, то пеняйте сами на себя за то, что будетъ упущенъ случай выгодной операціи.» Какое право имѣлъ совѣтъ управленія на такую систему запугиванія, какое право имѣлъ онъ навязывать акціонерамъ азартную игру въ нѣсколько десятковъ милліоновъ? Зачѣмъ ему было нужно, чтобы первое собраніе Главнаго Общества превзошло всякую канцелярскую оргію, всякій игорный домъ? Въ игорномъ домѣ никто не дастъ не только десятковъ милліоновъ рублей, но даже просто ничего не дастъ на ставку въ игру, условія которой неизвѣстны.

Что же акціонеры? Они могли отказаться отъ разрѣшенія внезапно и нагло брошенныхъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что вопросы были предложены противозаконно, безъ объявленія до дня общаго собранія. Имъ не оставалось ничего другаго дѣлать, какъ отказаться отъ отвѣта на бессмысленный вопросъ. Что же сдѣлали акціонеры?

Фантастическая пляска великановъ оканчивается въ невидной игорной комнатѣ. Акціонеры предоставили совѣту метать, какъ ему угодно, направо или налево.

Акціонеры уполномочили совѣтъ безусловно на оба предложенія.

Тутъ слова бессильны! Замѣтимъ только, что, принявъ участіе въ разрѣшеніи противозаконно сдѣланныхъ предложеній, акціонеры и въ этомъ сравнились съ правленіемъ.

Говорятъ — мы конечно не ручаемся за справедливость этого, — говорятъ, что предсѣдатель въ избѣжаніе собранія голосовъ проситъ встать тѣхъ, кто согласенъ на предложеніе совѣта.

Всѣ акціонеры встали.

Тогда предсѣдатель нашелъ нужнымъ пригласить встать всѣхъ несогласныхъ на предложеніе совѣта.

Опять всѣ акціонеры встали.

Можетъ-быть, что этого не было, но это очень и очень могло быть.

Знаменитый чиновникъ крутогорской губерніи долженъ трепетать за свою славу: явился соперникъ ему, гораздо болѣе сообразительный! Что такое бессмысленная бумага и потому еще болѣе бессмысленный отвѣтъ на нее, что всякое владычество формы при отсутствіи даже подозрѣнія въ какомъ-либо содержаніи, что вы значите передъ первымъ общимъ собраніемъ акціонеровъ Главнаго Общества Русскихъ Желѣзныхъ Дорогъ?

Но чѣмъ же объяснить себѣ это фантастическое представленіе, которое многими сочтется за миѳъ, и, которому вѣроятно,

подивятся даже сами участники его? Какими силами оно держалось?

Совершенно ясно, что совѣтъ управленія нашелъ для себя очень удобнымъ не допускать никакого участія акціонеровъ въ распоряженіи предпріятіемъ, не допускать никакого контроля надъ собою и дѣлать съ акціонерами все, что угодно, — и это все оказалось возможнымъ потому, что акціонеры сочли совѣтъ за начальство, передъ которымъ не разсуждаютъ, и которое дѣлаетъ, что желаетъ.

Михей, ты жениться на Матренѣ хочешь? спрашиваетъ баринъ и принимаетъ молчаніе за знакъ согласія. «Народъ безмолствуетъ», значить согласенъ. А кто же всего успѣшнѣе дѣлается изъ слуги властелиномъ, какъ не бюрократъ?

Утвердивъ г. Оболенскаго членомъ совѣта управленія на мѣсто умершаго г. Тенгоборскаго, и утвердивъ тоже безъ всякаго размышленія, общее собраніе окончило свои назидательные подвиги.

Началась ревизія финансоваго отчета назначенною комиссіей и продолжалась больше полугода, безъ всякаго объясненія акціонерамъ, почему оказался необходимъ такой длинный срокъ. Несмотря на запросы журналовъ, ни совѣтъ, ни члены комиссіи ничего не сообщили акціонерамъ. Наконецъ было объявлено, что комиссія положила утвердить отчетъ за 1857 годъ.

Ничего не узнавъ о ходѣ дѣлъ Общества на первомъ общемъ собраніи, акціонеры точно также ничего не узнали какимъ-либо другимъ путемъ. Видно правленіе Главнаго Общества очень хорошо дисциплинировано, и видно, состоитъ оно изъ образованныхъ людей, понимающихъ пользу гласности.

И. Воскобойниковъ.

(Окончаніе до слѣд. №)

О СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАДАЧАХЪ ФИЗИОЛОГІИ РАСТЕНІЙ (1).

Физиологія растений разсматриваетъ процессы, происходящіе въ живомъ растеніи.

Само собою разумѣется, что съ разсмотрѣніемъ процессовъ, происходящихъ въ какомъ бы то ни было организмѣ, нераз-

(1) Предложенныя въ этой статьѣ замѣчанія составляли содержаніе всту-

лучно сопряжено подробное изученіе самаго организма, въ различныхъ стадіи этихъ процессовъ, а потому и съ физиологіею растений неразрывно связана ихъ анатомія въ самомъ обширномъ смыслѣ, то-есть со включеніемъ исторіи ихъ развитія. Но окончательную цѣль физиологіи растений составляетъ *объясненіе* процессовъ, происходящихъ въ живомъ растеніи.

Что же разумѣется подъ объясненіемъ процессовъ, происходящихъ въ живомъ организмѣ? Лишь изъ такого опредѣленія можетъ выясниться то мѣсто, которое въ правѣ занять физиологія растений въ ряду другихъ физическихъ наукъ. Это опредѣленіе тѣмъ болѣе нужно, что не только въ разные времена подъ объясненіемъ органическихъ процессовъ разумѣлись очень различные приемы мышленія, но и въ наше время не всѣ ученые согласны на этотъ счетъ.

Было время, когда для объясненія процессовъ, происходящихъ въ живомъ организмѣ, довольствовались группировкою болѣе или менѣе однородныхъ, аналогическихъ явленій, и возведеніемъ общей черты, подмѣченной въ нихъ, въ общій законъ, которому приписывалось непреложное значеніе,—въ силу, которая будто-бы управляетъ этими явленіями. Такъ, въ прошломъ столѣтіи, физиологи, замѣтивъ, что усиленіе въ жизненныхъ процессахъ растений происходитъ отъ усиленнаго вліянія нѣкоторыхъ внѣшнихъ дѣтелей, какъ-то свѣта, теплоты, электричества, отъ вліянія нѣкоторыхъ газовъ, думали объяснить всѣ эти явленія, приписывая растенію особенное свойство или силу, — *раздражимельность*, будто-бы возбуждаемую названными нами дѣтелями, и управляющую всѣми жизненными процессами растенія. Чтобы привести примѣръ болѣе общій, напомнимъ о выраженіи: *жизненная сила*, подъ которымъ разумѣли будто бы одинаковую причину всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ явленій органической жизни, которыхъ еще не удалось подвести подъ законы общей физики. Было бы излишнимъ распространяться о томъ, что такіа объясненія не что иное, какъ игра въ понятія, перетасовка фактовъ, не прибавляющая ничего къ нашимъ положительнымъ знаніямъ.

Другой способъ объясненія преобладалъ въ естественныхъ

пительнаго чтенія, которымъ авторъ открылъ нынѣшнюю осень свой курсъ о физиологіи растений въ Московскомъ университетѣ. Мы просили его объ изложеніи этихъ замѣчаній для нашего журнала и увѣрены, что наши читатели прочтутъ ихъ съ удовольствіемъ. Въ немногихъ чертахъ обрисованы здѣсь и современное состояніе и современныя задачи этой новой, нашему времени принадлежащей науки и наконецъ отношеніе ея къ другимъ физическимъ наукамъ. *Ред.*

наукахъ въ началѣ нашего столѣтія, подъ вліяніемъ германской философіи школы *тождества*. Послѣдователи этой школы старались обнаружить въ явленіяхъ внѣшней природы дѣйствіе тѣхъ же законовъ, которые управляютъ человѣческимъ мышленіемъ. Стремленіе законное, потому что міръ мышленія и міръ бытія не могутъ разниться по содержанію, и все наше знаніе получаетъ смыслъ только при совпаданіи нашихъ умственныхъ операций съ процессами, происходящими въ самой природѣ. Но, къ сожалѣнію, такъ-называемые натурфилософы искали ключа къ самымъ сложнымъ, часто даже мало-изслѣдованнымъ съ эмпирической стороны явленіямъ въ самыхъ общихъ формулахъ мышленія, или прилагали къ физическимъ явленіямъ, происходящимъ во времени и пространствѣ, тѣ категоріи логики, которыя не имѣютъ къ нимъ отношенія. Такъ, напримѣръ, по знаменитой нѣкогда теоріи полярности, натурфилософы хотѣли объяснить всѣ противоположныя свойства, встрѣчающіяся въ тѣлахъ впрочемъ однородныхъ,—логическою связью, которая существуетъ между утвержденіемъ и отрицаніемъ. Вслѣдствіе этого, натуралисты этой школы довольствовались тѣмъ, что подводили подъ одно понятіе самыя разнородныя вещи, какъ-то магнитную полярность и различіе половъ у животныхъ, различное направленіе стволовъ и корней у растеній и различное развитіе обоихъ концовъ спиннаго хребта у позвоночныхъ животныхъ, и мало интересовались дальнѣйшимъ эмпирическимъ изученіемъ этихъ явленій и подведеніемъ ихъ подъ ближайшія физическія законы. Еще недавно, послѣдній отголосокъ этихъ стараній раздался въ странныхъ сочиненіяхъ Рейхенбаха объ одической силѣ, будто бы управляющей въ своихъ двухъ полюсахъ всѣмъ видимымъ міромъ.

Произвольность и недостаточность такихъ объясненій давно подвергнуты справедливому осмѣянію. Тутъ не мѣсто распространяться объ относительныхъ достоинствахъ воззрѣній, на которыхъ они основаны, о несомнѣнной пользѣ, которую они принесли въ свое время. Я упомянулъ о нихъ только, чтобъ обратить вниманіе читателя на существенное различіе, которое отдѣляетъ ихъ отъ современныхъ воззрѣній на естественныя науки, имѣющихъ основанія болѣе твердыя и положительныя, и могущихъ вести къ болѣе прочнымъ результатамъ.

Современное стремленіе растительной физиологіи, какъ и естественныхъ наукъ вообще, состоитъ въ подведеніи видимыхъ явленій подъ законы химіи, механики, физики.

Спѣшу прибавить, что это стремленіе, какъ бы ни было оно знаменательно для нашего времени, отнюдь не составляетъ исключительно его принадлежности. Оно также старо, какъ и самыя естественныя науки. Оно составляетъ характеръ цѣлой

школы мыслительной, процвѣтавшей въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, — школы картезианцевъ. Оно было возведено въ твердый методъ и приложено съ неподражаемымъ блескомъ къ астрономіи безсмертнымъ Ньютономъ. Оно, еще въ прошломъ столѣтіи, въ трудахъ Гельса, Лавуазье, Пристлея, Ингенгуса, положило основанія нынѣшней растительной физиологіи. Ему мы обязаны всѣмъ, что прошлые вѣки завѣщали нашей наукѣ прочнаго, плодотворнаго, вѣчнаго. Нашему времени принадлежитъ только всеобщее распространеніе этого стремленія, принадлежитъ методъ изслѣдованія, состоящій въ разложеніи явленій видимаго міра на ихъ отдѣльные факторы, принадлежитъ убѣжденіе, что лишь тогда мы дошли до удовлетворительнаго результата, когда при этомъ разложеніи мы дошли до факторовъ, которыхъ дѣйствіе подлежитъ общимъ законамъ физики.

Но, скажутъ, что выигрываемъ мы, съ общей точки зрѣнія, при такомъ распространеніи законовъ химіи и физики на явленія органическаго міра? Чѣмъ эти законы имѣютъ болѣе цѣны для насъ, болѣе удовлетворяютъ требованіямъ науки, нежели тѣ законы, которые нѣкогда съ такою увѣренностію выводились, эмпирическимъ путемъ, изъ явленій, представляемыхъ намъ тѣлами органическими?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить бѣглый взглядъ на современное состояніе химіи и физики.

Что характеризуетъ настоящее положеніе первой? Стремленіе къ подведенію разнообразныхъ явленій, составляющихъ ея область, подъ законы физики. Что въ настоящее время, составляетъ отличительную черту этой послѣдней науки? Что въ новѣйшее время, подняло нѣкоторыя отрасли ея, какъ-то механику и оптику, на высоту, на которой до тѣхъ поръ стояла одна астрономія? Что, если не все болѣе расширяющееся приложеніе къ физикѣ пріемовъ чистой математики?

Необходимо преслѣдовать взаимную связь естественныхъ наукъ до этой послѣдней инстанціи, чтобы по достоинству оцѣнить ихъ современное положеніе относительно другъ друга.

Только имѣя въ виду эту связь, можно понять вполне, до какой степени важенъ всякій шагъ въ наукѣ объ организмахъ, приводящій подмѣченныя въ нихъ явленія подъ законы химіи или молекулярной физики. Каждый такой шагъ приближаетъ насъ къ области науки по преимуществу, къ области вѣчныхъ, непреложныхъ, безотносительныхъ законовъ. Нужно ли напоминать о томъ неизмѣримомъ различіи, которое существуетъ между закономъ, выведеннымъ эмпирически, изъ какого бы то ни было числа наблюденій, и закономъ, выведеннымъ математически? Первый представляетъ намъ вѣроятность, самую степень которой намъ невозмож-

но опредѣлить, второй—безусловную вѣрность. Первый представляет совокупность чувственных впечатлѣній, картину, которая можетъ быть нарушена всякимъ новымъ, противорѣчающимъ впечатлѣніемъ. Второй представляетъ намъ единственный способъ, которымъ умъ человѣскій можетъ принять въ себя, приобщить себѣ извѣстнаго рода явленія. То, что лежитъ за чертою этого закона, не существуетъ для ума человѣческаго. Наблюденіе не можетъ противорѣчить этому закону, потому что онъ есть только развитіе тѣхъ прирожденныхъ намъ способовъ возрѣнія, которые одни дѣлаютъ намъ возможнымъ всякое наблюденіе.

Изъ этого бѣглаго взгляда на взаимное отношеніе естественныхъ наукъ очевидно, какъ неосновательны, какъ нелѣпы тѣ нападки, которыя часто слышатся съ разныхъ сторонъ на такъ-называемый матеріализмъ современнаго естествознанія. Да, современные ученые дружно трудятся надъ тѣмъ, чтобы вывести естествознаніе изъ области произвольныхъ фантазій и мистическихъ бредней; они погрузили его въ область дѣйствительности, въ область естества, матеріи. Но то, что въ матеріи подлежитъ пониманію науки, что это, если не управляющіе ею непреложные законы? И эти законы, составляющіе предметъ математической физики, не суть ли въ то же время неотъемлемая принадлежность, неизбѣжное выраженіе математическаго мышленія, той области мышленія, которая досихъ поръ болѣе всѣхъ другихъ освободилась отъ грубаго эмпиризма, которая смѣлою силой своихъ операцій каждый день опережаетъ болѣе медленный и менѣе совершенный ходъ наблюденія? Пусть тѣ, которые не имѣютъ понятія о стремленіяхъ и цѣляхъ естественныхъ наукъ, жалѣютъ о томъ времени, когда въ наукѣ господствовало неясное стремленіе впасть явленія въ тѣсныя рамки произвольныхъ философскихъ построеній. Мы можемъ безъ боязни преслѣдовать тотъ процессъ разложенія, который вскрываетъ въ сложныхъ явленіяхъ органическаго царства простую законность матеріи. Мы знаемъ, какъ блистательно, вопреки теоретическимъ разглагольствованіямъ нѣкоторыхъ изъ его представителей, этотъ современный матеріализмъ оправдываетъ силу и права человѣческаго духа, мы знаемъ, что о немъ можно сказать то же, что сказалъ поэтъ о суетѣ вседневной жизни:

Коснися облака безтрепетной рукою:
Исчезнетъ, и за нимъ опять передъ тобою
Обители духовъ откроются врата!

Но, если изъ этого взгляда на взаимныя отношенія естественныхъ наукъ вполне явствуетъ высокое научное значеніе физиологій въ обширномъ смыслѣ слова, если съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣляется ея тѣсная связь съ прочими физико-матема-

тическими науками, то имъ еще неисчерпаны всѣ отношенія, въ которыхъ важно и плодотворно для насъ физиологическое изученіе организмовъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта тѣсная связь, о которой мы говорили, это поглощеніе физиологій химіей и физикой, это поглощеніе физики чистою математикой, принадлежать болѣе будущему, чѣмъ настоящему науки, составляютъ идеаль, къ которому она стремится, но отъ котораго она еще безконечно удалена. Если мы оглянемъ громадный матеріалъ, накопившійся въ различныхъ областяхъ наукъ естественныхъ, если мы сравнимъ съ этою массой тѣ немногія данныя, которыя до сихъ поръ удалось связать твердою цѣпью чисто-научнаго мышленія, насъ испугаетъ неизмѣримость той области, которая еще остается внѣ этой строгой рамки, и которая до сихъ поръ сопротивляется всякому подведенію подъ физическіе и математическіе законы. Само собою разумѣется, что эта область представляетъ огромный интересъ для спеціалиста, для изслѣдователя, какъ обширное поле для дальнѣйшей разработки. Но и для каждаго, въ комъ возбуждена та жажда знанія, которая составляетъ неотъемлемую принадлежность ума человѣческаго, эта необработанная область, этого относительно-сырой матеріалъ, имѣетъ огромную важность, огромный интересъ, если только взглянуть на нее съ надлежащихъ точекъ зрѣнія.

Дѣйствительно, стройная законность, управляющая явленіями внѣшняго міра, обнаруживается передъ нами въ своихъ проявленіяхъ гораздо раньше, чѣмъ мы успѣемъ постичь и проникнуть ея сущность. Этой стройности, этого безконечнаго изящества, равно поражающаго насъ и въ соотношеніи между самыми громадными явленіями природы, и въ самыхъ мелкихъ процессахъ, безпрестанно происходящихъ около насъ въ каждомъ организмѣ, уже достаточно, чтобы вполне приковать, поглотить наше вниманіе, чтобы въ нѣкоторой степени удовлетворить непрестанной потребности нашего ума, который такъ же настоятельно требуетъ пищи во внѣшнемъ мірѣ, какъ и наше тѣло. Уже этого изящества достаточно, чтобы объяснить намъ ту страсть, съ которою многіе изслѣдователи посвящаютъ себя изученію ограниченаго круга явленій природы, не вникая въ ихъ внутреннюю связь, въ ихъ отношенія къ цѣлому. Всякому любознательному человѣку должна быть понятна, хотя бы она и не соотвѣтствовала его личнымъ наклонностямъ, скромная дѣятельность тѣхъ труженниковъ, которые посвящаютъ цѣлую жизнь изученію формъ въ какомъ-нибудь ограниченномъ отдѣлѣ растительнаго или животнаго царства.

Но намъ нѣтъ нужды останавливаться на этой низшей степени наслажденія природою. Вездѣ, при болѣе общемъ взглядѣ

на явленія, открываются намъ блестящіе ряды поразительныхъ аналогій, вездѣ нашъ умъ можетъ вывести эмпирическіе законы, которые хотя и не имѣютъ безотносительнаго вѣса, но представляютъ намъ ясную и стройную картину пріобрѣтеній, сдѣланныхъ наукой, и служатъ намъ путеводною нитью для новыхъ изслѣдованій. Вездѣ, между разнородными явленіями, обнаруживается причинная связь, и даже тамъ, гдѣ мы не можемъ дойти до послѣдней причины, мы все-таки чувствуемъ себя на твердой научной почвѣ, если опытъ подтверждаетъ намъ существованіе этой связи, угаданной нами изъ наблюденія. Такимъ образомъ, разнородныя данныя естественныхъ наукъ, даже тѣ, которыхъ не удалось до сихъ поръ разложить на точные физическіе элементы, подтверждаютъ и объясняютъ другъ друга, такимъ образомъ и тамъ, гдѣ мы не видимъ основанія зданія, мы можемъ убѣдиться, что имѣемъ дѣло съ прочною постройкой.

Растительное царство, во множествѣ своихъ представителей связанное самою непосредственною аналогіей съ царствомъ животнымъ, и между тѣмъ отдѣленное отъ него существеннымъ отличіемъ, отсутствіемъ нервной дѣятельности, заключаетъ въ себѣ самый обильный и важный матеріалъ для дополненія и поясненія данныхъ, представляемыхъ намъ физиологіей животныхъ. Множество процессовъ, общихъ обоимъ царствамъ, съ несравненно большею ясностію, съ большими удобствами для наблюденія и обсужденія, выступаютъ передъ нами въ жизни растений, чѣмъ въ осложненной жизни животныхъ. Я напомину только о процессѣ развитія клѣточекъ и о дальнѣйшемъ образованіи изъ нихъ тканей и органовъ; далѣе объ актѣ оплодотворенія, котораго существенная сторона, общая животнымъ и низшимъ растениямъ, нигдѣ не обнаруживается въ такой простотѣ и наглядности, какъ въ этихъ послѣднихъ.

Но еще болѣе, можетъ-быть, чѣмъ сближеніе данныхъ растительной и животной физиологій, имѣетъ важности сближеніе данныхъ физиологій растений съ данными органической химіи. Живое растение представляетъ намъ ту таинственную лабораторію, въ которой, изъ немногихъ неорганическихъ элементовъ и изъ простѣйшихъ соединеній, создаются тѣ безконечныя ряды разнообразныхъ и сложныхъ тѣлъ, которыхъ изученіе составляетъ предметъ органической химіи. Способъ образованія огромнаго большинства этихъ веществъ до сихъ поръ остался для насъ тайной. Во многихъ случаяхъ мы можемъ сказать навѣрное, что онъ основанъ на процессахъ, не имѣющихъ никакой аналогіи съ насильственными и грубыми операціями нашихъ лабораторій. Нѣтъ сомнѣнія, что истинная конституція этихъ тѣлъ сдѣлается намъ извѣстною только тогда, когда удастся намъ прослѣдить про-

цессъ ихъ естественнаго образованія во всѣхъ отдѣльныхъ стадіяхъ его. Въ этой задачѣ сходятся стремленія растительной физиологіи и органической химіи. Нельзя не сознаться, что въ этомъ отношеніи физиологи еще мало сдѣлали для химіи, но уже тѣ немногія указанія, которыми она имъ обязана, имѣютъ самый высокій научный интересъ и возбуждаютъ самыя блестящія надежды на будущее.

Наконецъ, физиологія растений и съ самою физикой представляетъ много важныхъ точекъ соприкосновенія. Растеніе, этотъ до безконечности сложный и тонкій организмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ есть тончайшій реактивъ на внѣшніе дѣятели, на свѣтъ, на теплоту, на составъ атмосферы, на всѣ климатическія условія, и въ этомъ отношеніи несравненно чувствительнѣе самыхъ чуткихъ искусственныхъ реактивовъ. При изученіи климата извѣстной мѣстности, мы можемъ извлечь изъ наблюдений надъ его растительностію такія данныя, которыхъ невозможно извлечь изъ самыхъ тщательныхъ метеорологическихъ наблюдений. Чтобы привести только одинъ примѣръ чрезвычайной чувствительности растений, даже къ такимъ дѣятелямъ, которые вполне ускользаютъ отъ самаго тщательнаго наблюденія, упомяну о недавнемъ открытіи Гиллемена, который нашелъ за извѣстнымъ до тѣхъ поръ предѣломъ солнечнаго спектра лучи, которыхъ присутствіе не можетъ быть указано самыми чувствительными фотографическими реактивами, но явно обнаруживается ихъ дѣйствіемъ на растенія (1).

Изъ сказаннаго можно вывести суммарную программу задачъ, входящихъ въ область современной физиологіи растений. Первымъ и главнымъ стремленіемъ ея должно быть отыскиваніе тѣхъ пунктовъ, гдѣ растительная физиологія, пріобщаясь къ областямъ физики и химіи, начинаетъ принимать строго-научный характеръ. Затѣмъ она излагаетъ всю ту массу данныхъ и свѣдѣній, которыя еще не подлежатъ такому приведенію къ болѣе-общимъ началамъ, въ томъ порядкѣ, въ той связи, которую придаютъ ей аналогіи, замѣченныя между этими фактами, и причинныя отношенія, связывающія ихъ между собою и съ явленіями, происхо-

(1) Разнородные лучи, которыхъ совокупность составляетъ солнечный свѣтъ, и которые можно отдѣлить одинъ отъ другаго, пропуская солнечный лучъ сквозь стеклянную призму, не всѣ одинаково дѣйствуютъ на живое растеніе. Изъ опытовъ Поджіоли, Пайе и Гарднера явствуетъ, что свойствомъ производить обращеніе растений къ свѣту обладаютъ преимущественно лучи фіолетовые и синіе, и кромѣ того тѣ лучи, смежныя съ фіолетовыми, которые не дѣйствуютъ на наши зрительные органы, но присутствіе которыхъ обнаруживается ихъ химическимъ дѣйствіемъ на извѣстныя тѣла, напримѣръ на чувствительныя фотографическія бумажки. Растенія оказываются чувствительнѣе къ этимъ невидимымъ лучамъ, нежели самыя чувствительныя фотографическія бумажки.

дѣйствіями вѣ растительнаго организма. Она должна стараться, чтобы такимъ образомъ доступные намъ факты группировались въ возможно ясныхъ и полныхъ картинахъ. Тамъ, гдѣ, въ ходу изложенія, будутъ встрѣчаться факты, не входящіе въ рамки этихъ картинъ, не поддаваемые подъ эмпирическіе законы, выведенные изъ большинства наблюдений, она должна выставлять ихъ въ полномъ свѣтѣ, какъ напоминаніе о несовершенствѣ построеній современной науки, какъ матеріалъ для будущихъ воззрѣній, болѣе широкихъ, болѣе соответствующихъ природѣ вещей.

Не скроемъ, что подъ часъ бываетъ трудно питать интересъ къ даннымъ, не имѣющимъ до сихъ поръ видимой связи съ самымъ зданіемъ науки. Но и онѣ получаютъ жизнь и привлекательность, если только возбужденъ интересъ къ самымъ явленіямъ природы, которымъ онѣ посвящены. Этотъ интересъ можетъ приковать наше вниманіе даже къ фактамъ самымъ мелкимъ, самымъ одиноко-стоящимъ въ наукѣ. Присущая имъ прелесть, ихъ гармонія съ потребностями нашего ума, чувствуемая даже тамъ, гдѣ мы еще не въ силахъ ясно сознать ее, вступитъ въ свои права и увлечетъ насъ сильнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ преждевременныя попытки подвести эти явленія подъ извѣстные намъ законы.

Позволю себѣ въ заключеніе прибавить еще одно замѣчаніе. Говоря объ отношеніяхъ растительной фیزیологіи къ сопредѣльнымъ съ нею наукамъ, я съ намѣреніемъ умолчалъ о практическихъ примѣненіяхъ ея къ фармакогнозій, къ технологіи, къ сельскому хозяйству. Это не потому, конечно, чтобы я хотѣлъ отрицать важность точки зрѣнія практическихъ примѣненій при изученіи естественныхъ наукъ. Не признавать важности этой точки зрѣнія въ наше время невозможно. Но не съ ней слѣдуетъ намъ смотрѣть на какой бы то ни было предметъ вѣдѣнія, если мы хотимъ успѣшно проникнуть въ глубину его, овладѣть имъ. Не буду распространяться о томъ обстоятельстве, что только при безкорыстномъ, безусловномъ изученіи природы, мы можемъ дойти до той общности и опредѣлительности познаній, которая одна дѣлаетъ возможнымъ ихъ практическое примѣненіе. Это убѣжденіе вытекаетъ изъ всей исторіи естественныхъ наукъ и ихъ приложений, но не одно оно побуждаетъ ученаго устранять отъ своихъ занятій точку зрѣнія практическихъ примѣненій. Къ тому побуждаетъ причина болѣе общая, болѣе глубокая. Эта причина—твердое убѣжденіе, что лишь тогда могутъ быть успешны наши стремленія къ какому бы то ни было знанію, когда въ этомъ знаніи одномъ мы видимъ цѣль нашего стремленія, когда нѣтъ другой цѣли, которой мы бы подчиняли, какъ средство, наше знаніе. Вопросъ *къ чему?* постоянно задаваемый наукѣ людьми, чуждыми

научнымъ интересамъ, никогда не найдетъ своего полного разрѣшенія въ тѣхъ безчисленныхъ практическихъ примѣненіяхъ, которыя обыкновенно приводятся неловкими защитниками науки, какъ бы извиненіе за ту несравненно обширнѣйшую область ея, которая совершенно чужда такихъ примѣненій. Въмѣсто того, чтобы стараться доказать, что всѣ пріобрѣтенныя нами знанія о природѣ могутъ найти практическое приложеніе, сознаемся просто, что независимо отъ всякаго такого приложенія, познаніе законовъ, управляющихъ природой, разсмотрѣніе ихъ разнообразныхъ проявленій, составляетъ для нашего ума такую же настоятельную, законную потребность, какъ потребность нашего тѣла въ пищу; сознаемся, что если, по словамъ Писанія, не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ, — для испытателя природы этотъ глаголъ, исходящій изъ устъ Божіихъ, эта пища, столь же нужная, какъ хлѣбъ насущный техническихъ приложеній, есть глаголъ, исходящій изъ хаоса явленій природы, есть сознаніе управляющихъ ею законовъ.

С. Рачинскій.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Когда Вашингтонъ сдѣлалъ первый удачный опытъ федераціи въ Сѣверной Америкѣ, впечатлѣніе, произведенное имъ, было громадно. Замѣчательные мыслители и государственные люди сочувственно слѣдили за новымъ явленіемъ и видѣли въ немъ едва ли не послѣднее слово съ сферѣ политической жизни и государственныхъ формъ; Сѣверо-Американскіе Штаты послужили типомъ, по которому считалось возможнымъ устроить и отдѣльное государство, и международный союзъ; казалось, найдено было разрѣшеніе всѣхъ политическихъ вопросовъ, которые накопила въ Европѣ исторія; казалось, что ничего не было проще, какъ развѣстять по американскому типу всѣ многочисленныя провинціи, которыя очертились подъ вліяніемъ феодальной самостоятельности, а потомъ продавались, мѣнялись, отдавались въ приданое или на церковь.

Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось; вѣра въ универсальныя по

литическія дѣла ослабѣла значительно: Европейцы, пріѣзжавшіе въ Америку, уѣзжали оттуда часто разочарованными; они не могли привыкнуть къ этому государству, въ которомъ государства иногда не видно, къ обществу, въ которомъ нѣтъ историческихъ преданій, нѣтъ даже національности. Изъ Америки приходили извѣстія о такихъ явленіяхъ, которыя почти неприводимы на европейскій языкъ или звучатъ не гармонически для европейскаго слуха; многіе стали предсказывать близкое раздѣленіе Американскаго Союза на сѣверный и южный изъ-за вопроса о рабствѣ, который пересталъ быть вопросомъ въ Европѣ; Токвилъ съ ужасомъ говорилъ о нѣкоторыхъ сторонахъ американской демократіи; г. Кобденъ пугаетъ Англію тайною подачей голосовъ, основываясь на авторитетѣ Америки; Испанцы съ тоской смотрятъ на островъ Кубу, высчитывая день, когда его отнимутъ опасные сосѣди; извѣстія о томъ, что Американцы купили территорію или овладѣли территорією, сдѣлались въ столько обыденными, что никого болѣе не удивляютъ. Американская дипломатія выработала свои приемы: она умѣетъ очень ловко отступить въ случаѣ серьезнаго сопротивленія или заговорить рѣшительно въ случаѣ слабости противника; она даже пыталась образовать свой особенный міръ, въ которомъ имѣлъ бы право гражданства только одинъ флагъ—золотыя звѣзды на синемъ полѣ. Но Европа не хочетъ, чтобы ей запирали двери въ Америку; туда стремятся всѣ недовольные, потерпѣвшіе неудачу въ политическихъ замыслахъ, въ экономическихъ разчетахъ, даже въ сердечныхъ дѣлахъ,—всѣ, отъ г. Кошута до Пизистрата Какстона. Для нихъ оказались недостаточными корабли обыкновенныхъ размѣровъ, и Англія послала недавно въ первое плаваніе *Great Eastern*, чудовищный пароходъ, который за одинъ разъ будетъ перевозить въ Америку до десяти тысячъ человѣкъ и придвинетъ Нью-Йоркъ только на семь дней пути отъ Лондона. Это ускоритъ значительно обмѣнъ товаровъ, идей, и облегчитъ возможность для Европейцевъ ближе знакомиться съ Америкой. Можно сказать, что теперь уже почти нѣтъ въ Европѣ безусловныхъ поклонниковъ Америки, но съ другой стороны не сомнѣнно и то, что Соединенные Штаты могутъ во многихъ отношеніяхъ служить для Европы, и особенно для болѣе молодыхъ государствъ и народовъ ея, отчасти полезнымъ примѣромъ, отчасти полезнымъ предостереженіемъ.

Изъ сѣверо-американской политической школы, въ числѣ другихъ началъ, принесено было въ Европу и начало федераціи, которое столкнулось здѣсь съ другою, давно заготовленною почвой. Въ Европѣ были еще въ свѣжей памяти кровавыя войны за религію, европейскія знамена стремились разбѣститься по началамъ кровнаго, племеннаго родства, и на нихъ крупными бук-

вами была написана прошедшая національная исторія, со всѣми своими атрибутами: народною враждой и местію, народными предрасудками и народными симпатіями. Этотъ элементъ національности, который имѣетъ характеръ натуральный, естественный, воспользовался американскою идеей федераціи и въ ней искалъ осуществленія своихъ политическихъ формъ. Федерация болѣе или менѣе привилась къ европейской жизни и даже сдѣлалась однимъ изъ государственныхъ догматовъ. Довольно вспомнить о событіяхъ 1848 года, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Швейцарія сложилась въ эту эпоху почти совершенно по образцу Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, который Нѣмцы называютъ *Bundesstaat*; въ Италіи высказано также стремленіе къ союзу; на сѣверѣ явились попытки скандинавизма въ формѣ федераціи Даніи, Швеціи и Норвегіи; на югѣ Дунайскія княжества осуществили мысль о соединеніи. Въ этой федеративной формѣ народы искали гарантій для своей безопасности и думаютъ осуществить по возможности политическое равновѣсіе, въ основѣ котораго лежитъ, безспорно, истинное начало. «При желѣзныхъ дорогахъ и телеграфахъ, говорятъ Нѣмцы, малыя государства кажутся уже слишкомъ малыми.» Для народной гордости какъ-будто стало обидно, что въ нѣсколько часовъ вагоны проѣзжаютъ черезъ двѣ или три границы; арміи повсюду достигли громадныхъ размѣровъ, и чтобъ избавиться отъ этой грозы, пришлось вступать въ оборонительныя ассоціаціи, подобно тому, какъ англійскіе рабочіе составляютъ общества съ цѣлію поставить себя въ независимость отъ большихъ капиталистовъ. Такимъ образомъ мысль о федеративномъ устройствѣ выступаетъ на первый планъ всякій разъ, когда дѣло идетъ о гарантіи національной или государственной самостоятельности, и проявлялась съ особенною силой въ періоды опасности со стороны славоблюбивыхъ государей и народовъ. Но этимъ не исчерпывается значеніе федеративнаго начала, и можно даже думать, что наибольшая важность его для будущаго устройства многихъ европейскихъ народовъ заключается въ другой его сторонѣ. Ограждая внѣшнюю независимость народовъ и государствъ, федеративное начало въ то же время можетъ служить хорошимъ обезпеченіемъ свободы внутри страны. Оно соединяетъ мелкія, слишкомъ дробныя части и, централизуя ихъ, увеличиваетъ ихъ силу; но централизація, основанная на федеративномъ началѣ, должна по необходимости отличаться умеренностію и никакъ не можетъ превратиться въ деспотическій гнетъ. Поэтому-то въ странахъ, которыя не богаты историческими формациями, способными оказать могущественный отпоръ властолюбію, переступающему предѣлы законности, политическія гарантіи ненаруши-

мости права едва ли могутъ быть найдены безъ помощи федеративнаго начала, связывающаго центръ частями и части центромъ. Почему въ Америкѣ не возможна такая военная диктатура, какая возможна во Франціи, если не потому, что Нью-Йоркъ не имѣетъ тамъ того значенія, которое дѣлаетъ властителя Парижа властителемъ Франціи? И если сѣверо-американскій конгрессъ никогда не приметъ характера французскаго конвента, то опять не потому ли, что отдѣльные штаты могутъ оказать ему гораздо большій отпоръ, нежели смогли оказать парижскому конвенту, лишенные самостоятельной жизни, департаменты, на которые властолюбивая революціонная демократія раздробила и размельчила Францію? Съ другой стороны федеральная связь, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, имѣла столько силы, что отложеніе отдѣльныхъ штатовъ отъ Союза является совершенною невозможностію, а слѣдовательно невозможно и своеволие внутри штата; центральное правительство всегда имѣетъ довольно средствъ, чтобы возстановить порядокъ, еслибы онъ былъ серьезно нарушенъ въ какомъ-либо штатѣ.

Эти общія замѣчанія оправдываютъ интересъ, возбуждаемый тѣми событіями, въ которыхъ выражается стремленіе къ водворенію или къ развитію и видоизмѣненію федеративнаго начала на материкѣ Европы. До сихъ поръ эти стремленія носили преимущественно національный характеръ. Обще-европейское значеніе они имѣютъ болѣе всего въ Германіи, о которой мы напѣрены говорить теперь, по поводу стремленій къ «національному» единству, высказавшихся въ послѣднее время.

Теперешнее движеніе въ Германіи не можетъ быть понятно безъ поясненія тѣхъ событій, которыя приготовили его. Но мы зашли бы слишкомъ далеко, еслибы захотѣли излагать всю исторію Германскаго Союза; потому остановимся только на главныхъ чертахъ, характеризующихъ эту федерацію съ 1815 года.

Мысль о германской федераціи принадлежитъ барону Карлу фонъ-Штейну, съ именемъ котораго соединяется эпоха возрожденія Пруссіи и борьбы за независимость Германіи. Тотчасъ послѣ того, какъ великая армія Наполеона была уничтожена въ Россіи, Штейнъ задумалъ образовать изъ Германіи одно цѣлое и вмѣсто обветшавшей Имперіи учредить союзъ государствъ на новочъ началѣ народнаго представительства. Таковъ былъ смыслъ калишской прокламаціи 1813 года. Для борьбы противъ Наполеона поднять былъ элементъ народный, союзные государи обратились къ нему, и Штейнъ считалъ необходимымъ удовлетворить чувство національности, высказавшемуся съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ; дѣло шло объ общегерманской конституціи, которая гарантировала бы свободу и единство Германіи.

Такъ было обѣщано союзными монархами въ Калишѣ, и эти начала поддерживалъ въ послѣдствіи императоръ Александръ I; была мысль съ перваго раза раздѣлить Германію на семь округовъ, учредить двѣ общегерманскія палаты и ввѣрить исполнительную власть особенной директоріи. Однимъ словомъ, по плану Штейна, Германія весьма близко подходила къ сѣверо-американскому типу, къ тому, что называютъ Нѣмцы *Bundesstaat*, союзное государство. Но этотъ планъ не осуществился. На вѣнскомъ конгрессѣ признана была основнымъ началомъ полная независимость тридцати шести (теперь тридцать пять) германскихъ государствъ, и ихъ союзъ получилъ значеніе международной комбинаціи, или того, что у Нѣмцевъ обозначается словомъ *Staatenbund*, союзъ государствъ. Сеймъ, собирающійся во Франкфуртѣ на Майнѣ, состоитъ только изъ посланниковъ, представляющихъ лицо своихъ государей и заботящихся исключительно о правахъ верховной власти и о внѣшней безопасности Германіи; для послѣдней цѣли существуетъ нѣсколько общегерманскихъ крѣпостей и особый германскій контингентъ, составляющій два процента народонаселенія. На сеймѣ большія государства имѣютъ каждое по одному голосу, а прочія соединяются по два и по три, такъ что всего насчитывается семнадцать голосовъ; австрійскій посланникъ есть президентъ сейма, и дѣла на немъ рѣшаются абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Сеймъ имѣетъ право законодательства, суда и управленія, но объемъ этого права не определенъ, и во всякомъ данномъ случаѣ возникаетъ вопросъ о компетентности сейма. Преобладающій характеръ его есть международный, какъ это высказано ясно въ 1 статьѣ акта 1820: «Германія есть международный союзъ германскихъ самостоятельныхъ государей и вольныхъ городовъ.»

Такое устройство сейма не удовлетворило Германію, и съ перваго раза высказывалось неудовольствіе противъ него. Особенно два обстоятельства способствовали этому: отсутствіе публичности въ обсужденіи вопросовъ и право председательства Австріи. Дѣйствуя безо всякаго контроля, члены франкфуртскаго собранія, естественно, увлеклись реакціей и стали заботиться о томъ, чтобъ отдѣльными государства не проводили слишкомъ либеральныхъ началъ. Мы уже имѣли случай указать на рядъ постановленій сейма, изданныхъ подъ влияніемъ Австріи и стремившихся къ ограниченію гражданской и политической свободы (1). Поэтому всякій разъ, когда высказывались съ особенною силой протесты противъ сейма, они формулировались въ требованіи, чтобы народъ получилъ на немъ право представитель-

(1) Русскій Вѣстникъ 1859 № 7.

ства, и чтобъ Австрія была исключена изъ союза. Въ 1848 году составленъ былъ новый проектъ устройства Германіи, съ соблюденіемъ этихъ двухъ условій; мы говорили прежде объ этомъ проектѣ, который былъ приведенъ въ исполненіе въ такъ-называемомъ *Vorparlament*, то-есть предварительномъ парламентѣ, составленномъ изъ депутатовъ отъ германскаго народа. Мы говорили также, что послѣ 1849 года австрійская реакція начала дѣйствовать съ новою силой, и теперь подтвердимъ это, напомнивъ читателямъ конституціонную исторію Гессенъ-Касселя.

Въ этомъ курфиршествѣ издана была въ 1831 году конституція, которая на столько удовлетворяла желаніямъ народа, что даже въ 1848 году въ ней были сдѣланы только незначительныя перемѣны, касавшіяся законовъ о выборахъ. Но въ 1850 году первымъ министромъ въ Касселѣ сдѣлался г. Гассенпflugъ, ознаменовавшій себя самыми реакціонными стремленіями. Съ перваго раза онъ потребовалъ, чтобы палата утвердила новые налоги, безъ разсмотрѣнія бюджета. Палата, разумѣется, отказала, и г. Гассенпflugъ призналъ такой поступокъ «возмущеніемъ»; въ Касселѣ объявлено было осадное положеніе, и дѣло передано на рѣшеніе франкфуртскаго сейма. Сеймъ былъ тогда въ пароксизмъ реакціи, подъ вліяніемъ Австріи. Онъ призналъ возмущеніемъ отказъ палаты въ утвержденіи налоговъ; австрійскія и баварскія войска вступили въ Кассель для наказанія виновныхъ. Всѣ чиновники, не подчинившіеся безусловно г. Гассенпflugу, были лишены своихъ мѣстъ, судились военнымъ судомъ, мирные граждане платились «эзекуціей», страна обѣднѣла, тюрьмы наполнились. Назначены были два комиссара, отъ Австріи и отъ Пруссіи; они представили свою записку о положеніи дѣлъ въ Касселѣ, и сеймъ постановилъ въ 1852 году, что конституція 1831 года несовмѣстна съ сеймовыми законами; министерству г. Гассенпфлуга предоставлено было право дать новую конституцію. Въмѣсто одной палаты, какъ постановлено было въ 1831 году, явилось двѣ: верхняя составила изъ рыцарства, не имѣющаго ни значенія, ни богатства въ Касселѣ; въ нижнюю палату одна треть членовъ избиралась отъ богатыхъ землевладѣльцевъ, другая отъ городскихъ цеховъ и послѣдняя отъ сельскихъ общинъ; каждое сословіе избирало поровну, то-есть по 16 членовъ. Но и при такихъ условіяхъ въ палатѣ оказалась слишкомъ сильная оппозиція, и г. Гассенпflugу пришлось снова обратиться за помощію къ сейму; между тѣмъ онъ могъ представить нѣсколько конституціонныхъ вопросовъ, въ которыхъ правительство сошлось съ палатами, и въ этихъ пунктахъ сеймъ утвердилъ новую конституцію. Но народонаселеніе Касселя и всѣ либералы въ Германіи не признаютъ законными новыхъ палатъ, которыя поддер-

живаются только сеймомъ и боязнію баваро-австрійскаго вмѣшательства; они не признаютъ далѣе за сеймомъ права издавать внутренніе законы въ отдѣльныхъ государствахъ и требуютъ возстановленія палаты 1831 года.

Что было въ Гессенъ-Касселѣ, то повторилось въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ и въ другихъ государствахъ, и конституціонная партія въ Германіи возлагала свои надежды только на Пруссію, отъ которой ждала помощи противъ австрійской реакціи. Изъ приведеннаго нами примѣра Гессенъ-Касселя видно, что политическое устройство каждаго отдѣльнаго государства находилось постоянно *à la merci* сейма; все, что короли и герцоги уступали внутри своихъ владѣній, они могли уничтожить тотчасъ же сеймовымъ протоколомъ. Одно и то же лицо получало различный характеръ въ отдѣльномъ государствѣ и на сеймѣ. «Нельзя не подивиться тому, справедливо замѣчаетъ корреспондентъ журнала *Times*, что германскіе государи у себя дома дѣйствуютъ на основаніи конституціонныхъ хартій, а на сеймѣ являютъ абсолютными монархами.»

Послѣ этого понятно; что сеймъ удовлетворялъ только сторонниковъ реакціи, въ рукахъ которой онъ былъ вѣрнымъ орудіемъ противъ всякаго прогресса. Но для либеральныхъ, а равно и для крайне-демократическихъ стремленій вмѣшательство сейма во внутреннія дѣла сдѣлалось предметомъ ненависти.

Не болѣе удовлетворялъ сеймъ и своею внѣшнею политикою тѣхъ Германцевъ, которые желали болѣе рѣшительнаго вліянія Германіи на дѣла Европы. За исключеніемъ шлезвигъ-голлштейнскаго вопроса, Германія въ общемъ своемъ составѣ не принимала участія въ международныхъ спорахъ и никогда не соглашалась въ одинаковомъ образѣ дѣйствій. У Австріи были свои интересы, у Пруссіи свои, второстепенныя германскія державы слѣдовали своей политикѣ. Это высказалось напримѣръ во время крымской войны и во время италіанской кампаніи Наполеона III; Германія вооружалась, ставила на военную ногу свои контингенты, но никто не зналъ, какъ, когда и противъ кого они будутъ дѣйствовать; никто не рѣшался опредѣлить напередъ съ точностію *casus belli*. Великія европейскія событія рѣшались почти безъ участія Германіи, и Европа смотрѣла на Германію, какъ на «географическое выраженіе», видѣла въ ней только Австрію и Пруссію, о мнѣніи же прочихъ германскихъ государствъ мало заботилась; на конгрессахъ засѣдали только австрійскій и прусскій посланники, а Франкфуртскій сеймъ въ дипломатіи не имѣлъ никакого вѣсу.

Такимъ образомъ, та форма федераціи, которая существуетъ въ Германіи, мало достигала своей цѣли. На совѣтахъ Европы

она была бессильна; въ дѣлахъ, касавшихся собственно Германіи, она служила орудіемъ реакціи; слѣдовательно, не достигались цѣли федераціи, указанныя Штейномъ, «свобода и единство Германіи».

Достиженіе этихъ двухъ цѣлей послужило мотивомъ постоянныхъ агитацій въ Германіи, высказавшихся съ особенною силой съ 1848 года. Всѣ проекты будущей Германіи имѣютъ въ виду преимущественно или единство, или свободу Германіи. Мы укажемъ здѣсь на главнѣйшіе.

Съ 1848 года явилась преобладающею идея единства. Основываясь на томъ, что отдѣльныя государства достигали политической свободы, и что эта свобода была парализирована сеймомъ, многіе Нѣмцы разсуждаютъ такимъ образомъ: «Если мы составимъ одно государство, то будемъ въ состояніи упрочить въ немъ конституцію; теперь же отдѣльныя, разрозненные попытки не могутъ имѣть успѣха. Каково бы ни было правительство Германіи, но пусть только оно будетъ одно, и тогда возможно его улучшение.» Эта мысль привела сначала къ имперіи 1849, существовавшей только нѣсколько мѣсяцевъ. Когда же попытка воскресить имперію оказалась несостоятельною, приверженцы единства обратились къ другому плану: они рѣшились поставить Пруссію во главѣ Германіи или, другими словами, превратить Германію въ Пруссію. Такова была мысль готской партіи (Gothaer), получившей свое названіе отъ того, что члены ея, послѣ распущенія Франкфуртскаго парламента, собрались въ Готѣ и отсюда послали свое предложеніе королю прусскому. Готская партія разчитывала на успѣхъ своего дѣла, потому что во главѣ прусскаго министерства стоялъ тогда г. фонъ-Радовицъ, одинъ изъ членовъ той же партіи. Но ожиданія *готаровъ* не сбылись; прусскій король не далъ никакого яснаго отвѣта на ихъ предложеніе, и какъ бы оправдалъ мнѣніе г. Гервинуса о прусской политикѣ; въ изданномъ на дняхъ четвертомъ томѣ *Исторіи девятнадцатаго столтія* авторъ говоритъ: «Французскій писатель наполеоновскаго времени называлъ обычаемъ австрійскаго двора обычаемъ ожидать отъ времени того, чего другіе ждуть отъ силы; можно сказать, что вся мудрость прусской политики состоитъ въ томъ, чтобы твердо держаться пассивной роли и нейтралитета и рѣшительно воздерживаться отъ всякихъ рѣшеній.» Пока прусскій король колебался въ своемъ отвѣтѣ, Австріи удалось, при помощи Россіи, парализовать планы уніонистовъ, удалить г. фонъ-Радовица и поставить на его мѣсто графа Мантейфеля. При новомъ правительствѣ, готская партія не могла надѣяться на успѣхъ; Пруссія стала потворствовать Австріи, дозволила ей войскамъ вступить въ Гессенъ-Кассель и вообще перешла на сторону ре-

акціи. Но министерство князя Гогенцоллерна оживило снова надежды готской партіи: онѣ основывались на либеральномъ направленіи новаго министерства и на томъ, что одинъ изъ его членовъ, баронъ Шлейницъ, былъ нѣкогда сотрудникомъ барона Радовица. Мысль о гегемоніи Пруссіи казалась осуществимою, тѣмъ болѣе, что во время италіанской кампаніи сама Пруссія потребовала себѣ военнаго и дипломатическаго предводительства и объявила, что не будетъ стѣсняться положеніями сейма. Въ этомъ всѣ приверженцы единства Германіи увидѣли залогъ успѣха для своихъ плановъ и начали агитацію въ разныхъ государствахъ, преимущественно сѣверныхъ. Виллафранкскій миръ и ожиданіе австро-французскаго союза увеличили опасеніе всѣхъ людей либеральной партіи; на общемъ сѣздѣ въ Эйзенахъ, 14 августа, они утвердили слѣдующую программу:

1. Теперешнее положеніе Европы представляетъ большія опасности для независимости нашего отечества Германіи, которыя еще болѣе увеличиваются отъ мира между Франціей и Австріей.

2. Эти опасности коренятся главнымъ образомъ въ федеральномъ устройствѣ Германіи, и могутъ быть предотвращены только неотлагательнымъ измѣненіемъ этого устройства.

3. Для этого необходимо замѣнить германскій сеймъ центральнымъ правительствомъ, прочнымъ, сильнымъ и постояннымъ, и созвать германское народное собраніе.

4. При настоящихъ обстоятельствахъ самыя дѣйствительныя мѣры могутъ быть приняты только Пруссіей; поэтому необходимо склонить Пруссію взять на себя инициативу въ дѣлѣ реформы.

5. Пока устроится центральная власть, необходимо передать Пруссіи управленіе германскими военными силами и дипломатическое представительство всей Германіи, на случай скорой опасности для общаго отечества.

6. Каждый Германецъ долженъ считать своею обязанностью поддерживать всѣми силами прусское правительство, по сколько цѣли Пруссіи совпадаютъ съ потребностями и цѣлями Германіи, и по сколько прусское правительство стремится къ установленію прочной и либеральной конституціи въ Германіи.

7. Мы ожидаемъ отъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ общей родины, — будутъ ли они принадлежать къ партіи демократической или конституціонной, — что они поставятъ независимость и единство народа выше стремленій партій, и что они своимъ единодушіемъ и постоянствомъ станутъ содѣйствовать созданію прочной германской конституціи.

Эйзенахская программа формулировала такъ вѣрно требованія многочисленныхъ приверженцевъ германскаго единства, что вся

дальнѣйшая агитація примыкала къ ней, и всѣ предложенія измѣнить хотя одинъ параграфъ ея были безуспѣшны. Въ разныхъ частяхъ Германіи составлялись длинныя списки лицъ, признававшихъ эйзенахскую программу; въ числѣ другихъ было нѣсколько редакторовъ ежедневныхъ газетъ, какъ напримѣръ г. Дункеръ, издатель *Volkszeitung*, г. Брокгаузъ отъ *Deutsche Allgemeine Zeitung*, г. Цабель, редакторъ *National-Zeitung* и проч.; множество публицистовъ, какъ напримѣръ гг. Шульце-Деличъ, Рохау и другіе, подписались подъ программой. Она сдѣлалась предметомъ комментариевъ и полемики между журналами сѣверной и южной Германіи. Защитники программы доказываютъ, что они желаютъ, чтобы Германія получила форму союзнаго государства (Bundesstaat), съ центральною властію для внѣшняго представительства Германіи; противники программы напротивъ видятъ въ ней стремленіе къ централизованному государству (Centralstaat), къ уничтоженію малыхъ государствъ и къ образованію изъ нихъ прусскихъ провинцій.

Дѣйствительно, хотя въ самой программѣ не высказана прямо необходимость медиатизировать малыя государства, однако въ рѣчахъ, произнесенныхъ по этому случаю, сдѣланы были прямыя указанія на то, что Германія можетъ быть сильна и безопасна только подъ условіемъ исключенія изъ нея Австріи и всѣхъ негерманскихъ владѣній и соединенія всѣхъ остальныхъ подъ однимъ правительствомъ. Такое разногласіе мнѣній зависитъ отъ того, что въ составленіи программы участвовали двѣ партіи: конституціонная и демократическая, сліяніе которыхъ *Allgemeine Zeitung* называетъ *новоготскою партіей*. Болѣе умѣренные представители ея довольствуются соединеніемъ военнаго и дипломатическаго представительства Германіи въ лицѣ Пруссіи. Такъ напримѣръ г. Безелеръ въ своей брошюрѣ *Das deutsche Verfassungswerk nach dem Kriege* предлагаетъ германскимъ правительствамъ, за исключеніемъ австрійскаго, согласиться на соединеніе всѣхъ военныхъ силъ своихъ въ одну нераздѣльную армію и предоста-вить ее въ распоряженіе Пруссіи. Этой же державѣ, говоритъ онъ, слѣдуетъ передать всѣ дипломатическія сношенія Германіи, также ея законодательство торговое, морское и т. п.; но въ остальныхъ вопросахъ не слѣдуетъ отнимать у отдѣльныхъ государствъ право издавать законы. Такою комбинаціей была бы достигнута внѣшняя безопасность Германіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ была бы сохранена самобытность отдѣльныхъ державъ. Но и здѣсь условіе объ исключеніи Австріи совпадаетъ съ превращеніемъ Германіи въ Пруссію. До сихъ поръ второстепенныя государства сохраняютъ свою полную самостоятельность, только поддерживая равновѣсіе силъ между двумя главными державами;

если останется только одна изъ нихъ, то весьма трудно предположить, чтобъ она держалась постоянно въ предѣлахъ права и не воспользовалась властью для собственнаго усиленія. Вотъ почему весьма многіе приняли эйзенахскую программу въ смыслѣ проекта медиатизаціи второстепенныхъ государствъ.

Такъ поняли ее и правительства. Въ пользу программы высказались герцоги саксенъ-мейнингенскій и саксенъ-кобургъ-готскій. Въ отвѣтъ на адресъ, представленный членами эйзенахскаго собранія, герцогъ Эрнестъ кобургъ-готскій отвѣчалъ въ слѣдующихъ словахъ: «Въ настоящее время, когда послѣ нѣсколькихъ лѣтъ глубочайшей апатіи, снова пробудилось въ народѣ стремленіе достигнуть силы и величія Германіи, ея внѣшняго могущества и внутренняго единства, каждый патріотъ долженъ привѣтствовать это новое движеніе радостными надеждами. Какимъ бы путемъ мы ни стремились къ достиженію цѣли, какова бы ни была форма будущей конституціи Германіи, но несомнѣнно одно: только тогда можетъ произойти что-либо великое, когда государи и народъ будутъ готовы одинаково *принести жертву* для общаго блага. Что касается до меня, то уже издавна, и по поводу избранія центральной власти въ 1848 году и потомъ при устройствѣ союза въ 1850 году, я добровольно и чисто-сердечно вызывался принести жертву на алтарь нашего отечества. Вы одобрили, господа, мои патріотическія стремленія, и это побуждаетъ меня слѣдовать по избранному мною пути. Будьте увѣрены, что я не только радостно привѣтствую попытку образовать великую національную партію, но что я всегда буду готовъ участвовать совѣтомъ и дѣломъ во всемъ, что придастъ нашей прекрасной странѣ то уваженіе и ту силу, на которыя Германія имѣетъ справедливыя притязанія.» Эта рѣчь, въ особенности указанія на необходимость жертвы, была истолкована въ томъ смыслѣ, что герцогъ Эрнестъ готовъ отказаться отъ своей власти и передать ее въ руки Пруссіи. Австрія и четыре германскія королевства спѣшили протестовать противъ этого. «Третьестепенныя государства, сказано въ официальномъ *Dresdener Journal*, могутъ уступить свои права, но второстепенныя не согласятся на это.» Въ Мюнхенѣ собирались министры иностранныхъ дѣлъ Саксоніи, Баваріи, Вюртемберга и Ганновера, и хотя результаты ихъ конференцій сохраняются въ тайнѣ, однако всѣ убѣждены въ томъ, что королевства будутъ защищать свою самостоятельность. Противъ кого? Отвѣтъ прусскаго правительства на адресъ, представленный депутатами города Штетина, 12 сентября, показываетъ, что германскимъ государямъ придется имѣть дѣло не съ Пруссіей, а съ народною партіей.

Принцъ-регентъ поручилъ графу Шверину отвѣчать на адресъ,

и министр внутреннихъ дѣлъ сказалъ между прочимъ слѣдующее: «Обстоятельства и опытъ послѣднихъ лѣтъ убѣдили всѣхъ въ томъ, что независимость и могущество Германіи извнѣ и также ея умственное и матеріальное развитіе внутри требуютъ твердаго и энергическаго единства ея силъ и преобразования федеральнаго устройства въ этомъ смыслѣ. Прусское правительство соглашается, что такое убѣжденіе совершенно вѣрно. Однакожъ въ своей дѣятельности оно не можетъ руководиться только выраженіями національнаго чувства или однимъ собственнымъ сознаніемъ того, что само по себѣ могло бы быть наиболѣе полезнымъ. Оно не должно уклоняться отъ пути, начертаннаго ему добросовѣстнымъ уваженіемъ къ правамъ другихъ и возможностью достигнуть извѣстныхъ результатовъ въ настоящее время. Уваженіе къ правамъ и закону, обеспечивающее Пруссію во внутреннихъ дѣлахъ, должно опредѣлить наши отношенія къ Германіи и къ нашимъ сочленамъ по Германскому Союзу. Работая надъ развитіемъ общихъ германскихъ интересовъ въ той области, въ которой можно надѣяться на практическіе успѣхи; укрѣпляя военныя силы нашего отечества; утверждая и обеспечивая легальныя отношенія во всей территоріи Союза, правительство, мы въ этомъ увѣрены, въ настоящее время принесетъ гораздо болѣе пользы для Германіи, чѣмъ преждевременными предложеніями, имѣющими цѣлю измѣнить союзное устройство.» Итакъ, четвертая статья эйзенахской программы, остается невыполнимою: Пруссія отказывается отъ инициативы, и это весьма понятно. Новоготская партія, какъ мы сказали, состоитъ изъ разнородныхъ элементовъ, и потому трудно вступить въ открытый союзъ съ нею; по увѣренію корреспондента *Times*, въ этой партіи даже преобладаютъ демократы, которые только на время пристали къ готскому знамени, имѣя въ виду другія цѣли. Во всякомъ случаѣ новое движеніе далеко еще не высказалось въ такомъ размѣрѣ, чтобы прусское правительство могло смѣло пристать къ нему. *Spener'sche Zeitung*, имѣющая близкія сношенія съ прусскимъ министерствомъ, довольно ясно указываетъ на это: «необходимо, сказано здѣсь, чтобы партія, домогающаяся единства Германіи, дѣйствовала энергически и дождалась болѣе замѣчательныхъ результатовъ, прежде чѣмъ просить содѣйствія Пруссіи.» Значитъ, Пруссія только на время отказывается отъ союза съ уніонистами и ждетъ болѣе рѣшительнаго гюгоса страны, чтобы опредѣлить свой образъ дѣйствій.

Какъ бы то ни было, до времени германскія правительства имѣютъ дѣло только съ народною партіей, и должны считаться съ нею. Къ сожалѣнію, они избрали для этого далеко не самыя вѣрныя средства и сами дѣлаютъ свой успѣхъ весьма сомнительнымъ. Вмѣсто убѣжденій и дозволенія гласно обсуждать вопросъ,

на сцену выходить полиція, начальническіе выговоры и притѣ-
ненія, дипломатическія ноты, исполненныя угрозы; все это мо-
жетъ вогнать вопросъ внутрь, задержать его, но далеко не по-
править дѣла. Вотъ нѣсколько фактовъ, показывающихъ образъ
дѣйствія правительствъ.

Въ половинѣ сентября собрался во Франкфуртъ сельскохозяй-
ственный конгрессъ, на которомъ, конечно, вопросъ шелъ и объ
единствѣ Германіи. Члены конгресса, въ числѣ ста пятидесяти
человѣкъ, составили слѣдующее опредѣленіе: «Мы, нижеподписав-
шіеся, признавая существованіе великой національной партіи въ
Германіи, приготовленное въ Эйзенахѣ и Ганноверѣ съ цѣлю
содѣйствовать развитію свободы въ обществѣ отечествѣ, основы-
ваемъ общество, котораго засѣданія будутъ во Франкфуртъ. Наше
призваніе—трудиться надъ осуществленіемъ патріотическихъ
цѣлей сказанной партіи всѣми законными средствами, преимуще-
ственно же путемъ распространенія въ народѣ свѣдѣній о цѣли
и средствахъ агитации, обнимающей всѣ части нашего отечества.»
Двѣнадцать членамъ поручено было написать уставъ общества;
но франкфуртская полиція запретила собранія его, и сенатъ
голосовоно подтвердилъ такое запрещеніе; при этомъ сдѣлана
ссылка только на союзное постановленіе 1854 года, состоявшееся
въ эпоху реакціонныхъ движеній сейма. Само собой разумѣется,
что франкфуртскій сенатъ нисколько не подвинулъ дѣла своимъ
рѣшеніемъ, а только заставитъ общество перемѣститься въ Готу
или какой-либо другой городъ. Даже противники новоготской пар-
тіи не одобряютъ подобнаго образа дѣйствій; такъ напримѣръ
Allgemeine Zeitung, сообщая извѣстіе о немъ, прибавляетъ отъ себя
слѣдующія слова: «Мы повторимъ наше убѣжденіе, что полицей-
скими мѣрами здѣсь ничего нельзя достигнуть. Въ послѣднія со-
рокъ лѣтъ было сдѣлано довольно опытовъ такого рода. Начиная
съ майнцской слѣдственной комиссіи (1819 года), которая не
поощрала самыхъ почтенныхъ людей, и до 1848 года, идетъ длин-
ный рядъ безконечныхъ и бесплодныхъ усилій, тогда какъ сво-
бодная печать могла бы вѣрно и легко сладить съ дѣломъ.»

Въ Ганноверѣ и другихъ государствахъ всѣ должностныя лица,
подписавшіяся подъ эйзенахскою программой, были исключены
изъ службы. Чтобы противодействовать симпатіямъ къ Пруссіи
въ войскѣ, король приказалъ замѣнить прусскія каски австрій-
скими киверами. Наконецъ, въ рѣчи своей къ магистрату города
Эдена, король замѣтилъ, что онъ не можетъ заботиться объ
улучшеніи русла рѣки Эмса, послѣ того какъ жители города
объявили себя въ пользу эйзенахской программы. Случилось,
что на другой день послѣ рѣчи, король шелъ на пароходъ по
Эмсу; пароходъ врезался въ песокъ, и по причинѣ страшной бури

не было возможности подать помощь съ берега, такъ что королю пришлось простоять двѣнадцать часовъ на одномъ мѣстѣ и даже испытать голодъ. « Можно надѣяться, говорить по этому случаю г. Прево-Парадолъ въ *Journal des Débats*, что его величество, послѣ такой долгой стоянки, узнавши на собственномъ опытѣ трудности плаванія по рѣкѣ Эмсу, убѣдится, что гораздо настоятельнѣе потребность улучшить теченіе рѣки, чѣмъ улучшить политическія мнѣнія города. » Нельзя не вспомнить, что Ганноверъ стоялъ во главѣ движенія въ пользу Австріи и поддерживалъ честь германскаго имени на берегахъ По, во время послѣдней войны. Ганноверское правительство является также всегда впереди, когда рѣчь зайдетъ о Шлезвигѣ, однимъ словомъ во « внѣшнемъ патриотизмѣ » у него на бываетъ недостатка; за все это онъ требуетъ только безусловнаго одобренія своихъ дѣйствій и патриархальной покорности, исключаящей всякую оппозицію.

Наконецъ графъ Рехбергъ нашелъ нужнымъ написать ноту 4-го сентября, адресованную къ австрійскому посланнику въ Дрезденъ; эту ноту слѣдовало прочесть всѣмъ германскимъ посланникамъ, хотя она имѣетъ въ виду почти исключительно герцога кобургъ-готскаго. Здѣсь указывается на рѣчь герцога, какъ на нарушеніе его обязанностей въ отношеніи къ сейму. « Слова, говоритъ графъ Рехбергъ, произнесенныя княжескими устами въ Готѣ, выходятъ изъ области свободнаго личнаго воззрѣнія; они касаются существа весьма опредѣленныхъ и важныхъ правъ и обязанностей. » Австрійскій министръ долгомъ считаетъ возражать противъ выраженного его высочествомъ мнѣнія и представить объ этомъ формальный протестъ. Австрійская нота возбудила сильное негодованіе во всѣхъ журналахъ, поддерживающихъ единство Германіи. « Герцогъ кобургъ-готскій, сказано въ *National-Zeitung*, старался помогать Австріи во время послѣднихъ войнъ восточной и италіанской; въ награду за это онъ попалъ теперь въ списокъ тѣхъ, кому оказана была благодарность по-габсбургски; въ этомъ списокѣ уже стояли имена принца Евгенія, Лудовика Баденскаго, Монтекукулли, эрцъ-герцога Карла, императора Николая, бана Елачича. До сихъ поръ думали, что герцогъ Эрнестъ самостоятельный государь; теперь намъ доказываютъ, что ему нужно было спросить позволенія у вѣнскаго кабинета для того, чтобы въ собственномъ дворцѣ высказать свое мнѣніе о германскихъ событіяхъ. » Въ другомъ мѣстѣ тотъ же журналъ чрезвычайно сильно нападаетъ на австрійское правительство за его противодѣйствіе желаніямъ Германіи. « Огромное большинство германскаго народа, сказано здѣсь, не нуждалось въ этой нотѣ, чтобы знать, чего слѣдуетъ ждать отъ Австріи; эта держава никогда не перестанетъ быть врагомъ свободы и единства

Германіи. Нашъ народъ получилъ всѣ политическія права, которыми обладаетъ, только вслѣдствіе борьбы съ австрійскою системою; ничто не измѣнится въ этомъ отношеніи, и ни одинъ Германецъ не ждетъ, конечно, переменъ. Что до насъ, то мы считаемъ весьма важнымъ, чтобы публика не ошибалась въ этомъ дѣлѣ, и друзья свободы должны быть благодарны графу Рехбергу за его помощь. Говорятъ, будто Австрія начинаетъ новую эру; такъ пусть Германцы знаютъ, чего имъ ждать въ ближайшіе годы. Многіе Нѣмцы не хотятъ слышать объ единствѣ Германіи, если въ нее не будетъ включена Австрія. Теперь число ихъ должно уменьшиться; можетъ-быть, они пожелаютъ исключенія Австріи, если убѣдятся, что нечего ждать, чтобы эта держава захотѣла единства Германіи.»

Австрійскіе журналы гораздо спокойнѣе возражаютъ на эйзенхакскую программу и на ея девизъ: «Свобода Германіи внутри, могущество извнѣ.» По мнѣнію *Wiener Zeitung*, внутренняя свобода зависитъ не отъ сейма, а отъ отдѣльныхъ правительствъ; еслибы сеймъ захотѣлъ ограничивать свободу государей, то онъ долженъ бы ограничить и свободу частныхъ лицъ. Что касается до внѣшняго могущества, то оно достигается образованіемъ не централизованнаго государства (*Centralstaat*), а федеративнаго (*Föderativstaat*); Австрія готова содѣйствовать германскому могуществу этимъ путемъ. Въ такомъ мнѣніи офиціального австрійскаго журнала была бы своя доля истины, еслибы на дѣлѣ германскій сеймъ не ограничивалъ именно только свободы частныхъ лицъ, гарантируя правительствамъ полный произволъ. Мы сказали выше, что объемъ законодательной власти сейма не опредѣленъ, и что во всякомъ данномъ случаѣ возникаетъ о ней вопросъ; къ сожалѣнію, до сихъ поръ этотъ вопросъ всегда рѣшался въ пользу реакціи; такъ что нарушенія конституціи оставались подъ спудомъ и вскрывались всякій разъ, когда вліяніе сейма ослабѣвало. Возьмемъ въ примѣръ хотя настоящее время. Едва только явилась надежда на реформу сейма, какъ жители города Касселя подали жалобу герцогу на то, что отъ нихъ избирается только одинъ депутатъ, тогда какъ по закону слѣдуетъ избирать двухъ. Оказалось потомъ, что въ Ангальтскихъ герцогствахъ съ 1848 года не было вовсе конституціи; только 18 августа нынѣшняго года подписанъ основной законъ, да и то проектированный гальскимъ профессоромъ Лео, въ духѣ феодальной партіи. По этому закону, сеймъ состоитъ изъ тридцати шести членовъ, по двѣнадцати отъ cadaго сословія, дворянства, городского и сельскаго населенія; сеймъ собирается до крайней мѣры одинъ разъ въ три года, а члены избираются на шесть лѣтъ; засѣданія секретны; не-христіане не могутъ быть избраны въ депутаты. При

этомъ замѣчаютъ, что всѣ дворянскія имѣнія принадлежать герцогу да еще тремъ лицамъ, и что, слѣдовательно, правительство обезпечено въ томъ, что двѣнадцать членовъ не станутъ контролировать его дѣйствій. Нѣтъ сомнѣній, что Касселемъ и Ангальтомъ не ограничиваются всѣ злоупотребленія, а между тѣмъ они скрывались при существованіи сейма, который дѣйствовалъ произвольно и даже не публиковалъ протоколовъ своихъ засѣданій.

Успѣетъ или нѣтъ агитація готской партіи, это другой вопросъ; во всякомъ случаѣ агитація не пройдетъ безъ слѣда. До сихъ поръ, повидимому, одинъ герцогъ кобургскій выразилъ желаніе *принести жертву*. Въ нѣкоторыхъ газетахъ доказывалось, что онъ имѣетъ полное право на это. Дѣйствительно, въ 6-й статьѣ союзнаго акта 1820 года мы читаемъ слѣдующее положеніе: «Добровольная уступка самодержавныхъ правъ, присвоенныхъ одной изъ территорій союза, можетъ имѣть мѣсто, безъ согласія всѣхъ его членовъ, только въ пользу одного изъ союзныхъ государствъ.» Но едва ли герцогъ Эрнестъ намѣренъ безусловно уступить свое владѣніе Пруссіи, какъ это сдѣлалъ герцогъ гогенцоллернскій въ 1849 году; герцогъ кобургскій, вѣроятно, имѣлъ въ виду болѣе общую медиатизацію, когда говорилъ о жертвахъ. Но второстепенныя германскія государства не послѣдуютъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, примѣру Кобургъ-Готы. Имъ болѣе по сердцу другой проектъ устройства Германіи, который обыкновенно называется *Trias*, то-есть образованіе изъ Германіи трехъ политическихъ тѣлъ: Пруссіи, Австріи и остальной Германіи. Этотъ проектъ недавно развитъ въ брошюрѣ г. Фрѣбеля: *Deutschland und der Friede von Villafranca*. По этому плану, второстепенныя государства должны составить свой особый союзъ. «Это есть единственная форма, при которой они не только на основаніи права, но и на основаніи силы будутъ равны двумъ большимъ германскимъ державамъ... Второстепенныя государства имѣютъ назначеніемъ спасти Германію отъ централизаціи или бюрократіи. Каждый изъ трехъ членовъ можетъ попеременно управлять общими дѣлами и представлять всю Германію во внѣшнихъ сношеніяхъ; во внутреннихъ дѣлахъ каждый членъ вполне самостоятеленъ.» Говорятъ, что саксонскій и баварскій министры, гг. Бейстъ и фонъ-деръ-Фюрстенъ,—приверженцы *Trias*, и можетъ-быть ихъ конвенціи имѣли въ виду его осуществленіе.

Кромѣ препятствій въ самой Германіи, осуществленіе германскаго единства можетъ встрѣтить препятствія со стороны другихъ государствъ. Правда, французское правительство въ своихъ нотахъ во время войны намекало на возможность національнаго единства въ Германіи; но на это нельзя твердо полагаться, тѣмъ болѣе, что теперь измѣнился взглядъ императора Французовъ и

на италянскую народность. Англійскіе журналы отзываются неблагосклонно о теперешней агитаціи въ Германіи и называютъ ее «эстетически-метафизическою». Можно бы примириться легко съ единою Германіей подъ однимъ условіемъ, чтобы она не переходила далѣ своихъ естественныхъ предѣловъ и освободила бы другія народности. Но нынѣ Германцы объ этомъ не хотятъ и думать. Для нихъ Австрія имѣетъ значеніе именно потому, что водружаетъ германское знамя далеко внѣ Германіи. «Гдѣ нѣмецкое государство, говоритъ г. Фрѣбель, господствуетъ надъ внѣгерманскою территорією, тамъ нѣмецкая народность господствуетъ надъ другою, и это господство есть національное дѣло.» Еще болѣе рѣшительно говоритъ объ этомъ г. Виртъ въ своемъ, на дняхъ вышедшемъ, сочиненіи: *Die deutsche Nationaleinheit* (стр. 478). «Австрія есть высшій представитель призванія Нѣмцевъ къ колонизаціи Востока; это становится тѣмъ несомнѣннѣе, чѣмъ болѣе всѣ убѣждаются, что Славяне, неспособные къ самородной культурѣ, проникаются германскою культурой и подчиняются ей. Австріи вручена пограничная стража на Востокѣ, и она найдетъ при всѣхъ столкновеніяхъ съ иностранцами вѣрную опору въ Германіи и будетъ постоянно находить свѣжія силы въ германскомъ народѣ.» Такія вѣрованія далеко неуспокоительны для Европы, и она не можетъ безусловно признать единую Германію, если это единство будетъ средствомъ распространять по лицу всей земли «германскую культуру». Славянскимъ народамъ не останется тогда другаго средства отстоять свою независимость, какъ составить свою федерацію. Одинъ Венгерецъ, помѣщающій свои письма въ *Times*, уже теперь предлагаетъ проектъ подобной федераціи. Онъ становится на точку зрѣнія Англіи и политическаго равновѣсія и старается отвѣчать на вопросъ: чѣмъ замѣнить Австрію и какія гарантіи того, что славянскія земли не будутъ поглощены Россіей? Венгерецъ думаетъ, что народы, подчиненные теперь австрійскому дому, и ихъ ближайшіе сосѣди могутъ образовать сильный оплотъ противъ завоеваній. «Между этими племенами, говоритъ онъ, вы найдете больше единства, чѣмъ сколько можно бы заключить изъ длиннаго списка именъ, стоящихъ на картѣ. Дѣйствительно, если вы взглянете въ этотъ списокъ, то найдете, что онъ сводится къ тремъ группамъ: первая обнимаетъ собою Венгрію, Трансильванію и Кроатію; вторая Сербію, Боснію и Булгарію; третья Молдавію и Валахію.» Обращаясь къ исторіи, авторъ писемъ указываетъ на то, что эти группы не разъ составляли три отдѣльныя цѣлыя. Такъ, напримѣръ, первая группа еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ была соединена въ одно королевство; Австрія своими интригами

уничтожила это единство, но при первой возможности тяготѣніе Трансильваніи къ Венгріи высказывалось съ новою силою, какъ это было въ 1848 году. Означенныя три группы вмѣстѣ могли бы составить Дунайскую федерацію. И это не новая идея, она осуществлялась въ 14 и 15 вѣкѣ при Лудовикѣ Великомъ и Матвѣѣ Корвинѣ. Въ послѣдствіи католическая нетерпимость была причиною того, что Румыны и Славяне предпочитали власть турецкую австрійской,—при первой они спасали по крайней мѣрѣ свою религію; въ 1848 году Дунайскія княжества прислали депутацію къ венгерскому правительству съ предложеніемъ соединиться вмѣстѣ, и только русско-турецкое вмѣшательство остановило осуществленіе этой мысли. Обращаясь снова къ идее дунайской федераціи, авторъ заключаетъ свое письмо слѣдующими словами: «Можетъ-быть пройдутъ годы, прежде чѣмъ созрѣетъ вполне эта идея, а можетъ-быть для этого достаточно дней: такія народныя идеи подобны алоэ, который зрѣетъ невидимо и потомъ въ одну ночь распускается великолѣпнымъ цвѣткомъ.» Мы передаемъ этотъ проектъ, какъ образецъ федеративныхъ плановъ, возникшихъ въ послѣднее время вслѣдствіе желанія найти исходъ изъ политическихъ затрудненій. Этотъ проектъ написанъ Венгерцемъ, и потому естественно, что онъ мало позаботился о славянской группѣ, и не обративъ вниманія на славянскій характеръ Кroatіи, отторгнулъ ее отъ Сербіи. Не подвергая подробному разбору положеній проекта, нельзя не замѣтить, что онъ имѣетъ перевѣсъ передъ планомъ, который приписываютъ Австріи и по которому она именемъ своего вассала царствовала бы въ Дунайскихъ княжествахъ.

Но возвратимся къ Германіи. Самая настоятельная реформа, которой требуетъ теперешнее устройство сейма, есть народное представительство. Мысль о немъ высказывалась постоянно въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, и теперь журналы перепечатали странное письмо короля Вюртембергскаго, къ австрійскому министру князю Шварценбергу, относящееся къ этому вопросу. Оно написано было въ 1851 году, когда австрійское правительство рѣшительно воспротивилось образованію общегерманской палаты представителей. «Я твердо убѣжденъ, сказано въ этомъ письмѣ, что только при соединенномъ парламентѣ возможно образованіе единой, крѣпкой и особенно всѣми уважаемой и прочной центральной силы, и напрасно было бы искать всего этого во внѣшнемъ соединеніи и въ численномъ значеніи. Въ наши дни одна физическая сила не можетъ поддержать никакого общежитія. Репрессивныя законы и полицейскія мѣры сами по себѣ до сихъ поръ никогда не обезпечивали государственныхъ учреждений и не предотвращали государственныхъ переворотовъ. Если я не оши-

баюсь, это достаточно доказалъ намъ ужасающей примѣръ прежняго сейма. Союзъ государствъ гораздо труднѣе руководить и сдерживать, чѣмъ одно государство. Первый гораздо болѣе требуетъ общей нравственной связи, которая оберегала бы его отъ внутренняго разложенія и вѣшняго разрушенія. Такою нравственною связью для всей Германіи, согласно съ духомъ нашего времени, можетъ быть только парламентъ. Напрасно думали бы мы замѣнить его таможенными или торговыми союзами. Матеріальные интересы скорѣе способствуютъ общественнымъ переворотамъ, чѣмъ препятствуютъ имъ; эти интересы не отстаиваютъ себя, они отступаютъ и сдаются скоро и безусловно въ минуту опасности; они столь же измѣнчивы, какъ имущество, на которомъ они основываются; исключительное поощреніе ихъ не отвратило во Франціи ни паденія реставраціи, ни государственнаго переворота 1848 года. По моему мнѣнію, только союзное правительство, поддержанное и возвышаемое общимъ представительствомъ народа, въ состояніи съ одной стороны преодолѣть разрушительные элементы, а съ другой съ успѣхомъ противиться разобщенности и безжизненности союзной силы, равно какъ и шаткости общей связи.» Король убѣждалъ австрійскаго министра не медлить реформами. «Вы знаете, писалъ онъ, я вовсе не приверженецъ импровизированныхъ хартій и новыхъ государственныхъ экспериментовъ (Staatsexperimente), но я такъ же мало люблю на политическомъ поприщѣ вводить то, что приходитъ слишкомъ поздно, какъ и возвращаться къ тому, что пережило себя. Какъ союзный государь, я добросовѣстно стану исполнять мои обязанности къ новому, какъ и къ старому союзу; но какъ Германецъ и правитель моей страны, я въ своей совѣсти и по убѣжденію не могу считать своевременною, достаточною и окончательною ту реформу сейма, которая не считается, какъ должно, съ справедливыми притязаніями народа на участіе въ своихъ великихъ политическихъ судьбахъ.»

Будетъ ли удовлетворена эта потребность — трудно предсказать; до сихъ поръ слышно только о рѣшеніи публиковать всѣ засѣданія сейма *in extenso*, чтобы всѣ могли судить о нихъ. Можетъ-быть, это первый шагъ къ парламенту во Франкфуртѣ; а можетъ-быть на этой мѣрѣ и остановится дѣло. Все будетъ зависѣть отъ того, какою стойкостью обладаетъ теперешняя народная агитація въ Германіи: останется ли она вѣрна себѣ или вся расплывется въ краснорѣчивыхъ словахъ и возвышенныхъ желаніяхъ.

Какъ станетъ дѣйствовать Австрія въ этомъ вопросѣ? Мы видѣли, что графъ Рехбергъ формально протестовалъ противъ эйзенахской программы; австрійскіе журналы также ведутъ борь-

бу съ стремленіями «готанзма», но только на другомъ поприщѣ. Они хотятъ доказать необходимость Австріи для Германіи и указываютъ на послѣднія реформы въ Австріи, какъ на залогъ того, что эта страна перестанетъ быть врагомъ всѣхъ либеральныхъ стремленій, и что Пруссія не имѣетъ надъ нею особыхъ преимуществъ.

Въ этомъ отношеніи весьма любопытна статья, помѣщенная въ *Allgemeine Zeitung* подъ заглавіемъ *Das Ende des Neu-Gothais-tums*. Авторъ статьи сознается, что конституція Пруссіи была сильнымъ ударомъ для Австріи въ глазахъ Нѣмцевъ, и что управленіе графа Мантейфеля поправило ея дѣла, значительно сгладивши различіе между двумя главными германскими державами. Теперь министерство князя Гогенцоллерна снова сдѣлалось опаснымъ для Австріи, и ей приходится спасать себя собственнымъ преобразованиемъ. Мысль эта вполне справедлива: сила и значеніе каждаго государства не за горами, не во внѣшней поддержкѣ, а внутри страны, въ ея разумныхъ учрежденіяхъ въ удовлетвореніи народнымъ потребностямъ. Истина эта стара, какъ исторія, и нова, какъ послѣдняя рѣчь лорда Джона Россела (въ Абердинѣ), который справедливо видитъ значеніе Англій въ томъ, что она постоянно держитъ въ своихъ рукахъ свѣточъ цивилизаціи. *Times*, обращаясь къ Австріи, разсуждаетъ такимъ образомъ:

«Въ Цюрихѣ и въ Парижѣ Австрія все еще имѣетъ дерзкую репутацію державы, всегда успѣвавшей въ дипломатіи; но у себя дома совѣсть говоритъ ей, что этотъ домъ не совершенно безопасенъ. Такъ на востокъ можно видѣть жилища, которыя снаружи смотрятъ дворцами, внѣшность ихъ превосходна, и, кажется, что этихъ домовъ станетъ на многія поколѣнія; но хозяинъ дворца только что связалъ его балки желѣзными брусьюми или обшивкой, и ему хорошо извѣстно, что черви источили всю прочность дерева, что все вокругъ него есть только закрашенная гниль, и что если зданію придется выдержать небольшой ударъ буйнаго гостя или безпокойнаго врага то весь домъ рассыплется въ прахъ. Австрія еще не достигла совершенно такого положенія, но существуютъ очень печальные признаки его. Никто не знаетъ, какъ далеко зашла работа червей, подогнали ли балки или только пострадали ихъ оконечности. Францъ-Иосифъ поспѣшилъ съ полемъ Сольферино и съ виллафранкскихъ конференцій къ себѣ домой, чтобъ изслѣдовать эту вновь открытую слабость. Онъ нашелъ, что въ австрійскомъ строеніи многое сгнило, и что, несмотря на его великолѣпныя деспотическія учрежденія, всему свѣту это извѣстно такъ же хорошо, какъ и ему самому. Даже простые тирольскіе стрѣлки провѣдали это, и, срывая цвѣты съ своихъ шляпъ, говорили о глупости своихъ генераловъ,

такъ же какъ и мы, болтуны-Англичане, говорили о томъ же. Они переняли у насъ нашу нелюбовь къ официальной глупости; они приложили къ себѣ двусмысленный комплиментъ, сказанный на нашъ счетъ Русскими: лвы, предводимые ослами...»

Аугсбургская газета не могла бы оспаривать справедливости такого мнѣнія; но она старается указать на молодую Австрію, *das neue Oesterreich*, какъ на необходимый членъ великой германской семьи. «Единство этой новой Австріи, говоритъ указанная выше статья *Allgemeine Zeitung*, явнымъ образомъ основывается не на усмирении возставшихъ провинцій силой оружія, но на томъ, что Австрія посредствомъ своихъ желѣзныхъ дорогъ уже достигла географическаго единства, уже сдѣлалась *дунайскою имперіей* (*Donaugereich*) и черезъ это получила важное значеніе для всей будущности Германіи и Европы.» Затѣмъ авторъ статьи продолжаетъ сравненіе Австріи съ Пруссіей: «Значительныя реформы, говоритъ онъ, начатыя въ Австріи, обезпечиваютъ ей развитіе самоуправленія въ той мѣрѣ, въ какой Германія можетъ требовать его отъ каждаго изъ своихъ членовъ, а религиозныя несогласія разрѣшены такъ, что пристыдили партію Герлаха и Штаала. Готаизмъ старался отрицать эти успѣхи Австріи, и съ особенною силой настаивалъ на огромномъ числѣ иностранныхъ народностей, составляющихъ Австрію. Но по этому случаю нельзя было не напомнить ему, что и Пруссія считаетъ своихъ Славянъ милліонами; эти Славяне имѣютъ такой перевѣсъ въ восточной части Пруссіи, что ее можно назвать германизированною славянскою страной; во всякомъ случаѣ *Preussenthum* есть выродокъ *германства*, подкрашенный славянскою краской.» Авторъ статьи заключаетъ свои замѣчанія слѣдующими словами: «Различія между дунайскою имперіей и остальною Германіей, хотя и значительны, но суть только относительныя различія, явно сглаживающіяся съ каждымъ годомъ по закону необходимости. По своей государственной формѣ, по своему народному развитію, по своей политической задачѣ, Австрія становится все болѣе и болѣе германскимъ государствомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается всякое матеріальное и умственное основаніе готаизма, и онъ долженъ исчезнуть. Роковое *поздно!* прозвучало для него, какъ приговоръ, и, признаемся, мы не жалѣемъ объ этомъ.»

Для насъ, Русскихъ, любопытно слѣдить за этимъ препираніемъ двухъ государствъ по поводу національнаго германскаго вопроса. По словамъ самихъ Нѣмцевъ, оказывается, что два главныхъ германскія государства вовсе не германскія; *дунайская имперія* еще только начала германизоваться, а Пруссія не болѣе какъ подкрашенный славянствомъ выродокъ Германіи (*slavisch gefärbte Abart des Deutschthums*). Къ чему же приводится національный

вопросъ? Всѣ, гонящіеся за этимъ призракомъ, необходимо путаются въ лабиринтъ противорѣчій...

Но дѣйствительно ли Австрія вступила на новую дорогу и способна «привести въ банкротство готанизмъ», по выраженію *Oesterreichische Correspondenz*? Нельзя не согласиться, что издано нѣсколько весьма благоразумныхъ законовъ, хотя и трудно поручиться, что они не будутъ отмѣнены или обойдены какими-нибудь министерскими распоряженіями, предписаніями, наставленіями, внушеніями, выговорами. «Реформы и амнистіи, было сказано въ *Volks-Zeitung*, бываютъ двухъ родовъ. Онѣ являются или во время силы, или во время слабости государственнаго сознанія. То, что дѣлается теперь въ Вѣнѣ и Парижѣ, не есть признакъ силы; это скорѣе уступки народному недовольству. Оба императора добиваются симпатій; въ этой слабости побѣдителей и побѣжденныхъ заключается относительная безплодность того кроваваго сѣянія, которое совершилось въ Италіи.» Едва публика успѣла прочесть министерскую программу 22 августа, какъ одинъ за другимъ посыпались огромные уставы съ приличнымъ числомъ параграфовъ, какъ будто они давно были готовы и ждали только сольферинской битвы или другаго торжества для своего обнаруживанія. Поэтому поводу въ *Times* замѣчаютъ:

«Естественно, чтобы новыя мѣры прежде подвергались обсужденію и критикѣ и уже потомъ были узаконяемы. Но это не принадлежитъ къ числу выгодъ деспотическаго правленія. Здѣсь всѣ мѣры должны быть приготовлены во тѣмъ, онѣ являются совершенно оконченными статуями, которыя днемъ только уставляются на пьедесталъ. До вчерашняго дня ничего не было извѣстно о томъ, что Австрія находится въ состояніи беременности, и одни думали, что она родитъ мамонта, а другіе, что родится мышь. Однакожь роды не были столь спокойны и столь благопріятны, какъ можно бы ожидать. Приличный періодъ ожиданія былъ нарушенъ выраженіями, въ которыхъ видно императорское нетерпѣніе, и оффиціальною революціей, которая столь противна спокойному ходу законнаго самодержавія.»

Неудивительно, что новая законодательная дѣятельность въ Австріи оказалась столь судорожною: ей былъ данъ толчокъ извнѣ, и что еще печальнѣе, она какъ будто имѣетъ цѣлью поддержать только внѣшнее значеніе Австріи. Такъ, австрійскіе журналы радуются тому, что два новыхъ министра были прежде посланниками, и слѣдовательно знаютъ, за что недовольны Австріей за границей: можно подуматъ, будто эти министры имѣютъ въ виду поставить Австрію на такую ногу, чтобы только «за-граница» была довольна ею, и затѣмъ считать свое дѣло поконченнымъ; или, можетъ-быть г. Губнеръ жилъ въ Парижѣ съ цѣлю

изучать французское законодательство о печати? Австрійскіе журналы не могутъ отрѣшиться отъ мысли о союзахъ и имъ подчиняють все внутреннее развитіе страны. «Прошли времена, сказано въ *Ostdeutsche Post*, когда внѣшніе союзы государствъ заключались независимо отъ антагонизма ихъ принциповъ, конституцій и управленія; теперь внутренняя политика опредѣляетъ внѣшнее положеніе государства... Безспорно, Австрія была изолирована въ послѣднюю войну по причинѣ несовершенствъ въ ея внутреннемъ положеніи.» Справедливо, но не эти союзы и не одинъ страхъ революцій должны служить мотивомъ внутреннихъ реформъ, а ихъ безотносительная необходимость и польза; въ противномъ случаѣ гессенъ-кассельское правительство можно считать образцомъ благоразумія: оно обезпечило себя противъ всякихъ реформъ заступничествомъ франкфуртскаго сейма. Трудно надѣяться на искренность и продолжительность тѣхъ либеральныхъ мѣръ, которыя принимаются только въ виду опасности или изъ одного тщеславія; опытный политическій органъ, англійская газета *Times*, по поводу новаго положенія о протестантахъ въ Венгріи, говоритъ: «Такимъ образомъ, наступилъ наконецъ день свободы для австрійскихъ протестантовъ. За это они должны благодарить сольшеринскую битву и внутреннюю слабость составной имперіи, которой отдѣльныя части соединены только искусственнымъ цементомъ. Разнородная австрійская имперія должна быть постоянно подъ грозой иностранныхъ событій, даже по отношенію къ началамъ своего внутренняго управленія. Жертвуя всѣми интересами протестантовъ, она разчитываетъ получить взамѣнъ поддержку со стороны римско-католическаго духовенства; но вотъ первое движеніе австрійской арміи къ границѣ является сигналомъ возстанія, подавленные интересы начинаютъ высказываться громко, требуютъ справедливости, и правительство, сильное только страхомъ, принуждено уступить, какъ скоро не внушаетъ болѣе страха.»

Реформы такого «внѣшняго» происхожденія носятъ на себѣ обыкновенно печать измѣнчивости; вѣра въ нихъ падаетъ и возвышается подобно биржевому курсу во время войны. Дѣйствительно, никто не знаетъ, чѣмъ разрѣшится работа правительства— «мамонтомъ, или мышью». При вступленіи въ должность новаго министерства, публика привѣтствовала его радостными надеждами; ожиданія были возбуждены; казалось, что всѣ ошибки признаны, и начнется полное преобразование Австріи, явится «новая дунайская имперія», безъ военнаго деспотизма, безъ централизаціи, съ правосудіемъ и свободнымъ словомъ. «У насъ теперь есть не только министры, но и министерство!» гордо восклицали австрійскіе журналы и, подъ вліяніемъ перваго восторга, стали говорить такимъ

языкомъ, какъ будто они издавались въ Англіи. Но скоро они были остановлены въ этихъ порывахъ; явился новый ценсурный уставъ, списанный г. фонъ-Гюбнеромъ съ императорско-французскаго. Послѣ первыхъ возбужденныхъ надеждъ, эти ограниченія подѣйствовали особенно мрачно, и корреспондентъ газеты *Times* замѣтилъ недавно, что «публика питаетъ чрезвычайно мало вѣры въ будущее, и преобладающее впечатлѣніе то, что для Австріи уже прошли ея лучшіе дни». Ихъ было не много, должно сознаться въ этомъ; и если Австрія способна такъ скоро останавливаться на полупутѣ, то можно усомниться въ томъ, способна ли она вообще къ спокойному движенію впередъ, и не было ли одною формальностію все это множество комитетовъ, которые теперь собираются едва ли не на каждой улицѣ въ Вѣнѣ.

Впрочемъ эти «лучшіе дни» не прошли совершенно безслѣдно, и мы укажемъ на нѣкоторыя пріобрѣтенія, сдѣланныя страной послѣ министерской программы 22 августа.

Прежде всего на очереди были права протестантовъ, которыхъ въ Австріи около 3.000.000, и въ томъ числѣ въ одной Венгріи около 2.000.000. Начиная съ XVI вѣка, венгерскіе протестанты домогались формальнаго признанія своего права на самоуправленіе, но всѣ ихъ попытки осваивались безуспѣшными. Постановленіе объ евангелической церкви (австрійское правительство не любитъ слова «протестантъ»), изданное въ 1856 году, ни въ одномъ изъ своихъ 190 параграфовъ ни слова не говоритъ о протестантскомъ синодѣ и о школахъ; теперь этотъ вопросъ разрѣшенъ хотя отчасти. Новое положеніе опредѣляетъ религіозную автономію протестантовъ такимъ образомъ: церковное управленіе зависитъ отъ общинъ, а не отъ духовенства; въ церковныхъ совѣтахъ присутствуютъ свѣтскія и духовныя лица въ равномъ числѣ; помимо общиннаго избранія никто не можетъ занимать церковныхъ должностей; протестантская церковь независима, и ея члены отвѣтственны въ религіозныхъ дѣлахъ только передъ церковною властью своего исповѣданія. Вопросъ о школахъ и о смѣшанныхъ бракахъ оставленъ нерѣшеннымъ до того времени, пока кальвинскій и лютеранскій синоды не выскажутъ о немъ своего мнѣнія правительству; впрочемъ, въ одномъ изъ параграфовъ новаго устава опредѣлено, что въ протестантскихъ школахъ, учреждаемыхъ на счетъ государства, могутъ преподавать только протестанты. Это огромный шагъ впередъ, если вспомнить, что не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, пестскій университетъ объявленъ былъ «существенно и исключительно римско-католическимъ». Первое впечатлѣніе, произведенное въ Венгріи новымъ уставомъ, было самое благопріятное; но скоро потомъ явилось сомнѣніе въ его прочности; Венгерцы не увѣрены въ томъ, что тепереш-

нее благосклонное расположеніе правительства продлится долго, и не обезпечены въ немъ никакою гарантіей: новый уставъ можетъ исчезнуть такъ же скоро, какъ онъ явился на свѣтъ, стоитъ только пройти опасности или измѣниться министерству.

Для удовлетворенія чувства національности, въ гимназіяхъ не требуется на будущее время, чтобы всѣ науки преподавались на нѣмецкомъ языкѣ, хотя знаніе послѣдняго требуется отъ всѣхъ воспитанниковъ. Графъ Голуховскій совѣтуетъ всѣмъ служащимъ по министерству внутреннихъ дѣлъ изучать мѣстные языки и обращаться съ жителями гуманно и терпѣливо. «Впрочемъ, говоритъ онъ, благосклонное и гуманное обращеніе не должно доходить до слабости, и потому законныя распоряженія должно исполнять съ рѣшительностію, достоинствомъ и важностію.»

Вообще циркуляръ графа Голуховскаго, опубликованный только недавно, кромѣ наставленій служебныхъ, указываетъ на общую форму государственнаго устройства Австріи. «Необходимо, сказано здѣсь, удовлетворить законнымъ потребностямъ и ожиданіямъ народа, но въ то же время поддерживать твердое и сильное управленіе, соотвѣтствующее интересамъ единой монархіи и особенностямъ отдѣльныхъ наслѣдственныхъ земель (Kronländer).» Это единство монархіи стоитъ теперь на первомъ планѣ, и кабинетъ графа Рехберга является децентрализаторскимъ только по сравненію съ кабинетомъ барона Баха. Провинціальное устройство до сихъ поръ измѣнилось только въ одномъ: министерство внутреннихъ дѣлъ теперь раздѣлено не по роду дѣлъ, а по отдѣльнымъ провинціямъ, какъ было до 1848 года.

Что касается до общиннаго устройства, о которомъ мы говорили прежде, то правительство думаетъ не возвращаться къ уставу 1849 года, а пересмотрѣть проектъ, составленный барономъ Бахомъ. Для этой цѣли и вообще для обсужденія провинціальныхъ интересовъ, правительство назначило комиссіи изъ довѣренныхъ лицъ, *Vertrauensmänner*. Каждая комиссія состоитъ по равному числу изъ членовъ, представляющихъ троякіе интересы: большія владѣнія, крестьянскую собственность и города; такъ напримѣръ, комиссія для Нижней Австріи состоитъ изъ пяти большихъ собственниковъ, изъ бургомистровъ пяти большихъ городовъ и изъ пяти крестьянъ-землевладѣльцевъ; всѣ они имѣютъ совѣщательный голосъ. Члены не избираются народомъ, а назначаются губернаторами. Въ *Ostdeutsche Post* по этому случаю совѣтуютъ правительству назначать людей, пользующихся общественнымъ довѣріемъ: «человѣку, обладающему теперь довѣріемъ народнымъ, правительство можетъ довѣрять смѣло; оно могло бы безо всякой опасности предоставить самому народу избраніе этихъ лицъ.» Такое избраніе было бы тѣмъ болѣе важно, что теперешнія ком-

миссія, какъ думаютъ, послужатъ основой представительства государственныхъ чиновъ, съ тѣмъ же совѣщательнымъ голосомъ. Впрочемъ, и эта будущность далеко не удовлетворяетъ всѣ провинціи, особенно Венгрію, которая желаетъ соединенія съ Австріей только въ лицѣ монарха. Но консерваторы не согласятся на это и скорѣе рѣшаются возстановить прежнюю венгерскую конституцію, то-есть придать снова значеніе венгерской аристократіи.

Для устройства финансовъ, въ особенности же для опредѣленія прямыхъ налоговъ, учреждена также коммиссія, *Immediat Commission*, подъ предсѣдательствомъ графа Гартига; она состоитъ изъ двухъ членовъ государственнаго совѣта, двухъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и восьми представителей отъ лицъ, платящихъ подати. Графъ Гартигъ былъ губернаторомъ Ломбардіи въ 1848 году и, потому, во все время министерства Баха, жилъ въ удаленіи отъ дѣлъ; въ брошюрахъ, изданныхъ имъ, онъ доказываетъ, что можно согласить единство Австріи съ отдѣльнымъ провинціальнымъ устройствомъ. Остальные члены пользуются также репутаціей людей свѣдущихъ и добросовѣстныхъ. Преобразование банковъ отложено до окончательнаго рѣшенія вопроса о томъ, какую часть австрійскаго долга приметъ на себя Сардинія.

Но когда послѣдуетъ это рѣшеніе, трудно сказать положительно. Какъ слышно, въ Цюрихѣ Сардинія черезъ своего уполномоченнаго соглашалась принять долгъ въ сто милліоновъ франковъ, Австрія же хотѣла перевести на Пиемонтъ весь долгъ собственно ломбардскій и сверхъ того изъ общаго долга Австріи сумму, пропорціальную народонаселенію уступленной провинціи; по этому разчету пришлось бы болѣе 400.000.000 фр. «Это было бы очень выгодно для государства, близкаго къ банкротству, замѣчаетъ *Morning Post*, но едвали справедливо.» По новѣйшимъ извѣстіямъ, Австрія соглашается уступить изъ своихъ первыхъ требованій и готова довольствоваться двумястами пятьюдесятью милліонами, если только дѣло изгнанныхъ герцоговъ будетъ рѣшено въ ихъ пользу. Какъ бы то ни было, распределеніемъ долга, повидимому, ограничится результатъ цюрихскихъ конференцій, протоколы которыхъ перестали возбуждать любопытство съ тѣхъ поръ, какъ Европа узнала о частыхъ переѣздахъ князя Меттерниха и о пребываніи короля Бельгійцевъ въ Біаррицѣ.

Кстати приведемъ зѣтъ нѣсколько соображеній и слуховъ по поводу этого свиданія. «То было свиданіе молодой и старой Европы, говоритъ *Times*. Король Леопольдъ представляетъ въ совершенствѣ старинный типъ европейскаго государственнаго человѣка. Онъ не вѣритъ въ *fatum*, мистическія пред-

чувствія, гаданія по звѣздамъ, предсказанія и примѣты; онъ не претендуетъ ни на геніяльныя выходы, ни на откровенія или ясновидѣніе; нѣтъ въ немъ вовсе кромвелевскихъ свойствъ характера, такъ оболѣстительно изображаемыхъ въ романахъ, — этого страннаго смѣшенія практическаго человѣка и мечтателя, энтузіаста и хитраго политика; онъ представляетъ типъ зрѣлаго и опытнаго государственнаго человѣка, желающаго по возможности изъ всего извлечь пользу, и не любящаго дѣлать что-либо только на показъ. По политическимъ убѣжденіямъ своимъ, онъ былъ всегда на сторонѣ европейскаго порядка и спокойствія; не слишкомъ вѣрить онъ ни въ національности, ни въ племенные симпатіи, ни въ панславизмъ, ни въ единую Италію. Онъ убѣжденъ, что все это — порядочная безсмыслица, хотя въ то же самое время, готовъ оказать содѣйствіе всякому элементу, обнаруживающему достаточные признаки силы; чувствованія, какаго бы то ни было рода, имѣютъ для него несравненно менѣе цѣны чѣмъ матеріальный прогрессъ и вполне безукоризненное управленіе. Императоръ Французовъ, напротивъ, представляетъ собою или несравненно устарѣвшій, или несравненно болѣе новый типъ, смотря по точкѣ зрѣнія. Видѣнія и мистическіе порывы соединяются въ немъ съ практическими, административными способностями; политическій его образъ дѣйствій отличается вмѣстѣ смѣлостью и изворотливостью; онъ дѣйствуетъ иногда на удачу и думаетъ измѣнить будущую судьбу Европы; мечтательность и практической складъ ума уравновѣшиваются въ немъ какимъ-то особеннымъ тактомъ, который заставляетъ его остановиться въ ту самую минуту, когда дѣла начинаютъ принимать дѣйствительно опасный поворотъ. Таковы, по изображенію *Times*, свойства двухъ государей, свидѣвшихся въ Біаррицѣ: удивительно ли, что при столь рѣзкомъ различіи характеровъ, старая Европа, представляемая королемъ Леопольдомъ, не могла сойтись съ Европой новою, воплотившеюся въ лицѣ императора Наполеона? Если справедливо, что король Бельгійцевъ дѣйствовалъ по соглашенію съ англійскимъ кабинетомъ, то старая Европа защищала, по всему вѣроятію, права народонаселенія Средней Италіи избрать самому себѣ правительство, наиболѣе соответствующее его потребностямъ, вѣроятно одинаково противилась она возвращенію герцоговъ, вассаловъ Австріи, и основанію новыхъ чужеземныхъ династій въ странѣ, которая только и мечтаетъ что о возстановленіи своей національной независимости. Таковъ, по крайней мѣрѣ, образъ мыслей англійскаго правительства, объявившаго недавно устами лорда Джона Росселя, что оно не приметъ участія въ конгрессѣ до тѣхъ поръ, пока за Италіей не будетъ признано право самой устроить свою

судьбу. Мы упоминали въ прошедшемъ нашемъ обзорѣнн со словъ газеты *Spectator*, что королю Бельгійцевъ удалось примирить различныя притязанія Франціи, Италіи и Австріи, но слухъ оказался не совсѣмъ вѣрнымъ: Англія, повидимому, остается чуждою всѣмъ комбинаціямъ, придумываемымъ въ Біаррицѣ и Вѣнѣ, и предоставила французскому и австрійскому правительствамъ упражняться на свободѣ въ устройствѣ судьбы герцогствъ. Положеніе, надо согласиться, весьма тягостное для французской политики. Мы упоминали также о слухѣ, что императоръ Наполеонъ, выведенный изъ терпѣнія послѣдними дипломатическими неудачами, намѣревается заключить сепаратный миръ съ Австріею, предоставивъ Пиемонту самому раздѣляться, какъ хочетъ, со стариннымъ своимъ врагомъ. Подобный образъ дѣйствій повлекъ бы за собою неминуемо новую войну, новыя потрясенія для Европы, но вотъ тотъ же самый *Spectator* увѣряетъ, что Франціи и Австріи удалось, наконецъ, порѣшить всѣ затрудненія, установивши миръ на условіяхъ, нѣсколько сходныхъ съ тѣми, которыя уже прежде были объявлены этою газетою: Мантуя и Пескиера переходятъ къ Пиемонту, герцогиня пармская и эрцгерцогъ тосканскій возвращаются въ свои владѣнія; что же касается до герцога моденскаго, то онъ лишается короны, и земли его раздѣлятся между Тосканой и Пармой.

Всѣ подобныя слухи и соображенія указываютъ между прочимъ на то, что Европа мало довѣряетъ той дипломатіи, которая теперь представляется въ Цюрихѣ; Италія сдѣлалась теперь средствомъ удовлетворить разнымъ династическимъ требованіямъ, а ихъ такъ еще много, что едвали не каждую недѣлю журналы выставляютъ новаго претендента на тосканскую корону. Вѣрно одно: цюрихскій трактатъ не можетъ быть буквальнымъ повтореніемъ виллафранкскихъ условій.

Читатель помнитъ, что въ числѣ этихъ условій на первомъ планѣ стояла та самая федеративная форма, которая занимаетъ теперь Германію и занимала всю Европу со временъ Вашингтона. Теперь вопросъ объ италіанской федераціи заглохъ самъ собою и измельчался въ вопросъ о герцогахъ. Да и какъ не заглохнуть ему, когда будущіе члены будущаго союза стоятъ другъ противъ друга чуть не съ оружіемъ въ рукахъ? Папское правительство посылаетъ свои войска для усмиренія Болоньи, которой король *de facto* есть Викторъ-Эммануилъ.

Недавно депутація отъ легатствъ представлялась сардинскому королю, для выраженія ему той же самой просьбы о присоединеніи, съ которою обращались уже къ нему Тоскана, Парма и Модена. Отвѣтъ короля возбуждалъ на этотъ разъ особенное любопытство, ибо онъ не могъ не коснуться въ немъ своихъ отношеній къ папѣ,

какъ къ главѣ католическаго міра, — вопросъ, какъ извѣстно, тщательно избѣгаемый имъ съ самаго начала движенія, происходящаго теперь на полуостровѣ. Викторъ-Эммануилъ счастливо обошелъ представлявшуюся ему трудность: въ его рѣчи есть все—и выраженіе «глубокаго и неизмѣннато почтенія къ верховной іерархіи церкви», и воспоминаніе о тѣхъ «обязательствахъ, которыя приняла Европа въ отношеніи къ легатствамъ», и комплименты императору Наполеону, и похвалы народонаселенію Романьи за его умѣренный и спокойный образъ дѣйствій. Король, нельзя не сказать этого, не слишкомъ беретъ примѣръ съ Пруссіи; онъ не отвергаетъ желанія легатствъ, хотя и не принимаетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока Европа не выразитъ своего мнѣнія о политическомъ устройствѣ средней Италіи. Но на основаніи этихъ его отвѣтовъ, не только въ Тосканѣ, Моденѣ, Пармѣ, но и въ легатствахъ учреждено управленіе отъ имени Виктора-Эммануила: имя его красуется на всѣхъ государственныхъ актахъ, монета перечекаивается съ его изображеніемъ, всѣ должностныя лица принесли ему присягу въ вѣрности. Вслѣдствіе этого, папское правительство выдало паспортъ сардинскому посланнику въ Римѣ, что, какъ извѣстно, служитъ признакомъ разрыва между двумя дворами.

Но независимо отъ теперешнихъ отношеній папы къ Сардиніи, какой федераціи можно ждать отъ такихъ разнородныхъ элементовъ, какіе представляются Піемонтомъ, Неаполемъ и Папскою областью? Стоитъ только назвать ихъ, чтобы невольно припомнилась басня объ орлѣ, щукѣ и ракѣ. Если, какъ мы видѣли, *ver tongeur* Германскаго Союза былъ постоянный антагонизмъ въ принципахъ Австріи и Пруссіи; если Австрія для спасенія себя въ этомъ союзѣ рѣшилась даже на нѣкоторыя либеральныя реформы; если наконецъ и въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ для сохраненія федераціи прибѣгаютъ къ числовому равновѣсію между штатами, допускающими рабство и не признающими его, то какіхъ результатовъ можно ждать отъ діаметральной противоположности въ основныхъ политическихъ началахъ Сардиніи, Неаполя и папскаго правительства!

Въ проектированной италіанской федераціи существовало еще одно неудобство, которымъ страдаетъ отчасти и Германскій Союзъ. Австрійскій императоръ былъ бы членомъ италіанскаго союза на томъ же основаніи, на какомъ теперь короли датскій и голландскій суть члены союза германскаго, только въ обратномъ отношеніи силы и вліянія. Нескончаемый шлезвигскій вопросъ самъ по себѣ былъ бы достаточенъ для доказательства всѣхъ неудобствъ, сопряженныхъ съ владѣніемъ германскою территоріей, на которую имѣетъ вліяніе франкфуртскій сеймъ. Мы сказали въ началѣ этого обзорнія, что право законодательства сейма не опредѣлено съ точностію, и что всякій разъ о

немъ возникають споры. Такъ и было постоянно между королемъ датскимъ и Германіей; между ними не было согласія даже во взглядѣ на существо и значеніе федераціи. Король датскій видитъ въ Германскомъ Союзѣ исключительно международную комбинацію съ цѣлію обороны отъ внѣшнихъ враговъ; на этомъ основаніи, во время италіанской войны, его посланникъ одобрялъ всѣ мѣры, предпринимавшіяся для обороны Германіи и протестовалъ противъ всѣхъ, имѣвшихъ въ виду нападеніе. Еще большее разногласіе высказалось по вопросу о конституціи Даніи. Германскій сеймъ нашелъ эту конституцію неудовлетворительною для Голштейна, и датскій король, вмѣсто указанныхъ ему перемѣнъ, отмѣнилъ ее вовсе. При открытіи государственнаго совѣта (*rigsraad*) 26 сентября, въ королевской рѣчи было сказано: «Дѣла дошли до того, что намъ оставалось на выборъ, или исполнить приговоръ сейма или отмѣнить общую конституцію, изданную 2-го октября 1855 года для Голштейна и Лауэнбурга. Но въ настоящемъ случаѣ исполнить приговоръ сейма значило признать за нимъ право законодательства въ такомъ объемѣ, который мы считаемъ неосновательнымъ; поэтому мы рѣшились отмѣнить вышеупомянутую конституцію. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы созвали наши голштинскіе провинціальныя чины, чтобъ они высказались по вопросу о возстановленіи конституціонной связи герцогства Голштейна съ остальными частями датской монархіи.» Результатомъ такого рѣшенія было то, что теперь въ *rigsraad* засѣдаютъ только представители Даніи и Шлезвига; послѣдніе отказываются разсуждать объ общихъ законахъ, говоря, что «безъ участія Голштейна не можетъ быть рѣчи объ общихъ дѣлахъ всей Даніи». Шлезвигская оппозиція очень сильна не числомъ, а своею энергіей; она нападаетъ на то, что президентъ государственнаго совѣта, г. Мадвигъ, ученый филологъ изъ Датчанъ (1), назначенъ самимъ королемъ (вице-президентомъ также назначенъ г. Голштейнъ изъ Шлезвига); члены оппозиціи не отвѣчаютъ на вопросы, предлагаемые имъ на датскомъ языкѣ; въ Фленсбургѣ жители протестуютъ противъ законности всей датской конституціи, послѣ исключенія Голштейна и Лауэнбурга. Однимъ словомъ, франкфуртскій сеймъ, вмѣшавшись въ дѣла Даніи, далъ ей почувствовать всѣ невыгоды той особенной государственной формы, которая носитъ названіе *Gesammtstaat*. Это еще новый видъ федераціи, о которомъ намъ, можетъ-быть, встрѣтится случай поговорить въ другой разъ. Теперь мы указали на датско-голштинскій вопросъ только какъ на примѣръ той сложности отношеній, которыя въ нашей старой Ев-

(1) Авторъ вѣстной *Латинской Грамматикки* и знаменитаго комментарія къ Цицеронову сочиненію *De finibus bonorum et malorum*.

ропѣ часто приходится имѣть въ виду при устройствѣ федераціи. Безспорно, въ этой формѣ политическаго быта есть много свѣтлыхъ сторонъ; безспорно, стремленіе къ ней не лишено разумнаго основанія; но обращая вниманіе на вопросъ, приготовлена ли совершенно почва для ея осуществленія, нельзя не сознаться, что почва требуетъ еще значительной разработки. Во всякомъ случаѣ интересно слѣдить за развитіемъ мысли о федераціи и за отношеніемъ ея къ идеѣ національности. Это двѣ стороны одного и того же предмета: въ одной преобладаетъ элементъ политическій и сознательный, въ другой естественный и первобытный.

Медленность и нерѣшительность цюрихскихъ конференцій побуждаютъ насъ отложить до другаго раза обзоръ фактовъ и соображеній, относящихся къ вопросу объ Италіи. На нынѣшній разъ ограничимся нѣсколькими выдержками изъ статей газеты *Times*, которыя, по нашему мнѣнію, весьма мѣтко обрисовываютъ отдельные эпизоды италіанской эпопеи.

I.

Оракулъ, наконецъ, заговорилъ. Послѣ сверхъ-естественнаго молчанія, длившагося нѣсколько недѣль, монархъ, воля котораго управляетъ судьбами Европы, высказалъ мнѣніе свое о важномъ вопросѣ, заступитъ ли французскій принцъ мѣсто австрійскихъ вассаловъ въ Средней Италіи? Объясненіе *Монктера* поразитъ тяжкимъ ударомъ надежды приверженцевъ Наполеона-Жерома. Не можетъ существовать сомнѣнія, что у принца была партія, которая сильно старалась посадить его на престолъ, и надо обладать огромнымъ запасомъ вѣры въ человѣческое достоинство, чтобы думать, будто бы самъ императорскій кузень оставался совершенно чуждъ дѣлу и не хотѣлъ перемѣнить санъ свой на другой, нѣсколько высшій. Мысль разрѣшить италіанскій вопросъ возведеніемъ *принца* на престолы Тосканы, Пармы и Модены существовала съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Италіанцы обнаружили такую ненависть къ бѣжавшимъ своимъ правителямъ, и Европа прониклась негодованіемъ при зрѣлищѣ не нужной войны, окончившейся не рѣшительнымъ и почти безславнымъ миромъ. Въ насъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Наполеонъ III, соглашаясь на условія виллафранкскаго перемирія, имѣлъ весьма искреннее желаніе возстановить герцоговъ. Никто не въ состояніи угадать тайныя пружины, приготовившія столь поразительную сдѣлку. Упрямое сопротивленіе Австрійцевъ, неприступность крѣпостей, очевидное неудовольствіе Англіи, открытая вражда Германіи, на-

конецъ собственная усталость и невыносимые лѣтніе жары играли, конечно, нѣкоторую роль въ этомъ рѣшеніи. Изъ всего, что извѣстно намъ, оказывается, что императору Наполеону дѣйствительно хотѣлось покончить войну, и онъ согласился на возстановленіе герцоговъ, точно также какъ согласился на предоставленіе крѣпостей и Венеціи въ руки Австріи, потому что другой императоръ не уступалъ ни одного изъ этихъ условій.

Много причинъ заставляютъ подозрѣвать, что планъ о доставленіи престола принцу Наполеону образовался еще до начала войны. Извѣстно, что въ самыхъ первыхъ мѣсяцахъ текущаго года, когда императоръ обратился съ посѣшнымъ привѣтствіемъ своимъ къ г. Гюбнеру, принцъ былъ жаркимъ и отъявленнымъ защитникомъ войны. Приверженцы его громко говорили о необходимости разрушить трактаты 1815 года, возстановить независимость Италіи, или, лучше сказать, вытѣснить Австрійцевъ изъ полуострова, ибо уже и тогда не было положительнаго намѣренія предоставить Италіянцевъ, послѣ освобожденія ихъ, самимъ себѣ. Затѣмъ происходило посѣшное бракосочетаніе принца съ дочерью короля Виктора-Эммануила. Безполезно было бы доказывать, что въ союзѣ этомъ нисколько не участвовали личныя наклонности. Ни государства, ни государи не имѣютъ въ наше время необходимости въ этихъ фамиліальныхъ связяхъ для упроченія союза, имѣющаго въ виду общіе интересы. Франція и Сардинія точно также сражались бы вмѣстѣ, еслибы даже не существовало вовсе ни Наполеона-Жерома, ни Клотильды, и не думаемъ мы, чтобъ изъ любимыхъ десяти тысячъ Французовъ и Сардинцевъ хотя одинъ смотрѣлъ на упомянутое нами бракосочетаніе, какъ на событіе, усиливающее дружбу двухъ націй. Но выгоды для самого принца Наполеона были очевидны. Вслѣдствіе брака съ италіянскою принцессой, согласно легкому кодексу королевской натурализаціи, онъ сдѣлался достаточно Италіянцемъ для того, чтобъ управлять какою бы то ни было частью полуострова, отыскивающею себѣ короля. Не надо забывать, что въ то время никто не сомнѣвался въ будущемъ возвышеніи супруга принцессы Клотильды, и вопросъ шелъ только о томъ, соединятся ли Ломбардія и Венеція вмѣстѣ подъ его скипетромъ или утвердятся престолъ его на берегахъ Арно. Не станемъ утверждать, будто бы толки послѣднихъ шести мѣсяцевъ обнаружили опредѣленную политику императора Наполеона; но всякій, знакомый нѣсколько съ политическимъ міромъ, знаетъ, что секреты никогда не держатся слишкомъ крѣпко, и что въ англійскихъ клубахъ или парижскихъ салонахъ составляется скоро приблизительное понятіе о планахъ государственныхъ людей. Итакъ невозможно отвергать, что въ началѣ войны созрѣла уже мысль объ утвержденіи

принца Наполеона въ одномъ изъ итальянскихъ государствъ: его императорское высочество, былъ отправленъ въ Тоскану, чтобы предводительствовать храбрыми воинами на пути къ славѣ и побѣдѣ. Подъ предводительствомъ его былъ особенный корпусъ, съ которымъ онъ намѣревался возбудить возстаніе во владѣніяхъ слабыхъ герцоговъ и, быть-можетъ, не пощадить даже священной территории папы. Ему предназначено было атаковать Австрійцевъ съ лѣваго фланга и, перешедши По на самомъ дальнемъ пунктѣ, куда только могли достигнуть Французы, беспокоить отступление непріятеля. Но, къ несчастію для предприимчиваго отпрыска имперіализма, непріятель отрегировался безъ всякой помѣхи. Фортуна покровительствуетъ храбрымъ, а храбрость Наполеона-Жерома простиралась до такой степени, что фортуна покровительствовала ему уже черезъ-чуръ. Австрійцы не рѣшались дожидаться до тѣхъ поръ, пока принцъ Наполеонъ съ своимъ корпусомъ и волонтерами побьетъ ихъ. Они покинули Павію и Піаченцу и всѣ укрѣпленныя мѣста, служившія въ теченіи послѣднихъ сорока лѣтъ постоянною угрозой Сардиніи и герцогствамъ. Они удалились въ свои собственныя крѣпости, очистили легатства, взорвали укрѣпленія свои въ Анконѣ, и пока принцъ все еще воспламенялся воинственнымъ жаромъ, непріятеля уже не было на поле битвы. Онъ даже не присутствовалъ ни при Маджентѣ, ни при Сольферино. Отдѣльный корпусъ оставался до конца безъ дѣла, Моденцамъ и Моденцамъ ни разу не удалось сразиться, и великая война 1859 года не прибавила ничего къ славѣ принца.

Но принцъ не потерялъ еще всѣхъ надеждъ. Герцоги бѣжали изъ Флоренціи и Модены, а несчастная герцогиня пармская была изгнана подданными своего сына. Свиданіе въ Виллафранкѣ могло бы устроить какимъ-нибудь образомъ судьбу кузена, который сражался бы такъ храбро, если бы только нашелъ случай, но въ Виллафранкѣ о немъ не упомянули ни однимъ словомъ или упомянули только стороною. Герцоги должны были быть восстановлены, если не соединенными усиліями французскихъ и австрійскихъ штыковъ, то, по крайней мѣрѣ, совѣтами и нравственнымъ вліяніемъ императора. Что же оставалось дѣлать принцу? Вскорѣ оказалось, однако, что Тосканцы и соотечественники ихъ не желаютъ возвращенія бѣжавшихъ своихъ правителей и рѣшились посадить на престолы свои болѣе достойнаго государя. Снова воскресли, надежды Пале-Рояля. Кого, казалось, посадить лучше на престолъ какъ не принца, приготовлявшагося сражаться за Италію! Но лицо фортуны омрачилось вторично. Итальянцы, съ тѣмъ отсутствіемъ уваженія и благодарности, которымъ отличаются они, все еще стоятъ за мысль объ единствѣ своего отечества. Ничего не говорятъ они противъ

французскаго принца, но предпочитаютъ ему единодушно сардинскаго монарха. Приверженцы принца Наполеона старались въ последнее время побороть это упорство, но Итальянцы держатся крѣпко, а обязательства виллафранкскаго мира слишкомъ положительны. Результатъ таковъ, что притязанія принца Наполеона совершенно отстраняются теперь императоромъ Французовъ. Рѣшеніе это вполне справедливо и не ослабитъ величія Наполеона III. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при теперешнемъ состояніи Италіи и расположеніи умовъ въ этой странѣ было бы большою ошибкою посадить принца Наполеона на флорентійскій престолъ. Можетъ-быть вполне справедливо, что онъ человекъ способный и былъ бы хорошимъ государемъ, но Италія требуетъ единства, а Англичане, при всемъ желаніи своемъ не нарушать спокойствія Европы, не хотятъ упустить теперешній случай дать такое устройство полуострову, чтобъ онъ внушалъ уваженіе и Франціи, и Австріи. Трудно предвидѣть, какими путями можно достигнуть этой цѣли, но во всякомъ случаѣ не воцареніемъ французскаго принца.

II.

Прежде всего бросается въ глаза, что борьба, происходящая теперь, борьба вовсе не *ума*, а *воли*. Для всякаго очевидно, что Австрійцы проиграли свое дѣло, и что вопросъ долженъ разрѣшиться между Итальянцами и императоромъ Французовъ. Наполеонъ III началъ съ того, что соединился дружно съ итальянскими патриотами и съ помощью ихъ вытѣснилъ соперника своего изъ полуострова; они рѣшили сообща, что Австрія и подъ какимъ видомъ не должна сохранять тамъ прежнее свое вліяніе. Виллафранкскій миръ былъ сигналомъ для всей Средней Италіи: она поднялась *en masse*, приступила къ выбору депутатовъ, созвала народныя собранія и, на основаніи поголовной подачи голосовъ, объявила вѣчное изгнаніе австрійскихъ династій изъ своей среды. Все это время Италія и Франція жили въ дружбѣ, но лишь только австрійскіе интересы потеряли всякую силу на полуостровѣ, какъ тотчасъ же охладилась симпатія императора Французовъ къ дѣлу итальянской независимости. Карты перемѣнились, право всеобщей подачи голосовъ, конституціонныя собранія, торжественное выраженіе воли народа,—все было открыто одинаковымъ презрѣніемъ, и Средней Италіи замѣчено было подъ рукою, что французскій принцъ долженъ быть ея правителемъ.

Для Италіянцевъ былъ вовсе не тайной весь этотъ образъ дѣйствій, и они понимали очень хорошо, какого сорта независимость принесеть съ собою французскій цринцъ. Они знали, что независимость эта будетъ не болѣе, какъ призракъ, и что страна ихъ превратится въ сущности во французскую провинцію. Умыселъ, слѣдовательно, и все, что онъ влечетъ за собою, постигнуты были ими въ совершенствѣ, и въ этомъ отношеніи они стоятъ наравнѣ съ императоромъ Французовъ. Онъ не можетъ отвести ихъ умъ и побудить ихъ къ содѣйствію своимъ видамъ; ихъ умъ постигаетъ не хуже его собственнаго всѣ нити этой тонкой интриги. Какое же заключеніе должно вывести изъ этого положенія дѣлъ? То, что борьба, привлекающая къ себѣ въ настоящее время вниманіе всей Европы, не столько борьба ума, сколько борьба воли. Италіянцы могутъ вполне сознавать свои права, могутъ видѣть угрожающія имъ опасности, но достанетъ ли у нихъ твердости защищать ихъ противъ императора Французовъ? Въ этомъ весь вопросъ. Успѣхъ зависитъ, слѣдовательно, чисто отъ силы мышцъ и нервовъ. Въ состояніи ли Италіянцы не сробѣть передъ зловѣщими взглядами, мрачными предсказаніями, тревожными слухами, дружескими увѣщаніями, покачиваніемъ головы мудрыхъ совѣтниковъ, которые получаютъ хорошую плату за старанія устрашить своихъ соотечественниковъ? Достаточно ли предостерегли они себя отъ тѣхъ внезапныхъ припадковъ страха, который овладѣваетъ людьми въ началѣ всякаго великаго предпріятія, когда все смотритъ сумрачно, небо покрывается тучами и предвѣщаетъ, кажется, близкую грозу? Облеклись ли они нравственною броней, или оставили свободное мѣстечко, куда можетъ проникнуть стрѣла и нанести имъ смертельный ударъ? Если ничего этого не сдѣлали Италіянцы, они не устоятъ въ борьбѣ съ императоромъ Французовъ. Пословица говоритъ: «слабое сердце никогда не побѣдитъ прекрасной женщины»; еще вѣрнѣе, что слабое сердце никогда не завоеуетъ свободы. Когда народъ думаетъ много о препятствіяхъ и не имѣетъ духу противостать имъ, то препятствія нараждаются отвсюду сами собою.

Императоръ Французовъ разчитываетъ, вѣроятно, много на то обстоятельство, что у Италіянцевъ не досганетъ силы выдержать характеръ. Дѣйствительно, въ борьбѣ, которая происходитъ теперь, большая часть выгодъ на его сторонѣ. Онъ дѣйствуетъ одинъ и хорошо сознаетъ свои средства; Италіянцевъ много, и, какъ толпа, они не могутъ уберечься отъ взаимнаго недовѣрія и отъ вліянія паническаго страха. На его сторонѣ всѣ орудія дипломатіи, ибо если лежало въ его интересахъ возбуждать италіянскую независимость противъ Австріи, то вовсе не въ интересахъ Австріи поддерживать италіянскую независимость противъ него.

Конечно, бывали случаи, когда энтузіазмъ превращалъ всю націю почти въ одно лицо, когда патріотическое одушевленіе все-ляло въ нее одну мысль. Вопросъ въ томъ, произойдетъ ли это въ Италіи. Если она будетъ настаивать на требованіяхъ своихъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, — дѣло ея выиграно; императоръ Французовъ не найдетъ повода затронуть ее, лишь бы только она твердо защищала свои права и сохраняла внутренній порядокъ.

III.

Въ Лондонѣ Италіянцы учредили на дняхъ комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу ихъ страны. Подобный образъ дѣйствій, замѣтилъ по этому поводу *Times*, слишкомъ отзывается старымъ временемъ, когда италіянская свобода бродила какъ нищій, вымаливая милостыню и пристанище. Выраженіе симпатіи въ такой формѣ относится скорѣе къ дѣлу безнадежному, потерявшему всякую вѣру въ собственный успѣхъ, чѣмъ къ дѣлу, полному силы и зачатковъ жизни, чѣмъ къ теперешнему времени, когда Италіянцы низвергли своихъ владыкъ и цѣлымъ народомъ заявляютъ свои требованія предъ лицомъ Европы. Италіянская свобода, конечно, можетъ быть подавлена, но тѣмъ не менѣе вѣрно, что въ послѣднее время она сдѣлалась фактомъ, и перестала быть какимъ-то смутнымъ чувствомъ, слезою, вздохомъ, молитвою или сонетомъ. И потому, если Средняя Италія сформировалась какъ нація, то какъ съ націей и обращайтесь съ нею. Можно собирать пожертвованія для глухихъ и нѣмыхъ, для слѣпыхъ и увѣчныхъ, но какъ-то странно дѣлать подписку и рассылать по почтѣ циркуляры въ пользу націи, торжественно заявившей свои права. Никогда еще не происходило ничего подобнаго въ мірѣ. У націи должны быть свои собственныя средства существованія, она должна вести войну на свои собственныя деньги, если только дѣйствительно она хочетъ вести войну. Будь мы на мѣстѣ Италіянцевъ, мы разсуждали бы такимъ образомъ: «Въ такомъ дѣлѣ, какъ наше, прочь всѣ комитеты и ихъ предсѣдатели, прочь всѣ циркуляры и листы, для сбора подаваній; мы уже не несчастная толпа изгнанниковъ, какъ въ былое время, а независимая и борющаяся за свою свободу нація.» Совѣтуемъ Италіянцамъ, поэтому, не полагаться много на симпатію; симпатіи — хорошее чувство, но уваженіе къ самимъ себѣ въ ихъ положеніи еще лучше. Имѣйте больше довѣрія къ своимъ силамъ, довѣрія къ могуществу справедливаго, законнаго и благоразумнаго дѣла, и усилія ваши увѣнчаются успѣхомъ; но если вы будете, по

прежнему, считать себя изгнанниками, въ то время какъ вы называетесь уже гражданами, если будете по прежнему прислушиваться къ звуку цѣпей, тогда какъ они спали уже съ вашихъ рукъ, если будеге распѣвать на разные лады: «симпатія, симпатія!» тогда какъ имѣете всѣ средства полагаться на самихъ себя, то должны отказаться отъ всякой надежды на успѣхъ. Вотъ съ какимъ совѣтомъ обратились бы мы къ Итальянцамъ. Люди эти такъ долго питались нашею симпатіей, такъ долго разглагольствовали о несчастіяхъ Италіи на *soirées* и *conversazioni*, такъ много жаловались и такъ сильно привыкли къ утѣшеніямъ, что она сроднилась съ этою атмосферой и — мало того — успѣли полюбить ее; имъ нужна роскошь сожалѣнія, имъ нужно, чтобы богатые и знатные дѣляли ихъ, нужны комитеты, подмошки, вся обстановка симпатическаго выраженія чувствъ и сентиментальной болтовни. Среди несчастій, всякое утѣшеніе такъ отрадно, что самыя несчастія эти почти вознаграждаются утѣшеніемъ...

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

Важные правительственные акты и мѣры, принятые въ началѣ сентября, не позволили намъ говорить въ предыдущей книжкѣ о другомъ успѣхѣ, достигнутомъ Россіей на иномъ поприщѣ, — на поприщѣ воинскомъ. Между тѣмъ, какъ Наслѣдникъ Россійскаго Престола праздновалъ свое совершеннолѣтіе среди дѣгельныхъ приготовленій къ разрѣшенію вопроса объ улучшеніи быта слишкомъ двадцати милліоновъ русскихъ подданныхъ, и среди энергическихъ мѣръ, освобождающихъ будущее Россіи отъ грозившаго разстройства государственныхъ кредитныхъ установленій, на югѣ Россіи принесла свои плоды рѣшимость дѣйствовать рационально и энергически для дарованія успѣха усиліямъ войска, многіе десятки лѣтъ боровшагося съ фанатическимъ непріателемъ и съ многочисленными затрудненіями, которыя прежде замедляли путь русскихъ знаменъ и лишали послѣдствій русскую храбрость. Война, происходившая въ углу Европейской Россіи, наиболѣе отдаленномъ отъ Петербурга, приведена къ благополучному окон-

чанію полномочнымъ главнокомандующимъ кавказской арміи, и окончаніе ея, предварившее ожиданія Россіи, стоило такъ мало русской крови, что слава успѣха очевидно принадлежитъ еще болѣе распорядительности военнаго начальства, нежели храбрости воиновъ, хотя воины тоже вполне заслужили и царское *славы* и единогласную похвалу соотечественниковъ.

Въ № 14 *Русскаго Вѣстника* сообщены извѣстія о движеніяхъ чеченскаго и дагестанскаго отрядовъ по 27 іюля. Къ тому времени изъявили покорность общества, живущія на сѣверномъ (лѣвомъ) берегу Андійскаго Койсу, ниже Технуцала, а равно и общества областей Койсубу и Аваріи, лежащихъ между нижнимъ теченіемъ Андійскаго Койсу и лѣвымъ (сѣвернымъ) берегомъ Аварскаго Койсу. Тогда еще не было получено свѣдѣній о дѣйствіяхъ лезгинскаго отряда, на долю котораго досталось покорить области, лежащія выше Технуцала, по верхнему теченію Андійскаго Койсу, въ юго-западномъ углу нагорнаго Дагестана. Чтобы ясно представить себѣ ходъ и значеніе этихъ дѣйствій, надобно припомнить, что нагорный Дагестанъ, въ которомъ, послѣ взятія Веденя, сосредоточились силы Шамиля, имѣетъ видъ треугольника, и что каждый изъ трехъ отрядовъ нашей кавказской арміи имѣлъ поприщемъ своихъ дѣйствій одну изъ сторонъ этого треугольника. Между тѣмъ какъ чеченскій отрядъ дѣйствовалъ съ сѣверо-запада отъ Андійскаго хребта, по южному склону котораго протекаетъ Андійское Койсу, а дагестанскій отрядъ вступалъ въ непокорную область съ востока, изъ покорнаго Дагестана, лезгинскій отрядъ имѣлъ основаніемъ своихъ операций лезгинскую кордонную линію, которая тянется вдоль по южному склону главнаго снѣговаго хребта, ограничивающаго нагорный Дагестанъ съ югозапада. Такъ какъ силы Шамиля были преимущественно направлены противъ чеченскаго отряда, то дагестанскій отрядъ, нападавшій на правый флангъ Шамиля, долженъ былъ дѣйствовать преимущественно съ своего праваго фланга, въ сѣверовосточномъ углу треугольника, со стороны Темирханшуры, а лезгинскому отряду, нападавшему на лѣвый флангъ Шамиля, приходилось дѣйствовать преимущественно съ своего лѣваго фланга въ западномъ углу треугольника, со стороны Тушетіи. Въ этомъ углу нагорнаго Дагестана лежатъ двѣ области, Ункратъ и Дидо, расположенныя на самыхъ высокихъ террасахъ нагорнаго Дагестана, между главнымъ снѣговымъ хребтомъ и вторымъ снѣговымъ хребтомъ, — сѣвернымъ или Боговскимъ. Лезгинскій отрядъ открылъ свои дѣйствія противъ этихъ областей съ запада, съ горы Бешо, на которой онъ стоялъ 17-го іюля, занимая позицію, возвышенную надъ уровнемъ моря на

10 тысяч футовъ (1). Главнымъ дѣйствіемъ былъ спускъ въ ущелье Иланхеви, цѣлью дѣйствій—разореніе всѣхъ ауловъ Ун-кратля и Дидо, не хотѣвшихъ покориться, и переходъ черезъ Богоскій хребетъ для соединенія съ чеченскимъ отрядомъ; дѣйствовалъ лезгинскій отрядъ пятью колоннами, и дѣйствія его окончены въ шесть дней; послѣ чего общества, въ этой части края расположенныя, узнавъ объ изъявленіи покорности Аваріей, Койсубу и другими племенами Дагестана, прекратили сопротивленіе, и войска лезгинскаго отряда уже безъ боя перешли Богоскій хребетъ и вступили на нижнія террасы нагорнаго Дагестана, обращенныя къ Аваріи и Каратѣ.

Между тѣмъ дагестанскій отрядъ открылъ сообщенія съ чеченскимъ отрядомъ. 27-го іюля прибылъ въ главную квартиру, расположенную тогда близъ озера Ретло, прямымъ путемъ изъ Хунзаха черезъ Аварію и Карату флигель-адъютантъ, гвардіи ротмистръ Ибрагимъ ханъ Мехтулинскій, въ сопровожденіи почетныхъ старшинъ аварскихъ, койсубулинскихъ и каратинскихъ съ ихъ значками, и съ ними весь Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ. Всѣ они пробѣжали спокойно черезъ Карату, изъ которой только наканунѣ бѣжали Шамиль и Казы-Магома. 30-го іюля прибылъ въ главную квартиру тѣмъ же путемъ генералъ-адъютантъ баронъ Врангель, командиръ дагестанскаго отряда, въ сопровожденіи дивизіона Сѣверскихъ гусаръ съ частію милиціи, и пробывъ въ главной квартирѣ два дня, отправился тѣмъ же путемъ обратно.

4-го августа былъ отданъ въ главной квартирѣ въ Андіи, близъ аула Тандо, слѣдующій приказъ главнокомандующаго:

Отторгнутая въ 1843 году изъ подъ русской власти Аварія — 23-го іюля изъявила покорность и по прежнему вступила въ подданство Его Императорскаго Величества.

На основаніи предварительно испрошенной мною лично Высочайшей воли, возстановляя Аварское ханство, назначаю ханомъ аварскимъ флигель-адъютанта Его Величества, лейбъ-гвардіи казачьяго полка ротмистра Ибрагимъ-хана Мехтулинскаго.

Младшаго же брата Ибрагимъ-хана, лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка, поручика Решидъ-хана, назначаю ханомъ Мехтулинскимъ.

Въ это время не проходило дня, чтобы въ лагерь чеченскаго отряда не являлись депутаціи отъ разныхъ племенъ Дагестана, какъ изъ мѣстъ, гдѣ дѣйствовалъ дагестанскій отрядъ,

(1) На высотѣ, почти равной съ вершиной Этны и въ два съ половиной раза выше вершины Везувія. Такъ какъ мы пишемъ преимущественно для жителей равнины, не имѣющихъ нагляднаго представленія о высотѣ горъ, то считаемъ не лишнимъ прибавить, что эта высота въ полтора раза больше высоты ястребинаго полета, и почти въ два раза меньше высоты полета орла.

такъ и изъ верхнихъ горъ, лежавшихъ на пути лезгинскаго отряда. Не только области между теченіемъ Андійскаго и Аварскаго Койсу, но и области на правомъ берегу Аварскаго Койсу и далѣ между Аварскимъ и Чернымъ или Кара-Койсу и между Чернымъ Койсу и самымъ восточнымъ притокомъ Сулака, Кузыкумхскимъ Койсу, изъявляли покорность. Особенную важность имѣла сдача Чоха, укрѣпленнаго пункта, лежащаго между Чернымъ и Кузыкумхскимъ Койсу (27-го іюля), и изъявленіе покорности Тилитлинскимъ обществомъ, живущимъ между Аварскимъ и Чернымъ Койсу, въ тылу у Шамиля на пути отступленія его послѣ бѣгства изъ Караты.

Надежды стараго вождя мюридовъ должны были съ каждымъ днемъ ослабѣвать все болѣе и болѣе. Человѣкъ менѣе твердой воли уже въ концѣ іюля палъ бы духомъ на мѣстѣ Шамиля. Отъ Караты Шамиль долженъ былъ отступать на югъ, имѣя у себя на востокъ Аварію, которая отложила отъ него и по которой уже развѣзжала наша конница, а на западъ Боговскій хребетъ, съ котораго спускались колонны нашего лезгинскаго отряда. Бѣгство Шамиля по этимъ мѣстамъ было поспѣшное; онъ быстро отретировался за правый берегъ Аварскаго Койсу, очистивъ всю страну на сѣверъ между Аварскимъ и Андійскимъ Койсу. Но и на правомъ берегу онъ долженъ былъ видѣть себя въ крайней опасности. Одно изъ здѣшнихъ обществъ, именно Тилитлинское, какъ мы уже упоминали, изъявило покорность. Оно живетъ довольно высоко между Аварскимъ и Чернымъ Койсу. Шамиль направилъ путь свой нѣсколько ниже, на Куядинское общество, но и тутъ встрѣтили его враждебно. Куядинцы и Тилитлинцы отняли у него нѣсколько лошадей и вьюковъ и довольно значительную казну (Куядинцы одну мѣру серебра, Тилитлинцы около 15 тысячъ рублей); это показываетъ, между прочимъ, какъ незначительны были силы Шамиля. Онъ былъ совершенно оставленъ жителями Дагестана. Тогда онъ рѣшился броситься еще ниже Куядинскихъ высотъ, въ лѣса Ругджи и горныя возвышенности Гуниба, лежащія между нижнимъ теченіемъ Аварскаго и Чернаго Койсу. Эти возвышенности издавна обратили на себя вниманіе Шамиля своею неприступностію, и говорятъ, что онъ заблаговременно избралъ ихъ себѣ послѣднимъ убѣжищемъ. Здѣсь на Гунибскихъ высотахъ должна была рѣшиться судьба этого героя-фанатика. Отсюда не было уже ретирады: пространство, лежащее далѣе на югъ и юговостокъ, между Чернымъ и Кузыкумхскимъ Койсу, не было надежно, уже послѣ того какъ Чохъ сдался Русскимъ, но 2-го августа Даніель-бекъ, бывший султанъ Элисуйскій, вѣроятно опасаясь заслуженнаго наказанія за прежнія вины свои, сдалъ намъ Ирибъ, укрѣпленное мѣсто области Тлейсерухъ, лежащей въ верховьяхъ Чернаго Койсу. Такимъ образомъ, покинутый почти

всѣми, ожидающей послѣдней судьбы своей, но все еще непреклонный, Шамиль могъ полагать единственную свою надежду на неприступность Гуниба. Здѣсь укрылся онъ съ двумя своими сыновьями, съ семействомъ и остальными приверженными мюридами. По присоединеніи гунибскихъ жителей, ему удалось составить партію въ 400 человекъ, при 4 орудіяхъ.

Между тѣмъ 10-го августа главнокомандующій, оставивъ чеченскій отрядъ, отправился для осмотра новопокорившагося края. Конвой составляли дивизионъ Нижегородскихъ драгунъ, полсотни козачковъ и туземная милиція. Путь главнокомандующаго лежалъ внизъ по теченію Андійскаго Койсу на Тлохъ, Игали къ Сагрытлохскому мосту, ознаменованному подвигами дагестанскаго отряда, которые были совершены за три недѣли передъ тѣмъ и побудили Шамиля ретироваться отъ Андійскаго Койсу. Затѣмъ князь-намѣстникъ проѣхалъ мимо Чирката, Ахульго, знаменитаго по осадѣ и двумъ штурмамъ 1839 года, Ашильты и Унцукуля въ Гимры. Посѣтивъ такимъ образомъ область Койсубу на всемъ ея протяженіи, сіятельный князь направился изъ Гимръ черезъ Ахкентъ въ Аварію, сопутствуемый конвоемъ, состоявшимъ изъ однихъ только Койсубулицевъ и Аварцевъ. На этомъ пути были посѣщены аулы Цатанахъ, Арахъ-Тау, Танусъ-Балъ и главное мѣстечко Аваріи, Хунзахъ. «Все населеніе Аваріи спѣшило на встрѣчу г. главнокомандующему, говорить реляція отъ 18-го августа. Всеобщая радость по случаю освобожденія отъ ига Шамиля и возвращенія подъ управленіе наследника аварскихъ хановъ, подъ нашимъ покровительствомъ, была выражена жителями торжественнымъ приемомъ и въ особомъ адресѣ къ г. главнокомандующему.» Изъ Хунзаха князь Барятинскій спустился въ долину Аварскаго Койсу къ аулу Гологль. Здѣсь, на привалѣ, представился его сіятельству извѣстный тилитлинскій наибъ Кибить-Магома, пользовавшійся въ непокорныхъ горныхъ обществахъ большимъ вліяніемъ и братъ его Муртузали, съ тилитлинскою милиціей. Въ сопровожденіи ихъ, главнокомандующій прибылъ въ Тилитль, гдѣ останавливался въ домѣ Кибить-Магомы. По осмотрѣ этого сильно укрѣпленнаго аула, князь-намѣстникъ проѣхалъ версты двѣ за аулъ и у подножья высокой горы, извѣстной подъ названіемъ Чемаданъ-Гора, ночевалъ. Тутъ былъ расположенъ 18-й Стрѣлковый батальионъ, высланный изъ дагестанскаго отряда на встрѣчу главнокомандующему. 17-го августа, проѣхавъ по Куядинскимъ высотамъ, съ которыхъ князь осмотрѣлъ Гунибъ—послѣднее убѣжище Шамиля, его сіятельство прибылъ въ Ругджу, гдѣ въ ближайшемъ разстояніи отъ Гуниба, въ глазахъ самаго Шамиля, жители радостно привѣтствовали поѣздъ, огласивъ воздухъ восторженнымъ крикомъ и ружейными залпами. Здѣсь же были расположены три рога Самурскаго пѣ-

хотнато полка изъ числа войскъ , окружавшихъ Гунибъ. 18-го числа главнокомандующій, переправившись черезъ Черное Койсу, въѣхалъ въ Чохъ. Крѣпость салютовала выстрѣлами изъ только что взятыхъ непріятельскихъ орудій и непріятельскими порохомъ. Послѣ осмотра этого сильного, съ замѣчательнымъ искусствомъ построеннаго укрѣпленія, его сіятельство поднялся на Кегерскія высоты, къ мѣсту расположенія дагестанскаго отряда.

Въ этотъ же день князь Меликовъ, командующій войсками лезгинской кордонной линіи, объѣхалъ всѣ покорившіяся общества по верховьямъ Аварскаго и Кара-Койсу, присоединился въ лезгинской линіи и прибылъ въ Ирибъ съ кавалеріей, куда вслѣдъ за нимъ должна была прибыть и пѣхотная колонна. Генералъ-майору князю Меликову послано приказаніе г. главнокомандующаго прибыть въ главную квартиру къ Кегеру, гдѣ его сіятельство назначилъ общій съѣздъ командующимъ войсками дѣваго крыла прикаспійскаго края и лезгинской кордонной линіи. Князь Меликовъ прибылъ въ Кегеру 20-го августа, и такимъ образомъ части лезгинскаго отряда, вторично пройдя горы, соединились на югъ съ войсками дагестанскаго отряда.

Вслѣдъ за симъ открыты были дѣйствія противъ Гуниба.

Шамиль, не ограничиваясь природною крѣпостью Гуниба, употребилъ всѣ средства, чтобы сдѣлать его совершенно неприступнымъ: онъ подорвалъ порохомъ всѣ скалы, гдѣ представлялась малѣйшая возможность взбираться; заградилъ всѣ тропинки, ведущія отъ Чернаго Койсу, Ругджи и Хинды, толстыми стѣнами, башнями, двухъ-и трехъ-ярусными оборонительными постройками, вездѣ заготовилъ огромныя кучи каменьевъ для скатыванія на атакующихъ и, однимъ словомъ, приготовилъ оборону, какую только средства его и искусство горцевъ въ подобномъ дѣлѣ могли представить.

Уже къ 8 августа, дагестанскій отрядъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ батальйоновъ, оставленныхъ на сообщеніяхъ, былъ сосредоточенъ въ Куддинскомъ обществѣ на урочищѣ Гунимееръ, а 9-го, вслѣдствіе произведеннаго осмотра мѣстности, войска двинулись къ подножію Гуниба и заняли мѣста для блокады, на всей окружности горы Гуниба, около 50 верстъ.

Нѣсколько дней, проведенныхъ на Гунибѣ, окруженномъ нашими войсками и возставшими противу Шамиля жителями, дало ему время обдумать свое незавидное положеніе. Онъ видѣлъ въ нашихъ рукахъ Ирибъ, Чохъ, Уллу-Кале, крѣпости едва приступныя; онъ видѣлъ своихъ лучшихъ, вѣрнѣйшихъ помощниковъ въ конвоѣ главнокомандующаго, проѣзжавшаго по ущельямъ Андійскаго, Аварскаго и Чернаго Койсу, и повидимому началъ убѣждаться, что пора его власти прошла безвозвратно. Онъ рѣ-

шился вступить въ переговоры, избравъ посредниками Даніель-Бека и состоящаго въ службѣ нашей полковника Али-хана. Но послѣ четырехдневныхъ безплодныхъ переговоровъ главнокомандующій приказалъ прекратить ихъ, и приступлено къ предварительнымъ работамъ для овладѣнія Гунибомъ.

Войска кругомъ Гуниба были растоложены слѣдующимъ образомъ: на восточномъ фасѣ два батальона Ширванскаго пѣхотнаго полка, съ 4-мя горными орудіями, подъ командою полковника Кононовича; на сѣверномъ фасѣ: другіе два батальона Ширванскаго полка, одинъ батальонъ Грузинскаго гренадерскаго полка, одинъ батальонъ Самурскаго полка, 5 сотенъ Конно-иррегулярнаго полка и двѣ сотни конной милиціи, подъ начальствомъ генераль-майора князя Тарханъ-Моуравова; на южномъ: два батальона Апшеронскаго полка, два батальона Самурскаго полка и 21-й Стрѣлковый батальонъ, подъ командою полковника Тергукасова, а на западномъ фасѣ: два батальона Дагестанскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ полковника Радецкаго.

Командованіе означенными передовыми войсками и непосредственныя распоряженія инженерными работами были поручены генераль-майору Кесслеру, подъ главнымъ начальствомъ генераль-адъютанта барона Врангеля.

Осмотръ доступовъ на вершину горы обнаружилъ, что восточный скатъ ея, хотя слабѣйшій и доступнѣйшій по природнымъ условіямъ, представляетъ однакоже едва ли не самыя большія препятствія, потому что пути по немъ затруднены чрезвычайно крѣпкими и искусственными преградами и бдительно охраняются большею частію гунибскаго гарнизона. По этой причинѣ, имѣлось въ виду предпринять рѣшительныя дѣйствія съ этого фаса только въ крайнемъ случаѣ, предпочитая имъ, если представится къ тому возможность, нападеніе съ котораго-нибудь изъ остальныхъ трехъ фасовъ; а для отвлеченія вниманія осажденныхъ, и чтобы заставить непріятеля быть въ постоянномъ ожиданіи рѣшительнаго наступленія нашего съ восточнаго фаса, приказано было полковнику Кононовичу постепенно подвигаться впередъ къ укрѣпленіямъ этого фаса съ помощью осадныхъ работъ, производство которыхъ поручено инженеръ-капитану Фалькенгагену.

Передъ разсвѣтомъ 25-го августа, по распоряженію начальника войскъ южнаго фаса, полковника Тергукасова, командиръ 1-го батальона Апшеронскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Егоровъ, подойдя къ скалистому обрыву и видя, что непріятель не замѣтилъ его движенія по причинѣ густаго тумана, рѣшился воспользоваться удобнымъ мгновеніемъ и повести батальонъ далѣе на вершину горы. Мѣстность, заранѣе осмотрѣнная охотниками, представляла въ этомъ пунктѣ такія большія препятствія для напа-

денія, что осажденные, считая ее вѣроятно недоступною для насъ, содержали здѣсь только незначительный караулъ. Передъ нападающими, какъ стѣны, возвышались одинъ надъ другимъ три скалистыхъ крутыхъ обрыва (каждый отъ 8-ми до 10-ти сажень высоты), только въ одномъ мѣстѣ разсѣченные узкою поперечною трещиной. 130 охотниковъ, предводимыхъ капитаномъ Скворцовымъ и прапорщикомъ Кушнаревымъ, обутые въ лапти и поршни, съ лѣстницами и крючьями, подсаживая другъ друга, въ совершенной тишинѣ, вскарабкались на террасу, отдѣляющую нижній обрывъ отъ втораго; вслѣдъ за ними двинулся и батальонъ, оставя стрѣлковую роту внизу на мѣстахъ, удобныхъ для обстрѣливанія верхнихъ уступовъ. Не останавливаясь на первой террасѣ, охотники, а за ними и батальонъ, уже подъ огнемъ замѣтившаго ихъ непріятеля, съ помощію лѣстницъ и веревокъ, взошли на вторую террасу и вслѣдъ затѣмъ на верхнюю плоскость Гуниба, гдѣ къ 6-ти часамъ утра собрался уже весь батальонъ. Между тѣмъ, охотники окружили непріятеля въ прикнутыхъ къ скаламъ завалахъ, 7 человекъ захватили въ плѣнъ, 15 положили на мѣстѣ; остальные скрылись, пользуясь туманомъ.

Вскорѣ затѣмъ подошли сюда еще двѣ роты 4-го батальона того же полка, и тогда полковникъ Тергукасовъ двинулся къ самому селенію Гунибъ, находившемуся отсюда еще верстахъ въ 8-ми, и на дорогѣ соединился съ 21-мъ Стрѣлковымъ батальономъ, который, имѣя въ головѣ охотниковъ, подъ командою подпоручика Теріева, въ то же время овладѣлъ уже съ бою крѣпкими непріятельскими завалами, правѣ занятыхъ Апшеронцами.

Одновременно и войска сѣвернаго фаса (верстахъ въ 15 отъ Апшеронцевъ), подъ личнымъ начальствомъ генералъ-майора князя Тарханъ-Моуравова, съ такими же трудностями и съ такимъ же блистательнымъ мужествомъ, поднялись на Гунибъ съ противоположной сѣверной покатости.

Взойдя на высоты, князь Тарханъ-Моуравовъ направилъ шедшія въ головѣ стрѣлковую роту Грузинскаго гренадерскаго полка, подъ командою подпоручика Микеладзе, и сотню Конно-иррегулярнаго полка съ есауломъ Джафаръ-Аге, а вслѣдъ за ними и весь гренадерскій батальонъ, подъ командою подполковника Габаева, къ палаткѣ Шамиля и въ тылъ устроенныхъ на восточномъ скатѣ укрѣпленій, а послѣ въ обходъ аула.

Озадаченные появленіемъ нашихъ войскъ съ разныхъ сторонъ, горцы въ безпорядкѣ бросились бѣжать отъ стѣнъ южнаго фаса вверхъ, преслѣдуемые снизу выстрѣлами ширванскихъ стрѣлковъ. Большая часть мюридовъ, въ томъ числѣ и самъ Шамиль съ сыновьями, бѣжали къ селенію Гунибъ и засѣли по скалямъ.

Вслѣдъ за бѣгущими отъ стѣнъ мюридами, полковникъ Коно-

новичъ двинулъ быстро вверхъ 1-й и 2-й ширванскіе батальоны, съ 4-мя горными орудіями; а полковникъ Радецкій взобрался въ это время на Гунибъ съ большимъ трудомъ съ западной стороны.

Между тѣмъ, партія мюридовъ—человѣкъ до ста—изъ числа бѣжавшихъ въ разсыпную отъ укрѣпленій, отрѣзанные отъ аула, собрались на лѣсистомъ холмѣ влѣво отъ ведущей къ аулу восточной дороги, и тамъ, засѣвши за каменьями, открыли частую пальбу по подымавшимся снизу ротамъ Ширванскаго полка. Одна и вслѣдъ за ней другая роты этого полка были направлены, чтобы выбить мюридовъ изъ-за камней. Горцы, не видя никакого спасенія, выхватили шашки и кинжалы и бросились навстрѣчу Ширванцевъ; тутъ завязалась хотя не продолжительная, но жаркая и кровавая рукопашная схватка; сброшенные съ холма мюриды кинулись на стоявшій внизу у неприятельскаго орудія караулъ нашъ, но, преслѣдуемые съ тылу, были отброшены внизъ къ небольшому ручью, гдѣ окружены со всѣхъ сторонъ и истреблены всѣ безъ исключенія.

Когда такимъ образомъ войска съ разныхъ сторонъ устремились къ аулу, генералъ-майоръ Кесслеръ, имѣя въ виду приказаніе главнокомандующаго употребить всѣ усилія, чтобы Шамиль достался намъ живымъ въ руки, тотчасъ остановилъ натискъ войскъ, уже готовыхъ ворваться въ Гунибъ, и расположилъ ихъ такимъ образомъ, чтобы преградить защищавшимся въ аулѣ мюридамъ всѣ пути къ отступленію.

Въ это время князь Барятинскій лично прибылъ, вмѣстѣ съ командующимъ войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, на мѣсто боя и приказалъ остановить перестрѣлку съ засѣвшими въ Гунибѣ мюридами, предложивъ имъ сдаться, не подвергая напрасно аула, въ которомъ было много женщинъ и дѣтей, всѣмъ ужасамъ штурма.

Послѣ переговоровъ, длившихся около двухъ часовъ, Шамиль, видя аулъ окруженнымъ густою цѣпью войскъ, готовыхъ ворваться въ него, рѣшился сдаться; въ сопровожденіи нѣсколькихъ приближенныхъ мюридовъ, онъ тутъ же явился къ главнокомандующему, повергая безусловно свою судьбу милосердію Государя Императора.

Князь Барятинскій принялъ его, сядя на камень. Зная, что, по понятіямъ горцевъ, человѣкъ, у котораго отнято оружіе, теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всю свою честь, онъ допустилъ его представиться себѣ въ оружіи. Говорятъ, что когда князь уѣхалъ, Шамиль сѣлъ на тотъ камень, на которомъ сидѣлъ князь, и долго не хотѣлъ сойти съ этого мѣста. Наконецъ, по убѣжденію графа Евдокимова, объявлявшагося съ нимъ безъ переводчика, онъ всталъ и сѣлъ на лошадь. По одну его сторону поѣхалъ графъ Евдокимовъ, по

другую полковникъ (нынѣ генераль-майоръ) Тромповскій; за ними слѣдовали два переводчика и эскадронъ драгунъ. На пути Шамиль два раза останавливался и просилъ позволенія молиться; много разъ онъ просилъ пить воды.

Г. главнокомандующій приказалъ отвести его въ лагерь главной квартиры; а на другой день прибыли сюда же два его сына и все семейство. 27-го числа всѣ они отправлены въ Темиръ-Ханъ-Шуру, откуда Шамиль съ старшимъ сыномъ Кази-Магома отосланы въ С.-Петербургъ, въ сопровожденіи гвардіи полковника (нынѣ генераль-майора) Тромповскаго.

До Темирханшуры всѣ ѣхали верхомъ, въ сопровожденіи двухъ эскадроновъ драгунъ, батальона пѣхоты и двухъ сотенъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка. Горцы тысячами выходили на встрѣчу; женщины выли, оплакивая своего имама; мужчины прикасались къ поламъ его платья и цѣловали ихъ на прощанье. Отъ Шуры до станціи Червленной Шамиль ѣхалъ въ тарантасѣ барона Врангеля, а въ Червленной, по приказанію князя Барятинскаго, Шамиля уже три мѣсяца ожидала карета, въ которой онъ и отправился изъ родныхъ горъ своихъ на далекой сѣверъ.

При овладѣніи Гунибомъ взято четыре орудія, одно крѣпостное ружье и Шамилева сѣкира; въ плѣнъ захвачено около ста миридовъ и такое же число убито. Потеря съ нашей стороны заключается въ 19-ти нижнихъ чинахъ и двухъ милиціонерахъ убитыхъ; семи офицерахъ, 114 нижнихъ чиновъ и 7-ми милиціонеровъ раненыхъ; контуженныхъ 2 офицера и 29 нижнихъ чиновъ.

Денегъ у Шамиля оказалось только около 7.000 рублей и никакого другаго богатства.

Такъ окончилось поприще этого роковаго человѣка, этого дикаря, несомнѣнно принадлежащаго къ числу великихъ людей. Въ глубокой старости суждено было ему познать, что рокъ не покровительствуетъ его фанатизму, и познавъ это, увидѣть своими глазами христіанскую цивилизацію, съ тѣми плодами ея, которые успѣли до сихъ поръ созрѣть въ Россіи. Наша страна, далеко отставшая отъ другихъ странъ на пути преуспѣянія, должна была показаться этому жителю горъ странною чудесъ и блаженства, волшебнымъ міромъ, существованіе котораго онъ не предполагалъ возможнымъ на землѣ. «Вы, Русскіе, не будете въ раю, говорилъ онъ въ Харьковѣ, по свидѣтельству очевидцевъ: у васъ на землѣ такой рай, какой намъ обѣщанъ на небѣ.» Но чѣмъ громаднѣе разстояніе между нашими средствами и тѣми средствами, которыя могъ представлять ему убогій бытъ Горцевъ, тѣмъ болѣе вырастаетъ величіе духа, такъ долго и такъ успѣшно торжествовавшее надъ скудностію средствъ. Справедливость требуетъ сказать, что взятіемъ Гуниба пресѣчено поприще человѣка, дѣйствительно необыкновеннаго. Его вражда съ нами, внушен-

ная фанатизмомъ и недоверіемъ, для котораго, какъ онъ утверждаетъ, были съ нашей стороны поводы, должна была окончиться въ нашу пользу; она не могла оставить по себѣ другихъ слѣдовъ, кромѣ замедленія сношеній, распространяющихъ цивилизацію, кромѣ пролитой крови и постоянной ненависти. Но между этими мрачными воспоминаніями будетъ проходить одна свѣтлая черта, которою поневолѣ дорожатъ люди даже во врагахъ своихъ, потому что она укрѣпляетъ сознание людей о внутреннемъ могуществѣ человѣческой природы. Этою свѣтлою чертой будетъ память о героизмѣ бывшаго нашего соперника, о силѣ духа, испытанной длиннымъ рядомъ удачъ и неудачъ и господствовавшей надъ разнохарактерными племенами съ такимъ полномасштабомъ, которому мы стали бы тщетно искать другаго примѣра въ исторіи временъ намъ близкихъ. Мы, побѣдители, купившіе побѣду столькими потоками русской крови, должны вынести изъ этихъ мрачныхъ событій еще то убѣжденіе, что нѣтъ племени дикаго и нецивилизованнаго, нѣтъ быта грубаго и невежественнаго, въ которомъ не могло бы сказаться человѣческое достоинство во всемъ его колоссальномъ величій, сказаться грозно и истительно тому, кто не былъ бы готовъ признать его добровольно.

Для Кавказа и Закавказья отнынѣ начинается новая эра. Путешествіе князя-намѣстника по Прикаспійскому краю и Кахетіи, отъ предѣловъ Аваріи до Тиѣлиса, было подобно триумфальному шествію; вездѣ народъ ликовалъ отъ увѣренности, что настаетъ наконецъ мирное время, когда можно пользоваться безопасно плодами трудовъ своихъ и обратиться отъ военныхъ занятій къ дѣламъ мира. На правомъ крылѣ кавказской линіи, въ западной части горъ, взятіе Шамиля имѣло также благопріятныя для насъ послѣдствія. Впечатлительные умы эти восточныхъ племенъ должны быть поражены разнесшеюся по горамъ молвой о великомъ, неожиданномъ для нихъ событіи. На дняхъ напечатано въ газетахъ извѣстіе, что вслѣдъ за Бжедухами изъявили покорность и племена, живущія между рѣками Лабой и Бѣлой. Зная восточныхъ людей, можно ожидать, что и другія горскія племена упадутъ духомъ, а начальство края, безъ сомнѣнія, воспользуется минутой испуга.

Новая эра провозглашена для этого края и въ высочайшей грамотѣ, данной 8 сентября князю-намѣстнику. Вотъ слова ея:

Нашему генералъ-адъютанту, генералу-отъ-инфантеріи, главнокомандующему кавказскою арміею и намѣстнику кавказскому, князю Александру Барятинскому.

Отличною воинскою распорядительностію вашею даровано окончательное замиреніе восточной части Кавказа. Доблестныя войска пред-

водительствуемой вами арміи, сосредоточенныя, по непосредственнымъ распоряженіямъ вашимъ, въ нѣдрахъ Кавказскихъ горъ, совершили покореніе всѣхъ враждебныхъ намъ издавна горскихъ племенъ отъ Каспійскаго моря до военно-грузинской дороги. Главный виновникъ и вождь въ долговременной, ожесточенной борьбѣ противу насъ мюридизма, Шамиль, окруженный, въ укрѣпленномъ Гунибѣ, войсками, подъ личнымъ вашимъ начальствомъ состоявшими, взятъ съ боя въ плѣнъ со всѣмъ семействомъ и послѣдними приверженцами его. Отнынѣ предстоитъ вамъ, во вновь покоренной странѣ, не утвержденіе власти нашей силою оружія, а распространеніе между новыми подданными Нашими гражданственной образованности и общественнаго благосостоянія. Желая почтить совершенный вами славный подвигъ и изъявить полную душевную Нашу къ вамъ признательность, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего Св. Апостола Андрея Первозваннаго съ мечами, знаки коего, при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею навсегда неизмѣнно благосклонны и искренно доброжелательны.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы замиреніе края повело къ болѣе короткому знакомству съ нимъ Россіи. Богатства и особенности кавказскаго перешейка еще очень мало извѣстны намъ: мы еще слишкомъ мало извлекаемъ изъ нихъ выгоду. Для общей пользы и Европейской Россіи и Закавказья желательно, чтобы взаимныя сношенія становились чаще, чтобы связи этого края съ Россіей закрѣплялись все болѣе и болѣе. Такому сближенію можетъ всего болѣе способствовать литература. До сихъ поръ край этотъ не могъ быть предметомъ живой журнальной корреспонденціи; онъ находился на военномъ положеніи, и хотя горцы едва ли могли бы узнавать изъ нашихъ журнальныхъ корреспонденцій такія вещи, которыя не доходили до нихъ черезъ лазутчиковъ, но все-таки требовались предосторожности. Теперь, благодаря успѣхамъ русскаго оружія, положеніе дѣлъ измѣнилось. Теперь было бы несомнѣнно полезно, еслибы литературѣ открылась возможность распространять въ Россіи самыя подробныя свѣдѣнія о Кавказѣ и Закавказьѣ.

СТАТЬЯ Г. ЯКУШКИНА ВЪ РУССКОЙ БЕСѢДѢ.

Въ послѣдней книжкѣ *Русской Бесѣды* напечатано описаніе трехкратнаго ареста г. Якушкина, произведеннаго псковскою полиціей по одному лишь подозрѣнію, оказавшемуся неосновательнымъ. Редакція *Русской Бесѣды* изъявляетъ желаніе, чтобы это описаніе

было перепечатано другими изданіями, и особенно тѣми, которыя имѣютъ читателей между полицейскими чиновниками. Такъ какъ мы, къ нашему истинному удовольствію, можемъ отнести свое изданіе между прочимъ и къ этому разряду, то мы исполняемъ желаніе *Русской Бесѣды*. Мы дѣлаемъ это тѣмъ охотнѣе, что, сколько намъ извѣстно, статья г. Якушкина представляетъ въ нашей литературѣ первый примѣръ приложенія настоящей гласности къ дѣйствіямъ слѣдственной полиціи. Это не сообщеніе случая, неизвѣстно съ кѣмъ и неизвѣстно гдѣ приключившагося, сообщеніе, не могущее имѣть никакихъ прямыхъ послѣдствій и приносящее столько же пользы, какъ безыменное письмо. Это не такъ-называемая *поморная* гласность, по всему праву принадлежащая къ вѣдомству *Искры*, хотя и нельзя не прибавить, что еслибы кто-нибудь вздумалъ по этому поводу трунить надъ всею нашею литературой, то показалъ бы или очень мало провицательнаго остроумія, или еще меньше добросовѣстности. Это серьезная гласность, приличная совершеннолѣтнему, — показаніе, дѣлаемое открыто и дающее тому или тѣмъ, кого оно касается, возможность защищаться не только передъ общественнымъ мнѣніемъ, но даже, если угодно, и посредствомъ судебного обвиненія въ клеветѣ. Только такая гласность можетъ быть полезна въ дѣлахъ этого рода, и если взвѣсить всѣ обстоятельства, то только такая гласность можетъ быть и безвредна, — безвредна какъ для чести отдѣльныхъ лицъ, такъ и для общественнаго порядка. Ничто такъ не ведетъ къ заблужденіямъ, ничто такъ не питаетъ лихорадочнаго безплоднаго раздраженія, какъ неясность стремленій и неопредѣленность задачъ, — недостатки ума и воли, процвѣтающіе лишь при отсутствіи полной гласности, которая цѣлится именно за то, что борется противъ нихъ. Люди, неимѣющіе сказать ничего яснаго и опредѣленнаго, желающіе только туманить и мутить умы, чтобъ играть какую-нибудь роль таинственнаго свойства, находились бы въ самомъ выгодномъ положеніи среди общества, въ которомъ не только они, но и всѣ люди серьезные и благонамѣренные были бы принуждены говорить обиняками; и наоборотъ, гдѣ можно говорить ясно и откровенно, такъ неясность и неоткровенность теряютъ всю свою прелесть, тамъ принужденъ будетъ молчать человѣкъ, который неспособенъ открыто стоять и отвѣчать за свое слово.

Случай, приключившійся съ г. Якушкинымъ, нельзя назвать вопиющимъ случаемъ нарушенія закона со стороны псковской полиціи. Полиціа обязана у насъ арестовать человѣка подозрительнаго, а подозрительнымъ называется именно такой человѣкъ, противъ котораго не свидѣтельствуютъ еще никакія положительныя данныя, и который слѣдовательно можетъ въ послѣдствіи

оказаться совершенно невиннымъ. Но изъ собственнаго описанія г. Якушкина видно, что онъ имѣлъ наружность, не совсѣмъ обыкновенную. Псковская полиція могла быть даже образцовою полиціей и оставаться въ совершенномъ невѣдѣніи на счетъ того, что бываютъ на свѣтѣ люди, носящіе русское платье не въ силу наслѣдственнаго обычая, а на основаніи теоретическихъ соображеній; съ другой стороны многократный опытъ, вѣроятно, научилъ ее видѣть людей подозрительныхъ въ людяхъ переодѣвающихся. Итакъ, въ сущности образъ дѣйствій псковской полиціи не заключаетъ въ себѣ вопіющей противозаконности; если есть въ немъ отступленія, то не отъ духа, а отъ формы закона,—отступленія, которыя, если мы не ошибаемся, могутъ полюбиться читателямъ *Русской Бесѣды*, и заключаютъ въ себѣ поэтическую особенность мирной, неформенной жизни русскаго губернскаго города.

Но именно эта невинность псковской полиціи, служащая поводомъ самаго вопіющаго нарушенія личной свободы, придаетъ этому печальному случаю болѣе общее значеніе. Будь это случай исключительный,—впечатлѣніе, производимое имъ на читателя, не было бы такъ сильно и не оставило бы по себѣ такого глубокаго слѣда. Серіозное раздумье возбуждается именно тѣмъ, что здѣсь нѣтъ возмутительнаго беззаконія, а между тѣмъ совершается дѣло по истинѣ возмутительное. Не псковскую полицію обличаетъ этотъ потрясающій читателя разказъ; онъ обличаетъ всю нашу русскую жизнь, весь нашъ хаотическій бытъ, въ которомъ наслѣдіе застѣнковъ и торговой казни нерѣдко смѣшивается съ отголосками филантропическихъ теорій и сантиментальнаго XVIII вѣка милосердія. Г. Якушкина полиція три раза по подозрѣнію лишала свободы, а въ то же время судъ отворялъ двери тюремъ и выпускалъ людей дѣйствительно подозрительныхъ, которые получили свободу именно на основаніи того, что судъ оставилъ ихъ въ подозрѣніи. Эта обязанность полиціи задерживать людей подозрительныхъ, и рядомъ съ нею эта обязанность суда освобождать людей подозрительныхъ, эта легкость, съ какою человекъ невинный можетъ попасть подъ арестъ, и рядомъ съ нею эта легкость, съ какою человекъ виновный можетъ освободиться отъ ареста, составляютъ одно изъ многихъ противорѣчій русскаго быта, о которыхъ особенно теперь пора серіозно подумать.

Вотъ самая статья г. Якушкина:

Моя поѣздка въ Псковскую губернію не удалась по причинамъ, совершенно отъ меня не зависящимъ, и именно по слѣдующимъ. Разкажу вамъ случившееся со мною, во всей подробности. Досаду, негодованіе, отвращеніе, словомъ всѣ испытанныя мною ощущенія я передавать вамъ не стану, а

и некогда. Вы сами хорошо поймете это, и без моих описаній. Ограничусь однимъ вѣрнымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ факта.

Объѣздивъ Талабское (по географіямъ Псковское) озеро, обойдя мѣста около Изборска и Печоръ, я 22 августа пришелъ во Псковъ, гдѣ хотѣлъ дней на пять остаться, потому вопервыхъ, что я немного простудился, а вовторыхъ потому, что хотѣлъ привести въ порядокъ свои отрывочныя замѣтки.

Хозяева мои, Егоръ Васильевичъ Васильевъ и его супруга, были ко мнѣ очень внимательны; желая ихъ избавить отъ лишнихъ хлопотъ, я самъ отправился въ полицію прописать свой паспортъ.

Это было часовъ въ пять послѣ обѣда.

Въ полиціи дежурный квартальный надзиратель сказалъ мнѣ, что я для прописки своего паспорта долженъ идти въ первую часть.

— Сдѣлайте одолженіе. пропишите мой паспортъ, сказалъ я какому-то чиновнику, входя въ канцелярію первой части.

Чинovníкъ взялъ мой паспортъ, посмотрѣлъ на него, потомъ взглянулъ на меня, и, кажется, его поразила, моя одежда: я былъ одѣтъ по русски.

— Вы губернской секретарь Якушкинъ? спросилъ онъ, недоувѣрчиво смотря на меня.

— Точно такъ.

— Я покажу вашу видъ частному приставу, сказалъ онъ.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ я.

Этотъ господинъ пошелъ въ присутствіе къ частному приставу, черезъ минуту вернулся и пригласилъ меня идти къ частному, тоже въ присутствіе.

— Что надо? спросилъ меня частный, сидѣвшій за присутственнымъ столомъ въ бѣлой рубашкѣ и въ халатѣ на распашку. Его высокоблагородію видимо не хотѣлось сказать мнѣ *вы*, а съ *ты* оно относится ко мнѣ не рѣшилось: потому оно благоразумно избѣжало мѣстоименій.

Онъ держалъ мой паспортъ; ему было сказано, зачѣмъ я пришелъ; самъ онъ меня позвалъ въ присутствіе; а потому и вопросъ его показался мнѣ страннымъ.

— Пришелъ просить записать мой паспортъ, отвѣчалъ я.

— Губернскій секретарь, грозно проговорилъ частный: — какъ же можно такъ одѣваться?

— По роду моихъ занятій, отвѣчалъ я, со всевозможною учтивостію. — мнѣ необходимъ этотъ костюмъ.

— Какія такія занятія, которыя требуютъ мужикомъ одѣваться?

Я подалъ ему письмо редактора *Русской Бельды*, которымъ подробно объяснялись мои занятія, требующія мужицкаго платья.

— Въ бумаги фальшивыя, сказалъ онъ, прочитавъ письмо, какому-то господину, сидѣвшему за тѣмъ же столомъ. Тотъ господинъ посмотрѣлъ на бумаги, покачалъ головою и ничего не сказалъ.

— Подписи фальшивыя, бумаги фальшивыя! повторилъ частный, обращаясь ко мнѣ.

— Если фальшивыя подписи, какъ вы думаете, то вы, какъ мнѣ кажется, должны меня арестовать.

— Не разговаривать! крикнулъ разгнѣванный частный, такъ что стекла задрожали.

— Я долженъ вамъ сказать, господинъ частный приставъ, что я съ вами, какъ съ частнымъ человѣкомъ и говорить не хочу; а какъ частному приставу я долженъ вамъ отвѣчать на сдѣланное мнѣ замѣчаніе, и, какъ частный приставъ, вы должны меня выслушать.

— А, такъ!.. пожалуйста, милостивый государь, въ канцелярію... Посмотримъ!..

Въ канцеляріи чиновники, слышавшіе мой разговоръ съ частнымъ, очень недружелюбно на меня посматривали и въ полъ голоса, однако такъ, чтобы я слышалъ, поговаривали о фальшивыхъ бумагахъ.

— Да и не фальшивый видъ, заключилъ одинъ, — полиція по одному подозрѣнію можетъ всякаго задержать.

— Не угодно ли вамъ немного потрунаться: пойдти съ господиномъ квартальнымъ въ полицію, сказалъ частный, входя черезъ полчаса въ канцелярію, видимо желая поострить на мой счетъ.

Угодно, не угодно, а надо быто идти, куда приказано, и я, не говоря ни слова, отправился съ квартальнымъ въ полицію.

— За что васъ арестовали? спросилъ меня, провожавшій меня, квартальный.

— Не знаю, отвѣчалъ я.

— Для чего вы одѣваетесь мужикомъ?

Я ему объяснилъ и показалъ письмо отъ редактора *Русской Бесѣды*.

— Вѣрно васъ завтра выпустятъ, сказалъ квартальный, прочитавъ письмо.

— Какъ завтра? спросилъ я, не вѣря въ возможность арестовать человека на цѣлую ночь, безвинно, по одной прихоти.

Квартальный не отвѣчалъ: ему было совѣстно исполнять приказаніе частнаго. Я это замѣтилъ, и мы замолчали. Я рѣшился не давать воли своему гнѣву, да этого требовало благоразуміе.

— Гдѣ дежурный? спросилъ квартальный, когда мы вошли въ полицію.

— Ушелъ почивать домой, отвѣчалъ солдатъ-десятскій изъ Малороссіянъ.

— Позвать ундера?

Пришелъ унтеръ-офицеръ, повидимому лицо въ полиціи значительное, которое солдатъ величалъ Николаемъ Федосѣвичемъ Федосѣвымъ; приведшій меня квартальный шепнулъ ему что-то и скрылся.

— Пожалуйста въ эту комнату, сказалъ мнѣ господинъ Федосѣвъ, указывая на *дежурную* комнату, или, какъ здѣсь называютъ, на *дворянскую* (арестанскую).

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я ему, входя въ дворянскую, отошлите записку къ полицеймейстеру; — я сейчасъ напишу.

— Извините, отвѣчалъ тотъ, — я этого не могу сдѣлать: отъ г. полицеймейстера строгій приказъ: не посылать къ нему изъ полиціи никакихъ записокъ.

— Я долженъ здѣсь ночевать?

— Должны.

— Не могу ли я у васъ попросить псковскихъ газетъ? Скучно такъ сидѣть. — стану читать.

— Съ большимъ удовольствіемъ; я вамъ и свѣчку дамъ; читайте.

— Не хотите ли ужинать? спросилъ меня г. Федосѣвъ, входя ко мнѣ, вслѣдъ за тѣмъ съ кипкою *Псковскихъ вѣдомостей* и *Рускаго Дневника*.

— Покорно васъ благодарю, отвѣчалъ я; не хочется.

— Покушайте, настаивалъ Николай Федосѣвичъ, шипъ слабые! Можеть у васъ денегъ нѣтъ, робко прибавилъ онъ, такъ денегъ мнѣ не надо: шипъ я вылью за окно — все равно, мнѣ ихъ дѣвать некуда.

Какъ ни совѣстно было отказаться отъ такого радушнаго и чество-предложенаго ужина, — я отказалъ я:

— Можно здѣсь курить? спросилъ я у Федосѣва.

— Курите, сколько хотите! — отвѣчалъ тотъ — Только я боюсь пожара; такъ я солдата тутъ поставлю

— Нѣтъ, не беспокоьтесь, — я курить въ такомъ случаѣ не буду.

— Курите, пожалуста,—солдат во всякомъ случаѣ тутъ будетъ—курите, некурите—солдатъ тутъ обязанъ быть.

Федосѣевъ ушелъ; я закурилъ папироску и сталъ просматривать *Псковскія ведомости*. Въ одномъ номерѣ этихъ газетъ было объявленіе о выходѣ книжки *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, въ другомъ—*Смыслъ Отечества*: другихъ статей въ литературномъ отдѣлѣ не оказалось; но я никакъ не могъ заснуть: диванъ, на которомъ я сидѣлъ, былъ такъ устроенъ, что на немъ не только лежать, но и сидѣть было довольно трудно; да къ тому же солдатъ, легшій у дверей, довольно сильно оказывалъ свое присутствіе...

— Вы не спите? спросилъ онъ меня часу въ двѣнадцатомъ.

— Да спать нельзя, отвѣчалъ я ему.

— Э! нельзя! тутъ еще можно; вотъ, случается, въ арестантскую запрутъ: тамъ—человѣку и дышать не можно, народу оттуда не выпускаютъ; тамъ и *покудлате*; духъ такой—быть нельзя, проговорилъ солдатъ малороссійскимъ выговоромъ и опять захрапѣлъ.

Я снова принялся за вѣдомости и никакъ не думалъ, что мнѣ тотчасъ же придется побывать въ арестантской, въ которой *быть нельзя*, по отаву солдата. Я захотѣлъ открыть окно; не зная корошенько полицейскихъ обычаевъ, я опасался разбудить солдата и потому довольно тихо подошелъ къ окну.

— Куда ты, собачій сынъ? крикнулъ проснувшійся солдатъ: въ окно хочешь выпрыгнуть! Я тебя...

Какъ я ни увѣралъ его, что я не хочу, да и не могу выпрыгнуть со второго этажа,—солдатъ не вѣрилъ.

На шумъ пришелъ господинъ Федосѣевъ.

— Вамъ не угодно было тутъ сидѣть! сказалъ онъ, вы хотѣли выпрыгнуть въ окно,—пожалуйте въ арестантскую!

Меня повелъ въ арестантскую.

Вы знаете, что я хожу по деревнямъ, выбираю избы для ночлеговъ по-плоше; стало быть къ грязи присмотрѣлся, но такой грязи, какую я нашелъ въ арестантской, не дай Богъ вамъ видѣть: я буквально цѣлую ночь присѣсть не могъ, комната... нѣтъ не комната, а подвалъ, довольно большой, перегородженный неизвестно для чего, пополамъ, съ мокрымъ поломъ, на которомъ *покудлатъ* и который никогда не чистятъ; съ однимъ окномъ, въ четверть вышиной и въ аршинъ длиной.. И этотъ подвалъ никогда не отворяютъ!

— Ты за что попалъ? спросилъ меня одинъ арестантъ, мальчишкѣ лѣтъ 18, какъ я увидалъ на другой день по утру, потому что въ арестантской огня не было.

— Не знаю, братъ!

— Вѣрно стануль что?

— Нѣтъ, пока Богъ милувагъ...

— А ты за что? спросилъ я его въ свою очередь?

— Да отъ барина сбѣжалъ; напилсъ пьянъ, да на улицѣ и подняли. Вотъ одиннадцать дней какъ держатъ, хоть бы въ баню пустили.

Баня этому мальчишку была необходима: каждый волосъ на головѣ буквально былъ усѣянъ известными насѣкомыми.

— Что жъ съ тобою будетъ?

— А приведутъ меня къ господамъ своимъ, тѣ ту же пору половинку головы обрѣзутъ, выпорютъ, а тамъ черезъ три дни еще выпорютъ; а тамъ еще черезъ три дни выпорютъ: до трехъ разъ, да и оставятъ.

— А развѣ бывало ужъ съ тобою это?

— Въ другой разъ... Не знаешь-ли ты, человѣкъ милашій, сказки какой? спать не хочется.

Я сталъ ему разказывать исторію Ветхаго Заѣта.

— Однако я вижу, ты изъ книгъ говоришь, сказалъ мужикъ, выходи изъ перегородки нашей арестантской, и до того времени тамъ спавшій.

— Вѣрно ты слыхалъ, а можетъ и самъ читалъ эти книгъ? спросилъ я его.

— Попы читаютъ, отвѣчалъ тотъ позѣывая. Скажи, человекъ душевный, за что тебя схватили? спросилъ онъ меня.

— Я не мужикъ, а надѣлъ мужицкое платье; за это и посадили.

— Какъ за мужицкую одежду?

— Да, за мужицкую одежду.

— Да развѣ мужикъ не человекъ?

На этотъ вопросъ я не зналъ, что могу сказать, а потому и не отвѣчалъ ему.

— Мужикъ тоже человекъ! убѣдительно говорилъ мой новый товарищъ. Разказывай, что въ книжкахъ читалъ прибавилъ онъ, немного помолчавъ. Я сталъ продолжать разказъ исторіи Ветхаго Заѣта. Дошло дѣло до Юсѣа.

— А, другъ любезный, спросилъ меня мужикъ;— Юсѣа прекраснаго?

— Ну-да, Юсѣа прекраснаго. . .

— Говори, говори, одобрительно проговорилъ мужикъ.

— Сидѣлъ Юсѣа въ темницѣ, въ которой сидѣли также хлѣбодаръ и виночерпій. . .

— Все, равно, какъ мы здѣсь въ тюрьмѣ сидимъ, другъ душевный, — перебилъ меня мужикъ.— Присядь да разказывай; что ты все стоишь? Присядь!

Я отказался отъ его приглашенія: разказывать мнѣ наскучило, и я сиротилъ мужика, за что онъ сидитъ.

— А вотъ видишь ты, другъ душевный, заболѣла у меня губа; пошелъ я, другъ душевный, къ волхвамъ, а тѣ волхвы дали мнѣ траву,— прикладывай, моль, къ больной губѣ. И разнесло жь губу, сказать нельзя!.. Прихожу къ барынѣ... а барыня у насъ милосердая... «Ты, говоритъ, теперь человекъ убогій, ступай, самъ корми свою душу.» Вотъ въ третьемъ году напился я пьянъ, завалился на улицѣ; меня поднялъ Архипка... десяткомъ здѣсь... переночевалъ. Поутру въ присутствіи къ полицмейстеру. — «Зачѣмъ пьянъ напился?» крикнулъ тотъ. — Такъ и такъ: получилъ деньги за работу... «Посадить!»... Ну, другъ любезный, здѣсь царство небесное; а не приведи тебѣ Господь побывать въ земскомъ судѣ — просто быть нельзя... Поведи меня добраго молодца изъ полиціи въ земскій судъ, продержали тамъ меня ровно двѣ недѣлочки, а тамъ отправили къ становому, въ станъ... У становаго я тебѣ скажу, другъ любезный, сказать нельзя какъ хорошо выйдешь себѣ на крылечко, закуришь трубочку и сидишь... Становой мимо пройдетъ, крикнетъ: «ѣлъ щи?» Ты ему, самъ разумѣй, скажешь: ѣлъ, не ѣлъ ли. «Не ѣлъ! дать щей!» Вотъ, другъ любезный, продержали въ Изборскѣ въ стану дней пять, послали къ барынѣ, а барыня говоритъ: «не надо мнѣ его». Меня опять къ становому, отъ него въ земскій судъ, изъ суда въ полицію, а тутъ ужъ выпустили.

— А теперь-то тебя за что взяли? спросилъ я.

— Видишь, другъ любезный, работалъ я у мужика... верста пять отъ города... хлѣбъ убиралъ; хозяинъ привелъ меня въ питейный. Деньги всѣ мнѣ отдавалъ, да и поилъ на свои... Было, другъ душевный, выпито не мало!.. Пошелъ я домой, да и зашелъ подъ делижансы: отыскали тамъ меня, да въ полицію; было 80 копѣекъ — и тѣ пропали!

— Слава Богу, сказалъ я.

— Какой, слава Богу? 80 копѣекъ, говорятъ тебѣ, пропали!

— На 80 копѣекъ опять бы напился, опять бы взяли, сказалъ я.

— Куда жь дѣтъ? напился бѣ .. а пожалуй и взяли бѣ; мнѣ такое счастье! какъ напьюсь, такъ и возьмутъ: и во кнѣлю хорошъ...

— Опять бы продержали недѣлю, продолжалъ я.

— Ну вѣтъ! недѣлей не обойдешься: дай Богъ въ мѣсяць покончить; да и то еще какъ Богъ приведетъ!

— Теперь же что съ тобой будетъ?

— Теперь опять въ земскій судъ, а тамъ къ становому; становой пошлетъ къ барынь; а та барыня опять скажетъ: «а ты мнѣ не надобенъ.» Опять поведутъ въ станъ въ Изборскъ; а изъ Изборска въ земскій судъ; а изъ того земскаго суда въ полицію. А тутъ увидитъ полковникъ—полицейстеръ, скажетъ собачьяго сына, да и выпуститъ... Я ничего не боюсь, прибавляя онъ: сидѣть, по малу случается, скучно бываетъ, а я духу не боюсь!..

Разсвѣло. Было около 9-ти часовъ, пріѣхалъ въ полицію частный приставъ.

— Гдѣ губернской секретарь Якушкинъ? къ частному!

Повѣи меня вверхъ.

— Какъ вы смѣли надѣвать ордена? спросилъ меня ласковымъ голосомъ частный.

— Какъ ордена? спросилъ я изумившись.

— Его видѣли въ орденахъ въ среду, а онъ не знаетъ! продолжалъ частный.

— Кто же видѣлъ?

— А вотъ кто! сказалъ онъ, указывая на служащаго въ полиціи чиновника, который былъ въ присутствіи.

— Да, я видѣлъ: вы шли отъ собора, заговорилъ чиновникъ:— я посмотрѣлъ на грудь, а грудь вся орденами завѣшана... Я еще подумалъ: какой молодець!

— Въ этотъ день вы меня не могли видѣть въ Псковѣ, отвѣчалъ ему, — не только въ орденахъ, но и безъ орденовъ: я въ этотъ день былъ въ Изборскѣ у тамошняго благочиннаго.

— Это мы справимся! сказалъ, улыбаясь, частный.

— Я васъ прошу справиться.

— А какъ вы, милостивый государь, въ окошко хотѣли выпрыгнуть? самыми любезнымъ голосомъ продолжалъ частный.

Не помню, отвѣчалъ ли я что-нибудь на этотъ вопросъ. Кажется, нѣтъ.

Пріѣхалъ полицеймейстеръ. Съ перваго раза видно было, что онъ чело-вѣкъ, что называется, *добрышій*, съ ловкими, новѣйшими манерами и ве-селаго нрава...

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ Псковскую губернію, спросилъ онъ, когда меня снова ввели въ присутствіе.

Я ему вмѣсто отвѣта показалъ письмо отъ редактора *Русской Бесѣды*.

— Гдѣ вы учились?

Я ему сказалъ.

— Да... вотъ ваши бумаги, возьмите ихъ! Гдѣ вы остановились? спросилъ онъ.

— У Егора Васильевича Васильева, отвѣчалъ я.

— Въ конторѣ Рижскихъ дилижансовъ... знаю. Прощайте, можете идти, куда угодно.

— Позвольте, полковникъ, заговорилъ я, немпожко обиженный такою милостью:—ежели я виноватъ, то долженъ быть наказанъ; я не хочу отъ васъ никакаго милости; а ежели по напрасну меня задержали здѣсь цѣлую ночь, то вы должны наказать того, кто меня сюда посадилъ.

— Да чѣмъ же васъ обидѣли? спросилъ меня полицеймейстеръ.

— Какъ чѣмъ? спросилъ я, удивленный этимъ вопросомъ: — цѣлую ночь просидѣть здѣсь... Развѣ я подозрительный чело-вѣкъ?

— О, вѣтъ! отвѣчалъ онъ: — былобъ хотъ мало подозрѣнія, я бѣ вѣсь не выпустилъ! У насъ это не считается за порокъ, продолжалъ любезно полицеймейстеръ; — у насъ своя чиновники... и тѣхъ сажаютъ!

— Ваши чиновники могутъ не обижаться.

— Чего вы хотите? прервалъ онъ меня.

— Позвать прокурора и объявить ему это происшествіе.

— А-а!.. къ губернатору! крикнулъ полицеймейстеръ.

Квартальный надзиратель съ будочникомъ повели меня, но не къ губернатору, котораго въ Псковѣ въ то время не было, а къ какому-то начальнику, управлявшему губерніей. Этого начальника на ту пору не было дома. Черезъ четверть часа пріѣхалъ полицеймейстеръ...

— Его превосходительство ѣдутъ, торопливо проговорилъ дежурный чиновникъ, взглянувъ въ окно.

Полицеймейстеръ пошелъ въ сѣни, поговорилъ о чемъ-то съ его превосходительствомъ.

Вошло его превосходительство.

— Я думаю послать за справкой въ Малоярхангельскъ, въ земскій судъ, сказалъ онъ, просмотрѣвъ мои бумаги.

— Помогите, ваше превосходительство! сказалъ я, вспоминая недавніе разказы о томъ, какъ въ полиціи и земскомъ судѣ скоро дѣла дѣлаются;— это долго протянется...

— Довольно долго, а вы пока посидите въ полиціи!

Меня обратно привели въ дворянскую. Минуть черезъ десять вошелъ ко мнѣ полицеймейстеръ, наговорилъ любезностей, назвалъ меня «мой милый» и ушелъ. Едва успѣлъ онъ уйти, какъ вошелъ старикъ квартальный.

— Чтѣ ты думалъ? закричалъ онъ, — съ самимъ полковникомъ (1) (*германское слово*)! Да и какъ ты, губернской секретарь, смѣлъ носить мужицкое платье! Я тебя въ Сибирь упеку (*германское слово*)!.. Я своему государю подпоручикъ, хотъ худенькое платье, да все дворянское...

Вовсе не чувствуя самолюбіе свое оскорбленнымъ квартальническою бранью и не желая перебранкою становиться съ нимъ на одну доску, я ему не отвѣчалъ ни слова, несмотря на то, что эта брань продолжалась болѣе часа. Къ вѣщему моему удовольствію этотъ строгій господинъ не позволялъ затворять дверей, и всѣ просители, приходившіе въ полицію, считали долгомъ подмяться на меня.

Быль часъ уже четвертый, а вѣсть мнѣ не хотѣлось, и я снова не могъ не отказаться отъ предложеннаго мнѣ Николаемъ Федосѣвичемъ. Обѣда.

— Милый мой! проговорилъ полицеймейстеръ, входя ко мнѣ въ дворянскую на другой день поутру.—Зачѣмъ вы здѣсь сидите?

— Вамъ угодно было посадить меня.

— Ступайте, сейчасъ же ступайте!

Я вышелъ. Разстроенный, не вѣши и не спавши почти двое сутокъ, я не захотѣлъ ни минуты оставаться во Псковѣ и ушелъ въ городъ Островъ. Въ это время я перемѣнилъ свою поддевку на худенькой кафтаншкѣ. На третій день возвратился въ Псковъ, и взялъ билетъ, чтобы по чугункѣ ѣхать въ Петербургъ.

Я былъ уже въ вагонѣ, и очень спѣшилъ уѣхать. Почему-то все еще боялся приключеній. Къ несчастію, мои опасенія оправдались. Когда я думалъ, обойдется ли дѣло безъ нихъ, раздался громкій голосъ въ дверяхъ вагона:

(1) Подполковниковъ въ этомъ быту всегда величаютъ полковниками.

— Кто здѣсь въ очкахъ?

Дѣло очевидно касалось меня, но я промолчалъ.

— Да тутъ нѣтъ въ очкахъ, проговорилъ какой-то мужиченко.—Дезъ подъ ласку, шевнулъ онъ, толкнувъ меня локтемъ.

Я не рѣшился на этотъ подвигъ.

— Я его узнаю, сейчасъ же узнаю, кричалъ какой-то квартальный, влѣзая въ вагонъ, и съ этими словами, схвативъ меня за воротъ, вытащилъ изъ вагона.

Этотъ квартальный, какъ послѣ оказалось, имѣлъ удивительныя предчувствія: они, по его словамъ, никогда его не обманывали.—и къ несчастію, эти предчувствія заставляли его думать обо мнѣ Богъ знаетъ что.

Здѣсь же былъ и частный.

— Эй кричалъ квартальный:—да ты не простая штеца! пять минутъ своими глазами видѣлъ тебя въ пинсовой поддевкѣ. Ты у меня заговоришь! Зачѣмъ переодѣваешься?

— Пять минутъ вы не могли видѣть меня въ пинсовой поддевкѣ: гораздо раньше я ее перекинулъ, отвѣчалъ я.

— Какое! продолжалъ квартальный, обращаясь къ частному:—своими глазами видѣлъ его въ пинсовой поддевкѣ; я за нимъ два часа смотрѣлъ.

— Я самъ видѣлъ, рѣшилъ частный.

— Что мы на это скажемъ? грозно крикнулъ квартальный.

— Нельзя ли слово твое выкинуть изъ нашего разговора? сказалъ я.

Квартальный было расхохотался; но частный его усмирилъ.

Около насъ собралось довольно много штецанъ и мужиковъ. Изъ этой толпы слышались слова: «ученаго схватили»... Эти слова были произнесены многими съ замѣтнымъ ко мнѣ сочувствіемъ.

Квартальный съ частнымъ поѣхали къ полицеймейстеру, а меня будочникъ повелъ въ полицію, откуда, пріѣхавшій за мной, квартальный повезъ и меня къ полицеймейстеру.

— Здравствуйте, мой милый, сказалъ мнѣ полицеймейстеръ когда я вошелъ къ нему:—какой костюмъ!

— Скажите, полковникъ, спросилъ я:—за что меня схватили?

— За переодѣванье, мой милый!

— Пять минутъ назадъ я видѣлъ его въ пинсовой поддевкѣ, проговорилъ, улыбаясь, частный.

— И я тоже, подтвердилъ квартальный:—мы его караулили.

Опять повели меня въ полицію, гдѣ я выслушалъ слова *шесть* дней!... Я хотѣлъ писать въ Петербургъ, въ Москву къ своимъ знакомымъ; но мнѣ не позволили. На третій день мнѣ задали какіе-то *сопросые* пулхисе: какого я вѣроисповѣданія, женатъ или нѣтъ, есть ли дѣти, и гдѣ они находятся, знаю ли я грамоту и т. п. Я тотчасъ же написалъ, что я вѣроисповѣданія православнаго, холостъ, грамотъ знаю, и отдалъ эти *сопросые* квартальному, который мнѣ сказалъ: «напрасно торопились, эти бумаги раньше надѣли куда не пойдутъ.»

Сидѣли ли вы въ карцерѣ? скучно сидѣть одному! Но вы не можете себѣ представить, что испытываетъ человѣкъ, когда его не оставляютъ ни на минуту одного, а въ моей комнатѣ постоянно, и день и ночь, сидѣлъ десятскій.

— Христа ради, позвольте мнѣ писать моимъ законнымъ, нѣсколько разъ говорилъ я полицеймейстеру.

— Пишите, милый мой, пишите, *мечмайме!* обыкновенно отвѣчалъ тотъ.

Но вотъ бѣда: никто не брался отнести мои письма на почту, боясь учинить беззаконіе.

Погода была дурная и довольно холодная; полицію стали оклеивать новыми обоями и всѣ окошки открыли.

— Позвольте мнѣ хоть одну строчку написать въ Москву, сказалъ я полицеймейстеру, когда тотъ, уже на четвертый день, вошелъ ко мнѣ и успѣлъ уже назвать меня «мой милый».

— Пишите, кому хотите!

— Здѣсь никто не беретъ отнестись мои письма на почту, прикажите!

— Эй, квартальный! крикнулъ полицеймейстеръ. — Я тебя!...

Не помню хорошенько всей фразы, сказанной полицеймейстеромъ квартальному; могу только сказать, что эта фраза была очень энергична.

Разумѣется, я воспользовался этимъ позволеніемъ и тотчасъ же написалъ три письма; позволеніе я получилъ въ исходѣ 12 часа, на почтѣ принимають до 12 часовъ; я торопился, и вѣрно мои письма на совѣсть были складно написаны. Одно изъ нихъ было адресовано къ одному довольно значительному лицу въ Москвѣ...

— Скажите пожалуйста, говорили мнѣ потомъ въ полиціи:—видне по вашимъ письмамъ, да и сами вы говорите, что вашими занятіями интересуются *такіе* люди; какъ же они допускають васъ до такого положенія?

— Какъ до такого?

— Да помилуйте, худой кафтанашко...

Этимъ господамъ я никакъ не могъ растолковать: для чего я нашу такую платье.

— Что вы здѣсь дѣлаете, мой милый? спросилъ меня полицеймейстеръ, входя ко мнѣ, на шестой день, въ дворянскую.

— Помилуйте, полковникъ, отошлите меня въ острогъ; адѣсь быть нельзя, вы сами видите.

— Въ острогъ хуже... а даете ли мнѣ слово выхъать изъ Пскова... вынче же.

— Непремѣнно выѣду.

— Ну прощайте, мой милый!... ничего объ немъ не писать! крикнулъ полицеймейстеръ въ канцелярію.

Я въ тотъ же день уѣхалъ изъ Пскова.

Какъ ни неприятны мнѣ воспоминанія объ этой исторіи, но и въ ней мнѣ видны свѣтлыя минуты: съ искреннимъ удовольствіемъ вспоминаю участіе, которымъ я пользовался отъ Николая Федосѣевича Федосѣева (1), никогда не забуду жены десятскаго, которая приходила ко мнѣ съ предложеніемъ поиграть въ мельники. Трудно представить себѣ, какъ эти добрые люди, видя человека въ несчастіи, искренно, родственно, желали облегчить минуты тяжкаго моего плѣна.

Посылаю имъ привѣтъ, жму руку имъ и десятскому, который завододралъ меня и засадилъ въ арстантскую не дворянскую, *въ ней же бытъ нельзя*, и который послѣ совѣстился взглянуть на меня и избѣгалъ со мною встрѣчи!

Долгомъ считаю сказать: 1) что ни Николаю Федосѣевичу, никому изъ десятскихъ, ни ихъ женамъ, я не далъ ни копѣйки; да и никому изъ полицейскихъ чиновниковъ, кромѣ древней серебряной копѣйки, которую я отдалъ самъ квартальному надзирателю подъ сохраненіе и которая, я увѣренъ, будетъ мнѣ возвращена. 2) Что никто моихъ бумагъ (у меня другихъ вещей съ собой не было) не осматривалъ: три раза арестовали безъ вопроса три раза выпускали, и каждый разъ выпускали, говоря, что я человекъ неподозрительный. 3) Обо мнѣ никакихъ справокъ не дѣлали.

(1) Унтеръ-офицера полиціи.

Если полиція находила мой видъ незаконнымъ, она не имѣла права меня миловать. Если находила мои бумаги фальшивыми, какъ же меня выпустили? Если свидѣтельство чиновника о надѣванныхъ будто бы мною орденахъ, и квартального (хвастающаго предчувствіями) о моемъ переодѣванъ, уважительны, отчего не было произведено слѣдствіе? Если они ложны, такъ какъ же допускать подобную легость лжесвидѣтельства и терпѣть такихъ людей въ полиціи? Какъ же можно такъ обращаться съ личностью человѣка? Этотъ произволъ не выкупается ни гвардейскою любезностью полицеймейстера, ни поздней учтивостью частнаго пристава.

Павелъ Якушкинъ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

М. Г.

Въ оглавленіи мартовской книжки журнала *Ласточка*, я прочелъ свое имя подъ стихотвореніемъ *Фантазія*. Дѣйствительно я писалъ и пишу иногда стихи, но не печатаю, и потому крайнѣ былъ удивленъ нецеремонностью редактора, который, безъ моего согласія, рѣшился помѣстить означенную піесу. Въ началѣ апрѣля, помнится изъ Хереона, послалъ я протестъ въ *Санктпетербургскія Вѣдомости*, но, къ сожалѣнію, не знаю почему г. Очкинъ незаблагоразсудилъ исполнить мою просьбу. Я это узналъ уже въ концѣ іюня, когда проѣзжалъ черезъ Одессу пересмотрѣлъ *Санктпетербургскія Вѣдомости*. Тогда же послалъ я другой протестъ въ *Русскій Дневникъ*, однако и этому не суждено было появиться въ свѣтъ, потому что письмо мое прибыло въ Петербургъ, когда эта газета прекратилась. Разчитывая, что время пропущено и мой протестъ показался бы весьма запоздалымъ, я рѣшился предать дѣло забвенію. Но вотъ, въ Бессарабіи попался мнѣ № 175 *Московскихъ Вѣдомостей*, въ которомъ я къ удивленію моему прочелъ въ оглавленіи іюньской книжки журнала *Ласточка* опять два моихъ стихотворенія! Это уже не безцеремонность! Предоставляя самому г. редактору *Ласточки*, котораго не знаю, наименовать свой поступокъ, я протестую противъ такого неуваженія литературной собственности. Протестомъ этимъ вмѣстѣ спѣшу снять съ себя всякую отвѣтственность за напечатаніе стиховъ, которые, повторяю, безъ моего вѣдома и желанія, помѣщены въ *Ласточку*, единственно по непонятному для меня произволу г. редактора означеннаго періодическаго изданія.

Увѣренный, что не откажете помѣстить эти строчки въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ *Русскаго Вѣстника*, съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и проч.

А. Чужбинскій.

1859, августа 18.

Хотинъ.

ОПЕЧАТКИ.

I.

Въ № 11 *Русскаго Вѣстника* въ повѣсти О. А. Рабиновича *Штрафной*, стр. 504 строка 5-я напечатано: «Казалось, что онъ не обращаетъ на меня вниманія и пр.», слѣдуетъ читать: «Казалось, что онъ не съ умысломъ не обращаетъ на меня вниманія, а это должно быть такъ, это иначе быть не можетъ, потому что его вниманіе занято чѣмъ-то другимъ, болѣе близкимъ его истерзанному сердцу.» Стр. 536 строка 30-я напечатано: *tasnia* надобно: *fatuitas*.

II.

Въ статьѣ г. Анненкова въ № 16 *Русскаго Вѣстника*: *Деряжское змѣдо* на стр. 530, начиная съ 8 строки снизу, вѣсто двухъ перебитыхъ строчекъ, слѣдуетъ читать: «Мы лучше хотимъ присоединиться къ тѣмъ чувствительнымъ сердцамъ, которые просто оплакиваютъ вѣшнюю» и т. д.

LIBRAIRIE URBAIN

CH. KROGH,

successeur.

Commissionnaire de l'Université Impériale de Moscou,

au Pont des Maréchaux, maison du Prince Galitzine.

(На Кузнецкомъ мосту въ домъ Князя Голицына).

JOURNAUX POUR 1859.	Prix pour	
	Moscou.	l'intérieur.
	R. C.	R. C.
Abeille (L') médicale, 36 №№	3 50	5 —
Annales d'agriculture, par Oppermann, 12 №№	7 50	9 50
Annales archéologiques par Didron, 12 №№	10 —	12 —
Annales de chimie et de physique, 12 №№	12 —	13 50
Annales (Nouvelles) de la construction, 12 №№	7 —	10 —
Annales médico-psychologiques, 4 №№	6 —	7 50
Annales d'oculistique, 12 №№	6 —	7 50
Annales des ponts et chaussées, 12 №№	9 —	11 —
Annales (Nouvelles) des voyages 12 №№	13 —	14 50
Archives du bibliophile 12 №№	1 50	3 —
Archives générales de médecine, 12 №№	9 —	10 50
Art (The) journal (anglais) 12 №№	20 —	24 —
Artiste (L') 52 №№	20 —	24 —
Belgique (La) horticole. 12 №№	6 —	7 50
Bibliographie de la France, 52 №№	8 —	11 —
Bibliothèque universelle de Genève 12 №№	21 —	24 —
Bon ton, 52 №№	15 —	18 —
Brodeuse (La) 12 №№	9 —	10 50
Bulletin du bibliophile 12 №№	5 —	6 50
Bulletin du bouquiniste 12 №№	2 —	3 50
Bulletin de la société d'acclimatation, 12 №№	6 —	7 50
Bulletin de la société anatomique 12 №№	3 50	5 —
Bulletin de la société d'encouragement pour l'industrie nationale 12 №№	16 —	18 —
Bulletin de thérapeutique, 24 №№	9 —	11 —
Cendrillon 12 №№	3 —	4 50
Comptes-rendus de l'Académie de Paris 12 №№	10 —	12 —
Conseiller des Dames 12 №№	5 —	6 50
Cosmos recueil des progrès des sciences 52 №№	9 —	12 —
Coupeur (Le), journal des tailleurs 12 №№	4 —	5 50
Courrier (Petit) des Dames 52 №№	12 —	15 —

	Prix pour	
	Moscou	l'étranger.
	R. C.	R. C.
Echo des feuilletons 12 №№	3 50	5 —
Ecole de dessin 12 №№	7 —	10 —
Encyclopédie d'architecture 12 №№	10 —	13 —
Feuille (La) des cultivateur 12 №№	7 50	9 50
Figaro 52 №№	15 —	18 —
Flore des serres et des jardins, 12 №№	15 —	18 —
Foyer domestique 12 №№	5 —	6 50
France (La) élégante 24 №№	8 —	10 —
Garde-meuble, fig. col	16 —	18 —
Gazette des Beaux-Arts 24 №№	17 —	20 —
Gazette des hôpitaux	15 —	18 —
Gazette et revue musicale	10 —	12 —
Gazette médicale de Paris	15 —	18 —
Génie industriel, 12 №№	8 —	10 —
Iconographie (Nouvelle) des camélias 12 №№	12 —	14 —
Illustration, journal universel 52 №№	13 —	16 —
Illustrated (The) London news 52 №№	18 —	22 —
Illustration horticole, 12 №№	8 —	10 —
Journal d'agriculture pratique 24 №№	7 50	9 —
Journal amusant (Ancien journal pour rire). 52 №№	8 —	11 —
Journal des chasseurs, 24 №№	15 —	18 —
Journal des chemins de fer 52 №№	6 —	9 —
Journal (Nouveau) des connaissances utiles, 12 №№	4 —	5 50
Journal des Dames 12 №№	6 —	7 50
Journal des Dames et des Demoiselles, 1-ère édition avec complément 12 №№	5 —	6 50
Le même, 2-e édition sans complément 12 №№	4 —	5 50
Journal des Demoiselles, 12 №№	5 —	6 50
Journal des économistes, 12 №№	15 —	18 —
Journal des enfants 12 №№	3 50	5 —
Journal des jeunes personnes, 12 №№	5 —	6 50
Journal des mathématiques. 12 №№	14 —	16 —
Journal de médecine et de chirurgie pratiques,	6 —	7 50
Journal pour tous, 52 №№	4 —	6 50
Lumière (La), revue de la photographie, 52 №№	8 —	10 —
Magasin des demoiselles, 12 №№	5 —	6 50
Magasin de librairie 24 №№	12 —	15 —
Magasin pittoresque, 12 №№	3 50	5 —
Меркuriй модь 24 №№	10 —	12 —
Modes parisiennes, 52 №№	12 —	14 —
Modes vraies, 12 №№	3 —	4 50

	Prix pour	
	Moscou.	l'intérieur.
	R. C.	R. C.
Monde illustré 52 N ^o N ^o	9 —	12 —
Moniteur de la mode, 36 N ^o N ^o	10 —	12 —
Moniteur des demoiselles, 12 N ^o N ^o	5 —	6 50
Musée des familles 12 N ^o N ^o	3 50	5 —
Patrons modèles de la couturière 12 N ^o N ^o	3 50	5 —
Patrons modèles de la lingère 12 N ^o N ^o	3 50	5 —
Portefeuille économique des machines 12 N ^o N ^o	8 —	11 —
Psyché (La), 12 N ^o N ^o	7 —	9 —
Publication industrielle par Armengaud, 10 N ^o N ^o	12 —	15 —
Recueil des lois et arrêts, par Devilleneuve et Carette 12 N ^o N ^o	11 —	13 —
Repertoire de chimie pure et appliquée 12 N ^o N ^o	6 —	7 50
Revue britannique, édit. de Paris, 12 N ^o N ^o	20 —	23 —
Revue britannique, édit. de Bruxelles, 24 N ^o N ^o	12 —	15 —
Revue complémentaire des Sciences appliquées 12 N ^o N ^o	3 50	5 —
Revue contemporaine, 24 N ^o N ^o	20 —	23 —
Revue critique des livres nouveaux, 12 N ^o N ^o	3 50	5 —
Revue des deux mondes, 24 N ^o N ^o	20 —	23 —
Revue étrangère avec modes, 36 N ^o N ^o	23 —	23 —
La même, sans modes 36 N ^o N ^o	19 —	19 —
Revue germanique 12 N ^o N ^o	17 —	20 —
Revue horticole, 24 N ^o N ^o	4 —	6 —
Revue de thérapeutique médico-chirurgicale, 24 N ^o N ^o 5 —	7 —	
Revue universelle des arts 12 N ^o N ^o	11 —	13 —
Revue universelle des mines 6 N ^o N ^o :	11 —	14 —
Ruche (La) parisienne 52 N ^o N ^o	3 —	5 —
Science (La) pour tous, 52 N ^o N ^o	3 —	5 —
Semaine (La) des enfants, 52 N ^o N ^o	3 —	5 —
Semaine (La) des familles 52 N ^o N ^o	4 —	6 —
Sport (Le).	12 —	15 —
Technologiste (Le), 12 N ^o N ^o	8 —	9 50
Union médicale, 157 N ^o N ^o	15 —	18 —
Univers illustré 52 N ^o N ^o	6 —	9 —
Voleur (Le) illustré 52 N ^o N ^o	4 50	6 —

Les catalogues de la librairie seront expédiés gratis et franc de port à toutes les personnes de l'intérieur, qui voudront bien en faire la demande.

ПРИДВОРНЫЙ КНИГОПРОДАВЕЦЪ

А. СМИРДИНЪ (сынъ) и К^о.

Въ нашихъ магазинахъ: на Невскомъ Проспектѣ, близъ Адмиралтейской площади, въ домѣ Гамбса № 4, и у Казанскаго моста, въ домѣ Ольгиной (въ Русскомъ магазинѣ); въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Шереметева и въ г. Екатеринославѣ,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

СТИХОТВОРЕНІЯ ГРАФИНИ РАСТОПЧИНОЙ. Томъ 3 и 4-й. Спб. 1859 г. въ 32-ю листа, на веленовой бумагѣ, въ англійскомъ переплетѣ, печат. золотомъ. Ц. 4 р., съ перес. 5 р.

СОЧИНЕНІЯ Э. И. ГУБЕРА, изданныя подъ редакцію А. Г. Тихменева. 3 тома. Спб. 1859 г. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА. Сочиненіе Ивана Тургенева. Изданіе второе (безъ перемѣнъ). Спб. 1859 г. 2 т. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО. Романъ И. С. Тургенева, въ 12-ю д. л. М. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

АФІИНЫ и КОНСТАНТИНОПОЛЬ. Путевыя записки А. Миллюкова, 1857 года, въ 8-ю д. л. 213 стр. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Сочиненіе Ивана Горло-ва. Т. I, въ 8-ю д. л. 493 стр. Спб. 1859 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

РУКОВОДСТВО къ ВОСПИТАНІЮ и ОБУЧЕНІЮ. Сочиненіе д-ра Ф. Шварца, передѣланное д-ромъ В. Куртманомъ, директоромъ учительской семинаріи въ Фридрихсбергѣ. Съ нѣмецкаго шестаго изданія перевелъ С. Шафрановъ, старшій учитель гимназіи въ Ригѣ. Часть первая. Воспитаніе. Руководство къ воспитанію издано подъ редакціей профессора главнаго педагогическаго института, Ст. Лебедева. Въ 12-ю д. л. Т. I, 435 стр. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. (За оба тома цѣна 3 р., съ пер. 4 р.).

ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ Д. ГРИГОРОВИЧА. 6 частей. Въ 8-ю д. л. М. 1858 и 1859 г. Ц. 5 р., съ перес. за 7 фунтовъ.

ШИММЕРЪ, ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. Изданный подъ редакціей Ник. Вас. Гербеля т. 5 и 6-й. Драматическія сочиненія: 1) Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Трагедія въ 5-ти актахъ, перев. Н. Гербеля. 2) Марія Стюартъ, трагедія въ 5-ти актахъ, перев. А. Шишкова II-го, Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. Томъ 6-й Трилогія: Валленштейнъ, въ 2-хъ частяхъ; ч. 1-я прологъ въ переводѣ Л. А. Мея. Лагерь Валленштейна, въ переводѣ Л. А. Мея. Пикколомини въ переводѣ В. А. Лядина. Ч. II-я Смерть Валленштейна въ перев. А. А. Шишкова. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НАСТАВЛЕНІЯ по новѣйшимъ наблюденіямъ для тѣхъ, которые въ брачномъ состояніи остаются бездѣтными. Для пользы желающихъ окружить себя дѣтущими и здоровымъ семействомъ. Соч. доктора Л. Вебера. М. 1859 г. Ц. 50 к., съ перес. 80 к.

КАТОЛОГЪ книгопродавца двора Его Императорскаго Величества А. Смирдина (сына) и К^о. Спб. 1858 г. И прибавленіе, содержащее книги, изданныя въ 1857 и 1858 годахъ. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. и съ пер. Выписывающій на 10 р. книгъ, получаетъ каталогъ безденежно.

разъ и напиться и выкупаться. Въ воздухѣ стоитъ веселый гамъ самыхъ разнородныхъ звуковъ. Большой бульдогъ, прикованный подлѣ стойловъ, страшно разгнѣванный дерзкимъ поступкомъ пѣтуха, поддразниваясь къ самой его конурѣ, раздражается громовымъ лаемъ, на который отвѣчаютъ двѣ гончія, запертыя въ отдѣлѣ для коровъ. Старыя курицы, роющіяся съ своими цыплятами въ гнилой соломѣ, дружнымъ кудахтаньемъ выражаютъ свое сочувствіе оторопѣлому пѣтуху, когда онъ присоединяется къ нимъ. Свиныя и ея поросята, съ грязными боками и завитыми хвостами, вмѣшиваются въ этотъ концертъ нѣсколько низкихъ, отрывистыхъ нотъ; знакомцы наши, телята, снова поднимаютъ ревъ изъ хлѣва; и среди всего этого шума внимательный слухъ можетъ отличить еще непрерывный говоръ человѣческихъ голосовъ.

Большія ворота сарая широко раскрыты, и въ немъ сидятъ люди, занятые починкою сбруж, подъ руководствомъ мистера Гоби, «балагура», а иначе сѣдельника, угощающаго ихъ новѣйшими треддльстонскими слухами. Нѣтъ сомнѣнія, что пастухъ Аликъ выбралъ неудачный день пригласить сѣдельниковъ, потому что утро выдалось очень дождливое, и мистрисъ Пойзеръ выразилась очень сильно на счетъ грязи, которую внесли съ собою въ домъ эти люди, когда приходили обѣдать. Она даже до сихъ поръ не совсѣмъ успокоилась на этотъ счетъ, хотя со времени обѣда прошло почти три часа, и полъ въ столовой снова совершенно чистъ, такъ же чистъ, какъ и все другое въ этой почтенной комнатѣ, гдѣ, чтобы найти сколько-нибудь пыли, надобно было бы взять къ шкафу съ посудой и провести пальцемъ по верхней полкѣ, на которой блестящіе мѣдные подсвѣчники наслаждаются лѣтнимъ покоемъ, такъ какъ въ это время года всѣ, разумѣется, ложатся спать засвѣтло или, по крайней мѣрѣ, покуда свѣта довольно, чтобы кое-какъ разобрать общія очертанія предметовъ, предварительно разбивши объ нихъ колѣнки. Конечно, никто не могъ бы придать политурой такую полировку дубовому столу и дубовому футляру для часовъ: мистрисъ Пойзеръ говорила, что только естественная полировка можетъ такъ сіять, и гордилась тѣмъ, что въ ея домѣ все, что блеститъ, наполировано не политурой, а частымъ стираніемъ пыли, и что у нея вовсе нѣтъ лакированной дряни. Гетти Соррель часто пользовалась минутами, когда ея тетка поворачивалась къ ней спиною, чтобы украдкой полюбоваться въ этихъ гладкихъ поверхностяхъ отраженіемъ своего красиваго личика, потому что, такъ какъ дубовый столъ служилъ болѣе для украшенія, то объ его половинки всегда были приподняты и прислонены къ стѣнѣ въ видѣ крыши. Такъ же точно она могла смотрѣться въ большихъ жестяныхъ тарелкахъ, разставленныхъ

по полкамъ, и въ сіяющихъ мѣдныхъ головкахъ на рѣшеткѣ очага.

Въ эту минуту все глядѣло особенно свѣтло и весело, потому что солнце прямо свѣтило на жестяныя тарелки, и съ ихъ гладкой поверхности яркіе лучи отражались на золотистый дубъ и на блестящую мѣдь и еще на кое-что покрасивѣе мѣди и дуба; нѣкоторые лучи падали на тонко-очерченную щеку Дины и золотистыми отливками играли на ея каштановыхъ волосахъ, когда она наклонялась надъ грубымъ домашнимъ бѣльемъ, которое чинила для своей тетки. Не могло быть сцены болѣе мирной и безмятежной, еслибы не шипѣлъ утюгъ подъ рукой мистрисъ Пойзеръ, которая гладила кое-что оставшееся отъ понедѣльного мытья, и еслибы она не дѣлала шума, вода имѣла вѣздъ и впередъ, когда ей нужно было постудить его. При этомъ она быстрымъ взглядомъ своихъ сѣро-голубыхъ глазъ озирала то кухню, то молочню, гдѣ Гетти выжимала масло, то заднюю кухню, гдѣ Нанси вынимала лепешки изъ печки. Не думайте впрочемъ, чтобы мистрисъ Пойзеръ глядѣла злою старухой; она была благообразная женщина, не старше тридцати осьми лѣтъ, съ свѣтлымъ цвѣтомъ лица и бѣлокурыми волосами, хорошо сложенная, съ легкими движеніями. Самая замѣтная часть ея костюма былъ большой клѣтчатый передникъ, почти покрывавшій ея юпку; и ничто не могло быть проще и безыскусственнѣе ея платья и чепчика, потому что не было слабости, которая была бы ей болѣе ненавистна, чѣмъ страсть къ нарядамъ и предпочтеніе красиваго полезному. Семейное сходство между нею и ея племянницей Диной Моррисъ и притомъ контрастъ между ея энергическимъ выраженіемъ и ангельски-кроткимъ выраженіемъ Дины могли бы послужить живописцу прекраснымъ образцомъ для изображенія Марѳы и Маріи. Глаза ихъ были совершенно одинаковаго цвѣта, но какъ различно дѣйствовали ихъ взоры, это можно было видѣть изъ поведенія Трипа, всякій разъ, когда этотъ пѣсь, находящійся въ подозрѣніи у мистрисъ Пойзеръ, неосторожно подвергался ледяному лучу ея взора. Языкъ ея отличался такою же быстротой, какъ ея взоры, и когда бы молодая прислужница ни попала въ черту, до которой хватали ея выстрѣлы, она принималась за неоконченную проповѣдь, какъ шарманка, принимающаяся за свои пѣсни съ той ноты, гдѣ ее остановили.

То обстоятельство, что въ этотъ день были масло, также было одною изъ причинъ, по которымъ неприлично было призывать въ этотъ день сѣдельниковъ, и по которымъ мистрисъ Пойзеръ въ этотъ день особенно бранила служанку Молли. Молли, очевидно, исполнила безукоризненнымъ образомъ свои послѣобѣденныя обязанности, вымыла все очень быстро, и явилась, чтобы спросить,

самымъ покорнымъ тономъ, не състыли ей за самопрялку, пока не придетъ время доить коровъ. Но это безукоризненное поведение, по мнѣнію мистрисъ Пойзеръ, скрывало тайныя пополозновения и неприличныя желанія, и ихъ-то она сочла нужнымъ тотчасъ раскрыть и поставить на видъ Молли съ самымъ убійственнымъ краснорѣчіемъ.

— За самопрялку, такъ точно! Не за самопрялку хочется вамъ, гбова я поручиться. Лучше ужъ ступайте, куда вамъ хочется. Въ жизнь мою не видывала такого повѣсничанья. Подумать страшно, что дѣвушка вашихъ лѣтъ такъ и рвется посидѣть съ полъ-дюжиной мушинъ. У меня отъ стыда слово съ губъ не сошло бы, еслибы я была на вашемъ мѣстѣ. А вы? вы здѣсь съ Михайлова дня, и наняла я васъ на тредьстонскихъ *статутахъ* (1), совсѣмъ сплеховала, вы бы должны быть благодарны, что поступили къ хорошему мѣсту, въ уважаемый домъ; въ работѣ вы столько же смыслили, сколько заяцъ въ полѣ; такъ, самое жалкое вы были существо; только у васъ и было что два кулака на рукахъ. Кто научилъ васъ швабритъ полъ, желала бы я узнать. У васъ бы грязь оставалась кучами по угламъ; никто бы не счелъ васъ за христіанку. Вамъ теперь прастъ хочется, а сколько вильну погубили, пока учились прастъ? жалованья вашего не станеть! И вы должны чувствовать это, а не ходить, развѣвая ротъ, и ни о чемъ не думая, какъ будто вы никому ничѣмъ не обязаны. Чесать шерсть передъ балагурами, вотъ чего вамъ хочется, не правда ли? Вотъ куда васъ тянетъ; такъ бы вамъ стремглавъ и броситься въ свою погибель. Вамъ покоя нѣтъ, пока вы не отыскали нѣжнаго сердца, такого же глупца, какъ вы. Небось вы думаете, что такъ и будете блаженствовать, когда выйдете замужъ, да купите себѣ стугъ о трехъ ножкахъ, а на одѣяло-то пожалуй денегъ не хватитъ; штуки три ребятишекъ будутъ драться за одинъ кусочекъ овсяной лепешки.

— У меня и на умѣ не было идти къ балагурамъ, сказала Молли, хныкая, и совершенно пораженная Дантовскою картиной предстоящаго ей будущаго.—У мистера Оттли такъ бывало намъ приказывали; оттого я васъ и спросила. Я и глазъ моихъ не подниму на балагуровъ, пусть съ мѣста не сойду.

— Мистеръ Оттли, право слово! Хорошо вамъ толковать о томъ, что вы дѣлали у мистера Оттли. Мало ли что ваша тамошняя госпожа терпѣла! И соръ былъ по ней, можетъ-быть, и балагуры. Нельзя вообразить себѣ, что другіе люди терпятъ вокругъ себя. У меня не было въ домѣ дѣвушки, которая поступила бы ко мнѣ и знала, что значитъ чистота; мнѣ кажется, люди живутъ

(1) Статуты—судебное засѣданіе для разбора дѣлъ, касающихся до рабочихъ. *Прим. пер.*

словно поросаты. Вотъ Бетти служила коровницей у Трентовъ, прежде чѣмъ поступила ко мнѣ; такъ она изъ недѣли въ недѣлю не переворачивала сыра, а на поддоинкахъ была такая грязь, что мнѣ можно было бы има свое пальцемъ написать, когда я сошла къ ней внизъ послѣ моей болѣзни,—докторъ еще говорилъ, что это было воспаленіе, слава Богу, что я тогда поднялась съ постели. Только подумайте о томъ, Молли, что вы никогда сами не можете догадаться, что должно дѣлать, живете здѣсь девятый мѣсяцъ, и каждый разъ надобно толковать вамъ. Ну что же вы теперь стоите и не беретесь за самопрялку? Вы большая охотница садиться за вашу работу, когда уже прошло для нея время.

— Мунни, мой утюгъ острый; возьми, подогѣй.

Слабый крикливый голосокъ, которымъ было высказано это замѣчаніе, принадлежалъ маленькой дѣвчкѣ трехъ или четырехъ лѣтъ, съ крайне-бѣлокурыми волосами, которая, сидя на высокомъ стулѣ, на концѣ стола, крѣпко сжимала ручку миниатюрнаго утюга своею пухлою, крошечною ручонкой, и гладила съ великимъ прилежаніемъ, заставлявшимъ ее высовывать свой маленький, красный язычокъ на столько, на сколько позволяла анатомія.

— Остылъ, не правда ли, моя милочка? Да благословить Господь Богъ твое личико! сказала мистрисъ Пойзеръ, которая могла съ замѣчательною легкостью переходить отъ офиціальнаго, укорительнаго тона къ самому дружескому и нѣжному разговору.—Ну, полно, полно! Мать перестала теперь гладить. Она унесетъ сейчасъ всѣ утюги.

— Мунни, мнѣ хочется пойдти въ саяй, къ Томми, посмотрѣть на сѣдельниковъ.

— О! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Тотти замочить себѣ ножки, сказала мистрисъ Пойзеръ, унося утюгъ.—Бѣги-ка лучше въ молочню да посмотри, какъ сестрица Гетти бьетъ масло.

— Мнѣ хочется кусотекъ сѣйту, возразила Тотти, у которой, кажется, было въ запасѣ множество просьбъ; въ то же самое время, она уловила удобную минуту погрузить всѣ свои пять пальцевъ въ чашку съ крахмаломъ и, вытащивши ихъ оттуда, замарала этимъ веществомъ всю простыню, на которой гладила мистрисъ Пойзеръ.

— Ну, видано ли это гдѣ-нибудь? завопила мистрисъ Пойзеръ, подбѣгая къ столу, лишь только взоръ ея упалъ на голубую струю крахмала.—Только отвернись отъ ребенка, какъ уже онъ тотчасъ нашалить. Ну что мнѣ съ тобою дѣлать, дрянная дѣвчонка?

Тотти, между тѣмъ, съ необыкновенною быстротой спустилась съ своего стула и, переваливаясь съ ноги на ногу, уже направилась въ молочню.

Послѣ того какъ крахмалъ былъ счищенъ съ помощію Моли, и все необходимое для глаженія убрано, мистрисъ Пойзеръ принялась за вязанье, всегда находившееся у нея подъ рукой и бывшее любимымъ ея занятіемъ, ибо она могла заниматься имъ, какъ автоматъ, ходя изъ угла въ уголъ. Но на этотъ разъ она подошла и сѣла напротивъ Дины, на которую устремила глубоко-мысленный взоръ, не переставая вязать чулокъ изъ грубой сѣрой шерсти.

— Вы похожи, Дина, на тетушку свою, Юдиень, когда сидите за шитьемъ. Какъ будто бы вотъ тридцать лѣтъ тому назадъ, когда я еще была дѣвчонкою и смотрѣла бывало, какъ Юдиень, убравши все въ домѣ, сидитъ за работою; только тогда мы жили въ маленькой хижинѣ, принадлежавшей моему отцу, а не въ такомъ громадномъ домицѣ, гдѣ вычистишь соръ въ одномъ углу, а онъ уже заводится въ другомъ. И все-таки, глядя на васъ, мнѣ такъ и видится тетушка Юдиень, только у той волосы были немного потемнѣе, и она была плотнѣе и шире въ плечахъ. Мы всегда жили съ Юдиенью въ ладахъ, хотя она была большая чудачка, но мать ваша никогда не могла съ нею хорошенько сойтись. Думала ли ваша мать, что у нея родится дочь, какъ капля воды похожая на Юдиень, и что, когда сама она ляжетъ въ Стонитонѣ, Юдиень принуждена будетъ воспитывать эту дочь? Я всегда говорила Юдиен, что ей придется, современемъ, нести тяжкое бремя. И она всегда была одна и та же, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я начала ее помнить; она не перемѣнилась даже, перешедши къ методистамъ, только стала говорить немного иначе, да носила другой чепецъ; никогда не тратила на себя ни одного пенса больше, чѣмъ нужно было для того, чтобы ходить прилично одѣтою.

— Она была благословенная женщина, сказала Дина:—Богъ наградилъ ее любящею и свободною отъ всякаго эгоизма натурой. И она очень любила васъ, тетушка Рахиль. Часто говорила она мнѣ о васъ въ самыхъ нѣжныхъ словахъ. Когда она заболѣла—мнѣ пошелъ въ то время только одиннадцатый годъ,—то говаривала обыкновенно: «Если я отоюду отъ васъ, то ты найдешь себѣ въ тетушкѣ Рахили друга на землѣ, потому что у нея нѣжное сердце», и дѣйствительно, слова ея сбылись.

— Ну, я не знаю, дитя мое, въ какой степени; никто не отказался бы сдѣлать для васъ что-нибудь; вы точно птичка въ небѣ и живете Богъ знаетъ чѣмъ. Я рада была бы замѣнить вамъ мать, еслибы вы только согласились переѣхать въ нашу сторону, гдѣ есть кровъ и пища для человѣка и скота, и гдѣ люди живутъ не на голыхъ холмахъ. Вы могли бы выйти за какого-нибудь порядочнаго человѣка, а такихъ нашлось бы много, если-

бы только отказались отъ этихъ проповѣдей, которыя въ десять разъ хуже всего, что дѣлала Юднѣв. Еслибы вы вышли даже за Сета Бида, этого методиста, то дядя навѣрное помогъ бы вамъ свиньей и можетъ-быть даже коровою; онъ всегда былъ добросердеченъ къ своимъ роднымъ; всѣ они бѣдные люди, и онъ всегда хорошо принималъ ихъ у себя въ домѣ; для васъ онъ сдѣлалъ бы никакъ не меньше того, что сдѣлалъ онъ для Гетти, хоть она ему и родная племянница. Въ домѣ у насъ довольно полотень; можно выгадать и для васъ. Есть цѣлые куски и для простынь, и для скатертей, и для полотенцевъ. Есть простыни, что шила вотъ эта косоглазая Китти; рѣдкая была мастерица шить; все себѣ косилась да косилась; дѣти не могли терпѣть ее. И вы знаете, что шитье шло все своимъ чередомъ, да еще наткано почти вдвое противъ того, сколько есть бѣлья въ домѣ. Да что и говорить, когда вы не хотите послушаться и остепениться и сдѣлаться женщиной, какъ слѣдуетъ, въ своемъ умѣ, вмѣсто того чтобы таскаться по свѣту да проповѣдывать и тратить каждый пенсъ, который вы себѣ добудете, вотъ какъ и до сихъ поръ ничего вы не накопили себѣ на случай болѣзни. И все потому, что вы увѣрены, будто понимаете въ религіи больше, чѣмъ сказано въ молитвенникѣ и катехизисѣ.

— Но не больше чѣмъ въ Библии, тетушка, сказала Дина.

— Нѣтъ, и больше, чѣмъ въ Библии, рѣзко возразила мистрисъ Пойзеръ.—Небось священники-то, которымъ больше и дѣлать нечего, какъ Библию читать, не такъ поступаютъ, какъ вы. Да къ тому же, еслибы всѣ поступали, какъ вы, что съ міромъ-то стало бы?.. Еслибы всякій только бы о томъ и старался, какъ бы обойтись безъ дома и безъ крова, да какъ бы похуже поѣсть да попить, да только бы и толковалъ о томъ, что надобно презирать все то, что отъ міра сего, хотѣлось бы мнѣ знать, куда бы намъ пришлось дѣвать нашъ лучший скотъ, нашъ лучший хлѣбъ и наши лучшіе сыры? Всякій сталъ бы себѣ кушать хлѣбъ съ мякиной, стали бы всѣ шататься другъ къ другу, да проповѣдывать, вмѣсто того, чтобы смотрѣть за родными дѣтьми, да откладывать про черный день. Нѣтъ, такая религія не можетъ быть настоящая.

— Но, милая тетушка, развѣ я говорю, чтобы всѣ были призваны оставить свою семью и свое дѣло? Такъ и слѣдуетъ, чтобы земля была вспахана, и хлѣбъ собранъ, и всѣ житейскія дѣла справлены. Слѣдуетъ, чтобы люди утѣшались своими дѣтьми и заботились о нихъ, только бы не выходили изъ страха Господня и не забывали бы нужды душевныхъ среди попеченій о плоти. Мы всѣ можемъ служить Господу, каковъ бы ни былъ нашъ удѣлъ, но Онъ возлагаетъ на насъ различные труды и призываетъ каждого изъ насъ на такое дѣло, на которое далъ Онъ намъ

силы. Вѣдь если Тотти заплачетъ въ той комнатѣ, вы побѣжите къ ней, и сердце повернется у васъ при мысли, не случилось ли съ нею чего дурнаго. Такъ и я не могу не идти туда, гдѣ нуждается во мнѣ душа человѣческая, не могу не постараться помочь ей.

— Ну ужь, сказала мистрисъ Пойзеръ, вставая и направляясь къ двери,—съ вами, знаю я, не столкуешь. Вы все говорите свое. Съ вами говорить, что рѣку просить, сдѣлалай-де милость перестань течь.

Каменный помостъ передъ кухонною дверью между тѣмъ достаточно высохъ, и мистрисъ Пойзеръ могла стать передъ дверью и слѣдить глазами за тѣмъ, что происходило на дворѣ, между тѣмъ какъ сѣрый-шерстяной чулокъ быстро разрастался подъ ея дѣятельными руками. Но не простоявши тамъ болѣе пяти минутъ, она вернулась къ Динѣ и сказала ей тревожнымъ, испуганнымъ голосомъ:

— Вотъ чудеса, капитанъ Донниторнъ съ мистеромъ Ирвиномъ ѣдутъ къ намъ на дворъ! Убей меня Богъ, коли они не за тѣмъ пріѣхали, чтобы поговорить насчетъ вашей проповѣди на Лугу, Дина! Вы ужь сами отвѣчайте имъ, у меня голова идетъ кругомъ. Ужь я вамъ говорила, что вы накликаете бѣду на своего дядю. Еслибы вы были родная племянница Пойзеру, я бы ничего не сказала. За свою родню каждый вѣдь самъ отвѣчаетъ, все равно что за свой носъ: своя вѣдь плоть и кровь. Но думать, что по милости *моей* племянницы выгонять его изъ фермы, онъ же взялъ меня безприданницею...

— Нѣтъ, дорогая тетушка, тихо сказала Дина,—вамъ бояться нечего. Я твердо увѣрена, что ни вамъ, ни дядѣ, ни дѣтямъ за меня пострадать не придется. Я проповѣдывала по внушенію.

— Внушеніе! Знаю я эти внушенія! возразила мистрисъ Пойзеръ, быстро и судорожно перебирая слицами.—Когда вы забьете себѣ что-нибудь въ голову, такъ оно у васъ и внушеніе: и ничѣмъ васъ не образумишь. Стоите-себѣ, словно статуя въ тредльстонской церкви, смотрите да улыбаются, хоть тутъ громъ гряни. Съ вами всякое терпѣніе лопнетъ!

Между тѣмъ оба джентльмена подъѣхали къ оградѣ и сошли съ лошадей. Они, очевидно, хотѣли зайти въ ферму. Мистрисъ Пойзеръ пошла имъ навстрѣчу, волнуясь въ одно и то же время гнѣвомъ на Дину и замѣшательствомъ передъ рѣдкими гостями, потому что въ тѣ времена земледѣльцы еще съ нѣкоторымъ почтительнымъ страхомъ глядѣли на джентльменовъ, съ тѣмъ страхомъ, съ которымъ нѣкогда созерцали люди боговъ, сошедшихъ на землю въ образѣ человѣческомъ.

— Здравствуйте, мистрисъ Пойзеръ! Какъ вы чувствуете себя

послѣ сегодняшней грозы? сказалъ мистеръ Ирвинъ, съ своею важною ласковостію. — Наши ноги сухи. Мы не замараемъ вашихъ прекрасныхъ половъ.

— О, сэръ, что объ этомъ говорить! отвѣчала мистрисъ Пойзеръ. — Не пожалуете ли вы и господинъ капитанъ въ гостиную?

— Нѣтъ, благодарю васъ, мистрисъ Пойзеръ, сказалъ капитанъ, внимательно оглядывая кухню, какъ бы ища глазами чего-то, — я такъ люблю вашу кухню. Лучше этой кухни я ничего не видалъ, право. Всѣмъ фермерскимъ женамъ не мѣшало бы взять ее за образецъ.

— Вы слишкомъ добры, сэръ. Садитесь, прошу васъ, проговорила мистрисъ Пойзеръ, нѣсколько успокоенная этимъ комплиментомъ и веселымъ видомъ капитана, но все еще не выпускавшая изъ глазъ мистера Ирвина, который смотрѣлъ на Дину и направлялся къ ней.

— Пойзера нѣтъ дома? нѣтъ? спросилъ капитанъ Донниторнъ, садясь такъ, что ему можно было смотрѣть сквозъ недлинный проходъ, ведущій въ молочню.

— Нѣтъ его дома, сэръ. Онъ отправился въ Россетеръ, переговоры съ мистеромъ Вестомъ, маклеромъ, на счетъ шерсти. Но отецъ его въ сараѣ, сэръ, и если вамъ угодно...

— Нѣтъ, благодарю васъ; я сейчасъ пойду посмотрѣть щенятъ, и скажу пастуху, что нужно. Я какъ-нибудь еще заѣду къ вашему мужу. Надобно мнѣ потолковать съ нимъ о лошадяхъ. Когда онъ бываетъ свободенъ?

— Что жъ, сэръ, вы его всегда можете застать, кромѣ, когда въ Тредльстонѣ рыночный день. Это по пятницамъ, вы знаете. А то, если онъ гдѣ-нибудь около фермы, его всегда тотчасъ можно отыскать. Еслибы намъ отдѣлаться отъ пустошныхъ луговъ, всѣ бы наши поля были въ одной межѣ. А не то, коли что случится, ужъ онъ вѣрно на пустошныхъ лугахъ, и его не доищешься. Такое ужъ несчастіе. Да оно и въ самомъ дѣлѣ несподручно, чтобы поля были разбросаны по разнымъ графствамъ.

— Да, пустошные луга гораздо лучше бы присоединить къ Чойсовой фермѣ. У него нѣтъ покосовъ, а у васъ ихъ вдоволь. Вѣдь ваша ферма, право, лучшая во всемъ имѣніи, и знаете ли что, мистрисъ Пойзеръ? Если я женюсь, я какъ разъ выживу васъ отсюда, отдѣлаю этотъ славный старый домъ и самъ сдѣлаюсь фермеромъ.

— Ахъ, сэръ, сказала мистрисъ Пойзеръ, нѣсколько встревоженная, — какая это вамъ охота! Что фермерство? Правую руку кладешь деньги въ карманъ, а лѣвой опять вынимаешь. Трудисься, трудисься для другихъ, а самъ съ дѣтьми еле сытъ. Конечно, вы не бѣднякъ какой-нибудь, которому нужно трудомъ снискивать

хлѣбъ насущный. Вы и на фермерство можете бросить денегъ сколько вамъ угодно. Но вѣдь плохая и забава бросать деньги-то. Оно конечно, большіе господа въ Лондонѣ больше все этимъ забавляются. Вотъ мужъ на ярмаркѣ слышалъ, что старшій сынъ лорда Деси проигралъ тысячи, тысячи фунтовъ принцу Уэльскому, и что леди Деси заложила свои брилліанты, чтобы заплатить за него. Но вы объ этомъ знаете больше, чѣмъ я, сэръ. А что касается до фермерства, я не думаю, чтобы оно могло вамъ понравиться. А этотъ домъ... тутъ такъ дуеетъ, что не приведи Господи, и полы наверху совсѣмъ сгнили, а ужъ мышей-то въ погребѣ... просто силъ нѣтъ справиться!

— Вѣдь это страшное описаніе, мистрисъ Пойзеръ! Какъ слушаешь васъ, выходитъ, вамъ же лучше, если я васъ отсюда выживу. Но до этого еще далеко. Я не женюсь прежде, какъ лѣтъ черезъ двадцать, когда я буду сорокалѣтнимъ толстякомъ. Да и дѣдушка ни за что не захочетъ разстаться съ такимъ хорошимъ фермеромъ, какъ мистеръ Пойзеръ.

— Что жъ, сэръ, если вы считаете Пойзера такимъ хорошимъ фермеромъ, то не грѣшно бы вамъ замолвить словечко въ его пользу, чтобы въ нашей фермѣ выстроили новыя ворота. Ужъ онъ просилъ, просилъ объ этомъ. И сколько онъ уже положилъ денегъ на эту ферму, и никогда ему не дали ни гроша на поправку, дурной ли, хорошей ли выдавался годъ. И сколько разъ я говорила мужу: еслибъ имѣніемъ распоряжался капитанъ, этому бы не бывать. Говорю я это не въ укоръ тѣмъ, кому на это дана власть, но, право, вѣдь это и обидно, работать съ ранняго утра до поздняго вечера и по ночамъ не спать, все думая, какъ бы не передохли телата, да какъ бы сыръ не закисъ, да какъ бы хлѣбъ въ скирдахъ не проросъ, а жодъ конецъ года, словно сварилъ обѣдъ, а самому только и придется, что его понюхать.

Разъ пустившись въ роказни, мистрисъ Пойзеръ неслась на всѣхъ парусахъ, ни сколько не затрудняясь своимъ всегдашнимъ уваженіемъ къ *джентри*. Увѣренность, которую она имѣла въ превосходство своего способа выражаться, была двигательною силой, преодолевавшею всѣ преграды.

— Боюсь я только, не надѣлалъ бы я больше вреда, чѣмъ пользы, еслибы сталъ говорить о воротахъ, мистрисъ Пойзеръ, сказалъ капитанъ, — хотя, увѣряю васъ, въ цѣломъ нашемъ помѣстьѣ нѣтъ человѣка, за котораго я охотнѣе бы замолвилъ слово, чѣмъ за вашего мужа. Я знаю, что его ферма въ лучшемъ состояніи, нежели всякая другая на разстояніи двадцати миль вокругъ; а что касается до кухни, прибавилъ онъ улыбаясь, — то подобной, чай, въ цѣломъ королевствѣ не отыщешь. Кстати, я никогда не видалъ вашей молочни: покажите мнѣ вашу молочню, мистрисъ Пойзеръ.

— Право, сэръ, не знаю, какъ и показать вамъ ее. Гетти расположилась тамъ съ масломъ, торопится,—готовить на продажу, сэръ; потому что недавно сбили назначенную препорцію, и, право, мнѣ совѣстно....

Эти послѣднія слова мистрисъ Пойзеръ проговорила краснѣ, въ полной увѣренности, что капитана въ самомъ дѣлѣ занимали ея кринки, и что его хорошее мнѣніе объ ней будетъ зависѣть отъ обзора ея молочни.

— О, я увѣренъ, что все найду въ самомъ лучшемъ порядкѣ. Проводите же меня, пожалуйста, говорилъ капитанъ, отправясь самъ впередъ, между тѣмъ какъ мистрисъ Пойзеръ за нимъ слѣдовала.

ГЛАВА VII.

Молочня.

А вѣдь на молочню, право, стоило посмотреть: она представляла такое зрѣлище, о которомъ можно стоскаться, бродя по душнымъ и пыльнымъ улицамъ большаго города. Что за прохлада, какая чистота, какой свѣжій запахъ только-что вынутаго изъ-подъ пресса сыра, твердаго сливочнаго масла, деревянной посуды, то и дѣло омываемой чистою водою; какіе нѣжные оттѣнки на красныхъ глиняныхъ горшкахъ и на гладкой поверхности сливокъ, на темномъ деревѣ и блестящемъ оловѣ, на сѣромъ известнякѣ и на густой красно-ранжевой ржавчинѣ желѣзныхъ вѣсовъ, винтовъ и крючьевъ! Но можно ли было обратить вниманіе на всѣ эти подробности, когда онѣ служили обстановкою семнадцатилѣтней дѣвушкѣ очаровательной красоты, стоявшей тутъ въ маленькихъ котикахъ (1), и сгибавшей пухленькую ручку, чтобы достать фунтъ масла съ чашки вѣсовъ?

Щечки Гетти вспыхнули яркимъ румянцемъ, когда капитанъ вошелъ въ молочню и заговорилъ съ нею; но то не былъ румянецъ замѣшательства или страха, потому что онъ сопровождался улыбками и ямочками на щекахъ и искрами изъ-подъ длинныхъ, темныхъ, загнутыхъ къ верху рѣсницъ; и между тѣмъ какъ тетка ея пустилась въ длинный разказъ о томъ, какъ мало можно было скопить молока для масла и сыра, пока всѣ телгта не выпоены, объ огромномъ количествѣ, но посредственномъ качествѣ молока, которое давали комоляя коровы, купленные не-

(1) Толстые крестьянскіе башмаки. *Прим. пер.*

давно для опыта, и о множествѣ другихъ предметовъ, которые необходимо должны были интересоваться будущаго помѣщика, Гетти выжимала и гладила комъ масла съ совершенно-спокойнымъ, кокетливымъ видомъ, увѣренная въ глубинѣ души, что ни одно движеніе ея головы не потеряно для зрителя.

Есть разнаго свойства красоты, и наводятъ они на мужчинъ помѣшателство разнаго рода, начиная съ необузданной страсти и кончая отупѣніемъ; но есть красота, которая кажется созданною на то, чтобы кружить головы не только мужчинамъ, но и всякому разумному млекопитающему, не исключая даже самихъ женщинъ. Есть въ этой красотѣ что-то напоминающее прелесть маленькихъ котятъ или крошечныхъ, пушистыхъ утеночковъ, производящихъ нѣжными носиками тихо-журчащее щебетаніе и также напоминающее грацію ребенка, только-что начинающаго переступать и сознательно въ первый разъ отваживающагося на шалость. Это красота созданий, на которыхъ вы никакъ не можете сердиться, но которыхъ подъ-часъ вамъ такъ и захочется уничтожить за неспособность понять то состояніе ума, до котораго они васъ доводятъ. Красота Гетти Соррель была именно въ этомъ родѣ. Тетка ея, мистрисъ Пойзеръ, которая хвасталась своимъ презрѣніемъ ко всякой личной привлекательности и положила себѣ за правило быть строжайшимъ изъ всѣхъ менторовъ, то и дѣло заглядывалась изподтишка на красоту Гетти, противъ воли поддаваясь ея обаянію. И бывало, разбранивъ ее, на чемъ свѣтъ стоитъ, какъ слѣдуетъ доброй теткѣ, только о томъ и помышляющей, чтобы научить уму-разуму племянницу (бѣдняжку, у которой не было матери, чтобы пожурить ее), она частехонько сознавалась мужу, когда они оставались съ глазу на глазъ и некому было ихъ подслушать:

— Ну, поди ты, говори, что хочешь, а чѣмъ больше проказничаетъ эта плутовка, тѣмъ больше она хорошетъ!

Излишне было бы сказывать вамъ, любезный читатель, что щечки Гетти походили на лепестки розы, что ямочки играли на ея пухленькихъ щечкахъ, что подъ длинными рѣсницами скрывались глаза, вмѣстѣ лукавые и томные, что ея кудрявые волосы, попрятанные подъ круглый чепчикъ, когда она была за работой, падали темными мягкими кольцами на лобъ и вокругъ бѣлыхъ ушей, похожихъ формой на раковинку; такъ же излишне было бы говорить, какъ заманчивы были контуры, обозначенные ея бѣлымъ, съ красными узорами, шейнымъ платкомъ, заткнутымъ въ коротенькій, темнаго цвѣта, шелковый спенсеръ; или какъ полотняный съ нагрудникомъ фартукъ молочницы казался рядомъ, достойнымъ быть выкроену изъ шелка и бархата для какой-нибудь герцогини, такими очаровательными складками онъ падалъ вокругъ ея тѣла; или какъ ея темные чулки и башмаки

на толстой подошвѣ теряли всю неуклюжесть, съ которою они непременно сидѣли бы на ногѣ, еслибы то не была ея нога; все это было бы совершенно бесполезно, развѣ вамъ самимъ случилось видѣть женщину, которая произвела на васъ такое же впечатлѣніе, какое производила Гетти на всѣхъ тѣхъ, кто видѣлъ ее. Иначе, хотя бы вы и могли вызвать передъ собою очень милый образъ, но все-таки онъ ни мало не походилъ бы на эту очаровательную дѣвушку-кошечку. Я могу описывать дивную прелесть свѣтлаго майскаго дня; но если вамъ никогда не случилось забывать весь міръ, слѣдя глазами за вьющимся въ небо жаворонкомъ, или блуждая по мирнымъ тропинкамъ въ ту пору, когда едва распустившіеся цвѣты облекаютъ ихъ въ священную, тихую красоту, подобную той, которая царствуетъ подъ рѣзными арками храма, къ чему послужить мое описаніе? Никогда не передамъ я вамъ того, что самъ передумалъ и перечувствовалъ въ прекрасный вѣшній день. Красота Гетти дышала всею полнотою весенней прелести; это была красота юныхъ, рѣзвыхъ созданій съ округленными членами, прыгающихъ, увлекающихъ васъ обманчивымъ видомъ невинности, — сравнимъ ее, пожалуй, хоть съ невинностію молодого, звѣздолобаго теленка, который, почувствовавъ внезапную охоту къ прогулкѣ внѣ загона, увлекаетъ васъ въ безумную скачку черезъ рвы и заборы, чтобы подъ конецъ очутиться въ серединѣ болота.

И что за прелестныя позы и движенія принимаетъ хорошенькая дѣвушка, оправляющая масло! То она слегка подбрасываетъ его, движеніемъ, сообщающимъ очаровательный сгибъ рукѣ, то склонить на бокъ полную бѣлую шейку, то нѣжно поглаживаетъ и округляетъ его ладонью, то такъ мило прилаживаетъ его и даетъ ему окончательную форму; а всего этого никакъ нельзя сдѣлать безъ разнообразной игры пухленькаго ротика и черныхъ глазъ. А потомъ и самое масло какъ-будто сообщаетъ ей свою свѣжую прелесть; оно такъ чисто, такъ пріятно пахнетъ; оно выкладывается изъ формы такое твердое, гладкое, словно марморъ, озаренный палевымъ свѣтомъ.

Гетти же слыла мастерицею готовить масло: это было одно изъ тѣхъ качествъ, которыя щадила въ ней даже неумолимая критика ея тетки: до того она умѣла выполнять свое дѣло со всею граціей, свойственною мастеру.

— Надѣюсь, мистрисъ Пойзеръ, что вы будете на праздникъ 30 іюля, сказалъ капитанъ Донниторнъ, заплативъ молочнѣ достаточную дань удивленія и изложивъ нѣсколько наскоро составленныхъ сужденій о шведскомъ турнепсѣ и превосходствѣ молодой породы. — Вамъ извѣстно, что готовится, и я надѣюсь, что

вы будете изъ числа гостей, которые прїѣдутъ раньше, а уѣдутъ какъ можно позже. Миссъ Гетти, я приглашаю васъ на два танца. Если я теперь не возьму съ васъ слова, то знаю навѣрное, что ужъ не добьюсь удовольствїя. Всѣ молодые фермеры нарасхватъ постараются отбить васъ у меня.

Гетти улыбулась и покраснѣла; но прежде чѣмъ она успѣла отвѣчать, мистрисъ Пойзеръ вмѣшалась въ разговоръ и обнаружила приличное негодованіе при одной мысли, что молодой сквайръ можетъ опасаться соперничества отъ подобнаго рода танцоровъ.

— Право, сэръ, вы слишкомъ добры, что занимаетесь ею. Когда бы вамъ ни вздумалось съ нею танцовать, она конечно приметъ это съ благодарностію и станетъ гордиться вашимъ вниманіемъ, хотя бы ей пришлось послѣ того просидѣть цѣлый вечеръ.

— О, нѣтъ, это было бы слишкомъ жестоко для другихъ танцоровъ. Но вы общаете мнѣ два танца, не правда ли? настаивалъ капитанъ, рѣшившійся принудить дѣвушку взглянуть на него и заговорить съ нимъ.

Гетти сдѣлала премиленькій книксенъ, украдкой бросила на него полуробкій, полукокетливый взглядъ и промолвила: — Покорно благодарю, сэръ. Съ удовольствіемъ, сэръ.

— Привозите съ собою всѣхъ вашихъ дѣтей, мистрисъ Пойзеръ; непременно; и крошку Тотти, и мальчиковъ. Я хочу, чтобы тамъ были всѣ маленькія дѣти нашего помѣстья; всѣ тѣ, которыя станутъ красивыми мужчинами и женщинами, когда я буду плѣшивымъ старикомъ.

— О, дорогой сэръ, до этого еще далеко! вскричала мистрисъ Пойзеръ, очарованная простотой, съ которою отзывался о себѣ молодой сквайръ, и думая про себя, съ какимъ удовольствіемъ выслушаетъ ее супругъ, когда она передастъ ему этотъ замѣчательный образецъ юмора высокородныхъ особъ. Капитанъ слылъ вообще неистощимымъ шутникомъ и забавникомъ и былъ любимъ всѣми въ своихъ владѣніяхъ за свободное и ласковое обращеніе. Каждый фермеръ былъ вполне убѣжденъ, что дѣла пойдутъ совершенно иначе, когда управленіе перейдетъ въ его руки, что тогда-то настанетъ эра изобилїя, новыхъ дорогъ, уменьшенныхъ поборовъ, десятипроцентныхъ доходовъ и проч. и проч.

— Но куда же дѣвалась сегодня Тотти? Мнѣ хочется ее видѣть.

— Гдѣ малютка, Гетти? сказала мистрисъ Пойзеръ. — Она недавно была здѣсь.

— Не знаю. Развѣ въ пивоварнѣ съ Нанси.

Чадолюбивая мать, не будучи въ состояніи противиться иску-

шенію показать свое дѣтище, немедленно отправилась отыскивать его въ заднюю комнату, не безъ опасенія однакожь, не приключилось ли съ нимъ чего-нибудь такого, что сдѣлаеть его особу и нарядъ не совсѣмъ годными къ представленію.

— А когда масло будетъ готово, вы понесете его на рынокъ? говорилъ между тѣмъ капитанъ.

— О, нѣтъ, сэръ. Такое тяжелое! У меня не хватитъ силъ, Аликъ повезеть его на лошади.

— Ужь конечно ваши хорошенькія ручки не созданы для такихъ тяжестей... Вы вѣрно часто гуляете въ эту прекрасную погоду. Зачѣмъ не ходите вы иногда въ *чезъ* (1)? Теперь тамъ прекрасная зелень и такъ хорошо. Я никогда не видывалъ васъ иначе, какъ въ церкви и дома.

— Тетушка не любитъ, чтобъ я выходила по пустякамъ, сказала Гетти. — Но я иногда прохожу *чезомъ*.

— А у миссъ Бестъ, экономки, вы никогда не бываете? Кажется, я васъ разъ у нея видѣлъ.

— Я хожу не къ миссъ Бестъ, а къ миссъ Памфретъ, горничной вашей тетушки. Она учитъ меня вышивать и чинить кружево. Завтра послѣ обѣда я пойду къ ней пить чай.

Если вы желаете знать причину, почему молодымъ людямъ удалось выиграть такъ много времени для описаннаго *l'été-à-l'été*, то должны заглянуть въ кухню, гдѣ Тотти отыскалась, занятая натираніемъ себѣ носа забытымъ мѣшечкомъ съ синькою, при чемъ индиго обильно разсыпался на передникъ, который надѣла на нее къ обѣду, и въ которомъ она такъ и оставалась.

Въ эту минуту Тотти появилась въ молочнѣ, держась за руку матери и съ носикомъ, блестящимъ и раскраснѣвшимся отъ слишкомъ усерднаго и поспѣшнаго употребленія мыла и воды.

— Во-о-тъ она! вскричалъ капитанъ, поднимая дѣвочку и ставя ее на низенькую каменную скамеечку. — Вотъ и Тотти! Кстати, какое же у ней другое имя? Вѣдь не крестили же ее Тотти?

— О, сударь, мы рѣдко зовемъ ее другимъ именемъ. При крещеніи ей дано имя Шарлотты. Это имя издавна ведется въ семействѣ мистера Пойзера: бабушку его звали Шарлоттой. Но мы стали ее звать сначала Лотти, а потомъ ужъ изъ этого вышло Тотти. Правду сказать, оно больше похоже на собачью кличку, чѣмъ на христіанское имя.

— Тотти — важное имя. Да чего! Она и на видъ прямая Тотти. Есть ли у нея карманъ? продолжалъ капитанъ, ощупывая свои собственные карманы на жилетѣ.

Тотти немедленно и съ величайшею важностію приподняла

(1) Часть парка, отгороженная для дичи. *Прим. пер.*

свое платье и показала крошечный пестрый карманъ, находившійся въ эту минуту въ состояніи совершенно-плоскомъ.

— Тамъ нитево нѣтъ, сказала она, смотря на него очень серьезно.

— Ничего? Какая жалость! Такой чудесный карманъ! Дай-ка сюда? Я, кажется, отыскалъ у себя кой-какія штучки, которыя славно будутъ звенѣть въ немъ. Точно! Смотри-ка! Мы положимъ туда пять кругленькихъ серебряныхъ денежекъ; ну, теперь, послушай! Ай-да какъ славно онѣ звенятъ въ Тоттиномъ карманѣ!...

Онъ тряхнулъ карманомъ, въ которомъ лежало пять шести-пенсовыхъ монетъ, и Тотти ослабилась и сморщила носикъ отъ радости; но, догадываясь, что больше ничего не дождется, оставаясь въ комнатѣ, спустилась съ лавки и побѣжала звенѣть карманомъ надъ ухомъ Нанси, между тѣмъ какъ мать кричала ей вслѣдъ: «У! безстыдница, дрянная дѣвочка! И не поблагодарила капитана! Право, сэръ, вы слишкомъ добры! Но она такъ избалована, что стыдно сказать! Отецъ ни въ чемъ ей не перечить, и съ нею просто сладу нѣтъ! А все отъ того, что младшая, и одна у насъ дѣвочка!»

— О, она презабавная замарашка! Какъ есть славная дѣвочка. Но пора мнѣ; чай, ректоръ давно ужъ меня ждетъ. До свиданія!

Съ этими словами и любезнымъ взглядомъ и поклономъ, обращенными къ Гетти, Артуръ вышелъ изъ молочни. Но онъ ошибался, воображая, что его ждутъ; ректоръ такъ занялся разговоромъ съ Диною, что никакъ не желалъ бы прервать его ранѣе, и вы сейчасъ услышите, о чемъ они говорили между собою.

Глава VIII.

П р и з в а н і е.

При входѣ джентльменовъ, Дина встала, продолжая держать простыню, которую чинила, и почтительно поклонилась, вида, что мистеръ Ирвинъ на нее смотритъ и подходитъ къ ней. Онъ никогда еще не говорилъ съ нею, она никогда не видала его вблизи, и когда глаза ихъ встрѣтились, то первую ея мыслью было: «Какая благородная наружность! О, еслибы доброе сѣмя упало на эту почву! Ужъ навѣрное принесло бы плодъ!» Приятное впечатлѣніе вѣроятно было взаимное, потому что мистеръ Ирвинъ поклонился ей съ почтительною любезностію, которая не была бы не-

умѣстною, еслибы передъ нимъ стояла самая важная изъ знакомыхъ ему дамъ.

— Вы гостя въ нашей сторонѣ, были его первыя слова, когда онъ сѣлъ насупротивъ нея.

— Да, сэръ; я изъ Сноффилда, въ Стоинширѣ. Тетушка, желала, чтобъ я отдохнула отъ тамошнихъ моихъ трудовъ,—и точно я была больна,—была такъ добра, что пригласила меня погостить у ней нѣсколько времени.

— А!... Я очень хорошо помню Сноффилдъ; я разъ какъ-то былъ тамъ. Скучное, мрачное мѣсто. Тамъ еще строили тогда бумажную фабрику, этому ужъ много лѣтъ. Я полагаю, состояніе мѣстечка должно было измѣниться къ лучшему вслѣдствіе заработковъ, которые жители получаютъ отъ фабрики?

— Оно измѣнилось въ томъ отношеніи, что фабрика привлекла много народу, который кормится работою, и для торговцовъ стало лучше. Я также работаю на фабрикѣ и не могу жаловаться, потому что зарабатываю достаточно для своего пропитанія и даже кой-что откладываю. Но оно все-таки мрачное мѣсто, какъ вы говорите, сэръ, совсѣмъ не то, что здѣсь.

— У васъ вѣрно тамъ родственники, и вы любите Сноффилдъ потому, что вы тамъ дома?

— У меня была тамъ тетка, которая меня и воспитала, потому что я сирота. Но она уже семь лѣтъ какъ умерла, и у меня нѣтъ другихъ родныхъ, кромѣ тетушки Пойзеръ, которая очень ко мнѣ добра. Она желала бы, чтобъ я совсѣмъ переселилась въ эту сторону, которая, нельзя не сказать, очень хорошая сторона: хлѣба на всѣхъ вдоволь. Но я не вольна покинуть Сноффилдъ, гдѣ я возросла и пустила корни, какъ травка на вершинѣ холма.

— Но, сколько мнѣ извѣстно, у васъ здѣсь много друзей и братьевъ по религіи; вѣдь вы методистка, Веслеянка, не такъ ли?

— Да; тетушка въ Сноффилдѣ принадлежала къ братству, и я много имѣю причинъ благодарить Бога за все то, чѣмъ я обязана этому обстоятельству.

— А давно ли вы проповѣдуете? Вѣдь вы, кажется, вчера вечеромъ говорили народу въ Гейслоупѣ?

— Я впервые стала трудиться тому четыре года; мнѣ былъ тогда двадцать-первый годъ.

— Стало-быть ваше братство допускаетъ, чтобы проповѣдывали женщины?

— Оно не запрещаетъ имъ проповѣдывать, сэръ, если онѣ чувствуютъ явное призваніе къ святому дѣлу, и если служеніе ихъ оправдывается обращеніемъ грѣшниковъ и укрѣпленіемъ въ вѣрѣ народа Божія. Мистрисъ Флетчеръ,—вы конечно слышали объ ней?—кажется, первая изъ женщинъ стала проповѣдывать въ нашемъ

братствѣ, еще какъ была не замужемъ и называлась миссъ Бозанкетъ, и мистеръ Весли одобрялъ ея предпріятіе. Ей дана была большая благодать. И теперь есть еще въ живыхъ многія другія, драгоценныя помощницы въ дѣлѣ служенія. Слышала я, что въ послѣднее время возстало противъ нихъ нѣсколько голосовъ между братьями, но я увѣрена, что совѣтъ ихъ разрушится... Не подобаетъ людямъ указывать пути для Духа Божія, какъ проповѣдаютъ они пути для теченія воды, и говорить: «теки здѣсь, а не тамъ».

— Но не находите ли вы нѣкоторой опасности въ этомъ дѣлѣ, — не говорю о васъ собственно, напротивъ, — не случается ли иногда, что мужчины, а равно и женщины, считая себя орудіями Духа Божія, совершенно заблуждаются, берутся за дѣло, къ которому не способны, и оттого уменьшается уваженіе людей къ священнымъ предметамъ?

— Безъ сомнѣнія, это иногда случается; были и между нами нечестивые, которые старались соблазнить братьевъ; бывали и такіе, которые сами заблуждались. Но вѣдь и у насъ не безъ дисциплины и наказаній, для устранения подобнаго зла. Между нами заведенъ строгій порядокъ, и братья и сестры наблюдаютъ другъ за другомъ, потому что отвѣчаютъ за душу ближняго. Они не идутъ каждый своею дорогою, говоря: «Развѣ я стражъ моему брату?»

— Но, скажите мнѣ, если я смѣю сдѣлать вамъ такой вопросъ, — спрашиваю я отъ искренняго участія, — какъ пришла вамъ, впервые, мысль о проповѣди?

— Понстинѣ, сэръ, я совсѣмъ о томъ не думала. Я съ шестнадцатилѣтняго возраста приучена была говорить съ маленькими дѣтьми и учить ихъ, и случалось иногда, что сердце мое вдругъ переполнялось, и слова мои въ классѣ текли болѣе свободно чѣмъ обыкновенно; случалось, что я чувствовала иногда неодолимое побужденіе молиться съ болящими. Но я не чувствовала призванія къ проповѣди, потому что, когда я не возбуждена сильно, то скорѣе склонна сидѣть смиренно и углубляться въ самое себя. Такъ, кажется, и просидѣла бы цѣлый день съ мыслию о Богѣ, поглощающею душу, подобно тому, какъ камышки лежатъ на днѣ ручья, омываемые его струями. Вѣдь мысли такъ велики, не правда ли, сэръ? Онѣ охватываютъ насъ, словно глубокой потокъ, и часто я забываю, гдѣ я и гдѣ все меня окружающее, и теряюсь въ мысляхъ, въ которыхъ не могу дать отчета, потому что ни начала, ни конца ихъ не могу выразить словами. Такова была ужъ я всегда съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню; но, иногда, независимо отъ моей собственной воли, на меня приходили слова, и даны были рѣчи, которыя выливались наружу, какъ льются слезы, когда сердце переполнено, и мы не

можемъ удержать ихъ. И то всегда были времена высокой благодати, хотя я прежде и не думала, чтобъ это могло быть дано мнѣ передъ собраніемъ народа. Но, сэръ, Провидѣніе ведетъ насъ, какъ малыхъ дѣтей, по пути, котораго мы не знаемъ. Я была призвана проповѣдовать внезапно, и съ тѣхъ поръ ни разу не была оставлена въ сомнѣніи насчетъ дѣла, которое было на меня возложено.

— Разкажите мнѣ все обстоятельно, какъ именно это случилось въ тотъ день, когда вы начали проповѣдовать.

— Это было въ воскресенье. Я шла съ братомъ Марло, человекомъ пожилыхъ лѣтъ, однимъ изъ нашихъ проповѣдниковъ, по дорогѣ въ Геттонъ-Дипсъ. Это селеніе, котораго жители добываютъ хлѣбъ работою въ свинцовыхъ рудникахъ, и гдѣ нѣтъ ни церкви, ни проповѣдника, и живутъ они какъ овцы безъ пастыря. Оно будетъ больше двадцати миль отъ Сноффльда. Поэтому мы пустились въ путь рано утромъ: пора была лѣтняя. Во мнѣ громко заговорила любовь къ Богу, когда мы шли по холмамъ, гдѣ, какъ вамъ извѣстно, сэръ, нѣтъ деревьевъ, какъ въ здѣшней сторонѣ, которыя бы заслоняли свѣтъ Божій; но видишь надъ собою небеса, раскинутыя какъ шатерьъ, и чувствуешь присутствіе вѣчной десницы. Но прежде чѣмъ мы дошли до Геттона, брату Марло сдѣлалось дурно, такъ что онъ едва не упалъ, потому что онъ подвизался, не жалѣя себя, въ бдѣніи и молитвѣ; трудился черезъ силу и не по лѣтамъ и исходилъ такое множество миль, проповѣдуя слово Божіе и въ то же время занимаясь своимъ ткацкимъ ремесломъ. А когда мы подходили къ селенію, народъ ждалъ его, потому что онъ напередъ назначилъ время и мѣсто, и тѣ изъ нихъ, которые жаждали слышать слово жизни, собрались тамъ, гдѣ жилища стояли тѣсныя, такъ чтобъ и другіе могли быть привлечены къ слушанію. Но онъ чувствовалъ, что не въ силахъ проповѣдовать, и былъ вынужденъ лечь въ первомъ домѣ, къ которому мы подошли. Я же пошла и сказала объ этомъ народу, думая, что мы войдемъ въ одинъ изъ домовъ, и я буду читать имъ Писаніе и молиться съ ними. Но какъ прошла я мимо колтеджей и увидѣла у дверей дряхлыхъ старухъ и суровыхъ мужчинъ, бессмысленно глядящихъ на сіяніе воскреснаго утра, словно безсловесный рогатый скотъ, никогда не изравшій на небо, въ душѣ моей произошло сильное движеніе, и я вся задрожала, какъ бы потрясенная могучимъ духомъ, вошедшимъ въ мое слабое тѣло. И я пошла туда, гдѣ собралась небольшая толпа народу, поднялась на низенькую стѣну, пристроенную къ зелечому холму, и стала говорить слова, данныя мнѣ обильно. И всѣ они вышли изъ своихъ жилищъ и обступили меня, и многіе плакали о своихъ грѣхахъ и съ тѣхъ поръ обра-

ились къ Господу. Такъ начала я проповѣдовать, и съ этого дня не переставала.

Работа Дины выпала у ней изъ рукъ въ продолженіи этого разказа, который она произнесла съ своею обычною простотою, но тѣмъ задумчивымъ, яснымъ, потрясающимъ голосомъ, которымъ она покорила сердца слушателей. Тутъ она остановилась, одняла свое шитье и продолжала работать по прежнему. Мистеръ Ирвинъ слушалъ ее съ глубокимъ участіемъ. Онъ говорилъ самъ въ себѣ: «Тотъ былъ бы жалкимъ педантомъ, кто вздумалъ бы разыгрывать здѣсь роль педагога; это было бы все равно, что укорять деревья, зачѣмъ они растутъ такъ, а не иначе.»

— И вы никогда не чувствовали замѣшательства отъ сознанія ашей юности, отъ того, что вы красивая, молодая женщина, на которую устремлены глаза мужчинъ? сказалъ онъ вслухъ.

— Нѣтъ; во мнѣ нѣтъ мѣста для такихъ мыслей, и я не полагаю, чтобъ и другіе когда-нибудь обращали на это вниманіе. Я думаю, сэръ, что когда Богъ являетъ черезъ насъ Свое присутствіе, то мы подобны купинѣ горящей: Моисей и не замѣтилъ, какого рода дерево это было; онъ видѣлъ только величіе Божіе. Я проповѣдовала народу грубому и необразованному, такой только можно найти въ деревняхъ за Снофильдомъ, людемъ, которые смотрятъ очень сурово и дико; но они никогда не сказали мнѣ ни одного грубаго слова и часто привѣтливо благодарили меня, уступая мнѣ дорогу, когда я между ними проходила.

— Я вѣрю этому; этому я очень вѣрю, съ чувствомъ сказалъ мистеръ Ирвинъ. — Ну, а что вы думаете о вашихъ вчерашнихъ слушателяхъ? Нашли ли вы ихъ смиренными и внимательными?

— Совершенно смиренными, сэръ; но я не замѣтила, чтобы благодать Божія сильно подѣйствовала на кого-нибудь изъ нихъ, за исключеніемъ молодой дѣвушки, по имени Бесси Кренеджъ, къ которой мое сердце сильно легло, когда взоры мои упали въ первый разъ на ея цвѣтущую юность, преданную безумію и суетности. Послѣ я разговаривала и молилась съ нею нѣсколько разъ наединѣ, и несомнѣваюсь что сердце ея тронуту. Но я замѣтила въ этихъ селеніяхъ, гдѣ народъ ведетъ привольную жизнь, среди зеленыхъ пастбищъ и тихихъ водъ, воздѣлывая землю и выкармливая скотъ, какое-то странное равнодушіе къ слову, совершенно отличное отъ того, что я встрѣчала въ большихъ городахъ, напримѣръ въ Блэдѣ, куда однажды ходила навѣщать святую женщину, которая сама проповѣдовала. Невообразимо, какъ богата жатва духовная въ этихъ душныхъ, окруженныхъ высокими стѣнами улицахъ, гдѣ идешь словно по двору темницы, и гдѣ слухъ оглушенъ шумомъ

мірской работы. Я думаю, это можетъ-быть потому, что обитваніе отраднѣе, когда жизнь такъ мрачна и тягостна, и что душа аичетъ сильнѣе, когда тѣло страдаетъ.

— Да, нашихъ земледѣльцевъ не легко возбудить. Они живутъ почти такъ же безсознательно, какъ овцы и коровы. Но здѣсь есть нѣкоторые умные ремесленники. Вы, кажется, знакомы съ семействомъ Бидовъ. Сеть Бидъ, между прочимъ, негодистъ.

— Да, я хорошо знаю Сета и немного его брата Адама. Сеть ласковый молодой человекъ, откровенный и безобидный. Адамъ подобенъ патриарху Иосифу своимъ умомъ и знаніемъ, и любовью къ родителямъ и брату.

— Вы, можетъ-быть, не знаете, какое ихъ несчастіе постигло? Отецъ ихъ, Маттіасъ Бидъ, прошедшею ночью утонулъ въ ручьѣ, неподалеку отъ дверей собственнаго дома. Я теперь могу навѣстить Адама.

— Ахъ, бѣдная ихъ старая мать! сказала Дина, опуская руки смотря впередъ исполненными жалости глазами, какъ будто бы видѣла передъ собою предметъ своего сочувствія. — Она жестомъ будетъ горевать. Сеть сказывалъ мнѣ, что она нрава заботливая и тревожнаго. Пойду, посмотрю, не могу ли я чѣмъ помочь ей.

Въ то время какъ она вставала и складывала свое шитье, канцеляръ Донниторнъ, истощивъ всевозможные предлоги, чтобы подольше оставаться между кринками, вышелъ изъ молочни въ сопровожденіи мистрисъ Пойзеръ. Тогда мистеръ Ирвинъ также всталъ, подошелъ къ Динѣ и, подавая ей руку, сказалъ:

— Прощайте. Я слышалъ, что вы скоро ѣдете. Но это конечно не послѣднее ваше посѣщеніе къ вашей тетушкѣ, и я надѣюсь, что мы еще встрѣтимся.

Его дружелюбное обращеніе съ Диною разсѣяло опасенія мистрисъ Пойзеръ, и она съ совершенно-просіявшимъ лицомъ проговорила:

— Я еще не освѣдомилась о мистрисъ Ирвинъ и барышняхъ сэръ: надѣюсь, что онѣ въ добромъ здоровьѣ.

— Благодарю васъ, мистрисъ Пойзеръ. Всѣ здоровы, кромѣ Анны, у которой сегодня обыкновенная ея головная боль. Кстати мы съ большимъ удовольствіемъ съѣли превосходный сливочный сыръ, который вы намъ прислали; въ особенности онъ понравился матушкѣ.

— Я очень этому рада, сэръ. Я рѣдко дѣлаю такой сыръ. Я вспомнила, что мистрисъ Ирвинъ любитъ его. Пожалуста заступитесь ей мое почтеніе, а также и миссъ Кетъ и миссъ Аннѣ. Онѣ давно уже не навѣщали моего птичьяго двора, а въ дняхъ достала прекрасныхъ пестрыхъ цыплятъ, черныхъ съ бѣлымъ и т. д.

лнть; можетъ-быть миссъ Кетъ пожелаетъ имѣть парочку такихъ цыплятъ.

— Благодарю васъ; я скажу ей, она прїѣдетъ и посмотритъ. Прощайте, сказалъ ректоръ, садясь на лошадь.

— Поѣзжайте тише, Ирвинъ, сказалъ капитанъ Донниторнъ, также вскакивая на лошадь.—Я догоню васъ минуты черезъ три. Я только хочу сказать настуху два слова о щенкахъ. Прощайте, мистръс Пойзеръ; скажите мужу, что я заѣду и переговорю съ нимъ надосугъ.

Мистръс Пойзеръ поклонилась, какъ слѣдовало, и слѣдила глазами за двумя всадниками до тѣхъ поръ, пока они не съѣхали со двора, среди величайшаго волненія свиней и куръ и къ яростному негодованію огромной цѣпной собаки; это животное съ ожесточеніемъ выполняло какой-то пиррихическій танецъ, и каждую минуту можно было опасаться, что вотъ-вотъ оборвется цѣпь. Мистръс Пойзеръ восхищалась этимъ шумнымъ выѣздомъ; онъ служилъ ей новымъ ручательствомъ, что дворъ исправно охраненъ, и что ни одинъ бродяга не заберется къ ней незамѣченный. Не прежде, какъ когда калитка затворилась за капитаномъ, вернулась она въ кухню, гдѣ Дина стояла со шляпою въ рукахъ, ожидая возвращенія тетки, чтобы поговорить съ нею, прежде чѣмъ отправиться въ коттеджъ къ Лизбетъ Бидъ.

Мистръс Пойзеръ хотя и видѣла шляпу, но не хотѣла обратить на нее вниманія, не отведши прежде душу насчетъ посѣщенія мистера Ирвина.

— Надѣюсь, что мистеръ Ирвинъ не разсердился? О чемъ онъ говорилъ съ вами, Дина? Бранилъ за проповѣдь?

— Нѣтъ, онъ совсѣмъ не сердился; онъ былъ очень со мною ласковъ. Я совсѣмъ заговорила съ нимъ, я сама не понимаю, какъ это случилось, потому что я всегда считала его за плотскаго саддукея. Но на видъ онъ такой славный, словно утреннее солнышко.

— Славный! Еще бы! А вы что думали? возразила съ нетерпѣніемъ мистръс Пойзеръ, принимаясь за свое вязанье.—Еще бы не славный! да къ тому же онъ и настоящій джентльмень, а ужъ мать его просто прелесть, что твоя картина! Ужъ другой такой старухи во всемъ околоткѣ не найдешь. Но вы бы посмотрѣли на него въ воскресенье, на каедрѣ! такъ я ужъ вамъ скажу, истинно важное зрѣлище! Это все равно, говорю я наемни Пойзеру, что смотрѣть на полный закомъ пшеницы, или на зеленый лугъ съ стадомъ жирныхъ коровъ. Просто, душъ утѣшеніе. А вотъ тѣ мозгляки, за которыми бѣгаютъ ваши методисты, то, право, охотнѣе бы глядѣла на тощихъ скотинокъ, что пасутся на ширскомъ выгонѣ. Чудный это народъ, подумаешь! Толкують тебѣ,

что хорошо, что худо; а какъ на нихъ посмотришь, сами, чай, во всю жизнь не ѣдали ничего лучше свиного сала и прокислыхъ лепешекъ. Но что сказалъ вамъ мистеръ Ирвинъ о вашей глупой выдумкѣ проповѣдывать на Лугу?

— Онъ сказалъ только, что слышалъ объ этомъ, и кажется, не нашелъ въ этомъ ничего предосудительнаго. Но, милая тетушка, полноте объ этомъ беспокоиться. Онъ сообщилъ мнѣ новость, которая, я увѣрена, огорчитъ васъ такъ же, какъ огорчила меня. Тіасъ Бидъ утонулъ нынѣшнею ночью въ ручьѣ, и я думаю, старуха мать сильно нуждается въ утѣшеніи. Быть-можетъ, я могу ей быть чѣмъ-нибудь полезною; я хочу къ ней сходить.

— Съ нами силакрестная! Но прежде выпейте чашку чаю, дитя мое, сказала мистрисъ Пойзеръ, переходя внезапно отъ ключа В съ пятью діззамъ къ откровенному и веселому С.—Котелокъ кипитъ; чай будетъ готовъ въ минуту; а молодежь какъ разъ подойдетъ и надобно же ихъ напоить. Я согласна, чтобы вы навестили старуху; вы одна изъ тѣхъ, которымъ въ горѣ каждый радъ, методистъ ли онъ, не методистъ ли; ужъ если на то пошло, такъ плоть и кровь, изъ которыхъ сотворенъ человѣкъ, составляютъ всю разницу между людьми. Иной сыръ дѣлается изъ снятаго молока, а другой изъ парнаго; тамъ ты какъ хочешь ихъ называй, а тотчасъ распознаешь, который изъ нихъ какой,—по одному виду и запаху. Что касается до Тіаса Биды, то—прости Господи мое согрѣшеніе,—оно и къ лучшему, что Богъ прибралъ его. Въ послѣднія десять лѣтъ онъ не много дѣлалъ путнаго, а только огорчалъ своихъ. Я думаю, не худо бы вамъ захватить бутылочку рома для старухи; у ней, сердечной, чай, какъ всегда, и подпрѣпительнаго-то ничего въ домѣ нѣтъ. Сядьте, дитя мое, и успокойтесь; вѣдь я не пушу васъ, пока вы у меня не выпьете чашку чаю.

Въ продолженіи послѣдней части своей рѣчи, мистрисъ Пойзеръ доставала съ полокъ чайный приборъ и переходила къ шкапу съ хлѣбомъ, сопутствуемая Тотти, которая появилась на сцену, лишь только слышала звонъ чашекъ. Въ то же время Гетти пришла изъ молочни, и стала расправлять свои усталыя руки, то опуская ихъ, то закидывая на затылокъ.

— Молли, проговорила Гетти томнымъ голосомъ,—бѣгите скорѣе и нарвите мнѣ кленовыхъ листьевъ: масло готово.

— Слышали вы, что случилось, Гетти? спросила ее тетка.

— Гдѣ жъ мнѣ было слышать? сказала Гетти въ отвѣтъ съ выраженіемъ досады.

— Да вы, хоть бы и слышали, такъ не слишкомъ бы огорчались. Вы такая пустоголовая, что хоть всѣ умирай, вамъ все нипочемъ. Вамъ бы только сидѣть на верху, да наряжаться бытъхъ два часа сряду. Утони сейчасъ Адамъ Бидъ со всею сво-

ею семьей, а вы бы и охъ не молвили; да еще въ ту же минуту стали бы охорашиваться передъ зеркаломъ.

— Адамъ Бидъ... утонулъ? сказала Гетти, опустивъ руки съ испуганнымъ видомъ, хотя и догадываясь, что тетка преувеличиваетъ новость съ назидательною цѣлюю.

— Нѣтъ, душа моя, сказала ласково Дина, потому что мистрисъ Пойзеръ перешла къ шкафу, не удостоивая войти въ болѣе-точные объясненія.— Не Адамъ. Старикъ Тіасъ утонулъ. Онъ утонулъ нынѣшнею ночью въ нешемъ ручьѣ. Мистеръ Ирвинъ сейчасъ сказалъ мнѣ объ этомъ.

— О, какой ужасный случай! вскричала Гетти серьезно, но довольно спокойно, и такъ какъ въ эту минуту Молли вошла съ кленовыми листьями, то она молча взяла ихъ и вернулась въ молочню, не дѣлая дальнѣйшихъ вопросовъ.

ГЛАВА IX.

Міръ дѣвушки.

Въ то время, какъ Гетти красиво располагала широкіе листья, среди которыхъ блистало палеовое, душистое масло, подобно тому какъ примула красуется въ свѣтѣ зеленомъ гнѣздышкѣ,—боюсь я, грѣха гаятъ нечего, что она больше думала о взглядахъ, которые бросалъ на нее капитанъ Донниторнъ, нежели объ Адамѣ и постигшемъ его несчастіи. Ясные, восторженные взгляды красиваго молодаго джентльмена съ бѣлыми руками и золотою цѣпью, въ блестящемъ мундирѣ и съ неизмѣримымъ богатствомъ, приводили въ трепетъ суетное сердечко Гетти, заставляли его повторять все одну и ту же безумную пѣсенку. Мы не слыхивали, чтобы Мемнонова статуя издавала свою мелодію подъ усиліями самаго сильнаго вѣтра, или въ отвѣтъ на какое бы то ни было божественное или человѣческое вліяніе, кромѣ скоропреходящихъ лучей утренняго солнца; такъ точно мы должны уживаться съ тѣмъ открытіемъ, что нѣкоторые изъ замысловато-устроенныхъ инструментовъ, называемыхъ человѣческими сердцами, одарены весьма ограниченою музыкальною гаммой и не подумаютъ звучать подъ прикосновеніемъ, которое наполнило бы другія сердца трепетнымъ томленіемъ или бурнымъ восторгомъ.

Гетти совершенно привыкла къ мысли, что на нее всѣ заглядываются. Она вполнѣ сознавала, что, когда Лука Бритнъ приходилъ въ гейслопскую церковь, въ воскресенье послѣ обѣда,

такъ это было нарочно для того, чтобъ ее увидѣть. Она знала, что онъ не прочь бы сдѣлать рѣшительное предложеніе, еслибы для Пойзеръ, будучи весьма посредственнаго мнѣнія о молодомъ человѣкѣ, у котораго отецъ такъ плохо обрабатываетъ землю, какъ старикъ Бритнъ, не запретилъ своей женѣ поощрять его искательство какою бы то ни было вѣжливостію. Она замѣтила также, что мистеръ Крегъ, садовникъ въ Чезъ, влюбленъ въ нее по уши, и что недавно присланная имъ вкуснѣйшая клубника и чудовищный горохъ не что иное, какъ объясненіе въ полной формѣ. Она еще лучше знала, что Адамъ Бидъ, сильный, прямой, искусный, честный Адамъ Бидъ, который прибрѣлъ такое вліяніе въ цѣломъ околоткѣ, и котораго дядя ея былъ такъ радъ видѣть у себя по вечерамъ, говоря, что «Адамъ гораздо болѣе постигъ свойство вещей, нежели тѣ, которые считаютъ себя лучше его»,—она знала, что Адамъ, почти всегда суровый и не слишкомъ расположенный ухаживать за дѣвушками, подчасъ краснѣлъ и блѣднѣлъ отъ одного ея слова, отъ одного взгляда. Сфера сраженій у Гетти была очень не обширна; однакожъ она не могла не замѣтить, что Адамъ былъ мужчина хоть куда. Онъ зналъ, что сказать о всякомъ предметѣ, показавъ ея дядѣ, какъ подпереть хлѣвъ, и мигомъ починилъ маслобойку; умѣлъ съ одного взгляда опредѣлить цѣнность орѣховаго дерева; зналъ, почему сырость проступала на стѣнахъ, и чѣмъ истреблять мышей. Онъ умѣлъ писать красивымъ, четкимъ почеркомъ,—степень образованія, до которой не достигали и самые богатые фермеры той стороны. Какая разница съ косымъ Бритномъ, который, провожая ее отъ Брокстона до Гейслопа, во всю дорогу только однажды прервалъ молчаніе интереснымъ замѣчаніемъ, что молъ, «стрые гуси начали нестися». Мистеръ Крегъ, садовникъ, конечно былъ человѣкъ не глупый, но онъ былъ кривоногій и говорилъ какъ-то странно, на распѣвъ, притомъ же, по самому умѣренному разчету, ему было едвали не сорокъ лѣтъ.

Гетти была убѣждена, что дядя ея желалъ, чтобъ она поощряла исканія Адама, и съ удовольствіемъ выдалъ бы ее за него. Въ тѣ времена, еще не существовало строгаго разграниченія между фермерами и ремесленниками. Ихъ можно было видѣть вмѣстѣ за кружкою пива, и у домашняго очага, и въ тавернахъ. Фермеръ гордымъ сознаніемъ своихъ капиталовъ и вѣса въ приходскихъ дѣлахъ, утѣшалъ себя въ очевидномъ умственномъ превосходствѣ собесѣдника. Мартинъ Пойзеръ неохотно посѣщалъ таверны, но любилъ поболтать у себя, за домашнимъ пивомъ, съ хорошимъ человѣкомъ, и хотя ему весело было давать совѣты глупому сосѣду, который понятія не имѣлъ о томъ, какъ привлечь наилучшую пользу изъ своей фермы, но пріятно было такъ

же, разнообразіа ради, поучиться чему-нибудь отъ свѣдущаго ма- лаго, каковъ Адамъ Видъ. Вслѣдствіе чего, съ тѣхъ поръ, какъ Адамъ участвовалъ въ постройкѣ новой житницы Пойзера, онъ всегда былъ дорогимъ гостемъ на господской фермѣ; осо- бенно къ зимніе вечера, когда по патриархальному обычаю страны, вся семья, хозяинъ и хозяйка, дѣти и служители собира- лись въ знаменитую кухню, и усаживались по чинамъ, кто ближе, кто дальше отъ пылающаго очага. А въ послѣдніе два года, по крайней мѣрѣ, Гетти привыкла слышать отъ дяди, что «хоть Адамъ и живетъ теперь на жалованьи, но онъ безъ вся- каго сомнѣнія будетъ современемъ мастеромъ. Не мудрено, что мистеръ Борджъ, какъ носится слухъ, не прочь взять его въ товарищи и выдать за него дочь: женщина, которая за него выйдетъ, не будетъ сидѣть безъ денегъ ни въ Благовѣщеніе, ни въ Михайловъ день.» За этимъ замѣчаніемъ обыкновенно слѣдовало радужное одобреніе мистрисъ Пойзеръ. «Ахъ, при- молвить бывало она, конечно, мужъ съ готовымъ состояніемъ находка, да вѣдь случается, что онъ также и готовый дуракъ; большая радость наполнить карманъ деньгами, коли въ немъ дыра! Хорошо ѣздить въ собственной каретѣ на рессорахъ, да какъ посадишь на козлы дурака, такъ онъ какъ разъ опроки- нетъ въ лужу. Я всегда говорила, ни за что не выйду за дурака. И свой умъ весь даромъ пропадетъ, какъ свяжешься съ шутомъ, надъ которымъ всѣ смѣются! Это все равно, что разодрѣться, да и сѣсть на осла, лицомъ къ хвосту.»

Подобные обиняки достаточно показывали расположеніе ми- стрисъ Пойзеръ къ Адаму, и хотя, быть-можетъ, она и мужъ ея разсуждали бы иначе, еслибы дѣло шло объ ихъ дочери, было ясно, что они съ радостію выдали бы за него племянницу, у ко- торой не было ни гроша за душою. И чѣмъ бы ей довелось быть какъ не служанкою, еслибы дядя не прирѣлъ ее, и не воспи- талъ въ ней помощницу въ хозяйствѣ для жены своей, кото- рая со времени рожденія Тотти не могла уже выносить никакой тяжелой работы, и ограничивалась надзоромъ за служанками и дѣтьми? Но Гетти не иначе, какъ на мгновеніе ободряла Адама въ его искательствѣ. Даже въ тѣ минуты, когда она всего яснѣе сознавала его превосходство надъ своими другими обожателями, она никакъ не могла принудить себя къ мысли быть его женою. Ей пріятно было чувствовать, что этотъ сильный, умный мужчи- на, съ смѣлыми взорами, находится совершенно въ ея власти; она пришла бы въ негодованіе при малѣйшемъ его покушеніи ус- кользнуть изъ-подъ ига ея кокетливаго деспотизма, и привя- заться, на примѣръ, къ тихой Мери Борджъ, которая съ такою благодарностію приняла бы малѣйшій знакъ его вниманія. «Чтобъ

онъ полюбилъ Мері Бордж! Вотъ еще! Да она такая желтая, что какъ приколетъ пеструю ленту, такъ настоѣнно смотритъ куриною слѣзотою; а волосы-то! настоящая вата! И бывало, когда Адамъ недѣлю-другую не явится въ ферму, или какъ-нибудь иначе выразитъ намѣреніе страхнуть съ себя свою глупую любовь, ужъ какъ старается Гетти снова завлечь его въ свои сѣти, прикидываясь оробѣвшею и печальною, словно она такъ вся и растерялась отъ его пренебреженія! Но выйдти за него замужъ,—о, это другое дѣло. Ничто въ мірѣ не могло ее склонить къ этому! Щеки ея не дѣлались ни на крошечку румянѣе, когда произносили его имя; она не чувствовала сладостнаго трепета, когда онъ проходилъ мимо ея оконъ, или случайно попадался ей навстрѣчу на тропинкѣ за лугомъ; она ничего не чувствовала и тогда, когда взоры его были прикованы къ ней,—ничего, кромѣ холоднаго торжества въ сознаніи, что онъ ее любитъ, а на Мері Борджъ и глядѣть не хочетъ. Онъ такъ же мало способенъ былъ пробудить въ ней сладостное упоеніе юной любви, какъ изображеніе солнца можетъ пробудить въ нѣжномъ растеніи движеніе весеннихъ соковъ. Она видѣла его такимъ, какимъ онъ былъ: бѣднымъ, обремененнымъ заботами о старыхъ родителяхъ, еще на долгое время неспособнымъ доставить ей даже тѣ удобства, которыми она пользовалась въ домѣ дяди. А мечты Гетти всѣ вертѣлись около роскоши. Куда какъ хорошо, мерещилось ей, сидѣть въ устланной коврами гостиной, всегда носить бѣлые чулки и воротнички изъ ноттингамскаго кружева; имѣть нѣсколько паръ большихъ серегъ, по послѣдней модѣ, и что-нибудь такое, чтобъ отъ платка ея пахло такъ же хорошо, какъ отъ платка миссъ Лидіи Донниторнъ, когда она вынимала его въ церкви, и въ особенности не быть вынужденною вставать рано и принимать брань отъ каждаго. Еслибъ, думала она про себя, Адамъ былъ богатъ и могъ дать ей всѣ эти вещи, тогда, пожалуй, она за него бы и вышла!

Но вотъ уже нѣсколько недѣль, новое вліяніе повѣяло на Гетти,—вліяніе неопредѣленное, какъ будто разлитое въ окружавшей ее атмосферѣ, облекающееся въ надежды и планы, которыхъ она сама не сознавала, но производящее пріятное наркотическое дѣйствіе, такъ что она ходила и работала словно во снѣ, не давая себѣ отчета ни въ тяжестихъ, которыя поднимала, ни въ усміяхъ, которыя дѣлала; такъ что она видѣла всѣ предметы въ какомъ-то влажномъ, кроткомъ свѣтѣ, какъ будто бы жила она не въ этомъ грубомъ мірѣ изъ камней и кирпичей, а въ какомъ-то тихомъ, лучезарномъ мірѣ, подобномъ тому, который мерещится намъ на днѣ морскомъ, когда солнце проникаетъ воды своими лучами. Гетти замѣтила, что капитанъ Донниторнъ очень настойчиво

ищетъ случая съ нею видѣться; что въ церкви онъ садится такъ, чтобъ ему можно было видѣть ее, сядетъ ли, встанетъ ли она, что онъ безпрестанно намскиваетъ предлоги для посѣщеній на ферму и всегда старается сказать ей что-нибудь такое, что бы принудило ее говорить съ нимъ и смотрѣть на него. Бѣдное дитя въ это время не больше допускало мысль, что молодой сквайръ могъ когда-нибудь влюбиться въ нее, чѣмъ хорошенькая дочь хлѣбника, которую юный императоръ отличилъ въ толпѣ лестною, но царственною улыбкою, воображаетъ, что будетъ императрицею. Но дочь хлѣбника, воротясь домой, мечтаетъ о прекрасномъ молодомъ императорѣ и быть-можетъ, не допекая хлѣба, думаетъ про себя: какой райскій удѣлъ быть его женою! Такъ точно, образъ капитана неотступно наполнялъ дневныя и ночныя грезы дѣвушки. Широкіе, кроткіе взоры пронизали ее и облили жизнь ея страннымъ, сладостнымъ томленьемъ. Въ сущности, глаза, изъ которыхъ струились эти взоры, въ половину не были такъ хороши, какъ глаза Адама, когда онъ, бывало, смотритъ на нее съ грустною, умоляющею нѣжностію; но они умѣли найти доступную себѣ среду въ капризномъ воображеніи Гетти, въ этой сферѣ, въ которую не могли проникнуть ни взоры, ни образъ Адама. Вотъ уже по крайней мѣрѣ три недѣли, какъ вся почти внутренняя жизнь ея сосредоточивалась въ одномъ воспоминаніи взглядовъ и словъ, которыя обращалъ къ ней Артуръ, въ одномъ воспроизведеніи того, что она почувствовала, когда слышала голосъ его внѣ дома и шаги на лѣстницѣ, когда онъ вошелъ, когда онъ взглянулъ на нее, когда устремился на нее его неотступный взоръ, который словно такъ и дотрогивался до нея, когда онъ подошелъ ближе, красивый и стройный, въ платьѣ изъ такой тонкой матеріи, распространяя вокругъ себя запахъ, подобный благоуханіямъ цвѣтника, распускаяшагося отъ дыханія вечерняго вѣтра. Глупыя грезы, какъ вы видите, не имѣющія ничего общаго съ любовію, которую испытываютъ нѣжныя осьмнадцатилѣтнія дѣвушки въ наше время; но вѣдь это происходило, если вы припомните, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ; да и Гетти была дѣвушка совершенно необразованная, — дочь простаго фермера, которой бѣлорукій джентльменъ казался ослѣпительнымъ, какъ божество Олимпа. До этого времени, она даже ниразу не заглядывала въ будущее далѣе ближайшаго дня, когда капитанъ пріѣдетъ на ферму, или далѣе воскресенья, когда она увидитъ его въ церкви. Теперь только она стала думать о томъ, что вотъ она завтра пойдетъ въ Чезъ, и быть-можетъ, онъ постарается встрѣтиться съ нею, — и что, если онъ вздумаетъ заговорить съ нею, или пройтись съ нею рядомъ, когда никого съ ними не будетъ! Этого еще никогда не случалось! И вотъ воображеніе дѣвушки, вмѣсто того, чтобы воссоздавать прошедшее, дѣя-

тельно стало работать надъ тѣмъ, что случится завтра, какъ она увидитъ его, идущаго къ ней навстрѣчу, какъ надѣнетъ новыя розовыя ленты, которыхъ онъ еще не видалъ на ней, и что онъ скажетъ ей, чтобы заставить ее отвѣчать взоромъ на его взоръ, — взоръ, который она будетъ хранить въ памяти весь остальной день.

Въ такомъ расположеніи духа могла ли Гетти оказать какое-нибудь сочувствіе горю Адама или долго думать о бѣдномъ утопленникѣ, Тіасѣ? Юныя души, погруженныя въ сладостный бредъ первой любви, такъ же непричастны нашимъ страданіямъ, какъ бабочка, высасывающая изъ цвѣтка нектаръ; онѣ ограждены отъ чужаго горя облакомъ мечтаній, невидимыми взорами и неосознаемыми объятіями.

Въ то время какъ руки Гетти были заняты укладкой масла, а головка мечтала о завтрашнемъ днѣ, Артуръ Донниторъ, скакавшій рядомъ съ мистеромъ Ирвиномъ по направленію къ ручью, также ощущалъ нѣкоторыя неясныя предвкусенія, и они, подобно нижнему теченію въ океанѣ, развивались и текли своимъ чередомъ, между тѣмъ какъ въ слухъ его раздавался разкъ Ирвина о Динѣ, — но вдругъ послѣдній, неожиданно сказалъ :

— Что васъ такъ привлекало въ молочнѣ мистрисъ Пойзеръ? Ужь не сбѣгались ли вы охотникомъ до сырыхъ подземельевъ, или до глиняной посуды?

Артуръ очень хорошо зналъ ректора; онъ не могъ не понять, что всякая хитрость была бы тутъ бесполезна, и потому отвѣчалъ съ своею обыкновенною откровенностію:

— Нѣтъ. Я пошелъ посмотрѣть на хорошенькую Гетти. Настоящая Геба! Еслибъ я былъ художникомъ, непременно написалъ бы ея портретъ. Это непостижимо, какія хорошенькія дѣвушки попадаютъ между дочерьми фермеровъ, между тѣмъ какъ мужчины все такіе уроды. Самая пошлая, круглая, красная рожа, которая такъ часто встрѣчается между мужчинами, и гдѣ кромѣ щекъ, не различишь ни одной черты, какъ напримѣръ у Мартина Пойзера, превращается у женщинъ той же семьи въ самую прелестную рожицу, какую только можно себѣ представить.

— Все это очень хорошо, и я съ художественной точки зрѣнія вполне сочувствую вашему восхищенію этою дѣвушкой; но я не желалъ бы, чтобы вы питали ея гордость и вбили бы въ ея маленькую головку, что она необыкновенная красавица, способная сводить съ ума молодыхъ джентльменовъ. Этакъ вы ее совсѣмъ испортите, и она будетъ плохою женою для бѣднаго человѣка, какъ напримѣръ честный Крегъ, который намѣднѣ преслѣдовалъ ее нѣжными взглядами. Маленькая плутовка ужъ, кажется, и такъ слыш-

комъ расположена сдѣлать мужа несчастнымъ на столько, на сколько слѣдуетъ, по законамъ природы, быть несчастнымъ смиренному человѣку, который женится на красавицѣ. Кстати о женитьбѣ; надѣюсь, что теперь, когда бѣднаго старика нѣтъ на свѣтѣ, другъ нашъ Адамъ какъ-нибудь устроится. Теперь у него на рукахъ одна мать. Если я не ошибаюсь, завязалось что-то между нимъ и этою скромною, милою дѣвушкой, Мери Борджъ, такъ по крайней мѣрѣ я заключаю изъ нѣкоторыхъ словъ, вырванныхъ у стараго Ионатана. Но когда я завелъ о томъ рѣчь съ Адамомъ, онъ какъ будто смутился и поспѣшилъ переменить разговоръ. Я полагаю, что онъ не слишкомъ нѣжный вздыхатель; или, быть-можетъ, не захочетъ жениться, пока дѣла его не придутъ въ лучшее положеніе. Онъ одаренъ независимостію характера, которой стало бы на двухъ человѣкъ, и если въ немъ чего-нибудь слишкомъ много, то скорѣе всего гордости.

— Да, это была бы славная партія для Адама. Онъ бы принялъ на себя всѣ дѣла стараго Борджа и отлично бы устроилъ ихъ,—за это я ручаюсь. А мнѣ было бы очень пріятно, еслибъ онъ окончательно поселился въ нашемъ приходѣ. Я бы завербовалъ его въ свои великіе визири, на всякій нужный случай. То-то бы мы надѣлали съ нимъ плановъ, поправокъ и разныхъ усовершенствованій. Только я ни разу не видалъ этой дѣвушки; по крайней мѣрѣ, никогда не обращалъ на нее вниманія.

— Посмотрите на нее въ воскресенье, въ церкви; она сидитъ съ отцомъ по лѣвую сторону кафедры. Будетъ ужъ вамъ заглядываться на Гетти Соррель. Когда я разъ сказалъ себѣ, что не въ состояніи купить собаку, которая мнѣ нравится, то не обращаю на нее вниманія, потому что если она приглянется ко мнѣ и станетъ смотрѣть на меня умильными глазами, то борьба между расчетомъ и влеченіемъ можетъ сдѣлаться слишкомъ тяжелою. Я имѣю слабость думать, Артуръ, что въ этомъ отношеніи приобрьлъ немножко жизненной мудрости, и такъ какъ эта мудрость для меня, человѣка стараго, стала дешева, то я хочу подѣлиться ею съ вами.

— Спасибо. Она, можетъ, когда-нибудь и пригодится мнѣ. А теперь я еще не вижу въ ней надобности. Господи! какъ разлѣлся ручей! Не пуститься ли намъ маленькимъ галопомъ? теперь мы на ровномъ мѣстѣ.

Вотъ неоцѣненное преимущество верховой ѣзды относительно разговоровъ. Ихъ въ каждую данную минуту можно прервать рысью, или галопомъ, и такимъ образомъ можно отдѣлаться хоть отъ самого Сократа. Наши два друга этимъ простымъ средствомъ освободились отъ необходимости продолжать разговоръ до тѣхъ поръ, пока выбрались на лугъ, позади Адамовой хижины.

ГЛАВА X.

ДИНА НАВѢЩАЕТЪ ЛИБЕТУ.

Въ пять часовъ вечера, Либета сошла внизъ съ огромнымъ ключомъ въ рукѣ: это былъ ключъ отъ комнаты, въ которой лежало тѣло ея мужа. Весь Божій день, за исключеніемъ случайныхъ взрывовъ безутѣшной горести, она провела въ безпрестанномъ движеніи, исполняя первыя печальныя обязанности относительно покойника, съ благоговѣніемъ и точностію, приличными священнымъ обрядамъ. Она вынула небольшой запасъ бѣлаго полотна, береженного съ давнихъ поръ для этого послѣдняго употребленія. Сколько уже лѣтъ прошло, — а кажется, это было вчера, — какъ она показала Тіасу, гдѣ спрятано это полотно, чтобъ онъ тотчасъ же могъ достать его, когда она умретъ, потому что она была старше его. Потомъ она стала счищать до малѣйшей пылинки со всякой вещи въ священной комнатѣ и удалить изъ нея всякій слѣдъ обыденныхъ трудовъ и занятій. Узкое окно, которое до тѣхъ поръ свободно допускало холодный свѣтъ мѣсяца и жаркіе лучи восходящаго солнца до кровати ремесленника, завѣшено было прекрасною бѣлою простыней, потому что теперь наступилъ для него сонъ, равно священный и подъ голыми балками хижины и въ палатахъ съ рѣзными потолками. Либета починила даже до тѣхъ поръ незамѣченную ею дырочку въ узкомъ пологѣ, составленномъ изъ мелкихъ кусочковъ, потому что ей была дорога каждая минута того короткаго времени, въ которое она еще могла выразить какъ-нибудь свою любовь и уваженіе къ спокойному трупу, которому во всѣхъ своихъ мысляхъ приписывала нѣкоторую сознательность. Существа намъ близкія для насъ не умираютъ вполнѣ, пока мы ихъ не забыли. Они могутъ быть оскорблены, обижены нами. Имъ извѣстно и наше раскаяніе, и нестерпимо болѣзненное чувство, терзающее насъ при видѣ ихъ опустѣвшаго мѣста, и всѣ поцѣлуи, которые мы расточаемъ драгоценнымъ ихъ останкамъ. Старыя крестьянки какъ-то особенно расположены вѣрить, что покойники чувствуютъ. Приличное погребеніе для себя самой было предметомъ помышленій и заботъ Либеты въ теченіе многихъ лѣтъ бережливой жизни, съ неяснымъ ожиданіемъ, что она будетъ чувствовать какъ повезуть ее на кладбище, въ сопровожденіи мужа и сыновей; а те-

перъ ей казалось, что величайшее дѣло ея жизни будетъ совершено, когда Тіаса прилично схоронять подъ бѣлымъ терновникомъ, — тамъ, гдѣ она однажды видѣла во снѣ, что лежитъ въ гробу, а между тѣмъ она все еще видитъ солнце въ небѣ и слышитъ запахъ бѣлыхъ цвѣтовъ, которые цвѣли такъ сильно въ то воскресенье, когда она въ первый разъ пришла въ церковь за молитвой послѣ рожденія Адама.

И вотъ было сдѣлано, что могло быть сдѣлано на нынѣшній день въ комнатѣ покойника, и все ея самою, съ помощію сыновей, потому что ей не хотѣлось звать на помощь никого изъ деревенскихъ. Она вообще не жаловала своихъ сосѣдокъ, а любимица ея Долли, старая ключница мистера Борджа, которая заходила поплакать съ нею рано утромъ, была ужъ слишкомъ слѣпа, и не могла быть ей чѣмъ-нибудь полезною. Она заперла дверь и, не выпуская ключа изъ рукъ, утомленная, опустилась на стулъ, стоявшій посреди кухни, далеко отъ своего обыкновеннаго мѣста, и гдѣ въ другое время она ни за что не согласилась бы сѣсть. О кухнѣ она въ этотъ день не позаботилась; она была затоптана грязными сапогами и завалена бѣльемъ и всякимъ хламомъ. Но то, что въ обыкновенное время показалось бы нестерпимымъ для Лизбеты, любившей порядокъ и опрятность, казалось ей теперь умѣстнымъ: такъ и слѣдовало, чтобы все въ домѣ смотрѣло странно и беспорядочно въ тотъ день, когда старикъ хозяинъ кончилъ жизнь такимъ бѣдственнымъ образомъ. Какъ же кухнѣто имѣть такой видъ, какъ будто ничего и не случилось? Адамъ, подавленный горестію и дневными заботами, послѣдовавшими за трудовою ночью, заснулъ на лавкѣ въ мастерской. Сеть въ кухнѣ разводилъ огонь на стружкахъ, намѣреваясь согрѣть котелокъ, и уговорить мать выпить чашку чаю, — роскошь, которую она рѣдко себѣ позволяла.

Въ комнатѣ никого не было, когда Лизбета вошла и опустилась на стулъ. Она окинула безжизненнымъ взоромъ грязь и беспорядокъ, на которыхъ прекрасное вечернее солнце сіяло зловѣщимъ свѣтомъ. Это зрѣлище согласовалось съ тѣмъ мрачнымъ смятеніемъ духа, необходимо слѣдующимъ за первыми минутами внезапнаго горя, когда бѣдная человѣческая душа подобна спящему, котораго положили посреди развалинъ обширнаго города и который пробуждается въ ужасѣ и изумленіи, не зная, не есть ли то начало послѣдняго дня, не понимая, зачѣмъ и откуда явилось это безграничное зрѣлище запустѣнія и какъ, и зачѣмъ онъ самъ, несчастный, попалъ туда.

Въ другое время первую мыслию Лизбеты было бы: гдѣ Адамъ? Но внезапная смерть мужа возвратила ему на эти часы то первое мѣсто въ ея привязанности, которое онъ занималъ двадцать шесть

лѣтъ тому назадъ. Она забыла объ его недостаткахъ, подобно тому, какъ мы забываемъ огорченія минувшаго дѣтства, и помнила только одно: любовь юнаго супруга и терпѣнїе старика. Глаза ея продолжали безсмысленно блуждать по комнатѣ до тѣхъ поръ, пока вошелъ Сеть и сталъ прибирать нѣкоторыя изъ разбросанныхъ вещей, желая опростать круглый столикъ, чтобы поставить на него чай для матери.

— Что ты дѣлаешь? сказала она съ досадою.

— Я хочу, чтобы ты выпила чашку чаю, отвѣчалъ ласково Сеть.—Тебѣ сдѣлаетъ это пользу; а я покажѣсь кой-что приберу, чтобы въ комнатѣ было поуютнѣе.

— Поуютнѣе! Какъ тебѣ въ голову идетъ говорить это! Не тронь! не тронь! пусть все такъ остается! Для меня нѣтъ больше ни уюта, ни утѣшенія. Нѣтъ, и не будетъ! продолжала она, и по мѣрѣ того, какъ говорила, на глазахъ ея выступали слезы.—Теперь твой бѣдный отецъ умеръ! На него я мыла, и шила, и страдала цѣлыя тридцать лѣтъ, и ему всегда нравилось, что я дѣлала. И самъ онъ былъ на все гораздъ и справлялъ за меня всякую подѣлку, когда я бывала больна или съ ребятишками. Разъ самъ сварилъ мнѣ пивной супъ, да какой славный, и принесъ на верхъ, а въ другой разъ несъ ребенка, который былъ тяжелъ, какъ двое ребятъ,—цѣлыхъ пять миль, и ни разу не ворчалъ во всю дорогу отъ Варсона до Века, когда мнѣ захотѣлось повидаться съ сестрою, которая потомъ померла объ Рождествѣ тѣмъ же годомъ. И пришлось ему утонуть въ томъ самомъ ручьѣ, который мы переѣзжали въ день нашей свадьбы, отправляясь домой; еще онъ надѣлалъ мнѣ множество полокъ ставить посуду и всякое добро, и показывалъ мнѣ, хвастался, зная, что мнѣ это будетъ прїятно. И умеръ онъ такъ, что я того и не знала: спала себѣ преспокойно въ постели, какъ будто мнѣ до него и дѣла нѣтъ. Охъ! охъ! До чего я дожила, чтобы все это видѣть... Оставь! оставь! Не хочу чаю! Не до ѣды тутъ и до питья! Когда одинъ конецъ моста провалился, что въ томъ, что другой стоитъ? Умереть бы мнѣ также вмѣстѣ съ моимъ старикомъ. Никто того не знаетъ, какъ мнѣ безъ него горько!

Тутъ Лизбета отъ словъ перешла къ стенаніямъ, качаясь взадъ и впередъ на стулѣ. Сеть, всегда робкій съ матерью, отъ сознанія, что не имѣетъ надъ нею никакого вліянія, чувствовалъ, что бесполезно было бы ее уговаривать и стараться ее успокоить, прежде чѣмъ припадокъ стихнетъ самъ собою, и сложивъ платье отца, которое висѣло со вчерашняго дня для просушки, ушелъ въ кухню смотрѣть за огнемъ, и боялся входить въ комнату, гдѣ сидѣла его мать, чтобы не раздражить ее еще болѣе.

Но покачавшись и постолавъ нѣсколько времени, Лизбета вдругъ стихла и громко сказала самой себѣ:

— Пойду, провѣдаю, гдѣ Адамъ. Не могу понять, куда онъ дѣвался. Надо сходить съ нимъ наверхъ къ отцу, пока не смерклось: времячко-то, покуда покойникъ еще въ домѣ, уходитъ, словно снѣгъ таетъ.

Сеть услыхалъ ея голосъ и вошелъ въ комнату, когда мать встала со стула, и сказалъ:—Адамъ спитъ въ мастерской, матушка. Лучше не будить его. Онъ очень утомился отъ трудовъ и печали.

— Будить? А кто его хочетъ будить? Не бось не проснется отъ того, что я на него посмотрю. Я не видала парня ужъ два часа. Давно ль, подумаешь, онъ былъ ребенкомъ, а отецъ таскалъ его на рукахъ!

Адамъ сидѣлъ на жесткой скамьѣ, склонивъ голову на руку, которая покоилась отъ плеча до локтя на длинномъ стругальномъ станкѣ, посреди мастерской.

Казалось, онъ присѣлъ только отдохнуть на нѣсколько минутъ и заснулъ, не переменяя положенія, которое принялъ подъ вліяніемъ печальной, томительной мысли. Лицо его, не мытое со вчерашняго вечера, было блѣдно и покрыто потомъ; волосы ключьями падали на лобъ, а закрытые глаза впали, какъ всегда бываетъ отъ бессоницъ и горя. Брови были наморщены, и все лицо носило отпечатокъ страданій и усталости.

Джайпъ былъ видимо въ тревожномъ состояніи: онъ сидѣлъ на заднихъ лапахъ, положивъ морду на протанутую ногу господина, и то лизалъ неподвижно висѣвшую его руку, то поглядывалъ на двери, прислушиваясь ко всякому звуку. Бѣдный песъ былъ голоденъ и утомленъ, но не хотѣлъ покинуть хозяина и нетерпѣливо ждалъ, чтобы что-нибудь прервало эту мертвую тишину. Въслѣдствіе этихъ-то ощущеній Джайпа, намѣреніе Лизбеты не будить Адама не могло быть исполнено, хотя она вошла въ мастерскую и подходила къ Адаму такъ тихо, какъ только было возможно; радость Джайпа была ужъ черезчуръ сильна, и не могла не обнаружиться отрывистымъ лаемъ; въ ту же минуту Адамъ раскрылъ глаза. Видъ матери служилъ какъ будто продолженіемъ его грезъ; потому что во снѣ онъ какъ бы въ лихорадочномъ бреду переживалъ все то, что случилось съ утра; мать и ея потрясающее горе тревожило его и во снѣ. Главная разница между дѣйствительностію и его грезами состояла въ томъ, что во снѣ Гетти безпрестанно являлась передъ нимъ, страннымъ образомъ примѣшиваясь какъ дѣйствующее лицо ко всѣмъ сценамъ, съ которыми у нея не было ничего общаго. Она была даже у ручья, гдѣ утонулъ его отецъ; она сердила его мать своимъ посѣщеніемъ, и онъ, въ своемъ насквозь промокшемъ платьѣ, встрѣчалъ ее, нарядную, отправляясь въ проливной дождь въ Тредль-

стонъ за похороннымъ подрядчикомъ. Но гдѣ бы ни появлялась Гетти, мать его тотчасъ же появлялась вслѣдъ за нею, и когда онъ открылъ глаза, то нисколько не удивился, увидя ее передъ собою.

— Охъ, дитятко, дитятко! немедленно зарыдала Лизбета съ возвратившеюся потребностію къ слезамъ: первое побужденіе недавняго гора — примѣнять свою тоску и свои жалобы ко всякой перемѣнѣ въ обстановкѣ, ко всякому ничтожному случаю. — Никого-то у тебя больше не осталось, кромѣ твоей старой матери, чтобы мучить тебя и быть тебѣ въ тягость. Бѣдный твой отецъ никогда уже не станетъ огорчать тебя; да и мать, пожалуй, скоро уберется вслѣдъ за нимъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; вѣдь я никому больше не нужна. Однимъ старымъ платьемъ можно починить другое тоже старое, но больше ужъ оно ни на что не годится. Ты возьмешь жену, которая лучше будетъ для тебя страдать и чинить платье, чѣмъ старуха-мать. А я ужь, что теперь? одно бремя. Мнѣ только сидѣть въ углу за печкой. (Адамъ вздрогнулъ и отвернулся съ неприятнымъ чувствомъ: онъ больше всего на свѣтѣ боялся, чтобы мать не заговорила съ нимъ о Гетти.) Да! будь живъ отецъ твой, никогда бы не захотѣлъ онъ, чтобы я уступила мѣсто другой; потому что ничего безъ меня не дѣлалъ и не могъ безъ меня обойтись, что одна половинка ножницъ безъ другой. Охти мнѣ! Охти мнѣ! Ужь что бы намъ вмѣстѣ лечь въ сырую могилу; не видали бы мои глаза, что теперь видать; такъ бы и похоронили насъ вмѣстѣ.

Лизбета утихла, но Адамъ хранилъ тягостное молчаніе: въ такой день онъ не могъ говорить съ матерью иначе, какъ съ вѣжностію; а между тѣмъ жалобы ея, невольно его раздражали. Бѣдная Лизбета такъ же мало могла понять, что слова ея огорчаютъ Адама, какъ мало понимаетъ раненая собака, что стоны ея терзаютъ нервы ея хозяина. Подобно всѣмъ сѣтующимъ женщинамъ, она жаловалась, въ надеждѣ, что ее станутъ утѣшать, и такъ какъ Адамъ ничего не говорилъ, то жалобы ея возобновились еще съ большею горечью.

— Я знаю, что тебѣ лучше было бы безъ меня, потому что ты могъ бы уйти куда бы захотѣлъ, и жениться на комъ тебѣ угодно. Но я не стану тебѣ докучать; вводи въ мой домъ, кого хочешь; а и словечка дурнаго не скажу. Вѣдь когда люди стары и никуда не годны, то должны считать милостию и то, если ихъ накормятъ, не попрекая. И если сердце твое лежитъ къ такой дѣвкѣ, что принесть въ домъ одну бѣдность и разоренье, когда ты могъ бы взять такую, которая сдѣлала бы тебя человѣкомъ, я и тогда не скажу ни слова, потому что теперь, какъ старикъ мой утонулъ, я не лучше стараго ножа, у котораго отломлено лезвее.

Выносить это долге Адамъ былъ не въ силахъ. Онъ молча всталъ съ лавки и вышелъ изъ мастерской въ кухню. Но Лизбета не отставала отъ него.

— Не хочешь ли пойти на верхъ и взглянуть на отца? теперь ужъ тамъ все сдѣлано, и ему пріятно будетъ, коли ты пойдешь и посмотришь на него. Онъ всегда любилъ, когда ты бывалъ съ нимъ ласковъ.

Адамъ тотчасъ собрался съ духомъ и сказалъ:—Да, матушка, пойдемте наверхъ. Пойдемъ вмѣстѣ, Сеть.

Они отправились на верхъ, и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ было общее молчаніе. Потомъ ключъ опять щелкнулъ въ замкъ, и всѣ вышли изъ комнаты. Но Адамъ уже не сходилъ внизъ; онъ чувствовалъ себя до того усталымъ и огорченнымъ, что не могъ выносить долге придирчивыя жалобы матери, и легъ отдохнуть на свою кровать. Лизбета лишь только вошла въ кухню и сѣла на мѣсто, какъ накрыла голову фартукомъ и стала по прежнему плакать и стонать и раскачиваться на стулѣ. Сеть думалъ: «Она мало-по-малу успокоится теперь, послѣ того какъ посмотрѣла на покойника,» и пошелъ въ кухню посмотрѣть за огнемъ, не теряя надежды уговорить мать выпить чаю.

Лизбета качалась такимъ образомъ болѣе пяти минутъ, испуская глухіе стоны при каждомъ движеніи, какъ вдругъ она почувствовала, что кто-то тихо дотронулся до ея руки, и нѣжный, звучный голосъ сказалъ: «Любезная сестра! Господь послалъ меня сюда, посмотрѣть, не могу ли я тебя утѣшить.»

Лизбета остановилась, внимательно прислушиваясь, но не сняла съ лица фартука. Голосъ былъ ей незнакомъ. Ужъ не духъ ли сестры ея воротился изъ жилища смерти послѣ столькихъ годовъ разлуки? Она затрепетала и не смѣла взглянуть.

Дина, чувствуя, что это изумленіе само по себѣ уже служить облегченіемъ для огорченной женщины, ничего не сказала въ эту минуту, но спокойно сняла шляпу и знакомъ заставила молчать Сета, который при звукѣ ея голоса воротился въ комнату съ трепетнымъ сердцемъ. Она положила руку на спинку Лизбетина стула, и нагнулась надъ нею, такъ чтобъ она могла чувствовать ея ласковую близость.

Лизбета медленно сняла фартукъ и робко раскрыла черные, тусклые глаза. Сначала она ничего не видала, кромѣ чистаго, блѣднаго лица съ ласковыми сѣрыми глазами, и лицо это было ей совершенно незнакомо. Удивленіе ея возрастало. Ужъ не ангель ли это? Но въ эту минуту Дина опять положила свою руку на руку Лизбеты, и старуха внимательно на нее посмотрѣла. Рука эта была гораздо меньше ея руки, но не отличалась ни бѣлизною, ни нѣжностію, потому что Дина отроду не

употребляла перчатокъ, и рука ея носила слѣды трудовой жизни съ дѣтства. Лизбета разсматривала ее съ минуту въ глубокомъ раздумьи, потомъ снова устремила глаза на лицо Дины и сказала, нѣсколько ободренная, но съ выраженіемъ удивленія:

— Какъ! вы тоже работница?

— Да! я Дина Моррисъ, и работаю на бумажной фабрикѣ, когда бываю дома.

— А! сказала Лизбета, не переставая удивляться. — Вы вошли такъ тихо, какъ тѣнь по стѣнѣ, и заговорили надъ моимъ ухомъ, какъ духъ какой-нибудь. И лицо у васъ почти такое же, какъ у того, что сидитъ на гробѣ, въ новой Адамовой Библии.

— Теперь я пришла съ господской фермы. Вы знаете мистрисъ Пойзеръ? Она мнѣ тетка. Она слышала объ вашемъ великомъ несчастіи и очень огорчилась. Я пришла провѣдать, не могу ли чѣмъ помочь вамъ въ горѣ. Я знаю вашихъ сыновей, Адама и Сета; знаю, что у васъ нѣтъ дочери, и когда священникъ сказалъ мнѣ, какъ тяжело легла надъ вами десница Божія, сердце мое потянулось къ вамъ, и я почувствовала призваніе пойти и, если вы позволите, быть вамъ вмѣсто дочери въ этомъ горѣ.

— А! теперь понимаю, кто вы. Вы методистка, какъ Сеть; онъ сказывалъ мнѣ о васъ, продолжала Лизбета съ досадою. Преобладающее чувство печали снова проснулось въ ней, лишь только миновало изумленіе. — Вы станете говорить, какъ онъ, что горе хорошая вещь. Да, что тутъ толковать! словами тоски не облегчить. Никогда вы меня не увѣрите, что лучше для меня, что старикъ умеръ не въ постели, — ужь если ему суждено было умереть, — и не при пасторѣ, который молился бы объ немъ; а я сидѣла бы тутъ же возлѣ него и просила бъ его не попомнить дурныхъ словъ, которыя мнѣ случилось сказать ему въ минуты досады; и я могла бы подать ему хоть ложку супу до тѣхъ поръ, пока онъ въ состояніи былъ бы глотать. А то умеръ въ студеной водѣ, такъ близко отъ насъ, а мы ничего и не знали! А я сплю себя, какъ будто онъ мнѣ не близкій, а чужой какой-нибудь, пришлый нивѣсть откуда.

Тутъ Лизбета снова принялась плакать и качаться, а Дина сказала:

— Да, другъ мой, ваше горе велико. Безчувственно было бы то сердце, которое не содрогнулось бы отъ испытанія, возложеннаго на васъ. Богъ послалъ меня къ вамъ не для того, чтобъ умалить ваше несчастіе, но для того, чтобы плакать вмѣстѣ съ вами, если вы позволите. Еслибъ у васъ былъ накрытъ столъ для пира, и вы веселились бы съ друзьями, вѣдь вы позволили бы мнѣ придти и сѣсть и веселиться съ вами; вы подумали бы, что мнѣ пріятно раздѣлить съ вами это веселіе. Но мнѣ пріятнѣе дѣлать съ вами

горе и трудъ, и мнѣ покажется гораздо тяжелѣ, если вы мнѣ откажете въ этомъ. Не правда ли, вѣдь вы не отошлете меня домой? Вы не сердитесь на меня за то, что я пришла?

— Нѣтъ, нѣтъ! Сердиться! Кто сказалъ, что я сержусь? Съ вашей стороны это очень хорошо, что вы пришли. Ну, Сеть, что жъ вы не подаете ей чаю? вы такъ торопились наливать мнѣ, когда онъ не нуженъ, а не подумаете налить для того, кого слѣдуетъ поподчивать. Садитесь, садитесь. Благодарю васъ за то, что вы пришли меня навѣстить. Вѣдь мало вамъ прибудеть отъ того что вы притащились по мокрымъ полямъ, чтобъ увидать такую старуху, какъ я... Да, у меня нѣтъ дочери; никогда не было. Да я и не тужу о томъ; дѣвки бѣдныя, жалкія созданія. Я всегда желала имѣть сыновей, тѣ сами за себя постолятъ. А вотъ парни вздумаютъ жениться, такъ будетъ у меня довольно дочерей— больше чѣмъ нужно. А ну-ка, заправьте сами себѣ чаю, какъ вы любите; у меня нынче и вкусъ пропалъ; мнѣ все равно, что ни глотать,—все горькимъ покажется.

Дина не стала говорить, что уже пила чай, но приняла предложеніе Лизбеты съ полною готовностію, чтобы при этомъ случаѣ уговорить старуху съѣсть что-нибудь и выпить, въ чемъ она такъ нуждалась послѣ дня, проведеннаго въ постѣ и тяжелой работѣ.

Сеть такъ былъ радъ присутствію Дины въ ихъ домѣ, что это счастье, казалось ему, не слишкомъ дорого было бы куплено цѣною цѣлой жизни, въ которой печаль смѣнялась печалью. Но въ ту же минуту совѣсть стала упрекать его въ этомъ чувствѣ: это было почти то же, что радоваться смерти отца. Несмотря на это, удовольствіе быть вмѣстѣ съ Динной брало верхъ; это ощущеніе было подобно вліянію погоды, котораго никакое сопротивленіе побѣдить не въ состояніи. Оно даже отразилось на его лицѣ такъ рѣзко, что привлекло вниманіе матери, пившей въ это время чай.

— Хорошо тебѣ говорить, что горе полезная вещь, Сеть; тебѣ оно ни почемъ. Посмотрѣть на тебя, такъ подумаешь, что ты не знаешь заботы и печали; ты словно дитя, лежащее въ колыбели съ открытыми глазами. Когда ты былъ ребенкомъ, ты любилъ лежать смирно, проснувшись; а вотъ Адамъ, такъ того ни за что бывало не удержишь въ постели; ты всегда былъ похожъ на мѣшокъ съ мукою, какъ ни брось, все не расшибется; весь въ покойнаго отца, коли ужъ говорить правду. Да и вы точно такую же смотрите, сказала Лизбета, обращаясь къ Динѣ.—Я полагаю это отъ того, что вы методистка. Я вѣдь не въ осужденіе вамъ говорю это; что жъ, коль вы отъ природы не имѣете склонности тревожиться; а иногда такъ и вы то же смотрите печально. Эхъ! коли методисты такъ любятъ горе, и умѣютъ съ нимъ бо-

ротъся, жаль, что они не могутъ взять его всего на себя и освободить отъ него тѣхъ, кто его не любитъ. Я съ своей стороны передала бы вамъ множество горя: когда былъ живъ мой старикъ, я мучилась съ утра до ночи; а теперь, когда его нѣтъ, рада была бы воротить и прошлое.

— Да, сказала Дина, остерегаюсь, какъ бы не оскорбить противорѣчіемъ какое-нибудь чувство старухи; увѣренность, что малѣйшими ея словами и поступками управляетъ сила свыше, проявлялась въ ней въ тончайшемъ женственномъ тактѣ, простекавшемъ отъ живаго и дѣятельнаго сочувствія:—да, я помню также, когда умерла моя добрая тетушка, мнѣ было жаль среди тишины, которая сдѣлалась въ домѣ послѣ ея смерти, даже звуковъ ея тяжелаго ночнаго кашля. Но теперь, другъ мой, выпейте другую чашку и покушайте еще немножко.

— А что, сказала Лизбета, принимая чашку изъ ея рукъ и говоря уже не столь жалобнымъ тономъ:—развѣ у васъ не было отца и матери, что вы такъ тосковали по теткѣ?

— Нѣтъ, я не знала ни отца, ни матери. Тетушка воспитала меня съ самаго дѣтства. У ней не было своихъ дѣтей, потому что она никогда не была замужемъ, и она пеклась обо мнѣ такъ же нѣжно, какъ о своемъ родномъ дѣтищѣ.

— Да, признаюсь, это не бездѣлица. Возрастить дѣвочку, съ самыхъ пеленокъ, да еще одинокой женщиной, это все равно, что выкормить изъ рукъ агненка. Но мнѣ сдается, вы не были никогда блаженнымъ ребенкомъ, по вашему виду подумаешь, что вы никогда въ жизни не сердились. Но что же вы стали дѣлать по смерти тетки и почему не перешли жить въ нашу сторону, такъ какъ мистрисъ Пойзеръ такая же родная вамъ тетка?

Дина, видя, что успѣла возбудить вниманіе Лизбеты, рассказала ей всю исторію своей ранней молодости, и какъ ее приучали трудиться, и что за мѣсто Снофильдъ, и какъ тамъ много нуждающихся, и множество другихъ подробностей, которыя могли бы заинтересовать Лизбету. Старуха слушала и забывала тосковать, бессознательно поддаваясь успокоительному вліянію лица и голоса Дины. Немного погодя, она согласилась на то, чтобъ Дина убрала кухню. Дина настаивала на этомъ, въ той надеждѣ, что зрѣлище порядка и спокойствія скорѣе всего расположитъ Лизбету присоединиться къ молитвѣ, которую она пламенно желала вознести вмѣстѣ съ нею. Между тѣмъ, Сетъ вышелъ наколоть дровъ; онъ понималъ, что Дина пожелаетъ остаться наединѣ съ его матерью.

Лизбета сидѣла, слѣдя глазами за дѣвушкой, которая двигалась по комнатѣ, не суетливо, но быстро приводя ее въ порядокъ и наконецъ сказала:

— Вы мастерица прибирать комнаты. Я бы не побоялась имѣть

вась снохой; ужъ вы навѣрное не растратили бы сыновняго жалованья на тряпки и пустыя затѣи. Вы не похожи на здѣшнихъ дѣвокъ. Видно въ Сноу-вильдѣ люди другіе, чѣмъ у насъ.

— Они ведутъ другую жизнь, отвѣчала Дина. — Они занимаются разными работами, по окрестнымъ деревнямъ, кто на фабрикѣ, кто въ рудникахъ. Но сердце человека вездѣ одно и то же. И здѣсь есть дѣти міра и дѣти свѣта, но тамъ больше методистовъ, чѣмъ здѣсь.

— Та-а-къ. А я и не знала, что методистки похожи на васъ. Вотъ здѣсь есть жена Вилля Маскри, — тоже, говорятъ, методистка; такъ на нее и взглянуть противно. Настоящая жаба. Да вотъ что: кабы вы остались здѣсь ночевать? Мнѣ пріятно было бы видѣть васъ здѣсь завтра утромъ. Но, можетъ-быть, васъ ждутъ у мистрисъ Пойзеръ?

— Нѣтъ, сказала Дина, — меня не ждутъ, и я охотно останусь, если вы желаете.

— Ну, вотъ такъ спасибо; здѣсь мѣста довольно. Моя постель въ маленькой комнатѣ надъ кухней, и вы ляжете со мною. Я рада буду видѣть васъ возлѣ себя и поговорить съ вами ночью. Есть у меня привычка болтать, а васъ слушать люблю: голосъ у васъ словно такой, какъ у ласточекъ, что свили гнѣздо подъ кровлей, запрошлымъ лѣтомъ, когда тѣ, бывало, начнутъ щебетать по утрамъ, сперва такъ тихо и нѣжно. Ахъ! старикъ-то куда любилъ ихъ! И Адамъ также! только онѣ не прилетали въ нынѣшнемъ году. Быть-можетъ, тоже померли.

— Ну, сказала Дина, — вотъ кухня и выметена. А теперь, милая матушка, — вѣдь вы знаете, я ваша дочь на нынѣшній день, — мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы умылись и надѣли чистый чепчикъ. Помните ли, что сдѣлалъ Давидъ, когда Богъ отнялъ у него сына? Пока ребенокъ былъ живъ, онъ постился и молилъ Бога пощадить его, и не хотѣлъ ни пить, ни ѣсть, и всю ночь пролежалъ на землѣ, умоляя Бога оставить ему ребенка. Но когда онъ узналъ, что сынъ его умеръ, то всталъ, умылся и помазался, и переѣмилъ платье, и пилъ и ѣлъ. И когда его спрашивали, какъ это сдѣлалось, что онъ пересталъ печалиться, когда ребенокъ умеръ, онъ отвѣчалъ: «Когда ребенокъ былъ живъ, я постился и плакалъ, ибо я говорилъ: кто знаетъ, быть-можетъ, Господь и помируетъ меня, и ребенокъ будетъ живъ. Но теперь онъ умеръ, зачѣмъ же мнѣ поститься? Могу ли я его воскресить? Я пойду къ нему, но онъ ужъ ко мнѣ не воротится.»

— О! вотъ истинное-то слово, сказала Лизбета. — Да, да! мой старикъ ужъ ко мнѣ не воротится, но я пойду къ нему, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Хорошо, дѣлайте со мною, какъ знаете. Вотъ, здѣсь, въ шапу, чистый чепчикъ, а я пойду въ чуланъ и умоюсь.

Сеть, принеси новую Библию Адама съ картинками, она прочтетъ намъ главу. О! куда мнѣ полюбилось это слово: «Я пойду къ нему, а онъ ужь ко мнѣ не воротится.»

Дина и Сеть внутренно благодарили Бога за успокоеніе, которое замѣтно было въ Лизбетъ. Этого-то и старалась достигнуть Дина своимъ тихимъ сочувствіемъ и отсутствіемъ всякихъ увѣщаній. Съ самаго дѣтства и до тѣхъ поръ, она не переставала обращаться съ больными и огорченными, съ душами ожесточенными бѣдностію и огрубѣвшими въ невѣжествѣ, и приобрѣла тончайшее чутье въ томъ, какимъ образомъ ихъ можно было лучше всего тронуть и успокоить, и довести до готовности принять слова духовнаго утѣшенія и увѣщанія. Какъ говорила сама о себѣ Дина, она никогда не была предоставлена своимъ собственнымъ силамъ, но ей всегда указывалось свыше, когда молчать и когда говорить. И кто изъ насъ усумнится назвать вдохновеніемъ быструю мысль и благородный порывъ? Послѣ самаго тончайшаго разбора нашихъ умственныхъ процессовъ, мы все-таки должны сознаться съ Диною, что самыя возвышенныя помышленія и лучшіе поступки внушены намъ свыше.

Такимъ образомъ, въ этотъ самый вечеръ, усердная молитва, вѣра, любовь и надежда, воцарились въ скромной комнаткѣ. Бѣдная, старая, раздражительная Лизбета, не отдавая себѣ отчета ни въ одной ясной мысли, не перешедши путемъ религіозныхъ сомнѣній, почувствовала неопредѣленное, смутное сознаніе, той любви, той благодати и мудрости, которая заключена и скрыта во всѣхъ горестяхъ нашей жизни. Она еще не понимала значенія горя. Но она чувствовала, хотя на время, подъ тихимъ вліяніемъ Дины, что должно покориться и терпѣть.

ГЛАВА XI.

Въ хижинѣ.

На слѣдующее утро, уже въ половину пятого, Динѣ надоѣло лежать безъ сна, слушать пѣнье птицъ и слѣдить за возрастающимъ свѣтомъ сквозь маленькое слуховое окошко. Она встала и принялась одѣваться очень тихо, чтобы не беспокоить Лизбету. Но кромѣ нея въ домѣ былъ уже на ногахъ еще кто-то и сошелъ внизъ, предшествуемый Джайпомъ. Легкій стукъ отъ шаговъ собаки былъ вѣрнымъ признакомъ, что по лѣстницѣ идетъ Адамъ; но Дина не знала

этого: ей казалось болѣе вѣроятнымъ, что это Сеть, который говорилъ ей наканунѣ, что Адамъ проработаетъ напролетъ всю предыдущую ночь. Сеть между тѣмъ пресмулся только отъ стука отворяющейся двери. Душевное напряженіе предыдущаго дня, еще усиленное подъ вечеръ неожиданнымъ появленіемъ Дины, не было въ немъ уравновѣшено физическою усталостью, потому что онъ въ этотъ день не столько работалъ, сколько въ другіе дни. По этому когда онъ легъ въ постель, онъ нѣсколько часовъ томился тревожною бессонницей, прежде чѣмъ впалъ въ дремоту, за которою послѣдовалъ утренній, болѣе обыкновеннаго тяжелый сонъ. Но Адамъ, освѣженный продолжительнымъ отдыхомъ и, какъ всегда, не выносящій бездѣйствія, горько нетерпѣніемъ мачать новый день и побѣдить свою грусть сильною волей и сильнымъ трудомъ. Бѣлый туманъ лежалъ на долинѣ, день обѣщалъ быть свѣтлымъ и теплымъ, и Адамъ послѣ завтрака хотѣлъ отправиться на работу.

— Человѣкъ все можетъ перенести, куда можетъ работать, говорилъ онъ самъ себѣ.— Сущность вещей не измѣняется, хотя и кажется, что жизнь состоитъ изъ однихъ измѣненій. Что квадратъ отъ четырехъ шестнадцать, что рычагъ должно удлинять соразмѣрно тяжести, это также несомнѣнно и въ счастіи, какъ и въ несчастіи. То-то и хорошо въ работѣ, что она привязываетъ насъ къ вещамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ нашею собственною участію.

Окативъ голову и лицо холодною водою, онъ снова почувствовалъ всю свою силу, и черные глаза его были свѣтлы по прежнему, и густые, черные волосы блестѣли отъ свѣжей влаги, когда онъ вошелъ въ мастерскую, чтобы выбрать лѣсъ для гроба отца. Онъ хотѣлъ съ Сетомъ отнести этотъ лѣсъ къ Ионатану Борджу и заказать гробъ одному изъ тамошнихъ работниковъ, чтобы мать не слышала у себя въ домѣ шума печальной работы.

Онъ только что вошелъ въ мастерскую, какъ его чуткое ухо уловило легкій, быстрый шагъ на лѣстницѣ, ужь конечно не шагъ его матери. Онъ уже спалъ, когда Дина пришла наканунѣ, и теперь никакъ не могъ догадаться, чей бы это могъ быть шагъ. Безразсудная мысль пришла ему въ голову и сильно взволновала его. Неужели это Гетти? Не было ли малѣйшей вѣроятности, чтобы она была въ ихъ домѣ, а однакожь ему не хотѣлось пойти посмотреть и убѣдиться, что это не она. Онъ стоялъ, опершись на доску, за которую взялся, прислушивался къ этимъ звукамъ, которые такъ пріятно дразнили его воображеніе, и по умному, мужественному лицу его разлилась робкая нѣжность. Легкіе шаги стали кружиться около кухни, сопровождаемые осторожнымъ стукомъ метущей щетки и прожвоя не болѣе

шума, чѣмъ тихій вѣтерокъ, когда онъ гонитъ осенніе листы по пыльной дорогѣ. И воображенію Адама представлялось маленькое личико съ темными, свѣтящимися глазами, и нлутовская улыбка, и взглядъ, обращенный назадъ на щетку, и полный станъ нѣсколько наклоненный надъ ручкой. Безразсудныя мечты; это не могла быть Гетти; но единственное средство выгнать изъ головы такія мечты было пойти и посмотреть, кто тамъ въ самомъ дѣлѣ, потому что воображеніе его все болѣе разыгрывалось, покуда онъ стоялъ, прислушиваясь. Онъ оставилъ доску и пошелъ къ двери въ кухню.

— Здравствуйте, Адамъ Бидъ! сказала Дина своимъ спокойнымъ, звучнымъ голосомъ, переставая мести и останавливая на немъ свои кроткіе, серьезные глаза.—Надѣюсь, что вы довольно отдохнули и укрѣпились, чтобы перенести жару и труды нынѣшняго дня.

Адаму грезилось солнце, а проснулся онъ въ лунномъ свѣтѣ. Адамъ нѣсколько разъ видалъ Динну, но всегда въ господской фермѣ, гдѣ онъ не слишкомъ замѣчалъ присутствіе кого бы то ни было, кромѣ Гетти; только дня за два тому назадъ началъ онъ подозрѣвать, что Сеть влюбленъ въ нее, такъ что до этого времени его вниманіе не было обращено на нее и ради брата. Но теперь ея стройный станъ, ея простое черное платье, ея блѣдное, спокойное лицо поразили его со всею силой, которая принадлежитъ дѣйствительности, вдругъ смѣняющей грезы нашего воображенія. Минуты двѣ онъ не отвѣчалъ, а смотрѣлъ на нее сосредоточеннымъ, испытующимъ взглядомъ, какимъ человѣкъ глядитъ на предметъ, начинающій вдругъ интересоваться его. Дина въ первый разъ въ жизни почувствовала тревожное самосознаніе; въ темномъ, пронизательномъ взглядѣ этого сильнаго человѣка было что-то вовсе не похожее на кротость и робость брата его Сета. На лицѣ ея выступила краска, и усилилась отъ сознанія, что она покраснѣла. Это заставило Адама опомниться.

— Я былъ совершенно удивленъ, увидѣвъ васъ; вы очень добры, что пришли навѣстить мою мать въ ея горѣ, сказалъ онъ кроткимъ, благодарнымъ голосомъ, потому что онъ съ своею обыкновенною смѣтливостью тотчасъ догадался, почему она тутъ.—Я увѣренъ, что мать была очень рада вашему посѣщенію, прибавилъ онъ, спрашивая себя съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, какъ приняли Динну.

— Да, отвѣчала Дина, снова принимаясь за свою работу,—она, кажется, нѣсколько успокоилась и ночью нѣсколько разъ заснула. Когда я ушла отъ нея, она спала крѣпкимъ сномъ.

— Кто принесъ извѣстіе о смерти отца въ господскую ферму? сказалъ Адамъ, котораго мысли возвратились опять къ Гетти.

Онъ спрашивалъ себя, подѣйствовало ли сколько-нибудь на нее это извѣстіе.

— Мнѣ сказалъ Мистеръ Ирвингъ, священникъ; и тетушка моя, услышавъ объ этомъ, была огорчена за вашу мать и хотѣла, чтобъ я пришла сюда; и дядюшка, я увѣрена, тоже огорченъ, но вчера онъ былъ цѣлый день въ Россетерѣ. Они ждутъ васъ, какъ только у васъ будетъ время; въ этомъ домѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы не былъ радъ васъ видѣть.

Дина чутьемъ сердца угадала, что Адаму до смерти хотѣлось узнать, сказала ли Гетти что-нибудь объ ихъ горѣ; она была самымъ строго добросовѣстна, и не могла позволить себѣ даже благонамѣренный вымыселъ, но она сумѣла найти такія выраженія, которыя могли относиться и къ Гетти. Любовь умѣетъ обманывать сама себя, какъ ребенокъ, который играетъ одинъ въ попрытки; ее радуютъ увѣренія, которымъ она сама не вѣритъ. Адаму такъ понравились слова Дины, что воображеніе его тотчасъ же занялось будущимъ посѣщеніемъ господской фермы; можетъ-быть теперь, думалъ онъ, Гетти будетъ ласковѣе ко мнѣ, чѣмъ когда-либо прежде.

— Но вы сами тамъ не останетесь? спросилъ онъ Дину.

— Нѣтъ, я возвращаюсь въ Сноффилдъ въ субботу, и мнѣ нужно будетъ рано отправиться въ Тредльстонъ, чтобы захватить окбурнскаго извозчика. Поэтому мнѣ надобно вернуться въ ферму сегодня къ ночи, чтобы провести послѣдній день съ тетушкой и ея дѣтьми. Но я могу пробыть здѣсь до вечера, если ваша мать согласится; а она, кажется, была хорошо расположена ко мнѣ вчера.

— О! въ такомъ случаѣ она навѣрное захочетъ, чтобы вы остались. Если матушкѣ кто понравится съ перваго раза, того она навѣрное полюбитъ; но она почему-то не жалуется молодымъ женщинамъ, хотя, конечно, продолжалъ Адамъ улыбаясь, — ея немилость къ другимъ молодымъ женщинамъ еще не есть причина, чтобъ она не полюбила васъ.

До сихъ поръ Джайпъ присутствовалъ при этомъ разговорѣ въ неподвижномъ молчаніи, сидя на заднихъ лапахъ, попеременно глядя на лицо своего хозяина, чтобы подмѣтить его выраженіе, и слѣдя за движеніями Дины по кухнѣ.

Добрая улыбка, съ которою Адамъ произнесъ послѣднія слова, повидимому разрѣшила всѣ сомнѣнія Джайпа, на счетъ точки зрѣнія, съ которой слѣдуетъ ему смотрѣть на незнакомку, и когда она обернулась, поставивъ щетку въ уголь, онъ подбѣжалъ къ ней и ласково приложилъ свою морду къ ея рукѣ.

— Видите, Джайпъ привѣтствуетъ васъ, сказалъ Адамъ, — а онъ вообще не охотникъ до новыхъ знакомствъ.

— Вѣдая собака! сказала Дина, глядя мохнатую, сѣрую шерсть Джайпа,— у меня есть странное чувство къ этимъ безсловеснымъ тварямъ: мнѣ все кажется, что онѣ хотятъ говорить и мучатся тѣмъ, что не могутъ. Я не могу безъ жалости глядѣть на собакъ, хотя можетъ-быть и нечего ихъ жалѣть. Но можетъ-быть въ нихъ есть много такого, чего онѣ не въ состояніи выразить; вѣдь и мы не можемъ высказать словами и половинами того, что чувствуемъ.

Тутъ сошелъ Сетъ и обрадовался, найдя Адама въ разговорѣ съ Диною. Ему хотѣлось, чтобъ Адамъ убѣдился, до какой степени она лучше всѣхъ другихъ женщинъ. Но послѣ первыхъ привѣтствій, Адамъ увелъ его въ мастерскую, чтобы посоветоваться съ нимъ о гробѣ, а Дина продолжала чистить кухню.

Часовъ въ шесть они сѣдѣли за завтракомъ съ Лизбетой въ кухнѣ, выметенной такъ чисто, что сама Лизбета не чище бы вымела ее. Окно и дверь были отворены, и утренній воздухъ приносилъ съ собою смѣшанное благоуханіе божьего дерева, тиміана и шиповника изъ маленькаго садика, прилегающаго къ хижины. Дина сначала не сѣлась, а ходила взадъ и впередъ, подавая другимъ теплую кашу и и поджаренный крупяникъ, которые она тщательно изготовила, сперва подробно выѣдавъ у Сета, что мать обыкновенно готовить къ завтраку. Лизбета была необыкновенно молчалива съ тѣхъ поръ, какъ сошла внизъ; ей вѣроятно нужно было некоторое время, чтобы приладиться къ такому порядку вещей, гдѣ она выходила изъ своей спальни какъ госпожа, находила всю работу сдѣланною и могла сѣдѣть спокойно, пока другіе служили ей. Это новое ощущеніе, казалось, вытѣсняло изъ ея души сознаніе горя. Наконецъ, отвѣдавъ каши, она прервала молчаніе.

— Каша могла бы быть и хуже, сказала она Динѣ,— я могу ѣсть ее безъ отвращенія. Не худо бъ ей быть капельку погуще, и я всегда кладу въ нее немножко мѣты, но какъ вамъ было знать это? Дѣти едвали найдутъ кого-нибудь, кто бъ имъ сварилъ такую кашу какъ я; еще слава Богу, если они найдутъ кого-нибудь, кто сваритъ имъ хоть какую-нибудь кашу. Но вы бы могли выучиться, еслибы вамъ показать; вы съ утра ранняго за дѣломъ и нога у васъ легкая такая, и домъ изрядно вычистили на скорую руку.

— На скорую руку, матушка? сказалъ Адамъ.— Да мнѣ кажется, что домъ прибранъ удивительно. Я не знаю, какъ еще лучше можно прибрать его.

— Ты не знаешь. Да и какъ тебѣ знать? Мужчины никогда не замѣчаютъ, выметенъ ли полъ, или нѣтъ. Но ты замѣтишь, когда тебѣ подадутъ подгорѣлую кашу, а ужъ безъ этого не

обойдется, когда не я буду присматривать за кухней. Тогда ты скажешь, что мать двою на что-нибудь да была годна.

— Дина, сказала Сеть, садитесь же теперь, и прошу васъ позавтракайте. Вы намъ уже все подали.

— Да, садитесь-ка, садитесь, сказала Лизбета, и омушайте му-сочекъ. Вы ужъ подтора часа на ногахъ, и чай проголодались. Кушайте же, прибавила она жалобнымъ тономъ, когда Дина села подлѣ нея. — Мнѣ жаль будетъ, когда вы уйдете, но вамъ, я думаю, нельзя долго оставаться. Я бы съ вами ужилась лучше, чѣмъ со многими другими.

— Я останусь до вечера, если вамъ угодно, сказала Дина, — я осталась бы долѣ, но мнѣ надо въ субботу отпраляться въ Сноу-илдъ, а завтрашній день я должна провести съ теткой.

— Ну ужъ я бы ни за что не вернулась туда. Мой старикъ былъ изъ Стонншира, но онъ оставилъ эту сторону, какъ былъ еще молоды, и хорошо сдѣлалъ. Онъ говорилъ, что тамъ вовсе нѣтъ лѣса, такъ какъ же тамъ жить плотнику?

— Да, сказалъ Адамъ, — я помню, какъ отецъ говорилъ мнѣ, когда я былъ еще мальчикомъ, что еслибы пришлое переселиться, онъ отпрайдся бы на югъ. Но я не знаю, было бы ли это по мнѣ. Бартедь Мадси говоритъ, а онъ знаетъ югъ, что сѣверные жители породистѣ южныхъ, и умнѣе, и сильнѣе, и большъ ростомъ. И потомъ онъ говоритъ лажно, что вѣжкоерма изъ тѣхъ странъ такъ плоски, какъ ладони, и ничего не видно издали, если не влѣтъ на дерево. Я не могъ бы тамъ жить. Люблю я идти на работу по такой дорогѣ, что идти съ горки на горку, и чтобы мнѣ видны были поля на нѣсколько миль въ окружности, а за ними или мостъ какой, или городъ, или колокольня. Идешь себѣ и думаешь, что земля-то не клиномъ сошлась, и что, вотъ-могъ, тамъ есть и кромѣ насъ люди, работающіе руками и головой.

— Я такъ люблю смотрѣть на горы, сказалъ Сеть, — когда облака нависнутъ низко-пренизко, а вдали свѣтитъ солнце надъ дорогой въ Лоуфордъ. Я часто видалъ это во время непогоды: тогда мнѣ кажется, что тамъ-то небеса, вѣчно полныя радостей и сіянія, межъ тѣмъ какъ наша жизнь проходитъ въ мракѣ и печали.

— О, я люблю свой Стоннширъ, сказала Дина: — я не хотѣла бы смотрѣть на страны, гдѣ великъ урожай и обилонъ скотъ, гдѣ почва такъ плоска и ходить по ней такъ легко; не хотѣлось бы мнѣ оставить горы, гдѣ бѣдный народъ живетъ такою трудною жизнїю, гдѣ люди проводятъ дни въ рудникахъ, вдали отъ солнечнаго свѣта. Отраднo въ туманные и холодные дни, когда надъ горами висятъ темныя облака, сознавать въ своей душѣ любовь къ Богу и нести ее въ одинокія, убогія каменныя хижинны, гдѣ ничто иное не дастъ утѣшенія.

— Хорошо вамъ разсуждать, сказала Лизбета, — сами-то вы похожи на цвѣтокъ, который живетъ каплей росы и лучомъ солнца, но голодному народу лучше бы оставить голодную страну. А ты, продолжала она, обращаясь къ Адаму, — что вздумалъ ты говорить о томъ, какъ бы уйти на сѣверъ или на югъ? Хочется тебѣ развѣ оставить прахъ отца и матери и жить въ странѣ, которой они не знаютъ? Да я и въ могилѣ-то не буду знать покоя, если ты не будешь приходить на кладбище всякое воскресенье.

— Не безпокойтесь, матушка, сказалъ Адамъ, — еслибъ я не рѣшился оставаться здѣсь, я ушелъ бы уже давно.

Онъ уже окончилъ свой завтракъ, и, говоря это, всталъ съ своего мѣста.

— Что ты будешь дѣлать, спросила Лизбета, — примешься ли за гробъ отца, что-ли?

— Нѣтъ, матушка, сказалъ Адамъ: — мы отнесемъ дѣсь въ деревню и тамъ закажемъ гробъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! закричала Лизбета жалобнымъ голосомъ: — видишь, что вздумалъ, чтобъ кто другой, а не ты, сдѣлалъ гробъ отцу? Онъ знаетъ толкъ въ хорошей работѣ, и не даромъ у него сынъ такой ловкій, что заткнетъ за поясъ всю деревню и весь Тредльстонъ.

— Хорошо, матушка, какъ хочешь: я сколочу гробъ дома; но я думалъ, что тебѣ будетъ тяжело слышать стукъ этой работы.

— Да отчего же будетъ мнѣ это тяжело? Развѣ не дѣло ли будешь дѣлать? Да и что же въ томъ, тяжело ли мнѣ, легко ли? Въ жизни-то только и есть, что горе тяжкое, такъ гдѣ же тутъ разбирать? Все равно тотъ ли, другой ли кусокъ съѣсть, когда вкусу нѣтъ во рту. Ты тотчасъ же примись за работу. Я не хочу, чтобы кто-нибудь, кромѣ тебя, прикоснулся къ его гробу.

Адамъ взглянулъ на Сета, который задумчиво смотрѣлъ то на Дину, то на него.

— Нѣтъ, матушка, сказалъ онъ. — Я на это не согласенъ. Если ужъ дѣлать гробъ дома, такъ пусть Сеть поможетъ мнѣ. Я передъ обѣдомъ схожу въ деревню, потому что мистеру Борджу нужно повидаться со мной, а Сеть останется дома и начнетъ работу. Я возвращусь въ полдень и тогда смѣню его.

— Нѣтъ, нѣтъ, настаивала Лизбета и принялась плакать, — ужъ я рѣшила, что ты одинъ сколотишь гробъ отцу. Какой ты упрямый и своевольный, ни за что вѣдь не сдѣлаешь того, чего мать желаетъ. Ты часто ропталъ на отца, когда онъ былъ живъ, такъ теперь по крайней мѣрѣ, когда онъ умеръ, угоди ему. Онъ и не посмотрѣлъ бы на гробъ Сетовой работы.

— Молчи, Адамъ, молчи, сказалъ Сеть тихимъ голосомъ, въ которомъ слышалось, какихъ усилій стоили ему эти слова. — Мать права. Я пойду на работу, а ты останься дома.

Онъ тотчасъ же ушелъ въ мастерскую, и Адамъ послѣдовалъ за нимъ. Лизбета машинально, покоряясь привычкѣ, стала убирать завтракъ, какъ будто не желая долѣе уступать своего мѣста Динѣ. Дина ничего не сказала, но воспользовалась первымъ случаемъ и спокойно послѣдовала за братьями въ мастерскую.

Они уже надѣли свои фартуки и бумажные колпаки, и Адамъ стоялъ, положивъ лѣвую руку на плечо Сета, а правой, державшей молотокъ, указывалъ на доски, на которыя оба они смотрѣли. Ихъ спины были повернуты къ двери, и Дина вошла такъ тихо, что они замѣтили ея присутствіе только тогда, когда она сказала:

— Сеть Видъ! Сеть вздрогнулъ, и они оба повернулись къ ней. Дина какъ будто не замѣчала Адама и, устремивъ глаза на Сета, сказала съ добродушнымъ спокойствіемъ:

— Мнѣ не хотѣлось бы еще проститься съ вами. Я увижу васъ, когда вы вернетесь съ работы. Если только я засвѣтло поспѣю на ферму, такъ еще будетъ не слишкомъ поздно.

— Благодарю васъ, Дина. Мнѣ было бы пріятно хоть еще разъ проводить васъ до дому. Это можетъ-быть въ послѣдній разъ.

Голосъ Сета слегка дрожалъ. Дина протянула ему руку и сказала:

— Сегодня у васъ будетъ свѣтло на душѣ, Сеть, за то, что вы были такъ нѣжны и терпѣливы съ вашею старою матерью.

Она повернулась и вышла изъ мастерской такъ же быстро и спокойно, какъ вошла. Адамъ все время пристально смотрѣлъ на нее, но она ни разу не взглянула на него. Какъ скоро она вышла, онъ сказалъ:

— Я не удивляюсь, что ты влюбленъ въ нее, Сеть. У нея лицо, словно лилія.

Вся душа Сета прихлынула къ его устамъ: онъ до тѣхъ поръ никогда еще не повѣрялъ своей тайны Адаму, но почувствовалъ чудное облегченіе, когда сказалъ ему:

— Ахъ, Ади, я люблю ее, и, кажется, слишкомъ сильно. Но она любить меня только, по скольку Богъ велитъ любить своего ближняго. Она никогда не будетъ любить никого, какъ мужа: это мое твердое убѣжденіе.

— Полно, братъ, съ чего ты это взялъ? ободрись. Она не чета бѣльшей части другихъ женщинъ, это я вижу ясно, но если она и лучше ихъ въ многихъ отношеніяхъ, я не думаю, что когда дѣло дойдетъ до любви, она поступитъ иначе, чѣмъ онѣ.

Больше ничего не было сказано. Сеть отправился въ деревню, а Адамъ началъ свою работу.

— Помогни ему Богъ и мнѣ тоже, подумалъ онъ, подымая доску.

— Жизнь не легко намъ дается; и дома-то тяжело, и въ людяхъ-то не весело. Странно подумать, что иной мужчина подниметь зубами стулъ, или пройдетъ пятьдесятъ миль не отдыхая, а между тѣмъ дрожить, краснѣть и блѣднѣть при взглядѣ только одной женщины во всемъ мѣрѣ. Эту тайну мы не можемъ объяснить, какъ не можемъ объяснить прозябенія зерна.

ГЛАВА XII.

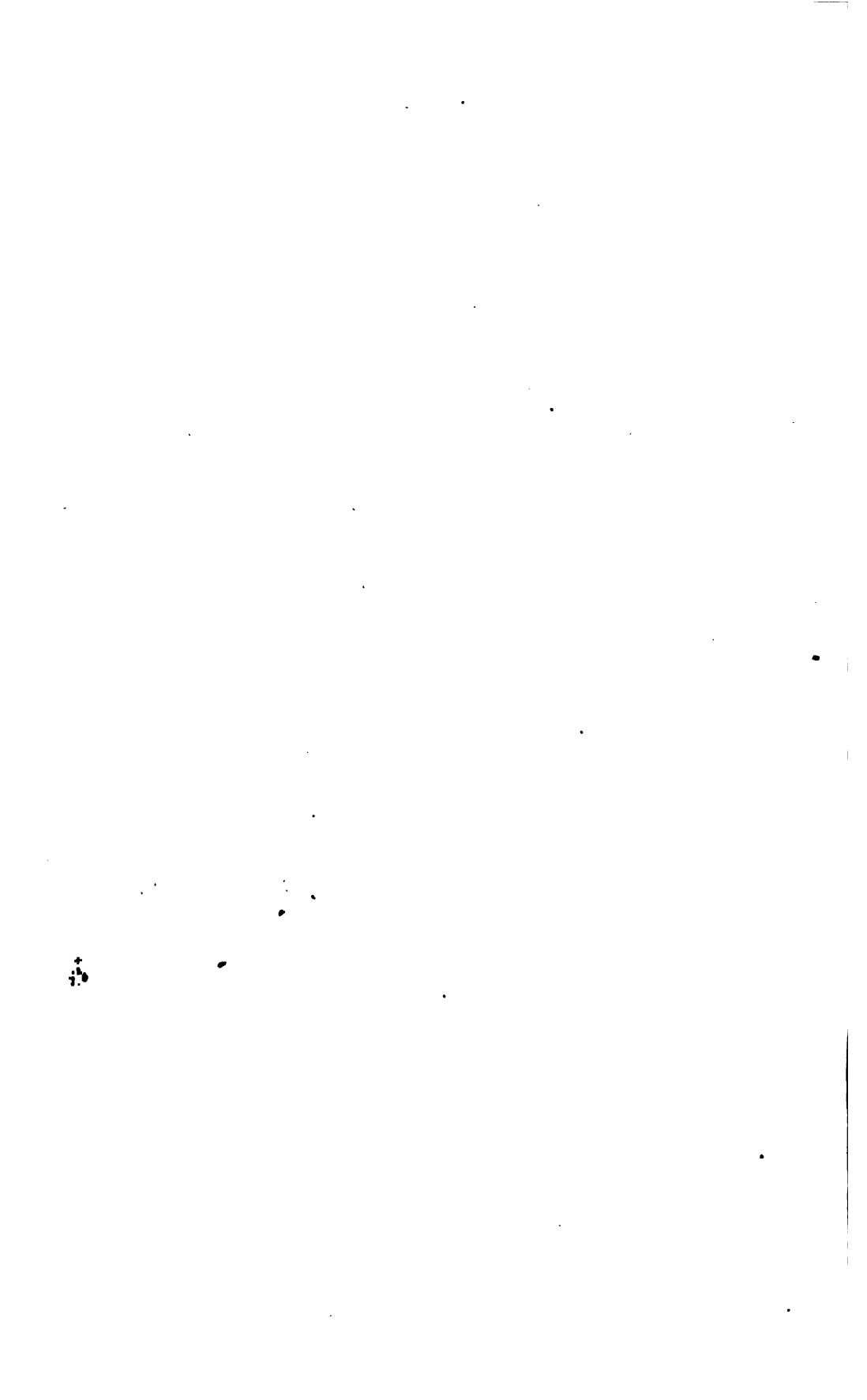

Въ лѣсу.

Въ этотъ же самый четвергъ, утромъ, Артуръ Донинторъ прохаживалъ въ своей уборной, мимо старомодныхъ зеркалъ, отражавшихъ его красивую британскую наружность, и созерцаемый съ мрачныхъ, оливковаго цвѣта, обоевъ дочерью Фарона и ея прислужницами, которымъ, по настоящему, слѣдовало заниматься младенцемъ Моисеемъ, вступилъ самъ съ собою въ споръ, который, въ то время, какъ камердинеръ повязывалъ ему черезъ плечо бѣлый, шелковый шарфъ, перешелъ въ ясное, положительное намѣреніе.

— Я думаю съѣздить въ Игльдель, пожить тамъ съ недѣлю, болѣе или менѣе, и половить рыбу, сказалъ онъ громко.— Я возьму васъ съ собою, Пимъ, и выѣду сегодня же утромъ; такъ будьте готовы къ половинѣ двѣнадцатаго.

Тутъ тихій свистъ, который помогалъ ему при достиженіи такой рѣшимости, превратился въ самое громкое и звонкое пѣніе, и стѣны коридора, по которому онъ шелъ торопливо, вторили его любимой аріи изъ оперы «Нищій»: *Когда сердце наше удручено мечалю*. Не геройская пѣсня, скажете вы; не взирая на это, Артуръ, спѣша большими шагами къ конюшнѣ распорядиться насчетъ лошадей, считалъ себя не послѣднимъ героемъ. Собственное одобреніе было ему необходимо и не такое одобреніе, которое досталось бы ему даромъ; нѣтъ, оно должно было служить наградой за значительное количество подвиговъ и добродѣтелей. Онъ еще никогда не былъ преступникомъ противъ этого одобренія и питалъ порядочную вѣру въ свои доблести. Ни одинъ молодой человекъ не сознавался въ своихъ заблужденіяхъ съ такимъ чистосердечіемъ какъ Артуръ; чистосердечіе было одною изъ его любимыхъ добродѣтелей; а какимъ образомъ можетъ выказаться наше чистосердечіе въ полномъ блескѣ, если не тогда,

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

Экономическая корреспонденція. I—IV. ГУСТАВА де-МОЛИНАРИ.
Замѣтка объ отношеніяхъ правленія Главнаго Общества Россійскихъ
Железныхъ Дорогъ къ акціонерамъ.—I.—Н. Н. ВОСКОВОЙНИЦОВА.
О современныхъ задачахъ физиологіи растений. С. А. РАЧИНСКАГО.
Политическое Обзорѣніе.
Внутреннія Извѣстія.
Статья г. Якушкина въ *Русской Бесѣдѣ*.
Письмо къ редактору. А. С. ЧУЖБИНСКАГО.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1859 ГОДЪ

ВЪ КОНТОРАХЪ РУССКАГО ВѢСТНИКА:

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

При Конторѣ Типографіи Каткова
и К^о, въ Армянскомъ переулкѣ, и
при книжной лавкѣ г. Базунова, на
Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ
Загряжскаго.

При книжной лавкѣ г. Базунова,
на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ
Энгельгардтъ.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника*
въ Москву.

Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ, съ
сылкою и доставкою на домъ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ И
ДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ СЕРЕБРОМЪ.

Печдтать позволяется.

Октября 5-го. Ценсоръ А. Драшусовъ.

Ценсоръ Гиларовъ-Платоновъ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ

1859

СЕНТЯБРЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I.—МАЛОРОССІЙСКОЕ КОЗАЧЕСТВО ДО ХМЕЛЬНИЦКАГО.	С. М. СОЛОВЬЕВА.
II.—ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АМЕРИКѢ. V. Отъ Нью-Йорка до озера Эри.	Э. Р. ЦИММЕРМАНА.
III.—СПОСОБЪ СОБИРАНІЯ ПРЯМЫХЪ НАЛОГОВЪ ВО ФРАНЦІИ.	В. К. РЖЕВСКАГО.
IV.—БОЛѢЗНИ ВОЛН. Романъ. I.—VIII. —	Ф. М. ТОЛСТАГО.
V.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (См. на оборотъ.)	

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Адамъ Бидъ. Романъ Джорджа Эліота. XIII—XV.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

МАЛОРОССИЙСКОЕ КОЗАЧЕСТВО

ДО ХМЕЛЬНИЦКАГО

Малороссийское козачество носило одинъ характеръ съ козачествомъ великороссийскимъ, то-есть съ казачествомъ, признававшимъ надъ собою власть Московскаго государства. И здѣсь, и тамъ, первоначально и преимущественно, козакъ—человѣкъ бездомный, изгнанникъ изъ общества, человекъ, которому тѣсно, тяжело въ обществѣ при извѣстныхъ условіяхъ, и такъ какъ самыя тяжелыя отношенія въ обществѣ были отношенія рабскія, то понятно, что большинство козаковъ составлялось изъ людей, бѣгствомъ въ степи отыскивавшихъ себѣ свободы: отсюда козакъ и бѣглый холодъ или крестьянинъ были синонимы; отсюда и сильная вражда между козаками и высшими землевладѣльческими сословіями. Враждебныя движенія козаковъ какъ въ восточной, такъ и въ западной Россіи обращались не противъ верховной власти: напротивъ, козаки любили прикрывать свои движенія согласіемъ своихъ интересовъ съ интересами верховной власти, всеуравливающей, по ихъ понятіямъ, но прямо высказывали они свою вражду, на западѣ—противъ пановъ, на востокѣ—противъ бояръ. Черезъ козачество государство освобождалось отъ людей, которые, еслибъ оставались внутри его, были бы виновниками внутренняго броженія, внутреннихъ безпокойствъ и церемѣнь. Но козакъ, не бывшій

въ состояніи выносить извѣстныя общественныя условія и потому уходящій изъ общества, отрицая извѣстныя общественныя условія, съ своей стороны не полагалъ основанія обществу съ высшими формами, съ лучшими противъ прежняго общества отношеніями. Это не было выселеніе массы людей, разрознившихся съ большинствомъ въ извѣстныхъ убѣжденіяхъ, религіозныхъ или политическихъ, или людей, ищущихъ большаго простора, большаго удобства при употребленіи своего труда и капитала, и потому способныхъ положить прочныя основанія для гражданскаго общества: козакъ искалъ въ степи черезъ бѣгство изъ общества только личной свободы, онъ являлся въ степь съ тѣмъ узкимъ, младенческимъ взглядомъ на общественныя отношенія, къ какому приучила его прежняя среда частной зависимости; онъ бѣжалъ въ степь вовсе не для того, чтобы трудиться, утвердивъ болѣе правильныя отношенія по труду: онъ бѣжалъ для того, чтобы быть *вольнымъ* козакомъ, а не мужикомъ, ибо съ понятіемъ труда соединялось понятіе мужичества; вольный козакъ, молодець, вовсе не хотѣлъ работать, или хотѣлъ работать какъ можно меньше, хотѣлъ жить на чужой счетъ, на счетъ чужаго труда. Такимъ образомъ выходъ козака въ степь изъ государства вовсе не былъ шагомъ впередъ въ общественномъ развитіи, но скорѣе шагомъ назадъ; какъ бы ни было неудовлетворительно состояніе того общества, изъ котораго вышелъ козакъ, все же оно было гораздо выше образовавшагося въ степи козацкаго общества, которое, по основному характеру своему, именно по хищничеству, имѣло чисто отрицательное значеніе въ исторіи, приравнивалось къ окружавшимъ его обществамъ Ногаевъ, Калмыковъ и крымскихъ Татаръ. Вліяніе такого общества на государство, разумѣется, не могло быть полезнымъ: когда государство допускало это вліяніе, то оно обнаруживалось точно такъ же, какъ и вліяніе Ногаевъ и Крымцевъ, то-есть хищничествомъ, опустошеніемъ. Государства, какъ Московское, такъ и Польское, могли еще видѣть одну полезную сторону въ козачествѣ, именно возможность противопоставлять хищничество козаковъ хищничеству степныхъ ордъ, Ногаевъ, Крымцевъ: но и здѣсь польза отъ козачества перевѣшивалась вредомъ, ибо козаки не ограничивались только дѣломъ пограничной стражи, но по своему хищническому характеру, котораго не скрывали, объявляя, что если имъ не нападать на сосѣдей, то жить нечѣмъ, неоткуда добывать зипуновъ,—по этому своему харак-

теру, козаки нападали на сосѣдей и тогда, когда государству это было вредно, нападали моремъ на турецкія владѣнія и вовлекали оба государства, особенно Польское, въ опасную вражду съ Турціею. Вслѣдствіе этого, оба государства съ XVI вѣка, со времени усиленія козаковъ, находились постоянно во враждебномъ отношеніи къ нимъ. Восточные козаки показали ясно характеръ своихъ отношеній къ Московскому государству въ смутное время, въ началѣ XVII вѣка: подъ знаменами самозванцевъ они внесли страшное опустошеніе въ государственную область; государство, благодаря усиліямъ земскихъ людей, очистилось отъ козаковъ, которые послѣ не находили никогда такого благопріятнаго времени для успѣшной борьбы съ государствомъ; возстанія ихъ, иногда довольно сильныя и опасныя, особенно по сочувствію и содѣйствію низшаго земледѣльческаго народонаселенія, оканчивались однако всегда торжествомъ государства, которое, наконецъ, достигло того, что вполне подчинило козаковъ своимъ требованіямъ.

Но не такъ было на западѣ, въ Польскомъ государствѣ. Нѣслѣднее начало рано стремиться къ подчиненію козаковъ своимъ требованіямъ, и вначалѣ, казалось, стремленія эти увѣнчивались успѣхомъ, но потомъ обнаружилось иное. Въ то время, какъ Московское государство крѣпло все болѣе и болѣе, Польское все болѣе и болѣе слабѣло вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія одного органа общественнаго на счетъ другихъ; кромѣ того Польское государство носило въ себѣ другую глубокую рану: то была религіозная борьба вѣдствіе уніи, гоненіе, которому подвергалось русское народонаселеніе, вѣрное отцовской религіи, гоненіе, отягчавшее уже и безъ того тяжкое состояніе низшаго, сельскаго народонаселенія. Отсюда козачество, принадлежа по вѣрѣ и происхожденію къ русскому народу, при возстаніяхъ своихъ противъ польскаго правительства за свои интересы, имѣло возможность поднимать священное, народное и религіозное знамя, возбуждало сочувствіе къ своему дѣлу въ единовѣрномъ государствѣ Московскомъ, вслѣдствіе чего произошло и соединеніе Малой Россіи съ Великою; а это народное дѣло, совершившееся вслѣдствіе козацкихъ движеній, необходимо придавало этимъ самымъ движеніямъ особенный блескъ въ исторіи.

Козаки малороссійскіе, подобно козакамъ восточнымъ или московскимъ, раздѣлились на городовыхъ и степныхъ—Низовыхъ или Запорожцевъ. Первые находились подъ руками пра-

вительства, и потому были не такъ для него опасны; но всѣ удалыя и безпокойныя головы, всѣ имѣвшіе причины враждовать съ правительствомъ, стремились въ степное Запорожье: здѣсь-то вспыхивали возстанія и разливались по всей Украинѣ, отсюда являлись вожди этихъ возстаній.

Запорожье имѣло одинаковое устройство и тѣсную связь съ Дономъ. Вотъ что разказывалъ въ Москвѣ одинъ Запорожецъ: «Живу я на Дону 18 лѣтъ, а иные мои товарищи живутъ лѣтъ по пяти и по шести, а всѣхъ насъ на Дону съ тысячу человекъ; а въ Запорогахъ донскихъ казаковъ также много, мало не въ половину того, сколько насъ, только живутъ переходя: мы ходимъ на Донъ, а съ Дону казаки къ намъ, и живутъ сколько гдѣ хотятъ; а повелось это у насъ съ донскими казаками изстари, что между собою сходимся и живемъ вмѣстѣ въ однихъ куреняхъ.»

Уже Стефанъ Баторій началъ ссориться съ казаками за ихъ своевольство, точно такъ же, какъ на востокъ ссорился съ своими казаками знаменитый соперникъ Баторія, Іоаннъ Грозный. Своевольныя войны казаковъ съ Турками продолжались въ царствованіе преемника Баторіева, Сигизмунда III, и потому, по заключеніи мира съ Турками, по которому Польша обязалась удерживать казаковъ отъ нападеній на области султана, на сеймѣ 1590 года было опредѣлено, чтобы коронный гетманъ обозрѣлъ и привелъ въ извѣстность края, обитаемые казаками, далъ бы имъ старшаго, ротмистровъ и сотниковъ изъ польской шляхты; чтобы казаки присягнули въ вѣрности республикѣ, не отправлялись за границу ни водою, ни сухимъ путемъ безъ позволенія короннаго гетмана, не принимали польскихъ бѣглецовъ, и чтобы казаковъ было опредѣленное число, внесенное въ гетманскій списокъ. Два комиссара отправлялись съ сейма для постояннаго пребыванія между казаками, для наблюденія за исполненіемъ сеймоваго рѣшенія. Понятно, что казаки не могли спокойно покориться этому рѣшенію: въ 1592 году, подъ начальствомъ какого-то Поляка Косинскаго, въ числѣ 5000 человекъ, напали они на Подолію, опустошили владѣнія князя Константина Острожскаго и другихъ пановъ. Князь Константинъ выслалъ войско, которое поразило Косинскаго подъ Пяткою, не далеко отъ Тарнополя; въ послѣдствіи Косинскій былъ окруженъ и убитъ на дорогѣ въ Черкасы.

Въ 1595 году вспыхнуло второе возстаніе казаковъ подъ

начальствомъ Семерого Наливайка, въ размѣрахъ гораздо обширнѣйшихъ: козаки вторгнулись въ Бѣлоруссію, овладѣли Слуцкомъ; 30 ноября Наливайко съ 2000 козаковъ вступилъ въ Могилевъ; запылали дома, лавки, острогъ; девяносто домовъ превращено въ пепель, козаки грабили, убивали жителей, не разбирая пола и возраста. Противъ разбойниковъ двинулся литовскій гетманъ Радзивилъ съ 14000 Литвы и 4000 Татаръ; Наливайко, заслышавъ о приближеніи Радзивила, вышелъ изъ Могилева и огородился возами; изъ этого козацкаго укрѣпленія отбивался онъ цѣлый день отъ Радзивила, отбился и ушелъ къ Быхову. Литва гналась за козаками, но ничего имъ не сдѣлала, только сама грабила. Коронный гетманъ Жолкѣвскій писалъ королю въ 1596 году: «Страшно вспомнить, до чего дошло это своеволие: какое забвеніе величія королевскаго, какіе замыслы о разрушеніи Кракова, объ истребленіи шляхетскаго сословія!» Наконецъ Жолкѣвскому удалось поразить и взять въ плѣнъ Наливайку при Лубнахъ, въ урочищѣ Солоницѣ, и 1 октября 1597 года Наливайко былъ казненъ въ Варшавѣ.

Козаки пріутихли, и служили государству; но какъ они служили, объ этомъ послушаемъ бѣлорусскаго православнаго лѣтописца. Въ 1601 году были въ Швеціи козаки запорожскіе, числомъ 4000, надъ ними былъ гетманомъ Самуилъ Кошка, тамъ этого Самуила и убили. Козаки въ Швеціи ничего добраго не сдѣлали, ни гетману, ни королю не пособили, только на Руся Полоцку великій вредъ сдѣлали, и городъ славный Витепскъ опустошили, золота и серебра множество побрали, мѣщанъ знатныхъ рубили и такую содомію чинили, что хуже злыхъ непріятелей или Татаръ! Въ 1603 году были козаки запорожскіе, какой-то гетманъ, именемъ Иванъ Куцка, съ 4000 народа, брали приставство съ волостей Боркулабовской и Шупенской, грошей копъ 50, жита мѣръ 500 и т. д. Въ томъ же году, въ городѣ Могилевѣ Иванъ Куцка сдалъ гетманство, потому что въ войскѣ было великое своеволие, что кто хочетъ, то и дѣлаетъ; пріѣхалъ посланецъ отъ короля и пановъ рѣднихъ, нащоналъ, грозилъ козакамъ, чтобъ они никакого насилія въ городѣ и по селамъ не дѣлали. Къ этому посланцу приносилъ одинъ мѣщанинъ на рукахъ дѣвочку шести лѣтъ, прибитую и изнасилованную, едва живую; горько, страшно было глядѣть! всѣ люди плакали, Богу Создателю молились, чтобы такихъ своевольниковъ истребилъ навѣки. А когда козаки домой на Низъ поѣхали, то великіе убытки селамъ и городамъ дѣлали,

женщинъ, дѣвицъ, дѣтей и лошадей съ собою много брали, одинъ козакъ вель лошадей 8, 10, 12, дѣтей 3, 4, женщинъ или дѣвицъ 4 или 3.

Понятно, что такое поведеніе козаковъ не могло возбуждать къ нимъ сочувствія въ земскихъ людяхъ; своевольныя нападенія ихъ на области и корабли турецкіе не могли возбуждать къ нимъ сочувствія и въ людяхъ государственныхъ, которыхъ постоянно занималъ вопросъ: нужно ли оставить казаковъ, или надобно ихъ уничтожить? Этотъ вопросъ былъ поставленъ въ договорѣ по случаю тѣснаго союза Польши съ Москвою при избраніи королевича Владислава на московскій престолъ. Въ 1617 году заключенъ былъ у Поляковъ миръ съ Турками, по которому король обязался не допускать козаковъ до плаванія по Черному морю. Но казаки днѣпровскіе, подобно донскимъ, не могли не громить турецкихъ кораблей, иначе имъ негдѣ было доставать себѣ зипуновъ, по обычному выраженію, употреблявшемуся одинаково и на Днѣпрѣ и на Донѣ. Благодаря козакамъ, миръ съ Турціею не могъ быть надеженъ, поэтому опять поднялся вопросъ: «быть или не быть козакамъ?» Въ 1618 году извѣстный публицистъ польскій Пальчовскій, призналъ нужнымъ издать книжку: *О козакахъ — уничтожить ихъ, или нѣтъ?* Авторъ даетъ отвѣтъ отрицательный; по его мнѣнію, истребить козаковъ *безчестно, бесполезно и невозможно*. «*Безчестно*, ибо это значитъ исполнить требованіе непріятели Турка и истребить христіанъ, тогда какъ Украина при дворахъ европейскихъ считается единственною оградою христіанства. *Безполезно*: если не будемъ имѣть сосѣдями козаковъ, то будемъ имѣть сосѣдями Турокъ и Татаръ: что лучше? *Невозможно*: еще при королѣ Стефанѣ хотѣли истребить козаковъ, да отложили намѣреніе за невозможностію, а тогда козаковъ было гораздо меньше, чѣмъ теперь. Если кто скажетъ, что можно, нѣмецкихъ рыцарей уничтожили же, то отвѣчаю: съ Нѣмецкимъ орденомъ Польша боролась 200 лѣтъ, пока его не уничтожила; кто будетъ совѣтовать начать двухсотлѣтнюю борьбу съ козаками для ихъ уничтоженія, того надобно подвергнуть остракизму.»

Кромѣ этихъ сильныхъ доказательствъ въ пользу существованія козаковъ, гетманъ ихъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный вель дѣло такъ, что вопросъ объ истребленіи козаковъ не могъ часто подниматься въ польскомъ сенатѣ. Конашевичъ былъ шляхтичъ по происхожденію, человекъ очень умный, искусный

полководецъ. Подобно большей части русской шляхты, Конашевичъ, несмотря на приверженность свою къ русской, то-есть православной вѣрѣ, не видѣлъ у шляхты и простонародья одного общаго русскаго интереса, и сильно тянулъ къ Польшѣ, шляхетскому государству по преимуществу; поэтому, какъ гетманъ козацкій, Сагайдачный старался отдѣлить дѣло козацкое отъ дѣла простонародья: «Конашевичъ, говоритъ одинъ лѣтописецъ, всегда въ миру съ панами жилъ, за то козакамъ и хорошо было, только поспольство очень терпѣло.» Кроме того Сагайдачный служилъ хорошую службу польскому правительству на войнѣ, ходилъ подъ Москву на помощь королевичу Владиславу, дрался съ Турками и Татарами; козаки его играли главную роль въ знаменитой хотинской битвѣ (1621 года), гдѣ Польша была спасена отъ нашествія султана Османа. Но это былъ послѣдній подвигъ Сагайдачнаго: получивъ тяжелую рану, онъ удалился въ кievскій Братскій монастырь и умеръ здѣсь въ слѣдующемъ 1622 году.

Служа королю польскому, живя всегда въ мирѣ съ панами, Сагайдачный счелъ не безполезнымъ для себя предложить услуги и царю московскому. Въ мартѣ 1620 года явился въ Москву посланецъ его Петръ Одинецъ съ товарищами и говорилъ: «Прислало ихъ все запорожское войско, гетманъ Сагайдачный съ товарищами, бить челомъ государю, объявляя свою службу, что они всё хотятъ ему, великому государю, служить головами своими по прежнему, какъ они служили прежнимъ великимъ россійскимъ государямъ и въ ихъ государскихъ повелѣнiяхъ были и на недруговъ ихъ ходили, крымскiе улусы громили. Теперь они также служатъ великому государю, ходили на крымскiе улусы, а было ихъ съ 5.000 человекъ, было у нихъ съ крымскими людьми дѣло по сю сторону Перекопи подъ самую стѣной, Татаръ было на Перекопи съ 7.000 человекъ, а на заставѣ съ 11.000; Божiю милостию и государевымъ счастиемъ Татаръ они многихъ побили, народу христiанскаго много изъ рукъ татарскихъ высвободили; съ этою службою и съ языками татарскими присланы они къ государю: воленъ Богъ да царское величество, какъ ихъ пожалуетъ, а они всѣми головами своими хотятъ служить его царскому величеству и его царской милости къ себѣ нынѣ и впередъ искать хотятъ.» Думный дьякъ Грамотинъ, похваливши ихъ за службу, сказалъ: «Здѣсь въ Россійскомъ государствѣ слухъ было понесся, что польскiй Жигимонтъ король учинился съ турскимъ въ мирѣ и

въ дружбѣ, а на вашу вѣру хочетъ наступить; такъ вы бы объявили: какъ польскій король съ турскимъ, съ папою и царемъ? и на вашу вѣру отъ Поляковъ какого посяганья нѣтъ ли?» Козаки отвѣчали: «Посяганья на насъ отъ польскаго короля никакого не бывало; съ турскимъ онъ въ миру, а на море намъ на турскихъ людей ходить запрещено изъ Запорожья, но изъ малыхъ рѣчекъ ходить не запрещено; про цесаря и про папу ничего мы не знаемъ, а на Крымъ намъ ходить не заказано. На весну всѣ мы идемъ въ Запорожье, а царскому величеству всѣ бьемъ челомъ, чтобъ насъ государь пожаловалъ какъ своихъ холопей.» Царь послалъ Сагайдачному 300 рублей легкаго жалованья и писалъ въ грамотѣ: «Впередъ мы васъ въ нашемъ жалованьѣ забвенныхъ не учинимъ, смотря по вашей службѣ; а на крымскіе улусы нынѣ васъ не посылаемъ, потому что крымскій Джанибекъ-Гирей царь на наши государства войною не ходитъ, и наши люди также крымскимъ улусамъ вреда никакого не дѣлаютъ.»

По смерти Сагайдачнаго значеніе козаковъ не уменьшилось; напротивъ, усиливалось все болѣе и болѣе, ибо усилилась борьба вслѣдствіе уніи. Православная церковь получила своего митрополита и епископовъ, и митрополитомъ былъ Іовъ Борецкій, человекъ энергическій, способный вести дѣла церкви и народа въ такое бурное время. Не было болѣе могущественныхъ православныхъ пановъ, въ родѣ Острожскихъ и Тышкевичей, столповъ церкви, и Борецкій обратился къ козакамъ, ихъ выдвинулъ на первый планъ, какъ защитниковъ православія; съ другой стороны онъ обратился къ Москвѣ, и такимъ образомъ задолго до Хмельницкаго указалъ путь, по которому должна была идти къ развязкѣ великая народно-религіозная борьба въ западной Россіи. Въ Римъ дали знать о союзѣ православныхъ епископовъ съ козаками, и папа Урбанъ VIII писалъ къ королю Сигизмунду въ началѣ 1624 года: «Непримиримый врагъ католической религіи, ересь схизматическая, хитро прокравшись въ совѣщанія козацкія, вооружившись силами храбрѣйшихъ воиновъ, осмѣливается грозить гибелью православной истинѣ. Такъ какъ нечестіе обыкновенно презираетъ угрозы, наказаніями невооруженныя, то да постарается твое величество, чтобъ же-епископы русскіе, стремящіеся возбуждать волненія и господствовать въ козацкихъ кругахъ, достойное такого дерзкаго поступка понесли наказаніе.»

Въ концѣ 1624 года встало волненіе въ Кіевѣ: войтъ Федоръ

Ходыка да мѣщанинъ Созонъ задумали запечатывать церкви православныя: митрополитъ сейчасъ же далъ знать объ этомъ въ Запорожье гетману Коленику Андрееву и всему войску; гетманъ прислалъ въ Кіевъ двоихъ полковниковъ, Якима Чигиринца да Антона Лазаренка, велѣлъ имъ въ окольныхъ кievскихъ городахъ собраться съ тамошними козаками и идти въ Кіевъ для обереганія вѣры христіанской; полковники исполнили порученіе, явились въ Кіевъ въ 1625 году послѣ Крещенія, распечатали церкви и схватили Ходыку вмѣстѣ съ тѣми мѣщанами, которые умышляли вмѣстѣ съ нимъ противъ православія. Разумѣется, такое распоряженіе не могло обѣщать ничего хорошаго Борецкому со стороны польскаго правительства, и вотъ въ февралѣ 1625 года пріѣхалъ отъ него въ Москву луцкій епископъ Исакій съ просьбою, чтобъ государь взялъ Малороссію подъ свою высокую руку и простилъ козакамъ ихъ вины. Бояре отвѣчали Исакію: «Какъ видно изъ твоихъ рѣчей, мысль эта въ самихъ васъ еще не утвердилась, укрѣпленія объ этомъ между вами еще нѣтъ, про козаковъ ты сказалъ, что ихъ столько не будетъ, чтобъ стоять противъ Поляковъ однимъ безъ помощи; и говоришь, что теперь запорожское войско идетъ на весну моремъ на Турокъ: такъ теперь царскому величеству этого дѣла начать нельзя. А если впередъ вамъ отъ Поляковъ будетъ утѣшеніе въ вѣрѣ, а у васъ противъ нихъ будетъ соединеніе и укрѣпленіе, тогда вы царскому величеству и святѣйшему патріарху дайте знать; тогда царское величество и святѣйшій патріархъ будутъ о томъ мыслить, какъ бы православную вѣру и церкви Божіи и васъ всѣхъ отъ еретиковъ въ избавленъ видѣть.» Исакій отвѣчалъ: «У насъ та мысль крѣпка, мы всѣ царской милости рады и подъ государевою рукою быть хотимъ, объ этомъ совѣтоваться между собою будемъ, а теперь боимся, если Поляки на насъ наступятъ скоро, и намъ кромѣ государской милости дѣться негдѣ. Если митрополитъ, епископы и войско запорожское прибѣгнутъ къ царской милости и поѣдутъ на государево имя, то государь ихъ пожаловалъ бы, отринуть не велѣлъ, а имъ кромѣ государя дѣться негдѣ.»

Епископы и козаки опасались не напрасно; въ концѣ сентября 1625 года гетманъ польскій Станиславъ Конецпольскій вступилъ въ Украину съ 30.000 своего войска и съ 3.000 Нѣмцевъ цесарскихъ. Между Русскими пошелъ слухъ, что Конецпольскій пришелъ козаковъ уменьшить, и, уменьша козаковъ, вѣру римскую въ Кіевъ и во всѣхъ литовскихъ городахъ ввести.

Въ Каневѣ и Черкасахъ Поляки много козаковъ побили и мѣста ихъ разорили. Выступивъ изъ Черкасъ, Конецпольскій сталъ обозомъ въ десяти верстахъ ниже Крылова; по ту же сторону Днѣпра стали и козаки, пришедшіе изъ Запорожья и городовые, тысячъ съ двадцать, съ полковниками: Дорошенкомъ, Измайломъ, Олиферомъ да съ Пырскимъ, что былъ у нихъ гетманомъ въ Запорогахъ. 26 октября произошелъ у нихъ бой съ Поляками, послѣдніе одолѣли, осадили козаковъ въ обозѣ и заставили ихъ помириться на всей волѣ правительства. Гетманъ утвердилъ избраннаго ими старшаго, полковника Михайлу Дорошенка, и комиссія, заѣдавшая въ урочищѣ Медвѣжьи Лозы подѣ председательствомъ Конецпольскаго, постановила, что впередъ козаки будутъ повиноваться только тому старшему, котораго утвердитъ король и коронный гетманъ; если этотъ старшій не будетъ исполнять своихъ обязанностей, то козаки должны принести жалобу королю и коронному гетману и просить смѣны старшаго; также должны обращаться къ королю и гетману и по смерти старшаго. Но еслибы козацкое войско находилось въ дальнемъ разстояніи отъ короля или гетмана, тогда козаки могутъ избрать старшаго изъ среды себя и вручить ему правленіе до тѣхъ поръ, пока король и гетманъ одобрятъ избраннаго. Форма присяги старшаго была слѣдующая: «Я, Михайло Дорошенко, клянусь Господу Богу, въ Троицѣ Святой Единому, что пресвѣтлѣйшему королю польскому Сигизмунду III и его наследникамъ и республикѣ польской, въ сей должности моей, согласно волѣ его королевскаго величества, во всемъ вѣрность и повиновеніе сохранять буду, соблюдая во всемъ повелѣнія его королевской милости и республики, укрощая всякое своеволіе и непослушаніе, а именно: ни я самъ, ниже посредствомъ другихъ, противъ турецкаго императора, ни сухимъ путемъ, ни моремъ не буду ходить и воевать, развѣ только по повелѣнію его королевскаго величества и республики. Напротивъ того, еслибъ кто изъ войска его королевскаго величества, мнѣ вѣреннаго, или же кто со стороны вознамѣрился то сдѣлать, и я про то зналъ бы, то обязываюсь доносить объ этомъ его королевскому величеству и коронному гетману, и таковыми сопротивляться. Никакихъ полчищъ, ни охотниковъ, ни охочкомонныхъ созывать и собирать, безъ соизволенія его королевскаго величества, не буду, и даже таковыхъ, по обязанности моей, стану преслѣдовать; а также все условія, въ самомалѣй-

нихъ пунктахъ въ бумагахъ пановъ комиссаровъ на Медвѣжьихъ Лозахъ прописанныя, я со всѣмъ моимъ войскомъ исполнять буду.» Эти пункты были слѣдующіе: число реестровыхъ козаковъ назначается 6.000; они пользуются всѣми правами, полученными отъ прежнихъ королей польскихъ и нынѣ царствующаго Сигизмунда; имъ позволено снискивать себѣ пропитаніе торговлею, рыбною ловлей и охотой, но безъ вреда угождать старостинскимъ; кромѣ того ежегодно назначается имъ отъ короны 60.000 злотыхъ жалованья; старшинамъ назначается особое жалованье. Изъ 6.000 реестровыхъ козаковъ 1.000 или болѣе должны находиться за порогами, наблюдая за движеніями враговъ. Если самъ старшій отправится въ Запорожье, то на мѣсто себя оставляетъ способнаго человѣка. Козаки не должны выходить Днѣпромъ въ море и начинать войну съ какимъ-либо сосѣднимъ государствомъ; и потому всѣ морскія лодки будутъ сожжены въ присутствіи комиссаровъ. Козакъ не можетъ жить на землѣ прежняго пана свего, если не хочетъ ему повиноваться: ему дается 12 недѣль срока для очистки дома и земли. Войску ни въ какія дѣла, ему не принадлежащія, не вмѣшиваться; союзовъ съ сосѣдними державами ни подъ какимъ предлогомъ не заключать, пословъ отъ нихъ не принимать и въ службу иностранныхъ владѣтелей не вступать.

Окончивши комиссію, Конецпольскій пошелъ въ Баръ; паны, бывшіе съ нимъ, разъѣхались по своимъ имѣніямъ; вмѣсто себя на Украинѣ гетманъ оставилъ полковника Казановскаго съ 15.000 войска, которое размѣстилось въ Васильковѣ, Треполѣ, Оржицахъ, Стайкахъ, Хвастовѣ, Кіевѣ. Дорошенко ѣздилъ по козацкимъ городамъ, разбиралъ козаковъ; по городамъ слушались Дорошенка, потому что лучшіе люди изъ нихъ пристали къ нему; но тѣ, которыхъ отставляли отъ козачества, думали посылать бить челомъ царю Михаилу Феодоровичу, чтобы государь пожаловалъ, велѣлъ имъ помощь дать своими государевыми людьми на Поляковъ, а они козаки станутъ служить государю и города литовскіе будутъ очищать въ государево имя, чтобъ имъ православной вѣры не отбыть.

Но козаки, послѣ пораженія отъ Конецпольскаго, были слишкомъ слабы для какого-нибудь важнаго предпріятія. Это пораженіе отняло у Юва Борецкаго надежду произвести посредствомъ козаковъ возстаніе православнаго народонаселенія Турціи во имя искателя турецкаго престола, выдававшего себя

княземъ крови султанской и вмѣстѣ христіаниномъ греческаго исповѣданія. Въ концѣ 1625 года явились въ Москву изъ Запорожья козакъ Иванъ Гира съ товарищами и Македонянинъ Маркъ Ѳеодоровъ, посланные къ царю Михаилу отъ Александра Ахіи, который выдавалъ себя за турецкаго царевича, сына султана Магомета; Александръ разказывалъ, что онъ вывезенъ изъ Турціи матерью своею, Гречанкою Еленою, былъ у императора нѣмецкаго, у герцога флорентійскаго, у короля испанскаго, и теперь пріѣхалъ поднимать запорожскихъ козаковъ противъ Турокъ, прислалъ просить помощи и у государя московскаго. Александръ писалъ Михаилу, что будущей весной хочетъ идти по суху и моремъ въ землю Греческую, гдѣ ожидаетъ его большое войско изъ православныхъ Болгаръ, Сербовъ, Албанцевъ и Грековъ, всего войска 130.000. Думный дьякъ Грамотинъ отвѣчалъ посланнымъ, что государь желаетъ Александру царевичу всякаго добра, чтобы сподобилъ его Богъ отцовскаго государства достигнуть, а помочь ему государь не можетъ, потому что Александръ царевичъ теперь живетъ въ литовской землѣ у запорожскихъ Черкасъ, которые послушны польскому королю, а польскій король государю недругъ и помочь черезъ чужое государство нельзя; да и грамоты теперь царское величество къ Александру царевичу послать не соизволилъ, потому что если литовскій король довѣдается, что Александръ царевичъ ссылается съ царскимъ величествомъ и помощи просить, то король не сдѣлалъ бы Александру царевичу какой помѣшки; а для любви царское величество посылаетъ Александру царевичу на 1000 рублей соборей, лисицъ и бархатовъ золотныхъ. Въ декабрѣ 1625 года путивльскій воевода далъ знать въ Москву, что въ Запорожьѣ собралось было съ Александромъ козаковъ тысячь съ тридцать; но какъ скоро пришла къ нимъ вѣсть, что гетманъ Конецпольскій съ Поляками идетъ на нихъ къ Кіеву, то между козаками сдѣлалась рознь, и разошлись они изъ Запорожья по литовскимъ городамъ, начали собираться противъ гетмана Конецпольскаго. 1-го сентября царевичъ Александръ съ своими людьми самъ-пятъ изъ Запорожья поѣхалъ въ литовскую землю и пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ митрополитъ Іовъ держалъ его тайкомъ отъ Поляковъ въ Архангельскомъ монастырѣ и одѣлъ его въ монашеское платье, потому что Конецпольскій вездѣ велѣлъ его сыскивать накрѣпко; а въ ноябрѣ Іову удалось отправить

его тайно въ Московское государство, велѣвши ему, ѣдучи въ Путивль, сказываться купецкимъ человѣкомъ

Когда въ Москвѣ узнали, что Александръ въ Путивль, то государь велѣлъ боярамъ подумать объ этомъ дѣлѣ. Бояре разсуждали: «Это дѣло новое, не бывалое! если царевича Александра принять, то не поднять бы на себя турецкихъ и крымскихъ людей? и невѣдомо, съ какимъ умысломъ царевич Александръ пріѣхалъ въ Путивль? убѣжалъ ли отъ Поляковъ, или нарочно ими присланъ, чтобы государя съ турецкимъ поссорить? Взять Александра и отдать султану за вѣчный миръ, чтобы султанъ запретилъ Крымцамъ нападать на государевы укрѣпленія—опасно, чтобы тѣмъ Бога не прогнѣвать, человѣка христіанина на смерть отдавши. Праведныя судьбы Божіи никому неизвѣстны: что если онъ прямой султана Магмета сынъ и крещенъ въ православную христіанскую вѣру прямо и былъ во многихъ государствахъ и нигдѣ ему зла не сдѣлали? Если его отдать, то Бога бы не прогнѣвать, Грековъ и всѣхъ тѣхъ, которые на Александра надѣются, не оскорбить и отъ турецкаго въ конечное разореніе не привести; да чтобъ отъ пограничныхъ государей укоризны не было, что человѣка христіанина отдали въ поганскія руки!»

17 декабря указалъ государь и бояре приговорили послать въ Путивль дворянина и перезти Александра въ Мценскъ, гдѣ его оставить до времени, а для береженья послать 10 человѣкъ стрѣльцовъ. Приставамъ патріархъ Филаретъ наказалъ: «Если Александръ станетъ проситься въ церковь, то вы бы его въ церковь пускали, а стоять ему въ трапезѣ, которая не освящена; а если станетъ проситься въ церковь, то вы ему отвѣчайте, что ему въ церковь ходить въ хохлѣ нельзя, потому что теперь онъ сдѣлалъ себѣ хохолъ и называется Полякомъ, а въ Россійскомъ государствѣ Поляковъ съ хохлами въ церковь не пускаютъ.» Александръ билъ челомъ, чтобы государь отпустилъ его къ донскимъ козакамъ, а оттуда онъ поидеть на Дунай въ Волошскую землю и Болгарію и другія страны, которыя признали его государемъ, и чтобъ государь велѣлъ донскимъ козакамъ помочь ему; если же государь на Донъ отпустить его не велитъ, то велѣлъ бы отпустить къ Нѣмцамъ черезъ Новгородъ или Архангельскъ, чтобъ ему можно было пройти къ флорентійскому князю. Государь велѣлъ ему отвѣчать, что на Дону живутъ козаки люди вольные и царскаго повелѣнья мало слушаютъ; притомъ же ихъ мало, большой

войны турецкому они не сдѣлаютъ, да съ турецкими султанами у него, царя, братство и любовь и ссылка. Поэтому Александра отправили за границу, черезъ Архангельскъ. Но въ 1637 году онъ опять явился въ Россіи и присылалъ на Донъ грамоту, въ которой звалъ къ себѣ Донцовъ и Запорожцевъ въ Черниговъ.

Между тѣмъ и реестрвые козаки подъ начальствомъ Дорошенка мало оказывали охоты исполнять условія, предписанныя на Медвѣжьихъ Лозахъ: запорожскія чайки являлись на Черномъ морѣ. Въ началѣ 1626 года крымскій ханъ напалъ на Украину; Поляки потребовали отъ Дорошенка, чтобъ онъ съ козаками шелъ на Низъ въ сборъ; Дорошенко пошелъ было, но въ городѣ Большихъ Прилукахъ явился къ нему посолъ отъ хана и напомнилъ, что у козаковъ съ Татарами миръ, скръпленный присягою, и потому козакамъ нельзя идти къ Полякамъ на помощь: Дорошенко возвратился назадъ; мало того, Запорожцы съ гетманомъ Олиферомъ передались хану и вмѣстѣ съ нимъ ходили войною на Польшу. Въ 1627 году король прислалъ къ Дорошенку дворянина своего съ приказаніемъ, чтобы козаки были все готовы на весну идти противъ шведскаго короля. Дорошенко собралъ въ Каневѣ раду, на которой козаки королевскому посланцу отказали: «Противъ шведскаго короля намъ нейдти, потому что король польскій и паны радные пожитки всякіе у насъ отняли, на море намъ ходить не велятъ; мы отъ этого оскудѣли, на службу противъ шведскаго короля подняться намъ нечѣмъ.» И послали они къ королю и къ панамъ раднымъ просить, чтобъ имъ козакамъ впередъ быть въ десяти тысячахъ, и король бы имъ прислалъ денегъ и сукна на десять тысячъ.

Дорошенко погибъ въ Крыму въ 1628 году, принимая участіе въ тамошнихъ междуусобіяхъ; на его мѣсто былъ поставленъ Григорій Черный, который однако своею преданностію Псякамъ и, какъ говорятъ, принятіемъ униі, не понравился козакамъ. Въ 1630 году правительство разставило войска свои въ Кіевскомъ округѣ; въ народѣ пошелъ слухъ, распущенный, какъ говорятъ, Петромъ Могилою, архимандритомъ кіевопечерскимъ, что войска собраны для истребленія козаковъ и вѣры православной. Козаки взволновались, убили своего старшаго, Григорія Чернаго, и на его мѣсто провозгласили Тараса. Конецпольскій двинулся противъ нихъ и сошелся подѣ Черкаскалемъ. Исходъ этой войны въ большей части извѣстій, какъ

малороссійскихъ, такъ и польскихъ, представленъ загадочнымъ: козаки берутъ верхъ надъ Конецпольскимъ, и, несмотря на то, выдаютъ ему Тараса, котораго Поляки казнятъ въ Варшавѣ. Въ Москвѣ Путивлецъ Гладкій такъ разказывалъ дѣло: «Гетманъ Конецпольскій осадилъ козаковъ въ Переяславлѣ. У польскихъ людей съ Черкасами въ три недѣли бои были многіе, и на тѣхъ бояхъ Черкасы Поляковъ побивали, и на послѣднемъ бою Черкасы у гетмана въ обозѣ нарядъ взяли, многихъ Поляковъ въ обозѣ побили, перевозки по Днѣпру отняли и паромы по перевозамъ пожгли. Послѣ этого бою гетманъ Конецпольскій съ Черкасами помирился; а приходилъ онъ на Черкасъ за ихъ непослушанье, что они самовольствомъ ходятъ подъ турецкіе города и всѣмъ войскомъ убили Гришку Чернаго, котораго онъ прежде далъ имъ въ гетманы. Помирясь съ Черкасами, Конецпольскій выбралъ имъ изъ нихъ же другаго гетмана, Каневца Тимоху Арандаренка. А было у Конецпольскаго польскихъ и нѣмецкихъ людей и Черкасъ лучшихъ, которые отъ Черкасъ пристаи къ Полякамъ 8000, а Черкасъ было 7000.» Изъ этого извѣстія можно принять для объясненія дѣла одно только обстоятельство, присутствіе *лучшихъ Черкасъ* въ Польскомъ войскѣ: вѣроятно эти лучшіе Черкасы и повернули такъ дѣло, что Тарасъ былъ выданъ, и чернь не получила никакихъ выгодъ отъ своего возстанія.

Уже въ 1631 году козаки перемѣнили Арандаренка и выбрали на его мѣсто Ивана Петрижицкаго-Кулагу. Они не переставали громить турецкіе берега; султанъ собрался было воевать у Польши заодно съ Москвою, но неудача послѣдней подъ Смоленскомъ заставила и его помириться съ королемъ Владиславомъ: при этомъ мирѣ польское правительство обязалось совершенно изгнать козаковъ съ днѣпровскихъ острововъ. Для этого Конецпольскій въ 1635 году построилъ на Днѣпрѣ, ниже Самары и Князева острова, крѣпость Кодакъ; но въ томъ же году козаки, возвращаясь съ моря подъ начальствомъ Сулимы, разорили крѣпость. Сулима былъ схваченъ съ помощію реестровыхъ козаковъ и казненъ. Но въ слѣдующемъ году начались волненія на Украинѣ. Здѣсь со стороны польскаго правительства впервые является дѣйствующее лицо, которое въ послѣдствіи играло такую важную роль,—Адамъ Кисель, подкоморій черниговскій. Кисель былъ Русскій родомъ и православный. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства онъ тянулъ къ Руси, къ русскому народу, былъ врагомъ уни; но, съ другой

стороны, будучи знатнымъ и богатымъ землевладѣльцемъ на Украинѣ, онъ смотрѣлъ на народонаселеніе своихъ земель совершенно панскими глазами и сильно не долюбивалъ козаковъ, которые, являясь защитниками православія, прежде всего были союзниками хлопчаства: въ козаки бѣжали хлопы, не хотѣвшіе жить въ крестьянствѣ, и этого панъ Кисель никакъ не могъ переварить. Такимъ образомъ онъ находился всегда между двухъ огней.

Въ августѣ 1636 года взволновались козаки въ Переяславѣ, рѣшили идти на Запорожье и оттуда на море. Старшіе не бунтовали; Кисель, комиссаръ правительства у козаковъ, оставался при старшихъ. Наконецъ козаки пришли къ старшимъ и начали кричать, что въ маѣ высланы имъ деньги, а въ августѣ еще не привезены, кричали, что правительство ихъ притѣсняетъ. Кисель уговорилъ ихъ подождать четыре недѣли, и немедленно написалъ объ этомъ королю, давая знать, что дѣйствительно козакамъ дѣлаются притѣсненія во многихъ мѣстахъ. Написалъ и къ гетману Конецпольскому (26 августа); въ последнемъ письмѣ Кисель говоритъ, что онъ замѣтилъ три вещи въ этомъ войскѣ неразумномъ, то-есть у козаковъ: 1) любовь къ религіи греческой и къ духовенству этой религіи, хотя козаки въ религіозномъ отношеніи похожи больше на Татаръ, чѣмъ на христіанъ; 2) сильнѣе на нихъ дѣйствуетъ страхъ, чѣмъ милость; 3) хищничество. Въслѣдствіе этого онъ, Кисель, распорядился, что митрополитъ послалъ двухъ духовныхъ особъ съ увѣщаніемъ къ козакамъ не возставать противъ республики. Старшинъ, прибавляетъ Кисель, должно удерживать дарами, а чернь страхомъ.

Весною 1637 года новое волненіе: комиссары королевские пріѣхали къ козакамъ, чтобъ отдать имъ жалованье и взять присягу; но чернь объявила, что не хочетъ давать присяги, хочетъ идти на Запорожье. Комиссары стали уговаривать козаковъ, грозили, что они подвергаются величайшей опасности, что республика изгладитъ ихъ имя, что она скорѣе согласится видѣть на Днѣпрѣ дикихъ звѣрей и пустыню, чѣмъ мятежную чернь. «Настоящее ваше дѣйствіе, говорили комиссары, можетъ быть началомъ своеволія, но своеволіе не будетъ его слѣдствіемъ; вы можете идти на Запорожье, но оставите здѣсь женъ и дѣтей, да и сами долго на Запорожьѣ не проживаете, принесете опять свои головы подъ саблю республики; замѣнить же и уйти въ другое мѣсто напрасно грозитесь, ибо

Днѣпръ ваша отчина; въ другомъ мѣстѣ такой не найдете. Дона нечего и сравнивать съ Днѣпромъ, и тамошней неволи съ здѣшнею волей; какъ рыбѣ безъ воды, такъ козакамъ безъ Днѣпра быть нельзя, а чей Днѣпръ, тому и козаки должны принадлежать всегда.» Козаки расплакались, услышавши о Днѣпрѣ. Старшій ихъ, или гетманъ, Томиленко, котораго комиссары называютъ простякомъ, но трезвымъ и скромнымъ, отказался отъ должности; но его выбрали снова, положили не измѣнять республикѣ и присягнули.

Спокойствіе однако было минутное; Кисель писалъ, что дѣла плохи на Украинѣ, ибо козаки звѣрь безголовый (*bellua sine capite*), стадо безъ пастуха. По его мнѣнію, непременно долженъ быть на Украинѣ начальный человекъ, чтобы гасить пожаръ, могущій произойти отъ первой искры. Обязанность его—предотвращать столкновения между козаками и правительственными лицами, укрощать волненіе въ самомъ началѣ; онъ долженъ раздавать деньги, долженъ имѣть власть вычеркнуть бунтовщика изъ списковъ, долженъ имѣть денежные средства, которыя бы дали ему возможность пріобрѣтать приверженцевъ; приверженцы эти должны составлять оппозицію бунтовщикамъ. Надобно, пишетъ Кисель, чтобы у старшины козацкой оставалось только имя старшинства, а дѣйствительная власть была бы у этого человека, какимъ бы именемъ онъ ни назывался.

Несмотря однако на неудовольствія и волненія между козаками, возстанія не было на Украинѣ; оно вспыхнуло на Низу. Предводителемъ этого возстанія былъ Павликъ или Павлюка, который, вышедши тайно изъ Запорожья, взялъ силою пушки изъ Черкасъ: тогда, что только было гультайства на Украинѣ, выпитчиковъ, могильниковъ, будниковъ, овчаровъ, особенно изъ имѣній князя Вишневецкаго и изъ-за Днѣпра, — все это встало и собралось. Реестровые козаки, упрекая старшаго своего, Томиленка, въ послабленіи своеволю, собрали раду, свергнули его и выбрали Савву Кононовича. Новый гетманъ сталъ дѣйствовать въ духѣ избравшихъ его и правительства, сталъ уговаривать возставшихъ прекратить возстаніе: тогда Павликъ и другой начальникъ возставшихъ, Скиданъ, явились въ Переяславлѣ, создали новую раду, и, воспользовавшись своимъ большинствомъ, убили Савву Кононовича. Однако они не хотѣли прямо вдругъ разрывать съ правительствомъ, и потому написали Конецпольскому, прося, чтобы правительство не сердилось

на нихъ, и выставляя Кононовича человѣкомъ неспособнымъ къ гетманству, чужеземцемъ, москалемъ. Конецпольскій отвѣчалъ имъ: «Повинуйтесь старшему, котораго вамъ дастъ король, а не тому, кто самъ возьметъ это достоинство, сожгите всѣ челны и воспрепятствуйте морскимъ набѣгамъ: тогда возвратите къ себѣ милость королевскую.»

Условія не понравились Павлику и его козакамъ. 11 октября 1639 года Карпъ Павловичъ (Павликъ), полковникъ войска запорожскаго, старшій на всей Украинѣ, издалъ универсалъ, въ которомъ призывалъ къ возстанію, говоря, что непріатели народа русскаго и вѣры старожитной греческой, Ляхи, идутъ на Украину съ тѣмъ, чтобы войско и подданныхъ королевскихъ, княжескихъ и панскихъ истребить, женъ и дѣтей въ неволю забрать. Ляхи дѣйствительно явились подъ начальствомъ брацлавскаго воеводы Потоцкаго и встрѣтились съ козаками подъ Кумейками 8 декабря. Козаки, несмотря на отчаянную храбрость, потерпѣли поражение: около 3000 ихъ пало въ таборѣ, ни одинъ не просилъ помилованія, только и слышенъ былъ голосъ, что надобно помирать одному на другомъ; если же Полякъ падалъ съ лошади, то козаки сбѣгались и рвали трупъ на куски. Ночью Павликъ и Скиданъ ушли, но Потоцкій утромъ нагналъ ихъ при Боровицѣ, окружилъ и началъ обстрѣливать. Адамъ Кисель предложилъ козакамъ выдать Павлика и другихъ зачинщиковъ возстанія, поручившись, что король не будетъ мстить имъ. Козаки выдали Павлика и Томиленка, но Скидану удалось уйти. По выдачѣ Павлика козаки выбрали было себѣ другаго старшаго; но Потоцкій объявилъ имъ, что они все потеряли бунтомъ; старшему велѣно положить булаву, бунчукъ и печать, всѣ старые полковники отставлены, даны новые, старшимъ назначенъ Ильяшъ Караимовичъ. Но кромѣ главнаго войска, находившагося съ Павликомъ, былъ еще отрядъ козацкій подъ предводительствомъ Кизименка, который взявъ Лубны, вырубилъ шляхту и монаховъ бернардинскихъ, трупы послѣднихъ отдалъ собакамъ; но и Кизименко попался Потоцкому, который велѣлъ посадить его на колъ, «ибо (пишетъ Потоцкій изъ Нѣжина 8 января 1638 года) напрасно возятъ ихъ въ Варшаву на зрѣлище: лучше пусть понесутъ казнь здѣсь, гдѣ злодѣйствовали.» Но Павликъ и четыре товарища его были казнены въ Варшавѣ, несмотря на протестъ Кисели. Главный городъ Терехтемировъ у козаковъ отняли; гетманамъ дано приказаніе искоренить всѣхъ козаковъ, которые будутъ

противиться сеймовому опредѣленію, а это опредѣленіе состояло въ томъ, чтобы сдѣлать новый наборъ козацкаго войска въ числѣ 6000 съ назначенными отъ правительства офицерами.

Но этотъ сеймовой декретъ могъ быть приведенъ въ исполненіе только послѣ новой отчаянной борьбы, которая дорого стоила Полякамъ. Въ апрѣлѣ 1638 года вспыхнуло новое возстаніе въ Запорожьѣ подѣ начальствомъ Острианина, мстившаго за отца, замученнаго Поляками; Скиданъ также явился на сцену подѣ Острианина; большая часть реестровыхъ козаковъ съ своимъ старшимъ Ильяшемъ сражались на сторонѣ Поляковъ противъ козаковъ Острианиновыхъ. Эта война замѣчательна тѣмъ, что возставшіе козаки смотрятъ за лѣвый берегъ Днѣпра, на московскую сторону, какъ на безопасное убѣжище въ случаѣ неудачи: готовится мало-по-малу то дѣло, на которое указалъ Іовъ Борецкій. Острианинъ, поразивши Поляковъ подѣ Голтвою 5 мая, но потомъ разбитый подѣ Жолнинымъ 13 іюня, ушелъ въ московскія владѣнія, куда еще прежде вывезъ жену. Но бѣгство Острианина не отняло духа у козаковъ: они выбрали себѣ другаго старшаго, Гуню, укрѣпились на устьѣ рѣки Старицы, впадающей въ Днѣпръ, и отбивались до послѣдней крайности отъ непріятеля, превосходившаго ихъ числомъ и артиллеріей; наконецъ, вынужденные голодомъ, козаки объявили, что будутъ повиноваться сеймовому приговору. Поляки, съ своей стороны, обѣщали не преслѣдовать ихъ, когда будутъ расходиться по домамъ, но не сдержали обѣщанія. Въ концѣ года козакамъ было повѣщено, чтобы они собрались на урочище Масловъ Бродъ слушать рѣшеніе короля и рѣчи посполитой. Это рѣшеніе состояло въ томъ, что козаки лишились права избирать старшинъ; назначенъ былъ имъ комиссаръ отъ правительства Петръ Комаровскій, съ правомъ назначать полковниковъ; главнымъ городомъ козацкимъ, мѣстопребываніемъ комиссара, объявленъ Корсунъ. Правительство приказало возвратить козакамъ ихъ прежнія земли, которыми они владѣли наслѣдственно; но гетманъ Потоцкій съ товарищами, назначенными для улаженія дѣла, объявилъ, что этотъ пунктъ никакъ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе, потому что, по случаю выпавшихъ снѣговъ, нельзя различать ни столбовъ пограничныхъ, ни насыпей, ни ручьевъ, ни дорогъ, ни болотъ, и потому земли трудно раздѣлить. Въ присутствіи Потоцкаго и другихъ комиссаровъ, козаки должны были

снова присягнуть въ вѣрности королю и рѣчи посполитой; все оружіе было свезено въ середину; хоругви, булавы и всѣ доспѣхи были повергнуты къ ногамъ комиссаровъ, представителей Польши; тяжкіе вздохи послышались среди козаковъ при этомъ унижительномъ для нихъ обрядѣ. Потоцкій принялъ этотъ вздохъ за признакъ глубокаго раскаянія.

«Съ этого времени всякую свободу у козаковъ отняли, тяжкія и необычныя подати наложили, церкви и обряды церковныя Жидамъ запродали, дѣтей козацкихъ въ котлахъ варили, женамъ груди деревомъ вытискивали.» Это говоритъ лѣтописецъ мало-россійскій; но вотъ что говоритъ польскій: «Въ 1640 году, въ мѣсяцъ февраль, Татары крымскіе всю страну около Переяслава, Корсуна и обширныя имѣнія князей Вишневецкихъ вдоль и поперекъ опустошили, людей и скоть забрали и возвратились домой безо всякой погони, потому что козацкой стражи больше не было. Такую выгоду получила республика отъ уничтоженія козаковъ, а все отъ того, что старосты и паны въ Украйнѣ хотѣли увеличить свои доходы, Жидовъ всюду ввели, все въ аренду отдали, даже церкви, ключи отъ которыхъ у Жидовъ были.»

Козаки шли въ Москву; монахи и монахини толпами выѣзжали туда же; дорога была указана и открыта (1).

С. Соловьевъ.

(1) Встрѣчающіяся здѣсь впервые подробности взяты изъ дѣлъ мало-россійскихъ, польскихъ и греческихъ, хранящихся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; изъ бѣлорусской лѣтописи Синодальной Библіотеки, № 790; изъ польской рукописи Императорской Публичной Библіотеки № 94.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АМЕРИКѢ¹

V.

Отъ Нью-Йорка до озера Эри.

«Если желаете курить, сэръ, то пожалуйста на передней конецъ палубы», говорилъ рулевой, увидавъ въ рукахъ моихъ сигару. Намъ показалось страннымъ такое предостереженіе, тѣмъ болѣе, что мы находились не въ залѣ, а на открытой палубѣ американскаго парохода, гдѣ, сколько намъ было извѣстно, не опасались пожара отъ куренья. Все объяснилось однако, когда рулевой, узнавъ, что мы иностранцы, учтиво прибавилъ: «сюда могутъ выйти леди».

Такъ строго здѣсь, въ странѣ свободы, соблюдаются уставы общежитія; такимъ вниманіемъ окружаютъ здѣсь женскій полъ! Здѣшній ораторъ, обращаясь къ публикѣ, начинаетъ рѣчь свою не иначе какъ воззваніемъ: леди и джентльмены! Ему, конечно, ничего не стѣбитъ отдать такимъ образомъ предпочтеніе леди, по крайней мѣрѣ на словахъ; и еслибъ этими мелочами ограничивалось все вниманіе къ женщинамъ, то можно бы почесть это за пустую учтивость. Однако случаи, болѣе важные

(1) См. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 3, 5, 12 и 17-й.

свидѣтельствуя, что Американцы глубоко проникнуты уваженіемъ къ матерямъ будущаго поколѣнія. Въ Филадельфіи мы только-что узнали изъ газетъ объ ужасной катастрофѣ, постигшей пароходъ *Центральная Америка*, въ Мексиканскомъ заливѣ. Во время сильной бури среди моря на пароходѣ, неизвѣстно отъ какой причины, открылась течь; гибель его была неизбежна; не предвидѣлось никакихъ средствъ къ спасенію. Въ это самое время, на волнахъ показался другой пароходъ. Узнавъ объ опасности, угрожающей пассажирамъ *Центральной Америки*, онъ остановился; но по причинѣ сильного волненія не было возможности подѣхать близко къ погибавшимъ. Спустили большую лодку, въ которой къ несчастію могла помѣститься небольшая только часть пассажировъ. Тогда Американцы единодушно рѣшили спасти женъ и дѣтей; всѣхъ ихъ посадили въ лодку, которая благополучно добралась до спасительнаго парохода. Изъ мужчинъ ни одинъ не покусился сѣсть въ лодку. Нѣсколько человекъ успѣло спастись; а капитанъ и большая часть пассажировъ потонули вмѣстѣ съ погружившимся въ волны пароходомъ. Отдавая такое преимущество женскому полу, Американцы подтверждаютъ несомнѣнную истину, что значеніе, которымъ въ странѣ пользуется женщина, находится въ прямомъ отношеніи съ образованностію народа.

Возвращаясь въ Нью-Йоркъ изъ Филадельфіи, мы на этотъ разъ предпочли ѣхать моремъ. Около полудня нашъ пароходъ выѣхалъ внизъ по Делаварѣ въ Атлантическій океанъ, и проплывъ ночь не въ дальнемъ разстояніи отъ береговъ, приближался уже на другое утро къ нью-йоркской гавани. Едва разсвѣло, на морѣ со всѣхъ сторонъ, вблизи и вдали, показались суда разныхъ формъ и величинъ. Всѣ они устремлялись къ одной общей цѣли, ко входу во внутреннюю гавань. Входъ этотъ (*the Narrows*) образованъ сближеніемъ двухъ острововъ, расположенныхъ близь материка: продольнаго Лонгъ-Эйланда и не большаго Стетенъ-Эйланда. По приближеніи къ проливу все яснѣе и богаче развертывались передъ нами береговые виды: на островахъ виднѣлись свѣтлые домики между зеленѣвшими полями и кудреватыми рощами. Пароходъ миновалъ укрѣпленія, защищающія входъ въ гавань, и вскорѣ передъ нами открылся видъ на внутренность порта, который, по живописности своей, поспорить съ любую гаванью на свѣтѣ: это обширный бассейнъ, ограниченный берегами материка и замкнутый съ

другихъ сторонъ двумя островами. Оградивъ внутренность гавани отъ морскихъ бурь, они оставили между собою и материкомъ просторные проходы для кораблей и пароходовъ. Внутри бассейна находятся еще три маленькихъ острова, а со стороны противоположной входу—въ бухту вливается Гудсонъ-риверъ. Онъ течетъ въ прямомъ направленіи съ сѣвера, такъ что взоръ, скользя по зеленовато-стекловидной поверхности его водъ, достигаетъ до самаго склона горизонта. Окаймляющіе водную равнину берега нигдѣ не представляютъ значительныхъ возвышеній: слегка кое-гдѣ поднятые они не поражаютъ величіемъ нагроможденныхъ массъ. Но отличительная живописность гавани заключается въ особенномъ очертаніи береговъ, то выступающихъ впередъ, то уходящихъ внутрь, вслѣдствіе чего всѣ предметы представляются взору въ чудныхъ переходахъ дали и близіи.

На Лонгъ-Эйландѣ, за выдавшимся угломъ острова, показался городъ Бруклинъ, лежащій противъ Нью-Йорка, по другую сторону Эстъ-ривера, какъ названъ проливъ, отдѣляющій островъ отъ материка. Вотъ и крайняя оконечность самого Нью-Йорка, такъ-называемая батарея, омываемая съ одной стороны Гудсономъ, а съ другой Эстъ-риверомъ. Отсюда, по направленію къ сѣверу, острымъ клиномъ вытянулись строенія города, которому не видать конца, тѣмъ болѣе, что видъ загражденъ лѣсомъ мачтъ и паровыми трубами. Вскорѣ пароходъ нашъ пропалъ среди множества судовъ, расположенныхъ въ гавани и разбѣжавшихъ взадъ и впередъ по обширному заливу.

Нью-Йоркъ, 1837, 2 іюня?

Въ Америкѣ нѣтъ такихъ мѣстъ, въ которыхъ въ опредѣленное время года собиралась бы ярмарка; но въ каждомъ торговомъ городѣ ея круглый годъ происходитъ ярмарочная дѣятельность, а Нью-Йоркъ въ этомъ отношеніи всемірный рынокъ, открытый во всякое время. Только въ одно мѣсто на всемъ земномъ шарѣ, на Темзу, собирается еще большее число судовъ. Но тамъ, на не широкой рѣкѣ они тѣснятъ, заграждаютъ другъ друга; здѣсь, въ обширной бухтѣ, на полномъ просторѣ дымятся пароходы, и движутся корабли, распутивъ паруса. Благодаря удобствамъ гавани, въ Нью-Йоркъ перешла значительная часть торговли другихъ городовъ, преимущественно Филадельфіи и Бостона. Торговля сильнѣйшій двигатель интересовъ американскаго народа: ею управляется вся

жизнь его политическая и социальная. А потому Нью-Йоркъ, какъ средоточіе торговли двухъ міровъ, стараго и новаго, есть настоящая столица республики. Его вліяніе ощущается повсюду, во всѣхъ отрасляхъ народной дѣятельности. Его капиталы преимущественно участвуютъ въ предпріятіяхъ на Дальнемъ Западѣ, отъ которыхъ зависитъ судьба поселенцевъ. Направленіе его политики отзывается во всѣхъ концахъ Союза, и рѣшаетъ перевѣсъ той или другой партіи. Его обширная журналистика и литература указываютъ путь умственному развитію народа. Такое могущественное вліяніе американской метрополи есть слѣдствіе того всеобъемлющаго значенія, какое получила торговля въ Соединенныхъ Штатахъ. Расположенные между двумя океанами, они, съ одной стороны, размѣниваются произведеніями съ промышленною Европой, а съ другой — торгуютъ съ отдаленнѣйшими странами Азіи. Въ нѣдрахъ обширной земли ихъ въ изобиліи находятся самые необходимыя для промышленности матеріалы, уголь и желѣзо, а плодородная почва производитъ всякаго рода растительные продукты отъ ржи и пшеницы на сѣверѣ, и до сахарнаго тростника на югѣ. Самый материкъ, перерѣзанный въ разныхъ направленіяхъ судоходными рѣками, представляетъ большія удобства для обширныхъ путей сообщенія. Но однихъ этихъ преимуществъ, зависящихъ отъ географическаго положенія, отъ почвы и климата, было бы недостаточно для развитія торговли. Для того, чтобъ исчерпать выгоды, представляемыя естественными условіями края, необходимо было переселиться въ Сѣверную Америку англо-саксонскому племени съ его неуклончивымъ духомъ предпріимчивости, съ практическимъ взглядомъ на жизнь, съ высокимъ пониманіемъ гражданской свободы и уваженія къ правамъ личности. Торговля Америки не достигла бы такихъ широкихъ размѣровъ, еслибъ ея свободныя постановленія не предоставили полнаго простора для всякаго рода предпріимчивыхъ дѣятелей. Не зная надъ собою правительственной опеки, каждый возлагаетъ всѣ надежды свои на собственныя силы. Вслѣдствіе такой самостоятельной дѣятельности народа и развилась та самоувѣренность, та энергія, которая не останавливается ни передъ какими препятствіями. Правда, пріѣзжающій сюда изъ Европы переселенецъ подвергается здѣсь въ первое время горькимъ испытаніямъ: не привыкнувъ у себя дома къ независимой дѣятельности, онъ въ Америкѣ долженъ пройти суровую школу практической жизни,

прежде чѣмъ достигнетъ успѣха въ предпріятіяхъ. Намъ не разъ приходилось слышать отъ людей, пережившихъ здѣсь всѣ превратности судьбы, что переселившійся въ Штаты только тогда начинаетъ вести свои дѣла успѣшно, когда окончательно истощились всѣ деньги, вывезенныя имъ изъ Европы. Наконецъ новичокъ, неумолимо предоставленный самому себѣ, выходитъ изъ этой суровой школы съ сознаниемъ собственныхъ силъ, и въ послѣдствіи всякое дѣло уже кажется ему легкимъ.

Несмотря однако на отсутствіе всякой стѣснительной опеки со стороны правительства, оно тѣмъ не менѣе въ случаѣ нужды оказываетъ всѣ возможные пособія своимъ гражданамъ, особенно тѣмъ, которые торгуютъ въ чужихъ странахъ. Заботливость его въ этомъ отношеніи простирается до того, что американскимъ консуламъ предписывается подавать помощь матросамъ, которыхъ болѣзнь захватитъ въ иностранной гавани.

При такихъ только условіяхъ торговля Соединенныхъ Штатовъ могла достигнуть тѣхъ блистательныхъ результатовъ, о которыхъ свидѣтельствуютъ ея официальные отчеты. Такъ, отъ іюня 1856 до іюня 1857, всѣхъ произведеній, то-есть хлѣба зерномъ и мукой, хлопчатой бумаги, табаку и т. д., изъ Сѣверной Америки вывезено на сумму 279 милліоновъ долларовъ. Сюда слѣдуетъ еще прибавить огромное количество калифорнскаго золота, котораго отправлено было слишкомъ на 69 милліоновъ; вообще вывозъ превышалъ привозъ на 2 милліона долларовъ; замѣтимъ еще, что почти двѣ трети всѣхъ оборотовъ суммъ прошли черезъ нью-йоркскіе банки.

Большая часть произведеній отправлена была въ Европу и преимущественно въ Англію, откуда, въ замѣнъ этого, Соединенные Штаты получили произведенія мануфактурной промышленности. Чтобы взвѣсить всю важность этихъ торговыхъ оборотовъ между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ въ политико-экономическомъ отношеніи, должно замѣтить, что Америка доставляетъ Европѣ свои сырыя произведенія, тогда какъ получаетъ отъ нея большею частію товары, принадлежащіе къ предметамъ роскоши. А потому застой въ торговлѣ имѣлъ бы не одинаковыя послѣдствія для обѣихъ сторонъ. Въ Европѣ, слѣдствіемъ такого застоя была бы гибель милліоновъ фабричныхъ работниковъ; а Соединенные Штаты въ такомъ случаѣ освободились бы совершенно отъ европейской промышленности: тогда милліоны долларовъ были бы употреблены здѣсь на开办 новыя фабрикы, и большое число фабрикантовъ изъ

Европы неминуемо устремилось бы въ Америку. Такимъ образомъ нарушение политическаго согласія между Англїей и Штатами повлекло бы за собою болѣе широкое развитіе промышленной дѣятельности въ предѣлахъ Америки.

Торговля до того проникла здѣсь во все сферы общественнаго развитія, что Американецъ готовится къ ней еще въ школахъ. Мы не говоримъ о весьма не многихъ институтахъ, назначенныхъ исключительно для посвящающихъ себя коммерческой дѣятельности. Не должно также думать, чтобы въ здѣшнихъ общественныхъ школахъ торговля составляла особый предметъ изученія. Напротивъ, въ начальномъ образованіи здѣсь избѣгаютъ всякаго рода спеціальности, и потому молодое поколѣніе получаетъ развитіе, по возможности многостороннее. Самый составъ учебныхъ предметовъ, въ который, вмѣстѣ съ географіей и естественными науками, входятъ исторія, математика, латинскій языкъ, законовѣдѣніе, даже стилистика и декламация, свидѣтельствуетъ объ этомъ. Несмотря однако на такое разнообразіе предметовъ, преподаваніе само по себѣ проникнуто уже идеей практичности, такъ что при изученіи предмета, всегда обращается вниманіе на существенную пользу его. Эта идея практичности проходитъ по всемъ возрастамъ, начиная отъ азбуки и до высшихъ частей математики, такъ что мальчикъ уже постигаетъ цѣль, для которой онъ учится, а преподавателю не приходится на вопросъ ученика: зачѣмъ учиться тому или другому предмету? отвѣтываться уклончивымъ отвѣтомъ въ родѣ: «теперь учишь только, современемъ, когда выростешь, узнаешь и пользу.» Всякій мальчикъ и даже всякая дѣвочка, сообразно своему возрасту, постигаютъ эту пользу и безъ объясненій учителя. Самые предметы уже распределены сообразно со степенью пониманія каждаго возраста. По мѣрѣ развитія ученика расширяется и сфера его понятій о полезности наукъ, и, согласно съ этимъ, лишь въ послѣдствіи сообщаются учащимся классическія знанія. Въ этомъ постепенномъ восхожденіи по ступенямъ, отъ постиженія осязательной, матеріальной пользы и до пониманія высшаго значенія науки, заключается та настоящая практичность, которая составляетъ отличительную черту въ характерѣ Американца.

Такимъ образомъ, въ самой школѣ изощряется способность изъ всякой вещи извлекать пользу и исчерпывать все выгоды, представляемыя предметомъ. Вмѣстѣ съ этимъ развивается и жажда дѣятельности, и смѣлая предприимчивость, и быстрота

соображенія, отличающія Американца. Онъ обладаетъ необыкновеннымъ тактомъ изъ всякаго дѣла извлекать деньги. Но деньги, собственно, служатъ для него вѣрнымъ мѣриломъ для оцѣнки предметовъ: онъ на золото взвѣшиваетъ трудъ, таланты и достоинства человѣка. Торговые люди здѣсь не жалѣютъ издержекъ въ пользу науки, и щедрыми пожертвованіями частныхъ лицъ много сдѣлано не только для просвѣщенія народа, но и для высшаго научнаго образованія. Такъ въ Нью-Йоркѣ общество молодыхъ купцовъ основало библіотеку, *Library Association*, въ прекрасномъ зданіи которой находится до 42.000 томовъ изъ всѣхъ отраслей наукъ и литературы. Богачи подарили обществу много дорогихъ и рѣдкихъ изданій въ родѣ *Фауны Америки*, великаго творенія Одюбона, и теперь *Library Association* обладаетъ такими произведеніями, какихъ не найдти даже въ библіотекахъ, располагающихъ гораздо обширнѣйшими средствами. Кромѣ того, въ залахъ этого заведенія, въ зимніе мѣсяцы, читаются публичныя лекціи. Входъ открытъ для всякаго, и за ничтожную плату, за два доллара въ годъ, посѣтитель не только пользуется всѣми книгами, но имѣетъ также возможность прочесть въ удобной залѣ всѣ новѣйшія газеты и журналы: общество выписываетъ до ста семидесяти разныхъ періодическихъ изданій.

Въ Нью-Йоркѣ основано другое, еще обширнѣйшее заведеніе, по завѣщанію богатѣйшаго гражданина въ Штатахъ, Астора. Огромная библіотека, носящая названіе *Astor library*, открыта для всѣхъ бесплатно. Примѣры такой щедрости, повторяющіеся здѣсь на каждомъ шагѣ, достаточно свидѣтельствуютъ о высокомъ уваженіи къ наукѣ и литературѣ между людьми, разбогатѣвшими торговлей.

Участіе, принимаемое всѣми классами народа въ дѣлѣ просвѣщенія, обнаруживается уже въ необыкновенномъ числѣ произведеній, выходящихъ изъ-подъ станковъ нью-йоркскихъ типографій. Въ нихъ печатается до 115 разныхъ газетъ и періодическихъ изданій, и нигдѣ въ Европѣ не расходятся они въ такомъ громадномъ числѣ экземпляровъ, какъ здѣсь. Литературный листокъ, подъ названіемъ *The Ledger*, заплатилъ газетѣ *Tribune*, за помѣщеніе одного объявленія о выходѣ, три тысячи долларовъ. Такія издержки съ избыткомъ покрываются распространеніемъ листка, выходящаго разъ въ недѣлю въ числѣ 320.000 экземпляровъ.

Къ главнымъ причинамъ успѣха Американцевъ въ торговыхъ

оборотахъ должно отнести также широкое развитіе духа товарищества, который сдѣлался здѣсь душой всѣхъ громаднѣхъ предприятий. Рѣдко случается, чтобы спекулятивныя операціи принимались однимъ лицомъ; но часто одно и то же лицо участвуетъ въ дѣлахъ нѣсколькихъ компаній въ одно и то же время. Источникъ такого развитія компаній таится уже въ характерѣ Американца, въ той высокой довѣренности, которую питаетъ онъ къ каждому лицу. Американецъ чуждъ мелочности въ торговлѣ; напротивъ, тутъ обнаруживаетъ онъ истинную доблесть и великодушіе. Нерѣдко на словахъ совершаются огромныя подряды. Случается, что по доставкѣ товара, вслѣдствіе пониженія цѣнъ на него, купецъ долженъ повести отъ него уронъ; но онъ никакъ не нарушитъ своего слова и не возвратитъ товара подрядчику.

Американецъ не знаетъ зависти при видѣ удачи въ дѣлахъ ближняго; напротивъ, онъ торжествуетъ при всякой успѣшной операціи вмѣстѣ съ совершившимъ ее, видя въ этомъ вѣрнѣйшій залогъ успѣха въ собственныхъ предприятияхъ. Каждый увѣренъ, что съ процвѣтаніемъ всего общества процвѣтаетъ и его собственное дѣло; и наоборотъ, трудясь для собственнаго благосостоянія, каждый пролагаетъ дорогу своему ближнему. Оттого такое участіе ко всякому, хотя бъ и рискованному предприятию, оттого такой широкій кредитъ, этотъ главный двигатель торговыхъ оборотовъ.

Компаніи въ Нью-Йоркѣ приняли на себя даже главную работу о переселенцахъ, самая большая часть которыхъ прѣзжаетъ черезъ метрополию. Вслѣдствіе огромнаго стеченія въ городѣ выходцевъ, состоящихъ большею частію изъ бѣдныхъ и малообразованныхъ жителей Европы, преимущественно изъ Ирландцевъ и Нѣмцевъ, въ Нью-Йоркѣ появилось большое число бродягъ. Многіе изъ переселенцевъ, не имѣя средствъ ѣхать далѣе на западъ, остаются въ городѣ почти безъ средствъ къ пропитанію. Не всегда находя для себя работу, они увеличиваютъ собою число бродягъ, промышленяющихъ преимущественно тѣмъ, чтобъ обманомъ завлечь въ свои сѣти легковѣрныхъ новоприбывающихъ переселенцевъ. Для предохраненія неопытныхъ выходцевъ отъ такихъ надувательствъ, переселенцевъ прямо съ корабля высаживаютъ въ *Castle-Garden*, здание въ родѣ башни, стоящее на оконечности города, на такъ называемой батарее. Здѣсь комиссары общества переселенія снабжаютъ выходцевъ совѣтами, предостерегаютъ ихъ отъ опас-

ныхъ бродягъ и преимущественно заботятся, чтобы ново-пріѣзжіе не оставались безъ дѣла въ городѣ, почему и препровождаютъ ихъ, по возможности скорѣе, по желѣзной дорогѣ на западъ.

На Нью-Йоркѣ лежитъ много обязанностей, какъ въ отношеніи переселенцевъ вообще, такъ и въ отношеніи больныхъ, бѣдныхъ и бездомныхъ. И онъ исполняетъ свои обязанности съ тою гуманною практичностью, съ тою великодушною щедростію, которая внушаетъ уваженіе каждому посѣтителю міроваго торговаго города. Путешествующій по европейскимъ городамъ интересуется преимущественно произведеніями искусствъ, памятниками древности и тому подобными достопримѣчательностями. Рѣдко кому вздумается тамъ посѣщать заведенія въ родѣ больницъ, богадѣлень, тюремъ. Самый доступъ въ эти заведенія въ Европѣ сопряженъ съ затрудненіями и не малыми хлопотами. Здѣсь же, напротивъ, не только всюду открыты двери для любопытныхъ посѣтителей, но Американцы сами даже предлагаютъ свои услуги чужестранцу и водятъ его по своимъ заведеніямъ, посвященнымъ человеколюбію.

Отраднѣ всего то, что доступъ въ эти заведенія чрезвычайно облегченъ для нуждающихся въ нихъ. Кто не въ состояніи самъ снискивать себѣ пропитаніе, тотъ отправляется прямо въ одинъ изъ пріютовъ, въ такъ-называемый *Alms-house*, объясняетъ свое положеніе смотрителю, и его, безъ дальнѣйшихъ справокъ, принимаютъ въ заведеніе. Такимъ образомъ нѣсколько тысячъ безпомощныхъ, большею частію Ирландцевъ, находятъ здѣсь всегда готовое пристанище.

Послѣ торговыхъ и человеколюбивыхъ заботъ цѣлой недѣли, Нью-Йоркъ, по воскресеньямъ, предается совершенному успокоенію. Съ высокой башни собора Святой Троицы раздается призывный гулъ колоколовъ, въ которомъ, къ нашему удивленію, узнали мы мотивъ народнаго гимна: «Боже, царя храни!» Тогда неутомимые Американцы успокаиваются отъ всякихъ спекулятивныхъ подвиговъ. Бродвей и другія улицы пустѣютъ, и все народонаселеніе уносится толпами на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ въ разные концы живописныхъ окрестностей. Богатые купцы, имѣющіе собственныя дачи по берегамъ Гудсона и на сосѣднихъ островахъ, отправляются туда большею частію еще наканунѣ вечеромъ. Менѣе богатые въ воскресенье утромъ, тотчасъ по окончаніи обѣдни, садятся на одинъ

изъ пароходовъ, перевозящихъ въ разныя мѣста по островамъ и на другую сторону залива.

Самое любимое мѣсто дачныхъ жителей—*Staten-Island*. Омываемый съ одной стороны бухтой, а съ другой—океаномъ, покрытый лѣсистыми холмами, Стетенъ-Эйландъ представляетъ большое разнообразіе живописныхъ мѣстностей. Природа сама позаботилась снабдить островъ богатою растительностью, такъ что не много искусства потребовалось на постройку красивѣйшихъ дачъ: стоило только выбрать мѣсто для блага деревяннаго дома, провести двѣ-три дорожки между кипарисами, бѣлыми акаціями, сикаморами, огородить все это легкимъ палисадомъ, упирающимся однимъ концемъ въ далеко-раскинувшійся заливъ—и дача готова. Вообще Американцы не тратятъ много на обустройство своихъ дачъ, а какихъ-нибудь общественныхъ садовъ, парковъ, или вообще мѣстъ, устроенныхъ для публичныхъ гуляній, какими изобилуютъ окрестности европейскихъ столицъ, здѣсь вовсе нѣтъ. Каждый строитъ себѣ дачу сообразно своимъ потребностямъ и вкусу, а всѣ вообще пользуются тѣмъ, чѣмъ наградила здѣсь людей щедрая природа.

На *Staten-Island* Американцы большею частью тихо проводятъ воскресенье на своихъ дачахъ, тогда какъ Нѣмцы, составляющіе немалую часть населенія Нью-Йорка, удаляются на другую сторону Гудсона за Гобукенъ. Такимъ образомъ, эти двѣ націи цѣлые шесть дней недѣли живутъ вмѣстѣ, въ городѣ, въ дружномъ соревнованіи по части торговой и промышленной, а въ праздникъ непременно разъѣзжаются въ разныя стороны и проводятъ его каждый сообразно своимъ національнымъ наклонностямъ. Американцы не терпятъ пѣсенъ и шумнаго разгуда въ этотъ день, а Нѣмцы не могутъ обойтись безъ своихъ *Singverein* и *Lager-Bier*. Тамъ за Гобукеномъ они даютъ себѣ полную волю въ своихъ пивоварняхъ, въ увеселительныхъ садахъ (*Lustgarten*), поютъ, пьютъ пиво до поздняго вечера. Когда стемнѣетъ гуляющіе съ разныхъ сторонъ шумными толпами возвращаются къ перевозамъ, и съ пѣснями переѣзжаютъ заливъ, готовясь съ слѣдующаго дня опять приняться за свои дѣла въ обществѣ съ строгими, воздержными янки.

Недавно еще Американцы хотѣли настоять, чтобы въ окрестностяхъ Нью-Йорка были запрещены всякія гульбища и увеселенія и ограничено употребленіе крѣпкихъ напитковъ. Но послѣ долгихъ преній они должны были уступить партіи Нѣмцевъ, которые съ горячностью отстаивали свои загородныя увеселенія.

тельные мѣста. За исключеніемъ нѣкоторыхъ образованныхъ Германцевъ, большая часть нѣмецкихъ выходцевъ переѣзжаетъ сюда изъ Европы въ ложномъ заблужденіи, будто въ республикѣ слѣдуетъ предаваться разгулу еще болѣе чѣмъ въ странѣ монархической. Въ глазахъ же Американцевъ употребленіе вина, съ цѣлью наслажденія, служить только доказательствомъ младенческаго состоянія, неразвитости людей, прибѣгающихъ къ такимъ средствамъ увеселенія. Но въ республиканскомъ обществѣ, основанномъ на равенствѣ его членовъ, особенно вредны рѣзкія отличія между людьми по степенямъ ихъ развитія. Слишкомъ рѣзкимъ раздѣленіемъ націи на разные классы по степенямъ развитія нарушается принципъ республиканскаго равенства въ самомъ его основаніи. Пьянство и развратъ поражаютъ чернь, которая не можетъ быть терпима въ государствѣ, гдѣ всѣ граждане принимаютъ участіе въ правленіи. А потому Американцы и стараются внести правила воздержанія въ свои правительственныя постановленія, дать имъ силу закона. Въ нѣкоторыхъ штатахъ Новой Англіи они уже достигаютъ этой цѣли. Въ Нью-Йоркѣ германское народонаселеніе болѣе всего препятствуетъ успѣхамъ обществъ воздержанія.

Странно—и особенно здѣсь, въ сосѣдствѣ съ тихою американскою жизнію,—странно было намъ видѣть и слышать этотъ шумъ и суматоху въ какомъ-нибудь загородномъ мѣстѣ, куда собралась толпа Нѣмцевъ съ цѣлью повеселиться, какъ говорили они. Американецъ смотритъ на нихъ снисходительно, какъ на малолѣтнихъ: онъ не понимаетъ наивнаго въ его глазахъ восторга, въ который приходитъ сосѣдъ его, Германецъ, за кружкой пива при звукахъ пѣсни:

Am Rhein! am Rhein! . . .

За презрѣніе къ подобнымъ веселостямъ, Нѣмцы и называютъ Американца необщительнымъ и упрекаютъ его даже въ матеріализмъ. Американецъ съ своей стороны видитъ въ шумныхъ увеселеніяхъ одинъ лишь грубый матеріализмъ наслажденія, который проявляется въ этихъ мелочныхъ заботахъ о прихотяхъ, объ удовольствіяхъ. Правда въ характерѣ *лики* матеріализмъ составляетъ немаловажную черту, но только совсемъ въ другомъ смыслѣ: его матеріализмъ проявляется преимущественно въ стремленіи къ полезному въ матеріальномъ отношеніи, и потому онъ во всякомъ случаѣ стоитъ нрав-

ственно выше матеріализма наслажденія. Должно впрочемъ замѣтить, что образованные Нѣмцы, съ которыми намъ случилось здѣсь говорить объ этомъ, сами порицали своихъ соотечественниковъ за ихъ противодѣйствіе успѣхамъ воздержанія. Притомъ такое противодѣйствіе оказываютъ болѣе всего ново-прибывшіе выходцы изъ Европы; дѣти же ихъ въ этомъ отношеніи вполнѣ сочувствуютъ Американцамъ. Заставъ разъ въ воскресенье за городомъ почтеннаго Нѣмца, отца двухъ взрослыхъ юношей, за кружкой пива, мы освѣдомились объ его сыновьяхъ. «Они вѣрно дома», сказалъ онъ, «а можетъ-быть пошли къ одному изъ своихъ пріятелей. Сюда они никогда не ходятъ, и я имъ не препятствую по своему проводить воскресенье.» Почтенный Нѣмецъ и самъ сознавалъ несообразность шумныхъ увеселеній въ сосѣдствѣ съ американскою жизнью, но привычка стала для него второю натурой.

Есть одно мѣсто близъ Нью-Йорка, которое замѣняетъ для жителей роскошные европейскіе сады и парки. Это богатое кладбище, *Greenwood Cemetery*, расположенное на Лонгъ-Эйландѣ за Бруклиномъ, куда переѣзжаютъ на пароходѣ черезъ Эстъ-риверъ. Изъ Бруклина конная желѣзная дорога идетъ до самаго кладбища. Леди и джентльмены садятся въ ожидающія ихъ у входа коляски и объѣзжаютъ въ нихъ это обширное мѣсто вѣчнаго успокоенія. Гуляющіе находятъ отдыхъ и прохладу въ разныхъ рефекторіяхъ, помѣщенныхъ у кладбища и промышленяющихъ разнаго рода прохладительными напитками и кондитерскими произведеніями. Входъ на кладбище украшенъ высокимъ каменнымъ порталомъ. Гуляя здѣсь по чистымъ широкимъ дорогамъ, забываешь по временамъ о назначеніи этого мѣста, и воображаешь себя въ прекрасномъ, обширномъ саду, устроенномъ для наслажденій тихою, счастливою жизнью. Холмы и пригорки, покрытые свѣжею, яркою зеленью; рѣчка, орошающая живописныя долины; фонтаны, брызжущіе вверхъ тонкою струей; видъ съ высокаго мѣста на свѣтлую поверхность далекаго океана;—и среди этой обстановки на полномъ просторѣ роскошные памятники изъ бѣлаго мрамора съ красивыми чугунными рѣшетками, обсаженные кучами деревьевъ: все это вмѣстѣ придаетъ здѣсь смерти не унылый видъ тяжелаго усыпленія, напротивъ, тотъ свѣтлый видъ возрожденія, который такъ поэтически выраженъ въ стихѣ Пушкина :

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сиять.

Утромъ 3-го іюня плыли мы вверхъ по Гудсону, красота береговъ котораго такъ много прославляется Американцами. Послѣ рѣкъ роскошнаго юга, окаймленныхъ дикою, но пышною растительностью, послѣ холмистыхъ береговъ Огайо, виды на Гудсонѣ намъ показались довольно блѣдными.

Дачи нью-йоркскихъ богачей по берегамъ его, большею частью ровнымъ, прерывали иногда однообразіе мѣстности. Да еще у города Вестъ-Пойнта рѣка, сузившись, представила дикій видъ горнаго пейзажа. Крутыя скалы, поросшія мхомъ, сжимали рѣку въ этомъ мѣстѣ, и она, изворачиваясь между горами, быстрѣе уносила свои воды. Вскорѣ послѣ полудня прибыли мы въ Альбани, совершивъ переѣздъ этотъ изъ Нью-Йорка въ восемь часовъ, на роскошномъ пароходѣ, на которомъ такое плаванье настоящая прогулка. А между тѣмъ,—давно ли! лѣтъ пятьдесятъ съ небольшимъ тому назадъ, еще и не помышляли о такихъ дальнихъ прогулкахъ по здѣшнимъ рѣкамъ. Тогда, вверхъ по Гудсону до самаго Альбани ходили парусныя суда изъ Нью-Йорка, и плаваніе продолжалось нѣсколько дней. Живы еще очевидцы того перваго плаванія, которое совершилъ Фультонъ на устроенномъ имъ первомъ пароходѣ. Это было въ 1803 году 4-го сентября. Газеты заранѣе извѣщали публику Нью-Йорка, приглашая желающихъ за семь долларовъ переѣхать въ Альбани на новоустроенномъ суднѣ, приводимомъ въ движеніе паровою силой. Одни покачивали сомнительно головой, другіе изощряли свой юморъ по поводу такого объявленія. Нашлись однако смѣльчаки, отважившіеся совершить опасный переѣздъ. Въ назначенный день весь городъ собрался къ гавани, гдѣ стоялъ пароходъ. Окна и крыши домовъ, близъ стоявшіе корабли и весь берегъ наполнены были зрителями. Глаза ихъ устремлены были на довольно неуклюжее судно, изъ трубы котораго густыми клубами валилъ дымъ. Фультонъ самъ находился на палубѣ, распорядился, отдавалъ приказанія твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ, повидимому не обращая вниманія на собравшуюся вокругъ толпу, готовую освистать его при малѣйшемъ признакѣ неудачи. Роковая минута наступала: все было готово, машина заработала, пароходъ отчалилъ отъ пристани. Толпа народа обратилась въ одно зрѣніе: улыбка сомнѣ-

нія еще не успѣла сбѣжать съ лица; насмѣшливое слово замерло на устахъ, все онѣмѣло, слѣдя глазами за вступающимъ въ фарватеръ пароходомъ. Когда же, обратившись противъ теченія, онъ двинулся, легко разсѣкая волны, тогда всеобщее напряженное вниманіе разразилось громкимъ крикомъ восторга, какимъ не оглашалась еще ни одна рѣка въ свѣтѣ. Это не былъ крикъ торжества послѣ одержанной побѣды, — это былъ крикъ народа, почуявшаго міровое значеніе въ предпріятіи частнаго человѣка, въ предпріятіи, отъ неудачи котораго пострадалъ бы одинъ Фультонъ, и развѣ еще соучастникъ его Ливингстонъ, снабжавшій изобрѣтателя деньгами.

Послѣ благополучнаго пріѣзда въ Альбани, самъ Фультонъ писалъ къ одному изъ друзей своихъ: «Утромъ, въ день нашего отъѣзда, не нашлось бы и тридцати человѣкъ, которые повѣрили бы, что мое судно сдѣлаетъ милью въ часъ. Какъ чудно было впечатлѣніе, когда мы обгоняли плывшіе вверхъ корабли: намъ казалось, будто они стояли на якоряхъ.» Потомъ прибавляетъ онъ: «при пароконствѣ возможна будетъ быстрая и дешевая перевозка товаровъ на Миссури, Миссиссипи и на другихъ большихъ рѣкахъ, а это возвыситъ богатство нашей земли, предпримчивость нашего народа». Слишкомъ скромное предсказаніе будущаго значенія величайшаго по своимъ послѣдствіямъ открытія нашего вѣка! Самъ Фультонъ не могъ предвидѣть того громаднаго вліянія, какое оказало уже пароходство въ полстолѣтіе на всѣ народы земнаго шара, на весь историческій ходъ человѣчества!

Бостонъ, 1857, 5 іюня.

Переѣхавъ изъ Альбани на востокъ, въ метрополию Новой Англіи, мы какъ будто очутились въ одномъ изъ приморскихъ городовъ Великобританіи. Такъ рѣзко отличается Бостонъ по кривизнѣ своихъ узкихъ улицъ, по наружному виду устарѣлыхъ домовъ, особенно у гавани, отъ правильныхъ городовъ южной Америки, въ которыхъ мы всегда скоро и легко ориентировались. Новыя строенія находятся только въ верхней части города, который весь расположенъ на косахъ и островахъ, омываемыхъ бухтами и проливами. Такое положеніе придаетъ Бостону характеръ разнообразія, котораго вообще лишены другіе американскіе города.

Съ тѣхъ поръ, какъ метрополія Новой Англіи утратила первенство въ торговлѣ, она по преимуществу гордится своею ученостью, своими литературными обществами и, особенно,

лучшимъ устройствомъ своихъ народныхъ школъ. Вообще штатъ Массачусетсъ, въ которомъ находится Бостонъ, въ отношеніи народнаго образованія служитъ образцомъ для другихъ штатовъ въ Америкѣ. Въ немъ, при миллионѣ жителей, находится слишкомъ 4.000 школъ разныхъ разрядовъ, такъ что на каждые 250 человекъ приходится по крайней мѣрѣ по одной школѣ. Въ одномъ Бостонѣ болѣе пятидесяти разныхъ училищъ. Здѣшній университетъ занимаетъ первое мѣсто между высшими учебными заведеніями въ Штатахъ. Онъ находится не въ самомъ городѣ, а верстахъ въ восьми отъ него, въ мѣстечкѣ Кембриджѣ, куда переѣхали мы по конной желѣзной дорогѣ.

По близости университетскаго зданія намъ указали квартиру знаменитаго профессора Агассица. Тутъ насъ, впрочемъ не въ первый разъ, поразило совершенно-открытое расположеніе квартиръ здѣшнихъ жителей. Вошедъ въ растворенныя двери съ улицы, мы остановились въ первой комнатѣ, не зная куда обратиться: направо и налево двери стояли настежь. Обратившись въ комнату направо, мы попали въ гостиную, въ которой не застали никого. Мы повернули въ другую комнату: оказалось, это былъ кабинетъ профессора, который сидѣлъ тутъ же за письменнымъ столомъ, занятый корректурой своего новаго сочиненія. Онъ принялъ насъ радушно и выказалъ большое участіе къ нашему путешествію по Штатамъ, которые ему хорошо были извѣстны. Въ послѣдствіи намъ весьма были полезны указанія, которыми снабдилъ насъ г. Агассицъ. Онъ самъ каждый годъ предпринимаетъ поѣздки въ разные концы Штатовъ, и на этихъ экспедиціяхъ собираетъ матеріалы для своихъ ученыхъ изслѣдованій.

Говоря о научномъ образованіи въ Штатахъ, профессоръ подтвердилъ, что у Американцевъ особенно развита склонность къ изученію физическихъ наукъ. Такая склонность, впрочемъ, пробудилась здѣсь не только вслѣдствіе матеріальной пользы, которую приносятъ естественныя знанія въ практической жизни, но также и потому, что Сѣверная Америка представляетъ особенно выгодныя условія для успѣшныхъ занятій наукой о природѣ. По причинѣ чрезвычайнаго распространенія печатныхъ произведеній во всѣхъ слояхъ общества, свѣдѣнія проникаютъ повсемѣстно и поддерживаютъ въ народѣ интересъ къ естественнымъ знаніямъ, которыя по преимуществу всѣмъ доступны. Въ школахъ учащимся доставляется обиліе

фактовъ и наблюденій, причѣмъ пользуются лучшими способами нагляднаго обученія, наиболѣе живаго и плодovitаго по своимъ результатамъ. Въ этомъ отношеніи воспользовались также богатыми средствами, которыя представляютъ новѣйшія открытія искусства и техники. Движеніе торговли, съ своей стороны, способствуетъ распространенію предметовъ чуждыхъ странъ въ самые отдаленные края. Но — что въ этомъ случаѣ важнѣе всего — обширное развитіе путей сообщенія въ Америкѣ даетъ возможность учащимся, при незначительныхъ даже средствахъ, совершать поучительныя экспедиціи, доставляющія въ короткое время богатый запасъ живыхъ наблюденій. Въ этомъ особенно отношеніи Америка имѣетъ большое преимущество передъ Европой, гдѣ теперь найдется немного такихъ мѣстъ, въ которыхъ учащійся могъ бы наблюдать природу въ первобытныхъ, безыскусственныхъ ея проявленіяхъ, не измѣненныхъ вліаніемъ на нее человѣка. Въ дѣственныхъ лѣсахъ и степяхъ Америки, явленія представляются во всей своей естественной простотѣ и немногосложности; такъ что для ума наблюдателя осязательнѣе становятся самая связь и взаимодѣйствіе процессовъ природы. Такъ выгодно сложились здѣсь всѣ обстоятельства для возбужденія въ Американцахъ той охоты къ естественнымъ знаніямъ, которая еще болѣе развилась вслѣдствіе широкаго примѣненія ихъ къ практической жизни.

Монреаль, въ Канадѣ, 9 іюня.

Растительность въ самыхъ сѣверныхъ штатахъ, черезъ которые мы проѣхали на пути изъ Бостона въ Монреаль, лишилась уже того разнообразія древесныхъ породъ, которое составляетъ отличительную черту лѣсовъ въ болѣе южныхъ краяхъ Америки. Большею частію попадались хвойныя деревья; между ними, группами росли береза, ива, ольха и кое-гдѣ не высокіе дубы. Топкія мѣста покрыты были корявымъ ельникомъ. Выпущія растенія, которыя даже въ умѣренныхъ полосахъ Америки украшаютъ лѣса, замѣнились лишаями и мхомъ, покрывающимъ кочкарникъ. А между тѣмъ этотъ край находится на одной широтѣ съ Италіей, съ благодарными мѣстами между Римомъ и Миланомъ, гдѣ вовсе неизвѣстны зимніе холода, отъ которыхъ рѣки Новой Англіи покрываются льдомъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ году. Но благодаря лѣтнимъ жарамъ, здѣсь преуспѣваютъ кукуруза, пшеница, вообще зерновые хлѣба и разныя овощи. Въ Новой Англіи, болѣе чѣмъ въ другихъ шта-

тахъ, жители занимаются разведеніемъ фруктовыхъ деревьевъ, по преимуществу яблонь, сливъ, вишень, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грушъ. Персики и абрикосы здѣсь рѣдко дозрѣваютъ на воздухѣ. Эти плодовые деревья перевезены сюда изъ Англии первыми переселенцами, которые въ американскихъ лѣсахъ застали въ дикомъ состояніи только вишню.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по пути нашему однообразію окрестныхъ видовъ искупалось обиліемъ озеръ и рѣчекъ, окруженныхъ зеленѣвшими поемными лугами, съ которыхъ обдало насъ запахомъ скошеннаго сѣна.

Въ одномъ мѣстѣ желѣзная дорога шла по берегу рѣчки Андроскогинъ, огибая высоты Бѣлыхъ горъ. Тутъ мѣстность еще болѣе оживилась отдаленными высокими холмами, покрытыми лѣсомъ и кудреватымъ кустарникомъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ горъ, составляющихъ отрасль Аллегенскаго хребта, виднѣлся издали не успѣвшій еще растаять бѣлый снѣгъ. Отъ него несло холодомъ.

Наконецъ мы подъѣхали къ берегу широкаго Лоренцъ-ривера и пароходъ перевезъ насъ на другую сторону, въ Монреаль.

Англичане и Американцы, соперничая между собою, оживили городъ промышленною и торговою дѣятельностью. Однако болѣшую часть жителей до сихъ поръ составляютъ Французы, потомки переселенцевъ, положившихъ нѣкогда начало колонизаціи въ Канадѣ. Эти потомки, не похожіе на современныхъ своихъ соотечественниковъ ни по языку, ни по обычаямъ, крѣпко приверженные къ старымъ порядкамъ и понятіямъ своихъ предковъ, сохранились здѣсь, среди всеобщаго движенія, какъ уцѣлѣвшіе отъ переворотовъ остатки древности. Вдали отъ родной земли рѣзче высказываются отличительныя черты національностей; ощутительнѣе обнаруживаются добрыя качества и недостатки племени, чѣмъ дома, въ метрополіи: особенно, когда одна нація приходитъ въ близкое столкновеніе съ другою на чуждой для обѣихъ почвѣ, на которой для обѣихъ сторонъ представляются одинакія условія къ проявленію своихъ способностей и стремленій. Французскіе Канадцы удержали общительный характеръ своихъ европейскихъ соотечественниковъ, ихъ радушное гостепріимство; а вмѣстѣ съ тѣмъ и страсть къ увеселеніямъ и способность довольствоваться тѣмъ, что даетъ настоящее, не предаваясь помышленіямъ о дальней будущности. Не обладая

энергіей англо-саксонскаго племени, они уступили ему поприще широкой дѣятельности, и, ограничиваясь скромною, болѣе бѣдною жизнью, въ порывѣ самодовольствія называютъ себя: *les heureux Canadiens!* Цѣня выше всего покойную жизнь, они питаютъ сильное отвращеніе ко всякаго рода новизнѣ и переменамъ. Ихъ не подстрекаютъ къ дѣятельности никакіе спекулятивныя подвиги сосѣдей, хотя бы они и были увѣрены, что отъ нихъ самихъ зависитъ возвысить свое благосостояніе. Но они привязаны всею душой къ пастырямъ своей церкви, и къ своимъ сеньйорамъ, и по старымъ уставамъ до сихъ поръ охотно выплачиваютъ имъ часть своихъ доходовъ. Большое наслажденіе для нихъ составляютъ процессіи и церемоніи, которыя повторяются здѣсь довольно часто. Въ нашу бытность въ Монреаль, въ воскресенье, съ обыкновенною пышностью совершалось освященіе новаго колокола. Толпы разряженныхъ жителей потекли къ концу города, гдѣ стояла недостроенная еще церковь. Вся улица была убрана молодыми березками и разноцвѣтными флагами, а на мѣстѣ, гдѣ стоялъ колоколъ, высокая деревянная стѣна была разукрашена какою-то пестрою декораціей изъ разноцвѣтныхъ матерій. Когда кончилось молебствіе, начали палить изъ двухъ маленькихъ, заржавленныхъ пушекъ не безъ опасенія, что ихъ разорветъ. Все это поворачивалось нескладною музыкой здѣшной милиціи. По улицамъ образовалось такимъ образомъ настоящее гулянье, вопреки даже строгимъ уставамъ англійской церкви, запрещающей по воскресеньямъ всякаго рода публичныя увеселенія.

Ниагара, 15 іюня.

Рѣка Св. Лаврентія съ канадскими озерами представляетъ одинъ изъ главныхъ путей, по которымъ совершается современное переселеніе европейскихъ народовъ внутрь новаго материка. До Монреаля могутъ доходить большія суда, а потому этотъ городъ — главное складочное мѣсто, и здѣсь же высаживаются переселенцы, прежде чѣмъ они отправляются на одномъ изъ рѣчныхъ пароходовъ въ западные американскіе штаты. При насъ прибыли сюда до четырехъ сотъ Норвежцевъ и Нѣмцевъ, направлявшихъ большую часть въ Чикаго, на южномъ концѣ озера Мичиганъ. Можно себя представить, какое смѣшеніе языковъ было на американскомъ пароходѣ *Jenny Lind*, который готовился везти насъ съ этими переселенцами вверхъ по рѣкѣ. Свѣтлорусые Норвежцы съ женами

и дѣтьми, Нѣмцы съ озабоченными Нѣмками, разговорчивые Французы, солидные Англичане, мы, двое Русскихъ, и между этими племенами все внимательно озирающе, всегда занятые новыми спекуляціями *лукки*. Типы разныхъ національностей еще не успѣли сгладиться подъ вліяніемъ американскаго быта, стирающаго всякія племенные и сословныя особенности. Странно было видѣть здѣсь національные костюмы Норвежцевъ, состоящіе у мужчинъ изъ синей суконной куртки и такихъ же брюкъ съ нанизанными по швамъ мѣдными пуговицами. Нигдѣ костюмы, какого бы рода они ни были, не бросаются такъ въ глаза, какъ здѣсь, въ Америкѣ, гдѣ всѣ одѣваются по одному образцу.

Нагрузаясь хозяйственными пожитками переселенцевъ, пароходъ двинулся наконецъ противъ теченія. Но такъ какъ подъ самымъ городомъ рѣка образовала быстрины, то необходимо было проѣхать сперва каналомъ. Потомъ уже, повыше быстринь, пароходъ вѣхалъ въ самое русло рѣки.

Не видали мы такой рѣки какъ рѣка Св. Лаврентія, да врядъ ли есть другая подобная на свѣтѣ! Въ другихъ рѣкахъ наше вниманіе по большей части обращено бывало на виды береговъ. Вода, правда, оживляетъ мѣстность; но безъ этихъ береговъ она утратила бы всю свою живописность; это какъ будто посредственная картина, заключенная въ изящно-отдѣланную рамку. Но Лоренцъ-риверъ — картина великаго мастера, не требующая никакихъ рамочныхъ украшеній. Берега его плоски и, теряясь вдаль, не представляютъ особенно красивыхъ видовъ. Вся живопись рѣки заключается въ самой водѣ, въ измѣнчивости ея теченія, разлива и плеска. Мѣстами она расширяется до того, что не различишь, озеро ли это или все еще рѣка? Мѣстами ее тѣснятъ острова, по ней разсыпанные и поросшіе густымъ лѣсомъ. Вода чистая, цвѣта аквамарина, то тихо колышется, производя едва замѣтную рябь на поверхности то вдругъ несется быстринами, съ пѣной и шумомъ переливаясь по уступамъ покатаго русла. Тамъ, гдѣ эти быстрины слишкомъ сильны, пароходъ, минуя ихъ, объѣзжалъ по каналамъ.

Проѣхавъ мѣсто у самаго истока рѣки изъ озера, извѣстное подъ названіемъ «тысячи острововъ», пароходъ вступилъ въ Онтарио. Съ утра густой туманъ лежалъ на озерѣ, и только послѣ полудня, когда онъ совершенно разсѣялся, передъ нами открылась необозримая гладь свѣтло-зеленой ясной воды.

Вскорѣ съ лѣвой стороны показался берегъ, плоскій, ровный, мало подымавшійся надъ уровнемъ озера. Къ сумеркамъ мы вѣхали въ рѣку Ніагару, имѣя въ виду съ лѣвой стороны американскій берегъ, а съ правой англійскій. Оба берега, по мѣрѣ того, какъ пароходъ шелъ вверхъ, становились выше и представляли взорамъ свои обнаженные крутизны. Поверхность же самаго материка и здѣсь была такая же ровная и почти плоская, какъ по рѣкѣ Св. Лаврентія и у озера Онтарио. Береговья крутизны здѣсь образовались вслѣдствіе погруженія внизъ русловаго дна, какъ будто оторваннаго отъ береговыхъ краевъ.

Образованіе этихъ крутыхъ береговъ состоитъ въ тѣсной связи съ образованіемъ водопада, къ которому мы приближались. Недоѣзжая восьми верстъ до него, пароходъ высадилъ насъ въ городкѣ Левистонѣ. Отсюда локомотивъ въ четверть часа довезъ насъ до мѣстечка Ніагары. Мы остановились въ гостиницѣ *River-House*, стоявшей вплотъ у самыхъ быстринь, сажень въ ста отъ водопада вверхъ по теченію рѣки.

Когда мы открыли окно, насъ поразилъ шумъ какъ будто сотни мельницъ вдругъ открыли свои шлюзы. Глазамъ нашимъ представилась картина разъяренныхъ водъ. Намъ невольно вспомнилось, какъ разъ въ звѣринцѣ тигрица въ клеткѣ разыгралась съ своими тигрятами. Они скакали и метались какъ быстрины Ніагары. Съ шумомъ слетая внизъ по крутымъ уступамъ, слишкомъ въ сажень вышины, вода вспѣнивалась въ снѣжныя волны; на нихъ набѣгали другія волны и, подбрасывая ихъ кверху, рассыпались въ мелкія брызги. Чѣмъ болѣе всматриваешься, чѣмъ болѣе вслушиваешься, тѣмъ неотвязнѣе приковываются и слухъ и зрѣніе къ этому нестройному, но чарующему явленію.

Обративъ вниманіе на поверхность рѣки, какъ она представилась намъ изъ окна, мы увидѣли, что она въ этомъ мѣстѣ расширялась почти на версту. По ней разсыпаны были мелкіе острова, изъ которыхъ самый большой, Козій островъ, *Goat-Island*, поросъ крупнымъ лѣсомъ. По обѣ стороны его и образовались самые водопады. Намъ хотѣлось взглянуть на нихъ съ такого мѣста, съ котораго можно было бы обозрѣть ихъ все разомъ. Для этого лучше всего переѣхать въ лодкѣ, пониже того мѣста, гдѣ происходитъ паденіе воды, на противоположный англійскій берегъ. Тутъ съ валуна, торчащаго надъ поверхностью рѣки, открывается самый полный видъ на водопа-

ды; тутъ они предстали передъ нами во всемъ своемъ поражающемъ величїи.

Понятно желаніе путешествующихъ—передать въ безпристрастныхъ словахъ картину, которая такъ величава, что нельзя сродниться съ нею, а притомъ такъ дивно проста, такъ обнажена отъ всякихъ мелкихъ прикрасть, что громкія и цвѣтистыя слова были бы только искаженіемъ этой картины. Къ ней можно привыкнуть до равнодушія, но нельзя овладѣть ею ни воображеніемъ, ни инстинктомъ художника; нельзя найти въ душѣ ничего отвѣчающаго неодолимой силѣ мощнаго явленія. Понятно, что въ языкѣ нашемъ нѣтъ выраженій для такихъ картинъ. А живопись въ этомъ случаѣ еще безсильнѣе слова: не передать ей ни этой жизни въ каждой падающей струѣ, ни этой могучей силы водъ, проявляющейся безъ всякой борьбы, потому что нѣтъ силы, которая могла бы вступить съ ними въ борьбу. Живопись можетъ представить развѣ только отрывокъ изъ этой громадной картины природы.

Пока мы не видали еще водопада, и знали его только по описаніямъ и изображеніямъ, представлявшимъ его съ разныхъ точекъ зрѣнія, мы опасались, что разочаруемся, что дѣйствительность не будетъ соответствовать великолѣпнымъ образамъ фантазіи. Мы готовились даже не удивляться ничему. Но теперь, удивленію не было мѣста: душа безсознательно отдалась нѣмому созерцанію представшаго явленія; всѣ образы фантазіи пропали, стерлись передъ дѣйствительностью явленія, неожиданно поразившаго душу совсѣмъ не тѣми впечатлѣніями, къ которымъ она была подготовлена... Впечатлѣнія эти несообщимы невидавшимъ Ніагары; потому попытаемся только дать по возможности ясное понятіе о несравнимомъ ни съ чѣмъ водопадѣ.

Онъ одолженъ своимъ образованіемъ особенности земныхъ наслоеній. Вода протекаетъ здѣсь по толстому, горизонтально-лежащему слою плотнаго известняка, который самъ лежитъ на легко размываемомъ сланцѣ. Представимъ себѣ теперь рѣку, несущую воды свои между низменными берегами, отстоящими на версту другъ отъ друга. Потомъ рѣка дѣлаетъ поворотъ, образуя почти прямой уголъ, и суживается вмѣстѣ съ тѣмъ на третью часть прежней своей ширины. Представимъ себѣ, что у самаго поворота, въ углѣ, отъ одного берега до другаго произошелъ разрывъ русловаго дна, такъ что часть его погрузилась саженой на двадцать ниже верхняго русла. Берега этого погрузившагося дна рѣки представляютъ крутые бока; вмѣстѣ

съ тѣмъ, поперекъ всей рѣки образуется отвѣсный обрывъ. Къ этому обрыву и устремляется вся масса воды, несущаяся по верхнему широкому руслу. Острова стѣсняють еще болѣе сужавшееся русло. Самый большой изъ нихъ, Козіѣ островъ, пришелся какъ разъ у самаго обрыва, такъ что края его тоже обрушились внизъ, обнаживъ такимъ образомъ крутые скаты, заваленные внизу обломками валуновъ. У Козьяго острова вода разделяется на два главныхъ потока, которые всею нахлынувшею сюда массой сокрушительной влаги низвергаются съ обрыва по обѣ стороны острова съ высоты слишкомъ двадцати саженой.

Взглянемъ теперь на водопады съ того валуна, который находится въ рѣкѣ близъ англійскаго берега. Мы стоимъ лицомъ противъ теченія и видимъ въ полуверстѣ передъ собою ту главную часть водопада, которую называютъ подковой, по причинѣ полукруглой формы ея. Сюда устремилась главная масса воды, спѣша по покатоному гладкому дну верхняго русла къ мѣсту обрыва. Въ серединѣ этого полукруга, вдавагоса внутрь, вода чисто зеленаго цвѣта, подходящаго къ цвѣту малахита. Но къ обоимъ краямъ подковы она становится бѣлѣе: здѣсь еще до обрыва она вспѣнилась по верхнимъ быстринамъ, съ которыхъ, плеща и играя, донеслась сюда. Вся масса воды съ гуломъ и грохотомъ расширяется внизу о скалистые камни..

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ;
Волна за волною; и, къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ.

Въ тихую погоду изъ пучины густое облако поднимается, по-немногу рѣдѣя, кверху и скрываетъ отъ взоровъ нижнюю часть водопада. Когда же вѣтеръ ударяетъ сильнѣе въ сторону, тогда дымящійся столбъ наклоняется по направленію вѣтра, и за бѣлымъ прозрачнымъ паромъ бываетъ скрыта одна сторона водопада; а другая тогда вся на виду съ своею ясною зеленою и бѣлоснѣжными брызгами.

Если повернемъ лицо такъ, чтобы смотрѣть поперекъ рѣки, то передъ нами будетъ другая часть водопада. Нигдѣ не вдаваясь глубоко внутрь, эта американская часть водопада въ свою очередь устремляется внизъ двумя потоками, отдѣленными другъ отъ друга небольшимъ скалистымъ краемъ маленькаго острова. Съ одной стороны объемистая пѣнящаяся струя его, низвергаясь внизъ, разсыпается бѣлыми брызгами, точно съ

крутизны обрушились глыбы чистаго, разсыпчатаго снѣгу. Другой потокъ гораздо шире, но вода здѣсь не такъ чиста; мѣстами она зелено-бурая. Отдѣльныя струи этого потока ударяются объ углы выдавшихся камней, отскакиваютъ впередъ и разсыпаются нитями крупнаго жемчуга.

Все пространство, окинутое нашими взорами, отъ праваго края подковы и до лѣваго края американскаго водопада, растянулось слишкомъ на полверсты. Высота паденія превышаетъ двадцать саженъ. Объемъ всей водяной массы, падающей съ этой высоты въ продолженіе одного часа, равняется 42 милліонамъ кубическихъ футовъ, а по вѣсу это составитъ около ста милліоновъ тоннъ, каждая въ 60 пудъ. Въ этихъ-то размѣрахъ, въ этой массѣ воды, ниспадающей разомъ передъ нашими взорами, и заключается большая доля того впечатлѣнія громадности и величавости, которое охватываетъ насъ при видѣ исполина между водопадами. Притомъ здѣсь нѣтъ тѣхъ горъ, которыя, составляя дальніе планы альпійскихъ водопадовъ, такъ много способствуютъ къ живописности ихъ; здѣсь, напротивъ, взорамъ вездѣ представляется ровная, мало поднятая поверхность; а потому впечатлѣніе воспринимается душой всецѣло, во всей нагой полнотѣ своей, безъ всякой посторонней примѣси.

Но и до этого чуда природы добрался не знающій пощады промышленный духъ янки, и мы, не мѣшаешь замѣтить, чуть ли не опоздали смотрѣть Ниагару; потому что, въ послѣднія десять лѣтъ, кругомъ все такъ обстроили, что скоро не найдется такой точки, съ которой можно было бы видѣть водопадъ въ естественномъ его состояніи. Въ общихъ чертахъ онъ, правда, тотъ же, что и былъ тогда, когда французскій монахъ Геннепинъ въ первый разъ увидѣлъ его, подходя къ нему изъ канадскихъ лѣсовъ. Но теперь посѣтители не довольствуются такимъ безыскусственнымъ способомъ наблюденія, и смотрятъ на него или изъ-за дверецъ наемной коляски, въ которой развѣзжаютъ по берегамъ рѣки; или сверху какой-нибудь башни и даже съ качелей, въ родѣ нашихъ народныхъ, называемыхъ и здѣсь русскими. На этихъ качеляхъ любителя чудесъ природы сажаютъ въ кресла, поднимаютъ вверхъ, и онъ видитъ водопадъ съ точки зрѣнія летающей птицы. Смотрятъ въ него и въ телескопъ и въ стеклянную призму, отбирая за все сенты и доллары съ посѣтителей, которые лѣтомъ тысячами набѣзжаютъ сюда по желѣзнымъ дорогамъ изъ Нью-Йорка и другихъ мѣстъ. Даже самое названіе

переименовали: краснокожіе, еще въ тѣ времена, когда стада дикихъ буйволовъ, привыкнувъ къ вѣчному гулу водъ, мирно паслись по берегамъ рѣки, когда для укрощенія гнѣва воднаго божества индѣйскія дѣвы, обреченныя въ жертву, бросались въ струи водопада, погибая въ клокочущей пучинѣ его,— въ тѣ времена называли его Охньягара, что въ переводѣ значитъ громъ воды. Это сначала сократили въ Ніагару; но Американцу и это показалось неудобнымъ для выговора, и какой-нибудь кондукторъ на желѣзной дорогѣ, глотая одинъ слогъ и выплевывая другой, объявляетъ пассажирамъ о прибытіи на водопадъ, провозглашая быстро: найгра-фалль! (*Niagara-falls*). Имени — Ніагара, подъ которымъ онъ прославился у насъ, здѣсь и не услышишь.

Еслибы не огромный доходъ, доставляемый посѣтителями, то спекулятивные янки вѣрно не допустили бы, чтобы даромъ пропадала такая неодолимая двигательная сила. И теперь уже стараются употребить эту силу въ дѣло, на служеніе человѣческимъ потребностямъ. Повыше американскаго водопада, на одномъ изъ островковъ устроена бумажная фабрика, колеса которой приводятся въ движеніе водой Ніагары. Кромѣ того имѣютъ въ виду—съ помощью канала воспользоваться двигательной силой воды для устройства другихъ фабрикъ.

Съ американскаго берега на Козій островъ ведетъ мостъ, висящій надъ самыми быстринами. Это одна изъ пріятнѣйшихъ прогулокъ у Ніагары. Островъ раздѣляетъ собою оба водопада, такъ что если стать у края обрыва его надъ рѣкой, то по одну сторону отъ васъ будетъ такъ-называемая *подкова*, а по другую американскій водопадъ. На скатѣ обрыва стоитъ башня, въ которой по витой лѣстницѣ спускаются внизъ до самой поверхности воды. Внизу можно подойти близко къ низвергающимся струямъ; онѣ ударяютъ о камни съ трескомъ, подобнымъ пальбѣ изъ тысячи ружей бѣглымъ огнемъ. Американская часть водопада образовала здѣсь пещеру: вода, отразившись отъ камней и ударяя брызгами въ глинистую стѣну позади струи, вымыла тутъ довольно глубокою нишу. Въ самую пещеру входятъ по нарочно-устроеннымъ подмосткамъ; тогда надъ головой обрушивается громадная струя, обдавая стоящаго подъ ней вихрями мелкихъ, но сильно хлещущихъ брызгъ, летающихъ и сверху и снизу и съ боковъ. Войдя туда, и держась за перила, мы едва могли раскрыть глаза лишь на столько, чтобы не оступиться на вымокшихъ, скользкихъ до-

скалъ. А слухъ поражается такимъ оглушающимъ трещаніемъ, что теряется всякое сознательное чувство. Несмотря на резиновое пальто и болотные сапоги наши, мы вышли изъ-подъ струи промоченные буквально до послѣдней нитки.

Во всякомъ случаѣ, самые лучшіе виды на водопадъ представляются съ противоположнаго канадскаго берега. Потому здѣсь всегда можно застать много гуляющихъ, и здѣсь вдоль берега болѣе всего настроено разнаго рода башень и спусковъ внизъ, такъ что насъ на каждомъ шагѣ приглашали, то подняться наверхъ, то спуститься къ водѣ, а извозчики безотвязно приставали, предлагая свои коляски. Любители природы не находятъ себѣ мѣста, чтобъ избавиться отъ докучливыхъ извозчиковъ. Одинъ изъ нихъ при насъ предлагалъ свою коляску джентльмену въ сѣромъ сюртукѣ: запустивъ назадъ руки, онъ стоялъ у береговаго края, и погрузившись въ созерцаніе водопада, не обращалъ никакого вниманія на пристававшего извозчика. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, сѣрый сюртукъ оборотился и сказалъ въ сердцахъ: «Возите вы вашихъ милліонеровъ!» Потомъ онъ ушелъ, какъ видно было, сильно раздосадованный.

Слѣдуя приглашенію, мы рѣшились совершить здѣсь въ другой разъ прогулку подъ струю водопада, называемаго подковой. Насъ съ ногъ до головы одѣли въ непромокаемое резиновое платье, и дали въ проводники опытнаго въ этомъ дѣлѣ негра. Спустившись внизъ, мы подошли къ самой струѣ и, вслѣдъ за негромъ, вступили по скользкимъ, мокрымъ камнямъ внутрь, такъ что вправо отъ насъ было вымытое брызгами углубленіе въ стѣнѣ, а по лѣвую руку и надъ головой обрушивался могучій потокъ. И здѣсь обдали насъ тотъ же оглушающій громовой трескъ, тѣ же хлещущіе въ глаза брызги; а малѣйшій неосторожный шагъ по голымъ камнямъ грозилъ увлечь неосторожныхъ въ бушующій у нашихъ ногъ омутъ. Тутъ можно было видѣть процессъ образованія водопада: брызги постоянно подмываютъ нижніе сланцевые слои; такъ что верхній каменистый пластъ, лишенный опоры, понемногу долженъ обрушиваться внизъ. Отъ такого непрерывнаго дѣйствія воды самъ водопадъ, въ теченіи вѣковъ, необходимо претерпѣваетъ значительныя перемѣны. Когда монахъ Геннепинъ, лѣтъ сто восемьдесятъ тому назадъ, въ первый разъ видѣлъ Ніагару, тогда подкова раздѣлялась на двѣ части огромною выдававшейся впередъ скалою. Впослѣдствіи скала обрушилась

внизъ, и струи слились въ одно общее паденіе воды въ видѣ полукруга. Но вода все еще продолжаетъ подтачивать камень, вслѣдствіе чего водопадъ постепенно отступаетъ къ озеру Эри, изъ котораго изливается рѣка Ніагара. По изслѣдованіямъ знаменитаго геолога Лайеля, такое отступательное движеніе водопада совершается среднимъ числомъ со скоростью одного фута въ годъ. По прошествіи тысячелѣтій Ніагара предстанетъ совершенно въ иномъ видѣ; американскіе ученые предполагаютъ даже, что настанетъ время, когда водопады преобразятся въ рядъ быстротекущихъ стремнинъ. Сколько тысячелѣтій протечетъ, пока вода, подтачивая каменные породы, совершитъ эту гигантскую работу!

Возвратившись изъ-подъ струи на верхъ, мы скинули съ себя непромокаемое платье, а хозяинъ тутъ же вручилъ намъ печатное свидѣтельство такого рода:

Водопадъ Ніагара.

Дано въ удостовѣреніе того, что гг. N N. прошли за большою струей водопада до крайней скалы, находящейся въ 230 футахъ за большимъ водопадомъ, подковой. Дано за подписью моею въ главной конторѣ, въ которой записаны имена посѣтителей. Іюнь 1857. Томасъ Барнетъ.

Такиими зятѣями стараются привлечь здѣсь посѣтителей.

А водопадъ съ своими пѣнистыми брызгами и поднимающеюся къ облакамъ бѣлою пылью былъ такъ просто-прекрасенъ, такъ величаво-равнодушенъ въ виду всѣхъ этихъ зятѣй человѣческихъ!.. Солнце стояло на западѣ; лучи его ударили въ подымавшійся снизу паръ, и яркая радуга, въ видѣ семицветной арки, стала надъ водами многшумной Ніагары. Когда мы подвигались впередъ по краю канадскаго берега, то и свѣтлая радуга подвигалась по одному направленію съ нами..

Въ окрестностяхъ Ніагары такъ многое приходится смотрѣть, что извозчикъ не успѣваетъ развозить по всѣмъ мѣстамъ, обладающимъ какою-нибудь диковинкой, пріѣхавшаго на воскресеніе посѣтителя изъ Нью-Йорка. Изъ всѣхъ чудесъ, послѣ самихъ водопадовъ, болѣе всего, конечно, поразилона съ чудо искусства, знаменитый проволочный мостъ, *Suspension-bridge*, перекинутый черезъ рѣку ниже водопада, верстахъ въ трехъ отъ него. Саженьяхъ въ двадцати надъ водой виситъ этотъ двухъ-ярусный мостъ, представляя смѣлую и изящную картину.

По верхнему ярусу ходятъ локомотивы съ вагонами; а по нижнему экипажи и пѣшіе: и все это движется не скорѣ тихаго конскаго шага. При видѣ этого моста, мы невольно подумали, какими контрастами исполненъ американскій міръ: тамъ дрянные мостишки на деревянныхъ, покачнувшихся сваяхъ, а тутъ это совершенство инженернаго искусства; глухіе лѣса по берегамъ пустынной рѣки и плывущіе по ней трехъ-этажные дворцы-пароходы; народъ, вѣчно занятый спекуляціями, вѣчно гоняющійся за долларами, а вмѣстѣ съ тѣмъ непрестанныя заботы о расширеніи образованія; полная свобода личности рядомъ съ вопіющимъ невольничествомъ; на каждомъ шагу бросающіяся въ глаза противоположности, и вслѣдствіе этого противорѣчащія другъ другу мнѣнія и сужденія иностранцевъ объ явленіяхъ и развитіи здѣшней жизни. Сколько разъ приходилось намъ слышать мнѣніе, будто въ Америкѣ торговля и промышленность грозятъ поглотить всѣ высшія проявленія человѣческаго ума! Но стбитъ только видѣть произведенія, подобныя этому мосту,—и увѣриться, что науки и искусства не погибнуть въ этой странѣ...

Празднымъ посѣтителемъ показываютъ здѣсь еще другаго рода диковинку, такъ-называемый горящій ключъ, *burning spring*. Дорога туда идетъ по англійскому берегу, мимо водопадовъ, вверхъ противъ теченія рѣки. Надъ водой, близъ берега, на сваяхъ поставленъ домикъ, въ которомъ мы застали старика, собиравшаго деньги съ любопытныхъ. Мальчикъ, здѣсь приставленный, провелъ насъ въ темную комнату, и тамъ поднесъ къ водѣ горящую бумагу; водосѣрный газъ, отдѣляющійся изъ бьющаго со дна ключа, вспыхнулъ надъ поверхностью воды блѣдно-синимъ пламенемъ. Болѣе всего намъ понравилось то, что владѣлецъ этого мѣста, выстроивъ домикъ, опредѣлилъ доходъ, собираемый съ зрителей въ пользу старика-кассира, который такимъ образомъ обезпеченъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не изсякнетъ его водосѣрный источникъ.

Возвращаясь отсюда назадъ, мы шли краемъ берега, осматривая издали разсыпанные по рѣкѣ маленькіе зеленѣвшіе острова, подмываемые водой. Тутъ случай навелъ насъ на совершенно-неожиданную диковинку. Шагахъ во ста отъ береговаго края передъ нами зеленѣлъ круглый островокъ, омываемый водой; на него съ берега велъ красивый мостикъ, висящій на проволокахъ, сооруженный по образцу большаго

моста черезъ Ниагару. Входъ на мостъ былъ однако загражденъ дверцами, запертыми на ключъ. Мы тотчасъ же взобрались на возвышеніе, образованное здѣсь берегомъ. Наверху, среди обширнаго сада стоялъ красивый домъ, принадлежащій хозяину моста, мистеру Стриту. Его самого не было дома, но служанка, узнавъ о нашемъ желаніи осмотрѣть островъ, тотчасъ вынесла ключъ, съ которымъ мы и веротились къ мосту. Перейдя по немъ, мы ступили на круглый островъ. Тутъ оказалось, что островокъ этотъ протоками и каналами разделяется на нѣсколько еще меньшихъ островковъ. Исключая простые мостики, соединяющіе ихъ между собою, да еще нѣсколько скамеечекъ и проторенныхъ кое-гдѣ дорожекъ, все остальное оставлено здѣсь въ первобытномъ своемъ видѣ, что и составляетъ всю наружную прелесть и главный интересъ этого безыскусственного островнаго парка. Быстрыя воды рѣки со всѣхъ сторонъ, какъ на приступъ, набѣгаютъ на него, образуя мѣстами каскады въ сажень вышиной. Тутъ-то можно видѣть, какая опасность грозитъ отъ быстринъ вообще всѣмъ островамъ, разсыпаннымъ по рѣкѣ: почва здѣсь только и держится сплетшимися въ ней корнями и поваленными стволами деревьевъ, которыя, по слабости грунта, не достигаютъ высокаго роста. Корни деревьевъ обнажены почти совершенно, и кажется они со страхомъ ждутъ своей очереди упасть, какъ упали другіе ихъ товарищи. Иное кипарисное деревцо лежитъ уже на землѣ, но и тутъ не хочетъ умереть; полное жизни, оно пускаетъ вверхъ свои сучья, которые, стремясь къ свѣту, стоятъ прямо, возвышаясь даже надъ растущими возлѣ нихъ елями. Съ перваго взгляда кажется, будто на лежащемъ стволѣ кипариса разрослись новыя деревья. Въ другомъ мѣстѣ на землѣ лежитъ полусгнившій пенъ; а вокругъ него разрослись ели, обнявъ корявыми корнями туловище своего предшественника. Тутъ на виду вся разрушительная механическая сила воды въ борьбѣ съ созидательною силой растительнаго царства. Кто побѣдитъ, кто уступить?—теперь рѣшить нельзя, но боишься за островокъ, положеніе котораго во всякомъ случаѣ оборонительное. Возвратившись на берегъ и отдавъ ключъ, мы зашли потомъ на бумагопрядильную фабрику, стоявшую недалеко отъ острова и поблагодарили хозяина его, мистера Стрита, за доставленное намъ удовольствіе.

Въ послѣдній день пребыванія у Ниагары, мы еще разъ обозрѣли водопады въ совершенно-новомъ для насъ видѣ. Вер-

стахъ въ трехъ ниже паденія, близъ висячаго моста стоитъ пароходикъ, который всякое лѣто совершаетъ ежедневныя, смѣлыя плаванія къ водопадамъ. Въ этотъ именно день онъ началъ свои лѣтнія походы. Нѣсколько леди, въ сопровожденіи джентльменовъ, съ головы до ногъ облеченныхъ въ непромокаемые плащи, находились на палубѣ. Проплывъ бойко противъ теченія, пароходъ подошелъ сначала къ американскому водопаду и понесся мимо, недалеко отъ того мѣста, гдѣ струи его съ трескомъ и грохотомъ разбиваются о скалистое дно рѣки. Пассажировъ обдало брызгами, какъ крупнымъ дождемъ. Подскакивая на волнахъ, пароходъ смѣло шелъ далѣе, мимо той струи, позади которой пещера,—она видна теперь еще лучше; потомъ пароходикъ направился прямо къ клокочущему котлу, бушующему подъ полукруглымъ водопадомъ; близъ того мѣста, гдѣ сильнѣе кипѣла холодная влага, пароходъ описалъ дугу и, увлекаемый быстрымъ теченіемъ, понесся изъ опасной среды полукруга внизъ по рѣкѣ. Сколькимъ впечатлѣніямъ подвергались мы тутъ за одинъ разъ: передъ нами и на насъ брызгали струи, здѣсь разсыпаясь жемчугомъ, тамъ стекая чистымъ изумрудомъ; слухъ поражался неумолкаемымъ грохотомъ, сквозь который слышались клокотаніе и шипѣніе вспѣнной внизу влаги; не успокоившіяся еще волны качали пароходъ, напоминая волненіе моря во время бури. Это было наше прощаніе съ Ніагарой.

Въ тотъ же день переѣхали мы по желѣзной дорогѣ въ Буффало, городъ, лежащій при началѣ канала, который, обойдя водопады, соединяетъ между собою два озера. Изъ Буффало пароходъ повезъ насъ на другой конецъ озера Эри. Свѣтло-зеленая поверхность его, сіяя подъ лучами лѣтняго солнца, казалась кристальною. Ясная погода среди чуднаго озера располагала пассажировъ къ веселью, но къ тому безшумному, кроткому веселью, которымъ обыкновенно веселится Американецъ Сѣверныхъ Штатовъ, потомокъ строгихъ пуританъ.

Самый пароходъ, на которомъ мы ѣхали, былъ одинъ изъ роскошнѣйшихъ. Среди залы стоялъ отличный рояль. Молодой Американецъ пѣлъ подъ акомпаниментъ юной леди любимыя американскія пѣсни и, ко всеобщему удовольствію, пѣлъ очень хорошо. Размѣстившись по близости рояля, многочисленная публика съ большимъ вниманіемъ слушала, и ни шорохомъ, ни однимъ звукомъ не прерывала царствовавшей въ

залъ тишины, нарушаемой только однообразнымъ машиннымъ стукомъ, который покрывался чистыми звуками пѣсни.

Во время плаванія подошелъ къ намъ джентльменъ, наружность котораго изобличала природнаго янки. Онъ, въ учтивыхъ выраженіяхъ, просилъ позволенія познакомиться съ нами: «Я радъ этой встрѣчѣ, говорилъ онъ, она доставила мнѣ пріятный случай лично засвидѣтельствовать мое искреннее расположеніе къ вашей странѣ. Во время крымской кампаніи я предлагалъ вооружить на свой счетъ сотню стрѣлковъ и послать ихъ въ русскую армію. Многіе изъ моихъ соотечественниковъ готовы были такимъ же образомъ выказать свое сочувствіе къ Русскимъ. Но политическія отношенія нашего правительства къ Англіи не допускали явнаго вмѣшательства въ военныя дѣла.» Не въ первый разъ приходилось намъ слышать подобныя изъявленія симпатіи Американцевъ къ Россіи. Въ основаніи такой симпатіи лежитъ взглядъ Американца на нашу страну. Въ географическомъ положеніи Россіи, въ задачѣ, которая предстоитъ ей въ будущемъ, онъ видитъ много сходнаго съ состояніемъ своего отечества. Онъ видитъ въ Русскихъ молодую націю, которая поздно, но съ свѣжими силами вступила въ число образованныхъ государствъ, и передъ которою открыто обширное поле дѣйствія. Такой взглядъ на наше отечество передается здѣсь уже въ школахъ, и при всеобщемъ интересѣ, съ которымъ Американцы слѣдятъ за всѣмъ, что совершается на земномъ шарѣ, не удивительно, если симпатія къ Россіи проявляется здѣсь одинаково во всѣхъ слояхъ общества. Разговаривая съ нашимъ новымъ знакомымъ, мы не замѣтили, какъ пароходъ приблизился къ матеріку. Вскорѣ онъ вѣхалъ въ узкій проливъ, и высадилъ насъ въ городѣ Детрой.

Э. Циммерманъ.

СПОСОБЪ СОБИРАНІЯ ПРЯМЫХЪ ПАЛОГОВЪ

ВО ФРАНЦІИ¹

Печальная лѣньность и апатія мысли въ соединеніи съ дѣтскою готовностію дорожить даже самыми дурными сторонами нашего быта въ ожиданіи, что они нѣкогда породятъ изъ себя нѣчто великое и святое, оставляютъ на нашей великой и святой Руси очень много грязныхъ пятенъ, которыя давно могли бы быть съ нея смыты. Обычай похваляться грязью, скрывающею будто бы алмазы, осмѣянъ достаточно; но отъ тупой лѣньности ума, отъ коснѣнія мысли не скоро еще, повидимому, придется намъ отдѣлаться. Особенно горько бываетъ видѣть, что косная сила дѣйствуетъ безкорыстно, не скрывая за собою ни зложелатель-

(1) Въ 8-й книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за текущій годъ помѣщена статья г. Бунге о кредитѣ и крѣпостномъ правѣ, которая оканчивается слѣдующимъ PS:

-Статья моя была окончена, когда явился во 2-й декабрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* новый *Опытъ о выкупѣ земли* г. В. Ржевскаго. Мы сходимся въ мысляхъ относительно значенія приказовъ и необязательности выкупа, а разнимся въ предложенныхъ приѣмахъ и способахъ осуществленія дѣла. Главное разногласіе наше заключается въ томъ, что я, во первыхъ, считаю невозможнымъ добровольное соглашеніе между крестьяниномъ и помѣщикомъ относительно цѣны выкупаемаго предмета, и, во вторыхъ, допускаю круговую поруку. О послѣдней необходимо сказать пару словъ. Круговая порука, въ смыслѣ ответственности за оцѣнку имущества и за несправность взыскапія, необходима, особенно при общинномъ владѣніи; но

ства, ни недобросовѣстности. Когда защитники крѣпостнаго права сходятъ со сцены, на сцену выступаютъ противники крѣпостнаго права и, сами не сознавая и не желая того, и лишь повинуваясь силѣ косности, начинаютъ защищать его сущность. Теперъ, въ тысяча восемьсотъ пятьдесятъ девятомъ году, являются въ нашей литературѣ и нашемъ обществѣ поборники мысли, что круговая порука обезпечиваетъ (противъ недоимокъ, и что она очень можетъ существовать и безъ крѣпостнаго права, и закрываютъ глаза на самые очевидные факты, свидѣтельствующіе, что круговая порука, наказывающая исправнаго и награждающая не исправныхъ, плодитъ недоимки и устанавливаетъ крѣпостную зависимость даже тамъ, гдѣ нѣтъ и не было крѣпостныхъ людей. И не только увѣряютъ насъ, что круговая порука очень спасительна и рациональна, но даже утверждаютъ, что она чуть ли не во всемъ мірѣ и существуетъ.

Читатели *Русскаго Вѣстника*, вѣроятно, не посѣтуютъ, если я изложу здѣсь въ нѣкоторой подробности способъ собиранія прямыхъ налоговъ во Франціи, дабы показать, что налоги могутъ быть успѣшно собираемы и безъ круговой поруки, и что во Франціи нѣтъ и тѣни этого учрежденія. Начну съ описанія прямыхъ налоговъ и ихъ раскладки.

въ смыслѣ общаго совокупнаго платежа при выкупѣ личной собственности, конечно, не рациональна, и подобной поруки я во отстаиваю. Община и во Франціи понуждается такъ-называемою *garnison collective*.

Многое желалъ бы я отвѣтить почтенному автору статьи о кредитѣ и прочемъ; но опасаясь, что отвѣтъ мой, по независимымъ отъ редакціи обстоятельствамъ, будетъ напечатанъ такъ же скоро какъ и замѣчаніе г. Бунге на мою статью о выкупѣ. Однако я не могу оставить безъ отвѣта послѣдней фразы PS: *община и во Франціи понуждается такъ-называемою garnison collective*, потому что мнѣ случилось слышать отъ защитниковъ прекращаемой крѣпостной зависимости, что и во Франціи существуетъ круговая порука, и въ доказательство было приведено то же самое выраженіе *garnison collective*. Такъ какъ подтвержденіе этого мнѣнія ученымъ профессоромъ можетъ ввести многихъ изъ читателей, и притомъ въ особенности сохраняющихъ извѣстный образъ мыслей, въ заблужденіе, то я рѣшился изложить въ подробности всю систему собиранія прямыхъ налоговъ во Франціи, и представить имъ судить самимъ, существуетъ ли тамъ круговая порука.

По моему мнѣнію, круговая порука есть слѣдъ завоеванія, насилія, рабства или крѣпостнаго права. Уничтожать послѣднее въ принципѣ и сохранять въ проявленіяхъ, значитъ трудиться безъ желанія успѣха или даже съ противоположною цѣлю. Что касается до отвѣтственныхъ

I.

Конституціонное собраніе въ 1790 году сдѣлало слѣдующее опредѣленіе прямыхъ налоговъ:

«Прямымъ налогомъ называется всякая подать съ недвижимаго имущества или съ лица, то-есть налагаемая или непосредственно на недвижимое имущество или непосредственно на лицо, которая собирается по кадастру или по участковому списку, и которая переходитъ прямо отъ плательщика, означеннаго въ этомъ списокѣ, къ собирателю податей.»

Французская податная система признаетъ четыре рода прямыхъ налоговъ, а именно:

1. Подать съ недвижимыхъ имуществъ (*contribution foncière*).
2. Подать личная и съ движимаго имущества (*contribution personnelle et taxe mobilière*).
3. Подать съ дверей и оконъ.
4. Подать съ ремесла и торговли (*patentes*).

Къ числу прямыхъ налоговъ долженъ быть также при-

оцѣнокъ, то онѣ могутъ быть примѣняемы только въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ оцѣнить предметъ какъ можно дешевле. Учрежденіе присяжныхъ цѣновщиковъ доказываетъ это какъ нельзя лучше. Дѣйствительно большая разница указать ходящую цѣну предмета въ извѣстное время, или принять на себя обязанность заплатить за него собственныя деньги, если никто не предложитъ дороже. Вообще, цѣна предмета зависитъ только отъ требованія и предложенія и существуетъ лишь въ минуту купли и продажи. По окончаніи этого акта можно сказать, что такая-то цѣна была, но никакъ нельзя утверждать, что существуетъ. Я продалъ сегодня пшеницу по 7 руб., но завтра за такую точно пшеницу мнѣ дадутъ только 6 руб., а можетъ и 8 руб. Въ другихъ предметахъ торговли колебанія не столь быстры и при мелочной продажѣ не столь замѣтны; но онѣ точно также существуютъ въ оптовой торговлѣ. Что касается до предметовъ, не входящихъ въ сферу обыкновенныхъ коммерческихъ оборотовъ, то-есть покупаемыхъ не для продажи, а для долговременнаго употребленія, какъ напримѣръ земли, дома и проч., то они еще менѣ могутъ быть введены въ оцѣночныя рубрики, подобно мясу, мукѣ, сальнымъ свѣчамъ и т. п. Между собираніемъ свѣдѣній о цѣнности предмета черезъ людей специальныхъ (экспертовъ) и назначеніемъ цѣны черезъ присяжныхъ и отвѣтственныхъ цѣновщиковъ разстояніе огромное, на которое у насъ не обращено должнаго вниманія.

численъ особый налогъ, установленный въ 1849 на имущество недвижимыя неотчуждаемыя (biens de mainmorte), взамѣнъ того дохода, который казна получаетъ, въ видѣ пошлинъ, при переходѣ прочей недвижимой собственности отъ одного владѣльца къ другому. Здѣсь косвенный налогъ замѣненъ прямымъ.

Всякаго рода налоги, существовавшіе до революціи 1789 года, подъ различными наименованіями, были отмѣнены провозглашеніемъ основнаго начала, что всѣ подати и общественныя повинности, каковы бы они ни были, должны быть разложены на всѣхъ гражданъ и на всѣхъ владѣльцевъ, соответственно ихъ имуществу и ихъ способностямъ.

Закономъ 23 ноября 1790 года постановлено собирать съ чистаго дохода недвижимой собственности подать, пропорціональную той суммѣ, которая будетъ назначена къ сбору. Первоначально имѣли въ виду, чтобъ эта подать была единственная, но вскорѣ принуждены были прибѣгнуть къ установленію и другихъ налоговъ. Послѣ множества измѣненій, нынѣ принята слѣдующая система:

Конституція 1852 года, утверждаетъ и обезпечиваетъ, какъ основаніе государственнаго права Французовъ, высокія начала 1789 года, изъ коихъ самое драгоцѣнное и самое постоянное есть то, что никакой налогъ не можетъ быть установленъ иначе, какъ посредствомъ закона; въ § 39 этой конституціи сказано, что законодательное собраніе обсуживаетъ и вотируетъ проекты законовъ и налоговъ. Прямые налоги могутъ быть вотированы только на одинъ годъ въ отличіе отъ налоговъ косвенныхъ, которые могутъ быть устанавливаемы на нѣсколько лѣтъ.

На основаніи этого правила ежегодно издается финансовый законъ. Этимъ закономъ опредѣляется участие (le contingent) cadaго департамента въ сборѣ слѣдующей ко взносу суммы, по тремъ податямъ: съ недвижимой собственности, подати личной и съ движимости и подати съ дверей и оконъ (1).

Такъ какъ назначеніе, сколько именно долженъ внести каждый департаментъ прямыхъ налоговъ, дѣлается центральной законодательною властію, и притомъ принципъ этого назначенія основанъ на мысли о равномѣрномъ участіи всѣхъ граж-

(1) Эти три подати называются податями по распредѣленію, *impôt de répartition*, а четвертая съ ремесла и торговли податью соразмѣрною, *impôt de quotité*. Значеніе этого раздѣленія будетъ объяснено ниже.

данъ въ уплатѣ налоговъ пропорціонально ихъ имуществу, а самое распредѣленіе дѣлается на основаніи математическихъ данныхъ, то слѣдовало бы ожидать строжайшей точности и справедливости въ этомъ распредѣленіи. Но, къ сожалѣнію, провозглашать принципы и приводить ихъ въ исполненіе на дѣлѣ,—двѣ вещи совершенно различныя.

По закону 23 ноября 1790 года, служащему основаніемъ французской податной системы, предположено, что чистый доходъ всей недвижимой собственности составляетъ 1.200 милліоновъ, а пятая часть этой суммы, которая должна была поступать въ государственную казну, въ видѣ единственнаго налога, должна была составлять 240 милл. На самомъ же дѣлѣ, подать съ недвижимой собственности и въ настоящее время составляетъ только 8, а не 20 процентовъ съ чистаго дохода, и притомъ распредѣлена между департаментами столь не равномерно, что нѣкоторые изъ нихъ платятъ *въ два съ половиною раза*, а иные даже *въ десять разъ* болѣе другихъ. Провозгласивъ принципъ, что пятая часть чистаго дохода съ недвижимой собственности должна быть уплачиваема въ видѣ подати, слѣдовало опредѣлить этотъ чистый доходъ; но такъ какъ это было неисполнимо, то опредѣлили сборъ на основаніи прежнихъ податей, противъ которыхъ такъ много было говорено и писано, и на основаніи приблизительныхъ оцѣнокъ. Предпринятая въ 1842 году переоцѣнка встрѣтила такія затрудненія и даже такое сопротивленіе въ народѣ, что правительство принуждено было отказаться отъ этой мѣры, и неравенство въ уплатѣ прямыхъ налоговъ осталось по прежнему. Введеніе кадастра также не принесло ожидаемой пользы, потому что чистый доходъ, опредѣленный по кадастру, составлялъ въ 1856 году 1.129.958 франковъ, а опредѣленный по другому способу 2.667.885 франковъ, и отношеніе между этими цифрами было въ различныхъ департаментахъ и даже въ различныхъ общинахъ того же департамента различно (1). Обычай во всемъ, что касается до денегъ, такъ силенъ во Франціи, что несмотря на нѣсколько революцій, на всѣ математическіе приемы и на всѣ громкія провозглашенія принципозъ, прямыя подати между разными мѣстностями распредѣляются пропорціонально тому произвольному и случайному распредѣленію, которое существовало до революціи 1789 года.

(1) Смотри V таблицу, примѣчаніе 4-е извѣстнаго сочиненія Гока о французскихъ финансахъ.

Распределение податей между различными округами или подпрефектурами, въ каждомъ департаментѣ производится генеральными совѣтами въ департаментахъ, на основаніи особой работы, приготовляемой учреждаемою для сего специальною комиссіей.

Прежде нежели собираются генеральные совѣты департаментовъ, въ каждомъ округѣ собирается особый совѣтъ для обсужденія всѣхъ прошеній, которыя относятся до неправильности распределенія податей въ округѣ, а окончательное по нимъ рѣшеніе произносится генеральными совѣтами (1).

Установленное генеральными совѣтами распределение общей суммы податей между округами считается окончательнымъ.

Распределение всей податной суммы, наложенной на округъ, между различными общинами, его составляющими, производится окружными совѣтами, которые для сего собираются вторично.

Самое важное и самое затруднительное дѣло есть раскладка податей въ общинѣ на отдѣльныя лица, и потому мы изложимъ принятую систему съ возможною подробностію.

Основаніемъ для опредѣленія той суммы, которую каждое отдѣльное лицо должно уплачивать, служатъ общіе окладные списки (*matrice de rôles*).

Административные агенты обязаны заботиться о заготовленіи этихъ списковъ заблаговременно. Для этого имъ необходимо знать всѣ измѣненія, происшедшія между лицами, платящими подати. Свѣдѣнія эти собираются посылаемыми ежегодно контролерами, которые отмѣчаютъ всѣ перемѣны, происшедшія въ недвижимой собственности, въ чемъ имъ содѣйствуютъ сборщики податей, имѣющіе особые реэстры, въ коихъ отмѣ-

(1) Генеральные совѣты въ каждомъ департаментѣ состоятъ изъ членовъ по выбору отъ каждого кантона, въ числѣ однако не болѣе 30-ти. Если число кантоновъ въ департаментѣ превышаетъ 30-ть, то нѣкоторые изъ нихъ соединяются вмѣстѣ. Члены выбираются на 9 лѣтъ, во каждые 3 года выборы возобновляются для третьей части. Засѣданія открываются и закрываются, по назначенію правительства, на известный срокъ. Предметъ занятій ихъ составляютъ все, что относится къ интересамъ департамента въ хозяйственномъ отношеніи, такъ что они постановляютъ рѣшенія по дѣламъ, которыя у насъ относятся къ вѣдомству губернскихъ строительной, дорожной, продовольственной комиссіи, приказа общественнаго призрѣнія и даже губернскаго правленія, кромѣ части полицейской и чисто исполнительной. Кромѣ того, они имѣютъ право представлять верховной власти свои желанія по всѣмъ отраслямъ управленія.

чаются всѣ измѣненія, всѣ новыя постройки или вновь учрежденныя ремесленныя и другія заведенія.

Кромѣ того, всѣ владѣльцы обязаны объявлять меру о полученныхъ ими наслѣдствахъ, о покункахъ, постройкахъ и о всемъ прочемъ, что касается до положенія недвижимой собственности; нотакакъ эта обязанность не подкрѣпляется никакими побудительными мѣрами, то администрація дѣлаетъ ежемѣсячно выписки изъ всѣхъ актовъ перехода недвижимой собственности и изъ контрактовъ на отдачу фермъ или продажу дѣсовъ на срубъ. Въ Парижѣ эти свѣдѣнія собираются каждые шесть мѣсяцевъ.

Срокъ, когда контролеръ долженъ прѣхать въ каждую общину, аффишируется заблаговременно, чтобы владѣльцы могли собраться для необходимыхъ объявленій и объясненій.

Списки и реэстры, составленные такимъ образомъ контролерами, послѣ различныхъ формальностей утверждаются префектомъ и отсылаются къ генеральному собирателю податей (*receveur général*) департамента, для сообщенія сборщикамъ (*percussaires*), которые непосредственно представляютъ ихъ меру для публикаціи, не далѣе 5 января cadaго года.

Распредѣленіе подати между лицами, входящими въ составъ общины, производится комиссіей распредѣлителей (*répartiteurs*), которая состоитъ изъ мера, его помощника и пяти гражданъ по назначенію подпрефекта.

До составленія общаго кадастра, на распредѣлителей было возложено составленіе общихъ окладныхъ списковъ (*matrices de rôles*), нынѣ входящее въ обязанность директора налоговъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ еще кадастровыхъ окладовъ, доходы cadaго владѣльца, пропорціонально которымъ должны быть наложены подати, опредѣляются самими распредѣлителями, причемъ допускаются возраженія со стороны заинтересованныхъ лицъ.

Распредѣленіе подати съ движимости производится этою же комиссіей. Она ежегодно отмѣчаетъ всѣ измѣненія, происшедшія отъ смерти, перемѣны мѣста жительства, отъ увеличенія или уменьшенія наемной суммы. Ихъ работа представляется на разсмотрѣніе муниципальнаго совѣта, который можетъ увольнять нѣкоторыя лица вовсе отъ участія въ уплатѣ этихъ обѣихъ податей, или только отъ подати съ движимости.

Распредѣленіе подати съ дверей и оконъ производится тѣмъ же порядкомъ.

Когда сумма, которую каждая община должна уплатить съ недвижимою собственности (*le contingent de la commune*), какъ въ главномъ окладѣ, такъ и въ прибавочномъ, извѣстна, то дирекція прямыхъ налоговъ утверждаетъ отношеніе между этою суммой и чистымъ доходомъ, облагаемымъ податью, что получается дѣленіемъ послѣдняго на первую, и частное выражается *сантимомъ на франкъ* (*centime le franc*). На основаніи этого отношенія составляется тарифъ отъ 1 до 100, примѣненіемъ коего опредѣляется, сколько должно быть взыскано съ cadaго владѣльца.

Кромѣ главной суммы прямыхъ налоговъ, законодательное собраніе опредѣляетъ еще прибавочные, которые носятъ названіе *придаточныхъ сантимовъ* (*centimes additionnels*) и соотвѣтствуютъ нашимъ сборамъ на земскія повинности. Они прибавляются ко всѣмъ родамъ прямыхъ налоговъ, кромѣ подати личной.

Эти придаточные сантимы бываютъ общіе для всего государства, департаментскіе и общинные, точнотакъ же какъ наши земскія повинности государственныя, губернскія, частныя и особенныя.

Придаточные сантимы общіе опредѣляются каждый разъ особымъ закономъ, и одна часть ихъ входитъ въ общую сложность государственныхъ доходовъ, а другая поступаетъ въ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ для оказанія пособія департаментамъ въ случаѣ пожаровъ, градобитія и проч., а остатокъ отъ нихъ—на составленіе запаснаго капитала.

Придаточные сантимы на департаментскіе расходы опредѣляются генеральными совѣтами и потомъ утверждаются закономъ. Они могутъ имѣть предметомъ учрежденіе первоначальныхъ школъ и улучшеніе проселочныхъ дорогъ.

Такое же право предоставлено и общинамъ.

Приступая къ подробному изложенію способа, которымъ опредѣляется налогъ на недвижимую собственность, необходимо сказать нѣсколько словъ о кадастрѣ, въ которомъ многіе видятъ единственное и совершенно удовлетворительное средство къ достиженію и правильнаго, и равномѣрно справедливаго распредѣленія этой повинности.

Закономъ 15 сентября 1807 года было опредѣлено составить для всей Франціи общій кадастръ, съ измѣреніемъ и оцѣнкой всѣхъ поземельныхъ участковъ, который бы могъ служить основаніемъ для распредѣленія податей по департа-

ментамъ. Хотя кадастровыя работы и обнимаютъ нынѣ всю Францію, и нѣтъ матеріальнаго препятствія къ приведенію въ исполненіе означеннаго намѣренія, но опытъ указалъ, что если при составленіи кадастра не ограничиваются однимъ геометрическимъ измѣреніемъ, а имѣютъ еще въ виду точную оцѣнку чистаго дохода, которая могла бы служить основаніемъ для опредѣленія размѣра налоговъ, то это заблужденіе ведетъ къ весьма грубымъ ошибкамъ.

Вопервыхъ, различіе лицъ, которымъ ввѣряется исполненіе столь обширнаго труда, ведетъ неизбѣжно къ неравенству результатовъ, возрастающему по мѣрѣ разстоянія между мѣстностями, подвергаемыми оцѣнкѣ. Вторыхъ, время производитъ еще большія неравенства. Если въ какой-либо мѣстности вводится плодоперемѣнное хозяйство, предпринимаются работы въ большихъ размѣрахъ для орошенія или для осушенія почвы, проводятся шоссе, каналы, желѣзныя дороги или возникаютъ промышленныя пункты, то чистый доходъ увеличивается въ сильной несоразмѣрности съ прежнею оцѣнкой, такъ что непосредственно за началомъ кадастра должно слѣдовать постоянное его измѣненіе. Итакъ, кадастровыя работы, по закону 21 іюля 1821 года, служатъ только основаніемъ для распредѣленія налога между членами одной и той же общины. Вотъ почему, съ этого времени онѣ производятся на счетъ департаментскихъ суммъ, съ весьма малымъ содѣйствіемъ со стороны государства.

При изданіи вышепомянутаго закона изъ 37.250 общинъ съ 51.950.000 гектарами земли были кадастрованы только 11.254 общины съ 14.530.000 гектарами. Въ концѣ 1844 года окончены остальные, кромѣ острова Корсики, и расходы простирались до 150 милліоновъ франковъ.

Такъ какъ отовсюду возникали жалобы на неравномѣрность и неточность кадастра, то закономъ 7 августа 1851 года дозволено возобновлять кадастровыя работы, коимъ прошло тридцать лѣтъ, но не иначе какъ по желанію и на счетъ самихъ общинъ и съ разрѣшенія генеральныхъ совѣтовъ въ департаментахъ.

Въ настоящее время для читателей будетъ вѣроятно не безъ интереса узнать подробности кадастроваго способа оцѣнки недвижимыхъ имуществъ, а потому мы изложимъ ихъ отдѣльно по каждому роду недвижимой собственности.

Земли пахатныя. Чтобъ опредѣлить чистый доходъ съ пахатныхъ земель, находящихся въ обработанномъ состояніи или

только годныхъ къ обработкѣ, удостовѣряются, какого рода произведенія онѣ могутъ давать, принимая въ соображеніе постьвы, употребительные въ той общинѣ. Потомъ вычисляютъ, какъ велико можетъ быть валовое количество этого произведенія, безъ особенно усиленныхъ работъ или издержекъ и при употребительныхъ сѣвооборотахъ и среднемъ урожаѣ, выведенномъ изъ сложности урожаевъ пятнадцати лѣтъ, за отдѣленіемъ самаго худшаго и самаго лучшаго. Чтобы получить цифру чистаго дохода изъ средняго валоваго дохода, вычитаются расходы на обработку, сѣмена, на уборку и содержаніе и проч. Къ числу расходовъ на обработку относятся всѣ необходимыя предварительныя издержки на обзаведеніе, ремонтъ земледѣльческихъ орудій, повозокъ и проч., рабочая плата, содержаніе и сѣруя животнымъ, возобновленіе удобренія, стоимость его и перевозка. Расходы на пашню опредѣляются родомъ и числомъ рабочаго скота, впрягаемаго въ плуги, числомъ работниковъ и приемами, необходимыми по свойству почвы; сѣмена оцѣниваются по существующимъ таксамъ; къ числу расходовъ на уборку относится плата деньгами или произведеніями жнецамъ и тѣмъ, кто возитъ, молотитъ и сыпаетъ хлѣбъ въ анбары. Къ числу расходовъ на содержаніе относятся и тѣ, которые необходимы для сохраненія настоящаго положенія имѣнія, какъ-то: содержаніе плотинъ, шлюзовъ и водоотводныхъ канавъ, безъ которыхъ почва могла бы быть испорчена водой.

Огороды. Доходъ съ нихъ опредѣляется по наемной платѣ въ средній годъ, выведенный изъ пятнадцати лѣтъ тѣмъ же способомъ, какъ и средній урожай пахатныхъ земель; они не могутъ быть оцѣниваемы ниже самой лучшей пахатной земли въ общинѣ. Законъ назначаетъ низшій предѣлъ, но не назначаетъ вышаго, а потому огороды могутъ быть оцѣниваемы вдвое и втрое противъ пашни. Должно дѣлать различіе между простымъ огородомъ крестьянина, ремесленника или работника, въ которомъ разводятся обыкновенныя овощи, необходимыя для собственнаго пропитанія, и заведеніемъ огородника по ремеслу, которое отличается и лучшею обработкой и большею доходностію.

Сады для удовольствія. Предполагаемый чистый доходъ для обложенія податью со всѣхъ пространствъ, посвященныхъ удовольствію или украшенію (цвѣтники, аллеи, пруды и проч.), опредѣляется наравнѣ съ лучшими пахатными землями въ общинѣ.

Виноградники. При опредѣленіи ихъ доходности вычисляет-

ся валовое количество вина, которое они могутъ произвести въ средній годъ, предполагая, что они обрабатываются безъ чрезвычайныхъ работъ и издержекъ, но согласно обычному способу, принятому въ той мѣстности. Изъ этого выключаются все издержки на обработку, сборъ, содержаніе, удобреніе и прессованіе: сверхъ того, выключается пятнадцатая часть всей суммы произведенія, на обыкновенную утрату, на новыя ежегодныя посадки, при чемъ часть виноградниковъ остается не производительною. Все, что остается послѣ это выключенія, составляетъ чистый доходъ, подвергаемый налогу. Эти основанія оцѣнки измѣняются въ отношеніи къ виноградникамъ, существующимъ только нѣсколько лѣтъ, по прошествіи которыхъ необходимо обращать землю подъ другой родъ растеній.

Луга. Чистый доходъ съ нихъ опредѣляется тѣмъ же способомъ, какъ и съ пахатныхъ земель, то-есть, вычисленіемъ средняго валоваго дохода изъ 15 лѣтъ, и исключеніемъ изъ него расходовъ. При опредѣленіи валоваго дохода обращается вниманіе на три условія: количество собираемаго сѣна, качество его и мѣстная цѣна. Расходы относятся къ содержанію, какъ-то: орошеніе, удобреніе, очистка, исправленіе канавъ, или къ уборкѣ, какъ-то косыба: сушка и вязка (*bottelage*). Искусственные луга оцѣниваются наравнѣ съ пахатными землями одинаковаго съ ними достоинства. Земли, годныя только подъ пастбища (*palis, palus, marais, bas prés, etc.*), оцѣниваются по предполагаемому доходу владѣльца, или по наемной цѣнѣ, когда онѣ отдаются подъ чужой скотъ за исключеніемъ расходовъ на ихъ содержаніе.

Земли пустопорожня (*terres vaines et vagues, landes, bruyères etc.*) Эти земли окладываются податью, по ихъ среднему чистому доходу, какъ бы онъ малъ ни былъ, и во всякомъ случаѣ не менѣе 10 сантимовъ съ гектара. Всякая поземельная собственность должна платить налогъ, хотябъ она и не могла давать никакихъ произведеній; но только потому, что занимаетъ мѣсто въ общинѣ. Это правило относится и къ болотамъ (но не соленымъ), не производящимъ никакихъ полезныхъ растеній. Частныя лица могутъ избавиться отъ этой обязанности, передавъ такую землю въ вѣчную собственность общины письменнымъ актомъ, но обязаны уплатить подать до времени передачи.

Община обязана уплачивать подать за все свои земли, принадлежать ли они ей, или частнымъ лицамъ, ее составляющимъ;

но если земли двухъ общинъ отдѣлены однѣ отъ другихъ лѣсками, наносными песками, бесплодными пространствами, болотами, скалами, горами и проч., то границы обѣихъ общинъ назначаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земля перестаетъ быть производительною. Остальное между ними пространство не облагается никакою податью.

Лѣса. Тѣ изъ нихъ, въ которыхъ введено правильное хозяйство, оцѣниваются по ежегодному доходу за исключеніемъ расходовъ на содержаніе, караулъ и на засѣваніе. Лѣса, въ которыхъ не введено правильного хозяйства, оцѣниваются по ихъ стоимости на срубъ во время оцѣнки, при чемъ обращается вниманіе на подростъ и на старыя деревья, и чистый доходъ предполагается въ 2½ процента съ оцѣночной суммы. Различіе дровяного лѣса (*taillis*) отъ строевого (*futaies*), опредѣляется тридцатилѣтнимъ возрастомъ. Что касается до тѣхъ земель, на которыхъ разсѣяны отдѣльныя деревья, или гдѣ они насажены въ видѣ огады, то, при оцѣнкѣ, деревья эти вовсе не принимаются въ соображеніе. Плантаціи ельнику, ивнику, тутовыхъ деревьевъ, каштановъ, маслинъ и пр. оцѣниваются по ихъ доходности, при чемъ берется въ соображеніе какъ продажа произведеній, смолы и проч., такъ и продажа на срубъ самихъ деревьевъ. Питомники оцѣниваются наравнѣ съ лучшими пахатными землями.

Фруктовые сады, гдѣ плодовые деревья составляютъ предметъ главнаго дохода, оцѣниваются по этому доходу съ прибавленіемъ того, что получается отъ посторонняго сбора съва, ягодъ и проч. Тамъ, гдѣ нельзя отличить, въ чемъ собственно заключается главный доходъ, какъ на примѣръ, когда пашни или луга перемѣшаны съ виноградниками или съ деревьями, оцѣниваются всѣ произведенія, взятые вмѣстѣ.

Торфяныя разработки оцѣниваются по квадратному пространству, наравнѣ съ окружающими ихъ землями; но подъ этимъ послѣднимъ выраженіемъ разумѣются не берега торфяныхъ болотъ, покрытые кустарниками, а общая цѣнность земли въ той мѣстности, гдѣ находятся эти разработки. Мѣста, изъ коихъ вынуть торфъ, остающіяся непроизводительными и не примыкающія къ тѣмъ, гдѣ продолжается разработка, цѣнятся наравнѣ съ пустопорожными землями.

Чистый доходъ съ *прудовъ* опредѣляется количествомъ рыбной ловли въ средній годъ, выведенный изъ 15 лѣтъ, за исключеніемъ худшаго и лучшаго годовъ. Къ издержкамъ относятся раз-

ходы на содержаніе, на производство лова и на возобновленіе рыбы. Если ловля производится только черезъ 3, 4 года или болѣе, то за годовой доходъ принимается частное, происшедшее отъ раздѣленія на цифру лѣтъ. Пруды спускные, которые попеременно бываютъ то подъ водой, то подъ пашней, оцѣниваются двойнымъ способомъ (1). Верховья прудовъ (*queue d'étang*) оцѣниваются наравнѣ съ поверхностію самыхъ прудовъ, если только эти пространства не отдаются внаймы подъ пастбища или для кошенія крупныхъ травъ.

Каналы, а также и *жельзные дороги* облагаются податью по поверхности, ими занимаемой, наравнѣ съ землями высшаго качества. Каналы же, проведенные не для судоходства, но для доставленія воды мельницамъ или заводамъ, цѣнятся наравнѣ съ землями, ихъ окружающими.

Рудокопни и *каменоломни* оцѣниваются по поверхности, ими занимаемой, наравнѣ съ землями, ихъ окружающими, а *соляныя копи* и *соляныя болота* наравнѣ съ землями высшаго качества.

Читатели уже вѣроятно догадываются, что кадастровый способъ оцѣнки основанъ на тѣхъ же справкахъ и показаніяхъ стороннихъ людей на мѣстѣ, какъ и всѣ другія оцѣнки, и что наука, кромѣ нѣсколько болѣе подробнаго и точнаго измѣренія поверхности, играетъ при кадастрѣ весьма малую и незначительную роль. Самое измѣреніе дачъ производится въ томъ же почти масштабѣ, какъ и у насъ, а именно 1: 2500, тогда какъ принятый у насъ масштабъ, сто сажень въ дюймѣ, составляетъ 1: 2400. Конечно, большее искусство землемѣровъ, размѣщеніе отдѣльныхъ плановъ по тригонометрической сѣти треугольниковъ и, главное, употребленіе мензулы, вмѣсто астрелябіи, устраняющее такъ-называемую *невязку*, даютъ французскому способу межеванія преимущество передъ нашимъ, и не допускаютъ тѣхъ злоупотребленій со стороны землемѣровъ, которыя внушаютъ такой страхъ нашимъ простолюдинамъ.

(1) Система спускныхъ прудовъ, которые нѣсколько лѣтъ бываютъ то съ водой, для ловли рыбы, то безъ воды подъ пашней или сѣнокосомъ, у насъ совершенно неизвѣстна, но она весьма распространена въ нѣкоторыхъ департаментахъ Франціи. Желаящіе ознакомиться съ этимъ способомъ извлеченія дохода изъ прудовъ могутъ найти всѣ подробности въ прекрасной статьѣ о прудахъ, помѣщенной въ IV томѣ *Maison rustique du XIX siècle* par Bailly, Bixio et Malpeygo.

Перейдемъ теперь къ способу оцѣнки доходовъ со строеній.

При оцѣнкѣ строеній принимаются въ соображеніе два обстоятельство:

1. Пространство земли, ими занимаемой, которое оцѣняется наравнѣ съ лучшими пахатными землями.

2. Высота строеній, отъ которой зависитъ оцѣнка ихъ доходности.

Доходность *жилыхъ строеній* опредѣляется среднимъ вывозомъ изъ десяти лѣтъ наемной платы, за исключеніемъ четвертой части на расходы и ремонтъ. Если жилое строеніе въ одинъ этажъ, то его доходность опредѣляется не менѣе двойной доходности лучшихъ пахатныхъ земель, а если болѣе одного этажа, то доходность не должна быть опредѣлена менѣе, нежели вчетверо противъ доходности лучшихъ пахатныхъ земель. Жилье, устроенное на чердакахъ, не принимается за этажъ, но подвалы и погреба входятъ въ счетъ этажей.

Холодныхъ сельскія строенія, какъ-то: сараи, конюшни, скотные дворы, хлѣбныя, анбары и проч., оцѣняются наравнѣ съ лучшими пахатными землями.

Строенія промышленныя, какъ-то: фабрики, заводы, мельницы и проч., оцѣняются по среднему выводу изъ десятилѣтней наемной платы, при чемъ исключается не $\frac{1}{4}$ часть, какъ у жилыхъ строеній, а $\frac{1}{2}$, на расходы для ихъ поддержанія.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ поземельная собственность, такъ и зданія освобождаются отъ уплаты податей, но случаи эти опредѣлены въ точности закономъ и не зависятъ отъ произвола общины.

Приведемъ исключенія, сдѣланныя для поощренія земледѣлія:

Подать на осушенные болота не можетъ быть возвышена ранѣе 25 лѣтъ, по совершенномъ окончаніи этой работы.

Подать на земли, не бывшія воздѣланными въ продолженіи 10 лѣтъ, и засѣяныя или засаженыя лѣсомъ, не можетъ быть возвышена ранѣе 30 лѣтъ, послѣ посѣва или посадки.

Подать на земли, бывшія 15 лѣтъ пустопорожними (*vaines et vagues*) и засаженыя виноградниками, тузовыми или плодовитыми деревьями, не можетъ быть возвышена ранѣе 20 лѣтъ, а на земли этого разряда, употребленныя подъ какой-либо другой родъ воздѣлыванія, ранѣе 10 лѣтъ.

Если земли были уже воздѣланы и обложены податью, какъ приносящая доходъ, то въ случаѣ заведенія на нихъ виноград-

никовъ, садовъ и проч., подать остается та же на 15 лѣтъ, въ случаѣ же оставленія ихъ подъ лѣсъ, подать эта уменьшается въ продолженіи 30 лѣтъ на половину.

Въ окладномъ спискѣ ежегодно отмѣчается, въ какое время должна окончиться предоставленная этому роду земель привилегія.

Второй разрядъ прямыхъ податей составляетъ подать личная и съ движимаго имущества (*contribution personnelle et taxe mobilière*).

Наружное сходство между французскою личною податью и нашимъ *подушнымъ окладомъ* можетъ ввести въ заблужденіе насчетъ круговой поруки, сопровождающей послѣдній; а потому мы постараемся предупредить заблужденіе подробнымъ изложеніемъ правилъ, узаконенныхъ для назначенія личной подати во Франціи.

Сумма всей личной подати и подати съ недвижимыхъ имуществъ разлагается каждый разъ, по примѣру предшествовавшего года, на департаменты, округа и общины, на основаніи закона 21 апрѣля 1832 года.

Собственно личная подать равняется цѣнности трехъ рабочихъ дней, но, конечно, не въ недѣлю, а въ цѣлый годъ.

Цѣнность рабочаго дня опредѣляется для каждой общины генеральнымъ совѣтомъ департамента; но не можетъ быть ни ниже 50 сантимовъ, ни выше 1 франка 50 сантимовъ, слѣдовательно низшій размѣръ личной подати 1 ф. 50 с., а высшій 4 ф. 50 сантимовъ.

Личную подать обязаны платить всѣ французскіе подданные и иностранцы, живущіе во Франціи, пользующіеся гражданскими правами, не записанные въ спискѣ бѣдныхъ. Почитаются пользующимися гражданскими правами вдовы, жены, отдѣленные отъ мужей, совершеннолѣтніе и несовершеннолѣтніе сыновья и дочери, имѣющіе достаточныя средства къ существованію, какъ по имѣнію, такъ и по ремеслу, хотя бы они и жили съ своими родителями, опекунами или попечителями.

Иностранцы обязаны платить личную подать, даже и въ такомъ случаѣ, если они получаютъ вспоможеніе, какъ напримѣръ полическіе эмигранты.

Всякій, живущій въ какомъ-либо мѣстѣ во время составленія окладныхъ реэстровъ, почитается жителемъ того мѣста, и заноситъ

сится въ списокъ для уплаты личной подати, если не докажетъ, что онъ уже записанъ въ другомъ мѣстѣ.

Облагаются личною податью всѣ вообще чиновники, всѣ духовныя лица, даже монахи и монахини, всѣ служащіе, какъ гражданскіе, такъ и военные, учителя, класныя дамы, повѣренныя, частныя смотрители и сторожа, и проч. Такъ какъ условіе подати составляетъ пользованіе гражданскими правами, то она налагается только на совершеннолѣтнихъ, достигшихъ 21 года, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда пользованіе это начинается ранѣе. По этому дѣти богатыхъ даже родителей, но не имѣющіе отдѣльнаго собственнаго состоянія, податью не облагаются.

Также не облагаются личною податью слуги, когда они живутъ при господахъ своихъ, какъ для личной прислуги, такъ и для хозяйства; а также и работники, употребляемые при земледѣліи; но и эти лица, если имѣютъ отдѣльныя собственныя или наемныя помѣщенія для себя или своего семейства, также облагаются податью.

Личная подать можетъ быть взыскиваема исключительно только съ того лица, которое записано въ списокѣ; поэтому недоимка личной подати, оставшаяся послѣ умершаго, не причисляется къ личной подати его наследника, а взыскивается съ имущества, которое послѣ него могло остаться.

Подать съ движимости (*taxe ou contribution mobilière*) есть собственно подать съ наемной цѣны жилыхъ помѣщеній. Ее обязанъ платить каждый, занимающій жилое и меблированное помѣщеніе, такъ что владѣлецъ дома платитъ только за то помѣщеніе, которое онъ самъ занимаетъ, а за прочія платятъ постояльцы.

Отъ уплаты этой подати никто не освобождается; такимъ образомъ даже префекты, соотвѣтствующіе нашимъ губернаторамъ, всѣ чиновники, занимающіе казенныя квартиры, всѣ приходскіе священники, всѣ сухопутные и морскіе офицеры, имѣющіе квартиры для себя или для своихъ семействъ, офицеры, не состоящіе при войскахъ, офицеры штаба, жандармовъ и присылаемые для набора рекрутъ, всѣ чиновники въ гаваняхъ и крѣпостяхъ, всѣ таможенныя начальства и проч., платятъ эту подать наравнѣ съ прочими.

Исключаются только офицеры, при войскахъ находящіеся, дипломатическіе агенты и лица, записанныя въ списокъ бланыхъ.

Общины, въ которыхъ существуетъ подать съ провозимыхъ черезъ заставу припасовъ (*octroi*), имѣютъ право, съ согласія правительства, уплачивать личную подать и подать съ подвижности, вполнѣ или отчасти изъ этого сбора. Этимъ правомъ воспользовались только нѣкоторыя изъ нихъ, правда, самыя значительныя, какъ-то: Парижъ, Ліонъ, Марсель, Бордо, Стразбургъ, и то только отчасти. Вполнѣ освободила своихъ членовъ отъ уплаты этой подати и обратила ее на *octroi* только одна община, Грандвиль, потому что этимъ способомъ она заставляетъ платить за себя пріѣзжихъ для морскихъ ваннъ, которые находятся въ этомъ городѣ.

Подать съ дверей и оконъ (*contributions portes et fenêtres*) относится также къ числу податей, коихъ сумма назначается впередъ правительствомъ (*impôt de répartition*). Прежде она была извѣстною таксой, собственно съ предметовъ, обложенныхъ податью; но этотъ способъ повелъ къ уменьшенію сбора, а потому съ 1802 положено собирать сумму въ 16 милл. фр., а въ 1832 году въ 22 милл. фр. Нынѣ, вслѣдствіе увеличенія построекъ, она достигла до 26 милл. Сумма эта распределяется по департаментамъ, округамъ и общинамъ, на основаніи сбора предшествовавшаго года, а участие плательщиковъ определяется числомъ дверей и оконъ въ принадлежащихъ имъ зданіяхъ, служащихъ для помѣщенія или для удовольствія, но не для складовъ или фабричнаго производства. Подать эта возвышается въ городахъ по мѣрѣ ихъ народонаселенія, а въ Парижѣ и Бордо она определяется довольно сложнымъ способомъ.

Подать съ ремеслъ и торговли (*contribution des patentes*) не распределяется впередъ по департаментамъ, округамъ и общинамъ въ видѣ извѣстной, слѣдующей къ сбору суммы, а основывается на извѣстныхъ правилахъ для опредѣленія сбора съ каждаго платящаго, и потому носитъ названіе соразмѣрной (*contribution de quotité*).

Всѣ, платящіе эту подать, раздѣляются на четыре категоріи. Категоріи эти раздѣляются на классы, а классы на подраздѣленія. Въ первой категоріи 8 классовъ, и въ каждомъ изъ нихъ 8 подраздѣленій. Кромѣ того, подать эта состоитъ изъ постоянной подати отъ 2 фр. до 300 фр. и процентнаго сбора съ наемной платы промышленныхъ помѣщеній. Принимается въ соображеніе не только родъ промысла, но и количество народонаселенія той мѣстности, гдѣ онъ производится; потому

слѣдуетъ множество исключеній и правилъ, изложеніе которыхъ повело бы насъ слишкомъ далеко.

Самое назначеніе подати или составленіе окладнаго реэстра (*matrices de patentes*) предоставляется податному контролеру, при содѣйствіи мѣстнаго мера. Реэстръ этотъ составляется ежегодно и повѣряется каждые три мѣсяца. Платящихъ эту подать было въ 1830 году 1.000,000 лицъ, а въ 1856 году 1.433.859. Самый сборъ простирался до 41 милліона, изъ коихъ $\frac{99}{100}$ шли въ пользу государства, а $\frac{1}{100}$ въ пользу общинъ. Это послѣднее обстоятельство служитъ обезпеченіемъ правильности въ распредѣленіи и въ назначеніи этой подати.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ недвижимыхъ имуществвахъ, которыя не облагаются податью. Это суть: улицы, площади, большія дороги, дороги преселочныя, рѣки, мѣста публичныхъ гуляній, если мѣста эти принадлежатъ частнымъ лицамъ, хотя бы ими и пользовалась публика. Бичевники или сатьма (*chemin de halage*), не пользуются исключеніемъ наравнѣ съ дорогами, но при оцѣнкѣ принимается въ соображеніе уменьшеніе доходности пространствъ, ими занимаемыхъ.

Освобождаются отъ подати всѣ казенныя зданія, имѣющія опредѣленное назначеніе и не приносящія дохода. Такимъ образомъ, зданія театроу облагаются податью, потому что пользуются денежнымъ сборомъ. Освобождаются отъ подати всѣ помѣщенія для учебныхъ заведеній, хотя бы и принадлежащихъ частнымъ лицамъ, если обученіе въ нихъ бесплатное, всѣ помѣщенія благотворительныхъ заведеній, кромѣ такъ называемыхъ *monts-de-piété*, или конторы для ссуды подъ ручныя залоги, потому что онѣ доставляютъ доходъ въ пользу госпиталей.

Такъ какъ основаніемъ подати служитъ доходъ, то хотя всѣ казенныя зданія, а тѣмъ болѣе арестантскія казармы, крѣпости и не подлежатъ ей, но пространства, занимаемая гласисомъ и валами, которыя отдаются въ аренду для скошенія травы, облагаются податью.

Зданія и имѣнія дворцовыя, или императорской фамиліи, свободны отъ уплаты главной подати съ недвижимыхъ имуществъ; но они не освобождаются отъ уплаты прибавочныхъ сантимовъ (*centimes additionels*) на департаментскіе и общинныя расходы.

Частныя зданія, находящіяся въ перестройкѣ, освобождаются временно отъ уплаты подати, при соблюденіи извѣстныхъ условій и формальностей.

II.

Теперь обратимся къ изложенію главнаго предмета, насъ занимающаго, то-есть, къ самому способу собиранія прямыхъ налоговъ, или, другими словами, къ разрѣшенію вопроса:

Гдѣ, кому и какъ производится уплата?

Законъ называетъ прямые налоги *quérables* и *portables*: это значитъ, что сборщикъ долженъ самъ пріѣзжать въ каждую общину для ихъ полученія, но что они должны быть ему приносимы въ то мѣсто въ предѣлахъ общины, гдѣ онъ учреждаетъ свою контору.

Дни, въ которые сборщики пріѣзжаютъ въ каждую общину, опредѣляются заблаговременно подпрефектомъ, и маршрутъ этотъ постоянно выставляется въ конторахъ сборщиковъ и частнаго собирателя податей.

Сборщики должны являться въ каждую общину, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ мѣсяць.

Меръ обязанъ объявить и аффишировать, какъ день прибытія сборщика, такъ и мѣсто, гдѣ онъ остановится.

Сборщики не имѣютъ права сами собою останавливаться въ общинномъ зданіи, но мѣстное начальство должно заботиться о доставленіи имъ приличнаго помѣщенія.

Прямые подати должны быть уплачиваемы сборщику, но не кому-либо другому, ибо только онъ одинъ имѣетъ право на ихъ полученіе. Сборщикъ можетъ быть замѣненъ другимъ лицомъ, только по распоряженію финансоваго начальства.

Сборщикъ не имѣетъ права требовать никакой суммы, не означенной въ его списокѣ.

Онъ сообщаетъ платящимъ увѣдомленія о слѣдующемъ съ нихъ взысканіи безъ взятія за то пошлины.

Прямые подати уплачиваются двѣнадцатю равными частями, и каждая часть должна быть уплачена 1-го числа наступившаго мѣсяца, за мѣсяць предшествующій. Платящіе не имѣютъ права уплачивать прямые подати впередъ за годъ или за нѣсколько мѣсяцевъ.

Уплата податей за каждый мѣсяць должна быть производима и тѣми изъ платящихъ, которые жалуются на неправиль-

ное или насправедливое назначеніе, впредь до разрѣшенія ихъ жалобы или спора.

Сборщики должны, въ присутствіи плательщиковъ, отмѣчать каждое полученіе на реэстрѣ и выдавать безошлинную квитанцію. За несоблюденіе этого правила они подвергаются штрафу отъ 10 до 25 франковъ. Квитанціи вырѣзываются изъ особой для сего книги (*un journal à souche*).

Подати должны быть взыскиваемы съ тѣхъ лицъ, которыя именно внесены въ списокъ; наследники умершаго должны внести ту часть подати, которую онъ не уплатилъ передъ своею смертію. Пока не сдѣлано измѣненія въ реэстрѣ, наследники отвѣчаютъ другъ за друга, то-есть, что съ одного изъ нихъ можно взыскать всю подать; но и это правило, введенное въ 1839 году, подвержено спору: такъ мало допускается въ чемъ-либо круговая отвѣтственность французскимъ законодательствомъ и французскими нравами.

Подать съ недвижимыхъ имуществъ должна быть уплачиваема собственниками, кто бы они ни были: частное лицо, общество, городъ и проч., лишь бы имущество находилось въ ихъ пользованіи (*propriété utile*). Это обстоятельство обращаетъ подать на пользователя, эфитевта, и проч. Такимъ образомъ, въ случаѣ уступки земли подъ каналъ, подать обращается на пользователя.

Законъ предоставляетъ администраціи право требовать, чтобы фермеры и постояльцы платили въ счетъ собственниковъ или владѣльцевъ подать съ недвижимости, у нихъ находящейся въ найму, и употреблять мѣры взысканія въ случаѣ ихъ отказа или замедленія. Въ 1819 году было позволено дѣлать делегаціи или переводы, то-есть, владѣльцы могли дѣлить подать между фермерами и обращать на нихъ уплату подати, пропорціо-нально условленной суммѣ. Такъ какъ число делегацій слишкомъ увеличилось, и онѣ сдѣлались слишкомъ дробны, то въ 1833 году предписано ограничиваться тремя или четырьмя фермерами, кромѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ этотъ способъ уплаты податей былъ допущенъ обычаемъ. Впрочемъ, несмотря на переводъ уплаты подати на фермеровъ, или на делегацію, взысканіе можетъ быть обращено непосредственно на самого владѣльца, если есть причины полагать, что взысканіе съ фермеровъ не будетъ имѣть успѣха. Законъ обязываетъ наемщиковъ домовъ уплачивать подать съ недвижимыхъ имуществъ въ счетъ владѣльца, но они обязаны уплатить только то, что сами дол-

жны хозяину, и не могутъ быть вынуждаемы дѣлать уплаты впередъ, до наступленія контрактныхъ сроковъ; только одни фермеры, какъ лица, въ распоряженіи коихъ находятся произведенія земли, назначенныя для уплаты податей, въ этомъ случаѣ замѣняютъ вполнѣ владѣльца.

Сборщики податей (*percuteurs*) суть, какъ видно изъ предшествующаго, тѣ лица финансовой администраціи, которыя входятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ платящими подати, слѣдовательно успѣшность самаго сбора должна зависеть:

а) отъ тѣхъ побудительныхъ причинъ, которыя заставляютъ сборщиковъ быть настоятельными во взысканіи податей;

б) отъ тѣхъ средствъ, кои предоставлены имъ, чтобы поддерживать свои требованія.

При всякой системѣ сбора прямыхъ налоговъ успѣхъ всегда зависитъ отъ правильнаго и яснаго опредѣленія этихъ двухъ условій, изъ коихъ первое равносильно отвѣтственности, а второе праву. Нарушеніе гармоніи между этими двумя условіями имѣетъ слѣдствіемъ злоупотребленія, подъ какими бы формами они нескрывались.

Если отвѣтственность офиціальнаго лица превышаетъ права, данныя ему для удовлетворенія требованій этой отвѣтственности, то или выполненіе возложенной обязанности дѣлается невозможнымъ, и никто не захочетъ принять ее на себя, или, что обыкновенно и случается, начальство смотритъ снисходительно на превышеніе права, предоставленнаго сборщику.

Если права превышаютъ отвѣтственность, то начинается произволь, притѣсненія, незаконные поборы и проч. Офиціальныя лица, привыкшія употреблять право въ свою личную пользу, простираютъ эту привычку такъ далеко, что вовсе даже забываютъ о той цѣли, для которой дано имъ это право. При сборѣ податей, обыкновеннымъ слѣдствіемъ такого неправильнаго отношенія между обширнымъ понудительнымъ правомъ и слабою отвѣтственностью лицъ, которымъ предоставлено это право, бываетъ обыкновенно накопленіе недоимокъ, несмотря на то, что платящіе подати разоряются, то-есть платятъ несравненно болѣе, нежели сколько дѣйствительно слѣдовало бы платить.

Итакъ вопросъ объ успѣшности сбора податей зависитъ отъ правильности отношеній между отвѣтственностію и правами сборщиковъ, то-есть отъ устраненія произвола начальства надъ

сборщиками и производа сборщиковъ надъ платящими подати. Очевидно, что если начальство есть въ то же время и сборщикъ, то обустройство производа и всѣхъ его вредныхъ послѣдствій не можетъ быть и рѣчи.

Чтобы сдѣлать понятнымъ тотъ способъ, которымъ французское законодательство разрѣшило этотъ вопросъ, необходимо изложить его въ связи съ общею системою финансовой отчетности:

Для сбора и общаго движенія всѣхъ казенныхъ суммъ во Франціи существуютъ слѣдующія должностныя лица:

въ каждомъ департаментѣ главный собиратель податей, *receveur g n ral*;

въ каждомъ округѣ частный собиратель податей, *receveur particulier*;

въ каждомъ округѣ нѣсколько сборщиковъ, *percepteurs*,

Движеніе всѣхъ казенныхъ суммъ въ департаментахъ сосредоточивается въ рукахъ генеральнаго собирателя, и всѣ лица мѣстнаго финансоваго управленія не только находятся въ полной отъ него зависимости, но на немъ лежитъ и отвѣтственность за ихъ дѣйствія.

Самъ генеральный собиратель есть нѣчто среднее между чиновникомъ и банкиромъ, ибо получаетъ жалованье (6.000 фр.), приноситъ присягу при вступленіи въ должность, имѣетъ права начальника и вмѣстѣ контролера надъ окружными сборщиками и другими лицами, обязанъ представить весьма значительное денежное обезпеченіе (*cautionnement*) при вступленіи въ должность, а вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ къ учету и выдаетъ изъ себя векселя, имѣетъ контору, въ которой все счетоводство ведется банкирскимъ способомъ, ссужаетъ правительству деньги за проценты, и самъ платитъ правительству проценты за лежащія у него долге опредѣленнаго срока деньги.

Такимъ образомъ, должность эта доставляетъ огромныя, но совершенно законныя выгоды. Денежные обороты генеральныхъ собирателей таковы, что часто доставляютъ имъ болѣе 100.000 франковъ годоваго дохода.

Мы сказали, что отчетность генеральныхъ собирателей ведется банкирскимъ способомъ, то-есть употребленіемъ такъ называемой италіанской или двойной бухгалтеріи. Выраженіе *двойной бухгалтеріи* пугаетъ людей, незнакомыхъ съ нею, и, повидимому, указываетъ на какую-то бесполезную сложность, — ибо для чего дѣлать два раза то, что можно сдѣлать одинъ разъ?

Но существенное отличіе этой двойной бухгалтеріи заключается въ томъ, что она проста, и что при ней во всякое время видна не только денежная наличность, но всѣ счета со всѣми отдѣльными мѣстами, лицами и по всѣмъ отдѣльнымъ статьямъ, тогда какъ, при обыкновенномъ у насъ принятомъ способѣ, для этого необходимо дѣлать такъ-называемыя выборки, исполненіе которыхъ весьма трудно, а повѣрка почти невозможна, ибо она состоитъ въ повтореніи работы и можетъ имѣть значеніе только для того лица, которое ее дѣлало, а всѣ другіе должны полагаться на *слуху*. При двойной бухгалтеріи ошибки не возможны, ибо онѣ тотчасъ сами себя обнаруживаютъ. Вотъ почему способъ этотъ принять во всемъ государственномъ счетоводствѣ во Франціи.

Въ отношеніи къ исправности сбора прямыхъ налоговъ, способъ этотъ примѣняется слѣдующимъ образомъ:

Генеральный собиратель обязанъ 10-го числа каждаго мѣсяца записать себѣ въ дебетъ всѣ суммы, которыя должны были 1 числа этого мѣсяца поступить, на основаніи окладовъ, къ подчиненнымъ ему мѣстнымъ сборщикамъ. Съ этого дня онъ уже начинаетъ платить правительству и проценты за поступившія дѣйствительно, или долженствовавшія поступить къ нему суммы. Естественно, что онъ употребляетъ самое бдительное наблюденіе, чтобы слѣдующія къ сбору суммы дѣйствительно къ нему поступали, въ видѣ ли денегъ или въ видѣ векселей, которые онъ принимаетъ къ учету на собственный страхъ. Правительство, кромѣ огромной выгоды недопущенія недоимокъ по сборамъ, пользуется еще тѣмъ удобствомъ, что можетъ распорядиться этими суммами и ранѣе срока ихъ поступления, и въ такомъ случаѣ само платитъ генеральному собирателю проценты. Откуда берутъ однако генеральные собиратели такое количество денегъ, чтобъ удовлетворять всѣмъ этимъ требованіямъ? Они находятъ ихъ въ частномъ кредитѣ, ибо такъ какъ во Франціи нѣтъ казенныхъ кредитныхъ учреждений, которыя бы платили проценты и притомъ еще сложные за капиталы, которые по произволу могутъ быть ежедневно взяты обратно, то частныя лица или покупаютъ ренту (непрерывно-доходные билеты), если желаютъ пользоваться бѣльшими процентами, или ввѣряютъ свои капиталы на короткое время банкирамъ за проценты меньшіе. Генеральный собиратель, есть всегда главный банкиръ въ департаментѣ, и распоряженіе огромными казенными суммами доставляетъ ему воз-

возможность дѣлать большіе и выгодные обороты. Значительное денежное обезпеченіе и постоянная и ясная отчетность, и притомъ въ короткіе сроки, вполне обезпечиваютъ правительство. Такимъ образомъ, дѣлаются ненужными всѣ правила о храненіи, приѣмѣ, выдачѣ, пересылкѣ казенныхъ суммъ и объ ежемѣсячномъ свидѣтельствovanіи ихъ посторонними лицами, несвѣдущими въ счетоводствѣ и не представляющими правильного обезпеченія. Ввѣряя свои суммы генеральнымъ сборщикамъ не только какъ чиновникамъ, но и какъ банкирамъ, правительство, съ одной стороны, возлагаетъ на нихъ полную отвѣтственность за ихъ цѣлость, а съ другой, даетъ имъ право распорядиться этими суммами, по ихъ усмотрѣнію. Такъ какъ они вносятъ весьма значительное денежное обезпеченіе, за которое имъ выдается 3 процента, и притомъ суммы поступаютъ ежемѣсячно и расходуются или вытребываются весьма часто, а счета содержатся ежедневно въ совершенной ясности, то эта довѣренность не сопряжена ни съ малѣйшею опасностію. Тамъ, гдѣ эта система не принята, гдѣ казенныя деньги поступаютъ къ чиновнику, не имѣющему права ими распорядиться, хотя опытъ и доказываетъ, что право и возможность—двѣ вещи разныя, гдѣ деньги хранятся въ казенныхъ кладовыхъ за печатями и ключами постороннихъ чиновниковъ, Богъ знаетъ, почему обязанныхъ свидѣтельствовать суммы каждый мѣсяцъ, и отвѣчать за нихъ, несмотря на свое незнаніе счетоводства и на свое недостаточное состояніе, — казенныя деньги пропадаютъ, чего не бываетъ во Франціи. Дѣйствительно, легко ли лицу, хранящему и распорядяющемуся значительными суммами, не соблазниться извлечь *нѣкоторыя* выгоды изъ безплодно лежащихъ капиталовъ? А если это лицо не устоитъ противъ соблазна, то нѣтъ уже и предѣловъ растратъ суммъ. Но формы счетоводства, но ежемѣсячное счетоводство суммъ, развѣ не дѣлаютъ злоупотребленія невозможными? Еслибъ это возраженіе было справедливо, то и злоупотребленія казенными суммами и ихъ растраты не могли бы встрѣчаться. Формы счетоводства знаютъ немногіе съ тою ясностію, чтобъ уличить искуснаго плута; а отвѣтственность лицъ, повѣряющихъ суммы и счета, есть самое странное, самое безсмысленное проявленіе круговой поруки. Положимъ, что въ счетахъ оказалась невѣрность, что суммы растрочены. Отвѣчаютъ за нихъ пять, шесть человекъ, случайно обреченныхъ на свидѣтельствованіе казенныхъ суммъ.

Что же значить эта отвѣтственность? Четверо изъ этихъ шестерыхъ не имѣютъ никакого состоянія, и у нихъ будутъ вычитать $\frac{1}{3}$ жалованья въ продолженіи всей жизни, что, между прочимъ, обезпечиваетъ ихъ отъ увольненія по усмотрѣнію начальства, пятый, можетъ-быть наиболѣе виновный, имѣетъ огромный капиталъ на имя неизвѣстнаго или домъ на имя жены; но взысканіе на него падаетъ наравнѣ съ четырьмя, ничего не имѣющими, кромѣ жалованья; а шестой имѣетъ несчастье владѣть недвижимымъ, наслѣдственнымъ или честно купленнымъ на свое имя имѣніемъ, и на него упадетъ вся отвѣтственность, потому что это имѣніе конфискують, продадутъ или заставятъ его заплатить за всеъхъ, если онъ не захочетъ лишиться недвижимаго имѣнія. Мы увлеклись, однако, ратоборствомъ противъ круговой поруки и отступили отъ предмета нашего изложенія.

Частные собиратели содѣйствуютъ каждый въ своемъ округѣ генеральному собирателю въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, въ округѣ же департаментскаго города, гдѣ имѣетъ мѣстопробываніе самъ генеральный собиратель, особаго частнаго собирателя не полагается.

Частные собиратели содержатъ въ готовности все суммы, къ нимъ поступающія, для употребленія ихъ по назначенію генеральнаго собирателя, или для отсылки ихъ въ его контору, почему и ведутъ съ нею открытый счетъ. Каждые 10 дней имъ записываются въ *дебетъ* все ихъ сборы, и въ *кредитъ* все уплаты деньгами или платежными документами.

Они получаютъ жалованья 2.400 фр. и нѣкоторое вознагражденіе въ видѣ процентовъ съ различныхъ статей дохода; они такъ же обязаны представлять при вступленіи въ должность денежное обезпеченіе, пропорціональное обширности ихъ операцій.

Все недоимки по сбору прямыхъ налоговъ, остающіяся къ 20-му ноября слѣдующаго года, должны быть ими уплачены изъ собственныхъ средствъ, съ правомъ взыскивать ихъ на правахъ казны съ сборщиковъ податей.

Мы уже видѣли, что сборщики податей суть тѣ лица, которыя приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ платящими подати. Они определяются правительствомъ, слѣдовательно не находятся въ нравственной зависимости отъ сихъ послѣднихъ, что бываетъ при опредѣленіи по выборамъ, но и не могутъ употреблять во зло свою власть, потому что

нѣ облечены ею. Они дѣйствуютъ только какъ повѣренныя отъ казначейства, и всѣ понудительныя мѣры предписываются и выполняются мѣстными властями.

Отвѣтственность сборщиковъ обезпечивается также какъ и собирателей денежнымъ залогомъ и заключается въ слѣдующемъ: сборщики, которые въ продолженіи трехъ лѣтъ не выщутъ недоимокъ, обязаны уплатить изъ собственныхъ сумм (*de leurs propres deniers*) весь недоборъ и записать его въ приходъ по статьѣ прямыхъ налоговъ. Они становятся въ этомъ случаѣ личными кредиторами недоимщиковъ и вступаютъ въ права казны, коими они и пользуются, какъ постановлено о взысканіи прямыхъ налоговъ. Впрочемъ, если въ продолженіи означеннаго времени они или не предпринимали никакихъ мѣръ ко взысканію или не продолжали начатаго взысканія, то лишаются этого права, и всѣ дальнѣйшія дѣйствія имъ воспрещаются.

Назначеніе трехъ лѣтъ окончательнымъ срокомъ для взысканія недоимокъ не есть произвольное, но имѣетъ связь со всею системою отчетности по финансовой части.

Каждый финансовый законъ, которымъ опредѣляется бюджетъ прихода и расхода имѣетъ силу только на одинъ годъ. Годъ этотъ называется *exercice courant*. Въ слѣдующемъ за тѣмъ году позволяется получать и уплачивать слѣдующія въ счетъ этого года суммы до августа мѣсяца. Этотъ второй годъ называется *exercice clos*. Всѣ суммы, которыя были затѣмъ не уплачены, должны уже быть формально вносимы особою статьей въ бюджетъ третьяго года, который носитъ названіе *exercice perimé*.

Это раздѣленіе имѣетъ ту вымоду, что объясняетъ отношеніе каждаго полученія и каждой выдачи ко всей совокупности государственнаго хозяйства, и даетъ возможность сравненія и повѣрки предположеній съ дѣйствительнымъ выполненіемъ.

Такимъ образомъ, отвѣтственность за своевременное поступленіе сборовъ лежитъ, во первыхъ, на генеральномъ собирателѣ, который, записавъ себѣ въ дебетъ въ отношеніи къ центральной кассѣ (по нашему государственному казначейству) всю сумму, слѣдовавшую къ поступленію въ каждый мѣсяцъ, конечно, наблюдаетъ за сборщиками, чтобъ они выскивали и доставляли дѣйствительно слѣдующія деньги.

Сборщики податей, пользующіеся нѣкоторымъ вознагражденіемъ (*bonnification*) за скорость сбора, и опасаясь, въ случаѣ не-

принятія своевременно понудительныхъ мѣръ, быть вынужденными заплатить недоимки изъ своихъ собственныхъ средствъ, т.-е. изъ представленнаго залога, не могутъ давать отсрочекъ къ уплатѣ податей и допускать накопленія неплатныхъ недоимокъ.

Вообще, недоимка въ прямыхъ налогахъ въ отношеніи къ государству во Франціи не только не существуетъ, но и не можетъ имѣть мѣста. Всякая недоимка въ сборѣ есть только частный долгъ между сборщикомъ и генеральнымъ собирающимъ или помощниками его, частными собирающими. Внеся за сборщиковъ свои собственные деньги, лица эти имѣютъ право на вычетъ изъ представленнаго сборщиками денежнаго обезпеченія; но для этого они обязаны дѣйствовать своевременно и съ соблюденіемъ извѣстныхъ формъ, такъ же точно-какъ и сборщики въ отношеніи къ платящимъ подати. Личная денежная ответственность, обезпеченная наличнымъ залогомъ, а не одною уголовною пенальностію, или круговою порукой лицъ, случайно замѣшанныхъ въ свидѣтельствованіе казенныхъ суммъ, есть лучшее побудительное средство, чтобы заставить дѣйствовать своевременно и съ соблюденіемъ всѣхъ узаконенныхъ формъ при сборѣ прямыхъ налоговъ. Каждый сборщикъ является уже частнымъ истцемъ, а не мандариномъ, отъ произвола котораго зависитъ казнить, для пополненія казенной недоимки, или миловать для накопленія этой недоимки и для набиванія своего кармана.

Итакъ, ответственность сборщиковъ весьма обширна въ денежномъ отношеніи. Какія же права предоставлены имъ въ огражденіе отъ этой ответственности? Права эти суть почти тѣ же самыя, какъ и всѣхъ частныхъ кредиторовъ, съ небольшими только преимуществами. По нашимъ понятіямъ, права эти не пользуются большимъ уваженіемъ и на нихъ трудно возлагать надежду исправнаго взысканія, но во Франціи думаютъ иначе,—и это обстоятельство лучше всего показываетъ, какъ неудовлетворительность одной части законодательства вредитъ всѣмъ прочимъ, и какъ трудно достигать усовершенствованій по одной части, не дѣлая реформы улучшеній по всѣмъ прочимъ.

Мы уже видѣли, что сборщикъ пріѣзжаетъ въ каждую общину въ объявленный заранѣе день, для полученія прямыхъ налоговъ согласно окладному реестру, формально утвержденному и всѣмъ хорошо извѣстному; слѣдовательно, о произволѣ

съ его стороны, въ количествѣ слѣдующей къ уплатѣ суммы, не можетъ быть и рѣчи. Остается одинъ, и притомъ самый важный для насъ случай. Нѣкоторые плательщики или вовсе не явятся для уплаты, или принесутъ не всю слѣдующую съ нихъ сумму. Какія средства имѣеть тогда сборщикъ для понужденія къ уплатѣ? Средства эти суть слѣдующія:

1. Напоминаніе, sommation.

2. Понужденіе, contrainte.

Напоминаніе (sommation) есть письменное и безпошлинное увѣдомленіе неуплатившаго о числящейся на немъ недоимкѣ. Всѣ понудительныя мѣры могутъ начаться не прежде, какъ черезъ десять дней послѣ увѣдомленія. Правило это составляетъ родъ отсрочки въ продолженіи десяти дней; такой срокъ принять потому, что сами сборщики отсылаютъ къ собирателямъ поступившія къ нимъ суммы только каждые десять дней. Не лучше ли бы однако было просто дать льготные дни безъ пустой, повидимому, формальности, послышки письменнаго увѣдомленія о неуплатѣ подати тому, кто очень хорошо знаетъ, что онъ еще не заплатилъ ея. Формальностію этою предупреждается споръ въ томъ случаѣ, если заплатившій не получилъ квитанціи по своей ли небрежности, или по недобросовѣстности сборщика. Сборщикъ, поставленный въ необходимость послать на другой же день послѣ срока, назначеннаго къ уплатѣ, оффиціальное письменное напоминаніе черезъ мѣстное начальство, конечно, не рѣшится этого сдѣлать въ отношеніи къ тому, кто вчера же отдалъ ему деньги; а еслибъ и рѣшился на такой наглый поступокъ, то, по краткости времени, легко можетъ быть уличенъ въ обманѣ. Этою мѣрой совершенно дѣлаются невозможными тѣ споры объ уплатѣ или неуплатѣ, которые такъ часто встрѣчаются между нашими сборщиками и крестьянами. *Я давно заплатилъ, или я никогда не получалъ*, этотъ обыкновенный діалогъ между спорящими, когда дойдетъ дѣло до разбирательства, уже не можетъ имѣть мѣста. Споръ подобнаго рода при французской системѣ рѣшается скоро, и еслибъ его рѣшеніе было и въ пользу недобросовѣстнаго сборщика, то и въ такомъ случаѣ оно не доставило бы ему большой выгоды, ибо частое повтореніе подобной продѣлки, конечно, обратитъ на него подозрѣніе, и должно имѣть слѣдствіемъ удаленіе его отъ должности, по крайней мѣрѣ, за несвоевременную выдачу квитанцій.

По минованіи десятидневнаго срока начинаются понудительныя мѣры, которыхъ основное правило есть слѣдующее:

«Никакое преслѣдованіе неплательщика не можетъ имѣть мѣста иначе, какъ вслѣдствіе письменнаго понужденія, въ коемъ поименно названы неплательщики, которые ему подвергаются» (1) (Rég. 21 déc. 1839, art., 23 24.)

Побудительныя мѣры суть слѣдующія:

- 1) Общій постой, *garnison collective*.
- 2) Личный постой, *garnison individuelle*.
- 3) Предписаніе объ описи, *commandement*.
- 4) Опись, *saisie*.
- 5) Продажа, *vente*.

Постой, въ видѣ штрафа, до уплаты недоимки, заключается въ томъ, что къ одному или къ нѣсколькимъ неплательщикамъ вмѣстѣ посылается особый *agent de poursuite*, которому недоимщики обязаны давать квартиру и содержаніе. Точно такъ, у насъ въ столицахъ, посылаются къ неуплатившимъ городскихъ повинностей казаки съ лошадью, которыхъ домохозяинъ долженъ кормить до уплаты недоимки. У насъ это называется экзекуціей, а во Франціи *garnison*. Общій постой *garnison collective* есть низшая мѣра взысканія, потому что къ нѣсколькимъ недоимщикамъ посылается одинъ *garnisaire*, и всѣ расходы на его содержаніе и всѣ пошлинныя деньги (*frais*) падаютъ на всѣхъ вмѣстѣ, то-есть, въ меньшемъ количествѣ. Личный постой, *garnison individuelle* есть болѣе строгая мѣра взысканія и назначается черезъ три дня послѣ недѣйствительности мѣры предшествующей. Личный постой не можетъ быть назначенъ иначе, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда подать составляетъ не менѣе 40 фр., и по назначенію префекта. Этотъ постой продолжается только два дня въ домѣ каждаго недоимщика, и въ случаѣ уплаты тотчасъ снимается по приказанію сборщика. Въ продолженіи постаю и до окончанія его срока не позволено прибѣгать къ дальнѣйшимъ побудительнымъ мѣрамъ взысканія.

Еслибы общій постой, *garnison collective*, былъ мѣрою взысканія, вытекающею изъ круговой поруки, или имѣющею съ нею что-либо общее, то онъ никакъ не могъ бы предшествовать личному постою, *garnison individuelle*, ибо для чего принуждать

(1) Я нарочно цитую законъ буквально, чтобы показать, какъ далеко французское законодательство отъ мысли о круговой поруки и какъ тщательно оно ее вездѣ избѣгаетъ.

къ уплатѣ общество въ цѣломъ составѣ, когда всѣ его отдѣльные члены уже заплатили, каждый отдѣльно? Это была бы такая бессмыслица, въ которой трудно подозрѣвать какое-либо законодательство. *Garnison collective* есть самая легкая по цѣнѣ мѣра взысканія съ недоимщиковъ, и притомъ съ однихъ только недоимщиковъ, а никакъ не съ кого-либо другаго или со всѣхъ членовъ общины, что бываетъ при круговой поруки и составляетъ отличительный характеръ этой полуварварской мѣры.

Слова г. Бунге: *община и во Франціи понуждается такъ называемою garnison collective*, употребленныя имъ въ защиту круговой поруки, должны, какъ мнѣ кажется, совершенно потерять свое значеніе, ибо *община во Франціи никогда не понуждается посредствомъ garnison collective*. Последняя отрицательная форма гораздо ближе къ истинѣ, нежели утвердительная, принятая г. профессоромъ.

Вообще, мы должны быть какъ можно осторожнѣе, приводя доказательства изъ иностраннаго законодательства и не должны дѣлать этого мимоходомъ. Въ нашемъ обществѣ еще не такъ много специалистовъ, чтобы намекъ однимъ названіемъ объяснял дѣло для читающаго, даже и въ такомъ случаѣ, если оно совершенно ясно для пишущаго. У насъ еще возможны толкованія въ родѣ провозглашеннаго во время послѣдней войны нашей, когда нѣсколько патріотовъ нашихъ, изъ чиновной звѣздоносной сѣры, осыпали упреками Англію, предсказывали ей скорую гибель и конечное разореніе; въ доказательство своего мнѣнія переводили французское, переведенное съ англійскаго, выраженіе *la taxe des pauvres*—*подать съ нищихъ*, вмѣсто подать въ пользу нищихъ. Не то ли же самое случается и съ тѣми защитниками крѣпостнаго права, которые приводятъ выраженіе *garnison collective*, какъ доказательство существованія во Франціи круговой поруки? Мы можемъ успокоить всѣхъ, кому это дѣло близко еще не извѣстно, что круговая порука дѣйствительно была во Франціи, подъ названіемъ *contrainte solidaire*, но она уничтожена еще до революціи, при Лудовикѣ XVI, знаменитымъ Тюрго.

Въ случаѣ недѣйствительности предыдущей мѣры взысканія дается предписаніе объ описи (*commandement*), въ которомъ подробно обозначается не только взыскиваемая сумма, но и всѣ расходы (*frais*), съ взысканіемъ сопряженные. Пошлины реги-

стратурныя (*droit d'enregistrement*) назначаются съ каждой недолжной статьи, превышающей 100 франковъ.

По прошествіи трехъ дней, послѣ объявленія предписанія, приступается къ описи (*saisie*) движимаго имущества и произведеній, находящихся еще на корню (*saisie-brandon*). Сборщикъ имѣетъ право остановить опись въ случаѣ уплаты части взысканія, но не обязанъ этого дѣлать до совершеннаго очищенія недоимки. Опись произведеній, стоящихъ еще на корню, можетъ имѣть мѣсто не ранѣе шести недѣль до обыкновеннаго времени ихъ зрѣлости. Всѣ формальности описи, или взятія подъ присмотръ, производятся на общемъ основаніи законовъ о взысканіи съ несостоятельныхъ должниковъ.

Не могутъ быть подвергнуты описи, а слѣдовательно и продажѣ: кровати недоимщика и его семейства; орудія и инструменты для работы; лошади, быки, мулы и прочія животныя, употребляемыя для земледѣлія; телѣги, лачки, плуги и другія земледѣльческія орудія, а также и пахатная сбруя; книги, относящіяся къ ремеслу или занятію неплательщика, до цѣнности 300 фр., по его собственному выбору; машины и инструменты, служащія для практическаго преподаванія наукъ и искусствъ, до той же цѣнности и по его же выбору; военная амуниція по формѣ и чину. Недоимщику, у коего отбирается по описи движимая собственность, оставляется одна дойная корова и двѣ козы или три овцы, по его выбору, съ запасомъ корма и подстилки на одинъ мѣсяць, и наконецъ сѣмена, необходимыя для обычнаго посѣва его земель. Пчелы, шелковичныя черви и тутовые деревья подвергаются описи только въ случаяхъ, опредѣленныхъ мѣстными законами и обычаями.

Черезъ восемь дней, по составленіи протокола объ описи, назначается публичная продажа, но не иначе какъ съ разрѣшенія подпрефекта. Срокъ этотъ можетъ быть и сокращенъ съ его согласія, если продаваемые предметы могутъ подвергнуться порчѣ. Продажа производится порядкомъ, установленнымъ въ законахъ, черезъ такъ-называемыхъ *commissaires priseurs*, и только тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, самими исполнителями принудительныхъ мѣръ (*porteurs de contrainte*), но съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей. Какъ скоро выручится сумма, достаточная для покрытія недоимки и расходовъ, продажа прекращается. Продажа производится или въ той же общинѣ, гдѣ имущество было описано, или, съ разрѣшенія мера, на сосѣднемъ торгу или на томъ, гдѣ будетъ признано болѣе выгоднымъ. Ни

сборщики, ни лица, которымъ поручаются понудительныя мѣры, не имѣютъ права покупать сами, но сборщикъ долженъ присутствовать при продажѣ, для немедленнаго полученія денегъ. Всякая продажа, сдѣланная безъ соблюденія предписанныхъ формъ, даетъ право жаловаться на производившихъ оную чиновниковъ, и всѣ расходы обращаются на ихъ счетъ.

Мы указали на всѣ степени понудительныхъ мѣръ для уплаты недоимокъ, но не можемъ входить въ подробности всѣхъ формальностей, обеспечивающихъ какъ плательщиковъ, такъ и сборщиковъ, которыхъ выгоды, какъ мы уже видѣли, заступаютъ мѣсто интересовъ казны. Всѣ случаи укрывательства описываемой собственности, передачи ея постороннимъ лицамъ и всѣ другія уловки, составляющія у насъ камень преткновенія при каждомъ казенномъ или частномъ взысканіи, предусмотрѣны закономъ, и правила, имъ постановленныя, дѣлаютъ эти хитрости совершенно бесполезными.

Каждая изъ степеней понудительныхъ мѣръ влечетъ за собою расходы, установленные таксой и постепенно возвышающіеся, что и служитъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ средствъ къ скорѣйшей уплатѣ. Чтобъ оградить, однако, частныхъ лицъ отъ расходовъ излишнихъ, цѣнность ихъ всегда выставлена въ конторѣ сборщика, означается на каждомъ понудительномъ актѣ, и сверхъ того самыя бланки этихъ актовъ печатаются для каждой степени взысканія на особаго цвѣта бумагѣ. Платящій подати имѣетъ право требовать отъ сборщика вѣрнаго вычисленія всѣхъ падающихъ на него за недоимку расходовъ, и, еслибы было доказано, что этотъ послѣдній потребовалъ лишнее, то онъ подвергается суду какъ лихоимецъ (*concessionnaire*).

Отвѣтственность собирателей генеральныхъ и частныхъ и сборщиковъ податей обширна, какъ нельзя болѣе, ибо она равняется всей суммѣ сбора.

Произвольныя дѣйствія съ ихъ стороны совершенно устранены, и всѣ права ихъ, въ отношеніи понужденія къ уплатѣ, опредѣлены и ограничены правилами и формами производства взысканій съ неплательщиковъ.

Но если, несмотря на всѣ законныя дѣйствія этихъ лицъ и на всю ихъ бдительность, и безъ всякаго упущенія и вины съ ихъ стороны, окажутся недоимки: неужели они должны отвѣчать за нихъ? Очевидно, что законъ не могъ поставить ихъ въ столь безвыходное положеніе.

Чтобъ объяснить, какими мѣрами ограждаетъ онъ отвѣ-

ственность сборщиковъ и прочихъ чиновниковъ въ этомъ случаѣ, мы должны напомнить читателямъ, что въ основаніе всей системы прямыхъ налоговъ положено слѣдующее правило: «прямая подать есть извѣстная часть чистаго дохода съ недвижимаго имущества или съ дохода, доставляемаго промысломъ.» Слѣдовательно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда уничтожается доходъ, уничтожается и подать. Само собою разумѣется, что доказательства перваго факта, то-есть уничтоженія или уменьшенія, подведены подъ извѣстныя правила и ограничены формальностями. Приводить всѣ эти правила въ ихъ полнотѣ мы не имѣемъ возможности, но укажемъ только на нѣкоторыя основанія:

1. Сборщики, въ теченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ по обнародованіи окладныхъ реестровъ, обязаны представить списки всѣмъ статьямъ (*cotes*), внесеннымъ ошибочно и неправильно, и ходатайствовать объ ихъ измѣненіи.

2. Такое же право просить объ отмѣнѣ (*décharge*) назначенной подати или объ ея уменьшеніи (*réduction*) имѣютъ и всѣ платящіе подати также въ трехмѣсячный срокъ, со дня обнародованія окладныхъ реестровъ.

3. Платящіе подати имѣютъ право просить объ уменьшеніи или отмѣнѣ подати и послѣ этого срока, въ случаѣ уничтоженія дохода отъ какого-либо несчастія, каковы, напримѣръ, градобитіе, пожаръ, наводненіе и тому подобное.

4. Владѣльцы домовъ, находящихся въ перестройкѣ или даже остающихся безъ наемщиковъ, имѣютъ также, въ извѣстныхъ случаяхъ, право на уменьшеніе подати.

5. Сборщики податей обязаны въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ втораго года послѣ назначеннаго сбора (*dans les deux premiers mois de la seconde année de chaque exercice*) представить списокъ всѣмъ статьямъ, которыя не могутъ быть собраны (*cotes irrécouvrables*) по случаю отсутствія, смерти, несостоятельности и проч., и которыя, такимъ образомъ, становятся недействительными (*tombées en non-valeur*). (1)

(1) Инструкціей 17 іюня 1840 года подробно опредѣлены всѣ случаи когда окладная статья можетъ быть признана недействительною (*non-valeur*). Я не имѣлъ возможности пользоваться этимъ любопытнымъ въ настоящее время источникомъ и знаю его только по выпискамъ, въ которыхъ ссылаются на §§ 98 и 101, относительно занимающаго насъ предмета.

Разсмотрѣніе и рѣшеніе во всѣхъ этихъ случаяхъ зависятъ отъ префекта и совѣта префектуры; но въ числѣ правилъ, на основаніи которыхъ они дѣйствуютъ, именно упомянуто, что они превысятъ свою власть, если замѣнятъ одного плательщика другимъ. Такъ осторожно преслѣдуетъ французское законодательство каждый малѣйшій поводъ къ круговой порукаѣ.

Намъ, можетъ-быть скажутъ, что вотъ и во Франціи не всѣ прямые налоги собираются, и слѣдовательно тамъ есть также недостатки въ сборѣ, если допускается сложеніе со счетовъ недѣйствительныхъ статей (non-valeurs).

Повидимому, результатъ неполнаго поступленія дохода одинъ и тотъ же какъ при системѣ личной отвѣтственности, такъ и при системѣ круговой поруки.

Въ дѣйствительности оказывается огромное различіе.

При системѣ личной отвѣтственности финансовое управленіе знаетъ, какъ будетъ великъ недоборъ противу бюджета, потому что недоборъ можетъ имѣть мѣсто только съ его вѣдома и согласія, по зрѣломъ разсмотрѣніи и обсужденіи.

При системѣ круговой поруки недоборъ есть дѣло случая, большей или меньшей степени богатства тѣхъ, которые должны платить за другихъ, большей или меньшей степени упорства, хитрости, умѣнья прикинуться бѣдняками тѣхъ, которые сами не хотятъ платить, и наконецъ большей или меньшей степени злоупотребленій со стороны чиновниковъ и сборщиковъ неотвѣтственныхъ, ибо они не представляютъ денежнаго залога и вводятся въ соблазнъ возможностью собирать съ цѣлаго міра значительныя суммы за допущеніе недоимки.

При системѣ личной отвѣтственности недоимка бываетъ съ согласія правительства, а при круговой порукаѣ противъ его воли.

Въ первомъ случаѣ размѣръ ея извѣстенъ, во второмъ, она грозитъ какъ общественное бѣдствіе.

Въ первомъ случаѣ вредное дѣйствіе недобора ограничивается бюджетомъ одного года и вознаграждается въ слѣдующемъ, а во второмъ случаѣ недоборъ постоянно возрастаетъ и никогда не вознаграждается, а недоимка сагагается со счетовъ только манифестомъ, при какомъ-либо счастливымъ событіи.

Система круговой поруки необходимо требуетъ прощенья недоимокъ манифестами въ неправильные періоды, точно такъ же какъ система личной отвѣтственности сложения недѣйствительныхъ статей (non-valeurs) со счетовъ, при ежегодной по-

вѣркѣ отчетности и при ежегодномъ составленіи бюджета. Но въ первомъ случаѣ, то-есть при прощеніи недоимокъ манифестами, самыя счастливыя для государства событія обращаются ему во вредъ, ибо увеличиваютъ количество недоимщиковъ, ожидающихъ по ихъ случаю милостиваго манифеста и не желающихъ заплатить понапрасну, и, такимъ образомъ, остаться въ невыгодѣ въ сравненіи съ тѣми, которымъ недоимка будетъ прощена безъ различенія невозможности отъ злонамѣренности.

Итакъ, система круговой поруки болѣе нежели бесполезна въ отношеніи къ главной цѣли—исправности сбора прямыхъ налоговъ; но она положительно вредна въ отношеніи къ внутреннему преуспѣянію государства, ибо можетъ быть примѣняема только при постоянномъ нарушеніи двухъ главныхъ и едва ли не единственныхъ его основаній, именно: личной безопасности и неприкосновенности собственности. Никакая система государственнаго управленія, какого бы она ни была происхожденія, европейскаго, американскаго или азіатскаго, не рѣшится объявить себя противъ обезпеченія личной безопасности и противъ неприкосновенности права собственности, и только двѣ системы основаны на нарушеніи этихъ общественныхъ условій,—это система Прудона съ компаніей и система круговой поруки, еслибъ она была примѣнена вполнѣ, чего впрочемъ нигдѣ нѣтъ у насъ, но чего, повидиму, хочется поборникамъ этой системы, отжившей свой вѣкъ.

Очень было бы любопытно сравнить цифру прямыхъ налоговъ во Франціи, сложенныхъ со счетовъ въ качествѣ *non-valeurs*, съ количествомъ прощенныхъ у насъ манифестами недоимокъ; но я не имѣлъ источниковъ для вывода этихъ цифръ. У г. Гока и другихъ авторовъ, которые были у меня подъ руками, статья *non-valeurs* смѣшана съ преміями, возвратами пошлинъ и тому подобнымъ, такъ что количество, собственно, недобора осталось мнѣ неизвѣстнымъ. Г. Гокъ приводитъ количество придаточныхъ сантимовъ для покрытія недоимки по каждому изъ четырехъ прямыхъ налоговъ въ 1857 году, въ слѣдующемъ количествѣ:

1	сант.	для	подати	съ	недвижимой	собственности.
1	—	—	—	—	движимой	—
3	—	—	—	—	дверей и оконъ.	
5	—	—	—	—	ремесль и торговли.	

Изъ этого уже видно, что двѣ первыя и самыя важныя изъ

этихъ податей собираются почти безъ измѣненія противъ смѣты, и что только третья и четвертая, и, въ особенности, послѣдняя, какъ наиболѣе измѣнчивая, представляютъ нѣкоторые недоборы противъ бюджетнаго назначенія, которые однако же ими самими и покрываются.

Въ заключеніе приводимъ таблицу, показывающую количество суммъ, которыя были собираемы посредствомъ прямыхъ налоговъ въ разное время:

	1817	1847	1850	1857.
	въ милліонѣхъ франковъ.			
Подать съ недвижимыхъ имуществъ	257	280	284	271.
— личная и съ движимости	40	59	62	66.
— съ дверей и оконъ	14	34	36	40.
— — ремеслъ и торговли	17	47	48	59.
	330	422	432	438.

Въ таблицѣ этой взяты вмѣстѣ обѣ части прямыхъ налоговъ, то-есть главная подать и добавочные сантимы.

Въ 1848 году, послѣ революціи, дефицитъ по косвеннымъ налогамъ былъ такъ великъ, что временное правительство было вынуждено декретомъ отъ 17 марта прибавить къ прямымъ налогамъ еще 45 сантимовъ, то-есть, почти половину: мѣра эта была для сельскаго народонаселенія лучшимъ лѣкарствомъ отъ революціонныхъ припадковъ. Тѣмъ не менѣе этотъ случай показываетъ, какъ вѣренъ и надеженъ способъ, принятый во Франціи для собиранія прямыхъ налоговъ.

Излагая этотъ способъ, я не имѣлъ однако въ виду выразить безусловное одобреніе французской системѣ назначенія и распредѣленія прямыхъ налоговъ во всѣхъ ея подробностяхъ; въ особенности, я не думаю сочувствовать ни личной, ни промысловой подати, которыя искусственно размножаютъ число собственниковъ и вредятъ промышленности, ни произвольному повышенію многихъ налоговъ въ финансовомъ законѣ каждаго года, вслѣдствіе чего никто не можетъ навѣрное знать, сколько придется ему платить податей на будущій годъ; цѣлью моею было поставить читателей въ возможность рѣшить вопросъ: допускается ли во Франціи круговая порука, согласна ли она съ тѣми понятіями, которыя положены въ основаніе французскому финансовому законодательству, и можетъ ли она имѣть мѣсто при томъ способѣ, который тамъ установленъ для собиранія прямыхъ налоговъ?

В. Ржевскій.

Юня 18, 1859 года.

БОЛѢЗНИ ВОЛИ

Р О М А Н Ъ.

I.

В В Е Д Е Н І Е.

Весной 1858 года, губернский городъ Р... волновался не хуже столицы. На главной улицѣ замѣтно было большое движеніе; въ окошкахъ высовывались безпрестанно мужскія и женскія головы съ выраженіемъ любопытства; разнородные провинціальные экипажи шныряли отъ подъѣзда къ подъѣзду, быстро увлекая чиновниковъ и помѣщиковъ съ серіозными, озабоченными фізіономіями. Купцы, мѣщане и простонародье, замѣчая необычайное движеніе «сильныхъ міра сего», пришли также въ волненіе, не зная въ сущности, въ чемъ дѣло. Суета, хлопотливость, баранье, можно сказать, любопытство, передавались, какъ это часто бываетъ, отъ одного къ другому безсознательно, по закону отраженія, на подобіе водяной струи.

— Что это, сусидь? спрашивалъ у прохожаго запыхавшійся дородный купчикъ, поспѣшно выѣгая изъ лавки: — ужь не пожаръ ли?

— Не видать что-то хозяинъ, отвѣчалъ прохожій, приподымаясь на ципочки и осматривая горизонтъ.

— Манифестъ, слышно, читать будутъ, замѣтилъ вполголоса другой прохожій.—Высочайшую грамоту объявить начальство собирается.

— Ой ли! о чемъ же это такое?

— Ужь не могу сказать; ни то объ рекрутчинѣ, ни то объ замиреніи.

— Съ кѣмъ же это, почтенный, замиреніе? у насъ, кажись, теперече и войны не было.

— Право не знаю; но войны-то какъ не быть, все, я чай, съ кѣмъ-нибудь война есть.

— Не то говорите, почтенные, вмѣшался молодой купчикъ, имѣвшій явныя притязанія на образованность,—это на счетъ *мастераціи*; вотъ и въ вѣдомостяхъ пишутъ, то-есть, значить, о способѣ, какимъ образомъ развести помѣщиковъ съ крѣпостными.

— Такъ эвто до насъ, сирѣчь, до комерціи, не касается-съ, сказалъ первый купчикъ, возвращаясь къ дверямъ лавки.

— То-есть, какъ бы вамъ доложить, оно и не касается, а можетъ и касается; все лучше, пойдти послушать; и вамъ бы не мѣшало, Петръ Анфимовичъ, вы человѣкъ... того... съ капитальцемъ!

Въ это время въ дверяхъ одной изъ сосѣднихъ лавокъ показался толстый, благообразный купецъ. Онъ выплылъ изъ лавки съ подобающимъ достоинствомъ, поскрипывая сапожками, и заложивъ съ важностью руки за спину.

Петръ Анфимовичъ, подобострастно раскланявшись съ сосѣдомъ, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Наше почтеніе, Иванъ Спиридонычъ; вамъ всеконечно извѣстно-съ, что это такое дѣется въ городѣ? по родству вашему съ головой, вы безпремѣнно знать изволите.

— Да что дѣлается, ничего путнаго, отвѣчалъ, покачиваясь, родственникъ головы;—это вотъ помѣщики да чиновники народъ по пустому взбаламутили.

— Такъ-съ! да дѣло-то въ чемъ?

— Пустое! взбѣсился у нихъ тамъ кто-то, такъ въ губернское свидѣтельствовать везуть.

— Ой ли! вотъ оказія-то; да кто жъ это такой, Иванъ Спиридоновичъ?

— Молодой князь, что въ Красныхъ Прудахъ помѣщикомъ; я чай, знаешь?

— Какъ не знать! особа важная, человекъ зажиточный. Да отъ чего жь это приключилось?

— Отчего? Известно съ жиру бѣсятся, проговорилъ глубокомысленно Иванъ Спиридоновичъ, потягиваясь и осѣняя крестнымъ знаменіемъ зѣвающія уста.

Между тѣмъ толпа увеличивалась болѣе и болѣе и наконецъ совсѣмъ загрозила площадь, на которой гордо возвышаются присутственные мѣста. Тутъ также происходили различныя толки; и дѣло, мало-по-малу, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, начало разясняться, пройдя предварительно черезъ всѣ вычурныя закоулки стоустой молвы. Народъ, разувая, что дѣло это чисто административное, такъ-сказать обыкновенное, вовсе до него не касающееся, началъ было ужъ расходиться; но иные остались изъ любопытства, а другіе увлеклись желаніемъ перемолвить словечко-другое, пользуясь удобнымъ случаемъ, то-есть неожиданнымъ стеченіемъ народа.

Но если словоохотливыя кумушки и рѣчистые парни охотно пользовались случаемъ поболтать, то блюстители порядка, будочники и городовые, оставались до крайности не довольны несвоевременнымъ стеченіемъ публики.

— Да куда лѣзете-то? говорилъ усатый городской, удерживая потоки толпы на границахъ широкой наружной каменной лѣстницы, ведущей къ присутственнымъ мѣстамъ: — чего не видали? вишь дорогу всю загородили.

Но усилія городского и его помощниковъ оставались тщетны. Прискакалъ частный приставъ, ужаснулся, увидѣвъ непрошенныхъ гостей, и приказалъ тотчасъ же будочникамъ распорядиться.

— Мигомъ очистить плацъ, поприбрать у меня бородачей, грозно возопилъ частный приставъ, — что это за безпорядки!

Будочники рванулись было усердно, но наткнувшись въ первыхъ рядахъ на знакомыхъ купчиковъ, благодѣтельствующихъ ихъ частенько чайкомъ и нерѣдко съ подливкой крѣпчайшаго, тотчасъ же вступили въ переговоры.

— Вы хушь посторонитесь маленько, Захаръ Матвѣичъ, говорилъ ласково одинъ изъ блюстителей порядка, — а то совсѣмъ на дорогѣ стали. Ну! тамъ, чуйка, куда лѣзешь! продолжалъ тотъ же будочникъ, грозно обращаясь къ мужичку, напиравшему на задніе ряды.

Распоряженіе, указанное частнымъ приставомъ, ограничилось тѣмъ, что нѣкоторыя изъ болѣе извѣстныхъ лицъ перешли въ передніе ряды изъ заднихъ, а другіе изъ переднихъ вытолканы были въ задніе. Впрочемъ, кой-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, проложенъ былъ однакоже, помощью убѣдительныхъ средствъ, довольно широкой путь черезъ площадь.

Наконецъ, съ улицы поднялся гулъ, и въ народѣ, заколыхавшемся какъ волны отъ вѣтра, по всей площади поднялся говоръ: везуть! везуть!

Дѣйствительно, вскорѣ показалась на площади небольшая карета, запряженная двумя воронами, породистыми лошадьми. Въ каретѣ находился молодой человекъ красивой наружности, просто, но щегольски одѣтый, съ небольшими усиками, шелковистою клинообразною русою бородкой и съ длинными, тщательно расчесанными волосами. Темноглубые глаза молодого человека выражали задумчивость, но съ тѣмъ вмѣстѣ нѣкоторую иронию и характеръ твердый, настойчивый; тонкія его губы улыбались какъ-то насмѣшливо, даже презрительно и съ тѣмъ вмѣстѣ меланхолически.

Рядомъ съ молодымъ человекомъ сидѣлъ пожилой господинъ, съ широкою распущенною на шеѣ красною лентой Анны второй степени, императорскою короной украшенной.

Карета подъѣхала къ наружной лѣстницѣ присутственныхъ мѣстъ, молодой человекъ ловко выпрыгнулъ изъ экипажа и, не торопясь, сталъ подыматься по широкимъ ступенямъ, въ сопровожденіи своего спутника и частнаго пристава. Замѣтивъ необычайное стеченіе народа, онъ обратился къ частному приставу съ вопросомъ: по какому случаю такъ много публики на площади?

— Помилуйте, ваше сіятельство, отвѣчалъ приставъ, прикладывая руку къ каскѣ, — это по случаю вашего пріѣзда. Ваше сіятельство ожидали!

Молодой человекъ пожалъ плечами, презрительно улыбнулся и, дойдя до верхней ступени, повернулся лицомъ къ толпѣ и приподнялъ шляпу. На поклонъ его никто не отвѣчалъ, но въ толпѣ пробѣжалъ хохотъ.

— Ха, ха, ха! славную штуку выкинуть, заговорили въ народѣ. — Да какой же онъ бѣшенный? Не въ цѣпяхъ, даже и руки не связаны, а то сказывали, что кусается! чего не выдумаютъ!

И толпа начала расходиться, очевидно недовольная доставленнымъ ей зрѣлищемъ и обманутая въ своихъ ожиданіяхъ.

Пока люди расходились по домамъ, каждый возвращаясь къ своимъ своимъ занятіямъ, и волненіе на площади утихло, присутствіе губернскаго правленія съ полнымъ составъ, увеличеннымъ депутатами отъ дворянства, отъ купечества, инспекторомъ врачебной управы, специалистами-медиками, председателями палатъ и подъ личнымъ предсѣдательствомъ начальника губерніи, готовилось не безъ нѣкотораго волненія приступить къ засѣданію, въ которомъ должна была рѣшиться участь молодого князя Пронскаго, богатаго помѣщика, принадлежавшаго по родственнымъ связямъ къ высшему аристократическому кругу губерніи.

Тѣмъ временемъ молодой князь твердо поднимался на дѣстницу, твердо вошелъ въ переднюю присутствія, дверь которой обязательно отворилъ ему предупредительный частный приставъ; но тутъ смутился, отступилъ шагъ назадъ и закрылъ лицо руками. На прилавкахъ передней сидѣли и валялись нѣсколько сумасшедшихъ, подлежавшихъ въ тотъ же день законному освидѣтельствуванію. Одинъ изъ нихъ съ звѣрскою наружностью, съ всклокоченными волосами, съ пѣною у рта, тѣсно былъ спеленанъ безрукавною рубашкой (*chemise de force*), и испускалъ цѣкіе крики. Другой истерически хохоталъ и повторялъ скороговоркой: «пожалуйте табачку, пожалуйста табачку!»

Впрочемъ, волненіе молодого князя было непродолжительно; онъ скорѣе оправился, принялъ спокойный видъ и, пройдя переднюю и слѣдующую комнату, по приглашенію экзакутора, твердо и смѣло вошелъ въ присутствіе.

Губернаторъ привѣтствовалъ его ласково, вѣжливо пригласилъ сѣсть на приготовленные кресла въ сторонѣ отъ предсѣдательскихъ, и тотчасъ же приступлено было къ обычнымъ, форменнымъ вопросамъ. Выслушавъ первый вопросный пунктъ, молодой князь обратился къ губернатору и сказалъ тихимъ голосомъ, безъ малѣйшаго признака смущенія, несмотря на то, что всѣ глаза присутствующихъ съ любопытствомъ слѣдили за каждымъ его движеніемъ:

— Ваше превосходительство, позвольте попросить васъ, сообразить по возможности ненужныя, по моему, формальности. Всѣ здѣсь присутствующіе (и князь вѣжливо поклонился), или, по крайней мѣрѣ, бѣльшая часть, весьма хорошо знаютъ, что я дѣшній помѣщикъ князь Григорій Петровичъ Пронскій, что

мнѣ двадцать пять лѣтъ отъ роду, что исповѣданія я православнаго, и слѣдовательно у исповѣди бываю, и, наконецъ, что я не женатъ, и жительство имѣю въ собственномъ имѣніи, называемомъ Красные Пруды.

— Однакожь, любезнѣйшій князь, возразилъ губернаторъ, — порядокъ этого требовать.

— Я не спорю, но прошу только сократить, по возможности.

Губернаторъ взглянулъ черезъ очки на гг. присутствующихъ, и, не замѣтивъ особенной оппозиціи, согласился.

— Запишите вкратцѣ, сказалъ онъ, обращаясь къ секретарю, — потомъ внесете въ протоколъ.

Князь наклонился въ знакъ благодарности, и продолжалъ тѣмъ же спокойнымъ голосомъ:

— Такъ неужгодно ли приступить къ испытанію умственныхъ моихъ способностей, то-есть къ непосредственной цѣли настоящаго засѣданія.

Губернаторъ, человекъ достойный, добрѣйшаго сердца, но вѣдальнаго ума, совершенно сконфузился, услышавъ это ясное, отчетливое предложеніе изъ устъ человека, призваннаго къ законному освидѣтельствуванію.

Губернаторъ снялъ очки, поспѣшно протеръ ихъ, снова надѣлъ съ особеннымъ стараніемъ, углубился въ кресла и проговорилъ довольно рѣшительно: «Ну хорошо, князь, поговоримте»... но тотчасъ же еще болѣе сконфузился, замаялся, и вопросительно посмотрѣлъ на инспектора врачебной управы, человека, пользовавшагося репутаціей огромной учености.

Инспекторъ понялъ немедленно, что начальникъ губерніи взываетъ къ его помощи, и, понюхавъ съ достоинствомъ табакъ, обратился къ князю съ вопросомъ.

— Скажите, ваше сіятельство, какого вы мнѣнія, насчетъ системы Коперника? какъ вы полагаете: солнце вращается вокругъ земли, или земля ходитъ вокругъ солнца?

Князь слегка улыбнулся.

— Позвольте спросить, отвѣчалъ онъ, съ преувеличенною важностію, — вы сейчасъ изволили понюхать щепотку табакъ, или щепотка васъ понюхала?

Присутствующіе значительно между собою переглянулись. Князь продолжалъ, не смущаясь:

— Если солнце дѣйствительно въ 1.326.480 разъ болѣе земли, то сила притяженія или, если угодно, тяготѣнія, громаднаго свѣтила неотразимо должна дѣйствовать на планету, а

торая, въ сравненіи съ солнцемъ, не болѣе щепотки табаку. Спросите скорѣе, доступна ли человѣческому пониманію мысль о такихъ громадныхъ пропорціяхъ и необъятныхъ пространствахъ. Можно ли составить себѣ хотя приблизительное понятіе о разстояніи, простирающемся на 150 милліоновъ верстъ? Такъ, что еслибъ устроить желѣзную дорогу, вдоль по лучамъ солнца, единственный удобный путь, если не желаете заблудиться въ безпредѣльности, то проѣзжая слишкомъ по тридцати верстъ въ часъ, потребно будетъ на проѣздъ, не менѣе 500 лѣтъ. Безпредѣльность, вотъ чтò ужасаетъ, подавляетъ разумъ человѣка!

Прислушавъ этотъ отвѣтъ, губернаторъ откашлялся и собрался было возражать; но вдругъ, неизвѣстно почему, остановился, и вновь оставилъ рѣчь за инспекторомъ врачебной управы.

— Конечно, замѣтилъ ученый мужъ, — но отчего же цифры васъ ужасаютъ? Могущество и величіе Божіе должны возносить, а не подавлять разумъ человѣческій.

— Согласенъ, возразилъ князь, — и на это я могу только отвѣчать, что завидую тѣмъ, которыхъ не ужасаетъ безпредѣльное могущество.

Присутствующіе опять переглянулись.

— Это значить, что вы вообще не признаете властей, замѣтилъ густымъ басомъ одинъ изъ предсѣдателей, поправляя крестъ на шеѣ.

— Какъ не признаю! изъ чего это вы заключаете? Напротивъ, я прихожу въ трепетъ при одной мысли о безпредѣльномъ могуществѣ, слѣдовательно я не только что признаю силу власти или властей, но и покоряюсь имъ изъ чувства самосохраненія. При семь я могу присовокупить, что присутствіе мое здѣсь доказываетъ мою покорность законной власти, но признаюсь, что я вовсе не былъ бы такъ спокоенъ, еслибы признавалъ всемогущество за вашимъ трибуналомъ. Вы можете рѣшить мою участь, какъ члена гражданскаго общества; вы можете посадить меня въ тюрьму, отправить въ домъ сумасшедшихъ; но надъ душой моею, вы никакой власти не имѣете.

— Позвольте однако замѣтить вамъ, любезнѣйшій князь, рѣшился наконецъ проговорить губернаторъ, — что вы не всегда попорялись властямъ, что вы не всегда поступали съ должною осторожностью.

— Вы вѣроятно намекаете, ваше превосходительство, на по-

ступокъ мой съ увѣднымъ судьей, исправляющимъ должность председателя. Долгъ мой былъ уличить его во лжи.

— Вопервыхъ, уличить его во лжи вы не можете, а вовторыхъ, кто жь возложилъ на васъ эту обязанность?

— Какъ кто? совѣсть, отвращеніе къ неправдѣ.

— Это только слова, а не доказательство; но во всякомъ случаѣ, вы не имѣли права собирать сходку въ имѣніи г. Бѣлова, и смущать крестьянъ нареканіями, направленными противъ ихъ помѣщика.

— Но вы забываете, что эти двѣсти душъ принадлежали мнѣ, что я ихъ передалъ по дарственной, правда, по желанію покойной моей матушки, женѣ г. Бѣлова; но что я нравственно, такъ сказать, все еще отвѣчаю за благоденствіе этихъ крестьянъ, и что, убѣдившись во лжи, недостойныхъ поступкахъ г. Бѣлова, я долженъ былъ предостеречь несчастныхъ, находящихся въ его власти.

Едва сдержанный смѣхъ пробѣжалъ между членами присутствія. Въ первый разъ съ начала допроса, молодой князь нѣсколько смутился, нахмурилъ брови, и губы его слегка задрожали.

Пользуясь минутой молчанія, председатель палаты, обладающій густымъ басомъ, вновь возвысилъ голосъ:

— А позвольте васъ спросить, зачѣмъ вы носите бороду, неприличную вашему званію?

Нелѣпный этотъ вопросъ не только что не раздражилъ князя, но напротивъ имѣлъ на него, повидимому, успокоительное вліяніе, потому что онъ улыбнулся и отвѣчалъ совершенно хладнокровно:

— Какое жь мое званіе, позвольте спросить? Конечно, я имѣю титулъ князя, но я человекъ, какъ и прочіе, и не вижу причины не носить бороды, когда Богъ создалъ меня съ бородой.

— Это смѣю доложить, возразилъ тотъ же председатель, — вольнодумство! Вотъ вы и службу изволили бросить съ позаранокъ.

— Помилуйте! я оставилъ службу вовсе не изъ вольнодумства; я полагалъ, что буду полезнѣе у себя въ имѣніи, въ которомъ находится тысяча живыхъ существъ, мнѣ подобныхъ и судьба которыхъ зависѣла вполне отъ безтолковыхъ приказчиковъ и управляющихъ. Я хотѣлъ водворить справедливость, завести порядокъ...

— Хороши порядки, нечего сказать, замѣтилъ въ полголоса одинъ изъ присутствующихъ. Дѣвочекъ и мальчиковъ крестьянскихъ стали обучать музыкѣ; какъ это нужно для русскаго народа!

Молодой князь вздрогнулъ и значительно измѣнился въ лицѣ.

— Нѣтъ, милостивый государь, сказалъ онъ, возвысивъ голосъ, я хотѣлъ водворить въ своемъ имѣніи законъ *правды*. Понимаете ли вы всю обширность значенія слова правды! Смягчая нравы методическою, а не безпорядочною буйною музыкой, я укрощалъ дикія страсти и приготавливалъ сердца къ воспріятію божественнаго луча правды. Ложь губить Россію! ложь, гнусное исчадіе крѣпостнаго права, опутала, какъ паутиной, всѣ сословія. Крестьянинъ хитритъ, пресмыкается, лукавитъ передъ помѣщикомъ, помѣщикъ обманываетъ правительство, чиновникъ жетъ начальнику, начальникъ государю...

— Однако позвольте, прервалъ губернаторъ,— вы забываете, что говорите въ присутствіи, передъ зеркаломъ.

Князь вскочилъ на ноги, совершенно измѣнился въ лицѣ, и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Передъ зеркаломъ! прочтите, что написано на зеркалѣ. Шафировъ вышелъ изъ предѣловъ приличій, потому что его уличали во лжи. Меньшиковъ обманывалъ своего благодѣтеля... и всѣ вы, сколько васъ тутъ ни есть, всѣ вы коснѣете во лжи и неправдѣ!

Присутствіе, забывая важность предмета засѣданія, разразилось громкимъ хохотомъ.

— Смѣйтесь, смѣйтесь! закричалъ князь, окидывая грознымъ взоромъ всѣхъ присутствующихъ.— Вы человекъ добрый и достойный, продолжалъ онъ, обращаясь къ губернатору,—но слабый и ограниченный...

Губернаторъ поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ, и поклонился въ знакъ иронической благодарности.

— Изъ-подъ вашей руки дѣлаются всевозможныя гадости. Вы чувствуете, что есть множество людей, болѣе васъ способныхъ для управленія губерніей, вы не нуждаетесь въ нашемъ мѣстѣ... а не хотите оставить его въ надеждѣ получить сиюю ленту къ свѣтлому празднику. Спрашивается, на что она вамъ, синяя лента? и можно ли назвать службу, двигателемъ которой какая-нибудь лента или крестъ, служеніемъ правды?

Князь перевелъ духъ, и, обращаясь къ одному изъ предсѣдателей, сказалъ съ невыразимымъ презрѣніемъ:

— Чтò до васъ касается, Василій Петровичъ, то вы поборникъ *правды*. Для васъ истина заключается въ золотомъ тельцѣ. Вы торгуете правосудіемъ, торгуете честью вашихъ подчиненныхъ, честью жены вашей. . .

Озадаченный предсѣдатель вскочилъ съ своего мѣста и закричалъ дикимъ голосомъ:

— Милостивый государь, какъ вы смѣете! . . однако опомнися и возопилъ жалобнымъ голосомъ, обращаясь къ губернатору: — ваше превосходительство, не позволяйте поносить чело-вѣка заслуженнаго. . . это ни на что не похоже.

Губернаторъ успокоилъ жестомъ разстроеннаго предсѣдателя, ткнувъ предварительно указательнымъ пальцемъ въ собственную грудь, чтò обозначало: «вѣдь онъ и меня отдѣлалъ», а потомъ приставилъ палецъ ко лбу для выраженія, что князь не въ своемъ умѣ. Между тѣмъ князь продолжалъ рѣзать правду, отдѣлывая поочередно съ изумительною мѣткостью всѣхъ присутствующихъ.

Наконецъ, утомленный волненіемъ, причиненнымъ ему собственною раздражительностію, онъ захохоталъ истерическимъ смѣхомъ и упалъ въ изнеможеніи на кресла.

— Чтò жъ вы медлите, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, — кажется ясно, что я не въ своемъ умѣ. Я не хотѣлъ высказывать вамъ неприятныя для васъ истины, но не сумѣлъ совладать съ собственною *волей*. Чтò жъ дѣлать! не могу, рѣшительно не могу. Въ одномъ только вы со мною безжалостно поступили, прибавилъ несчастный князь, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, — это то, что не избавили меня отъ страшнаго зрѣлища, которое я видѣлъ въ передней, передъ входомъ въ присутствіе.

Губернаторъ подозвалъ экзекутора, сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо, но потомъ обратился къ князю, ласково поговорилъ съ нимъ нѣкоторое время и наконецъ раскланялся, сдавъ его съ рукъ на руки пожилому господину съ Анной на шеѣ.

По уходѣ князя, присутствіе приступило къ обсужденію. Одинъ изъ спеціалистовъ медиковъ держалъ рѣчь, въ которой онъ упомянулъ о менеманахъ, о мономанахъ, о демономанахъ; ссылаясь на Локка, Пинеля, Эскироля и другихъ психіатровъ, доказывая, что неукротимость языка—характеристическій признакъ помѣшательства; онъ привелъ, между прочимъ, свидѣтель-

ство Эскироля, которому одинъ изъ больныхъ объяснилъ эту неукротимую невоздержность слѣдующими словами: «Vous pensez tout bas. Eh bien, moi, je réfléchis, je pense á haute voix,» то-есть вы мыслите про себя, а я (то-есть одержимый недугомъ сумашествія) мыслю и разсуждаю вслухъ.

— Слѣдовательно, заключилъ почтенный медикъ,—страшный и не вполне еще разгаданный недугъ умственного помѣшательства не лишаетъ совершенно человѣка способности мышления; въ самыхъ разсужденіяхъ лицъ, одержимыхъ этою болѣзнью, замѣтна иногда нѣкоторая послѣдовательность; но нить эта вдругъ прерывается при наступленіи пароксизма, который всегда раздражается у мономановъ, когда они приходятъ въ столкновение съ побудительною причиною ихъ мономаніи. Совершенная невозможность управлять волей, въ подобныя минуты, бываетъ причиною невоздержности языка, раздражительности и часто даже бѣшенства мономановъ. Субъектъ, представленный къ освидѣтельствуванію въ сегодняшнее засѣданіе, несомнѣнно долженъ быть причисленъ къ разряду несчастныхъ мономановъ, у которыхъ замѣчательныя умственныя способности подвергаются временно затменію отъ недостатка разумной воли,—недостатка, какъ я уже имѣлъ честь сказать, обусловленнаго нѣкоторыми извѣстными обстоятельствами.

Послѣ этого ученаго объясненія, заслужившаго всеобщее одобреніе, начальникъ губерніи выразилъ слѣдующее человѣколюбивое мнѣніе:

— Законное признаніе въ умопомѣшательствѣ ведетъ къ такимъ страшнымъ послѣдствіямъ, лишая человѣка всѣхъ гражданскихъ правъ, и большею частію свободы, что трудно и даже преступно подписать приговоръ безъ особыхъ, крайне уважительныхъ причинъ. Я убѣжденъ, продолжалъ почтенный начальникъ губерніи съ грустною улыбкой,—что гг. члены забыли уже, какъ и я забылъ, конечно, пустыя клеветы несчастнаго князя, высказанныя въ минуту пароксизма, какъ выражается почтенный докторъ. Подобныя выходы вреда никому принести не могутъ; но въпервыхъ, нельзя ручаться, чтобы раздражительность больнаго не увеличилась современемъ, что можетъ имѣть весьма пагубныя послѣдствія, а вовторыхъ, поступки его относительно собственныхъ крестьянъ и самовольное собраніе сходки въ имѣніи уѣзнаго судьи, равно какъ и бездоказательныя обвиненія во лжи человѣка, пользующагося всеобщимъ уваженіемъ, суть уже поступки противозаконныя. Посему я

имѣю честь предложить общему присутствію, не угодно ли ему сдѣлать постановленіе въ такомъ смыслѣ: отдать пока имѣніе князя Григорія Пронскаго въ опекунскае управленіе, а князя обязать подпиской о невыѣздѣ изъ губернскаго города, дабы здѣшній медицинскій факультетъ могъ имѣть надъ больнымъ наблюденіе.

Протоколъ, изъ котораго, разумѣется, исключены были всѣ личныя нареканія князя, подписанъ въ тотъ же день и немедленно отосланъ въ дворянскую опеку для надлежащаго исполненія.

Въ тотъ же день несчастный князь, нервы котораго были сильно потрясены продолжительнымъ застѣваніемъ и всѣми происшествіями роковаго для него дня, впалъ въ сильную горячку съ явными припадками бѣшенства (*mania furiosa*). Губернскій медицинскій факультетъ и родственники, единственнымъ представителемъ которыхъ оказался тотъ же убѣдный судья Бидловъ, успѣвшій уже вступить въ должность опекуна надъ Красными Прудами, рѣшились препроводить больного со всѣми возможными предосторожностями въ одно изъ частныхъ лѣчебныхъ заведеній для одержимыхъ душевными болѣзнями, находящееся въ Петербургѣ.

II.

Дневникъ князя Пронскаго.

Итакъ, я исключенъ на время изъ числа живущихъ; законнымъ постановленіемъ я лишенъ правъ гражданства до тѣхъ поръ, пока болѣзненное состояніе моего разума не поправится. Странное дѣло! Наука проникаетъ въ нѣдра земли, зорко слѣдитъ за движеніями отдаленнѣйшихъ планетъ, измѣряетъ необъятныя, безпредѣльныя пространства; а между тѣмъ чловѣкъ не въ состояніи дать себѣ яснаго отчета о томъ, что у него находится, такъ сказать, подъ рукой. Драгоценнѣйшія сокровища чловѣка, безъ сомнѣнія, здоровье и разумъ. А спросите у любого, ученѣйшаго изъ медиковъ, отчего происходитъ, хоть на примѣръ, мигрень, и есть ли вѣрныя средства предупредить ея нашествіе,—и, конечно, что истинно, добросо-

вѣстный медикъ отвѣтитъ отрицательно. Сотни умныхъ, достойныхъ, благонамѣренныхъ людей посвящаютъ себя психіатріи, то-есть изучаютъ причины, ходъ и способы врачеванія страшныхъ душевныхъ болѣзней, а между тѣмъ никто еще въ точности не знаетъ исходной точки загадочнаго этого недуга. Признаками помѣшательства, или болѣзненнаго состоянія разума, почитаются менѣе или болѣе сильныя отклоненія отъ общепринятыхъ формъ, какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ мысленіи. Абсолютное приложеніе этого афоризма повело бы къ весьма страннымъ результатамъ, а потому придумана слѣдующая оговорка: отклоненіе отъ общепринятыхъ формъ въ дѣйствіяхъ или мысленіи тогда только признается помѣшательствомъ, когда оно клонится ко вреду большинства членовъ гражданскаго общества. Такъ, напримѣръ, ложь офиціальная можетъ иногда быть признана полезною, а правда вредною. Положимъ, что общественный порядокъ, дѣйствительно, иногда этого требуетъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ, увлекающійся правдою, былъ помѣшанный. Каждый, безъ сомнѣнія, испытываетъ по временамъ желаніе сказать пьяницѣ, что онъ пьяница, вору, что онъ мошенникъ, тупому, что онъ дуракъ; но воздерживается, то-есть укрощаетъ это желаніе помощію таинственной пружины, называемой *волей*. Такъ вотъ въ чемъ дѣло! у меня попорчена пружина воли! чтò жъ толкуютъ о болѣзненномъ состояніи моего разума, тогда какъ у меня вполнѣ сохранилась способность мысленія? О люди, люди! когда же будете вы называть предметы настоящимъ ихъ именемъ? когда перестанете вы отвѣчать, какъ говоритъ Пигасовъ Тургенева, на вопросъ, сколько составляетъ дважды два,—стеариновая свѣчка?

Впрочемъ (и это достойно удивленія), я не только-что не испытываю ни малѣйшей злобы, досады или нетерпѣнія по случаю приговора, отчуждающаго меня изъ среды живыхъ, но даже ощущаю довольно пріятное чувство. Здѣсь, то-есть, въ великолѣпной нашей лѣчебницѣ, я дѣйствительно нашелъ мирное пристанище, надежную гавань, охраняющую меня отъ бурныхъ порывовъ свѣтской жизни. Вотъ пятая недѣля, какъ я нахожусь въ лѣчебницѣ, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе успокоиваюсь. Почтенный Юрій Александровичъ, нашъ главный докторъ и директоръ, или хозяинъ, какъ его здѣсь называютъ (рѣдкій человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова), утверждаетъ, что признаки раздражительности, съ такою силой про-

явившіеся во время послѣдней моей горячки, не могутъ здѣсь возобновиться. «Вы ищете правды, говоритъ онъ, лукавство и ложь васъ тревожатъ и возмущаютъ, и это совершенно законно и справедливо; здѣсь же царство правды, здѣсь никто преднамѣренно не лжетъ, не лукавитъ, не скрывается, а напротивъ, спѣшитъ высказать сокровѣннѣйшія свои мысли. Къ тому же вы можете жить въ совершенномъ уединеніи; отъ васъ зависитъ сблизиться или нѣтъ съ людьми, васъ одружающими; но сблизенія этого вовсе не требуютъ житейскіе ваши интересы, тогда какъ въ свѣтской жизни безъ сблизенія и столкновенія обойтись невозможно. Совѣтую только, для поддержанія способности мышленія, избрать какое-нибудь постоянное занятіе. Я не всѣмъ даю этотъ совѣтъ, прибавилъ почтенный докторъ,—для многихъ, здѣсь находящихся, лучше заниматься рукодѣліемъ и чисто матеріальными упражненіями, чѣмъ умственными занятіями, но для васъ другое дѣло.»

Слѣдовательно, Юрій Александровичъ—опытный психіатръ; но приписываетъ ненормальное мое положеніе болѣзненному состоянію разума, иначе онъ не посовѣтовалъ бы мнѣ упражняться въ умственныхъ занятіяхъ.

Слава Богу! Слѣдуя его совѣту, я рѣшился писать дневникъ; онъ послужитъ мнѣ постояннымъ занятіемъ и поддержитъ способность мышленія, какъ говоритъ Юрій Александровичъ. Начну съ описанія мѣстности и устройства великолѣпнаго нашего заведенія.

3 іюля 1858.

Скажу прежде всего, что заведеніе наше не казенное, а частное, и потому не имѣетъ форменнаго, однообразнаго госпитальнаго вида, а скорѣе походитъ на богатую виллу со множествомъ пристроекъ. Лѣчебница находится на берегу залива, между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ, и построена подъ руководствомъ Юрія Александровича Пусловскаго, согласно всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ науки. Значительный капиталъ, на нее затраченный, пожертвованъ однимъ человеколюбивымъ богачемъ; а взносы пенсіонеровъ, которые раздѣлены на четыре разряда (комплектъ пенсіонеровъ 120 человекъ обоего пола) съ избыткомъ поддерживаютъ нынѣ ея существованіе. Пространство, занимаемое садами, фермой, огородами и зданіями, болѣе 80 десятинъ. Мѣстность обворожительная! Съ одной стороны море и прилегающій къ нему обширный, гѣнистый садъ, прекрасно содержимый, за садомъ на довольно

значительномъ, пологомъ возвышеніи вся масса зданій, окруженныхъ также купами деревъ, а за большою дорогою далеко разстилаются зеленыя поля, въ концѣ которыхъ возвышается красивая ферма. Отдаленность отъ суеты и городского шума, изобиліе зелени, близость моря, все это придаетъ нашему убъжищу какое-то торжественное спокойствіе.

Фасадъ главнаго зданія, исключительно предоставленнаго пенсіонерамъ перваго разряда (то-есть вносящимъ 1.500 руб. сер. ежегодно), обращенъ къ морю. Такъ какъ зданіе стоитъ на возвышеніи, то видъ изъ оконъ великолѣпный: взору представляется весь садъ и море, обозрѣваемое на далекое пространство, и Кронштадтъ, который виденъ, какъ на ладони.

Прочія зданія расположены параллелограмомъ, окна ихъ частію обращены на палисадники, окружающіе наружныя стороны зданій, частію на внутренній дворъ, также усаженный деревьями и прорѣзанный усыпанными пескомъ дорожками. Всѣ службы и корпуса соединяются крытыми галлереями, за исключеніемъ крайняго корпуса, находящагося нѣсколько въ отдаленіи, имѣющаго особое хозяйство и предоставленнаго исключительно для *безпокойныхъ* больныхъ. Такимъ образомъ, ужасы, тамъ происходящіе, извѣстны только медикамъ и надсмотрщикамъ, и никакой шумъ, никакое страшное зрѣлище не возмущаютъ прочихъ отдѣленій.

Въ каждомъ отдѣленіи находятся: общая гостиная, снабженная фортепіянами, арфами и другими инструментами; избранная бібліотека (ключъ которой находится у дежурнаго медика) и столовая.

Каждый пенсіонеръ перваго разряда пользуется двумя довольно обширными комнатами. Въ одной изъ нихъ спальня съ уборной, отдѣляющейся перегородкой, въ другой гостиная, убранныя по вкусу и произволу пенсіонера.

Квартиры эти имѣютъ два выхода, но отъ одного изъ нихъ (чернаго) ключъ находится у служителя, назначеннаго для уборки комнатъ, а парадный выходъ—въ общій, свѣтлый корридоръ, въ которомъ постоянно день и ночь пребываетъ дежурный надзиратель. Пенсіонерамъ перваго разряда предоставляется обѣдать, пить чай и ужинать, не выходя изъ квартиры; но многіе, однакожъ, пользуются этимъ правомъ, и предпочитаютъ общій столъ.

Неусыпное наблюденіе, простирающееся на всѣхъ пенсіонеровъ безъ исключенія, скрадывается, по возможности, для болѣ-

ныхъ спокойныхъ. Каждый можетъ выйти въ садъ, позвонивъ предварительно за шнурокъ, находящійся у наружной двери; каждый можетъ подойти къ окну или спуститься по лѣстницѣ изъ втораго этажа въ нижній; но на лѣстницѣ, кромѣ высокихъ перилъ устроенъ тамбуръ изъ жѣдной проволоки, а каждое окошко запирается на замокъ, и въ случаѣ, если отпирается надзирателемъ для перемѣны воздуха или по желанію пенсіонеровъ, то, по особо-устроенному механизму, спускается въ тоже время проволочная перегородка. Въ саду нѣтъ ни обрывовъ, ни глубокихъ водъ; выходъ къ морю огражденъ высокою чугунною рѣшеткой.

Для наблюденія во внутреннихъ покояхъ, не находится, какъ это дѣлается обыкновенно, форточекъ въ дверяхъ, а устроены (какъ мнѣ объяснилъ Юрій Александровичъ, довѣряя моею скромности и разсудительности) скрытыя отверстія: въ верхнемъ этажѣ—въ потолокъ, а въ нижнемъ—въ стѣнѣ, и открывающіяся потаенною пружиной; такъ что надзиратель можетъ видѣть во всякое время, чтѣ дѣлается въ комнатахъ, не нарушая спокойствія больныхъ. Въ самую даже комнату, въ экстренномъ случаѣ, медикъ или надсмотрщикъ могутъ проникнуть неожиданно потаеннымъ входомъ, устроеннымъ или въ стѣнѣ или посредствомъ шнуровой лѣстницы, спускающейся съ потолка. Въ случаѣ необходимости перемѣщенія въ отдѣленіе *безпокойныхъ*, это дѣлается безъ шума, безъ огласки, черезъ черный входъ, во избѣжаніе испуга или зловреднаго впечатлѣнія на спокойныхъ больныхъ.

Каждое отдѣленіе подраздѣлено на два: на женское и на мужское, между которыми нѣтъ никакого сообщенія. Больные обоюго пола встрѣчаются только или въ саду или въ общей гостиной, подъ присмотромъ завѣдывающихъ отдѣленіями.

Разница между разрядами состоитъ единственно въ менѣе или болѣе роскошномъ помѣщеніи и въ изобиліи блюдъ за столомъ. Такъ, напримѣръ, во 2-мъ разрядѣ пенсіонеры пользуются только одною комнатою, а въ 3-мъ и 4-мъ разрядахъ устроены общіе дортуары, по четыре кровати въ комнатѣ; объѣдъ 1-го разряда состоитъ изъ пяти блюдъ, 2-го изъ четырехъ, а 3-го и 4-го изъ трехъ; впрочемъ, попеченіе, присмотръ и медицинскія пособія одинаковы во всѣхъ разрядахъ.

Ко всѣмъ этимъ удобствамъ присовокупить слѣдуетъ высокое религіозное утѣшеніе.

Въ самомъ центрѣ параллелограмма воздвигнута небольшая,

но красивая церковь для православныхъ, а въ одной изъ залъ устроена протестантская капелла.

Объ организаціи заведенія вообще, о занятіяхъ пенсіонеровъ и методѣ лѣченія распространюсь въ послѣдствіи; а теперь скажу только, что главное основаніе всему—постоянная кротость въ обхожденіи.

Описавъ вкратцѣ наружный видъ и матеріальныя преимущества нашего убѣжища, попробую одѣлать небольшой очеркъ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ лицъ нашего *начальства*. Я говорю *начальства* въ свѣтскомъ смыслѣ, потому что участь наша вполне зависитъ отъ пониманія означенными лицами возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Первое лицо, безъ сомнѣнія, Юрій Александровичъ Пусловскій, психіатръ, главный докторъ, директоръ и хозяинъ заведенія. Юрій Александровичъ пятидесяти лѣтъ не съ большимъ; роста онъ средняго, почти совершенно плѣшивый; вообще, наружность его не слишкомъ привлекательна; но добрая, ласковая его улыбка, выразительные черные глаза, переполненные участія и любви къ ближнему, дѣйствуютъ магнетически. Юрій Александровичъ подчиняетъ всѣхъ своему влиянію неотразимою силой душевной теплоты. Онъ не знаетъ ничего выше, ничего священнѣе человѣколюбивыхъ его занятій. Въ глазахъ его, каждый больной—драгоценное существо, ввѣренное ему самимъ Провидѣніемъ. Вся жизнь его посвящена попеченіямъ о пациентахъ; всѣ мысли его сосредоточены на одинъ и тотъ же предметъ: облегчить страданія несчастныхъ и возвратитъ имъ утраченное здоровье. Трудно сказать, есть ли у него минуты отдыха, потому что съ утра до вечера онъ занятъ въ отдѣленіяхъ, а большую часть ночей проводитъ, какъ говорятъ, въ страшномъ отдѣленіи *безпокойныхъ*, настойчиво изучая всѣ фазисы ужасныхъ пароксизмовъ.

Идеаль человѣка, кумиръ, божество, можно сказать, почтеннаго Юрія Александровича, французскій медикъ Пинель, который первый, по словамъ его, возвысилъ голосъ въ пользу страждущихъ душевными болѣзнями, и могуществомъ своего слова освободилъ ихъ отъ мучительнаго, позорнаго обхожденія.

«До этого великаго человѣка, говоритъ Юрій Александровичъ, не было классификаціи умственныхъ болѣзней; несчастныхъ, одержимыхъ помѣшательствомъ, хватали безъ разбора, сажали какъ дикихъ звѣрей на цѣпь и, почитая ихъ неизлечи-

мыми, не заботились о врачеваніи. Вамъ скажутъ, что въ Англіи, еще до Пинеля, человѣколюбивый голосъ Говарда протестовалъ противъ злодѣйскаго обращенія съ помѣшанными; что во Франціи добродѣтельный Тенонъ и пылкій Кабанисъ указывали на невѣжественные поступки въ отношеніи умалишенныхъ (1). Правда, но благородныя эти попытки остались «гласомъ, вопіющимъ въ пустынь,» и нужны были настойчивость, энергическая воля Пинеля, чтобы достигнуть до настоящихъ результатовъ. У человѣка украдутъ горсть золота, и всѣ его жалѣютъ, мѣстныя власти хлопочуть объ отысканіи похитителя; а тутъ утрачивается драгоцѣннѣйшее сокровище человѣка—разумъ, и его же подвергаютъ истязаніямъ, ни мало не заботясь о возможности возвратить утраченное. Число одержимыхъ душевными болѣзнями (я говорю только о тѣхъ, которые представляютъ явные признаки болѣзни) въ одной Европѣ простирается, конечно, свыше 200 тысячъ; и эту огромную массу народонаселенія оставляли на произволъ не человѣколюбивыхъ медиковъ, а грубыхъ, невѣжественныхъ тюремщиковъ, или, лучше сказать, палечей (2). Нѣтъ! прибавляя Юрій

(1) Возможно ли надѣяться, восклицаетъ Тенонъ въ официальномъ донесеніи отъ 1786 года, достигнуть благопріятныхъ результатовъ, когда въ одну кровать укладываютъ по три и по четыре бѣшеныхъ; когда несчастные эти дерутся между собою, кусаются, душатъ друг друга, и вмѣсто кроткаго обхожденія съ ними, ихъ связываютъ и жестоко бьютъ. Эскироль свидѣтельствуетъ, что въ началѣ текущаго столѣтія онъ видѣлъ собственными глазами, въ Бедламѣ, многихъ несчастныхъ, повидимому, спокойныхъ, прикованныхъ тяжелыми цѣпями къ стѣнѣ или къ скамейкѣ, служащей имъ ложемъ. Впрочемъ, въ настоящее время Англія чуть ли не ушла впередъ, въ отношеніи вѣротности и разумности обхожденія съ умалишенными.

(2) Вопросъ о пропорціи одержимыхъ душевными болѣзнями въ отношеніи къ общему народонаселенію весьма важенъ. Въ сочиненіи Эскироля, изданномъ въ 1838 году, показаны слѣдующія цифры, основанныя на статистическихъ изысканіяхъ: доктора Гельзе въ Швеціи и Норвегіи, доктора Галледея въ Англіи и Шотландіи, Бріери де Буамонте въ Италіи и самого Эскироля во Франціи.

Названіе страны.	Число помѣшан.	Народонаселеніе.	Пропорція.
Англія	17.222	12.700.000	1:737.
Княжество Уэльское	896	817.148	1:911.
Шотландія	3.651	2.098.454	1:575.
Рейнскія провинціи	2.015	2.067.104	1:100.
Норвегія	1.909	1.051.518	1:551.
Франція	25.000	30.000.000	1:1.750.
Италія	4.541	16.789.000	1:3.788.

Александровичъ, окончивая свою рѣчь, повѣрьте, что великій Пинель выше всѣхъ возможныхъ Юліевъ-Кесаревъ и Наполеоновъ; тѣ—мастера были истреблять людей, а онъ избавилъ отъ позора и мученій сотни тысячъ, миллионы страдающихъ.»

Выходка эта представляетъ въ сокращенномъ видѣ направленіе, образъ мыслей и цѣль всей жизни почтеннаго нашего хозяина. Другаго человѣка и въ пять лѣтъ не узнаешь и не оцѣнишь; но Юрій Александровичъ весь на ладони, и я въ пять недѣль узналъ его вдоль и поперекъ. Въ послѣдствіи, я, вѣроятно, болѣе проникну въ глубину чистой, благородной его души, а пока вижу, что вліяніе его кротости и человѣколюбія отражается почти на всѣхъ его помощникахъ, сотрудикахъ и даже на служителяхъ. Молодые ординаторы, дѣйствующие подъ его руководствомъ, души въ немъ не слышатъ и отзываются объ немъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ.

Число медиковъ, помощниковъ главнаго доктора, не превышаетъ десяти человѣкъ, а число надзирателей и надзирательницъ не болѣе сорока; но дѣло идетъ успѣшно, потому что каждый воодушевленъ истиннымъ неподдѣльнымъ усердіемъ.

Единственное, нѣсколько мрачное лицо изъ всего штата заведенія, это Карлъ Христіановичъ Гоферъ, Нѣмецъ, завѣдывающій хозяйственною, экономическою частью. Я его знаю пока только по наслышкѣ, не имѣя съ нимъ никакихъ прямыхъ сношеній. Съ виду Гоферъ человѣкъ небольшого роста, невзрачной наружности, въ очкахъ, прикрывающихъ маленькіе, лукавые глазки, и съ вѣчною, сладкою, приторною улыбкой на устахъ. Про него носятъ не совсѣмъ добрые слухи; отъявленный его врагъ, главный надзиратель, извѣстный здѣсь подъ именемъ вахмистра Бубнова (о которомъ рѣчь впереди), громко вопіетъ противъ его лихоимства; но Юрій Александровичъ не обращаетъ на это вниманія, будучи убѣжденъ по какому-то странному предразсудку, что экономическою частью непре-

Слабая пропорція, показанная въ Италіи, происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ недостатка статистическихъ свѣдѣній; средняя пропорція въ Европѣ вообще около 1:1.000. Такъ какъ въ Россіи менѣе большихъ центровъ населенія, чѣмъ въ прочихъ странахъ Европы, то можно надѣяться, что у насъ эта пропорція нѣсколько менѣе; но все-таки, вѣроятно, наберется тысячъ до сорока одержимыхъ душевными болѣзнями, а между тѣмъ количество спеціальныхъ лѣчебницъ относится у насъ въ сравненіи съ Франціей какъ 1:18.

мѣнно долженъ завѣдывать Нѣмецъ. Тотъ же вахмистръ Бубновъ утверждаетъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, что не будь Гаферы (какъ онъ называетъ эконома), то, будто, ежегодный взносъ по всѣмъ разрядамъ можно было бы сократить, по крайней мѣрѣ, на одну треть. Не знаю, на сколько есть правды въ показаніяхъ вахмистра, но дѣйствительно кошачья физиогномія Гофера не располагаетъ въ его пользу, и рѣзко отличается отъ прочихъ добродушныхъ человѣческихъ лицъ, которыми сумѣлъ окружить себя нашъ хозяинъ.

Вахмистръ Бубновъ—важное лицо въ заведеніи. Онъ главный надзиратель и отвѣтчикъ за всѣхъ прочихъ надсмотрщиковъ, людей, отъ которыхъ во многомъ зависитъ участь больныхъ, предоставленныхъ на ихъ попеченіе. Желаящіе поступить на трудную эту должность передаются предварительно на испытаніе вахмистра. Съ подчиненными своими Бубновъ весьма строгъ; за малѣйшія отступленія, онъ въ карманъ не полѣзетъ ни за крупнымъ словечкомъ, ни даже за тычкомъ; но, Боже сохрани, если кто-либо изъ надзирателей хотя бровью поведетъ для выраженія нетерпѣнія передъ требованіями, или даже капризами больного. За малѣйшія отступленія отъ вротости, вахмистръ виновнаго уничтожитъ, живаго съѣстъ.

Бубновъ Малороссъ (одноплеменникъ Юрія Александровича), росту исполинскаго, вершковъ двѣнадцати, если не болѣе. Бакенбарды его и усы—страшилище, одаренное странною способностью щетиниться при малѣйшемъ волненіи вахмистра. Юрій Александровичъ, представляя мнѣ Бубнова, увѣрялъ, что онъ разводитъ богатую эту растительность изъ горыстолюбивыхъ видовъ на покосъ. На это Бубновъ замѣтилъ, нахмуривъ густыя свои брови, что это дѣлается скорѣе взамѣтъ свеклы и моркови, которыя Жидъ Гафера (Гоферъ) оттягиваетъ у Божьихъ людей.

Божьимъ человѣкомъ называетъ Бубновъ cadaго несчастнаго, одержимаго душевною болѣзнію. Философія вахмистра ограничивается слѣдующими умозрѣніями или афоризмами:

«Разумъ—искра Божія. Одинъ только Богъ могъ его даровать, и одинъ только Богъ можетъ его отнять. Жизнь также даруется Богомъ, но черезъ посредство отца и матери, а потому не добрый человѣкъ и можетъ ее отнять при удобномъ случаѣ; но въ разумѣ никто не властенъ, кромѣ Бога. Колдунъ можетъ испортить человѣка, сдѣлать его кликушей; но въ разумѣ не властенъ, потому что сила его происходитъ отъ не-

чистаго. Слѣдовательно, разумъ дороже жизни, и *покутившійся* человекъ (какъ выражается Бубновъ)—Божій человекъ, а его высокородіе (то-есть Юрій Александровичъ)—угодникъ Божій, потому что всю жизнь свою ухаживаетъ за людьми, перстомъ Божиимъ указанными.»

Я замѣтилъ, что Бубновъ, выходя изъ отдѣленія *безпокойныхъ*, каждый разъ осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, какъ это дѣлаютъ набожные люди, выходя изъ храма Господня.

Нашъ вахмистръ имѣетъ необычайный даръ успокоивать больныхъ; одного его присутствія иногда достаточно, какъ говорятъ, чтобъ усмирить самаго буйнаго. Происходитъ ли это косвенно отъ вліянія богатырской физической его силы, или отъ чувства симпатіи, которымъ душа его проникнута къ страждущимъ, не извѣстно; но успокоительная эта способность всѣми здѣсь признана, такъ что главная надзирательница женскихъ отдѣленій не рѣдко прибѣгаетъ къ содѣйствію Бубнова.

Разсказываютъ, что въ такомъ случаѣ вахмистръ перемѣняетъ *преждевременно* свой костюмъ; то-есть, замѣняетъ форменную одежду, украшенную множествомъ шавроновъ и цѣлою шеренгой крестовъ и медалей, простымъ холщевымъ балахономъ. При этомъ всѣ уже знаютъ, что вахмистръ отправляется на женскую половину, потому что на немъ «бабья одежда.»

За исключеніемъ Юрія Александровича, котораго онъ величаетъ высокородіемъ, Бубновъ всѣмъ говоритъ «ты», прибавляя: «голубчикъ ты мой» съ сильнымъ удареніемъ на букву о.

Хозяинъ нашъ называетъ Бубнова «правою рукой», и дѣйствительно, вахмистръ человекъ неустоимый, и, какъ видно, исполнѣ усвоившій себѣ воззрѣніе Юрія Александровича на счетъ важности призванія людей, посвятившихъ себя уходу за несчастными, которые одержимы душевными болѣзнями.

Пока, я еще дичусь, ни съ кѣмъ кромѣ начальства не знакомлюсь; лежу у себя въ комнатѣ, къ общему столу не выхожу, гуляю въ саду во время отдохновенія прочихъ; но съ новымъ моимъ пріятелемъ Бубновымъ и съ почтеннымъ Юріемъ Александровичемъ часто бесѣдую. Докторъ внимательно меня допрашиваетъ, *щупаетъ душевный мой пульсъ*, какъ онъ выражается. «Нѣтъ человека, говоритъ онъ, у котораго не танлось бы болѣзненное мѣстечко въ какомъ-нибудь изъ душевныхъ звкоулковъ. Раздразнить боль легко; иногда самая, повидимому, ничтожная причина ведетъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ; по-нять боль очень трудно, въ особенности при неизвѣстности по-

будительной причины. Въ этомъ дѣлѣ все важно: дѣтство, воспитаніе, вліяніе родителей, даже здоровье родителей. Что часто затрудняетъ медика—это сбивчивость, неточность доставленныхъ ему свѣдѣній.»

Юрій Александровичъ обращается со мною, дай Богъ ему здоровья, какъ съ человѣкомъ, пользующимся вполне умственными своими способностями. Постараюсь оправдать его довѣріе и, благо я теперь совершенно успокоился, и раздражительность моя за неимѣніемъ пищи, вѣроятно, оставитъ меня въ покоѣ, то я попробую прослѣдить съ желаемою ясностію и точностію, какъ требуетъ этого почтенный нашъ хозяинъ, главные моменты и обстоятельства моей жизни. Можетъ, это приведетъ къ отысканію побудительныхъ причинъ ненормальнаго моего состоянія.

III.

Дневникъ князя Пронскаго (продолженіе).

7-го іюля.

Первыхъ годовъ своего дѣтства я вовсе не помню, и только смутно припоминаю многочисленныя, шумныя сборища, звуки не совсѣмъ стройнаго, крикливаго, домашняго оркестра, аялай гончихъ, гиканье стременихъ и суету различныхъ лицъ подпоясанныхъ красными и желтыми кушаками. Все это вретится у меня въ памяти безъ связи и послѣдовательности. По преданіямъ я знаю, что покойный батюшка жилъ открыто и въ Москвѣ, и въ деревнѣ. Послѣ его смерти, въ домѣ вшемъ водворилась совершенная тишина, и я ужь довольно ясно припоминаю, какъ матушка изъявила рѣшительное желаніе поселиться безвыѣздно въ Красныхъ Прудахъ. Въ то время мнѣ было не съ большимъ десять лѣтъ. Съ тѣхъ поръ, впредь до поступленія моего въ Пажескій корпусъ, воспитаніе мое предоставлено было французскому гувернеру Mr. de Livgu, доброму и, кажется, образованному старичку, и учителямъ, за которыми посылали въ губернской городъ такъ-называемыя учительскія дрожки, — дребезжащій экипажъ, съ корявыми кожанымъ фартукомъ, въ который запрягали толстую, неуклюжую пару бѣлыхъ, какъ дунь, лошадей. Учился я, сколько помню

довольно исправно, но въ особенности, и это я очень хорошо помню, шалилъ весьма исправно. Mr. de Livry присматривалъ за мною слабо, а дворовые потворствовали.

Матушка моя была добрѣйшая женщина, нрава тихаго, ровнаго и нѣсколько апатическаго. Затишье, послѣдовавшее въ нашей домашней жизни послѣ смерти батюшки, гораздо болѣе соответствовало природнымъ ея наклонностямъ, чѣмъ прежняя шумная, тревожная жизнь. Матушка любила сидѣть по цѣлымъ часамъ безъ всякаго занятія, или на балконѣ, или въ гостиной. Пѣшкомъ она никогда не гуляла, въ гости рѣдко ѣдила, а когда выѣзжала прокататься, то не позволяла ѣздить скоро.

Домъ нашъ наполненъ былъ приживалками, «les parasites de M-me la Princesse»; и дѣйствительно, паразитныя эти существа обирали матушку, и вели тунелдую, плотоядную жизнь въ нашемъ домѣ, подъ предлогомъ преданности и ухаживанія за сиротами. Подъ словомъ сироты подразумѣвались я, и матушка.

У матушки была весьма странная слабость, происходившая, впрочемъ, отъ добраго, необычайно-нѣжнаго ея сердца. Она воображала, что всѣ ее безъ памяти любятъ. Говорилъ ли Mr. de Livry съ обыкновенною французскою ужимкой: «Chère et excellente Princesse», матушка ласково улыбалась и непременно заиѣчала въ родѣ *a parte*: какъ онъ меня любитъ! Старая ключница, первая сплетница и тараторка въ свѣтѣ, никогда не упускала случая сказать съ притворною нѣжностію: «вы наше сокровище, наше красное солнышко», и матушка каждый разъ съ наивнымъ убѣжденіемъ повторяла любимую свою фразу. То же было при малѣйшемъ привѣтствіи любой изъ приживалокъ и многочисленной дворни.

Однажды, и это глубоко врѣзалось въ дѣтской моей памяти, матушка, сидя въ креслахъ, задремала. Я сидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ у стола и долбилъ заданный мнѣ урокъ. Вдругъ, старая, престарая лягавая собака покойника батюшки, которая никогда не входила въ гостиную, появилась въ дверяхъ, пользуясь, вѣроятно, всеобщю дремотой, царствовавшею въ домѣ и неприсмотромъ прислуги.

Я не смѣлъ встать, опасаясь, что скрипъ моихъ башмаковъ разбудитъ матушку, но чтобы выгнать собаку, которыхъ вообще матушка не жаловала, я грозилъ пальцемъ и, нахмуривъ брови, шепотомъ повторялъ: «Allez vous en, Milord!» Но милордъ, не

обращая никакого вниманія на мои жесты и увѣщанія, медленно подвигался къ кресламъ, помахивая хвостомъ и облизываясь. Наконецъ, я рѣшился встать, но уже было поздно. Милордъ пошелъ къ кресламъ, на которыхъ дремала матушка, обнюхал сначала ея платье и, пользуясь тѣмъ, что одна рука ея еще спозвзла довольно низко, съ аппетитомъ лизнулъ ее нѣсколь-
разъ.

Матушка вздрогнула, проснулась съ испуга, казалось даже, что хотѣла вскрикнуть, но увидѣвъ добродушную физиономію старой собаки, смотрѣвшей на нее умильно подслѣповатыми глазами, тотчасъ же успокоилась, ласково погладила сѣду голову милорда и проговорила: «Бѣдный! какъ онъ меня любить!»

Впрочемъ, въ домѣ всѣ знали слабость матушки, и каждый пользовался ею для собственныхъ интересовъ. Заключение это я сдѣлалъ, разумѣется, въ послѣдствіи, а тогда меня только одно удивляло: отчего это всѣ домашніе такъ любятъ матушку, а между собой то и дѣло, что ссорятся и другъ друга не видятъ?

Болѣе всѣхъ приближенныхъ пользовалась расположеніемъ матушки Аграфена Ивановна, дальняя ея родственница, замужняя за мужемъ за небогатымъ помѣщикомъ Бѣловымъ. Послѣ смерти батюшки, Аграфена Ивановна переселилась къ намъ, сначала одна, а потомъ черезъ нѣсколько времени привезла и двухъ малолѣтнихъ дѣтей. Мужъ ея остался въ своей имѣніи, но навѣщалъ жену очень часто.

Матушка приняла это перемѣщеніе за пожертвованіе, и личное ей одолженіе и за явное доказательство безпредѣльной преданности Аграфены Ивановны. «Добрая Груша, говорила она, хозяйство свое для меня оставила, не можетъ разстаться со мною. Вотъ это, такъ ужъ истинный другъ, за меня душу отдастъ.»

Я неоднократно слышалъ эти слова отъ матушки, равно какъ и слѣдующее наставленіе: «люби и уважай ее, Груша, потеряла она часто, ты видишь, какъ она любить и балуетъ твою мать».

Дѣйствительно, Аграфена Ивановна отлично ухаживала за матушкой, не оставляла ее ни на шагъ и предупреждала, такъ сказать, малѣйшія ея желанія.

Между тѣмъ, время шло, и воспитаніе мое, по словамъ Мг. de Livry, процвѣтало съ каждымъ днемъ. Почтенный

грантъ передавалъ мнѣ мало-по-малу всѣ свои древне-монархическія понятія. Un gentilhomme ne doit pas faire ci, ne doit pas faire ça (то-есть, то и то не долженъ дѣлать дворянинъ). Любимѣйшее его изреченіе заключалось въ слѣдующемъ афоризмѣ: Un gentilhomme ne doit pas mentir, même sous la menace de la mort (то-есть дворянинъ не долженъ лгать даже, если ему угрожаютъ смертію). Однажды, я спросилъ у своего наставника: «а развѣ не дворянину позволено лгать?» На это онъ мнѣ отвѣтилъ весьма серьезно, что ложь въ низшихъ сословіяхъ не имѣетъ такихъ важныхъ послѣдствій (n'a pas la portée), какъ ложь дворянина. Однимъ словомъ, Мг. de Livry старался всѣми средствами вбить мнѣ въ голову, что Богъ создалъ свѣтъ для дворянскаго сословія: Un roi, Monsieur, n'est que le premier gentilhomme de son royaume et pas autre chose (то-есть самъ король, ничто болѣе, какъ первый дворянинъ своего королевства), говаривалъ старый эмигрантъ. Мнѣ довольно нравилось высокое значеніе, приписываемое дворянскому сословію; но я что-то не совсѣмъ понималъ, отчего дворянинъ неизмѣримо выше образованнаго чловѣка, принадлежащаго другому сословію.

Такимъ образомъ, незамѣтно прошло слишкомъ три года. Вдругъ матушка сильно занемогла, слегла въ постель, и два мѣсяца находилась въ крайней опасности. Тогда только я позналъ всю силу моей любви и привязанности къ матушкѣ. Я не отходилъ отъ ея постели, горько плакалъ день и ночь, и чуть самъ не занемогъ отъ горести и изнеможенія. Аграфена Ивановна также почти не отходила отъ постели умиравшей, и въ это тяжелое для меня время я не разъ бросался къ ней на шею въ изъявленіе искренней моей признательности за попеченія, оказываемыя ею несчастной моей матери. Матушка, съ своей стороны, несмотря на свою слабость, указывала мнѣ глазами каждый разъ, когда приходила въ себя, на Аграфену Ивановну, и тихо повторяла: «Вотъ истинный мой другъ!»

Однажды, послѣ шести недѣль безпокойствъ и терзаній, я прилежъ отдохнуть въ комнатѣ ключницы, чтобы быть поближе отъ матушкиной спальни; старуха-ключница находилась въ это время при больной на дежурствѣ, потому что прислуга очередовалась, и только Аграфена Ивановна и я оставались почти безсмѣнно въ комнатѣ матушки. Комната, въ которой я прилежъ отдохнуть, раздѣлена была перегородкой; въ одной части помѣщалась кровать (на которой я и помѣстился) и раз-

ный хламъ, а въ другой, болѣе обширной, столъ, диванъ, нѣсколько студевъ и множество полокъ, шкафовъ и комодовъ съ барскимъ добромъ, какъ говорила старуха-ключница.

Не знаю, долго ли я спалъ, только помню, что меня разбудилъ сдержанный говоръ и побрякиванье чашекъ. Я открылъ глаза; за перегородкой было ужь темно, но сквезь скважину возлѣ самой подушки просвѣчивала полоса свѣта. Я лѣниво приподнял голову и увидѣлъ по ту сторону перегородки Аграфену Ивановну съ мужемъ, за чайнымъ столомъ, снабженнымъ самоваромъ, чашками и разнаго рода печеньями. Глаза мои слипались, и я вновь уткнулся въ подушку, какъ вдругъ, словно меня что-то кольнуло въ сердце, и я невольно, будто съ сонъ, сталъ прислушиваться.

— Ну, что жь, подписано ли наконецъ завѣщаніе? сказал вполголоса мужъ Аграфены Ивановны.

Хотя я и не понималъ совершенно, въ чемъ дѣло, но при этихъ словахъ дремота исчезла, и я насторожилъ ухо, съ трудомъ переводя духъ.

— Шутъ ее знаетъ! отвѣчалъ рѣзкій голосъ Аграфены Ивановны, который я едва узналъ, привыкнувъ слышать отъ нея мягкую, сладенькую интонацію.

— Да ты бы узнала какъ-нибудь, отвѣтилъ мужъ, — а не то переговорила бы съ больною понастоятельнѣе. Чортъ знаетъ, что такое! четвертый годъ живешь, пресмыкаешься не какъ служанки, ноги лижешь, а толку мало. Окачурится безъ завѣщанія, такъ опека выгонитъ тебя по шеямъ, и тогда ниша получишь.

Каждое слово этого страшнаго разговора навѣки запечатлѣлось въ моей памяти!

Въ то время я не вдругъ понялъ значеніе мною слышаннаго; однакоже, не знаю почему, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

Аграфена Ивановна, выслушавъ замѣчаніе мужа, выпила чашку чаю и отвѣчала, хотя вполголоса, но тѣмъ же рѣзкимъ, неприятнымъ, необычнымъ ей голосомъ:

— А ты думаешь, что мнѣ очень весело возиться съ этою дурицей? Ночи не спи, на полу валяйся. Перевертывай ее, ухаживай, да еще цѣлуй ее въ вонючую морду. Натерпѣвшись я, нанюхалась я порядкомъ, — и при этомъ словъ Бѣлова — нула съ отвращеніемъ.

Услышавъ это, я горько заплакалъ и едва удерживался отъ громкихъ рыданій.

— Чтобъ ей ужь поскорѣй отправиться на тотъ свѣтъ, прибавила Аграфена Ивановна, наливая другую чашку чаю, — до смерти надоѣла!

Я ужаснулся и хотѣлъ было бѣжать; но испугался, не знаю почему, голоса мужа:

— Ты у меня не дури, говорилъ онъ, — чтобы завѣщаніе было! а не то чистаганомъ потребуй, вѣдь есть же у ней деньги, судя по житью и доходовъ ей не прожить, пусть раскошелится, а тамъ умирай себѣ, если ей угодно.

Я спряталъ голову подъ подушку, чтобы не слышать бездушныхъ этихъ словъ, и почти лишился чувствъ. Когда я пришелъ въ себя, я опять услышалъ ненавистный ужь мнѣ голосъ Аграфены Ивановны.

— Чертенокъ-то, гогорила она, — кажется, меня не жалуетъ!

— Да что въ немъ проку-то, отвѣчалъ мужъ, — умереть мать, такъ у него спрашивать не стануть, кого въ опекуны желаетъ; молоде еще! Однако пора тебѣ, заключилъ Бѣловъ, — смотри же, не зѣвай, не упускай случая, держи ухо остро.

Я услышалъ поцѣлуй, дверь скрипнула, и я остался въ потьмахъ. Внезапно мной овладѣлъ паническій страхъ, я вскочилъ съ постели и со всѣхъ ногъ бросился вонъ изъ-за перегородки.

Когда я прибѣжалъ въ комнату больной, Аграфена Ивановна стояла уже на колѣняхъ у изголовья. Голова матушки покоилась на ея плечѣ, лѣвая рука больной обвивала ея шею; матушка тяжело дышала, но нѣжная улыбка играла на ея устахъ. Зрѣлище это поразило меня, какъ нѣчто невыразимо страшное. Мнѣ почудилось, что къ изголовью матушки подползъ чудовищный какой-то змѣй, и я съ замирающимъ трепетомъ ожидалъ минуты какго-то ужаснаго событія. *Змѣй, лукавство, ложь*, слова эти вдругъ застучали въ моей головѣ и вытѣснили всѣ прочія мысли. Я повторилъ ихъ умственно съ какимъ-то ожесточеніемъ, бессознательно, не отдавая себѣ яснаго отчета о значеніи этихъ словъ, и какъ будто повинуюсь постороннему вліянію, не зависѣвшему отъ собственной моей воли.

Между тѣмъ матушка заснула на плечѣ своей пріятельницы, и Аграфена Ивановна, тихо повернувъ голову въ мою сторону, нѣжнымъ взглядомъ манила къ изголовью. Отъ этого взгляда я почувствовалъ въ сердцѣ и въ головѣ какое-то гугучее чувство, закрылъ глаза и почти безъ памяти припалъ къ ногамъ ма-

тушки, какъ бы желая защитить ее отъ предательскаго прикосновенія страшнаго змѣя.

Всю ночь докучливыя слова *ложь*, *лукавство*, *змѣй* преслѣдовали меня безъ пощады; я заснулъ, повторяя ихъ съ болѣзненнымъ напряженіемъ. Въ страшныхъ грезахъ, слова эти воплотились и приняли образъ Аграфены Ивановны. Я видѣлъ ясно черты страшной этой женщины; но лицо ея покрыто было отвратительными язвами, изо рта высовывался змѣиный языкъ, а глаза свѣтились страшнымъ зеленымъ огнемъ.

Къ утру я проснулся избитый, утомленный, въ лихорадочномъ состояніи. Матушка еще покоилась, тяжело переводя духъ; Аграфена Ивановна спала въ креслахъ у изголовья. Я помолился на образа кивота, перекрестилъ матушку и тихо вышелъ изъ спальни.

Губернеръ, увидѣвъ меня, перепугался: «На васъ нѣтъ, другъ мой, человѣческаго образа (*Vous n'avez pas, mon enfant, figure humaine*), сказалъ онъ съ чувствомъ. Отдохните немного, не утомляйте себя черезъ мѣру, это можетъ имѣть весьма вредное вліяніе на нѣжныя еще ваши силы.»

Я, молча, пожалъ руку своему наставнику, прошелъ въ свою комнату, освѣжился и приложилъ всѣ возможныя старанія, чтобъ успокоиться отъ вчерашнихъ волненій. Но организмъ мой былъ слишкомъ сильно потрясенъ неожиданнымъ отвращеніемъ гнусной лжи и коварства, и мнѣ невозможно было отбросить мысль свою ни на минуту отъ страшнаго образа, возникшаго ночью въ моемъ воображеніи.

Изыскивая средства облегчить себя отъ преслѣдовавшихъ меня мыслей, я рѣшился обратиться къ губернѣру.

— Скажите пожалуйста, *M. de Livry*, сказалъ я, войдя въ его комнату, — вѣдь *ложь*, во всякомъ случаѣ, гнуснѣйшій порокъ?

— Безъ сомнѣнія, другъ мой, отвѣчалъ Французъ, снимая очки.

— А потому человѣкъ, предающійся лжи и лукавству, порочный человѣкъ и слѣдовательно вредный?

— Конечно!

— И въ такомъ случаѣ обязанность каждаго уличать, выходя на чистую воду людей, зараженныхъ порокомъ лжи?

Наставникъ мой замаялся, и проговорилъ не совсѣмъ рѣшительно:

— Eh, eh! c'est selon (то-есть, смотря по обстоятельствамъ).

Тогда я сообщилъ ему во всѣхъ подробностяхъ происшествіе вчерашняго вечера. Губернеръ выслушалъ меня съ большимъ вниманіемъ, задумчиво покачивая головой.

— Другъ мой, сказалъ онъ, когда я, задыхаясь отъ волненія, кончилъ свое повѣствованіе, — я ожидалъ этого, *паразиты* всегда такъ поступаютъ (*les parasites n'en font jamais d'autres*); но вы поступили необдуманно. Какъ дворянину (*en gentilhomme*) вамъ не слѣдовало подслушивать конфиденціального разговора между мужемъ и женой. Съ первыхъ словъ вы могли бы постучать въ перегородку, или кашлянуть, или высморкаться, словомъ сказать, дать знать, дать почувствовать о вашемъ присутствіи. Слѣдовательно, поведенія вашего въ этомъ случаѣ я не одобряю. Теперь, приступимъ къ обсужденію вопроса: какъ поступить съ открытою вами тайной? Вопервыхъ, матушка ваша такъ еще слаба, что опасно потревожить ее подобнымъ сообщеніемъ. Во вторыхъ, это лишитъ ее дорогаго для нея самообольщенія, что во всякомъ случаѣ неприятно, а тѣмъ болѣе въ настоящемъ положеніи вашей матушки. Наконецъ, къ чему же это послужитъ? Да и наврядъ ли княгиня повѣритъ подобному извѣщенію, дружба ея къ предательской родственницѣ слишкомъ укоренилась. Съ другой стороны, дать почувствовать виновнымъ въ лукавствѣ, что вамъ извѣстны ихъ замыслы, опасно, и также я думаю ни къ чему не послужитъ. Повѣрьте, что они отрекутся отъ своихъ словъ; васъ же осудятъ въ клеветѣ или припишутъ показанія ваши разстроенному, большому дѣтскому воображенію. Все это, скажутъ они, приснилось вамъ въ бреду; это послѣдствія томительныхъ ночей, проведенныхъ у постели больной вашей матушки.

— Однакожь, возразилъ я съ нетерпѣніемъ, — нельзя же скрывать правду?

Наставникъ посмотрѣлъ на меня съ участіемъ, протянулъ мнѣ руку и, подумавъ немного, сказалъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Благородное это негодованіе, любезный другъ, дѣлаетъ честь вашему воспитанію; но, къ сожалѣнію, въ жизни не всякая правда сказывается (*toute verité n'est pas bonne à dire*).

Разговоръ этотъ оставилъ меня въ крайнемъ недоумѣніи. Я никакъ не могъ сообразить, отчего правда, долженствующая служить основаніемъ всѣхъ человѣческихъ поступковъ, не всегда можетъ быть примѣнима къ потребностямъ жизни.

Вызовы и уклончивыя объясненія старика Француза вовсе

меня не удовлетворили, и я почиталъ непремѣнною обязанностью, при первомъ удобномъ случаѣ, предупредить матушку и изблечить лукавую ея пріятельницу.

Такъ прошло нѣсколько дней въ мучительныхъ колебаніяхъ; а между тѣмъ здоровье матушки стало по-немногу поправляться. Я всячески избѣгалъ Аграфены Ивановны и, кажется, возбудилъ ея подозрѣніе, потому что она не разъ меня допрашивала и преслѣдовала противными своими ласками.

Наконецъ матушка встала съ постели, вышла изъ спальни и перешла въ гостиную на любимое свое мѣсто, подѣ окошка. Дружба ея къ Аграфенѣ Ивановнѣ еще болѣе укоренилась; матушка не спускала глазъ съ своей пріятельницы и любила сидѣть съ ней по цѣлымъ часамъ рука въ руку. Все это причиняло мнѣ невыносимыя терзанія! Каждую минуту на языкѣ моемъ вертѣлась роковая тайна, и мнѣ стоило необычайныхъ усилій, чтобы не высказать ее выздоравливавшей матушкѣ.

Недѣлю спустя послѣ перваго выхода матушки въ гостиную, мы сидѣли однажды послѣ обѣда втроемъ: матушка, Аграфена Ивановна и я.

Болѣе часу я выдерживалъ совершенную пытку, глядя на ласки, которыми осыпала матушка лукавую, недостойную пріятельницу.

Наконецъ, Аграфена Ивановна пошла въ свою комнату, объявивъ съ притворными ужимками, «что какъ ни жаль ей оставлять свое ненаглядное сокровище, но необходимо удалиться на нѣкоторое время, дабы написать письмо къ мужу». При прощаніи, она обняла матушку и нѣжно поцѣловала. Бѣдная, обманутая мать моя, растаяла отъ предательской этой ласки и, схвативъ руку своей пріятельницы, нѣсколько разъ горяча поцѣловала. Это меня взорвало! Я вскочилъ со стула и выбѣжалъ на балконъ. Вернувшись въ комнату, я замѣтилъ, что матушка утирала слезы умиленія.

— Гриша, сказала она растроганнымъ голосомъ, прямо обращаясь ко мнѣ, — ты видишь, что это за сокровище, моя Груша. Ты видишь, какъ она преданно, безгранично меня любитъ. Выслушай меня; ты ужь не маленький, тебѣ скоро минеть четырнадцать лѣтъ, слѣдовательно ты все ужь понимаешь и можешь обо всемъ разсудить. У моей Груши семья большая, а состраданія почти нѣтъ никакого; насъ же Богъ надѣлилъ съ избыткомъ. Мнѣ бы хотѣлось удалитъ кой-что добраго моей Грушѣ; отъ

ей хоть, напримѣръ, Выселки: тамъ двѣсти душъ и земля, смежная съ имѣнникомъ ея мужа. Какъ ты думаешь, душа моя, вѣдь это богоугодное дѣло? Искреннюю любовь и преданность самъ Богъ велитъ вознаграждать.

Я смѣшался и отвѣчалъ прерывающимся голосомъ: — какъ угодно, счѣте татап, все въ вашей власти, только точно ли вы увѣрены, что Аграфена Ивановна любитъ васъ?

Матушка взглянула на меня съ изумленіемъ. — Что это Гриша? ужь полно въ своемъ ли ты умѣ, проговорила она съ улыбкой. — Да развѣ ты не видишь, что Груша жить безъ меня не можетъ?

Волненіе мое усиливалось съ каждымъ словомъ матушки, я чувствовалъ, что не въ силахъ совладѣть съ собою; я хотѣлъ было зажать себѣ ротъ, но вдругъ задрожалъ и быстро проговорилъ, избѣгая взора матушки.

— Это не правда! Аграфена Ивановна лжетъ. Она васъ не любитъ.

За этими словами послѣдовала секунда молчанія. Матушку, какъ громомъ поразила, неожиданная, смѣлая моя рѣчь.

— Гриша, сынъ мой, сказала она наконецъ, не то строго, не то ласково, — какъ смѣешь ты говорить такія глупости?

Слезы, съ трудомъ удерживаемыя, вдругъ хлынули у меня ручьемъ, и я припалъ головой къ колѣнямъ матушки, всхлипывая и задыхаясь.

Матушка стала гладить меня по головѣ, приговаривая нѣжнымъ голосомъ.

— То-то, душа моя, не слѣдуетъ говорить наобумъ, такъ, изъ каприза, клевета большой грѣхъ; я скорѣе повѣрю, что ты меня разлюбишь, а ужь Груша никогда. Помни же, душенька, что клевета и ложь одно и то же!

Я вдругъ вскочилъ на ноги.

— Матушка, заговорилъ я дрожащимъ голосомъ, — я не лгу, я говорю сущую правду. Аграфена Ивановна змѣя, я ее видѣлъ ночью... когда вы умирали... она змѣя, она желаетъ вашей смерти. Спросите, чего мужъ отъ нея требовалъ... спросите, какъ она пила чай съ мужемъ въ комнатѣ ключницы. Спросите, спросите, а я все слышалъ, все знаю!

Я опять зарыдалъ, и въ изнеможеніи бросился на диванъ. Матушка испугалась, громко позвонила, и сказала поспѣшно вошедшему слугѣ.

— Пошли сюда поскорѣ няню, гувернера, пусть сбѣгаютъ за фельдшеромъ, Гриша занемогъ!

Поднялась суматоха; всѣ сбѣжались, меня раздѣли, дали го-манскихъ капель и уложили въ постель. Тѣмъ и окончился пер-вый мой подвигъ изобличенія во лжи.

Прошло нѣсколько дней. Матушка была довольно со мною ласкова, но часто повторяла:—бѣдный мальчикъ, отчего это на тебя бредъ находить?

Возобновить обличительный разговоръ я чувствовалъ себя не въ силахъ: я молчалъ, дичился и глоталъ слезы. Вскорѣ однакъ, я почувствовалъ, къ ужасному моему прискорбію, что матушка ко мнѣ охладѣла. Это разительно для меня обозначилось слѣдующимъ обстоятельствомъ. За дѣдушкины заслуги я былъ сдѣланъ пажемъ еще въ малолѣтствѣ, и давно ужъ числился однимъ изъ первыхъ кандидатовъ для поступленія въ корпусъ; но матушка всегда говорила, что желаетъ оставить меня при себѣ до послѣдняго законнаго срока, то-есть, до шестнадцатилѣтняго возраста. Тутъ же она стала поговаривать о томъ, что молодымъ людямъ полезно приучаться къ товариществу, къ общественной жизни, что лучше вступить въ 3-й и даже въ 4-й классъ, пробывать въ корпусѣ 3 или 4 годъ, чѣмъ послѣ домашней жизни въ скорости поступить въ полкъ.

Я зналъ, подъ вліяніемъ кого матушка такъ неожиданно перемѣнила прежнія намѣренія, сердечно сокрушался; но не могъ придумать средства изобличить коварство Аграфены Ивановны.

Вскорѣ я узналъ, что матушка писала въ Петербургъ, что она почти никогда не дѣлывала, и... не прошло мѣсяца, какъ получено было официальное увѣдомленіе о принятіи меня въ корпусъ.

IV.

Дневникъ князя Пронскаго (продолженіе)

9-го іюля.

Кажется, что я неосторожно поступилъ, принявшись за дневникъ. Расшевеливъ свои воспоминанія, я возобновилъ едва успокоившееся волненіе. Прошлую ночь провелъ я безпокойно. Мнѣ опять грезилась олицетворенная ложь, то-есть, Аграфена Ивановна съ отвратительными язвами и змѣинымъ языкомъ.

Это не хорошій признакъ! Послѣ этого я долго не могу успокоиться, и почти всегда дѣло оканчивается выходкой излишней, какъ говорятъ, правдивости. Сегодня утромъ, когда Бубновъ, новый мой пріятель, зашелъ ко мнѣ поздороваться, я еще находился подъ впечатлѣніемъ дурно проведенной ночи.

— Скажи, пожалуста, Бубновъ, спросилъ я вовсе не кстати, вѣдь ты любишь правду?

Вахмистръ посмотрѣлъ на меня подозрительно; онъ еще не слыхалъ отъ меня ни одного неумѣстнаго вопроса.

— Голубчикъ ты мой, ваше сіятельство, отвѣчалъ онъ, подумавъ не много, — правда Божье слово, какъ ея не любить; но правда — мамка куда какая рослая! до сахарныхъ ея устъ добратся трудно, какъ разъ промахнешься, чебурахнешься, да пожалуй, чего добраго, и шею себѣ сломаешь.

— Но вѣдь ложь вещь отвратительная, гнусная, правду слѣдуетъ говорить, возразилъ я, преслѣдуя неотвязную мысль.

— Оно конечно, голубчикъ ты мой, слѣдуетъ, отчего и правды не сказать? Вотъ и я мошенника Гаферу (Гофера) всегда уличаю; горсть соли оттянетъ отъ Божьихъ людей, такъ я и то на весь домъ прокричу. Но вотъ, если его высокородіе (хозяинъ) что-либо не по нраву мнѣ сдѣлаетъ, такъ я промолчу.

— Зачѣмъ же это Бубновъ? прервалъ я съ живостью: — это не хорошо.

— Ну! ужъ такъ, промолчу, возразилъ вахмистръ хладнокровно. — Огорчить и даже обидѣть человѣка легко, а какъ не потрафишь? Думалъ сказать правду, а какъ разъ обмишурился, тогда что? самому стыдно будетъ. Положимъ, мошенника-то Гаферу и обидѣть не грѣшно; ему это ни по чемъ, какъ съ гуся вода; а такова человѣка, какъ его высокородіе, слуга покорный! всѣ глаза выплечешь, если даромъ обидишь. Это голубчикъ ты мой, ваше сіятельство, дѣло безпримѣрно трудное, правда-то; поди, улови ее, а она въ поднебесьѣ летаетъ!

Конечно, что вахмистръ нашъ не сказалъ мнѣ ничего новаго; но простыя его слова и, въ особенности, добродушное выраженіе нѣжно-грознаго его лица успокоили немного мое волненіе. Да! слѣдуетъ переломить себя; перебирая воспоминанія свои и останавливаясь на фактахъ, имѣвшихъ особенное вліяніе на мою жизнь, я, можетъ, достигну цѣли; то-есть, доставлю руководную нить для соображеній Юрія Александровича.

Прощанья съ матушкой ознаменованы были съ моей стороны

непритворною, искреннею горестью, а со стороны матушки сдержаннымъ какимъ-то чувствомъ, въ которомъ проглядывало сожалѣніе и какъ будто раскаяніе. Матушка очевидно находилась подъ вліяніемъ посторонней воли, и сознавала, можетъ-быть, въ глубинѣ сердца несправедливость ея переменъ ко мнѣ; но не чувствовала себя въ силахъ противиться означенному вліянію. Нравственное это угнетеніе, которое я, конечно, приписывала жи и лукавству Аграфены Ивановны, еще болѣе раздражило меня противъ неправды.

Mr. de Livry поручено было довести меня въ Петербургъ и сдать въ корпусъ, при содѣйствіи одного знакомаго матушки, пользовавшагося, какъ говорила она, большимъ значеніемъ въ офиціальномъ мірѣ сѣверной столицы.

Знакомый матушки принялъ насъ весьма ласково и, обращаясь къ Mr. de Livry, сказалъ ему по-французски, привѣтливо улыбаясь: «Молодецъ этотъ стоилъ мнѣ не мало хлопотъ; не безъ труда таки уладилъ дѣло его помѣщенія.» Г. де-Ливри почтительно замѣтилъ, что я давно уже на очереди по списку кандидатовъ. «Конечно, отвѣчалъ сановникъ, но тамъ есть разные списки: воловыхъ, экстренныхъ, экстерновъ; все это се-ображается, по мѣрѣ надобности и ходатайства людей, ну! понимаете, людей съ вѣсомъ (и сановникъ пріосанился), кандидаты переносятся изъ одного списка въ другой... такъ что человѣкъ незнающій, то-есть, не посвященный въ тайны всей этой манипуляціи, ничего не разберетъ. Впрочемъ, что объ этомъ толковать! Молодецъ помѣщенъ, слѣдовательно цѣль достигнута, и желаніе почтеннѣйшей княгини исполнено, а это главное! добавилъ сановникъ съ пріятною улыбкой.»

«Слѣдовательно я принять по протекціи! подумалъ я, какъ же это говорили, что я имѣлъ на то неотъемлемыя права? Кто же, кого обманываетъ?» Вотъ первое впечатлѣніе, произведенное на меня первымъ моимъ столкновеніемъ съ офиціальнымъ міромъ.

Въ продолженіи трехъ недѣль, на квартиру къ намъ приходили корпусные учителя. Я немного съ ними занимался; но г. де-Ливри имѣлъ съ ними частыя и *дорогія*, сказывалъ оны, совѣщанія. Во время экзаменовъ, знакомые ужъ мнѣ учителя были ко мнѣ весьма снисходительны; впрочемъ, я самъ чувствовалъ, что отвѣчалъ хорошо, но учителя не сбивали меня; это ужъ очень важно, и я былъ принятъ однимъ изъ первыхъ въ 4-й классъ.

Я пройду молчаніемъ обстоятельства перваго дня поступленія

нія моего въ корпусъ. Скажу только, что я былъ пораженъ однообразіемъ пошлости выраженія лицъ моихъ товарищей, которыхъ первое время я никакъ не могъ отличить одного отъ другаго, и заучеными приемами начальниковъ, отличавшимися какою-то гусиною важною. Какъ всегда водится, новичка подвергли испытанію, то-есть придирались и подчивали тумакими безъ всякой причины. Сначала я отмалчивался, потомъ началъ огрызаться и кончилъ тѣмъ, что самъ сталъ колотить направо и налево, по мѣрѣ силъ и возможности. Первое время меня называли «красною дѣвушкой», потомъ, неизвѣстно почему, «шурочкой» и наконецъ «чертопляской». Последнее прозвище я заслужилъ всегдашней готовностію пошалить или, какъ называли товарищи, *побѣситься*. Отъ этого произошло, что такъ-называемые *стобальные* ученики стали меня избѣгать, и я вскорѣ очутился промежду отъявленныхъ повѣсъ. Сообщество это не совсѣмъ отвѣчало природнымъ наклонностямъ моего нрава; но это произошло какъ-то случайно, и я не нашелъ нужнымъ или не былъ въ силахъ противиться непохвальному увлеченію.

Вскорѣ я замѣтилъ, что ложь и лукавство — основныя начала всѣхъ отношеній, не только что между товарищами, но даже между учителями и ихъ учениками, между начальниками и подчиненными.

Ни одного дня не проходило безъ разительнаго какого-нибудь примѣра въ этомъ отношеніи. То какой-либо шалунъ свалитъ собственную вину на товарища; то учитель всѣми неправдами оградитъ щедраго любимца, и выдастъ менѣе догадливаго или менѣе любимаго ученика головой, на съѣденіе инспектора; то дежурный офицеръ засадитъ въ темную за малѣйшую папироску, а въ другой разъ не обратитъ вниманія на цѣлая облака табачнаго дыма, судя по личностямъ и отношеніямъ.

По какому-то особому процессу моей натуры, вмѣсто того, чтобы мнѣ привыкнуть къ этому общему уклоненію отъ правды, непреодолимое отвращеніе ко лжи и лукавству, напротивъ, укоренялось во мнѣ съ каждымъ днемъ, и это было причиной безпрестанныхъ ссоръ и столкновеній съ товарищами.

Однажды, мѣсяца три послѣ моего поступленія, классъ нашъ, въ ожиданіи учителя, ужасно разшалился. Поднялся шумъ, гамъ, топотъ, и мнѣ, неизвѣстно почему, пришло въ голову закричать пѣтухомъ. Весьма удачное подражаніе заслужило громкое

одобреніе моихъ товарищей; но на бѣду *подчаски* какъ-то прозѣвали и, откуда ни возьмись, полковникъ вдругъ награнулъ въ самую суматоху. Разумѣется, весь классъ разомъ притихъ какъ невинный агнецъ, и уткнулъ носы въ приготовительныя тетради. Полковникъ обвелъ всѣхъ грознымъ, испытующимъ взоромъ и строго спросилъ: кто пѣтухомъ пѣлъ? Всѣ молчали; но меня какъ будто что-то подтолкнуло: «скажи, что ты, скажи, что ты!» шепталъ мнѣ какой-то голосъ. «Это я, полковникъ!» сказалъ я вдругъ смѣло, вставая и вытягиваясь въ струнку. Въ глазахъ у меня немного помутилось, потому что я ожидалъ строгаго наказанія, но тѣмъ не менѣе я утѣшалъ себя мыслью, что исполняю свой долгъ, жертвуя собой правдивости. А между тѣмъ, вмѣсто одобренія, я слышалъ вокругъ насмѣшливый говоръ и даже укорительныя выраженія, въ родѣ: дура, тетеревъ, поддипала и пр.

Полковникъ посмотрѣлъ на меня молча и, кажется, съ удивленіемъ.—Вы знаете, чему вы подвергаетесь? спросилъ онъ довольно мягко.

— Знаю, полковникъ, отвѣчалъ я, не спуская съ него глазъ.

— Хорошо! Васъ слѣдовало бы посадить въ темную, дней на десять на хлѣбъ и на воду; но въ уваженіе, вопервыхъ, вашего признанія и, вовторыхъ, недавняго поступленія въ корпусъ, я ограничусь на первый разъ не такъ строгимъ наказаніемъ. Вы останетесь сегодня безъ обѣда и простонте все время на колѣняхъ. А теперь садитесь.

Въ рекреацию и во время исполненія приговора, товарищи не только не сожалѣли обо мнѣ, но подсмѣивались, дразнили языкомъ и подчивали обидными названіями. «Вѣдь я же кричалъ пѣтухомъ, говорилъ я съ досадою, а не вы!» Мнѣ отвѣчали, что не слѣдовало признаваться, что это я сдѣлалъ или по глупости, или изъ угожденія начальству.

Подобные случаи встрѣчались часто; отъ того непопулярность моя болѣе и болѣе увеличивалась; но это вовсе не измѣняло образа моихъ мыслей, а напротивъ укореняло во мнѣ, какъ я уже сказалъ, отвращеніе ко лжи и неправдѣ. По этой причинѣ, я болѣе и болѣе сосредоточивался въ своихъ чувствахъ, удалялся отъ товарищей и развивалъ умственные свои способности по собственнымъ, вѣроятно, не совсемъ зрѣлымъ, умозрѣніямъ. Между начальниками, можетъ-быть бы и нашлись достойные люди, способные руководствовать молодежь въ нравственномъ развитіи и дать ей хорошее направ-

леніе; но опасеніе прослыть за поддипалу, за наушника, почти всегда удерживаетъ воспитанниковъ отъ всякаго сближенія съ начальствомъ. Мнѣ кажется, что это одно изъ величайшихъ неудобствъ корпуснаго воспитанія, и до тѣхъ поръ, пока странное понятіе это не искоренится, до того времени нравственное вліяніе начальниковъ не возможно.

На третьемъ году пребыванія моего въ корпусъ, случилось, между прочимъ, обстоятельство, имѣвшее весьма важныя для меня послѣдствія. Перцову, одному изъ товарищей, вздумалось нарисовать на доскѣ ослиную голову и подписать подъ ней крупными буквами имя и званіе ротнаго командира. Въ этотъ день я былъ дежурный по классу и, слѣдовательно, отвѣчалъ за порядокъ. Въ качествѣ дежурнаго, я, какъ говорится, ввелъ классъ, то-есть, остановаюсь у дверей, пропустилъ весь классъ попарно въ шерингу мимо себя и тогда только вошелъ въ классную. Замѣтивъ рисунокъ Перцова, я тотчасъ же сообразилъ важныя послѣдствія, могущія произойти отъ подобной шалости, подбѣжалъ къ нему, выхватилъ у него изъ рукъ мѣлъ и губку; но не успѣлъ стереть надписи и изображенія, какъ въ дверяхъ показалась фигура полковника. Перцовъ сидѣлъ уже на своемъ мѣстѣ, а я такъ сконфузился, что отступилъ шага два отъ доски, едва успѣвъ мазнуть губкой дерзкую подпись.

Полковникъ прямо подошелъ къ доскѣ и побагровѣлъ отъ гнѣва.

— Такъ вотъ вы чѣмъ занимаетесь, сказалъ онъ, стиснувъ зубы,—это вамъ дешево не пройдетъ.

Признаюсь откровенно, что я просто струсиль и отвѣчалъ запинаясь:

— Полковникъ, это, право, не я.

— Разказывайте, любезнѣйшій, разказывайте; у васъ еще и доспѣхи замѣчательнаго вашего искусства въ рукахъ.

Дѣйствительно, я не успѣлъ бросить мѣлъ и губку, отнятые мною у Перцова.

— Честью увѣряю васъ, полковникъ, что это не я чертилъ, сказалъ я, смущаясь болѣе и болѣе.

— Не вы, а ваша рука; постыдился бы лгать, по крайней мѣрѣ.

Я вздрогнулъ; обвиненіе во лжи я почиталъ всегда за самое тяжкое оскорбленіе.

— Не говорите этого, полковникъ, возразилъ я съ большимъ волненіемъ,—я никогда не лгу.

— Право! то-есть, вы не лжете, нѣтъ! но говорите неправду. Я начиналъ выходить изъ терпѣнія.

— Вы не имѣете права, полковникъ; заговорилъ я почти дерзко,—осуждать меня во лжи, не имѣя на то доказательства.

— Вотъ какъ! да вы еще, кажется, осмѣливаетесь грубить. А какія же у васъ доказательства, что это не вы нарисовали остроумное это изображеніе? Если это не вы, такъ назовите виновнаго. Вы дежурный, ваше дѣло смотрѣть за порядкомъ.

Я опустилъ глаза, не зная, что отвѣчать.

— Вотъ видите ли, закричалъ полковникъ, принимая молчаніе мое за сознаніе, — что вы лгунъ, лгунъ и къ тому же грубиянъ.

Кровь бросилась мнѣ въ голову, я швырнулъ въ сторону губку и мѣлъ и, возвышая также голосъ, сказалъ рѣшительно:

— Нѣтъ! не правда, я не лгунъ, ложь отвратительный порокъ. Не я нарисовалъ осла.

— Доказательства, доказательства! кричалъ полковникъ.

— Говорятъ вамъ, что не я!

— Это пустыя слова, представьте доказательства.

Я совершенно потерялъ голову, и у меня невольно сорвалось съ языка:

— Доказательства! доказательство весьма просто. Перцовъ рисовалъ, а не я.

Весь классъ ахнулъ отъ ужаса и негодованія. Я тотчасъ же опомнился, собралъ въ одно мгновеніе всю важность моего проступка въ отношеніи товарищества, и закрылъ лицо руками.

— Виновать, полковникъ, проговорилъ я взволнованнымъ голосомъ, — называя меня лгуномъ, полковникъ вывелъ меня изъ терпѣнія.

Но какъ описать чувство, которое мною овладѣло, когда я услышалъ твердый и спокойный голосъ Перцова: «Онъ вретъ, полковникъ, говорилъ этотъ голосъ, безсовѣстно вретъ.»

— Врегъ! вретъ, повторила бѣльшая часть класса.

Мною овладѣло бѣшенство, я бросился къ ближайшей скамьѣ и ухватилъ за горло перваго попавшагося мнѣ товарища.

Полковникъ и нѣсколько воспитанниковъ отбили у меня несчастнаго товарища, котораго я душилъ безъ пощады. Въ бѣшенствѣ я дѣлалъ усилія, стараясь кого-нибудь ухватить; но меня держали нѣсколько человекъ, осыпая бранью. Волненіе

мое достигло крайнихъ предѣловъ, однакожъ я могъ еще слышать слѣдующія слова :

— Но вѣдь кто-нибудь да рисовалъ? сказалъ голосъ полковника.

— Этого ужъ я не знаю, отвѣчалъ голосъ Перцова,—я слава Богу не фискалъ.

Тутъ со мной сдѣлалось дурно, я потерялъ всякое сознание, и меня унесли въ госпиталь.

На другой день полковникъ и самъ директоръ приходили меня увѣщевать. Директоръ прочелъ мнѣ длинную нотацію о злобредности лжи, вызывалъ къ чистосердечному сознанию, обѣщая смягчить заслуженное мною наказаніе и проч. и проч. Я упорно молчалъ, сознавая невозможность оправдаться.

Нѣсколько дней спустя, меня перевели въ темную на хлѣбъ и на воду и продержали тамъ болѣе мѣсяца, объяснивъ притомъ, что со мной поступаютъ весьма милостиво, потому что проступокъ мой заслуживаетъ исключеніе изъ корпуса.

При выходѣ моемъ изъ заточенія, классъ привѣтствовалъ меня страшнымъ свистомъ и позорнымъ названіемъ «фискала».

Кто не былъ въ общественномъ заведеніи, тотъ не знаетъ, какъ страшно это слово!

«Фискалъ», это—отверженное существо, несчастный прокляженный, отъ котораго всѣ сторонятся, и котораго дозволяется всѣмъ и каждому поносить безнаказанно.

Жизнь моя въ корпусѣ сдѣлалась рѣшительно невыносима; такъ что, наконецъ, тотъ же полковникъ, который былъ, такъ сказать, невинною причиною всѣхъ моихъ обѣдствій, посоветовалъ мнѣ выйдти изъ втораго класса.

Я послушался совѣта, и, не желая поступить въ армейскій полкъ, вышелъ по болѣзни къ штатскимъ дѣламъ.

V.

Дневникъ князя Пронскаго (продолженіе).

Я показывалъ первые листы дневника своего Юрію Александровичу. Онъ прочиталъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и совѣтовалъ продолжать, признавая его весьма полезнымъ для уясненія повода ненормальнаго моего состоянія.

— Знаете ли, сказалъ онъ мнѣ,—главную причину необузданнаго иногда (извините) стремленія вашего къ высказыванію правды? Это не что иное, какъ олицетвореніе въ вашемъ воображеніи жи, въ образѣ Аграфены Ивановны.

Я поблѣднѣлъ, услышавъ эти слова, потому что это суцная истина. Прозорливость Юрія Александровича изумила меня, и съ тѣмъ вмѣстѣ внушила къ нему большое довѣріе.

— Отвлеченные предметы, продолжалъ онъ,—никогда не имѣютъ такого вліянія, какъ предметы воплощенные. Въ нормальномъ состояніи человѣкъ рѣдко помышляетъ о дьяволѣ, напримѣръ; иной даже не совсѣмъ вѣритъ дѣйствительному его существованію; но случись кому-нибудь встрѣтиться лицомъ къ лицу съ врагомъ рода человѣческаго, что конечно почти невозможно, то повѣрьте, что страшный образъ никогда не выйдетъ изъ его памяти. Отъ воображаемаго этого лицемернаго происходитъ такъ-называемая демономанія, одна изъ многочислѣннѣйшихъ классификацій въ разрядѣ душевныхъ болѣзней. Отдѣлаться отъ олицетвореннаго какого-либо предмета, ссдѣланнаго болынымъ воображеніемъ, можно только посредствомъ систематическаго лѣченія или посредствомъ замѣны его другимъ олицетвореніемъ. Клинь клиномъ выгоняется, какъ говорится. Итакъ, продолжайте вашъ дневникъ, онъ поможетъ намъ во многомъ. Пока скажу только еще, что слабость, по которой человекъ напрашивается, такъ сказать, на обманъ, воображая, что все его любятъ, вещь почти такая же обыкновенная, какъ ненависть къ людямъ или мизантропія. Это также небольшая мѣра отъ плодовитаго, къ сожалѣнію, дерева душевныхъ болѣзней. Впрочемъ, мѣшать этой слабости грѣшно, потому что она представляетъ человѣку наслажденіе, тогда какъ мизантропія, при горя, ничего не приноситъ.

Последнія слова горестно отозвались въ моемъ сердцѣ, и живо напомнили мнѣ первую мою обличительную пошлугу. Последствія этой попытки имѣли такое пагубное вліяніе на судьбу матушки, что я внесу ихъ въ дневникъ, какъ свидѣтельство глубокой наблюдательности Юрія Александровича.

По выходѣ изъ корпуса, прежде чѣмъ поступить на гражданскую службу, я отправился въ Красные Пруды повидѣться съ матушкой.

Матушка очень обрадовалась мнѣ, приняла меня ласково, со слезами; но я вскорѣ замѣтилъ на лицѣ ея слѣды сдержаннаго, какого-то затаеннаго горя. Увидѣвъ, что подлѣ матушки

всегдашней неизбѣжной ея пріятельницы, я сдѣлалъ усиліе надъ самимъ собой и спросилъ сколь возможно равнодушно: «отъ чего не видать Аграфены Ивановны?» Вопросъ этотъ, кажется, смутилъ матушку; очевидно было, что она вовсе не ожидала его отъ меня. Однакожь она вскорѣ оправилась и сказала, принимая также равнодушный видъ: «Груша поѣхала на время въ свое имѣніе. Ты не знаешь, можетъ-быть, что Бѣловы прикупили земли и около сотни душъ.»

— Вы, вѣроятно, помогли имъ? спросилъ я, сохраняя совершенно равнодушный тонъ.

— Да! я дала кой-что, отвѣчала матушка, избѣгая моихъ глазъ.

— Отчего вы не передали имъ Выселковъ, какъ имѣли намѣреніе?

Матушка вздрогнула, посмотрѣла на меня и сказала жалобнымъ голосомъ:

— Послушай, Гриша! не мучь меня, пожалуста; я и такъ уже много выстрадала съ тѣхъ поръ, какъ ты возмутилъ мое спокойствіе странными твоими словами.

Я бросился цѣловать матушку и, стараясь разсѣять грустное настроеніе ея духа, говорилъ:

— Любезнѣйшая моя матушка, другъ мой сердечный, да чтѣ вамъ до чужихъ, до постороннихъ, скажите слово, и я останусь подлѣ васъ всю жизнь мою. Буду васъ любить, лелѣять, ходить за вами.

Матушка прослезилась, нѣжно поцѣловала меня, но сказала, однако, сквозь слезы:

— Ну, признайся, однако, Гриша, вѣдь ты во снѣ видѣлъ то, чтѣ ты тогда разказывалъ?

Слова эти точно обдали меня холодной водой, я припомнилъ предсказаніе бывшаго моего гувернера, и узналъ въ нихъ хитрую уловку Аграфены Ивановны. Сердце у меня сжалось, но я промолчалъ. Молчаніе мое огорчило матушку, и мы, въ первый день нашего свиданія, послѣ четырехлѣтней разлуки, разстались холодно.

Я узналъ отъ домашнихъ, что послѣ отправленія моего въ корпусъ, Аграфена Ивановна обращалась съ матушкой весьма неровно: то ласкала ее по-прежнему, то говорила ей колкости и дулась по цѣлымъ днямъ. Обращеніе это до крайности волновало любящее сердце матушки, и привело нервы ея въ совершенное расстройство. Она часто плакала, и, попережн-

но, то жаловалась всѣмъ и каждому на Аграфену Ивановну, называя ее неблагодарною, то перевозносила ее до небесъ, выставляя ее, какъ примѣръ преданности и добродѣтели.

Я пробылъ въ Красныхъ Прудахъ болѣе мѣсяца, въ теченіи коего Аграфена Ивановна не показывалась, извѣщенная, вѣроятно, о моемъ пребываніи. Матушку это тревожило, и отношенія наши становились съ каждымъ днемъ принужденнѣе.

Я, наконецъ, рѣшился объявить, что намѣренъ отправиться въ Петербургъ для поступленія на службу. Матушка не уговаривала меня остаться, а напротивъ замѣтила, что карьера моя требуетъ моего присутствія въ Петербургѣ; при этомъ случаѣ, она предложила снабдить меня рекомендательными письмами, и совѣтовала поступить подъ начальство двоюроднаго дяди, завѣдывающаго отдѣльнымъ управленіемъ на правахъ министра.

Черезъ нѣсколько дней я вновь простился съ матушкой, унося грустное убѣжденіе, что сыновней любви моей для нея недостаточно.

Рекомендательныя письма матушки имѣли полный успѣхъ. Гордый, недоступный мой дядя принялъ меня довольно пріятливо: тотчасъ же опредѣлилъ въ свою канцелярію на штатное мѣсто и назначилъ мнѣ значительное жалованье, въ чемъ я, впрочемъ, вовсе не нуждался. На замѣчаніе мое, что я въ жалованья не нуждаюсь, и что есть чиновники бѣдные и притомъ имѣющіе на то болѣе правъ, чѣмъ я, дядя мой отвѣчалъ покровительственнымъ тономъ, «что про то знаетъ онъ, и что от казеннаго жалованья никто не отказывается». Директоръ канцеляріи принялъ мое назначеніе, къ крайнему моему удивленію, съ восторгомъ; пожималъ мнѣ дружески руки, называлъ меня «любезнѣйшій мой князь» и утверждалъ, что «такихъ людей, какъ я (но почему же онъ зналъ, что я за человекъ?), надо выводить».

Новые мои сослуживцы приняли меня также, не скажу ласково, но подобострастно; при каждомъ словѣ величали «вашимъ сіятельствомъ», подставляли стулъ, предлагали чиненныя перья; каждое мое слово выслушивали со вниманіемъ, принимая какое-то сгорбленное, крючкообразное положеніе, и сладко улыбаясь. Я старался всѣми мѣрами сблизиться съ своими сослуживцами, старался приобрести ихъ довѣріе, дружбу; просилъ ихъ совѣтовъ, наставленій, но тщетно.

— Полноте, господа, со мною церемониться, говорилъ я съ

увлеченіемъ,—какое я для васъ сіятельство, я просто Григорій Пронскій, вашъ товарищъ и сослуживецъ. Будемте за просто дѣлиться мыслями и трудами.

— Помилуйте, ваше сіятельство... отвѣчали мнѣ съ ужимками.

Вотъ все, чего я могъ добиться. Это приводило меня въ такое раздраженіе, что я однажды, возвратясь домой послѣ новой неудачной попытки сблизиться съ товарищами, пустилъ сапогомъ въ безвиннаго своего камердинера, съ досадою проговоривъ: «убирайся ты къ чорту съ твоимъ сіятельствомъ.» Тотъ, разумѣется, не понялъ причины глупой моей выходки и продолжалъ честить меня сіятельствомъ.

Въ канцеляріи у насъ была особая комната съ каминомъ, зеркалами, бархатною мебелью и портьерами, исключительно предоставленная на случай пріѣзда главноначальствующаго. Дядя мой посѣщалъ канцелярію раза два или три въ недѣлю, и просиживалъ въ означенной комнатѣ часъ или полтора.

Каждый разъ онъ призывалъ меня и заставлялъ пересыпать пѣскомъ подписываемыя имъ бумаги.

Я исполнялъ высокую эту обязанность, стоя, почтительно отвѣчая на разспросы дяди, который, подписывая бумаги, такъ-сказать, машинально, пользовался случаемъ разспросить меня о препровожденіи времени. Однажды, окончивъ глубокомысленныя свои занятія, я собирался оставить кабинетъ и брася уже за замокъ дверей, когда дядя вновь подозвалъ меня къ себѣ ласковымъ движеніемъ руки и сказалъ, улыбаясь:

— Выходя отсюда, принимай болѣе серіозный, важный видъ. Это придастъ тебѣ вѣсъ и значеніе; пусть думаютъ, что ты здѣсь не нашутку занимаешься.

Я посмотрѣлъ на дядю, вѣроятно, не совѣмъ прилично, потому что онъ нахмурилъ брови и кивнулъ головой, указывая на дверь.

По непростительной, можетъ-быть, глупости я тотчасъ же разгласилъ о важности моихъ занятій къ кабинетъ главноуправляющаго, и хотя товарищи мои недовѣрчиво, двусмысленно улыбались; но дѣло разнеслось по канцеляріи, и слухи эти значительно повредили мнѣ во мнѣніи дяди, который съ того времени пересталъ призывать меня въ кабинетъ.

Не успѣвъ въ намѣреніи моемъ сблизиться съ сослуживцами, я желалъ, по крайней мѣрѣ, по возможности, быть полезнымъ для службы, и по этому случаю безпрестанно приставалъ къ директору, выпрашивая себѣ занятій.

— Помилуйте, любезнѣйшій князь, отвѣчалъ обыкновенно директоръ съ пріятною улыбкой,—что за усердіе? развѣ вамъ мало дѣла? и то, кажется, не манкируете; каждый день, слава Богу, ходите на службу, часа по два сидите, не выходя изъ отдѣленія, чего жъ вамъ больше?

Однако, по неотступнымъ моимъ просьбамъ, директоръ поручилъ мнѣ перевести на русскій языкъ довольно объемистую книгу изъ Наполеоновскихъ уложеній «de la cour des comptes», о счетоводствѣ.

Я очень обрадовался, и съ рвеніемъ принялся за работу. По неопытности въ дѣлѣ и по незнанію терминологіи, я провозился болѣе года за переводомъ.

Не знаю, принесъ ли трудъ мой какую-либо дѣйствительную пользу; но по окончаніи перевода я былъ вознагражденъ чиномъ за отличіе и, вдобавокъ, получилъ Анну въ петлицу (низшія степени Станислава находились въ то время въ изгнаніи).

Когда почтенный мой дядя возложилъ на меня, торжественно и собственноручно, пожалованный мнѣ орденъ, я покраснѣлъ не хуже ленточки, появившейся у меня въ петлицѣ. Впрочемъ, дядя приписалъ эту яркую краску чувству удовольствія.

Окончивъ особо-возложенное на меня порученіе, я сталъ ходить опять ежедневно въ канцелярію; но приходилъ туда около одиннадцати часовъ, почти одновременно съ директоромъ. Нужно сказать, что было неоднократно подтверждено всѣмъ мелкимъ чиновникамъ, не исключая помощниковъ столоначальниковъ, и даже самимъ столоначальникамъ, приходилъ на службу къ девяти часамъ. Конечно, и мнѣ бы слѣдовало строго исполнять это приказаніе, но я лѣнился, не любилъ рано вставать и, признаюсь откровенно, что въ этомъ случаѣ надѣялся таки на благосклонность директора.

Однажды я вошелъ въ переднюю въ одно время съ директоромъ; онъ видѣлъ, какъ я подѣхалъ къ подъѣзду, видѣлъ, какъ я снялъ пальто, слѣдовательно, не могъ сомнѣваться, что до его пріѣзда меня не было въ канцеляріи. Директоръ ласково со мною поздоровался, пожалъ руку, спросилъ, былъ ли я вчера у дядюшки, что тамъ дѣлалось и проч. Затѣмъ директоръ вошелъ въ канцелярію, принявъ грозный видъ и, обращаясь къ чиновникамъ, строго сказалъ: «Господа, вамъ было неоднократно подтверждено, чтобы вы приходили на службу къ девяти часамъ; я узнаю, что многіе изъ васъ являются на

прежде десяти и даже позже. Предупреждаю, что я этого не потерплю, въ службѣ требуется акуратность, и если это возобновится, то виновный будетъ посаженъ подъ арестъ, или уволенъ въ отставку.»

Я вспыхнулъ, потому что принялъ всю эту выходку на свой счетъ, однако воздержался отъ всякаго возраженія, и, отвѣсивъ низкій поклонъ, попросилъ у директора минуту аудіенціи. Директоръ привѣтливо мнѣ улыбнулся и попросилъ послѣдовать за нимъ въ кабинетъ.

— Ваше превосходительство, сказалъ я, сколь возможно мягко, — мнѣ очень непріятно, что я подвергъ товарищей моихъ незаслуженному выговору. Я прихожу позже всѣхъ, и одинъ я подлежу ответственности.

Директоръ схватилъ меня за обѣ руки.

— Чтò это вы, любезнѣйшій князь, сказалъ онъ почти взволнованнымъ голосомъ, — неужели вы приняли сдѣланный мною выговоръ на свой счетъ? Возможно ли? это совсѣмъ другое дѣло, у васъ есть другаго рода занятія.

— Извините, прервалъ я, — я окончилъ возложенное на меня порученіе.

— Хорошо! но все-таки это до васъ не касается; чтò вамъ дозволено, то, повѣрьте, мелкимъ чиновникамъ дозволить нельзя.

— Но и я также не крупный чиновникъ, возразилъ я, начиная терять терпѣніе.

— Полноте, любезнѣйшій князь, отвѣчалъ директоръ, вновь пожимая мнѣ руки, — пожалуста не принимайте этого къ сердцу, право не стбитъ! Повѣрьте моей опытности, тутъ есть (и онъ указалъ на комнаты канцеляріи) закоренѣлые ослушники, и ихъ слѣдуетъ проучить.

Слова эти окончательнò вывели меня изъ терпѣнія, и я сказалъ довольно дерзко:

— Чтò жъ вы меня не учите, ваше превосходительство?

Директора не много покорило, однакожъ онъ пожалъ мнѣ еще разъ руку и проговорилъ съ любезностію:

— Ну полноте, князь, успокойтесь пожалуста и приходите, въ котаромъ часу вамъ угодно.

Я сухо поклонился и вышелъ изъ кабинета, не возражая и не поблагодаривъ, разумѣется, за позволеніе. Мнѣ казалось, не знаю почему, что я виноватъ передъ своими сослуживцами, и что мнѣ слѣдуетъ непремѣнно какъ-нибудь да загладить

свою вину. Изыскивая средства, я ничего лучшаго не придумалъ, какъ просить дядю о переводѣ моемъ въ другой департаментъ, въ надеждѣ избавить, по крайней мѣрѣ, товарищей отъ неприятнаго зрѣлища явнаго предпочтенія, оказываемаго мнѣ куртизаномъ-директоромъ. Съ этою цѣлью я отправился къ дядѣ, и объявилъ ему, что въ канцеляріи оставаться не могу.

— Это отъ чего? спросилъ онъ съ недовольнымъ видомъ.

— Мало вамъ развѣ? Кажется, и чинъ и крестъ успѣли уже получить!

— Очень благодаренъ, дядюшка, отвѣчалъ я; — говоря по совѣсти, я ни того ни другаго не заслужилъ еще. Но вотъ причина, понуждающая меня просить васъ о перемѣщеніи.

И я разказалъ, какъ было дѣло. Дядя выслушалъ меня внимательно.

— Очень хорошо, сказалъ онъ, когда я кончилъ, — но я тутъ не вижу никакого повода для выхода твоего изъ канцеляріи.

— Но помируйте, дядюшка; обращаясь къ товарищамъ моимъ, директоръ зналъ, что и я въ числѣ виновныхъ...

— Впервыхъ, какіе они тебѣ товарищи, прервалъ дядя съ всмѣшливою улыбкой, — а вовторыхъ, если директоръ отличаетъ тебя отъ прочихъ, служащихъ въ моей канцеляріи, то итъ тутъ ничего удивительнаго, вѣдь ему, кажется, извѣстно, что ты мой двоюродный племянникъ.

И дядя гордо пріосанился.

— Мнѣ кажется, отвѣчалъ я довольно неучтиво, — что на службѣ не должно различать племянниковъ.

Однакоже дядюшка не разсердился, а проговорилъ довольно сухо:

— Любезный другъ, ты просто фанаберъ; впрочемъ, если тебѣ непременно угодно, то я переведу тебя въ департаментъ, и къ такому докѣ, у котораго ты не заѣвасешься; но предупреждаю, что съ 1.200 ты съѣдешь на 300 цѣлковыхъ.

— Благодарю васъ, дядюшка, что касается до жалованья, то мнѣ рѣшительно все равно, только бы не видать несправдливости.

— Ну, хорошо, хорошо, Мг. де-Камбасересъ.

Дѣло уладилось по моему желанію; но съ тѣхъ поръ, неизвѣстно почему, дядя называлъ меня постоянно Мг. де-Камбасересъ. Что онъ хотѣлъ этимъ выразить, я и до сихъ поръ не догадываюсь.

Новый мой директоръ оказался дѣйствительно большой

дока; весь департаментъ ходилъ у него по стрункѣ. Всѣ, не исключая и меня, являлись на службу къ девяти часамъ, и немудрено, потому что онъ самъ съ девяти часовъ сидѣлъ уже въ своемъ кабинетѣ. Меня онъ ничѣмъ не отличалъ отъ прочихъ и обращался со мной какъ со всѣми, признаться сказать, довольно сурово.

Дядя, который слѣдилъ, повидимому, за моими служебными похождениями, спросилъ у меня однажды, подсмѣиваясь :

- Ну, что братъ, каково тебѣ ?
- Ничего дядюшка, покуда хорошо.
- Подтянули небось тебя ?
- Нѣтъ, ничего ! не знаю, что будетъ дальше.

Дядя перемѣнилъ тонъ, потрепалъ меня по плечу и сказалъ съ нѣкоторою важностью :

— А вотъ что будетъ дальше: сиди только смиренно, продолжай служить, какъ служилъ; а къ новому году можно будетъ и въ камеръ-юнкеры представить.

Но мнѣ, вѣрно, не суждено было надѣть золотой мундиръ ! За нѣсколько недѣль до назначеннаго срока я получилъ извѣщеніе изъ конторы имѣнія нашего, что матушка опасно занемогла, и желаетъ, чтобъ я непременно пріѣхалъ съ нею повидаться. Я тотчасъ же взялъ отпускъ и поскакалъ въ деревню.

VI.

Дневникъ князя Пронскаго (продолженіе).

Какъ я ни скакалъ, какъ я ни торопился, но не засталъ уже матушки въ живыхъ. За нѣсколько только минутъ до моего пріѣзда, сказывали мнѣ, она испустила духъ. Я бросился въ комнату, припалъ къ теплой еще ея груди, и плакалъ навзрыдъ долгое время. У меня какъ будто оборвалось что-то въ сердцѣ; я обвинялъ себя въ эгоизмѣ, досадовалъ, что пробылъ три года въ отсутствіи, и терзался, что не успѣлъ принять послѣднее благословеніе матушки.

— Григорій Петровичъ, вдругъ тихо проговорилъ мягкій, заискивающий голосъ, почти у меня надъ ухомъ. Я повернулся и задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Передо мною стояла Аграфена Ивановна, которую я не видалъ со дня моего отъѣзда въ корпусъ.

По какому-то странному впечатлѣнію, вдругъ всё обстоятельство, послѣдовавшія за открытіемъ, сдѣланнымъ мною за перегородкой ключницы, промелькнули въ головѣ моей съ быстротою молніи, и мнѣ показалось, что передо мною стоитъ не Аграфена Ивановна, а страшный призракъ жи, порожденный моимъ воображеніемъ.

Я вскочилъ на ноги и, не спуская глазъ съ Аграфены Ивановны, спросилъ дрожащимъ голосомъ:

— Что вы здѣсь дѣлаете?

Аграфена Ивановна отступила два шага, окинула меня, по истинѣ, змѣинымъ взоромъ, и сказала, горько улыбаясь:

— Отлично вы меня вознаграждаете за мои неусыпные труды и попеченія во время болѣзни вашей матушки. Впрочемъ, я того и ожидала, продолжала она, утирая глаза;—вы хотѣли ослѣветать меня передъ покойницей; но она, дай Богъ ей царство небесное, знала чистоту моего сердца; много слезъ мы пролили вмѣстѣ, оплакивая ваше заблужденіе. Богъ съ вами, сократили вы драгоценные дни ненагляднаго моего сокровища.

При этихъ словахъ, отвратительная притворщица зарыдала и осмѣлилась осквернить своими лобзаніями не охладѣвшій еще трупъ постыдно обманутой ею жертвы.

Голова у меня закружилась, страшная злоба овладѣла моимъ сердцемъ, я испустилъ дикій крикъ, и силой оттащилъ лицемѣрку.

Съ Аграфеной Ивановной сдѣлалась истерика, ее вынесли изъ печальной комнаты, и въ тотъ же день она выѣхала изъ нашего дома.

До похоронъ я дѣйствовалъ автоматически; всё мысли мои сосредоточены были на приближавшихся разставаньяхъ съ прахомъ матушки. Я не отходилъ отъ гроба, и, казалось, хотѣлъ вымолить себѣ у покойницы благословеніе, которое не успѣлъ принять отъ живой.

На другой день послѣ похоронъ, я вошелъ въ комнату, въ которой скончалась матушка, желая помолиться передъ образами, которымъ она повѣряла сердечныя свои тайны и горести. Первый предметъ, бросившійся мнѣ въ глаза, было письмо, лежавшее на письменномъ столѣ и адресованное на мое имя. Въ предыдущіе дни, вслѣдствіе моей горести и моего волненія, я и не подумалъ взглянуть на этотъ письменный столѣикъ, который помѣщался въ углу спальни.

Я распечаталъ письмо, оно было отъ матушки; но писано подъ диктовку писарскою рукой.

«Другъ мой, Гриша! сказано было въ письмѣ, чувствую, что не дождусь тебя; силы мои быстро упадаютъ. Сегодня ночью я призвала писаря Степана и продиктовала ему эти строки. Не осуждай себя въ преждевременной моей смерти, такъ было видно суждено! Я возгордилась, но еслибы ты зналъ, какъ сладко вѣрить въ любовь преданнаго сердца! Сомнѣніе, возбужденное тобой, истерзало мое сердце. Мнѣ не хотѣлось осудить въ клеветѣ родное мое дѣтище, и я не могла повѣрить лукавству женщины, столько лѣтъ доказывающей мнѣ безкорыстную свою преданность. Колебаніе это разстроило меня совершенно. Груша клялась еще сію минуту передъ образомъ, что все, о чемъ ты говорилъ, приснилось тебѣ отъ усталости и разстроеннаго воображенія. Другъ мой! утѣшь твою мать и передай, въ память ея, извѣстные тебѣ Выселки въ вѣчное и потомственное владѣніе бѣдной женщинѣ, которую ты, конечно, нехотя, но глубоко также огорчилъ.»

Письмо это написано было за два дня до кончины матушки; она еще была въ силахъ кой-какъ его подписать, и я не могъ сомнѣваться, что подпись, дѣйствительно, собственнаго ея почерка.

Прочитавъ письмо, я долго сидѣлъ какъ пораженный громомъ; меня преслѣдовала мысль, что матушка унесла въ могилу сомнѣніе о моей правдивости. «Боже мой, говорилъ я въ отчаяннн, какъ же изобличить ложь и притворство! За что же я страдаю, мучусь за правду! Желая оградить матушку отъ лицемерія, я отравилъ ея жизнь и сократилъ ея дни. Неужели намѣреніе мое было преступно?»

Подъ гнетомъ страшныхъ этихъ сомнѣній, я чувствовалъ, что разумъ мой колеблется. Я страдалъ, невыносимо страдалъ, и не могъ придумать исхода моимъ страданіямъ. Въ это время пришли мнѣ сказать, что уѣздный судья желаетъ меня видѣть. Полагая, что это по дѣламъ покойной матушки, я, по возможности, оправился отъ волненія и вышелъ въ гостиную. Къ удивленію моему, я увидѣлъ тамъ г. Бѣлова, мужа Аграфены Ивановны. Встрѣча эта была мнѣ до крайности непріятна; но избѣжать ее не было никакой возможности.

— Ваше сіятельство, сказалъ Бѣловъ, офиціальнымъ голосомъ, — вамъ, можетъ, еще неизвѣстно, что мнѣ сдѣлалась честь, избрать меня уѣзднымъ судьей.

Я молча поклонился.

— Я выждалъ исполненія вами печальнаго вашего долга, продолжалъ судья, — для настоящаго объясненія. Вы изволили, ваше сіятельство, оскорбить жену мою; оклеветать ее предъ покойницей, вы....

— Позвольте, милостивый государь, прервалъ я, — не продолжайте, пожалуйста, обвинительныхъ вашихъ пунктовъ. Я сейчасъ прочелъ письмо, продиктованное матушкой моею за два дня до ея смерти. Она желаетъ, чтобъ я отдалъ въ вѣчное и потомственное владѣніе супруги вашей 200 душъ, находящихся въ Выселкахъ.

Лице судьи просіяло.

— Воля покойной матушки для меня священна; но вы, конечно, знаете, что по закону письмо это не имѣетъ никакой силы.

Судья нахмурился.

— Однакожъ, я согласенъ тотчасъ же подписать дарственную, если вы меня, съ своей стороны, утѣшите и признаетесь, что слышанное мною изъ-за перегородки не есть выдумка или клевета.

Судья вскочилъ со стула.

— Помилуйте, ваше сіятельство, заговорилъ онъ жалобнымъ голосомъ, — повѣрьте, что это тогда приснилось дѣтскому вашему воображенію. Помилуйте, любовь наша, преданность къ покойной вашей матушкѣ, къ вамъ, ваше сіятельство, неизмѣнны... видитъ Богъ...

— Г. Бѣловъ, прервалъ я, — умоляю васъ, успокойте меня, успокойте тѣнь матушки, признайтесь! ради самого Бога признайтесь!

— Что это, ваше сіятельство, возопилъ судья, — возможно ли это! ничего подобнаго намъ и въ мысль не приходило. Клянусь всѣми святыми, клянусь дѣтьми моими...

Человѣкъ этотъ мнѣ сталъ невыносимо гадокъ.

— Хорошо, сказалъ я съ глубочайшимъ презрѣніемъ, — ступайте, завтра я подпишу дарственную; примите мѣры, чтобъ ее засвидѣтельствовали законнымъ порядкомъ.

Судья бросился-было цѣловать меня, но я отвелъ его рукой, и вышелъ изъ комнаты, не удостоивъ его взглядомъ.

Пока я уходилъ, подлый этотъ человѣкъ повторилъ нѣсколько разъ:

— Какъ намъ благодарить, ваше сіятельство! на вѣки семью обезпечили. Благодаритель нашъ! дай Богъ вамъ здоровья.

На другой день я пошелъ въ узданный нашъ городъ отыскать какого-нибудь дѣльца, для составленія дарственной записи. Мнѣ привезли нѣкоего господина Четвергова, служащаго повытчикомъ въ магистратъ. Въ жизнь свою, ни до того времени, ни въ послѣдствіи, я не встрѣчалъ человѣка, котораго фигура, ужимки, костюмъ и рѣчи выражали бы съ такимъ полнымъ совершенствомъ все существо голоднаго сутяги. Поношенный сюртукъ Четвергова, съ плюсовымъ воротникомъ и длинными фалдами, лоснился по всѣмъ швамъ; сапоги его, частью дырявые, частью съ заплатами, казалось, служили ему съ незапамятныхъ временъ; присутствія бѣлья вовсе не было замѣтно; а вокругъ шеи намотана была истертая, полинялая, нѣкогда лиловаго цвѣта косынка. Густые черные съ просѣдью волосы Четвергова росли по волѣ Божіей; потускнѣлые, вѣчно плачущіе глазки лукаво подмигивали; давно небритая борода щетинилась. Садясь на кончикъ стула, Четверговъ поджималъ ноги, и безпрестанно откашливался въ кулакъ, выставляя при этомъ на показъ покрытую волосами и веснушками, не совсѣмъ опрятную руку.

— Я желалъ бы составить дарственную запись, сказалъ я повытчику, когда онъ послѣ продолжительныхъ отговорокъ рѣшился сѣсть на кончикъ стула. Четверговъ откашлянулся и отвѣчалъ охриплымъ, надтреснутымъ голосомъ:

— Можно-съ, ваше сіятельство; но сами вы, ваше сіятельство, изволили быть введены во владѣніе имѣніемъ, послѣ кончины покойной вашей матушки?

— Нѣтъ! но это я думаю излишне; Красные Пруды — имѣніе родовое, а я прямой, законный и притомъ единственный наследникъ покойницы матушки.

— Нужны доказательства, ваше сіятельство, повсемѣстное объявленіе, вызовъ кредиторовъ, ну и еще тамъ кой-какія формальности-съ.

— Досадно! это будетъ продолжительно, а мнѣ хотѣлось бы поскорѣй покончить, насчетъ дарственной.

Повытчикъ покосился какъ-то въ сторону:

— Можно сократить-съ, ваше сіятельство, сказалъ онъ, прикрывая ротъ и откашливаясь. — Осмѣлюсь спросить, который годъ вашему сіятельству?

— На дняхъ минулъ двадцать первый годъ.

— Такъ значитъ, въ попечительскомъ согласіи не нуждается, ваше сіятельство? Не нужны доказательства-съ, метрическое свидѣтельство представить слѣдуетъ-съ.

— Но у меня его нѣтъ здѣсь, оно должно быть въ Петербургѣ; я даже, право, не знаю, гдѣ оно? представилъ ли я его при опредѣленіи моемъ на службу, или оставилъ въ штабѣ учебныхъ заведеній.

Четверговъ какъ-то двусмысленно улыбнулся.

— Не извольте беспокоиться, ваше сіятельство, сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія.—Угодно мнѣ поручить-съ, все справимъ. Вѣдь вы въ здѣшнемъ приходѣ, помнится, и отъ купца воспріятія получить изволили?

Я кивнулъ головой, въ знакъ подтвержденія.

— Недѣльки три сроку положите, ваше сіятельство, продолжалъ повытчикъ,—я и въ губернію съѣздить могу, и все къ удовольствію вашего сіятельства устроить могу; конечно, прибавилъ онъ, улыбаясь всею фигурой и показывая черные, рѣдкіе зубы,—расходцы кой-какіе понадобятся.

— Объ этомъ не беспокойтесь сказалъ я, желая поскорѣй отдѣлаться.—Вамъ въ конторѣ выдадутъ что слѣдуетъ.

Повытчика подернуло отъ удовольствія.

— А насчетъ проекта дарственной, какъ же прикажете, ваше сіятельство, спросилъ онъ,—покрѣпче что ли сдѣлать? а такъ, съ походцемъ.

— Я васъ не понимаю. Я хочу отдать, по дарственной записи, Выселки, съ принадлежащими къ нимъ 200 душами.

— Слышу, ваше сіятельство, я спрашиваю, какъ прикажете, на чистоту проектецъ сдѣлать-съ, чтобы крѣпко было; а то можно, извините, ваше сіятельство, и повытчикъ осклабился,—можно и крючекъ вернуть.

— Нѣтъ, пожалуста, безъ крючковъ, сказалъ я, вставая:—впрочемъ, вы представите мнѣ черновой проектъ, а теперь потрудитесь зайти въ контору, я пошлю туда приказаніе снабдить васъ чѣмъ слѣдуетъ.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ повытчикъ, униженно раскланиваясь.

Съ тѣхъ поръ я вошелъ въ сношеніе съ пріятною личностію господина Четвергова, и въ продолженіи трехъ недѣль подписывалъ кучу бумагъ, написанныхъ варварскимъ, такъ называемымъ дѣловымъ слогомъ.

Повытчикъ часто выводилъ меня изъ терпѣнія своимъ

крючкотворствомъ, и я разъ какъ-то замѣтилъ ему, что у него престранныя, плутовскія какія-то понятія. Четверговъ не только что не обидѣлся моимъ замѣчаніемъ, но, напротивъ, улыбнулся-съ видимымъ удовольствіемъ, потеръ грязныя свои руки и проговорилъ почти съ гордостью: «Да-съ, ваше сіятельство, на счетъ того, то-есть плутовства, никому не уступимъ-съ! любаго крючкотвора-съ проведемъ.» Странное самолюбіе! подумалъ я; удивительное благоустройство общества, въ которомъ образуются такія понятія, и вырабатываются такія личности. Наконецъ, послѣ публикацій, заявленія моихъ правъ, ввода во владѣніе, и пр. и пр., Четверговъ представилъ мнѣ черновой проектъ дарственной записи.

Желая совершить дѣло *крѣпко* и безъ крючковъ, какъ выражался повытчикъ, и не довѣряя въ этомъ отношеніи Четвергову, который въ состояніи былъ включить въ запись, единственно въ силу привычки, разныя *походцы*, какъ онъ говорилъ, я послалъ черновую при запискѣ къ самому Бѣлову.

Судья отвѣчалъ мнѣ на четырехъ страницахъ, испещренныхъ благодарственными выраженіями; но включилъ въ черновую цѣлый хвалебный параграфъ въ честь своей супруги. Въ силу этого параграфа, Выселки передавались Аграфенѣ Ивановнѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе, въ ознаменованіе безпредѣльной ея преданности, неусыпныхъ попеченій, и пр. и пр. Наглость эта до крайности меня раздражила, однако я удовольствовался уничтоженіемъ параграфа, совершилъ запись, и дѣло это было покончено.

Замѣчательно, что ни Бѣловъ, ни жена его, не пріѣхали даже поблагодарить меня, и что со дня ввода ихъ во владѣніе Выселокъ, достойныя супруги стали почти открыто дѣйствовать противъ меня.

Между тѣмъ, мною болѣе и болѣе овладѣвало какое-то тяжелое уныніе. Я не вдавался въ мизантропію, но упалъ духомъ съ каждымъ днемъ, не довѣряя собственнымъ силамъ и не предвидя возможности бороться съ человѣческою неправдой. Мнѣ пришло въ голову, что я рѣшительно не способенъ жить въ обществѣ; что безпрестанное столкновеніе съ людьми, превратно, по моему мнѣнію, понимающими законы чести и справедливости, поведетъ меня къ ужаснымъ несчастіямъ, и что мнѣ лучше посвятить себя уединенной, деревенской жизни, чѣмъ. выказывать свою неспособность на служебномъ поприщѣ и въ свѣтскомъ кругу петербургскихъ обитателей.

Вслѣдствіе этого настроенія духа, я рѣшился подать въ отставку, и несмотря на увѣщанія дяди и золотыя горы, или вѣрнѣе, золотыя мундиры, обѣщаемыя мнѣ въ будущности, я остался въ Красныхъ Прудахъ.

VII.

Дневникъ князя Пронскаго (продолженіе).

Не желая оставаться празднымъ, я занялся хозяйствомъ. Управленіе матушкино, признаться должно, нельзя было назвать примѣрнымъ. Многочисленная дворня, ничѣмъ не занятая, предавалась только праздношатанію, сплетнямъ, безпрестаннымъ ссорамъ; разводила куръ, свиней, барановъ, гусей и утокъ на барскомъ корму, и строила безчисленное множество клѣтушковъ, которые лѣпились повсюду и подползали даже къ воротамъ господскаго двора.

Прикащикъ, изъ мѣщанъ сосѣдняго города, былъ челоуѣкъ совершенно необразованный, а между тѣмъ управлялъ вотчиной самовластно.

Иванъ Петровъ (котораго матушка моя называла не иначе, какъ Иванушка) ходилъ въ кучерскомъ зипунѣ, со складками на талии и вырѣзнымъ воротомъ; носилъ сапоги со скрипомъ; но брилъ бороду и сморкался иногда въ клѣтчатый бумажный платокъ. Прикащикъ получалъ всего только триста рублей ассигнаціями жалованья, что не мѣшало ему одѣвать супругу свою (толстую, претолстую женщину) въ штофныя платья, а малолѣтнихъ дѣвочекъ, которыхъ было у него съ полдюжины, наряжать въ вышитыя панталончики, въ торжковскіе кушачи, и въ шелковыя мантиліи яркихъ цвѣтовъ. Иванъ Петровъ былъ большой охотникъ до лошадей, и держалъ всегда на барской конюшнѣ нѣсколько паръ, которыхъ онъ и покупалъ, и сбывалъ, послѣ надѣжащей выкормки, на Лебедянской ярмаркѣ. Прикащикъ имѣлъ привычку говорить весьма вычурно, такъ напримѣръ, онъ утверждалъ, что во всей Европѣ цѣны на хлѣбъ падаютъ или возвышаются одновременно; или, что томары, совокупно *подвизающіеся* густымъ облакомъ, предназначаютъ изобиліе яроваго, и пр. и пр. Агрономическія познанія Ивана Петрова ограничивались довольно точными свѣдѣніями

о своевременности посѣвовъ. По части сѣвооборотовъ, онъ признавалъ только трехпольную систему, и, отъываясь о травосѣяніи, утверждалъ, что это богохульство, потому что Богъ-де самъ знаетъ, сколько травы нужно.

Въ конторѣ я не нашелъ ни рекрутской очереди, ни списка поборовъ и крестьянскихъ долговъ, ни книги о нарядахъ. Приказчикъ утверждалъ, что всѣ эти *нарядныя* книги, какъ онъ выражался, выдуманы для *блезиру* немѣцкою *выхоухлюю*, и что для мужицкаго обихода достаточно и бирочекъ.

Дѣйствительно, какъ наряды, такъ и приемы или ссуды, означались на биркахъ, удобопонятныхъ однимъ десятскимъ, разбившимъ ихъ съ увѣренностью, какого-нибудь Шамполіона junior, мудраго толкователя египетскихъ іероглифовъ.

Грѣшно показалось мнѣ оставить и хозяйство, и управление вотчины въ подобномъ видѣ, и я принялся хозяйничать, по крайнему моему уразумѣнію. Должно признаться однакоже, что я не зналъ въ точности, какъ приняться за дѣло съ практической стороны. Въ агрономическихъ занятіяхъ и нововведеніяхъ, я принималъ за руководство Тера, а для прочаго руководствовался собственными умозрѣніями, или вѣрнѣе сказать, фантазировалъ. Такъ на примѣръ, для дворовыхъ и даже крестьянскихъ дѣтей, я завелъ школу и, желая способствовать смягченію правовъ, учредилъ въ ней музыкальный классъ. Для взрослыхъ дворовыхъ обоюго пола, я отвелъ пространную залу, и желая занять ихъ чѣмъ-нибудь, во избѣжаніе совершеннаго тунеядства, собиралъ ихъ по вечерамъ и заставлялъ слушать назидательныя чтенія. Кажется, нововведенія эти не имѣли ничего дурнаго сами по себѣ, а между тѣмъ они произвели сильное волненіе въ вотчинѣ, и весьма неприязненные для меня толки въ околоткѣ. Стали поговаривать, что у меня умъ за разумъ заходитъ.

Агрономическіе мои опыты имѣли еще худшія послѣдствія. Вычитавъ въ Терѣ, что глубокая пашня необходимое условіе богатой хлѣбпроизводительности, я уничтожилъ сохи и ввелъ плуги, требуя пяти и шести вершковои пахоты. Въ большей части земель растительный слой оказался не такъ глубокъ, плуги выворотили подпочву или такъ-называемую мертвую землю, не проникнутую еще кислородомъ, и на моихъ поляхъ первое время рѣшительно ничего не родилось.

Вдобавокъ, я ввелъ разомъ многопольный сѣвооборотъ; во-все уничтожилъ паръ, и такъ какъ сѣянная трава у меня не

удалась, то, по недостатку корма, скотина голодала. Кромѣ этого, при ломкѣ полей, я не сообразилъ какъ слѣдуетъ, и прогонъ скота пришелся какъ разъ черезъ застынныя поля.

Я упоминаю объ этихъ неудачахъ, потому что онѣ были важныя для меня послѣдствія, и послужили врагамъ моимъ исходною точкою для возведенныхъ на меня обвиненій.

Желая поближе ознакомиться съ моими крестьянами, узнать ихъ нужды и ихъ образъ мыслей, я часто собиралъ сходки и бесѣдовалъ съ народомъ по нѣсколькимъ часамъ вѣсело. Я просилъ, требовалъ прежде всего полной откровенности и совершенной правдивости. «Ложь, говорилъ я однажды, нечестива, у нея змѣиный языкъ и зеленые, огненные глаза». Мужички посматривали другъ на друга и, вѣроятно, не совсѣмъ понимали представляемое имъ изображеніе. Разъ я увлекся и сказалъ, что мы всѣ дѣти одного отца, что всѣ мы созданы по образу или подобію Божіему, и что должны все дѣлать, и горе и нужды пополамъ.

Въ концѣ сходки одинъ мужичокъ попросилъ у меня лѣску, другой хлѣбушка, третій коровки, четвертый лошадку и т. д. Я былъ въ такомъ настроеніи духа, что не могъ отказать, и съ тѣхъ поръ каждая сходка оканчивалась обильными съ моей стороны пожертвованіями.

Откровенность, къ которой я часто взывалъ, понята была превратно; нерѣдко, въ самую страду, то-есть въ самую горючую рабочую пору, мужички откровенно признавались, что работа имъ трудна, и я, по мягкосердечію, отпускалъ ихъ съ поля. Къ этой уловкѣ прибѣгали предпочтительно бабы во время жатвы, и хотя я требовалъ, чтобы замѣсто десяти или двѣнадцати ихъ ставили по двадцати на десятину, но тѣмъ не менѣе, сознавая дѣйствительную тяжесть этого труда, отпускалъ ихъ нерѣдко съ поль-урока.

Подобный способъ управленія, можетъ-быть, и не заслуживаетъ похвалы; но вѣдь это клонилось только ко вреду собственныхъ моихъ интересовъ, такъ мнѣ казалось по крайней мѣрѣ; однако враги мои рассуждали иначе.

Однажды поѣхалъ меня исправникъ и, зачавъ издалека, свелъ рѣчь на мое хозяйство:

— У васъ новыя порядки, ваше сіятельство, завелись, сказалъ онъ, пріятно улыбаясь;—крестьянскія дѣти польки разгрызають.

— Чтѣ жь тутъ дурнаго? спросилъ я хладнокровно.

— Дурнаго ничего нѣтъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ исправникъ,—но не въ обычаяхъ, знаете. Поговаривать начали въ околоткѣ. Офранцузить-молъ народъ хотите, ваше сіятельство, вотъ что говорятъ. Отъ обычаевъ, говорятъ, и до вѣры недалеко.

— Что за вздоръ? возразилъ я, размѣявшись.

— Разумѣется, вздоръ! а вотъ что я хотѣлъ сказать, ваше сіятельство. На сходкахъ вы говорить изволите ужъ слишкомъ откровенно, и сходки-то ужъ больно часто собираете. Это ужъ посеріознѣе дѣло.

Дѣйствительно, разговоръ становился серіознѣе, и я не понималъ, по какому праву исправникъ вмѣшивается въ домашнія мои, такъ сказать, распоряженія.

— Я полагаю, что по закону не запрещается мнѣ собирать крестьянъ и бесѣдовать съ ними, замѣтилъ я, сохраняя еще хладнокровіе.

— Конечно, ваше сіятельство; но рѣчи ваши волнуютъ народъ, вотъ что не хорошо, ваше сіятельство.

Я понялъ, что исправникъ не просто такъ говоритъ, и спросилъ его ужъ довольно сухо:

— Скажите, пожалуйста, вы отъ себя это мнѣ говорите или по порученію кого-либо.

— Какъ бы вамъ сказать, ваше сіятельство, отвѣчалъ исправникъ, нѣсколько заминаясь,—и отъ себя и не отъ себя. Обязанность моя, конечно, наблюдать за спокойствіемъ уѣзда; но, признаться сказать, что и господинъ исправляющій должность предводителя дворянства обратили вниманіе на вышереченныя обетоятельства.

— А кто же исправляетъ должность предводителя? спросилъ я, воздерживаясь отъ вспышки.

— Господинъ уѣздный судья, ваше сіятельство.

— А, понимаю! господинъ Бѣловъ. Такъ скажите ему отъ меня, чтобъ онъ не осмѣливался вмѣшиваться въ мои дѣла, а смотрѣлъ бы получше за своею супругой, у которой змѣиный языкъ, чертовскіе глаза и кошачьи когти, такъ и скажите! Слышите?

Исправникъ совершенно сконфузился и сказалъ, вставая:

— Однако, извините, ваше сіятельство, вы слишкомъ рѣзко отзываетесь о супругѣ господина исправляющаго должность предводителя. Дама она у насъ заслуживающая всякаго уваженія.

— Повѣрьте, господинъ исправникъ, возразилъ я запальчиво, — что я очень хорошо знаю, какого рода уваженія она заслуживаетъ.

Мы разстались съ исправникомъ очень холодно, и я имѣлъ случай убѣдиться въ послѣдствіи, что разговоръ нашъ не остался между нами.

VIII.

Дневникъ князя Пронскаго (продолженіе.).

20 іюля.

Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь въ мирномъ нашемъ убѣжищѣ, я былъ потревоженъ ночью какими-то пронзительными криками. Ужасъ, возбужденный во мнѣ этими криками, разбудилъ меня, я раскрылъ глаза и, къ изумленію, замѣтилъ, что комната моя освѣщена какимъ-то таинственнымъ полусвѣтомъ. Фантастическій этотъ полусвѣтъ и страшные крики, постепенно удалявшіеся, произвели на мое воображеніе потрясающее впечатлѣніе. Объятый какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ, я выскочилъ изъ постели, и тогда только замѣтилъ, что таинственный свѣтъ происходитъ отъ весьма естественной причины; а именно, отъ небольшой лампы съ неполюсованномъ стекломъ, спускаемой, вѣроятно, съ потолка, по случаю наступающихъ темныхъ ночей. Мѣра эта принята, безъ сомнѣнія, на слѣдующихъ основаніяхъ: во первыхъ, для того, что мракъ способствуетъ къ развитію призраковъ въ взволнованномъ воображеніи; во вторыхъ, чтобы больные не могли произвольно затушить лампы; а въ третьихъ, чтобы дежурные надзиратели могли постоянно наблюдать за тѣмъ, что происходитъ въ дортуарахъ.

Хотя крики, встревожившіе меня, совершенно уюмкли; но они долго звучали у меня въ ушахъ. По какому-то сѣмленію запутанныхъ логическихъ выводовъ, мнѣ казалось, что участь моя тѣсно связана съ тѣмъ, что происходило въ сосѣднемъ номерѣ. При этой мысли сердце мое болѣзненно сжималось, и я заливался горькими слезами.

Утромъ, при свиданіи съ вахмистромъ, я замѣтилъ, что онъ блѣднѣе, серіознѣе обыкновеннаго, и что усы его какъ-то особенно щетинятся.

— Скажи пожалуйста, Бубновъ, спросилъ я,—что это происходило сегодня ночью у насъ на половинѣ?

Вахмистръ посмотрѣлъ на меня недоувѣрчиво:

— Все будешь знать, голубчикъ ты мой, скоро состаришься, отвѣчалъ онъ, положивъ мнѣ на голову, съ свойственною ему добросердечною фамилярностію, могучую свою руку. — Но будь спокоенъ, ваше сіятельство, прибавилъ онъ съ полнымъ убѣжденіемъ, — тамъ, гдѣ присутствуетъ лично его высокородіе, тамъ, кромѣ богоуднаго дѣла, ничего и быть не можетъ.

Мнѣ показалось, что отъ руки вахмистра исходитъ живительная какая-то прохлада.

— Часто кладешь ты эдакъ руку на голову больныхъ? спросилъ я, улыбаясь.

— А то какъ же успокоить Божьяго человѣка? отвѣчалъ Бубновъ, какъ будто и дѣйствительно это вѣрное средство. — Кому нужно, тому и положу, прибавилъ онъ, снимая руку съ головы моей,—а меня извини, голубчикъ ты мой, я такъ, по простотѣ, любя, значить, приласкалъ тебя. Ты вотъ, ваше сіятельство, займись лучше своимъ дѣломъ, сказалъ онъ указывая на письменный столъ;—утро сегодня сѣренькое, гулять тебѣ, я чай, не годится; а я такъ вотъ отправлюсь на ферму, тамъ сегодня наши изъ четвертаго (вѣроятно, разряды или отдѣленія) паръ поднимають. Пойди присмотрѣть за работами; прощенья просимъ, голубчикъ ты мой.

И Бубновъ удалился, посмотрѣвъ на меня съ невыразимою лаской и благодушіемъ. Какъ подумаешь, до какой степени можетъ быть полезенъ самый простой, необразованный человѣкъ, если онъ только руководствуется искреннею любовію къ ближнему! Мысль, что, въ случаѣ бѣды, какой-нибудь добрякъ вахмистръ не оставитъ меня своими попеченіями, значительно меня успокоила, и это подаетъ мнѣ возможность опять приняться за дневникъ или за исповѣдь, послѣднее выраженіе, кажется, приличнѣе.

Посѣщеніе исправника имѣло вредное на меня вліяніе. Я сталъ до крайности недоувѣрчивъ; мнѣ казалось, что козни враговъ моихъ опутали меня со всѣхъ сторонъ. Во всѣхъ приближенныхъ ко мнѣ я видѣлъ шпионовъ, зорко слѣдящихъ за всѣми моими поступками. Мнѣ случалось спрашивать вдругъ камердинера моего или даже прохожаго мужика: «Зачѣмъ ты на меня такъ пристально смотришь?» Домъ мой опротивѣлъ мнѣ; даже кабинетъ казался мнѣ не надежнымъ убѣжищемъ, и я

часто уходилъ въ лѣсъ, забирался въ самую чащу, и оставался тамъ по нѣскольку часовъ кряду.

О посѣщеніи сосѣдей я и не думалъ, разумѣется, и это не мало способствовало къ возбужденію противъ меня всеобщаго негодованія.

Однажды, это было въ началѣ іюня мѣсяца, я забрался такимъ образомъ далеко въ лѣсъ и, блуждая безъ цѣли, перешелъ границу собственныхъ владѣній и зашелъ въ хорошенькую березовую рощицу, мнѣ не принадлежавшую.

Погода стояла чудесная, время клонилось къ вечеру; жара начала спадать, упоительная прохлада подымалась отъ пахучей травы, ни единый листъ въ рощѣ не шевелился, птицы голосили безъ умолку. У меня какъ-то отлегло на душѣ; я съѣлъ на пень, укрывшійся въ густомъ кустѣ жимолости, и сладко задумался, забывая на минуту тревожившія меня опасенія. Вдругъ, я услышалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня свѣжій женскій, пріятный голосъ, напѣвавшій, очень вѣрно, модный нѣкогда романсъ: *Кисейный рукавъ*.

Я такъ давно не слышалъ въ то время мелодическихъ звуковъ, такъ отвыкъ отъ интонаціи образованнаго женскаго голоса, что у меня сердце забилося, какъ будто я слышалъ что-то небывалое, переносящее меня къ болѣе пріятной эпохѣ моей жизни. Я осторожно раздвинулъ кустъ, и увидѣлъ въ двухъ или трехъ шагахъ отъ себя молоденькую, довольно красивую дѣвушку, съ плетеною корзиночкой на рукѣ, до половины наполненною сочными ягодами крупной лѣсной земляники. Дѣвушка одѣта была просто, но довольно изящно: легкое кисейное платье сидѣло на ней ловко, и хорошо обрисовывало стройную ея талію. Ничѣмъ не покрытые бѣлокурые волосы, кромѣ зонтика, который она, войдя подъ тѣнь деревьевъ, бросила раскрытымъ на траву, доказывали, что дѣвушка находится недалеко отъ своего жилища.

Я засмотрѣлся, задумался и совсѣмъ забылъ, что поступаю нескромно, подсматривая за дѣвушкой, которая не подозреваетъ присутствія чужаго человѣка, и, будучи у себя дома или, по крайней мѣрѣ, въ рощѣ, прилегающей, вѣроятно, къ ея саду, имѣеть право предполагать, что никто за нею не подсматриваетъ. Когда я вспомнилъ объ этомъ, было уже поздно: глаза наши встрѣтились, дѣвушка отрывисто прервала свое пѣніе, до ушей вспыхнула, быстро выпрямилась, поспѣшно подняла раскрытый зонтикъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, подо-

бравъ платьѣ, по направленію къ опушкѣ рощи, крикнула звонкимъ голосомъ:

— Лиза, Лиза! гдѣ ты?

Однако разсудивъ, что мнѣ не мѣшаетъ извиниться, я вышелъ изъ своей засады, приблизился къ дѣвушкѣ и поклоняся учтиво:

— Извините, пожалуйста, сказалъ я, — мнѣ очень совѣстно, что я васъ испугалъ, кажется.

Дѣвушка взглянула на меня довольно смѣло.

— Нѣтъ ничего, отвѣчала она, отворачиваясь и смотря въ даль,—я только не знала, что чужіе ходятъ къ намъ въ рощу.

«Это, что называется не въ бровь, а въ глазъ!» подумалъ я.

— Еще разъ прошу извинить меня, сказалъ я, сколь возможно учтивѣе.—Я увлекся прогулкой и, переходя съ одной поляны на другую, незамѣтно очутился въ прелестной вашей рощицѣ.

Въ это время здоровая горничная, какъ ракъ разкраснѣвшаяся, подошла къ намъ и, не сводя съ меня любопытнаго, смѣлаго взора, спросила у дѣвушки:

— Чтò вамъ, барышня? али ужь домой собрались? Рано еще, Надежда Николаевна, прибавила она, утирая лицо шейнымъ платкомъ,—теперича самая пора ягоды брать, такъ и выглядываютъ изъ-подъ травки.

Надежда Николаевна, какъ назвала ее горничная, не отвѣчала на это увѣщаніе; но вдругъ обратилась ко мнѣ и спросила безъ всякой жеманности или застѣнчивости:

— А вы откуда пришли?

— Изъ *Пронскихъ лѣсовъ*, какъ ихъ здѣсь называютъ.

— Слѣдовательно въ Красныхъ Прудахъ были?

— Точно такъ, отвѣчалъ я, приподымая опять шляпу.

Дѣвушка немного помолчала и потомъ спросила, посматривая на меня изъ подлòбья:

— А вы знакомы съ княземъ?

Мнѣ стало немного досадно, что я попался, такъ сказать, на удочку; но дѣлать было нечего, я поклонился и вѣжливо отвѣчалъ:

— Позвольте представиться, я самъ Пронскій.

Надежда Николаевна очень сконфузилась, съ видимымъ испугомъ взглянула на меня, скрыла лицо подъ зонтикомъ и что-то тихо прошептала, обращаясь къ горничной. Лиза также поглядѣла на меня испуганными глазами, подобрала корзинки

съ ягодами и сказала шепотомъ: — Ну, такъ пойдѣте, барышня!

Странное это обращеніе раздосадовало меня; но въ сущности я былъ доволенъ тѣмъ, что оно избавляетъ меня отъ обязанности познакомиться съ семействомъ дѣвушки, — обязанности, которую я, нехотя, возлагалъ на себя за нескромное мое посвященіе чужой рощи. Вслѣдствіе этого разсужденія, я еще разъ поклонился и хотѣлъ выйти на дорогу, но вдругъ Надежда Николаевна спросила меня:

— Скажите, князь, отчего это вы ни съ кѣмъ не знакомитесь?

Смѣлый и наивный этотъ вопросъ странное произвелъ на меня впечатлѣніе; не знаю, произошло ли это отъ мелодичности голоса, или такъ, отъ особеннаго расположенія духа, а можетъ-быть и отъ пасторальной обстановки, только вопросъ этотъ и тотъ, съ которымъ онъ былъ слѣланъ, показались мнѣ ясными признаками открытаго, откровеннаго нрава. Я улыбнулся и спросилъ въ свою очередь:

— А, какъ вы думаете, Надежда Николаевна, отчего я не знакомлюсь съ сосѣдами?

— Отчего вы знаете, что меня зовутъ Надежда Николаевна? спросила она, вспыхнувъ.

Я совершенно забылъ свои предубѣжденія и весело отвѣчалъ:

— Вы забываете, что ваша дѣвушка назвала васъ по имени; спросите у Лизы.

— Что за чудеса! воскликнула горничная, — а меня-то почему знаете?

Я засмѣялся, какъ смѣются только въ молодости, то-есть отъ всей души, и какъ однакоже давно ужъ не смѣялся.

— Такъ скажите же, Надежда Николаевна, какъ вы думаете, отчего я не знакомлюсь съ сосѣдами? повторилъ я, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ.

Надежда Николаевна, увлеченная моею веселостію, также засмѣялась, и должно признаться, что улыбка очень была ей къ лицу.

— А Богъ васъ знаетъ, сказала она, пожимая плечами, — говорятъ, что вы дичитесь.

— Хорошо! ну а еще что?

— Говорятъ... да за чѣмъ это вы меня спрашиваете? проговорила она, лукаво поглядывая на меня.

— Пожалуста, Надежда Николаевна, мнѣ очень хочется знать, что про меня говорятъ.

— Говорятъ... извините, не я виновата; вы же сами спрашиваете; говорятъ, что вы очень много объ себѣ думаете.

— Вотъ какъ! ну а еще что?

— Чего жъ вамъ еще болѣе?

— Нѣтъ, пожалуста, скажите, говорите откровенно.

Надежда Николаевна опять взглянула на меня очень лукаво.

— Говорить вамъ правду? спросила она.

— О ради Бога, всегда правду, одну только правду, отвѣчалъ я съ увлеченіемъ.

— Смотрите же, на себя пеняйте, говорятъ... однакожь она опять нѣсколько замаялась, но вдругъ быстро проговорила, — говорятъ, что у васъ умъ за разумъ заходить!

Легкая дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу; но эта неожиданная откровенность со стороны молодой дѣвушки, за минуту еще совершенно мнѣ незнакомой, чрезвычайно мнѣ понравилась. Я протянулъ руку Надеждѣ Николаевнѣ, (которую она не приняла, вѣроятно, по непривычкѣ къ этому английскому обычаю) и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Чтобы доказать вамъ, что все это не что иное какъ пустая клевета, я прошу васъ, Надежда Николаевна, сейчасъ же представить меня вашимъ родителямъ, и вы убѣдитесь, что я не дикарь, не гордецъ и не сумасшедшій.

Надежда Николаевна подумала немного, какъ бы соображая что-то, потомъ посмотрѣла на меня довольно серьезно, и вдругъ сказала рѣшительно:

— Извольте, пойдѣмте со мной.

Она пошла довольно скоро, прямо черезъ поляну, ловко и граціозно перепрыгивая черезъ рытвины и канавы, находившіяся на пути. Я слѣдовалъ за нею молча, удивляясь неожиданной встрѣчѣ, странному обороту, который приняла эта встрѣча, и представляя себѣ удивленіе родителей Надежды Николаевны, когда они увидятъ меня въ ея сообществѣ.

По ту сторону поляны, мы нашли открытую калитку, въ которую моя спутница пригласила меня войти. Глазамъ моимъ представился довольно обширный садъ, состоявшій, впрочемъ, предпочтительно изъ фруктовыхъ деревьевъ.

Въ концѣ аллеи, по которой мы шли, виднѣлся низенькій, одноэтажный, деревянный домъ, крытый дранью. Стѣны домика увѣшаны были (вѣроятно, по случаю хорошей погоды) гирлян-

дами сухихъ травъ и сушеныхъ грибовъ. На крытомъ крыльцѣ сидѣли за чайнымъ столомъ старикъ съ старушкой. Мирный этотъ уголокъ, скромное жилище и добродушныя физиономіи хозяевъ, тотчасъ же напомнили мнѣ почему-то старосвѣтскихъ помѣщиковъ Гоголя.

Старикъ сидѣлъ, по-домашнему, въ туфляхъ и въ стеганомъ, довольно поношеномъ халатѣ; онъ курилъ изъ цѣнковой трубки, съ эластическимъ чубукомъ и прихлебывалъ чай изъ стакана. Старушка одѣта была въ сѣраго цвѣта нанковый, страннаго покроя балахонъ, и сѣдые, довольно густые ея волосы, сдерживаемые черною бархатною лентой, ничѣмъ не были прикрыты.

Все это я разсмотрѣлъ на ходу; когда мы достаточно приблизились къ крыльцу, старикъ прищурился, посмотрѣлъ изъ-подъ руки и замѣтивъ, что дочь его идетъ къ дому съ какимъ-то незнакомымъ человѣкомъ, всталъ и хотѣлъ уйдти въ комнаты. Но Надежда Николаевна, балованная, повидимому, дочка, разчитывала, вѣроятно, на сюрпризъ, потому что она, не доходя еще до крыльца, возвысила голосъ и громко сказала: «Папенька, не уходите, вотъ князь Пронскій, который желаетъ съ вами познакомиться!» Сюрпризъ вполне удался, на крыльцѣ произошло совершенное смятеніе. Старушка, у которой подъ рукой, вѣроятно, находился чепецъ, надѣла его задомъ напередъ и, вскочивъ со стула, принялась низко присѣдать. Старикъ оторопѣлъ, сталъ разшаркиваться, и, неизвѣстно по какой причинѣ, распахнулъ халатъ, стараясь запрятать подъ него трубку.

Лукавое личико Надежды Николаевны сіяло отъ удовольствія; она съ триумфомъ подвела меня къ крыльцу и быстро начала разказывать нашу встрѣчу и изъявленное мною желаніе познакомиться съ ея родителями.

— Очень радъ, очень радъ, ваше сіятельство, говорилъ радушно старикъ, пожимая мнѣ руку;—но какая же ты дурочка, продолжалъ онъ, грозя дочери,—могла бы Лизу впередъ прислать, а то ихъ сіятельство врасплохъ насъ застали, просто совѣстно, совсѣмъ по-домашнему.

— Вотъ прекрасно, возразила смѣясь Надежда Николаевна,—а мнѣ бы остаться глазъ на глазъ съ княземъ? Только этого не доставало, и то ужъ вышло какое-то слишкомъ быстрое и безцеремонное знакомство.

Я не скажу, чтобы мнѣ было совсѣмъ ловко; все это слу-

чилось такъ неожиданно и такъ выходило изъ моихъ привычекъ, что я нѣсколько конфузился; однакоже, радушный пріемъ, пріятливыя лица и, признаюсь, скромный бытъ новыхъ моихъ знакомыхъ ободрили меня.

— Я врагъ церемоній, сказалъ я довольно развязно, принимая чашку чаю изъ рукъ старушки, на головѣ которой Надежда Николаевна или Надя, какъ ее называли въ семьѣ, успѣла уже поправить, какъ слѣдуетъ, чепчикъ.

Семейство, въ которое я попалъ такъ случайно, состояло изъ Николая Захаровича Голубова, помѣщика сорока душъ, изъ Феклы Ивановны, его супруги, и изъ миловидной восемнадцатилѣтней дочки. Надя воспитывалась въ какомъ-то губернскомъ пансіонѣ, но большую часть года проводила въ деревнѣ съ родителями, которые обожали ее, какъ единственное ихъ сокровище и утѣшеніе. Въ послѣдствіи, я узналъ, что Николай Захаровичъ былъ когда-то уѣзднымъ судьей и пользовался до сихъ поръ всеобщимъ уваженіемъ за примѣрное свое безкорыстіе и неподкупное правосудіе.

Съ тѣхъ поръ я часто сталъ посѣщать семейство Голубовыхъ; но, несмотря на ихъ увѣщанія и весьма здравыя совѣты Николая Захаровича, я не рѣшился заводить новыхъ знакомствъ, и объѣхать, какъ онъ совѣтовалъ, самыхъ значительныхъ помѣщиковъ.

— Чтѣ вамъ стоить сѣсть въ коляску, говорилъ старикъ, — да объѣхать кой-кого? Дѣло пустое, а между тѣмъ, злоязычники поугомонятся. Вотъ мы васъ узнали, ваше сіятельство, оно и хорошо, знаемъ въ чемъ дѣло. А подите, чтѣ толкуютъ! Каждому рта зажать нельзя. Разрушить клевету, обезоружить злобу можетъ только личное ваше присутствіе.

— Да какое мнѣ дѣло, почтеннѣйшій Николай Захаровичъ, до ихъ злобы и до ихъ клеветы? возражалъ я.

— Нельзя, молодой человекъ, нельзя, ваше сіятельство, говорилъ Голубовъ, — чѣмъ выше поставленъ человекъ обстоятельствами, тѣмъ болѣе долженъ онъ дорожить доброю славою.

— Въдъ вы сами же убѣдились, что разказы про меня не имѣютъ основанія, такъ чтѣ же мнѣ до людей, которые или распускаютъ про меня клеветы или вѣрятъ имъ бездоказательно.

— Оно такъ! но въдъ и чистый источникъ можно завалить камнями, возмутить грязью.

— Ну, ужъ извините, Николай Захаровичъ, еслибъ я былъ на

мѣстѣ источника, о которомъ вы говорите, я постарался бы или превратиться въ грозный потокъ, или ушелъ бы въ землю; но ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы прудить на себя плотины, въ утѣху или въ угожденіе бросавшихъ въ меня камни.

Оекла Ивановна не принимала никакого участія въ подобныхъ разговорахъ, а только подходила каждыя четверть часа спросить, не угодно ли гостю, то чаю, то яблочки, то просто квашки.

Надежда Николаевна, напротивъ, постоянно присутствовала при нашихъ преніяхъ съ ея отцомъ, и, къ величайшему моему удовольствію, всегда брала мою сторону.

— Я не понимаю, говорила она,—зачѣмъ князю заискивать благосклонность людей, вовсе къ нему не расположенныхъ. Каждый можетъ жить, какъ хочетъ, и если Григорію Петровичу нравится уединенная жизнь, зачѣмъ принуждать его знакомиться со всѣмъ уѣздомъ?

Уединенная жизнь продолжала еще мнѣ нравиться, это правда; дѣйствительно, я не могъ себѣ представить шумное городское общество и страшился новыхъ знакомствъ; но я уже начиналъ изрѣдка помышлять, что можно и вдвоемъ жить въ уединеніи. Я разсуждалъ, что избравъ себѣ, на примѣръ, въ подружки скромную, деревенскую дѣвушку, не имѣющую понятія о свѣтскихъ удовольствіяхъ, можно тихо и мирно прожить въ деревнѣ весь свой вѣкъ. Мысль эта укоренялась мало-по-малу, и я началъ уже думать довольно серьезно о возможности жениться на Наденькѣ. Конечно, я не былъ влюбленъ въ Надю, но красивое ея личико мнѣ нравилось; я пріятно проводилъ съ нею время, и большая часть моихъ воззрѣній находила въ ней отголосокъ. Съ другой стороны, родители ея были въ полномъ смыслѣ достойные люди; состоянія моего было болѣе чѣмъ достаточно на двоихъ, и я только одного требовалъ отъ будущей моей жены: полной откровенности и всегдашней неизмѣнной правды.

Всѣ эти обдумыванія, колебанія, взвѣшиванія *pro* и *contra* занимали меня довольно долго, такъ что прошло мѣсяцевъ восемь со дня встрѣчи нашей съ Наденькой. Последнее время я тѣдилъ къ Голубовымъ почти каждый день и даже нерѣдко присутствовалъ при скромной ихъ трапезѣ; со мной обходились безъ всякихъ церемоній, и постоянно принимали меня съ величайшимъ радужіемъ.

Сколько я могъ замѣтить, изо всей семьи только одна Надень-

ка допускала мысль о возможности содѣлаться княгиней Пронскою.

Между тѣмъ, привыкнувъ къ пріятностямъ женскаго общества, я сталъ болѣе и болѣе тяготиться совершеннымъ своимъ одиночествомъ въ большомъ пустомъ домѣ въ Красныхъ Прудахъ, и рѣшился наконецъ сдѣлать форменное предложеніе, просить у Николая Захаровича руки его дочери. Но предварительно я хотѣлъ объясниться съ Наденькой, хотя и предпочувствовалъ полное съ ея стороны согласіе.

Однажды, воспользовавшись послѣобѣденнымъ отдыхомъ добрыхъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ (названіе, удержанное мной за родителями будущей моей невѣсты), я сообщилъ Наденькѣ, какъ говорится, честныя мои намѣренія.

— А развѣ вы меня любите? спросила она кокетливо, впрочемъ, безъ малѣйшаго удивленія, что подтвердило меня въ мысляхъ, что она дожидалась моего предложенія.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я, протягивая руку Наденькѣ, — я васъ очень люблю; но такъ какъ я лгать не умѣю, то скажу откровенно, что я не страстно въ васъ влюбленъ, какъ мнѣ кажется.

Наденька покраснѣла, закусила губѣу, но довольствовалась восклицаніемъ: «Будто бы?»

— Да! продолжалъ я, не смущаясь:—но я убѣжденъ, что мы будемъ совершенно счастливы, если вы согласитесь на мое предложеніе. Одного прошу я: правды и откровенности.

— А развѣ я когда-нибудь лгала и лукавила? спросила она съ очаровательнымъ негодованіемъ.

Я поцѣловалъ съ чувствомъ ея руку.

— Нѣтъ, Надежда Николаевна! нѣтъ, милая Наденька, сказалъ я съ увлеченіемъ,—оттого-то я и предлагаю посвятить вамъ всю жизнь мою, боюсь только, не покажется ли вамъ скучною и монотонною уединенная жизнь въ Красныхъ Прудахъ. Не захотите ли вы испробовать столичной жизни?

Наденька прелестно улыбнулась.

— Нѣтъ! покорно васъ благодарю, сказала она, отнимая у меня руку,—ступайте одни въ Петербургъ, если угодно. Я привыкла къ деревенской жизни.

— Слава Богу, возразилъ я, осыпая руку ея поцѣлуями,—такъ вы позволяете обратиться къ вашимъ родителямъ?

— Попробуйте, отвѣчала она, улыбаясь, и граціозно подставляя мнѣ лобъ.

Выждавъ пробужденія Николая Захаровича, я отправился къ нему въ кабинетъ и безъ дальнѣйшихъ приготовленій попросилъ у него руки дочери. Почтенный старикъ очень смутился; волненіе его выразилось дрожаніемъ рукъ и головы. Нѣсколько секундъ онъ, молча, смотрѣлъ на меня, и судорожно проводилъ рукой по головѣ и по лицу.

— Ай, ай, любезнѣйшій князь, сказалъ онъ наконецъ съ глубокимъ вздохомъ,—обдумали ли вы хорошенько ваше предложеніе? Право, страшно что-то! Не подь пару вамъ Надя. Подумайте, что говорить-то будутъ! Скажутъ, что мы васъ обобщли; воспользовались вашимъ нелюдимствомъ, одиночествомъ. Ой, страшно!

И почтенный старикъ глубоко задумался.

— Помилуйте, Николай Захаровичъ, что вамъ за дѣло до сплетней, сказалъ я убѣдительно,—право! вы ужь слишкомъ много заботитесь о чужихъ толкахъ.

— Любезнѣйшій мой другъ, отвѣчалъ онъ ласково,—молоды вы еще, опытности у васъ не достааетъ. Рыба съ рыбой плаваетъ, человекъ съ людьми живетъ, такъ нельзя же пренебрегать людскими толками.

— Положимъ такъ, почтеннѣйшій Николай Захаровичъ: но каждый человекъ ищетъ счастья. Я люблю жизнь уединенную, деревенскую, дочь ваша также, мысли и чувства наши во многомъ сходятся. Мы заживемъ здѣсь тихо и мирно, подь вашимъ крылушкомъ. Захотите, такъ переѣдете въ Красные Пруды, мѣста тамъ много; а не пожелаете оставить родное гнѣздушко, я прямо черезъ лѣсъ проведу дорогу, и мы будемъ каждый день видаться. Что жь намъ до чужихъ толковъ! Кому мы вредимъ, кому мѣшаемъ?

Вѣроятно, представляемая мною перспектива, и въ особенности надежда не разставаться съ дочерью имѣли благотворное дѣйствіе на Николая Захаровича, потому что онъ прослезился и дружески протянулъ мнѣ руку.

— Ой, страшно! сказалъ онъ, вставая: — право, страшно, впрочемъ, пойдемъ посоветоваться съ старухой; что-то она скажетъ?

Я понялъ, что дѣла мои шли хорошо. При входѣ нашемъ въ комнату Феклы Ивановны, разкраснѣвшаяся Надя выпорхнула въ дверь. Николай Захаровичъ не успѣлъ вымолвить первыхъ словъ, какъ добрая старушка бросилась ужь мнѣ на шею, и, заливаясь радостными слезами, принялась крестить.

— Да ты постой, Оекла Ивановна, говорилъ мужъ,—выслушай сперва.

Старуха махнула рукой и вновь принялась цѣловать меня.

Николай Захаровичъ также разчувствовался и, видя невозможность остановить порывы нѣжной матери, обратился къ иконамъ, набожно перекрестился и сказалъ довольно твердымъ голосомъ :

— Ну, видно такъ суждено, да будетъ святая воля Его. За симъ онъ нѣжно облобызалъ меня, и, отворивъ дверь въ гостиную, громко позвалъ дочь.

Въ тотъ же день послѣдовало обручение, и Наденька провозглашена была моею невѣстой.

Четыре мѣсяца, проведенные мною въ качествѣ жениха, прошли весьма быстро. Жизнь моя какъ-будто вошла въ новое русло, она текла тихо и спокойно, избѣгая подводные камни и не волнуясь прежними тяжелыми думами и сомнѣніями. Были кой-какія попытки нарушить мое спокойствіе, это правда; присылали предостерегательныя письма, подсылали сплетницъ; но благородная твердость Николая Захаровича постоянно отстороняла козни моихъ враговъ. Невѣста моя не поддала мнѣ, въ теченіи этого времени, ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ ея искренности и полномъ довѣріи. Я былъ, не скажу, безумно счастливъ, но спокоенъ и доволенъ. Наступило время, назначенное для свадьбы; всего оставалось три дня. Я упорно настаивалъ, чтобы дѣло обошлось безъ парадныхъ обѣдовъ и баловъ; я ни съ кѣмъ не былъ знакомъ изъ сосѣдей и не желалъ рѣшительно измѣнить уединенный свой образъ жизни. Однакожь Николай Захаровичъ объявилъ мнѣ формально, что онъ не можетъ разсориться со всѣми своими родными и даже нѣкоторыми близкими знакомыми, и что по этому случаю онъ пригласить къ себѣ хотя кой-кого, «по крайней мѣрѣ, нѣчто въ родѣ дѣвичника нужно отпраздновать, прибавилъ онъ, безъ этого ужъ нельзя.» Я согласился, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Бѣловыхъ никакъ не приглашали. Послѣ долгихъ преній, Николай Захаровичъ обѣщаль удовлетворить моему желанію.

Въ назначенный день собралось въ скромномъ домикѣ Николая Захаровича человекъ тридцать гостей; не знаю, какимъ образомъ они умѣстались въ комнатахъ, называющихся столовою и гостиною. Тѣснота была страшная, и мнѣ очень не

ловко становилось отъ любопытныхъ и не совсѣмъ дружелюбныхъ взоровъ, упорно на меня обращенныхъ. Добрый старикъ Николай Захаровичъ, несмотря на легкое мое сопротивление, водилъ меня подъ руку, останавливаясь передъ значительнѣйшими уѣздными лицами: «будущій мой зять, говорилъ онъ, добродушно улыбаясь, хорошій человѣкъ, повѣрьте слову, только онъ у насъ нелюдимъ, оригиналь; но Богъ дастъ, современемъ обойдется.»

Тѣмъ временемъ невѣста моя не выходила еще изъ своей комнаты; выставка, которой я подвергался, надоѣла мнѣ до крайности; мнѣ удалось, наконецъ, освободиться отъ будущаго моего тестя, и я вышелъ на крыльцо подышать воздухомъ. Тутъ я вспомнилъ, что забылъ взять изъ дому букетъ цвѣтовъ, — необходимая принадлежность каждой невѣсты.

Желая загладить, по возможности, непростительную свою ошибку, я отправился въ садъ, припоминая, что противъ оконъ Наденьки находится клумба, съ порядочными цвѣтами. Проходя отъ ярко освѣщенныхъ комнатъ къ сумраку сада лишилъ меня возможности на нѣкоторое время различить предметы, и я, чтобы не наткнуться на что-нибудь, пошелъ вдоль домика, придерживаясь стѣны. Проходя мимо оконъ моей невѣсты, я услыхалъ веселый говоръ и смѣхъ. — Ничего, говорилъ незнакомый мнѣ женскій голосъ, — не велика бѣда потерпѣть не много, за то талія будетъ у тебя въ рюмочку. Посмотри, какъ сидитъ, чудо!

Нѣсколько голосовъ подтвердило это мнѣніе. — Уфъ! отвѣчала Надя: — мнѣ ужъ не до талии, я просто задыхаюсь.

Тутъ посыпались разные совѣты, которые я не совсѣмъ понималъ: кто говорилъ, какой-то бюскъ опустить, кто совѣтовалъ его совсѣмъ вынуть, говорили про баски, про шнуровку, и, наконецъ, совѣтовали выпить стаканъ или два воды.

— За то, ма сѣге, женихъ твой съ ума сойдетъ, увидѣлъ тебя въ этомъ платьѣ, заключила одна изъ подругъ.

Я улыбаясь, слушая эту болтовню, а между тѣмъ нарвалъ цѣлый пукъ цвѣтовъ. Составивъ порядочный букетъ въ кабинетъ Николая Захаровича, я возвратился въ столовую и уже засталъ тамъ и невѣсту и всѣхъ ея подругъ. Я замѣтилъ, что не только лицо Нади было краснѣе обыкновеннаго, но что на шеѣ и плечахъ виднѣлись даже красныя пятна. Впрочемъ, платье сидѣло дѣйствительно прекрасно, и невѣста показалась мнѣ прелестною. Я подаль букетъ, который она

творожительною улыбкой, и, садясь возлѣ нея, сказала: «ты чудо как хороша сегодня, но пооди, мать».

Посила она, быстро взглянувъ на меня съ не-

жностью, — оно тебя душить.

Надя еще пуще покраснѣла.

— Ты же тономъ, — и плечики у тебя

калуста, возразила она почти, красная духота! и она встала и пошла въ спальню.

Въ сердце; однако я послѣдовалъ

за нею до дверей и, пользуясь сумерками, сада

поднесъ къ губамъ.

Но ребячиться, Надя, сказалъ я самымъ нѣжнымъ голо-

сомъ, — признайся, что платье тебѣ узко.

— Съ чего это ты взялъ? проговорила она съ досадою, вырывая у меня руку.

Голова моя начинала кружиться; я чувствовалъ при приближеніе прежнихъ признаковъ; горечь подступила къ моему сердцу, и тревожныя слова *ложь, лукавство* застучали у меня въ головѣ.

— Надя! другъ мой, сказалъ я умоляющимъ голосомъ, — ради Бога признайся... я знаю!

— Въ чемъ признаться? что ты знаешь? я ничего не понимаю.

— Вспомни, умоляю тебя, что ты клялась говорить мнѣ всегда правду, одну правду!

— Да развѣ я лгу? проговорила она запальчиво: — это еще что значить?

Я съ трудомъ ужъ удерживался отъ вспышки, чувствуя приближеніе страшнаго пароксизма.

— Понимаешь ли, говорилъ я, задыхаясь, — понимаешь ли, я слышалъ, своими ушами слышалъ...

— Это невыносимо, сказала она сквозь слезы, — вы просто сумашедшій! и съ этими словами повернулась ко мнѣ спиной и вошла въ комнату.

Я задрожалъ всѣмъ тѣломъ, и въ то же мгновеніе въ ушахъ моихъ звучалъ рѣзкій адскій хохотъ. Мнѣ показалось, что я узнаю голосъ Аграфены Ивановны; я быстро обернулся и ввздланнаннымъ моимъ чувствамъ представилось, что за де-

Болѣзнь воли.
та Ивановна. тѣло въ утѣху — и т. д.

ревьями мелькаетъ страшный призракъ съ огненными глазами и змѣинымъ языкомъ.

Въ изступленіи я бросился за призракомъ, преслѣдуя его; пробѣжалъ садъ, поляну, и очутился въ лѣсу. Адскій хохотъ, казалось мнѣ, не умолкалъ, я все бѣжалъ, бѣжалъ, наконецъ выбился изъ силъ и лишился чувствъ.

Кто подобралъ меня въ лѣсу, кто привезъ меня домой, не знаю! Помню только, что на другое утро, когда я пришелъ въ себя, я былъ уже въ постели, въ моей спальнѣ въ Красныхъ Прудахъ. Кажется, было ужъ довольно поздно. Камердинеръ, который ожидалъ моего пробужденія, замѣтивъ, что я озираюсь съ безпокойствомъ, вручилъ мнѣ записку слѣдующаго содержанія:

«Признаюсь, что вчерашнее платье было узко, ну! что довольны ли вы, гадкій человѣкъ? Слыханное ли дѣло, вынуждать молодую дѣвушку признаться, что она обязана красотой своей талин узкому платью! Это просто глупо!

«Пріѣзжай загладить свою вину, я жду тебя сейчасъ же.

«Твоя Надя.»

Теперь, въ настоящую минуту я готовъ сознаться, что это было глупо, но тогда между мной и бѣдною Наденькой возникъ ужасный призракъ Аграфены Ивановны. Я потерялъ всякую надежду; счастье казалось мнѣ невозможнымъ и я, — кто бы повѣрилъ? — содрогался при одной мысли о встрѣчѣ съ бывшею моею невѣстой.

Какъ это сдѣлалось, я въ точности не могу дать себѣ отчета, но свадьба разстроилась окончательно; и это возбуждало всеобщій ропотъ и (признаюсь теперь) вполне заслуженное негодованіе.

Послѣ того я долго былъ опасно боленъ, долго не узнавалъ никого и отказывался отъ медицинскихъ пособій. Иванъ Петровъ (безтолковый прикащикъ), вступившій вновь въ управленіе, посылалъ за докторами въ губернской городъ и, волей неволей, меня кой-какъ поставили наконецъ на ноги. Тогда отъ того же прикащика я узналъ, что Бѣловъ разказываетъ про меня, что я будто бы воспользовался слабостью Голубовыхъ, плохимъ ихъ присмотромъ за дочерью, что я добился, ~~что~~ желалъ, и что потому только свадьба разстроилась. Отвратительная клевета! Отъ того же Ивана Петрова я узналъ также,

что Бѣловъ поступаетъ съ крестьянами имѣнія, уступленнаго мною женѣ его, безчеловѣчно; что онъ изнуряетъ ихъ работами, чинитъ всякія несправедливости и посягаетъ даже на народную нравственность.

При этихъ извѣстіяхъ, мѣра терпѣнія моего истощилась; я только думалъ объ одномъ, изобличить ненавистнаго мнѣ Бѣлова! Слабому еще, потрясенному моему воображенію представилось, что самое лучшее средство изобличить его всенародно передъ тѣми же крестьянами, которыхъ я предалъ во власть его, по волѣ покойной матушки.

Однажды, пользуясь пребываніемъ Бѣловыхъ въ городѣ и сохранившимся еще вліяніемъ моимъ на бывшихъ моихъ крестьянъ, я отправился въ Выселки, собралъ сходку и сказалъ во всеуслышаніе:

«Братцы, я виноватъ передъ вами, я уступилъ васъ извергу, посягающему на правду и попирающему всѣ обязанности христіанина и человѣка. На то была воля покойной моей матушки! Возвратить васъ всѣхъ подъ мое управленіе съ землей и угодьями я не въ правѣ; но пусть несчастные, притѣсненные, которые рѣшатся оставить родное свое пепелище, переходятъ въ мою вотчину. Каждый въ деревняхъ моихъ найдетъ надежное убѣжище, и я сумѣю защитить его отъ преслѣдованій недостойнаго помѣщика.»

На другой день, тридцать душъ обоего пола перешли съ пожитками въ Красные Пруды.

Земская полиція пришла въ волненіе; начались требованія, переписки, безпрестанные разъѣзды земскихъ, сотскихъ, становыхъ.

Я упорствовалъ, переводилъ преслѣдуемыхъ изъ одной деревни въ другую и укрывалъ ихъ, по возможности. Все это однакоже сильно дѣйствовало на разстроенное уже мое здорье и приводило меня въ страшное волненіе.

Однажды, грустный, утомленный, я сидѣлъ послѣ обѣда на балконѣ, какъ вдругъ увидѣлъ, что заворачиваетъ на дворъ коляска, и, къ неопisanному моему ужасу, замѣтилъ, что въ ней сидятъ Бѣловъ съ женой, съ страшною Аграфеной Ивановной! Внезапно овладѣла мною невыразимая злоба; я выбѣжалъ въ переднюю, оттуда на дворъ, и въ бѣшенствѣ громко кричалъ, какъ мнѣ разказывали въ послѣдствіи, взывая къ дворовымъ: «Не пускать, не пускать это чудовище; у нея огненные глаза, языкъ змѣиный, она матушку задушила, спустите

собакъ, травите ее, стрѣляйте изъ ружей!» Однимъ словомъ, я предавался неистовству; ненавистный образъ Аграфены Ивановны возмутилъ меня до глубины души и помрачилъ мой разсудокъ.

Что и какъ было послѣ этого, я не знаю, — пароксизмъ разразился съ ужасною силой, и меня, безъ чувствъ, уложили въ постель.

Въ послѣдствіи, мнѣ говорили, что Бѣловы пріѣзжали въ то время съ добрыми намѣреніями; но что скандалъ, мною произведенный и вышедшій изъ предѣловъ приличія, освободилъ ихъ окончательно отъ всякой ко мнѣ признательности.

По этому случаю, произведено было законное изслѣдованіе, отобраны показанія, наведены справки, и я наконецъ потребованъ былъ въ губернское правленіе для законнаго освидѣтельствованія.

Вотъ какимъ образомъ я попалъ въ лѣчебницу, это мирное убѣжище, въ которомъ царствуютъ добродѣтельный Юрій Александровичъ и простодушный вахмистръ Бубновъ.

Феофилъ Толстой.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ИЗЪ ПРАГИ (1).

Прага, 21 августа, 1859.

Проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ различныхъ краяхъ Австріи, я былъ свидѣтелемъ переворота, совершившагося въ общественномъ мнѣніи, въ надеждахъ и ожиданіяхъ Австрійцевъ. Последняя война обнаружила многое, что скрывалось отъ народа наемною рукой людей, заглушившихъ въ себѣ чувство долга къ странѣ. Война съ Франціей и Сардиніей была для Австріи вопросомъ жизни и смерти: огромныя, неслыханныя приготовленія, безчисленное множество войска, готовность на многія уступки во внутренней администраціи, все показывало, что отъ хода дѣлъ въ Италіи ожидаютъ рѣшительныхъ послѣдствій для всѣхъ народовъ и областей, имѣющихъ несчастье входить въ составъ Австріи. Весной и въ началѣ лѣта, ѣзда по желѣзнымъ дорогамъ была чрезвычайно затруднительна: большая часть вагоновъ занята была войсками, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сообщеніе вовсе было прекращено по случаю перевоза войскъ. Длинные поѣзды двигались при гробовомъ безмолвіи ѣдущихъ, прерываемомъ только стукомъ упавшаго ружья или цѣпи на орудіи; иногда слышны были дикіе крики солдатъ, которые бросались съ ножами на чиновниковъ, отнимавшихъ у нихъ воду, потому что на станціяхъ вода продается, а солдатамъ нечѣмъ платить. Одушевленіе, о которомъ такъ много глгали въ продажныхъ газетахъ, вовсе не было замѣтно въ войскѣ; но еще менѣе патріотическаго участія къ войнѣ было въ обществѣ и въ народѣ: иные оставались равнодушными, другіе, и почти всѣ боялись счастливаго для Австріи окончанія войны. Толки и ожиданія удивляли своею оригиналь-

(1) Считаемо нужнымъ обратить вниманіе читателей на то, что эта корреспонденція писана наканунѣ обнародованія программы новаго австрійскаго министерства. Говоря объ австрійскомъ правительствѣ, авторъ разумѣетъ прежнее правительство, членомъ котораго былъ баронъ Бахъ, и которое было смѣнено самимъ императоромъ. *Ред.*

ностию: вмѣсто побѣды, Австрійцы желали войскамъ своимъ поражения; фраза: «нашихъ поколотили», всюду повторялась съ восторгомъ. Чѣмъ непобѣдимѣ казалась австрійская армія, тѣмъ безнадежнѣе становились лучше люди Австріи, будучи твердо убѣждены, что каждая побѣда сочтется новымъ доказательствомъ справедливости тѣхъ началъ, которыя такъ жестоко угнетаютъ нѣсколько народностей. А какія же это начала? Безпощадный деспотизмъ, подавленіе личности и народности, требованіе тупой или лицемерной покорности, преслѣдованіе мысли и всего, что содѣйствуетъ развитію общества. Эти начала отнюдь не тайна, ихъ не только постоянно примѣняютъ къ дѣлу, но иногда даже и высказываютъ, или, по крайней мѣрѣ, не умѣютъ скрывать. Намъ случалось много разъ ѣздить съ австрійскими военными и на пароходахъ и по желѣзнымъ дорогамъ, и бывать въ одномъ поѣздѣ съ ранеными офицерами, возвращавшимися изъ Италіи: это былъ цвѣтъ австрійской арміи, и здѣсь-то можно было узнать духъ защитниковъ такъ-называемаго отечества. Офицеры-иностранцы, Славяне, Венгры и т. д., съ первыхъ словъ обнаруживали свое отвращеніе къ Австріи и сочувствіе къ непріятелю; по ихъ словамъ, солдаты ихъ полковъ толпами переходили на сторону непріятеля. Сужденія истыхъ Австрійцевъ поражали своею дикостию; одинъ изъ нихъ, напримѣръ, съ жаромъ доказывалъ, что самовластіе всегда и всюду необходимо и благотѣльно, что подчиненные не должны смѣть разсуждать, что даже мнѣніе капитановъ—повѣствователь былъ капитанъ—не должно быть выслушиваемо. Еслибы поослабить крѣпко натянутую узду, говорилъ капитанъ, Австрія непременно бы разрушилась: вѣдь она вся состоитъ изъ кусковъ; что хорошо для Венгріи, дурно для Чехіи, что полезно для Италіи, вредно для Польши и пр., такъ что остается одно средство—силой заставить всѣ эти земли принять одно и то же устройство.—А если народъ, возразилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, зная весь вредъ навязываемаго ему устройства, не желаетъ принять его? «О, если у народа спрашивать, что ему нравится, такъ это ужъ черезчуръ много чести,» заключилъ сольтеринскій герой. Другіе, болѣе скромные, офицеры съ завистью говорили о своихъ товарищахъ, перешедшихъ къ непріятелю, и получающихъ жалованье вдвое противъ прежняго. Одинъ изъ офицеровъ, между прочимъ, съ удовольствіемъ вспоминалъ объ извѣстномъ избіеніи польскихъ помѣщиковъ: «повѣрьте мнѣ, говорилъ онъ, покуда будетъ дворянство у народа, да тѣхъ поръ онъ всегда будетъ противъ правительства, а какъ перерѣзать крикуновъ, народъ преспокойно будетъ дѣлать то, что ему приказываютъ.» Изъ словъ неосторожнаго офицера можно бы заключить, какая утѣшительная будущность пред-

стоитъ дворянству венгерскому и славянскому, и не одному дворянству; подъ именемъ крикуновъ разумѣлъ онъ всѣхъ людей независимыхъ и выражающихъ свое мнѣніе. Тайныя пружины австрійской администраціи и политики обнаруживаются не только тогда, когда проговаривается кто-нибудь изъ низшихъ чиновниковъ; проговариваются иногда и «особы высоко-поставленныя», какъ говорятъ Нѣмцы. Возмутительно подѣйствовала на всѣхъ прокламація генерала Урбана, въ которой есть, между прочимъ, такія слова: «Чтобы жители Вероны знали, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, я объявляю, что мнѣ, какъ честному Австрійцу, можетъ довѣрять каждый, а я никому изъ васъ не довѣряю.» То, что Урбанъ сказалъ въ Веронѣ, всѣ генералы, военные и гражданскіе, говорятъ, хотя и не вслухъ, своимъ подчиненнымъ на всемъ пространствѣ Австрійской имперіи. Во время торжественнаго путешествія по имперіи, Францъ-Иосифъ сказалъ италіанскимъ епископамъ: «Я вамъ далъ конкордатъ для того, чтобы вы тѣмъ крѣпче держали народъ въ безусловной покорности мнѣ.» Рѣчь его на эту тему помѣщена въ газетахъ.

Чтобы постоянно примѣнять къ дѣлу австрійскую систему, необходимо имѣть соответствующія орудія; а такъ какъ ихъ нельзя найти между честными людьми, то Австрія содержитъ изумительное множество шпионовъ. Шпионы слѣдятъ и за иностранцами, и за каждымъ изъ мѣстныхъ жителей, если онъ не отличается телячею покорностію или іезуитскою ревностію въ борьбѣ за господствующую систему; шпионы находятъ безвыходно и въ кофейняхъ, и въ отеляхъ, скрываются въ травѣ и прячутся въ шкапы, гдѣ виситъ платье. Но никакое шпионство не въ силахъ подавить всеобщее неудовольствіе, достигшее крайнихъ предѣловъ во время италіанской войны. Ропотъ слышался всюду и особенно въ Вѣнѣ, гдѣ шпионамъ трудно услѣдить за всѣмъ, а видимое большинство недовольныхъ придаетъ имъ силу и обезпечиваетъ отъ преслѣдованій тайной и явной полиціи. Недовольство правительствомъ проникло всюду, во всѣ слои народа; всего сильнѣе возбуждаютъ народъ непомерныя налоги, преслѣдующіе его на каждомъ шагу; за многое, за что до 1848 года не платилось и двухъ гульденовъ, платится теперь около восемнадцати. Въ Вѣнѣ, въ каждой улицѣ, въ каждой лавкѣ можно встрѣтить людей, говорящихъ противъ правительства. Одинъ путешественникъ хотѣлъ купить черныя очки въ золотой обдѣлкѣ, купецъ возразилъ ему: «что это вамъ вздумалось покупать такой очки? вѣдь его и въ руки взять совѣстно, вѣдь черныя съ желтымъ—австрійскій національный цвѣтъ.»

Если въ классѣ промышленномъ такъ сильна ненависть къ Австріи, то чего надо ожидать въ кругахъ, составляющихъ по-

стоянную оппозицію Австріи съ ея абсолютизмомъ, шпионствомъ и конкордатомъ? Правительство истощаетъ всё средства, чтобы перезавать этихъ благородныхъ людей въ свой лагерь. Зная ихъ дарованія и вліяніе, какое имѣютъ они на общество, министерство усиливается склонить ихъ на свою сторону, и обѣщаніемъ матеріальныхъ выгодъ, и лестію. Въ случаѣ неудачной попытки прибѣгаютъ къ мести, и сколько жертвъ ея между благороднѣйшими людьми! Нерѣдко-можно встрѣтить писателя, сидѣвшаго въ кандалахъ за одинъ патріотическій стихъ, за одинъ намекъ, и видѣть, въ буквальномъ смыслѣ слова, раны, понесенныя за самое невинное изъясненіе любви къ отечеству; а сколько чахотокъ и сухотокъ нажито отъ преслѣдованій со стороны австрійскихъ властей! Одинъ изъ подобныхъ мучениковъ, г. Гавличекъ, сказалъ: «честнымъ людямъ грозятъ въ Австріи только голодъ, негодяямъ только висѣлица, а писателю угрожаетъ и то и то другое, и голодъ и висѣлица.»

Австрійскій гнетъ, дѣйствуя губительно на жизнь всѣхъ народовъ, составляющихъ имперію, вызываетъ и оппозицію со стороны всѣхъ этихъ народовъ безъ исключенія. Нѣмцы австрійскіе во многихъ отношеніяхъ также недовольны Австріей. какъ и Славяне, Венгерцы, Италіянцы. Умѣреннѣйшіе и недалекондѣннѣйшіе изъ Нѣмцевъ всю вину взваливаютъ на министровъ, и неудовольствіе свое выражаютъ, между прочимъ, сатирическими пѣснями, въ которыхъ осмѣиваются министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Бахъ, генералъ Грюнне, кардиналъ Раушеръ и другіе. Образованнѣйшіе между Нѣмцами видятъ въ австрійскомъ устройствѣ оскорбленіе германской націи и не признаютъ за Австріей права называться германскою державой. Въ самомъ дѣлѣ, по духу, она рѣшительно враждебна той *свободѣ изслѣдованія*, которою такъ гордится Германія. Австрія—царство ультрамонтановъ, и оттого такой застой въ ея умственной жизни. Ученныя общества закрываются, засѣданія невозможны безъ полицейскихъ комиссаровъ, ученныя и литературныя собранія запрещаются подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ могутъ быть высказаны мысли, противныя католичеству. Конкордаты и угнетеніе народностей, деспотизмъ и бюрократія, вотъ предметы постоянного протеста со стороны Нѣмцевъ, живущихъ внѣ предѣловъ Австріи. «*Вся нѣмецкая исторія Австріи, говоритъ г. Карль Фогтъ, есть цѣль позорныхъ дѣйствій противъ единства, чести, достоинства, безопасности, свободы, силы и величія Германіи. Австрійцы постоянно льстили народности германской, когда имъ грозила опасность со стороны не-нѣмецкихъ провинцій.*» Отъ гнета конкордата, продолжаетъ Фогтъ, нѣтъ спасенія, и потому въ тысячу разъ лучше временное національное уничтоженіе (онъ говоритъ о недавнихъ побѣдахъ Французовъ). Угнетеніе

народностей заставляеть Австрію держать огромную армию, и вызывать пройдохъ изъ разныхъ странъ, чтобы командовать этою арміею, не имѣющею отечества. Говорили, что Австрія заключается въ лагерь Радецкаго; она и теперь заключается въ лагерь войны, въ постоянномъ военномъ положеніи противъ собственныхъ народовъ.

Разладъ между правительствомъ Австріи и ея народами поразителенъ; интересы у нихъ различные, и все, что выгодно для своекорыстныхъ цѣлей австрійской наслѣдственной политики, вредно и стѣснительно для развитія внутреннихъ силъ народа. Однажды, во время войны Австріи съ Пруссіей, полководцы австрійскіе жаловались, что непріятельская армія получаетъ продовольствіе изъ Австріи; сдѣланъ былъ розыскъ и оказалось, что поставщикомъ въ непріятельскую армію былъ самъ императоръ, оправдывавшій себя тѣмъ, что «такъ или иначе прусскій король нашелъ бы себя поставщика, такъ зачѣмъ же бы мнѣ лишать себя этой выгоды?» Сообщенный фактъ можно найти въ *Запискахъ* Фридриха II. А что касается до измѣны данному слову, до самой черной неблагодарности, то примѣрами ея можно бы наполнить цѣлый томъ исторіи, хотя о нихъ и не упоминается въ австрійскихъ исторіяхъ гг. Бюдингера и К°. Еще до сихъ поръ живетъ преданіе о неблагодарности Леопольда I. Леопольдъ лежалъ на смертномъ одрѣ, разрушаемый медленнымъ ядомъ: свѣчи, горѣвшія у постели больного, были отравлены и испускали при горѣніи ядовитый газъ. Одинъ изъ итальянскихъ врачей, преслѣдуемый папой, открылъ причину болѣзни, и спасъ Леопольда отъ смерти; въ награду за это, Леопольдъ выдалъ его папскому нунцію, и знаменитый врачъ погибъ въ пыткахъ инквизиціи. Это преданіе минувшихъ дней, но есть безчисленное множество подобныхъ фактовъ и изъ новѣйшаго времени. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ правительство обѣщало всѣмъ австрійскимъ народамъ равноправность и національное внутреннее устройство, а на дѣлѣ, вмѣсто того, были отняты давнія права, и всѣмъ и каждому изъ народовъ навязано совершенно чуждое ему устройство. О неблагодарности Австріи къ Польшѣ и Россіи говорилъ одинъ польскій депутатъ въ засѣданіи прусской палаты, и привелъ два примѣра: спасеніе Вѣны Собѣскимъ и современное состояніе австрійской Польши; спасеніе Австріи русскими войсками въ 1848 году и дѣйствія Австріи противъ Россіи во время крымской войны.

Рядъ измѣнъ и неправдъ вооружилъ противъ Австріи общественное мнѣніе. Побѣды Французовъ надъ Австрійцами привѣтствовались всѣми народами Австріи, какъ залогъ ихъ наступающаго освобожденія. Извѣстіе о разбитіи австрійскихъ войскъ при Сольферино произвело такой восторгъ въ итальянскихъ полкахъ,

стоящихъ въ Чехіи, что солдаты собрались на площадь и громко кричали: «да здравствуетъ Италия, да погибнуть свиньи Нѣмцы!». Забавно, что на другой день послѣ такой демонстраціи распускались официальные извѣстія, что Италианцы не хотятъ и думать объ освобожденіи Італіи, и, будучи обязаны возвратиться въ отечество, со слезами покидаютъ Австрію, и подобныя вещи говорились людямъ, которые собственными глазами и ушами могли убѣдиться въ противномъ. До такой степени здѣсь привыкли пользоваться ложью и разчитывать на успѣхъ лжи. Впрочемъ, если вѣрять молві, несчастная судьба постигла нѣкоторыхъ, не скрывшихъ своей радости объ освобожденіи родины: носятся слухи, что многихъ разстрѣляли духовымъ ружьемъ, дабы не слышно было выстрѣловъ.

При наступленіи войны, негодованіе высказалось прежде всего въ Венгріи, еще недавно потерявшей самобытность. Венгерское дворянство отказалось поднести правительству адресъ съ увѣреніемъ въ готовности сражаться за Австрію, а подобные адреса правительство вынуждало у всѣхъ сословій. Какъ ни убѣждалъ Венгерцевъ эрцгерцогъ, управляющій Венгріей, они остались непреклонными при своемъ рѣшеніи, утверждая, что, будучи лишены конституціи, они не имѣютъ права говорить отъ лица народа или цѣлаго его класса. Чувство народности сильно возбуждено было въ Венгріи настоящею войною; оно, впрочемъ, и не умирало въ венгерскомъ народѣ, поддерживаемое благородною дѣятельностію патріотовъ. Въ залѣ пестскаго университета можно найти четырнадцать газетъ и двѣнадцать журналовъ на венгерскомъ языкѣ, издаваемыхъ большею частію не правительствомъ, а самими Венгерцами, между тѣмъ какъ у другихъ австрійскихъ народовъ издается одна какая-нибудь политическая газета, и то насчетъ правительства и въ его интересахъ, слѣдовательно вопреки интересамъ того народа, на языкѣ котораго издается. Театръ въ Венгріи, какъ и вездѣ, много содѣйствуетъ развитію народности; представленія даются на венгерскомъ языкѣ, и піесы часто избираются изъ венгерской исторіи, изъ временъ независимости Венгріи; дѣйствія враговъ, Турковъ или Нѣмцевъ, вызываютъ общее негодованіе, выраженія въ родѣ: «собака Нѣмецъ», не рѣдкость на венгерской сценѣ. Замѣчательная перемѣна совершилась въ послѣднее время въ отношеніяхъ Венгерцевъ къ Славянамъ. Извѣстно, что до 1848 года между Славянами и Венгерцами не было единодушія; Венгерцы пытались было ввести свой языкъ въ славянскія земли, входяція въ составъ Венгерскаго королевства, и мало уважали славянскую народность. Но время, обстоятельства и, въ особенности, поведеніе Австріи измѣнили возрѣніе.

Между Венгерцами, съ одной стороны, и Словаками и Сербами, съ другой, водворилось согласіе, они готовы идти рука объ руку и помогать другъ другу въ освобожденіи отъ подавляющаго ихъ ига. Простые Сербы говорятъ, что Венгры ближе имъ, нежели Нѣмцы: при встрѣчѣ съ Сербомъ, Нѣмецъ говоритъ: «Богъ помочь, *сосѣдь*,» а Венгерецъ: «Богъ помочь, *братъ*». Въ Венгріи замѣтно также сочувствіе къ Русскимъ; несмотря на вмѣшательство Россіи въ 1848 году, Венгры показываютъ большое расположеніе къ Русскимъ, и со вниманіемъ слѣдятъ за внутренними событіями Россіи, отчасти даже за русскою литературой. Нѣсколько молодыхъ Венгерцевъ высшаго круга начали учиться по-русски; одинъ профессоръ математики перевелъ *Горе отъ ума*; одинъ житель Песта прочиталъ повѣсти г. Тургенева во французскомъ переводѣ, и они произвели на него такое впечатлѣніе, что онъ сталъ учиться по-русски, чтобы читать г. Тургенева въ подлинникъ. Возникающему знакомству съ Россіей много способствуетъ запретительная система Австріи. Австрія ненавидитъ Россію, и всячески старается представить ее своимъ подданнымъ въ самомъ черномъ видѣ; этого уже достаточно, чтобы вышелъ обратный результатъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вышла венгерская грамматика на русскомъ языкѣ; въ предисловіи сказано нѣсколько словъ о сочувствіи Венгровъ къ Русскимъ: австрійская полиція запретила грамматикѣ распространяемому образомъ, и тѣмъ много способствовала распространенію ея въ Венгріи.

Желѣзная рука Австріи, встрѣчая постоянное противодействіе въ Италіи и Венгріи, всею силой своею налегла на Славянъ. Первою жертвою австрійской политики суждено было сдѣлаться Чехамъ, ближайшимъ сосѣдямъ Нѣмцевъ. Болѣе двухъ вѣковъ тяготѣетъ надъ Чехами ненавистное иго, болѣе двухъ вѣковъ истощаются всѣ усилія, чтобы подавить славянскую народность, но эти усилія не достигаютъ результатовъ, какихъ ожидали и ожидаютъ Австрійцы. Мнѣніе о германизациі Чеховъ (которые терпѣть не могутъ, чтобъ ихъ называли Богемцами) сдѣлалось общимъ мѣстомъ; съ одной стороны, поддерживается оно вѣнскимъ министерствомъ, постоянно увѣряющимъ, что Чехи сдѣлались уже Нѣмцами и благоденствуютъ, а потому и другимъ Славянамъ необходимо, для собственнаго ихъ счастья, скорѣе переродиться въ Нѣмцевъ; съ другой стороны, причиной невѣрнаго мнѣнія — малое знакомство путешественниковъ съ Чехіей. Тому, кто пробудетъ три-четыре дня въ какой-нибудь прагской гостиницѣ, можетъ показаться, что онъ пробылъ между Нѣмцами; кельнеръ и лондинеръ объясняются не иначе, какъ только по-нѣмецки, купцы также говорятъ въ лавкахъ по-нѣмецки. Но

узнавши Прагу ближе, посѣщая чешское общество и побывавъ въ городахъ и селахъ внутри Чехіи, вы придете къ другому заключенію. Большинство населенія Чехіи, народъ, состоящій изъ нѣсколькихъ милліоновъ, сохранилъ народность вполнѣ; онъ не только не знаетъ по-нѣмецки, но самое названіе: «Нѣмецъ», употребляетъ почти какъ бранное слово. Въ самомъ популярномъ гимнѣ Св. Вацлаву поется: «Смилуйся надъ нами, прогони Нѣмцевъ чужеземцевъ!» Въ печати, цензура замѣнила слово «Нѣмцевъ» словами «всякое зло», и народъ толкуетъ эту замѣну такъ, что «Нѣмецъ» и «всякое зло» одно и то же. Высшее дворянство почти все состоитъ изъ иностранцевъ и никогда не было чешскимъ; но немногія, чисто чешскія семейства высшаго круга не забыли до сихъ поръ чешскаго языка, и готовы принять сторону народа, какъ это и оказалось въ 1848 году: нѣмцы изъ нихъ запрещены въездъ въ Прагу, другія осуждены на постоянное пребываніе въ какомъ-нибудь захолустѣ, подъ надзоромъ шпионовъ. Писатели и ученые не только пишутъ и говорятъ по-чешски; но и стоятъ на стражѣ народности, отстаивая ее отъ всѣхъ нападений австрійской «цивилизующей» полиціи. Слословіе чиновниковъ и купцовъ въ большихъ городахъ всего болѣе подверглось нѣмецкому вліянію, и въ этой-то средѣ многія тысячи потераны для славянскаго міра. Впрочемъ, германизация часто касается одной только формы, ограничиваясь употребленіемъ нѣмецкаго языка. Въ полуобразованныхъ кругахъ чешскаго общества считается хорошимъ тономъ говорить по-нѣмецки. Большинство чиновниковъ и купцовъ совершенно равнодушно къ народности, и готово дѣйствовать и въ чешскомъ и въ нѣмецкомъ духѣ, смотря потому, какой образъ дѣйствій даетъ больше жалованья или приносить больше дохода. Да притомъ же они такъ запуганы полиціей, что нужно продолжительное знакомство съ ними, чтобъ они рѣшились высказаться вполнѣ. Тотъ же самый человекъ, который говорилъ съ вами по-нѣмецки и казался совершеннымъ Нѣмцемъ, съ большимъ удовольствіемъ заговоритъ по-чешски, если вы скажете нѣсколько словъ на этомъ языкѣ; а заговоривъ на родномъ языкѣ, и осторожный человекъ становится нѣсколько откровеннѣе. Желаніе и привычка блистать въ обществѣ знаніемъ нѣмецкаго языка вводитъ иностранцевъ въ заблужденіе; но знатоки совершенно иначе объясняютъ характеръ нѣмецкаго вліянія въ Чехіи. Не только Чехи-патріоты, но и писатели нѣмецкіе, которыхъ обвиняютъ въ пристрастіи къ нѣмецкому элементу, признаютъ за Чехами заслугу упорнаго сохраненія народности, несмотря на всѣ пораженія ея сверху. Бѣлогорская битва и тридцатилѣтняя война, говорить одинъ нѣмецкій путе-

шественникъ, превратили Чехію въ пустыню; дворянство погибло въ битвахъ, казнено или всемилостивѣйше сослано въ вѣчное заточеніе. Раздѣленіе Польши окончательно отрѣзало Чехію отъ славянскаго міра и заключило ее въ міръ германскій. Но Чехи упорно сопротивлялись германизации, и во враждебномъ германскомъ мірѣ прорывали каналы къ Сербамъ, Черногорцамъ, Полякамъ и особенно къ Русскимъ, и этимъ вливали новые жизненные соки въ Чехію. Въ юговосточной Чехии есть много мѣстъ, гдѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія объ австрійскомъ императорѣ, и говорятъ о чешскомъ королѣ, словно живутъ при Вацлавѣ или Подѣбрадѣ. Чеховъ преимущественно много въ австрійской службѣ: гордость заставляетъ Итальянцевъ и Венгерцевъ избѣгать службы; Чехъ гордится тѣмъ, что онъ сталъ необходимъ для Нѣмцевъ, какъ чиновникъ, ученый, музыкантъ и т. д. Страсть къ музыкѣ здѣсь всеобщая: нѣтъ человѣка, который не игралъ бы на флейтѣ или рогѣ; Чехъ разучился свободно выражать чувства своимъ словомъ, онъ выражаетъ ихъ въ звукахъ музыки, и звуки эти большею частію меланхолическіе.

Сколько бы ни было различныхъ мнѣній касательно германизации Чеховъ, вопросъ о ней могъ бы быть вполне рѣшенъ только тогда, когда Чехія получила бы снова политическую самостоятельность, а до тѣхъ поръ невозможно рѣшить его даже и приблизительно. Сорокъ восьмой годъ доказалъ, что чувство народности гораздо живѣе и глубже во всѣхъ классахъ народа, нежели предполагали самые даже горячіе поборники народности. Сильное, повидимому, но слабое въ сущности нѣмецкое вліяніе на *просвѣщенныя* Чеховъ, зависитъ отъ цѣлей и средствъ, которыми стараются навязать его чешскому народу. Никто не сомнѣвается въ благотѣльной силѣ германской цивилизации; но дѣйствительно ли эту благотѣльную цивилизацію Австрія распространяетъ между славянскими народами? Тысяча фактовъ показываютъ противное. Все, что составляетъ красу и гордость германской цивилизации, въ чемъ видна безпредѣльная свобода изслѣдованія, все это считается, по конкордату, не только смертнымъ грѣхомъ, но и гражданскимъ преступленіемъ и не допускается ни въ публику, ни въ университеты. Полуобразованные Австрійки, учась по-нѣмецки потому только, что на балахъ и маскарадахъ говорятъ по-нѣмецки, остаются въ совершенномъ невѣдѣніи о богатой нѣмецкой литературѣ, и просвѣщающему чтенію Лессинга и Гёте предпочитаютъ болѣе легкое и болѣе близкое къ вѣнскимъ нравамъ чтеніе Польде-Кока, въ нѣмецкомъ переводѣ.

Образованнѣйшая, лучшая часть чешскаго народа остается чешскою по духу, по дѣятельности, по сочувствіямъ. Убѣдительно-

нымъ доказательствомъ этому служить литература. Замѣчательнѣйшіе представители современной чешской литературы проникнуты тѣми стремленіями, которыя оживляли передовыхъ людей въ эпоху литературнаго и политическаго возрожденія Чехіи. Особенно ярко выразилъ стремленія этой эпохи Коларъ. Много горькой правды услышали отъ него современники, которыя указывалъ онъ вѣрный путь къ достиженію цѣли; но правда жизни не всегда являлась у него во всей своей наготѣ; мечты еще украшали дѣйствительность. Наступила новая пора; вѣра въ сны, хотя бѣ и поэтическіе, прошла безвозвратно; дѣйствительность требовала себѣ ходатая, и на служеніе ей обрекъ себя даровитѣйшій современный писатель-гражданинъ, г. Гавличекъ. Мы позволимъ себѣ остановиться по нѣскольку минутъ на этихъ двухъ личностяхъ, проложившихъ путь современнымъ писателямъ-патріотамъ.

Воспитаніе и жизнь Колара сложились такимъ образомъ, что у него особенно сильно развились чувство и фантазія. Съ первыхъ лѣтъ дѣтства, душа его подвергалась сильному впечатлѣнію; но эти впечатлѣнія не были сладки. Отецъ жестоко обращался съ Коларомъ, и поселилъ въ сынѣ такой страхъ и отвращеніе къ самому имени отца, что представлять Бога въ видѣ отца долго казалось Колару величайшимъ оскорбленіемъ Божества. Когда Колару исполнилось пятнадцать лѣтъ, отецъ не хотѣлъ продолжать его ученія, упрекалъ его, что онъ не занимается ремесломъ, называлъ его дармоѣдомъ, говоря: «хочешь паномъ быть, баклуши бить, по школамъ ходить»; частенько бѣвалъ его, приговаривая изъ Сираха: «Кто любитъ сына, тотъ бьетъ его; согни шею сына смолода и обломай бока его». Лучшая судьба ожидала Колара въ юности, внѣ родительскаго дома. Лѣта первой молодости Коларъ провелъ въ Іенѣ, въ университетѣ. Въ Іенѣ студенты раздѣлялись на корпораціи, жили совершенно независимо, воевали и мирились съ городскими обывателями. Любимымъ профессорамъ, въ день ихъ рожденія, именинъ и при другихъ случаяхъ, давали серенады и говорили рѣчи; кого еще болѣе хотѣли почтить, сажали дерево передъ домомъ его, или на площади, и давали дереву имя любимаго профессора. Въ Іенѣ Коларъ сошелся съ Русскими, Карасевыми, учившимися въ тамошнемъ университетѣ, и отчасти при ихъ пособіи сталъ учиться по-русски, прочелъ грамматику Фатера, перевелъ оду *Богъ Державина* и нѣсколько одъ Ломоносова, и читалъ *Древнія русскія стихотворенія*. Но самое первое знакомство съ Русскими относится еще ко времени дѣтства Колара, и составляетъ, по его словамъ, одно изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній его дѣтской жизни. По окон-

чаніи первой французской войны, говоритъ Коларъ, Русскіе, возвращаясь на родину, проходили черезъ наше мѣстечко; они слыли у насъ дикимъ, суровымъ, жестокимъ народомъ, поэтому я сначала боялся ихъ и убѣгалъ отъ нихъ; но, услышавъ ихъ пѣсни, подобныя нашимъ, я подошелъ къ нимъ и рѣшился заговорить: они брали меня на руки, ласкали, цѣловали, давали деньги; часть ихъ я отослалъ потомъ въ чешскій музеумъ. Узнавши ближе Русскихъ, я сердился на Нѣмцевъ, распускавшихъ о нихъ, и особенно о козакахъ, нелѣпыя слухи, какъ о жестокихъ людѣдахъ.

Въ іенскомъ университетѣ Коларъ слушалъ богословіе, философію, міологію и естественныя науки. Профессоръ теологіи Габлеръ, рационалистъ, читалъ тогда новую, созданную имъ науку, библейскую теологію, которую онъ строго отдѣлялъ отъ теологіи церковной. Но всего болѣе имѣли вліяніе на Колара три профессора: Луденъ, Окенъ и Фрицъ. Луденъ, въ своихъ историческихъ чтеніяхъ, пользовался Адамомъ Бременскимъ, Саксономъ Грамматикомъ, Гельмольдомъ, Дитмаромъ, и то, что они говорили о Славянахъ, переносилъ на Нѣмцевъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что края, о которыхъ шла рѣчь, были прежде нѣмецкими, и Венды могли отъ Нѣмцевъ заимствовать свои обряды и молитвы. Коларъ отправился къ Лудену для объясненія, указалъ на несомнѣнно-славянскія имена: Святovitъ, Радегастъ и на другіе факты, показывающіе разницу между славянскою и германскою міеологіей. При позднѣйшихъ встрѣчахъ, Луденъ называлъ Колара своимъ славянскимъ учителемъ, и слегка воспользовался сообщенными имъ фактами при изданіи исторіи нѣмецкаго народа, что весьма польстило самолюбію бывшаго слушателя. Изъ лекцій Окена особенно вспоминалъ Коларъ ту, въ которой Окенъ говорилъ о сотвореніи міра: внимая разказу его, исполненному поэзіи и фантазіи, слушатели, казалось, становились свидѣтелями великой эпохи творенія. Окенъ говорилъ, между прочимъ, Колару: «Америка и Славяне— два предѣла великаго кладбища, на которомъ раньше или позже погребены будутъ остальные народы... Я Нѣмецъ душой и тѣломъ, но мнѣ становится стыдно за Германію, когда читаю въ исторіи, какъ немилосердно Нѣмцы поступали съ Славянами».

Въ Іенѣ же Коларъ познакомился съ Гёте, и Гёте просилъ дать ему нѣсколько славянскихъ пѣсень, которыя потомъ перевелъ и издалъ въ своемъ журналѣ. Сильно подѣйствовало на патріотическое настроеніе Колара слѣдующее, незначительное, по видимому, обстоятельство: когда Каталани пѣла въ Карлсбадѣ, Гёте слушалъ ее разсѣянно, не смотрѣлъ на пѣвицу и говорилъ о постороннихъ вещахъ. Потомъ, по желанію общества, запѣла

по-нѣмецки жена австрійскаго посланника въ Дрезденъ. При первыхъ звукахъ Гёге вскочилъ съ мѣста и сказалъ громко: «Эти звуки ближе намъ, на нихъ вполне отзывается наше нѣмецкое сердце». Этимъ отзывомъ Каталани такъ оскорбилась, что немедленно уѣхала изъ Карлсбада.

По окончаніи университетскаго курса, Коларъ избралъ званіе проповѣдника, которое и сохранилъ до смерти. Не считаемъ нужнымъ сообщать другія біографическія подробности о Коларѣ, скажемъ только, что приведенные нами факты заимствованы изъ автобіографіи Колара, весьма любопытной и до сихъ поръ неизданной.

Слава Колара проникла во всѣ концы славянскаго міра. Чехи и Словаки благоговѣли передъ нимъ, и патріотическія пѣсни его называли новымъ Евангеліемъ. Теперь, когда время перваго впечатлѣнія давнымъ давно миновало, дѣятельность Колара можетъ быть оцѣнена вѣрнѣе и безпристрастнѣе. Онъ дѣйствовалъ на общество какъ ученый, какъ поэтъ и какъ проповѣдникъ. Ученая дѣятельность его всего менѣе имѣла и могла имѣть вліяніе; въ его сочиненіяхъ, вмѣсто спокойнаго духа изслѣдованія, часто замѣтно увлеченіе. Поэзія его сильно дѣйствовала на современниковъ; сонеты его, изданные подъ именемъ *Дочери Славы*, переходили изъ устъ въ уста и поддерживали патріотическое настроеніе молодежи. Но самое существенное значеніе имѣютъ его проповѣди, его рѣчи къ народу.

Сонеты свои самъ Коларъ называлъ *Дочерью Славы*; такое аллегорическое названіе не ясно и не идетъ къ содержанію книги. Чешскіе критики видѣли въ *Дочери Славы*, героинѣ пѣсень, апотеозъ жены Колара: предметъ его любви казался такимъ совершенствомъ, что молодые люди приходили изъ разныхъ краевъ Чехіи, чтобы видѣть музу, вдохновлявшую Колара. Критики иностранные, и именно англійскіе, полагали, что Коларъ подражалъ Пеграркѣ и вмѣсто Жауры воспѣлъ Славу — олицетворенную родину. Иные сонеты не имѣютъ ни художественнаго, ни общественнаго значенія, состоя изъ кудрявыхъ аллегорій. За то, во многихъ столько глубокаго чувства, что ихъ долженъ, говоря словами Челяковскаго, утромъ и вечеромъ приводить себѣ на мысль каждый вѣрный сынъ родины. Обращаясь къ Чехіи, Коларъ говоритъ: «Какъ привѣтствовать тебя, слезой или пѣснью, какъ мать или какъ мачиху, земля, полная славы и позора, богатая и милостію и гнѣвомъ боговъ? Какъ пловецъ радуется запаху, доносимому вѣтромъ съ того берега, такъ я радуюсь звукамъ чешскаго языка; но смущаетъ меня, что въ этой землѣ у многихъ языкъ лучше, нежели сердце» и т. д.

Особенность Колара, какъ проповѣдника, заключается въ томъ, что онъ обращается именно къ тѣмъ вопросамъ, которыхъ обыкновенно избѣгаютъ подъ разными предлогами. Нѣсколько лучшихъ проповѣдей Колара посвящено свободѣ, между тѣмъ какъ другіе обходили самое слово *свобода*. Для Колара проповѣдь была религіознымъ служеніемъ отечеству; оттого столько правды и искренности въ словахъ его, обращенныхъ къ народу. Мы приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ разныхъ бесѣдъ Колара; въ нихъ слышится положеніе соплеменниковъ его. «Свобода, говоритъ Коларъ, не есть страшилище, за которое инымъ хотѣлось бы ее выдать; она — благодѣтельный ангелъ, разливающий неисчислимыя блага и счастье между людьми и народами. Ее должно не убивать, а поддерживать и развивать, потому что она возбуждаетъ и укрѣпляетъ чувство достоинства человѣческаго. Достоинство человѣка и его преимущество передъ другими созданіями составляютъ: разумъ, совѣсть, бессмертная душа и свободная воля. Планеты совершаютъ путь свой по невѣдомымъ для нихъ законамъ, камень движется по дѣйствию посторонней силы, животныя, волей или неволей, склоняются подъ чужое ярмо; но для человѣка такое подчиненіе чужой волѣ постыдно. Безъ свободы нѣтъ добродѣтели; какъ вынужденный грѣхъ не есть грѣхъ, такъ вынужденная добродѣтель не есть добродѣтель.» «Гдѣ замѣчательныя умы осуждаются на изгнаніе и подвергаются кровавымъ преслѣдованіямъ, гдѣ тысячи умовъ не смѣютъ мыслить иначе, чѣмъ какъ хочетъ одинъ, тамъ скоро зайдетъ солнце свѣта; опустятся крылья у кажлаго дарованія, всякій станетъ учиться не болѣе, чѣмъ сколько нужно для куска хлѣба, школы опустѣютъ, и въ храмахъ, вмѣсто истины, воцарится суевѣріе.» «Обычай и привычка, первые враги разумной свободы, ибо ко всякому злу можно привыкнуть. Сорокъ лѣтъ Моисей долженъ былъ водить привыкшія къ игу народы, чтобъ отучить его отъ рабскихъ узъ; цѣлде старое покрывало должно было вымереть, а новое вырасти.» «Какой народъ можетъ назваться несчастнымъ? Тотъ, который лишень народнаго воспитанія и управленія, не имѣетъ ни школъ, гдѣ бы учили на родномъ языкѣ, ни общественныхъ сходокъ, и осужденъ проливать кровь свою за чужіе интересы.» «Желая лучшей доли, не ожидайте, чтобы счастье пало къ намъ съ вѣтра, готовое, безъ всякой со стороны нашей заслуги; но приготовимъ ему путь, и съ полными руками поидемъ на встрѣчу иной, лучшей будущности. Одинъ народъ часто налагалъ на другой народъ цѣпи рабства, но никогда не приносилъ пальмы свободы и счастья: пальму свободы не возможно пересадить, она должна вырасти изъ народной почвы.»

Смѣлая рѣчь Колара не оставалась безъ дѣйствія на слушателей и читателей; но реакція правительства была такъ сильна, что нужны были мѣры самыя рѣшительныя, дабы святая искра не угасла въ удушливой атмосферѣ бюрократіи, солдатчины и іезуитизма. Писатели продолжали свое дѣло, лучшая часть общества не поддавалась австрійскому вліанію, но борьба съ нимъ становилась все тяжелѣе и тяжелѣе. Ученые, запуганные ценсурой, должны были ограничиться археологическими изслѣдованіями, доступными только для специалистовъ; поэты, боясь оковъ и заточенія, не говорили ни слова о родинѣ; здравый смыслъ народа старались заглушить разными книжонками іезуитской фабрикаціи. Но тайный протестъ не умолкалъ въ обществѣ. Выразителемъ его рѣшился быть молодой и даровитѣйшій писатель, Гавличекъ, самая популярная личность современной Чехіи. Съ блестящимъ талантомъ онъ соединялъ непоколебимое благородство убѣжденій. Перебирая средства, которыя могли бы служить къ избранной имъ цѣли, Гавличекъ пришелъ къ мысли, что поприще журналиста, издателя популярной газеты, есть самое полезное и плодотворное для проведенія въ массу идей, необходимыхъ для ея благосостоянія. Къ дѣлу своему онъ приступилъ съ замѣчательнымъ приготовленіемъ; хорошо изучивъ свое отечество, онъ желалъ узнать бытъ и другихъ народовъ. Три чешскіе патріота рѣшились отправиться въ разныя страны Европы съ тѣмъ, чтобы результатами своего пребыванія за границей воспользоваться по возвращеніи въ отечество. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ отправиться въ Англію, другой во Францію, третій въ Россію. Россію избралъ Гавличекъ; онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, гувернеромъ въ семействѣ г. Шевырева. По возвращеніи изъ Россіи, Гавличекъ началъ свою литературную и общественную дѣятельность: онъ былъ редакторомъ *Прагскихъ Вѣдомостей*, газеты *Пчелы*, а съ 1848 до 1850 г. издавалъ *Народныя Новины*, газету, самую замѣчательную между всѣми австрійскими газетами того времени. Извѣстность Гавличка быстро распространилась въ народѣ, три округа выбрали его своимъ представителемъ на вѣнскій государственный сеймъ. *Народныя Новины* нѣсколько разъ были задерживаемы, подвергались запрету и, наконецъ, въ январѣ 1850 года запрещены навсегда. Послѣ *Новинъ* Гавличекъ издавалъ газету *Славянинъ*, въ которой помѣщалъ, подъ именемъ *Кутногорскихъ писемъ*, превосходныя статьи противъ злоупотребленій католическаго духовенства. *Кутногорскія письма*, какъ и всѣ вообще изданія Гавличка, подверглись гоненію со стороны свѣтскихъ и духовныхъ властей; агенты полиціи, явной и тайной, обходили города и села, требуя выдачи за-

прощенныхъ книгъ; непоселяне не выдавали драгоцѣнныхъ для нихъ изданій Гавличка, зарывали ихъ въ ящикахъ въ землю, задымляли въ дерево, и т. п. На вопросъ, отчего они такъ дорожатъ каждою строкой Гавличка, поселяне отвѣчаютъ: «Да какъ же не дорожить? вѣдь онъ такъ писалъ, что всякій пойметъ, и у всякаго откроются глаза». Наскучивъ запросами и придирками полиціи, Гавличекъ прекратилъ изданіе газеты; дѣло его было передано на обсужденіе присяжныхъ, и они единогласно признали его правымъ. Преслѣдованія, повидимому, прекратились, и Гавличекъ, оправданный законнымъ судомъ, считалъ себя совершенно безопаснымъ. Но во Франціи произошелъ роковой переворотъ 2 декабря; Австрія сбросила маску, и начала гоненія на людей, невинность которыхъ была доказана судомъ. Гавличекъ былъ схваченъ жандармами и отвезенъ въ Тироль, въ Бриксенъ, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ и нажилъ жестокою чахотку. Послѣдніе дни свои, по настойчивому ходатайству врачей, Гавличекъ провелъ въ Прагѣ; онъ умеръ въ іюль 1856 года. Безчисленное множество народа провожало его до кладбища, пражскіе старожилы не запомнятъ такихъ похоронъ. До конца вѣрная себѣ полиція строго запретила чиновникамъ быть на погребеніи; но и самые отъявленные бюрократы пренебрегли на этотъ разъ неблагороднымъ распоряженіемъ начальства, и даже одинъ изъ полицейскихъ, не смѣя дѣйствовать явно, умолялъ своего сосѣда взять для него листокъ изъ вѣнка, лежавшаго на гробѣ покойнаго.

Гавличекъ поднялъ въ изданіяхъ своихъ самые существенные вопросы, и сдѣлался истолкователемъ ихъ для общества. Народность, представительство, устройство судовъ, подати и налоги и тому подобныя предметы обсуживались имъ съ замѣчательною проницательностію. Слѣдя зоркимъ глазомъ за общественными событіями, онъ не упускалъ изъ виду и замѣчательныхъ произведеній въ области литературы и науки. Такъ онъ написалъ нѣсколько популярныхъ статей о Гусѣ, представилъ обширныя извлеченія о бѣлогорской битвѣ, изъ *Исторіи* Павла Скалы, изложилъ содержаніе извѣстнаго сочиненія Бальбина: *Защита славянскаго народа*, и т. п. Мысли Гавличка не всегда имѣютъ всеобщее значеніе, но онѣ всегда имѣютъ вѣрное приложеніе къ Чехіи, и надобно прибавить, что простота и ясность выраженія соединялись у Гавличка съ мѣткимъ остроуміемъ, нажившимъ ему особенно много враговъ, по той причинѣ, что насмѣшки, говоря словами Гоголя, боятся даже тотъ, кто уже ничего не боится на свѣтѣ.

Первая и главнѣйшая забота наша, пишетъ Гавличекъ въ *Новинахъ*, должна быть о сохраненіи народности и языка. Братъ, не

вѣрите коварнымъ людямъ, которые говорятъ, что языкъ есть только пустая форма, посторонняя вещь для свободы, и что изъ-за народности и языка не слѣдуетъ забывать о вещахъ, гораздо болѣе важныхъ. Кто говоритъ такъ, тотъ истый врагъ народу нашему. Свобода слова есть истинная свобода. Когда въ школахъ и судахъ заговаряютъ на чужомъ языкѣ, тогда управление перейдетъ въ руки нѣсколькихъ наемниковъ, и вась будутъ продавать на вашей родной землѣ. Останетесь ли при прежнемъ порядкѣ? Хотите ли, чтобы на отцовъ вашихъ, не умѣющихъ говорить по-нѣмецки, какой-нибудь пройдоха указывалъ съ презрѣніемъ, какъ на низшую тварь? Уважайте сами себя, и другіе будутъ вась уважать.

Сознавая необходимость введенія народнаго языка въ суды и училища, Гавличекъ возставалъ противъ полумѣръ, противъ различныхъ попытокъ, на первый взглядъ кажущихся угѣшительными. Таково, напримѣръ, было предложеніе министра народнаго просвѣщенія, графа Туна, о заведеніи чешскихъ гимназій, въ которыхъ бы предметы преподавались исключительно по-чешски, между тѣмъ какъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ въ Чехіи преподаваніе шло бы по-нѣмецки. Противъ этого предложенія возсталъ Гавличекъ, говоря, что пока не исполнится на дѣлѣ данное обѣщаніе равноправности, пока въ судопроизводствѣ не будетъ принятъ чешскій языкъ, до тѣхъ поръ чисто-чешскія гимназіи были бы заведеніемъ самымъ не практическимъ; извѣстно, что большая часть учащихся поступаетъ въ гимназіи съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи курса, занять какое-нибудь мѣсто на службѣ, а теперь, не зная нѣмецкаго языка, нельзя быть ни капраломъ, ни даже истопникомъ и рассыльнымъ въ какомъ-нибудь вѣдомствѣ.

Когда вышелъ конституціонный уставъ, Гавличекъ разобралъ его въ *Новинахъ*, за что и долженъ былъ выдержать процессъ. По вѣрному замѣчанію Гавличка, уставъ имѣетъ ту особенность, что слѣдуетъ обратить вниманіе не на то, что въ немъ есть, а на то, чего въ немъ нѣтъ и о чемъ не сказано съ умысломъ, какъ напримѣръ, о личной свободѣ, о выборахъ, о книгопечатаніи, и т. п. Въ *Народныхъ Новинахъ* подробно объясненъ предметъ, приводящій многихъ въ недоумѣніе, именно образъ дѣйствія Славянъ въ 1848 году, когда они, вмѣсто того, чтобы вооружиться противъ главнаго своего врага, Австріи, стали въ ряды ея защитниковъ. Гавличекъ объясняетъ поведеніе Славянъ слѣдующимъ образомъ. Славяне спасли Австрію не потому, чтобы не видѣли уродливости ея состава, а по чувству самосохраненія. Всѣ народы, живущіе въ Австріи, имѣютъ точку опоры внѣ ея, одни Славяне не видѣли выхода изъ роковыхъ предѣловъ. Либеральные Нѣмцы желали паденія Австріи, чтобы соединиться съ дру-

гми Нѣмцами и составить одно сильное цѣлое; австрійскіе Италіяны естественно стремились къ своимъ италіанскимъ братьямъ; Венгры думали, на развалинахъ Австріи, утвердить свое господство и распространить его и на Славянъ австрійскихъ. Народы славянскіе, обитающіе въ Австріи, видѣли невозможность образованія нѣсколькихъ славянскихъ государствъ: каждое изъ нихъ было бы слишкомъ слабо для борьбы съ сосѣдями-непріятелями. Оставалась одно средство — всѣмъ Славянамъ соединиться между собою и общими силами отстоять свою независимость. О національномъ правительствѣ нельзя было и думать, потому что не всѣ славянскія племена до такой степени политически развиты, чтобы забыть взаимныя антипатіи: Моравецъ не довѣряетъ Чеху, Русинъ Поляву и т. д. Тѣмъ скорѣе Славяне шли за Австрію, что она торжественно обѣщала равноправность: послѣдствія показали, какой сарказмъ былъ въ этомъ обѣщаніи.

Разнообразіе таланта Гавличка давало ему возможность дѣйствовать и строгимъ обличеніемъ и колкою сатирой. Немногія изъ эпиграммъ его напечатаны въ юмористическомъ прибавленіи къ *Новинамъ*, остальные хранятся у его многочисленныхъ почитателей. Эпиграммы Гавличка въ подобномъ родѣ:

«Три лютые губители чешскихъ книгъ: плѣсень, моль и иезуиты.

«Пока Чехи были еретиками, ихъ ожидалъ по смерти адъ, за то при жизни былъ рай, а пришли иезуиты и обѣщаютъ по смерти рай, за то жизнь въ Чехіи сдѣлалась адомъ.

«Че ходи, мужичокъ, никогда съ панами по льду, а то часто бываетъ, что панъ поскользнется, а у мужика сломается нога.

«Австрія называется почешски Ракусами: откуда это имя? вѣроятно, отъ раковъ, потому что Австрія, какъ и раки, ходитъ не впередъ, а назадъ.

«Ты хвастаешь, что ты глава четырехъ тысячъ гражданъ: каковы же должны быть у такой головы уши?»

Гавличку чешская литература обязана также нѣсколькими переводами, какъ, напримѣръ, переводомъ повѣстей Гоголя: *Шинель*, *Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ* и т. д. Ему же принадлежитъ много оригинальныхъ стихотвореній, очень любимыхъ чешскою публикой; большая часть изъ нихъ содержанія юмористическаго, вполне удовлетворяющаго вкусу чешскаго общества. Въ стихотвореніи *Могила* онъ говоритъ юношѣ: «Не вели хоронить себя на кладбищѣ, тамъ будутъ пасть тобою каждое лѣто поповскія коровы; лучше лежать одному, а на могилѣ пускай посадятъ липу, и любо тебѣ будетъ подъ липой: весной запоютъ на ней птицы, а лѣтомъ придутъ отдыхать подъ тѣнью

оя молодицы и парубки. Лица высосеть изъ тебя медоваго сока, пчелки насбираютъ его въ свои ульи, а тамъ... хорошенькя дѣвочки станутъ подслащивать тобою кофей...

Дѣятельность Гавличка даетъ понятіе о томъ настроеніи, которое господствуетъ въ лучшей части современнаго чешскаго общества: оно не свободно отъ раздраженія; но вина въ этомъ лежитъ не на Чехахъ, а на Австріи, которая своими мѣрами дѣлаетъ невозможнымъ спокойствіе духа, столь нужное для яснаго и умѣреннаго сужденія о чемъ бы то ни было. Политическая зрѣлость, можетъ-быть, еще очень не велика здѣсь, но несомнѣнно, что въ здѣшнихъ стремленіяхъ и усиліяхъ есть очень много благороднаго. Литература постоянно была вѣрна благороднымъ стремленіямъ общества, и если, въ настоящее время, мы не видимъ ничего подобнаго смѣлому протѣсту Гавличка, то главная причина заключается въ правительственныхъ мѣрахъ. Во главѣ писателей стоятъ

три знаменитые ветерана: гг. Шафарикъ, Палацкій и Ганка. Г. Шафарикъ издаетъ, преимущественно, спеціальныя изслѣдованія по части славянскихъ древностей и филологіи. Всѣ иностранные ученые, бывающіе въ Прагѣ, считаютъ долгомъ посѣтить Шафарика, и намъ случалось слышать отзывы, что получасовая беседа съ знаменитымъ ученымъ давала болѣе, нежели сколько можно добыть нѣсколькими мѣсяцами кабинетнаго труда. Г. Палацкій—оракулъ современныхъ Чеховъ; вокругъ него группируются писатели и вообще образованные люди Чехіи, и мнѣнія его уважаются и повторяются, какъ приговоры мудреца: недаромъ Гавличекъ посвятилъ ему лучшія статьи свои, изданныя подъ именемъ *Духа Народныхъ Новинъ*. Палацкій, какъ историографъ, продолжаетъ свой обширный трудъ, исторію Чехіи, высокое достоинство которой признано европейскими историками. Послѣдній, недавно оконченный, томъ заключаетъ въ себѣ эпоху Георгія Подѣбрада, одну изъ любопытнѣйшихъ историческихъ эпохъ, имѣющую общеевропейское значеніе. Печатаніе новаго тома задержано *стакми* потому, что нѣмецкій переводъ еще не вполне готовъ. Эти *стакы* (состоянія, сословія) учрежденіе презагадочное; прежде они состояли изъ выбранныхъ, на три года, изъ всѣхъ сословій; переворотъ 1848 года измѣнилъ порядокъ вещей; выборы болѣе не производятся, и выборный комитетъ доживаетъ вѣкъ свой безъ участія въ дѣлахъ государственныхъ, безъ всякаго политическаго и административнаго значенія; о дѣйствіяхъ его вовсе и неслышно, кромѣ дѣйствій такого рода, какъ запрещеніе печатать по-чешски безъ нѣмецкаго перевода. Да и какъ понимать это запрещеніе? Людямъ, непосвященнымъ въ тайны комитета, оно кажется просто пошлымъ и жалкимъ угодничествомъ передъ австрійскою полицейскою властью. Старѣйшій между членами литературнаго триумвирата, В. В. Ганка, лично знакомъ почти всѣмъ Русскимъ, бывшимъ въ Прагѣ хотя бы на нѣсколько часовъ. Дѣятельность этого почтеннаго чловѣка издали представляется совершенно не въ томъ видѣ, какой имѣетъ она на своей родной почвѣ. Не ограничиваясь тѣснымъ кругомъ спеціалистовъ, онъ имѣетъ въ виду всѣ классы своего народа, у котораго такъ безжалостно отнимаются средства къ образованію въ народномъ духѣ. Судить г. Ганку, какъ спеціалиста, отнюдь не слѣдуетъ: онъ одинъ изъ самыхъ усердныхъ ревнителей подавляемаго Австріей просвѣщенія въ Чехіи, — вотъ его истинное значеніе какъ писателя и гражданина. Австрійская система до того невыносима, что каждый годъ Чехія теряетъ многихъ гражданъ, огравляющихся искать лучшей доли въ далекия страны, преимущественно въ Америку. Поселившись вдали отъ родины и принявши, по необходимости, чужой языкъ, они поддер-

живають связь съ родиной только тѣмъ духовнымъ залогомъ, тѣмъ немногими книгами, что вывезли изъ Чехіи. Г. Ганка издаетъ то древнія произведенія чешской поэзіи, красу и гордость чешской словесности, какъ напримѣръ *Краледворскую рукопись*, то народныя пѣсни, то молитвы на чешскомъ языкѣ и т. д. Одна талантливая артистка, покидая Прагу, сказала, держа въ рукахъ молитвы, изданныя г. Ганкою: «Говорить и пѣть я принуждена по-нѣмецки, но думать и молиться всегда буду по-чешски.» И едва ли не каждый переселенецъ увозить съ собою то или другое изъ изданій г. Ганки. Если же они проникають и за границу, то во сто разъ болѣе распространены они въ Чехіи и пользуются необыкновенною популярностью, равно какъ и самое имя автора. На вопросъ, сдѣланный лодочнику, знаетъ ли онъ Ганку, онъ отвѣчалъ: «да ктожь не знаетъ Ганки: такихъ людей нужно въ золото обдѣлывать, такихъ на бѣломъ свѣтѣ немного.» Нужно отдать справедливость г. Ганкѣ: онъ знаетъ потребности общества, среди котораго живетъ и интересамъ котораго служить. Онъ пользуется общимъ уваженіемъ не только Чеховъ, но и всѣхъ другихъ Славянъ. Образованные Сербы, Хорваты, Поляки, Русскіе знаютъ Чеха Ганку и его сочувствіе къ своимъ соплеменникамъ, и признають заслуги его для объясненія прошедшаго и на пользу настоящаго въ славянскомъ мірѣ.

Изъ писателей младшаго поколѣнія почетное мѣсто въ исторіи чешской литературы занимаетъ г. Эрбенъ. Посвятивъ себя изученію народной словесности, онъ приобрѣлъ заслуженную извѣстность на избранномъ имъ поприщѣ. Онъ вполне сжился съ сферой народнаго творчества, и съ вѣрнымъ тактомъ знатока оцениваетъ какъ художественное достоинство произведенія, такъ и связь его съ бытомъ, нравами, обычаями, исторіей народа. Эту связь онъ постоянно имѣетъ въ виду, при выборѣ изъ своихъ многочисленныхъ матеріаловъ, строго отдѣляя самородное отъ поддѣльнаго, оригинальное отъ заимствованнаго. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г. Эрбенъ издалъ народныя пѣсни Чеховъ; теперь приготовлено имъ обширное изданіе характеристическихъ народныхъ сказокъ всѣхъ славянскихъ племенъ, при чемъ приняты въ соображеніе и сказки другихъ европейскихъ народовъ. Немногіе образцы изъ богатаго собранія г. Эрбена, появляющіеся въ альманахахъ, заставляютъ надѣяться, что изданіе его будетъ имѣть важное значеніе въ наукѣ.

Между поэтами новѣйшаго поколѣнія, публика съ особеннымъ удовольствіемъ читаетъ г. Галека; студентъ Галекъ пишетъ большею частію небольшія лирическія піесы, въ духѣ Гейне. Другіе поэты очень близки между собою по направленію: его можно назвать идеальнымъ, и оно, какъ безвредное, терпится полиціей-

скою цензурой, между тѣмъ какъ всякое другое преслѣдуется безпощадно. О состояніи чешской беллетристики въ настоящую минуту можно, отчасти, судить по вышедшимъ недавно двумъ альманахамъ: *Букетъ* (Китица) и *Май*. Въ *Букетъ* помѣщено много стихотвореній на подобныя темы: любовь, первая любовь, блаженство первой любви т. д.; статья доктора Ригера: *О Венерѣ Милосской*, написана общедоступно и можетъ быть читаема съ пользой, тѣмъ болѣе, что чешская литература не богата сочиненіями объ искусствѣ. Весьма замѣчательны статьи г. Эрбена: болгарская сказка, съ прекраснымъ объясненіемъ, и малорусскія пѣсни (коляды) изъ рукописнаго сборника Головацкаго, сравненныя г. Эрбеномъ съ пѣснями чешскими и моравскими.

Литературная дѣятельность сосредоточивается въ журналахъ и газетахъ, которыхъ выходитъ довольно много на чешскомъ языкѣ. Первое мѣсто занимаетъ журналъ, издаваемый Народнымъ Музеумомъ: *Часопись чешскаго музеума*. Кромѣ статей, относящихся собственно къ Чехіи, въ *Часопись* помѣщается обзорнѣе литературъ всѣхъ славянскихъ народовъ, что дѣлаетъ это изданіе особенно важнымъ для изученія славянства вообще. Большая часть журналовъ выходитъ въ Прагѣ; остальные въ Вѣнѣ, Офенѣ, Брюннѣ, Пискѣ. Вотъ названія періодическихъ изданій: *Люмиръ*, журналъ, посвященный беллетристикѣ; *Посолъ изъ Праги*, изданіе «полезное, забавное и поучительное»; *Картины жизни*, иллюстрированное изданіе; *Язонъ*, журналъ «забавный и поучительный»; *Путешественникъ съ Отавы*; *Школа и жизнь*, педагогическій журналъ; *Археологическіе памятники*; *Жива*, журналъ по естественнымъ наукамъ; *Далиборъ*, музыкальный журналъ; *Благовѣсть*, католическій журналъ; о его редакторѣ Гавличекъ сказалъ, что онъ «ни кабатъ, ни веста (то-есть ни сюртукъ, ни жилетъ), либераль, а издатель *Благовѣста*»; *Кириллъ и Меодій*, духовная газета въ Офенѣ; *Гласъ*, церковный журналъ; *Пражскія новины* (газеты), офиціальная газета; *Моравскія новины*; *Славянскія новины*; *Другъ звѣрвей*, журналъ противъ жестокаго обращенія съ звѣрями; *Хозяйственная газета* и т. д. Последнее изданіе, посвященное сельскому хозяйству, замѣчательно особенно потому, что сотрудниками его, почти исключительно, поселяне: около двухъ сотъ поселянъ доставляютъ статьи свои въ газету. Вообще, въ Чехіи литературныя предпріятія поддерживаются преимущественно поселянами; цивилизація проникла въ глубь народа, и часто приходится встрѣчать поселянина, который не только имѣетъ понятія объ агрономіи, предметъ близкомъ къ его занятіямъ, но и весьма дѣльно толкуетъ о *Краледворской рукописи* или *Любушиномъ судѣ*. Что народъ не остается равнодушнымъ къ литературѣ, это доказали выборы 1848 года:

поселяне избирали представителями своими, преимущественно, литераторовъ, и, по всей вѣроятности, такой же выборъ сдѣланъ былъ бы и теперь, еслибы правительство рѣшилось сдержать свое слово, дать конституцію. Замѣтимъ кстати, что при теперешнемъ порядкѣ вещей, поселянамъ плохо живется въ Чехіи, и предприимчивые изъ нихъ ежегодно переселяются въ Америку. Частая эмиграція встревожила начальство, и оно стало задерживать паспорта. «Отчего такъ много вашихъ оставляютъ родину и идутъ въ Америку?» спросилъ комиссаръ у зажиточнаго мужичка, просившаго себѣ паспортъ.— «У насъ есть такая книга, отвѣчалъ мужичокъ,—что кто только прочтетъ ее, сейчасъ готовъ все бросить и идти хоть на край свѣта; я вамъ покажу ее, но только тогда, когда вы дадите мнѣ паспортъ.» Комиссаръ обрадовался случаю открытію и ускорилъ выдачу паспорта; крестьянинъ, по условію, далъ комиссару роковую книгу, и эта книга была *Уставъ о податяхъ и налогахъ*.

Одно изданіе возбуждаетъ въ настоящую минуту общій интересъ, это *Чешскій энциклопедическій словарь*, издаваемый докторомъ Ригеромъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей современной Чехіи. Предпринятый имъ трудъ особенно важенъ потому, что есть «дѣло народное и патріотическое», какъ сказано въ программѣ; имѣя много общаго съ такъ-называемыми энциклопедическими лексиконами, чешскій словарь существенно отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что имѣетъ въ виду *современныя потребности чешскаго народа*; статьи составляются по лучшимъ источникамъ, и примѣнительно къ нуждамъ читающаго чешскаго общества всѣхъ сословій. вмѣстѣ съ тѣмъ, обращено особенное вниманіе на статьи, касающіяся славянства вообще: чешскіе писатели считаютъ своею обязанностью знать публику съ цѣлымъ славянскимъ міромъ, со всѣми славянскими племенами. Это тѣмъ необходимо, по мнѣнію редакціи, что иностранные словари мало сообщаютъ о славянствѣ. Желая изданіе свое сдѣлать общедоступнымъ и въ полномъ смыслѣ народнымъ, редакція признала необходимымъ писать всѣ статьи самымъ простымъ и яснымъ языкомъ, избѣгая всякаго рода кудрявыхъ и необщепонятныхъ словъ и определеній. Словарь началъ выходить тетрадами, съ 1-го мая; въ словарь находятся свѣдѣнія, изъ русскихъ писателей, объ Аксаковыхъ, Бѣлинскомъ, Бестужевѣ (Марлинскомъ), также весьма подробное извѣстіе объ Амурскомъ краѣ, и т. д. О необыкновенномъ успѣхѣ словаря можно уже судить по самому числу подписчиковъ: къ концу іюля, подписчиковъ было уже 3.586, и первый выпускъ должны были печатать вторымъ изданіемъ. Со всѣхъ сторонъ Чехіи доставляются многочисленные материалы для

предпріятія, задуманнаго вовремя и составляющаго одно изъ самыхъ замѣтныхъ явленій современной чешской литературы.

Другихъ литературныхъ новостей немного. Въ ученое отношеніи весьма замѣчательнъ трудъ г. Шемберы, профессора чешской литературы и языка въ Вѣнскомъ университетѣ, *Исторія чешской литературы*, вышедшая въ этомъ году вторымъ изданіемъ. Нѣсколько любопытныхъ статей появилось по поводу спора о *Краледворской рукописи* и другихъ памятникахъ древней чешской литературы. Не перечисляя всѣхъ мнѣній, высказанныхъ въ чешскихъ и нѣмецкихъ газетахъ и журналахъ, замѣтимъ, что одна изъ самыхъ важныхъ статей по этому предмету принадлежитъ историографу Палацкому, и помѣщена въ новѣйшемъ томѣ *Историческаго Журнала* Зибеля, въ отвѣтъ на напечатанную тамъ же статью г. Бюдингера. Въ этой полемикѣ, какъ видно отчасти и изъ возраженія г. Палацкаго, занимательнъ не столько тѣ основанія, на которыхъ усиливались отнять у Чеховъ ихъ литературную святыню, сколько самый мотивъ къ ожесточенной полемикѣ. Уже одно то обстоятельство, что первое зерно сомнѣнія и желаніе оправдать его во что бы то ни стало явилось не между спеціалистами, а, какъ говорятъ, въ кругу полицейскомъ, состоящемъ въ тѣсной дружбѣ съ поставщиками разнаго рода напрасливъ для газетъ, не читаемыхъ порядочными людьми,—уже это одно показываетъ, что интересъ спора лежитъ внѣ его самого. Ключъ къ его пониманію, если вѣрить слухамъ, въ вѣнскомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, самомъ вѣрномъ проповѣдникѣ австрійской системы. Г. фонъ-Бахъ поставилъ, какъ извѣстно, задачей своею—огерманизовать Австрію. Но такъ какъ инквизиція не можетъ же въ девятнадцатомъ вѣкѣ совершаться явно, даже и въ Австріи, то для подавленія народностей придумали слѣдующій, іезуитскій предлогъ. Австрійское правительство, говорятъ его слуги, желаетъ блага всѣмъ своимъ подданнымъ, и лучшимъ благомъ считаетъ образованность. Такъ какъ славянскіе языки и литературы еще не развиты до такой степени, какъ другія европейскія литературы, то необходимо прибѣгнуть къ послѣднимъ для полного общечеловѣческаго образованія; для Славянъ австрійскихъ всего болѣе средствъ выучиться языку нѣмецкому, слѣдовательно его и должно избрать проводникомъ цивилизаціи. Но на это возражаютъ, что обвиненія въ низкомъ состояніи литературы и образованности не вполне справедливы, и указываютъ прежде всего на Чеховъ, имѣющихъ представителей по всѣмъ отраслямъ знанія. Чехамъ же принадлежатъ древнѣйшіе и превосходнѣйшіе памятники народной поэзіи. Такимъ образомъ, чтобы оправдать австрійскія тенденціи, необходимо уничтожить доказательства, убѣждающія въ противномъ, другими словами: «отнимите у Че-

ховъ ихъ богатую словесность, и они онѣмечатся». Слова эти постоянно на языкѣ у ренегатовъ. Отсюда усилія опровергнуть подлинность *Краледворской рукописи* и другихъ памятниковъ древне-чешской письменности.

Мы уже говорили о попыткахъ онѣмечить Славянъ. Главнѣйшимъ образомъ, народныя права Чехіи попорны насильнымъ присоединеніемъ ея къ Германскому Союзу, вопреки исторіи и волѣ народа. Еще императоръ Фридрихъ III клятвенно увѣрялъ чешскаго короля Георгія Подѣбрада, что Чехія никогда не будетъ составною частію Нѣмецкой имперіи, а на сеймѣ въ Аугсбургѣ въ 1548 году торжественно объявлено, что Чехія не только никогда не входила и отнюдь не можетъ войти въ составъ имперіи, но, напротивъ того, отдѣлена отъ Нѣмецкой имперіи во всѣхъ отношеніяхъ, и должна удержатъ свое отдѣльное существованіе навсегда. Но интрига князя Меттерниха присоединила Чехію къ нѣмецкому *бунду*, и одною изъ главныхъ причинъ этой несправедливости было стремленіе подорвать вліяніе Пруссіи и дать перевѣсъ Австріи, какъ самой обширной изъ державъ, принадлежащихъ къ Нѣмецкому Союзу. Пруссіе дипломаты пресмотрѣли капитальную прибавку Австріи, и въ то время, какъ представитель Пруссіи жилъ въ Прагѣ и восхищался красотой и богатствомъ чешскаго языка, вокругъ него все уже было готово, чтобы продать и народъ, среди котораго онъ жилъ, и страну, которой онъ былъ представителемъ. Извѣстно, что конгрессы, бывшія потомъ въ Вѣнѣ, предполагали открыть въ Прагѣ, и по этому случаю съѣхались въ Прагу уполномоченные отъ европейскихъ державъ; со стороны Пруссіи прибылъ Вильгельмъ Гумбольдтъ; онъ жилъ нѣсколько недѣль въ Прагѣ и учился почешски у г. Ганки. Въ 1848 году Чехи протестовали противъ незаконнаго присоединенія ихъ отечества къ Германскому Союзу, и отказались послать на нѣмецкій сеймъ во Франкфуртѣ своихъ депутатовъ; написанная Гавличкомъ, по этому поводу, пѣсня: *Сумелка не намъ пишетъ*, быстро проникла во весь край Чехіи; ее пѣли всѣ, отъ мала-до-велика.

Посягательства на свободу и самостоятельность Чеховъ, видимыя на каждомъ шагѣ, ярко выразились и на двухъ необходимыхъ спутникахъ и двигателяхъ образованности, на университетѣ и на театрѣ.

Всѣ предметы въ Пражскомъ университетѣ преподаются по-нѣмецки за исключеніемъ чешской литературы и отчасти чешской исторіи, которая читается и почешски и по-нѣмецки. По мнѣнію здѣшнихъ публицистовъ, любимыхъ начальствомъ, Австрія есть идеалъ государства, а покорность панскимъ бузаламъ есть величайшая гражданская добродѣтель. На вакант-

ныя каѳедры, обыкновенно, приглашаются люди, не столько известные своимъ талантомъ, сколько своею «благонамѣренностью», то-есть преданностью австрійскимъ интересамъ и усердіемъ къ католичеству съ его пресловутымъ конкордатомъ. Къ счастью, молодое поколѣніе не поддается наемному краснорѣчію наставниковъ и ищетъ случая перемѣститься въ другой университетъ, вѣдь Австрію, чтобы дѣйствительно ознакомиться съ современнымъ состояніемъ изучаемаго предмета. Бѣольшая часть студентовъ Пражскаго университета — Чехи; съ ними же охотнѣе, нежели съ Нѣмцами, сближаются Италіянцы, слушающіе курсъ въ Прагѣ. Студенты-Чехи образовали такъ-называемое «читальное общество», въ которомъ находится студентская бібліотека, постоянно возрастающая, и новѣйшіе журналы и газеты; каждый изъ членовъ обязанъ вносить установленную сумму въ общую кассу; сверхъ того, разъ въ годъ, студенты даютъ концерты, въ которомъ принимаютъ участіе лучшіе артисты Праги. Мысль объ обществѣ приведена въ исполненіе при дѣятельномъ содѣйствіи доктора Шпрингера, Чеха и патриота, занимающаго въ настоящее время каѳедру въ Боннскомъ университетѣ и известнаго своими сочиненіями по исторіи искусства, какъ напримѣръ: *Эстетическія письма*, *Руководство къ исторіи искусства съ путеводителемъ по Европѣ* (въ художественномъ отношеніи), *Исторія нѣмецкаго искусства* и т. д. Онъ—одинъ изъ первыхъ въ наше время знатоковъ искусства.

Фалькутетъ медицинскій можетъ назвать нѣсколько замѣчательныхъ профессоровъ; онъ посѣщается и многими иностранцами, въ числѣ ихъ есть и русскіе медики; профессоръ Чейка и доцентъ Ламбль, оба природные Чехи, пользуются общимъ и, по мнѣнію знатоковъ, вполне заслуженнымъ уваженіемъ своихъ многочисленныхъ слушателей. Г. Чейка, профессоръ медицины, известенъ и переводами на чешскій языкъ Шекспира. Профессоръ физиологій, Чехъ Пуркинъ, ветеранъ, составившій себѣ европейское имя. Знаменитѣйшій между чешскими врачами, г. Гамерникъ, не читаетъ уже лекцій, къ общему сожалѣнію; онъ, вмѣстѣ съ Рокитанскимъ и Шкодою, чешскими врачами въ Вѣнѣ, принадлежитъ къ медицинской школѣ, высоко стоящей въ наукѣ и пользующейся полнымъ довѣріемъ общества по доказанному искусству ея представителей. Всякому, ѣдущему на воды въ Чехію, въ Карлсбадъ, Мариенбадъ, Теплицъ и т. д., весьма полезно посоветоваться съ г. Гамерникомъ, знающимъ эти мѣста и славящимся талантомъ въ распознаваніи болѣзней. Нельзя не сожалѣть о томъ, что чешскими ученымъ не даютъ ходу въ ихъ родномъ университетѣ; иные остаются доцентами, не получая каѳедры профессора, другіе бываютъ принуждены, подъ тѣмъ или дру-

гимъ предложитъ, оставить профессуру. Знаменитый Пурквинъ два раза выбранъ былъ ректоромъ и два раза получилъ отказъ, единственно потому, что онъ Чехъ. Славянина въ австрійскихъ университетахъ не утверждаютъ ординарнымъ профессоромъ до тѣхъ поръ, пока онъ не издастъ какого-нибудь сочиненія по нѣмецки.

Театръ чешскій продолжаетъ существовать, несмотря на всѣ усилія австрійской администраціи уничтожить эту сильную поддержку народности. Чешскія представленія дозволены только одинъ разъ въ недѣлю, и то въ неудобнѣйшее время: спектакль начинается въ половинѣ четвертаго пополудни. Подобное стѣсненіе тѣмъ несправедливѣе, что театръ построенъ и содержится на счетъ суммъ, платимыхъ Чехами, и на чешскія деньги каждый день доставляютъ себѣ удовольствіе Нѣмцы и евреи, и только изрѣдка Чехи. Выборъ піесъ для представленія зависитъ отъ разнообразія публики, посѣщающей театръ: чешскіе актеры должны, по возможности, удовлетворять вкусу всѣхъ зрителей, отъ партера до райка. Поэтому, въ репертуарѣ можно найти много фарсовъ, не имѣющихъ значенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть піесы, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, вполне заслуживающія вниманія зрителей съ развитымъ эстетическимъ вкусомъ. Изъ оригинальныхъ піесъ особеннымъ успѣхомъ и любовью публики пользуются драмы г. Клицперы, изъ переводныхъ—драмы Шекспира, въ переводѣ г. Духи и другихъ. Въ эту зиму большой успѣхъ имѣла оригинальная драма г. Миковца *Дмитрій Самозванецъ* и опера *Волшебный стрѣлокъ*, исполненная почешски; постоянной чешской оперы въ Прагѣ нѣтъ, и потому представленіе *Волшебнаго стрѣлка* было истиннымъ праздникомъ для публики, всѣ билеты были разобраны, и въ залѣ собралось такое множество зрителей, что не всякому удалось пробраться до своего мѣста. Чешской оперной труппѣ трудно образоваться уже потому, что всякій даровитый пѣвецъ или пѣвица, получивши образованіе въ пражской консерваторіи, приглашается немедленно на нѣмецкую сцену, гдѣ условія гораздо выгоднѣе, потому что дирекція располагаетъ гораздо большими средствами. Но при всей невыгодѣ положенія чешскаго театра, стремленіе поддержать его не покидаетъ чешскихъ патріотовъ. Пивоваръ Фингергутъ предложилъ въ 1857 году премію за лучшую драматическую піесу изъ чешской исторіи; въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій комитета о присужденіи Фингергутовой преміи положено расширить предѣлы программы, и выдавать полную премію за лучшую драму изъ исторіи Славянъ вообще. Сверхъ того, предпринять цѣлымъ обществомъ переводъ на чешскій языкъ иностранныхъ драматическихъ произведеній; въ числѣ писателей, избранныхъ для пере-

вода, названы: Кальдеронъ, Бомарше, Мольеръ, Шекспиръ, Шериданъ, Лессингъ, Шиллеръ, Гёте и другіе; изъ русскихъ писателей: Грибоѣдовъ, Гоголь, Хомяковъ, Островскій; изъ польскихъ: Александръ Фредро, Корженевскій; изъ хорватскихъ Боговичъ, и т. д.

М. Сухомлиновъ.

ЗАМѢТКА ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ПРАВЛЕНІЯ ГЛАВНАГО ОБЩЕСТВА РОССИЙСКИХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ КЪ АКЦІОНЕРАМЪ (1).

II.

Второе общее собраніе акціонеровъ Главнаго Общества было создано на 18 іюня 1859 года, при чемъ, въ объявленіи о немъ, советъ управленія объявилъ, что акціонеры должны представить свои замѣчанія или предложенія не позже пятнадцати дней до дня общаго собранія. Въ объясненіе такого распоряженія советъ сослался на уставъ Общества и ст. 218, ч. I. т. X. Св. Зак. изд. 1857 г.

О необходимости заблаговременнаго представленія правленію важныхъ или сложныхъ замѣчаній и предложеній мы уже говорили, но, конечно, могутъ быть такія предложенія или замѣчанія, которыя, по своей простотѣ или незначительности, вовсе не требуютъ предварительнаго обсужденія, а слѣдовательно и заблаговременнаго представленія; напримѣръ, предложеніе о введеніи гласности такъ просто и ясно, предложеніе о раздачѣ отчета до дня общаго собранія такъ незначительно, что ихъ и не нужно было бы обдумывать. Все это такъ понятно, что советъ напрасно сослался на § 46 устава, въ которомъ ничего не говорится о предложеніяхъ и замѣчаніяхъ акціонеровъ, и на статью Свода Законовъ, въ которой говорится, что всѣ дѣла вносятся въ общее собраніе черезъ правленіе, но ничего не говорится о срокѣ представленія правленію замѣчаній и предложеній акціонеровъ. Къ тому же, назначеніе срока заблаговременнаго представленія замѣчаній ни къ чему не ведетъ. Иное предложеніе, по его сложности, нельзя обсудить въ пятнадцать дней,

(1) См. *Русскій Вѣстникъ*, № 17.

тѣмъ болѣе, что по важнымъ предметамъ нужно спрашивать мнѣніе парижскаго комитета и ждать его двадцать одинъ день; а съ другой стороны, отчего не принять и позже простое или маловажное предложеніе? Неужели эта заблаговременность требуется не для обсужденія предложеній, а для канцелярскихъ операцій передъ внесеніемъ въ общее собраніе?

За семь дней до дня общаго собранія, совѣтъ управленія публиковалъ для него «правила». Немножко странно видѣть, что повѣренные такъ безцеремонно предписываютъ своимъ довѣрителямъ правила, и не считаютъ нужнымъ испросить у своихъ довѣрителей предварительное согласіе на составленіе этихъ правилъ. Въ этихъ правилахъ было повторено приказаніе акціонерамъ, представить замѣчанія и предложенія не позже пятинадцати дней, до дня общаго собранія.

Обезпечивая порядокъ общаго собранія правилами, совѣтъ управленія вѣроятно полагалъ, что отсутствіе порядка на первомъ общемъ собраніи было единственнымъ недостаткомъ его, и потому акціонеры, кромѣ этихъ правилъ, ничего не получили до дня общаго собранія.

При извѣстномъ участіи акціонеровъ въ дѣлахъ Общества, можно было даже ожидать, что второе общее собраніе вовсе не состоится, что требуемое по уставу число акціонеровъ не соберется, и надо признаться, что лучше этого они ничего не могли бы сдѣлать. Кто самъ не можетъ что-либо сдѣлать въ общемъ собраніи, тому лучше не терять времени на засѣданіе въ немъ, а предоставить собраться только тѣмъ, которые хоть что-либо могутъ сдѣлать. Такихъ акціонеровъ, конечно, не много, но иъ если созванное собраніе не состоялось бы по первому зову, то какъ бы мало акціонеровъ ни собралось по второму, рѣшеніе акціонеровъ, собравшихся по второму зову, считается уже дѣйствительнымъ.

Второе общее собраніе, къ сожалѣнію, состоялось; но что такое происходило въ немъ? Этого опять нельзя узнать изъ протокола общаго собранія, обнародованнаго совѣтомъ, а тѣмъ менѣе изъ краткаго отчета, помѣщеннаго *Журналомъ Акціонеровъ*—увы!—отъ своего имени. *Журналъ Акціонеровъ* поясняетъ сухую перечень отчета. Какъ поясняетъ, читатель усмотритъ сейчасъ.

Засѣданіе втораго общаго собранія было открыто, подъ председательствомъ барона Мейендорфа, въ половинѣ втораго часа пополудни. Такъ говоритъ протоколъ.

Журналъ Акціонеровъ поясняетъ, что собраніе было открыто подъ председательствомъ барона Петра Казиміровича Мейендорфа. Русскую деликатность выраженія очень пріятно встрѣтить въ ру-

скомъ журналѣ, гдѣмъ болѣе, что протоколъ Общества, въ половину русскаго, не называетъ барона Мейендорфа по имени и отчеству.

Продолжаемъ выписку изъ *Журнала Акціонеровъ*.

«Удостоверивъ установленнымъ порядкомъ присутствовавшихъ акціонеровъ въ правильности состава собранія, баронъ Мейендорфъ оставилъ свое кресло, по случаю предстоявшаго для рѣшенія лично до него касавшагося вопроса. Заступившій его мѣсто вице-предсѣдатель *сообщилъ* собранію о замѣщеніи умершаго члена совѣта парижскаго банкира Луи Фульда барономъ П. К. Мейендорфомъ и, на основаніи § 25-го устава общества, предложилъ таковое назначеніе совѣта управленія на утвержденіе общаго собранія.»

Это первая неожиданность! Совѣтъ, издавая правила общему собранію, очевидно сталъ въ оборонительное положеніе относительно его; но вотъ, едва началось общее собраніе, совѣтъ дѣлаетъ первое *на* по программѣ прошлаго года.

Изъ предложенія, сдѣланнаго вице-предсѣдателемъ, опять ничего нельзя было понять, опять оно не давало никакихъ данныхъ для обсужденія, утверждать ли барона Мейендорфа членомъ совѣта, или не утверждать? Какія права имѣетъ баронъ Мейендорфъ на должнѣ члена совѣта? Имѣетъ ли онъ надлежащія свѣдѣнія? Занимался ли онъ коммерческими дѣлами? Не имѣетъ ли онъ другихъ занятій, которыя могутъ отвлекать его отъ трудной работы о громадномъ предпріятіи, вверяемомъ его высшему надзору? Позволяетъ ли ему здоровье, позволяютъ ли ему лѣта быть дѣятельнымъ повѣреннымъ акціонеровъ Общества? Наконецъ, каковъ его взглядъ на дѣла Общества? Баронъ Мейендорфъ былъ президентомъ совѣта управленія почти полгода до общаго собранія. Хорошо было акціонерамъ узнать, каковы были распоряженія совѣта въ это время, и какое участие принималъ въ нихъ баронъ Мейендорфъ? Вѣдь отчетъ еще не былъ прочтенъ. Акціонеры знали барона Мейендорфа только черезъ повѣрку состава этого втораго собранія ихъ; а эта повѣрка, конечно, не могла доказать разумности выбора барона Мейендорфа въ члены совѣта управленія.

«Нельзя было не замѣтить, что столь извѣстное *достопочтенное* имя предлагаемаго новаго члена совѣта внушало собранію самое живѣйшее *сочувствіе*, говоритъ *Журналъ Акціонеровъ*, и потому баллотировка объ утвержденіи сего избранія, очевидно, была бы излишня.»

Нельзя также не замѣтить, что *Журналъ Акціонеровъ* проповѣдуетъ новую теорію выбора повѣренныхъ. Вы не знаете, кому бы поручить исполненіе такого-то предпріятія, вы ищете человека способнаго, опытнаго, надежнаго, вы соображаете, взвѣшиваете, даже, можетъ-быть, обратитесь за совѣтомъ, но поймите, — по

словамъ *Журнала Акціонеровъ*, это все излишне,—поручите дѣло по сочувствію, то-есть, лучшему вашему другу. Вамъ, напримѣръ, нужно замокъ починить, не несите замка слесарю и заставьте чинить лучшаго вашего друга.

Чтобы быть распорядителемъ предпріятія, требующаго специальныхъ познаній, для этого, по мнѣнію *Журнала Акціонеровъ*, нужна только извѣстность имени и достопочтенность (1). Это условіе уравниваетъ легкость выборовъ по способу *Журнала Акціонеровъ*. Но тѣмъ не менѣе этотъ способъ ставить въ тупикъ всякаго акціонера. Если отъ акціонеровъ требуется только сочувствіе, то гдѣ же можно остановиться въ поискахъ за извѣстнымъ именемъ и достопочтенностью? Вѣдь надо выбирать лучшее,—а вѣроятно трудно кого-либо одного считать самымъ извѣстнымъ и самымъ почтеннымъ человекомъ въ странѣ. Число кандидатовъ на такія достоинства такъ велико, что выборъ между ними дѣлается чрезвычайно затруднительнымъ. Неужели же редакция *Журнала Акціонеровъ*, столь постоянно и дѣльно нападающаго на недостатки нашихъ акціонерныхъ компаній, могла серьезно высказать приведенное нами сужденіе? Разумѣется нѣтъ, но тѣмъ печальнѣе смыслъ дѣла.

Какъ часто несвободное слово не достигаетъ своей цѣли и, прежде всего, бьетъ самого себя! Ужъ чего, повидимому, внимателенъ *Журналъ Акціонеровъ* къ барону Петру Казиміровичу Мейендорфу, а между тѣмъ эта внимательность обращается противъ самого барона. *Журналъ Акціонеровъ* говоритъ, что извѣстность и достопочтенность барона Мейендорфа дѣлала баллотировку излишнею; но баллотировка была, и на самомъ дѣлѣ не имѣла обиднаго смысла для барона. Акціонеры ни мало не касались до почтенности барона, или какихъ-либо другихъ сторонъ его личности. Ужъ не думаетъ ли *Журналъ Акціонеровъ* что совѣтъ управленія могъ принять въ свою среду лицо, котораго достопочтенность, то-есть честность и прочее, была бы подвержена сомнѣнію?

Гораздо бы лучше сдѣлалъ *Журналъ Акціонеровъ*, еслибы, вмѣсто всѣхъ подобныхъ странностей, которыми наполнена его статья о второмъ общемъ собраніи, разказалъ лучше, какъ оно происходило, передалъ смыслъ случившагося. *Журналъ Акціонеровъ* могъ это сдѣлать: изъ его словъ видно, что онъ имѣлъ корреспондента на этомъ общемъ собраніи.

Чтобы дать понятіе о случившемся, мы передадимъ разказы участниковъ этого общаго собранія.

При входѣ акціонеровъ въ собраніе, они должны были ввести

(1) См. *Резюме*.

свое имя въ списокъ за № и написать свой адресъ. При этомъ, за тѣмъ же № они получили двѣ бѣлыя карточки,—да и двѣ красныя,—*мѣтъ*. Кромѣ того акціонерамъ роздали полулисты, на которыхъ было налитографировано слѣдующее:

Предметы занятій:

1. Повѣрка состава собранія.
2. Утвержденіе избранія одного изъ членовъ совѣта управленія.
3. Чтеніе отчета совѣта управленія.
4. Назначеніе комиссіи для повѣрки счетовъ.
5. Чтеніе донесенія таковой же комиссіи, назначенной въ 1858 году.

Объявивъ объ избраніи барона Мейендорфа членомъ совѣта, вице-предсѣдатель далъ понять, что избраніе его нужно утвердить единогласно.

Эта страсть къ единогласнымъ рѣшеніямъ, это запрещеніе понимать дѣло различно, прямо принадлежитъ обществу не развитому, не жившему общественною жизнію. Въ обществѣ развитомъ и свободномъ, всякая мѣра, всякое избраніе служатъ выраженіемъ живыхъ стремленій, затрогивающихъ всѣ другія стремленія, у которыхъ никто не отнимаетъ права на жизнь. Оттого такъ практичны мѣры, выработанныя въ этой жизненной борьбѣ. Въ практическомъ вопросѣ, который сплетается со всеми живыми силами общественного организма и, развивая его, придаетъ этимъ силамъ различное значеніе, никогда не можетъ быть единогласія, если есть свобода. Единогласіе — плохая рекомендація. Какъ бы ужаснулись въ Англіи, еслибы какая-нибудь важная мѣра была принята единогласно, къ чему такъ стремятся несчастныя собранія Франціи. У насъ найдутся, правда, господа, въ родѣ г. С — ва, которые разность во взглядахъ, на примѣръ, на гражданскій процессъ считаютъ преступленіемъ какой-либо стороны. Общія собранія акціонеровъ Главнаго Общества, видно, хотятъ наверстать всякія достоинства, и въ томъ числѣ быть совершенно единодушными по всякому вопросу, чтобы понравиться г. С — ву.

Когда была потребована баллотировка барона Мейендорфа, тогда акціонеровъ пригласили опускать въ особые ящики свои билеты съ *да* или *нѣтъ*. На такое предложеніе одинъ изъ акціонеровъ замѣтилъ, что баллотировкой, по русскимъ законамъ, называется только тайная баллотировка. Совѣтъ, возсѣдавшій на особомъ возвышеніи вмѣстѣ съ двумя акціонерами, долженствовавшими повѣ-

рять голоса, замѣтилъ, что при предложенномъ опусканіи карточекъ баллотировка и будетъ тайная.

Акціонеръ подошелъ къ возвышенію, на которомъ красовался совѣтъ, и просилъ позволенія высказать возраженіе на это.

Этотъ акціонеръ, какъ и всѣ, что-либо возражавшіе потомъ, былъ встрѣченъ лорнированіемъ и натянутымъ презрительнымъ смѣхомъ. Въ этой дикой наглости, въ особенности, отличились одинъ, известный банкиръ и одинъ, не менѣе известный, юнкеръ.

— Какимъ же образомъ баллотировка будетъ тайною, возразилъ акціонеръ, — если мы должны бросать карточки и нумеръ, по которымъ можно узнать не только фамилію, но и адресъ подавшаго такой-то голосъ?

Совѣтъ нѣсколько смутился и пригласилъ бросать въ урны билетъ съ оторванными нумерами. Такимъ образомъ баллотировка состоялась. Она доказала, что у насъ умѣютъ принимать голословно сдѣланныя предложенія, что въ общемъ дѣлѣ у насъ умѣютъ бросать рѣшенія безъ всякаго размышленія, хотя въ частной жизни и не дѣлаютъ того же. Избраніе барона Мейендорфа утверждено большинствомъ 757 голосовъ противъ 27.

Большинство акціонеровъ объясняетъ подачу голоса за барона Мейендорфа тѣмъ, что они ничего не имѣли противъ. Но по этой теоріи можно вручить управленіе имѣніемъ лицу, о которомъ вы ничего не знаете, потому что противъ него вы ничего не имѣете.

Мы искренно жалѣемъ, что имена барона Мейендорфа въ нынѣшнемъ году и князя Оболенскаго въ прошломъ такъ опрометчиво брошены въ эту темную исторію, и что совѣтъ такъ небрежно обошелся съ ними.

По окончаніи своего избранія, баронъ Мейендорфъ, по словамъ *Журнала Акціонеровъ*, « снова занялъ кресло предсѣдателя и выразилъ собранію въ немногихъ скромныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма достойныхъ словахъ, свою признательность за оказанное ему довѣріе ».

На самомъ дѣлѣ говорятъ, что *скромныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма достойныя* слова барона Мейендорфа состояли въ томъ, что онъ общалъ заниматься дѣлами Общества, на сколько позволяютъ ему его преклонныя лѣта и занятія по государственной службѣ. Видно, баронъ Мейендорфъ дѣйствительно не имѣетъ ничего общаго съ своими нескромными и неловкими панегиристами.

Потомъ баронъ Мейендорфъ продолжалъ, что совѣтъ управленія не уклоняется отъ требуемой общественнымъ мнѣніемъ гласности въ своихъ дѣйствіяхъ, что съ этою цѣлію предложена общему собранію изданная, по распоряженію совѣта, *Памятная книжка Главнаго Общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ на 1859*

годъ, и что впредь также имѣютъ послѣдовать своевременныя извѣщенія для участвующихъ въ предпріятіи общества.

Эту выписку мы привели изъ *Журнала Акціонеровъ*. Протоколъ ничего не говоритъ о такихъ словахъ предсѣдателя, конечно, потому, что вѣдать о нихъ не надлежитъ ни отсутствовавшимъ акціонерамъ, ни лицамъ, имѣющимъ какія-либо дѣла съ Обществомъ.

«Затѣмъ, говоритъ протоколъ, секретарь собранія прочелъ годовой отчетъ о дѣйствіяхъ Общества за 1858 годъ и донесеніе прошлогодней ревизіонной комиссіи.»

«Отчетъ» говоритъ *Журналъ Акціонеровъ*, «былъ выслушанъ съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ».

Выслушанъ? спроситъ читатель, а чтожь утвержденіе и разсмотрѣніе его? Утвержденъ онъ или нѣтъ? Въ чемъ состояло разсмотрѣніе?

Объ утвержденіи или разсмотрѣніи отчета опять не было рѣчи, и объ этомъ тоже благоразумно умалчивается и протоколомъ, и *Журналомъ Акціонеровъ*. По вопросу о баллотировкѣ барона Мейендорфа, соображенія этого журнала совпали съ соображеніями вице-предсѣдателя, а теперь совпадаютъ съ мнѣніемъ всего совѣта. Не правда ли, прогрессивный журналъ?

«На вопросъ предсѣдателя: не имѣется ли возраженій по поводу отчета?—одинъ изъ акціонеровъ изъявилъ желаніе, что для удобства соображенія о содержаніи отчета полезно было бы публикованіе онаго за 30-ть или 15-ть дней до общаго собранія акціонеровъ. Это мнѣніе было настойчиво поддерживаемо нѣкоторыми, весьма, впрочемъ, немногими (какая радость!) изъ присутствовавшихъ въ собраніи. Но совѣтъ управленія рѣшительно отвергъ это предложеніе! (Какой энергическій порывъ рѣчи, передающій весь лиризмъ поступка совѣта!) Высказанныя по сему предмету съ разныхъ сторонъ соображенія не привели ни къ какому ясному заключенію.»

Послѣднія слова *Журнала Акціонеровъ* едва ли справедливы. Вотъ какъ было дѣло. Предложеніе о заблаговременномъ представленіи отчета было сдѣлано, кажется, г. Крономъ.

Баронъ Мейендорфъ отвѣчалъ, что такое представленіе не принято за границей, что, конечно, не совсѣмъ вѣрно.

Предсѣдателю возразили, что ни одна компанія не можетъ сравниться съ Главнымъ Обществомъ обширностью предпріятія, что выражается и обширностью и сложностью отчета, тѣмъ болѣе требующаго внимательнаго изученія.

Баронъ Мейендорфъ сказалъ на это, что отчетъ былъ открытъ акціонерамъ за семь дней до общаго собранія; а вице-предсѣдатель прибавилъ, что предложеніе о заблаговременномъ представленіи отчета нужно было представить за пятнадцать лѣтъ... (*смѣхъ*) дней до общаго собранія.

На это со всѣхъ сторонъ посыпались возраженія. Мы передадимъ ихъ вкратцѣ.

•Насъ здѣсь до двухъ сотъ человекъ, замѣтилъ одинъ молодой человекъ, въ особенности разсердившій вышеупомянутыхъ банкира и юнкера, и если только половина насъ захотѣла бы разсмотрѣть отчетъ, то что бы она могла сдѣлать по одному экземпляру его, открытому на нѣсколько часовъ за семь дней до дня общаго собранія? Было бы недостаточно пріѣзжать каждый день въ эту недѣлю, чтобы хоть увидѣть бумагу, на которой написанъ отчетъ. Съ другой стороны, открытіе отчета за семь дней до дня общаго собранія? когда возраженія на этотъ отчетъ должны быть представлены не позже какъ за пятнадцать дней до общаго собранія, является чистою нелѣпостью и формальностью.

На возраженіе спутавшагося вице-предсѣдателя замѣтили, что замѣчаніе о неразумномъ представленіи отчета могло быть не подано въ правленіе ранѣе пятнадцатидневнаго срока потому, что могли ожидать со дня на день разумнаго представленія его.

Мы не думаемъ, вмѣстѣ съ *Журналомъ Акціонеровъ*, чтобы эти соображенія ни къ чему не привели.

Общее собраніе могло постановить рѣшеніе, по предложенію г. Крона, такъ какъ оно, по своей ясности, не требовало заблаговременнаго представленія его правленію. Собраніе могло потребовать отъ совѣта немедленнаго внесенія предложенія. Не забудемъ, что пятнадцатидневный срокъ—выдумка совѣта, не имѣющая никакого значенія безъ утвержденія ея общимъ собраніемъ, а о такомъ утвержденіи не было и рѣчи.

Но совѣтъ, г.-е. повѣренные, отвергли предложеніе довѣрителей, и довѣрители позволили подобнымъ образомъ забавляться надъ собою.

Чѣмъ же совѣтъ оправдываетъ свой отказъ и свой поступокъ съ акціонерами?

Послѣдняго онъ и не старается оправдать, вѣроятно, считая, что такъ и слѣдовало ему поступить.

Отказъ оправдывается, въ протоколѣ, такимъ образомъ:

По общему закону, предложенія поступаютъ въ общее собраніе черезъ правленіе, а наше правленіе приказало присылать предложенія даже о томъ, что будетъ извѣстно только послѣ, не позже пятнадцати дней до общаго собранія, почему предложеніе, сдѣланное не въ порядкѣ, предписанномъ *закономъ* (?), принято быть не могло.

Вѣроятно, чувствуя всю недостаточность такого оправданія *Журналомъ Акціонеровъ* взялся оправдывать совѣтъ другимъ путемъ. Вотъ слова этого журнала:

• Не касаясь здѣсь спорнаго вопроса о практичности предварительныхъ компанейскихъ отчетовъ, мы замѣтимъ, что совѣтъ

управленія, не будучи извѣщенъ о семъ предложеніи за 15 дней до собранія, не только не имѣлъ обязанности принять оное во вниманіе, но, на основаніи § 26 п. 6. и 18-го устава Общества, по которому с.-петербургскій совѣтъ сносится по всемъ важнымъ предметамъ съ парижскимъ комитетомъ, совѣтъ не имѣлъ даже права на принятіе сего предложенія.»

Допустимъ, что способъ представленія отчета или, пожалуй даже, и то, на которой сторонѣ стола положить его въ собраніи,—вопросы крайне-важные и даже спорные; но положимъ далѣе, что столь спорное предложеніе г. Крона представлено имъ прежде требуемыхъ пятнадцати дней, напримѣръ за шестнадцать до общаго собранія. Совѣтъ, по словамъ *Журнала Акціонеровъ*, долженъ спросить мнѣніе парижскаго комитета, но о чемъ же? О томъ, какъ внести отчетъ въ собраніе? сколько «формальностей придумать при внесеніи предложенія г. Крона о порядкѣ внесенія отчета? Вѣдь предложенія только вносятся совѣтомъ, то-есть онъ опредѣляетъ внѣшній порядокъ ихъ разсмотрѣнія, а рѣшаются они самимъ общимъ собраніемъ, и въ разрѣшеніи совѣтъ не можетъ имѣть никакого голоса, кромѣ совѣщательнаго. Но положимъ, нужно было мнѣніе парижскаго комитета, какъ внести предложеніе г. Крона, и что сказать о немъ въ общемъ собраніи. Положимъ, прошло дня три, пока написали въ Парижъ. Остается двѣнадцать дней до общаго собранія, а совѣтъ долженъ ждать мнѣнія парижскаго комитета двадцать одинъ день,—какъ же быть?

Надо полагать, что парижскій комитетъ очень бы удивился, еслибъ его спросили о такомъ важномъ вопросѣ, какъ заблаговременное представленіе отчета. Правда, *Журналъ Акціонеровъ* ссылается на уставъ, но весьма неудачно. Въ особенности, трудно понять приведеніе 18 п. § 26, въ которомъ сказано, что «совѣтъ изъявляетъ согласіе на снятіе всякаго наложеннаго на имущество запрещенія или ареста и на освобожденіе залоговъ». Признаемся, что понять смыслъ примѣненія этого пункта устава довольно трудно.

Съ другой стороны, нельзя не удивляться тому, что вопросъ о заблаговременномъ представленіи компанейскихъ отчетовъ, ясный, какъ день, сдѣлался для *Журнала Акціонеровъ*, три года проповѣдывавшаго эту заблаговременность, и при томъ вдругъ сдѣлался спорнымъ съ практической стороны. Мы могли бы привести бездну выписокъ изъ прежняго *Журнала Акціонеровъ* для доказательства, что ради совѣта управленія Главнаго Общества онъ измѣнилъ существенной части въ своихъ крикахъ за гласность; но мы и безъ того слишкомъ долго утомляемъ читателя. Къ тому же мы увѣрены, что новая теорія *Журнала Акціонеровъ* будетъ опровергнута на дѣлѣ въ будущемъ году: нельзя предполагать, что не найдется акціонера, который представилъ бы

предложеніе г. Крона за пятнадцать дней до будущаго общаго собранія; не можетъ быть, чтобы совѣту управленія суждено было наслаждаться долѣе одного года удобствомъ представлять отчеты, такъ, что общее собраніе принуждено утверждать ихъ, не подвергая разсмотрѣнію.

Чтеніе отчета продолжалось часа три. Присутствовавшіе совершенно изнемогли и отъ жару, и отъ сухой «формалистики» отчета; къ критикѣ отчета они не были приготовлены, а критиковать экспромтомъ значило бы напрашиваться на насмѣшки.

Журналъ Акціонеровъ говоритъ, что «нѣкоторыми акціонерами было заявлено мнѣніе о пользѣ учрежденія, вмѣсто ревизіонной комиссіи, наблюдательнаго комитета, который служилъ бы посредникомъ между совѣтомъ и акціонерами; но что, по тѣмъ же доводамъ, оно не уважено совѣтомъ.» То-есть, совѣтъ опять вообразилъ, что онъ рѣшаетъ дѣла, что пятнадцать дней есть срокъ въ самомъ дѣлѣ обязательный, а *Журналъ Акціонеровъ* опять ссылается на парижскій комитетъ, который, кажется, служить въ глазахъ его универсальнымъ средствомъ къ удаленію акціонеровъ отъ дѣла Общества.

Протоколъ ничего не говоритъ о предложеніи наблюдательнаго комитета, вѣроятно, боясь заразить акціонеровъ такою пагубною мыслию.

«Въ заключеніе, совѣтъ обратился къ собранію съ предложеніемъ назначить членовъ для ревизіи отчета за минувшій годъ. Нѣкоторые акціонеры, подъ *страннымъ* предлогомъ, «что надобно хорошенько обдумать, кого выбирать для ревизіи», требовали назначенія новаго общаго собранія, но само собою разумѣется, что большинство присутствовавшихъ нисколько не раздѣляло этого совершенно неумѣстнаго желанія», говоритъ *Журналъ Акціонеровъ*.

Протоколъ говоритъ, что акціонеры не могли требовать созванія общаго собранія, потому что уставъ дозволяетъ лишь совѣту созывать экстренныя общія собранія. На это можно сказать, что протоколъ уже слишкомъ разчитываетъ на благоговѣйную вѣру читателей въ слова протокола. Акціонеры, настоящіе хозяева предпріятія, могутъ дѣлать съ нимъ все, чего не воспрещаетъ уставъ, что не нарушаетъ устава. Дозволеніе, данное совѣту, не отнимаетъ соответствующаго права у акціонеровъ.

Характерно также толкованіе *Журнала Акціонеровъ*, что желаніе обсудить выборъ членовъ ревизіонной комиссіи неумѣстно. Впрочемъ, на самомъ дѣлѣ было вотъ что. Предсѣдатель просилъ, чтобы каждый акціонеръ написалъ имена пяти лицъ, избираемыхъ имъ въ члены комиссіи. Тогда отъ предсѣдателя потребовали списка присутствующихъ акціонеровъ. Потомъ, нѣкоторые написали бумажки и начали подавать ихъ. Начался счетъ.

кому сколько голосовъ. Это грозило продолжиться за-полночь: нѣкоторые акціонеры стали жаловаться, что ихъ томилъ нѣсколько часовъ за отчетомъ, и теперь не могутъ сдѣлать баллотировки, что было бы скорѣе. Стали требовать новаго собранія, говоря, что измучены. Совѣтъ отказывался. «Разойдемтесь», сказалъ кто-то, и около половины собравшихся разѣхалось. Какимъ образомъ произошелъ выборъ въ комиссію, мы не знаемъ. Разказывавшіе намъ объ этомъ общемъ собраніи уѣхали изъ него, не дождавшись выбора.

Выборъ однако состоялся. Избраны членами комиссіи купцы Клеменцъ и Канцлеръ, генераль-майоръ Соколовскій, баронъ Кюстеръ и полковникъ Гейдатель. Никто изъ членовъ прошлогодней комиссіи не былъ избранъ. Говорятъ, они сами уклонились отъ выборовъ, но отчего? Мы надѣемся, что они объяснятъ это публикѣ.

Послѣ выбора членовъ комиссіи, общее собраніе закрыто въ 6 часовъ по-полудни.

Намъ остается показать, что *Памятная Книжка* есть только увертка отъ требующейся со всѣхъ сторонъ гласности, а отчетъ—пустая формальность, ничего не говорящая. Постараемся быть коротки, и для простоты и скорости разберемъ, что можно узнать изъ этихъ сочиненій объ администраціи Общества и производимыхъ имъ работахъ.

Распоряженіе дѣлами Общества ввѣрено совѣту управленія, который долженъ состоять изъ двадцати членовъ. Десять членовъ назначены уставомъ, и имъ предоставлено избрать двадцатого, то-есть они должны были избрать его.

Изъ *Памятной Книжки* мы узнаемъ, что теперь членовъ только восемнадцать.

Отчетъ не даетъ никакого объясненія этого. Онъ не говоритъ также, почему не избранъ еще въ первый годъ существованія общества двадцатый членъ. Это, можетъ-быть, хорошо; но отчего же въ этомъ отступленіи отъ устава не дано отчета?

Уставъ назначилъ въ члены управленія слѣдующихъ лицъ:

- 1) Сенатора Левшина.
- 2) Дѣйствительнаго статскаго совѣтника барона Штиглица.
- 3) Дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Тенгоборскаго.
- 4) Сенатора Данзаса.
- 5) Святи Его Императорскаго Величества генераль-майора Тимашева.
- 6) Флигель-адъютанта Бобринскаго.
- 7) Отставнаго статскаго совѣтника Кочубея.
- 8) Отставнаго майора Абаза.
- 9) Коммерціи совѣтника Полежаева.
- 10) Члена коммерческаго совѣта Гвейера.

- 11) Банкира Ф. Берянга.
- 12) Банкира Бирски.
- 13) Банкира Готтингера.
- 14) Банкира Франца Беринга.
- 15) Банкира барона Селльберъ.
- 16) Банкира Луи Фульда.
- 17) Члена торговаго дома Гоппе и К^о Э. Силлеша.
- 18) Директора желѣзной дороги изъ Парижа въ Лионъ, Ис. Перейра.
- 19) Директора западныхъ желѣзныхъ дорогъ во Франціи, Авг. Турнейсена.

Изъ числа этихъ лицъ умерли гг. Тенгоборскій и Луи Фульдъ, и замѣнены съ утвержденія общимъ собраніемъ:

- а) Статсъ-секретаремъ княземъ Оболенскимъ и
- б) Оберъ-гофмейстеромъ барономъ Мейендорфомъ.

Не забудемъ, что всякая замѣна члена совѣта управленія должна быть утверждена общимъ собраніемъ. Между тѣмъ, изъ *Памятной Книжки* узнаемъ, что изъ членовъ совѣта выбыли:

- а) Генераль-майоръ Тимашевъ и
- б) Авг. Турнейсенъ.

За то неизвѣстно, какими путями и въ силу какихъ правъ или связей попалъ въ члены совѣта саксонскій посланникъ при французскомъ императорѣ, баронъ Зесбахъ. Такъ какъ онъ показанъ членомъ парижскаго комитета, то должно полагать, что онъ замѣняетъ собою г. Турнейсена.

Отчетъ не объясняетъ выхода изъ членовъ совѣта управленія директора западныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Франціи и замѣну его саксонскимъ посланникомъ при императорѣ Французовъ.

Отчетъ не объясняетъ выхода г. Тимашева.

Отчетъ ничего не говоритъ о томъ, какъ рѣшались дѣла въ совѣтѣ управленія, не представляетъ ни одного протокола засѣданій его. Отчетъ ограничивается сообщеніемъ, что совѣтъ составилъ инструкцію главному директору и нѣсколько ходатайствъ передъ правительствомъ, которыхъ содержаніе неизвѣстно.

Всѣ дѣла докладываются совѣту главнымъ директоромъ, и потому интересно бы знать, сколько разъ доклады его утверждены, сколько разъ измѣнены или вовсе отвергнуты. Отчетъ не говоритъ, чтобъ отъ совѣта вышло какое-либо рѣшеніе или инициатива чего-либо. Словомъ, о дѣятельности совѣта мы ничего не узнаемъ изъ отчета, тогда какъ даже правительственные отчеты, напримѣръ морскаго вѣдомства, опубликованные въ *Морскомъ Сборникѣ*, уже отбросили сухой формализмъ.

Отчетъ, представленный первому общему собранію, равно какъ отчетъ представленный второму заключаютъ въ себѣ, какъ мы говорили, только пустой перечень и счетъ административныхъ пи-

станцій, платформъ, вагоновъ, числа куб. саж. земляной работы и пр. Въ эту ариметику можетъ улесть всякій смыслъ.

Напримѣръ въ счетъ разныхъ административныхъ инстанцій стоитъ *технической комитетъ*, учрежденный для разсмотрѣнія проектовъ. Смыслъ этого комитета оставляется въ тайнѣ для акціонеровъ и публики. Изъ обоихъ отчетовъ невозможно понять, какой собственно голосъ имѣетъ комитетъ. Отчеты сперва разсматриваются главнымъ директоромъ, имѣющимъ рѣшительный голосъ; *потомъ* разсматриваетъ ихъ комитетъ, имѣющій совѣщательный голосъ, и *наконецъ* поступаютъ они на разсмотрѣніе савонниковъ и банкировъ совѣта. Нельзя также узнать, какимъ путемъ идетъ разсмотрѣніе проектовъ въ комитетѣ. Изъ отчетовъ не видно, способствуетъ ли онъ успѣшности составленія проектовъ или составляетъ гирию, которую суждены влачить всѣ проекты Общества. Отчетъ рѣшительно продолжаетъ фантастическое *на общихъ собраніяхъ*.

Между тѣмъ, о техническомъ комитетѣ слѣдовало въ особенности объясниться. Всѣмъ извѣстно толкованіе, приданное ему общественнымъ мнѣніемъ. Слѣдуя системѣ совѣта, молчаніе отчета приходится принять за согласіе.

О техническомъ комитетѣ слѣдовало объясниться еще потому, что, какъ видно изъ отчета, большая часть проектовъ Общества не утверждается правительствомъ, а возвращается для передѣлки, иногда въ такой степени значительной, что нужно вновь производить изысканія. Приняты ли мѣры противу повторенія подобныхъ возвращеній, чрезвычайно замедляющихъ ходъ дѣла, или все оставлено по-прежнему, отчетъ опять умалчиваетъ.

Отчетъ также не объясняетъ состава технического комитета. Отчего такія-то лица признаны знатоками и предпочтены всѣмъ другимъ специалистамъ? На какомъ основаніи сдѣланъ выборъ генераловъ и штабъ-офицеровъ корпуса путей сообщенія? Отчетъ даже не называетъ ихъ по фамиліямъ, предоставляя это *Памятной Книжкѣ*. Изъ нея читатель узнаетъ, что техническій комитетъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ главнаго директора, изъ четырехъ русскихъ инженеровъ путей сообщенія: генералъ-майора Палибина, генералъ-майора Серебрякова, полковника Липина и подполковника Граве, и четырехъ французскихъ инженеровъ.

Отчетъ не представляетъ никакихъ объясненій относительно этихъ лицъ, вѣроятно, получающихъ большое содержаніе. То, что четыре русскіе члена комитета—инженеры путей сообщенія, ничего не объясняетъ относительно ихъ свѣдѣній и способности. Извѣстно, что, при обязательной службѣ и бюрократическомъ формализмѣ, у насъ рѣдко кто изъ инженеровъ занимается теоріей строительнаго искусства. Выходятъ ли изъ об-

щаго уровня русскіе члены технического комитета, или нѣтъ? То же самое можно спросить и о французскихъ членахъ,—отчего не объясненъ выборъ ихъ, отчего не показаны ихъ заслуги. Не названы ихъ сооружеія или ихъ проекты?

Намъ скажутъ, что назначеніе комитета объяснено,—онъ разсматриваетъ проекты. Но вѣдь подь словомъ *разсмотрѣніе* можно разумѣть все, что угодно. Напримѣръ, соберите около длиннаго стола нѣсколько почтенныхъ и вліятельныхъ техниковъ, набросайте на столъ простые чертежи, объяснительныя записки, смѣты и проч., и пригласите эгихъ почтенныхъ людей разсмотрѣть все это въ нѣсколько часовъ, тогда какъ на одно ознакомленіе съ задачами проектовъ надо бы не одну недѣлю. Почтенныя лица, можетъ-быть, подишутъ, что разсмотрѣли и признали, что все это хорошо. Мы имѣли случай видѣть какъ въ иныхъ мѣстахъ дѣлаются такія разсмотрѣнія.

— А, а! дорога отъ N до P! говоритъ почтенное лицо и развертываетъ проектъ.—Вотъ она проведена коричневою краской. Что жь, черезъ озеро она пойдетъ? Хорошо!

А дорога между тѣмъ проведена вопреки всякимъ, не только техническимъ, но и коммерческимъ соображеніямъ.

Вѣдь это тоже разсмотрѣніе; но какая польза отъ него, или, лучше сказать, для чего это лишнее колесо, эта гири?

Весь отчетъ состоитъ изъ подобныхъ пустыхъ фразъ, какъ приведенная нами о техническомъ комитетѣ, а относительно самыхъ важныхъ пунктовъ въ распоряженіи предпріятіемъ отчетъ держится системы умалчиванія.

Въ уставѣ сказано, что завѣдываніе всею исполнительною частію управленія *можетъ быть* поручено, подь надзоромъ совѣта, главному директору.

Изъ отчета видно, что дѣйствительно вся исполнительная власть сосредоточена въ рукахъ главнаго директора; но относительно нужды въ этой капитальной мѣрѣ не представлено никакихъ объясненій; словно, уставъ требовалъ такую централизацию, или она понятна сама собою. Отчетъ заставляетъ думать, что главный директоръ есть полномочный владыка всего предпріятія, что совѣтъ управленія только подписываетъ его доклады.

Къ чему бы мы ни обратились въ отчетѣ, все или не вѣрно, или представлено безъ всякаго уваженія къ смыслу читателей.

Отчетъ увѣряетъ, что изысканія между Орломъ и Новомосковскомъ не начинались, а *Памятная Книжка* говоритъ, что они производятся.

Въ Отчетѣ и *Памятной Книжкѣ* представлено сравненіе цѣнъ русскихъ и англійскихъ рельсовъ. Говорится, что пудъ русскихъ рельсовъ стоитъ 1 р. 50 к., а англійскихъ 86 к. с.; но не говорится, гдѣ существуетъ такое отношеніе ихъ цѣнъ, а это лишаетъ

цифры всякаго смысла. Изъ того, что *идь-то* русскіе рельсы дороже англійскихъ, нельзя заключить, чтобы, напримѣръ, это было справедливо для Нижняго Новгорода и пр.

Спѣшимъ окончить замѣчаніемъ, что *Памятная Книжка*, то-есть списокъ служащихъ въ обществѣ, формы разныхъ бумагъ, списокъ подрядовъ и проектовъ, не имѣеть ничего общаго съ общественнымъ требованіемъ гласности *дѣйствій* общества.

Изъ нашего, къ сожалѣнію, слишкомъ длиннаго разбора, читатель видитъ, какого рода отношенія установились между акціонерами и правленіемъ Главнаго Общества. Правленіе принимаетъ всѣ мѣры, чтобы не допускать надъ собою должнаго контроля ни со стороны акціонеровъ, ни со стороны общественнаго мнѣнія. Всѣ свои обязанности передъ акціонерами оно обращаетъ въ пустую формальность, пустую для дѣла, но отстраняющую отъ правленія всю отвѣтственность. Правленіе Главнаго Общества прониклось до послѣдней степени бюрократизмомъ. Можно сказать, что оно задало нѣсколько такихъ оргій формализма, какихъ не встрѣтишь на каждомъ шагу. Въ бюрократизмѣ, этомъ вѣрномъ покровителѣ безопасности и произвола, должно искать объясненія медленности работы Главнаго Общества. Въ два съ половиной года оно открыло только съ немногимъ сотню верстъ между Лугой и Псковомъ, несмотря на то, что значительныя земляныя работы между этими городами были произведены еще правительствомъ, и при томъ оно открыло этотъ участокъ съ совершенно-негодными мостами. Въ два съ половиной года, на небольшой дорогѣ между Москвой и Нижнимъ не произведено и половины земляныхъ работъ, а на остальныхъ линіяхъ земля еще вовсе не тронута. Между тѣмъ, сколько бумагъ уже разведено, сколько инстанцій, сколько столовъ и пр. и пр. Эксплуатаціей завѣдуетъ чуть не десятокъ отдѣленій, взаимно другъ друга контролирующихъ. Словно, и существуетъ-то Главное Общество для того, чтобы убѣждать русскихъ людей въ недостаткахъ не только русской, но и французской бюрократіи.

При такихъ бюрократическихъ стремленіяхъ правленія, при его безпечности и произволѣ, надъ нимъ необходимъ строгій и постоянный контроль, который пробудилъ бы его къ дѣятельности и заставилъ бы его дѣйствовать осмотрительно. Общее собраніе акціонеровъ, созываемое разъ въ годъ, не можетъ производить успѣшный контроль; а при извѣстныхъ читателямъ достоинствахъ акціонеровъ, оно не только не можетъ производить какой бы то ни было контроль, но само служитъ для покрытія разныхъ дѣлъ правленія. Неспособность акціонеровъ къ какому-либо участию въ дѣлахъ Общества слишкомъ очевидна, и потому необхо-

димо искать другихъ средствъ контроля. Иные предлагаютъ для этого учрежденіе наблюдательнаго комитета, иные требуютъ предоставленія известному числу акціонеровъ права ревизіи дѣлъ правленія, иные—введенія въ дѣйствія правленія полнѣйшей гласности.

Право ревизіи, предоставленное нѣкоторому числу акціонеровъ, едвали можетъ сдѣлать что-либо серіозное, въ чемъ всякій убѣдится послѣ нѣкотораго знакомства съ акціонерами Главнаго Общества.

Учрежденіе наблюдательнаго комитета должно принести большую пользу, какъ для успѣшности самаго предпріятія, такъ и для соблюденія интересовъ акціонеровъ. Контроль общаго собранія, какъ мы видѣли, обращается въ пустую и оскорбительную для акціонеровъ формальность; но еслибъ общее собраніе и захотѣло о сдѣлать что-либо серіозное, то ему вѣроятно пришлось бы отказаться отъ такого намѣренія. Кромѣ того, общія собранія собираются разъ въ годъ, а въ промежуткахъ правленіе можетъ принять множество мѣръ противъ успѣха предпріятія. Контроль долженъ быть по возможности полный и постоянный. Онъ долженъ производиться лицами, изучившими весь ходъ предпріятія. Для предпріятій обширныхъ и сложныхъ нужны короткое знакомство контролирующихъ съ дѣлами Общества и постоянство контроля. Наблюдательный комитетъ былъ бы распространеніемъ объема и значенія нынѣшней ревизіонной комиссіи, повѣряющей только финансовый балансъ. Члены наблюдательнаго комитета слѣдили бы за дѣйствіями правленія и были бы отвѣтственными посредниками между правленіемъ и акціонерами. Почти всѣ благоустроенныя компаніи во Франціи, Германіи и Голландіи, имѣютъ наблюдательные комитеты въ различныхъ видахъ. Приспособленіе постоянного и неусыпнаго контроля къ необходимой свободѣ дѣйствій правленія вовсе не затруднительно. Словомъ, въ теоріи наблюдательный комитетъ весьма полезенъ; но на дѣлѣ должны подняться разные вопросы. Способны ли акціонеры назначить дѣльныхъ и свѣдущихъ членовъ наблюдательнаго комитета? способны ли они контролировать его дѣйствія? не могутъ ли быть подкуплены члены наблюдательнаго комитета? не станеть ли совѣтъ затруднять ихъ контроль и увертываться отъ него всякимъ формализмомъ и пр.?

Недостатокъ промышленнаго образованія и общественнаго развитія можетъ сдѣлать изъ наблюдательнаго комитета новую формальность, новое бюрократическое мѣсто.

Короче сказать, съ какихъ бы сторонъ ни начали разсужденіе, никакъ не избѣгнете необходимости обратиться къ гласности. Только одна прямая, полная гласность можетъ дать гарантію, какъ акціонерамъ, такъ и всѣмъ лицамъ, имѣющимъ какое-либо дѣло съ компаніей, и при этомъ, лучше всякаго техническаго комитета, будетъ

способствовать она успѣшности хода дѣлъ Общества. Мы совершенно увѣрены, что окончательно дѣло придетъ къ тому, что вообще компаніи принуждены будутъ принять гласность въ основу своихъ предпріятій, сдѣлать ее у себя такою же обыденностію, какъ писаніе бумагъ. Главному Обществу слѣдовало бы подать примѣръ въ этомъ дѣлѣ. Мы уже имѣли случай высказать, какъ, по нашему мнѣнію, можно ввести полную гласность въ дѣла Общества, и теперь только повторимъ сказанное. Кажется, всего лучше издавать журналъ, который бы, по возможности, публиковалъ всѣ распоряженія всѣхъ инстанцій правленія компаніи, всѣ предположенія, занимающія правленіе, который бы вывелъ на свѣтъ полемику служащихъ, теперь теряющуюся въ четырехъ стѣнахъ, который обнародывалъ бы, по возможности, большее число протоколовъ и пр. Всякая важная бумага правленія, напримѣръ протоколъ засѣданій совѣта управленія, инструкціи главнаго директора, все должно быть предаваемо гласности. Какимъ образомъ печатать всѣ распоряженія, всѣ проекты, чтобы не упустить ни одного штриха въ дѣйствіяхъ правленія, и при томъ занимать возможно меньшій объемъ, удобный для прочтенія всѣми,—это уже дѣло таланта редактора журнала,—впрочемъ. дѣло не хитрое. Нужно ли говорить, что редакторъ долженъ быть поставленъ внѣ всякаго вліянія администраціи компаніи? Его должно назначить общее собраніе, напримѣръ, изъ членовъ наблюдательнаго комитета. Ему должны быть открыты всѣ бумаги Общества и предоставлено право требовать нужныя свѣдѣнія. Эти права, которыя имѣютъ теперь главный и частные инспекторы желѣзныхъ дорогъ, не составятъ затрудненій для администраціи. Въдъ это не торговый домъ, не купеческая контора, гдѣ иногда бываетъ нужна тайна. Журналъ дастъ администраціи прекрасное средство для выбора талантливыхъ лицъ. Но ни предлагаемый нами журналъ, и никакой успѣхъ гласности не можетъ осуществиться, когда акціонеры не будутъ ей содѣйствовать всѣми средствами. Акціонеры должны же понять, что гласность не сдѣлаетъ шагу, пока они не примутся за нее, а пока гласность не сдѣлаетъ шагу, до тѣхъ поръ и все предпріятіе будетъ идти черепашинымъ шагомъ. Хотятъ ли акціонеры, чтобъ ихъ акція возвысилась въ курсѣ, или хотятъ они быть благотворителями своихъ повѣренныхъ и на свой счетъ создавать для нихъ синскуры? Никакое предпріятіе не можетъ имѣть успѣха, если хозяева предоставятъ его на волю наемниковъ. А когда хозяевъ такъ много, какъ въ Главномъ Обществѣ, то ходъ дѣла не можетъ быть извѣстенъ хозяевамъ безъ посредства гласности. Наконецъ и третьи лица должны понять, что введеніе гласности въ дѣла Главнаго Общества есть дѣло патріотическое. Пока акціонеры будутъ бороться съ правленіемъ за введеніе гласности, отчего третьимъ лицамъ не принять участія въ этомъ

дѣль? Отчего всѣмъ имѣющимъ дѣла съ обществомъ не опубликовать ихъ во всемъ объемѣ? Вѣроятно, журналы не откажутъ въ помѣщеніи существеннаго.

Странная участь выпала у насъ на долю гласности. Всѣ зовутъ ее, кричатъ о ней, восхищаются блѣдными тѣнями ея, и никто не хочетъ шевельнуть пальцемъ ради нея, никто не старается ввести ее, предавать ей все, что видѣлъ или слышалъ. Дѣйствительно, гласность, сообщеніе свѣдѣній, даже не ввѣренныхъ участнику правленія какой-либо компаніи, считается иными за проступокъ, и преслѣдуется директорами ея. Но сколько же есть лицъ свободныхъ, не носящихъ никакой ливреи, отчего же и они ничего не дѣлаютъ для гласности, ничѣмъ не рискуя? Между тѣмъ посмотрите, какъ дѣйствуютъ противники гласности. Никакая мѣра, какъ бы ни была она безобразна, не останавливаетъ ихъ. Они взводятъ всѣ послѣдствія, всѣ сужденія, постигшія сообщенный фактъ, на отвѣтственность сообщившаго. У противниковъ гласности надо учиться сторонникамъ ея.

Н. Воскобойниковъ.

РѢЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ЛОРДОМЪ ДЖОНОМЪ РОССЕЛЕМЪ ВЪ ГОРОДѢ АБЕРДИНѢ ВЪ ШОТЛАНДІИ.

Городской совѣтъ Абердина, положивъ представить лорду Джону Росселю дипломъ на право своего гражданства, собрался для этой цѣли въ большой концертной залѣ. Публики, присутствовавшей при этомъ засѣданіи городского совѣта, насчитывалось до 3.000 человекъ, между которыми было много дамъ.

Лордъ-меръ началъ рѣчь свою такимъ образомъ: «Городской совѣтъ, рѣшившись предложить лорду Джону Росселю право своего гражданства, и получивши на это согласіе его лордства собрался здѣсь для того, чтобы привести въ исполненіе намѣреніе это, съ соблюденіемъ должныхъ формъ. Мысль наша была встрѣчена всеобщимъ одобреніемъ корпораціи. Она вполне выражаетъ ихъ чувства и желанія, и намъ,—точно также какъ, вѣроятно, самому лорду Джону Росселю,—пріятно видѣть въ многочисленномъ собраніи, наполняющемъ залу, выраженіе сочувствія къ теперешнему событію. (*Рукоплесканія.*) Во всемъ, что будетъ сказано мной отъ имени корпораціи, лордъ Джонъ Россель не долженъ опасаться услышать лесть или неумѣренные похвалы,—ибо это было бы одинаково неприлично и для собственнаго нашего чувства самоуваженія и для его высокаго характера. (*Рукоплесканія.*) Мы собрались здѣсь не для того, чтобы выра-

жить полное одобрение наше каждому поступку благородного лорда, в течении его долгой и достопамятной общественной жизни. Но съ другой стороны, не должно забывать, что событие, въ родѣ теперешняго, представляетъ, быть-можетъ, такой корпорации, какъ наша, стоящей во главѣ многочисленнаго городского общества, единственную возможность выразить свой образъ мыслей и свое одобрение отличными общественными заслугамъ. *(Рукоплетсканія.)* Было бы непроситительнымъ равнодушіемъ и холодностью подавлять то чувство почтительнаго и честнаго удивленія, съ которымъ мы заносимъ теперь уважаемое имя лорда Джона Росселя въ списокъ нашихъ гражданъ. *(Одобрение.)* Джентльмены, теперешнее событие вызвано не духомъ партій. Лордъ Джонъ Россель занимаетъ и вѣчно будетъ занимать въ исторіи мѣсто, которое выше политики партій. Кто какъ бы ни судилъ о немъ въ прежніи времена, всѣ признаютъ теперь неоцѣненные заслуги, оказанныя имъ странѣ. Никто не сомнѣвается въ безчисленныхъ благодѣніяхъ, политическихъ и общественныхъ, произведенныхъ очищеніемъ нашей муниципальной и избирательной системы и уничтоженіемъ ненавистной и несправедливой присяги въ отреченіи отъ папской власти. Сознывая теперь всѣ эти благодѣнія, мы сознаемъ, чѣмъ обязаны мы лорду Джону Росселю, главному ихъ виновнику. Не въ Шотландіи, по крайней мѣрѣ, гдѣ свобода совѣсти сдѣлалась однимъ изъ основныхъ свойствъ народнаго характера, лордъ Джонъ Россель можетъ встрѣтить недостатокъ въ признательности и уваженіи къ себѣ. *(Одобрение.)*

Обратившись затѣмъ къ лорду Джону Росселю, лордъ-меръ сказалъ:

«Милордъ, представляя вамъ теперь дипломъ на право нашего гражданства, считаю долгомъ поздравить васъ съ высокимъ мѣстомъ, занимаемымъ вами въ совѣтъ королевы, съ довѣренностію къ вамъ ея величества и всего народа. Мы радуемся тому, что вы занимаете теперешнюю свою должность. Намъ извѣстны ревнивыя заботы ваши о чести страны и преданность ваша дѣлу конституціонной свободы за предѣлами Англіи. Мы полагаемся на усилія ваши отстранить Англію отъ вмѣшательства въ континентальную политику и обезпечить для насъ благодѣнія мира; но мы знаемъ также, милордъ, что вліяніе ваше въ кабинетѣ и парламентѣ не ограничивается только внѣшними дѣлами. Вамъ суждено было видѣть торжество тѣхъ великихъ мѣръ, касательно реформы, поборникомъ которыхъ вы были съ ранней юности, и наиболѣе почитаемъ мы васъ за то, что и послѣ, въ лѣта болѣе зрѣлыя, вы сохранили пламенную любовь къ конституціонной свободѣ, сохранили благородную и справедливую увѣренность

въ способности согражданъ вашихъ пользоваться этою свободою. По нашему мнѣнію, всѣ эти качества даютъ вамъ, болѣе нежели кому-нибудь, право поднять вторично неизбѣжный вопросъ о реформѣ (*одобреніе*), и мы надѣемся, что мѣра, предложенная вами, даруя всѣмъ классамъ и всѣмъ интересамъ законное участие въ представительствѣ, не доставитъ ни одному изъ нихъ преобладанія надъ другими. (*Одобреніе.*) Позвольте мнѣ выразить тѣ чувства гордости и удовольствія, съ которыми мы привѣтствуемъ ваше лордство, и съ которыми мы будемъ слушать въ средѣ нашей голось, раздававшійся такъ часто за дѣло религіозной и гражданской свободы. (*Громкое одобреніе.*)

Клеркъ городского совѣта, г. Ангусъ прочелъ затѣмъ грамоту, и пришилалъ мѣщанскій билетъ къ шляпѣ благороднаго лорда. Лордъ Джонъ Россель надѣлъ шляпу посреди громкихъ рукоплесканій и началъ такимъ образомъ: «Милордъ-меръ, леди и джентльмены! Съ гордостью и признательностью принимаю я этотъ знакъ сочувствія Абердина. Съ радостью сообразуюсь я съ обычаями этого славнаго города. Дѣйствительно, не въ первый уже разъ пользуюсь я почестями гражданскихъ правъ въ Шотландіи, начиная съ того, что я былъ Башмачникомъ изъ Селькирка. (*Сильно*) Глазго, Единбургъ, Стерлингъ даровали мнѣ также право своего гражданства, и съ удовольствіемъ присоединяю я теперь къ этому списку право гражданства въ городѣ Абердинѣ. Позвольте мнѣ теперь, милордъ-меръ, изложить здѣсь тѣ общія начала, которыми руководился я до сихъ поръ въ своей политической карьерѣ, и которыми надѣюсь руководиться въ будущемъ. Лордъ-меръ сказалъ, что городской совѣтъ не желаетъ почестью, даруемою имъ мнѣ теперь, выражать одобреніе каждому шагу въ общественной моей жизни. Было бы большимъ тщеславіемъ съ моей стороны, леди и джентльмены, еслибъ я самъ одобрялъ каждый шагъ въ предшествовавшей своей дѣятельности (*одобреніе*); но, милордъ-меръ, я могу сказать только, что всегда дѣйствовалъ, побуждаемый искреннимъ желаніемъ споспѣшествовать, на сколько сгавало моихъ силъ, свободѣ и благоденствію этой страны. (*Рукоплесканія.*) Если иногда я не распознавалъ, въ чемъ заключаюся истинные ея интересы, то вы припишете это, вѣроятно, ошибочности моего сужденія, а не винѣ моихъ намѣреній. Лордъ-меръ говорилъ о законодательныхъ мѣрахъ, въ которыхъ я принималъ большое участие,— мѣрахъ для преуспѣянія религіозной свободы въ этой странѣ. Радуюсь, что мѣры эти осуществлены были вполне, и что всякій въ Соединенномъ Королевствѣ пользуется нынѣ совершенною свободою совѣсти. (*Рукоплесканія.*) Что касается парламентской реформы, то я также долженъ нести за нее сильную долю отвѣт-

ственности. На долю мою досталось безуспѣшно бороться за это великое дѣло въ теченіи многихъ лѣтъ, но наконецъ, представительство страны было-таки улучшено. (*Громкое одобреніе.*) Я говорю: улучшено, ибо, несмотря на прежнія опасенія, несмотря на тревожные слухи, которые были распускаемы между нерѣшительными людьми, несмотря на возраженія, которыя встрѣчали сочувствіе въ умахъ людей предубѣжденных, теперь признано, надѣюсь, всѣми, что болѣе широкое допущеніе народа къ участию въ совѣтахъ о его, такъ-сказать, собственномъ домѣ повело только къ благоденствію и счастію всего общества, нисколько не подвергая опасности нашихъ, временемъ испытанныхъ и прославленныхъ учреждений. (*Одобреніе.*) Не вдаваясь въ подробности и статистическія данныя, могу сказать теперь касательно будущаго, каковы политическія начала, руководящія моею дѣятельностью. Въ рядахъ приверженцевъ парламентской реформы я замѣчаю такихъ людей, которые убѣждены, что реформа можетъ быть достигнута только при совершенномъ измѣненіи всего состава нашей конституціи, — когда она не будетъ уже состоять изъ тѣхъ частей, которыя до сихъ поръ дѣйствовали такъ гармонически вмѣстѣ, и когда государство будетъ опираться на какіе-то новые принципы, невѣдомые доселѣ нашей конституціи. Насчетъ этого могу сказать, что всѣ мои скромныя усилія клонились къ улучшенію существующихъ у насъ учреждений; но никогда не казалось мнѣ, чтобы наши предки ошиблись въ великихъ началахъ, на которыхъ зиждется свобода. Я убѣжденъ, что народъ нашъ наслаждался свободой при господствѣ этихъ учреждений; но не думаю, чтобы стараніе улучшить ихъ потрясло ихъ неминуче въ самыхъ основаніяхъ. Напротивъ, мнѣ кажется неосторожнымъ и безразсуднымъ пробовать тѣ органическіе перевороты, которые потрясли бы какую-либо изъ основъ, служащихъ опорой обществу. (*Одобреніе.*) Говорю это съ чувствомъ непритворной скромности, ибо чувствую, что всякая попытка создать новую систему представительства, какъ хотѣлось бы нѣкоторымъ, была бы выше моихъ силъ и способностей, и я вовсе не осмѣлился бы дѣлать никакихъ измѣненій въ представительствѣ, еслибъ это влекло за собою необходимость поставить его на совершенно новыхъ основаніяхъ. (*Одобреніе.*) Джентльмены, вопросъ о представительствѣ, какъ и вообще вопросы о правленіи, необыкновенно сложенъ и требуетъ чрезвычайной тщательности въ сопоставленіи отдѣльныхъ его частей. Многіе изъ васъ видѣли, надѣюсь, на фабрикахъ машину для пряжи бумаги. Вы замѣтили, конечно, силу этой громадной машины, и какимъ образомъ сила эта передается отъ наружнаго колеса множеству колесъ, изъ которыхъ одни съ горизонтальнымъ, а другія съ перпендикулярнымъ дви-

женіемъ. Сила сообщается всей машинѣ. Вы разсматривали затѣмъ отдѣльныя ея части, то подвигающіяся впередъ, то отступающія назадъ, во время производства нити; и вы могли убѣдиться, наконецъ, что все-таки необходимы человѣческія руки для того, чтобы прилаживать эти нити, даже въ этомъ самомъ точномъ и сложномъ произведеніи механики. Нѣтъ сомнѣнія, что зрѣлище это обнаруживаетъ высокое искусство и большую механическую ловкость въ тѣхъ, которые придумали машину, и даже въ тѣхъ, которые теперь наблюдаютъ за ея построениемъ. Но повѣрьте, машина для пряжи бумаги вовсе не сложнѣе и не запутаннѣе, чѣмъ машина, которая вырабатываетъ хорошее правительство. (*Рукоплетсканіе.*) Въ машинѣ этой мы занимаемъ только роль рабочихъ; но между предками нашими были люди, которые не только своимъ умомъ, своимъ широкимъ соображеніемъ, своею изобрѣтательностью, но также потоками своей крови создали и завѣщали намъ великую фабрику, на которой мы живемъ и благоденствуемъ. (*Рукоплетсканіе.*) Итакъ, джентльмены, въ обращеніи съ машиной такого рода надо быть крайне-осторожнымъ, надо слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ. Но въ то же время, моимъ мнѣніемъ было, — и мнѣніе это я выражалъ въ палатѣ общинъ не только въ своихъ рѣчахъ, но даже открыто въ законодательныхъ резолюціяхъ, — мнѣніемъ моимъ было, что слѣдуетъ допустить большее число народа къ избранію членовъ парламента, и что этимъ только возвысится сила всего нашего политическаго зданія. (*Одобреніе.*) Сдѣлаю еще нѣсколько замѣчаній объ общихъ началахъ нашего правительства. Въ другихъ странахъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, — господствуютъ абстрактныя начала правительства. Такъ напримѣръ, во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ все опирается на поголовную подачу голосовъ. Странно сопоставлять имена Франціи и Соединенныхъ Штатовъ, какъ обладающихъ однимъ и тѣмъ же началомъ правительства; а между прочимъ, это такъ, ибо и лица, стоящія во главѣ государства, и представители народа въ обѣихъ странахъ, избираются непосредственно поголовною подачей голосовъ; въ той и другой изъ нихъ находится сенатъ, который избирается тѣмъ же самымъ путемъ, но уже посредственно. И что же можетъ быть различнѣе, что можетъ быть противоположнѣе въ практикѣ, какъ правительства двухъ упомянутыхъ мною странъ? Учрежденія Франціи годятся, вѣроятно, для ея народа, точно также какъ учрежденія Соединенныхъ Штатовъ пригодны тамошнимъ обитателямъ. Укажу теперь на принципъ нашего собственнаго правительства, который, по моему мнѣнію, отличается совершенно другимъ характеромъ. Принципъ этотъ опирается не на отвлеченное право, не на теорію,

ретическія понятія, въ родѣ того, что каждый человекъ долженъ участвовать въ управленіи; но напротивъ, въ силу нашего принципа, мы отыскиваемъ наиболѣе способныхъ людей, которымъ можетъ быть вручена известная степень власти, отыскиваемъ для того, чтобы вручить власть этимъ лицамъ. (*Одобреніе.*) Можно объяснить это примѣромъ, бросивши взглядъ на судебное наше устройство, которое также сложно у насъ, какъ и вообще устройство всякаго другаго дѣла. На первомъ мѣстѣ видимъ мы предсѣдательствующее лицо, которое должно приобрѣсти долгое и трудное образованіе, должно показать себя въ судахъ и снискать значительную репутацію, подтвердивъ на дѣлѣ, что оно вполне способно прилагать практическимъ образомъ тѣ свѣдѣнія, которыя изучило въ теоріи. Но несмотря на то, хотя лицо это занимаетъ высокое положеніе, известно своею ученостью, хотя всѣ дѣйствія его нисколько не покрыты тайной, все-таки чувствуется страхъ, страхъ весьма естественный и понятный, что еслибы предоставить ему рѣшать всѣ уголовныя и гражданскія дѣла, то изъ уголивости или продажности, или вообще изъ какихъ-нибудь нечистыхъ побужденій, оно могло бы затянуть судопроизводство или дать ему нечестный оборотъ. Что же сдѣлали мы въ такомъ случаѣ? У насъ выбирается нѣсколько лицъ, которымъ предоставляется окончательное рѣшеніе дѣла. Отъ лицъ этихъ требуются разныя условія. Лица эти не должны быть замѣшаны въ разбираемомъ дѣлѣ никакимъ интересомъ; они должны быть совершенно безпристрастны. Еслибы рѣшеніе принадлежало только имъ однимъ, оно могло бы быть весьма честнымъ, но тѣмъ не менѣе невѣжественнымъ рѣшеніемъ; вотъ тутъ-то и важно участіе судьи, который приноситъ съ собою и ученость и знаніе закона, словомъ, все, необходимое для правильнаго приговора. (*Одобреніе.*) Все это очень хорошо известно и происходитъ ежедневно передъ вашими глазами; все это давно уже вошло въ наши обычаи и не обращать, быть-можетъ, на себя должнаго вниманія, именно потому, что мы уже слишкомъ къ этому привыкли. Приложимъ же этотъ самый примѣръ къ уставу нашего представительнаго правительства. Мы не раздѣляемъ, какъ известно, страны нашей на опредѣленное число округовъ, съ 40.000 или 50.000 народонаселенія въ каждомъ изъ нихъ, и не говоримъ, что каждый житель этихъ округовъ долженъ пользоваться избирательнымъ правомъ. Каждый ученикъ или чертежникъ любаго землемѣра сумѣлъ бы устроить представительство на подобныхъ основаніяхъ, ибо задача не требуетъ большаго труда; но система, господствующая у насъ, отличается совершенно другимъ характеромъ. По системѣ нашей мы обязаны отыскивать людей, которымъ избирательное право можетъ быть предоставлено съ

полною безопасностію, людей, достаточно образованныхъ для того, чтобы понимать интересы своей страны, и достаточно обеспеченныхъ въ своей матеріальной жизни, для того, чтобы нельзя было подкупомъ совратить ихъ съ пути, который указываетъ имъ собственное пониманіе дѣлъ. (*Одобреніе.*) Лишь только въ томъ случаѣ, когда мы встрѣчаемъ этихъ людей, представляется возможность сдѣлать хороший выборъ представителей народа. Въ 1831 году правительство лорда Грея предложило 10 фунт. стерл. избирательнаго ценза, и я могу сказать, что оно поступило въ этомъ случаѣ съ крайнею осторожностію. По тогдашнему времени они думали, что цензъ этотъ не слишкомъ низокъ; теперь мы должны переислѣдовать этотъ вопросъ, и я нахожу, что, по нашему времени, онъ слишкомъ высокъ. (*Одобреніе.*) Всѣ эти вопросы, о которыхъ я бесѣдовалъ съ вами, можно разсматривать совершенно спокойно, въ осеннее время, когда мы не разгорячены преніями палаты общинъ. Я указываю только на общія начала, съ которыми мы должны сообразоваться, на которыя опираются наши учрежденія, и которыя можно выразить такимъ образомъ, что мы должны стремиться къ лучшему, къ тому, что можетъ въ дѣйствительности способствовать свободѣ и благоденствію народа, не руководствуясь одними только отвлеченными теоріями и логическими выводами. (*Одобреніе.*)

• Теперь, поговоривъ съ вами объ общихъ началахъ, я долженъ перейти къ другому предмету, который, по справедливому замѣчанію вашего лорда-мера, наиболее привлекаетъ мое вниманіе въ настоящую минуту. Обязанность моя,—обязанность чрезвычайно почетная, но въ то же время весьма тягостная,—состоитъ въ томъ, чтобы заботиться и подавать ея величеству совѣты, о внѣшнихъ сношеніяхъ этой страны. (*Одобреніе.*) Какъ по внутреннимъ вопросамъ, такъ и по предмету внѣшней политики, я не буду, джентльмены, говорить о взглядахъ партій, и это очень легко для меня. Въ прошедшемъ году слышалъ я въ *Mansion-House* рѣчь тогдашняго перваго министра, лорда Дерби, касательно общихъ началъ, которыми должна руководствоваться наша внѣшняя политика, и не нашелъ въ этой рѣчи ничего, съ чѣмъ бы я могъ не согласиться; въ ней высказано было мнѣніе, что во внѣшнихъ сношеніяхъ своихъ мы должны сохранять уваженіе къ правамъ и независимости другихъ странъ, и что слова: «не дѣлай другому, чего не желаешь для самого себя», должны быть считаемы не только правиломъ христіанской нравственности, но и закономъ международныхъ отношеній. (*Рукоплесканія.*) Но въ практикѣ, имѣя сношенія со всѣми странами и интересы въ каждой части свѣта, нельзя отъ времени до времени избѣгнуть преній и споровъ и даже столкновеній съ различными

націями. Въ такихъ случаяхъ, джентльмены, я думаю, что намъ крайне необходимо воздерживать себя, вооружаться терпѣніемъ; но въ то же время не дѣлать ничего такого, отъ чего могло бы пострадать чувство самоуваженія, столь же присущее цѣлому народу, какъ и частному челоѣку (*одобреніе*), и охранять незапятнанною и безукоризненною честь націи. (*Одобреніе.*) Словомъ, когда мы воздерживаемся, то воздержаніе наше должно быть признакомъ силы, а не слабости. (*Одобреніе.*) Для такого торговаго народа, каковъ нашъ, важнѣе всего не нарушать мирныхъ сношеній съ другими странами. Въ то же самое время я замѣчалъ, что никто не заботился такъ ревностно объ охраненіи достоинства нашей страны, какъ классъ общества, занимающійся торговлей. Не стану доискиваться причины этого явленія; быть-можетъ, люди этого класса слѣдятъ за результатами событій и сознаютъ, какъ важно для насъ, чтобы во всѣхъ другихъ странахъ чувствовалось уваженіе къ нашей національности. Прежде чѣмъ кончу, о чемъ я началъ говорить, считаю нужнымъ, джентльмены, коснуться одного вопроса, въ которомъ хотя мы и не принимали непосредственнаго участія, но который тѣмъ не менѣе возбуждаетъ глубокой интересъ въ каждомъ истинномъ Англичанинѣ: я разумѣю событія, происходящія теперь на Италіанскомъ полуостровѣ. (*Одобреніе.*) Вы позволите мнѣ коснуться того, чтò имъ предшествовало, чтò составляетъ ключъ ко всему, происходящему теперь. Италіанскій народъ, весьма многочисленный, не уступающій въ умственномъ развитіи никакой другой европейской націи, обладающій всѣмъ, необходимымъ для торговли и земледѣлія, былъ подчиненъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій другимъ державамъ: то Испанцамъ, то Нѣмцамъ, то Французамъ. Шестьдесятъ три года тому назадъ, вступилъ въ предѣлы Италіи генералъ, обладавшій молодостью, гениемъ, способностями всякаго рода и для мирныхъ и гражданскихъ занятій, и объявилъ, что онъ намѣренъ даровать свободу ея обитателямъ. Италіанцы пришли въ восторгъ; вся Ломбардія находилась въ какомъ-то опьяненіи; но хотя военныя дѣйствія этого генерала увѣнчались полнымъ успѣхомъ, Италія очутилась, по окончаніи ихъ, подъ властію французскаго правительства, и въ 1814 году народонаселеніе Ломбардіи, исполненное ненависти къ этому чужеземному владычеству, сильно желало его свергнуть. Оно обратилось къ Англіи, къ англійскому генералу, лорду Уильяму Бентинку, какъ къ челоѣку, для котораго наиболее была дорога свобода, обратилось потомъ къ англійскому министру съ подробнымъ объясненіемъ того положенія, въ которомъ оно находилось. Англійскій министръ отвѣчалъ Италіанцамъ, что судьба ихъ устроена достаточно-хорошо, что императоръ австрійскій, изъ особеннаго снисхожденія, согласился

принять на себя заботу о Ломбардіи, и что онъ, англійскій министръ, можетъ только посовѣтовать имъ обратиться къ министру австрійскому. *(Слушайте и смѣхъ.)* Жители Ломбардіи оставались, такимъ образомъ, подъ австрійскимъ владычествомъ до самаго 1859 года, то-есть до теперешняго времени, и съ каждымъ годомъ оно становилось имъ все болѣе и болѣе ненавистнымъ. Не стану говорить вамъ, имѣли ли они основаніе не любить прежнее французское и позднѣйшее австрійское господство, ограничиваюсь только тѣмъ, что уже хорошо извѣстно и вамъ и всему міру. Десять или двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, нѣсколькимъ людямъ, отличавшимся пламенными надеждами и большими литературными талантами, пришло на умъ, что чужеземныя державы эти не умѣли пробудить къ себѣ довѣрія и привязанности Италіянцевъ, и что Италіянцы могутъ сами управлять своею страной. То была новая, но въ то же время весьма естественная мысль. Въ 1848 и 1849 годахъ они сдѣлали попытку. Къ несчастію, попытка эта была такъ безуспѣшна, что дала весьма жалкое понятіе другимъ народамъ о способности Италіянцевъ къ самоуправленію. Императоръ Французовъ, завоевавши Ломбардію въ нынѣшнемъ году, объявилъ великодушно, что завоевалъ ее не для себя, но что Италіянцы отнынѣ должны сдѣлаться свободными гражданами великой страны. *(Одобреніе.)* Италіянцы, не только въ Ломбардіи, но въ Тосканѣ, Пармѣ и Моденѣ, дѣйствовали, сообразуясь съ этимъ объявленіемъ, учредили у себя временное правительство, говоря, что они желаютъ въ самомъ дѣлѣ быть свободными гражданами великой страны. *(Рукоплесканія.)* Какой же, спрашиваю, произведенъ былъ этимъ вредъ? Стремленіе государствъ и народовъ устанавливать свое собственное правительство имѣетъ много сходнаго съ намѣреніемъ какого-нибудь гражданина, хотъ, напримѣръ, въ Абердинѣ, устроить самому свой домъ. *(Смѣхъ и рукоплесканія.)* Я убѣжденъ, что ни лордъ-меръ, ни члены городскаго совѣта, нисколько не вмѣшались бы въ дѣла гражданина, еслибы захотѣлось ему поразширить нѣсколько свою столовую или свой кабинетъ. Но можетъ случиться, конечно, что, при исполненіи такого намѣренія, домовладѣлецъ будетъ вредить или мѣшать своимъ сосѣдямъ. *(Смѣхъ.)* Онъ могъ бы, напримѣръ, завести производство фейерверковъ въ своемъ домѣ и непрерывно дѣлать надъ ними опыты, пускать каждый вечеръ на воздухъ ракеты. Это было бы, конечно, не весьма пріятно, ибо сосѣди могли бы опасаться, что онъ подождетъ ихъ дома, и лордъ-меръ, на этомъ основаніи, могъ бы вмѣшаться въ дѣла господина, о которомъ говоримъ мы. *(Смѣхъ.)* Но развѣ въ Италіи случилось что-либо подобное? Развѣ порядокъ былъ до такой степени нарушенъ въ Миланѣ,

Флоренціи, Моденѣ, что сосѣди этихъ странъ, Австрійцы, имѣли бы право вмѣшаться? (*Одобреніе.*) Напротивъ, поведеніе этого народа, только что освободившагося и бывшаго много лѣтъ подъ чужеземнымъ владычествомъ, народа, который могъ бы вдаться въ какія-нибудь крайности, въ какія-нибудь неистовства противъ лицъ, наиболѣе ему ненавистныхъ, отличалось безукоризненнымъ порядкомъ, такимъ порядкомъ, какъ будто народъ этотъ состоялъ изъ гражданъ страны, давно уже привыкшей къ свободѣ (*Одобреніе.*) Поэтому, джентльмены, хотя мы и не помогали этой націи возвратить свою свободу, хотя мы оставались только зрителями и, по весьма достаточнымъ и основательнымъ, какъ я думаю, причинамъ, не принимали участія въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ нынѣшней весны, несмотря на то, мы обязаны сказать, мы говоримъ и говорили, что будемъ протестовать самымъ торжественнымъ и открытымъ образомъ противъ всякаго вмѣшательства чужеземныхъ державъ, имѣющаго цѣлю воспретить Италианцамъ устроить свое правительство и управлять своими собственными дѣлами. (*Одобреніе.*) Поэтому, джентльмены, каковъ бы ни былъ трактатъ, о которомъ идутъ теперь переговоры, если, послѣ его заключенія, соберется конгрессъ европейскихъ державъ, если государство, принимавшія участіе въ войнѣ, пожелають, чтобы другія державы приступили къ обсужденію политическаго устройства Италиі, мы можемъ засѣдать на конгрессѣ въ томъ только случаѣ, когда не будетъ рѣчи о насильственномъ понужденіи къ выполненію условій мира или о вмѣшательствѣ въ права народа устраивать его собственныя дѣла. Если же конгрессъ будетъ собранъ именно для этой цѣли, или если таковы, по крайней мѣрѣ, должны быть его результаты, Англія останется въ сторонѣ и не приметъ въ немъ участія. (*Рукоплесканія.*) Но, джентльмены, я убѣжденъ, что ни Франція, ни Австрія, каково бы ни было ихъ мнѣніе о совершающихся теперь событіяхъ,—по крайней мѣрѣ, касательно Австріи, не можетъ быть сомнѣнія, что она не одобряетъ переворота, совершившагося въ Тосканѣ и Моденѣ,—я убѣжденъ, говорю, что ни Франція, ни Австрія не имѣютъ намѣренія вмѣшаться насильственно въ дѣла италянскихъ государствъ. (*Одобреніе.*) И надо искренно желать, чтобы дѣйствительно такъ случилось, ибо система, смыслъ которой скорѣе затемняется, чѣмъ уясняется фразой «политическое равновѣсіе», требуетъ, чтобы всѣ государства были независимы, чтобы они сами занимались своимъ собственнымъ управленіемъ, и чтобы ни одна страна не пользовалась преобладаніемъ въ Европѣ и не предписывала другимъ ихъ конституціи, ихъ внутренняго устройства или чего-либо подобнаго. Наслаждаясь въ странѣ этой давно пріобрѣтенною нами независимостію, мы дол-

жны заботиться, чтобы никакое европейское государство, предпочитаетъ ли оно политическую систему, несовмѣстную со свободой, слѣдуетъ ли оно умѣренной системѣ представительной монархіи, или, наконецъ, предпочитаетъ какую-либо другую форму правленія, не мѣшалось въ дѣла своихъ сосѣдей. Я убѣжденъ, что независимость различныхъ государствъ Европы должна постоянно возбуждать интересъ и сочувствіе Великобританіи.

«Боюсь, что задержалъ васъ слишкомъ долго (*нѣтъ, нѣтъ и аплодисменты*); но вы должны приписать это той благосклонности, съ которою вы меня встрѣтили. Будьте увѣрены, что до тѣхъ поръ пока находится въ моихъ рукахъ портфель иностранныхъ дѣлъ, я не буду пользоваться именемъ, вліяніемъ и авторитетомъ Великобританіи для какихъ-нибудь недостойныхъ и эгоистическихъ цѣлей. (*Одобреніе.*) Страна эта водрузила у себя маякъ, который спасетъ остальной міръ. Не намъ предписывать другимъ ихъ образъ дѣйствій, но обязанность наша говорить не иначе какъ языкомъ свободаго народа, языкомъ вѣрныхъ подданныхъ монархини, власть которой опирается на всеобщую къ ней привязанность.» (*Громкіе и продолжительные аплодисменты*).

Лордъ-меръ предложилъ затѣмъ три залпа рукоплесканій въ честь новаго гражданина, что и было исполнено съ искреннею готовностію.

РѢЧЬ ПРИНЦА АЛЬБЕРТА ВЪ БРИТАНСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ СПОСѢШЕСТВОВАНІЯ НАУКАМЪ.

Британское Общество Спосѣшествованія Наукамъ (*British Association for the Promotion of Science*) посвящено естествознанію въ обширномъ смыслѣ. По примѣру многихъ другихъ ученыхъ обществъ, учрежденныхъ въ новѣйшее время въ Англіи и на материкѣ Европы, члены этого общества съѣзжаются ежегодно въ разныхъ городахъ Соединеннаго Королевства, и въ такихъ собраніяхъ излагаютъ передъ публикой отчетъ въ своихъ занятіяхъ, въ разныхъ открытіяхъ и изслѣдованіяхъ въ области наукъ, въ предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ Общества. Тутъ же избирается президентъ на слѣдующій годъ, и опредѣляется новое мѣсто для съезда: обыкновенно, многіе города просятъ Общество почтить ихъ своимъ выборомъ. Въ прошломъ году Британское Общество собиралось въ Лидсѣ, подъ председательствомъ извѣстнаго натуралиста

Оуэна (Owen); на этомъ съѣздѣ слѣдующее собраніе назначено въ Абердинѣ, въ сѣверовосточной Шотландіи, и президентомъ его избранъ супругъ королевы, принцъ Альбертъ.

14 сентября н. с. общество открыло свои засѣданія въ концертной залѣ Абердина. Число посѣдательскихъ билетовъ, проданныхъ въ этомъ провинціальномъ городѣ, дошло до 2.500, и Общество, изъ опасенія тѣсноты, было вынуждено прекратить продажу. Всѣ городскіе клубы предложили членамъ свое гостепріимство, всѣ городскія учрежденія и собранія отворили имъ свои двери. Королева посѣдила пригласить дорогихъ гостей на прогулку и завтракъ въ свой Бальморальскій дворецъ. Профессоръ Филлипсъ открылъ засѣданіе чтеніемъ отчета совѣта и представилъ приходо-расходную вѣдомость, изъ которой видно, что годовой расходъ Общества составлялъ около 2.620 фунт. стерл.; само собой разумѣется, что вся эта сумма была почти исключительно израсходована на ученые потребности Общества, и что издержки администраціи почти ничтожны. Въ заключеніе перваго засѣданія, прошлагодній президентъ, профессоръ Оуэнъ, послѣ краткаго привѣтствія Обществу, передалъ предсѣдательское мѣсто принцу Альберту, который произнесъ предлагаемый нами адресъ.

Читатели *Русскаго Вѣстника* встрѣтятъ не безъ удовольствія и сочувствія эту дань уваженія ученымъ и наукѣ, приносимую съ такою, полною достоинства, скромностію. Принцъ Альбертъ, по своему положенію, часто имѣетъ случай являть передъ публикой свой талантъ оратора, который такъ необходимъ въ Англіи каждому лицу, пользующемуся въ обществѣ какимъ-либо значеніемъ. Года два тому назадъ, онъ издалъ особою книгой всѣ произнесенныя имъ, при разныхъ случаяхъ, рѣчи и адреса; и самыя серьезныя, самыя независимыя органы гласности оглозвались объ этой книгѣ съ похвалою и уваженіемъ, которыя, конечно, въ свободной Англіи не могутъ быть сочтены за лесть или пристрастную снисходительность.

Сообщаемая нами рѣчь познакомитъ читателей и съ характеромъ этого достопримѣчательнаго общества, существующаго лишь добровольными приношеніями, но тѣмъ не менѣе отважно принимающаго на себя колоссальныя задачи. Обращаясь къ обширной публикѣ, присутствовавшей при засѣданіи, принцъ Альбертъ старался показать своимъ слушателямъ значеніе Общества и цѣль существованія его. Представленный имъ обзоръ дѣятельности Общества можетъ дать и нашимъ читателямъ самое лучшее понятіе объ этомъ оригинальномъ общественномъ учрежденіи Соединеннаго Королевства.

Джентльмены Британскаго Общества, я не могъ не почувствовать робости при первомъ извѣстїи о вашемъ любезномъ приглашенїи, чтобъ я принялъ на себя званїе вашего президента на слѣдующїй годъ. Высокое положенїе, занимаемое наукой, обширное число замѣчательныхъ мужей, которые трудятся надъ ея священнымъ дѣломъ, которыхъ подвиги, разсѣвая всюду несчетныя благодѣянія, справедливо привлекаютъ удивленїе челоуѣчества, рѣзво противопоставлялись въ моемъ умѣ съ сознанїемъ собственной моеї незначительности въ этомъ отношенїи. Мнѣ, простому поклоннику и не удавшемуся ученику науки, занять мѣсто предводителя и оратора ученыхъ мужей настоящаго времени, собравшихся для преуспѣянія своихъ важныхъ цѣлей! Дѣло казалось мнѣ невозможнымъ. Но, размысливъ, я пришелъ къ заключенїю, что хотя и не какъ сотрудникъ, не какъ распорядитель вашихъ занятїй, я тѣмъ не менѣе, принявъ ваше приглашенїе, могу быть полезенъ вамъ и наукѣ. Вспомнивъ, что это Общество есть общество популярное, не тайное собратство людей, ревниво скрывающихъ мистерїи своей профессїи, но общество, приглашающее непосвященныхъ и всю публику присоединиться къ нему, имѣющее цѣлю разрушить тѣ воображаемыя и пагубныя преграды, которыя раздѣляютъ людей ученыхъ отъ такъ-называемыхъ людей практическихъ, вспомнивъ это, я почувствовалъ, что въ томъ положенїи, на которое возвелъ меня Провидѣнїе въ этой странѣ, я могу выступить представителемъ обширной публики, которая пользуется вашими усилїями и удивляется имъ, но не способна принять въ нихъ дѣятельное участїе; я почувствовалъ, что мое избранїе было, съ вашей стороны, дѣломъ скромности, и что отказаться отъ него имѣло бы видъ ложной скромности, которая походила бы, съ моей стороны, на гордость. Дальнѣйшее размысленїе указало мнѣ, въ принятїи поручаемой вами мнѣ должности, средство, такъ рѣдко представляющееся ея величеству, засвидѣтельствовать передъ вами черезъ посредство своего супруга, что ваши труды оцѣнены вашею государыней, и что она жаждетъ сдѣлать это извѣстнымъ и вамъ, и своему народу. Руководимый подобными размысленїями, я не колебался въ выборѣ, ибо передо мною открывался прямой путь долга.

Если таковы были причины, побудившія меня принять ваше лестное предложенїе президентства, то едвали нужна съ моей стороны просьба о томъ, чтобы вы приняли съ любезною снисходительностію мои усилїя, для исполненїя обязанностей моеї должности.

Еслибы что-либо могло еще болѣе предостеречь меня, какъ много я нуждаюсь въ вашемъ снисхожденїи, то, конечно, стоило бы только вспомнить лицо, которому я долженъ наследовать въ зва-

нїи президента, человѣка, которымъ справедливо гордится эта страна, и котораго имя стоитъ на ряду съ именами первыхъ натуралистовъ Европы за его терпѣливыя изслѣдованія, добросовѣстныя наблюденія, смѣлое воображеніе и острое мышленіе. Вы, безъ сомнѣнїя, выслушали съ удовольствіемъ его прощальный адресъ, и я приношу мою благодарность за лестный отзывъ, которымъ онъ коснулся меня.

Общество собирается въ первый разъ въ этой мѣстности и въ этомъ древнемъ любопытномъ городѣ. Поэтъ, въ произведенїяхъ своей фантазїи, долженъ выбирать и тщательно обдумывать, гдѣ расположить сцену дѣйствїя; ему извѣстно, что тѣмъ самымъ онъ, подобно живописцу, набрасываетъ фонъ своей картины, отъ котораго зависитъ тонъ и колоритъ цѣлаго произведенїя. Строгая и сухая дѣйствительность жизни управляется такими же законами, и мы здѣсь живемъ, чувствуемъ и мыслимъ подъ вліанїемъ мѣстныхъ впечатлѣній этого сѣвернаго приморскаго порта. Выборъ, кажется, удаченъ. Ученые путешественники должны были обратиться сюда издалека; но, приближаясь къ горной Шотландїи, они встрѣтили природу въ ея дикомъ и первобытномъ видѣ, а природа составляетъ предметъ ихъ изученїя. Геологъ не найдетъ въ этихъ горахъ много новаго, ибо ступить почти на нагой остовъ земнаго шара; но первозданныя скалы, поднимаясь въ своей наготѣ, обнаруживаютъ здѣсь величіе и красоту своей особенной формы; а въ великолѣпныхъ сосѣдственныхъ каменоломняхъ особенно выгодно представляется ихъ сомкнутость, твердость ихъ массъ, ихъ неистощимость, какъ богатаго матеріала, которымъ человѣкъ можетъ пользоваться, послѣ того какъ онъ научился извлекать его изъ глуби при помощи новыхъ механическихъ силъ. На этой первозданной почвѣ, лишь немногіе виды растеній и животныхъ привлекаютъ вниманіе ботаниковъ и зоологовъ; но это такіе виды, которые, при распространенїи земледѣльства и умноженїи населенїя, постепенно изгоняются изъ другихъ мѣстъ страны. На этихъ голубыхъ холмахъ, красный олень большими стадами невозмутимо владѣетъ обширными молодыми лѣсами, покуда усталый охотникъ, освобожденный отъ узъ занятой жизни шумнаго города, чтобы заpastись здоровьемъ и силой, не придетъ въ болото состязаться съ рогатымъ царемъ горъ. Но всѣ старанія совладать съ противникомъ, одареннымъ въ такой превосходной степени силой, быстротой, осторожностію и чуткостїю, остались бы безуспѣшны, еслибы наука не дала охотнику подзорной трубы и страшныхъ оружій, видимо съ каждымъ днемъ совершенствующихся въ точности, съ которою они, на перекоръ разстоянїю, посылаютъ въ цѣль смертоносныя пули.

Изъ благодарности за помощь, оказываемую наукой, охотникъ

можетъ сообщить натуралисту много такихъ фактовъ, которые ему одному случается наблюдать, и которые могутъ пособить рѣшенію любопытныхъ вопросовъ, касательно жизни оленя. Самый человекъ, высшій предметъ нашихъ изслѣдованій, въ своемъ крѣпкомъ и здоровомъ развитіи, представляетъ здѣсь счастливое смѣшеніе расъ кельтической, готской, саксонской и датской, и упражняетъ свои силы въ горахъ и на морѣ. Абердинскій китоловъ смѣло отправляется въ ледовитыя страны полярнаго моря на поиски за водянымъ чудовищемъ; онъ много содѣйствовалъ тому, чтобы сдѣлались доступными, для ученыхъ изслѣдованій, окованные ледомъ края; онъ безстрашно помогалъ отыскивать сэръ-Джона Франклина и его отважныхъ товарищей, отправленныхъ отечествомъ для этой цѣли; но которымъ Провидѣніе отказало въ награды за труды, не судило возвратиться на родину въ объятія семейства и друзей, и не дозволило видѣть признательность благодарнаго народа. Городъ Абердинъ самъ собой представляетъ очень много любопытнаго для людей ученыхъ. Его два, недавно соединенные университета, дѣлаютъ его мѣстопребываніемъ учености и науки. Составленное для настоящаго случая собраніе древностей позволяетъ ученому углубиться въ давноминувшія времена, и сближеніе съ остатками произведеній древнихъ обитателей Шотландіи знакомитъ его съ духомъ этого своеобразнаго и интереснаго народа, который всегда привлекалъ вниманіе и сердце людей, чувствительныхъ къ вліянію героической поэзіи. Спальдингговъ клубъ, основанный въ этомъ городѣ для сохраненія историческихъ и литературныхъ памятниковъ сѣверо-восточныхъ графствъ Шотландіи, пользуется почетною извѣстностію за свои важныя изданія.

Джентльмены, настоящая годовщина двадцать девятая со времени основанія нашего Общества, и мы можемъ съ самодовольствіемъ бросить взглядъ на его дѣйствія и заслуги въ продолженіе его существованія. Когда, 17 сентября 1831 года, Йоркширское ученое общество собралось въ Йоркѣ, въ амфитеатрѣ Йоркширскаго музея, подъ предѣлательствомъ покойнаго графа Фитцвильяма, тогда еще бывшаго виконтомъ Мильтономъ, и досточтимый Вернонъ Гаркоуртъ краснорѣчиво предложилъ планъ для учрежденія Британскаго Общества Споспѣшествованія Наукамъ, которое, какъ онъ показалъ, сдѣлалось потребностію страны, тогда самый горячій приверженецъ этого предпріятія не предугадалъ бы, что Общество явится вдругъ во всей силѣ возмужалости, вступить немедленно на свое полезное поприще и станеть проходить его, не уклоняясь отъ своей первоначальной цѣли, и побѣждая всѣ препятствія, которыя оно должно было встрѣтить, какъ встрѣчаетъ ихъ все, что ново и полезно. Это дока-

зываетъ, джентльмены, что потребность была дѣйствительная, а не воображаемая, и что средства, избранныя для удовлетворенія этой потребности, были основаны на вѣрномъ пониманіи непреложныхъ истинъ. Г. Вернонъ Гаркауртъ изобразилъ желаемое въ мѣткихъ словахъ, которыя сохранились почти безъ перемѣны въ изложеніи цѣли Общества, печатаемомъ во главѣ издаваемыхъ ежегодно томовъ *Записокъ* (Transactions): «Сильнѣе вызывать и болѣе систематически направлять ученыхъ изслѣдованія, содѣйствовать сближенію людей, занимающихся наукой въ различныхъ частяхъ государства, какъ между собой, такъ и съ иностранными учеными, возбуждать болѣе общее вниманіе къ предметамъ науки и отстранять всякаго рода общественныя неудобства, препятствующія ея успѣхамъ.»

Опредѣлить сущность науки, предложить точное и полное опредѣленіе науки, которой посвящено наше Общество, показать ея значеніе,—этотъ вопросъ во всѣ времена естественно занималъ метафизиковъ. Они отвѣчали на него различно, болѣе или менѣе удовлетворительно для себя и для другихъ. По моему мнѣнію, въ самомъ обширномъ и понятномъ значеніи, наука есть знаніе того, что я знаю,—сознаніе человѣческаго знанія. Посему познание есть предметъ всѣхъ наукъ; всякое специальное знаніе, поставленное въ нашемъ сознаніи въ своей особенной раздѣльности, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ связѣ съ совокупностію нашихъ знаній, есть знаніе научное. Вотъ почему для науки, то-есть, для приобрѣтенія научныхъ знаній, мы нуждаемся въ двухъ дѣйствіяхъ нашего ума, необходимыхъ для приобрѣтенія всякаго свѣдѣнія, въ анализъ и синтезъ: помощію перваго, мы разсѣкаемъ и дробимъ изслѣдываемый предметъ на его составныя части, и получаемъ, посредствомъ наблюденія, точное понятіе о свойствахъ и качествахъ этихъ частей; помощію втораго, части, извѣстныя намъ изъ наблюденія, совокупляются въ нашемъ сознаніи въ одно цѣлое, вполнѣ соответствующее предмету нашего изслѣдованія. Такимъ образомъ, труды ученаго бывають вмѣстѣ и самыя обыкновенныя и самыя возвышенныя, на какіе только способенъ человѣкъ. Онъ дѣлаетъ то же, въ чемъ упражняется каждый малый ребенокъ съ перваго пробужденія къ жизни и во всѣ мгновенія своего существованія; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стремится постепенно приблизиться къ Божественной истинѣ. Если нѣтъ разницы между дѣломъ ученаго и ребенка, то въ чемъ же заключается различіе? Единственно, въ сознательномъ самоопредѣленіи. Ребенокъ наблюдаетъ все, что предлагаетъ ему случай, и безсознательно составляетъ себѣ о томъ свое понятіе; такъ-называемый практическій человѣкъ наблюдаетъ то, съ чѣмъ приводитъ его въ соприкосновеніе родъ его занятій, и составляетъ свои понятія,

сообразно кругу своей дѣятельности. Ученый наблюдаетъ лишь то, что желаетъ наблюдать, и знаетъ причину такого желанія. Значеніе, приобретаемое въ его глазахъ особеннымъ предметомъ, определяется не случаемъ, не внѣшнею причиною, какова, напримеръ, простая связь съ производимою работою, но мѣстомъ, которое занимаетъ этотъ предметъ, по его понятію, въ общемъ мірѣ знаній, и соотношеніемъ его съ различными частями общаго знанія.

Посему, приведеніе въ порядокъ и классификація этого міра знаній составляютъ первый и, можетъ-быть, самый важный предметъ и обязанность науки. Только подчиненіе системъ, черезъ отдѣленіе несомвѣстимаго и сочетаніе тѣхъ элементовъ, въ которыхъ намъ удалось открыть внутреннюю связь, вложенную въ нихъ Вселогущимъ, можетъ подать намъ надежду на постиженіе безпредѣльности Его творенія и законовъ, управляющихъ духомъ и веществомъ. Поэтому, наука систематически стремилась къ раздѣленію человѣческихъ знаній, и какъ бы къ возведенію отдѣльныхъ группъ предметовъ научнаго изслѣдованія въ различныя и отдѣльныя науки. Стремленіе къ образованію новыхъ наукъ, особенно замѣтно въ настоящее время и, можетъ-быть, составляетъ, неизбежное слѣдствіе быстрыхъ современныхъ успѣховъ, потому что подробное изученіе и усвоеніе отдѣльныхъ отраслей знанія открываетъ взору ученаго, съ ново-достигнутой точки зрѣнія, дальнѣйшія развѣтвленія, на которыя подраздѣляются знанія, сами собою, съ строгою послѣдовательностію и логическою необходимостію. Но, приобретая, такимъ образомъ, новыя средоточія свѣта, отъ которыхъ направляются наши изслѣдованія, и которыя открываютъ намъ новыя могущественныя средства къ умноженію непрерывно возрастающихъ сокровищъ, наука не приближается къ предѣламъ своего поприща, хотя и проникаетъ все далѣе и глубже отъ первоначальной исходной точки. Миръ Божій безконеченъ, а безпредѣльность вселенной, которой границы вѣчно отступаютъ передъ нашимъ умомъ, равно поражаетъ насъ страхомъ, когда, обращаясь къ купамъ звѣзднаго неба, мы усматриваемъ новыя міры при каждомъ усовершенствованіи оптики нашихъ телескоповъ, и когда микроскопъ открываетъ намъ въ каплѣ воды, въ пылинкѣ, новыя міры жизни и тварей или остатки исчезнувшихъ созданій.

Но если, съ одной стороны, преслѣдованіе спеціальнаго изученія въ каждомъ направленіи способствуетъ къ изошренію способностей отдѣльнаго человѣческаго ума надъ спеціальными избраннаго предмета, и привлекаетъ большее число дѣятелей къ участию въ общемъ трудѣ; то, съ другой стороны, возникаетъ опасеніе, чтобы не утратилось, или, по крайней мѣрѣ

не ослабѣло сознаніе единства, которымъ должна быть проникнута вся наука вполнѣ. Иногда рѣдкіе умы и самыя возвышенныя геніи были одарены способностію слѣдить за различными науками, по ихъ расходящимся путямъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не терять изъ виду той единственной точки зрѣнія, съ которой можно объять и направлять всю ихъ совокупность. Но какъ рѣдко появляются столь даровитые умы! Притомъ они все-таки остаются отдѣльными личностями со всеми несовершенствами человеческой природы.

Единственное средство пособить съ нѣкоторою благонадежностію этой потребности слѣдуетъ искать въ соединеніи ученыхъ людей, представляющихъ всѣ спеціальности и трудящихся вмѣстѣ съ общою цѣлью сохранить единство и руководить общее направленіе. Во многихъ странахъ это было, нѣкоторымъ образомъ, достигнуто основаніемъ академій, обнимающихъ цѣлыя области наукъ физическихъ, философскихъ, историческихъ или политическихъ. За неимѣніемъ такого учрежденія въ нашей странѣ, каждый любитель наукъ долженъ радоваться существованію и дѣятельности нашего Общества, которое обнимаетъ сферой своего дѣйствія, правда, не всѣ области наукъ, но, по крайней мѣрѣ, весь тотъ важный отдѣлъ, который извѣстенъ подъ названіемъ *опытныхъ наукъ*, за исключеніемъ всего, что познается неопытнымъ путемъ изслѣдованія. Такъ, напримѣръ, наше Общество, принимая въ соображеніе особенное свое устройство и свои способы дѣйствія, быть-можетъ, благоразумно отстранило отъ своего разсмотрѣнія и преслѣдованія науки, извѣстныя подъ названіемъ нравственныхъ и политическихъ. Оно поступило такъ не потому, чтобы не вполнѣ цѣнило ихъ значеніе или отказывало имъ въ священномъ правѣ на уваженіе человечества; но потому, что желало обращать свое вниманіе только на такіе предметы, которые подлежатъ положительному доказательству, и не основываются на мнѣніи или вѣрѣ. Предметы нравственныхъ и политическихъ наукъ касаются не только мнѣній, но и чувствъ; и изслѣдованіе ихъ часто возбуждаетъ страсти. Чувства *субъективны*, какъ говорятъ германскіе философы, они нераздѣльны съ личностію, и нападенія на нихъ обращаются на самое лицо; между тѣмъ какъ факты *объективны* и составляютъ общее достояніе; они остаются всегда и при всякихъ обстоятельствахъ, одними и тѣми же фактами, ихъ можно и должно доказывать, и дѣло съ ними покончено, коль скоро они доказаны. Общество наше разсматриваетъ только факты. О нихъ могутъ также существовать нѣкоторое время различныя мнѣнія; но процессъ, которымъ здѣсь устраняется разномысліе и восстанавливается сглашеніе, отличенъ отъ процесса, употребляемаго для той же цѣли въ наукахъ нравственныхъ и политическихъ.

Последнія, обыкновенно, прибѣгаютъ къ *выводу*; но если оспаривается исходная точка, а выбирать ее можно по произволу, тогда несомнѣнно на самое острое и логически-правильное сужденіе, соглашеніе бываетъ невозможно. Мы же пользуемся процессомъ *наведенія*, не принимаемъ ничего на вѣру, не признаемъ никакихъ положеній; но начинаемъ свои рассужденія съ самаго маловажнаго дознаннаго факта, и обеспечиваемъ каждый шагъ, прежде нежели рѣшаемся ступить далѣе, подобно тому, какъ инженеръ подводитъ къ крѣпости свои осадныя работы. Такимъ образомъ, мы, наконецъ, приобретаемъ во владѣніе тотъ путь или ту лѣстницу, по которой даже дитя можетъ дойти, почти не замѣчая до самой вершины истины, и насладиться тѣмъ необъятно-широкимъ и пространнымъ видомъ, который разстилается подъ ногами удивленнаго зрителя. Этотъ путь указалъ намъ великій Баконъ; и кто же можетъ созерцать представляющееся съ него прищипанное, не ощущая того трепета, который объялъ воображеніе этого великаго человѣка, при мысли объ открытіяхъ грядущихъ вѣковъ!

Отъ политическихъ наукъ пытались отдѣлить въ последнее время одну науку, которая можетъ быть отрѣшена отъ личныхъ политическихъ мнѣній и подведена подъ отвлеченныя законы, выведенныя изъ достовѣрныхъ фактовъ. Я разумѣю политическую экономію, основанную на общихъ статистическихъ данныхъ. Недавно составилось новое Общество, которое странствуетъ въ подражаніе нашему, и стремится включить въ свои изслѣдованія и пренія еще болѣе обширный рядъ предметовъ, такъ-называемую социальную науку. Это усиліе заслуживаетъ нашего горячаго одобренія и искренняго сочувствія. Пожелаемъ имъ успѣха въ приобрѣтеніи чистаго и строгаго научнаго характера! Само наше Общество, со времени своего сѣзда въ Дублинѣ, признало возрастающее право политической экономіи на ученое братство, и допустило ее въ свое статистическое отдѣленіе. Самое искусное руководство и самыя счастливыя обстоятельства благоприятствовали этому событію, подъ предѣлательствомъ дублинскаго архіепископа, доктора Уэтли (Whately), чьи труды на этомъ поприщѣ пользуются такимъ общимъ уваженіемъ. Но даже въ этомъ отдѣленіи, когда оно занималось одною статистикой, общество, еще въ 1833 году, признало правиломъ, для обезпеченія достовѣрности результатовъ, допускать только такіе разряды фактовъ, которые могутъ быть выражены числами и, при достаточномъ количествѣ, подають надежду къ обнаруженію общихъ законовъ.

Итакъ, если главный предметъ науки,—прошу замѣтить, что я намѣреваюсь говорить только о томъ отдѣлѣ наукъ, на который

обращено особенное вниманіе Общества,—если, повторяю, предметъ науки состоитъ въ открытіи законовъ, управляющихъ естественными явленіями, то первоначальное условіе ея успѣховъ составляютъ точность наблюденій и собраніе фактовъ въ такомъ удобопонятномъ видѣ и въ такой полнотѣ, чтобы доставить ученому необходимый матеріалъ для извлеченія достовѣрныхъ заключеній.

Наука не со вчерашняго дня. Мы стоимъ на плечахъ минувшихъ вѣковъ; запасъ сдѣланныхъ наблюденій и обнаруженныхъ фактовъ переданъ намъ и тщательно сохраняется въ различныхъ складахъ науки; другія нивы уже сжаты, но колосья лежатъ еще неубранные въ полѣ; не одинъ обильный урожай уже созрѣлъ для серпа, но ждетъ еще жнеца. Экономія труда составляетъ основу хорошаго домоводства; это прилагается и къ полю науки. Наше Общество чувствовало великость этой истины, и справедливо можетъ вмѣнить себѣ въ одну изъ главнѣйшихъ своихъ заслугъ—постоянное стараніе соблюдать такую экономію.

Однимъ изъ послѣднихъ предпріятій Общества, въ соединеніи съ Королевскимъ Обществомъ, было составленіе систематическаго *Каталога Ученыхъ Записокъ*, который, соединяя подъ одною рубрикой названія всѣхъ мемуаровъ, написанныхъ объ извѣстномъ предметѣ, доставить учащемуся, желающему ознакомиться съ этимъ предметомъ, легчайшее къ тому средство. Онъ дастъ ему какъ бы планъ зданія и ключи отъ различныхъ палатъ, въ которыхъ сложены сокровища, касающіяся его предмета, избавляя его отъ тяжкихъ и долговременныхъ поисковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удостовѣряя его, что въ предлагаемомъ заключается совокупность всѣхъ доселѣ добытыхъ сокровищъ.

Занимаясь такими трудами, Общество, съ самаго начала своего существованія, не упускало изъ виду, что главная сфера его полезнаго дѣйствія заключается въ томъ сосредоточенномъ вниманіи ко всѣмъ ученымъ операціямъ, съ которыми военачальникъ слѣдитъ за движеніями своей арміи, сторожить и приводитъ въ порядокъ успѣхи своихъ пылкихъ воиновъ въ различныхъ направленіяхъ, куда бы ни завела ихъ отвага, тщательно замѣчаетъ разрывы, образовавшіеся вслѣдствіе ихъ независимаго и эксцентрическаго напора, и внимательно наблюдаетъ, какія препятствія могутъ или грозятъ остановить успѣхи нѣкоторыхъ колоннъ.

Съ этою цѣлью Общество старается опредѣлить и описать положеніе и успѣхи различныхъ ученыхъ работъ въ своихъ отчетахъ о состояніи науки, ежегодно издаваемыхъ въ его *Трансакціяхъ*;— оно направляетъ вниманіе дѣятелей на тѣ интервалы или пробѣлы, которые, для прочности и быстроты успѣха, должны быть наполнены; оно предлагаетъ руку помощи и старается отклонить та-

кія препятствія, которыя не можетъ превозмочь усиліе одинокаго труженика.

Взглянемъ на дѣятельность Общества въ этихъ трехъ различныхъ направленіяхъ.

Отчеты о состояніи наукъ возникли изъ сознанія необходимости опредѣлять, въ извѣстные промежутки времени, съ точностію и полнотою, то положеніе, которое каждый разъ достигнуто наукой. Для этой цѣли, общій комитетъ Общества приглашаетъ замѣчательныхъ ученыхъ, по различнымъ отраслямъ науки, принять на себя обязанность какъ бы биографовъ даннаго періода. По нѣкоторымъ предметамъ различныхъ наукъ, нѣкоторые отѣлы Общества желаютъ иногда имѣть спеціальные отчеты; въ такомъ случаѣ, главный комитетъ, въ качествѣ представительнаго собранія всѣхъ наукъ, предоставляетъ себѣ право суда о томъ, что по своей важности заслуживаетъ особаго изложенія.

Предметы изслѣдованія, предлагаемые Обществомъ для пополненія усмотрѣнныхъ имъ пробѣловъ, или таковы, что могутъ быть успѣшно изслѣдованы только ученымъ, ибо требуютъ напряженнаго вниманія опытнаго наблюдателя и совершеннаго знанія предмета; или они могутъ быть пополнены простымъ собраніемъ фактовъ въ возможно-большемъ числѣ. Въ последнемъ случаѣ, для науки часто бываетъ необходима помощь всего общества, и она съ благодарностію принимаетъ доставляемые ей приношенія, если только соблюдена точность въ наблюденіи фактовъ. Въ обоихъ случаяхъ, Общество указываетъ *что* именно и *какъ* слѣдуетъ наблюдать.

Первое есть результатъ того же процесса тщательнаго пересмотра результатовъ науки, котораго придерживается Общество при составленіи спеціальныхъ отчетовъ. Изслѣдованія поручаются спеціально назначеннымъ комитетамъ или избраннымъ лицамъ. Въ большей части случаевъ они не обходятся безъ значительныхъ издержекъ, и Общество, не довольствуясь простымъ указаніемъ и наставленіемъ, снабжаетъ, по особенному разрѣшенію, денежными средствами на покрытіе расходовъ, требуемыхъ свойствомъ и обширностію изслѣдованія. Замѣтивъ, что доходъ Общества истекаетъ единственно изъ взносовъ его членовъ, нельзя не признать весьма отраднымъ тотъ фактъ, что съ начала своего существованія оно пожертвовало, такимъ образомъ, не менѣе 17.000 фунтовъ стерлинговъ на ученые потребности.

Вопросъ о томъ, *какъ* наблюдать, самъ собой распадается на два вопроса: какой научный способъ слѣдуетъ употребить, приступая къ задачѣ или къ наблюденію, и какими снарядами должно наблюдать или производить опыты. Общество направляетъ совокупныя свѣдѣнія и опытность не только отечественныхъ, но и

иностранныхъ ученыхъ, къ открытію такого метода, который, сберегая время и трудъ, доставлялъ бы притомъ самыя точныя результаты. Методъ, удостоенный первенства послѣ тщательнаго обсужденія, предоставляется въ распоряженіе и употребленіе ученыхъ изслѣдователей. Общество издаетъ также, когда то бываетъ удобопримимо, печатныя бланки, въ которыхъ остается лишь наполнять различныя рубрики, что, по однообразію, представляетъ важное средство къ облегченію послѣдующей обработки наблюденій для обнаруженія указываемыхъ ими законовъ.

Вмѣстѣ съ симъ на обсерваторіи въ Кью, подаренной Обществу ея величествомъ, постоянно производятся самыя тонкіе опыты и изслѣдованія, имѣющіе предметомъ испытывать на практикѣ относительное достоинство различныхъ методовъ и снарядовъ, и руководствоваться постепеннымъ совершенствованіемъ устройства послѣднихъ.

Заведеніе въ Кью приняло на себя еще болѣе важную обязанность: свѣрять и исправлять, сообразно съ неизмѣннымъ образцомъ, снаряды всякихъ художниковъ, дабы можно было приводить сдѣланныя ими наблюденія къ одинаковымъ числовымъ величинамъ. Едвали нужно мнѣ напоминать aberдинскимъ жителямъ, что Общество, въ первый годъ своего существованія, предприняло сравненіе aberдинскаго образца линейной мѣры съ гриничскимъ, и что это изслѣдованіе было удачно исполнено покойнымъ Бели (Baily).

Препятствія на пути общаго совершенствованія науки, устраненіе которыхъ составляетъ, какъ я указалъ, одну изъ обязанностей, возложенныхъ на себя Обществомъ, бываютъ различны. Если они такого рода, что, при помощи простаго наставленія, совѣта и ободренія, одно лицо или соединенныя усилія ученыхъ въ состояніи превозмочь ихъ, то для этого достаточно сейчасъ упомянутыхъ мною дѣйствій Общества. Но часто съ этими препятствіями возможно бороться успѣшно только могущественною рукою государства и длиннымъ кошелькомъ народа. Такія препятствія могутъ зависѣть отъ общественныхъ условій самой страны, отъ ограниченій, предписываемыхъ особенными законами, отъ политической раздѣльности государствъ, или отъ огромности предпріятій, совершенно несоразимѣрныхъ съ средствами частныхъ лицъ всего нашего Общества, или даже добровольныхъ общественныхъ усилій страны. Въ такомъ случаѣ, наше Общество, вмѣстѣ съ Королевскимъ Обществомъ, своимъ собратомъ, становится адвокатомъ науки передъ короной, правительствомъ или парламентомъ, иногда даже, передъ иностранными правительствами, черезъ посредство правительства отечественнаго. Такъ ему удалось побудить британское правительство къ учрежденію магнитныхъ и метеорологическихкихъ обсерваторій въ шести различныхъ мѣстахъ земнаго

шара, какъ начало той сѣти станцій, которыя, можно надѣяться, будутъ скоро такъ распространены, что обнимуть своимъ географическимъ распредѣленіемъ всю совокупность явленій, осяцающихъ этотъ важный пунктъ нашего теллурическаго и даже космическаго существованія. Французскій институтъ, по приглашенію Араго, котораго потерю долго будетъ оплакивать ученый міръ, охотно содѣйствовалъ въ этомъ случаѣ нашему совѣту. Наше общество выражало мысль объ антарктической экспедиціи, имѣя въ виду дальнѣйшее изслѣдованіе законовъ земнаго магнетизма, и, такимъ образомъ, привело къ открытію южнаго полярнаго материка. Оно побудило адмиралтейство вести наблюденія надъ приливомъ и отливомъ, и съ той поры они дѣлаются со всею нужною полнотой. Наше Общество предложило учредить при Британскомъ Музеѣ конхиологическое собраніе существующихъ и исчезнувшихъ видовъ раковинъ, которое содѣлалось теперь предметомъ въ высшей степени любопытнымъ.

Я не стану утомлять васъ дальнѣйшими примѣрами, которые многимъ изъ васъ извѣстны лучше нежели мнѣ, но только порадоюсь, что есть такіа сообщества людей, которыя предъявляютъ публикѣ и правительству здраво обдуманная и понимаемая потребности науки, которыя рѣшаются даже идти на сборъ съ кружкой, подвергая себя всѣмъ отказамъ и непріятностямъ, сопряженнымъ съ положеніемъ попрошаекъ, и рѣшаясь пригрозить прослыть за несносныхъ докучиковъ. Потрудитесь припомнить, что докучикъ этого рода есть животное весьма полезное, отлично приспособленное природой къ предназначенной ему цѣли. Только онъ способенъ безпрестанно возобновлять свои нападенія, повторять тѣ же истины и тѣ же просьбы, добиться вниманія къ защищаемому имъ дѣлу и заставить наконецъ выслушать себя, вынести хоть для собственнаго спокойствія меньшее зло въ сравненіи съ его неотвязчивостію, которая необходима ему для успѣха. Таково особенно положеніе дѣла въ народѣ свободномъ, дѣятельномъ, предприимчивомъ и самонадѣянномъ, гдѣ каждый интересъ трудится для себя, приписываетъ себѣ всеобъемлющую важность и прокладываетъ себѣ путь собственными усиліями. Можно ли еще удивляться, что интересы науки, при ея видимой отвлеченности, не представляющіе непосредственной прибыли въ фунтахъ, шиллингахъ и пенсахъ, отлагаются, по крайней мѣрѣ, на время, въ виду другихъ интересовъ, съ болѣе осязательнымъ результатомъ? Слѣдуетъ ли удивляться, что даже наши государственные люди не безъ усилія отрываются отъ другихъ предметовъ, чтобъ обратить свое вниманіе на науку и ученыхъ, когда вспомнимъ, что еще недавно наука, за изъятіемъ математики, была исключена изъ нашего школьнаго и университетскаго образованія, что преданія ранней жизни производятъ и

оставляютъ въ человѣческомъ умѣ самое сильное впечатлѣніе, и что предметы, съ которыми мы ознакомились, и которымъ мы посвятили свои силы въ юности, навсегда удерживаютъ за собою въ позднѣйшіе года наше живѣйшее сочувствіе, и что по этимъ причинамъ требуемое нами усиліе должно быть вмѣстѣ и умственное и нравственное? Погому глубокой признательности заслуживаютъ корпораціи, подобныя нашему Обществу, которыя не только настойчиво напоминаютъ правительству о нуждахъ науки, но вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаютъ здраво обдуманые планы, какъ удовлетворить ихъ съ величайшею благонадежностію и съ величайшею для общества пользой.

Мы имѣемъ право надѣяться, что при постепенномъ распространеніи науки и возрастающемъ признаніи ся за главнѣйшую часть нашего народнаго воспитанія, публика, законодательство и правительство стануть все болѣе и болѣе понимать права науки на ихъ вниманіе, что наука перестанетъ наконецъ нуждаться въ кружкахъ для сбора и будетъ говорить съ правительствомъ, какъ любимое дитя съ родителемъ, увѣренное въ отеческой заботливости о своемъ благосостояніи, и что государство усмотритъ наконецъ въ наукѣ одинъ изъ элементовъ своего могущества и благосостоянія, дѣлать который его очевидно обязываютъ собственныя выгоды.

Если дѣятельность Общества, которую я стараюсь описать передъ вами, могла когда-либо олицетвориться въ одномъ человѣкѣ, какъ бы воплотиться въ немъ, то, конечно, такое лицо найдемъ мы въ знаменитомъ и уважаемомъ ученомъ, который покинулъ насъ, на девяностомъ году своей жизни, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Александръ фонъ-Гумбольдтъ непрестанно усиливался овладѣть всеобщностію человѣческаго знанія, которое, для сохраненія своей цѣлости, нуждается въ разумномъ управленіи и направленіи; онъ стремился связать научныя свѣдѣнія въ крѣпкія *fascés* (1), чтобы придать имъ силу и единство. Со всѣми учеными онъ обращался какъ съ членами одной семьи; онъ съ одушевленіемъ направлялъ, поддерживалъ и ободрялъ всякое изслѣдованіе, когда замѣчалъ его потребность или нерасположеніе къ нему. Его покровительство молодымъ и пылкимъ ученымъ привело многихъ къ успѣшному окончанію предпринятыхъ трудовъ. Его личное вліяніе при дворахъ и правительствахъ почти всѣхъ европейскихъ государствъ придавало его ходагайству за науку такой вѣсъ, что имъ легче было исполнить его просьбу нежели отказать въ ней. Всѣ любители науки глубоко огорчены потерей такого чловѣка. Джентльмены, по странному совпаденію,

(1) *Fascés* назывались въ Римѣ связки палокъ съ вонзенною между палками сѣквой. Эти связки были носимы передъ консулами. *Прим. пер.*

этотъ самый день, въ который мы собрались и выражаемъ наше къ нему удивленіе, есть годовщина его рожденія.

Но возвратимся къ себѣ; одна изъ обязанностей Общества не можетъ имѣть личнаго представительства, или личнаго воплощенія: я разумію самый актъ такого собранія, какое мы открываемъ сегодня. Мы видимъ здѣсь не размышленіе одинокаго ума надъ приобрѣтеннымъ знаніемъ; здѣсь мѣсто рожденія новыхъ мыслей отъ сопряженія многихъ умовъ, подобно рожденію искръ отъ ударовъ кремнемъ по стали; не дѣла самодержавія отеческаго правительства, но республиканская дѣятельность римскаго форума. Эти собранія выводятъ ученаго изъ скрытаго уединенія кабинета, приглашаютъ странника на полъ науки встрѣтить своихъ собратій, изложить передъ ними результаты своихъ трудовъ, представить свои выводы, подвергнуть ихъ обсужденію и защищать въ преніяхъ истину своихъ положеній или точность своихъ наблюденій. Эти собранія, противно обычаю другихъ Обществъ, открываютъ арену сподвижникамъ всѣхъ наукъ, для ихъ обоюдной пользы: геологъ узнаетъ отъ химика о существованіи задачъ, отъ которыхъ у него нѣтъ ключа, и которыя химія рѣшаетъ для него; географъ пользуется свѣтомъ отъ натуралиста, астрономъ отъ физика и механика, и такъ далѣе. Всѣ находятъ поприще, на которомъ могутъ встрѣтиться съ публикой, пригласить ее выслушать свои отчеты и даже принять участіе въ своихъ преніяхъ, показать ей, что ученые не пустые теоретики, но существенно практическіе люди; не надутые педанты, окружающіе себя таинственною важностію, но смиренныя изслѣдователи истины, гордящіеся лишь тѣмъ, что имъ удалось сдѣлать или выиграть на пользу человѣка. Равнымъ образомъ они и не дерзновенные и самонадѣянные безбожники, какими часто считало ихъ невѣжество, которые, подобно титанамъ, громоздятъ гору на гору и осаждаютъ небо, покуда не свергнутъ ихъ съ достигнутой высоты грома Зевса; они скорѣе благочестивые пилигримы Святой Земли, въ трудахъ ищущіе святой скинии, истины, Божественной истины, Божественныхъ законовъ, являющихся намъ въ созданіи Творца.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Представители Франціи и Австріи, засѣдавшіе въ Цюрихѣ, подписали, наконецъ, 17 октября н. с. мирный трактатъ между двумя этими державами.

Общественное мнѣніе было уже заранѣе подготовлено къ этому событію различными слухами. Трудно рѣшить, конечно, въ какой мѣрѣ слухи эти были основательны, но если суждено имъ осуществиться вполнѣ, то можно разчитывать, кажется, на разрѣшеніе италіянскаго вопроса въ смыслѣ, далеко ненеблагоприятномъ для Пиемонта и герцогствъ. Послѣ знаменитой ноты *Монитера*, которою французское правительство отказывалось отъ всякаго намѣренія возвести на престолъ Средней Италіи принца Наполеона, императоръ Французовъ сдѣлался, какъ говорятъ, несравненно уступчивѣе въ своемъ образѣ дѣйствій касательно италіянскаго вопроса,—уступчивѣе до такой степени, что газета *Times* смѣло приписываетъ ему намѣренія, совершенно сходныя съ намѣреніями англійскаго кабинета. Не могло пройти незамѣченнымъ, что лордъ Коули, долго не получавшій приглашенія въ Біаррицъ, въ послѣднее время былъ, наконецъ, принятъ тамъ, несмотря даже на то обстоятельство, что его поѣздка непосредственно слѣдовала за знаменитою рѣчью лорда Джона Росселя въ Абердинѣ, которую мы сообщили выше вполнѣ, и въ которой такъ положительно высказано намѣреніе англійскаго правительства не участвовать въ конгрессѣ, если не будетъ признано за Италіей право устроить самой свою судьбу. Въ Біаррицъ лордъ Коули встрѣтился съ австрійскимъ посланникомъ, княземъ Меттернихомъ, и, какъ разказываютъ, присутствовалъ при разговорѣ между нимъ и императоромъ Наполеономъ о цюрихскомъ трактатѣ. Князь Меттернихъ настаивалъ на томъ, чтобы статьи виллафранкскаго перемирія, въ которыхъ говорится о возстановленіи герцоговъ, вошли безъ всякихъ ограниченій въ составъ окончательнаго мирнаго договора, но встрѣтилъ непреклонное сопротивленіе въ самомъ императорѣ, который объявилъ, что невозможно оставить безъ вниманія единодушныя желанія, выраженыя народонаселеніемъ Средней Италіи. « Не надо искать смысла виллафранкскихъ условій въ ихъ преувеличеніи »: вотъ слова, сказанныя будто бы императоромъ Наполеономъ подъ конецъ этого замѣчательнаго разговора. Роль, принятая французскимъ правительствомъ въ дѣлѣ полковника Анвита, подвергнутаго истязаніямъ и умерщвленнаго пармскою чернью, можетъ также служить доказательствомъ, что оно не намѣрено воспользоваться этимъ событіемъ для какихъ-либо таинственныхъ и коварныхъ соображеній, какъ думали сначала. По поводу этого преступнаго убійства, не можемъ не сообщить нѣсколько подробностей. Анвита занималъ мѣсто начальника тайной канцеляріи при покойномъ герцогѣ. пытки, наказаніе палками, томленіе подсудимыхъ голодомъ въ отвратительныхъ тюрьмахъ были для него самыми обыкновенными средствами при производствѣ слѣдствія надъ людьми, заподозрѣн-

мыми въ политическихъ заговорахъ. Журналы упоминаютъ, между прочимъ, о самомъ послѣднемъ изъ совершенныхъ имъ подвиговъ: одно важное лицо въ Пармѣ поражено было красотой дѣвицы Карини, принадлежавшей къ честному, купеческому семейству. Изъ желанія подслужиться, полковникъ Анвити похитилъ эту дѣвушку самымъ наглымъ образомъ, и не только не скрывалъ своего поступка, но даже хвастался имъ передъ людьми одинаковаго съ нимъ закала. Братъ дѣвицы Карини рѣшился мстить, но прежде еще чѣмъ успѣлъ исполнить свое намѣреніе, былъ схваченъ по мнимому обвиненію въ политическомъ заговорѣ и приговоренъ къ тѣлесному наказанію палками. Увѣряютъ, что Анвити присутствовалъ самъ при экзекуціи и не переставалъ все время издѣваться надъ сестрой несчастнаго, изнемогавшаго отъ боли. Но каковы бы ни были ужасы, которые позволялъ себѣ полковникъ Анвити, ничто не можетъ оправдать страшнаго убійства, и италіянскіе журналы вполне раздѣляютъ этотъ образъ мыслей. Любопытно вообще слѣдить за тѣмъ, какъ извѣстіе о пармскомъ происшествіи было встрѣчено органами австрійскаго правительства и тѣми многочисленными журналами самой Италіи, которымъ дорога независимость и свобода ихъ отечества: въ то время, какъ первые изъ нихъ почти радовались дикому взрыву народнаго звѣрства, который могъ служить имъ удобнымъ средствомъ для того, чтобы выставить народонаселеніе герцогствъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, италіянскіе журналы единогласно и энергически требовали примѣрнаго наказанія виновниковъ убійства, совершеннаго на улицахъ Пармы. Французское правительство постыдилось показать, что оно не думаетъ дѣлать все народонаселеніе Пармы или даже, какъ хотѣлось бы вѣроятно нѣкоторымъ, все народонаселеніе герцогствъ отвѣтственнымъ за совершившееся преступленіе, которое, какъ оказалось теперь, было дѣломъ толпы людей изъ самаго низшаго слоя тамошняго общества. Оно потребовало только наказанія виновныхъ, угрожая, что, въ противномъ случаѣ, французскій консулъ покинетъ Парму. Хотя требованіе это было предъявлено довольно нецеремоннымъ образомъ, но несмотря на то, общественное мнѣніе въ Италіи приняло его съ замѣтнымъ удовольствіемъ и видѣло въ немъ положительное намѣреніе императора Наполеона не давать нарочно широкихъ размѣровъ упомянутому намъ печальному событію. Этотъ образъ дѣйствій, вмѣстѣ съ тѣми слухами, о которыхъ мы говорили сейчасъ, заставляеть многихъ серьезно думать, что французское правительство значительно измѣнило политику свою относительно Средней Италіи.

Альфieri сказалъ когда-то: «Франція и Австрія одинаково хотѣтъ властвовать надъ нами, но онѣ стоятъ на пути другъ друга».

Signoreggiar ben ne vorriano entrambi,
Ma l'uno all'altro il vieta.

Когда эти слова были написаны итальянскимъ поэтомъ, за Италию боролись только двѣ державы и только два властолюбія, французское и австрійское. Теперь измѣнилось положеніе дѣлъ: къ двумъ державамъ и двумъ властолюбіямъ присоединилась еще третья держава и третье властолюбіе — сардинское. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Сардинія дѣйствовала въ послѣднее время не безъ властолюбивыхъ побужденій. Всѣ событія текущаго десятилѣтія вызваны были ею; столкновеніе французскаго властолюбія съ властолюбіемъ австрійскимъ было несомнѣнно ускороено ловкою политикой графа Кавура. Теперь уже не двѣ, а три силы борются за владычество или, по крайней мѣрѣ, за преобладаніе въ Италіи, и очень интересно сличить ихъ средства. Двѣ великія державы, которыя обѣ считаютъ себя наслѣдницами Карла Великаго, сразились цынѣшнимъ лѣтомъ на поляхъ Италіи. Одинъ орелъ боролся съ другимъ орломъ. Состязаніе происходило въ нѣсколько приемовъ, и побѣда досталась на долю Франціи, а вмѣстѣ съ побѣдой, если судить по прежней исторіи, должно было достаться Франціи и господство въ Италіи. Что Франція не совсѣмъ забыла свою историческую властолюбивую политику въ итальянскихъ дѣлахъ, что она не совсѣмъ пожертвовала ею новомодному служенію великимъ идеямъ, въ этомъ тоже, кажется, нельзя сомнѣваться: идеалы еще не до такой степени низошли на землю, чтобы французская политика состояла изъ одного безкорыстія и великодушія. Но если Австрія оказалась безсильною передъ орлами молодой имперіи, а орлы эти, вслѣдствіе новаго знакомства съ итальянскими лаврами, не потеряли орлиныхъ свойствъ своихъ, то что же побуждаетъ Францію къ воздержности, что препятствуетъ ей пользоваться своими побѣдами и съ триумфомъ занять то мѣсто, съ котораго она вытѣснила Австрію? Побѣды, одержанныя Франціей надъ Австріей, идутъ, повидимому, въ прокъ только Сардиніи, и даже изъ чужихъ интригъ Сардиніи удается извлекать выгоду для себя. Въ прошлой книжкѣ *Русскаго Вѣстника* мы напечатали статью, взятую изъ *Times* и написанную на ту тему, что Австрія уже выступила теперь изъ ряда враговъ, опасныхъ для Италіи, и что Италіи остается теперь бороться только съ Франціей. Неужели же Сардинія сможетъ бороться съ Франціей удачнѣе, нежели боролась Австрія, неужели Сардинія окажется сильнѣе Австріи, Сардинія, маленькое государство, едва выходящее изъ ряда третьестепенныхъ державъ, сильнѣе Австріи, великой европейской державы, обладающей одною изъ лучшихъ армій въ Европѣ? Собы-

тія, повидимому, указываютъ на то, что дѣйствительно совершится неожиданное, что дѣйствительно Сардинія не только уйдетъ отъ когтей австрійскаго двуглаваго орла, но и съ одноглавымъ орломъ будетъ бороться не безъ славы, и, главное, не безъ выгоды. По всему вѣроятію, событія покажутъ, что изъ трехъ державъ, имѣющихъ въ настоящее время притязанія на господство въ Италіи, будетъ имѣть наиболее успѣха держава, самая слабая изъ трехъ, но за то опирающаяся не столько на матеріальное могущество, сколько на сочувствіе значительной части Италіи и Европы. Какъ ни судить о сардинскомъ честолюбіи и властолюбіи, торжество Сардиніи будетъ несомнѣнно торжествомъ нравственной силы надъ силой матеріальною. Мы не отрицаемъ, что образомъ дѣйствій Сардиніи руководятъ въ значительной мѣрѣ династическіе интересы Савойскаго дома, какъ не можемъ отрицать и того, что съ династическими интересами Савойскаго дома борются династическіе же интересы фамиліи Бонапартовъ и Лотарингскаго дома. Но Савойскій домъ опирается, въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ, на національное дѣло и на дѣло свободы, и эта опора замѣняетъ ему недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Если, наперекоръ крѣпостямъ и арміямъ, на его долю достанется пальма побѣды, то въ этомъ нельзя будетъ не видѣть характеристической особенности нашего времени.

Нельзя не отдать сардинской политикѣ той чести, что она постоянно отличалась замѣчательною ловкостью. Послѣ того, какъ популярный министръ долженъ былъ отказаться отъ своего портфеля въ угоду виллафранкскому побѣдителю, можно было думать, что политика Пиемонта измѣнится и ослабѣетъ. Но, видно, сила обстоятельствъ можетъ замѣнить собою силу дарованій; видно, кто бы ни держалъ въ своихъ рукахъ портфель сардинскаго премьеръ-министра, путь Пиемонта опредѣленъ самымъ положеніемъ дѣлъ. Конечно, при теперешнемъ возбужденномъ состояніи Средней Италіи ея народонаселеніе не можетъ оцѣнить сдержанную ловкость Пиемонта; понятны обвиненія въ медлительности, идущія съ этой стороны. Флорентинскій корреспондентъ *Times* утверждаетъ даже, что еслибы съ самаго перваго раза король Викторъ-Эммануилъ безусловно согласился на присоединеніе герцогствъ къ своимъ владѣніямъ и принялъ верховную власть надъ ними, то Франціи и Австріи не оставалось бы болѣе ничего, какъ только подтвердить это рѣшеніе. «И въ самомъ дѣлѣ, спрашиваетъ корреспондентъ упомянутой нами газеты, чѣмъ бы императоръ Наполеонъ могъ противоdѣйствовать сардинскому королю? Въ самомъ крайнемъ случаѣ, онъ могъ бы только исполнить угрозу, которая была высказана когда-то въ знаменитой статьѣ *Мокитера*, то-есть вовсе отступиться отъ Италіи и предоста-

вить ее въ жертву австрійскому оружію. Но для кого не ясно, что несравненно легче выразить подобную угрозу на словахъ, чѣмъ исполнить ее на дѣлѣ? Еслибы Австрія безпрепятственно обрушилась на Италію, она не ограничилась бы только возвращеніемъ себѣ Ломбардіи, она задавила бы Піемонтъ, окончательно разрушила бы его могущество и утвердила бы на вѣчныя времена свое собственное вліяніе на Полуостровѣ. Но кто повѣритъ, чтобы Франція, эта постоянная соперница Австріи на италіанской почвѣ, могла допустить подобный результатъ и отстраниться до такой степени отъ участія въ событіяхъ, совершающихся близъ ея предѣловъ? Совѣтники теперешняго сардинскаго короля, замѣчаетъ далѣе корреспондентъ *Times*, забыли, вѣроятно, прежнюю исторію Піемонта. Они забыли, что Піемонтъ тѣмъ только и возвысился, что всегда дѣйствовалъ отважно и рѣшительно между двумя своими могущественными сосѣдями, умѣя пользоваться ихъ соперничествомъ и зная, что разнообразныя и самыя враждебныя интересы никогда не дозволяютъ имъ соединиться вѣсть. Мнѣніе, изложенное корреспондентомъ газеты *Times*, пишущимъ подъ впечатлѣніями флорентинскихъ толковъ, находятъ въ Италіи отголосокъ между людьми, не имѣющими, кажется, ничего общаго въ своихъ убѣжденіяхъ. Оно было выражено г. Массимо д' Азеліо въ рѣчи, произнесенной имъ недавно. «Обладаніе міромъ, замѣтилъ этотъ государственный человѣкъ, принадлежитъ тому, кто скорѣе другихъ захватитъ его въ свои руки. (Il mondo è di chi se lo piglia.) Захватимъ же поскорѣе то, что принадлежитъ намъ неоспоримо,—эту дорогую Италію, которая единодушно выражаетъ желаніе присоединиться къ намъ,—и права наши неминуемо будутъ признаны, подъ конецъ, всею Европой.» Въ то время какъ одинъ изъ представителей умѣренной либеральной партіи, другъ и сотрудникъ несчастнаго Карла-Альберта въ великомъ дѣлѣ утвержденія италіанской независимости, произносилъ эти слова, пресловутый Мацинни обращался къ королю Виктору-Эммануилу почти съ одинакою, хотя и не столь умѣреннымъ образомъ выраженной рѣчью. «Осмѣльтесь, говорилъ онъ ему,—и весь міръ и во главѣ его мы будемъ съ вами.» Какъ бы смѣшно ни было это великолѣпное мы, стоящее во главѣ міра и, вѣроятно, имѣющее несравненно болѣе значенія, нежели весь міръ, все-таки изъ этихъ словъ видно, что и отчаянные демократы и люди умѣреннаго образа мыслей считаютъ себя одинаково въ правѣ жаловаться на нерѣшительность, робость и колебанія теперешняго туринскаго правительства. Корреспондентъ *Times* открыто присоединяется къ нимъ въ этомъ случаѣ. «Можетъ быть г. Ратацци и его товарищи, замѣчаетъ онъ, люди весьма достойные, но теперешнее положеніе дѣлъ оче-

видно имъ не по силамъ. Ихъ взоры обращены только на одинъ Пиемонтъ, тогда какъ они должны были бы обращаться на всю Италію. Представьте себѣ министровъ гессенъ-кассельскихъ или дармштадтскихъ, которыхъ вдругъ назначили бы министрами будущей единой Германіи; вѣроятно же всего, что они изъ единой Германіи сдѣлали бы Гессенъ-Кассель или Дармштадтъ. Теперь, болѣе нежели когда-нибудь, по словамъ того же корреспондента, можно пожалѣть о томъ, что графъ Кавуръ удалился отъ государственныхъ занятій и, подобно Кандиду, принялся за обработку своего сада. Общее неудовольствіе выражается особенно сильно противъ военнаго министра дела-Мармори, девизомъ котораго съ самаго начала теперешнихъ событий были слова, дышашія узкимъ патріотизмомъ: «*Piemonte ovunque niente!*» (Пиемонтъ, или ничего!) Но присоединится ли безпрестрастный наблюдатель къ этимъ порицаніямъ? Не можетъ быть спора, что ни король Викторъ-Эммануилъ, ни министры его не забываютъ о Пиемонтѣ за заботами своими объ Итали. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что ни идеальный патріотизмъ, ни жажда къ самоотреченію и самопожертвованію не господствуютъ надъ всѣми ихъ чувствами и стремленіями. Но съ другой стороны трудно утверждать и то, что они робко бѣгутъ отъ добычи, что они не умѣютъ пользоваться благопріятнымъ случаемъ. Франція вовсе еще не въ такомъ несчастномъ положеніи, чтобъ или покориться волѣ Пиемонта, или уступить Австріи всѣ плоды своихъ побѣдъ и подарить ей Италію. Такой взглядъ тосканскаго корреспондента *Times*, очевидно, выражаетъ собою лишь тосканское направленіе умовъ и только показываетъ, на сколько ходячій тосканскій взглядъ отличается отъ французскаго взгляда, еще гордаго отъ недавнихъ побѣдъ, и сколько ловкости нужно сардинскому правительству, чтобъ успѣшно лавировать между этими противоположными взглядами, не отталкивая отъ себя и не раздражая ни того, ни другаго. Не разъ журналы проводили параллель между теперешнимъ положеніемъ Сардиніи, относительно Итали, и Пруссіи, относительно Германіи. Но въ образѣ дѣйствій обѣихъ державъ есть большая разница: если Пруссію упрекаютъ въ нерѣшительности, то подобнаго упрека никакъ нельзя сдѣлать Сардиніи. Правда, передъ Европой она не выходитъ изъ скромной роли вопросительницы, но въ то же время постепенно, шагъ за шагомъ и очень рѣзко дѣлаетъ новые успѣхи въ странахъ, изъявившихъ желаніе присоединиться къ ней. Она уже уничтожила свои пограничныя таможи съ герцогствами и этимъ, можетъ-быть, болѣе затруднила возстановленіе герцоговъ, нежели сколько могла затруднить его громкимъ провозглашеніемъ присоединенія герцогствъ къ себѣ и открытой

вражды съ своимъ благодѣтелемъ. Теперь явилось распоряженіе, чтобъ ученые степени, данныя университетами Пизанскимъ и Сиенскимъ (въ Тосканѣ), Болонскимъ (въ легатствахъ) и Пармскимъ, были признаваемы наравнѣ съ учеными степенями сардинскими. Наконецъ, тотчасъ по умерщвленіи полковника Анвиги, сардинскія войска, находившіяся въ Пиаченцѣ, вступили въ Парму, и министр иностранныхъ дѣлъ, г. Дабормила отправился въ Парижъ съ секретнымъ порученіемъ. Все это показываетъ рѣшимость дѣйствовать энергическимъ образомъ, не очень даже дожидаясь рѣшеній Европы.

Возвратимся къ трактату, заключенному въ Цюрихъ 17-го октября. Содержаніе его, извѣстное только изъ неофициальныхъ сообщеній, не заключаетъ, кажется, ровно ничего новаго и непредвидѣннаго. Ломбардія передается Пиемонту безъ Мантуи и Пескьеры; права герцоговъ остаются въ своей силѣ (*sont ex grævo reservés*), но рядомъ съ этимъ косвеннымъ подтвержденіемъ правъ герцоговъ дѣлается объявленіе, что окончательное территоріальное устройство Италіи будетъ принадлежать тѣмъ же самымъ державамъ, которыя постановили устройство, господствовавшее до сихъ поръ. Эта послѣдняя часть трактата, подразумевающая собраніе европейскаго конгресса, представляетъ, конечно, наибольшую важность. На конгрессѣ этомъ сосредоточится, вѣроятно, отнынѣ вниманіе всей Европы; все еще носятъ слухи, что конгрессъ соберется въ Брюссель и, мало того, что Англія выразила согласіе свое принять на немъ участіе. Нечего говорить, какъ было бы важно послѣднее извѣстіе, если бы оно оказалось справедливымъ; но органъ лорда Пальмерстона, газета *Morning-Post*, утверждаетъ, что окончательное согласіе англійскаго правительства зависитъ отъ принятія нѣкоторыхъ предложеній, сообщенныхъ лордомъ Джономъ Росселемъ парижскому и вѣнскому кабинетамъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, между Англіей и Франціей опять уже успѣло произойти охлажденіе, и Франція будто бы пріостановила свои приготовленія къ участію въ войнѣ съ Китаемъ.

Вопросъ о долѣ австрійскаго долга, которую должна будетъ принять на себя Сардинія, не былъ разрѣшенъ трактатомъ 17-го октября. Говорятъ, что Австрія не могла сойтись съ Франціей и Сардиніей по этому вопросу и предложила посредничество короля голландскаго. На это будто бы сдѣлано возраженіе, что Голландія, которой подданные владѣютъ очень значительною частію австрійскихъ государственныхъ фондовъ, сильно заинтересована въ поддержаніи австрійскаго кредита и потому не можетъ быть безпристрастною посредницей. Франція и Сардинія предложили, съ своей стороны, или посредничество короля Бельгій

цевъ, или принатіе условій, которыя и были приняты Австріей. На основаніи этихъ условій, Сардинія приметъ на себя $\frac{2}{3}$ ломбардскаго долга и кромѣ того уплатитъ Австріи сорокъ милліоновъ гульденовъ.

Между тѣмъ, Сардинія уже приготовляетъ матеріалы, должествуящіе послужить основаніемъ для сужденій ожидаемаго конгресса. Король Викторъ Эммануэль объявилъ герцогствамъ, что онъ явится въ должную минуту ходатаемъ ихъ правъ и требованій передъ лицомъ Европы. Онъ приступаетъ нынѣ къ исполненію своего торжественнаго обѣщанія: мы говоримъ о циркулярѣ, съ которымъ сардинскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Дабормида, обратился къ кабинетамъ первенствующихъ державъ. Циркуляръ этотъ не говоритъ, конечно, ничего новаго, но онъ обрисовываетъ въ вѣрныхъ чертахъ теперешнее положеніе дѣлъ. Онъ составленъ въ духѣ благоразумія и умѣренности, благодаря которымъ, почти повсюду, былъ встрѣченъ одобреніемъ общественнаго мнѣнія. Основная мысль его можетъ быть выражена нѣсколькими словами. Недавняя война не измѣняетъ почти нисколько того, исполненнаго всякихъ опасностей, положенія, въ которомъ находился до сихъ поръ Италіанскій полуостровъ къ австрійскому владычеству. Очевидно, что, опираясь на знаменитый свой четырехугольникъ, Австрія можетъ во всякое время обрушиться всѣми своими силами на Италію, не защищенную ничѣмъ отъ подобнаго удара. Обезопасить себя, по мѣрѣ возможности, отъ внезапнаго нападенія Австріи, вотъ къ чему сходятся теперь всѣ заботы Италіанскаго полуострова; но какимъ образомъ осуществить ихъ? Г. Дабормида видитъ единственное средство къ этому въ образованіи на сѣверѣ Италіи могущественнаго королевства, хотя даже и тогда не отстранятся еще всѣ опасности, которыя угрожаютъ странѣ. Въ настоящее время, когда Тоскана, Парма и Модена такъ единодушно выразили свои желанія, представляется самый удобный случай обезопасить положеніе Италіанскаго полуострова, и если случай этотъ будетъ упущенъ Европой, чего можно ожидать впереди? «Если прежніе государи насильственно возвратятся на свои престолы, говоритъ сардинскій министръ, то они найдутъ себѣ опору разве только въ австрійскихъ штыкахъ. Реставрація подобнаго рода и неограниченное пользованіе властію, не имѣющею никакихъ корней въ общественномъ мнѣніи, поведетъ неизбѣжно къ торжеству демагогическихъ доктринъ и революціонныхъ страстей. Для Италіи наступатъ снова потемки и хаосъ. Европа уже не разъ видѣла передъ собою въ Италіи зрѣлище правительствъ, которыя, казалось, избрали своею задачей подорвать въ общественномъ сознаніи всякое уваженіе къ началу монархической вла-

сти. Пусть еще разъ разсудитъ она объ этомъ и приметъ свои мѣры. Г. Дабормида кончаетъ свое посланіе сильнымъ ходатайствомъ въ пользу необходимости присоединить легатства къ Пиемонту.

Это ходатайство касается самой сущности италіанскаго вопроса. Война съ Австріей была ведена собственно за Сѣверную и Среднюю Италію. Это былъ вопросъ между Австріей и Франціей, превратившійся потомъ въ вопросъ между Сардиніей и Франціей. Сталкивались интересы Франціи и Австріи; столкновениемъ воспользовалась Сардинія, и сама столкнулась наконецъ съ Франціей, способомъ самымъ миролюбивымъ по наружности. Хотя принцъ Жеромъ устраненъ теперь отъ этрусскаго престола, тѣмъ не менѣе еще остаются элементы соперничества между Австріей и Франціей, и этими элементами, судя по показанной доселѣ ловкости, Сардинія не преминетъ воспользоваться. Но далѣе на югъ, за предѣлами Тосканы, соперничество между Франціей и Австріей ослабѣваетъ и даже переходитъ въ совокупный интересъ охранять свѣтское владычество папы. Здѣсь, на югѣ отъ Этруріи, лежитъ средоточіе италіанскаго вопроса, тотъ пунктъ его, который даетъ сардинскому вопросу общій италіанскій характеръ и расширяетъ его до общеевропейскихъ размѣровъ. Это уже не вопросъ о герцогствахъ только, а вопросъ о свѣтской власти главы католическаго міра.

Люди, сколько-нибудь обладающіе политическимъ смысломъ, никогда не могли думать, что италіанскій вопросъ получить окончательное свое разрѣшеніе на италіанской почвѣ и собственными средствами самихъ Италіянцевъ. Трудности этого вопроса отчасти мѣстныя, могутъ повториться и въ другой странѣ. Муниципальныя и мѣстныя вражды, недостатокъ образованности народонаселенія, правительства, нисколько не заботящагося о благосостояніи своихъ подданныхъ, упорное соперничество Австріи и Франціи, стремящихся упрочить свое вліяніе за Альпами, все это, конечно, не маловажныя трудности для того, чтобы создать единое и нераздѣльное италіанское государство. Кто знаетъ, удастся ли когда-нибудь Италіянцамъ побѣдить эти препятствія, но нельзя сказать, чтобы препятствія эти были непреодолимы для ихъ собственныхъ силъ, ибо въ борьбѣ съ этими препятствіями успѣхъ зависитъ чисто отъ энергіи, упорства и чувства самообладанія народонаселенія, обитающаго на полуостровѣ. Но есть еще одна препона, передъ которою жители Италіи будутъ постоянно чувствовать свое ничтожество, о которую будутъ разбиваться въ прахъ самыя отчаянныя ихъ усилія. Въ центрѣ этой страны находится столица первосвященника католическаго міра, самыя вѣрныя подданные котораго обитаютъ не на небольшомъ

участкѣ между Средиземнымъ и Адриатическимъ морями, но разсѣяны по всей Европѣ, по всѣмъ, можно сказать, частямъ свѣга, и, несмотря на разстояніе, тѣсно связаны между собою одинаковыми чувствами и своимъ особеннымъ образомъ мыслей. Во главѣ этихъ послушныхъ сыновъ святаго отца стоитъ католическое духовенство, неуспяная обязанность котораго поддерживать непрерывную связь между своею паствой и Римомъ: оно не знаетъ въ сущности другой власти, кромѣ власти папской, другаго права кромѣ права каноническаго; повсюду составляетъ оно какъ бы *status in statu*, и взоры его, при всякомъ сомнѣніи въ политическихъ или гражданскихъ вопросахъ, обращаются къ Ватикану. Они даже готовы считать себя особымъ народомъ, — народомъ Божиимъ, по подобію древнихъ Евреевъ. «Говорятъ объ уваженіи къ народу, замѣтилъ недавно епископъ орлеанскій, г. Дюпанлу, мы, католики, составляемъ также народъ изъ двухъ сотъ миліоновъ людей, разсѣянныхъ по лицу земли.» Въ многозначительныхъ словахъ этихъ выражена основная мысль католическаго духовенства: малѣйшее посягательство на права римскаго первосвященника отзовется немедленно во всѣхъ углахъ міра и вызоветъ отсюду легіоны лицъ всякихъ національностей, сословій, званій, готовыхъ жертвовать всѣмъ для его охраны. Какая же надежда для Италіи, въ стремленіяхъ ея къ національной независимости, свободѣ и единству, преодолѣть сопротивленіи римскаго первосвященника, и какими средствами можетъ обладать она для достиженія этой цѣли? Очевидно, что измѣненіе въ политическомъ или гражданскомъ состояніи Римской области не можетъ быть произведено однимъ лишь единодушнымъ согласіемъ народовъ полуострова, и обуславливается значительнымъ измѣненіемъ въ общественномъ сознаніи католической Европы. «Возможно ли представить себѣ, замѣтилъ недавно *Morning-Post*, болѣе значительную политическую революцію, какъ перенесеніе правительства изъ рукъ духовной касты въ руки свѣтскаго сословія? Перевороты, которые ниспровергли во Франціи привилегированное дворянство и разрушили въ Англіи могущество продавцовъ парламентскихъ мѣстъ, не значать ровно ничего въ сравненіи съ переворотомъ такого рода.»

Итакъ, не въ Италіи долженъ разрѣшиться вопросъ, отъ котораго болѣе зависигъ свобода и независимосгь Италіанскаго полуострова. Можно сказать положительно, что свѣтская власть папы прекратилась бы давно, еслибы она была оставлена одна лицомъ къ лицу съ своими подданными и не имѣла за собой многочисленной арміи, готовой спѣшить къ ней, по ея зову, изъ различныхъ европейскихъ государствъ. Римскіе первосвященники утратили, кажется, всѣ средства вліянія на своихъ поддан-

ныхъ; для Италіи, болѣе нежели для какой-либо другой страны, прошло то время, когда говорилось:

*La schiatta infida dei romani pastori
Fecce tremar piu d'un prode. (1)*

По общему приговору людей, хорошо знакомыхъ съ положеніемъ Италіи, нѣтъ, быть-можетъ, другой католической страны, гдѣ бы духовенство пользовалось такимъ незначимымъ вліяніемъ; его ненавидать, но къ ненависти этой примѣшивается еще болѣе презрѣнія. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ, когда вся Европа была поглщена религіозными распрями, положеніе Рима, управлявшаго борьбой, имѣло много величаваго. Люди замѣчательныхъ способностей и ума, пожираемые честолюбіемъ, не видѣли лучшаго средства удовлетворить его, какъ занять какое-нибудь мѣсто въ римской прелатурѣ; курія была, дѣйствительно, наполнена въ то время сановниками, стоявшими высоко во всей Европѣ по административнымъ своимъ талантамъ, чтó отзывалось весьма выгоднымъ образомъ на управленіи провинцій Папской области. Но въ концѣ XVII вѣка религіозныя распри замолкли, вліяніе папъ на ходъ европейскихъ дѣлъ становилось постепенно все слабѣе, и съ этихъ поръ мы замѣчаемъ рѣзкій поворотъ въ состояніи италіянскаго духовенства. Уже кардиналъ Пакка, сопровождавшій въ 1804 году папу Пія VII въ Парижъ для коронованія Наполеона I, сознается въ своихъ мемуарахъ, что римскіе прелаты, совершеннымъ своимъ ничтожествомъ и необразованностію, произвели самое неблагопріятное для нихъ впечатлѣніе на французское общество. Въ наше время, италіянское духовенство, за исключеніемъ іезуитовъ, можетъ назваться самымъ невѣжественнымъ и нерадивымъ; оно поглщено почти исключительно матеріальными заботами. Изъ рядовъ его не выходятъ не только Фенелоны, Боссюеты, но даже задорные памфлетисты, въ родѣ г. Луи Вельо. Несмотря на великія опасности, угрожающія его владычеству, несмотря на то, что со всѣхъ сторонъ окружено оно врагами, италіянское духовенство рѣшительно не приготовлено для борьбы орудіемъ слова и убѣжденія, и происходитъ это отъ того, что вплоть до недавняго времени, то-есть до 1848 года, владычество его на полуостровѣ было совершенно безмятежно, ибо согласныя старанія туземныхъ правительствъ и австрійской политики задушали въ самомъ зародышѣ всякую мысль, сколько-нибудь неблагопріятную для него. Подъ покровомъ этой обманчи-

(1) - Вѣроломная порода римскихъ пастырей заставляла трепетать не одного гордеца.»

вой тишины, оно не догадывалось, что придется ему очень скоро выступить на арену для борьбы съ противниками, исполнѣ знакомыми со слабыми его сторонами. Молитвенникъ составляетъ обыкновенно первое и послѣднее слово всей его учености; въ городахъ духовныя лица проводятъ почти безвыходно время въ кофейняхъ и грязныхъ, мелочныхъ лавочкахъ; въ селахъ почти всѣ они страшные охотники играть въ карты, стрѣлять дичь и ухаживать за деревенскими красотками. Они не задумываются обнаруживать при каждомъ удобномъ случаѣ неприязнь свою къ иезуитамъ, рѣзко отличающимся отъ нихъ и своею ученостію и внѣшнюю строгостію своего образа жизни. Такимъ образомъ, какъ ни покажется это страннымъ, но въ рядахъ италіянскаго духовенства находили папы наипаче надежныхъ и ревностныхъ защитниковъ своихъ правъ: не обладая матеріальными средствами, чтобъ обуздывать въ должныхъ границахъ неудовольствіе своихъ подданныхъ, они лишены были въ то же самое время средствъ нравственныхъ для того, чтобы съ достоинствомъ, по крайней мѣрѣ, отражать нападки, въ самой Италіи сыпавшіяся на ихъ власть съ тѣхъ поръ, какъ послѣ 1848 года страна эта нашла себѣ въ Пиемонтѣ свободную трибуну. Самыя важныя творенія полемическаго содержанія, возбужденныя вопросомъ о свѣтской власти папы и направленныя для ея защиты, появлялись не за Альпами.

Война, окончившаяся недавно на италіянской почвѣ, была тяжелымъ ударомъ для католическаго духовенства во всей Европѣ. Императоръ Наполеонъ объявилъ, правда, съ самаго начала, что власть папы не потерпитъ нисколько отъ этой войны, но для всякаго было ясно, что движеніе, охватившее Сѣверную Италію, не ограничится только ея предѣлами и отзовется неминуемо въ Папской области, гдѣ лежалъ, можно сказать, корень всѣхъ злоупотребленій, отъ которыхъ сгратала страна. Опасенія эти, какъ извѣстно, оправдались исполнѣ. Италіянское духовенство, съ того времени, начало непримиримую оппозицію перевороту, совершавшемуся вокругъ него, хотя оппозиція эта не осмѣливалась выражаться слишкомъ открыто. Епископы въ нѣкоторыхъ городахъ Ломбардіи, Тосканы не дозволяли совершать богослуженія въ церквахъ въ память патріотовъ, погибшихъ на полѣ сраженія; въ посланіяхъ своихъ къ мірянамъ они оправдывались тѣмъ, что желаютъ стоять внѣ всякихъ политическихъ страстей и духа партій, хотя это не мѣшало имъ поддерживать въ то же время тѣсную связь со всѣми приверженцами прежнихъ правительствъ. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что подобный образъ дѣйствій принадлежалъ главнымъ образомъ только высшему духовному со-

словію въ Италіи: низшіе ряды его держали себя несравненно умѣреннѣе и спокойнѣе, ибо видѣли, что общество, окружавшее ихъ, находилось въ томъ восторженномъ настроеніи духа, при которомъ опасно было бы выступать открыто на перекоръ его стремленіямъ и потребностямъ. Во многихъ мѣстахъ даже, низшее духовенство объявило, что не послѣдуетъ примѣру своихъ непосредственныхъ начальниковъ и не хочетъ усиливаетъ еще болѣе разрывъ, происшедшій между ними и свѣтскимъ народонаселеніемъ послѣ 1848 года. Вообще, новыя италіянскія правительства сознавали, что они не могутъ ожидать ничего кромѣ вражды отъ большинства духовенства, но въ то же самое время не имѣли причинъ чрезмерно опасаться его: правительство тосканское рѣшилось даже торжественнымъ образомъ заклеить махинаціи высшаго духовнаго сословія этой страны, и циркуляръ его вызвалъ весьма робкія и нерѣшительныя объясненія со стороны архіепископовъ Флоренціи, Лукки, Пизы и Сіенны.

Нужно ли болѣшихъ доказательствъ, что духовенство въ самой Италіи вовсе не обладало достаточными силами для того, чтобы препятствовать политическому преобразованію своей страны и не могло бы спасти папскую власть отъ угрожавшаго ей переворота? Но, какъ мы замѣтили уже выше, главная опора папы находилась не въ Италіи, и не тамъ, слѣдовательно, долженъ былъ окончательно рѣшиться вопросъ о политическомъ и гражданскомъ устройствѣ Римской области. Католическая Европа надѣялась до послѣдняго времени, что затрудненія, возникшія въ Средней Италіи, уладятся сами собою, и все возвратится мало по-малу къ прежнему порядку вещей. Надежды эти были обмануты. Необходимость конгресса сознается съ каждымъ днемъ; вопросъ о легатствахъ неминуемо долженъ подвергнуться его разрѣшенію, вмѣстѣ съ вопросами о герцогствахъ и присоединеніи ихъ къ Піемонту. Временное правительство легатствъ обратилось уже ко всей Европѣ съ циркуляромъ, въ которомъ побѣдоносно опровергаетъ всѣ возраженія противъ отдѣленія ихъ отъ остальной Римской области. Самъ «вѣрный сынъ церкви», императоръ Наполеонъ, не видитъ другаго спасенія для свѣтскаго могущества папы, какъ чтобы папа немедленно приступилъ къ кореннымъ реформамъ и сохранилъ за собою только верховное господство (*suzaineté*) надъ провинціями, лежащими по ту сторону Апеннинъ. Въ эту критическую минуту, католическое духовенство Европы возсталъ съ рѣдкимъ единодушіемъ для защиты власти римскаго первосвященника, отрицая у подданныхъ его всякое право произвести въ ней измѣненіе какого бы то ни было рода. Во Франціи, Австріи, Бельгіи, даже въ Англии раздался одновременно голосъ высшаго духовнаго сословія, гоговаго ополчиться крестовымъ по-

ходомъ за торжество дѣла, съ которымъ, по убѣжденію его, связаны драгоцѣннѣйшіе интересы католической церкви.

Французское духовенство приняло на себя съ особеннымъ жаромъ защиту правъ римскаго первосвященника, и весьма понятно по какой причинѣ. Галликанизмъ, то-есть относительная независимость этого духовнаго сословія отъ папы и союзъ его со свѣтскою властью возможенъ былъ только въ прежнія времена, когда духовенство заинтересовано было въ государствѣ своими огромными имѣтельствами и высокими почестями, принадлежавшими ему въ управленіи. Со временъ революціи, съ тѣхъ поръ какъ уничтожены всякаго рода *dîmes* и *mainmorte*, оно совершенно лишилось свѣтскаго своего могущества. Ему предстояло съ этихъ поръ одно: ограничиться строгимъ исполненіемъ того, что составляетъ высокій и единственный его долгъ, — исполненіемъ духовныхъ своихъ обязанностей; но тому препятствовало и ненасытное честолюбіе его и воспоминаніе о прежнемъ вліяніи, которымъ оно пользовалось во Франціи. Съ тѣхъ поръ, французское духовенство обращается со всѣми надеждами своими къ Риму: въ настоящее время большинство его принадлежитъ положительно къ рядамъ такъ-называемой ультрамонтанской партіи, и ультрамонтанизмъ не имѣетъ, конечно, болѣе надежныхъ и полезныхъ для него приверженцевъ. Среди непрерывныхъ религиозныхъ споровъ, ежеминутно находясь въ необходимости отражать со всѣхъ сторонъ направленные на него удары, оно приобрѣло значительную ловкость для борьбы и по образованію стоитъ неизмѣримо выше духовенства италіянскаго. Совершенная независимость церкви отъ государства — вотъ цѣль, выставляемая католическимъ духовенствомъ для вида, и никакой истинный другъ свободы не скажетъ, чтобы цѣль эта была незаконна, но за нею скрываются совершенно другіе помыслы и виды. Французскому духовенству хотѣлось бы, освободившись отъ государственной опеки, снова возвратитъ себѣ вліяніе на общественныя дѣла, захватить все народное образованіе въ свои руки и возвысить такимъ образомъ интересы своего сословія. Попытка такого рода удалась ему когда-то при реставраціи Бурбоновъ; теперешній правитель Франціи умѣлъ также оцѣнить вліяніе, которымъ пользуется духовное сословіе въ этой странѣ, гдѣ въ отношеніи религіи оспариваютъ другъ у друга первенство или совершенный индифференцизмъ, или глубокое суевѣріе, и открыто предложилъ духовенству союзъ съ собою. Условія были одинаково выгодны для обѣихъ сторонъ: духовенство было довольно тѣмъ, что съ 1851 года началось глухое, но тѣмъ не менѣе весьма дѣйствительное гоненіе на протестантовъ, на ихъ школы и церкви, что въ среднихъ училищахъ предписывалось настоятельно *enseigner catholiquement*, что

въ высшихъ заведеніяхъ преподаваніе было измѣнено въ клерикальномъ смыслѣ, что прелаты заняли мѣсто въ университетѣ и между сенаторами, а изъ конфискованнаго имущества орлеанской фамиліи возвышены были оклады и пенсіи низшему духовенству. Съ другой стороны, духовное сословіе употребляло все вліяніе свое для того, чтобы расположить католическое общество Франціи въ пользу бонапартистскаго правительства. Можно было сомнѣваться, впрочемъ, чтобы союзъ былъ проченъ, ибо въ немъ участвовало не столько внутреннее влеченіе двухъ сторонъ, сколько тонкій и эгоистическій расчетъ. «Никакъ не думаемъ, говорилъ еще недавно *Times*, чтобы государь, которому удалось занять французскій престолъ, и партія, дѣйствующая по внушеніямъ Рима, питали искреннюю вѣжность другъ къ другу. Не думаемъ даже, чтобы они могли питать обоюдное довѣріе. Можно представить себѣ, что думаетъ такой *esprit fort*, какъ императоръ, о необразованномъ и грубомъ классѣ головъ съ выбритыми макушками. Мнимыя чудеса, открытіе источниковъ и т. п. оцѣнены, конечно, по достоинству какъ главою государства, такъ и огромнымъ большинствомъ парижскаго народонаселенія. Католическое духовенство съ своей стороны понимаетъ, что оно служило не болѣе какъ орудіемъ для политики искусной и рѣшительной, и что союзъ его съ императорскою властію требуетъ самой внимательной бдительности. Требовать уступокъ за всякое свое содѣйствіе—вотъ правило, котораго держалось оно постоянно. Скипетръ и стихарь по расчету оказывали другъ другу услуги и не могутъ обвинять другъ друга въ забвеніи или неблагодарности.»

Справедливость требуетъ замѣтить, впрочемъ, что императоръ Наполеонъ въ сношеніяхъ своихъ съ духовенствомъ дѣйствовалъ всегда съ замѣчательнымъ тактомъ и благоразуміемъ. Лавируя между католическимъ духовенствомъ и общественнымъ мнѣніемъ Европы, онъ нѣсколько разъ пытался совѣтовать реформы папскому правительству, доказательствомъ чему служитъ известное письмо его къ г. Эдгару Нею, но всякій разъ попытки эти были встрѣчаемы такими воплями со стороны духовенства, что императоръ принуждаемъ былъ отъ нихъ отказываться. Вообще неуимѣренною требовательностью своею, запальчивостью нелѣпыхъ своихъ рѣчей клерикальная партія не разъ ставила Людовика-Наполеона въ неловкое положеніе передъ общественнымъ мнѣніемъ цивилизованной Европы. Органъ ультрамонтанизма во Франціи, газета *Univers* ежедневно восхваляла инквизицію, громко вопила противъ всѣхъ проявленій гражданской и политической свободы, поносила лучшія произведенія литературы этой страны, начиная съ Рабле и Мольера, и не только не встрѣчала порицаній

во французскихъ прелатахъ, но одинъ изъ нихъ торжественно провозгласилъ ее самымъ достойнымъ органомъ католической церкви, мало того, католическимъ учрежденіемъ (institution catholique). Г. де-Монталамберъ, аббатъ Лакордеръ и многіе другіе, умѣвшіе соединить искреннюю привязанность къ церкви съ уваженіемъ къ разумной, умѣренной свободѣ, принуждены были замолкнуть среди фанатическаго разгѣла. Союзъ, о которомъ говоримъ мы, поддерживался, впрочемъ, до тѣхъ самыхъ поръ, какъ императоръ Наполеонъ объявилъ войну надежнѣйшей опорѣ папскаго правительства, Австріи, и набралъ программой своею свободу и независимость италіанскаго полуострова. Съ тѣхъ поръ, въ глазахъ многихъ фанатическихъ приверженцевъ католицизма, императоръ Наполеонъ пересталъ быть вѣрнымъ сыномъ церкви, съ тѣхъ поръ французское духовенство поняло, какъ ненадеженъ союзъ его съ императорскою властью, и рѣшилось испытать собственныя свои силы для защиты правъ римскаго первосвященника.

Весь планъ дѣйствій, очевидно, подготовленъ былъ заранее. Въ то самое время какъ сардинскій посланникъ, графъ Минерва, получалъ приказаніе выѣхать изъ Рима, въ Вѣнѣ архіепископъ Раушеръ, въ Англіи кардиналъ Вайманъ и докторъ Кулленъ заявляли торжественно свой образъ мыслей о дѣлахъ Средней Италіи, и, наконецъ, во Франціи послѣдовали почти непрерывно, одинъ за другимъ, циркуляры тамошнихъ знаменитѣйшихъ прелатовъ. Епископъ орлеанскій, г. Дюпанлу, подавалъ примѣръ; за нимъ слѣдовали епископы городовъ Тура, Пуатье, Памьера, Нанта и многихъ другихъ. Всѣ посланія эти свидѣтельствуютъ одинаково, какимъ духомъ нетерпимости проникнуто католическое духовенство, и съ какимъ упорнымъ единодушіемъ умѣетъ оно отстаивать свои интересы. Нечего говорить, что уже одна мысль объ отдѣленіи легатствъ отъ Папской области представляется всѣмъ названнымъ нами прелатамъ не болѣе какъ непростительнымъ заблужденіемъ. Источникъ правъ римскаго первосвященника на свѣтскія его владѣнія кажется имъ почти столь же священнымъ, какъ и источникъ его власти духовной. Во владѣніяхъ этихъ, власть папы должна пользоваться безусловною свободой и не имѣть нужды ни въ какихъ преобразованіяхъ. И къ чему, въ самомъ дѣлѣ, были бы эти преобразованія? По мнѣнію католическихъ епископовъ, всѣ толки о недостаткахъ и вопіющихъ злоупотребленіяхъ папскаго правительства, не болѣе какъ вымыселъ людей неблагонамѣренныхъ и умышленно не желающихъ видѣть истину. Конечно, есть недовольные и въ Римской области, но недовольныхъ можно найти въ каждой странѣ, и явленіе это не доказываетъ ровно ничего противъ папскаго управленія, которое можетъ назваться вполне отеческимъ и если

грѣшить чѣмъ-либо, такъ развѣ излишнею своею кротостію и снисходительностію. И такъ, невозможность и бесполезность какихъ бы то ни было реформъ въ Римской области—вотъ основная тема, которую защищаетъ въ посланіяхъ своихъ католическое духовенство. Что касается до языка, которымъ выражается оно, до воззрѣній его на политическую и гражданскую свободу, они доказываютъ только, что католицизмъ не допускаетъ нигдѣ ни малѣйшаго измѣненія въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ. Посланіе доктора Куллена, воспитавшагося и доживающаго свой вѣкъ среди свободныхъ учреждений Англіи, можетъ-быть, превосходить даже своею нетерпимостію и запальчивостію циркулярныя письма епископовъ всѣхъ прочихъ странъ, гдѣ свобода не успѣла войдти въ нравы и привычки общества. Приводимъ здѣсь сужденіе газеты *Times* объ этомъ замѣчательномъ посланіи, тѣмъ болѣе, что оно можетъ быть почти безъ ограниченій приложено ко всей полемической литературѣ, вышедшей въ послѣднее время изъ-подъ пера католическаго духовенства:

«Докторъ Кулленъ рѣшительно вѣтъ себя отъ гнѣва. Неправедливо было бы сказать, что ярость мѣшаетъ ему говорить, ибо вѣтъ вещи, о которой не говорилъ бы онъ въ пламенномъ своемъ посланіи. Не переводя духу, онъ переходитъ отъ одного браннаго слова къ другому. «Лицемерныя притязанія, невѣжество, наглость, своеволіе, злоба, клевета, поношенія, интрига, нечестивыя махинаціи писаекъ, фарисей, грабители, притѣснители, гонители, опальные, евангелическіе комитеты, библейскіе эмиссары», — вотъ словарь выраженій, которыми онъ сыплеть въ какомъ-то изступленіи. Все, что бы ни сдѣлалъ англійскій протестантъ или сардинскій католикъ, кажется доктору Куллену одинаково «лицемернымъ». Свобода наша лицемерна, лицемерны наши реформы, лицемерна наша журналистика, наши приношенія въ пользу несчастныхъ и вся религія наша не болѣе какъ лицемеріе въ огромныхъ размѣрахъ. Посланіе его называется «пасторскимъ», но въ немъ слышенъ не голосъ пастыря, а скорѣе лай того существа, которое также оберегаетъ стадо. Онъ рычитъ безъ разбору, на всякаго, кто проходитъ мимо, и весь этотъ припадокъ бѣшенства произошелъ отъ того, что власть папы подвергается критическому разбору, и критика эта носить не совсѣмъ благопріятный характеръ; отъ того, что подданные папы считаютъ себя въ правѣ требовать той же самой формы правленія, которая существуетъ въ другихъ странахъ міра,—то-есть не исключительно и не единственно клерикальной. Дѣти приходятъ иногда въ такое остервененіе, что гувернантки ихъ должны прибѣгать къ самымъ принудительнымъ мѣрамъ для спасенія оконъ и для избѣжанія всеобщаго разгрому. Гувернантка доктора

Куллена находилась, вѣроятно, въ отсутствіи или не могла съ нимъ справиться, когда на него нападало подобное состояніе духа. Не случилось, конечно, и его наставника, ибо оль объяснилъ бы ему, что не прилично божиться ни старикамъ, ни молодымъ людямъ. Посланіе это не подходитъ подъ опредѣленное закономъ оскорбленіе, за которое назначается пеня въ пять шиллинговъ, но не избѣгаетъ однако нравственной ответственности; бранные эпитеты повторяются въ немъ *ad nauseam* (1); оно исполнено проклятій въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова; авторъ его монотонно повторяетъ всѣ грубые, площадные термины, которые только находятся въ словарѣ ругательствъ.

«Мы, протестанты, не можемъ оставить безъ замѣчанія, что поводомъ къ подобному припадку ярости служить впервые ясно и опредѣленно усмотрѣнная на политическомъ горизонтѣ опасность для свѣтской власти папы. По римско-католической теоріи, опасность такого рода не должна была бы возбуждать того ужаса и гнѣва, которые видимъ въ докторѣ Куллени. Свѣтская власть папы—вовсе не существенная и не основная часть этой теоріи, и уничтоженіе или сохраненіе свѣтской власти должно быть разсматриваемо какъ дѣло чисто-второстепеннаго значенія. Но очевидно, что католики никакъ не могутъ разстаться съ нею и смотреть на ея утрату, какъ на самую страшную для нихъ катастрофу. Докторъ Куллени прибѣгаетъ ко всевозможнымъ доказательствамъ, дабы убѣдить, что папское правительство самое лучшее теперь во всемірѣ. «Земля наша не болѣе какъ юдоль плача», и потому зло будетъ неминуемо существовать даже при самомъ великодушномъ и мудромъ правительствѣ. Мы видимъ бѣдность, «ибо бѣдность никогда не выведется въ этомъ мірѣ»; видимъ преступленія, «ибо преступленія всегда будутъ осквернять землю»; видимъ недовольныхъ, «ибо недовольные находятся постоянно и повсюду.» То, конечно, самый удобный способъ разсужденія для того, чтобы отдѣлаться отъ докучныхъ нападокъ на злоупотребленія папскаго правительства. Вы жалуетесь, что оно не отвѣчаетъ той цѣли, для которой учреждается вообще гражданское правительство, что дороги у папы не безопасны, что разбойники и головорѣзы остаются безнаказанными, что на улицахъ прохожіе падаютъ отъ удара стилета, а вамъ отвѣчаютъ на это, что «потомство Адама, заразившись первороднымъ грѣхомъ, уже по тому самому склонно къ непослушанію и преступленію.» Превосходная защита, и какъ утѣшительно человѣку, у котораго на дорогѣ отъ Римини къ Болоннѣ отняли плащъ, бумажникъ и часы, слышать, что Адамъ вкусилъ отъ запрещеннаго плода и былъ потому изгнанъ изъ ра!

(1) Или какъ по-русски говорится: до оскомины.

Конечно, человѣческая природа грѣховна, и въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого разномыслія между протестантскою и католическою религіями, но мы рѣшительно не постигаемъ, какое соотношение можетъ быть найдено между этою истинною и положеніемъ, въ которомъ находится Италия. Дѣло идетъ теперь о томъ весьма осязательномъ извращеніи человѣческой природы, которое преслѣдуется вѣдницей и каторжною работой. Гражданское управленіе не можетъ отвѣчать за грѣхопаденіе Адама, но должно зорко слѣдить за преступленіями разбойниковъ и убійць. Мы убѣждены, что еслибы у доктора Куллена украли кошелекъ на Меррионъ-скверѣ, онъ не утѣшился бы въ своемъ несчастіи мыслию о грѣхопаденіи; онъ вспомнилъ бы, что есть другое управленіе, кромѣ свѣтскаго управленія папы, и пенялъ бы на полицію точно такъ же, какъ теперь пеняетъ онъ на «евангелическіе комитеты» и «библейскихъ эмиссаровъ».

«Когда докторъ Кулленъ бросаетъ намъ въ лицо воспоминаніе о сипаяхъ, онъ долженъ былъ бы знать, еслибы не приходилъ въ такую ярость, что папское правительство обвиняется вовсе не на томъ только основаніи, что во владѣніяхъ его есть нѣсколько недовольныхъ. Никто, съ каплей здраваго смысла въ головѣ, не думаетъ опираться на подобное основаніе, и опровергать его значить бороться съ призраками. Жалобы на папское правительство заключаются въ томъ, что правительство это крайне-дурно. Ломбардцы были также недовольны подъ владычествомъ Австрійцевъ; однако никому не приходило сравнивать австрійское владычество съ папскимъ. Почему? Потому, что дурное правительство доказывается не присутствіемъ только недовольныхъ между его подданными, но явною испорченностью, нерадѣніемъ и слабостью самаго правительства. Австрійское владычество, хотя и ненавистное народу, ибо оно было чужеземное, никогда не подвергалось такимъ порицаніямъ. Вотъ главное обвиненіе противъ управленія, господствующаго въ Римѣ, и обвиненіе это не можетъ быть опровергнуто ни примѣромъ возмущенія сипаевъ, ни воспоминаніями о грѣхопаденіи Адама.»

Споръ, возникшій теперь между правительствомъ Франціи и ея духовенствомъ, къ которому пристало католическое духовенство всей Европы, имѣетъ великую важность. Императоръ Наполеонъ думаетъ отдѣлаться отъ затрудненій, которыя вызваны движеніемъ въ легатствахъ, тѣмъ, что совѣтуетъ папѣ прибѣгнуть къ реформамъ и къ ограниченію своей свѣтской власти. Епископы утверждаютъ, напротивъ, что свѣтская власть римскаго первосвященника не можетъ быть ограничена, и что преобразования, вмѣсто того чтобъ укрѣпить ее, приведутъ ее только къ конечной гибели. Можно думать, что взглядъ католическихъ прелатовъ отличается

несравненно большею послѣдовательностью и основательностью. Конечно, папа можетъ облегчить положеніе протестантовъ въ своихъ владѣніяхъ, можетъ даровать льготы еврейскому населенію и проавести нѣкоторыя другія, второстепенныя реформы, но безумно было бы думать, что онъ согласится или будетъ въ состояніи обезпечить политическую и гражданскую свободу своихъ подданныхъ. «Свобода, говоритъ знаменитый итальянскій писатель, г. Монтанелли, это—законъ, основанный на томъ, что кажется наиболее справедливымъ и полезнымъ для граждан; папа—лицо, облеченное исключительно привилегіей и получающее нѣчто свыше. Большинство гражданъ способно ошибаться, папа считаетъ себя непогрѣшимымъ. Тотъ папа, который согласился бы сообразоваться съ волей своихъ подданныхъ вмѣсто собственнаго, непогрѣшимаго сознанія, долженъ былъ бы сложить съ себя свое достоинство. И дѣйствительно, кто возьмется рѣшать споръ между папой, который объявляетъ какую-либо мѣру враждебною католической нравственности, и народомъ, утверждающимъ, что католическая нравственность нисколько не потеряетъ отъ этой мѣры? Самъ папа? Но тогда какое же будетъ имѣть значеніе голосъ народа? Народъ? Но если приговоръ папы будетъ контролироваться приговоромъ большинства, папа перестаетъ считаться непогрѣшимымъ.» Всѣ эти истины давно уже сознаны итальянскимъ народонаселеніемъ Римской области, и вотъ почему легатства, не соглашаясь ни на какія сдѣлки, настаиваютъ единодушно на безусловномъ отдѣленіи своемъ отъ Рима. Къ несчастію, бывають такія положенія, въ которыхъ самыя искреннія уступки не приводятъ ни къ какому надежному результату. Въ такомъ положеніи находится, именно, Римская область, и императоръ Французовъ принялъ на себя неблагоприятную задачу, желая быть посредникомъ между непримиримыми требованіями папскихъ подданныхъ и стремленіями католическаго духовенства отстоять свѣтское владычество римскаго первосвященника.

Императоръ Наполеонъ выразилъ въ отвѣтной рѣчи, архіепископу Бордосскому свой взглядъ на состояніе вопроса, который такъ сильно волнуетъ въ настоящее время католическую Европу. Рѣчь эта служитъ какъ бы предостереженіемъ (avertissement) французскому духовенству, ополчившемуся такъ громко на защиту папскихъ правъ. «Я питаю твердую надежду, выразился онъ, что для церкви наступитъ новая эпоха славы съ того дня, когда весь міръ согласится съ моимъ утвержденіемъ, что свѣтская власть папы не враждебна свободѣ и независимости Италіи. Не вдаваясь здѣсь въ подробности, считаю нужнымъ напомнить, что правительство, возстановивши святаго отца на его престолъ, можетъ обращаться къ нему съ совѣтами, внушенными только почтительною и

искреннюю преданностью его интересамъ; но правительство основательно опасается того дня, который не можетъ быть отдаленнымъ, когда Римъ будетъ очищенъ нашими войсками, ибо Европа не дозволитъ, чтобы послѣ десятилѣтняго уже пребыванія, они оставались тамъ безконечно. Что оставить войска эти по своему удаленію,—анархію, терроръ или миръ? Вотъ вопросы, важность которыхъ не ускользнетъ отъ общественнаго вниманія. Въвѣсть съ этими строгими словами, французское правительство озабочилось болѣе дѣйствительнымъ образомъ оставить въ происходящемъ спорѣ последнее слово за собою. Журналы получили приказаніе не печатать болѣе епископскихъ посланій. Клерикальный журналъ *Univers*, перечисляя, сколько уже подобныхъ документовъ прислано къ нему для обнародованія и должно остаться теперь подъ спудомъ, громко протестуетъ во имя свободы печати противъ правительственнаго распоряженія.

Между тѣмъ нѣмецкіе епископы тоже готовятъ протестъ противъ того, что называется у католиковъ посягательствомъ на права церкви, и едва ли можно ожидать, чтобы австрійское правительство показало такое же вниманіе къ общественному мнѣнію и интересамъ Европы, какое привыкъ показывать императоръ Французовъ. Доселѣ Австрія ловко лавировала только въ дипломатіи, что же касается до общественнаго мнѣнія, то она его не удостоивала своего вниманія. Поэтому, хотя г. фонъ-Бахъ уже не министръ внутреннихъ дѣлъ, а только посланникъ Австріи при римскомъ престолѣ, но тѣмъ не менѣе, а отчасти именно вслѣдствіе того, трудно думать, чтобы австрійское правительство отказалось извлекать пользу для себя изъ конкордата. Если же это такъ, то нельзя надѣяться на безпристрастіе Австріи по вопросу о легатствахъ и вообще о свѣтской власти папы. Очень можетъ даже быть, что сама Франція показываетъ безпристрастіе въ этомъ дѣлѣ всего болѣе потому, что надѣется на пристрастіе Австріи къ папѣ. Этимъ можно объяснить, почему римское правительство такъ упорно отказывается отъ всякихъ реформъ и требуетъ безусловнаго возстановленія прежняго порядка вещей. Оно обращается ко всей католической Европѣ и надѣется, что можетъ рассчитывать на ея помощь.

Но какъ ни очевидно, что и австрійскому и французскому правительству выгодно имѣть духовенство въ числѣ опоръ своихъ и слѣдовательно дѣйствовать въ качествѣ вѣрныхъ сыновъ Рима, однакоже несомнѣнно, что для свѣтской власти папы наступаетъ одинъ изъ самыхъ критическихъ періодовъ ея существованія, и что отъ разрѣшенія этого крайне-труднаго вопроса—въ предѣлахъ не одной Италіи, но всего католическаго міра—зависятъ дальнѣйшія судьбы Италіанскаго полуострова. Кто поручится за продолжительную не-

прикосновенность свѣтской власти папы? Если Австрія и Франція, какъ мы видимъ, принуждены во многомъ уступить Сардиніи, поднявшей національное и либеральное знамя, то можно ли утверждать, что они не уступятъ силѣ гораздо болѣе могущественной, — силѣ, которую можно назвать силой всей новой исторіи, всей новой образованности? Ничто такъ не отличаетъ новое время, какъ разграниченіе, все болѣе и болѣе строгое, религіознаго элемента отъ элемента государственнаго, какъ съ одной стороны освобожденіе совѣсти, составляющей сокровенную святыню внутренняго чловѣка, отъ законовъ, устанавливаемыхъ государствомъ и полагающихъ предѣлы для внѣшнихъ дѣйствій каждаго члена государства, и съ другой стороны освобожденіе государства отъ заботы о томъ, на что безъ расположенія лжи и лицемерія, не можетъ простираться дѣйствіе внѣшнихъ средствъ, находящихся въ распоряженіи государства. *Кесарево Кесареву и Божіе Богови*: въ этомъ, можно сказать, заключается весь смыслъ новой христіанской исторіи. Это основное правило чловѣческаго общежитія, внесенное въ міръ христіанствомъ, распространяется нынѣ далеко за предѣлы христіанскаго міра; оно усвоивается даже людьми другихъ вѣроисповѣданій, по натурѣ своей фанатическихъ и дѣйствующихъ мечомъ. Такой великій фактъ вліянія христіанскихъ понятій о свободѣ совѣсти на народы нехристіанскіе засвидѣтельствовать недавно тѣмъ оригинальнымъ движеніемъ, которое происходило въ Турціи въ формѣ заговора Византійской уни и теперь вышло наружу вслѣдствіе открытія этого заговора. Въ самомъ дѣлѣ, чего можно было нѣсколько лѣтъ тому назадъ ожидать отъ національнаго турецкаго заговора, какъ не фанатической ненависти къ райямъ и къ правительству, которое, въ угоду невѣрнымъ, смягчаетъ положеніе райевъ? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ правительство въ Турціи представляло собою европейскій, цивилизующій элементъ, элементъ терпимости; національная партія была воодушевлена фанатическою ненавистью къ Европѣ и христіанству и ко всему, что идетъ изъ Европы и отъ христіанства. Теперь мы видимъ, что и въ Турціи дѣла измѣнились съ неизвѣстной быстротой. Мы узнаемъ о національномъ движеніи, которое не только не хочетъ истребленія и порабощенія невѣрныхъ, не только не хочетъ возстановленія старой Турціи съ янычарами и харачемъ, но въ дѣлѣ терпимости идетъ далѣе самого турецкаго правительства и опирается преимущественно на убѣжденія въ необходимости отдѣлить дѣло религіи отъ государства.

Мы давно уже не говорили о Турціи. Оригинальное движеніе, обнаружившееся теперь въ этой странѣ, даетъ намъ поводъ сказать о ней нѣсколько словъ. Надобно признаться, что Турція удивила Европу заговоромъ, открытымъ въ половинѣ

сентября нынѣшняго года. Дѣло шло не о набѣгахъ Черногорцевъ, не о возмущеніи христіанъ противъ какаго-нибудь пашы; нѣтъ! сами Турки составили заговоръ противъ своего правительства. Всѣ искренніе и неискренніе друзья Турціи съ безпокойствомъ стали задавать себѣ вопросъ: какой смыслъ этого заговора, и чѣмъ недовольны Турки? Западная Европа такъ сильно хлопотала о нихъ, торжественнымъ актомъ 1854 года сдѣлала ихъ страну членомъ международнаго союза, помогала потомъ своими арміями и флотами, дала наконецъ денегъ для исправленія разстроеннаго хозяйства. И христіане, живущіе въ Турціи, не были забыты: въ ихъ пользу былъ составленъ также самый торжественный актъ, гатти-гумауцъ 1856 года, гдѣ были опредѣлены съ точностію права христіанъ, и начертана программа будущихъ реформъ. Казалось бы, что полкъ такихъ благодѣяній, стоившихъ Европѣ сотни тысячъ лучшаго войска и болѣе миллиарда рублей серебромъ, Европѣ оставалось только утѣшаться плодами трудовъ своихъ и слушать длинную повѣсть о благоденствіи Турецкой имперіи, спасенной отъ опасностей, предприимчивой, понятливой, счастливой, можетъ-быть даже избрѣтательной.

На дѣлѣ не оказалось ничего подобнаго, и малолѣтняя имперія не оправдала ожиданій. Въ теченіи трехъ лѣтъ Европа предполагала внутреннее благоденствіе Турціи и выслушивала внимательно образованнаго турецкаго посланника, пріѣзжавшаго въ Парижъ на конференціи по вопросу о дунайскихъ княжествахъ. Правда, турецкій посланникъ не соглашался съ общимъ мнѣніемъ Европы, султанъ не хотѣлъ признать полковника Кузу господаремъ обоихъ княжествъ; но въ этомъ упорствѣ видѣли самостоятельность взгляда, которую слѣдуетъ поощрять въ начинающихъ; дѣло откладывали, и только недавно князь Куза признанъ въ своемъ достоинствѣ, да и то съ оговоркой, что онъ получаетъ отъ Порты два отдѣльныхъ берата, одинъ на Молдавію, другой на Валахію. Какъ бы то ни было, въ Парижѣ оказалось, что Турція довольно хорошо знакома съ дипломатіей, съ ея обычаями и языкомъ, со всѣмъ, чему можно выучиться скоро у хорошаго учителя. И этому она могла научиться у себя дома, въ Константинополѣ, гдѣ постоянно разыгрывалась такъ-называемая дипломатія Востока, одинъ изъ департаментовъ общей европейской дипломатіи. Эта дипломатія получила свой особенный характеръ; она вмѣшивается безпрерывно въ дѣла Турціи, поддерживаетъ того или другаго министра, склоняетъ ихъ на свою сторону деньгами или угрозами; однимъ словомъ, когда напечатываются всѣ акты теперешней европейской дипломатіи на Востокъ, то, мы увѣрены, они будутъ повтореніемъ посольскихъ депешъ, отно-

сдѣвшихся собственно къ Европѣ XVII и XVIII вѣка: тѣ же интриги, то же вліяніе временныхъ фаворитовъ и болѣе постоянныхъ фаворитокъ. Такого обнародованія придется еще долго ждать; до тѣхъ поръ можно довольствоваться свидѣтельствомъ наблюдательныхъ путешественниковъ, описывающихъ теперешнюю Турцію. На дняхъ появилась въ Лондонѣ книга г. Сеніора, *A journal kept in Turkey in 1857 and 1858*, обратившая на себя вниманіе всѣхъ англійскихъ ревьюеровъ, и мы заимствуемъ изъ нея нѣсколько указаній.

Г. Сеніоръ вообще вѣритъ въ возможность спасти Турцію отъ смерти, но не можетъ не признаться, что она умираетъ, «подобно человѣку, за лѣченіе котораго принялись три доктора и два аптекаря.» Турція представляетъ собою поле брани для семнадцати посланниковъ, оспаривающихъ другъ у друга вліяніе и первенство; главными дѣятелями при этомъ, по словамъ англійскаго путешественника, суть посланники Англій, Франціи и Россіи. Русскіе опираются на греческій элементъ, Французы на латинское духовенство, Англичане на торговые и земледѣльческіе интересы самихъ Турокъ. Не знаемъ, на сколько справедливы показанія г. Сеніора, но онъ увѣряетъ, что со времени крымской войны особенно усилилось вліяніе Англій; Русскихъ, говоритъ онъ, стали больше ненавидѣть и меньше бояться; Французы раздражаютъ своею надменностью и дерзостью, они не умѣютъ уважать мѣстныхъ нравовъ и обычаевъ, позволяютъ себѣ легкомысленно оскорблять Турокъ на каждомъ шагѣ и вообще выказываютъ свою захватскую натуру. Въ разказахъ г. Сеніора по этому поводу едва ли есть преувеличеніе; онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ не разъ продѣлки Французовъ въ Константинополѣ: музыку на кладбищахъ, срываніе нумеровъ на домахъ, сшибаніе съ ногъ во-сильщиковъ и тому подобныя шалости. «Англичане, говоритъ г. Сеніоръ, имѣютъ ту выгоду, что ихъ гораздо меньше числомъ. По этому между ними больше порядка, ихъ должностныя лица принадлежать къ высшему классу общества, ихъ холодность и важность болѣе по вкусу Турокъ... и, что особенно важно, у Англичанъ много денегъ, и они тратятъ ихъ щедрою рукой. Несомнѣнно то, что Англичане имѣютъ хорошую репутацию, а Французы отвратительную.» Эта репутация можетъ-быть вѣрва, относительно турецкаго народа вообще; но для отдельныхъ лицъ, облеченныхъ властью, самымъ важнымъ условіемъ служатъ деньги, и вліяніе Французовъ, въ этомъ случаѣ, смѣняется вліяніемъ Англичанъ и наоборотъ. Можно представить себѣ, сколько усилий стоить какому-нибудь министру въ Турціи удержаться на своемъ мѣстѣ: кромѣ угожденія женамъ султана, его фаворитамъ, друзьямъ этихъ фаворитовъ и такъ далѣе, приходится еще уго-

ждать посланникамъ, потому что большинству Турокъ извѣстно, что ихъ страна въ теперешнемъ видѣ держится только по благоволенію Европы.

Но зато этимъ искусствомъ угодить всѣмъ и ограничивается вся правительственная мудрость министровъ: ничего болѣе отъ нихъ не требуется. За униженіе, которое имъ приходится испытывать, за постоянный страхъ опалы, они вознаграждаютъ себя, унижая другихъ и стараясь воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы накопить себѣ богатство на черный день. Такое ошціальное грабительство достигло крайней степени цинизма, перестало возмущать и удивлять Турокъ; мѣста явно раздавались за деньги, и количество дохода, получаемого этимъ путемъ, перестало быть тайной. Въ *Times* приведено нѣсколько примѣровъ того, какія огромныя суммы остаются въ рукахъ правительственныхъ лицъ. Такъ, триполійскій кади, то-есть главноуправляющій юстиціей, въ одинъ годъ получилъ 315.000 руб. сер. только съ судей, которымъ онъ раздавалъ мѣста; главноуправляющему финансами въ Триполи очищается ежегодно болѣе 750.000 руб. сер. Бóльшая часть этихъ доходовъ получается отъ раздачи мѣстъ за деньги, и потомъ выручается правителями съ жителей всѣми неправдами. Отсюда всеобщая манія въ Турціи добываться какого-либо мѣста. «Едва только, говоритъ г. Сениоръ, кто-либо сдѣлается министромъ или губернаторомъ, какъ всѣ родственники этого лица, родственники этихъ родственниковъ и всѣ лѣнтая изъ его родной деревни окружаютъ министра и просятъ мѣсть.» Вся эта толпа счастливыхъ соискателей тотчасъ начинаетъ обезпечивать себя на черный день, потому что никто не увѣренъ въ будущемъ; всѣ, отъ министра до послѣднago чиновника, съ какимъ-то отчаяніемъ смотрятъ на судьбу Турціи и думаютъ только о томъ, какъ бы на ихъ вѣкъ достало. Правительство не думаетъ о завтрашнемъ днѣ, и заключаетъ одинъ заемъ за другимъ съ такою быстротой, что его кредитъ очень скоро истощится. Интересны въ этомъ отношеніи цифры государственнаго долга Турціи; до 1854 года онъ простирался до 70.000.000 руб. сер.; въ 1854 заключенъ заемъ въ 32.000.000 руб. сер., гарантированный Англійей и Франціей; въ 1856 году шестипроцентный заемъ въ 75.000.000 р. сер., изъ которыхъ $\frac{5}{12}$ должны были идти на государственныя потребности, $\frac{2}{12}$ на султана, $\frac{3}{12}$ на выкупъ ассигнацій (*каиме*); въ 1858 году семипроцентный заемъ въ 4.000.000 р. сер. Несмотря на обезпеченіе двухъ послѣднихъ займовъ разными статьями доходовъ, европейская биржа весьма мало довѣряетъ турецкимъ облигаціямъ, такъ что шестипроцентныя облигаціи стоятъ обыкновенно ниже 70 за 100.

Но какъ ни часты займы, дѣлаемые Турціею, они далеко не

покрываютъ всѣхъ расходовъ, поглащающихъ ежегодный бюджетъ, простирающійся до 60.000.000 руб. сер. Кромѣ арміи, значительную статью расходовъ составляетъ содержание султанскаго двора. «Изъ девяти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, сказано въ *Times*, султанъ беретъ, сколько ему угодно; полагаютъ, что онъ беретъ два съ половиной милліона (болѣе 15.500.000 р. сер.), и даже этого не достааетъ на его расходы, потому что онъ имѣетъ страсть строить дворцы.» Самымъ легкимъ средствомъ для удовлетворенія этой страсти служить выпускъ каиме, или ассигнацій. Разказываютъ, что однажды султанъ, осмотрѣвши великолѣпный дворецъ, спросилъ объ его цѣнѣ. «Сто рублей серебромъ», отвѣчалъ министръ финансовъ, считая только издержки печатанія бумажныхъ денегъ. Заемъ 1856 года былъ заключенъ отчасти съ цѣлю выкупа каиме, но эта цѣль была скоро забыта, деньги израсходованы были на другіе предметы, и теперь турецкое правительство прибѣгло къ болѣе дѣйствительной мѣрѣ, чтобы поправить свою монетную систему: оно учреждаетъ частный банкъ, который обязуется вынуть изъ обращенія всѣ ассигнаціи и выпускать ихъ не болѣе, какъ на тройную сумму всего банковаго фонда. Пока эта мѣра, уже слишкомъ давно обѣщанная, не будетъ приведена въ исполненіе, и пока султанъ не ограничитъ своихъ собственныхъ расходовъ согласно съ *liste civile*, до тѣхъ поръ финансовая система Турціи не можетъ придти въ порядокъ. Собственно говоря, *liste civile*, содержание султана определено; оно составляетъ сто милліоновъ піастровъ, или одну восьмую долю государственныхъ доходовъ, но приближенные не позволяютъ султану ограничиваться этою суммой и побуждаютъ его нарушать бюджетъ. «Султанъ, сказано въ *Times*, по гатти-гумайуну согласился ограничиться *liste civile* и обнародовать свои издержки. Если онъ исполнитъ свое обѣщаніе и будетъ довольствоваться ежегодно девятью милліонами руб. сер., что превзойдетъ издержки великихъ государей западной Европы (содержаніе двора англійской королевы стоить государственному казначейству менѣе трехъ милл. р. сер.), если онъ станетъ воздерживаться отъ страсти къ построенію дворцовъ и введетъ ясную систему отчетности, то еще можно сдѣлать что-либо для Турціи.» Правительство, затративъ значительныя суммы, ничего не сдѣлало для страны, не развило ея средствъ и потому не можетъ надѣяться на увеличеніе доходовъ. «Я вижу, говоритъ г. Сеніоръ, столицу, по улицамъ которой нельзя ѣздить въ экипажѣ и едва можно пройти пѣшкомъ; я вижу страну безъ дорогъ; я вижу дворцы султана на каждомъ мысѣ Босфора; я вижу обширныя пространства незаселенной земли и больше собакъ, чѣмъ людей; внѣшность страны не говоритъ ни въ пользу правительства, ни въ пользу народа.»

Эта общая картина Турціи должна удивить всѣхъ, кто безусловно вѣрилъ въ гатти-гумаюнъ и ожидалъ отъ него самыхъ благодѣтельныхъ послѣдствій. Но что значилъ этотъ актъ, продиктованный Европой, когда турецкое правительство рѣшилось соблюдать его не болѣе, какъ сколько было необходимо для удовлетворенія чужеземцевъ? Вліяніе европейскихъ посланниковъ, судъ у европейскаго консула дѣлаютъ еще возможною жизнь въ Турціи для иностранцевъ; но турецкіе подданные не пользуются этими привилегіями и испытываютъ на себѣ прежній произволъ правителей. Самый актъ гатти-гумаюна былъ обнародованъ довольно оригинально. Г. Чхачевъ въ своей книгѣ *Lettres sur la Turquie* рассказываетъ, какъ происходило дѣло въ Эрзерумѣ. «Паша съ своими совѣтниками рѣшилъ, что гатти-гумаюнъ можетъ быть вреденъ для Турокъ; но такъ какъ слѣдовало исполнить приказъ о публикованіи гатти-гумаюна, то паша призвалъ къ себѣ двухъ членовъ муниципальнаго совѣта, архіепископовъ армяно-грегоріанскаго и армяно-католическаго. Онъ велѣлъ прочесть имъ императорскій указъ, передалъ каждому копию съ него и сказалъ, что они обязаны сообщить этотъ высочайшій документъ своимъ единовѣрцамъ; но что въ этомъ случаѣ онъ, паша, не отвѣчаетъ за головы архіепископовъ и ихъ паствы. Само собою разумѣется, оба прелата, дрожа отъ страха, молча поклонились и заперли у себя дома подъ тройной замокъ опасный актъ, о которомъ не рѣшались никогда намекнуть христіанамъ.» Такимъ образомъ, формально дѣло было кончено, и Европѣ можно было сказать, что ея желаніе исполнено.

Считаемъ нелишнимъ напомнить читателямъ, что гатти-гумаюнъ 18-го февраля 1856 года заключалъ въ себѣ слѣдующія распоряженія: имущество церкви всѣхъ исповѣданій неприкосновенно; признается свободное исповѣданіе всѣхъ религій; всѣ оттоманскіе подданные, безъ различія націй, языка, вѣры, могутъ быть избираемы въ государственныя должности; пытка отменяется; всѣ иностранцы, подъ условіемъ соблюденія законовъ и платежа пошлинъ, могутъ владѣть недвижимымъ имуществомъ.— Программа, безспорно, прекрасная, но въ ней былъ одинъ недостатокъ, именно тотъ, что она была дана извнѣ, и авторы ея не спросили себя о средствахъ, какъ привести въ исполненіе всѣ указанныя реформы. Уваженіе къ правительству Турціи было поставлено однимъ изъ условій дипломатинъ, а именно въ турецкой администраціи лежалъ корень зла. На Турцію привыкли смотрѣть только съ одной стороны, весь вопросъ о ней сводили на одно религиозное отношеніе двухъ расъ, видѣли только борьбу магометанскаго фанатизма съ христіанствомъ. Безспорно, эта борьба и ненависть существовали; но въ общемъ Турки составляли не только религиозную, но и правительственную касту, и корень зла былъ

не только въ Коранѣ, но еще и въ камарильѣ, окружавшей султана. Мы указали выше на продажу мѣстъ, на страшный nepотизмъ, господствующій въ Турціи. Деньги и деньги—вотъ первое и послѣднее слово для турецкихъ чиновниковъ; какой-нибудь паша, родственникъ министра, прїѣзжая на кормленіе въ свою область, не столько справлялся съ религіей подчиненныхъ ему жителей, сколько съ ихъ кошелькомъ. Отъ низшихъ ступеней административной іерархіи и до министровъ образовалась какая-то особенная сила, стоявшая внѣ общества и не допускавшая надъ собою никакого контроля. Вмѣшательство европейскихъ державъ было бы бессильно противъ такого развѣтвленія монополіи нѣсколькихъ лицъ; въ случаѣ первой попытки огласить дѣйствія высшей администраціи или произнести о ней слово осужденія, министры представляли, что этимъ оскорбляется верховная власть султана, подрываются основы турецкихъ учреждений,—и Европа вѣрнула имъ на слово, а Турки обязаны были вѣрять.

Турецкое правительство смотрѣло постоянно не внутрь страны, а на Европу. Оно стало издавать свой офиціальныи журналъ на французскомъ языкѣ; *Journal de Constantinople* имѣлъ цѣлію оправдать турецкихъ министровъ передъ иностранными лордами. Все общественное движеніе въ литературѣ было также не турецкое, а иностранное. Рядомъ съ французскимъ офиціальнымъ журналомъ стояли органы независимой печати—*La Presse d'Orient* и *Levant Herald*. Къ нимъ скоро была приложена также заимствованная изъ Франціи система «предостереженій». Англійскій журналъ такъ мало надѣялся на законное признаніе своихъ правъ со стороны турецкаго правительства, что апелировалъ не къ нему, а къ общественному мнѣнію въ Англій. «Какovy бы ни были достоинства или недостатки нашего журнала, сказано въ одномъ изъ апрѣльскихъ номеровъ его, предостереженіе, данное ему, будетъ имѣть самое дурное вліяніе и здѣсь, и во всей Европѣ. Особенно въ Англій произведетъ оно негодованіе: надежда разрушена, — надежда на возрожденіе Турціи, вопреки всѣмъ злоупотребленіямъ, тяготѣющимъ надъ нею. Представляя наши замѣчанія, за которыя мы удостоились получить «предостереженіе», мы руководились не чувствомъ легкомыслія, а глубокимъ интересомъ къ благосостоянію имперіи, за которую еще вчера пролито много лучшей крови Англій, и потрачено много денегъ англійскихъ; указывая на злоупотребленія, мы выгородили нѣсколько членовъ кабинета, и не смѣшивали ихъ съ лицами, которыхъ поведение мы порицали. Но послѣ исправительнаго наказанія, которому мы подверглись, можемъ ли мы подтвердить такое выгораживаніе? Не смѣя отвѣчать на этотъ вопросъ, мы скажемъ только, что въ Англій, которой правительству и народу Порты обязана столь

многимъ, что въ Англїи этотъ актъ нетерпимости правительства будетъ истолкованъ очень неблагоклонно. Что касается до насъ, то мы понимаемъ ясно нашу обязанность; наше рѣшеніе твердо и неизмѣнно. Въ заключеніе *Levant Herald* не отказывается отъ своей программы и снова указываетъ на Европу: Европа говоритъ онъ, пойметъ, по какимъ причинамъ закрыть нашъ журналъ.»

И такъ, константинопольскіе журналы издавались только для Европы, а внутри страны позволено было говорить только министерскимъ клеветамъ. Эта «болѣзнь молчанія», говоря выраженіемъ г. Прево Парадоля, взятымъ изъ приведенной нами блистательной статьи его о французской печати, вела къ тому, что даже Англичане, которые хлопотали о независимости Турціи только отрицательно, то-есть съ цѣлю защитить ее отъ завоеванія со стороны Россіи, начинаютъ думать, что эта цѣль можетъ быть достигнута вѣрнѣе, если Турція раздѣлится на нѣсколько независимыхъ государствъ. Г. Сеніоръ указываетъ даже на эти шесть новыхъ политическихъ тѣлъ: Египеть съ Сиріей, Триполи, Дунайскія княжества, Сербія, Румелія, Болгарія съ Константинополемъ, какъ столицей, — вотъ, по его мнѣнію, будущая замѣна Турціи, которая, и то на время, сосредоточится въ Малой Азіи.

Но «болѣзнь молчанія» была только вогнана внутрь, а отъ нея страна не была спасена. Въ тайнѣ готовилось движеніе, въ тайнѣ копилось недовольство этимъ исключительнымъ служеніемъ страны одной внѣшности, этою жизнію на показъ. Передовые люди Турціи, безъ различія вѣры и народности, хотѣли внести въ Турцію народный элементъ, хотѣли преобразовать страну собственными средствами, и учредили общество, о которомъ турецкое правительство, или, по крайней мѣрѣ, султанъ узналъ вслѣдствіе заговора, и которое давно заявило себя въ Европѣ литературно. Мы извѣщали нашихъ читателей о книгѣ г. Пиципосъ-Бея (1), написанной именно въ тенденціяхъ «Византійской униі». Это общество имѣло въ виду соединить двѣ расы, и офиціальное слѣдствіе, произведенное теперь въ Константинополѣ, показываетъ, что сентябрьскій заговоръ опирался на Византійскую унию. Въ письмахъ г. Чихачева есть разказъ, изъ котораго мы приведемъ здѣсь одно указаніе. «Во время моего пребыванія въ Керасунѣ, говоритъ русскій путешественникъ, ко мнѣ ходилъ одинъ мулла, по имени Солейманъ. Но каково было мое удивленіе, когда мнимый служитель Магомета объявилъ мнѣ, что онъ въ одно время мулла Солейманъ и греческій священникъ Парееній? У него была дочь, которую онъ при всѣхъ звалъ Фатимой, а наединѣ Софьей и проч.» Эти двойныя имена указываютъ между прочимъ

(1) См. *Русскій Вѣстникъ*, 1858. № 6.

на одно изъ условій Византійской уніи, члены которой должны были принимать турецкія имена. Тогда какъ крайняя турецкая партія хотѣла бы совершенно поработить греческій элементъ, а ихъ противники желали бы изъ чувства мести отплатить тѣмъ же турецкому элементу,—члены уніи нашли средній терминъ, именно ихъ примиреніе въ общей формѣ *Византійца*: этимъ словомъ обозначались члены общества, рѣшившагося начать новую эпоху возрожденія. Унія не посягала на власть султана, желала оставить ее неприкосновенною и только имѣла въ виду возрожденіе Турціи и нормальное правительство. Значеніе и размѣры этого общества раскроются ясно, когда будутъ обнародованы всѣ свѣдѣнія о сентябрьскомъ заговорѣ; теперь, по причинѣ таинственности слѣдствія, можно только дѣлать предположенія. Но мы приведемъ здѣсь въ высшей степени интересныя подробности, сообщенныя въ первый разъ газетою *Courrier de dimanche*.

Число главныхъ членовъ тайнаго общества было сто тридцать четыре, но число простыхъ «мучениковъ» возрастало съ каждымъ днемъ. Каждый вступающій въ общество обязанъ былъ принять турецкое имя и, безъ различія вѣры, дать слѣдующую присягу: «Во имя Бога всемогущаго, клянусь служить вѣрно отечеству, повиноваться византійской конституціи, соблюдать ея законы и признавать государемъ Абдуль-Меджида, если только онъ признаетъ конституцію.» У заговорщиковъ нашли конституцію, циркуляръ къ иностраннымъ государствамъ, приказъ всѣмъ губернаторамъ провинцій, прокламацію къ народу. Конституція была написана на языкахъ турецкомъ, арабскомъ, греческомъ, армянскомъ, славянскомъ, болгарскомъ, сербскомъ, албанскомъ, валашскомъ, итальянскомъ и французскомъ. Замѣчательно, какъ Византійская унія умѣла примирить интересы разныхъ религій и придать себѣ исключительно политическій характеръ. По конституціи ея, религіозный вопросъ рѣшенъ былъ слѣдующимъ образомъ: всякій Византіецъ, который перемѣнитъ религію, не можетъ жить въ столицѣ въ теченіи пяти лѣтъ; всѣ религіозные обряды должны совершаться только внутри храмовъ; учреждается духовная консисторія, въ которой президентомъ будетъ султанъ, а вице-президентами религіозные начальники другихъ исповѣданій, при чемъ для католиковъ существуетъ особый епископъ, независимый отъ Рима; солдаты обязаны не предлагать мѣсть въ арміи духовнымъ лицамъ. Такимъ образомъ конституція гораздо лучше гатти-гумайуна опредѣляла религіозное равенство, прекращала обращенія изъ одной вѣры въ другую по расчету и обезпечивала страну отъ деспотическаго вліянія духовенства, отнимающаго негеземной мечъ. Въ отношеніи національности не было дру-

даго различія, кромѣ «Византійцевъ» и иностранцевъ, съ допущеніемъ натурализаціи. По плану конституціи, правительство должно было образоваться на слѣдующемъ основаніи: каждая провинція составляетъ списокъ лицъ, которыя, по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, достойны занять мѣсто министра; султанъ изъ этого списка дѣлаетъ выборъ, по своему усмотрѣнію, послѣ чего изъ остающихся, по жребію, назначается второе министерство, или, лучше, постоянная оппозиція, организованная закономъ. Члены этого втораго министерства, называющіеся товарищами министровъ, обязаны контролировать правительство, представлять ему свои замѣчанія, и въ случаѣ разногласія могутъ апеллировать къ провинціямъ и созывать собранія для рѣшенія споровъ. Султану предоставляются въ собственность недвижимыя имущества, доходы съ которыхъ идутъ на содержаніе его двора; должности получаютъ не за деньги, а по личнымъ достоинствамъ.

Положенія этой конституціи лучше всего объясняютъ недостатки теперешняго турецкаго правительства. Особенно замѣчательно положеніе товарищей министровъ, которые имѣютъ характеръ оѣціальной оппозиціи и гарантируютъ султана и страну противъ министерскаго произвола, прикрывающагося верховною властью султана. Управляющее страной министерство, или правительство, имѣло бы передъ собой, въ самой близи султана, нѣчто въ родѣ контръ-министерства, или оѣціальной оппозиціи, которой голосъ былъ бы слышенъ султану и въ случаѣ надобности могъ бы быть слышенъ странѣ. Дѣйствительно въ произволѣ министровъ, или правительства, заключалось главное препятствіе для развитія Турціи; онъ подавлялъ всякое движеніе впередъ и прикрывалъ всѣ существующія злоупотребленія, дѣлая ихъ безгласными. Уже изъ этихъ положеній конституціи можно видѣть, что заговоръ имѣлъ характеръ противоминистерскій; рѣшено было лишить власти султана только въ томъ случаѣ, когда онъ не согласится подписать конституцію. Заговорщики думали привести свой планъ въ исполненіе 21-го сентября; но 17-го сентября военный министръ Риза-Паша узналъ о готовящемся переворотѣ и схватилъ главныхъ виновниковъ. Въ числѣ ихъ были люди всѣхъ классовъ; говорятъ, что общее число участниковъ простиралось до 18.000 человекъ. Изъ главныхъ называютъ: шейха Ахмеда, который публично говорилъ противъ излишнихъ расходовъ на дворцы, противъ министерскаго произвола и слабости султана; Гуссейна-Пашу, бывшаго начальникомъ въ Карсѣ и потомъ въ Черногоріи; Джаферъ-пашу, Гассанъ-пашу и другихъ. Всѣ они при слѣдствіи показали много рѣшимости, и говорили въ глаза министрамъ, что они воры. Конечно, не всѣ эти

лица ясно понимали значеніе Византійской уни. Большинство имѣло другія побужденія, для него существовали другія причины недовольства: войску не платилось жалованье, торговля вся перешла въ руки иностранцевъ, такъ что Англичане стали публично продавать вино; повсюду распространялась неуверенность, близкая къ паникѣ.

Къ чести султана должно сказать, что онъ понялъ лучше другихъ характеръ и причины заговора. Онъ самъ говорилъ съ обвиненными, помилывалъ ихъ отъ наказанія, и наконецъ, что важнѣе всего, смѣнилъ министровъ, противъ которыхъ было особенно много уликъ, и обѣщалъ соблюдать экономію въ расходахъ. Грустно подумать, что эти министры, стоявшіе около трона, не допускали до него ни одного полезнаго слова, и что для того, чтобъ имѣть возможность сказать истину своему государю, необходимо было сдѣлаться обвиненнымъ въ тяжкомъ преступленіи. Кѣмъ замѣнить султанъ отставленныхъ министровъ? Безконтрольность представляетъ самый опасный соблазнъ, и нельзя думать, чтобы въ турецкое министерство вступали постоянно только великіе люди, гени, не подчиняющіеся общечеловѣческому закону. Иностранцы послали султану короткій меморандумъ, въ которомъ сказано, что народъ его будетъ только тогда доволенъ, когда «правительство будетъ внимательно къ его нравственнымъ и матеріальнымъ потребностямъ, станетъ преслѣдовать злоупотребленія и особенно будетъ соблюдать разумную экономію въ государственныхъ расходахъ». Но правительство—люди, а люди способны находить всѣ свои дѣйствія превосходными, особенно если, при общей болѣзни молчанія, никто не посмѣетъ разубѣждать ихъ въ этомъ. Должно надѣяться, что султанъ, прекративши постройку дворцовъ, прекратитъ также безответность правительственныхъ лицъ; лучшимъ средствомъ для этого можетъ послужить гласное обсужденіе ихъ дѣйствій, а потому, вѣроятно, султанъ разрѣшитъ снова изданіе журналовъ *Levant Herald* и *La Presse d'Orient*, запрещеніе которыхъ было послѣднимъ актомъ правительственной мудрости прежняго министерства: оно хотѣло наружнаго спокойствія и молчанія, а само едва не привело страну къ страшному потрясенію.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Недостаточное жалованье при возрастающей дороговизнѣ и другія обстоятельства, неблагоприятныя для лицъ, избирающихъ для себя учебное поприще, были причиною того, что въ послѣднее время значительно уменьшилось число охотниковъ занимать учительскія мѣста въ провинціальныхъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. Окончившіе курсъ въ университетахъ очень рѣдко рѣшались идти въ учителя; въ Московскомъ университетѣ вакансіи казеннокоштныхъ студентовъ оставались не замѣщенными по недостатку желающихъ поступать на нихъ съ обязательствомъ прослужить шесть лѣтъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія; самые слабые и малоспособные изъ студентовъ отказывались отъ того, что было прежде предметомъ соискательства между самыми лучшими. Понятно, какія вредныя послѣдствія могъ имѣть такой ходъ дѣлъ для будущности среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Не только гимназіи получали учителей несвѣдущихъ и малоспособныхъ, но можно было предусматривать, что недалеко время, когда губернскія гимназіи вовсе не будутъ имѣть учителей. Нельзя было и думать объ увеличеніи требованій, предъявляемыхъ кандидатамъ на учительскія мѣста, а между тѣмъ настояла крайняя надобность именно въ томъ, чтобы требованія эти были увеличены. Понизившійся съ 1849 года уровень гимназическаго ученія повлекъ за собою и пониженіе уровня университетскаго преподаванія, такъ что русскіе университеты рѣдко уже выпускали людей, способныхъ быть хорошими гимназическими преподавателями. Особенно это было чувствительно по древнимъ языкамъ; самымъ лучшимъ изъ кандидатовъ университета необходимо было еще нѣсколько времени спеціально подготовиться къ должности учителя древнихъ языковъ, чтобы исправлять ее, какъ слѣдуетъ, но можно ли было отъ лучшихъ кандидатовъ требовать спеціального приготовленія къ должности, которой никто изъ нихъ и безъ спеціального приготовленія не хотѣлъ брать?

Чтобы можно было повысить уровень требованій отъ ищущихъ учительской должности, необходимо было улучшить положеніе учителей, и первый важный шагъ къ тому сдѣланъ высо-

чаише утвержденными 17-го апрѣля штатами гимназій. По этимъ штатамъ, директоры гимназій будутъ получать, смотря по губерніи, отъ 1700 (съ разъездными) до 800 рублей, инспекторы отъ 850 до 700 р.; старшіе учителя отъ 750 до 600 р., младшіе учителя по 550 р.; законоучители и учителя рисованія по 400 руб.; гимназическія бібліотеки по 350 р. Увеличенные оклады начнутъ производиться въ будущемъ 1860 году, когда въ росписаніе государственныхъ расходовъ будетъ внесена потребная на то добавочная сумма 312.555 р. 97 к., но считается эта прибавка будетъ съ 17-го апрѣля сего года, такъ что за 1859 годъ вся прибавка будетъ выдана разомъ. Всего же будетъ отпущаться на 77 среднихъ учебныхъ заведеній 982.227 руб., или круглымъ числомъ приблизительно по 12.750 р. на каждое заведеніе.

Таковое усиленіе средствъ русскихъ гимназій несомнѣнно отзовется на ихъ внутреннемъ устройствѣ и личномъ составѣ и принесетъ добрые плоды русскому народному просвѣщенію. Учительское сословіе будетъ находиться въ сношеніи матеріальномъ положеніи; его ободритъ увѣренность, что государство обращаетъ вниманіе на его высокое значеніе въ общественной жизни, что его нужды близки сердцу Царя, который избралъ день своего рожденія для обезпеченія его насущныхъ потребностей. Теперь учительское поприще представляетъ даже много привлекательнаго для молодыхъ людей, начинающихъ карьеру: не только въ государственной, но даже и въ частной службѣ очень трудно при самомъ первомъ шагѣ получить жалованья отъ 550 до 750 р. Въ этомъ отношеніи учительскія мѣста предпочтительнѣе другихъ мѣстъ, и нѣтъ сомнѣнія, что они привлекутъ къ себѣ способныхъ и достойныхъ людей, если бы не оставалось за учительскою службой одно важное неудобство; между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ родахъ занятій время приноситъ съ собой улучшеніе положенія, большинство учителей принуждены были досель и теперь все еще принуждены по прежнему довольствоваться всею евою вѣкъ тѣмъ самымъ жалованьемъ, которое получаютъ при вступленіи на службу. Молодому холостому человѣку очень лестно получить 750 р. жалованья; это даже болѣе чѣмъ сколько необходимо для того, чтобы находились охотники на учительскія мѣста. Но когда этотъ молодой человѣкъ женится, то получаемое имъ жалованья едва будетъ ставать ему на необходимѣйшіе расходы, и онъ будетъ принужденъ искать для себя стороннихъ занятій, которыя нерѣдко могутъ вредно дѣйствовать на его служебную дѣятельность; а когда придется ему воспитывать своихъ дѣтей, то онъ будетъ уже крайне-затрудненъ; ему придется даже бѣдствовать, если его семейство будетъ многочисленно. Намъ ка-

жется, что это неудобство, сопряженное у насъ съ учительскимъ званіемъ и, можно сказать, отнимающее всякую бодрость у нашего учительскаго сословія, можетъ быть устранено безъ дальнѣйшаго обремененія государственнаго казначейства. Въ штатѣ нашихъ гимназій есть одно мѣсто, которое можетъ быть упразднено безъ ущерба для службы: мы разумѣемъ мѣсто инспектора классовъ. Мы даже думаемъ, что обязанности инспектора могутъ быть съ бѣльшимъ успѣхомъ для службы раздѣлены между директорами и тремя старѣйшими и достойнѣйшими изъ старшихъ учителей; инспекторскую квартиру могъ бы получить одинъ изъ нихъ, тотъ именно, на кого возлагалось бы исправленіе должности директора, во время разѣздовъ послѣдняго для обзора училищъ. Чтобы показать, какія матеріальныя послѣдствія могла бы имѣть эта мѣра для улучшенія быта гимназическихъ учителей, возьмемъ штатъ первой московской гимназій. Директору, завѣдывающему училищами Московской губерніи, назначено жалованья и разѣздныхъ 1450 р.; кромѣ того, директоръ пользуется квартирой въ заведеніи. Учителей старшихъ положено семь, съ жалованьемъ каждому по 750 р.; младшихъ три, съ жалованьемъ каждому по 550 р.; инспекторъ получаетъ 850 р. и квартиру. Если распределить жалованье инспектора между тремя учителями и директоромъ штатъ, могъ бы получить слѣдующій видъ:

Три младшихъ учителя по 550 р.

Четыре старшихъ учителя по 750 р.

Три инспектора по 1000 р.

Директоръ съ разѣздными 1550 р. (безъ разѣздныхъ 1250) р.

Если бы притомъ было постановлено, что всякій нововступающій долженъ начинать службу съ должности младшаго учителя, то получилась бы для учительской карьеры перспектива правильнаго повышенія. Молодой человѣкъ, только начинающій службу и еще холостой, могъ бы довольствоваться жалованьемъ въ 550 р.; получивъ званіе старшаго учителя съ жалованьемъ 750 р., молодой человѣкъ могъ бы жениться, не опасаясь нищеты, а когда въ послѣдствіи возрасли бы нужды его семейства, онъ могъ бы дослужиться до званія инспектора, приносящаго 1000 р. жалованья и дающаго виды на получение казенной квартиры.

Въ гимназіяхъ третьяго разряда, гдѣ младшіе учителя получаютъ по 550 р., старшіе по 600 р., инспекторы по 700 р., директора по 800 р., эта мѣра могла бы имѣть чувствительныя послѣдствія при раздѣленіи должности не между тремя, а между двумя старшими учителями. Въ такомъ случаѣ штатъ получилъ бы слѣдующій видъ:

Три младшихъ учителя по 550 р.

Пять старшихъ учителей по 600 р.

Два инспектора по 850 р.

Директоръ по 1000 р.

Уѣздныя училища получили также новыя штаты. Штатные смотрители будутъ получать, смотря по разряду губерній, отъ 550 (въ пятиклассныхъ училищахъ) до 350 р.; учителя наукъ отъ 450 (въ пятиклассныхъ училищахъ) до 300 р., законоучители и учителя рисованья по 200 р. Добавочная сумма, которая будетъ назначена изъ государственнаго казначейства, опредѣлена въ 330.443 р. 29 коп. Всего будетъ отпускаться на 385 училищъ 894.410 р. или, круглымъ числомъ, приблизительно по 2.300 р. на каждое заведеніе. Такъ какъ учителей наукъ полагается по три на училище, что совершенно достаточно (1), а штатный смотритель, теперь освобожденный отъ обязанности преподавать, можетъ вести на себѣ эту обязанность съ большою пользою для заведенія, то и здѣсь уменьшеніе числа служащихъ можетъ повести къ улучшенію ихъ положенія; въ московскихъ уѣздныхъ училищахъ, вслѣдствіе сего, штаты могли бы принять слѣдующій видъ:

Штатный смотритель 600 р. и квартиру.
 Старшій учитель 600 р. безъ квартиры.
 Младшій учитель 500 р. безъ квартиры.

А въ уѣздныхъ училищахъ третьяго разряда:

Штатный смотритель 450 р. и квартиру.
 Старшій учитель 450 р. безъ квартиры.
 Младшій учитель 350 р. безъ квартиры.

Не можемъ не замѣтить по этому поводу, что сличеніе числа учащихся въ русскихъ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ указываетъ крайнюю непопулярность уѣздныхъ училищъ, составляющую рѣзкую противоположность съ популярностью училищъ приходскихъ. Изъ этого мы имѣемъ право заключить, что между тѣмъ какъ приходскія училища соответствуютъ мѣстной потребности первоначальнаго обученія, устройство уѣздныхъ училищъ не соображено съ потребностями. Дѣйствительно, до 1828 года уѣздныя училища были не что иное какъ низшіе классы гимназій, состоявшихъ тогда изъ четырехъ классовъ. Но послѣ реформы 1828 года, когда были устроены семиклассныя гимназій, уѣздныя училища потеряли прежнюю связь свою съ гимназіями; мальчики, окончивавшіе курсъ въ уѣздныхъ училищахъ, не могли уже поступать въ гимназій, а такъ какъ уѣздныя училища не получили организаціи, приспособленной къ потребностямъ тѣхъ классовъ общества, которые не пользуются гимназическимъ

(1) Считая число трехъ достаточнымъ, мы никакъ не думаемъ, чтобы уѣздное училище могло идти сколько-нибудь удовлетворительно, если бы это число учителей было уменьшено.

обученіемъ, то съ тѣхъ поръ начинается упадокъ уѣздныхъ училищъ. Для исправленія этого дѣла и для оживленія связи между уѣздными училищами и обществомъ, очевидно, необходимо такое преобразование ихъ, которое дало бы имъ возможность готовить своихъ питомцевъ для практической жизни. Но какъ ни однообразна жизнь нашихъ уѣздныхъ городовъ, тѣмъ не мѣнѣе однакожъ, если должна идти рѣчь о дѣйствительныхъ потребностяхъ жизни каждаго изъ нихъ, то окажется довольно значительное различіе между ними, и никто не возьмется опредѣлять его заранее, прежде нежели оно само не выскажется. Поэтому мы думаемъ, что успѣшное преобразование уѣздныхъ училищъ, если только они должны быть дѣйствительно приспособлены къ мѣстной жизни, можетъ быть основано лишь на мѣстной инициативѣ. А priori представляются пять главныхъ возможныхъ формъ преобразования. Теперешнія уѣздныя училища могутъ быть расширены:

Въ городахъ, особенно богатыхъ—въ пятиклассныя училища, приспособленныя къ гимназическому курсу, съ прибавкой нѣкоторыхъ предметовъ, по требованію мѣстныхъ нуждъ.

Въ городахъ, менѣе богатыхъ, гдѣ достаточные люди занимаются свободными профессіями, — въ низшіе классы гимназій, такъ чтобъ ученики могли поступать изъ нихъ прямо въ четвертый классъ гимназій.

Въ городахъ мѣстностей торговыхъ—въ торговыя училища, предназначенныя для приготовленія купеческихъ прикащиковъ (должно быть введено преподаваніе бухгалтеріи, коммерческой ариметики и т. д.)

Въ городахъ мѣстностей фабричныхъ — въ низшія техническія училища, съ характеромъ, смотря по мѣстности, или преимущественно механическимъ, или преимущественно химическимъ.

Въ городахъ мѣстностей земледѣльческихъ—въ низшія агрономическія училища.

Такъ какъ лучшимъ доказательствомъ дѣйствительной потребности служить готовность къ пожертвованіямъ для удовлетворенія этой потребности, то непременнымъ условіемъ при преобразованіи училищъ, сообразно мѣстнымъ потребностямъ, должно было бы быть пожертвованіе известной суммы или известной недвижимо-сти либо отдѣльными лицами изъ мѣстныхъ жителей, либо цѣлыми обществами, городскими или уѣздными. Дабы не предпринять чего-нибудь не нужнаго, государство должно уклоняться отъ инициативы въ этомъ дѣлѣ; съ своей стороны, оно можетъ только содѣйствовать ходу дѣла, уже начавшагося. Правительство Сѣвероамериканскихъ Штатовъ поступаетъ въ этомъ отношеніи очень рационально и вмѣстѣ съ тѣмъ очень либерально. Оно не заво-

днгъ новыхъ училищъ, но если мѣстными средствами составляется сумма для учрежденія училища, то оно съ своей стороны прибавляетъ такую же сумму. При учрежденіи низшихъ учебныхъ заведеній это несомнѣнно самый вѣрный способъ правительственнаго содѣйствія, и можно быть увѣрену, что училище, учрежденное на этомъ основаніи, не будетъ пусто, какъ пусты теперь наши уѣздныя училища, и особенно ихъ высшій классъ. Кроме того, очень важно еще и то, что, при этомъ способѣ, реформа старыхъ училищъ и учрежденіе новыхъ шла бы постепенно, по мѣрѣ требованій жизни и успѣховъ благосостоянія, и что слѣдовательно всякое измѣненіе было бы прочно, всякое улучшеніе было бы свободно отъ мишуры. Нельзя сомнѣваться, что и теперь уже во многихъ мѣстахъ, просвѣщенные помѣщики согласились бы назначить по $\frac{1}{2}$ коп. и даже по 1 коп. съ десятины, чтобъ имѣть въ уѣздѣ ферму съ хорошою земледѣльческою школой, при которой находился бы машинистъ, умѣющій чинить земледѣльческія машины, и ветеринаръ, способный подать медицинскую помощь скоту. Равнымъ образомъ, нельзя сомнѣваться, что во многихъ торговыхъ уѣздныхъ городахъ, купечество согласится давать по нѣсколькимъ рублей съ купеческаго капитала, чтобъ имѣть при уѣздныхъ училищахъ учителей бухгалтеріи или новыхъ языковъ. Наконецъ, найдутся частные люди, которые изъ мѣстнаго патриотизма рѣшатся на пожертвованія. Мы очень счастливы, что можемъ сообщить извѣстіе объ одномъ изъ такихъ пожертвованій, уже состоявшемся. Намъ извѣщаютъ изъ Кашина Тверской губерніи, что вслѣдствіе вызова, сдѣланнаго дѣятельнымъ начальствомъ московскаго учебнаго округа, городское общество Кашина, въ собраніи своемъ, бывшемъ въ іюль мѣсяцъ сего года, постановило единогласное опредѣленіе просить начальство о дозволеніи преобразовать кашинское уѣздное училище въ пятиклассное училище, и что достойный городской голова Кашина, въ соединеніи съ однимъ изъ кашинскихъ гражданъ, вызвался пожертвовать одновременно и жертвовать впредь все нужное для такого значительнаго расширенія мѣстнаго училища. Намъ пріятно упомянуть, что при этомъ случаѣ со стороны кашинскаго городского общества высказано очень лестное сочувствіе одному изъ учителей уѣзднаго училища (г. Родзевичу, если мы не ошибаемся).

Въ апрѣлѣ же текущаго года состоялось высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта объ увеличеніи на 57 процентовъ окладовъ жалованья губернскихъ и уѣздныхъ чиновъ по вѣдомству министерства юстиціи; а 4-го минувшаго іюня высочайше утвержденъ проектъ правилъ о распредѣленіи исчисленной для сего суммы, въ количествѣ 1.012.240 руб. Производство окладовъ по увеличенному размѣру должно быть начато съ 1-го

іюня 1859 года для всѣхъ чиновниковъ, кромѣ состоящихъ подъ судомъ или слѣдствіемъ за преступленія по должности. Увеличеніе окладовъ простирается и на канцеляріи судебныхъ мѣстъ; но распределеніе назначенныхъ суммъ между канцелярскими чиновниками предоставляется, по прежнему порядку, непосредственному усмотрѣнію присутствія, сообразно трудамъ и заслугамъ каждаго чиновника. вмѣстѣ съ тѣмъ, присутственнымъ мѣстамъ вмѣняется въ непрѣмнную обязанность не только не увеличивать числа канцелярскихъ чиновниковъ (не опредѣленнаго постояннымъ штатомъ), но стараться объ уменьшеніи его, дабы черезъ это могли быть увеличены оклады тѣхъ чиновниковъ, которые останутся за тѣмъ на службѣ.

Ведя не порадоваться этой мѣрѣ настоящая необходимость ея давно уже ощущалась всѣми. Скудные оклады жалованья по министерству юстиціи были не соразмѣрны ни съ важностію, ни съ трудностію судебныхъ обязанностей. Особенно въ послѣднее время, при возвышеніи цѣны на всѣ жизненныя потребности, оклады эти не могли обезпечить содержанія не только семейному, но даже в одинокому челоѣку. Многие по этой только причинѣ вынуждены были искать мѣстъ въ другихъ министерствахъ и оставляли занятія, которыя, по роду своему, въ особенности требуютъ и спеціальныхъ свѣдѣній и навыка, приобретаемаго долговременною опытностію. По приведеніи въ дѣйствіе новаго положенія, оклады эти значительно возвысятся въ сравненіи съ прежними. Предсѣдатели судебныхъ палатъ будутъ получать вообще около 1.700 р., товарищи ихъ около 1.100 р., совѣтники около 880 р., засѣдатели около 440 р., секретари до 700 р., уѣздные судьи болѣе 500 р., дворянскіе и коронные засѣдатели судовъ до 350 р., и секретари около 250 р., губернскіе прокуроры по 1.318 р., да столовыхъ, назначеніе коихъ зависятъ отъ министерства юстиціи,—по 425 р., губернскіе страпчіе по 549 р. и столовыхъ 212 р., наконецъ уѣздные и городовые страпчіе отъ 350 до 400 рублей.

Увеличеніе окладовъ жалованья само по себѣ, безъ сомнѣнія, составляетъ одну изъ гарантій добросовѣстности чиновниковъ; но не должно думать, что это гарантія полная, совершенная, и на этой мѣрѣ успокоиваться. Она принесетъ пользу въ такомъ только случаѣ, когда выборъ и назначеніе чиновниковъ на мѣста будутъ производиться со всею должною осторожностію и разумностію, когда этотъ выборъ будетъ зависѣть не отъ одного произвола лицъ, не всегда дающихъ себѣ трудъ непосредственно ознакомиться съ тѣмъ, кого назначаютъ, но отъ твердаго соображенія, основаннаго на достоинствѣ и способностяхъ челоѣка и на призваніи, которое онъ чувствуетъ въ себѣ къ тому или

другому роду занятій; когда при этомъ выборѣ главною цѣлю будетъ—не подчинить себѣ безусловно личность назначаемого чиновника и распорядиться ею по произволу, но предоставить этой личности кругъ дѣйствія, наиболѣе сообразный съ ея дарованіями.

Возвышеніе окладовъ для канцелярскихъ чиновниковъ, получающихъ жалованье «сообразно трудамъ и заслугамъ», иногда по нѣскольку рублей въ мѣсяцъ, будетъ почти нечувствительно, если канцеляріи судовъ нашихъ по прежнему будутъ переполнены этими тружениками, которые всю жизнь свою проводятъ въ переписываніи бумагъ. Вѣроятно, съ этою цѣлю присутственнымъ мѣстамъ вмѣнено въ обязанность стараться объ уменьшеніи числа канцелярскихъ чиновниковъ. Не вездѣ ~~сразу~~ же это уменьшеніе можетъ быть произведено съ одинаковымъ удобствомъ. Механизмъ нашего бумажнаго производства, усилившійся въ послѣднее время до огромныхъ размѣровъ, требуетъ и большаго числа рабочихъ рукъ для переписки всей массы бумагъ, изъ которыхъ составляются дѣла; и при всемъ томъ, по недостатку работниковъ, остается еще много недоделанной работы. Только съ упрощеніемъ этого механизма можно надѣяться на уменьшеніе матеріальнаго труда и вмѣстѣ съ тѣмъ—поддержать производство.

Относительно выморочныхъ имуществъ въ законахъ нашихъ выражено было общее правило, что они обращаются въ государственную казну. Изъ этого правила допускались исключенія въ пользу разныхъ вѣдомствъ, къ которымъ принадлежалъ умершій, какъ-то въ пользу университетовъ, благотворительныхъ заведеній, духовнаго вѣдомства и пр. Въ большей части случаевъ не представлялось сомнѣнія въ томъ, что все имущество умершаго, гдѣ бы ни находилось оно, дѣлается принадлежностью того вѣдомства, къ коему умершій принадлежалъ. Въ 1172 статьѣ X т. Св. Зак. Гражд. было постановлено, что выморочное имущество мѣстнаго гражданина поступаетъ въ доходъ того города, коему умершій былъ обывателемъ. По буквальному смыслу этого закона, достояніемъ города должно было дѣлаться всякое выморочное имущество городского обывателя, гдѣ бы ни находилось и въ чемъ бы ни заключалось: все имущество гражданина должно было слѣдовать тому городу, къ которому приписана была его личность. Подъ словомъ: городской обыватель, надлежало разумѣть только тѣ лица, которыя въ особенности причисляются закономъ къ среднему роду людей, а не вообще всѣхъ тѣхъ, которые живутъ въ городѣ домъ или мѣсто, либо несутъ службу и записаны въ окладъ по городу. Совершенно иное начало выражается въ новомъ постановленіи, которымъ измѣняется приведенный законъ. Именіемъ государственнаго совѣта, высочайше утвержденнымъ!

апрѣля 1859 года, всѣ выморочныя имущества, за исключеніемъ тѣхъ, которыя изъяты изъ общаго правила, въ пользу особенныхъ вѣдомствъ, раздѣлены на двѣ категоріи, по *мѣсту нахожденія* и по *роду самыхъ имуществъ*, и сообразно этимъ категоріямъ распределяются между двумя главными наследниками, казной и городомъ. Выморочныя *недвижимыя* имущества, находящіяся въ городахъ (безъ различія, къ какому бы сословію ни принадлежали умершіе владѣльцы), обращаются въ пользу тѣхъ городовъ, въ вѣдомствѣ коихъ состоятъ; но всѣ недвижимыя имущества, находящіяся внѣ городскихъ предѣловъ, равно какъ всѣ *имущества движимыя* и *капиталы*, въ случаѣ выморочности, обращаются въ вѣдомство казны.

Указомъ государственнаго совѣта, высочайше утвержденнымъ 29 іюня 1859, измѣненъ отчасти, относительно женщинъ, родъ наказанія, опредѣляемаго за тяжкіе виды кровосмѣшенія въ 2166 и 2167 статьяхъ Уложенія о наказаніяхъ. Въмѣсто заключенія въ монастырь на всю жизнь, долженствовавшаго, по силѣ приведенныхъ статей, слѣдовать за продолжительнымъ и уединеннымъ тюремнымъ заключеніемъ въ Сибири, положено ссылатъ преступницъ въ одинъ изъ малолюдныхъ и отдаленныхъ округовъ Восточной Сибири, по назначенію тамошняго генералъ-губернатора, съ тѣмъ чтобы сосланныя оставались на всю жизнь ссыльно-поселанками и не могли быть перечисляемы въ сословіе государственныхъ крестьянокъ. Сверхъ того преступницъ, осуждаемыхъ, по дѣйствующимъ законамъ, на кратковременное заключеніе въ монастырь, велѣно, какъ во время содержанія въ тюрьмахъ, такъ и при пересылкѣ по этапамъ, удалять отъ другихъ преступниковъ и преступницъ.

Высочайшимъ указомъ 26 августа 1859 года, распространены на крестьянъ всѣхъ государевыхъ и дворцовыхъ имѣній, всѣ личныя и по имуществу права, дарованныя крестьянамъ удѣльнымъ въ минувшемъ 1858 году. Это значитъ, что крестьяне дворцовые и государевы получаютъ право пріобрѣтать и отчуждать на свое имя ненаселенныя земли, какъ полную собственность, право переходить, подобно государевымъ крестьянамъ, въ городскія и другія свободныя сельскія сословія, право на личное хоздайтство по собственнымъ дѣламъ въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ, право свободно вступать въ обязательства, и наконецъ право выходить замужъ за людей другихъ сословій.

Подъ именемъ государевыхъ и дворцовыхъ крестьянъ разумѣются сельскіе обыватели имѣній, составляющихъ (независимо отъ удѣльныхъ) личную собственность членовъ Императорской Фамиліи, и приписанныхъ къ дворцамъ. Изъ числа этихъ имѣній *одни* принадлежатъ всегда царствующему Императору, и называются государевыми. Они не считаются наравнѣ съ помѣщичьими

и перехода отъ одного Государя къ его преемнику на основаніи государственнаго, а не гражданскаго права, не подлежатъ раздѣлу, завѣщанію и другимъ видамъ отчужденія: сюда относятся имѣнія Царскосельское, Петергофское (въ вѣдомствѣ дворцовыхъ правленій) и нѣкоторыя имѣнія и волости Московской и Владимирской губерній, состоявшія прежде въ вѣдомствѣ московской дворцовой конторы, а съ 1858 года переданныя въ вѣдомство удѣльныхъ конторъ московской и владимірской. Другія имѣнія (както Гатчинское, Павловское, Ораніенбаумское, Стрѣленское и т. п.) называются въ особенности *дворцовыми* имѣніями, принадлежатъ членамъ Императорской Фамиліи на правѣ помѣщичьемъ, подлежатъ раздѣлу, завѣщанію и отчужденію, и переходятъ отъ отца къ лицу, на основаніи гражданскаго права. Сообразно этому, вѣдъ лично, въ 1834 году было объявлено высочайшимъ указомъ, что всѣ лица свободнаго сословія, имѣющія право приписываться къ казеннымъ и удѣльнымъ селеніямъ, могутъ приписываться только къ государевымъ имѣніямъ, а не къ дворцовымъ, какъ состоящимъ въ частномъ владѣніи. Теперь, съ измѣненіемъ характера дворцовыхъ имѣній, отмѣнено и это послѣднее запрещеніе.

Вслѣдъ за II продолженіемъ къ Своду Законовъ, вышли двѣ первыя части III продолженія, содержація въ себѣ узаконенія, состоявшіяся по 30 іюня 1859 года. Продолженія къ Своду Законовъ положено издавать впредь частями, по четыре части въ годъ. Безъ сомнѣнія, при этомъ имѣлось въ виду въ возможной скорости сообщать публикѣ новыя постановленія, приуроченныя къ общей системѣ Свода. Должно сказать однакоже, что при этомъ способѣ изданія Продолженій значительно умножаются затрудненія, соединенныя съ употребленіемъ Продолженій. Новое изданіе Свода появилось черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ прежняго. Въ концѣ этого періода, при отыскиваніи законовъ приходилось справляться съ 19-ю томами Продолженій. Если предположить, что слѣдующее изданіе Свода Законовъ появится также черезъ пятнадцать лѣтъ, то въ концѣ этого періода придется уже справляться съ 60-ю книгами, потому что каждая часть Продолженія раздѣлена на особые отдѣлы по томамъ Свода и заглавіямъ уставовъ, и при каждомъ отдѣлѣ всякій разъ прилагается особый указатель. Нельзя не опасаться притомъ, что этотъ способъ изданія Продолженій повлечетъ за собою и увеличеніе цѣны на книги законовъ, такъ какъ число печатныхъ листовъ, по необходимости, должно увеличиться повтореніемъ и дополненіемъ въ каждой части указателей. Первое Продолженіе продавалось по 1 р. 25 к., второе по 1 р. 80 к., а изъ выходящихъ нынѣ частей каждая стѣбитъ не менѣе 60 коп. сер.—Такая цѣна, дешевле коей, безъ сомнѣнія, нельзя было продавать книги такого объема, дѣлаетъ доступнымъ для немногихъ приобрѣтеніе Свода и его Продолженій.

когда мы имѣемъ случай сознаться въ кой-какихъ грѣшкахъ. Артуръ угѣшался сознаниемъ, что всѣ его проступки носили отпечатокъ благородной природы; то были проступки необузданности, горячей крови, проступки льва, но отнюдь не ползающаго, хитраго, пресмыкающагося созданія. Артуръ былъ рѣшительно не способенъ сдѣлать что-нибудь низкое, подлое или жестокое. «Правда, я чертовски горячій малый, и ринуться въ бѣду мнѣ ни почемъ; но я всегда устрою такъ, чтобы бѣда обрушилась на мои собственныя плечи.» Къ несчастію, бѣдамъ не свойственна поэтическая справедливость и, чаще всего, онѣ всею тяжестью своихъ послѣдствій караютъ не истиннаго виновника, вопреки его громко-выраженнымъ желаніямъ. Только, вслѣдствіе этого несовершенства въ природѣ вещей, Артуру случалось, кромѣ себя, еще кой-кого вовлекать въ хлопоты. Что у него было доброе сердце, это безспорно. Всѣ картины, которыя онъ рисовалъ себѣ въ будущемъ, когда войдетъ во владѣніе Имѣніемъ, представляли зажиточныхъ, довольныхъ фермеровъ, обожающихъ своего помѣщика, который служилъ бы образцомъ англійскаго джентльмена; домъ, поставленный на барскую ногу, щегольское убранство, изящный вкусъ, веселое житье, лучшій конный заводъ въ цѣломъ Ломширѣ; кошелекъ, открытый для всякаго общественнаго дѣла; однимъ словомъ, цѣлую обстановку, сколько возможно менѣе напоминающую то, что теперь неразлучно соединялось съ именемъ Донниторновъ. Одно изъ первыхъ дѣлъ, которыя онъ намѣревался совершить, это было—увеличить доходъ, получаемый Ирвиномъ съ гейслопскаго викарства, такъ чтобы онъ могъ завести карету для матери и сестеръ. Его сердечная привязанность къ ректору существовала съ возраста блузъ и панталончиковъ. Это было чувство, соединяющее въ себѣ почтительность сына съ привязанностью брата: въ немъ было на столько братской любви къ Ирвину, чтобы предпочитать общество Ирвина обществу большей части молодыхъ людей, и на столько любви сыновней къ нему же, чтобы сильно опасаться всякаго порицанія со стороны Ирвина.

Теперь вамъ ясно, какъ дважды два четыре, что Артуръ именно такой «добрый малый», какимъ онъ слылъ между школьными товарищами; онъ не могъ выносить равнодушно чужаго горя; въ самомъ дурномъ расположеніи духа огорчился бы всякою неприятностію, могущею приключиться его дѣду; и даже тетка его Лидія, пользовалась тою мягкою благосклонностію, которую онъ простираалъ на весь ея полъ. Имѣлъ ли онъ довольно власти надъ самимъ собой, чтобы вліяніе его на другихъ оставалось всегда такимъ безвреднымъ и чисто благотворнымъ, какъ желало его доброе сердце,—это былъ другой вопросъ, котораго, впрочемъ, еще никто не рѣшалъ не въ его пользу. Вспомните, что ему былъ толь-

ко двадцать первый годъ отъ роду: кто станетъ разбирать слишкомъ строго характеръ чело­вѣка, когда онъ красивъ, щедръ, молодъ и будетъ имѣть состояніе, которымъ можно прикрыть множество грѣшковъ; когда, приключись ему на бѣду, въ безумной скачкѣ переломить ногу бѣдняку, онъ въ состояніи былъ назначить ему хорошенькую пенсію; когда, еслибы случилось ему загубить жизнь женщины, онъ тотчасъ можетъ возстановить ея жизнь посред­ствомъ дорогихъ *bon-bons*, имъ самимъ уложенныхъ и надписан­ныхъ собственною его рукою? Смѣшно въ подобныхъ случаяхъ поз­волять себѣ нескромное разбирательство, какъ будто бы спраши наводятся о характерѣ и поведеніи какого-нибудь управителя.

Когда дѣло идетъ о молодомъ чело­вѣкѣ, богатомъ и знатномъ, то мы употребляемъ обыкновенно эпитеты благозвучные, общіе, бла­городные; а дамы, съ тѣмъ тонкимъ чутьемъ, которое составляетъ исключительную принадлежность ихъ пола, тотчасъ видятъ, что онъ «ми­лашка». Можно безошибочно предположить, что онъ про­живетъ жизнь, не приведа ни, одной изъ нихъ ни въ ужасъ, ни въ соблазнъ: достойный моря корабль, который никто не отка­жется застраховать. Безъ сомнѣнія, корабли подвержены разнымъ случайностямъ, обнаруживающимъ страшные недостатки въ ихъ постройкѣ, которые никогда бы не были замѣчены, оста­вайся они на спокойныхъ водахъ, и не одинъ «добрый малый» осуществилъ въ своей особѣ подобное разочарованіе.

Но мы не имѣемъ достаточнаго основанія предаваться небла­гопріятнымъ предчувствіямъ, касательно Артура Донниторна, ко­торый, нынѣшнимъ же утромъ, оказался способнымъ къ благо­разумной рѣшимости, основанной на внушеніяхъ совѣсти. Надо отдать ему справедливость. Природа его такова, что онъ никогда не сохранитъ совершеннаго спокойствія и самодовольствія, отблы­наясь слишкомъ далеко отъ прямаго пути, никогда не перей­детъ за пограничную черту грѣха, за ту черту, на которой должно выдерживать безпрестанныя нападенія съ добродѣтель­ной стороны. Онъ никогда не объявитъ себя царедворцемъ поро­ка, никогда не станетъ носить его цвѣтовъ въ своей петлицѣ.

Было около десяти часовъ; солнце великолѣпно сіяло. Вся при­рода казалась прекраснѣе отъ вчерашняго дождя. Пріятно въ такое утро идти по усыпанной пескомъ и гладко-убитой дорожкѣ къ конюшнѣ, замышляя поѣздку. Но запахъ конюшни, который, слѣ­дуя натуральному порядку вещей, долженъ бы быть въ числѣ вліяній, успокоивающихъ чело­вѣческую душу, всегда производилъ нѣкоторое раздраженіе въ Артурѣ. Онъ на конюшнѣ не имѣлъ права распоряжаться, а въ ней все было устроено самымъ скарднымъ образомъ. Дѣдъ его упорно держалъ во главѣ коню­ховъ стараго болвана, котораго никакимъ рычагомъ нельзя было

своротить съ допотопной колен; да еще притомъ ему дано было позволеніе набрать въ помощники толпу неотесанныхъ ломширскихъ парней, изъ которыхъ одинъ недавно обновилъ пару ножицъ, выкравши продолговатый клокъ шерсти у Артуровой гнѣдой кобылы. Развѣ такое положеніе вещей не огорчительно? Можно перенести бездну неприяностей въ домъ; но постоянно наткаться въ конюшнѣ на неприяности и безпорядки, скажите, не превышаетъ ли снль человѣческой плоти и крови долгое время выносить это и не впасть въ мизантропію?

Деревянная, съ глубокими морщинами рожа стараго Джона была первымъ предметомъ, который встрѣтили глаза Артура, когда онъ вошелъ на конный дворъ, и этотъ видъ отравилъ удовольствіе, съ которымъ онъ обыкновенно слушалъ лай двухъ гончихъ, неизмѣнныхъ стражей конюшни. Онъ никогда не могъ говорить совершенно терпѣливо съ старымъ болваномъ.

— Вы осѣдлаете для меня Мегъ, и подведете ее къ крыльцу въ половинѣ двѣнадцатаго, и въ то же время Раттлера для Пима. Слышите?

— Слышу, слышу, капитанъ, отвѣчалъ очень развязно старикъ Джонъ, слѣдуя за молодымъ сквайромъ въ конюшню.

Джонъ считалъ молодыхъ господъ природными врагами старыхъ слугъ, а молодыхъ людей, вообще, плохую надеждой для будущности міра.

Артуръ вошелъ въ конюшню, съ тѣмъ чтобы приласкать Мегъ, избѣгал, по возможности, смотрѣть на окружающіе предметы, чтобы не выйти изъ терпѣнія до завтрака. Красивое животное стояло въ одномъ изъ внутреннихъ стойлъ, и при входѣ своего господина повернуло къ нему умную, кроткую головку. Маленькій Трогъ, небольшая шпанская собака, ея неразлучный товарищъ, лежала покойно, свернувшись на спинѣ лошади.

— Да, да, Мегъ; да, моя красавица, мы нынче утромъ отвале-емъ славный галопъ.

— Ну, нѣтъ, ваша милость, не думаю я, чтобы это могло статься, замѣтилъ Джонъ.

— А отъ чего же нѣтъ?

— А отъ того, что она захромала.

— Захромала! Чортъ побери! Чтѣ вы говорите?

— Да, то, ваша милость, что паренъ подвелъ ее черезъ-чуръ близко къ Далтоновымъ лошадямъ; а одна изъ нихъ возьми да и лягнѣ ея; лягнула, да и зашибла ей ногу, переднюю...

Благоразумный разкащикъ воздерживается отъ точнаго описанія того, чтѣ воспослѣдовало. Вы понимаете, что тутъ было выговорено не мало крупныхъ словъ, смѣшанныхъ съ успокоительными прибаутками, обращенными къ Мегъ, во время осмотра

ея ноги; что Джонъ присутствовалъ при этомъ осмотрѣ съ столь же безстрастною фязіономіей, какъ, еслибъ онъ былъ искусно вырѣзанная дубина изъ яблоннаго дерева, и что, когда Артуръ Донниторнъ перешелъ обратно за желѣзную рѣшетку паря, то ему ужъ не припала охота распѣвать, какъ въ то время, когда онъ входилъ въ конюшню.

Артуръ чувствовалъ себя окончательно раздосадованнымъ и разстроенымъ. На конюшнѣ не было другихъ лошадей для него и слуги его, кромѣ Мегъ и Раттлера. Ну, не досадно ли? Вѣдь случись же это именно тогда, какъ ему нужно было на недѣлю, другую, уѣхать изъ дому. Провидѣніе было несправедливо, допусым подобное сцѣпленіе обстоятельствъ: быть заперту въ Чезъ съ переломленною рукой, когда всѣ полковые товарищи веселятся въ Виндзорѣ, съ дѣдомъ, который питаеть къ нему такого же рода привязанность, какъ къ своимъ древнимъ пергаментамъ. И переполняться отвращеніемъ и усталостію послѣ каждой попытки вмѣшаться въ управленіе домомъ или помѣстьемъ! Въ такихъ обстоятельствахъ человекъ необходимо приходитъ въ дурное расположеніе духа, и старается заглушить раздраженіе чувствъ тѣмъ или другимъ, болѣе или менѣе законнымъ способомъ. «Солкельдъ сталъ бы каждый день выпивать по бутылкѣ португвѣна, ворчалъ онъ сквозь зубы,—но я не довольно крѣпокъ для этого. Ну, ужъ если не могу ѣхать въ Игльдель, такъ, по крайней мѣрѣ, хочу проскакать на Раттлерѣ въ Норбернъ и завтракать съ Гауэномъ.»

Подъ этимъ, громко выраженнымъ намѣреніемъ скрывалось тайное. Если онъ позавтракаетъ и проболтаеть съ Гауэномъ, то вернется въ Чезъ не прежде пяти часовъ, когда Гетти будетъ уже въ комнатѣ экономки, внѣ опасности съ нимъ встрѣтиться. А выйдетъ она оттуда послѣ обѣда, въ тотъ часъ дня, когда онъ всегда отдыхаетъ и, слѣдовательно, онъ ея совсѣмъ не увидитъ. Да и то сказать, что за бѣда такая, что онъ былъ ласковъ съ хорошенькою дѣвочкой? Впрочемъ, надо признаться, что поболтать съ нею полчаса пріятнѣе, чѣмъ плясать съ цѣлою дюжиной свѣтскихъ красавицъ. Но, можетъ-быть, еще лучше было бы, еслибъ онъ совсѣмъ не обращалъ на нее вниманія; можетъ-быть, это въ самомъ дѣлѣ внушило ей взбалмошныя мысли, какъ намекалъ Ирвинъ; хотя Артуръ, съ своей стороны, совсѣмъ не считалъ дѣвушекъ такими нѣжными, ни ихъ сердецъ такими хрупкими. Вообще, на дѣлѣ, онъ находилъ ихъ вдвое холоднѣе и хитрѣе самого себя. Что касалось до возможности дѣйствительно повредить Гетти, объ этомъ и говорить было нечего. Артуръ Донниторнъ съ полною увѣренностію принималъ свое собственное ручательство за самого себя.

Итакъ, полуденное солнце застало его на пути къ Норберну. Къ счастью, Голселльскій общинный выгонъ лежалъ на его дорогѣ и доставилъ Раттлеру случай отличиться нѣсколькими прекрасными прыжками. Ничто, болѣе скачки черезъ рвы и кустарники, не усмиряетъ душевныхъ волненій, и я всегда удивлялся, какъ это центавры, съ ихъ огромными преимуществами въ этомъ отношеніи, оставили по себѣ такую дурную славу.

Послѣ этого, вы, можетъ-быть, удивитесь, узнавъ, что хотя Гауэнъ былъ дома, на башенныхъ часахъ замка едва пробило три, какъ Артуръ уже вѣзжалъ въ ворота и, спрыгнувъ съ тяжело дышавшаго Раттлера, входилъ въ домъ наскоро позавтракать. Но я полагаю, что и съ тѣхъ поръ встрѣчались люди, которые скакали, сломя голову, чтобъ избѣжать встрѣчи, а потомъ лѣтели стремглавъ назадъ, чтобы не пропустить ея. Любимая военная хитрость страстей нашихъ, это—сдѣлать притворное отступленіе, и быстрымъ движеніемъ сбить насъ съ ногъ въ ту самую минуту, какъ мы уже считали день своимъ.

— О! да какъ чертовски скакалъ капитанъ! замѣтилъ кучеръ Далтонъ, котораго фигура съ трубкой въ зубахъ, рельефно выступала на стѣнѣ конюшни, когда Джонъ вводилъ туда Раттлера.

— Я желалъ бы, чтобъ онъ взялъ себѣ чорта въ конюхи, проворчалъ Джонъ.

— Чтò жь, онъ тогда имѣлъ бы конюха, попригожѣ тепершняго, замѣтилъ Далтонъ, и эта острота показала ему до того удачною, что оставшись на сценѣ одинъ-одинехонекъ, онъ нѣсколько разъ вынималъ изо рта трубку, чтобы подмигивать воображаемымъ слушателямъ и сладостно сотрясаться нѣмымъ, брюшнымъ смѣхомъ, мысленно повторяя разговоръ сначала до конца, съ тою цѣлю, чтобы передать его съ надлежащимъ эффектомъ въ людской.

Когда Артуръ, кончивъ завтракъ, пошелъ обратно въ уборную, то утрення борьба его съ самимъ собой, не могла не мелькнуть въ его умѣ; но теперь ему невозможно было остановиться на этомъ воспоминаніи; невозможно было снова вызвать чувства и размышленія, которыя вдохнули ему такую твердую рѣшимость; такъ же невозможно, какъ воротить то особенное благоуханіе въ воздухъ, которое освѣжило его, когда онъ этимъ утромъ открылъ окно. Желаніе увидѣть Гетти нахлынуло на его душу, какъ дурно запруженный потокъ; онъ самъ удивлялся силѣ, съ которою эта прихоть, повидимому, столь пустая, овладѣла всѣмъ существомъ его. Онъ даже весь дрожалъ, приглаживая щеткой волосы, должно быть отъ того, что скакалъ такимъ сумазброднымъ галопомъ. А все потому, что сдѣлалъ серьезное дѣло изъ пустой вещи, думая объ немъ, какъ будто въ немъ есть какая-нибудь важ-

ность. Ну да, онъ позабавится, увидится сегодня съ Гетти; а потомъ и выбросить весь этотъ вздоръ изъ головы! Все это вива Ирвина. «Еслибъ Ирвинъ ничего не говорилъ, я бы и въ половину столько не думалъ о Гетти, сколько о хромоу ногъ Мегъ!» Однакожь день былъ именно такой, чтобы понѣжиться въ эрмитажъ: не пойдти ли туда и до обѣда дочитать, на досугъ, Муромъ *Зелуко*? Эрмитажъ находился въ сосновой рошѣ: прамая дорога для Гетти съ господской фермы. Такимъ образомъ, ничто не могло быть проще и натуральнѣе: встрѣча съ Гетти будетъ просто случайностію его прогулки, а не предметомъ ея.

Тѣнь Артура мелькала между могучими дубами Чэза проворнѣе, нежели можно было ожидать отъ тѣни человѣка усталого, въ жаркую, послѣполуденную пору, и едва пробило четыре часа, какъ онъ стоялъ уже передъ высокою, узкою калиткой, ведущею въ восхитительный лабиринтный лѣсокъ, окаймлявшій одну сторону Чэза и называемый Сосновою рошею, не потому, чтобы тамъ было много сосенъ, а потому, что ихъ было очень мало. Лѣсъ былъ буковый и липовый; кое-гдѣ мелькала легкая серебристостволоая береза,—именно тотъ родъ лѣса, въ которомъ любятъ скрываться нимфы; вы видите: бѣлые, озаренные солнцемъ члены, то блеснутъ сквозь вѣтви кустовъ, то вдругъ мелькнутъ изъ-за тихо колеблющихся очертаній высокой липы; въ васъ долетаетъ нѣжный, звонкій смѣхъ; но если вы вглядитесь слишкомъ любопытнымъ, нескромнымъ взоромъ, они исчезнутъ за серебристою березой; они заставятъ васъ подумать, что это говоръ журчащаго ручейка; быть-можетъ и сами превратятся въ проворную бѣлку, которая взлетаетъ на дерево и дразнить васъ оттуда, качаясь на самой вершинѣ. Эта была роша не съ расположеннымъ по мѣркѣ дерномъ, или дорожками, усыпанными пескомъ, но съ узкими, густо осыненными тропинками, которыя были окаймлены тонкими рядами нѣжнаго мха; тропинками, которыя были какъ будто добровольнымъ дѣломъ самихъ деревьевъ и кустарниковъ въ то время, какъ они съ почтеніемъ разступались передъ стройною царицею бѣлоногихъ нимфъ.

И вотъ, Артуръ Донниториъ пустился по самой широкой изъ этихъ тропинокъ, осыненной буками и липами. Была тихая послѣполуденная пора; золотые лучи медленно и томно пробирались сквозь высокія вѣтви, кой-гдѣ блистая на темной тропинкѣ и окаймлявшей ее рѣдко-разсыянной гирляндѣ мха; послѣполуденная пора, когда судьба завѣшиваетъ свое холодное, ужасающее лицо лучезарнымъ, полупрозрачнымъ покровомъ, обвиваетъ насъ теплыми мягкими крыльями и отравляетъ «иллюковымъ», ароматнымъ дыханіемъ. Артуръ брелъ-себѣ беззаботно впередъ, съ книгой подъ мышкой; но не смотря въ зем-

лю, какъ дѣлають люди, погруженные въ размышленіе. Глаза его устремлялись на отдаленный изгибъ дороги, а которомъ непремѣнно, въ непродолжительномъ времени, должна была явиться маленькая фигурка. Ахъ! вотъ она идетъ! вотъ показалось, сначала, красивое пестрое пятнышко, подобное тропической птичкѣ, порхающей между вѣтвями, потомъ мелькающей образъ въ круглой шляпкѣ съ маленькою корзинкой на рукѣ; потомъ вотъ и сама яркорумяная, почти испуганная, но весело улыбающаяся дѣвушка, дѣлающая поклонъ съ трепетнымъ, но счастливымъ взоромъ, когда Артуръ подошелъ къ ней. Еслибъ Артуръ имѣлъ время обо всемъ передумать, то ему показалось бы страннымъ, что и онъ также дрожалъ, краснѣлъ, самъ сознавалъ, что краснѣетъ; словомъ, смотрѣлъ и чувствовалъ себя такимъ дуракомъ, какъ еслибъ его засталъ кто-нибудь врасплохъ, а не встрѣтилъ онъ именно то, чего ожидалъ. Бѣдныя созданія! Какая жалость, что вы уже не въ золотомъ возрастѣ дѣтства, когда стояли бы вы лицомъ къ лицу, смотря одинъ другому въ глаза съ робкимъ удовольствіемъ; потомъ дали бы одинъ другому поцѣлуй, воздушный, какъ прикосновеніе крыла бабочки, и побѣжали бы, поиграть вмѣстѣ. Потомъ Артуру захотѣлось бы уйти домой на кровать съ шелковыми занавѣсами, а Гетти на подушку домашняго издѣлія, и оба заснули бы безъ мечтаній; а на завтра снова началась бы жизнь, едва сохранившая воспоминаніе о вчерашнемъ днѣ.

Артуръ повернулся назадъ, и пошелъ рядомъ съ Гетти безъ всякаго видимаго предлога. Они были одни въ первый разъ въ жизни. Какъ могуче впечатлѣніе такой первой встрѣчи! Онъ не осмѣливался взглянуть на маленькую молочницу въ продолженіи первыхъ двухъ или трехъ минутъ. Чтò касается до Гетти, то ноги ея покоились на облакѣ; ее несли на крыльяхъ теплые зѣфиры; она забыла свои розовыя ленты; она такъ же мало чувствовала свои члены, какъ, еслибъ ея ребяческая душа переселилась въ водяную лилію, покоящуюся на влажномъ ложѣ, согрѣтую лучами лѣтнаго солнца. Вы, пожалуй, найдете тутъ противорѣчіе, читатель; но Артуръ почерпалъ какую-то беззаботность и увѣренность въ самой своей застѣнчивости; это состояніе было совершенно другое, нежели то, въ какомъ онъ опасался почувствовать себя при встрѣчѣ съ Гетти; въ минуты молчанія, при всемъ его неясномъ волненіи, осталось мѣсто для мысли, что его прежнія опасенія и сомнѣнія были совершенно лишніи.

— Вы хорошо сдѣлали, что выбрали эту дорогу, промолвилъ онъ наконецъ, смотря на Гетти.—Она гораздо пріятнѣе и короче, чѣмъ тѣ, которыя идутъ черезъ деревню.

— Да, сэръ, отвѣчала Гетти дрожащимъ голосомъ и почти

шопотомъ. Она не имѣла ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ говорить съ джентльменами, подобными Артуру, и самое ея тщеславіе заставляло ее быть осторожною въ словахъ.

— Вы каждую недѣлю ходите къ мистрисъ Помфретъ?

— Да, сэръ, каждый четвергъ, кромѣ тѣхъ дней, когда онъ выѣзжаетъ съ миссъ Донниторнъ.

— И она васъ чему-то учитъ, кажется?

— Да, сэръ; чинить кружева, какъ она сама выучилась за грюницей и штопать чулки: оно выходитъ, точь въ точь, вязанье. Никто не скажетъ, что это штопано. Она учитъ меня также кроить.

— Развѣ вы хотите пойти въ горничныя?

— Чтò жь; я бы очень желала.

Гетти говорила громче, но голосъ ея все еще дрожалъ. Она думала про себя, «быть-можетъ, я кажусь ему такою же глупою, какъ мнѣ кажется Лука Бритнъ.»

— Я полагаю, миссъ Помфретъ всегда ждетъ васъ объ эту пору.

— Она всегда ждетъ меня въ четыре часа. Я сегодня опоздала; тетушка не могла безъ меня обойтись; настоящая пора четыре часа, потому что надо заняться, прежде чѣмъ миссъ Донниторнъ позвонитъ.

— А! такъ мнѣ не слѣдуетъ васъ задерживать, хотя я очень желалъ бы показать вамъ эрмитажъ? Были вы тамъ когда-нибудь?

— Никогда, сэръ.

— Вотъ дорожка, по которой къ нему сворачиваютъ. Но и мы пойдемъ туда. Я покажу вамъ его въ другой разъ, если вы хотите.

— Сдѣлайте милость, сэръ.

— Всегда ли вы возвращаетесь по этой дорогѣ вечеромъ; или можете, боитесь идти такимъ уединеннымъ мѣстомъ?

— О, нѣтъ, сэръ! вѣдь это никогда не бываетъ поздно. Я всегда выхожу въ семь часовъ; а теперь такіе свѣтлые вечера. Тетушка разсердилась бы на меня, еслибъ я не вернулась въ девяти часамъ.

— Можетъ-быть, Крегъ, садовникъ, васъ провожаетъ?

Яркій румянецъ облилъ лицо и шею Гетти.

— Ужь конечно нѣтъ! Ужь навѣрное никогда не провожалъ; я бы ему не позволила; я его терпѣть не могу! проговорила она торопливо, и слезы досады выступили такъ быстро, что прежде чѣмъ она договорила, свѣтлая капля катилась по ея горячей щекѣ. Потомъ ей до смерти стало стыдно, что она расплакалась, и на одно долгое мгновеніе все ея блаженство исчезло. Но вдругъ

она почувствовала, чья-то рука обвилась вокругъ нея, и тихій голосъ шепталъ ей:

— О чемъ же вы плачете, Гетти? Я совсѣмъ не хотѣлъ огорчить васъ. Я ни за что въ свѣтѣ не хотѣлъ бы огорчить васъ, мой милый цвѣточекъ. Перестаньте же, не плачьте; посмотрите на меня; а не то я подумаю, что вы на меня сердитесь.

Артуръ положилъ свою руку на нѣжную ручку, которая была къ нему ближе, и склонился къ Гетти съ робкою лаской во взорѣ. Гетти подняла свои длинныя, влажныя рѣсницы и встрѣтила его глаза, устремленные на нее съ нѣжнымъ, умоляющимъ взглядомъ. Какое неизмѣримое пространство времени заключали въ себѣ эти мгновенья, когда глаза ихъ встрѣчались, и руки его обвивали ее! Любовь—дѣло такое простое, когда намъ всего двадцать одинъ годъ, и когда кроткая, семнадцатилѣтняя дѣвушка трепещетъ подъ нашимъ взоромъ, какъ будто она цвѣточная почка, впервые, съ изумленнымъ восторгомъ, раскрывающая свою внутренность теплomu дыханію утра. Такія юныя, не тронутыя временемъ души, скользятъ на встрѣчу одна другой, подобно двумъ бархатнымъ персикамъ, которые, нѣжно подкатившись другъ къ другу, тотчасъ оба останавливаются; онѣ сливаются такъ же легко, какъ два ручейка, которые ничего больше не желаютъ, какъ только смѣшать свои струи и журчатъ въ вѣчно переплетающихся изгибахъ по самымъ тѣнистымъ, сокровеннымъ убѣжищамъ. Когда Артуръ смотрѣлъ въ темныя, умоляющіе глаза Гетти, ему было все равно, какимъ бы англійскимъ языкомъ она ни выражалась, и даже, еслибы пудра и фижмы были еще въ модѣ, онъ навѣрное не замѣтилъ бы, что Гетти не доставало этихъ признаковъ знатнаго происхожденія.

Но вотъ они отскочили другъ отъ друга, и сильно забились сердца ихъ! Что-то упало на землю съ внезапнымъ трескомъ; это была корзинка Гетти; всѣ ея рабочія вещицы, рассыпались по тропинкѣ, а нѣкоторыя выказывали даже намѣреніе укатиться на далекое разстояніе. Много было хлопотъ подбирать ихъ, и въ это время не было промолвлено ни одного слова; но когда Артуръ снова надѣлъ корзинку на руку дѣвушкѣ, бѣдное дитя замѣтило странную перемену въ его взорахъ и обращеніи. Онъ пожалъ ей руку и произнесъ съ такимъ взглядомъ и такимъ тономъ, которые показались ей оледеняющими.

— Я помѣшалъ вамъ; не хочу задерживать васъ долѣе. Васъ, вѣрно, ждутъ. Прощайте.

И не дожидаясь отвѣта, онъ отвернулся отъ нея и поспѣшилъ назадъ по дорогѣ въ эрмитажъ, и оставленная Гетти продолжала свой путь, какъ бы въ странномъ снѣ, который начался упоеніемъ восторга и превращался въ досаду и печаль. «Придетъ ли

онъ опять къ ней на встрѣчу, когда она пойдетъ домой? За чѣмъ онъ говорилъ съ нею, какъ будто онъ ею недоволенъ, а потомъ убѣжалъ такъ неожиданно? И она заплакала, сама не зная о чемъ.

Артуръ былъ также самъ не свой; но чувства его озарились болѣе яснымъ сознаніемъ. Онъ поспѣшилъ въ эрмитажъ, который находился въ срединѣ лѣса; нетерпѣливымъ движеніемъ распахнулъ дверь, захлопнулъ ее за собой, швырнулъ Зелуко въ самый отдаленный уголокъ, и, засунувъ правую руку въ карманъ, сперва прошелся три, четыре раза по тѣсному пространству маленькой комнатки; потомъ опустился на диванъ въ томъ неуютномъ натянутомъ положеніи, которое мы часто принимаемъ, когда не хотимъ отдаться своимъ чувствамъ.

Да; онъ готовъ былъ влюбиться въ Гетти; это ясно, какъ день. Онъ готовъ былъ отправить все на свѣтъ...куда бы то ни было чтобы предаться восхитительному чувству, которое только что возникло въ немъ. Безполезно было себя обманывать долѣе; онъ слишкомъ страстно полюбилъ другъ друга, если онъ будетъ попрежнему ухаживать за нею, а потомъ, что изъ этого выйдетъ? Черезъ нѣсколько недѣль ему нужно ѣхать, и бѣдная малышка будетъ несчастна! Онъ не долженъ видѣться съ нею наединѣ; онъ долженъ бѣжать отъ нея! Не безумецъ ли онъ, что уѣхалъ такъ рано отъ Гауэна?

Онъ всталъ и раскрылъ окна, чтобы впустить въ комнату сладостное дыханіе лѣтняго дня и здоровый запахъ сосенъ, ополскававшихъ эрмитажъ. Душистый воздухъ не помогъ его рѣшимости, и онъ высунулся изъ окна и вперилъ глаза въ завѣшанную лѣстовой даль. Но вскорѣ воля его показалась ему достаточно твердою; борьба съ самимъ собою—уже конченною. Онъ положилъ въ умѣ своемъ не встрѣчаться болѣе съ Гетти, и теперь могъ позволить себѣ помечтать, какъ безконечно было бы пріятно, еслибы обстоятельства были другія; какъ сладостно было бы встрѣтиться съ нею, вечеромъ, когда она пойдетъ домой, и опять обвить ее рукой и смотрѣть въ ея нѣжное лицо. Онъ спрашивалъ себя, думаетъ ли такъ же объ немъ милое, маленькое созданье, и готовъ былъ биться объ закладъ, что думаетъ. Какъ хороши были ея глаза съ слезами, повисшими на рѣсницахъ. Какъ бы онъ пламенно желалъ хоть одинъ только разъ наглядѣться на нихъ вдоволь! Да; онъ опять долженъ видѣться съ Гетти; *долженъ* не для чего другаго, а просто, чтобъ изгладить изъ ея ума всякое ложное впечатлѣніе отъ его сегодняшняго обращенія съ нею. Онъ станетъ говорить съ нею спокойнымъ, ласковымъ тономъ,—именно такъ, какъ слѣдуетъ, чтобъ она не вернулась домой съ головкой, наполненною вредными мечтами. Да, во всякомъ случаѣ, это средство будетъ самое лучшее.

Много прошло времени, — прошло болѣе часу, прежде нежели размышленія Артура достигли этой точки; но разъ достигнувъ ее, онъ не могъ болѣе оставаться въ эрмитажѣ. Необходимо было сократить движеніемъ время до свиданія съ Гетти; и было уже пора идти домой и одѣваться къ обѣду, потому что дѣдъ его обѣдалъ въ шесть часовъ.

ГЛАВА XIII.

ВЕЧЕРЬ ВЪ ЛѢСУ.

Случилось такъ, что у мистрисъ Помфретъ произошла перебранка съ мистрисъ Бестъ, эконожкой, въ этотъ же самый четвергъ, утромъ: обстоятельство, имѣвшее двойное послѣдствіе, въ высшей степени пріятное для Гетти. Оно было причиной, что мистрисъ Помфретъ пила чай въ своей комнатѣ, и оно же внушило этой образцовой горничной столь живое воспоминаніе о прежнихъ проказахъ мистрисъ Бестъ и о разныхъ разговорахъ, въ которыхъ она, мистрисъ Помфретъ, имѣла рѣшительный перевѣсъ надъ своею соперницей, что отъ Гетти не требовалось болѣе присутствія духа, какъ сколько было нужно, чтобы дѣйствовать иглой и, по временамъ, проаносить на удачу «да», или «нѣтъ». Ей хотѣлось надѣть шляпу и уйти ранѣе обыкновеннаго; но вѣдъ она сказала капитану, что пройдетъ рошей около восьми часовъ; что если онъ пойдетъ туда и будетъ ждать ее, а ея ужъ тамъ не будетъ? Придетъ ли онъ? Ея маленькая душоночка безпрестанно порхала какъ бабочка между воспоминаніемъ и тревожнымъ ожиданіемъ. Наконецъ, минутная стрѣлка старомодныхъ бронзовыхъ часовъ стала на послѣднюю четверть осьмага, и, по всѣмъ соображеніямъ была пора готовиться къ уходу. Озабоченный умъ мистрисъ Помфретъ не помѣшалъ ей замѣтить, что какая-то новая красота засіяла на личиѣ миленькаго созданія, когда она завязывала передъ зеркаломъ ленты своей шляпки.

«Право, это дитя часъ-отъ-часу хорошѣетъ, замѣтила она про себя. Тѣмъ хуже. Она отъ этого не найдетъ себя скорѣе ни мѣста, ни мужа. Благоразумные, порядочные мущины не охотно берутъ въ жены красавицъ. Когда я была въ дѣвкахъ, всѣ за мной ухаживали, даромъ, что я не была такъ хороша. А все-таки она должна быть мнѣ благодарна, что я обучаю ее кой-чему, чѣмъ добывать хлѣбъ, получше нежели работой на фермѣ. Мнѣ всегда говаривали, что у меня доброе сердце, и это правда, къ моему собственному вреду. Не будь я такъ добра, давно не было бы

въ домѣ такихъ, которые воображаютъ что могутъ мной поминать, потому что, видишь, экономки.»

Гетти торопливо перебѣжала небольшой кусочекъ сада, которымъ ей должно было пройти; она смертельно боялась встрѣчи съ мистеромъ Крегомъ, съ которымъ едвали была бы въ состояніи говорить вѣжливо. Какъ гора спала у нея съ плечь, когда она очутилась среди дубовъ и папортниковъ Чеза. Даже и тутъ она была готова каждую минуту затрепетать отъ страха, подобно лани, которая шмыгнула въ чащу при ея приближеніи. Она и не замѣчала вечерняго свѣта, который тихо лежалъ на мистическихъ тропинкахъ между папортниками и еще ярче обрисовывалъ живую ихъ зелень чѣмъ ослѣпительные лучи полуденнаго солнца; она не думала ни о чемъ, ее окружавшемъ. Она видѣла только то, что было возможно: мистера Артура Донниторна, идущаго ей на встрѣчу по Сосновой роощѣ. Это былъ передній планъ картины, которую рисовало воображеніе Гетти; далѣе, въ полупрозрачномъ туманѣ, носилось что-то, дивно прекрасное. Дни, которые совсѣмъ не похожи на прежніе дни ея жизни! Слово, она была обручена съ рѣчнымъ божествомъ, которое со временемъ могло взять ее въ свои чудесные, подводные чертоги. Послѣ этой странной минуты восхитительнаго упоенія, мыслей уже не было и не могло быть въ головкѣ Гетти. Еслибы вдругъ она получила неизвѣстно отъ кого шкатулку, полную кружевъ и атласу и дорогихъ камней, какъ бы ей было не подумать, что вся судьба ея готова измѣниться, и что завтра, новая, еще болѣе изумительная, радость сойдетъ на нее? Гетти никогда не читала романовъ; еслибы она даже раскрыла одинъ изъ нихъ, я думаю, что языкъ ихъ былъ бы для нея непонятенъ: гдѣ же ей было найти образы, въ которые облечь свои ожиданія? Они были неосвязаемы, какъ сладостное, тонкое благовоніе, которое нахнуло на нее, когда она проходила мимо воротъ чезскаго сада.

Вотъ она и у другихъ воротъ, ведущихъ въ Сосновую роощу. Она входитъ въ лѣсъ, гдѣ уже царствуетъ полумракъ, и, при каждомъ шагѣ впередъ, страхъ болѣе и болѣе стѣсняетъ ея сердце. Что, если онъ не придетъ! О, какъ тяжела была мысль, выйдти на другой конецъ лѣса, на открытую дорогу, не видѣвши его. Она тихимъ шагомъ достигла перваго поворота къ эрмитажу, — но его тамъ нѣтъ. Она ненавидитъ зайчика, перебѣжавшаго тропинку; она ненавидитъ всякій предметъ, который не то, что она жаждетъ видѣть. Она идетъ далѣе, счастливая, когда подходитъ къ повороту; быть-можетъ, онъ тамъ, за нимъ. Нѣтъ! Она начинаетъ плакать, сердце ея переполнилось, слезы накопились въ глазахъ; она громко всхлипнула; углы ея рта задрожали, и слезы бѣгутъ ручьями.

Она не знаетъ, что здѣсь, возлѣ нея, другой поворотъ въ эр-

митажъ, и что Артуръ Донниторнъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, полный одною мыслию, мыслию, въ которой есть мѣсто только для нея. Онъ опять идетъ на свиданіе съ Гетти; желаніе видѣть ее въ послѣдніе три часа возрасло въ немъ до лихорадочнаго безпокойства. Ужь, конечно, онъ идетъ не для того, чтобы говорить съ нею тѣмъ ласкающимъ тономъ, до котораго неосторожно увлекся передъ объѣдомъ; но чтобы все уладить, обращаясь съ нею съ пріятностію, которая будетъ имѣть видъ дружеской вѣжливости, и не дать ей уйти съ ложными понятіями объ ихъ отношеніяхъ.

Знай Гетти, что онъ тутъ, она не стала бы плакать; а оно было бы къ лучшему, потому что тогда Артуръ поступилъ бы, можетъ-статься, такъ благоразумно, какъ намѣревался. Какъ бы то ни было, она вся задрожала, когда онъ показался на концѣ боковой аллеи, и когда она взглянула на него, двѣ крупныя капли катились по ея лицу. Чтò жь оставалось ему дѣлать, какъ не заговорить съ нею нѣжнымъ, успокоивающимъ тономъ, какъ онъ заговорилъ бы съ ласковою левреткой, занозившею себѣ ногу?

— Не испугались ли вы чего, Гетти? Не видали ли чего въ лѣсу? Не бойтесь, я васъ провожу.

Гетти вся раскраснѣлась; она не знала, счастлива ли она, или несчастна. Опять въ слезахъ... чтò подумаетъ джентльменъ о дѣвушкѣ, которая то и дѣло плачетъ? Она не чувствовала себя даже въ силахъ вымолвить: «нѣтъ». Она могла только отвернуться отъ него и тихонько отереть слезы. Но прежде чѣмъ она успѣла это сдѣлать, крупная капля упала на ея розовыя ленты; она видѣла это очень хорошо.

— Подойдите-ка ко мнѣ, развеселитесь, красавица моя. Улыбнитесь мнѣ и разкажите въ чемъ дѣло. Подите сюда, разкажите мнѣ все.

Гетти повернула къ нему голову, прошептала: «я думала, вы не придете», и медленно собралась съ духомъ поднять на него глаза. Этого взгляда было слишкомъ много; нужно было имѣть глаза изъ египетскаго гранита, чтобы, въ отвѣтъ, не посмотреть на нее слишкомъ страстно.

— О, моя испуганная птичка! мой розанчикъ, покрытый росой, моя крошка! теперь не будете больше плакать, когда я съ вами, не будете?

Ахъ, онъ самъ не знаетъ, чтò говорить. Это совсѣмъ не то, чтò онъ хотѣлъ сказать. Рука его опять обвилась вокругъ ея стана, и все тѣснѣе сжимаетъ его; онъ наклоняется ближе и ближе къ ея круглымъ щечкамъ; губы его встрѣчаются съ пухленькими дѣтскими губками, и на долгое, долгое мгновеніе, время для нихъ исчезло. Чтò онъ такое? Аркадскій пастушокъ, первый ли юноша, цѣлующій первую дѣвушку? самъ Эросъ, жадно приль-

нувшій устами къ устамъ Психей? это все одно: онъ самъ ничего объ этомъ не знаетъ.

Послѣ того, нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Они шли рядомъ съ бьющимися сердцами, пока не достигли воротъ на другомъ концѣ лѣса. Тогда они посмотрѣли другъ на друга, уже совсѣмъ не такъ, какъ смотрѣли прежде; потому что въ глазахъ ихъ оставалось воспоминаніе поцѣлуя.

Но вотъ, что-то горькое начало примѣшиваться къ ихъ сладкому похмѣлью; Артуру опять стало не ловко. Онъ отнялъ руку отъ стана дѣвушки, и сказалъ:

— Вотъ мы и на концѣ рощи. Какъ поздно, прибавилъ онъ, вынимая часы, — двадцать минутъ девятаго; но вѣдь часы ии бѣгутъ. Однакожь, теперь, я лучше не пойду дальше. Бѣгите скорѣе своими маленькими ножками, и приходите домой благополучно! Прощайте!

Онъ взялъ ее за руку, и посмотрѣлъ ей въ глаза съ печальною, полу-принужденною улыбкой. Глаза Гетти, казалось, умоляли его помедлить; но онъ погладилъ ее по щекѣ и повторилъ:

— Прощайте!

Она была принуждена оставить его и продолжать путь.

Артуръ ринулся назадъ сквозь чащу, какъ будто чувствуя необходимость быть какъ можно дальше отъ Гетти.

Онъ не хотѣлъ идти назадъ въ эрмитажъ; онъ помнилъ, какъ боролся тамъ и спорилъ самъ съ собою до обѣда, и какъ всѣ его прекрасныя намѣренія обратились въ ничто, хуже чѣмъ въ ничто! Онъ пошелъ прямо въ Чазъ, радуясь, что выберется изъ рощи, въ которой, навѣрное, обитаетъ его злой духъ. Въ одномъ видѣ этихъ буковъ и роскошныхъ липъ было что-то разнѣжляющее; могучіе, узловатые стволы старыхъ дубовъ не имѣли въ себѣ этой обезсиливающей нѣги; видъ ихъ внушалъ нѣкоторую энергію. Артуръ терялся въ узкихъ тропинкахъ между папоротникомъ; онъ бродилъ кругомъ, не стараясь отыскать выхода, и тѣхъ поръ пока сумракъ сгустился подъ вѣтвями почти въ полную темь, и заяцъ, перебѣгая дорогу, казался совсѣмъ чернымъ.

Чувства волновались въ немъ несравненно сильнѣе, нежели утромъ. Съ нимъ происходило что-то похожее на то, какъ еслибы конь его вдругъ осмѣлился оспаривать у него владычество и повернулъ назадъ передъ барьеромъ. Онъ былъ недоволенъ собой, раздраженъ, уязвленъ, униженъ. Лишь только мысль его остановилась на томъ, что вѣроятно бы случилось, еслибы онъ далъ свободный ходъ чувствамъ, которыя закрались сегодня въ его душу, еслибы продолжалъ преслѣдовать Гетти своимъ вниманіемъ и при каждомъ удобномъ случаѣ позволялъ себѣ въ ея вѣнныя ласки, которыя онъ оказывалъ ей сегодня, умъ его отки-

вался вѣрить возможности такого будущаго! Ухаживать за Гетти было совершенно другое дѣло, нежели ухаживать за дѣвушкой одного съ нимъ званія; въ послѣднемъ случаѣ, каждое изъ дѣйствующихъ лицъ очень хорошо понимаетъ, что это одна забава; или, если забава обратилась въ чувство серьезное, то нѣтъ никакого препятствія къ брачному союзу. Но объ этой молоденькой дѣвочкѣ сейчасъ стануть отзываться дурно, случись только провѣдать кому-нибудь, что она прогуливается съ нимъ по вечерамъ. А потомъ, эти славные люди, Пойзеры, которымъ доброе имя ихъ такъ же дорого, какъ еслибы въ жилахъ ихъ текла благороднѣйшая кровь во всей провинціи! Да, онъ возненавидѣлъ бы себя, еслибы надѣлалъ подобнаго соблазна, и гдѣ же?—въ мнѣніи, которое современемъ должно было принадлежать ему, между фермерами, которыхъ уваженіемъ онъ такъ дорожить. Ему такъ же казалось невѣроятнымъ, что онъ способенъ до такой степени унизиться въ своемъ собственномъ мнѣніи, какъ и то, что онъ можетъ переломить себѣ объ ноги, и ходить всю остальную жизнь на костыляхъ. Онъ не могъ вообразить себя въ этомъ положеніи; это было слишкомъ гнусно, слишкомъ на него не похоже.

И еслибы даже никто объ этомъ и не узналъ, все равно: они могли бы слишкомъ пламенно полюбить другъ друга, и тогда все-таки, наконецъ, изъ этого ничего болѣе не могло выйдти, кромѣ страданій и разлуки. Ни одинъ джентльменъ, развѣ только въ балладахъ, не можетъ жениться на племянницѣ фермера. Необходимо было разомъ все покончить. Это было слишкомъ безумно.

А вѣдь онъ былъ одушевленъ такою твердою рѣшимостію сегоднѣ утромъ, передъ тѣмъ, какъ ѣхать къ Гауэну; и въ то время, какъ онъ былъ у него, что-то, вдругъ, съ такою силой имъ овладѣло и заставило его скакать домой! Онъ начиналъ догадываться, что не можетъ совершенно полагаться на свою рѣшимость, какъ думалъ прежде. Онъ почти желалъ, чтобы рука его опять разболѣлась; тогда онъ сталъ бы думать только объ облегченіи, которое чувствуешь, избавившись отъ боли. Кто могъ предугадать, какое побужденіе овладѣетъ имъ завтра, въ этомъ проклятомъ захолустѣ, гдѣ цѣлый Божій день не найдешь ничего, чѣмъ бы можно было заняться? Что дѣлать, чтобы впредь оградить себя отъ подобнаго безумія?

Оставалось одно средство: поѣхать и разказать все Ирвину. Да, онъ все ему разкажетъ! Стоить только разказать такія вещи, чтобъ онъ самому показались пошлыми. Испытаніе исчезнетъ, какъ исчезаетъ очарованіе милыхъ словъ, когда повторяешь ихъ равнодушна. Во всякомъ случаѣ, разказать обо всемъ Ирвину необходимо; это облегчитъ его. Итакъ онъ поѣдетъ въ Брокстонъ, завтра, тотчасъ послѣ завтрака.

Едва только Артуръ принялъ это намѣреніе, какъ сталъ разглядывать, которая изъ тропинокъ выведетъ его къ дому, и постарался выбрать самую прямую. Онъ былъ увѣренъ, что теперь заснетъ. Онъ довольно надѣлалъ всякаго рода движенія, чтобы утомить себя; а теперь ужь ему не было надобности размышлять.

ГЛАВА XIV.

Возвращеніе домой.

Въ то время, когда совершалась эта разлука въ лѣсу, другое прощаніе происходило въ коттеджъ, и Лизбета стояла съ Адамомъ у дверей, напрягая свои старые глаза, чтобы бросить послѣдній взглядъ на Сета и Дину, которые взбирались на противоположный склонъ.

— Эхъ! жаль мнѣ смотрѣть на нее въ послѣдній разъ! сказалъ она Адаму, когда они вернулись въ домъ. — Мнѣ хотѣлось бы имѣть ее при себѣ, пока я умру и лягу возлѣ моего старика. Онъ бы и смерть облегчила, она такъ пріятно говоритъ и такъ тихо хлопочетъ! Слово, это съ нею картинка снята, что въ новой Библіи, ангелъ сидящій на большомъ камнѣ у гроба. Эхъ! такую дочь не худо бы мнѣ имѣть; да вѣдь теперь никто не беретъ такихъ, чтобы на что-нибудь годились!

— Чтò жь, матушка, я надѣюсь, она и будетъ твою дочерью. Сету она очень полюбилась; надѣюсь, что и Сеть ей полюбится современемъ.

— Ну, къ чему ты это говоришь? Она и думать не хочетъ о Сетѣ. Она, вишь, идетъ за двадцать миль отсюда. Какъ же она можетъ полюбить его, желала бы я знать? Это все равно, какъ тѣсту взойти безъ дрожжей! Кажется, твои книжки съ картинками могли бы тебя научить уму-разуму; а не то, лучше бы тебѣ держаться простыхъ книжекъ, какъ Сеть.

— О, нѣтъ, матушка, сказалъ Адамъ, смѣясь, — чертежи учатъ насъ многому, и мы бы далеко безъ нихъ не ушли; они ничего не говорятъ о чувствахъ людей. Сеть, добрыйшій мальчикъ и мальчикъ не глупый, а также и изъ себя не дуренъ; да онъ и однихъ мыслей съ Диною. Онъ стòитъ ея, хотя нельзя не сказать, что она славная дѣвушка. Такую дѣвушку не всякій день встрѣтишь.

— Да! ты всегда горой за брата; это все та же пѣсня съ тѣмъ поръ, какъ вы были маленькими ребятами. Ты все съ нимъ радъ былъ дѣлать. Къ чему ты тутъ его припуталъ? Какъ ему жениться?

Вѣдь ему всего двадцать-три года. Ему нужнѣе учиться, да наживать копѣйку. А стоить ли онъ ея, или нѣтъ, она все-таки двумя годами старше Сета, почитай, что тебѣ ровесница. Но въ томъ-то и дѣло. Люди всегда выбираютъ, что на нихъ не похоже: кто самъ хорошѣ, норовитъ взять себѣ жену похуже.

Для ума женщины, въ извѣстномъ настроеніи, всѣ предметы, *могущіе* быть, получаютъ временную прелесть отъ сравненія съ тѣмъ, что *есть*, и такъ какъ Адамъ не хотѣлъ жениться на Динѣ, Лизбета досадовала на это точно также, какъ досадовала бы, еслибъ онъ захотѣлъ на ней жениться, и отказаться отъ Мери Борджъ и товарищества съ отцомъ ея.

Было уже больше половины девятаго, когда Адамъ разговаривалъ такимъ образомъ съ матерью, такъ что, когда десять минутъ спустя, Гетти пришла на поворотъ дороги, ведущей къ фермѣ, то увидѣла Дину и Сета, которые приближались съ противоположной стороны, и остановилась, дожидаясь, чтобъ они къ ней подошли. И они также не много опоздали, потому что Дина ласковыми словами старалась утѣшать своего товарища и укрѣплять его въ минуты прощанія. Но увидѣвъ Гетти, они остановились, и пожали другъ другу руки: Сетъ воротился домой, а Дина подошла къ Гетти.

— Сетъ подошелъ бы и поговорилъ бы съ вами, другъ мой, сказала она,—но онъ сегодня совсѣмъ разстроенъ.

Гетти отвѣчала разсѣянною улыбкой, какъ-будто бы она не совсѣмъ поняла сказаннаго, и странную противоположность представляя видъ этой блестящей, погруженной въ себя красоты, съ спокойнымъ, полнымъ состраданія лицомъ Дины, съ ея открытымъ взоромъ, который говорилъ, что сердце ея жило не собственными, милыми ему тайнами, но чувствами, которыя оно жаждало раздѣлить съ цѣлымъ свѣтомъ. Гетти любила Дину больше чѣмъ какую-либо другую женщину, и можно ли ей было не любить той, у которой всегда было для нея ласковое слово, когда тетка ее журила, и которая всегда была готова избавить ее отъ Тотти, общей баловницы, но нисколько не занимательной для Гетти. Дина не сказала Гетти ни одного слова порицанія или упрека, во все время своего пребыванія на фермѣ. Она много говорила съ ней въ серьезномъ тонѣ; но Гетти это было не въ тягость, потому что она никогда не вслушивалась. Что бы Дина ни говорила, она почти всегда кончала тѣмъ, что гладила Гетти по щекѣ и исправляла за нее какую-нибудь работу. Дина была загадкой для Гетти; Гетти смотрѣла на нее такъ, какъ, должно-быть, маленькая лѣсная птичка, которая въ силахъ только порхать съ вѣтки на вѣтку, смотреть на быстрый полетъ ласточки, или на стремленіе жаворонка въ небеса; но она также мало за-

ботилась о разрѣшеніи такихъ загадокъ, какъ мало желала знать, что изображали картинки въ *Страствованіи Иллариана* или въ старой Библии въ листъ, которою Марти и Тотти вѣчно надѣдали ей по воскресеньямъ.

— Вы, сегодня, кажетесь такою счастливою, милое дити сказала Дина, взявъ ее подъ руку.— Въ Сноуфильдѣ я часто стаю о васъ думать и видѣть передъ собой ваше лицо, какъ вижу его теперь. Странное дѣло! Часто, когда я, одна-одинехонька, сижу въ своей горницѣ съ закрытыми глазами, или брожу по холмамъ, люди, которыхъ я видѣла и знавала, хотя бы то было на короткое время, вдругъ являються передо мною. Я слышу ихъ голоса, вижу ихъ лица яснѣе, нежели когда-нибудь ихъ видѣла и слышала, когда они въ самомъ дѣлѣ были со мной, и я могла до нихъ дотрогиваться. И тогда сердце мое стремится къ нимъ, и я участвую въ ихъ судьбѣ, какъ въ своей собственной, и утѣшаюсь, поручая ее волѣ Господней, и успокоиваюсь въ упованіи на любовь его, какъ къ нимъ, такъ и ко мнѣ. Такъ точно, я увѣрена, вы будете являться передо мною.

Она остановилась на минуту, но Гетти ничего не отвѣчала.

— Какое драгоценное было для меня время, продолжала Дина,— прошлая ночь и нынѣшній день! Утѣшительно видѣть такихъ добрыхъ сыновей, какъ Адамъ и Сеть Биды. Они такъ нѣжны, такъ внимательны къ старой матери. Она разказала мнѣ все, что дѣлалъ Адамъ въ послѣдніе годы, чтобы помогать отцу и брату: это удивительно, какой въ немъ духъ мудрости и любознани, и какъ онъ готовъ весь его употребить на пользу имъ, слабымъ. И я увѣрена, что у него также любящая душа. Я часто молчала между моими земляками въ Сноуфильдѣ, что сильные, смѣшленные мужчины бываютъ самые добрые къ женщинамъ и дѣтямъ. Такъ мило видѣть, какъ они носятъ маленькихъ ребятъ, какъ будто-бы они не тяжелѣе птичекъ. И дѣти, кажется, также больше любятъ, чтобъ ихъ нянчили сильныя руки. Я увѣрена, что также и Адамъ Бидъ. А вы, какъ думаете, Гетти?

— Да, отвѣчала Гетти разсѣянно, потому что умъ ея во все это время носился въ лѣсу, и она съ трудомъ могла бы сказать, на что изъявляла свое согласіе. Дина замѣтила, что она не расположена говорить; да и некогда было разговаривать долѣе, потому что онѣ были уже у воротъ фермы.

Тихій сумракъ, съ замирающимъ багровымъ отблескомъ на западѣ и рѣдкими слабо мерцавшими звѣздами, лежалъ на дворѣ фермы, гдѣ не слышно было ни одного звука, кромѣ топота рабочихъ лошадей въ конюшнѣ. Прошло около двадцати минутъ послѣ солнечнаго заката, птицы посѣли на нашествіи; бульдогъ лежалъ, растянувшись на соломѣ передъ своею канурой; а возлѣ него

черная, съ бурными пятнами собака, когда скрипъ отворившейся калитки встревожилъ ихъ и заставилъ, какъ добрыхъ сторожей, залаять, не зная на кого.

Лай произвелъ свое дѣйствіе и въ домѣ, потому что въ то время, какъ Дина и Гетти подходили ближе, двери заслонила мощная фигура съ румянымъ лицомъ и черными глазами, одаренными способностію смотрѣть чрезвычайно пронизательно и, при случаѣ, въ торговые дни, даже презрительно; но въ которыхъ въ эту минуту преобладало послѣужинное выраженіе спокойствія и благодушія. Всѣмъ извѣстно, что многіе великіе ученые, выказавшіе самую безжалостную язвительность въ критикѣ на произведенія своихъ собратій, были кроткаго и снисходительнаго характера въ частной жизни; и мнѣ разказывали объ одномъ ученомъ мужѣ, который смиренно качалъ близнецовъ въ колыбели лѣвою рукой, и въ то же время правою хлесталъ ѣдкими сарказмами противника, обнаружившаго грубое незнаніе еврейскаго языка. Можно простить слабости и заблужденію, — увы! они и намъ не чужды; но ученый, который толкуетъ превратно предметы такой необъятной важности, какъ еврейскія гласныя, — о! съ такимъ человѣкомъ слѣдуетъ поступать, какъ съ врагомъ человѣческаго рода. Точно такимъ сочетаніемъ противоположностей отличался и Мартинъ Пойзеръ. Сущность его характера была такая благородная, что онъ сдѣлался ласковѣе и почтительнѣе чѣмъ когда-либо съ старымъ отцомъ, съ тѣхъ поръ, какъ тотъ передалъ ему въ полное владѣніе все свое имущество, и никто не судилъ такъ снисходительно ближняго во всѣхъ личныхъ отношеніяхъ; но къ фермеру, каковъ былъ, напримѣръ, Лука Бритнъ, у котораго поля не были достаточно разчищены, который былъ лишенъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній о загородахъ и рвахъ и выказывалъ такую крайнюю опрометчивость при покупкѣ зимнихъ запасовъ, Мартинъ Пойзеръ былъ жестокъ и непреклоненъ, какъ сѣверо-западный вѣтеръ. Лука Бритнъ не могъ сдѣлать ни одного замѣчанія, хотя бы то было о погодѣ, чтобы Мартинъ Пойзеръ не открылъ въ немъ слѣдовъ того же неразумія и невѣжества, которыя такъ явно выказывались во всѣхъ его земледѣльческихъ предпріятіяхъ. Онъ не могъ видѣть равнодушно этого лѣнтяя, подносящаго къ губамъ оловянную кружку въ общей комнатѣ *Короля Георга*, въ торговый день, и одна встрѣча съ нимъ на большой дорогѣ вызывала на лицо Мартина строгое и насмѣшливое выраженіе, какъ небо отъ земли различное отъ отеческаго взгляда, которымъ онъ привѣтствовалъ племянницъ. Мистеръ Пойзеръ уже докуривъ вечернюю трубку и держалъ руки въ карманахъ, — вѣдь больше нечего и дѣлать человѣку, ко-

торый продолжаетъ бодрствовать, окончивъ благополучно всю дневную работу.

— А! дѣвки! вы нынче что-то черезъ-чуръ запоздали, сказалъ онъ, когда онѣ дошли до маленькой калитки, ведущей въ сѣни. — Хозяйка ужъ начинала тревожиться; а тутъ и малютка что-то захворала у нея. Ну, какъ вы оставили старуху Бидъ, Дина? Что она все убивается по мужъ? А вѣдь онъ, въ послѣднія пять лѣтъ, былъ для нея плохая подмога.

— Она была чрезвычайно поражена его смертію, сказала Дина, — но теперь, кажется, не много утѣшилась. Сынъ ея Адамъ цѣлый день оставался дома, работая надъ гробомъ отца; а она любить видѣть его дома. Она почти цѣлый день говорила со мной о сынѣ. У ней любящее сердце, только нрава-то она ужъ черезъ-чуръ раздражительнаго и заботливаго. Я бы желала, чтобъ она имѣла болѣе надежную опору для утѣшенія ея старости.

— Адамъ, кажется, опора, хоть куда надежная, отвѣчалъ Мартинъ Пойзеръ, давая обратный смыслъ желанію Дины. — За него нечего бояться, что изъ него не выйдетъ ничего путнаго. Онъ не изъ тѣхъ, что одна пустая солома, безъ зеренъ. Я поручусь за него, что онъ до послѣдняго издыханія будетъ добрымъ сыномъ. Не говорилъ онъ, что забѣжитъ къ намъ, на дняхъ? Но войдите, войдите, прибавилъ онъ, давая имъ дорогу. — Не хочъ васъ задерживать.

Высокія строенія вокругъ двора заслоняли большую часть неба, но широкое окно впускало довольно свѣта въ кухню, чтобы въ ней все было видно. Мистрисъ Пойзеръ, сидя въ качающемся креслахъ, принесенныхъ изъ «гостиной», старалась уснуть маленькую Тотти. Но Тотти не расположена была спать и, при входѣ двоюродныхъ сестеръ, встала и выказала пару раскраснѣвшихся щекъ, которыя казались еще толще, обхваченныя полотнянымъ ночнымъ чепчикомъ.

Въ углу, на лѣво отъ камина, въ широкихъ съ камышевою спинкой креслахъ, сидѣлъ старикъ Пойзеръ, еще бодрый, но сморщенная и блѣдная тѣнь своего плотнаго черноволосаго сына. Голова его немного склонилась впередъ, а локти отодвинулись назадъ, такъ что вся передняя часть руки могла покоиться на ручкѣ креселъ. На колѣняхъ у старика былъ разостланъ синій платокъ, которымъ онъ повязывалъ голову, когда выходилъ изъ дома. Такъ онъ сидѣлъ, наблюдая происходившее вокругъ него тѣмъ спокойнымъ, *внѣшнимъ* взоромъ здоровой старости, которая, неспособная болѣе интересоваться внутренними драмами, высматриваетъ булавки на полу, слѣдитъ за малѣйшими движеніями присутствующихъ съ безсознательнымъ и безнамѣ-

реннымъ постоянствомъ, подстерегаетъ колебаніе пламени, или отраженіе солнца на стѣнѣ, считаетъ квадратики на полу, слѣдуетъ даже за маятникомъ часовъ и радуется внутренно, подмѣтивъ сложный ритмъ въ его мѣрномъ стукѣ.

— Это чтò за манера приходитъ домой ночью, Гетти? сказала мистрисъ Пойзеръ.—Посмотрите-ка на часы; видите, ужъ перешло за половину десятаго. Я вотъ ужъ полчаса какъ уснула дѣвочкѣ спать; да и то еще черезъ чуръ поздно. Вѣдь имъ завтра вставать въ половинѣ пятаго, готовить обѣдъ для косцовъ, да хлѣбы печь; а здѣсь эта малютка, Христось съ нею, въ лихорадкѣ. Ужъ съ чего это, Богъ вѣдаетъ. Разгулялась такъ, что ни въ одномъ глазѣ сна, словно въ полдень, и никого нѣтъ, чтобы хоть помочь лѣкарство ей дать, кромѣ вашего дяди. А куда ему за такія дѣла браться? половину снадобья пролилъ ей на кофту, и проглотила она такъ мало, что отъ этого, чай, больше вреда ей будетъ, чѣмъ пользы. Да вѣдь у людей, которымъ ни до кого дѣла нѣтъ, ужъ такое счастье. Ихъ какъ нарочно не сыщешь, когда имъ что поручить надо.

— Я вышла прежде восьми часовъ, тетушка, сказала Гетти надувшись, и съ нетерпѣливымъ движеніемъ головы.—Но эти часы, Богъ знаетъ, какъ уходятъ впередъ противъ чезскихъ. На нихъ никогда не потрафишь.

— Чтò? По вашему, небось, и часы переставляй на дворянскій манеръ, да сиди поздно вечеромъ, да свѣчи жги? А тамъ нѣжся въ постель, пока не припечетъ тебя солнушко, какъ огурецъ въ парникъ! Часы, кажется, не въ первый разъ сегодня поставлены.

Дѣло въ томъ, что Гетти точно забыла эту разницу, когда сказала капитану, что выходила изъ *чеза* въ восемь; и это обстоятельство, вмѣстѣ съ ея медленною походкой, заставило ее опоздать получасомъ, противъ обыкновеннаго. Но тутъ вниманіе тетки было отвлечено отъ этого щекотливаго предмета движеніями Тотти, которая, замѣтивъ, наконецъ, что отъ прихода сестеръ для нея собственно не оказалось никакой прибыли, принялась кричать: «Мамма, мамма!» и разразилась плачемъ.

— Ну, ну, сокровище ты мое безцѣнное, мамма съ тобой; мамма тебя не броситъ; Тотти умница, Тотти пойдетъ спать, говорила мистрисъ Пойзеръ, откидываясь назадъ и раскачивая кресла, и съ тѣмъ вмѣстѣ, стараясь угнѣздить Тотти возлѣ себя. Но дѣвочка заливалась еще громче и повторяла: «не хочу, не хочу» такъ что мать съ тѣмъ чуднымъ терпѣніемъ, которое любовь сообщаетъ самымъ нетерпѣливымъ характерамъ, опять выпрямилась, прижала свою щеку къ полотняному чепчику и, цѣлуя его, забыла бранить Гетти.

— Подите сюда, Гетти, сказалъ мистеръ Пойзеръ примиреннымъ голосомъ; — подите, возьмите свой ужинъ въ шкапу; со стола-то ужъ все убрано. А потомъ вы придете и возьмете малютку, пока тетка ваша раздѣнется, а то вѣдь она не ляжетъ въ постель безъ матери. Да я думаю и вамъ не худо бы съѣсть кусочекъ, Дина, вѣдь имъ тамъ, чай, сегодня было не до угощенья.

— Благодарю васъ, дядюшка, сказала Дина; — я хорошо пообедала, передъ тѣмъ какъ пошла. Мистрисъ Бидъ непременно захотѣла испечь для меня пирогъ.

— Я не хочу ужинать, сказала Гетти, снимая шляпу. — Я могу тотчасъ взять Тотти, если тетушкѣ угодно.

— Вотъ еще! Это что за глупости! сказалъ мистеръ Пойзеръ. — Вы вѣрно воображаете, что можно жить, не ѣвши, или штатъ свою плоть, накалывая на шляпку красныя ленты? Ступайте, сейчасъ же возьмите свой ужинъ, дитя: тамъ, въ шкапѣ, славный кусокъ холоднаго пуддинга, какой вы очень любите.

Гетти молча повиновалась, а мистрисъ Пойзеръ продолжала обращаясь къ Динѣ:

— Садитесь, милая, да смотрите такъ, повеселѣе. Бьюсь объ закладъ, старуха рада была васъ видѣть, что вы такъ долго застались?

— Да, подъ конецъ, кажется, ей было пріятно; но сыновья говорятъ, что она вообще не любитъ молодыхъ женщинъ вокругъ себя; и мнѣ-таки показалось сначала, что она разсердилась на меня за то, что я пришла.

— Ну, это плохое дѣло, когда старики не любятъ молодежь, промолвилъ старикъ Мартинъ, еще ниже наклоняя голову и такъ будто стараюсь снять на глазъ рисунокъ квадратцевъ на шл.

— Эхъ! плохо жить на курятникѣ тому, кто не любить мухъ, сказала мистрисъ Пойзеръ. — Небось всѣ мы, в свое время, были молоды, на горе ли себѣ, или на радость.

— Но надо же ей когда-нибудь привыкнуть и къ молодымъ женщинамъ, сказалъ мистеръ Пойзеръ; — вѣдь нельзя же ожидать, что Адамъ и Сеть останутся холостяками еще дѣтъ на десять, чтобъ угодить матери. Это было бы слишкомъ неблагоприятно. Ни старымъ, ни молодымъ не слѣдуетъ все мѣрить на свой аршинъ. Живи, и давай жить другимъ. Что для одного хорошо, въ свою пору хорошо и для всѣхъ вообще. Я самъ люблю, когда молодые парни женятся, прежде чѣмъ могутъ отличить дикое яблоко отъ садоваго; но и слишкомъ долго ждать — также не годится.

— Вѣстимо, сказала мистрисъ Пойзеръ, — коли перетерпишь обѣденное время, мало найдешь вкусу въ кушаньѣ. Ворочаешь его, ворочаешь вилокъ, а ѣсть все-таки не ѣшь. Ты говоришь, кушанье виновато, а вина-то вѣдь въ твоемъ желудкѣ.

Гетти вернулась изъ буфета и сказала:

— Я могу взять теперь Тотти, тегушка, если вамъ угодно.

— Пойдемъ, Рахиль, сказалъ мистеръ Пойзеръ, такъ какъ жена его колебалась, видя, что Тотти наконецъ спокойно угнѣздилась въ креслахъ;—ты лучше дай Гетти отнести ее наверхъ, пока мѣсть раздѣнешся. Ты устала. Пора и тебѣ отдохнуть. Опять у тебя разболится бокъ.

— Ну, пусть она возьметъ ребенка, коли онъ пойдетъ къ ней.

Гетти подошла къ кресламъ, и стояла безъ обыкновенной своей улыбки и не дѣлая никакого покушенія приглубить Тотти; но просто ожидая, чтобы тетка подала ей ребенка.

— Хочешь пойдти къ сестрицѣ Гетти, моя милашка, а мамка пока раздѣнется, чтобы лечь въ постельку? А тамъ Тотти пойдетъ на постельку къ мамкѣ, и будетъ спать съ нею всю ночь?

Но прежде чѣмъ мать успѣла договорить, Тотти отвѣтила самымъ недвусмысленнымъ образомъ: она нахмурила брови, закусила зубенками нижнюю губу и, вытянувшись впередъ, ударила Гетти по рукѣ изо всей мочи. Потомъ, не говоря ни слова, снова прижалась къ матери.

— Ой, ой, сказалъ мистеръ Пойзеръ, между тѣмъ какъ Гетти стояла неподвижно,—нейдешь къ кузинѣ Гетти? Ай, какой стыдъ! Эдакъ дѣлаютъ маленькіе ребята, а Тотти большая; Тотти умница, а не ребенокъ.

— Чтò ее попусту уговаривать, сказала мистрисъ Пойзеръ.— Она вѣчно ссорится съ Гетти, когда больна. Не пойдетъ ли она къ Динѣ?

Дина, снявъ шляпку и большой платокъ, до тѣхъ поръ смирно сидѣла въ отдаленномъ углу комнаты, не желая вмѣшиваться въ то, чтò считалось прямою обязанностію Гетти. Но при этомъ вызовѣ, она встала и, протягивая руки, сказала:

— Пойди ко мнѣ, Тоттичка. Дай Динѣ снести тебя съ мамой наверхъ. Бѣдная, бѣдная мама! Она такъ устала! Ей нужно пойдти въ постельку.

Тотти повернула лицо къ Динѣ и съ минуту на нее смотрѣла; потомъ приподнялась, протянула рученки и позволила Динѣ взять себя съ груди матери.

Гетти отвернулась, не показывая ни малѣйшаго признака досады, и, взявъ шляпу со стола, остановилась, ожидая съ равнодушнымъ видомъ, не дадутъ ли ей еще какого приказанія.

— Можно теперь запереть ворота, Пойзеръ. Аликъ, чай, давно вернулся, сказала мистрисъ Пойзеръ, вставая съ своего низкаго кресла, съ успокоеннымъ видомъ—Передайте мнѣ спички, Гетти; надо зажечь ночникъ въ моей комнатѣ. Пойдемъ, батюшка!

Тяжелые дубовые засовы загремѣли на воротахъ, и старикъ

Мартинъ приготовился встать, собравъ синій платокъ и доставъ изъ угла гладкую, узловатую палку орѣховаго дерева. Мистрисъ Пойзеръ открыла шествіе изъ кухни, а за ней двинулись дѣдушка, и Дина, съ Тотти на рукахъ, и всѣ отправились спать при послѣднихъ лучахъ зари, какъ птицы. По дорогѣ, мистрисъ Пойзеръ завернула въ комнату, гдѣ спали ея два сына, взглянула на лежащія на подушкѣ румяныя, круглыя ихъ щеки, и прислушивалась съ минутою къ ихъ легкому правильному дыханію.

— Ну, Гетти, пойдѣмъ и мы спать, сказалъ мистеръ Пойзеръ успокоительнымъ тономъ, приготовляясь самъ идти наверхъ. — Я увѣренъ, что вы безъ намѣренія опоздали; но тетка ваша сегодня измучилась. Покойной ночи, дитя мое, покойной ночи.

ГЛАВА XV.

ДВѢ СПАЛЬНИ.

Рядомъ, во второмъ этажѣ фермы, находились спальни Дины и Гетти; бѣдноубранныя комнаты, въ которыхъ не было даже сгавень, чтобы защититься отъ свѣта; и теперь, мерцаніе угасающаго дня, заимствуя новую силу отъ восходившаго мѣсяца, озаряло ихъ на столько, что Гетти могла совершенно-удобно раздѣваться и двигаться по комнатамъ. Она очень хорошо различала деревянныя вѣшалки въ старомъ расписномъ шкапу, на которомъ она повѣсила шляпу и платье; могла разсмотрѣть головку каждой булавки въ своей красной подушечкѣ, и даже видѣть свое собственное изображеніе въ старомодномъ зеркалѣ, съ ясностію, совершенно достаточною, если принять въ соображеніе, что ей оставалось только пригладить волосы и надѣть ночной чепчикъ. Несносное старое зеркальце! Гетти выходила изъ терпѣнія, почти всякій разъ, какъ одѣвалась передъ нимъ. Въ свое время оно было красивымъ зеркаломъ и, вѣроятно, перешло въ семейство Пойзеровъ, четверть вѣка тому назадъ, при публичной продажѣ мебели изъ какого-нибудь дворянскаго дома. Даже и теперь, аукціонеръ могъ бы сказать кой-что въ его похвалу: на рамкѣ сохранилось еще много потускнѣвшей позолоты; оно стояло на твердой подставкѣ краснаго дерева, обильно снабженной ящичками, когорые, когда ихъ выдвигали, выпрыгивали вонъ съ внезапнымъ щелчкомъ, выбрасывая изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ положенные въ нихъ предметы, такъ, что не нужно было самому доставать ихъ. Главнымъ же его украшеніемъ были два мѣдные подсвѣчника, по

одному на каждой сторонѣ; что окончательно придавало ему аристократическій видъ. Но Гетти не жаловала этого зеркала, потому что на поверхности его было разсыяно безчисленное множество тусклыхъ пятнышекъ, которыхъ ничѣмъ нельзя было стереть. Къ тому же, вмѣсто того, чтобы наклоняться назадъ и впередъ, какъ слѣдуетъ всякому порядочному зеркалу, оно было утверждено въ отвѣсномъ положеніи, такъ что ей можно было видѣть свою голову и шею не иначе, какъ сидя передъ нимъ на низкомъ стулѣ. А то, что служило туалетнымъ столомъ, былъ повсене столъ, но какой-то узкій ветхій комодъ, и сидѣть передъ нимъ было неловко до-нельзя, потому что толстыя мѣдныя ручки выдвигныхъ ящиковъ больно нажимали колѣни и мѣшали сѣсть удобнѣе, или подвинуться къ зеркалу поближе. Но когда же фанатики останавливаются передъ неудобствами, которые препятствуютъ имъ въ исполненіи ихъ религіозныхъ обрядовъ? Гетти, въ этотъ вечеръ, еще болѣе обыкновеннаго была расположена къ свойственному ей фанатизму. Скинувъ платье и бѣлый шейный платокъ, она достала ключъ изъ широкаго кармана, висѣвшаго съ наружной стороны ея юбки, отперла одинъ изъ нижнихъ ящиковъ комода, вынула два коротенькіе восковые огарка, тайкомъ кушленные въ Треддльстонѣ и воткнула ихъ въ мѣдныя подсвѣчники. Потомъ, отыскала коробочку съ спичками и зажгла свѣчки, и наконецъ достала маленькое, въ красной рамкѣ, зеркальце безъ пятенъ. Въ это зеркальце она заглянула сперва, устѣвшись передъ туалетомъ. Она смотрѣлась въ него съ минуту, улыбаясь и поворачивая голову; потомъ, положила его и вынула щетку и гребенку изъ верхняго ящика. Ей захотѣлось распустить волосы и причесаться точно такъ, какъ была причесана дама на картинкѣ въ уборной миссъ Лидіи Донниторнъ. Вздумано и слѣдано. По плечамъ рассыпались блестящіе темные кудри. То не были тяжелые, массивные, курчавые волосы, но мягкіе, шелковистые, разбѣгающіеся нѣжными кольцами при малѣйшемъ движеніи. Она откинула ихъ назадъ, чтобы совершенно походить на картинку, такъ что они образовали темную занавѣску, на которой рельефно выставлялась ея бѣлая круглая шейка; потомъ, она положила щетку и гребень и стала глядѣть на себя, сложивъ на груди руки, точь въ точь, какъ на картинкѣ. Какъ ни старо было зеркало, какъ ни испещрено пятнами, оно все-таки отражало прелестный образъ, не менѣе прелестный отъ того, что корсетъ у Гетти былъ не изъ бѣлаго атласа, какъ слѣдуетъ быть у настоящей героини романа, но изъ темной зеленоватой бумажной матеріи.

О, да! она была очень хороша собой! Капитанъ Донниторнъ находилъ это. Она была лучше, нежели кто-нибудь въ цѣломъ

Гейслопъ; лучше всѣхъ дамъ, которыхъ она видала въ чезлѣ; да и право, богатыя дамы большею частію бываютъ старыя и дурныя; лучше миссъ Бекнъ, дочери мельника, которую называли треддльстонскою красавицею. Гетти смотрѣла на себя и этотъ вечеръ, съ совсѣмъ иными ощущеніями, нежели прежде вокругъ нея носился невидимый зритель, котораго взоры покоились на ней, какъ утреннее сіяніе на цвѣткѣ. Сладостный шлолъ, опять и снова, нашептывалъ ей ласковыя слова, которыя она слышала въ лѣсу; рука его обнимала ея станъ, и нѣжный розовый запахъ волосъ его все еще преслѣдовалъ ее. Самая тѣлесная женщина не имѣетъ полного сознанія своей красоты и тѣхъ поръ, пока ее не полюбитъ тотъ, кто въ свою очередь и ставилъ звучать струны ея сердца.

Но Гетти видно нашла, что чего-то не доставало въ ея убранствѣ; она поднялась и достала изъ шкапа старый шарфъ и черныя кружева и длинныя серьги изъ заветнаго ящика; лежали свѣчи. Шарфъ былъ изношенный, весь въ дырахъ; онъ все-таки оказался прекрасною рамкой для ея плечъ, и вѣтннлъ ихъ бѣлизну отъ ея голыхъ рукъ. Ей захотѣлось также и нуть сережки, которыя были у ней въ ухахъ — у! какъ брава ея тетка, за то, что она проняла себѣ уши! — и надѣть длинныя: правда, онѣ были сдѣланы изъ цвѣтнаго стекла и позолоченной мѣди, не болѣе; но для того, кто не зналъ, изъ что онѣ сдѣланы, онѣ казались ничѣмъ не хуже тѣхъ, какія носили богатыя дамы.

И, вотъ, она опять усѣлась передъ зеркаломъ, съ огромными серьгами въ ухахъ, въ черномъ кружевномъ шарфѣ, накинута на плечи. Она взглянула на свои руки. Онѣ были прекрасны отъ плечъ до самаго локтя, и даже немного ниже; онѣ были бѣлы и полны, съ ямочками, какъ ея шея; но около кисти, онѣ съ немалой ея досадѣ, загрузбѣли отъ битья масла и другихъ работъ, которыми не занимаются важныя дамы.

Капитанъ Донниторнъ, конечно, не потерпитъ, чтобъ она должна заниматься грубою работою; онъ, вѣрно, захочетъ, чтобъ она ходила въ красивомъ нарядѣ, тонкихъ башмакахъ и бѣлыхъ чулкахъ, — быть-можетъ, еще съ шелковыми стрѣлками. А къ онъ, должно-быть, очень любить ее; еще никто никогда не обнималъ и не цѣловалъ ее такимъ образомъ.

Онъ, вѣрно, захочетъ на ней жениться и сдѣлать ее дамою... Она едва смѣла предаться этой мысли; но какъ же иначе? Жениться на ней, разумѣется тайно, какъ мистеръ Джемсъ, помощникъ доктора, женился на своей племянницѣ; и долгое время ни кто этого не зналъ и не вѣдалъ; а потомъ ужъ, какъ спохватились, было поздно сердиться. Докторъ при ней самъ разказывалъ обѣ

этомъ ея теткѣ. Она не знала, какъ все это устроится; но одно было совершенно ясно для нея; Боже сохрани, чтобы когда-нибудь провѣдалъ объ этомъ старый сквайръ! Гетти едва не падала въ обморокъ отъ благоговѣнія и страха всякій разъ, какъ попадалась ему на глаза въ чезль. Конечно, онъ былъ существо смертное, какъ и всѣ мы грѣшныя; но никогда не приходило ей на умъ, что и онъ, когда-то, былъ молодъ, подобно другимъ людямъ. Онъ и прежде и всегда былъ старымъ сквайромъ, передъ которымъ все трепетало. И ума не приложишь, какъ это будетъ? Но, ужъ это дѣло капитана Донниторна. Онъ важный господинъ и долженъ во всемъ имѣть свою волю, и можетъ купить все, что ни пожелаетъ. И прежняя жизнь ея ужъ не воротится, и будетъ она знатною барыней, станетъ разъѣзжать въ каретѣ, и къ обѣду убирать голову перьями и надѣвать шелковое платье, шитое золотомъ, которое волочится по землѣ, какъ у миссъ Лидіи и леди Деси, когда онѣ шли въ столовую, однажды, вечеромъ; а она, украдкой, глядѣла на нихъ изъ оффиціантской, въ маленькое круглое окошечко. Только она будетъ не старая, безобразная дама, какъ миссъ Лидія, и не такая толстая претолстая, какъ леди Деси; но хорошенькая, съ волосами причесанными на множество разныхъ манеровъ, и иногда въ розовомъ, иногда въ бѣломъ платьѣ; она еще не рѣшила, которое лучше. И Мери Борджъ, а можетъ, и всѣ сосѣди, увидятъ, какъ она разъѣзжаетъ въ собственной каретѣ; или, лучше сказать, услышатъ объ этомъ. Она не могла себѣ представить, чтобы все это происходило въ Гейслопѣ, передъ глазами ея тетки! При мысли о такомъ величіи, Гетти встала со стула, и при этомъ задѣла концомъ шарфа за маленькое зеркальце въ красной рамкѣ и оно съ трескомъ стукнулось объ полъ; но она была такъ поглощена своими грезами, что не дала себѣ труда поднять его; только слегка вздрогнувъ, она принялась гордо прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ своею голубиною поступью, въ цвѣтномъ корсетѣ и пестрой юпкѣ, въ поношенномъ кружевномъ шарфѣ и съ длинными стеклянными подвѣсками въ ушахъ. И какъ хороша была плутовка въ этомъ странномъ нарядѣ! Какъ не влюбиться въ нее до безумія! Какая нѣжная, младенческая круглота во всѣхъ очертаніяхъ ея лица и тѣла! а мягкія, темныя кольца волосъ, роскошно выюціяся вокругъ ушей и шейки! а большіе, темные глаза, подъ длинными рѣсницами, предательски-нѣжныя и странно-чарующіе, словно, изъ нихъ выглядываетъ лукавый демонъ!

Ахъ! не счастливцевъ ли тотъ, кто поведетъ къ вѣнцу такую прелестную невесту! Какъ станутъ ему завидовать мужчины, которые соберутся на свадебный пиръ и увидятъ ее, идущую съ нимъ объ руку, украшенную кружевомъ и померанцовыми цвѣ-

тами! Милое, кругленькое, нѣжное, гибкое созданіе! Вѣдь, же правда ли, и сердце ея должно быть непремѣнно такъ же нѣжно, характеръ такъ же чуждъ угловатостей; нравъ такъ же гибокъ. Если что-нибудь пойдетъ не ладно, то ужь, навѣрное, виноватъ будетъ мужъ: ясно, что онъ можетъ сдѣлать изъ нея все, что ни захочетъ. А влюбленный, пожалуй, подумаетъ такъ: она, милочка, меня любитъ ея маленькіе капризы такъ очаровательны; я не хотѣлъ бы, чтобы она была на волосъ благоразумнѣе; эти взгляды, эти кошачьи ухваточки, это именно то, что нужно человѣку, чтобы сдѣлать дозъ его раемъ. Всякій мужчина, въ подобныхъ обстоятельствахъ, убѣденъ, что онъ великій фizioномистъ. У природы, разсуждая, онъ, свой собственный языкъ, который она употребляетъ съ строжайшею правдивостію; и онъ внутренно считаетъ себя посвященнымъ въ тайны этого языка. Для него природа отпечатлѣла характеръ его невѣсты въ восхитительныхъ очертаніяхъ щекъ, губокъ и подбородка; въ вѣкахъ, нѣжныхъ какъ лепестъ цвѣтка; на длинныхъ рѣсницахъ, загнутыхъ на подобіе цвѣточныхъ тычинокъ и осѣняющихъ темную, влажную глубь чудныхъ глазъ! Какъ страстно она будетъ любить своихъ дѣтей! Она сама почти дитя, и розовыя круглыя созданьица окружатъ ея какъ бутончики распутившейся цвѣтокъ; а мужъ станетъ любоваться на нихъ, добродушно улыбаясь; свободный, когда ему вздумается удалиться въ святилище своей мудрости, на которое кроткая жена взираетъ съ почтеніемъ и только издали, и никогда не осмѣливаясь отдернуть съ него завѣсу. Однимъ словомъ, бракъ, какіе совершались въ золотомъ вѣкѣ, когда всѣ мужчины были мудры и величественны и всѣ женщины нѣжны и прекрасны.

Такъ-то, или приблизительно такъ, думалъ другъ нашъ Адамъ о Гетти; только онъ облакалъ свои мысли въ другія слова. Если ей случалось обходиться съ нимъ съ спѣсивою холодностію, онъ говорилъ себѣ: «это потому только, что она не довольно любитъ меня!» И онъ былъ убѣжденъ, что любовь ея, кого бы она ни вздумала ея осчастливить, была бы драгоценнѣйшимъ благомъ, которымъ мужчина могъ обладать на землѣ. Прежде чѣмъ станете презирать Адама за недостатокъ проницательности, спросите себя, пожалуста, были ли вы когда-нибудь расположены думать невыгодно о хорошенькой женщинѣ? соглашались ли вы когда-нибудь, безъ доказательствъ, ставящихъ въ тупикъ, повѣрить дурнымъ слухамъ о той, единственной, безконечно-прелестной женщинѣ, которая васъ очаровала? Нѣтъ: охотники до пушистыхъ персиковъ не думаютъ объ ихъ косточкѣ, а подъ часъ страшно портятъ объ нее зубы.

Точно такъ же думалъ о Гетти и Артуръ Доннитортъ, во

крайней мѣрѣ, на сколько онъ взялъ на себя трудъ подумать о сущности ея характера. Онъ былъ увѣренъ, что она милое, любящее, доброе созданище. Мущина, пробуждающій въ молодой дѣвушкѣ боязливое, подчиняющееся чувство, всегда считаетъ ее любящею; и если случается ему заглядывать въ будущее, навѣрное, онъ представляетъ себя благоразумно-привязаннымъ къ ней, и то потому, что бѣдное созданіе такъ страстно его любитъ, что жить безъ него не можетъ. Такими ужъ создалъ Богъ этихъ милыхъ женщинъ, и это очень удобно, особенно на случай болѣзни... Я вообще полагаю, что мудрѣйшій изъ насъ, хоть разъ въ жизни, бываетъ обманутъ подобнымъ образомъ; и что всѣ мы погрѣшали, считая людей лучшими или худшими, нежели каковы они въ самомъ дѣлѣ. У природы есть свой языкъ, — правда, и она не лжива; но мы еще не постигли всѣхъ тонкостей этого языка, и при поспѣшномъ чтеніи намъ часто случается впадать въ ея слова смыслъ, совершенно противный истинному. Напримѣръ: длинныя темныя рѣсницы? что можетъ быть восхитительнѣе? Мнѣ самому невозможно не предположить нѣкоторой глубины чувства за глубокими сѣрыми глазами, которые опушены длинными темными рѣсницами, вопреки опыту, который доказалъ мнѣ, что они могутъ быть сопряжены съ лукавствомъ, корыстолюбіемъ и тупоуміемъ. Но когда, обманутый такимъ образомъ, я довѣрялся тусклымъ рыбьимъ глазамъ, то сходство въ результатахъ оказывалось изумительнымъ. Наконецъ, начинаешь подозрѣвать, что не существуетъ прямого соотношенія между рѣсницами и нравственностію; или, что онѣ выражаютъ душевныя качества какой-нибудь прабабушки нашей красавицы; что въ сущности мало до насъ касается.

Не было на свѣтѣ рѣсницъ, прекраснѣе Геттиныхъ. И въ эту минуту, когда она прохаживается по комнатѣ голубиною поступью и посмагиваетъ на свои плечи, окруженныя старымъ чернымъ кружевомъ, ихъ темная бахрома выставляется въ полной красотѣ на розовой ея щекѣ. Ея ограниченное воображеніе способно рисовать лишь темныя, неясно-очерченныя картины будущаго; но въ каждой изъ этихъ картинъ главная фигура *она*, въ прекрасномъ платьѣ; капитанъ Донниторнъ близко, очень близко отъ нея, обнимаетъ ея станъ, быть-можетъ, цѣлуетъ ее; а всѣ удивляются и завидуютъ ей; въ особенности Мери Борджъ, и ея новое ситцевое платье кажется такимъ бѣднымъ возлѣ ослѣпительнаго наряда Гетти. Примѣшивается ли какое-нибудь сладкое или грустное воспоминаніе о прошломъ къ этимъ мечтамъ о будущемъ; какая-нибудь умилительная мысль объ ея вторыхъ родителяхъ, о дѣтяхъ, которыхъ она помогала нянчить; о подругѣ юности; о любимомъ животномъ;

хоть о какомъ-нибудь завѣтномъ остаткѣ ея собственнаго дѣтства? Никакая! Есть растенія, почти не имѣющія корней; и можете вырвать ихъ изъ роднаго утеса, чтобы посадить ихъ въ красивый горшокъ, и они будутъ цвѣсть не хуже прежнихъ. Гетти была способна разстаться вдругъ со всею прошлою своею жизнью и никогда болѣе не позаботиться объ ней. Я думаю въ сердцахъ ея не было никакого чувства къ старому дому, она не любила ни царскихъ свѣчъ въ саду фермы, ни длинной горюхи изъ шиповника, болѣе другихъ цвѣтовъ; быть-можетъ, дѣла менѣе. Непостижимо, какъ мало она, повидимому, заботилась о дядѣ, который былъ для нея вторымъ отцомъ; она никогда не догадывалась подать ему трубку вовремя, безъ его приказанія развѣ, тутъ былъ посѣтитель, которому она хотѣла дать случку полюбоваться собой, проходя мимо очага. Гетти не понимала, можно ли любить людей пожилыхъ? Что касается до веселыхъ ребятешекъ: Марти и Томми и Тотти, то они были для нея сущимъ наказаніемъ; она находила ихъ нестерпимыми, не жужжащихъ насѣкомыхъ, которыя то и дѣло лѣзутъ къ ней въ жаркій лѣтній день, когда вамъ такъ хочется остаться въ покоѣ. Марти, старшій, былъ ребенкомъ, когда она поступила на ферму; потому что дѣти, родившіяся прежде него, померли. Такимъ образомъ, всѣ трое, одинъ послѣ другаго, поступили на воспитаніе Гетти, и были неразлучно при ней: то бродили около нея по лугу; то, въ дождливый день, играли возлѣ нея въ полупустыхъ комнатахъ большаго стараго дома. Мальчики уже вышли изъ-подъ ея надзора; но Тотти все еще, цѣлый Божій дѣл терзала ее, и хуже всѣхъ прочихъ дѣтей, потому что ни съ какими изъ нихъ такъ много не было возни. Шитью и починкою тряпокъ конца не было. Еслибы Гетти сказали, что она въ жизнь свою не увидитъ больше дѣтей, она не знала бы, какъ благодарить Бога. Они были еще несноснѣе маленькихъ вышканныхъ барашковъ, которыхъ пастухъ, во время ягнени, приносилъ въ домъ, чтобы за ними особенно ухаживали; — отъ барашковъ-то рано или поздно избавишься! Что касается до цыплятъ и индюшекъ, то Гетти возненавидѣла бы самое слово «содержаніе», еслибы тетка не приманила ее къ птичному двору: обидѣла ей цѣну одной птицы изъ каждаго выводка. Кругленькія пушистыя цыплята, выглядывающіе изъ-подъ крыла настыли никогда не трогали ея и не доставляли ей ни малѣйшаго удовольствія. Она была равнодушна къ прелестямъ такого рода: ее прельщали только тѣ обновки, которыя она покупала на тредстонской ярмаркѣ на деньги, за нихъ вырученныя. А между тѣмъ, какъ была она очаровательна, какія у ней появлялись милыя ямочки на щекахъ, когда, бывало, наклонится и станетъ рас-

кладывать моченый хлѣбъ по куринымъ клѣткамъ! Надо было имѣть необыкновенную прозорливость, чтобы подозрѣвать ее въ такомъ жестокосердіи. Работница, курносая и рябая Молли, имѣла въ сущности нѣжное сердце и, какъ говаривала мистрисъ Пойзеръ, была «сокровище» въ уходѣ за птицей; но ея глупая рожа нисколько не выражала материнскихъ движеній ея сердца, точно такъ же, какъ глиняный горшокъ не пропускаетъ свѣтъ лампы, которая въ немъ поставлена.

Вообще, передъ женскимъ глазомъ всего скорѣе обнаруживаются нравственные несовершенства, прячущіяся за «сладостнымъ обманомъ» красоты. Не удивительно поэтому, что мистрисъ Пойзеръ, при своей проникательности и при безпрестанныхъ случаяхъ для наблюденія, успѣла оцѣнить довольно вѣрно ту степень чувства, на которую была способна Гетти, и въ минуты негодованія съ большою откровенностію высказывала мужу свое мнѣніе объ этомъ предметѣ:

— Хоть всѣ перемри въ приходѣ, она все себя будетъ ядиться! да охорашиваться, словно павлинь, что гуляетъ по стѣнѣ, распутивъ хвостъ на солнышкѣ! Да есть ли на бѣломъ свѣтѣ что-нибудь такое, отъ чего бы у нея перевернулось сердце? И то ей было ни почемъ, когда мы думали, что Тотти упала въ колодезь! херувимчикъ-то нашъ! И подумать страшно! а какъ нашли мы ее у дальняго водопоя; башмачонки завязали въ грязи; сама плачетъ, что сердце надрывается! А Гетти наша и бровью не повела, — я сама видѣла, — даромъ, что нянчила дитя въ колыбели! Мое мнѣніе таково, что сердце у нея тверже кремня.

— Ну полно, полно! возражалъ мистеръ Пойзеръ, ты къ Гетти слишкомъ строга! Молодые дѣвки, что незрѣлое зерно; перемелется, мука будетъ; а теперь молодо-зелено. Ты увидишь, что Гетти переимѣнится, какъ будутъ у ней мужъ и свои дѣти.

— Мнѣ что къ ней строгой-то быть? У дѣвки золотыя руки и она можетъ быть полезна, когда захочетъ. Мнѣ плохо пришлось бы безъ нея съ масломъ; въ этомъ дѣлѣ она очень проворна. Да тамъ, будь, что будетъ; а я всячески стараюсь исполнить свой долгъ къ мужниной племянницѣ и исполнила его. Обучила ее всему, какъ слѣдуетъ, въ домѣ, и учила уму-разуму, не жалѣючи груди; даромъ что, видитъ Богъ, грудь у меня совсѣмъ плоха, а подчасъ такъ схватить, что страхъ да и только! Съ тремя дѣвками въ домѣ, мнѣ нужно бы вдвое силы противъ теперешняго, чтобы держать ихъ въ повиновеніи. Это все равно, что жарить мясо на трехъ сковородахъ: ты одно поливаешь, а другое, ужь, смотри, горитъ.

Гетти такъ боялась тетки, что старалась скрыть отъ нея свою суетность, на сколько это было возможно безъ слишкомъ боль-

шихъ жертвъ. Она не въ силахъ была противиться искушенію потратить деньги на разныя мелочи для своего туалета, хотя и стрисъ Пойзеръ всякій разъ крѣпко ее журила за это; но она умерла бы со стыда и страха, еслибы тетка въ эту минуту открыла дверь и застала ее при свѣтѣ восковыхъ огарковъ, съ гдѣмъ видомъ расхаживающую по комнатѣ, въ шарфѣ и сергѣ съ подвѣсками. Чтобы предупредить подобную внезапность, она всегда, въ подобныхъ случаяхъ, запирала дверь на ключокъ, и въ нѣбольшій вечеръ не забыла этой предосторожности. И хорошо сдѣлала: потому что вдругъ послышался легкій стукъ въ дверь, и Гетти съ ускореннымъ біеніемъ сердца, бросилась задувать свѣчи и прятать ихъ въ ящикъ. Она не имѣла времени вынуть изъ ушей серегъ; но сдернула шарфъ и спустила его на полъ, прехвѣлымъ стукъ повторился.

Мы узнаемъ причину этого стука, если оставимъ на короткое время Гетти и вернемся къ Динѣ, въ ту минуту, когда она покидала Тотти на руки матери и отправилась въ свою спальню. Тотая, какъ мы уже сказали, была рядомъ съ спальней Гетти Дина очень любила окно своей спальни. Оно было во второмъ этажѣ высокаго дома, и потому открывало ей обширный видъ на поля. Подъ самымъ окномъ толща стѣны образовала широкую ступеньку, на которую Дина могла поставить стулъ. И теперь первымъ ея дѣйствіемъ, войдя въ комнату, было сѣсть на этотъ стулъ и взглянуть на мирныя поля, за которыми, прямо надъ глазами, посаженными вдоль изгороди, выплывалъ широкій фронтъ мѣсяца. Еще болѣе нравился ей видъ пастбища, гдѣ отдымали дойныя коровы, и возлѣ него лугъ, гдѣ трава, до половины съшенная, лежала посеребренными, волнистыми полосами. Сердце ея было печально: ей оставалось только одну ночь смотреть на поля, которыхъ она, быть-можетъ, долго, долго уже не увидитъ въ не красота мѣстности, которую она покидала, такъ дѣйствовало на нее; для нея и мрачный, холодный Снофильдъ имѣлъ свою прелесть,—она думала о милыхъ ей жителяхъ этихъ мирныхъ полей; о тѣхъ, которые въ послѣднія недѣли были предметомъ ея постоянной заботы, в отыны и навсегда, займутъ мѣсто въ ея вѣщномъ воспоминаніи. Она думала о борьбѣ и усталости, которыя предстояли имъ въ будущемъ на остаткѣ жизненнаго пути; когда она будетъ далеко отъ нихъ, и ничего уже не узнаетъ о томъ, что съ ними происходитъ. Гнетъ этой мысли вскорѣ сдѣлался слишкомъ тягостнымъ, и не позволялъ ей наслаждаться безотвѣтною тишиной озаренныхъ мѣсяцемъ полей. Она закрыла глаза, чтобы ощутить надъ собой присутствіе вѣчной любви, еще сильнѣе и глубже, чѣмъ при созерцаніи земли и неба. Такимъ способомъ Дина любила молиться въ уединеніи. Просто, закрыть глаза и чѣ-

СОВРЕМЕННАЯ ЛІТОПИСЬ

Изъ Праги М. И. СУХОМЛИНОВА.

Замѣтка объ отношеніяхъ правленія Главнаго Общества Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ къ акціонерамъ. — П. — Н. Н. ВОСКОВОЙНИКОВА.
Рѣчь, произнесенная лордомъ Джономъ Мелемъ въ городѣ Абердинѣ въ Шотландіи.

Рѣчь принца Альберта въ Британскомъ Обществѣ Споспѣшествующей Наукамъ.

Политическое Обзорѣніе.

Внутреннія Извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1859 ГОДЪ

ВЪ КОНТОРАХЪ РУССКАГО ВѢСТНИКА:

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

При Конторѣ Типографіи Каткова и К^о, въ Армянскомъ переулкѣ, и при книжной лавкѣ г. Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

При книжной лавкѣ г. Барина на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника* въ Москвѣ.

Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ, съ пересылкою и доставкою на домъ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬ ДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ СЕРЕБРОМЪ.

Печатать позволено.

Октября 19 го. Ценсоръ А. Драшусовъ.

Ценсоръ Гилларовъ-Платоновъ.